Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XLV Международная филологическая научная конференция

14–21 марта
2016 года

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2016

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

Информация о конференции представлена на сайте
http://conference-spbu.ru/conference/32/

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

д. б. н. — доктор биологических наук
д. иск. — доктор искусствоведения
д. и. н. — доктор исторических наук
д. культ. — доктор культурологии
д. п. н. — доктор педагогических наук
д. ф. н. — доктор филологических наук
д. филос. н. — доктор философских наук
к. иск. — кандидат искусствоведения
к. и. н. — кандидат исторических наук
к. культ. — кандидат культурологии
к. м. н. — кандидат медицинских наук
к. п. н. — кандидат педагогических наук
к. псих. н. — кандидат психологических наук
к. т. н. — кандидат технических наук
к. ф.-м. н. — кандидат физико-математических наук
к. ф. н. — кандидат филологических наук
к. филос. н. — кандидат философских наук
к. э. н. — кандидат экономических наук
СОШ — средняя общеобразовательная школа
Ph. D. — Philosophiae Doctor
Pr. Sc. — Doctor of Science

XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. — 720 с.

Сборник включает тезисы докладов, сделанных на XLV Международной филологической научной конференции СПбГУ 14–21 марта 2016 г.

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

© Авторы, 2016
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Адоньева Светлана Борисовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Прагматика и феноменология в науке о народе

Мировоззренческие основы научного наследия Т. А. Бернштам, ее открытая рефлексия по поводу собственной идеологии, делали ее работы уникальными: они разбивали лед молчания вокруг коренных вопросов науки о человеке: об отношениях жизни тела, души и социума, космоприродных и социальных связях. Ею был предложен целостный метод описания традиционной культуры, который Татьяна Александровна назвала феноменологическим. Жизнь человеческой души, прямо связанная с жизнью тела, с одной стороны, и жизнью мира (социального, физического, метафизического), с другой, в течение всех советских десятилетий не была включена в поле научного обсуждения. Понимание непосредственной связи, существующей между социальной жизнью человека, природным и метафизическим миром, все еще зачастую рассматривается как предмет религиозной веры, но не научного знания. По этой причине исследования Бернштам, в которых последовательно выстраивался феноменологический подход к традиционной культуре, столь значимы для современной гуманитарной науки. В задачу сообщения входит анализ отношения феноменологических подходов в науке о человеке и обществе и прагматического метода исследования, который развивает школа фольклористики Санкт-Петербургского университета.

Гиппиус Алексей Алексеевич,
д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), член-корреспондент РАН

Еще раз о времени включения Русской Правды в новгородское летописание

В Новгородской первой летописи (Н1Л) и летописях Новгородско-Софийской группы (НСГ) представлены следующие основные варианты включения (и невключения) текстов Русской Правды (РПр) краткой (КП) и пространной (ПП) редакций в повествование о событиях 1015–1019 гг.

1. В старшем изводе Н1Л (Синодальном списке) РПр отсутствует, нет и упоминания грамоты, данной новгородцам Ярославом.
2. В младшем изводе Н1Л в конце статьи 6524 г. включена КП, вводимая фразой: «и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: «по сеи грамотѣ ходите, якоже списах вамъ, такоже держите».

3. В первой подборке Новгородской Карамзинской летописи (НК1), отражающей исходное состояние протографа НСГ, РПр отсутствует, а упоминание грамоты и устава читается в статье 6528 г.; под. 6544 г. в сходных выражениях упоминается о еще одной грамоте Ярослава: («и людемъ написа грамоту, рекъ: „По сей грамотѣ даите дань“»). Та же композиция — в Новгородской IV летописи, где, однако, в конце статьи 6524 г. добавлено: «О правдѣ. Правда Рускаа».
4. В Софийской I летописи та же композиция осложнена включением под 6527 г. ПрП.

В работе [Гиппиус, 1997], реконструируя историю включения РПр в летопись, мы исходили из того, что слова Ярослава о грамоте и уставе имеют смысл лишь как способ введения самой «грамоты»; апеллируя, вслед за А. А. Шахматовым, к Новгородскому своду XI в., мы полагали, что в последнем слова Ярослава, читавшиеся, как и в Н1Л мл., под 6524 г., вводили текст «Древнейшей правды» (ДрП). Это заставляло предполагать, что: а) текст РПр (в виде ДрП) был изъят из летописи составителем свода начала XII в. (протографа Н1Л Син.), а позже, в виде КрПр, восстановлен на ее страницах в своде 1167 г.; б) составитель протографа НСГ перенес упоминание «грамоты и устава» из статьи 6524 г. в статью 6528 г., также сократив следовавший за ним текст ДрП.

Это построение справедливо критиковалось как чрезмерно усложненное. В то же время мы не видим оснований отказываться от тезиса о включении КрП в летопись составителем свода 1167 г. Этот тезис занимает свое место в рамках более экономной модели соотношения текстов начального и раннего новгородского летописания, предложенной в наших работах.

Литература:

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 3–72.

ДИСКУССИОННЫЕ ПЛОЩАДКИ

ЖЕНЩИНА В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: АВТОР, ГЕРОИНЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Абдуллина Марина Ринатовна,
аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Алташина В. Д., д. ф. н., профессор

Женский образ в «Книге маркизы» К. А. Сомова: текст и иллюстрация

«Книга маркизы» — антология французских текстов XVIII в., иллюстрированная русским художником К. А. Сомовым (1869–1939). По контрасту с фрагментарностью подборки эротических текстов и стихотворений, связанных между собой лишь общей куртуазной темой, цикл иллюстраций представляет собой рассказ об очередном романе прекрасной маркизы, в котором можно проследить начало, развитие и финал.

Все рисунки Сомова обеспечивают читателю непременное право вуайеризма, но иллюстрации, как и тексты, уместнее называть не эротическими, а куртуазными или ироническими/эротическими. Эпоха, к которой принадлежат отобранные произведения, еще соотносит эротику с шуткой, фарсом, скатологическим анекдотом, постоянно балансируя между смехом и смертью. К смерти как высшей точке эротики литература (прежде всего литература символизма) придет в XX в., как раз тогда, когда Сомов публикует сборник. Эстетика современного художнику модерна очевидно выражена в этих иллюстрациях, в то же время они представляются оммажем французской гравюре эпохи рококо.

Высокую художественную ценность, помимо изящных иллюстраций, представляют и подобранные тексты. XVIII в. во Франции — эпоха искусства любви и либертинажа — породил жанр эротической литературы, претендующей не только на описание любовных похождений, но и на исследование нравов. Основные темы отобранных фрагментов: краткосрочность любовных связей, полигамия, единение разума и сердца, попытка самоутверждения в чувственном наслаждении, соблазнение и доминирование, женское ложное целомудрие, каприз, игра. Здесь находится место для сатиры («Бал в монастыре» Казановы), памфлета («Горничная мужского пола» Карло

Гоцци), анекдотов, «сальностей и каламбуров». Сомов составляет палитру текстов, чередуя фривольный высокий слог с примерами низкого бытового жанра. Таким образом, путешествуя по страницам книги, женский образ переживает множественные трансформации: от блестящей соблазнительницы до униженной жертвы.

Алеева Елена Загидовна,
к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Динерштейн Полина Владимировна,
преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Женщина в творчестве Д. Дюморье

Дафна Дюморье (1907–1989) — известная английская писательница XX в., творчество которой вызывает неизменный интерес у читателей. В научных исследованиях ее произведения часто относят к массовой литературе. Все внимание писательницы сосредоточено на проблемах современности. При этом она может погрузиться в мир прошлого или откровенно фантастического для того, чтобы найти ответы на вечные вопросы. В этом поиске самое активное участие принимает именно женщина с ее интуитивным умением нащупать истину. Осмысление роли, которую женщины сыграли в развитии литературного процесса, будет не полным без учета вклада, внесенного Дафной Дюморье в этот процесс.

Писательница создавала свои яркие женские образы на протяжении более чем полувека, что, безусловно, нашло отражение как в репрезентации, так и в динамике этих образов. Особый интерес в русле обозначенной проблемы представляет рассмотрение романов, написанных в разные периоды и принадлежащих различным формам художественности. Типология женских образов анализируется в романах «Дух любви» (1931), «Ребекка» (1938), которые критика единодушно относит к литературе fiction, а также в романах «Мэри Энн» (1954) и «Стеклодувы» (1963), которые принято считать литературой non fiction. Анализ типологии женских характеров проводится на основе соотношения различных повествовательных дискурсов (псевдоромантический, сентименталистский, модернистский). При этом главной особенностью всех героинь Дафны Дюморье становится их желание и способность преодолевать гендерные стереотипы.

Алилова Джульетта Гаджиевна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Мифологема пророчицы в поэзии Т. Грея

В «Дневнике для заметок» Т. Грея дается одно из первых упоминаний об одах-пророчествах, вышедших в свет под названием «Песнь Вегтама, или Нисхождение Одина» (The Vegtams Kvitha, or The Descent of Odin) и «Роковые сестры» (The Fatal Sisters). Обе оды — переложение древнеисландских мифологических песен о богах и героях «Старшей Эдды»; оригинальные

названия этих песен не сохранились, и они были включены в дополнительный раздел сборника под условными названиями «Роковая судьба Бальдра» и «Песнь валькирий». Песнь «Роковая судьба Бальдра», в свою очередь, представляет собой фрагмент (с некоторыми вариациями) более древней исландской песни «Пророчество вёльвы» — самой знаменитой и спорной песни из «Старшей Эдды», открывающей этот сборник. Обе песни пронизаны идеей мировой судьбы. Здесь судьба как понятие-мифологема выражает идею детерминации как несвободы.

Интерес Грея к эддическим песням-пророчествам объясняется тем, что в мировой литературе (большим знатоком и тонким ценителем которой писателя признали еще современники) столь грандиозная поэтическая картина будущей гибели мира является уникальной. В ней представлены главные хранители мифологической и генеалогической традиций, а также самые могущественные в эддической поэзии обладатели пророческого дара: вёльва — занимающая особое место пророчица, пробудившаяся от смертного сна по велению Одина, а также грозные валькирии, ткущие обреченным воинам саван короткой судьбы.

Вещание вёльвы в «Нисхождении Одина» восходит как к этиологическим мифам (в ее упоминании о собственном прошлом), так и, в особенности, к эсхатологическим мифам (в ее предсказании скорой гибели Бальдра и грядущего конца мира). В этой оде емко и метафорично передана та мощь предвидения, которая, согласно древним северным поверьям, была свойственна именно прорицательницам, поскольку для «пассивного медиумического вещания судьбы пригодна только женщина» (С. С. Аверинцев). Сам Бог богов — при его даре провидения, непревзойденном знании магических рун и умении говорить стихами — своей поездкой к хозяйке Нижнего мира признает превосходство ее пророческого дара, ибо ей одной ведомо все, в т. ч. и предначертание мировой судьбе.

Иные пророчицы, далекие от «пассивного медиумического вещания судьбы», изображены в оде «Роковые сестры», где воинственные девы — валькирии — не только возвещают о жизни и смерти, но и накануне кровавого сражения готовят скорую гибель героям. Передавая поэтическим слогом содержание литературных памятников «Старшей Эдды», Грей сохраняет поэтику эддической песни со всей ее неясностью, амбивалентностью, недосказанностью, где очень многое не названо, а лишь подразумевается, ибо главное тема — это пророчество, а главные героини — провидицы, способные предначертать судьбы мира.

Алташина Вероника Дмитриевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Несчастья добродетели: Жюстина и Катерина («Жюстина» маркиза де Сада и «Воскресение» Л. Н. Толстого)

1. Сходство романов маркиза де Сада и Л. Н. Толстого проявляется в названиях (оба названия заявляют главную философскую проблематику произведения) и именах главных героинь (Жюстина — от

лат. Justus — ‘справедливый, правильный’; Екатерина — от *др.-греч.* Αικατερίνη ‘чистая, непорочная’). В центре повествования оказываются герои, изначально охарактеризованные как чистые, непорочные, наиболее подходящие для того, чтобы показать порочность социума и мира в целом. Героини имеют сходную судьбу: выброшенные из привычного окружения, они оказываются жертвами насилия и унижения, попадают в тюрьму по ложному обвинению в убийстве и воровстве. Но если де Сад рисует мир, в котором зло однозначно доминирует, а добро и добродетели попираются, то Толстой изображает процесс возрождения добродетели в мире, полном зла и несправедливости.

2. Жанр философского романа, типичный для французской литературы XVIII в., оказывается новаторским для русской литературы конца XIX в.
3. Философская проблема — соотношение добра и зла — заявлена в зачине обоих произведений. Финалы романов вызывали нарекания в нереалистичности, однако это не только является характерным для философского романа, но и вытекает из трансгрессивного перехода, совершенного героинями.
4. В основе композиции обоих романов лежит принцип контраста. Природа человека представлена в ее двойственности, а окружающая реальность воссоздана в присущих ей противоречиях.
5. Оба писателя помещают невинную героиню в чуждый для нее социум, показывая таким образом его порочность и противоестественность. Тема «неадекватности герою его судьбы и его положения» (М. М. Бахтин) является одной из главных в обоих романах.
6. Слова маркиза де Сада о том, что «несчастья преследуют добродетель, а благоденствие почти всегда сопутствует пороку» могут быть отнесены и к роману Толстого, слова которого о торжестве страшного зла и о невозможности его победить в финале романа соответствуют мировидению французского писателя. Эти идеи доказываются на примере судьбы героини.
7. Несмотря на небольшой объем, оба произведения имеют эпический характер, проводя смотр всего человеческого общежития, что оказывается возможным благодаря мотиву дороги.
8. Жюстина оказывается неспособной к изменению, для Катерины же открывается возможность воскресения. Для атеиста маркиза де Сада благополучный исход был невозможен, христианин Толстой черпает мудрость и веру в Евангелии.

Анцыферова Ольга Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Естественно-гуманитарный университет г. Седльце (Польша)

Проблемы генезиса женского детектива

Женский детектив ныне соревнуется по популярности с мужским, обнаруживая свои особенности преимущественно в плане построения главных образов и системы взаимоотношений между персонажами. Проблема генезиса женского детектива ставится ныне в гендерной плоскости: либо он

рассматривается как продолжение и развитие «мужской» традиции, либо у сочинительниц детективов обнаруживаются предшественницы в других, более ранних жанрах, и в этом случае женский детектив встраивается в историю «женской» литературы.

Первая версия связывает происхождение женского детектива с именем американки А. К. Грин. Она первой использовала само слово «детектив» (detective), столь прочно укоренившееся для обозначения криминального расследования в литературе (1878). Именно Грин, творчески осваивая опыт Э. А. По и Э. Габорио, первой в англоязычном детективе ввела образ сыщика заурядной внешности, состоящего на государственной службе, а также образ пожилой женщины, не имеющей ничего общего с профессиональным сыском, но раскрывающей преступления за счет недюжинной наблюдательности и психологической проницательности. Образ Эмили Баттерворт порождает спорадические сполохи самоиронии, которая станет столь характерной приметой всей позднейшей женской детективной прозы, начиная с А. Кристи и заканчивая И. Хмелевской, Т. Устиновой и др.

Вторая версия принадлежит исследовательницам, которые смело деконструируют патриархатные каноны. Эта версия связывает появившуюся уже в 1860-х гг. т. н. «домашнюю детективную прозу» (domestic detective fiction; Л. М. Олкотт, М. Ф. Виктор) с готической традицией образца М. Э. Брэддон и сестер Бронте. Женская готика повествует об ужасах, приключающихся с женщиной в замкнутом домашнем пространстве. Всякого рода ограничения свободы внутри дома (в самом зловещем варианте — погребение заживо) становятся мощными метафорами опасностей и несчастий, которыми изобилует «женская доля». Топосы «домашней детективной прозы» таковы: зверское преступление совершается в благополучном богатом доме; некое лицо, связанное эмоциональными узами с семейством, в котором произошла трагедия, берет на себя задачу расследовать преступление, либо помогая полицейским, либо исправляя их ошибки. В нарушение одного из «20 правил настоящего детектива», которые будут провозглашены в 1928 г. С. С. Ван Дайном, в этих протодетективах важное значение имеют душевные привязанности героев, их тайные и явные влюбленности, — эта черта останется неотъемлемым атрибутом «домашней детективной прозы» и в дальнейшем. Для автора и героев этих романов чрезвычайно релевантны вопросы классовых различий и социального неравенства, карьерного роста и нарождающегося профессионализма.

Апенко Елена Михайловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Другая» литература американской революции: произведения М. О. Уоррен, Ф. Уитли и их интерпретация американской феминистской критикой

Мерси Отис Уоррен (1728–1814) и Филлис Уитли (1753–1784) принадлежат к числу тех немногих женщин, которые заняли активную позицию в годы войны за независимость английских колоний в Северной Америке

в 1775–1783 гг. Современная феминистская критика США рассматривает творчество обеих писательниц с позиции гендерной «инаковости», как голос прежде «немой» культурной группы. Поэтому в центре внимания оказываются такие, например, понятия, как историческая травма, рабство, изгнание. Гораздо меньше внимания уделяется тому, что литературное творчество Уоррен и Уитли является художественным воплощением революционных идей времени.

Анализ того, как обе писательницы представляют республиканскую идеологию и риторику, какие художественные приемы используют, может помочь яснее понять процесс самоидентификации американцев обоих полов в годы войны и в первые годы существования американского государства. Как представляется, в это время процесс конструирования национальной идентичности состоял в поисках способов воплощения и олицетворения идей о том, «что же такое американец».

Прежде всего необходимо исследовать, как, унаследовав английскую и — шире — европейскую культуру как «свою» в конце XVIII — начале XIX в., американские авторы того времени постепенно учились воспринимать ее как культуру «другого». В то же время нельзя отрицать и выявленную феминистской критикой специфику «женского взгляда» на события времени. Соединение двух подходов к творчеству Уоррен и Уитли, как представляется, может помочь создать более объемное и, следовательно, адекватное представление не только об их творческом наследии, но и о состоянии умов американцев в сложную эпоху больших исторических перемен.

Аствацатуров Андрей Алексеевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Женщина в текстах Дж. Джойса и Г. Миллера: игра и миф

1. Основанием для сопоставления в докладе двух крупнейших писателей XX в. — ирландца Джеймса Джойса и американца Генри Миллера — становится активная разработка этими авторами различных мифов и представлений о женском начале, которые сложились в европейской культуре к началу XX в. Нас, в первую очередь интересуют следующие тексты: роман Джойса «Улисс» и два романа Генри Миллера — «Тропик Рака» и «Тропик Козерога», вошедшие в его «Парижскую трилогию».
2. При сопоставлении следует учитывать различие эстетических установок обоих авторов. Джойс, принадлежащий к первому поколению модернистов, выступает как автор, ставящий своей целью создание совершенного текста, в то время как Миллер скорее занят самосовершенствованием, и эстетический опыт для него — некий этап собственного внутреннего развития.
3. Различие в представлениях о целях эстетического определяет и отношение обоих авторов к задаче репрезентации женщины. Джойс занят прежде всего увлекательной литературной игрой, в которой он сталкивает разные тексты, разные представления, разные мифы, прочитывает их посредством друг друга, иронически дистанцируется от них. Миллер,

не отказываясь от пародийности, вместе с тем занят поиском сущности и старается выяснить назначение женского начала в нечеловеческом замысле мироздания.

4. Джойс выводит женское начало в образе Молли Блум (глава «Пенелопа»), представляя ее синтезирующей все женские образы и мифы, которые накоплены европейской культурой. Женское начало в «Улиссе» протеично, безгранично, безмерно в своем вожделении. Оно синонимично бессознательному в человеке и той хтонической силе, которая приводит мир в движение. На уровне поэтики Джойс реализует свои представления, создавая внешне не структурированный текст-магму, текст-поток.
5. Миллер создает ряд похожих друг на друга женских образов, которые являются репликами в отношении Молли Блум. Для него женское начало — сила, рождающая Вселенную и бессознательное в человеке. Женское начало динамично, безмерно, беспредельно: оно не поддается рациональному познанию, и соединение с ним превращает человека в художника.

Бакши Наталия Александровна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Г. Дрола как культурный посредник: ее роль в рецепции русской литературы в Германии

Гизела Дрола была одним из известнейших культурных посредников между Россией и Германией в 1960–1980-х гг. Именно благодаря ей немецкоязычному читателю были открыты такие имена, как А. Белый, Ю. К. Олеша, В. А. Каверин. Переведенная ею «Джамиля» Ч. Айтматова стала абсолютным бестселлером, претерпев 31 переиздание. Именно Дрола формировала русскую программу издательства «Инзель», а затем крупнейшего немецкого издательства «Зуркамп».

В докладе будет рассказано о взаимоотношениях издателей и Дролы, о ее участии в формировании издательской политики, а также об особенностях переводческого стиля Дролы.

Бочкарева Нина Станиславна,
д. ф. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

А. С. Байетт — художник и исследователь (к 80-летию со дня рождения)

В докладе делается попытка рассмотреть саморефлексию творчества и литературы в критических и художественных произведениях А. С. Байетт (род. в 1936), созданных за полвека. Сама английская писательница неоднократно подчеркивала «магистральный сюжет» своей разнообразной литературной деятельности (исследовательской, критической, художественной) — понять природу творчества.

Уже первые монографии об Айрис Мердок (1965) и о Вордсворте и Кольридже (1970) обнаруживают ее интерес к истории и современности, к поэзии и прозе, к биографии и творчеству. В эссеистике («Passion of the Mind», «Imagining Characters», «Portraits in Fiction») поднимаются разные проблемы литературы и искусства, поэтики и проблематики, творчества женщин-писательниц. Героями ее романов и рассказов тоже часто (почти всегда) становятся писатели и филологи, исследующие природу собственного и чужого творчества. Особый интерес проявляет Байетт и ее герои к возможностям языка, многозначности восприятия и интерпретации.

Специально исследуется в докладе эссе Байетт «Портреты в художественной литературе» (2000), его проблематика и композиция, связь с романом Байетт «Дева в саду» (1978), с произведениями других (французских и английских) писателей XIX–XX вв., а также с монографией А. Рове (2002) о функциях произведений изобразительных искусств в творчестве А. Мердок. Делается вывод о неразрывной связи критической и художественной деятельности Байетт, о ее особом интересе к репрезентации произведений визуальных искусств в литературе.

Бурова Ирина Игоревна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Три ипостаси Э. Теккерей, леди Ричи: писательница, литературный критик и прототип героинь двух романов

Э. Теккерей, леди Ричи, вплоть до конца XX в. воспринималась как дочь У. М. Теккерея, посвятившая свою жизнь служению памяти отца и изданию его произведений. Между тем с первых шагов на литературной арене она выступала и как продолжательница отцовских традиций, и как самобытная, оригинальная писательница, в творчестве которой ставятся серьезные проблемы, связанные с потребностями викторианской женщины в самоопределении и самореализации в сфере профессиональной деятельности.

Оставаясь классической викторианской дамой в частной жизни, в своих произведениях Э. Теккерей смело выходит за пределы викторианских канонов, обращаясь к сложной нравственной проблематике и изображая внутреннюю жизнь персонажей в динамике. Уже дебютные произведения писательницы: очерк «Маленькие школяры» и повесть «История Элизабет» — намечают основные темы ее творчества и демонстрируют своеобразие стиля. Интерес к теме женской эмансипации делает Э. Теккерей одной из предшественниц феминистской литературы.

Писательница любила наделять своих героинь автобиографическими чертами. В то же время она уникальна тем, что стала прототипом как минимум двух героинь художественных произведений: Тео Ламберт («Виргинцы» У. М. Теккерея) и миссис Хилбери («День и ночь» В. Вулф).

Исследование творчества писательницы только начинается, но уже сейчас очевидно, что она принадлежит к числу незаслуженно забытых «старых мастеров», скромно скрывающихся в тени гениальных родственников.

Васильева Эльмира Викторовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Бурова И. И., д. ф. н., профессор

Викторианские стереотипы о женщинах и их отражение в романах Э. Гаскелл 1848–1853 гг.

В докладе известная викторианская романистка Элизабет Гаскелл рассматривается как писательница, которой были близки протофеминистские взгляды.

Как и многие писательницы XIX в., Гаскелл на страницах своих произведений пытается создать новый тип героини — деятельной, сильной, независимой женщины. Такие образы она выстраивает на контрасте с существовавшими в викторианском обществе устойчивыми стереотипами о женщинах.

Так, в романе «Мэри Бартон» (1848) Гаскелл развенчивает стереотип о женщине как об «ангеле в доме» — идеальном, высоконравственном и пассивном существе, лишенном собственного мнения и собственных желаний, отличных от желаний мужа. Писательница показывает, что примерять на себя подобный идеал могут лишь женщины, принадлежащие среднему классу и аристократии, в жизни которых нет других насущных забот. Суровая жизнь фабричных тружениц, вынужденных работать наравне с мужчинами для того, чтобы прокормить семью, делает этот абстрактный идеал недостижимым. Вместе с тем подлинная добродетель, по мнению писательницы, не зависит от того, насколько точно молодой женщине удается воспроизвести растиражированный образ, а определяется душевными качествами и способностью сохранить внутреннюю чистоту, несмотря на тяжелый быт.

В романе «Руфь» (1853) Гаскелл обращается к другому стереотипическому представлению — о «падшей женщине» как о сосуде порока. Как христианка Гаскелл верила в силу искреннего раскаяния и призывала к сочувственному отношению к таким женщинам, ведь пример в этом нам подает Спаситель. С другой стороны, собственный жизненный опыт подсказывал писательнице, что молодые женщины зачастую встают на путь порока лишь потому, что к этому их вынуждают обстоятельства.

Со свойственной ей верой в исконную добродетельность человека Гаскелл объявляет в романе, что «не всякая падшая женщина развратна», таким образом бросая вызов нормам морали, бытовавшим в викторианском обществе. С симпатией Гаскелл описывает, как ее героиня — мать внебрачного ребенка — возвышается над обществом лживой морали, доказывая другим героям относительность их представлений о добродетели и пороке.

Наконец, в романе «Крэнфорд» (1853) Гаскелл создает утопический мирок, которым управляют женщины — вдовы и старые девы. Писательнице важно доказать несостоятельность викторианского пренебрежительного отношения к одиноким женщинам как существам беспомощным и глубоко несчастным. Ее героини создают идеальное общество, в котором нет места

мужчинам. Этот роман Гаскелл можно рассматривать как удачную пародию на идеологию раздельных сфер и наиболее полное выражение протофеминистских взглядов писательницы.

Голубков Андрей Васильевич,
к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Феномен прециозницы: к вопросу о женском стиле во французской культуре XVII в.

В классическую эпоху у большинства женщин не было риторической подготовки, они не изучали риторические трактаты Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана и не делали упражнений progymnasmata, т. е. женское образование было качественно иным, нежели мужское, направленное на взращивание педантов, которые как раз должны были обладать всей совокупностью знания по правильному риторическому оформлению мысли. Прециозные салоны, распространившиеся в 1650-х гг. в Париже, такое знание отвергали, поэтому даже те интеллектуалы, которые владели риторическими стратегиями, были вынуждены, дабы остаться интегрированными в сообщество, ориентироваться на более «девственную» в риторическом отношении публику и адаптировать *строй мысли* к стратегиям оформления дискурса, насаждаемом женщинами. Фактически во Франции этого периода мы имеем дело с двумя литературными традициями, устроенными на разных основаниях, и в силу самой разности их базовых принципов несопоставимых: для одной сохранялось значение классической поэтики и риторики, другая же оказывалась в ситуации поиска модели и принципов своего устройства.

Оказавшись перед необходимостью изобретения собственной традиции, прециозницы (а фактически — все, кто *не изучал* классическую риторику и поэтику) устремились не к классическим формальным принципам выстраивания fabula или plasma (это знание было монополизировано педантами и для его овладения требовалось значительное время), но обратились к аристотелевским же принципам *метафоры*. Аристотель в небольшом параграфе «Поэтики» под названием «Разновидности имен» (1457 b 6–32) трактует метафору как отмеченное сдвигом смысла «несвойственное имя»; именно по таким принципам выстраиваются прециозные перифразы, представленные в «Большом Словаре прециозниц» Бодо де Сомеза и «Смешных прециозницах» Мольера: «наперсник граций» (зеркало), «удобство собеседования» (кресло), «немой наставник» (книга), «ощутить рикошет любовного дозволения» (рожать), «кто-то заставил говорить Немого» (стучат в дверь) и др. Не будучи способными выстроить связный дискурс по принципам классической риторики, прециозницы неизбежно обратились к использованию инвентивного потенциала метафоры: такая эстетическая программа позволяла оформить любую, даже бытовую, реплику по поэтическим принципам, но не развернуть ее в пространный текст. При этом то, что Аристотелем понималось как средство убеждения собеседника, в женских дискурсивных практиках XVII в. оказывается самоцелью.

Горшкова Елена Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Женские образы в историческом романе У. Эйнсворта «Кричтон»

Английский романист У. Эйнсворт (1805–1882) является одним из последователей В. Скотта в области исторического романа. В своем романе «Кричтон» (Crichton, 1837) Эйнсворт изображает события, происходившие во Франции в 1579 г., когда французский трон был занят Генрихом III. В качестве главного героя он выводит реально существовавшую историческую личность — шотландского дворянина Джеймса Кричтона.

Писатель придает большое значение изображению героев, он до мельчайших подробностей описывает их одежду, манеру поведения, дает им подробную характеристику. Особая роль в романе отведена женским образам. Это королева Екатерина Медичи, которая плетет интриги против Кричтона, и три влюбленные в Кричтона дамы: королева Наварры Маргарита, фрейлина королевы-матери Эклермонда, итальянская актриса Джиневра. С двумя из них связаны тайны, раскрывающиеся в процессе повествования (Эклермонда оказывается принцессой Конде, а Джиневра — дочерью астролога Екатерины Медичи Руджиери).

В романе «Кричтон» можно выделить три сюжетные линии, связанные с главным героем и влюбленными в него дамами. Первая линия — Кричтон и Маргарита, вторая — Кричтон и Эклермонда, третья — Кричтон и Джиневра. В первой и третьей сюжетных линиях Эйнсворт пользуется композиционным приемом задержанной экспозиции. Начало любовной истории Кричтона и Маргариты автор раскрывает почти в самом конце романа, там же он повествует и о Джиневре, которая, переодевшись пажом, неотступно следует за своим кумиром. Сюжетная линия Кричтон — Эклермонда развивается последовательно. В начале второй части становится известно, что Кричтон влюблен в Эклермонду и она отвечает ему взаимностью. Однако на пути влюбленных существует много преград, и главная из них — разное вероисповедание (Кричтон — католик, Эклермонда — протестантка).

Создавая женские образы, Эйнсворт применяет такие приемы, как авторская характеристика, диалоги, монологи, различные описания. Автор использует правду и вымысел, при этом вполне правдоподобно представляет ту далекую эпоху и образы ее людей.

Дудкина Анастасия Игоревна,
к. ф. н., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Венецианские трагедии Д. Г. Байрона в восприятии А. А. Елистратовой, Е. И. Клименко и Н. Я. Дьяконовой

Дж. Г. Байрон всегда вызывал особый интерес у исследователей литературы. Попытку понять и проанализировать наследие этой противоречивой и сложной личности предпринимали и русские литературоведы. При выраженной тенденции рассматривать в критических работах преимущественно лиро-эпические и лирические произведения Байрона, его «венецианские»

трагедии до настоящего времени не получили должного научного осмысления. На этом фоне обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отечественном литературоведении эта тема привлекала женщин-литературоведов, которые и сформировали общую концепцию этой группы произведений. Доклад посвящен осмыслению этого феномена, делается попытка представить рецепцию «венецианских» трагедий Байрона такими ведущими российскими литературоведами-западниками, как А. А. Елистратова, Е. И. Клименко и Н. Я. Дьяконова.

Особенности «женского взгляда» на эти пьесы определяются как общим вектором литературоведческих исследований советской эпохи, требовавшим повышенного внимания к социально-политической обстановке, в которой создавались произведения, так и личными предпочтениями ученых.

А. А. Елистратова делала акцент на философско-политической проблематике «венецианских» трагедий Байрона, подчеркивая ее актуальность несмотря на то, что действие в пьесах отнесено в прошлое.

Е. И. Клименко поставила вопрос о выходе Байрона как автора «венецианских» пьес далеко за пределы поэтики романтизма, подчеркивая влияние, оказанное на драматурга творчеством итальянского классициста В. Альфьери. В ее интерпретации пьесы «Марино Фальеро», «Сарданапал» и «Двое Фоскари» предстают как результаты синтеза классицистической формы и романтического содержания.

Н. Я. Дьяконова рассматривала их в контексте всего творчества Байрона итальянского периода. Российские исследовательницы отмечали, что обращение поэта к драматургии было связано с пониманием им воспитательно-пропагандистских возможностей драмы, показали наличие в «венецианских» трагедиях не только политической, но и личной проблематики.

Намеченные этими исследователями подходы к анализу указанных трагедий Байрона остаются по-прежнему актуальными как в российском, так и зарубежном литературоведении. В докладе анализируются как принципы подхода российских байронисток к художественному материалу, но и делаются попытки осмыслить сам феномен «женской струи» как в отечественном байроноведении вообще, так и в исследованиях «венецианских» трагедий великого поэта.

Дуклау Алина Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Поэтические забавы» Дж. Баркер: поэтика и проблематика

В докладе рассматриваются стихотворения Дж. Баркер (1652–1732), вошедшие в сборник «Поэтические забавы» (Poetical Recreations) 1688 г. Главная тема сборника — способность женщины остаться собой в мужском мире, что возможно только при условии принятия ею последствий независимости и согласия прожить свою жизнь вопреки принятым условностям. Баркер с разных сторон анализирует понятие свободы: что такое свобода в повседневном существовании, возможна ли свобода от страстей. Баркер находится под сильным воздействием идеи христианского стоицизма.

Любовь, через которую традиционно в европейской литературе женщина реализует потенциал собственной личности, вызывает у Баркер недоверие. Она противопоставляет любви идеал интеллектуальной дружбы. Баркер выражает сожаление, что для женщин недоступно университетское образование, подчеркивает, что женщины, так же как и мужчины, способны овладеть научным знанием. Некоторые стихотворения написаны от лица героя-мужчины — это попытка увидеть мир мужскими глазами.

Отдельную группу текстов составляют стихи, посвященные отношениям автора с ее поэтическим даром. Баркер подчеркивает, что сочинение стихов для нее не результат сознательного выбора. Это овладевшая ею сила, которой она вынуждена подчиняться. При этом, сравнивая мужскую и женскую музу, Баркер настаивает, что поэтический дар мужчины зачастую служит корыстным целям (добиться благосклонности щедрого покровителя), поэтому женская поэзия выше и чище. В стихах Баркер находят отражение эстетические дискуссии второй половины XVII в. об отношениях живописи и поэзии, о подлинном остроумии.

Большинство стихов в ее сборнике имеют форму послания, однако мы находим в нем пиндарические оды (подражание А. Каули, которого Баркер ценит выше всех поэтов-современников), медитативные и любовно-гедонистические пасторали, застольные песни. Живой и остроумный, гладкий, музыкальный стих Баркер звучит естественно, как живая речь. Рассуждая о серьезных предметах, Баркер сохраняет шутливую манеру, оставаясь неутомительной и забавной. Вторая часть сборника «Poetical Recreations» состоит из стихотворений тех людей, которые были поэтическими адресатами Баркер. По ним мы можем отчасти судить, какой была мужская реакция на смелые декларации поэта.

Дунаевская Елена Семеновна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Образ феи-воспитательницы в английской литературной сказке конца XVIII в. — начала XX в.

Как показано в ряде наших работ, образ феи-воспитательницы, периферийный во французской литературной сказке XVIII в., занял прочное место в сказке английской. Это, равно как характерное для нее отождествление Волшебной страны и школы, связано с воспитательной концепцией Джона Локка, по которой ребенка нужно поучать, развлекая, а также с тем, что на рубеже XVIII–XIX вв. женщина — писательница и воспитательница — начинает играть важную роль в общественной жизни Великобритании. В конце XIX — начале XX в., когда работающих женщин становится больше, феи принимают их облик.

Первую фею в английской литературной сказке создала С. Филдинг, в «Принцессе Гебе» (1749) она новаторски приспособила для детей модель французской барочной сказки для взрослых. Эта фея лишена индивидуальности, дидактична, служит рупором просветительских идей. Аналогичный генезис имеет, судя по облику и манерам, и эксцентричная фея Абракада-

бра в «Надежде Кацекопфов» (1846) Э. Паджета, и фея Черная палочка из «Кольца и Розы» У. М. Теккерея (1856). Первая воспитывает принца в духе протестантских ценностей, наделена личностными характеристиками, но в жизни людей участвует как вторгающаяся извне волшебная сила. Образ второй более психологически разработан и англизирован. Она вмешивается в действие и как вздорная любящая тетка, и как автор «рождественской пантомимы», в духе которых написана сказка.

Образ феи-воспитательницы резко изменяется и окрашивается идеями романтизма в ключевых произведениях золотого века английской детской литературы: «Водяных младенцах» Ч. Кингсли (1863) и многочисленных текстах Дж. Макдональда. Фея — нищая ирландка из «Водяных младенцев» Кингсли — оказывается одной из многих ипостасей Mother Carey, творящего мир и постоянно присутствующего в нем божественного женского начала. Более мистически окрашен образ старой королевы Ирен («Принцесса и гоблин», 1872) и другие аналогичные ему у Макдональда, в творчестве которого божественная материнская фигура является проводником на пути к высшей мудрости и творчеству.

Демократизация общества на рубеже XIX–XX вв. делает фей работающими женщинами с живыми характерами, как в «Тайне исчезнувших школьниц» Э. Несбит (1901) и в «Мэри Поппинс» П. Л. Треверс (1934). При этом Мэри сохраняет причастность к высшим источникам бытия. Ясно, что работающая фея — это alter ego писательниц. Таким образом, в докладе показывается, как фея, которая изначально олицетворяла в сказке волшебную силу, вторгающуюся в жизнь героев и служащую рупором определенных идей, впоследствии становится постоянно присутствующей в жизни этих героев представительницей некоего божественного и мистического начала, а затем обмирщается и становится равноправной участницей повседневного быта с реалистически выписанной человеческой психологией.

Есина Екатерина Викторовна,
преподаватель, Сообщество франкофонов Санкт-Петербурга

Женские образы в произведениях Э. де Кейроша

Имя Эсы де Кейроша не много говорит русскоязычному читателю, нечасто обращались к его творчеству и современные российские специалисты в области литературоведения. Писатель освоен лишь эмпирически, не прочитан как художественное явление. Однако без анализа его творчества история мировой художественной литературы была бы неполной. Все, что создал Кейрош, является достоянием португальской литературы и мировой литературы в целом.

Становление образа реалистического героя португальской литературы невозможно без упоминания героинь произведений Кейроша. В своих творениях автор затрагивает тему непростой женской судьбы в католической Португалии современной ему эпохи. Автор изображает женщин духовно выше мужчин-героев. У Кейроша много положительных женских образов (в отличие от мужских).

Стремление женщин к счастью — это естественная вера в добро, в возможность осуществления благодати. Традиционным путем к этому является Церковь. Однако зачастую церковная система лишает женщин возможности любить и быть любимыми. Счастье Амелии из произведения «Преступление падре Амаро» невозможно, потому что ее возлюбленный — священник.

В произведениях Кейроша есть и женщины-бунтарки, они имеют свой характер, действуют наперекор обстоятельствам. Главная героиня «Кузена Базилио» борется против старых предрассудков, по-женски выражая свое несогласие, протест. Луиза в «Кузене Базилио» смелее и решительнее и мужа, и возлюбленного.

Писатель не обходит стороной и тему падших женщин, которые гораздо хитрее и расторопнее своих незадачливых возлюбленных. Именно подарок легкомысленной перчаточницы лишает наследства Теодорико в романе «Реликвия».

Женские судьбы могут быть полны драматизма, как в «Семействе Майя», когда влюбленные обнаруживают, что являются братом и сестрой, или в «Трагедии Цветочной улицы», когда сын, сам того не подозревая, влюбляется в свою мать.

Таким образом, являя собой широкий срез разных слоев общества, женские образы Кейроша составляют неотъемлемую часть произведений писателя на протяжении всего его творчества.

Жаркова Евгения Петровна,
аспирант, Воронежский государственный университет

Мотив женской телесности в романе М. Этвуд «Рассказ Служанки»

Затрагивая тему интимных отношений между полами, антиутопия выявляет особый аспект насилия над личностью в тоталитарном государстве. Это и профанация сексуальных связей с пропагандой вседозволенности (Е. И. Замятин), и автоматизация процесса размножения как слияния изъятых из человеческих особей клеток и последующий контроль за их развитием (О. Хаксли), и подавление сферы сексуальности на уровне государственной политики (Дж. Оруэлл).

В русле отмеченной традиции находится антиутопия М. Этвуд «Рассказ Служанки» (1985). Население тоталитарного государства Галаад, подвергшееся радиоактивному загрязнению, поражает массовое бесплодие. Выход из ситуации власти находят в отборе женщин с сохранившейся репродуктивной функцией и распределении их в семьи элиты. Так называемые Служанки вынуждены подвергаться унизительной церемонии зачатия, при которой глава дома пытается их оплодотворить в присутствии собственной жены, имитируя таким образом семейные отношения как основу продления рода. Сами же Служанки, выносив плод, лишаются всяких прав на собственного ребенка.

Подавление личности предстает в романе Этвуд в первую очередь в аспекте телесного начала — как насилие и надругательство над женской

плотью и материнством. Лишаясь имени, семьи, независимости, героиня теряет и контроль над самыми интимными сферами своей жизни. В отличие от классической антиутопии, где героями традиционно выступали мужчины, повествование в романе Этвуд связано с восприятием окружающего мира женщиной, причем на первый план выступают реакции на мир ее тела, что сама героиня осмысляет по-разному. С одной стороны, это ее внутреннее отчуждение от своего плотского естества, превращенного в объект эксплуатации и редуцированного тоталитарным государством до «ходячей матки». С другой стороны, обращение к своему телесному началу становится для героини единственной возможностью не только осмыслить собственное положение, но и сопротивляться ему. Как следствие, особое значение обретают ощущения и переживания, связанные с жизнью женского тела, его потребностями и ритмами, а также ассоциативно подчиненные логике телесности воспоминания об имевшихся когда-то подлинно человеческих отношениях. В результате тело героини начинает выражать высшее, личностное начало, выступающее против физического и духовного насилия. При этом она обретает союзников, что дает ей шанс на спасение из Галаада.

Мотив тела, обусловливая проблематику романа, одновременно становится ведущим принципом пространственно-временной организации антиутопии Этвуд, определяет векторы развития сюжета и повествования, особенности системы персонажей.

Жеребин Алексей Иосифович,
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Книга О. Вейнингера «Пол и характер» в оценке русских символистов

С именем Отто Вейнингера (1880–1903) связана одна из самых громких литературных сенсаций начала XX в. Его книга «Пол и характер» (первоначальное название «Эрос и Психея», 1903) — выдающийся образец антропологической утопии эпохи раннего модернизма. Центральный эпизод интенсивной русской рецепции Вейнингера разыгрывается не в сфере тривиальной литературы (например, рассказ Анатолия Каменского «Женщина», 1909) и не в сфере марксистской критики (например, эссе В. М. Фриче «Торжество пола и гибель цивилизации», 1909), а в культурном пространстве символизма и неохристианства, на фоне мистерии Вечной женственности.

Свидетельством этого являются выразительные суждения Андрея Белого, Вяч. В. Иванова, З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, П. Флоренского, позднейший вейнингеровский интертекст в прозе Б. Л. Пастернака вплоть до «Доктора Живаго», где герои проходят наряду со школой Л. Н. Толстого (прежде всего как автора «Крейцеровой сонаты») и школу Вейнингера.

Вовлекая теорию Вейнингера в национальное пространство религиозно-философского дискурса, русская критика деконструирует его по структуре

своего «языка», а затем снова выбрасывает его за свои границы как объект полемики, которая служит прояснению и уточнению собственной позиции — концепции андрогинной культуры. Заслуживает внимания и всплеск интереса к Вейнингеру на рубеже XX–XXI вв., видимо, на фоне постмодернистких Gender Studies.

Зотова Татьяна Алексеевна,
к. ф. н., преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

В поисках покоя: судьба и творчество С. Тик

Образ С. Тик парадоксальным образом остается «слепым пятном» в истории немецкого романтизма. В течение более чем полутора веков ее имя упоминается преимущественно в культурно-историческом контексте описаний эпохи, в связи с другими романтическими авторами — прежде всего с ее старшим братом, Людвигом Тиком, а также ее соавторами: Ф. Бернгарди и Ф. де ла Мотт Фуке. Даже в исследовательской литературе вклад С. Тик в развитие литературы романтизмы часто остается неучтенным.

При этом, однако, творчество С. Тик нельзя назвать вторичным, эпигонским. Ее перу принадлежит множество стихотворений (значительная часть которых доступна только в корпусе ее писем к братьям и друзьям), драматических произведений, несколько романов, а также обработка средневекового эпоса «Флор и Бланшфлёр» — не будет преувеличением сказать, что писательница оставила след практически во всех романтических жанрах. Известно, что она играла значимую роль в Йенском и — позднее — Берлинском романтическом кружках, однако более точно степень ее влияния пока ещё предстоит установить.

Одновременно с этим жизненный сценарий С. Тик сильно не совпадает со сценариями, воплощенными более известными женщинами романтизма: Каролиной Шеллинг, Беттиной фон Арним, Доротеей Шлегель и др. Следуя скорее за старшим братом, чем за другими женщинами, которым оказалось легче найти свое место в новой парадигме, предусматривавшей — хотя бы в идеальной форме — равенство полов, С. Тик остается одной из самых загадочных фигур немецкого романтизма.

Зыкова Екатерина Павловна,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

«Клуб Синих Чулок»: женщина-литератор и английская салонная культура XVIII в.

Английская салонная культура, сложившаяся в XVII в. под влиянием французских образцов, в XVIII в. приобрела национальное своеобразие, в первую очередь благодаря поддержке творчества женщин-литераторов. Английские хозяйки салонов противопоставляли себя французским «пре-

циозницам», заявляя о своей любви к «божественной простоте». Хозяйки салонов часто выступали в роли меценатов, поощряя переводческую и творческую деятельность литераторов-женщин.

Знаменитое литературное объединение, известное под названием «Клуб Синих Чулок», группировалось вокруг несколько литературных салонов 1760–1790-х гг. Представительницы «Клуба Синих Чулок» стремились к реформированию нравов, их идеалом была женщина, одинаково хорошо исполняющая свои роли жены и матери, хозяйки салона, литератора. Как авторы члены «клуба» проявили себя в жанрах литературного письма, эссе, перевода (творчество Элизабет Монтэгю, Элизабет Картер, Ханны Мор, Эстер Чэпоун).

Карасик Ольга Борисовна,
к. ф. н., доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Женские образы в романе Дж. Хеллера «Видит бог»: постмодернистская интерпретация библейского мифа

Библейские сюжеты не раз становились предметом интерпретации в художественном произведении. Роман Дж. Хеллера «Видит бог» (1984) представляет собой постмодернистскую версию библейского мифа о царе Давиде. Протагонистом и повествователем является сам Давид, который вспоминает свою жизнь, лежа на смертном одре. Хеллер довольно последовательно раскрывает подробности библейского мифа, представляя читателю детали известных по Библии событий в жизни Давида.

Постмодернистская ирония становится главным приемом писателя в этом романе: она применяется и при раскрытии характеров, и при интерпретации библейских сюжетов. Через все повествование проходит мысль о том, что именно женщины играли основную роль в судьбе Давида. Фактически, в романе три основных женских образа: Вирсавия, Ависага и Мелхола. Сюжетная линия любви Давида и Вирсавии вплетается в другие: историю войн, политику, взаимоотношения с подданными и родственниками, а также с Богом. Образы Ависаги и Мелхолы оказываются в оппозиции к образу Вирсавии. Ее образ ироничен, порой она даже предстает в несколько комическом свете в глазах читателя. В описании отношений Давида и Вирсавии Хеллер намеренно использует анахронизмы, и в тексте романа появляются предметы и явления, которых не было в библейские времена. Роль Вирсавии в истории человечества подчеркивается не только ее влиянием на поступки царя, Хеллер приписывает ей изобретение многих бытовых вещей, таким образом своеобразно дополняя библейский миф.

Роман «Видит бог» ломает стереотипы, превращая статичных мифологических персонажей в живых людей, а миф представляя как историю. Женские образы, с одной стороны, сохраняют свою «библейскость», с другой, приобретают черты современных женщин, что особенно явно на примере Вирсавии.

Климовская Алиса Яковлевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Репрезентация женского начала в романе М. Дрэббл «Златые миры»

Женская тема в романе М. Дрэббл «Златые миры» (1975) является структурообразующей. Здесь, в отличие от «Ушка иглы» (1972) и «Лендикового периода» (1977), выражена женская точка зрения на мир. Главные женские образы романа — Фрэнсис и Дженет — представляют собой диаметрально противоположные характеры с точки зрения традиционных стереотипов феминности. Их оппозиция проявляется в описании внешности, манере поведения, психологии, роде деятельности, миропонимании, женской сущности.

Главная героиня — олицетворение «златых миров» из заголовка романа, позитивной женской энергии, безграничной плодотворной силы, неутомимости, уверенности в себе. Разведенная и независимая Фрэнсис реализует свое право на выбор жизненного пути. Помимо успешного выполнения традиционной для женщины гендерной роли матери, героиня добивается многого в профессиональной сфере, нехарактерной для ее пола. Археология используется как метафора, символизирующая поиск златых миров в чреве матери Земли и прошлом собственной семьи. Сравнивая себя с королевой-военачальницей древнебританских племен Боудиккой, Фрэнсис руководит мужчинами в экспедициях, ни в чем не уступает коллегам-ученым, самостоятельна и самодостаточна. Фрэнсис вбирает в себя черты характера, свойственные противоположному полу. Потенциал творца, заложенный в ней, свойственен мужской гендерной роли. Живая до натуралистичности героиня, далеко не идеальная, получает удовлетворение от своей телесной и интеллектуальной жизни.

Образ Фрэнсис противопоставлен образу ее кузины и постоянно с ним сравнивается в пользу первого. Две героини — антиподы. Помимо выполнения традиционных гендерных ролей жены и матери, с которыми она плохо справляется, крайне пассивной и «безликой» Дженет нечем заполнить пустоту и одиночество ее существования. Она безропотно подчиняется мужскому авторитету. Знакомство с Фрэнсис подразумевает перспективу эмоциональной и духовной эволюции Дженет.

Анализ фактического материала показывает, что в образе Фрэнсис преодолеваются традиционные гендерные стереотипы, в то время как Дженет соответствует патриархальному эталону женственности. Вышесказанное свидетельствует о том, что в творчестве Дрэббл 1970-х гг. проявляются эгалитарные тенденции, связанные с расширением традиционного представления о женском начале и сглаживанием гендерных стереотипов. Это самый оптимистичный роман Дрэббл относительно женских возможностей. На метафорическом уровне женское начало представлено образом матери-природы, которая противопоставлена культуре — доминирующему мужскому началу. Обретая гармонию с миром природы, Фрэнсис бросает вызов нормам патриархатной культуры.

Ковалев Константин Викторович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Новеллы о провинции Минью» К. Каштелу Бранку: героини или женщины-герои?

Цикл «Новеллы о провинции Минью» (1875–1877) считается большинством исследователей началом заключительного этапа в творчестве К. Каштелу Бранку, характеризующегося постепенным переходом от романтизма к регионализму. «Новеллам о провинции Минью» присуща интертекстуальность, постепенно усиливающаяся в позднем творчестве писателя. Прием самоцитирования позволяет Каштелу Бранку представить в развитии различные психологические типажи в рамках относительно небольшого повествования.

В докладе рассматриваются новеллы «Ландинский слепец», «Мария Моизеш», «Побочный сын» и «Вдова повешенного», в которых реализуются различные модели поведения героинь. В данных произведениях прослеживается бóльшая самостоятельность персонажей-женщин по сравнению с произведениями Каштелу Бранку 1860-х гг., что дает автору возможность отразить многозначность понятия «героиня», а также представить с разных точек зрения проблему моральной ответственности и воздаяния, постоянно присутствующую в его творчестве.

В «Новеллах о провинции Минью» следование гендерным стереотипам поведения (новеллы «Мария Моизеш» и «Побочный сын») или отказ от них («Ландинский слепец» и «Вдова повешенного») становится одной из основных психологических характеристик женщин-персонажей, а во «Вдове повешенного» — сюжетообразующим мотивом.

В двух последних новеллах более отчетливо, чем в «Марии Моизеш» и «Побочном сыне», выражена идея биологического детерминизма и среды. Ее появление объяснимо интересом писателя к натурализму, приобретающему популярность в португальской литературе в середине 1870-х гг. Хотя отношение Каштелу Бранку к данному направлению было полемическим, в «Новеллах о провинции Минью» трактовка биологических факторов (в частности, наследственности) не носит однозначно иронический характер. Разнообразие женских типов, созданных писателем, позволяет Каштелу Бранку развить в данном цикле полифоническую повествовательную технику, ранее для него не характерную.

Липинская Анастасия Андреевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Вампир и жертва: два «женских» сюжета в готических новеллах Э. Ф. Бенсона

Предметом исследования в докладе служат новеллы Э. Ф. Бенсона (1867–1940), в которых обретают новую жизнь канонические сюжеты о вампире («Миссис Эмворт») и о женихе-мертвеце («Лицо»).

Героиня новеллы «Миссис Эмворт» — жизнерадостная дама средних лет, любящая по-дружески пообщаться с соседями-мужчинами. При весьма драматических обстоятельствах выясняется, что она — вампир, и в свете этого многие ее черты, не вписывающиеся в представления о «настоящей женщине» (несколько мужеподобная внешность, круг интересов, властный и решительный характер) начинают задним числом осмысляться как тревожные признаки. Для читателя, привыкшего к вампирам в образе грозного мужчины («Дракула») или обольстительной красавицы («Кармилла»), именно гендерная амбивалентность героини служит «сигналом» и в известной мере направляет восприятие сюжета.

Совсем иная женщина фигурирует в «Лице»: это почти до гротеска образцовая молодая жена и мать. Фабула же новеллы парадоксальным образом представляет собой перелицованную историю жениха-призрака, столь популярную в «страшной» литературе. Обрисовка места действия подчеркнуто современна и безобидна (курорт), вместо невесты выступает замужняя дама, вместо призрака жениха — призрак злодея из прошлого, принявший облик любимого мужа, но вполне «канонически» уводящий женщину с собой и губящий ее. Трактовка эта носит явно пародийный, игровой характер, также во многом основанный на обыгрывании гендерных стереотипов и ролей.

Анализ двух совершенно разных новелл указывает на актуальность для творчества Бенсона женской тематики и игры с гендерными штампами.

Лисицын Роман Юрьевич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Полубояринова Л. Н., д. ф. н., профессор

Полубояринова Лариса Николаевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«Очарование и кроткая печаль отцветших женщин»: мотив старости и гендерная проблематика в романе А. Штифтера «Бабье лето»

Воспитательный роман австрийского писателя А. Штифтера (1805–1868) «Бабье лето» (Der Nachsommer, 1857) привлекает к себе внимание исследователей в ракурсе гендерной проблематики. В частности, давно была отмечена типичная для эпохи Реставрации и для автора, «консерватора» по убеждениям, патриархальная составляющая основной любовной линии романа, связанной с отношениями молодых героев — Генриха и Наталии. Лишь на четвертый год знакомства молодые герои осмеливаются поведать друг другу свои чувства. Подчеркнутый пуризм Штифтера в репрезентации любовного чувства и, в частности, женской телесности был подробно проанализирован Ф. Шёслер в книге «Неостановимое исчезновение Эроса: чувственность и порядок в творчестве А. Штифтера».

«Неостановимое исчезновение Эроса», которым отмечены отношения молодых героев, не распространяется в романе на пожилую пару — мать

Наталии Матильду и друга ее юности барона фон Ризаха. Матильда, одна из ключевых героинь романа, ежегодно приезжает со своей дочерью в поместье Ризаха в период цветения роз. Употребленная в романе в связи с Матильдой метафора «увядающая роза» становится образом-шифром, который концентрирует в себе представление о «красивом» и не лишенном эротической составляющей женском старении, не совсем типичное для немецкого бидермейера и реализма. Несмотря на зрелый возраст, Матильда остается активной и жизнерадостной женщиной, словно она из года в год заново переживает свою молодость. Даже спустя годы героиня продолжает оставаться предметом восхищения и объектом эротического желания со стороны Ризаха. Для этой уже немолодой пары время как будто остановилось, предоставляя им возможность насладиться приятными моментами еще не угасшей любви.

В докладе предполагается представить образ Матильды как интересную и несомненно новаторскую репрезентацию одновременно гендерной и «геронтологической» проблематики в повествовательной прозе позднего австрийского бидермейера, разрушающую присущие эпохе стереотипы и сопоставимую в контексте немецкоязычной литературы с более поздними примерами репрезентации женской старости. Мотив «увядающей розы» связан в данном контексте не с наступлением приближающейся старости и закатом жизненного цикла, а с прекрасными любовными чувствами о былом времени и с переходом в новую, более зрелую стадию человеческого бытия.

Маркова Мария Владимировна,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Освободить принцессу: к вопросу о трансформации женских образов в современных американских пересказах сказок

В рамках доклада мы хотели бы проследить, как и какими способами гендерные стереотипы, заложенные в волшебных сказках и раскритикованные сторонницами движения феминизма, преодолеваются в современной американской литературе. На материале таких американских пересказов сказок, как «Школа Добра и Зла» С. Чайнани (2012–2015), «Школа сказок» Ш. Хейл (2013), «Прекрасный Принц» Дж. Хекела (2014), «Принцессы» Дж. Д. Джордж (2009–2012), «Лига Принцев» К. Хили (2012–2014) и др., мы хотели бы классифицировать типы трансформаций, которым подвергаются в них традиционные женские образы.

Современная тенденция переписывать классические сказки представляет собой совершенно новое явление: ни сам материал, ни общая проблематика пока не изучены ни в США, ни тем более в других странах. В этих пересказах сильно видоизменяются традиционные сказочные гендерные роли, равно как и функции основных персонажей. Такие пересказы являются своего рода реакцией на многолетнюю критику сказок со стороны представительниц феминистского движения.

Если в классических сказках принцесса и ведьма противопоставлены друг другу соответственно как доброе, пассивное и злое, активное начала, то в современных версиях ситуация становится не столь однозначной. Ведьма теперь чаще всего описывается сочувственно, и ее агрессивные действия оказываются результатом разочарования или мести. Принцесса же почти полностью освобождается от пассивности, в которой обвиняли ее сказочных «предшественниц». Самый распространенный тип героини — это независимая, сильная, упрямая девушка, которая способна самостоятельно справиться с испытаниями и завоевать счастливый финал. Впрочем, не окончательно исчезает и более традиционный образ принцессы как хрупкого существа, нуждающегося в опеке и помощи. Такие принцессы, правда, обычно не являются главными героинями, а нужны, скорее, для контраста. В другом случае мы имеем дело с постепенным взрослением героини, в процессе которого она проходит путь от неполноценности традиционной принцессы к самостоятельности новой героини. Третья тенденция, самая неоднозначная, сводит принцессу и ведьму воедино. Принцесса, занявшая чрезмерно активную позицию, превращается в ведьму. Обычно эта трансформация временна, но в процессе разрушения обоих классических образов (и героини, и злодейки) подчеркиваются основные постулаты современных пересказов сказок. Прежде всего, описывается путь к злу и исследуются причины, стоящие за выбором того или иного пути. Кроме того, стирается четкая грань между злом и добром: только придя к злу, соприкоснувшись с ним и победив его в себе, такая героиня может в полной мере освободиться и снова занять место среди положительных героев.

Миролюбова Анастасия Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Гендерный аспект испанской романтической драмы в свете традиции национального театра

Общеизвестно, что романтики XIX в. не просто обращались к национальным корням, но и числили в своем лагере великих творцов Ренессанса и барокко: Шекспира, Сервантеса, Лопе, Кальдерона — исходя, в первую очередь, из национального духа в противовес классицистической всеобщей ориентации на вневременной, хотя и связанный с античностью идеал; роли «воображения» как противоположности сетки строгих правил.

Однако романтическая рецепция удаленных во времени художественных систем не была ни полной, ни адекватной. В частности, гендер в литературе Возрождения осмыслялся гораздо шире: проблема была поставлена, она вызывала интерес, носила полемический характер. Средневековый мизогинический миф о дочерях Евы уступал место неоплатоническому мифу об андрогине, утверждавшему онтологическое равенство полов; яркий тому пример — лица на картинах Леонардо да Винчи.

Своеобразным гендерным экспериментом является и мотив переодевания, чрезвычайно часто встречающийся в литературе эпохи (у Шекспира, Сервантеса, Лопе де Веги, Тирсо де Молины, Кальдерона): смена костюма

ведет к смене модели поведения. Но даже если отвлечься от этого несколько искусственного приема, образы-амплуа «дамы» в испанской классической драматургии менее стереотипны, чем образы-амплуа «галана».

Гендерная проблематика в системе романтизма связана с такой константой романтического мировоззрения, как двоемирие: женский образ так или иначе выпадает из реальности, это либо демон (Кристабель Кольриджа, Ламия Китса), либо неземное создание, призванное воплотить идеал. Тем разительнее контраст между героическим мужским персонажем, навязывающим себя миру, и персонажем женским, который предстает всего лишь объектом любви — поклонения либо страсти.

Поскольку романтический идеал по определению невоплотим, недостижим, ибо, явившись во плоти, подпадает под власть низменной реальности, слияние двух миров для него недоступно; тем самым и она, беззаветно любящая и — буквально — преданная, обречена на страдательную роль.

Это со всей очевидностью проявляется в лучших образцах испанской романтической драмы 1830–1840-х гг., таких как «Масиас» Ларры и «Дон Альваро, или Сила судьбы» Сааведры: в обеих драмах героиня покорна судьбе; эта покорность обусловлена также мотивом «враждебного времени», когда герой не может прибыть к назначенному сроку или медлит в решительную минуту, что приводит к необратимым последствиям. С двоемирием и недостижимостью идеала связано и развитие в романтическом ключе дон-жуановской фабулы, кульминацией которой на испанской сцене стала пьеса Соррильи «Дон Хуан Тенорио», в которой собраны все мотивы, характерные как для традиции «севильского озорника» (список соблазненных, убийство отца последней жертвы, приглашение на ужин, «каменный гость»), так и для романтической драмы.

Надъярных Мария Фёдоровна,
к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Поэзия К. Бетер: иллюзорная женственность в мире литературных мифов аргентинского авангарда

В 1920-е гг. на страницах аргентинского авангардного журнала «Клариндад» («Claridad»), издававшегося членами группы «Боэдо» («Boedo») впервые увидели свет стихи некоей Клары Бетер (Clara Beter). Тексты стихов принес в редакцию один из активных участников группы Исраэль Цейтлин (Israel Zeitlin, 1906–1980), более известный под псевдонимом Сесар Тьемпо (César Tiempo), объяснивший, что они случайно достались ему от одной из обитательниц буэнос-айресского квартала «красных фонарей». Так началась история одной из самых примечательных мистификаций в аргентинской литературе: автором стихов был сам Цейтлин, но на протяжении почти десяти лет множество латиноамериканских литераторов, равно как и простых читателей и читательниц из разных стран Латинской Америки, не сомневались в реальном существовании Клары, а ее единственный сборник «Стихи одной...» (Versos de una..., 1926) стал настоящим бестселлером, он неоднократно переиздавался гигантскими для того времени стотысячными тиражами.

Принципиально незамысловатая поэзия Клары, пронизанная обостренно женственными воспоминаниями об идиллической жизни в еврейском украинском местечке и не менее женственными переживаниями горечи настоящего, одновременно апеллировала к «униженным и оскорбленным» героиням Ф. М. Достоевского, к духу «воскрешения» павших Л. Н. Толстого, к особой человечности жизни «на дне» М. Горького. Эти русские литературные аллюзии, как и очень тонко воспроизведенные Цейтлином интонации русской литературы, вполне соответствовали особому духу восприятия русской словесности в Латинской Америке, складывавшемуся на континенте с рубежа XIX–XX вв. культу русских литераторов и русской литературы. Поэзия Клары Бетер практически идеально вписывалась в культивируемые в то время модели воспроизведения идеального — русского — образца, истинность которого к тому же подтверждалась правдой ее собственной жизни.

Впрочем, по свидетельству самого Цейтлина, «изобретение» иллюзорной женственности Бетер подразумевало отнюдь не только русские «претексты»: в формировании ее поэтической личности свою роль сыграла платоническая традиция (традиция, заметим, более чем актуальная для латиноамериканского художественного сознания, в т. ч. авангардного), платонический диалогизм, платоническая идея «другого». Потаенно восходящая к платонизму безусловная условность поэзии Клары Бетер в конечном итоге оказывалась своеобразным воплощением андрогинного духа творчества или души поэзии как таковой.

Овчарова Екатерина Эдуардовна,
к. э. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Женские образы в романе Э. Фромантена «Доминик»

Главная героиня романа Эжена Фромантена «Доминик» (1863) представляет собой идеальный, с точки зрения писателя, образ светской женщины середины XIX в., но это отнюдь не надуманная абстракция. Перед нами живая, прекрасная и необычайно притягательная женщина, о которой, тем не менее, читатель не получает исчерпывающей информации; как и о действительно существующем человеке, здесь возможно только делать предположения. Впечатление достоверности поддерживается тем, что мы видим Мадлен в развитии: от бывшей воспитанницы монастырской школы до хозяйки парижского салона.

Образ Мадлен создан на основании вполне реального прототипа, но более всего он напоминает женскую фигуру с картины Камиля Коро или какого-нибудь другого французского живописца XIX в., более обращавшего внимание на краски, чем на четкость рисунка. Черты характера героини лишь намечены Фромантеном в свойственной ему живописной и фрагментарной манере изображения действительности, и в романе нет ее четкого портрета, перед читателем все время предстает очерк, силуэт, впечатление. На самом деле Мадлен обладает яркими индивидуальными чертами, правда, их не так просто разглядеть, они недоступны при поверхностном чтении.

Несомненно также, что в этом образе проступают черты известных литературных героинь: исследователи говорят о влиянии романов Гёте, мадам де Лафайет, Крюденер. Фромантен обладал удивительным даром переплавлять уже существовавшие образы и идеи, придавая им иное содержание и новую, неузнаваемую форму. Обаяние подлинной истории любви, положенной в основу повествования, индивидуальный опыт взросления автора сочетаются в романе со свежей эстетикой новой эпохи.

Другие женские образы романа намечены еще более обобщенно, чем Мадлен, несколькими штрихами. Впрочем, они многое могут сказать внимательному читателю. Таков образ Жюли, подруги Мадлен, безнадежно влюбленной в Оливье, друга Доминика. Скупость выразительных средств здесь, однако, лишь подчеркивает глубину трагедии. Надо отметить, что схожим образом представлена и жена Доминика, присутствие которой читатель все время ощущает, но о которой мало что узнает; это только движущаяся фигурка в отдалении, которой не дано даже право голоса: в любой светской беседе за нее большей частью говорит ее муж, главный герой романа.

Осипова Ольга Константиновна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Образ женщины из народа в драматургии Э. Бриё (на примере пьес «Бланшетта», «Заместительницы» и «Красная мантия»)

Известно, что к концу XIX в. во Франции положение женщины в обществе начинает меняться. «Женский вопрос» становится актуальным для драматургии того времени. Эжен Бриё (1858–1932) был одним из самых значительных драматургов рубежа XIX и XX вв., однако сегодня его имя почти забыто. В его пьесах мы можем найти темы, важные для французского общества, в т. ч. проблемы женщин из народа.

В пьесе «Бланшетта» Бриё анализирует возможную судьбу крестьянской девушки, получившей образование. Драматургу удалось создать образ героини, ставшей чужой и в своей родной деревне, и в городе. В ремарках о внешности Бланшетты сказано немного: «Волосы каштанового цвета, не красавица и не уродина». Внешность героини противоречива: ее называют Бланшеттой, т. е. «белянкой», но у нее темные волосы; также и в ее характере мы найдем разные качества. С одной стороны, она проявляет доброту (искренне хочет помочь родителям), нежность (она плачет вместе с матерью, когда они вспоминают о прошлом), с другой стороны, агрессию (она специально разбивает лампу, чтобы разозлить отца, а затем не плачет, когда он ее ударяет за этот проступок). Бланшетта проявляет решимость, когда уходит из отчего дома: она не готова мириться с существующим положением дел.

Похожее сочетание волевого характера и женской мягкости прослеживается в образе главной героини из пьесы «Кормилицы» (другой перевод названия — «Заместительницы»). В разных обстоятельствах автор показывает разные грани характера героини: от покорности до протеста про-

тив несправедливости. Лазаретте пришлось подчиниться давлению семьи и стать кормилицей. Хотя нам может показаться, что Лазаретта стала разбалованной, это не так. Она скучает по своему сыну и, вероятно, в глубине души надеется, что из-за капризов ее отправят обратно в деревню. Когда она возвращается в финале, то мы видим сильную личность, способную навести порядок в своем доме. В отличие от первых двух произведений, в «Красной мантии» крестьянка не становится главной героиней, но она играет значительную роль в развитии интриги.

Так же как и героини «Бланшетты» и «Заместительниц», Янетта из «Красной мантии» не является идеальной женщиной: у нее есть свои слабые стороны характера. Чтобы дать зрителю подсказку, что за показным спокойствием героини что-то кроется, автор сообщает, что она имеет баскское происхождение. Автор предполагает, что у представителей этого народа неспокойный характер, поэтому неудивительно, что в гневе героиня совершает убийство.

Три героини Бриё обладают рядом общих черт: в них сочетаются мягкость и волевой характер. Их природная доброта проходит испытание жизненными обстоятельствами.

Патронникова Юлия Сергеевна,
к. филос. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

К. Инверницио: литература al femminile

Поклонников Каролины Инверницио не смущал недостаток оригинальности ее романов по сравнению с великими французскими и итальянскими писателями-фельетонистами. Все же к известным повествовательным моделям Каролина добавила кое-что свое: она знала, как говорить с женщинами.

Конечно, утверждать, что Инверницио — создательница «матриархального нарратива», что ее новый женский персонаж «не обходит границы патриархальной культуры, но ослабляет и разрушает их», — явное преувеличение. Романы Каролины как раз не предлагают никакой новой морали. Ее героини не просто продолжают считаться с патриархальным миром и его ценностями, но именно их и восстанавливают. Новизна в том, что нарушенный порядок возвращает женщина, что героини объединяются в некий союз, обнаруживают свою автономию, но ценности, за которые они борются, остаются в своей сути глубоко патриархальными: семья, ее единство, честь, доброе имя. Женщина была и остается «ангелом-хранителем семейного очага, хотя и становится активнее в борьбе за его сохранение» [Eco, 1979: 20]. Семья — вот ключевая ценность, это «закрытое место», выполняющее функцию приюта и защиты и прославляющее систему прочных ценностей и чувств.

Литература:

Eco U. Tre donne intorno al cor // Carolina Invernizio, Matilde Serao, Liala. Di Umberto Eco, Marina Federzoni, Isabella Pezzini e Maria Pia Pozzato. La nuova Italia. 1979. P. 20.

Плошкина Наталия Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург)

А. Бен — родоначальник женского направления в английской литературе. Эволюция женских образов в ее драматических произведениях

Афра Бен (1640–1689?), первая английская профессиональная писательница, внесла значительный вклад в историю своей национальной культуры. Она успешно и плодотворно работала в различных жанрах. Однако особое место в ее литературном наследии занимают драматические произведения. Из 18 пьес, созданных Бен, 12 относятся к комедийному жанру, четыре являются трагикомедиями, одна — трагедией и одна — фарсом. Ее перу принадлежат многочисленные прологи и эпилоги к своим и чужим пьесам, которые постепенно стали выделяться в самостоятельные поэтические жанры.

Центральная тема драматических произведений Бен — положение женщины в обществе, ее отношение к вопросам любви и брака. Впервые в истории английской литературы героини писательницы отстаивают равенство полов в любви, их одинаковую ответственность за свои чувства. В посвящениях, прологах и эпилогах сама Бен, которую зарубежные критики называют «пионером женского движения за эмансипацию в Англии» [Goreau, 1981: 3], выступает за равные с мужчиной права на профессиональную деятельность. В. Вульф, оценив тот вклад, который Бен внесла в отечественную литературу, отмечает, что художественные шедевры не рождаются сами по себе: они — результат труда многих авторов, практически тысяч людей; поэтому Ф. Берни, Дж. Остен, Дж. Элиот и многие английские писательницы «обязаны возложить цветы на могилу А. Бен» [Woolf, 1936: 121].

Пристальное внимание Бен к женскому вопросу нашло непосредственное отражение в созданных ею женских образах. В пьесах Бен четко прослеживается переход драматурга от стереотипов героинь, свойственных жанру трагикомедии, к романтическим образам женских персонажей в ее комедиях. Понимание душевного мира простого человека, искреннее сочувствие своим героям, являющиеся типичными признаками ее комедий, в полной мере проявились в драматургии О. Голдсмита, Г. Филдинга, Р. Шеридана.

Творчество Бен до настоящего времени является объектом пристального внимания как зарубежных ученых, так и общественных женских организаций на Западе. В материалах научных конференций, в ведущих филологических журналах за рубежом неизменно подчеркивается ее роль как драматурга и писателя в движении английских женщин за свои права. В Англии создано общество «Афра Бен за права женщин в искусстве», которое проводит ежегодные слушания с приглашением ведущих литературоведов, занимающихся изучением ее творческого наследия.

Литература:

1. *Goreau A.* The Reconstructing Aphra. Oxford, 1981.
2. *Woolf V.* A Room of One's Own. London, 1936.

Погудина Наталия Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Сидорченко Л. В., д. ф. н., профессор

Своеобразие женских персонажей в романе Дж. Хогга «Исповедь оправданного грешника»

Мир романа Дж. Хогга «Исповедь оправданного грешника» изображен преимущественно как мир мужской. Большая часть персонажей-двойников в истории представлена мужскими парами: Робертом и Джорджем, Робертом и Гил Мартином, Колвэном и Рингимом, Редактором и скотоводом «Джеймсом Хоггом» и т. п. В то же время женщин в романе сравнительно немного. Если исключить из анализа эпизодических персонажей, можно говорить лишь о трех второстепенных героинях, которые, тем не менее, по воле автора играют главные роли в нескольких ключевых для романа сценах: Рабине Колвэн, леди Далкасл, экономке лэрда Далкасла Арабелле Логан и проститутке Белл Калверт, свидетельнице преступления.

Изображая их, Хогг придерживается психологической достоверности. Его героини наделены как положительными, так и отрицательными качествами, на протяжении романа они меняются, развиваются.

Арабелла и Бел противопоставлены в романе религиозно-фанатичной леди Далкасл. Описывая леди Далкасл, Хогг постепенно переходит от мягкой насмешки к злой иронии. Молодая и красивая девушка, всецело преданная своему пастору, наделена страстностью натуры, отчаянной решимостью и — в высшей степени — главной шотландской добродетелью — упрямством. Но с течением времени страстность ее натуры оборачивается непримиримостью, преданность вере — узостью мышления и лицемерием. Ее эгоизм становится причиной разделения семьи на два враждующих лагеря. Роберт, ее младший сын, перенимает все негативные черты матери.

Симпатии автора (и, как правило, читателя) в романе принадлежат двум другим женским персонажам: Арабелле Логан и Белл Калверт. Им в не меньшей степени, чем Рабине, свойственны решимость, упрямство, страстность натуры и преданность. Для Белл эти черты характера в равной степени способствуют сначала ее падению, а затем освобождению из тюрьмы. Арабеллу они мотивируют на действие — на поиски убийцы сына ее лэрда и восстановление справедливости.

Арабелла и Белл представлены в романе как персонажи-двойники. Они не только носят одно имя, их также роднит и занимаемое ими в обществе двусмысленное положение. Нарушая существовавший в то время негласный запрет, Хогг не только дает право голоса персонажу-парии (Белл), но и наделяет ее теми чертами характера, которые вызывают у читателя симпатию. Арабелла и Белл становятся теми «колокольчиками правды», которые с каждой страницей романа начинают звучать все громче. Их преданность друг другу, смелость, решительность, отвага и жажда справедливости помогают им обнаружить преступника и призвать его к ответу.

Каковы бы ни были совершенные ими в жизни ошибки, Арабелла и Белл оказываются ближе к нравственному идеалу и к простому шотландскому народу; зло не способно ввести их в заблуждение и укрыться от них под маской добродетели.

Попова Мария Константиновна,
д. ф. н., профессор, Воронежский государственный университет

Женщины — лауреаты западных литературных премий в XXI в.

Проведенный анализ состава женщин-лауреатов западных литературных премий показывает, что в XXI в., по сравнению со второй половиной XX в., их количество значительно увеличилось. Так, например, Нобелевскую премию в 2000–2015 гг. получили пять женщин (в 1950–2000 гг. — четыре). Заметной тенденцией можно считать изменение состава авторов. Многие писательницы являются иммигрантками в первом или втором поколении; они могут быть билингвами или как-то иначе проявлять свою мультикультурность. Сибилла Левичарофф (Гонкуровская премия 2013 г.) — немка по матери, болгарка по отцу, иммигрировавшему еще в 1940-х гг. Родители Лиди Сальвер (Гонкуровская премия 2014 г.) — испанцы.

Иммигрантское происхождение нередко определяет идейно-тематическое своеобразие творчества писательниц. Мари Ндиайе (Гонкуровская премия 2009 г.) увлечена темой межкультурной коммуникации, особенно на личностном и внутрисемейном уровне. Ее роман «Три сильных женщины» состоит из трех частей и рассказывает о взаимоотношениях жителей Африки и Западной Европы. Первая часть представляет собой историю француженки, отправляющейся в Сенегал на поиски своего африканского отца; вторая — рассказ о жизни семейной пары: мужа-француза и женщины-африканки; третья — описание судьбы молодой сенегалки, вынужденной эмигрировать в Европу.

Не обходят вниманием писательницы и темы трагического звучания, нередко связанные с историческими катаклизмами XX в. Герта Мюллер (нобелевский лауреат 2009 г.) в романе «Качели дыхания» повествует о депортации немцев, проживавших в Румынии, в ГУЛАГ. Донна Тартт (Пулитцеровская премия 2014 г.) посвящает роман «Щегол» теме взросления подростка Тео Декера, судьба которого определяется терактом в нью-йоркском музее, в результате которого он потерял мать.

Придорогина Елена Александровна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Репрезентация «женского» в драматургии Ф. Ведекинда

Свое представление о сущности женской природы Ф. Ведекинд дает в прологе к драме «Дух земли» (1896): устами одного из героев (укротителя) он призывает главную героиню (Лулу) не отступать от отведенной для нее в пьесе роли — воплощать собой на сцене «пра-образ женщины».

Под «пра-образом женщины» автор имеет в виду «естественность», «непосредственность», «неиспорченность» — качества, давно утраченные, по его мнению, в современном обществе благодаря традиционному буржуазному воспитанию и «пренебрежительному отношению» к человеческой сексуальности. Способность вернуться к своему естеству Ведекинд связывает с природой «женского», с ее особенной (сверхчеловеческой) «гибкостью» и возможностью (в отличие от «мужского») находить «баланс» между «духом» и «плотью», человеком и природой. Опираясь на философию Ницше, Ведекинд формирует свою концепцию женственности и выводит на сцену новый тип героини — «Freudenmädchen» («девушки легкого поведения», или, буквально, «девушки-радости»), объединивший в себе черты демонических femme fatale эпохи рубежа веков, современной гетеры и ницшеанского сверхчеловека.

Героини пьес Ведекинда живут чувственными радостями вопреки законам буржуазной морали и представлениям о роли женщины и ее истинном предназначении. Женственность ассоциируется в творчестве писателя с сексуальностью, потребностью проявить свое естество, «звериное» начало человеческой природы и, слившись с природой, ощутить, наконец, гармонию с окружающим миром и счастье земного бытия. Мир эротики и свободы чувственных желаний, в который героини Ведекинда увлекают своих партнеров, предстает, таким образом, как иная реальность, стоящая над законами морали и нравственности. Бордель или эротический райский сад, куда героев — и женщин, и мужчин — приводят мучительные поиски свободы и собственной идентичности, является, по сути, моделью нового идеального общества «естественных» людей, представляющих собой альтернативу существующему общественному порядку. Ведекинд предлагает весьма своеобразную трактовку образа современной женщины. С одной стороны, он призывает возродить атавистический женский гетеризм, т. е. выступает за возврат к архаике в отношениях полов и тем самым «принижает» женщину. С другой стороны, писатель и «возвышает» ее до статуса сверхчеловека, провозглашая идеи освобождения и развития женщины.

Проскурнин Борис Михайлович,
д. ф. н., профессор, Пермский государственный
национальный исследовательский университет

Дж. Элиот — писатель и мыслитель: интеллектуальное и художественное в романе «Дэниель Деронда»

В докладе освещаются следующие аспекты заявленной темы:

1. Особенности этико-философских, социокультурных и морально-нравственных взглядов Джордж Элиот. Джордж Элиот как общественный мыслитель своего времени.
2. Своеобразие отношения Джордж Элиот к еврейскому вопросу в викторианской Англии. Джордж Элиот и ранний сионизм. Отражение этого в сюжетно-композиционной структуре романа «Дэниель Деронда».

3. «Двуполюсность» художественной системы романа как отражение поисков писательницей синтеза собственно художественного (романного) и интеллектуального начал.
4. Проблема положительного героя и идеала в художественном целом романа.
5. Особенности решения темы женской судьбы в условиях маскулинизированной общественной парадигмы.
6. Своеобразие художественного психологизма в романе и проблема художественной целостности романа.

Самарина Марина Сергеевна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Средневековая женская мистика: феномен А. да Фолиньо

Анжела да Фолиньо (1248–1309) на фоне других многочисленных последовательниц Франциска Ассизского выделяется своей необычной личностью и маргинальной манерой поведения («кликушество»). Анжела являлась духовным вождем оппозиционных церкви спиритуалов (полуеретической ветви францисканского ордена), ее литературное наследие — «Книга видений» — представляет собой одно из самых драматических произведений итальянского средневековья. Неоднозначная личность писательницы еще при жизни вызывала самые полярные оценки: от экзальтированного поклонения до обвинения в общении с дьяволом. Она была канонизирована католической церковью в 1701 г. Интерес к наследию Анжелы привел к тому, что ее «Книга видений» была издана практически сразу же после появления в Италии книгопечатания, т. е. вместе с «Божественной комедией» Данте.

«Книга видений» была продиктована Фолиньо ее исповеднику — францисканскому монаху Арнольду. В книге описывается история ее религиозного мистического опыта в крайне откровенных образах, из-за чего текст книги неоднократно был подвергнут церковной цензуре инквизиции. Восприятие и соединение с Богом у Фолиньо описаны как «радость-страдание» и имеют определенный болезненный оттенок: в описании ее экстазов и экстатических практик прослеживается не только явно эротическая, но и очень сильная садо-мазохистская и даже некрофильская составляющая. Текст не всегда ясен для прочтения, т. к. Анжела, диктуя его, неоднократно подчеркивала невозможность описать словами ни опыт мистических переживаний, ни божественную сущность видений, ведь все это относится к области несказанного и невыразимого.

Несмотря на недостаток образования Фолиньо и эмоциональность ее стилистики, в «Книге видений» есть ряд глубоких философских и теологических идей, являющихся развитием учений великих мистиков предыдущих эпох: Дионисия Ареопагита, Бонавентуры, Бернарда Клервоского; вероятно, нахождение в среде спиритуалов способствовало усвоению сложных мистических систем и теологических учений. Фолиньо, таким образом, создает свое собственное, простое, но стройное мистическое учение и собственную

систему религиозных практик. С лингвистической точки зрения текст книги является интересным образцом «народного» разговорного итальянского языка эпохи Данте.

Сапожникова Юлия Львовна,
д. ф. н., профессор, Смоленский государственный университет

Проблема самоидентичности в афроамериканских классических историях рабов, написанных авторами-женщинами

Афроамериканские «истории рабов», или «классические истории рабов», (slave narrative) — это автобиографические повествования беглых или освобожденных рабов, которые они рассказывали белым переписчикам-редакторам или писали сами в конце XVIII — начале XX в. Интерес к проблематике идентичности впервые появился именно в этих произведениях, ставших описанием стратегий выживания темнокожих невольников и сохранения ими собственной идентичности как представителей этнической группы.

Осмысление названной центральной темы в основном проходило через рассмотрение соответствующих бинарных оппозиций. Жизнь раба выстраивалась, в первую очередь, через оппозицию «белое — черное». Однако она касалась не только моральных, но и социальных отличий, последние реализовывались в повседневной жизни плантаций и должны были быть отражены в произведениях темнокожих невольников через оппозиции «хозяин — раб» и «человек — раб (животное)».

Однако в историях рабов, написанных женщинами, оппозиция «человек — раб (животное)», как нам кажется, в значительной степени утрачивает свою актуальность, т. к. в этих произведениях все внимание обращено на темы дома, семейного быта, переживаний самих женщин и их детей, а значит, человеческие переживания. Другим источником борьбы с идентичностью раба становится у авторов-женщин религия. Соответственно, в повествованиях женщин возникает оппозиция «вера рабов — религия рабовладельцев». Кроме того, развитие женщины происходит в отношениях, при этом на первый план выходит эмоциональная близость, психологическое состояние женщины напрямую зависит от этого общения, она стремится заботиться о других людях и нести за них ответственность, поэтому община играет в ее жизни большую роль.

В своих повествованиях авторы-женщины постоянно цитируют песни рабов, они передавались из уст в уста и являлись источником общинного самовыражения, а также способом передачи культурной памяти. Таким образом, в историях рабов, написанных авторами-женщинами, мы видим героинь — представительниц общины. Они формируют собственную идентичность под влиянием своей семьи, особенно женской ее части, и культурного наследия всей общины, борются за сохранение уважения семьи и собственного достоинства, но, обнаружив невозможность этого в рабстве, решаются бежать, в первую очередь ради своих детей.

Сиверцева Катерина Михайловна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Лавиния и Пенелопа: дар слова. Два феминистских романа на сюжеты из античной мифологии

В начале нынешнего века две англоязычные писательницы, совершенно независимо друг от друга, опубликовали два романа, посвященные двум всемирно известным женщинам античности: Пенелопе, жене хитроумного Одиссея («The Penelopiad», М. Этвуд, 2005) и Лавинии, жене Энея, основателя Рима («Lavinia», У. К. Ле Гуин, 2008).

Эти авторы — современницы, литературная карьера обеих началась в 1960-х гг., отсюда главное их сходство: обе они убежденные и последовательные феминистки. Но, как и внутри любой идеологии, различие позиций значит больше, чем принадлежность к одной вере. Этвуд всегда выступала как радикальная, или «сердитая», феминистка; знаковыми являются ее романы «The Edible Woman» (1969) и «The Handmaid's Tale» (1985), ставшие классикой жанра феминистической антиутопии. Что касается Ле Гуин, ее позицию можно определить как либеральный феминизм: начиная с романа «The Left Hand of Darkness» (1968) она исследует природу пола в контексте культуры, антропологии и психологии, но не политики.

Желание дать «право голоса» двум традиционно безгласным, во всех отношениях несамостоятельным мифологическим персонажам-женщинам вполне закономерно для писательниц подобных взглядов. Одна из главных задач доклада — выяснить, почему именно в начале XXI в., в эпоху постфеминизма, когда основные политические цели движения или достигнуты, или утратили актуальность, появились эти два произведения, а также чем они схожи.

Не менее важно для исследователя продемонстрировать, как сложившиеся за долгие годы системы взглядов двух зрелых писательниц (Этвуд написала о Пенелопе в 66 лет, а Ле Гуин о Лавинии — в 84 года) определяют трактовку образа главной героини, роль второстепенных персонажей, в т. ч. мужей, Одиссея и Энея, а также окружающих героиню женщин и, наконец, композицию каждого из романов.

Основной вывод исследования состоит в том, что, хотя феминизм как политическое движение пережил расцвет в 1960–1970-х гг., а к началу нового столетия, по убеждению докладчика, практически утратил смысл и выродился в собственную пародию, сформированное им социально-этическое кредо по-прежнему дает творческий импульс тем, кто осмысленно и последовательно исповедует его идеи.

Сидорова Ольга Григорьевна,
д. ф. н., профессор, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Ф. Э. Стил: исследователь, писательница, пропагандист Британской Индии

В конце XIX — начале XX в. проблематика британского владычества в Индии активно входит в английскую литературу. «Второй после Киплинга» писательницей Британской Индии была признана Ф. Э. Стил (1847–1933),

которая провела в Индии более двух десятилетий. Приехав в колонию в возрасте 20 лет в качестве жены чиновника колониальной службы, она фактически отказалась от традиционной роли «мем-сахиб» (так почтительно обращались к замужней европейской женщине в Индии), выучила несколько местных языков, заинтересовалась фольклором и историей страны, стала организатором женского образования в Индии. Писательская карьера Стил началась еще во время ее пребывания в Индии, когда она опубликовала несколько сборников сказок для детей, в них активно использовались мотивы индийского фольклора. Опубликованная в 1888 г. в соавторстве с Г. Гардинер «Книга по ведению домашнего хозяйства и приготовлению пищи в Индии» стала бестселлером на несколько десятилетий, а в 2010 г. была переиздана в серии «Oxford World's Classics». Являясь ярким примером «колониального нехудожественного текста» (Э. Бемер), это произведение, тем не менее, неоднозначно с идеологической точки зрения, поскольку автор не идеализирует англичан в Индии, критикуя общепризнанные подходы.

После возвращения в Англию в 1889 г. Стил написала более 20 книг (романов и сборников рассказов), очень популярных у читателей, действие большинства из них происходит в Индии. Роман «Водная гладь» (1896), относящийся к популярной в этот период разновидности «романов о Восстании» (имеется в виду восстание сипаев 1866–1856 гг.), описывает любовную историю представителей разных культур на широком историческом фоне. В отличие от большинства авторов Британской Индии, Стил критически оценивает ряд английских колониальных практик, а также демонстрирует гибридность (по терминологии Х. Бхабы) сознания и оценок. В XX в., после получения Индией независимости, творчество писательницы подверглось критике и даже осуждению, а впоследствие было фактически вычеркнуто из истории литературы. Полагаем, что произведения Стил заслуживают объективной оценки в контексте современной культурной парадигмы.

Сидорченко Лариса Валентиновна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Образы восточных женщин в письмах леди Мэри Уортли Монтэгю

Леди Мэри Уортли Монтэгю (1689–1762), дочь герцога Кингстонского, была широко известна еще при жизни и как поэтесса, создавшая сатирические «Городские эклоги», и как автор прозаических эссе, публиковавшихся в журналах Аддисона и Стиля. Однако особую популярность ее имя приобрело с 1763 г., когда посмертно были опубликованы ее письма, в т. ч. «Письма с Востока», отразившие впечатления леди Мэри от пребывания в Османской империи в 1716–1718 гг. в качестве жены английского посла. Положение женщины в Османской империи стало сквозной темой ее писем, тем более что среди адресатов доминировали женщины, принадлежащие к родовитейшей аристократии. Именно в письмах к ним превалирова-

ли красочные описания жизни высокопоставленных представительниц из окружения правящего султана Ахмета III и жанровые зарисовки быта простолюдинок.

Леди Мэри подробно описала свой визит к супруге Великого Визиря, которая поразила ее своими изящными манерам. Неизгладимое впечатление произвело на писательницу посещение дома султанши Хафитен, которая рассказала ей о церемонии выбора султаном жены на ночь. Польстила ей аудиенция, данная ей матерью Ахмета III после военных успехов англичан в Египте. Однако в гарем султана леди Мэри так и не попала, хотя в письмах это тщательно скрывала.

Жизнь знатных турчанок представлялась леди Мэри как непрерывная череда удовольствий. В связи с этим она отвергла популярную в Европе идею, согласно которой турчанка — жалкое и несчастное существо. Она была убеждена в том, что затворницы гарема находят способы изменять своим мужьям столь же часто, как и английские светские дамы. Знакомство с религией мусульман на основе бесед во время пребывания в Османской империи привело леди Мэри к выводу, согласно которому нет существенных различий между англиканством и мусульманской верой. При этом в письмах проступало намерение автора не столько противопоставить нравы и обычаи западноевропейцев и жителей Османской империи, сколько найти общее, объединяющее их, ибо с просветительской точки зрения она отвергала интеллектуальные и культурные барьеры между людьми разных национальностей.

Вместе с тем, при всей субъективности авторских оценок, в письмах прослеживается желание понять национальную психологию восточных народов. Леди Мэри представила свою версию Востока, основанную на полемической конфронтации с устоявшимися взглядами ортодоксальных ориенталистов и на критическом осмыслении новых фактов, полученных ею при непосредственном знакомстве с реалиями Востока. При этом «иной» Восток трактовался ею в контексте просветительских идей, веротерпимости и толерантности. Представленные сведения о реальном положении восточных женщин содействовали точности в изображении мусульманских нравов. В этом смысле письма явились важным источником по изучению Востока.

Соколовская Мария Георгиевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет

«Женская нота» в произведениях Э. М. Форстера

О необходимости признать существование «женской ноты в литературе» Э. М. Форстер говорит в одноименном эссе (The Feminine Note in Literature), прочитанном на собрании группы «Блумсбери». Эссе во многом предвосхищает идеи «Собственной комнаты» В. Вулф, услышавшей доклад Форстера в том самом декабре 1910 г., когда, по ее знаменитому высказыванию, «человеческий характер изменился». Знаменательно и то, что именно в 1910 г. вышел роман Форстера «Хауардз-Энд», в котором положения эссе

находят художественное воплощение. Можно сказать, что эссе стало своего рода глоссой к роману.

Если в романе «Комната с видом» (1908) освобождение от викторианских гендерных стереотипов было одной из главных тем, то в «Хауардз-Энде» гендерный аспект становится структурообразующим: «мужской» клан Уилкоксов и все, что за ним стоит: бизнес, имперские интересы, «внешняя жизнь» — противопоставляется образованным свободомыслящим Шлегелям, в «женском» доме которых «ничего не происходит, кроме искусства и литературы». В свою очередь образы, связанные с местом соединения и примирения — Хауардз-Эндом, старинным фермерским домом, над которым, словно товарищ, склонился древний вяз, обладают свойством некоей андрогинности.

Даже для описания внешности героев Форстер пользуется принципиально разными художественными средствами. Генри Уилкокс изображен достаточно традиционно и реалистично; более импрессионистично описаны сестры Шлегель. Рут Уилкокс, одна из таинственных героинь Форстера, соединяющих в себе две реальности, подобно миссис Мур в «Поездке в Индию» (1924), не воспринимается вне лейтмотивов и символов, которые создают подводное течение романа. Именно этот «второй» сюжет романа, порой вступающий в противоречие с «первым», служит главным проводником возможности соединения (в т. ч. соединения мужского и женского начал), призванного гуманизировать и спасти цивилизацию.

Федяева Татьяна Анатольевна,
д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Ипостаси женского в драматургии Ф. Миттерера

С самого начала творческого пути Ф. Миттерера (конец 1970-х гг.) женские образы занимали в его драматургии одно из центральных мест. Первые пьесы писателя («Стигма», 1981; «Дикарка», 1986) задают религиозно-мифологический вектор в разработке женской темы. В них центральные героини предстают и как святые, и как ведьмы, причем эти два качества трактуются как две не обязательно противоположные стороны сущности женской природы. Исходной для понимания образов центральных героинь пьес Миттерера является мысль о большей, чем у мужчин, способности женщин воспринимать божественную чистоту и красоту, данную нам в реалиях этого мира. Близость божественному чревата для главных героинь гонениями и жертвами («Стигма»; «Жанна, или Изобретение нации», 2002).

Основные критерии для оценки образов героинь дает тема насилия и смерти — неизменная составная часть драматургии Миттерера. Неуважение к женщине («Женщина в автомобиле», 1998), насилие над женщиной («Дикарка», 1986), отсутствие женского начала («Авраам», 1993) влечет за собой гибель главных героев — мужчин, как бы запрограммированную в главном коде жизни.

Объяснение негативным явлениям современного общества Миттерер видит не в феминистских трактовках, жестко и агрессивно противопоставляющих мужское и женское при неизменном превосходстве женского, а в давнем и принципиальном религиозном конфликте этих ипостасей, который был заложен в католической традиции. Чтобы разрушить господство мужского начала в мире, в пьесе «Крах в доме Господнем» (1994) драматург предлагает ввести в состав божественной Троицы четвертого персонажа — женщину, Богоматерь.

Хохлова Ирина Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дидактическая поэма маркизы де Алорна «Ботанические отдохновения»

Жизнь Леоноры Лорены Алмейды Ланкастерской, маркизы де Алорна, известной в истории португальской литературы под своим аркадским именем Алкиппа (1750–1839), была полна превратностей и приключений. В семилетнем возрасте она была заключена в монастырь, где провела долгих 19 лет. В монастыре маркиза получила прекрасное светское образование, занималась музыкой, читала Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, П. Корнеля, Ж. Расина. Свобода пришла с изменением политической ситуации и замужеством. Положение мужа, графа Ойенгаузена, министра при австрийском дворе Иосифа II, позволило де Алорна жить за границей и открыло перед ней новые европейские горизонты. Знакомство с выдающимися умами того времени, мадам де Сталь и П. Метастазио, повлияло на решение де Алорна организовать у себя в Лиссабоне литературный салон.

Писать стихи маркиза начала еще в монастыре и владела всеми жанрами: ее перу принадлежат сонеты, оды, канцоны, элегии, поэмы, эпиграммы. Ее поэзию отличает философская направленность, нападки на фанатизм и деспотию, преклонение перед прогрессом и естественными науками. Этот интерес к естествознанию отразился в дидактической поэме из шести песен «Ботанические отдохновения». Замысел поэмы возник под влиянием описания райского сада у Д. Мильтона и «Времен года» Дж. Томсона (1730). Углубленное восприятие природы распространяется здесь не только на зримые образы, но и — с помощью задействования (в т. ч. путем отсылки к масонским ритуалам) эмблематических и символических связей — отсылает к вечным понятиям: героизму, чести, благородству, славному историческому прошлому Португалии и ее героев.

Произведения маркизы де Алорна свидетельствуют о постепенной ломке классицистической поэтической системы и возникновении направления сентиментализма. Новое понимание поэзии, «сестры страдания»: «Лира звучит прекрасней, если омыта слезами» — раскрывается в наслаждении меланхолическим одиночеством, в мечтаниях и ночных размышлениях над кладбищенскими руинами. Воображение, мечтательность, перенесение душевного состояния на окружающий мир («Кто живет как я, всегда видит цветы, черные краски зла») составляют признаки романтической поэзии.

Чамеев Александр Анатольевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ева и ее место на «лестнице природы» в «Потерянном рае» Д. Мильтона

В англоязычном литературоведении трактовке образа Евы в эпосе Д. Мильтона посвящена обширная критическая литература. В последние десятилетия интерес к теме был заметно подогрет полемикой между авторами статей откровенно феминистского толка и их оппонентами. Первые на разные лады упрекают поэта в проповеди патриархальных взглядов на роль женщины в обществе. Вторые в полемическом задоре нередко впадают в другую крайность, объявляя Мильтона едва ли не сторонником идеи полного равноправия полов и рассматривая его Еву как фигуру «профеминистскую».

Мильтон был сыном своей переломной эпохи, пуританином, испытавшим противоречивое воздействие религиозных и гуманистических идей. Это воздействие сказалось, разумеется, и на его представлениях о женщине, о природе любви и брака. Первые люди в раю изображаются поэтом в согласии с концепцией «Великой Цепи Бытия» — иерархически упорядоченной цепи, тянущейся от Бога, творца всего сущего, к самым низким формам материи. В каждом звене цепи есть своя иерархия, и ее нарушение чревато трагическими последствиями. Есть такая иерархия и в звене, которое занимают Адам и Ева: в изображении автора Адам на лестнице Природы стоит одной ступенькой выше Евы, пребывает ближе к Богу, т. е. к духовным сферам бытия; Ева же теснее, чем Адам, связана с чувственным миром природы. Мильтон настойчиво подчеркивает, что Ева, превосходя Адама внешней красотой, «по назначению Природы/Исконному» уступает ему в силе интеллекта.

Поэт, бесспорно, разделяет общепринятое в его эпоху мнение, что мужчине должно принадлежать главенство в семье. Особое значение имеет в поэме концепция грехопадения. Желая обосновать грехопадение и совместить это обоснование с христианским учением о всеблагом и всесильном Боге, Мильтон пытается рационально, психологически объяснить отказ первых людей от состояния невинности. Он показывает, что в самом характере их таились те слабости, которые в конечном счете оказались для них роковыми: поэт рассказывает о сне Евы, предвещающем ее падение; он изображает ее предрасположенность к заблуждениям, к самолюбованию. Автор показывает, наконец, что Ева незадолго до грехопадения вступает в спор с Адамом, забывая о своем долге во всем повиноваться его высшей мудрости.

Поэт, однако, далек от безоговорочного осуждения своей героини. В его изображении вкусить запретный плод побуждают Еву тщеславие и неуемная жажда знания. В сомнениях Евы относительно греховности познания слышны отзвуки сомнений самого автора: для него оно не грех, а благо, хотя за него и приходится платить порою дорогую цену. Рисуя сцену грехопадения с сочувствием и пониманием, Мильтон вплотную подходит к философскому оправданию поступка своей героини, не согласующемуся с ортодоксальной религиозной концепцией.

Чжан Цзычжу,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Бурова И. И., д. ф. н., профессор

Образ героини в лирическом цикле Э. Спенсера «Amoretti и Эпиталама»

Принято считать, что образ возлюбленной в лирическом цикле Э. Спенсера «Amoretti и Эпиталама» сочетает в себе черты исторического прототипа (жены поэта) и традиционного образа дамы в ренессансной (петраркистской) любовной лирике. В докладе предлагается более детальный анализ образа героини Спенсера.

Во-первых, рассматриваются новаторские черты, приданные этому образу поэтом и отличающие его от более ранних героинь любовной лирики Ренессанса. Во-вторых, с опорой на концепцию А. Элман, которая в образе жениха в «Эпиталаме» выделяет черты Орфея, Адама и Христа, делается попытка установить, носит ли образ невесты черты Эвридики, Евы и Церкви Христовой. Анализ образа Элизабет в контексте образов героинь любовной лирики Позднего Средневековья и эпохи Возрождения позволяет выделить три типа женских образов: 1) абстрактный образ женского идеала (например, дамы в лирике трубадуров); 2) образ, наделенный индивидуализирующими чертами: именем, элементами биографии, — но не обладающий активной ролью в развитии сюжета лирического цикла, эта роль определяется личными чувствами поэта-повествователя (Беатриче в «Новой жизни» Данте и Лаура в «Книге песен» Петрарки); 3) образ, обладающий чертами первых двух, но при этом непосредственно вовлеченный в действие (Элизабет в «Amoretti и Эпиталаме» Спенсера).

Принадлежность героини «Эпиталамы» к третьему типу позволяет выделить в поэме как заключительной части лирического цикла повествовательную и драматическую составляющие.

Шахназарян Наринэ Мартиросовна,
к. ф. н., доцент, Беларусский государственный университет

М. Робинсон: от «женского» романа к «мужской» поэзии

Творческий путь Мэри Робинсон (1758–1800) включает театральный и литературный периоды. Будучи актрисой шекспировского репертуара, она покидает сцену и всецело посвящает себя литературе с 1788 г. На протяжении 12 лет активной работы (восемь «готических» романов, шесть сборников стихотворений, две пьесы) писательница упорно совершенствовала профессиональное мастерство, но высшей целью поставила преодоление рамок «женской» литературы» и достижение качества истинного поэта, с которым ассоциировались творцы-мужчины. Робинсон состояла в активной переписке по вопросам современной поэзии с С. Т. Колриджем, который отзывался о ней так: «Она была женщиной, наделенной несомненным гением» (1800).

Вершиной творческих усилий Робинсон стал сонетный цикл «Сапфо и Фаон» (1796). В предисловии к сборнику из 44 сонетов писательница объясняет свой выбор «правильного» (legitimate) сонета, образец которого дают Петрарка и Мильтон, и неприятие «надуманного» (sophisticated) сонета «романтического писаки» (romantic scribbler). Робинсон, ранее использовавшая псевдонимы (Лаура, Табита Брэмбл), подписывает своим именем данный цикл, в который она вложила всю силу оригинального искусства драматической поэзии и лирической исповеди.

Художественный язык Робинсон объединяет стилевые приемы, характерные как для античной, ренессансной, классицистической, так и романтической поэзии. У Робинсон в истории английской сонетной лирике была только одна предшественница, о которой она могла не знать. В эпоху Возрождения аналогичный переход от романа к сонетному циклу осуществила Мэри Рот, чья творческая манера формировалась под влиянием Филиппа Сидни и Мэри Сидни (Пембрук): незаконченный роман писательницы «Графиня Монтгомери Урания» (The Countess of Montgomery's Urania) был создан по образцу «Аркадии» Сидни. В качестве приложения к роману Рот предлагала первый созданный в Англии женщиной цикл сонетов — «Памфилия Амфилантусу» (Pamphilia to Amphilanthus, 1621). Он состоит из 103 сонетов и песен по образцу «Астрофила и Стеллы» Сидни, но героиня играет главную роль, и тема жертвенной любви выходит на первый план: Памфилия верна и страдает от непостоянства Амфилантуса («In this strange Labyrinth how shall I turne?»).

Возможно, «неравенство» мужчин и женщин в истории литературы связано не столько с социальным и гендерным аспектами, сколько с представлением о том, что женское творчество в большей степени принадлежит к области массовой, а не классической литературы. Именно поэтому Робинсон — как автор «бестселлеров» (тираж романа «Ванценза» был распродан за неделю) — называла роман «женским», а поэзию, к вершинам которой сумела взойти, — «мужской».

Юрьев Андрей Алексеевич,
к. иск., профессор, Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Женщина-дитя и женщина-личность: «Кукольный дом» Х. Ибсена в свете идей С. Киркегора

«Кукольный дом» Х. Ибсена часто рассматривается как одно из центральных произведений европейской литературы на тему женской эмансипации. Между тем феминистскую трактовку пьесы решительно отвергал сам драматург, утверждавший, что он не собирался писать пьесу о женских правах, а только о людях. Но к словам Ибсена и сегодня далеко не всегда прислушиваются и считают, что в «Кукольном доме» автор принес психологическое правдоподобие в жертву актуальной тенденциозности.

Столкнувшись с совершенно новыми принципами построения женского образа, современники драматурга не замечали, что образ Норы претерпевает

по ходу действия сложнейшую эволюцию и развязка является в полной мере психологически обусловленной. Героиня не преображается внезапно и не сбрасывает «маску», но стремительно взрослеет, превращаясь в *личность*, встающую в финале на путь самоопределения. «Нора, это большое *перезрелое дитя*, должна выйти в мир, чтобы обрести себя» — это беглое замечание, сделанное Ибсеном в одном из писем, точно выражает суть происходящего.

Подробный анализ действия «Кукольного дома», названного в авторских заметках к пьесе «современной трагедией», позволяет утверждать, что в основе *всего* ибсеновского замысла лежит творчески переосмысленная драматургом киркегоровская концепция личности вместе с известным учением датского мыслителя о «стадиях жизненного пути». В первом действии Нора-«ребенок» служит идеальным художественным воплощением киркегоровского «непосредственного эстетизма», главный принцип которого героиня Ибсена прямо выражает своим радостным восклицанием в разговоре с Кристиной: «Ах, право, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой!». Силой, инициирующей становление Норы, ее движение от детской невинности к личностной трагической свободе, является усиливающийся *страх*, имеющий разительное сходство со страхом киркегоровского Адама. Нора испытывает сильнейший страх перед испытанием, без которого ее полное человеческое развитие не может свершиться. Это испытание — реальная возможность самоубийства как необходимой жертвы, порождающая страх героини Ибсена перед смертью, тот страх перед ужасным и в то же время притягательным «ничто», без которого было бы невозможным, по Киркегору, *полное* человеческое развитие Адама. Кульминационным моментом в развитии «внутреннего действия» драмы, доводящим экзистенциальный страх до высшего напряжения и затем его как бы «снимающим», становится тарантелла Норы в конце второго акта, насыщенная скрытой религиозно-мистической символикой и образующая яркий художественный аналог киркегоровского иррационального «прыжка» (Springet).

В таком свете финальная сцена третьего акта предстает как катарсический исход, а образ героини обретает общечеловеческий масштаб, никак не сводимый к гендерным характеристикам.

ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЗИРУЮЩЕГО ПРОЧТЕНИЯ

Баранов Дмитрий Кириллович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о поэтике коммерчески успешной массовой литературы (на примере романов А. А. Бушкова)

Современная массовая литература, важный элемент системы культуры, не так часто становится предметом исследования литературоведов, хотя нельзя сказать, что она совсем не исследовалась. Так, например, С. Д. Балухатый, анализируя мелодраму, говорил о принципах рельефности, контрастности и динамичности, которые актуальны и для современной массовой

культуры. В. М. Маркович отмечал, что для низовой культуры характерно смешение разных литературных кодов.

Основным подходом к изучению подобного материала оказывается социологический, позволяющий многое сказать о запросах общества, но не о структуре самих текстов. Успех и место книги в системе культуры во многом определяется внетекстовыми факторами, но нельзя абсолютизировать их роль. В докладе нас будут интересовать более конкретные приемы, которые используются одним из успешнейших авторов — А. А. Бушковым. Эти приемы связываются в единую структуру, в ее центре — идея эмоционального воздействия на читателя.

Этот «вывод» очевиден еще до начала работы, т. к. с точки зрения глобальных принципов построения текста романы большинства массовых авторов будут примерно одинаковыми. Именно поэтому мы не сосредотачиваемся на довольно продуктивном типологическом подходе, позволяющем выявить общие тенденции, характерные для массовой прозы, но не дающем возможности понять разницу между поэтикой успешного Бушкова и поэтикой его неудачливых конкурентов (ведь они будут по-разному реализовывать схожие инвариантные структуры). В силу этих причин дилогия Бушкова, принесшая ему известность («Рыцарь из ниоткуда» и «Летающие острова», 1996), сопоставляется нами с близкими по жанру, но менее успешными романами русскоязычных авторов, опубликованными в 1995–1997-х гг. соизмеримыми тиражами, чтобы понять, как именно Бушков усложняет приемы, типологически свойственные подобной литературе.

Это приемы, направленные на создание иллюзии правдоподобия, автономности вымышленного мира; усложнение структур саспенса; введение системы постоянных мотивных перекличек на небольших участках текста и использование ради удержания читательского внимания игры слов для описания табуированных и псевдотабуированных тем; совмещение двух продуктивных стратегий текста, одновременно удовлетворяющих желание читателя узнать в герое себя и желание походить на идеального героя и мн. др.

Главным принципом, по которому происходит усложнение того или иного приема, оказывается более активное вовлечение читателя в процесс чтения, сотворчества. В докладе расплывчатая формулировка о сконцентрированности массового текста на эмоциональном воздействии на читателя наполняется конкретным содержанием, без чего детальное изучение массовой культуры невозможно.

Калинин Илья Александрович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Антропологический поворот в гуманитарном знании: историзация кризиса

Призывы к взаимному обогащению социальных и гуманитарных исследовательских процедур необходимо радикализировать, поскольку, ратуя за прописывание прагматических контекстуальных связей между человеком и текстами, они по-прежнему исходят из представлений об их принципиальном различии. Противопоставление «живого опыта» и текста или

представление о тексте как семиотическом медиаторе, опосредующем какую-то иную, социальную (органическую или онтологическую) природу человека, тому свидетельство. Представления о «живом человеческом опыте» автоматически отсылают нас к представлениям о «мертвом теле текста», вписанного в жесткую грамматику отчужденного от человека языка. Концептуализация текста как медиатора столь же автоматически отсылает нас к субстанциализации человеческой природы, которую текст призван опосредовать. Призывая к отказу от бинарных оппозиций, этот мыслительный ход латентно нам их возвращает, но уже не в виде изначальной теоретической аксиоматики как в классическом структурализме, а в виде теоретического ориентира, к которому необходимо двигаться.

Антропологический поворот можно вписать в иную траекторию, ее движение предполагает учреждение пространства, надстраивающегося над различиями между социальными и гуманитарными методами и предметами. Это пространство дискурса, где текст выступает не как медиатор социальной активности человека, а как его часть, т. е. как непосредственная социальная активность, и в то же время человеческая социальность прочитывается как текстуальность. Находясь в этой плоскости, мы могли бы избежать пространственно-метафорических ловушек, заводящих нас в лабиринт представлений о «внутри» и «вне» текста. Переключая внимание на человека, мы по-прежнему остаемся наедине с текстами.

Известный тезис нового историзма «история текстуальна — текст историчен» можно перефразировать, поставив человека на место истории (что представляется абсолютно корректной субституцией). Этот обновленный тезис: «человек текстуален — текст человечен» — и мог бы стать формулой антропологического поворота. Обе составляющие этого тезиса — текстуальность человека и человечность текста — мотивированы историчностью человека. Собственно, история (не как наука, а как область постоянного напряжения между сменой и удержанием идентичности) и есть то пространство, подключение к которому текстуализирует человеческие тела и социально контекстуализирует человеческие тексты.

Мовнина Наталья Савельевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция «долга» у И. С. Тургенева с точки зрения истории понятий

Доклад посвящен возможностям прочтения литературы XIX в. в перспективе истории понятий (Begriffsgeschichte). При существенных методологических различиях представителей этого подхода он сконцентрирован на связях истории слов с изменением социальных и культурных практик. Изучение ключевых терминов культурного языка эпохи может служить средством контекстуализации художественных текстов внутри тех исторических и социальных процессов, которые оставляют свой след в семантике понятий, равно как способствовать осмыслению вклада самих текстов в «концептуальную историю». Основной материал, который рассматривается в докладе, — произведения И. С. Тургенева 1850-х гг. в свете истории понятия «долг».

Специфика русского понятия «долг» определяется контаминацией древнерусского понятия долга христианина (с лежащей в его в основе метафорикой «задолженности» перед Богом и долгов-грехов) и заимствованного в XVIII в. представления о гражданском долге (officium). Наиболее существенным в случае русского понятия «долг» оказалось то, что семантика христианского долга-задолженности имела глубокое влияние на представление о гражданском долге: ее сохранение внутри новообразованного понятия дворянской «должности» привело к сакрализации последней и превращению ее в общезначимую нравственную установку, которая на деле, благодаря тому, что дворянство было единственной влиятельной общественной силой, воспринималась как преимущественно дворянская миссия и привилегия. После «Указа о вольности дворянской» (1762) дворянский долг все меньше ассоциируется с государственной службой, возникает представление о долге помещика, в котором управление крестьянами рассматривается как служба, имеющая первостепенную общественную значимость.

Тургеневский роман «Дворянское гнездо» (1859) непосредственно связан с представлением о дворянском долге как долге помещика, оно вновь актуализируется в преддверии реформ. В то же время тургеневская концепция долга продолжает переосмысление дворянской этики уже после того как ее официальные формы были кардинально перетолкованы русским идеализмом. Возвращаясь к идее «долга», эта концепция остается воплощением того импульса к этическому творчеству, который в нем присутствовал.

Николаев Сергей Иванович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет,
член-корреспондент РАН

О филологическом методе

В докладе речь пойдет о современных методологических проблемах филологии и о месте традиционного филологического метода. Методологические моды и поветрия часто вызывали понятный скепсис и даже отторжение (от С. А. Жебелева и В. Н. Перетца до А. Компаньона). Филологический метод, разработанный филологами-классиками (от У. фон Виламовица-Мёллендорфа и М. Уэста), не утратил своей актуальности. По мнению докладчика, большой потенциал представляет в приложении к истории литературы метод микроистории (близкий к методу К. Гинзбурга). Это положение будет проиллюстрировано в докладе микроанализом одного фрагмента из Жития протопопа Аввакума.

Оверина Ксения Сергеевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Визуальные образы в романе М. Петросян «Дом, в котором...»

То, что появившийся в 2009 г. роман М. Петросян «Дом, в котором...» — явление интересное и неординарное, — тезис, уже не нуждающийся в доказательстве. Отмеченная несколькими литературными премиями,

вызвавшая положительные рецензии, эта книга сразу обзавелась армией поклонников, среди них люди разного возраста и увлечений. За романом сразу же закрепился статус текста, ускользающего от точных определений, текста, занимающего срединное положение между стилевыми, жанровыми и прочими полюсами литературной системы.

Уже первые страницы романа дают ясное представление о том, что главным художественным приемом этого текста является метафора (шире можно назвать это метаморфозой). Кроме того, все повествование здесь основано на том, что читателя заставляют смотреть на мир глазами разных персонажей: в книге не только чередуются точки зрения разных героев (Курильщика, Сфинкса, Табаки), но и уделяется большое внимание графическому оформлению письменного текста: записи на стенах, несобственно-прямая речь, дневник Курильщика выделяются разными шрифтами. Дом, «написанный» Петросян, словно стремится к максимальному визуальному воплощению, в нем главное — рисунок, образ. Отбор введенных в повествование элементов позволяет заметить, что даже бытовые детали становятся окрашенными в какие-нибудь цвета. Повествователь и герои, голосам которых он так часто вторит, любят каламбуры, основанные на реализации метафоры.

Однако эта насыщенность визуальными деталями сочетается в тексте с противоположной особенностью: в романе слишком много «пустых мест», лакун, возникающих в самых неожиданных местах. Иногда недосказанными остаются очень простые вещи (имена, внешность героев, обстановка), иногда пропущенными оказываются ключевые сюжетные элементы. Такие пропуски в повествовании — свойство, характерное для литературы, и оно было подробно описано Р. Ингарденом. Многие визуальные образы в романе соседствуют с неоткомментированными местами, поэтому создается ощущение, что роман распадается веером сюжетных вариантов, из которого читателю предлагается сконструировать собственный.

Впрочем, и такой подход к этому тексту не кажется верным. Роман «Дом, в котором…» живет метафорической жизнью: одно в нем прорастает в другое и обретает смысл именно в этом взаимодействии. И поэтика, и рецепция этого текста доказывают, что он сопротивляется однозначной интерпретации. Это вовсе не значит, что ее нет. Говоря словами одного из героев, «слова, которые сказаны, что-то означают, даже если ты ничего не имел в виду».

Поселягин Николай Владимирович,
к. ф. н., заведующий отделом, журнал «Новое литературное обозрение» (Москва)

Академическая и концептуальная наука в критике позднесоветского самиздатского журнала «Метродор»

Выступление будет посвящено одной из полемик по вопросу о принципе научности в гуманитарных науках (прежде всего в истории и филологии), состоявшейся на рубеже 1970–1980-х гг. в ленинградском самиздатском журнале «Метродор». Сам факт полемики о принципах научно-

сти, которая не была связана при этом с официальным идеологическим конструированием поля советской науки, — сравнительно редкое явление, достойное спокойного и вдумчивого изучения, тем более что за пределами Санкт-Петербурга история «Метродора» почти не известна, а посвященные ему крайне немногочисленные публикации в научной прессе 1990-х гг. в основном представляли собой эмоционально окрашенные биографические отклики.

Нам в данном случае прежде всего интересна теоретическая рамка, выстроенная авторами «Метродора»: они противопоставили академическую научность (к которой относили и самих себя и которую считали единственно возможным вариантом научности) концептуальной науке, которой в научности отказывали. К концептуальным теориям были отнесены взгляды Ю. М. Лотмана и Тартуско-московской школы, А. Ф. Лосева, О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтина (впрочем, насчет последнего их взгляды разделились) и др. Интересно, однако, не это противопоставление само по себе, а то, как метродоровцы попытались отрефлексировать со своей позиции не только теоретическую базу оппонентов, но и свою собственную. Можно сказать, что это один из редчайших случаев в российских гуманитарных науках, когда представители академического направления подвергли анализу свои собственные методологические предпосылки; доклад будет посвящен именно рассмотрению логики этого анализа (равно как и логики критики концептуальной науки).

Рогова Ася Георгиевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Основания историзирующего прочтения: из опыта английских романтиков

В кризисные периоды глобальных событий, перемен, смены парадигм возрастает необходимость единения, ощущения и осознания общности, принадлежности к нации для поддержания равновесия. Объединение нации происходит на основе памяти культуры, увековечивающей ее достижения, ее героев и обеспечивающей материал для создания национальной истории. Не способствует и часто препятствует этому процессу неоднозначность деяний исторических личностей, событий и их восприятия современниками. В этих условиях, поскольку ситуации и мнения меняются, детали стираются, а сохраняется только масштабное и важное для истории, возникают основания для историзации.

Какими были эти основания для английских романтиков к концу Наполеоновских войн и после победы при Ватерлоо? Как осознание исторической и национальной необходимости историзирующего прочтения битвы, ее результатов, образов героев отразилось в произведениях различных видов искусства? Ответы на эти вопросы будут даны в докладе на примере трактовки результатов битвы при Ватерлоо и образа ее победителя, герцога Веллингтона, выдающимися современниками фельдмаршала; будет проанализировано финальное высказывание на поставленную тему историче-

ского художника Б. Р. Хейдона (Wellington Musing on the Field of Waterloo, 1839) и поэта У. Вордсворта (On a Portrait of the Duke of Wellington upon the Field of Waterloo, by Haydon, 1840). Созданное в рамках их экфрастического диалога, оно отражает поиски решения вопроса о том, что более необходимо — передать актуальное неоднозначное восприятие события современниками или выделить то главное, что важно и сохранится в истории, — и какой из этих путей сохраняет верность исторической правде.

Оба художника, несмотря на стремление к первому варианту (что отразилось в неоднозначности запечатленного ими образа), в результате делают выбор в пользу последнего. И соответствующим образом расставляют акценты: подчеркивают величие победы и заслуги героя, способствуя созданию положительного образа, привычного для нас сегодня, 200 лет спустя после битвы при Ватерлоо.

Соломонова Алина Алексеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Степанов А. Д., д. ф. н., профессор

«Медицинские тексты» в русской литературе конца XIX в. — начала XX в.

Мы обратим внимание на проблемы важного для понимания произведения медицинского контекста, зачастую ускользающего от читателя. Например, без наличия контекстных, фоновых знаний читатель может увидеть конфликт чеховских «Врагов» лишь в том, что Кирилова оторвали от переживания своего горя и обманули: пациента не оказалось, а все приготовления героя и жертвования личным во благо ближнего оказались тщетны.

Доклад состоит из двух частей.

В первой части, «Художественный и публицистический взгляды на медицину», будут рассмотрены литературно-художественные, этические и публицистические задачи, которые ставит автор, используя медицинскую тематику (например, решение сугубо профессиональных вопросов в «Записках врача» В. В. Вересаева, решение политико-социальных проблем у А. И. Куприна, обращение к общечеловеческой этике у А. П. Чехова и М. М. Зощенко, попытка совместить узкоспециальную медицинскую и общую для всех мораль у М. А. Булгакова).

Во второй части, «Особенности поэтики», будет проанализирована типология сюжетов и характерные коммуникативные ситуации, а также рассмотрены механизмы постоянного сбоя коммуникации из-за:

1) *разных пониманий персонажами болезни или задач коммуникации*;
2) *нестандартности* самой по себе ситуации, лечение в которой оказывается невозможным из-за: а) симуляции героя, б) превращения ситуации лечения во что-то другое, в) убежденности героя в чем-либо, в) непрофессионализма персонажа-медика, г) неверных или специфических методов лечения, д) халатности и грубости персонажа-врача.

Любопытно, что один и тот же тип нарушения коммуникации героев может становиться в одних произведениях средством создания комического, в других — трагического.

После анализа типов сбоя коммуникации мы обратим внимание на причины этих сбоев из-за т. н. «мифологии болезни и медицины»: заблуждения персонажа, недостаточности знаний, наделения предметов целительной силой, обмана и самообмана. Такая мифология есть и у персонажей-пациентов, и у персонажей-медиков. Особое внимание уделено особенностям поведения героев в ситуации болезни и лечения, медицинской этике и медицинскому бюрократизму, зачастую становящимся не только предметом рассуждений героев, но и фабулой с богатым набором сюжетных вариантов в различных текстах.

Отдельно отмечаются случаи медицинского юмористического контекста в произведениях писателей-медиков, оказывающегося не просто «шуткой для своих» (притом с историко-медицинскими особенностями из-за культурно-хронологической дистанции «текст — читатель»), но и средством создания подтекста.

Наш анализ, отмечая характерные особенности произведений на медицинскую тематику, предлагает выделение «медицинского текста» как особого литературного жанра.

Тимофеев Валерий Германович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

История литературы: течения без берегов vs. река без порогов

Что в большей степени детерминирует интерпретацию текста: исторический или историко-литературный контекст? Что является большим вызовом для интерпретирующего: включенность самого субъекта в конкретную историографическую парадигму или его принадлежность к одной из школ истории литературы? Для поиска ответов на эти вопросы мы выбрали пародии на произведения У. Шекспира в качестве текстов, которые последовательно помещали в различные историко-литературные и исторические контексты для того, чтобы найти те, в которых пародируемый Шекспир казался бы наиболее уместным.

Поставленная в докладе практическая задача находит «неожиданное» решение. Ни устойчивые схемы описания викторианской Англии, ни устойчивые представления об основных направлениях литературы Великобритании этого периода, которые можно почерпнуть из авторитетных отечественных академических источников, не позволяют найти законного места для пародийных версий произведений Шекспира. Травестия и бурлеск в литературе и театре пользовались при королеве Виктории огромной популярностью. Издание текстов XIX в., пародирующих Шекспира, потребовало пяти томов [Wells, ed., 1977–1978]. Описанная ситуация заставляет задаться следующим вопросом: почему существенная часть культурной атмосферы Великобритании XIX в. оказалась для отечественных историков и литературоведов в «серой зоне»?

Доклад предлагает следующую гипотезу в качестве ответа на этот вопрос: отечественная историография и история литературы в значительной степени принадлежит историцистской парадигме, которая автоматически исключает из зоны описания все то, что должно уйти на периферию, уступив центральное место тем, кто сегодня признан победителем. Можно смело утверждать, что если бы историцистская парадигма складывалась в конце XX в., то бурлеск и травестия XIX в. были бы объявлены важнейшими культурными предшественниками постмодернизма.

Литература:

Nineteenth-century Shakespeare Burlesques / Ed. by Stanley Wells. 5 vols. London: Diploma Press, 1977–1978.

Филонов Евгений Анатольевич,
к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836): реалистический замысел в дореалистическую эпоху

1830-е гг. в истории русской литературы традиционно характеризуются исследователями как «переходное время», ему присуще бессистемное сосуществование множества литературных тенденций при отсутствии единой доминанты. В этот период постепенно формируется новый тип отношения к литературному произведению. Риторическая культура подразумевала возможность этического воздействия искусства на действительность за счет утверждения некоей завершенной нравственной идеи; культура романтизма проблематизировала взаимодействие сфер этического и эстетического, акцентируя границу между искусством и действительностью; новая литературная конвенция, утвердившаяся в реалистическую эпоху, подразумевает приобщение читателя к миру текста и стремление разрешить его нравственный конфликт с опорой на собственный жизненный опыт.

В творчестве Н. В. Гоголя 1830-х гг. можно проследить формирование этих новых коммуникативных установок: сборники «Миргород» и «Арабески» по-разному подводят к взрыву романтической конвенции, а оформившийся к осени 1835 г. замысел комедии «Ревизор» может быть рассмотрен как первая в гоголевском творчестве попытка приближения к реалистической модели эстетической коммуникации. Представления Гоголя о драме на том этапе позволяет проследить его статья «Петербургские записки 1836 года». Театральное искусство прошлого (творчество Мольера, Лессинга, Шиллера) отвечало, по мысли Гоголя, своей главной задаче — этически воздействовать на зрителя. Современный же театр, удаляясь от мира реального, способен лишь развлекать. Чтобы вновь обратиться к зрителю с этическим посланием, драма должна заставить его узнать в изображаемом на сцене окружающую действительность (в ее конкретных формах) и осудить вскрытый в ней порок. Эти замечания, как представляется, касаются процесса формирования реалистической

конвенции в театральном искусстве. Морализм высокой классицистической и просветительской комедии опирался на конвенциональную установку рационалистической эпохи; новые принципы, которые выдвигает Гоголь, подразумевают формирование актуального смысла текста в акте рецепции — за счет взаимодействия художественной событийности и уникального жизненного опыта читателя.

Соотнеся первоначальный замысел «Ревизора» с программой, изложенной в «Записках» 1836 г., можно предположить, что обращаясь к жанру комедии, Гоголь надеялся — при использовании суггестивного потенциала драматической формы — утвердить художественные принципы, соответствующие новому, еще не оформившемуся в конвенцию, типу отношения читателя к литературному тексту. Ряд зрительских отзывов, обобщенных в рецензии П. А. Вяземского, свидетельствует о том, что эта стратегия комедии в целом не была воспринята публикой.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

Большев Александр Олегович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Авторитарное слово у А. И. Солженицына

Авторитарно-идеологический дискурс подчинен целевой установке, заключающейся в том, чтобы внедрить в сознание читателя некие морально-мировоззренческие посылы. Анализ ситуаций, в которых Солженицын использует «авторитарное» слово, заставляет усомниться в справедливости расхожей точки зрения, состоящей в том, что потребность в проповеди каких-то доктрин возникает у индивида тогда, когда он убежден в их истинности. В своих произведениях (для анализа выбраны «Матрёнин двор» и «Архипелаг ГУЛАГ») Солженицын зачастую переключается на регистр авторитарно-проповеднического слова как раз в тех случаях, когда он явно не уверен в собственной правоте.

Анализ вышеназванных произведений Солженицына заставляет задуматься о самой природе авторитарного слова. Парадокс состоит в том, что идеи, в истинности которых у индивида нет сомнения, обычно излагаются им спокойно, без авторитарного нажима. Невротическое же проповедническое возбуждение во многих случаях является признаком отсутствия подлинной уверенности идеолога в своей правоте: «вещающим» словом подобный автор бессознательно стремится заглушить собственные морально-мировоззренческие колебания.

В этой связи особенный интерес представляют у Солженицына встречающиеся и в «Матрёнином дворе», и в «ГУЛАГе» ситуации, когда авторский невротический гнев обрушивается на пороки, которые, как явствует из других частей того же текста, не чужды самому автору-идеологу.

Грякалова Наталия Юрьевна,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Титаренко Светлана Дмитриевна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

А. А. Блок в полемике с теоретиками символизма и акмеизма (к пересмотру понятия канона)

Проблема художественного канона в русской литературе 1910-х гг., в период кризиса символизма и активизации постсимволистских течений, представляет интерес не только в историко-литературном аспекте, но и в фокусе исследования читательского опыта А. А. Блока. Речь идет об эстетической реакции поэта, зафиксированной в его малоизученных пометах и заметках на полях журналов «Труды и дни» и «Аполлон» в процессе чтения программных статей теоретиков символизма (Вяч. В. Иванова, А. Белого) и акмеизма (Н. С. Гумилева, С. М. Городецкого). Блоковские маргиналии на полях журналов — это реакция на литературную ситуацию, т. к. в это время радикальным образом меняется позиция Блока как участника внутрисимволистской полемики.

Заметки Блока на полях журнала «Труды и дни» (1912. № 1) отразили его критическую точку зрения на символистский канон, отстаиваемый Ивановым в статье «Мысли о символизме», и, в частности, на жизнетворческие претензии символизма. Показательно, что Блок подвергает сомнению утверждаемое Ивановым понятие «символический поэт». Это говорит о том, что один из важнейших тезисов символистского канона, развиваемый Ивановым, Блок в эпоху размежевания символизма и акмеизма принять не может, т. к. считает язык символов универсальным для любого поэта. Его не устраивает «присвоение» символа, размытость определений символизма, отсутствие понимания литературной ситуации, изменившейся роли поэта и функций искусства в современной литературе, отстаивание клишированных принципов, не изменившихся с 1900-х гг., когда символизм был в центре литературного движения.

Блок солидарен с Белым, который в статье «О символизме» понимает свободу творчества как «свободу в каноне», «как путь». Отдельные фрагменты статьи Блок воспринимает уже с оглядкой на полемику с акмеистами, о которой можно судить по его пометам в журнале «Аполлон» (1913. № 1). Блоковская рефлексия о смене символистского канона акмеистским связана с пониманием того, что литература существует в меняющемся поле художественных направлений и идеологий и ее смысл в величии творчества, а не в насаждении канонов, в созвучии поэтических исканий новому времени.

Парадоксальный смысл заметок Блока — в ярко выраженной антитеоретичности и сопротивлении канонам, в признании условности границ между поэтическими школами. Пометы Блока свидетельствуют о понимании им того, что провозглашаемый теоретиками символизма канон требует иного обоснования на современной стадии развития литературы. Поэт вскрывает ряд противоречий в позициях теоретиков символизма и акмеизма и фик-

сирует невозможность однозначного понимания канона в эпоху кризиса направления. Он понимает необходимость пересмотра понятия «литературный канон», которое трактуется им как система констант и новаций в аспекте философии творчества.

Лучкина Ольга Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

От А. С. Пушкина до А. Д. Кантемира: ядро и периферия литературного канона в педагогической критике 1860–1880-х гг.

Рецензенты педагогических журналов 1860–1880-х гг. формировали для детей литературный канон, в рамках которого соседствовали, например, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев и детские писатели второй половины XIX в.: М. Б. Чистяков, Е. Тур, А. Е. Разин и др. Регламентация детского чтения проводилась исходя из типа учебного заведения, которым ведало соответствующее министерство: Министерство народного просвещения, Военное министерство, Ведомство учреждений Императрицы Марии. В 1860-е гг. в ряде учебных комитетов при министерствах были учреждены комиссии, отбирающие книги для детского чтения. Каждое из министерств фиксировало свои взгляды на детское чтение в следующих педагогических журналах: «Журнал Министерства народного просвещения» (1834–1917), «Педагогический сборник» (1864–1918), «Женское образование» (1876–1891).

Включение автора в литературный канон для детей, распределение авторов в структуре канона было обусловлено педагогическими (образовательными и воспитательными) и эстетическими критериями экспертов, составляющих списки и каталоги для чтения, «одобрения» и обзоры по детской литературе.

Педагогическая критика становилась инструментом конструирования детского литературного канона и определяла категории «классической» и «специально детской» литературы. Содержание списков (одобрений, каталогов и др.) позволяет судить об авторах и художественных произведениях для детей, которые удовлетворяли критериям отбора педагогов правительственных институтов регламентации чтения и интерпретировались как достойные образцы детской литературы вообще.

С помощью количественного подсчета упоминаний авторов в педагогической критике трех министерств, собранных в электронную базу (4018 единиц), мы определили общее количество авторов (814), наиболее/наименее частотных среди них, что позволило выделить ядро и периферию канона. Десять и более раз упомянуто 69 авторов, которых мы относим к ядру канона. Однако большая часть авторов упомянута единожды или два-три раза, представляя собой периферию канона. В докладе раскрывается проблема соотношения этих частей (выявление состава авторов, причины педагогического внимания/невнимания к авторам, институциональные предпочтения).

Тимошенко Елизавета Константиновна,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Жанровое своеобразие фанатской литературы: клише, канон, «фанатская поэтика»

Фанфикшн — один из видов сетевой литературы, литературное творчество поклонников произведений массовой культуры, создаваемое в рамках интерпретативного сообщества (фандома). Литература фанфикшн, являясь интернациональным феноменом, выработала уникальную систему жанров со своими «фанатскими поэтиками» и канонами творчества. Что примечательно, фанатское произведение (фанфик) чаще всего принадлежит нескольким жанрам одновременно, что и указывается автором в предисловии к своему тексту. Изучение жанров фанфикшена наводит на мысль, что под «жанром» фанатское сообщество понимает определенное клише, включающее в себя жесткий набор составляющих. Поэтому автор фанфика может совершенно спокойно сочетать несколько клише в своем тексте, соединять и комбинировать их по своему усмотрению. Нужно отметить, что жанровая система в фанфикшене не упорядочена: жанры могут пересекаться, иметь несколько названий и т. д.

«Жанры», т. е. жанровые клише литературы фанфикшн, представляют собой несколько групп. Первая и, пожалуй, самая важная для фанатского сообщества группа — «жанры», классифицирующиеся по типу любовных взаимоотношений героев в тексте. Можно выделить четыре основных жанра: **«гет» («hetero»), «слэш» («slash»), «фемслэш» («femmeslash»), «джен» («general»)**. Информация о выборе одного из этих жанровых клише обязательно присутствует в авторском описании фанфика. Другая группа жанровых клише характеризует фанатское произведение по размеру. Самыми жесткими по характеристикам здесь являются такие «жанры», как **«виньетка» («vignette»)**, маленькая зарисовка о каком-то событии из жизни персонажей, и **«драббл» («drabble»)** — зарисовка с заранее заданным количеством слов (классическая длина — 100 слов). В основе классификации следующей группы «жанров» лежит их основное содержание, настроение. Чрезвычайно распространенный «жанр», называющийся **«hurt/comfort»** (или «боль/утешение»), концентрируется на описании мучительного переживания, физического или душевного, испытываемого каким-либо героем, и на помощи, которую ему оказывает другой персонаж. Существует также довольно важная группа жанровых клише, указывающих на отношение фанатского текста к исходной книге или фильму, на базе которых он создавался. Например, жанр **«Альтернативная Вселенная» («Alternative Universal»)** указывает на то, что фанат при создании текста поместил героев фильма или книги в совершенно иные условия: допустим, Гарри Поттер в его тексте учится не в Хогвартсе, и жизнь его складывается совершенно иначе, нежели это описано у Дж. Роулинг.

Исследование жанров фанатской литературы дает богатый материал для изучения читательской рецепции (в частности, особенностей восприятия читателем тех или иных аспектов литературной системы), «наивного творчества», современного фольклора и форм интернет-коммуникации.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII В.

Бухаркин Пётр Евгеньевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

О возможных путях исследования классической риторики

1. Риторические трактаты, относящиеся к классической риторической традиции, многократно становились предметом филологического анализа. Если иметь в виду русскую риторику, то особое внимание уделялось риторическим сочинениям М. В. Ломоносова.
2. Однако основное внимание исследователей уделялось или пересказу ломоносовских риторических идей (нередко — в перспективе дальнейшего развития филологической мысли), или же установлению конкретных источников. Специфика классических риторических трактатов и всей риторической традиции остается в некоторых моментах не вполне проясненной.
3. В докладе рассматриваются возможные пути выявления данной специфики. Доклад основывается на работе над составлением Словаря риторики Ломоносова.

Веселова Александра Юрьевна,
к. ф. н., научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Английская теория пейзажного парка в стихотворении Вс. А. Рождественского «Если не пил ты в детстве студеной воды...»

В докладе представлен анализ одного произведения — стихотворения Вс. А. Рождественского «Если не пил ты в детстве студеной воды...». Основной акцент будет сделан на отражении в стихотворении теории английского пейзажного сада.

Пейзажная часть парка в Царском селе была разбита по инициативе императрицы Екатерины II, которая руководствовалась одним из наиболее полных и популярных на тот момент трудов по теории пейзажного сти-

ля — книгой Т. Вейтли «Замечания о современном садоводстве». Основные положения этого трактата, а также тезисы других идеологов пейзажного стиля, таких как английский поэт Александр Поуп, нашли отражение в стихотворении Рождественского, но не прямо, а через поэтическое описание Царскосельского парка. Приемы этого описания и станут предметом рассмотрения в докладе. Будет прослежен «маршрут» перемещения по Царскосельскому парку, судьба отдельных указанных в стихотворении объектов и механизмы их творческого переосмысления.

Одним из аспектов анализа текста станет сопоставление нескольких его редакций. Кроме того, стихотворение Рождественского будет рассматриваться с учетом других произведений «царскосельской лирики» в русской поэзии. Выводы доклада будут подкреплены традиционными приемами филологического разбора поэтического текста и его риторической структуры.

Власов Сергей Васильевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Детская риторика» 1787 г. и ее автор Г. де Сальморан

1. В докладе определяется источник анонимной «Детской риторики» 1787 г.
2. Проводится сравнительный анализ переводов на русский язык французской «Риторики остроумного человека» (La Rhétorique d'un homme d'esprit) Гальена де Сальморана — общего источника «Детской риторики» и «Краснословия, или Риторики в кратких правилах для всеобщего употребления» 1785 г.
3. Устанавливается также источник самой Риторики Гальена де Сальморана, представляющей собой краткое извлечение с небольшой редакторской правкой из анонимной «Французской риторики» (La Rhétorique Françoise) 1698 г., приписываемой Ж. Левену де Тамплери, которая неоднократно переиздавалась в первой половине XVIII в. под названием «Красноречие нашего времени, преподанное знатной даме» (L'Eloquence du temps, enseignée à une dame de qualité).
4. Уточняются некоторые факты биографии и творчества Гальена де Сальморана, искателя приключений, педагога, журналиста и писателя.
5. Прослеживается влияние «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова на перевод «Детской риторики».

Гуськов Николай Александрович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Трагическое, трагедийное и театральное в пьесе В. А. Озерова «Фингал» (К 200-летней годовщине со дня смерти драматурга)

В 2016 г. году исполняется 200 лет со дня смерти выдающегося драматурга В. А. Озерова, творчество которого совершенно забыто широкой публикой и до сих пор мало изучено. В литературоведении бытуют харак-

теристики произведений Озерова, восходящие к пристрастным оценкам современной писателю критики, которая вела бурные споры о его пьесах. Не существует подробного анализа одной из самых спорных пьес — трагедии «Фингал», вызвавшей особенно резкую критику, при том что именно она имела огромный успех.

Для разъяснения этого противоречия необходимо не просто подробно проанализировать текст, но и отделить при этом анализе друг от друга несколько планов: элементы театральности; постановочные эффекты, близкие к жанрам оперы и мелодрамы; лирический компонент, возможно, имеющий автобиографическое происхождение и связанный во всяком случае с литературным бытом; трагедийную модель, соотносящуюся с драматургической традицией; исполненное трагического пафоса действие как столкновение трагических характеров при безвыходных обстоятельствах.

Эти вступающие в противоречие в тексте Озерова планы вызывали недоумение современников и продолжают вызывать недоумение исследователей. Однако их соотнесение и анализ позволяет разобраться в сущности новаторства драматурга и приблизиться к пониманию того, какой именно тип трагедии (невостребованный дальнейшим ходом литературного процесса в России) он создавал.

Кислова Екатерина Игоревна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Феодосий Яновский и некоторые вопросы истории церковного образования начала XVIII в.

В докладе на материале архивных и исторических источников рассматривается роль Феодосия Яновского в истории церковного образования начала XVIII в. Основа доклада — анализ трех архивных дел 1722–1724 гг. (РГИА, ф. 796, оп. 4), в которых рассматривается необходимость распространения «грамматичного учения» детей грамоте (на материале русского или церковнославянского языков), а также обсуждается важность знания орфографии церковнославянского языка канцеляристами Синода. Документы сопоставляются с требованиями «Духовного регламента» 1721 г. к преподаванию грамоты детям, а также с другими указами Синода, появившимися позднее.

Можно условно выделить три концепции духовного образования этого периода: традиционная, восходящая к традициям XVI–XVII вв.; «латинская», ориентированная на создание системы учебных заведений по образцу Украины и Западной Европы; а также «грамматическая», связанная с деятельностью Феодосия Яновского. Соответственно, основой традиционной концепции была ориентация исключительно на обучение чтению и письму с опорой на заучивание наизусть церковнославянских текстов. «Латинская» концепция в принципе опускает вопрос преподавания церковнославянскому, ориентируя учеников духовных школ с самого начала на латынь или греческий. «Грамматический» подход был распространен в некоторых архиерейских школах Новгорода и, возможно, Москвы и за-

ключался в обучении чтению и письму с опорой на грамматики церковнославянского языка.

Можно предположить, что позиция, сторонником которой выступал Феодосий Яновский, реализована в указанных делах, а также в указе Синода от 31 мая 1722 г., в котором, в отличие от «Духовного регламента» 1721 г., требование обучать детей духовенства латыни признано преждевременным, а само обучение отныне ориентировано на церковнославянский язык. Требование обязательного обучения детей духовенства латыни соотносится с позицией Феофана Прокоповича, и таким образом становится понятным противоречие между «Духовным регламентом» 1721 г. и указом 1722 г. Материалы первых архиерейских школ и семинарий, открытых после 1721 г., свидетельствуют о постепенном переключении руководства учебных заведений с одной предложенной модели («грамматичного учения» церковнославянскому) на другую, связанную с «латинским образованием». Борьба между Феодосием Яновским и Феофаном Прокоповичем коррелирует с этими процессами; после ссылки Феодосия Яновского в 1725 г. никаких упоминаний о «грамматичном учении» в делах Синода уже не встречается. «Традиционный» метод преподавания оставался более эффективным и распространенным на протяжении всего XVIII в. и в дальнейшем стал начальной ступенью духовного образования.

Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук МК-4924.2015.6.

Кравецкий Александр Геннадьевич,
к. ф. н., ведущий научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Молитва как государственная обязанность: к истории издания богослужебных текстов гражданской печатью

1. Азбучная реформа Петра I четко поделила функции «церковного» и «гражданского» алфавита: за первым закрепилась сфера церковной (церковнославянской) письменности, а за вторым — сфера государственной словесности, а затем и новой русской литературы.
2. В скором времени реформированный алфавит становится графической системой того языка, на котором государство руководит своими подданными. Характерным в этом отношении является указ Екатерины II, предписывающий священническим детям учить грамоту не по славянскому букварю, а по гражданскому, — с той мотивацией, что царские указы, напечатанные гражданской графикой, зачитываются в церквях.
3. Принцип, согласно которому для издания богослужебных текстов гражданские литеры не используются, нарушается в тех случаях, когда молитва (частная или общественная) входит в сферу государственной службы или церемониала. Первым молитвословом, изданным гражданскими литерами, стала брошюра под названием «Указ всем в войске

российском <...> коим образом и в которое время по вся дни должны приносить Господу Богу молении». На протяжении XVIII в. этот краткий молитвослов для солдат выдержал несколько изданий.

4. Другим опытом изданий богослужебных текстов гражданскими литерами стало издание в 1765–1766 гг. гражданской печатью 52 брошюр, содержащих службы на двунадесятые праздники, а также службы пасхального цикла наиболее почитаемым святым и небесным покровителям членов правящего дома. Инициатором этого издания была сама императрица, причем книги выходили в двух вариантах: церковной печатью для «продажи в народ» и гражданской — для поднесения императрице. В указе об издании службы на Вознесение говорится, что императрице будет поднесено 100 экземпляров новонапечатанной книги, а Павлу — 50 экземпляров. Следовательно, практически весь тираж предназначался для нужд двора.
5. Таким образом, начало изданий богослужебных текстов гражданскими литерами следует отнести к XVIII в., к тем изданиям, которые включали молитву в число государственных обязанностей или рассматривали ее как часть придворной жизни.

Матвеев Евгений Михайлович,
к. ф. н., старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых функциях библейских и богослужебных цитат у М. В. Ломоносова

Обращение к корпусу ломоносовских текстов показывает, что явные цитаты из библейских и богослужебных текстов можно найти не только в поэзии, но и в прозе, причем не только в «высокой» ораторской прозе. В докладе рассматриваются некоторые специфические функций библейских и богослужебных цитат в произведениях Ломоносова:

1. Подключение библейского ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды. Примером данного явления может служить выражение «Ветхий деньми», которое встречается в «Оде на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации». Наименование «Ветхий деньми» восходит к книге пророка Даниила (Дан. 7:8), однако представляется более вероятным, что в оду Ломоносова оно проникло из богослужебных песнопений праздника Сретения Господня, ассоциативно связанного с тематикой оды.
2. В естественно-научных трудах Ломоносова использование библейских и богослужебных слов служит своеобразным доказательством излюбленной мысли Ломоносова о совместимости науки и религии, о «содружестве» «познания натуры с верою». В качестве примера можно рассмотреть фразеологизм «согрешить в Адаме», который встречается в «Явлении Венеры на Солнце» и восходит к тексту послания апостола Павла к римлянам (Рим. 5:12).

3. Особую функцию — функцию создания стилистического контраста и иронического контекста — могут выполнять библейские и богослужебные цитаты в служебных документах М. В. Ломоносова. Такой случай представляют, например, «Замечания на указ канцелярии Академии наук и на записку о сочинении „Карт продуктов российских“». В проекте Академии 1763 г. предполагалось в короткие сроки создать три тома карт продуктов (российских, сибирских и малороссийских) с постоянными «обновлениями». Комментируя эту идею, Ломоносов, используя заключительные строки Евангелия от Иоанна, иронически пишет: «По сему расположению ни самому, мню, всему миру вместити пишемых книг. Аминь» (ср.: Ин. 21:25).

Плетнева Александра Андреевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Механизмы адаптации текста при его переходе в лубочную традицию

1. Лубочная письменность — явление, относящееся к массовой литературе, а читателями лубка были представители низших сословий. При этом подавляющее большинство лубочных текстов не являются оригинальными. Заимствованные тексты (оригиналы их могут быть и церковнославянскими, и русскими) подвергаются определенной адаптации в соответствии с лубочной стилистикой и поэтикой.
2. Принципы редактирования церковнославянского текста при попадании его в лубочную письменность можно проследить при сравнении фрагментов из Московской и Елизаветинской библий и соответствующих лубочных текстов. Библейские тексты сокращаются по определенным принципам. Чтобы сокращения не превратили текст в бессмыслицу, составителям приходится вводить связующие элементы, которые не имеют прямой связи с фрагментами Библии, а в отдельных случаях приходится прибегать и к вольному пересказу достаточно больших библейских фрагментов. Иногда текст составляется на основе отдельных слов, взятых из разных частей источника. Русский письменный текст при попадании в лубочную традицию также подвергается адаптации. Это могут быть как сокращения, так и замена или комментирование отдельных слов и выражений. В некоторых случаях текст может меняться кардинальным образом.
3. Важной чертой адаптации текста к лубочной традиции является изменение его графического и орфографического облика. В русском тексте появляются церковнославянские буквы и надстрочные знаки, исчезают многие знаки препинания и прописные буквы в именах собственных. Церковнославянский текст, наоборот, некоторым образом упрощается, приближаясь в своем графико-орфографическом облике к рукописным сборникам.

Пономарева Марина Валерьевна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

«Река времен в своем стремленьи...» Г. Р. Державина в контексте темы бессмертия поэта

Тема поэзии и бессмертия поэта — одна из важнейших тем державинского творчества. Ее решение зависит от художественной установки жанра, выбранного Г. Р. Державиным: в анакреонтике декларируется ценность частной жизни поэта, противопоставленной государству; в горацианских одах бессмертие поэта напрямую связано с представлениями о вечности империи. Именно так, традиционным для риторической культуры образом, решается тема бессмертия поэта в «Памятнике» Державина: поэт, прославляющий государство, «совечен» ему (Л. В. Пумпянский).

Последнее стихотворение Державина «Река времен в своем стремленьи...», как правило, не рассматривается в контексте державинских произведений, посвященных теме поэзии и бессмертия поэта. Однако в этом стихотворении обнаруживается ряд мотивов и образов, общих с державинским «Памятником» (бессмертие/смерть поэта, река, слава, памятник/руина).

Сопоставление данных текстов делает возможным вывод о том, что а) Державин сохраняет представление о связи творчества с империей, б) «совечность» поэзии государству оборачивается их общей гибелью. Трагичность, эсхатологичность последнего стихотворения Державина, его одновременная принадлежность риторической культуре и эпохе «неготового слова» становятся поводом для обращения к нему поэтов XX–XXI вв.

Семихина Анастасия Николаевна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Вариантность глагольных фразеологических единиц в сочинениях М. В. Ломоносова

В докладе будет рассмотрена лексическая вариантность глагольных фразеологических единиц в сочинениях М. В. Ломоносова. Варианты могут различаться:

а) степенью распространенности именных компонентов. Так, например, глагольный фразеологизм *лить слезы* у Ломоносова представлен в следующих вариантах: *лить-пролить* [реку, поток (потоки), токи] *слез*;
б) определением именного компонента: *продолжить дни златые, продолжить дни мирны и прекрасны*;
в) собственно именным компонентом: *возносить до небес, возносить до облак, возносить до звезд*, — эти обороты, в которых неизменным является глагольный компонент, а именной варьируется, остаются тождественны по своему фразеологическому значению: ‘превознести, прославить кого-либо, что-либо’ [Словарь русского языка XVIII века, 1988];
г) включением в состав фразеологизма слов и словосочетаний с целью усиления образности, конкретизации значения: *Ликуйте светло друг пред другом: / **Златой начался** снова **век*** [Ломоносов, 1959, Т. 8: 34];

И ***кровь*** *во мне самом от жалости* ***кипела*** (8: 474); ***Кипела*** *пролита невинных* ***кровь*** *багрова* (8: 702); *дабы оные* ***были преданы*** *вечному* ***забвению*** (9: 416); *они* ***своим аршином*** *чужих сил* ***мерить*** *не должны* (10: 480);

д) совмещением фразеологических единиц: *Сия* ***рука*** *моя,* ***умывшись кровью*** *мерской, / Воздаст весь долг моей озлобленной любви* (8: 334), — этот фразеологизм можно рассматривать как объединение фразеологизмов *умыться кровью* и *обагрить руки кровью.*

Возможно, подобная вариантность свидетельствует о том, что в XVIII в. компоненты фразеологических единиц продолжают оставаться словами, которые сохраняют свои грамматические и семантические связи, но при этом в совокупности создают устойчивый образ.

Литература:

1. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950–1983. Т. 8. С. 34. (Далее ссылки на это издание даются в тексте тезисов: первой арабской цифрой обозначается том, второй, через двоеточие, — номер страницы.)
2. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л., 1988. С. 20–21.

Тираспольская Анна Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Без надежды и страха»: о «мертвом» герое повести Н. М. Карамзина «Чувствительный и холодный. Два характера»

Образ Леонида, «холодного» героя повести (психологического очерка) Н. М. Карамзина «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803), выписанный автором с особой тщательностью, заслуживает пристального изучения. В частности, последняя фраза произведения, в которой сообщается, что доживший до глубокой старости Леонид «умер без надежды и страха, как обыкновенно засыпал всякий вечер» [Карамзин, 1803: 233], нуждается в комментарии.

Первая проблема заключается непосредственно в понимании содержания высказывания: о каких «надежде» и «страхе» говорит повествователь? Если в случае со страхом как будто бы всё в целом понятно и логично (отсутствие у героя страха перед смертью), то вопрос об отсутствии в душе Леонида некоей надежды требует дальнейшей «расшифровки». Представляется, что ответ можно найти в финальных строках произведения писателя того же времени под названием «Анекдот», где идет речь о наиглавнейшем, по мысли автора, отличии религии (веры) от простой надежды: «будем деятельны, опираясь на якорь Религии, которая, подобно надежде, бросает его человеку в бедствиях, но не обманывает человека так, как надежда, ибо ничего не обещает ему в здешнем свете!» [Карамзин, 1802: 116].

На основании представленной цитаты можно прийти к заключению, что в «Чувствительном и холодном» подразумевается, что рассудочный Леонид не только не испытывает страха перед смертью, но и не питает никаких иллюзий, призрачных надежд, которыми обманчивая жизнь мо-

жет заманить человека в ловушку. Но означает ли это, что, имея силу духа и властный рассудок, которые не позволяют бояться смерти и обманываться пустыми надеждами, карамзинский герой имеет также подлинную веру? Собственно, «праведен» ли Леонид вообще? Главенствующую роль в изучении этого вопроса может сыграть сопоставление «холодного» героя с более ранним персонажем Карамзина — с «благодетельным» боярином Матвеем из повести «Наталья, боярская дочь» (1792), который, как и Леонид, в зрелые годы становится влиятельным государственным мужем, сделавшим много для своего отечества, и уходит из жизни в самом преклонном возрасте.

Литература:

1. *Карамзин Н. М.* Анекдот // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М., 1802. Ч. VI. Ноябрь. № 22. С. 116.
2. *Карамзин Н. М.* Чувствительный и холодный. Два характера // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. Ч. XI. М., 1803. Октябрь. № 19. С. 233.

Шарихина Миляуша Габдрауфовна,

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Псалтырь как источник церковнославянской лексики в языке М. В. Ломоносова (на материале переложений псалмов)

1. В поэтическом творчестве М. В. Ломоносова отдельное место занимают переложения псалмов (всего девять), по наблюдениям многих исследователей, они достаточно близко следуют церковнославянскому оригиналу. При этом все они составлялись в период формирования стилистической концепции автора (1740–1750-е гг.), в основе которой лежало понимание важной роли церковнославянского языка.
2. Прекрасное знание Ломоносовым текста Псалтыри, безусловно, способствовало широкому усвоению ее поэтических и языковых средств. Между тем значение данного текста для языка Ломоносова до сих пор в полной мере не исследовано.
3. В ходе исследования нами был проведен сопоставительный анализ лексики, использованной в переложениях псалмов Ломоносова, с текстом церковнославянского оригинала. Были выделены лексемы, которые повторяются в параллельных текстах. Кроме того, фиксировались случаи отклонений стихотворного переложения от текста оригинала. Для некоторых случаев источники обнаруживались в других псалмах. Этим, возможно, объясняется то, что даже независимое от конкретного чтения церковнославянского оригинала употребление языковых средств не нарушало общего стилистического строя стихотворного переложения.
4. В ряде случаев лексические заимствования из текста Псалтыри подвергаются творческой переработке в одической поэзии Ломоносова. Выявление подобных случаев носит предварительный характер и, безусловно, требует дополнительного исследования. Однако те из них, которые не вызывают сомнений, представляют собой яркие свидетельства индивидуально-авторского освоения церковнославянской лексики в языке Ломоносова.

Яковлев Владимир Васильевич,
к. и. н., заведующий отделом, Санкт-Петербургский государственный университет

О Хронографе особого состава Феодора Петрова (конец XVII в. — первая четверть XVIII в.)

Хронограф сохранился в составе рукописного сборника (РНБ, F.IV.679), принадлежавшего священнику Николо-Рубленской церкви Ярославля Феодору Петрову (имел прозвище «Рак», происхождение которого пока остается невыясненным).

Хронограф открывается сочинением самого Петрова «Предисловие к благоверному и православному всякого чина, возраста же и сана читателеви». Далее следует пространная компиляция, включающая ветхозаветные тексты (кроме Псалтири), соответствующие Острожской Библии 1581 г., заимствования из Русского Хронографа (редакции 1512 г. и 1617 г.), отрывки из Синопсиса, «Келейного летописца» Дмитрия Ростовского, ряд оригинальных известий. Последние касаются в основном местных, ярославских событий. В частности, только здесь содержится сообщение об участии в строительстве Владимирского Успенского собора иноземных мастеров, приглашенных князем Изяславом Андреевичем.

Кроме Хронографа, сборник содержит выписки из различных сочинений: Степенной книги, Месяцеслова, Хождения Зосимы в Иерусалим, пасхалию и др. На протяжении всего сборника сделаны многочисленные пометки и добавления из Великого Зерцала, Космографии и проч., встречаются отсылки и к иностранным книгам. Сочинение иллюстрировано гравюрами (русскими и западноевропейскими), часть из которых раскрашена от руки, вырезанными из книг заставками и орнаментом и др.

Часть рукописи была создана в последней четверти XVII в., вероятно, предшественником Петрова, основная часть его работы приходится на начало XVIII в. и была завершена в 1720 г. (эта дата была им отмечена в тексте). При этом события царствования Петра Первого, современником которых был Петров, практически не нашли своего отражения в сочинении: основная часть Хронографа доведена до венчания Алексея Михайловича на царство, после чего были добавлены краткие сведения о его смерти и венчании на царство Федора Алексеевича.

Сочинение Петрова практически не исследовалось. Небольшую заметку о нем опубликовал Ф. А. Бычков в конце XIX в., дальнейшее изучение рукописи связано с автором настоящего доклада, которым, в частности, подготовлено к изданию «Предисловие».

Хронограф представляет интерес как свидетельство творческого и заинтересованного отношения к древней русской истории и литературе провинциального священника, демонстрирует широту его взглядов и интересов, кругозор, стремление обозначить свою позицию и мнение о прочитанном.

Особое значение имеет то обстоятельство, что сохранилась авторская рукопись. Это позволяет произвести детальный, в т. ч. и текстологический, анализ этого любопытного сочинения петровского времени.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Анастасьева Ирина Леонидовна,
к. культ., доцент,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Переписка М. Алданова с современниками

Доклад посвящен введению в научный оборот ранее не публиковавшейся переписки русского писателя Марка Алданова с друзьями и близкими по духу людьми (А. А. Титовым, Ю. П. Трубецким, Леоном Штильманом), которая была обнаружена в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Переписка Алданова с А. А. Титовым, политическим деятелем, химиком, предпринимателем посвящена вечеру памяти незадолго до того скончавшегося И. А. Бунина. По состоянию здоровья Алданов не смог присутствовать на этом важном мероприятии, но принимал активное участие в его подготовке. Титов, по просьбе Веры Буниной председательствовавший на вечере 11 апреля 1954 г., в своих письмах-отчетах к Алданову подробно описывает произошедшее.

Переписка Алданова и Ю. П. Трубецкого (Нольдена), эмигранта второй волны, дипийца, оставшегося в Европе после Второй мировой войны, рассказывает о том участии, которое принимал в судьбах и литературной деятельности новых эмигрантов уже немолодой Алданов, невзирая на подорванное здоровье. Эта переписка развеивает миф о том, что эмигранты первой волны индифферентно относились к жребию, выпавшему на долю младшего поколения писателей-изгнанников.

Не менее ценной и познавательной является переписка Алданова с Леоном Штильманом. К сожалению, о жизни Леона Штильмана на сегодняшний день известно очень мало: русский эмигрант, сын известного русского адвоката, выехавший в Париж через год после революции и практиковавший там в качестве юриста в течение 20 лет. В 1941 г. он перебирается в США, принципиально меняя род деятельности. Поначалу он преподает в Корнелльском университете, затем в Колумбийском. Защитив диссертацию, Штильман возглавляет Отдел славянских языков при университете. В 1958 г. Штильман — один из немногих эмигрантов — сумел посетить Советский Союз, приняв участие в работе IV Международного конгресса славистов, где выступил с докладом о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», спровоцировав бурную дискуссию. Штильман является автором книг, посвященных творчеству Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. М. Карамзина, И. А. Гончарова, исследователем русской истории и грамматики русского языка.

Открытие новых имен в истории русской литературы — важное свидетельство памяти современных людей о выдающихся деятелях культуры, вынужденных покинуть метрополию в грозные годы начала XX в.

Антипина Анастасия Сергеевна,
аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Обращение к архангелогородскому локусу в исторической прозе советских авторов о Петровской эпохе

1. Тема Петра I в русской литературе оказывается неизбежно связанной с необходимостью изображения пространства Русского Севера и Архангельска в функции первого «окна в Европу». Архангельск становится точкой роста всего государства, реализация здесь петровских замыслов способствует развитию России и выходу ее на принципиально новый уровень в мировом масштабе. В таком контексте архангелогородский локус и Русский Север в целом преодолевают свою предполагаемую провинциальность и изолированность от общегосударственного исторического процесса.
2. Образ Архангельска, созданный в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» «заочно» (без личного знакомства автора с местностью), имеет расхождения с реальным обликом города, но эти расхождения обусловлены необходимостью подчеркнуть контрастность России и Запада, т. е. направлены на выражение общей идеи романа, а не следуют из простого незнания местности автором. Урбанистическое начало в описании Архангельска уступает природному пейзажу с доминированием водно-воздушной стихии, символизирующей характер деятельности Петра и особенности его личности.
3. Явная идеологизированность романа Ю. П. Германа «Россия молодая» выражается в т. ч. в чисто фоновой, декоративной функции местности; описания Архангельска в произведении представляют собой набор элементов, фактически применимый для создания образа любого русского города конца XVII — начала XVIII в.
4. В произведениях региональной литературы, рассчитанных прежде всего на местного читателя, хорошо знакомого с локусом, отсутствие подробных описаний восполняется простым называнием элементов городской топонимики, сохраняющейся на протяжении длительного времени, что обеспечивает узнавание читателем описываемого пространства. Эта стратегия использована в повести Е. Ф. Богданова «Лодейный кормщик», выполняющей просветительскую функцию и представляющей собой художественно обработанный пересказ эпизода из истории края с установкой на документальность и минимумом художественного вымысла.

Болнова Екатерина Владимировна,
аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Литературные связи «орфических текстов» Г. В. Иванова

Доклад посвящен комплексному исследованию интерпретации образа Орфея в творчестве Г. В. Иванова. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка максимально широко представить точки

пересечения мотивно-образных комплексов «орфических текстов» поэта не только с греческой мифологией, но и с сентименталистской русской и английской традицией XVIII в., а также с романтической традицией XIX в. Так, стихотворение «Кудрявы липы, небо сине...» воспроизводит клишированные элементы сразу нескольких стилистических систем. Однако в пародии Иванова различение обозначенных литературных направлений является непринципиальным, они сливаются в единый фон, связанный с «чувствительностью», поверхностным психологизмом, штампами, характерными для жанра эпитафии еще с античной эпохи. Конечно, в контексте начала XX в. подобная художественная система изначально не могла восприниматься серьезно, пародийный характер произведения задается уже первыми строками и достигает своей кульминации в финале.

Текст «Кудрявы липы, небо сине...» значим как травестийное разрушение символистского «мифа об Орфее», созданного Вяч. И. Ивановым, А. Белым и В. Я. Брюсовым в 1903–1905 гг. Выдвинутый тезис о десакрализации образа античного героя в творчестве Г. Иванова подтверждается на материале текста «Мы из каменных глыб создаем города...», являющегося полемическим ответом на «Балладу» В. Ф. Ходасевича, в которой искусство провозглашается силой, способной преобразить не только мир, но и самого творца. В докладе анализируются точки отталкивания обозначенных стихотворений. Г. Иванов не просто полемизирует с Ходасевичем, отрицая визионерство поэта, но, пытаясь определить роль и место современного деятеля искусства в стремительно меняющемся мире, помещает его в максимально сниженный контекст. Кроме того, сопоставление текстов Г. Иванова и Ходасевича позволяет рассмотреть их сквозь призму соотнесения аполлонического и дионисийского начал.

Выделение и анализ опорных для интерпретации мифа об Орфее и Эвридике метафор, символов и мотивов в контексте произведений Иванова дают возможность описать характерные особенности мифопоэтики и мифотворчества автора. Таким образом, в докладе дается обобщенная характеристика семантики мифа об Орфее и Эвридике в творчестве Г. Иванова, что является значимым моментом в контексте изучения неомифологического сознания как одного из центральных феноменов культурной ментальности XX в.

Бреслер Дмитрий Михайлович,
к. ф. н.

Отзыв о спектакле «Петербург»: «Козлиная песнь» в контексте мифа Петербурга 1920-х гг.

В середине 1927 г., в период окончания работы над первым вариантом романа «Козлиная песнь», К. К. Вагинов посещает спектакль «Петербург» — литературную композицию В. Н. Яхонтова (реж. С. И. Владимирский), на которую затем пишет короткий, но весьма содержательный частный отзыв. Несмотря на то, что текст отзыва давно известен специалистам и даже был опубликован Т. Л. Никольской и В. И. Эрлем в Полном собрании

сочинений писателя (СПб., 1999), он, к сожалению, не использовался в качестве материала для творческой биографии Вагинова, в качестве одного из источников, раскрывающих вагиновское ви́дение поэтики художественного текста.

Данный доклад призван восполнить эти пробелы. По нашему мнению, этот документ является не столько мнением о понравившейся работе приятеля по цеху, сколько автокомментарием относительно способа создания фикциональной реальности «Козлиной песни». Кроме того, материалы самого спектакля позволяют говорить и о его мотивной общности с романом: миф о Петербурге (в случае с «Козлиной песнью», скорее, о петербургском культурном сообществе) становится важным и неслучайным материалом для жанровых экспериментов Вагинова.

Валиева Юлия Мелисовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об источниках трактата Л. Липавского «Теория слов»

В докладе предлагается источниковедческий и реальный комментарий к некоторым положениям трактата Леонида Липавского «Теория слов» (1935). Трактат относится к философско-эссеистскому наследию Липавского и традиционно рассматривается в кругу текстов, важных для исследования общего концептуального поля обэриутов/чинарей. Однако лингвистическая концепция Липавского, изложенная в «Теории слов», в отличие от его философских концепций времени и пространства других трактатов, оставляет многих исследователей в недоумении.

Сложность интерпретации этого текста связана как с особенностью используемой автором терминологии, так и с отсутствием указания на источники. Как показывает анализ, Липавский делает попытку выявить и описать механизм происхождения и эволюции языка, взяв за основу как исследования мифологов и историков языка (например, Ф. Буслаева), так и методы биологической и химической наук, в частности идеи Н. И. Вавилова и В. Я. Курбатова.

Григорьева Людмила Павловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К семантике локуса сада в прозе А. Грина

Локус сада — один из сквозных пространственных элементов гриновского текста, наряду с локусами дома, леса, окна, топосами пустыни, океана, дороги. Этот локус обладает значительным смысловым потенциалом, обеспеченным не только его изначальной мифологичностью и архетипичностью, но и авторскими философскими и этико-эстетическими предпочтениями. Сохраняя свой общий смысл — антихаосогенность, модель сада

в творчестве писателя отражает смену философских приоритетов (и не только авторских) на протяжении трех десятилетий.

В литературе о Грине отмечалась особая смысловая значимость пространства в текстах писателя, и сад как один из периферийных пространственных элементов готов в ряде текстов обрести статус «ядерного». Особенно заметна эта тенденция в текстах раннего периода, отмеченных скептическим отношением автора к популярным в начале XX в. преобразовательским проектам. В семантике садового локуса обнаруживает себя «антицивилизационная» позиция автора, в ряде текстов концепт *сад* является составляющей смысловой оппозиции *сад* vs. *город*. Локус сада в ранней прозе Грина соотнесен с архетипом Эдемского сада и альтернативен лабиринтному локусу города. Модель гриновского сада учитывает романтическую версию «свободы, одиночества, уединения» (трансцендентальные проекты Р. Эмерсона, Г. Торо), обнаруживает в себе софиологическую составляющую (Вл. Соловьев, А. Блок), эпифанические мотивы, мотивы света, спасения в контексте христианской духовности (рассказы 1906–1914 гг.).

С середины 1910-х гг. интерес Грина к садовому локусу как альтернативе городу снижается (характерен автопародийный текст «Имение Хонса», 1915), обнаруживая скепсис автора по поводу романтического проекта «спасения мира» природой. Мотив спасения в ряде текстов этого периода теряет свой метафизический смысл. Образ сада возвращает себе традиционный статус промежуточного рукотворного локуса, места возможной гармонии природы и культуры (ср. мотив разумности рукотворной природы в романе «Бегущая по волнам»). Отчасти эта тенденция формируется в контексте построения Грином вымышленного идеального пространства города (Лисс, Зурбаган). Усиливается коммуникативная функция садового мотива, который оказывается тесно связанным с мотивом окна (общение, информация, спасение). Характерный для ранней прозы Грина мотив отчуждения сада от дома к середине 1920-х гг. утрачивает актуальность, локус сада становится непременной составляющей не только метафизической модели идеального места («Фанданго»), но и банального в реальной желанности «домика с садом» («На облачном берегу»). В этот период обращает на себя внимание и интенсивное развитие флоральных мотивов (в контексте редукции «усадебного текста») как способ сохранить сакральный статус садово-паркового локуса.

Громова Алла Витальевна,
д. ф. н., профессор, Московский городской педагогический университет

Традиции древнерусской литературы и фольклора в творчестве Л. Ф. Зурова

Л. Ф. Зуров (1902–1971) — писатель русского зарубежья первой волны, чье творчество до недавнего времени оставалось практически неизученным. Зуров последовательно воплощал в эмиграции стратегию сохранения русской культуры, чему способствовала деятельность писателя по соби-

ранию археологических и этнографических данных в Эстонии и Латвии. В 1928 и 1935 гг. Зуров проводил работы в Псково-Печерском монастыре, в 1937 и 1938 гг. участвовал в археолого-этнографических разведках в районе Печор по заданию Парижского музея человека.

В художественном творчестве писателя формой культурной преемственности стало обращение к древнерусским источникам и русскому фольклору. Например, повесть «Отчина», созданная после поездки 1928 г. в Псково-Печерский монастырь, была написана по канве древнерусских письменных памятников XVI в.: «Повести о Псково-Печерском монастыре», «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков», сочинений Андрея Курбского, а также псковских летописей и иконописных подлинников. Заимствуя сюжеты и образы из произведений древнерусской литературы, Зуров дополнил их народными преданиями и легендами об Иване Грозном, Корнилии Печерском и других псковских святых, создав поэму в прозе, которая воспевает героическую историю Руси и патриотизм русского народа.

Русский фольклор (наряду с древнерусскими памятниками и Священным Писанием) стал источником для создания мифопоэтических образов в романах «Древний путь» (1934), «Поле» (1938), в незавершенной повести «Иван-да-марья». Например, образ *поля* у Зурова наделен традиционными для народной культуры значениями: это пашня (обработанная человеком, плодоносящая земля), поле битвы, а также символ России (русского простора) и мирового природного единства (национального Космоса). Древний *путь* для Зурова — это исторический путь славян, пришедших издалека на новые земли, чтобы обжить и освоить их.

В повести «Иван-да-марья» значимым является народный календарь (в частности, мифологические представления, связанные с праздником Ивана Купалы) и растительный код (сопоставление человека с растением, с колосом, который кровно связан с родиной — русским полем). В целом можно утверждать, что в литературе русского зарубежья первой волны Зуров был одним из писателей, наиболее последовательно сохранявших традиции отечественной народной культуры путем обращения к произведениям древнерусской литературы и фольклора.

Гуськов Николай Александрович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Касьян Агапов и Зубило

С филологической точки зрения работа Ю. К. Олеши в газетах, в т. ч. в «Гудке», изучена очень мало: не собран весь корпус его текстов и не выявлены основные псевдонимы. Выводы доклада имеют предварительный характер, но из уже проведенного анализа текстов, подписанных «Касьян Агапов» и «Зубило», видно, что Олеша использовал эти псевдонимы в произведениях с различной стилистической, тематической и эмоционально-жанровой установкой.

Ковалова Анна Олеговна,
к. ф. н., преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А. П. Платонов — киносценарист (к истории экранизации рассказа «Песчаная учительница»)

А. П. Платонов — автор нескольких киносценариев, из которых реализована была только экранизация рассказа «Песчаная учительница». Впрочем, фильм «Айна» весьма отдаленно напоминает первоначальный замысел: между «Песчаной учительницей» (1926) и ее экранным воплощением (1930) множество сценарных вариантов и пять судьбоносных для страны лет, во время которых философская притча о человеке и стихии постепенно превращалась в агитку о коллективизации.

В 1927 г. Платонов написал «Примечания к рассказу „Песчаная учительница“ для развития его сюжетной стороны», затем — первый вариант либретто. Работал с увлечением и в одном из писем к жене с удовольствием отметил, что ставить фильм будет «лучший режиссер — наверно, Пудовкин». Фамилии Пудовкина в документах по фильму, однако, обнаружить не удалось.

По-видимому, Платонов вовсе не стремился идеологически упростить свой диалогический рассказ. Все сценарные варианты сохраняют декларацию вождя кочевников, на которую нечего возразить героине: «Степь наша, барышня. Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник». Перевод «Песчаной учительницы» на киноязык сопровождается не упрощением, а усложнением, укрупнением конфликта: между Марией Никифоровной и вождем Мемедом возникает любовь. И оба жертвуют собой и друг другом ради долга перед своим племенем.

Неудивительно, что в платоновских либретто прекрасно сохранились его языковые приемы и присущие «большой» прозе писателя неологизмы, казалось бы, неприменимые к немому кино: «Стоячие, любопытные и внимательные глаза», «Нарышкина сторожит ее слова и возбуждается», «...Чуть пополнела и еще больше разневестилась лицом». Платоновскую руку можно узнать уже в списке «главных действующих лиц»: *Песок, Советская власть, Шелюга, Кочевники, Скот, Песчаная учительница*.

Несколько адаптировать странный платоновский сценарий к требованиям советской кинематографии, по-видимому, пытался весьма опытный в этом деле В. Б. Шкловский. Далее над сценарием работал Ал. Попов, а после него М. Смирнова; она и заменила Нарышкину Айной — восточной девушкой, которая, окончив университет, учительницей возвращается в родные края.

Долгое время фильм считался утраченным. В 2001 г. на фестивале «Белые Столбы» показали только что найденную третью часть «Айны». Совсем недавно в Госфильмофонде обнаружили вторую. Эти кадры ценны теперь не только для киноведов, но и для платоноведов. Тем более что режиссеру и оператору, несмотря на многочисленные поправки к сценарию, удалось воссоздать главного героя платоновского либретто — Песок — куда мощнее и убедительнее разумницы Айны. «В экране песчаный вихрь — острый, напряженный и сплошной, переходящий в тьму» — это прекрасно передает экран.

Куранда Елена Леонидовна,
к. ф. н., докторант, Московский педагогический государственный университет

Образ робота в советской литературе и театре 1920–1930-х гг.

1. В докладе анализируется социально-политический и художественный контекст возникновения произведения о роботе — «умной машине» — в СССР.
2. В качестве социально-политического контекста выявлены способы репрезентации примет времени, содержащиеся в диалогах персонажей, а именно: первая пятилетка в СССР, пропаганда спорта и физкультуры, борьба с мещанством.
3. В качестве «умной машины» персонаж пьесы Е. Ф. Тарвид имеет богатый литературный генезис. В частности, предшественники робота 1929 г. встречаются в литературе романтизма с ее оппозицией живого/механического, фантастического/реального.
4. В основе конфликта пьесы — идея о неуместности человекоподобного механизма в социалистическом быту и комические ситуации, возникающие вследствие этого. Таким образом, на первый план выходит социально-политический, пропагандистский пафос, который, в частности, нашел выражение в том, что персонажи пьесы используют в своих репликах речевые газетные клише 1930-х гг.

Маргграф Уте,
к. ф. н., научный сотрудник, Университет Грайфсвальда (Германия)

«Собачье сердце» М. А. Булгакова в свете историко-философских воззрений И. Канта и Ф. Шиллера

М. А. Булгаков использует сомнения, которые провоцировала Великая Французская революция 1789 г. в сознании европейской интелигенции, для того, чтобы деконструировать аткуальные в 1920-е гг. проекты создания «нового человека».

Опираясь на работы Спинозы, Канта и Шиллера, Булгакову удается не только обратить внимание на односторонность идеи революционного преображения человека без учета особенностей всегда конкретной и преимущественно социально обусловленной человеческой натуры, но и вступить в диалог с устоявшейся русской рецепцией Просвещения.

Вопреки традиционной рецепции Шиллера в России, согласно Д. Кречмару, приспособливавшей немецкого поэта и его эстетические статьи к доминантному просвещенческому идеалу, Булгаков активирует многогранного Шиллера, чтобы найти опору в сложной для него самого и всей литературы ситуации.

Настойчивость, с которой Булгаков в фантастическом тексте ставит вопрос об отношении отдельной личности и революции, индивидуальности и революции, а также соотнесении проблемы гуманности революции и последующего общественного порядка с идеями Просвещения,

показывает, что писатель в данном случае выступает как современный автор и мыслитель, в творчестве которого конструкция и деконструкция идут рука об руку.

Маслинская Светлана Геннадьевна,
к. ф. н., докторант,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

«Фильтруя детскую книжку»: критика и «номенклатурная поэтика» детской литературы 1920-х гг.

В название доклада вынесена цитата из названия статьи Л. Котлицкого, опубликованной в 1926 г. К «фильтрации» детской книги в середине 1920-х гг. приступила новая плеяда цензоров и критиков, которая во многом (при всей разнице идеологии) наследовала дореволюционной педагогической критике, при том что состав критиков существенно поменялся.

В докладе будут представлены результаты анализа состава и продукции нового экспертного сообщества: как складывался социальный и гендерный профиль нового советского критика детской литературы; как формировалась преемственность между отдельными критиками и группами; как складывались авторитеты (система ссылок, цитирования и т. п.), в какие моменты и как они сменялись; существовали ли разрывы критической традиции и чем они были обусловлены; как отразились в критике детской литературы дискуссии «взрослых» критиков.

Критические и методические дискуссии о детской литературе 1910–1934 гг. будут рассмотрены как источник для реконструкции «нормативной поэтики» детской литературы, каковой она представлялась экспертам в области детского чтения. Прослеживая наиболее общие стереотипные нормативные утверждения критиков (какой следует быть детской литературе, произведению для детей, детскому писателю, тематике детской литературы, какова социальная роль детской литературы), можно сформировать обобщенную нормативную картину детской литературы середины 1920-х — начала 1930-х гг.

Рождественская Милена Всеволодовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«Книжный мир» в поэтическом и эпистолярном наследии Вс. А. Рождественского

1. Анализируются литературные пристрастия Вс. А. Рождественского, нашедшие отражение уже в ранних поэтических сборниках «Золотое веретено» (1921), «Большая Медведица» (1926) и в эпистолярном наследии 1920–1970-х гг., которое опубликовано далеко не полностью (письма к Е. А. Архиппову, Д. С. Усову, Э. Ф. Голлербаху, Г. В. Глекину, Н. А. Бринкман). Письма из личного архива поэта служат хорошим

комментарием к его стихам, отражая конкретные события и время, когда они создавались.

2. Адресатами Рождественского были близкие люди, единомышленники, для которых разговоры о книге и литературе в целом стали насущной потребностью даже в самые, казалось бы, «некнижные времена». Рождественский делится с ними своими читательскими впечатлениями, пишет о книжных новинках, заботится о покупке и присылке книг для своих друзей.
3. В рассматриваемых письмах разных лет Рождественский раскрывается не только как поэт, но и как вдумчивый читатель, который в одном из стихотворений признавался: «хлебом и водой мне было Слово». Начиная с 1920-х гг. Рождественский работает над художественными переводами европейских (Беранже, Рембо, Готье, Мюссе, Мореас, Эредиа, Гюго, Байрон и др.), а также некоторых восточных древних и новых поэтов. И хотя литературная критика разных лет нередко упрекала Рождественского в «литературности» его стихов, все же мировая художественная литература прочно входит и в его оригинальное творчество: то в качестве иллюстраций (стихи, посвященные Диккенсу, Гете и др.), то как реминисценция, прямая или косвенная цитата, аллюзия, эпиграф и т. д. Предпочтение отдается Франции, но и английская, и немецкая лирика занимает свое место в поэзии Рождественского.
4. Можно говорить об интертекстуальном восприятии Рождественским мирового литературного наследия. Так, вслед за любимыми писателями он мысленно оказывается то в Париже Гюго, то в Лондоне Диккенса, то в Гётевском Франкфурте, то в Венеции времен Карнавала и Рембо. Особую роль в его поэзии играет античность, которая опосредованно связана с царскосельскими парками, с архитектурой Петербурга и с Восточным Крымом как страной древней Киммерии.
5. Анализ поэзии и писем Рождественского убеждает, что книга, сформировавшая в детстве его вкус, определившая — наряду с русской природой — его творческий путь, до конца жизни оставалась любимым собеседником поэта.

Смирнова Наталья Николаевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Невидимое творчество М. О. Гершензона («Солнце над мглою», 1922)

Л. И. Шестов полагал, что постижение мира в его фрагментарности требует смирения разума перед замыслом Создателя, неподвластным человеку в силу ограниченности его рациональных возможностей: если бы боговдохновенная сущность мира описывалась бы общезначимой и исчерпывающей закономерностью, системой, то сам Бог подчинялся бы полагаемой им Высшей необходимости — своему же собственному закону.

Для М. О. Гершензона фрагментарность означает не столько смирение перед творческой силой создателя, сколько открытость воображаемому.

Именно этот взгляд обосновывает он в афоризмах «Солнце над мглою». Здесь сочетаются и взамопересекаются разные идеи и планы (заметки к второй части трактата «Тройственный образ совершенства», замысел романа «наподобие Дон Кихота», а также фрагменты воспоминаний детства). Эта многоплановая структура собрания афоризмов позволяет сделать вывод о совмещении в творческом процессе ученого и писателя разных идей, осуществленных и неосуществленных.

Синтез идей в едином пространстве фрагмента обнаруживает новое качество мышления, развивающееся в русской философии рубежа XIX–XX вв. При этом сама возможность/невозможность осуществления также является существенной характеристикой. Во фрагменте схватывается развитие единой мысли, которая осуществляется только частично (другая ее часть принципиально остается невидимой). В «Солнце над мглою» показываются следующие особенности этого процесса:

а) непроницаемость личности — непостижимость работы ее сознания;
б) недоступность истины (как несокрытого, Αλήθεια) систематическому постижению, открытость только для интуиции;
в) воображение и память: будущее и прошлое в едином фокусном пространстве фрагментарного ви́дения;
г) влияние несозданного, но только помысленного может быть столь же велико, если оно совпадает с уже самораскрывающейся возможностью;
д) один из примеров такой возможности — символический образ и его осуществление в картине нового мира (для Гершензона Дон Кихот и Санчо Панса — вестники, открывающие «даль свободного будущего», и одновременно персонажи нового романа, создающегося в воображении и принципиально не осуществимого).

Опыт фрагментарного мышления, обращения к единству несокрытого как истины, вносит новые грани в понимание целостности в самосознании культуры XX в.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XIX В.

Григорьева Елена Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Специфика события в лирике М. Ю. Лермонтова

Историю развития лирического рода можно осмыслить как историю возникновения и развития лирического события. Рождение событийного лирического текста приходится на время разрушения «школы гармонической точности»: в рамках этой пороговой школы «готовое слово» начинает оспариваться непредсказуемостью лирического дискурса, который мотивирован индивидуальной эмоцией, порожденной конкретной и единичной ситуацией. Лирическая событийность зарождается внутри элегического жанра в поэзии Пушкина и Баратынского практически одновременно. Пушкинский путь прочерчивал маршрут к реальности мира, путь Баратынского — к реальности сознания, точнее, к реальности познающего интеллекта.

Лирическая система Лермонтова, с нашей точки зрения, демонстрирует совмещение тех путей, которые намечены Пушкиным и Баратынским. С одной стороны, Лермонтов вслед за Пушкиным вводит в «высокий» поэтический текст недопустимые разговорные обороты, вступающие в стилистический конфликт с традиционными элегическими формулами. Этот конфликт рождает событийность высказывания, т. е. нарушение нормы поэтического дискурса воспринимается как переход через ощущаемую стилистическую границу. С другой стороны, Лермонтов вторит Баратынскому в ощущении тотальной безнадежности общих законов бытия. Откровения «лермонтовского человека» (Д. Е. Максимов) не менее безжалостны, чем представления лирического «Я» Баратынского, но универсальность самих законов у Лермонтова имеет одно исключение: они не работают применительно к тому, кто их так ясно сформулировал.

Лермонтовский текст ограничивается пространством сознания, но, в отличие от Баратынского, Лермонтов глубоко психологичен и неинтеллектуален. Так в системе лермонтовской лирики совмещаются два пути: Пушкина и Баратынского. Глубокий психологизм, идущий от Пушкина, позволяет исследовать парадоксальное, резко индивидуальное сознание лирического героя, а отказ от внешней ситуативности, продолжающий опыты Баратынского, универсализирует положение этой индивидуальности.

Дорожкина Мария Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный областной университет

Академик А. И. Белецкий — исследователь женского художественного творчества XIX в.

В Пушкинском доме (ИРЛИ РАН) в рукописном отделе хранится работа академика АН СССР А. И. Белецкого «Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х гг.». Имя Белецкого принадлежит к поколению ученых, которое в XX в. стояло у истоков создания науки о литературе. «Эпизод из истории русского романтизма...» занимает важное место в наследии ученого периода его становления.

Белецкий приводит хронологическую таблицу «деятельности» русских писательниц с 1830 по 1860 г., в основу которой кладет лишь наиболее характерные для того времени произведения. Руководящими принципами отбора стали: читательские впечатления, продолжительность литературной деятельности, плодовитость писателя. Предметом своего изучения Белецкий делает творчество 19 писательниц: З. Волконской, М. Лисицыной, Н. Тепловой, Е. Ростопчиной, А. Глинки, Е. Кульман, К. Павловой, Н. Дуровой, М. Жуковой, Е. Ган, Е. Шаховой, С. Толстой, Е. Кологривовой, Ю. Жадовской, Е. Вельтман-Кубе, А. Марченко, Н. Хвощинской, Е. Панаевой, Е. Тур.

Белецкий делит писательниц на три группы. В преддверии первой группы стоят З. Волконская, Е. Кульман, Н. Дурова, которые, по мысли ученого, не столько своими произведениями, сколько своими яркими биографиями, подготовили читателя к восприятию «женской литературы».

Первая группа обозначена как «Эпигоны эпохи чувствительности: М. Лисицына, Н. Теплова, Е. Шахова, А. Глинка», их литературная деятельность выражается преимущественно в стихах, близких к романтической поэтики В. А. Жуковского. В их творчестве читатель найдет лишь предвестия, разрозненные элементы той «женской» поэтики, которая приобретает цельный характер в творчестве русских писательниц 1840–1850-х гг.

Вторая группа — романтическая: Е. Ган, М. Жукова, Е. Кологривова, Е. Вельтман-Кубе. Эти писательницы достаточно сильно связаны с русским и западноевропейским романтизмом первой трети XIX в. Отдельно выделяется творчество Е. Ростопчиной и К. Павловой.

Литературная деятельность третьей группы писательниц приходится на 1850-е гг.: Ю. Жадовская, А. Марченко, Е. Тур, А. Панаева, Н. Хвощинская. Их творчество близко к натуральной школе, но в их сюжетах, писательской манере остается много романтического.

Белецкий считает, что к 1860-м гг. женское творчество постепенно утрачивает свои особенные признаки. Обращаясь к изучению историко-литературного материала, Белецкий расширят представления о художественном пространстве русской литературы, о значении писателей второго и третьего ряда для понимания общей концепции динамики литературного процесса и его жанрово-стилевого многообразия.

Золтан Доминика,
аспирант, Будапештский государственный университет
им. Этвеша Лоранда (ELTE) (Венгрия)

Научный руководитель: Кроо К., д. ф. н., профессор

«Случайная» деталь в мире А. П. Чехова: опыт анализа рассказа «Неприятность»

Анализ рассказа А. П. Чехова «Неприятность» может быть построен с опорой на понятие «рассказ открытия». Этот тип рассказа был описан В. Б. Катаевым [Катаев, 1979]. Для подобного типа произведений сюжетообразующим является разрушение схемы мышления героя, которое приводит к открытию хаотичной, враждебной стороны действительности. А. П. Чудаков упоминает рассказ «Неприятность» с его «ни с чем не связанными» маленькими эпизодами и деталями в качестве прецедента поэтики случайности [Чудаков, 1971]. В рассказе главный герой, земский врач, вследствие «житейской мелочи» теряет свое ви́дение мира, и привычная окружающая его среда начинает казаться ему ложной, пошлой, глупой. Эта перемена демонстрируется именно через «случайные элементы», представленные на разных уровнях текста.

Уже с самого начала рассказа мысли и разговоры врача часто перебиваются живыми, но «не относящимися к делу» подробностями. Если посмотреть отрывок, в котором показано, какой представляется доктору акушерка, можно заметить удивительную схожесть с описанием абсурдности происходящего у Альбера Камю. Доктор видит акушерку так: «Ее ро-

зовое ситцевое платье было сильно стянуто в подоле и от этого шаги ее были очень мелки и часты. Она шуршала платьем, подергивала плечами в такт каждому своему шагу и покачивала головой так, как будто напевала мысленно что-то веселенькое» [Чехов, Т. 7: 143–144]. Очень похожую сцену рисует Камю в своем эссе «Миф о Сизифе»: «В немногие часы ясности ума механические действия людей, их лишенная смысла пантомима явственны во всей своей тупости. Человек говорит по телефону за стеклянной перегородкой; его не слышно, но видна бессмысленная мимика. Возникает вопрос: зачем же он живет? Отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека, <...> — это тоже абсурд» [Камю, 1990: 31].

В обоих случаях присутствует рациональное объяснение движениям (узкое платье, жесты при разговоре), но все же эти обыденные моменты кажутся чем-то очень странным, непонятным, отсутствует звук: «мысленное» пение акушерки и телефонный разговор за стеклом. «Случайные» элементы в рассказе Чехова создают такой же эффект в процессе осмысления текста читателем: как будто для понимания связи между деталями не хватает какой-то внутренней мелодии, смысловой линии.

Прежняя схема мышления разрушена, иерархия «важных» и «неважных» деталей исчезает — все окружающее доктора выражает глупость. Но само произведение Чехова не становится абсурдным, мир изображается таким образом, что абсурдность проявляется через восприятие реалистичных подробностей.

Литература:

1. *Камю А.* Миф о Сизифе // Бунтующий человек. М., 1990. С. 31.
2. *Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979.
3. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений. 1974–1983. Т. 7. С. 143–144.
4. *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971.

Зубков Кирилл Юрьевич,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Рассказы о новых людях и роман о нигилистах: нарративные конструкции и идеология в России 1860-х гг.

Литературная жизнь в России 1860-х гг., как и в начале XIX в., во многом определялась конфликтом «архаистов» и «новаторов», причем очень часто один и тот же автор может относиться к обоим лагерям в зависимости от того, какой аспект его литературной позиции рассматривается исследователем. Радикальная критика исходила из того, что романный жанр для современной литературы не может считаться удовлетворительным, и требовала:

1) отказа от представления о произведении как дистанцированном от автора и читателей прекрасном объекте в пользу его определения как социального действия;
2) разрушения иерархии автора и персонажей: действующие лица произведения должны восприниматься как реальные люди;

3) отказа от традиционного построения сюжета, основанного на предписывании героям определенных ролей.

Эти принципы были реализованы в произведении Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где носителем традиционных представлений о литературе становится извращенное сознание «проницательного читателя».

Проблематизация романного жанра и традиционного повествования вообще отразилась в «Обрыве» И. А. Гончарова, полемически построенном по отношению к «нигилистической» критике. В романе отказ от авторской дистанции по отношению к произведению и героям трактуется как любительское отношение к искусству, приводящее к некритическому изображению себя в собственном произведении, а пытающиеся отклониться от типичного для традиционного романа набора ролей герои оказываются вновь вписаны в сложившийся еще в пушкинском творчестве набор сюжетных функций.

При всех различиях между ними два «полюса» русской большой прозы 1860-х гг. объединяет высокая степень рефлексии о возможностях фикционального повествования, вообще характерная для этой эпохи.

Зыкова Галина Владимировна,
д. ф. н., профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Мотив молчания в русской политизированной лирике на фоне западноевропейской литературной традиции

Молчание как мотив и его изображение как художественный прием весьма важны, как известно, и для русского нонконформистского, и для западного искусства второй половины XX в., сохраняя свою актуальность вплоть до настоящего времени. Ни в коем случае не ограничиваясь возможными политизированными применениями, этот мотив, однако, очевидно востребован в т. ч. в политизированном литературном дискурсе, в частности, в лирике.

Русская филология давно констатировала большую степень устойчивости словаря и образности отечественной политической лирики (от декабристов до лимоновцев, условно говоря). Между тем в некоторых случаях ключевые образы, конечно, исчезали и сменялись новыми, отражая и изменения идеологии, и изменения поэтики; именно это, как нам представляется, и происходит с мотивом молчания.

Исходная гипотеза доклада сводится к тому, что характерный для русской поэзии золотого века мотив «грозного» и «свободного гласа», «витийства» пророка, возможного и необходимого даже в несвободном мире, сменяется мотивом молчания; основная задача состоит в определении того, когда и как это происходит. Вторая задача, решение которой докладчик предполагает только наметить, — попытаться понять, происходят ли аналогичные процессы в западной культуре, и если да, то синхронны ли они происходящему в русской. Материал для сравнения, привлекаемый без претензии на исчерпывающую полноту, — английская лирика XIX–XXI вв.

Ильюхина Татьяна Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«В девяностых годах»: две версии («Моя жизнь» А. П. Чехова и «Без роду-племени» И. А. Бунина)

Картины жизни провинциальных городов в «Моей жизни» А. П. Чехова и «Без роду-племени» И. А. Бунина имеют сходные черты: нездоровая, неблагоустроенная, скучная и бездарная у Чехова и однообразная, обездоленная и мучительная у Бунина. В этой атмосфере герои произведений обсуждают общественные и философские вопросы, противоречия между культурными ценностями, прогрессом и нравственными началами, определяя и выбирая свою судьбу. А повествование от первого лица в повести и рассказе, построенное на смешении реального и нереального в сознании героев (провалы в памяти, сны) и в восприятии окружающего, представляет две версии миросозерцания: прозаическое и поэтическое.

Карпов Александр Анатольевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

М. С. Скуридин в его отношениях с В. А. Жуковским и Н. В. Гоголем: неизвестные воспоминания и письма

Имя М. С. Скуридина (1795?–1872) сохранилось в истории нашей культуры главным образом благодаря его личным контактам с В. А. Жуковским и Н. В. Гоголем. В разные годы П. А. Ефремовым и А. А. Ильиным-Томичем были опубликованы письмо (от 31.I.1847) и записка Жуковского к Скуридину, В. И. Шенроком и В. В. Гиппиусом — письма Скуридина к Гоголю (от 25.VII.1850 и 13.IX.1851; лаконичный отрывок из еще одного письма — от 6.II.1851 — приведен в комментариях к тому 14 «старого» академического собрания сочинений Гоголя. Эти документы до сего времени являлись единственными источниками сведений о характере общения классиков русской литературы со Скуридиным, сама же личность последнего оставалась загадочной.

Настоящее сообщение вводит в научный оборот незамеченные воспоминания Скуридина о Жуковском и Гоголе, а также его письма к ним, хранящиеся в Рукописных отделах Пушкинского Дома и Института литературы им. Т. Г. Шевченко в Киеве.

Карпов Николай Александрович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о нравственно-этической проблематике романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Изучение нравственно-этического содержания текста оказывается для современной науки о литературе вещью откровенно периферийной, относится либо к предмету литературной критики, либо к части школьной программы. Очевидно, что современный исследователь испытывает явное отторжение от любых трактовок произведений искусства с точки зрения их

нравственного и этического содержания. Причины такой ситуации сложны и многоаспектны и связаны как с общими тенденциями развития мировой научной гуманитарной мысли в XX — начале XXI в., так и с особенностями идеологического климата в российском обществе в последние десятилетия. Однако этическая составляющая текста нуждается в реабилитации хотя бы потому, что предмет науки о литературе — это текст, созданный и воспринимаемый человеческой личностью, которая по определению является носителем определенных нравственных установок и ориентаций.

В то же время, касаясь такой проблематики, мы должны понимать, что имеем дело с художественными образами. Поэтому «Татьяны милый идеал» — это, конечно, «идеал», созданный в рамках искусства, характеристика именно эстетического потенциала образа, а не человеческих качеств личности, которой никогда не было. Вести разговор об этическом облике литературного героя позволяет лишь глубина его эстетической проработки. Именно поэтому здесь необходимо доверять тексту, ни в коем случае не допуская произвольных домыслов.

До сих пор в оценках этических аспектов романной проблематики мы находимся в плену «авторитетных» трактовок, воспринимая тот же образ Татьяны «по Достоевскому». Однако, каким бы высоким и благородным ни казался поступок героини, он не делает ее счастливой («а счастье было так возможно, так близко!»), и этот смысл оказывается ключевым в аспекте важнейшей для романа проблемы поиска счастья. В этой связи показательно, что и Татьяна, и Онегин, видя счастье именно в тех самых «наслаждениях любви» (вопреки логике Достоевского) и желая это счастье обрести, само счастье воспринимают не как свойство субъективного мироощущения, а как что-то лежащее вне личности и от личности прямо не зависящее, как некий целеполагаемый объект, который может самопроизвольно приближаться или удаляться. При этом даже для того, чтобы приблизиться к этому объекту, «добиться» счастья, герои, в особенности Татьяна, ничего не предпринимают, оказываются пассивны, мысля себя больше как объекты воздействия, нежели субъекты действия. Этот парадокс можно объяснить как в эстетико-металитературном ключе — как реализацию свободной авторской воли, направленной не на создание жизнеподобных образов, а на воплощение сугубо эстетических задач, так и в традиционно историко-литературном: герои романа есть некая производная от их среды, идея «самостоянья человека» придет к Пушкину позже.

Константинова Наталья Владимировна,
к. ф. н., заведующий отделом,
Новосибирский государственный педагогический университет

Нарративные стратегии авторов-путешественников в русских травелогах начала XIX в.

В исследовательских работах о формировании и эволюции жанра травелога в России особое внимание уделяется периоду конца XVIII — начала XIX в., который даже принято называть «эпохой путешествий». Особый

интерес вызывает способ описания, казалось бы, одинаковых событий, в которых авторы травелогов были непосредственными участниками либо очевидцами. Именно нарративные стратегии авторов-путешественников исследованы в меньшей степени.

Анализ автокомментария в путевых записках демонстрирует значимость следующих вопросов, возникающих перед автором травелога: автор должен описывать только те события, в которых он непосредственно участвовал, либо был их очевидцем? Каким образом необходимо фиксировать события в записках? Каким слогом необходимо описывать увиденное? Какова цель фиксации тех или иных событий, впечатлений, характеристик? Какова логика повествования?

Следует отметить, что авторы травелогов в этот период невольно испытывали на себе влияние мощной литературной традиции, порожденной творчеством Н. М. Карамзина. В связи с чем в путевых заметках возникало очевидное «напряжение» между двумя нарративными стратегиями: автора-документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. Однако нарративные стратегии авторов-путешественников, реальных участников описанных событий, оказываются гораздо богаче и многообразнее выделенных шаблонных, стереотипных конструкций. Путевые записки демонстрируют своеобразие нового жанра (слова о путешествии), который синтезирует литературный канон и личный опыт путешественника, стереотипность, шаблонность повествования с индивидуальной нарративной стратегией автора-путешественника. При этом установка на объективность записок в процессе фиксации событий модифицируется, заменяется субъективным повествованием автора о собственном восприятии, эмоциях и переживаниях. На уровне нарратива выражается стремление автора совместить несколько точек зрения на мир: поэта, писателя, художника, человека, документалиста, этнографа, историка. Такой подход позволяет автору-путешественнику познать Иное, Чужое через самоидентификацию личности.

Курочкин Александр Валентинович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Биография <…> графа Д. И. Хвостова, сочиненная неизвестно кем в 1821 году»

В архиве Д. И. Хвостова, хранящемся в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом), находится переплетенная тетрадь, озаглавленная: «Биография действительного тайного советника, сенатора и кавалера графа Дмитрия Ивановича Хвостова, сочиненная неизвестно кем в 1821 году, и посвященная в библиотеку Киево-печерской лавры, при жизни его, киевским митрополитом Евгением». «Биография», написанная самим графом по просьбе мирополита Евгения, была опубликована М. И. Сухомлиновым по писарской копии в 1885 г. Проблема атрибуции этого текста перед его первым издателем просто не стояла: тон, манера изложения, а также введенные в текст биографии цитаты и сведения, никогда не публиковавшиеся

и сохранившиеся исключительно в рукописях архива Хвостова, позволяли безошибочно установить настоящего автора.

Упомянутая в заглавии фраза «сочиненная неизвестно кем» отсылает нас к давней традиции, согласно которой автор, повествуя о себе, скрывался за вымышленным именем или попросту не указывал его. Так, например, поступил протопоп Аввакум, писавший свою биографию наподобие жития святых, заменяя первое лицо третьим.

Следуя давней традиции древнерусских авторов говорить о себе в уничижительной форме, Хвостов в то же время не может скрыть тщеславия и высокого мнения о своих литературных достоинствах, приписывая собственное возвеличивание анонимному автору: «Дела его и заслуги своему отечеству столь обширны, что поместить оные в себе может одна только соразмерная оным память». Сопоставление данных фактов свидетельствует о сложности и противоречивости личностных качеств Хвостова, вынужденного самому создавать и поддерживать в литературной и социальной среде мнение о себе. Обида на непризнание своих литературных заслуг современниками соединялась у Хвостова с надеждой на их одобрение в следующих поколениях.

«Биография» Хвостова проливает свет на некоторые важные моменты его жизненного пути. Мы можем подробнее узнать о детских и отроческих годах писателя, становлении его как литератора; что немаловажно, сведения, приведенные самим графом, во многом являются единственным источником фактологической информации о его личности.

Рассказ Хвостова о своей жизни долго оставался без внимания из-за сложившейся у него литературной репутации графомана. Между тем в биографическом аспекте авторское жизнеописание, представляющее не литературного персонажа — героя пародий и эпиграмм, а Хвостова-человека, несет особый смысл. Сведения, сообщенные Хвостовым, позволяют взглянуть на жизнь и творческую судьбу графа без призмы литературного мифа. В публикации 1885 г. не были учтены многочисленные дополнения и поправки, сделанные Хвостовым в рукописи. Анализ разночтений в ряде мест дает представление об авторской манере и особенностях авторского языка.

Ляпушкина Екатерина Ильинична,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О двух типах рецепции романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в XX в.

С самого начала в истории осмысления романа Ф. М. Достоевского «Бесы» отчетливо проявляются два аспекта, два направления рецепции. С одной стороны, это идеологический подход, специфически и по-своему глубоко осуществленный русской философской критикой первой трети XX в. С другой стороны, это подход поэтологический, результатом которого стала собственно филологическая рефлексия по поводу романа как поэтической формы.

В предложенных философско-религиозной критикой интерпретациях романа, при всей их глубине и иногда пронзительности прозрений, не могли не сказаться последствия существенного методологического изъяна, лежащего в самом основании этой критики. Она отнеслась к тексту как к варианту того же дискурса, который репрезентировала собою и сама, игнорируя и принципиальную иноприродность художественного высказывания по отношению к высказыванию философскому, и ту дистанцию, которая отделяет первое от второго. Интересно, что с точки зрения методологии историко-литературная критика второй половины XX в., обращаясь к роману Достоевского, зачастую оказывается типологически соотносима с религиозно-философским дискурсом начала XX в. В обоих случаях обнаруживает себя принцип иллюстративности.

Изучение поэтики романа Достоевского началось в 1920-х гг. Одной из первых работ в этой области стала статья А. Л. Бема «Сумерки героя», посвященная вопросу о генезисе образа Ставрогина. Существенное отличие этой работы от рассмотренных выше заключается в четком осознании дистанцированности художественного мира литературы от его критической рефлексии, с одной стороны, и от осваиваемой этим миром реальности, с другой. Памяти Бема посвятил одну из двух работ о «Бесах» С. Г. Бочаров, тем самым указав на связь между собственным подходом к поэтике романа и подходом Бема. Бочаров возводит литературную родословную Ставрогина к Онегину. Параллели романов рассматриваются как свидетельство сопричастности обоих произведений единому метасюжету русской литературы, формирующемуся в силу действия глубинной литературной памяти. Смена методологических оснований, по сравнению с философской и историко-литературной критикой, позволила обратиться к имманентному анализу текста и рассмотреть роман как самостоятельную внутрилитературную систему смыслопорождения (а не смыслоотражения).

Макеев Михаил Сергеевич,
д. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поэтическое эпигонство и политическая реакция в России 1830-х гг.: книга «Мечты и звуки» Н. А. Некрасова в общественном и литературном контексте

Дебютный сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» был составлен, по свидетельству самого поэта, из стихотворений, по большей части написанных еще во время учебы в Ярославской гимназии, т. е. примерно в 1834–1837 гг. Эти стихи писались в подражание всему, что начинающему поэту попадалось в литературных журналах, выписываемых в гимназии, прежде всего в «Библиотеке для чтения». Соответственно, образцом стало для Некрасова этого времени эпигонское вульгарно-романтическое творчество В. Г. Бенедиктова, Н. В. Кукольника, А. И. Подолинского и подобных им поэтов.

Мы предполагаем, что одной из причин, обусловивших увлеченность этой продукцией, было их вызывающее несходство с теми литературными

образцами и теми принципами, на которые ориентировалось гимназическое преподавание «словесности». Риторика Н. Ф. Кошанского учила следовать разуму, принципам умеренности, сдержанности, простоты, ясности, избегать слишком неясных сравнений и тем самым ассоциировалась с гимназической рутиной, казалась руководством для составления верноподданнических речей для торжественных церемоний. Романтическая же поэзия изобиловала дерзкими образами, сопоставлениями, опровергавшими сложившиеся правила, которые показались бы «галиматьей» гимназическому учителю Некрасова П. П. Туношенскому, но для гимназиста выглядели как дерзкое нарушение набивших оскомину правил, как проявление свободы и независимости.

Провинциальному гимназисту было трудно различить скрывавшуюся за всеми «раздирающими страстями» Подолинского или Барнета «благонамеренную» направленность их поэзии, вполне буржуазную мораль, проповедь ложного христианского смирения и в конечном счете покорности существующему порядку вещей. Эти качества обусловили востребованность такой поэтической продукции, ее широкое распространение, в т. ч. в достаточно далекой от центров культурной жизни среде, и успешную конкуренцию во второй половине 1830-х гг. с «настоящей» литературой.

Случай Некрасова, таким образом, позволяет уточнить причины и механизм распространения эпигонства, его кумулятивного самовоспроизведения, а также поставить вопрос о фундаментальной связи между эпигонством и политической системой, настроенной на самосохранение и самовоспроизводство.

Монахов Сергей Игоревич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Горе от ума» А. С. Грибоедова в контексте полемики о русской балладе 1810–1820-х гг.

1. Спор между В. А. Жуковским и П. А. Катениным о национальном содержании жанра баллады в русской поэзии неоднократно привлекал внимание литературоведов, в т. ч. в более широком контексте осмысления теоретических баталий младшего поколения «архаистов», к которому принадлежал А. С. Грибоедов, и «новаторов» («карамзинистов»).
2. Принято считать, что публичное участие А. С. Грибоедова в спорах вокруг романтической баллады, в которых он горячо встал на сторону Катенина, ограничивается статьей в июльской книжке журнала «Сын отечества» за 1816 г. «О разборе вольного перевода Бюргеровои баллады „Ленора“».
3. Хотя Грибоедов после опубликования этой статьи действительно больше не выступал в печати в качестве участника дискуссии, было бы странно предполагать, что поэт, который уже зарекомендовал себя человеком, неравнодушным к судьбе балладного жанра, вдруг утратил к нему интерес в самый ключевой, поворотный момент его русской истории.

4. Настоящий доклад ставит своей целью показать, какое любопытное преломление находит теоретический спор о русском изводе романтической баллады в собственной поэтической практике Грибоедова, в первую очередь в его шедевре — комедии «Горе от ума» (1822–1824).
5. Целый ряд важнейших фабульных элементов комедии может быть интерпретирован нами в логике обыгрывания писателем расхожих балладных сюжетов. В этом свете сам любовный треугольник Софья — Молчалин — Чацкий предстает вариацией баллады о женихе-мертвеце, а бал в доме Фамусова — сатирическим преломлением сюжета о пирующих чудовищах.

Овчарская Ольга Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Ранний Чехов: создание юморески

Творчество раннего Чехова привлекало внимание ученых намного меньше, чем зрелые произведения. Одной из самых ярких работ по этой проблеме остается статья С. Д. Кржижановского «Чехонте и Чехов (Рождение и смерть юморески)» [Кржижановский, 2010. С. 487–511], впервые опубликованная в газете «Литературная учеба». В ней автор описывает основные композиционные приемы построения чеховской юморески.

В нашем докладе мы бы хотели рассмотреть эту проблему в контексте «малой прессы» (юмористических журналов и газет 1880-х гг.): в чем сходство и различие, с точки зрения композиции и приемов создания комического, между текстами Чехонте и текстами других авторов юмористической журналистики? Ведь несмотря на то, что многие ранние работы Чехова кажутся читателю, знакомому с его поздним творчеством, довольно слабыми, среди коллег по юмористическим изданиям Чехов очень быстро завоевал признание.

На наш взгляд, стремление к структурированности текста и использование неожиданных композиционных приемов выделяло Чехова из общей массы юмористов. Самые удачные его ранние рассказы можно описать как наложение принципов юморески на материал традиционной для «малой прессы» сценки. Для юморески характерен повтор определенного набора элементов. Например, в тексте «Темпераменты» Чехов описывает человека каждого темперамента по одному и тому же набору характеристик (внешность, профессия и т. д.). Этот принцип повторяемости набора элементов Чехов использует и в сюжетных рассказах, что помогает соединить текст в одно целое, четче структурировать его.

Также в докладе уделяется внимание заглавиям ранних чеховских текстов. Часть из них традиционны для «малой прессы» и указывают на время или место действия («В ландо», «В вагоне», «Ночь перед судом»), но некоторые («Дурак», «Маска») соотносятся с композицией текста и могут быть истолкованы двояко.

Литература:

Кржижановский С. Д. Чехонте и Чехов (Рождение и смерть юморески) // А. П. Чехов: pro et contra. Т. 2. СПб., 2010. С. 487–511.

Отрадин Михаил Васильевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Книга А. Гумбольдта «Космос» в творческом сознании русских писателей середины XIX в.

1. Гёте назвал знаменитого немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольдта «великим мастером живого слова». «Живой, действующий на чувства» язык автора «Космоса» высоко оценили русские писатели: В. А. Жуковский, А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский.
2. Чтобы описать мир, в котором есть чудеса, которые «не покорились никаким выкладкам, цифрам, грубым прикосновениям науки и опыта» (И. А. Гончаров), автор книги «Фрегат „Паллада“» использует опыт немецкого «мудреца и поэта».
3. Творческая установка книги Гончарова — создать образ мира не как сочетания разноликих стран и континентов, а как всеобщего целого, «живого космоса».
4. Мир познаваем, считает автор «Фрегата „Паллада“», потому что есть искусство слова. Повествователь в книге предстает как свидетель того «химически-исторического процесса», который изменяет как природный мир, так и мир человека. Природа и человек показаны в этой книге, так сказать, «накануне диалога».
5. Вопрос о прогрессе осмыслен Гончаровым как поиск пути к «просветленному бытию» — через сопоставление двух цивилизаций: английской и русской.

Пенская Елена Наумовна,
д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Дневники и письма Е. М. Феоктистова как историко-литературный источник последней трети XIX в.: к структуре эго-документа

Творческое наследие Е. М. Феоктистова — журналиста, цензора, начальника главного управления по делам печати МВД (1883–1896) — можно условно группировать по нескольким категориям: исторические сочинения, в т. ч. нашедшие применение в недолгой педагогической практике, обширная публицистика, специальные внутренние обозрения печати, составляемые для Александра III, обширный пласт писем, дневниковых записей и мемуаров. При всем разнообразии источников можно выделить в них общее начало: их автор — связной, посредник между разными средами: писательскими, журналистскими, государственными, — а также между историческими периодами, языками культур.

Так, одна из ранних исследовательских работ Феоктистова, посвященная Ансельму Кентерберийскому и написанная еще в университетские годы (1851), включена автором в корпус «Заметок из слышанного и виденного» наравне с текущими ежедневными пометами. Может быть, не случайно

Феоктистов открывает преамбулу к учебнику, составленному на основе записей его лекций для воспитанников Александровского кадетского корпуса, следующими словами: «История состоит из личных припоминаний».

История как обширный нескончаемый мемуар, подлежащий упорядочиванию и внутреннему **«администрированию»**, **«мемуарное ведомство»** — вот концепция Феоктистова, наглядно воплощенная в его дневниках, записках и лишь отчасти проявленная в сборке воспоминаний «За кулисами литературы и политики».

«Заметки из слышанного и виденного» по отношению ко всем текстам Феоктистова: журнальным, административным, публицистическим, научным, мемуарным — монтажный стол, где в определенном порядке и последовательности, внятной автору, чередуются фрагменты его исторических сочинений, мемуаров, циркуляров, канцелярских документов.

Рипинская Елена Викторовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Война и мир»: от замысла к воплощению (трансформация одного образа)

Изучение черновиков и различных вариантов начальных глав романа Л. Н. Толстого, а также сравнение последнего варианта с первоначальным журнальным, позволяет увидеть, как в процессе работы меняется структура текста. Организация черновых эпизодов показывает, что исходный замысел развивался в рамках значений, задаваемых символикой культурного языка эпохи, — здесь во множестве представлены образы и мотивы, принадлежащие «тексту войны 1812 года» (мессианские идеи; противопоставление Наполеона и Александра; сюда же включалась гоголевская символика и более широкая культурная символика архетипов дороги, пути). Эти культурные знаки и символы откровенно организуют повествование, что характерно для литературы предшествующего периода, но не свойственно литературе реализма и поэтике самого Толстого, как мы ее знаем по окончательным текстам.

В ходе работы над романом Толстой отказывается от прямого использования традиционных приемов и образов художественного описания и осмысления войны. Однако соответствующая образность и символика не исчезает из текста романа. Трансформируясь, утрачивая характер явно-символический, она уходит в глубину художественной структуры, оставаясь в виде «семантических мотивов» и «реальных картин», «реалистически» представленных. Эти изменения можно продемонстрировать на примере мотива «пожара» или «огня» (feu), который занимал значительное место в черновых фрагментах и почти незаметен в языковой и мотивной организации экспозиции в окончательном тексте. Формирующая «текст войны 1812 года» символика, первоначально напрямую определявшая повествование, сохраняется в виде семантических мотивов. Имея двойственную языковую природу, они формируются прежде всего во французских фрагментах и характеризуются двойным (французско-русским) проведением.

Сравнение последнего текста романа «Война и мир» с журнальным вариантом, правка, которую выполняет Толстой, показывает планомерное избавление от элементов поэтики «натуральной школы». Преобразуются все сцены, где оставались элементы «диалогического конфликта» — непосредственного столкновения, споров героев на те или иные проблемные темы. Конфликт и сюжет, формирующийся через взаимодействие мотивов, последовательно уводится на более глубинный и скрытый уровень текста.

Савченко Ольга Валерьевна,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Об изучении «подражания Шекспиру» в России начала XIX в. (на материале дневника В. К. Кюхельбекера)

В. К. Кюхельбекер сыграл важную роль в распространении шекспиризма в России первой половины XIX в., он восхвалял Шекспира в своих статьях, перевел несколько его пьес. Разносторонний шекспиризм Кюхельбекера привлекал внимание исследователей, широко известны публикации Ю. Д. Левина, в частности в сборнике «Шекспир и русская культура».

Основной источник, из которого мы узнаем о взглядах Кюхельбекера на литературу, — его дневник. Он представляет собой комплексный, разносторонний труд, содержащий высказывания автора о прочитанных произведениях и о литературе в целом, а также философские, исторические, бытовые заметки. Однако дневник еще полноценно не исследовался в аспекте шекспиризма Кюхельбекера.

Находясь в заключении, Кюхельбекер читал и переводил Шекспира, поэтому многие записи посвящены английскому драматургу. Их можно разделить тематически на несколько групп: ход работы над переводами, статьями о Шекспире; критические суждения о произведениях Шекспира; сравнение и поиск заимствований позднейших авторов у Шекспира; использование опыта Шекспира для создания собственных произведений; бытовые упоминания произведений и героев Шекспира; заметки о чтении, не содержащие оценок; поэтические упоминания.

В данном докладе особое внимание уделено высказываниям, в которых Кюхельбекер говорит о заимствованиях из пьес Шекспира у более поздних авторов. Всего в дневнике можно обнаружить семь подобных записей, в т. ч. содержащих рефлексию о возможных типах заимствований. Кюхельбекер выделяет несколько таких типов, из которых наиболее популярным являются прямые заимствования или переложения. Также могут перениматься, по мнению Кюхельбекера, отдельные эпизоды и персонажи, сюжет, способ построения произведения.

Основная тема, объединяющая все эти высказывания, — отношение Кюхельбекера к проблеме заимствования. Оно было весьма неоднозначным: с одной стороны, он критиковал А. С. Пушкина за подражание Шекспиру в «Борисе Годунове», с другой, хвалил заимствования и переложения у М. Ю. Лермонтова и П. А. Катенина. Как и всякий романтик, Кюхельбекер во главу угла ставит критерий новизны, все произведения и авторы

оцениваются в соответствии с этим критерием. Подражания, совершенно лишенные новизны, осуждаются Кюхельбекером. Однако это не единственный критерий оценки: автор дневника отмечает также особенности языка, стиля, творческий метод. Высказывания Кюхельбекера отражают не только его собственную позицию, но и взгляды, характерные для эпохи романтизма в целом и русского романтизма в частности. Благодаря им мы можем утверждать, что Кюхельбекер стоит у истоков шекспироведения в России.

Соловьев Андрей Юрьевич,
к. ф. н., сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

«Путешествие русского по России»: сентиментализм и империя

Среди русских травелогов начала XIX в. выделяется несколько произведений, построенных по типу эпистолярного сентиментального путешествия — в русле традиции, заданной Н. М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника», — и объединенных не только разновидностью жанра, но и маршрутом: это путешествия по тем частям Российской империи, которые либо недавно вошли в состав России, либо отличались ярким национальным колоритом.

Авторы этих произведений: В. В. Измайлов, М. И. Невзоров, П. И. Сумароков — выделяют в качестве своей основной задачи исследование социальных, религиозных и других характеристик территорий и живущих на них народов и обществ. Одновременно это путешествия, направленные вглубь себя, нацеленные на самопознание повествующей инстанции.

Появление именно в первое десятилетие XIX в. текстов-отчетов, позиционируемых в качестве описаний поездок по русским землям (такое обозначение было спорным с точки зрения национальной идентичности: основную часть населения этих земель составляли подданные империи, не принадлежавшие к титульной нации), было спровоцировано как публикацией «Писем…» Карамзина (исследуемые тексты являются в определенном смысле ответом на них), так и общей тенденцией разграничивания национального и имперского начал в русской литературе и общественной мысли эпохи. Подчеркивая, что предприняли свои поездки за собственный счет, не с государственными целями, авторы рассматриваемых травелогов в то же время не полностью свободны от идеи государственности.

Торстенссон Виктория Юрьевна,
Ph. D., преподаватель, Назарбаев Университет (Казахстан)

«Что бы ему было прислать Базарова в Лондон?»: Герценовский сюжет в литературе и журналистике 1860-х гг.

После открытия Вольной русской типографии и начала издания «Колокола» на рубеже 1860-х гг. мода на А. И. Герцена стала феноменом русской культурной и политической жизни и объединила более уже никогда не схо-

дившихся вместе будущих радикалов и консерваторов: от «семинаристов» из «Современника» до англофила М. Н. Каткова. Паломничество в Лондон, к Герцену, было не просто остановкой в традиционном европейском турне, оно стало символом личной и политической эмансипации и причастности тайной и благородной борьбе за общее благо.

Когда через несколько лет либеральные мечты сменились ультрапатриотическим угаром, «постоянные караваны русских посетителей», направлявшиеся к Герцену, прекратились, и многие «паломники» почувствовали необходимость (творчески) отредактировать, переосмыслить и переписать истории своих визитов в Лондон. Так, с, казалось бы, незначительного эпизода в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» начались путешествия герценовского сюжета по морю полемической прозы 1860–1870-х гг.

В данном докладе исследуются перипетии этого сюжета в биографическом, полемическом и художественном пространстве русской литературы и журналистики. Доклад включает анализ герценовского сюжета в полемических романах, включая произведения А. Ф. Писемского, В. П. Клюшникова, Вс. В. Крестовского, Незлобина (А. А. Дьякова), Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского. Анализируются механизмы включения герценовского сюжета в значимую для русской литературы тему отношений России и Запада.

Фарафонова Оксана Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Новосибирский государственный педагогический университет

Факт и событие в контексте мемуарной прозы (на материале автобиографических записок А. С. Шишкова)

Главный мотив, организующий и подчиняющий себе сюжет мемуаров, — мотив воспоминания. Мемуарист выстраивает текст как историю собственной жизни, отбирая только «внимания достойные случаи и происшествия». «Я» мемуариста является определяющим. С одной стороны, воспоминания о прошедшем представляют собой череду фактов минувшего, запечатленных в памяти. Но далеко не все факты прошлого осмысляются мемуаристом событийно. Принципиальным признаком события, отличающим его от факта, является личностная вовлеченность автора-мемуариста (осмысление, переживание, личное участие в описываемом). Только в этом случае факт из «внесмысловой элементной наличности происшедшего» (К. Г. Исупов) становится событием, обретая статус «автономной существенности».

Событие, таким образом, может быть интерпретировано как осмысленный / пережитый лично факт. В этом отчасти заключается причина спорной достоверности мемуаров как, например, исторического источника. Документалистике всегда интересен факт, литературному тексту — событие. Синкретическая природа мемуаристики, сочетающей в себе обе тенденции, обуславливает то, что событием для мемуариста могут стать не только факты личной биографии, но также общеисторические и политические факты, а также факты культуры, свидетелем и современником которых автор был

и которые, будучи им осмыслены и описаны, перестают быть фактами внеличностной реальности и превращаются в события реальности личной.

Доклад посвящен специфике репрезентации события в мемуарном произведении, его роли в организации и развитии мемуарного сюжета. Данный аспект рассматривается на материале автобиографической прозы А. С. Шишкова (имеются в виду, прежде всего, «Записки адмирала А. С. Шишкова, он вел их во время путеплавания из Кронштадта в Константинополь»).

Чуркин Александр Александрович,
к. ф. н.

Русские «Опыты» от М. Н. Муравьева и К. Н. Батюшкова до свт. Игнатия Брянчанинова: проблема художественной формы

Процесс распада морально-риторической системы предоставил писателям большую свободу в выборе композиционных форм при подготовке к публикации сборников ранее написанных текстов. В первой половине XIX в. в русской литературе появилось много изданий, заглавие которых варьировало понятие «Опыты». Ряд из них, в т. ч. книги М. Н. Муравьева, А. Х. Востокова, К. Н. Батюшкова, Ф. Н. Глинки, свт. Игнатия Брянчанинова и др., занимают важное место в истории русской литературы.

Известно, что первоисточником этой художественной формы являются «Опыты» М. де Монтеня, но на русской почве с самого момента появления произведения с одноименным заглавием обрели индивидуальность, лишь косвенно связывающую их с французским прототипом. Особую роль в составе русских опытов стала играть поэзия, особенно элегия. Постепенно круг поэтических жанров расширился, но инерция тяготения к элегии сохранилась на протяжении истории бытования этой формы.

Одним из важнейших художественных приемов, определяющих композиционную структуру опытов, является циклизация. Подготавливая к публикации произведения, созданные независимо друг от друга и зачастую на протяжении многих лет, авторы выстраивали циклы на основе общей темы, стиля, формы или иного художественного критерия. В свою очередь внутреннее единство каждой книги зависит еще и от того, насколько эти циклы удавалось связать между собой. Таким образом, для опытов становится характерна сложная, многоуровневая архитектоника текста; а использование разных жанров при разработке общей тематики создает эффекты резонанса и объемности восприятия содержания.

Важным элементом опытов, во многом определяющим развитие и внешней художественной формы, стала проблема идейного взаимодействия скептицизма и религии. Тема эта играла существенную роль уже у Монтеня, но в русских опытах она приобрела новые и разнообразные оттенки. Так, в опытах Муравьева и Батюшкова христианство осмысляется в духе идей Просвещения, библейские переложения Глинки продолжают одическую традицию, а в аскетической эссеистике свт. Игнатия Брянчанинова религиозный скептицизм синтезируется с православным учением о трезвении.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Ая Урве Юловна,
Нарвская Кренгольмская гимназия (Эстония)

Паремиологический словарь-практикум как средство формирования лингвосоциокультурной компетенции эстонских старших школьников

В учебниках по русскому языку для школ с эстонским языком обучения нередко встречаются русские пословицы — как в качестве заглавия коммуникативного цикла, внутри коммуникативной темы, так и в конце коммуникативной темы отдельно приведенной группой. Наряду с живыми, с точки зрения актуальности использования, пословицами, в учебники включены и устаревшие пословицы без каких-либо комментариев. Задания, сопровождающие русские пословицы, включают, помимо прочего, подбор к ним эстонских соответствий, что может вызывать у учащихся затруднения, связанные с непониманием образов и социокультурного фона паремий.

Разработанный нами паремиологический словарь-практикум предлагает учащимся как фоновую информацию, так и многоаспектную систему упражнений, направленную на развитие знания и понимания прямого и переносного значений социокультурно маркированных пословиц, формирование аспектных языковых навыков в сфере паремиологии (языковой аспект), на развитие умений декодировать социокультурно маркированный текст, содержащий пословицы, и оперировать пословицами в продуктивных видах речевой деятельности (речевой аспект), а также на расширение фоновых знаний, связанных с происхождением пословиц и социокультурными условиями их функционирования.

В целях апробации разработанной методики формирования лингвосоциокультурной компетенции эстонских старших школьников на материале русских пословиц была проведена опытно-экспериментальная работа. В основу экспериментального исследования положена гипотеза, согласно которой формирование данной компетенции эстонских старших школьников будет более эффективным, если в учебном процессе будет реализована двувекторная модель формирования лингвосоциокультурной компетенции

(от языка к фактам культуры и от фактов культуры к языковым средствам выражения) с использованием материалов универсального паремиологического словаря-практикума.

Работа была проведена в три этапа. На этапе констатирующего эксперимента была осуществлена диагностика уровней сформированности лингвосоциокультурной компетенции эстонских старшеклассников применительно к владению русским паремиологическим материалом. Были разработаны критерии и показатели уровней сформированности компетенции. На этапе формирующего эксперимента было реализовано экспериментальное обучение, в ходе которого лингвосоциокультурная компетенция формировалась в соответствии с разработанной методикой на материале русских пословиц. В процессе контрольного эксперимента проводилась контрольная диагностика уровней сформированности лингвосоциокультурной компетенции эстонских учащихся контрольной и экспериментальной групп. В результате экспериментального исследования была доказана эффективность предлагаемой методики.

Бойцов Иван Арсентьевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Букин Денис Юрьевич,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Современные интернет-технологии в помощь преподавателю русского языка как иностранного

Компьютер и Интернет относятся к тем техническим средствам, которые изначально не были созданы для обучения иностранным языкам. Тем не менее, обладая большим потенциалом, определенным набором информационных услуг и служб, Интернет являет собой необходимый спектр ресурсов, способный упростить и обучение, и преподавание иностранных языков, в частности, русского как иностранного. Все сетевые ресурсы мы могли бы разделить на две большие группы — ресурсы, доступные со стационарных компьютеров, и ресурсы, доступные с помощью мобильных устройств. Ниже мы предлагаем краткий список основных направлений сетевых ресурсов.

1. Справочные ресурсы: а) http://www.gramota.ru/ Поиск производится по достаточно обширному списку словарей, настраиваемых пользователем; б) http://www.slovari.ru/ Сайт предлагает справочную информацию по 14 словарям русского языка, среди которых есть Словарь Даля под ред. Бодуэна де Куртенэ, Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.); в) http://www.gramma.ru/ Портал представляет собой справочную информацию, проверяемую по редким словарям, например, «Словарь цветообозначений».
2. Справочные службы: http://www.gramota.ru/, http://www.gramma.ru/. Бесплатная справочная служба, представленная на этих сайтах, является достаточно оперативным и достоверным источником информации по определенным сложным случаям русской грамматики, пунктуации.

3. Справочная литература: а) http://www.slovari.ru/ достаточно полная онлайн-библиотека, где в свободном доступе представлено достаточное количество литературы; б) http://www.gramota.ru/ В свободном доступе представлены монографии, являющиеся достаточно интересными и преподавателям, и студентам; в) http://Therules.ru/ Основным преимуществом портала является то, что вся информация представлена в простой, наглядной форме; г) http://russkiyyazik.ru/ В формате алфавитного каталога представлены основные термины и понятия, имеющие отношение к строю русского языка; д) http://www.twirpx.com/ Сайт, посвященный учебно-методической и справочной литературе по всем основным направлениям науки; е) http://www.traktat.com/language/book/ На данном ресурсе представлена информация по основным разделам грамматики русского языка.

Компьютерные технологии сегодня позволяют оптимизировать и разнообразить учебную деятельность студентов, являются эффективным тренажером грамматики и лексики и удобным средством презентации наглядной и иллюстративной базы как на занятии, так и во время самостоятельной работы.

Бузальская Елена Валериановна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт как основание структуры русского литературоведческого эссе 1980–2010-х гг.

Эссе является одним из сложных речевых жанров, имеющих высокую степень вариативности по нескольким показателям: тематике, стратегической установке и форме. В отличие от академического (учебного) эссе, имеющего жесткую структуру аргументации основного тезиса, эссе, существующие в пространстве культуры, структурно детерминированы лишь течением авторской рефлексии и стереотипами развития основной идеи, принятыми в социуме. Общие черты эссе, принадлежащих к одной сфере речевой деятельности, заключаются в ориентации авторов на осмысление концептов одного и того же типа в соответствии с традиционно закрепленным перечнем стратегических установок жанра. Определение типа основания рефлексии является результатом фрагментации произведения на отрывки, референтно соотнесенные с одним из компонентов поля концепта. Так, например, эссе А. Вознесенского «Юрий Казаков» повторяет структуру поля концепта *писатель*: описание внешности, характера, тематики творчества, авторского стиля, судьбы произведений, итога жизни. Результаты исследования концептуального основания литературоведческих эссе свидетельствуют о том, что в 1980-е гг. более традиционной являлась ориентация автора на рефлексию относительно концептов-гештальтов (таких как *произведение, литературное направление, жанр* и т. п.). В 2000-е гг. авторы эссе все чаще выходят за рамки описания статичного гештальта, анализируя объект в контексте диалектики его бытия внутри определенной ситуации. Подобные эссе являются ориентированными на рефлексивное

осмысление концептов-фреймов (таких как *беседа, встреча, ситуация смены направления/стиля* и т. п.). Эссе, в которых рассуждение автора касается ситуации, изменяющейся по определенному сценарию, в 1980-е и 1990-е гг. встречаются чаще, чем в 2000-е, однако в целом редки в силу своей сложности и большого объема. Такими произведениями являются, например, эссе А. Арьева «Великолепный мрак чужого сада» (1999) или эссе Ф. Искандера «Моцарт и Сальери», написанное в 1987 г. Изменение когнитивной опоры литературоведческого эссе влияет на выбор стратегии реализации замысла: интенционно русское литературоведческое эссе меняется от реализации стратегии интерпретации фактов (как, например, в эссе Д. С. Лихачева) или трансляции (в эссе Л. Гинзбург) в сторону стратегии убеждения. Следствием данной тенденции является изменение приемов и лингвистических средств, формирующих речевые тактики. Возможность иронии, осуждения, увеличение частотности использования риторических средств и др. (как, например, в эссе Б. Рохлина, А. Битова и др.) свидетельствуют об изменении образа адресата в сознании эссеиста. Немаловажным фактором, способствующим указанным тенденциям, становится также постепенный отказ от оформления литературоведческого эссе как личного воспоминания.

Ван Циньсян,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Химик В. В., д. ф. н., профессор

Восприятие и освоение актуальных русских универбов инофонами

В русском языке на основе суффиксальной универбации постоянно образуются и активно функционируют неологизмы типа *злободневка*, *наружка*, *подслушка*, *санкционка*, *ядерка* и т. д. Значение большинства таких новообразований не всегда понятно носителям русского языка и тем более инофонам. Особые трудности понимания иностранцами значений неологизмов-универбов связаны не только с новизной таких слов, но также с отсутствием достаточных словообразовательных знаний, с одной стороны, и опыта общения в русскоговорящей языковой среде, с другой.

Подавляющее большинство универбов возникает и используется в разговорной речи, а это самая слабая область коммуникации иностранных учащихся, поскольку пополнение лексического запаса у них происходит во время учебных занятий.

Между тем восприятие и освоение актуальных универбов позволяет иностранным учащимся сделать свой русский язык более выразительным, динамичным и близким к современной речевой реальности, облегчают устное общение с носителями русского языка и понимание живой речи, особенно в СМИ. Нередки случаи, когда инофоны понимают значение универбализованных лексем, но при употреблении не учитывают их особые стилистические характеристики, экспрессивно-эмоциональную

окрашенность в отличие от производящих атрибутиавных словосочетаний. Так, универб *образованщик*, встречающийся в разговорной речи, отличается от производящего нейтрального словосочетания *образованный человек* ярко выраженной экспрессией неодобрения, иронии, сниженности и не может быть адекватной заменой производного атрибутивного сочетания.

Функционально-стилистическая сфера использования универбов — сниженная разговорная речь, в официальном общении такие образования, как правило, неуместны или даже недопустимы, зато удобны и популярны в обиходном общении. Для того чтобы научить иностранцев учитывать это обстоятельство, необходимо постоянно учитывать понятие языковой нормы и помнить правила функциональной стилистики.

Для сравнения уровня восприятия и освоения универбов носителями русского языка и иностранцами мы провели опрос. При заполнении анкет с заданиями на использование универбов, респондентов (русских и иностранных) просили не использовать словари и Интернет.

Данные анкетирования показали, что большинство русскоязычных респондентов, в основном, понимают смысл универбов вне контекста, тогда как иноязычные участники опроса значение таких слов воспринимают гораздо хуже даже при поддержке контекста. Сказывается, очевидно, отсутствие навыка использования универбации. Задача преподавателя этот навык сформировать, научить учащихся «угадывать» словообразовательную форму универбации и понимать не только смысл слов экономных дериватов типа *молодежка*, *спортивка*, *бесплатняк*, *информационка* и т. п., но и их функционально-стилистический потенциал.

Васева Дарья Дмитриевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Рогова К. А., д. ф. н., профессор

Особенности построения современного художественного текста

Современный художественный текст отражает изменение характера художественной литературы, что в свою очередь отражает изменения, происходящие в сознании, а также в языке. Сегодня бытовые события повседневной жизни оказываются не менее значимыми, чем глобальные, что является одной из причин расширения границ включения в художественную речь устной разговорной речи с ее лексическими и синтаксическими особенностями, которые создают новое особое «звучание» текста.

Смысл, конструируемый в устной речи, обладает несколькими существенными особенностями. Главным принципом генерации смысла является «нелинейный» характер его формирования, многоплановое и многократное наложение и совмещение отдельных компонентов. Смысл возникает в виде неструктурированного комплекса, в котором соотношения составляющих его частей однозначно не регламентированы. При развертывании речи

происходит генерация смыслов на ассоциативных пересечениях составных частей текста. И генерация, и извлечение смысла устной речи — это открытый процесс. Смысл же письменной речи, напротив, является «линейным», закрытым, т. к. строится на соединении определенных компонентов по определенным правилам. Он может быть исчерпывающим образом продуман автором, реализован в письменном тексте и принят через посредство этого текста читающим. Современная литература идет на сближение с устной речью, что проявляется как в общем построении текста, так и в усилении ассоциативных связей, что приводит к усложнению подтекста. Современный художественный текст, соединяя элементы письменного и устного изложения, организует развертывание мысли в виде связной последовательности с параллельным сопоставлением важных для общего смысла смысловых блоков. Таким образом, если открытость устного текста возникает из-за невозможности провести на нем структурирующую работу в том объеме, в котором это оказывается возможным и необходимым для письменного текста, то в художественной речи аналогичное качество возникает за счет вторичной интенсификации и усложнения структурного механизма, доведения его до такого уровня, который превышает структурирующие возможности письменной речи.

Современный художественный текст, объединяя новые языковые тенденции и смысловые пространства, становится «полем» взаимодействия двух разноплановых механизмов (устной и письменной формы), что, в свою очередь, повышает его методический потенциал. Анализ такого рода текстов (тематически ориентированных на учебную программу) может быть направлен как на развитие навыков в чтении и понимании/интерпретации текста, так на (осознанное) использование конструкций устной речи при развитии навыков в говорении.

Вознесенская Ирина Михайловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Колесова Дарья Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Хорохордина Ольга Витальевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Шкурина Наталья Васильевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивно-волюнтивные типы текста: содержательно-интенциональное наполнение и языковое воплощение

В результате исследования речевых произведений, отражающих ментальную сферу человека, выделены три основных типа текста — *объяснительный, аргументативный, инструктивный*. Каждый из типов текста рассмотрен как особая единица суперсинтаксического уровня языка, обла-

дающая типовой содержательно-интенциональной основой и типовым способом изложения. Главная коммуникативная задача текста-*объяснения* — ликвидация информационного неравенства между участниками речевого общения. В содержании и структуре текста-*объяснения* выделяется объект *объяснения* и представление его признаков, что допускает такие единицы композиции, как:

- квалификация объекта через конструкции дефиниции;
- представление качеств объекта при рематическом компоненте со значением признаков и свойств;
- демонстрация а) процесса и б) функций объекта (обе составляющих выражаются преимущественно в глагольном рематическом компоненте);
- демонстрация отношений объекта с миром (причинно-следственные конструкции).

Речевое воплощение *объяснения* для каждого тематико-интенционального сочетания достаточно клишированно; его вариативность зависит от объекта рассмотрения и от образа адресата в сознании говорящего. Для *аргументации* как типа текста важнейшей является интенция убеждения реципиента, что подразумевает его несогласие с идеей субъекта. Типовое содержание — продукт рационального постижения мира и его экспликация (средство убеждения). В отличие от текста-*объяснения*, представляющего зону знания, *аргументативный* тип текста относится к зоне познания и призван обеспечить скачок от старого знания к новому, что определяет его модальность.

Характерный способ *аргументативного* изложения — тезис, аргументы (возможны фрагменты повествования, описания и инструкции) и вывод. Существует тенденция к увеличению степени имплицитности элементов *аргументативного* текста в связи с расширением когнитивной базы носителей языка. Выделяются тексты высокой степени сложности — аргументы принадлежат полю прецедентности и опираются на общность культурной базы автора и реципиента.

Инструктивная содержательно-интенциональная основа характеризуется:

- прескриптивной тональностью;
- типовой интенцией — научить, как действовать в определенной ситуации;
- типовым содержанием, где взаимодействуют два фрейма — статический (совокупность действий, их агенсов, предметов, инструментов, адресатов и др.) и динамический (последовательность операций-действий, которые адресату предписывается исполнить для достижения результата).

Инструктивный способ изложения представлен вариантами типовых высказываний с ремой — группой сказуемого, различающимися коммуникативно-прагматическим потенциалом. Для каждого из типов текста — *объяснения, аргументации, инструкции* — выявлены *формально-семантические* (вербальные, поликодовые и иконические) и *структурно-смысловые* виды.

Гайнанова Лилия,
к. ф. н., преподаватель,
Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург)

Эффективные средства формирования коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих на этапе предвузовской подготовки

В современной методике обучения РКИ коммуникативная компетенция (КК) по-прежнему является ведущей и представляет собой способность решать актуальные для учащихся задачи и цели общения средствами иностранного языка. Формирование КК на этапе предвузовской подготовки осложнено, прежде всего, проблемой адаптации (биологической, социальной и коммуникативной) иностранных военнослужащих к изменившимся условиям жизни и учебной деятельности. В связи с этим наряду с традиционными средствами обучения и формами организации учебного занятия возможно использование дополнительных средств обучения РКИ, способных ослабить информационную перегрузку и организовать психологический и физиологический отдых непосредственно на занятии. В частности, коммуникативная игра — это игровая деятельность, при которой обучение языку становится не целью, а средством к выполнению игрового задания, что снижает стресс, связанный с учебной деятельностью. Такие задания должны опираться на наглядный материал (визуализированная лексика по определенным темам). Работа с картинками строится по концентрическому принципу: предмет → слово → словосочетание → предложение → текст. Подготовка и демонстрация тематических мультимедийных презентаций обучающимися также способствует значительной интенсификации занятий по РКИ и формированию коммуникативных навыков, основанных на личном социокультурном опыте («Моя страна», «Национальная кухня» и т. д). Данный вид деятельности на начальном этапе может быть построен по принципу «вопрос-ответ». Демонстрация аутентичных видеофайлов, представляющих собой единство зрительных и слуховых образов, вербальных и невербальных средств передачи информации, активно способствует развитию коммуникативных навыков иностранных обучающихся. В частности, предлагается демонстрация законченного фрагмента «Наваждение» из фильма «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика». Первоначально рекомендуется просмотр с русскими субтитрами с паузами и повторами каждой речевой фразы для аудирования, прочтения и полного ее понимания. Знакомство с периодической печатью и постепенное привыкание к аутентичному тексту позволяет иностранным военнослужащим быстрее адаптироваться к реалиям социальной действительности. Газета как актуальный источник информации, отражающий последние новости в стране и в мире, вызывает активный интерес у обучающихся и дает возможность включиться в коммуникативный дискурс. Таким образом, активное использование перечисленных средств обучения на уроках РКИ на этапе предвузовской подготовки способствует формированию коммуникативной компетенции, позволяющей, в первую очередь, научиться адекватной речевой реакции

на внешние ситуации, развивать способность самостоятельно мыслить и принимать правильные коммуникативные решения, что наиболее важно на начальном этапе обучения РКИ.

Го Цзинюань,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Федотова Н. Л., д. п. н., профессор

Проблемы обучения китайских студентов-филологов учебно-профессиональному диалогическому общению на русском языке

Несмотря на то, что значительное количество китайских студентов получают филологическое образование на русском языке, большинство из них не готовы и не способны осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с русскоязычными, особенно в учебно-профессиональной сфере. Для того чтобы успешно формировать и развивать коммуникативную компетенцию у китайских студентов-филологов, необходимо описать особенности диалогического общения в учебно-профессиональной сфере и выявить трудности, возникающие у обучаемых при овладении диалогическими умениями на русском языке. Как показывает практика, а) в связи с тем, что некоторые студенты учатся в российских вузах по желанию родителей, а не добровольно, у обучаемых отсутствует мотивация к изучению русского языка; б) китайские студенты в недостаточной степени владеют научной терминологией; в) большинство китайских студентов-филологов не всегда адекватно понимают спонтанную русскую речь; г) из-за осознания несовершенного владения русским языком китайские студенты находятся в негативном психологическом состоянии в процессе общения с преподавателями. Для преодоления названных трудностей необходимы специальные русско-китайские учебные словари, а также грамматические справочники, с помощью которых можно обеспечить правильность оформления устных высказываний. В случае отсутствия мотивации у китайских студентов-филологов следует предлагать им для обсуждения проблемные вопросы, касающиеся их будущей преподавательской деятельности, и создавать обстановку реального общения на занятиях по русскому языку. Психологический барьер преодолеть нелегко, однако его можно снизить, если стимулировать речевую активность учащихся, придавать им уверенности в себе. К особенностям диалогического общения в учебно-профессиональной сфере со стороны коммуниканта-студента относятся: 1) вопросы различных типов с целью получения информации; 2) адекватные ответы на заданные вопросы; 3) уточнение информации; 4) запрос разъяснения; 5) различные способы выражения реакции в процессе общения (заинтересованность, согласие-несогласие, удивление и др.); 6) сопоставление своей и чужой позиций. Результаты проведенного нами анкетирования китайских студентов-филологов показали, что студенты испытывают значительные трудности в общении с научными руководителями при обсуждении своих

письменных работ. Для достижения конечных целей обучения китайских студентов русскому языку необходимо разработать методику формирования диалогических умений в учебно-профессиональной сфере общения, что должно способствовать повышению уровня профессиональной подготовки обучаемых.

Гончар Ирина Александровна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Реброва Ирина Витальевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Зальцбургский государственный университет (Австрия)

Рогова Кира Анатольевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Описание как единица речи

Идея существования «универсальной библиотеки смыслов», т. е. «такого множества значений, которые используются в языках мира для формирования грамматических категорий», была выдвинута Петербургской типологической школой.

Еще ранее Л. В. Щерба, который на первое место среди изучаемых лингвистикой дисциплин ставил речевую деятельность — «процессы говорения и понимания», указывал на невозможность реализации подхода к ним при «забвении смысла за формой». Исследования И. И. Мещанинова, А. А. Холодовича, В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, в значительной степени интегрировавшего идеи и методы своих предшественников и издавшего под своей редакцией «Теорию функциональной грамматики» в шести томах, узаконили рассмотрение единиц языковой системы в семантико-функциональном аспекте и сделали возможным распространить подобный подход на речевые построения, такие как речевые жанры, введенные М. М. Бахтиным.

Авторы доклада обратились к анализу функционально-смысловых типов речи как жанровых форм высокой степени обобщения, за которыми стоит некий интенционально-содержательный ментальный комплекс, актуализирующийся в сознании говорящего и ищущий средств языкового выражения.

Описание пространства обнаружило в своем основании модель, базирующуюся на связи предложений, вводящих предметный (реже — ситуативно-пропозициональный) компонент, представляющий это пространство (Дт/Т — С-П/Р) и характеризующий его, т. к. предметный компонент в тексте обладает способностью быть носителем качеств референта. При этом полной моделью описания пространства оказалась связь указанной конструкции со следующей за ней конструкцией характеризации предметного компонента (П/Т — С/Р) с использованием всей парадигмы конструкций с характеризующим значением. Помещение описания в речевой режим (on-line) отмечается переводом сообщения в настоящее время и использованием эллиптических конструкций и номинативных предложений. Рас-

смотрение описаний в текстах разных функциональных стилей выявило многообразие лексического наполнения отмеченных компонентов указанных моделей, доминирование тех или других вариантов самих моделей, что не изменило их стабильности в составе этого ФСТР, продемонстрировав наличие в нем модельной основы.

Та же ситуация оказалась стабильной и в *портретных описаниях*, которые по своей употребительности значительно превосходят пейзажные. Здесь универсальной оказалась конструкция Дт/Т (У него...) — С-П/Р, выделяющая характеризующий признак: волосы, нос, фигура, одежда и т. п., а также П/Т (субъект характеризации или деталь портрета) — С/Р (их характеризация). Как в нехудожественных с «жесткой» структурой, так и в художественных текстах, включающих портретные описания, скрепляющим основанием служат указанные синтаксические модели, по которым строятся предложения, входящие в описание.

Гражданкина Екатерина Игоревна,
преподаватель, Державинский институт (Санкт-Петербург)

Роль причастного оборота в речевой системе художественного текста (на материале романов «Белая гвардия» М. А. Булгакова и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака)

Для романов М. А. Булгакова «Белая гвардия» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» характерно частое обращение к предложениям с причастными оборотами (ПО), передающим значительное количество смыслов и являющимся одним из средств формирования нескольких денотативных ситуаций: психоэмоциональных, физиологических и бытийных. Наблюдение за ПО в романах показало, что данная конструкция преимущественно используется в типовом контексте описания, представляя пространственно-временные ориентиры, предметный мир, портретные характеристики персонажей и их детали. Реже ПО функционируют в повествовательных контекстах, проявляя в большей степени свои глагольные характеристики и представляя вторичное действие, сопряженное с основным. Представляется возможным назвать ПО особым языковым средством, повышающим информативность предложения и текста в целом, которое вписывается в контекст, не нарушая основных сюжетных линий, а комментируя их основные составляющие: время, пространство, героев. Принимая во внимание художественную, культурную, историческую и эстетическую ценность романов М. А. Булгакова «Белая гвардия» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и тот факт, что основные формальные и семантические особенности ПО не теряют своих основных качеств в современном русском литературном языке и обнаруживают единство принципов текстового употребления, мы посчитали необходимым отметить методический потенциал текстов романов: из них легко вычленяются тематически-законченные компоненты текста, которые могут быть использованы в учебных целях.

Гун Тяньи,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Колесова Д. В., к. ф. н., доцент

Роль метафоры и эпитета в рекламном тексте

Стилистические средства русского языка, косвенно выражающие побудительное значение в рекламе, многочисленны и разнообразны, среди них особенно выделяются метафоры и эпитеты (они составляют 4,3 % всех лексических единиц корпуса проанализированных примеров).

Метафора — слово или оборот речи, которые используются для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства в переносном значении [Словарь литературных терминов, 1925]. Метафора часто сопровождается оценочными коннотациями [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Это важный момент, т. к. в рекламном тексте всегда представлена позитивная оценка рекламируемых товаров и услуг.

Эпитет является образным определением, в котором заключается устойчивый отличительный признак изображаемого [Словарь литературных терминов, 1925]. Одна из функций определения «описательно-распространительная: посредством определения предмет может получать дополнительную, часто оценочную, характеристику. Эта функция лежит в основе эпитета — образной характеристики» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 349].

Рекламодатели употребляют метафоры и эпитеты в своей рекламе, потому что эпитеты придают рекламе образность и выразительность, а метафоры выражают не прямое, а переносное значение, вызывая у потенциальных потребителей ассоциативные связи между рекламируемыми товарами и услугами и привлекательным образом жизни или даже счастьем. Благодаря широкому использованию эпитетов и метафор стратегия побуждения в рекламных текстах вербализуется стилистически выразительным, ярким, разнообразным образом и весь текст становится более мотивирующим к приобретению рекламируемого продукта.

С помощью примеров из популярных периодических изданий далее рассматриваются конкретные результаты, к которым приводит уместное использование метафоры и эпитета в рекламных текстах.

Материал показывает, что особенно высокой эффективностью использования характеризуется эпитет, в котором актуализируется прямое и переносное («Золотой стандарт защиты печени») значение имени прилагательного, особенно если образующееся словосочетание эпитет + имя существительное отсылает к национально-ориентированным прецедентным феноменам («гарантируем светлое будущее» в рекламе светодиодных лампочек).

Метафора чаще всего позволяет передать потенциальному клиенту информацию о продукте с помощью минимального количества языковых единиц и при этом достичь эмоционального восприятия, что позволяет рекламодателю надеяться на запоминание нужной информации о продукте (реклама глазных капель: «Тауфон — восстановитель. Облегчите „пожар“ в глазах!»).

Обращение к рекламным текстам в рамках преподавания русского языка как иностранного позволяет познакомить учащихся с основными способами усиления выразительности.

Литература:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского и др. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

Гюльгюден Вера Константиновна,
соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

Структурно-компонентный состав лингвосоциокультурной компетенции (в аспекте РКИ)

Вслед за Л. П. Костиковой мы рассматриваем лингвосоциокультурную компетенцию как способность понимать иноязычную культуру, вырабатывать позитивное отношение к ней, объективно осмыслять реалии страны изучаемого языка и моральные ценности носителей другого языка через призму собственной культуры, а также умение общаться в соответствии с нормами иной лингвокультурной среды.

Традиционно в состав лингвосоциокультурной компетенции включаются следующие компоненты:

- *лингвострановедческий* (изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа — носителя языка: реалий, коннотативности лексики слов, совпадающих по основному значению, но отличных по культурно-историческим ассоциациям, фоновой лексики);
- *культурологический* (изучение всех областей человеческой деятельности: хозяйство, семейный быт, право, государственность, наука, искусство и т. д.);
- *социолингвистический* (изучение языковых особенностей социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов, реалий, особых коммуникативных моделей, специфических правил речевого общения, характерных для страны изучаемого языка, форм вежливости, этикетных форм, языковых форм и средств для разных ситуаций и контекстов общения, вербальных и невербальных средств общения);
- *социально-психологический* (приобретение знаний о специфике поведения людей, относящихся к определенной культуре).

На наш взгляд, в состав лингвосоциокультурной компетенции необходимо включить *личностный* компонент, который предполагает самостоятельное или под контролем преподавателя приобретение таких качеств, которые способствуют адекватному восприятию чужой культуры (толерантность, поведенческая гибкость и т. д.). Как показал проведенный нами обучающий эксперимент, наиболее эффективным для формирования

у турецких студентов лингвосоциокультурной компетенции в условиях неязыковой среды является метод проектов, который позволяет создать благоприятные условия для развития поликультурной языковой личности и предоставить каждому обучаемому возможность активно и творчески осваивать иноязычную культуру.

Дулебова Ирина,
к. ф. н., старший преподаватель, Университет Коменского (Братислава, Словакия)

Прецедентные феномены в процессе преподавания русского языка в словацких вузах

В нашем докладе мы остановимся подробнее на возможности использования национально-прецедентных феноменов русского языка (ПФ) в процессе обучения словацких студентов русскому языку как иностранному, что соответствует популярной в вузах Словакии концепции обучения языку посредством культуры, а также культуре посредством языка. При этом важен подход к системе русских ПФ (прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание) как к составляющим русской языковой личности, учитывающий при этом и их функционирование в процессе коммуникации. Являясь содержательной базой и языковым культурным кодом русского лингвокультурного сообщества, ПФ влияют на общий смысл высказываний, однако доступ к культурной информации, заложенной в них, остается закрытым для представителя словацкой инославянской культуры, в результате чего не происходит полного понимания всех оттенков высказывания. Соответственно требуется разработка теории и практики выявления и описания таких единиц с целью включения их в процесс обучения русскому языку словацких студентов. Критерии отбора ПФ должны быть определены с учетом лексической минимизации материала, позволяющей с достаточной степенью точности очертить круг прецедентных тестов, высказываний, имен и прецедентных ситуаций, необходимых для обучения реальному русскому речевому общению.

Разрабатывая в данный момент первый в Словакии национальный учебник «Лингвострановедение России» (планируется к изданию в 2017 г.), важной составляющей которого будут и русские национально-прецедентные феномены, мы пришли к выводу, что включение ПФ в учебный процесс должно сопровождаться не только их тщательным отбором и систематизацией, но и релевантным лингвокультурологическим комментарием. Его цель — раскрыть содержание ПФ, разъяснить смысл текста, в котором употребляется ПФ, пояснить коннотации, связанные с данным ПФ или его источником, указать на способ включения ПФ в текст. При подготовке учебника мы решали в первую очередь проблематику детальной разработки критериев выделения и четкого разграничения «ядра» и «периферии» русских национально-прецедентных феноменов и пришли к выводу, что их использование в сфере методики преподавания РКИ должно быть связано с определением учебного минимума этих феноменов, прямо зависящего как от уровня уже приобретенной лингвокультурной компетенции учащихся,

так и от реальной потребности расширения их знаний в области русской литературы, истории и культуры (как наиболее частых источников ПФ).

Последующий анализ ПФ в методическом аспекте связан с разработкой системы упражнений, формирующей у словаков ассоциативные связи, свойственные для русской языковой личности, а также системы упражнений, направленной на включение прецедентных феноменов в дискурс на основе этой ассоциативной связи.

Иванов Сергей Юрьевич,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

К понятию субъекта

Несмотря на обоснованное отделение субъекта как семантического понятия от подлежащего как понятия грамматического, в большинстве пособий оно не проводится отчетливо. Если в научной грамматике можно пользоваться как понятием *субъект*, так и понятием *подлежащее*, то в учебной грамматике РКИ это затруднительно, поскольку *подлежащее* переводится на основные международные языки именно как *subject*. Разделение *формального / грамматического субъекта* и *семантического / логического* субъекта для практических целей РКИ тоже не подходит. Термин *субъект* должен быть исходно однозначным.

Понятие подлежащего можно исключить из РКИ, переведя всю соответствующую проблематику на именительный падеж. Это даст две выгоды. С одной стороны, будет подчеркнута синтаксическая значимость именительного падежа. С другой стороны — семантическая значимость одушевленного предмета, особенно лица, для понятия субъекта. В случаях типа ***Лампа*** *стоит на столе* понятие субъекта избыточно. В приведенном примере назван предмет и его местоположение. Является ли называемый предмет субъектом или объектом данной грамматической структуры — неважно.

Отрыв понятия субъекта от именительного падежа создает опасность его смешения с понятием темы как одного из средств выражения субъекта. В конструкции *У меня есть...* субъектная позиция создается за счет: а) тематизации обстоятельства места, б) заполнения этой позиции одушевленным существительным или местоимением со значением одушевленного существа, прежде всего лица, в) фразеологизации данной структурной схемы, т. е. ее постоянного употребления в значении принадлежности, обладания. Убрав первый или второй фактор, мы лишаемся субъекта в родительном падеже с предлогом *у*.

Нельзя согласиться с наблюдаемым в некоторых пособиях стремлением объявить субъектом любую тему предложения, так или иначе связанную с лицом, ср. ***С детьми*** *проблемы*; ***В городе*** *беспорядки*; ***На душе*** *камень*. Тематическая инфляция обесценивает понятие субъекта так же, как инфляция номинативная. В приведенных примерах мы имеем дело с темой высказывания, но не с субъектом. Однако по своему линейному положению выделенные выражения играют важную роль в образовании предложе-

ний. При изменении порядка слов приведенные фразы лишаются статуса предложения, ср. *Проблемы с детьми*; *Беспорядки в городе*; *Камень на душе*.

С одной стороны, тематическая позиция является одним из факторов субъектности. С другой, коммуникативное членение представляет собой категорию более общую, чем субъектно-предикатное отношение. Постановка вопроса о сравнительной ценности коммуникативного членения и субъектно-предикатного отношения в практическом преподавании грамматики русского как иностранного требует признания порядка слов регулярным инструментом выражения как темы, так и субъекта и внедрения данной темы на более раннем этапе обучения.

Касаткина Александра Юрьевна,
аспирант, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I

Научный руководитель: Федотова Н. Л., д. п. н., профессор

Анализ вводно-фонетических курсов по русскому языку как иностранному

Существует достаточно много учебных пособий по РКИ, которые могут использоваться в период вводно-фонетического курса (ВФК). Есть пособия, предназначенные именно для постановки русского произношения, в т. ч. и национально-ориентированные ВФК (например, «Впервые по-русски. Вводный фонетико-грамматический курс для китайских студентов», авторы Н. Ю. Царева, М. Б. Будильцева, Мэн Ся).

Однако многие ВФК отличаются *нерациональным отбором лексики и ее бессистемной* поурочной *организацией*, что противоречит прежде всего принципу коммуникативности. Как правило, слова с изучаемыми звуками, скороговорки и т. д., включенные в первые уроки, относятся к разным тематическим группам и предназначены для использования в разных ситуациях общения, что затрудняет и восприятие слов, и их запоминание. Существенный недостаток имеющихся вводно-фонетических курсов — *низкая эффективность заданий и упражнений*, в связи с чем уровень сформированности фонетических навыков у иностранных учащихся зачастую остается предельно низким. В данных курсах представлены задания, которые не позволяют овладеть такими особенностями русской фонетической системы, как артикуляционный уклад и ритмико-интонационное оформление высказываний.

Для решения названных проблем можно использовать фонетические игры, однако игры, предназначенные для постановки русского произношения и формирования слуховых навыков на русском языке, либо малоэффективны, либо вообще отсутствуют во вводно-фонетических курсах.

Причинами низкой эффективности фонетических игр являются следующие: система игр и упражнений не учитывает стадиальности формирования фонетических навыков; учебные пособия, не являясь по своим характеристикам вводно-фонетическими курсами, могут использоваться только

в качестве дополнительного учебного материала; не уделяется должного внимания формированию акцентуационно-ритмических и интонационных навыков; лексический материал не всегда соответствует лексическому минимуму Элементарного уровня; включение слов-интернационализмов, призванных облегчить введение новой лексики, может усложнять ее усвоение иностранными учащимися из-за того, что они не владеют европейскими языками.

На наш взгляд, прочные слухо-произносительные и ритмико-интонационные навыки на изучаемом языке, а также навыки установления фонемо-звуко-буквенных соответствий можно формировать только на основе базовых коммуникативных типов высказываний, объединенных коммуникативной темой. В каждый урок, помимо упражнений, необходимо систематически и последовательно включать игры, направленные на формирование фонетических навыков, что обеспечивает взаимодействие всех уровней фонологического компонента русского языка и повышает мотивацию учащихся, тем самым позволяя оптимизировать процесс обучения русскому произношению.

Коньков Владимир Иванович,
д. ф. н., сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Поликодовость и полисемантичность текста П. Волковой

Поликодовым текстом будем называть текст, сформированный, помимо вербальной, другими знаковыми системами: фотографии, рисунки, схемы, карты и т. д. Строго говоря, любой печатный текст является в определенном смысле поликодовым. Как особые знаковые системы используются приемы верстки, шрифт, тип бумаги, формат издания и др. Однако в данной работе эти аспекты поликодовости не принимаются во внимание как не участвующие непосредственно в формировании содержания. В этом плане абсолютно монокодовым текстом можно считать разве что текст, напечатанный на телеграфной ленте. Поскольку использование такого текста противоречит особенностям физического существования человека, функционирование такого текста было ограничено временем существования телеграфа.

Полисемантичным будем называть текст, сформированный на основе лексических и синтаксических единиц с разными типами языковых значений (предметная семантика, значения событийного типа, семантика факта, абстрактная семантика).

Рассмотрим в аспекте поликодовости и полисемантичности фрагмент произведения Паолы Волковой, посвященный картине Сандро Боттичелли «Весна»: «Судьба этой картины, которая была написана в 1482 г. (посудите сами — более 500 лет назад), необыкновенная. Она разделила трагическую участь Венеры Милосской, „Джоконды“, „Черного квадрата“ Казимира Малевича, потому что эту картину растащили на цитаты. Ее растащили на календари, на женские платки, на дизайн, растащили целиком, по элементам. И обе великие картины Сандро Боттичелли, которые являются проявлением высочайшего итальянского духа кватроченто, а также гения этого

уникального художника-романтика, стали гламурным поп-артом наших дней. <...> „Primavera“ — это абсолютно элитарное произведение искусства, очень изысканное, оно таит в себе огромное количество стилистических загадок. Эта картина была прославлена в начале XX в., в ней находили основы стиля либерти, т. е. раннего модерна, и большое количество разных нюансов декаданса».

С одной стороны, мы видим термины искусствоведения: *поп-арт, стиль либерти, ранний модерн, декаданс* — с предельно отвлеченным типом значения. С другой стороны, перед нами конструкции с событийной семантикой, представляющие мир здравого смысла: «картину растащили на цитаты»; «растащили на календари, на женские платки, на дизайн». Перед нами два семантических кода. Автор формирует содержание, периодически меняя кодировку, что делает научные искусствоведческие идеи автора вмещенными в жизнь читателя.

Одновременно текст можно квалифицировать как поликодовый. Важную роль в формировании содержания играют репродукции произведений искусства, которые включаются в книгу в статусе цитаты как самостоятельные невербальные тексты, созданные другими авторами.

Кудрявцева Ася Юрьевна,
аспирант, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Этапы развертывания коммуникативной стратегии доминирования в коммуникативной ситуации ток-шоу

Ток-шоу как жанр массмедийной коммуникации, обладающий своими особенностями, влияет на протекающие в его рамках коммуникативные процессы. Одним из конституирующих признаков исследуемого жанра является полемический характер коммуникации. Данный признак обуславливает основную коммуникативную цель участников ток-шоу, которой является убеждение адресатов (оппонентов и телезрителей) в истинности своей точки зрения. Данная коммуникативная цель, в свою очередь, определяет тактики, реализующие стратегию доминирования в данных коммуникативных условиях. Так как гости ток-шоу выступают как эксперты в обсуждаемом вопросе, для установления своего доминирования они используют тактики, связанные с интеллектуальным и информационным превосходством над собеседниками. В результате, одной из основных тактик, реализующих стратегию доминирования в рамках ток-шоу, является тактика демонстрации осведомленности.

Другой особенностью жанра ток-шоу является наличие в его структуре следующих этапов: зачина, развития, кульминации и развязки. Данные этапы связаны также с этапами развертывания стратегии доминирования в рамках ток-шоу. Так, во время вступительного и заключительного этапов развития теледискуссии инициатива в абсолютном большинстве случаев принадлежит ведущему телепередачи. Этап развития ток-шоу связан с установлением коммуникативного доминирования гостей телепередачи. Этап кульминации — с борьбой за доминирование, которая может проявляться

в закреплении собственного доминирования или аннулировании доминирования собеседника.

На этапе установления коммуникативного доминирования тактика демонстрации осведомленности реализуется следующими коммуникативными ходами: оценка информации собственного высказывания, введение субъекта обладания информацией, отсылка к прецедентным феноменам. На этапе борьбы за доминирование при его закреплении говорящим используются коммуникативный ход сравнения собственной осведомленности с осведомленностью собеседников и коммуникативный ход приведения примера. При аннулировании доминирования в речи говорящего встречаем коммуникативные ходы дополнения, опровержения, дискредитации субъекта обладания информацией.

Таким образом, реализация стратегии доминирования зависит от коммуникативных условий речевого взаимодействия, поэтому полемичность ток-шоу и особенности его организационного развития влияют на использование исследуемой стратегии.

Ласкарева Елена Ромуальдовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Учебник по русскому языку как иностранному: от нулевого уровня до уровня B1

1. Введение. Актуальные проблемы преподавания русского языка на стартовом этапе обучения рассматриваются в связи с авторским учебником «Русский язык как иностранный. Практический интенсивный курс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата».
2. Представление основного материала учебника. Особенности курса для изучения русского языка со стартового уровня суммированы автором следующим образом:
   1) корректная минимизация материала по фонетике, лексике, грамматике и стилистике;
   2) устное опережение вводимого материала: прослушивание и неоднократное повторение (в нормальном или специально убыстренном темпе);
   3) четкая логическая (по семантике либо по тематике) и/или грамматическая (части речи и т. д.) организация материала;
   4) экскурс в систему русского словообразования и отработка основных суффиксов и префиксов уже в самом начале курса;
   5) изучение сложноподчиненных предложений уже в самом начале курса;
   6) изучение вида глагола практически в самом начале курса;
   7) введение лексики и грамматики небольшими порциями в спонтанной речи, что позволяет студентам «брать» систему языка в потоке коммуникации — с последующей систематизацией материала;
   8) тщательный отбор текстов для аудирования;
   9) обучение погружению в логику мышления на русском языке и порождение типичных речевых образцов для коммуникации;

10) отработка типичных для русского языка стереотипов построения фразы;
11) ориентация на основные требования Российской системы тестирования к экзамену по русскому языку: комментарий сложностей прохождения теста от уровня А1 к уровню В1;
12) представление обязательного минимума материала, а также показ возможной индивидуальной перспективы в овладении языком.

3. Анализ Приложений учебника. В процессе обучения помогает компактная подача материала в виде таблиц и схем. Подобные блоки информации потенциально являются и базой для умения видеть перспективу в обучении: анализируя и обобщая имеющиеся в учебнике примеры, учащиеся не только учатся видеть закономерности в системе русского языка, но и — в ряде случаев — начинают самостоятельно выводить правила, которые в дальнейшем используются ими при порождении монологического высказывания. Может быть также полезен — в плане тренинга и усовершенствования студентами своего языка — дополнительный текстовой материал Приложений.
4. Заключение. Подобная система работы, представленная в новом учебнике, помогает воспринять многие процессы в логике мышления и в логике порождения высказывания на русском языке, а также дает учащимся необходимый минимум материала для практического усвоения и тренинга.

Ли Линцзюань,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Бугаева Л. Д., д. ф. н., доцент

Особенности оценочной лексики в кинорецензии

Жанр кинорецензии, как продукт кинорынка, появился вместе с кино. Кинорецензия — оценочная заметка о кинофильме. В кинорецензии кинокритик рассказывает о своем впечатлении о просмотренном фильме и дает ему оценку.

Категория оценки связана с интеллектуальной деятельностью человека, передает его отношение говорящего к объекту речи. По мнению Е. М. Вольф, оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, в результате объект оценки может интерпретироваться с позиции субъекта оценки как хороший или плохой [Вольф, 2009: 5–10]. Семантическая категория оценки рассматривается нами как оценочность. Оценочная лексика представляет собой стилистически окрашенные слова, в значении которых есть оценка, т. е. положительная или отрицательная характеристика предмета, признака или действия.

В ходе исследования кинорецензии мы разделили оценочную лексику, участвующую в описании кинокартины, сюжета, персонажа, режиссерской и актерской работы и др., на группы в зависимости от принадлежности к определенной части речи. Так, оценка в кинорецензии часто выражается качественными прилагательными. Качественные прилагательные называют

признаки предметов, которые обозначают свойства, характер и особенности психологического склада (*мудрый, добрый, хитрый*), а также выражают собственно оценку (*отличный, замечательный, плохой, отвратительный*). Имя существительное как самостоятельная часть речи также нередко имеет оценочную сему. В кинорецензии часто встречаются оценочные существительные, которые употребляются по отношению к режиссеру (*мастер, талант*). Глаголы в кинорецензиях делятся на глаголы состояния, глаголы действия и глаголы отношения; в последних двух группах часто обнаруживаются оценочные глаголы (*выламываться, надругаться, влюбиться*). Однако глаголы как оценочные предикаты следует исследовать с точки зрения прагматики, т. е. в речевой ситуации. Кроме того, к оценочной лексике в кинорецензии можно отнести лексику разговорную и просторечную, стилистически сниженную, бранную и неприличную. Фразеология, как правило, также имеет оценочный оттенок, проясняющий авторскую позицию.

Можно сделать вывод, что оценочная лексика либо сообщает признак или свойство предмету и действию (прилагательные и глаголы), либо непосредственно служит именованием предмета и действия (существительные). Представляется, что кинокритик выражает субъективную оценку через объективный фактор оценочной лексики (признаки и свойства).

Литература:

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Челышевой. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 280 с.

Любимова Нина Александровна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Чжоу Цзынань,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Определение коммуникативного типа высказывания по его интонационному контуру в условиях межъязыковой интерференции

Экспликация вопросительных предложений в русском и китайском языках отражает универсальное и специфическое: в обоих языках вопрос имеет специальные лексико-грамматические маркеры и характерный интонационный контур, роль которых в русском и китайском языках определяется их системой, что подтверждают результаты изучения восприятия китайских вопросительных предложений русскими и русских вопросительных предложений китайцами.

Специфические черты общевопросительных предложений русского и китайского языка ярко проявляются в условиях межъязыковой интерференции. В ходе настоящего исследования установлено, что китайцы, не владеющие русским языком, идентифицируют русские общевопросительные предложения в основном как повествовательные. В свою очередь, русские, не владеющие китайским языком, определяют китайские вопро-

сительные предложения с частицами и без них как вопрос, повествование или восклицание.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка решить определенный круг вопросов, актуальных как для интонологии в целом, так и для межъязыковой интонационной интерференции, а также для обучения русской интонации китайских учащихся и китайской интонации русских.

Ма Сянфэй,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Селиверстова Е. И., д. ф. н., профессор

Лексико-фразеологическая вербализация концепта «Град» в русском языке (на фоне китайского)

Изучение языковой картины мира, т. е. совокупности знаний о нем, отраженных в языке — одно из наиболее востребованных научных направлений современной лингвистики. Космические концепты — один из больших понятийных классов (по М. В. Пименовой) — включают в себя метеорологические концепты, связанные с разными аспектами материальной и духовной жизни человека. Этими словами названы важные явления в жизни человека, чем объясняются как прямые номинации наблюдаемых явлений (град, туман, снег, гроза, дождь), так и аналогии между явлениями природы и жизнью и деятельностью человека. Ср. русские устойчивые выражения *появиться как дождь* — ‘О чьем-л. внезапном, неожиданном появлении’; *свалился кто-л. как снег на голову*; *Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет*.

Концепты представлены в языке не единичным словом, а многими словами и словосочетаниями, совокупность значений которых формирует в сознании обобщенный образ. В раскрытии концепта «Град» в русском языке участвуют лексемы *град*, *градина*, *градобитие*, *градообразный* и др., словосочетания (например, *град осколков*; *град подарков* и др.), устойчивые сравнения, фразеологизмы, пословицы (*слезы градом*; *(падать) как град сыпал* — ‘О частом и интенсивном падении бомб’; *сыпаться как град* — ‘о часто наносимых кому-л. и сильных ударах’; *Весной град — всякий рад*; *Побило градом хлеб и у соседа, да тем мой не встанет* и др.).

Согласно данным словарей, в системе значений лексемы *град* как одного из основных вербализаторов концепта отразились представления о твердых атмосферных осадках, имеющих определенную форму и выпадающих в большом количестве. С этим связано переносное значение слова ‘множество, обилие, поток чего-л.’. В адвербиальной форме слово служит характеристикой обильно выпадающей в виде капель жидкости — слез, пота (пот катился градом) и др.

Весьма устойчива характеристика стрельбы различными снарядами (град пуль, ядер, выстрелов; свинцовый град; Мы обрушили на пиратов целый град кокосовых орехов — своеобразный вид «стрельбы» (В. Губарев)) — здесь актуализируется сема ‘частота/густота падения’ и ощущает-

ся ассоциативно порождаемая семантика ‘опасность’, ‘уничтожение’ (ср.: побило градом посевы).

Частотно сочетание слова *град* с наименованиями наносимых кому-л. побоев: град ударов, тычков и пощечин. В-третьих, мы находим слово *град* в характеристике содержания речи: град оскорблений, град упреков и т. д.

Обращение к материалам Национального корпуса русского языка позволило увидеть и другие контексты, в которых актуализируются представления носителей языка о граде как холодном, тяжелом, неожиданном, болезненном, красивом, звучном, опасном и т. д.

Национально-культурная специфика концепта «Град» станет отчетливее видна на фоне рассматриваемого нами в статье аналогичного китайского материала.

Массалова Александра Эдуардовна,
преподаватель, Тюменский государственный университет

Художественный текст военной тематики как средство усвоения русской культуры

При изучении русского языка как иностранного значительная доля усилий приходится на усвоение концептов русской культуры. Культурный подход к обучению русскому языку как иностранному позволяет формировать лингвокультурологическую компетенцию. Данный подход предполагает знакомство с духовными ценностями, способами выражения их являются язык, литература, история и др. Важнейшую роль при обучении студентов имеет работа с текстом. Главным этапом в подготовке к занятию является выбор самого текста, который должен нести своеобразную смысловую нагрузку и лингвокультурологическую направленность. Иными словами, текст должен давать представление о национально-культурных особенностях, образе жизни, быте, обычаях, традициях, национальной психологии носителей языка. Теоретические ориентиры по данной тематике подробно освещаются в трудах таких исследователей, как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.

Отметим, что отбор художественных текстов для занятий должен соответствовать тому или иному уровню владения РКИ, поскольку каждому уровню соответствует свой лексический минимум. Сложные с точки зрения лексики тексты следует адаптировать и заранее подготовить предтекстовую работу, которая направлена на прогнозирование и построение предложений из представленных слов.

При изучении, к примеру, темы «Великие русские полководцы», «Войны и крупные сражения в истории России» продуктивным дидактическим материалом могут являться прозаические и стихотворные произведения, в которых отражаются исторические реалии, старые семейные, календарные и церковные культурные обряды. Нами были отобраны тексты, способствующие повышению языковой культуры и толерантности.

Лингвокультурологическая компетенция создает основу для становления и развития коммуникативной компетенции иностранных студентов.

Усвоенные знания о культуре, обрядах, традициях новой страны способствуют нормативному речевому поведению в различных ситуациях общения, адекватности восприятия услышанного, прочитанного, написанного.

Мирошникова Марина Григорьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение конструкций «малого синтаксиса» на продвинутом этапе преподавания русского языка как иностранного

Обучение иностранцев грамматике неродного языка требует не только усвоения определенных структур, но и знаний их применения в разных ситуациях общения и разных типах устных и письменных контекстов. Особого внимания заслуживают такие маркированные единицы языка, которые несут на себе различные экспрессивные и стилистические функции. К подобным построениям относится многочисленная группа сложных (но очень распространенных в речи) синтаксических конструкций, получивших в современном языкознании термин «конструкции малого синтаксиса» или «фраземы» — фразеологизированные синтаксические структуры. Занимая промежуточное положение между синтаксисом и лексикой, фраземы расположены на периферии как синтаксиса, так и фразеологии и представляют интерес не только с позиций грамматики и семантики, но и лексикографии.

Проблемам синтаксической фразеологии посвящено значительное число исследований, начиная с классических трудов В. В. Виноградова, Н. Ю. Шахматовой и заканчивая теоретическим исследованиями, которые ориентированы на создание формальных моделей языка.

С позиций же преподавания грамматики наибольший интерес вызывают синтаксические фраземы, содержащие вопросительные местоимения (или К-слова), этимологически связанные со сложным предложением (*ест что попало, мало кому надо, редко кто делает, смотря куда* и др.). Восходя генетически к подчинительной части сложноподчиненных предложений, анализируемые модели в процессе сжатия переходят в структуру простого предложения, где в результате трансформации местоименные наречия «куда», «где» и др., а также местоименные слова «кто», «что», «какой» теряют свое первичное значение и выступают в новой для себя функции — становятся основой всей фразеологизированной синтаксической конструкции, сближая последнюю со словом.

В особую группу сложности хотелось бы выделить структуры с лексемой «хоть», функционирующей в роли различных частей речи (*хоть кто, хоть куда, хоть кричи* и многие другие) и несущей на себе имплицитное или эксплицитное указание на предел чего-либо.

Следует отметить, что во многих языках мира есть более или менее близкие соответствия рассматриваемым в докладе синтаксическим конструкциям. Однако, учитывая экспрессивную и эмоциональную окрашенность конструкций малого синтаксиса, их «умение с легкостью разрушать

любые синтаксические стандарты» [Иомдин, 2010: 146] изучение синтаксических фразем требует более детального знакомства с основными фоновыми и коннотативными знаниями носителей русского языка.

Литература:

Иомдин Л. Л. Конструкции малого синтаксиса // Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 59–179.

Наймушина Татьяна Алексеевна,
к. ф. н., доцент, Астраханский государственный технический университет

Плешакова Людмила Александровна,
к. т. н., доцент, Астраханский государственный технический университет

Возможности мультимедийных технологий в преподавании РКИ на начальном этапе

Мультимедийные технологии в последнее время активно внедряются в процесс обучения, в т. ч. РКИ для формирования у учащегося навыков и умений во всех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме.

Мультимедиа являются эффективной образовательной технологией благодаря своим возможностям интерактивного взаимодействия в процессе усвоения учебного материала, гибкости в представлении материала, интеграции различных видов информации, возможности учитывать индивидуальные возможности учащихся и способствовать тем самым повышению мотивации учащегося.

Кроме того, разработка мультимедийных учебных комплексов во многом может способствовать решению проблемы обновления и актуализации учебного материала, а также своевременного обеспечения учащихся необходимыми учебными пособиями.

Предлагаемый мультимедийный тренажер предназначен для самостоятельной работы учащихся при освоении таких разделов курса русского языка на подготовительном факультете, как фонетика и графика, грамматика, лексика. Материал представляется разнообразно, в виде текста, анимаций, видеороликов, аудиофрагментов, таблиц и схем.

Пользовательский интерфейс прост в использовании, красочно оформлен и содержит концептуальную, иллюстративную, справочную, тренажерную и контролирующую части. Данный тренажер включает в себя тщательно структурируемый учебный материал, предоставляемый учащемуся в виде последовательности интерактивных кадров, которые содержат не только текст, но и анимационные последовательности.

Последовательное, взаимосвязанное изложение учебного материала от простого к сложному, соотносящееся со структурой «Практического курса русского языка» ЦМО МГУ (1993), позволяет учащемуся выбрать удобный темп работы, соответствующий его психофизиологическим особенностям.

Специфику данного мультимедийного тренажера определяют нелинейная организация учебного материала, многослойность и интерактивность каждого кадра, а также возможность протоколирования информации о выборе учащимся траектории обучения. Управляющие элементы интерфейса должны быть удобными и заметными, вместе с тем они не должны отвлекать от основного содержания, за исключением случаев, когда управляющие элементы сами являются основным содержанием.

Таким образом, к интерфейсу создаваемого мультимедийного курса предъявляются следующие требования:

- простота;
- гибкость;
- приятная цветовая гамма;
- отсутствие нагромождений;
- наличие визуальной иерархии;
- интуитивно понятная навигация;
- наличие элементов обратной связи.

Для реализации интерактивного взаимодействия пользователя и мультимедийной системы используются инструменты Action Script. Предлагаемый мультимедийный тренажер позволяет выполнить в общей сложности более 50 заданий на закрепление изученного материала.

Парецкая Марина Эдуардовна,
старший преподаватель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Осмысление религиозного контекста художественного текста на занятиях в иноязычной аудитории

1. Постижение чужой культуры через язык невозможно без знакомства с литературой, написанной на этом языке. Изучение художественного текста на занятиях по русскому языку как иностранному с учащимися гуманитарного профиля — будущими филологами, переводчиками и журналистами — предполагает как учебные, так и профессиональные цели.
2. Основные сведения о творчестве русских классиков иностранные учащиеся получают в курсе истории литературы. Поэтому на практических занятиях по РКИ при изучении произведений отдельного автора преподаватель может ограничиться вступительной беседой, помогающей активизировать полученные знания. Следующим этапом работы будет изучение лексических единиц, необходимых для дальнейшего понимания содержания текста и его интерпретации. Затем проводится комментированное чтение, в ходе которого рассматриваются особенности внутренней и внешней формы текста. В процессе такой традиционной работы студенты соотносят объем всего произведения с его отдельными частями, выявляют авторскую точку зрения и замысел всего произведения, определяют смысл названия, тематику и общую модальность текста.
3. Иностранные учащиеся, принадлежащие к различным культурам и религиозным конфессиям, проявляют большой интерес к православному христианству, а также к вопросам духовных истоков русской худо-

жественной литературы. Поэтому целесообразно останавливаться на изучении русской классики с точки зрения ее связи с христианским дискурсом и давать иностранцам информацию о последних достижениях отечественного литературоведения, позволяющего рассматривать русскую словесность в широком контексте христианской культуры.

4. При этом преподавателю РКИ необходимо стремиться к тому, чтобы иностранные учащиеся усваивали не только необходимые общие принципы филологического анализа русской художественной классики, но и были ознакомлены с литературоведческими изысканиями последних лет, согласно которым отечественная литература может быть представлена как развитие единого христианского текста, поскольку изначально была связана с экзегетикой священных текстов и существовала именно как philologia sacra. Сегодня научное направление, изучающее русскую словесность с позиций христианства, признается частью этнопоэтики и нередко называется «религиозной филологией».
5. Стихотворение А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре» связано с религиозной символикой, тематикой и образами библейских текстов. Основная тема стихотворения — магистральная идея христианства об искупительной жертве Иисуса Христа.

Попова Татьяна Игоревна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Структурообразующие категории повествования как типа текста

Сложность в выявлении и описании стабильной языковой базы повествования определяется тем, что повествование выступает и как самостоятельный функционально-смысловой тип речи (ФСТР), т. е. компонент текста с достаточно четко очерченными границами, и как организатор целого нарративного текста. Главной составляющей и показателем повествования в обоих его проявлениях выступает глагол в своих видо-временных значениях, что соответствует самому характеру этого типа текста, «в котором говорится о *развивающихся* действиях, состояниях, процессах, событиях» [Тумина, 1998: 154].

Основной структурообразующей категорией повествования как типа текста является *категория времени*: суть ФСТР повествования заключается в изображении последовательного ряда действий или перехода предмета из одного состояния в другое. Структурным, формальным содержанием этой формы является последовательность событий, динамическая смена фаз и признаков во времени.

С содержательной точки зрения, повествование — это рассказ о событии, т. е. изменении «исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акционалъные и интеракционалъные события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [Шмид, 2003: 13].

Включение в анализ ФСТР повествования таких нарративных категорий, как *режим повествования* и *тип повествователя*, дает возможность

описать вариативность языковых средств, участвующих в повествовании: важными формообразующими категориями оказывается пространственное расположение рассказчика по отношению к описываемым событиям (его включенностью/невключенностью в ситуацию), а также характер восприятия (отображения) ситуации *рассказчиком* — изображение ситуации, информирование о ситуации, анализ ситуации.

В организации целого текста повествование оказывается связанным с его членением на сложное синтаксическое целое (ССЦ) как проявлением развития мысли повествователя. Повествовательные ССЦ не являются однородным явлением, они достаточно вариативны. В целом, структура ССЦ-повествования обнаруживает связь с композицией повествовательного текста, в зависимости от места ССЦ-повествования в структуре целого повествовательного текста можно выделить: ССЦ-констатация положения дел к моменту рассказа, динамические ССЦ, ССЦ-результирующие изменившееся положение дел и его оценку.

Первичные и вторичные формы повествования обнаруживают разные структурообразующие категории. Для первичного повествовательного РЖ характерны: односубъектность, наличие собеседника (контактного или дистантного), однособытийность, двумодальность (рассказ о прошлом с позиции настоящего), эмоциональность и осмысление случившегося, изображение ситуации и ее интерпретация. Для вторичных повествовательных РЖ характерны: многосубъектность, аналитизм, диалогичность за счет актуализации позиции читателя, политематичность.

Литература:

1. *Тумина Л. Е.* Повествование // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. М.: Флинта; Наука, 1998. 312 с.
2. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Реброва Ирина Витальевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Зальцбургский государственный университет (Австрия)

Фреймовая модель в функционально-семантическом типе речи «описание пространства»: типологическая универсальность текста и жанрово-стилевые проявления

Функционально-семантический тип речи *описание*, наряду с описанием интерьера и портрета включает также описание пространства окружающего мира. ФСТР *описание* пространства уже на элементарном уровне, в одно-двухфразовых текстах, содержит такие языковые единицы, которые входят в классическую типологическую модель этого типа изложения: ***детерминант (Тема) — Сказуемое — Подлежащее (Рема)***. Эта модель равна пропозиции (диктумному содержанию), имеет две линии: а) *введение в тему* и *ее развитие*, б) *характеризация*.

Представим результаты наблюдений над структурой описания в текстах разных функциональных стилей: в публицистике, в т. ч. художественной (путешествия), рекламе, деловом, в текстах художественной литературы.

В жанре газетной публицистической статьи усложнение этой модели происходит по линии характеризации, что усиливает социальную оценку текста. ФСТР *описание* в составе текста рекламного характера при наличии этой модели подчинен прагматическим установкам вторичного жанра, включает оценочный модусный компонент.

Описание как самостоятельный текст составляет основу жанра путешествий.

Вторичный речевой жанр *протокол* отражает общие коммуникативные установки описания в юридическом документе. В научной речи (в филологической статье) представляет интерес тот факт, что в процессе анализа автор обращается к поэтическим описаниям стихотворений, сборников, написанных в разное время, которые обнаруживают ту же фреймовую модель: **С-П**, **П-С**.

В художественном тексте расширение содержания ФСТР *описания* происходит за счет ментальных репрезентаций, имплицированных в тексте и отражающих элементы когнитивной базы представителей одной культуры. *ФСТР описание* проявляет свою специфику и в интернет-пространстве, а также в поликодовых текстах. Рассмотрение *ФСТР описание пространства* в разных жанрах доказывает, что базовая фреймовая модель сохраняется во всех стилях, прототип декскриптивного компонента содержит клишированные конструкции, которые присутствуют во всех речевых жанрах (первичных и вторичных), входящих в состав дискурса.

Саморукова Яна Александровна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Эстетическая функция языка телевизионной рекламы

Помимо информативной и побудительной функций, язык телевизионной рекламы обладает еще и функцией эстетической. Выразительность языка рекламы достигается за счет использования стилистических приемов (метафор, сравнений, метонимий, языковой игры и т. д.), отбора лексики, определенных синтаксических конструкций.

В рекламном тексте, как и в художественной речи, языковые средства подвергаются определенной трансформации, выполняют художественные задачи и участвуют в создании сложной системы образов. Однако реклама и художественное произведение характеризуются различными эстетическими установками. Так, основу рекламы составляет подчинение коммерческому расчету, в связи с чем некоторые исследователи полагают, что сильные художественные переживания, возникающие в процессе восприятия рекламного ролика, отвлекают зрителя от предмета рекламы (Ривс).

Согласно другому подходу, уникальный опыт создания художественных образов, накопленный искусством, должен учитываться при создании рекламы (Дзикевич, Дьякова).

Соколова Екатерина Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Принципы обучения инофонов правильному употреблению союза «а»

Правила употребления русского союза «а» представляют собой существенную трудность для инофонов, в языке которых соединительные и противительные отношения выражаются не с помощью трех, как в русском, а с помощью двух сочинительных союзов. Для эффективного обучения употреблению союза «а» необходимо вычленить из общего семантического континиума, покрываемого подсистемами сочинительных союзов, совокупность выражаемых им смыслов. Достижения теоретической лингвистики могут быть, наконец, положены в основу методики обучения правильному употреблению союза.

В современной лингвистической литературе выделяются три основные лексемы союза «а». Поиски инвариантного значения союза пока нельзя назвать успешными, и поэтому методику обучения правильному его употреблению приходится строить на анализе контекста указанных лексем. Для каждой лексемы характерен специфический тип контекста, без описания которого, на наш взгляд, невозможно научить инофона правильно употреблять этот союз. Поскольку логико-семантические отношения элементов контекста достаточно сложны, мы считаем проведение такого анализа целесообразным при владении русским языком на уровне не ниже сертификационного В2, когда учащиеся обладают необходимой языковой компетенцией, а именно, имеют представление о наборе средств выражения сравнения и способах выражения каузальных отношений в русском языке.

Так, «а сопоставления» служит средством обозначения операции сравнения с указанием на различие сравниваемых объектов. В этом смысле лексема противопоставлена одной из лексем союза «и» — «и сравнения», указывающей, наоборот, на сходство объектов. В предложениях с этой лексемой союза присутствуют две пары семантически сопоставленных компонентов, причем сравниваемые объекты представляют собой характеризуемые коммуникативные элементы, а их характеристики, разумеется, характеризующие коммуникативные элементы. Между характеризуемыми коммуникативными элементами (сравниваемыми объектами), с одной стороны, и характеризующими коммуникативными элементами, с другой стороны, существуют ассоциативные связи. Типы, набор и особенности этих ассоциативных связей должны быть предметом анализа при обучении употреблению лексемы.

Лексема «а несоответствия» («а ненормального следствия») является элементом системы лексем русских сочинительных союзов, связанных с выражением каузальных отношений. Ожидаемое следствие определенного положения дел выражается лексемой союза «и» («и нормального следствия»). Несоответствие предпосылки и следствия может быть выражено как указанной лексемой союза «а», так и лексемой союза но,которые служат маркерами «обманутого ожидания». Логические структуры ситуаций несоответствия с этими лексемами идентичны, и обучение их употреблению должно строиться на анализе широкого контекста сопоставимых высказываний.

Сретенская Лариса Викторовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Непрактичность как одна из особенностей национального характера (на примере рассказов Н. Толстой)

В качестве источников, дающих объективные сведения о национальном характере, выступают национальная литература, анекдоты, дающие стереотипные представления о каком-либо народе, фольклор, или устное народное творчество. Подтверждением наличия «типичных» черт народа, «своеобразной совокупности разнопорядковых явлений духовной жизни народа» [Арутюнян, 1966: 23] является, конечно, и язык. Его считают самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера. Современная литература также может использоваться в качестве такого источника, т. к. современная литература отражает какие-то особенности, проявляющиеся в новой ситуации, обусловленные временем и жизнью, типичные черты, подвергающиеся каким-то изменениям в настоящее время. В рамках этого исследования мы остановимся на оппозиции «ум, знания — смекалка, „умение вертеться“», т. к., на наш взгляд, именно по отношению к интеллигенции в России противопоставление «знание — жизненный опыт» имело знаковый характер. В русском языке это противопоставление прослеживается четко, прежде всего, на противопоставлении глаголов «знать» и «уметь», существительных «знание», «навык», «умение», «знаток», «умелец» и т. п. Наблюдение за языковыми средствами в рассказах Н. Толстой дает возможность подтвердить наше мнение.

Литература:

Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар, 1966.

Тарасова Елена Николаевна,
к. ф. н., доцент, Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург)

Учебно-методическое обеспечение военного профиля обучения

В настоящее время в научно-методической литературе по русскому языку как иностранному отсутствует единая классификация профилей обучения, их наименование и количество варьируется. Принято выделять гуманитарный, экономический, технический (инженерно-технический), медико-биологический, естественно-научный, юридический профиль и др. Однако перечисленные профили охватывают не все категории иностранных учащихся нефилологических специальностей, получающих образование в России. В частности, вне поля зрения исследователей оказались учащиеся российских военных вузов. Хотя специфика военной деятельности, ее структура, содержание профессиональной компетенции офицера, особенности военного дискурса, языковая личность офицера неоднократно становились предметом рассмотрения и описания.

В силу своей ведомственной принадлежности Министерству обороны РФ военные учебные заведения занимают несколько изолированное по-

ложение в системе высшего профессионального образования Российской Федерации. Но это не только не исключает, а напротив, вызывает необходимость выделения самостоятельного военного профиля обучения учащихся-нефилологов (внутри которого можно выделить подвиды: военно-технический, военно-медицинский, военно-спортивный и т. д.). Основанием служит наличие в системе подготовки офицеров учебных предметов, специфичных для военных специальностей, имеющих свой предмет описания, особенную структуру типового узкопрофильного текста, специфические синтаксические конструкции, свой тезаурус.

Профиль обучения должен быть обеспечен соответствующей учебной и методической литературой: учебной программой, методикой преподавания, учебными комплексами и пособиями. Военный дискурс должен стать предметом специального изучения и описания в целях преподавания РКИ.

Нередко учебные пособия для учащихся военных специальностей создаются под нужды конкретного вуза, имеют узкопрофильный характер и не выходят за пределы того или иного учебного заведения. Вместе с тем практика показывает, что в настоящее время на фоне многочисленной и разнообразной литературы, адресованной изучающим русский язык, недостаточно представлены пособия по обучению слушанию и записи лекций (в т. ч. — иностранных военнослужащих). Учебно-методический комплекс «Обучение слушанию и записи лекций иностранных военнослужащих» [Тарасова, Бубнова, 2013] впервые в практике обучения учащихся военных специальностей представляет обучение названному виду учебной деятельности как методически целесообразно организованную систему.

Литература:

Тарасова Е. Н., Бубнова Н. В. Обучение аудированию и записи лекций иностранных военнослужащих. Смоленск, 2013.

Усенко Ирина Юрьевна,
к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Русские фразеологизмы с компонентами «жизнь» и «жить» (на фоне китайского языка)

Из словарей мы отобрали 30 русских фразеологизмов, достаточно известных и употребительных в современной речи, и распределили их на несколько тематических групп в соответствии с главной идеей, ими выражаемой. После этого мы попробовали найти в китайском языке аналоги, передающие сходный или отдаленно близкий смысл. На данном этапе удалось сделать следующие выводы.

Жизнь ставит перед человеком непростые задачи, **жизнь — это умение, которому нужно учиться** (*Жизнь прожить — не поле перейти; Век живи — век учись* и др.). Русские и китайские фразеологизмы этой тематической группы схожи. В китайских аналогах тоже присутствует сравнение жизни с дорогой, путем.

По мнению русских, **жизнь — большая ценность для человека** (*Вволю наешься, а вволю не наживешься; Живи, не тужи: помрешь, заплачешь* и др.).

Порой жизнь бывает настолько безрадостная, что остаётся только терпеть, однако смерть хуже жизни (*Жизнь надокучила, а и к смерти не привыкнешь*). В китайском языке пословицы о трудной жизни редки, непопулярны, однако есть фразеологизм, который говорит, что смерть становится желанной: 生亦何欢，死亦何苦 *Жизнь невесёлая, смерть негорькая*.

В плане **характеристики жизни** русские и китайские фразеологизмы различаются. Одна из русских пословиц *Живем, (да) хлеб жуем* говорит о неопределенной оценке жизни: живем ни хорошо, ни плохо. В китайских аналогах этой группы дается определённая характеристика жизни: хорошо или плохо. Согласно одной из китайских пословиц, жизнь имеет смысл, когда она веселая и интересная: 人生得意须尽欢，莫使金樽空对月 *Не ставь золотую чашу к луне. Золотая чаша* — символ жизни, а *луна* — символ одиночества, скуки.

В русской фразеологии счастливая жизнь описывается с помощью слов-символов: *рай, сказка, Масленица, малина.* В китайском языке есть сходные символы счастливой, хорошей жизни: *рай, сказка, мед.* Трудная жизнь в русском сравнивается с *жизнью волка, собаки,* с *каторгой.* В китайском языке — с *жизнью собаки, свиньи, коровы, муравья.*

Наконец, русские фразеологизмы раскрывают две противоположных стороны **жизненных отношений между людьми**: *Жить как кошка с собакой; Жить душа в душу.* Если известный русский фразеологизм *жить как кошка с собакой* говорит о разладе между людьми, то популярный китайский фразеологизм — о равнодушии между людьми как ненормальном состоянии общества: 人生似鸟同林宿，大限来时各自飞 *Жизнь подобна птицам, живущим в одном лесу: когда они попадают в беду, каждая летает сама по себе.* Безусловно, в китайском есть и фразеологизмы о единстве, верности и взаимопомощи между людьми: 患难与共 *Хотя встречаются беды и горе, но живут вместе и всё переносят.*

Нами сделаны лишь начальные пробы подобного анализа, которые призваны показать актуальность и богатство этой темы. Для дальнейших выводов необходимо рассмотреть большее количество единиц и их употребление в речи.

Федотова Нина Леонидовна,
д. п. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности национально-ориентированного учебного пособия по русскому языку для тайских учащихся (базовый уровень)

Несмотря на многолетний опыт создания национально-ориентированных учебников по русскому языку как иностранному, нет достаточно полного описания различных обучающих способов национальной ориентации, позволяющего выявить наиболее эффективные приемы обучения для разных контингентов учащихся. В учебных пособиях по русскому языку, которые используются в тайских университетах, нет ориентации на родной язык обучаемых. Учет тайской культуры осуществляется только преподавателями-практиками, они сами подбирают соответствующий

иллюстративный материал, сопоставляют российские реалии с реалиями тайской культуры, производят отбор тем из представленных в учебниках по РКИ, которые имеются в распоряжении преподавателя. При национальной ориентации учебный процесс должен отличаться цикличностью, способствующей последовательному осуществлению принципа концентризма, многократному обобщению и синтезу учебного материала, а также обеспечению преемственности этапов обучения. Поскольку баллы являются самой важной мотивационной составляющей для тайских учащихся, в итоговом экзамене можно предложить дополнительные баллы за самостоятельную работу. Преподаватель-русист должен создать условия, которые позволили бы студентам изучать русский язык в рамках внеаудиторной работы.

При разработке национально-ориентированного учебного пособия для тайцев (Базовый уровень) мы, опираясь на концепцию О. П. Быковой (2006), использовали:

- комментарии на тайском языке при объяснении определенной грамматической трудности;
- имена собственные, свойственные культуре учащихся, и географические названия родной страны учащихся;
- реалии, близкие к реалиям окружающего мира учащихся, и реалии родной культуры, относящиеся к безэквивалентной лексике;
- иллюстрации, отражающие реалии родной страны учащихся;
- фоновые знания учащихся при семантизации новой лексики и при отборе тем, ситуаций общения и текстов;
- темы, отражающие историю и действительность родной страны учащихся, в первую очередь, темы, актуальные для данного контингента учащихся (филологи);
- тексты для перевода, соответствующие интересам и потребностям обучаемых;
- раздел, который посвящен культурным и деловым связям России с родной страной учащихся, и раздел, рассказывающий о явлениях российской деятельности, интересных для тайцев с точки зрения отличия от явлений родной культуры;
- тематические табу и императивы;
- дистанцию между субъектами учебного процесса (преподаватель — студент, студент — студент);
- национально ориентированное педагогическое воздействие при обучении иностранному языку, которое обусловлено национальными образовательными традициями учащихся.

Хватов Сергей Александрович,
к. ф. н., старший преподаватель, Варшавский университет (Польша)

Русский язык делового общения и диалог культур в условиях рынка

Подготовка филолога-русиста предполагает формирование речевой компетенции, позволяющей решать коммуникативные задачи широкого спектра, как профессионального, так и общекультурного плана, учитывать

все насущные потребности современной речевой практики, в т. ч. и лежащие в пределах деловой коммуникации.

Рассматривая главную цель обучения иностранному языку как обучение межкультурному общению, следует заметить, что необходимый для этого уровень коммуникативной компетенции в наше время вряд ли может быть достигнут без учета ее «деловой составляющей». Сегодня все более очевидной становится рост социальной и идеологической значимости «рыночно-коммерческой» модели мышления и поведения, приобретающей все более универсальный характер. Одним из проявлений глобализации можно считать своего рода «ворынковление», т. е. глобальный переход к рыночным отношениям в тех областях жизни, которые ранее регулировались иными, нежели «товар — деньги — товар», законами, предполагающими иные формы общения. При этом наблюдаются определенные сдвиги общественного сознания, его своего рода «коммерциализация», формируются новые типы моделей речевого поведения, входят в широкий обиход понятия рыночной экономики, дискурс СМИ распространяет и актуализирует их.

В силу этого рассмотрение воздействия глобализационных (рыночных) факторов на национальный язык, на его коммуникативное бытование, в т. ч. в качестве инструмента межкультурного общения, и, как следствие, на формы и способы его освоения в качестве иностранного, представляется весьма актуальным. Наблюдается появление новых концептов и модификация существующих, происходят изменения речевого поведения на прагматическом уровне, отмечаются характерные семантические сдвиги. Все более заметным становится процесс «маркетизации дискурса», а диалог культур все чаще осуществляется на рыночных площадках. Язык, использовавшийся ранее для целей специальных — коммерческих, деловых или экономических, сегодня выходит за пределы профессионального общения и получает «узуальную прописку» в коммуникации массовой, в текстах, представляющих коммуникативный лик нашей эпохи. Следствием всего этого является постоянно растущий профессиональный интерес филолога к «деловой словесности» во всем ее многообразии, что делает задачу формирования соответствующих речевых навыков и умений в этой области очень важной.

Хромов Сергей Сергеевич,
д. ф. н., профессор,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва)

Интегративный подход в описании и преподавании русской интонации

1. Общая характеристика интегративного подхода в описании и преподавании русской интонации иностранцам. Интегративный и поуровневый подходы к описанию и преподаванию русской интонации как две различающиеся и взаимосвязанные концепции в обучении языку.
2. Интегративный подход предполагает следующие аспекты анализа: 1) выявление и разграничение универсальных, групповых и националь-

но-специфических черт интонации; 2) тесную взаимосвязь с другими уровнями языка, прежде всего с грамматическим; 3) культурологический; 4) дискурсивный.

3. Подвижность универсальных, групповых (типологических, ареальных, генетических) и национально-специфических черт интонации.
4. Интегративный подход в методическом аспекте, предполагающий описание и различение национально-специфических, групповых (свойственных группе языков, объединяемых по ареальному, генетическому или типологическому признаку) и универсальных трудностей, которые характерны для представителей всех национальностей, обучающихся русской интонации.
5. В качестве примера приводится анализ интонационной оппозиции «общий вопрос / повествование» в различных языках (русский, суахили, мальгашский, арабский, сомали, йоруба, хауса).
6. Интонационное сходство языков, далеких друг от друга как генетических, так и ареально.
7. О соотношении ведущих дифференциальных признаков в интонационных оппозициях: направление движение частоты основного тона или частотный регистр?
8. Терминальное завершение как лакмусовый индикатор противопоставления интонации общего вопроса и повествования во многих языках.
9. О гетерогенности интонационных средств, предназначенных для выражения разных форм мышления в соответствии с различным уровнем познания действительности.

Цао Лия,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Беневоленская Н. П., д. ф. н., доцент

Образ китайца как часть мифологической картины мира в XIX в.

Если в XVIII в. Китай проникал в Россию в основном в знаковой системе стиля шинуазри («китайщина»), то начало XIX в. можно назвать временем настоящего открытия Китая для России. Однако в художественных текстах и публицистике образ китайца был далек от реального, к нему обращались с самыми разными целями.

Прагматическим целям говорящего служит образ Китая в произведениях А. С. Грибоедова и Л. Толстого. Так, Чацкий, герой комедии «Горе от ума», позитивно оценивает «*незнанье иноземцев*» китайцами, противопоставляя их московским дворянам. Позднышев, герой повести «Крейцерова соната», также в качестве неоспоримого аргумента приводит позитивный пример китайцев: «*В Китае музыка государственное дело*. И это так и должно быть».

Сказочно-мифологический образ китайца складывается в речи, которая ведется от лица простого, необразованного человека. «*Китайцы*, знаете,

тоже *басурманы*, живут за Сибирью, к Индейскому морю — *народ узкоглазый, делают чай, вот что бары наши пьют по утрам*; а впрочем, не воинский народ, и *домы-то у них бумажные, а пушки стеклянные, ружья глиняные*» (Н. А. Полевой). Данный пример отражает сказочно-мифологическую картину мира говорящего: фантастика с элементами абсурда (пушки стеклянные, ружья глиняные) легко соединяется с реалиями быта *делают чай*. Оксюморонное соединение нетолерантного с сегодняшней точки зрения определений *узкоглазый*, *басурманы* и признаков более высокого социального статуса, чем у рассказчика-солдата, *бары* отражает мифологичность существования китайцев.

Противоречивый образ возникает в художественном тексте и в публицистике, когда автор оценивает просвещенность китайцев. Здесь встречаются прямо противоположные точки зрения: китайцы — просвещенная нация, китайцы — враги просвещения, что позволяет объединить публицистический и художественный дискурс. «*Китайцы суть народ весьма просвещенный* в своем роде и превосходят в этом некоторым образом все прочие народы» (А. О. Корнилович). В противоположность: «От прелестных стихов Жуковского, где месяц светит и мертвец едет, мысль моя на Астольфовом гиппогрифе залетела на луну, на которой, говорят, живут люди, которые пьют воздух и строят стены от ветра, *как китайцы от просвещения*» (А. А. Бестужев-Марлинский).

В. М. Головнин характеризует китайцев «*как народ трудолюбивый, неприхотливый* и по бедности своей готовый везде жить, где только может снискать пропитание» и пр. Эта мифологема оказалась самой устойчивой: мы можем встретить ее и в современной публицистике.

Можно сделать вывод, что в большинстве случаев мифологический образ китайца в русской языковой картине мира XIX в. отражает собственную картину мира говорящего.

Цюй Юян,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Прохоров Ю. Е., д. ф. н., профессор

Лингвокультурологический анализ системы терминов родства в русском и китайском языках

В языке любого народа есть группа слов, служащих для обозначения родственных отношений между людьми — это т. н. термины родства [Крюков, 1972: 3]. Терминология родства является одним из древнейших лексических пластов и по сложности своей истории занимает особое положение в основном лексическом составе языка. Тот факт, что система родства — явление социальное и что термины родства связаны с социальным, историческим и этнографическим фоном, не вызывает сомнений.

Терминология родства как в русском языке, так и в китайском языке давно подвергается анализу с разных позиций. Однако термины родства в сравнении в русском и китайском языках остаются малоизученными. В настоящее время выявление специфики русских терминов родства ста-

новится все более актуальным в связи со значительным расширением межкультурных контактов на русском языке.

Лингвокультурологический анализ лексем, включенных в тематические группы и объединенных интегральной семой «родство», позволил выявить дифференциальные семы «**пол»** (мужской/женский), **«характер (линия) родства**» (кровное родство/свойство), «**линия родства (векторная)**» (прямое родство/боковое родство; восходящее/нисходящее), «**степень родства**» (1 поколение/2 поколение и т. д.); «**родовая соотносительность»** (по мужскому полу/по женскому полу); **«возраст по отношению к говорящему лицу**» (старше/младше), причем часть этих сем не актуальна для слов современного русского языка, но сохраняет прочные позиции в современном китайском языке, отражая специфику соответствующих фрагментов национальных концептосфер как лингвокультурного феномена.

Русская лексика, обозначающая родство, характеризуется: 1) отсутствием семы «возраст», 2) отсутствием дифференциации родства по отцу и по матери, 3) смешением кровного родства и свойства («дядя» — брат отца или матери, а также муж тети), 4) смешением поколений («зять» обозначает свойство и первую нисходящую степень родства того же поколения) и т. д.

Примером системы терминов родства мы может подтвердить необходимость дальнейших исследований в этой области, потому что для это имеет огромное значение для обучения РКИ, в частности, для обучения китайских студентов системам терминов родства и межкультурный контакт на русском языке.

Литература:

Крюков М. В. Система родства китайцев. М., 1972.

Чжан Ди,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Селиверстова Е. И., д. ф. н., профессор

Художественная и культурная ценность имен собственных в повести «Собачье сердце» М. А. Булгакова (на фоне переводов на китайский язык)

Описываемые М. Булгаковым в повести «Собачье сердце» события происходят в 20-е гг. XX в. в Москве. В том, чтобы очертить время и место действия (хронотоп), показать эпоху и трудное время после революции и гражданской войны, участвуют разные пласты лексики. Для показа реалий — «предметов», за счет которых создается достоверность происходящего, автором используются слова-наименования реалий. Они образуют целую систему и обладают лингвокультурологической ценностью: это антропонимы — имена собственные (Преображенский, Борменталь, Швондер, Шариков, Роза Люксембург, Каутский и др.), многочисленные топонимы (по большей части это урбанонимы: Пречистенка, Обухов, Моссельпром

и др.), наименования учреждений и организаций — аббревиатуры (Главрыба, Жиркость, кооператив Центрохоза), наименования денежных единиц и единиц длины и веса (червонец, пятиалтынный, аршин, золотник, верста), наименования профессий и социального статуса (сахарозаводчик, буржуй, пролетарий, председатель домкома, дворник, карманник), речь представителей постреволюционного пространства в содержательном и стилистическом аспектах — формы обращений (господин, товарищ, гражданин), формулы вежливости (Благоволите!) и т. д. Имена собственные (ИС), обладая художественной и культурно-исторической ценностью, составляют один из весьма специфических разрядов единиц. Это особенные реалии, относящиеся обычно к фоновой лексике. У М. Булгакова они особенно важны, поскольку речь идет о социальном конфликте. Богатство и разнообразие использованной Булгаковым культурно маркированной лексики создает при передаче на китайский язык значительные трудности, хотя в целом проблема перевода безэквивалентной лексики разработана в теории и показана на практике достаточно хорошо. Так, фамилия профессора Филиппа Филипповича Преображенского отличается звучностью и имеет у Булгакова яркую внутреннюю форму. Профессор — светило медицины, новатор, преобразователь, творец нового человека. Преображать мир — значит изменять его творчески, делать его лучше. В китайском же переводе фамилия профессора утрачивает внутреннюю форму, что существенно обедняет смысл; передано только звуковое подобие имени. Комичным выглядит имя новоявленного гражданина Полиграфа Полиграфовича Шарикова, где каждое имя говорящее. Полиграф — название аппарата, способного проверить правдивость говорящего, в то время как носитель этого имени враль и редкий невежа. Это имя кажется странным и на фоне иных календарных русских имен. Однако для читателя перевода эта информация остается не до конца проясненной. Между тем, необходимость адекватных переводов в условиях межкультурной коммуникации говорит в пользу подобных исследований.

Чжу Тинтин,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Федотова Н. Л., д. п. н., профессор

Исследование восприятия русских разговорных конструкций китайскими учащимися (по результатам констатирующего среза)

В ноябре–декабре 2015 г. нами был проведен эксперимент по исследованию восприятия русских разговорных конструкций китайскими магистрантами-филологами. Цель констатирующего среза — выявление уровня сформированности навыков восприятия разговорных конструкций в русской диалогической речи. В эксперименте приняли участие 66 испытуемых. Материалом для эксперимента послужили 20 аутентичных диалогических текстов, отобранных из двух российских художественных фильмов: «Питер FM» и «Прогулка». Выбор фильмов обусловлен тем, что, во-первых,

они созданы относительно недавно, во-вторых, сюжеты фильмов связаны с современной российской действительностью, в-третьих, герои — молодые люди, в речи которых отражены языковые особенности разговорного стиля речи, поскольку в большинстве случаев герои оказываются в неофициальных ситуациях общения.

Эксперимент проводился в естественных аудиторных условиях во время учебных занятий. Участники были ознакомлены с целью и задачами эксперимента и проинструктированы относительно правил заполнения рабочей матрицы: после просмотра фрагмента фильма нужно было отметить любым знаком один из трех предлагаемых вариантов выраженной интенции (тест множественного выбора). Кроме того, была предъявлена инструкция на русском языке (Прослушайте мини-диалоги и выберите правильный вариант интенции (выделенные конструкции)). В рабочей матрице испытуемые указали свое имя и курс, на котором они обучаются. Чтобы избежать ошибок из-за неточностей понимания русских слов, обозначающих интенции, все варианты ответов переведены на китайский язык. Дополнительной опорой послужили скрипты кинодиалогов. Разговорные конструкции, которые должны были быть идентифицированы, выделены жирным шрифтом. В диалогах фильмов представлено 13 интенций: недовольство, обеспокоенность, оправдание, опасение, несогласие, обвинение, требование, восхищение, обида, удивление, непонимание, утешение, возмущение. Данные интенции включены в требования ко II сертификационному уровню общего владения РКИ. Средний процент правильных ответов для каждого испытуемого составил около 54%. Это подтверждает наше предположение о том, что китайские студенты-филологи, имеющие сертификат II сертификационного уровня общего владения РКИ, в недостаточной степени владеют навыками восприятия русских разговорных конструкций.

Результаты констатирующего среза доказывают необходимость в дальнейшей разработке проблемы отбора и систематизации активных разговорных конструкций, используемых в русской неофициальной диалогической речи. Решение данной проблемы будет способствовать оптимизации процесса формирования и развития у китайских студентов-филологов умений пользования разговорными конструкциями в русской устной речи, что, безусловно, приведет к повышению уровня коммуникативной компетентности на русском языке.

Чунь Юми,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Бугаева Л. Д., д. ф. н., доцент

Психологический возраст и средства его выражения в русском языке

Выражение возраста включает выражение биологического, социального и психологического возраста. В докладе рассматривается выражение психологического возраста. Психологический возраст не всегда сов-

падает с биологическим и социальным возрастом, т. к. в нем отражается не только возраст человека, но и характер и другие черты человека. В выражении психологического возраста можно выделить следующие признаки:

1. Озорной характер — *сорванец, оголец, шкет, шпингалет* и др.
   Он подошел к окну, дернул *шпингалет* и отворил одну створку. [Петросян М. Дом, в котором… (2009)]
2. Злой характер — *грымза, карга, хрычовка, баба-яга, старушенция, старая карга, старая грымза, саврас без узды* и др.
   Григорий-то вон поумнее тебя: даром что родного брата и то не пускает на глаза, он и чист молодец! А ты, *хрычовка* глупая, раздобрилась. Зачем ты его приняла? [Семенов С. Т. Дедушка Илья (1902)]
3. Неопытный характер — *мальчонка, желоторотик, молокосос, сопляк, щенок, сосун, желторотый птенец* и др.
   Ясно, что в его глазах я *желторотый птенец*. [Эренбург И. Г. Оттепель (1953–1955)]
4. Мудрый и опытный характер — *дедуля, старец, бабуля* и др.
   Некий *старец* воспитывал его в благочестии и добродетели. [Радов Е. Змеесос (2003)]
5. Характер и действие, как ребенок — *впасть в детство, большой ребенок* и др.
   Твой брат *больше ребенок*, хотя и старше тебя. [Горький М. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)]
6. Характер — мужчина, который имеет характер женщины — *красная девица*.
   Саня втянул голову в плечи и боялся оторвать глаза от тарелки. Антонина Васильевна захохотала. — А застеснялся-то, как *красная девица*. [Курочкин В. На войне как на войне (1965)]
7. Старый мужчина, который любит женщин (ветреный характер) — *мышиный жеребчик*.
   Смолоду он слыл Дон-Жуаном, а к старости обратился в *мышиного жеребчика*. [Амфитеатров А. В. Княжна (1889–1895)]

Таким образом, в русском языке существует много выражений психологического возраста, обозначающих или злой, или неопытный характер человека. Злой характер часто передается выражениями, связанными с обозначением женщины и старухи, неопытный и озорной характер — выражениями, связанными с обозначением мальчика или молодого парня. Мудрый и опытный характер, как правило, связан с преклонным возрастом и передается соответствующей лексикой.

Можно считать, что в русском языке мудрость и опытность входят в семантику слов, называющих людей старшего поколения, а неопытность — в семантику слов, называющих людей молодого поколения. Кроме того, существует ряд выражений, в которых психологический возраст связывается с любовными и сексуальными отношениями.

Швабская Анастасия Витальевна,
соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимодействие супрасегментного и сегментного уровней фонологического компонента языковой системы в рамках акцентуационно-ритмических структур слов в русском и финском языках

Взаимодействие супрасегментного и сегментного уровней фонологического компонента языка преимущественно описывается в терминах «наложения» или же «наслоения» супрасегментных характеристик речи на сегментные в качестве некой «надстройки», из чего можно было бы сделать вывод, что эти составляющие языковой системы находятся в опосредованной связи. В соответствии с подобным подходом такие просодические характеристики, как ударение, тон, интенсивность, существуют практически независимо от фонемного уровня. Вопреки устоявшейся точке зрения о природе супрасегментных явлений данные различных языковых систем, полученные путем компаративного анализа, свидетельствуют о том, что именно сегментный уровень формирует и определяет характеристики супрасегментного уровня, это позволяет утверждать противоположный характер зависимости, а именно супрасегментных явлений от сегментных. В связи с этим особый интерес представляет компаративный анализ языков различного строя, например, таких как русский и финский, поскольку он позволяет проследить взаимосвязь характеристик сегментного и супрасегментного уровней и выявить зависимость просодических явлений от фонемного состава и сочетаемости фонемных единиц в потоке речи. Результаты фонетических экспериментов, рассматривающих особенности ритмики и акцентуации русских слов в речи финнов, позволяют сделать выводы об обусловленности супрасегментных характеристик рядом факторов, являющихся принадлежностью именно сегментного уровня. Среди них, прежде всего, можно выделить такие особенности консонантизма, как наличие в русском языке многочленных кластеров и фонологической оппозиции мягких и твердых согласных, а финском языке присутствие фонологической оппозиции геминат и кратких согласных, и такие особенности вокализма, как редукция в безударных слогах в русском и фонологическая количественная оппозиция в финском. Вокалическая и консонантная составляющие языковой системы выполняют различные функции как на уровне ритмики и акцентуации, так и на уровне семантики. Несмотря на то, что гласные несут значительную часть просодической нагрузки, непосредственно ритм на уровне слова можно охарактеризовать как принадлежность в большей степени консонантной составляющей сегментного уровня. Консонантный каркас лексических единиц, несущий основную семантическую нагрузку, формирует характер ритма чередующихся отрезков речевой цепи в рамках структуры слова, в то время как последовательности гласных, различающихся по качеству, отвечают за акцентуацию. Эти данные говорят о корреляции между особенностями сочетания сегментов в потоке речи и типом ритма в языковой системе, что также является доказательством обусловленности супрасегментного уровня сегментным.

Штадлер Татьяна Валерьевна,
старший преподаватель, Экономический университет (Вена, Австрия)

Развитие навыков говорения на занятиях по русскому языку делового общения: русский язык в Венском экономическом университете

Доклад посвящен теме развития навыков говорения в рамках занятий по русскому языку делового общения в условиях европейской системы образования с ограниченным количеством аудиторных часов. Опрос выпускников Венского экономического университета, работающих на рынке России и других стран постсоветского пространства, показал, что для большинства из них владение навыками говорения и аудирования играет важную роль в профессиональной деятельности. В условиях, когда аудиторные занятия в университете проходят, как правило, один раз в неделю, кроме того, в группах по 20 и более человек (носителей славянских и неславянских языков), перед преподавателем встает задача максимального использования времени в аудитории и оптимальной организации внеаудиторной работы студентов для получения результатов по развитию устных компетенций. В докладе освещается опыт работы преподавателей русского языка делового общения Венского экономического университета. На конкретных практических примерах показываются возможности для увеличения времени говорения и улучшения устной компетенции студентов, изучающих русский язык вне языковой среды, освещаются проблемы развития языковых и речевых компетенций, обусловленные спецификой организации учебного процесса в Венском экономическом университете, представляются конкретные рабочие материалы по теме доклада.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Артемьева Лариса Алексеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Учебник немецкого языка в вузе и реалии межкультурного общения

Последние десятилетия ознаменовались не только кардинальными изменениями в системе высшего образования России и постоянным смещением приоритетов в обучении иностранным языкам, но и сделали немецкий язык по-новому привлекательным для обучающихся, усилили спрос на него как на второй иностранный, изучаемый после или параллельно с английским.

На рынке учебной литературы представлены очень разные по содержанию и уровням подготовки учебники немецкого языка как иностранного.

В чем их сильные и слабые стороны, могут ли отечественные источники в борьбе за своего читателя составить достойную конкуренцию немецким (серии DaF) — тема нашего доклада.

Божик Святослава Любомировна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности обучения студентов из КНР английскому языку в условиях российского вуза

Согласно данным статистических сборников Министерства образования и науки РФ, число студентов-иностранцев, приезжающих для получения высшего образования в РФ, достаточно высокое. Второе место среди них занимают абитуриенты из КНР. В связи с этим представляется, что вопрос обучения английскому языку студентов из КНР должен вызывать большой интерес, в особенности для преподавателей иностранного бакалавриата Филологического факультета СПбГУ, поскольку основной контингент студентов-иностранцев представлен студентами из КНР. Анализ методической литературы показывает, что существует ряд исследований, посвященных обучению данной категории студентов. Однако основными темами исследований большинства из них являются вопросы адаптации, обучения предметам специальности, русскому языку как иностранному, но не так много работ исследуют вопрос обучения английскому языку студентов из КНР в условиях российского вуза. При этом на начальном этапе данный вопрос играет немаловажную роль, поскольку в связи с разной системой образования, методов обучения, этнопсихологических характеристик возникают затруднения, игнорирование которых может в дальнейшем служить помехой в изучении английского языка, а также в формировании коммуникативной компетенции учащихся. Опрос студентов является одним из средств для выявления подобных затруднений. Таким образом, анкетирование и опрос учащихся в начале обучения позволяют выделить сложные для студентов моменты в процессе изучения английского языка, уточнить их предпочтения и как результат позволяют говорить об особенностях обучения студентов из КНР, учет которых дает возможность решить основные методические задачи при обучении иностранному языку, а также создать условия дпя эффективного и успешного процесса обучения студентов.

Брагилевский Дмитрий Юрьевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия

Поиск дополнительных подходов к обучению переводу в неязыковых вузах

Преподавание иностранного языка в неязыковых вузах обычно следует в русле тенденций времени. Сейчас это акцент на коммуникативном аспекте. Меняются программы, и данному виду работы отводится все более важное место. Между тем специалист, не умеющий говорить на

иностранном языке, все равно остается профессионалом в своей области, однако если он не знает, как работать с информацией непосредственно из оригинальных иностранных источников, что не позволяет ему быть в курсе новейших разработок и открытий, коэффициент его полезного действия значительно снижается. Именно поэтому умение переводить является еще одним неизменным требованием министерских программ.

Ожидается, что учебники отражают значимость занятий переводом в подготовке будущего специалиста. Однако это не совсем так. С учетом низкого стартового уровня большинства студентов-нефилологов курс обучения часто выглядит как усовершенствованный вариант школьной программы с поправками на специфику и материал конкретной области знания. Более того, во многих учебниках для неязыковых вузов перевод как цель даже не декларируется, а в некоторых, хотя он и упоминается, практически отсутствует объяснение принципов, методов, приемов и алгоритмов, включая базовые, и ставятся задачи скорее грамматические, чем имеющие отношение к переводу. Такой поход объясним: не зная языка, нельзя понимать тексты и их переводить. Именно поэтому все специальные пособия по переводу рассчитаны на весьма продвинутых студентов или аспирантов и предполагают уверенное владение грамматикой и терминологией, знание лексики и т. п. Эти пособия редко ориентированы на конкретные специальности и бывают «заточены» на рассмотрение отдельных проблем (например, лексические трудности). Образуется замкнутый круг. На изучение языка вообще у студентов непрофильных вузов нет ни мотивации (было в школе и не получилось), ни времени (загружены заданиями по специальности), хотя подавляющее большинство учащихся осознает необходимость знания иностранного языка.

Выход видится в преподавании перевода вместо обучения языку с движением к цели одновременно с двух сторон: от способов выражения мысли к значениям и от сопоставления смыслов с инструментарием языка для их передачи. Все операции выполняются только с оригинальными текстами по специальности.

Вессарт Ольга Викториновна,
к. ф. н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Особенности преподавания английского языка студентам-магистрантам I и II курсов

Помимо изучения профессионального английского языка студенты-магистранты должны заниматься научной деятельностью и по окончании II курса написать на английском языке и правильно оформить Research Proposal — краткое предложение по тематике исследования, которое они впоследствии должны будут выполнить в качестве дипломной работы на русском языке. В этом Предложении они должны обосновать актуальность выбранной ими темы, цели и задачи исследования, сроки его проведения и подобрать соответствующую научную литературу на иностранном языке. К подготовке этой работы студенты должны приступить на первом курсе. Однако, как показывает опыт, многие студенты первого курса не сразу

обретают научного руководителя по дипломной работе и не могут выбрать тему для исследования, поскольку темы им еще не предложены. Такая ситуация может создать проблему, особенно на заочном отделении, где число часов занятий английским языком ограничено и основной акцент делается на самостоятельную работу студентов. Поскольку преподаватель иностранного языка с самого начала должен ориентировать студентов-заочников на написание Research Proposal (прочитать соответствующую лекцию и провести консультации на занятиях), получается, что подготовка научной работы на иностранном языке опережает саму научную работу. С одной стороны, это создает трудности, а с другой — приносит и определенную пользу, т. к. стимулирует студента поскорее определиться с темой и поспешить найти руководителя.

Другой особенностью работы со студентами-магистрантами является то, что многие из них уже вполне взрослые люди, имеющие как профессиональный опыт, так и опыт учебы в вузе. Многие из них, поступая в магистратуру, хотят получить дополнительное высшее образование, соответствующее как их интересам, так и условиям их профессиональной деятельности. Однако не все они имеют большой опыт исследовательской и научной работы. Третьей особенностью является неоднородность групп: в каждой группе могут быть как сильные по знанию иностранного языка, так и слабые студенты. Отчасти это зависит от факультета и специальности. Так, создается впечатление, что на факультете международных отношений число сильных студентов больше, чем на факультете государственного и муниципального управления. В таком случае на занятиях иностранным языком и при написании Research Proposal преподаватель иностранного языка должен применять индивидуальный подход и максимально использовать ресурсы сильных учащихся (проведение презентаций, обсуждения, индивидуальные задания и т. д.). Наряду с этим, основные требование к написанию Research Proposal остаются одинаковыми для всех, независимо от исходного уровня подготовки.

На втором курсе продолжаются занятия профессиональным иностранным языком и совершенствуется написание Research Proposal, которое защищается на экзамене.

Воронина Людмила Александровна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Преимущества и недостатки использования различных учебных изданий при обучении иностранному языку

Одним из условий совершенствования процесса обучения иностранным языкам в вузе является умелое использование всевозможных видов учебных изданий (УИ). В последнее время в учебной среде все чаще используется понятие «электронный учебник», которое заставляет задумываться об эффективности его использования по сравнению с т. н. традиционным, бумажным, аналогом во всех видах. В соответствующей научной литературе уже имеется ряд работ, посвященных исследованию положительных и отрицательных сторон электронных изданий. Однако особое значение все

это приобретает при обучении иностранных языков в силу практической направленности таких дисциплин. С научной точки зрения оба вида УИ относятся к базисной категории методики под названием «Средства обучения» и среди четырех структурных наименований: 1) средства обучения для преподавателя, 2) средства обучения для учащихся, 3) аудиовизуальные средства обучения, 4) технические средства обучения принадлежат разделу «Средства обучения для учащихся». В этом разделе называются такие единицы, как учебник (книга для учащихся), книга для чтения (хрестоматия), пособие по развитию речи, сборник упражнений, справочник по иностранному языку, словарь и т. п. Разнообразие их номенклатуры время от времени совершенствуется, но требует обязательного учета ГОСТа.

Согласно ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», все виды издаваемой продукции профессорско-преподавательского состава вуза представлены в виде двух групп: научные издания и УИ. Целью данного исследования является выявление преимуществ и недостатков изданий для обучения иностранным языкам, поэтому остановимся только на второй группе и рассмотрим виды УИ с точки зрения требований ГОСТ и министерских приказов.

Под УИ понимается издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся определенного возраста и ступени обучения. Согласно ГОСТ 7.60-2003, к таким изданиям относится 12 наименований, среди которых в вузе при обучении иностранному языку может быть использовано 10: учебник, учебное пособие, учебно-методическое пособие, учебное наглядное пособие, рабочая тетрадь, самоучитель, хрестоматия, практикум, задачник и учебный комплект. Тщательное изучение имеющихся видов УИ позволит расширить номенклатуру электронных пособий.

Некоторые электронные издания приобрели особую популярность, например, словари, т. к. они отличаются от бумажных аналогов возможностью более быстрой и большей передачей информации за счет одновременного задействования зрительного и слухового каналов. Тем не менее существует ряд исследований, не доказывающих их преимущество с точки зрения эффективности усвоения иностранного языка.

Горбанева Виктория Вадимовна,
аспирант, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Применение культурологической лингвистики к постижению ценностей культуры, отраженных в поэтических произведениях, при формировании у учащихся филологического профиля межкультурной коммуникативной компетенции

Современный этап развития языкового образования РФ характеризуется новым социальным заказом общества, который вызвал к жизни новые цели обучения. Ведущей тенденцией в сфере обучения иностранным язы-

кам в настоящий момент является формирование такой языковой личности, которая способна к осуществлению эффективного межкультурного общения.

Модель межкультурной коммуникативной компетенции, предложенная Г. В. Елизаровой, рассматривает язык как отражение культуры и включает в себя следующие компоненты: когнитивный (знания как о собственной, так и о иных культурах, о различиях и сходствах), аффективный (эмпатия, любопытство, уважение) и ценностный (ценностные представления, лежащие в основе конкретного общества и регулирующие поведение его граждан) [Елизарова, 2004]. Важно отметить, что ценностные представления, или ценности культуры, представляют ключевой момент в формировании межкультурной компетенции, владение которой способствует осуществлению продуктивного межкультурного общения.

Из когнитивной лингвистики в методику обучения иностранным языкам пришло понимание того, что язык является не еще одним отражением единого для всех мира, а уникальным отражением другого мира, другой действительности, особенно в рамках культурных ценностей.

Если рассматривать язык как отражение ценностных представлений культуры, формирование у учащихся представлений о культурных ценностях осуществляется с позиции культурологической лингвистики, определяемой как любое лингвистическое исследование и описание, имеющее своей целью выявление культурного компонента лингвистического значения лексической единицы.

Материалом для постижения ценностных представлений были выбраны поэтические произведения, под которыми понимаются тексты культуры, знак, где означающим выступает целостная поэтическая форма, а означаемым — ценности культуры, регулирующие поведение отдельного индивида и общества в целом.

Постижение ценностных представлений с позиций, отраженных в поэтических произведениях, позволит учащимся осознать различия между представлениями, принятыми в родной культуре и иноязычной, что, в свою очередь, будет способствовать осуществлению успешного межкультурного общения.

Литература:

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.

Грецкая Татьяна Владимировна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Трудности в обучении немецкой профессионально-ориентированной лексике студентов факультета международных отношений

В процессе формирования лексических навыков у студентов неязыковых вузов возникают трудности, которые можно разделить на две группы: межъязыковые и внутриязыковые. Эти трудности связаны с особенностями специальной лексики, а также с общими особенностями лексики немецкого

языка. Это особенно актуально на фоне невысокого общего уровня владения немецким языком как вторым иностранным на факультете международных отношений.

К группе межъязыковых трудностей относятся: несовпадение объема значений слов немецкого и русского языков, лексическая сочетаемость, приводящая к языковой интерференции, идиомы и фразеологизмы. К внутриязыковым трудностям относятся: словообразовательная специфика немецких лексических единиц, наличие синонимов в немецком языке, употребление которых имеет свои особенности.

Одним из условий, обеспечивающим овладение лексическим материалом, является дифференцированный подход к отбору словарного материала, его презентации и закреплению. Обучение профессионально-ориентированной лексике целесообразно проводить на основе ее методической типологии. Наиболее перспективным подходом к созданию методической типологии лексики является подход, который учитывает количественные и качественные характеристики слов.

Необходимо развивать у студентов навыки самостоятельной семантизации незнакомых слов. Для этого можно предложить ряд упражнений на формирование навыков опознавания и понимания производных и сложных слов в текстах по специальности.

Дацюк Василиса Витальевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Учет особенностей китайской разновидности английского языка при обучении английскому языку русскоязычных студентов

Современное состояние процесса глобализации отражено в новой парадигме форм и функций английского языка в контекстах, выходящих за рамки его исконной, национальной принадлежности. Китайский английский, в границах своего региона, считается одним из самых эффективных инструментов общения. Китайский вариант английского языка имеет свои преимущества на различных речевых уровнях — лексическом, уровне предложения и уровне дискурса Например: Chow mein / китайская лапша, chopsticks / палочки для еды, ginseng / женьшень, kaolin / белая глина, sampan / китайская лодка, kowtow / низкий поклон. На синтаксическом уровне также необходимо отметить наличие разницы в структурировании предложений в британском английском и китайском варианте английского языка. В китайском варианте английского языка преобладают простые предложения, практически не используются союзы, а логическая связь между высказываниями обеспечивается путем аргументации. Иногда логическая связь между высказываниями просто очевидна для китайца и его мировосприятия, соответственно, не нуждается в логических пояснениях. Связь между предложениями очень часто подразумевается, предполагается, а не демонстрируется прямо, с помощью специальных средств. Иногда даже подлежащее в предложении опускается. Например: Very glad to see you. Long time no see /

Очень рад вас видеть, давно не виделись. Исследователи отмечают также, что на уровне дискурса в целом китайский вариант английского обуславливается, прежде всего, особенностями восточноазиатского концептуального мировосприятия, философскими воззрениями, системой ценностей, образом мыслей, которые в корне отличаются от западной картины мира.

В частности, при изложении той или иной информации китайцы постепенно подходят к главной теме сообщения, шаг за шагом открывая свои чувства и мысли. Для восточноазиатского менталитета нехарактерен прямой переход к главной теме сообщения, в отличие от западной модели передачи информации. Мировоззрение китайцев развивалось веками под влиянием конфуцианства. Идеалами китайского общества являются спокойствие, ученость, утонченность. Названия элементов культуры Китая входят в английский язык и тем самым становятся доступными всему мировому сообществу. Проникая в различные языки мира преимущественно с помощью языка-посредника, названия некоторых национальных реалий превращаются в интернациональные слова, межъязыковые синонимы и омонимы, становятся достоянием других народов, способствуя осуществлению культурологической функции китайского английского языка, благодаря которой мировое сообщество познает культуру Китая. Принимая во внимание все вышеуказанное, представляется целесообразным учитывать данные особенности при обучении английскому языку русскоязычных студентов.

Журавлева Анна Александровна,
к. ф-м. н., директор, Лаборатория «Альтаир»

Зависимость успешности обучения иностранным языкам от психологического типа личности

Испытуемыми являлись студенты филологических факультетов нескольких университетов Москвы, Костромы и Ярославля — всего около 600 человек. За показатель успешности бралась средняя оценка в баллах от 3 до 5 за все завершенные семестры по различным предметам, направленным на изучение одного конкретного иностранного языка. В выборке равномерно представлены студенты 1–4 курсов. Всего оценивалось 55 мужчин и 552 женщины. Средняя оценка у мужчин — 3,96, у женщин — 4,02, хотя различие и не достоверно статистически. Оценивались различные психологические характеристики студентов по методике авторов, изложенной в работе [Журавлева, 2011]. Использовались фотографии студентов, по которым три опытных эксперта определяли основные личностные характеристики. Для 60 человек для контроля проводилось полное психологическое тестирование с помощью типовых опросников. Результаты тестирования совпали с оценками экспертов на 92 %. Различие может определяться несовершенством методов стандартного психологического тестирования. Обнаружилась статистически значимая зависимость успешности обучения студентов от т. н. соционического типа личности — т. е. от специфики энерго-информационного метаболизма личности. Наиболее успешными являются этико-интуитивные и интуитивно-этические типы личности.

Наименее успешными — сенсорно-логические. Для каждого типа личности целесообразно использовать свой специфический подход к обучению на основе их сильных и слабых черт.

Литература:

Журавлева А. А. Дистанционное определение психологических черт личности и наркозависимости по фотографиям и речевым фонограммам // Сб. трудов XX Международной научной конференции «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». М.: Академия управления МВД России, 2011. С. 392–397.

Иосилевская Наталья Дмитриевна,
старший преподаватель, Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Приемы семантизации и перевода с немецкого языка словосочетаний, включающих прилагательные цветообозначения (на примере обучения студентов неязыковых специальностей переводу общественно-публицистических текстов)

В терминосистемах общественных наук в русском и немецком языках прилагательные цветообозначения часто используются в коннотативных значениях. В практике преподавания интерес представляют приемы семантизации и перевода на русский язык указанных словосочетаний. Работа с данной группой лексических единиц в рамках практического занятия со студентами неязыковых специальностей предусматривает введение и комментарий таких понятий, как «лакунарная лексика», «коннотация». Приемы семантизации атрибутивных словосочетаний, включающих прилагательные цветообозначения, основаны на использовании страноведческого материала, раскрывающего особенности национальной культуры, быта, системы ценностей, которые обуславливают особенности номинации. Студентов знакомят с приемами элиминирования лексической лакуны и коннотации при работе с иноязычными текстами. Использование указанных приемов при обучении позволяет будущим специалистам увеличить и совершенствовать набор приемов самостоятельного перевода аутентичных текстов, знакомиться с видами справочной литературы и учиться ее использовать, расширять свой общекультурный и профессиональный кругозор.

Казимова Галина Александровна,
старший преподаватель, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Queen's Christmas speeches: сюжетно-композиционные и языковые особенности

Рождественские речи Елизаветы II представляют собой подведение итогов года. Являясь автором посланий, королева выбирает, с ее точки зрения, наиболее значимые для Великобритании, стран Содружества и Королевской

семьи события. Анализ сюжетно-композиционных особенностей Рождественских речей Елизаветы II 2013, 2014 и 2015 гг. позволяет проследить изменения тематики и связанных с ними способов языковой репрезентации. Рождественские речи Елизаветы II в разной степени содержат ссылки на евангельское повествование о событиях, связанных с Рождеством Христовым. Являясь важнейшим смыслообразующим компонентом, библейские цитаты и аллюзии в рассматриваемых Рождественских речах главы Англиканской церкви отличаются по количеству и объему цитирования, что может свидетельствовать как о настроении автора, так и о восприятии аудитории.

Рождественские речи Елизаветы II, представляя собой вместе с транскриптами т. н. креолизованный текст, являются ценным лингвистическим и дидактическим материалом.

Кечерукова Марина Аламатовна,
к. ф. н., доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет

Создание полиязычной образовательной среды. Опыт Тюменского государственного нефтегазового университета

Вызовы глобализации и интернационализация образования и науки ставят перед вузами России задачи создания и развития иноязычной среды, которая способствовала бы входу в международное образовательное пространство. Очевидно, что в России, в отличие от многих стран Запада, приходится прилагать особые усилия к появлению в университетах полиязчного коммуникативного пространства, призванного сделать внутривузовскую среду более комфортной для академической мобильности как изнутри, так и извне.

Важно отметить, что тенденция интернационализации всегда присутствовала в вузах нашей страны. Несмотря на то, что советской школе в силу идеологических и политических причин была присущая определенная закрытость, в советские годы наша страна занимала третье место в мире по количеству иностранных студентов, с которого в наше время она опустилась на восьмое (данные 2010 г.). Так, в период с 1950 по 1990 гг. в СССР обучилось около полумиллиона студентов из 150 стран мира: 75 % — из стран Африки, Азии, Латинской Америки, остальные в основном из восточной Европы. В 1980-е гг. Советский Союз был лидером на рынке международного образования: 10 % всех т. н. exchange students обучались в СССР. С развалом Советского Союза Россия утратила свое место на мировом рынке образования.

Однако, несмотря на кажущуюся успешность ситуации в Советском Союзе, именно с его распадом начался процесс реальной интеграции российской высшей школы в европейскую и мировую системы образования — расширились прямые связи с зарубежными партнерами, на российские вузы была распространенна деятельность многих зарубежных фондов и программ в области образования и науки. Ведь интернализация образо-

вательного процесса не ограничивается только привлечением иностранных студентов. Она включает в себя также:

- развитие академической мобильности ППС и студентов;
- развитие международных академических программ;
- интернализацию научной деятельности (конференции и т. д.);
- расширение публикационной географии;
- международное признание российских дипломов (Болонский процесс).

Среди факторов, сдерживающих процесс интернализации российского образования, в масштабном исследовании Британского совета совместно с российскими специалистами (2012 г.) выделяются следующие:

- географическое положение и климатические условия;
- бюрократия (визы и т. д.);
- ограниченные возможности прохождения практики в российских компаниях;
- консерватизм как часть менталитета; языковая проблема.

Последняя проблема в этом списке — языковая — особенно сложно преодолевается в региональных вузах. Поставив перед собой весьма амбициозные цели по продвижению российского инженерного образования на мировом рынке образовательных услуг, Тюменский государственный нефтегазовый университет постепенно выстраивает свою стратегию достижения этих целей.

Кольцова Ольга Вячеславовна,
к. ф. н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Самостоятельная работа над грамматикой при изучении иностранного языка

Обучение иностранному языку невозможно без организации самостоятельной работы студентов. Совершенствование ее форм особенно важно в сложившейся ситуации, когда количество аудиторных часов сокращается, а время на самостоятельную работу увеличивается.

К сожалению, в настоящее время сетка часов, отводимых на изучение иностранного языка, не так велика и не позволяет охватить и проработать в полной мере весь курс грамматики. Однако практика обучения навыкам устной разговорной речи показывает, что без введения элементов грамматики формируемые речевые навыки не могут быть прочными. Поэтому мы попытались разработать такую методику самостоятельного изучения грамматики, которая помогла бы студентам, во-первых, усвоить необходимый грамматический материал и, во-вторых, применять его в целях коммуникации.

При создании подборки упражнений для самостоятельной работы мы руководствовались тем, что в современном поликультурном и многонациональном мире основной целью обучения иностранным языкам является формирование коммуникативной компетенции, т. е. использование иностранного языка как средства общения. Поэтому для отработки предлагаются определенные грамматические конструкции, которые используются в каких-либо ситуациях.

Конечно, бывает трудно подобрать много ситуаций для отработки различных грамматических конструкций, но в этом помогают сами студенты, придумывая различные варианты при выполнении заданий.

Подобные упражнения требуют от студентов самостоятельного наблюдения примеров, нахождения сходства и различия между сопоставляемыми явлениями, раскрытия существенных признаков, характеризующих правила, формулирования выводов. Они способствуют развитию познавательной активности, креативности, даже юмора студентов. Работа над грамматикой становится не скучной рутиной, а интересным творческим занятием. В докладе приводятся примеры коммуникативных заданий для самостоятельной работы над грамматикой.

Константинова Екатерина Александровна,
к. филос. н., преподаватель, Центр китайского языка «Иероглиф» (Санкт-Петербург)

Некоторые аспекты обучения китайскому языку в рамках дополнительного образования

На сегодняшний день все большую актуальность приобретает изучение китайского языка. Большинство заинтересованных лиц — это непосредственно студенты неязыковых специальностей, выпускники различных вузов, сотрудники компаний, ведущих свою деятельность с азиатским регионом, все те, кто видит свое будущее связанным с данным направлением. Однако китайский язык популярен не только среди взрослой аудитории, но и среди детской, начиная с самого раннего возраста. Многих детей приводят родители, оценивая важность и перспективность предмета изучения, многие дети сами просят об этом своих родителей, увлекаясь ушу или после просмотра тематических мультфильмов. Если говорить о взрослой аудитории, то надо еще отметить такой важный аспект, как время, которое люди готовы потратить на знакомство и изучение нового иностранного языка. И это время довольно ограничено. Во-первых, это обусловлено и жизненными реалиями (необходимость командировок или переезда в страну изучаемого языка), во-вторых, желание и стремление к скорейшему результату, свойственное при получении дополнительного образования. Цель, которую ставят перед собой большинство учащихся, заключается в том, чтобы в кратчайшие сроки освоить разговорный минимум, который позволит общаться на бытовые темы и понимать собеседника. Кроме того, непростой задачей является и освоение иероглифической письменности, необходимой для ведения переписки, в т. ч. деловой, а также для стандартных нужд — чтение меню, объявлений и т. д.

Таким образом, можно сформулировать цель обучения китайскому языку именно как средству межкультурной коммуникации [Кочергин, 2012: 165].

Содержание обучения китайскому языку в рамках дополнительного образования может строиться с ориентированием на систему подготовки к международному квалификационному экзамену HSK (Hànyǔ Shuǐpíng Kǎoshì) на знание китайского языка для тех, кто не является носителем языка.

С 2010 г. экзамен подразделяется на шесть уровней сложности: 1 уровень предполагает знание 150 общеупотребительных слов, 2 уровень — 300 слов, 3 уровень — 600 слов, 4 уровень — 1200 слов, 5 уровень — 2500, 6 уровень — 5000 слов. Экзамен включает в себя различные задания на проверку сформированных умений в аудировании, чтении и письме.

Для осуществления поставленной цели и подготовки учащихся к данному экзамену необходимо следовать коммуникативному методу, формировать необходимые навыки и умения. Отдельной темой для обсуждения может стать отсутствие необходимых учебных пособий и практических материалов для подготовки учащихся в рамках дополнительного образования, фактически вся ответственность за качество и разработку материалов к уроку закрепляется за преподавателем.

Литература:

Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка. М., 2012.

Корышев Михаил Витальевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К концепции учебно-методического комплекса по второму иностранному языку

Необходимость построения новой системы обучения немецкому языку как второму иностранному, где наряду с практической целью обучения выдвигаются задачи, связанные с формированием у обучающихся общекультурных компетенций, обеспечивающих успешную социализацию индивидуума в социуме, диктует задачу создания соответствующего учебно-методического комплекса.

Имеющиеся в настоящее время пособия готовят обучающихся к овладению языком на соответствующем уровне, подводя их вместе с тем к жизни в странах, где немецкий язык имеет статус государственного. Авторы нередко довольно четко прописывают для себя профиль своей аудитории: лица, стремящиеся к получению впоследствии образования на немецком языке (как правило, речь идет о бакалаврских образовательных программах), готовые для достижения своей мечты пройти целый ряд ступеней по социальной лестнице и планирующие, в конце концов, связать свою жизнь с новой для себя страной не только в профессиональном, но и в личном плане.

Жизненная траектория, которую прорисовывают для себя универсанты, принципиально иная, иначе соотносятся в классическом университете и разнообразные цели, стоящие как перед курсом второго иностранного языка, так и перед преподавателем, от которого требуется готовность решать не только частнодидактические, но и общепедагогические (образовательные, воспитательные и социализационные) задачи.

Справедливо будет предположить, что именно пространство культуры является оптимальной площадкой, позволяющей достигать всего спектра целей, стоящих перед курсом второго языка. Литература в этом случае, со своим жанровым богатством и многообразием, может рассматриваться

как основа для создания учебно-методического комплекса нового типа. В настоящее время художественная литература — к сожалению, все чаще речь идет о тривиальной литературе — довольно активно используется на продвинутом этапе обучения, задача же университетского учебно-методического комплекса — вернуть подлинную литературу начинающим, тем более что отмечавшееся выше ее жанровое богатство позволяет это сделать.

Основные задачи сводятся, во-первых, к изучению феномена чтения на родном и иностранном языках применительно к студенческой аудитории с учетом ее гетерогенности, во-вторых, к поиску и каталогизации художественных произведений, доступных обучающимся на разных этапах, в-третьих, к каталогизации упражнений разного типа, используемых при работе с литературным текстом.

Корышев Михаил Витальевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Немецкий язык как второй иностранный в университетском пространстве: к проблеме целеполагания

В настоящее время отмечается постоянный рост интереса к немецкому языку в Санкт-Петербургском университете в отличие от тенденции к спаду числа обучающихся, изучающих его в других высших учебных заведениях Российской Федерации.

Опыт общения с аудиторией, приступающей к изучению немецкого языка в стенах Университета, показывает, что немецкий язык рассматривается не как язык профессионального общения, но как язык, который служит своеобразным «фасилиатором» общения: профессиональные темы обсуждаются по-английски, однако общение вне ситуации конференции и т. п. предпочтительно вести на немецком языке. Тем не менее следует отметить, что число обучающихся, проявляющих интерес к изучению немецкого языка, намного превышает количество специалистов, которые в будущем могли бы принять участие в совместной научно-исследовательской деятельности и, как следствие, встает вопрос о целях и целесообразности обучения.

В современной коммуникативно-ориентированной лингводидактике цель обучения определяется как формирование у обучающихся черт вторичной языковой личности, что позволит им участвовать в межкультурном общении и постоянно повышать его уровень. Однако в ситуации, когда у значительной части обучающихся, скорее всего, не появится возможность пользоваться немецким языком как средством межкультурного общения, при высокой заинтересованности в его изучении, представляется необходимым взглянуть на проблему целеполагания по-новому.

Представляется, что в этом случае особое внимание должно уделяться осмыслению профиля тех общекультурных компетенций, формированию которых в стенах высшей школы способствует преимущественно иностранный язык. Опыт общения с аудиторией показывает, что иностранный язык во многом может рассматриваться как форум, где молодой человек может решать и решает такие важные для себя задачи, как осмысление открыва-

ющегося перед ним жизненного пути, познание окружающей его микро- и макросреды, самопознание и, следовательно, отыскание своего места в социуме. В этом случае обучение общению на иностранном языке опосредовано вышеупомянутыми образовательными задачами. Справедливость этой точки зрения подтверждается практикой: нередко в наших условиях приходится сталкиваться с раздражением обучающихся, когда учебный материал сориентирован исключительно на достижение практической цели обучения иностранному языку, тогда как материалы, направленные на формирование общекультурных компетенций социализационного кластера, воспринимаются положительно даже на начальном этапе обучения и позволяют поддержать уровень мотивации у аудитории.

Кучерова Татьяна Николаевна,
к. ф. н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Метод проектов как средство достижения современных образовательных целей

Современному обществу необходимы образованные, квалифицированные специалисты. Требования, предъявляемые к ним в плане межкультурной коммуникации в современном мире, очень велики. Специалисты должны быть мобильными, динамичными, знающими культуру своей страны, уважающими культуру и традиции других стран и народов. Современный специалист должен быть способным принимать полноценное участие в межкультурном общении, способным реализовать себя в рамках диалога культур. В этом плане особенно важным является развитие языковой личности в процессе обучения иностранному языку. Успешное формирование автономной языковой личности связано с развитием учебной компетенции обучаемого, т. е. способности управления своей учебной деятельностью.

Наиболее актуальным способом решения данной задачи является применение современных инновационных технологий обучения иностранным языкам. В настоящее время существует достаточно большое количество новых технологий, но нас, в первую очередь, интересует метод проектов, когда обучающийся самостоятельно планирует и защищает свой проект.

Для примера будут приведены несколько конкретных проектов разных уровней, над которыми работают студенты института химии, географического, философского и юридического факультетов СГУ.

Лебедева Наталья Александровна,
к. и. н., преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации

Трудности при обучении аудитивным навыкам специалистов технического обслуживания и ремонта воздушных судов

В парке преобладают самолеты зарубежного производства, соответственно технические руководства по обслуживанию эксплуатации воздушных судов написаны на английском языке. Наземному техническому составу

необходимо удовлетворительно знать английский язык, чтобы проводить правильное техническое наземное обслуживание воздушных судов.

Технический английский язык отличается от разговорного английского, как и язык, которым написаны руководства по эксплуатации, весьма отличается от обычного английского разговорного и технического. Чтобы избежать разночтений, которые могут возникнуть при переводе, из соображений безопасности полетов документацию запрещают переводить на любой язык. Это приводит к трудностям. Для решения этих задач при обучении используют интерактивные методы и организованную систему аудиотекстов. Учитывая коммуникативно-ориентированную методику, используемые тексты являются аналогами, которые типичны для профессиональной деятельности. Озвученные в докладе трудности позволят избежать некоторых отрицательных моментов и оптимизировать учебный процесс при подготовке специалистов авиационной отрасли наземных служб.

Мальцева Татьяна Викторовна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматическое структурирование немецкого предложения

На этапе ознакомления и первичного закрепления грамматического материала возникает необходимость создания ориентировочной основы грамматического действия для последующего его формирования и употребления в речевых ситуациях. Последовательность овладения учащимися грамматическими образцами обеспечивает структурный подход.

Структурное оформление грамматического построения предложения в моделях позволяет минимизировать затраты по его лексическому наполнению, сокращает время по изучению правил, т. к. их количество уменьшается за счет однотипности представляемых лингвистических образцов. Адекватное коммуникативное намерение высказывания достигается путем варьирования условий ситуации.

Мастыкина Людмила Юрьевна,
к. п. н., доцент, Смоленский государственный университет

Формирование социокультурной компетенции на занятиях по домашнему чтению на филологическом факультете

Тенденции современного мира к диалогу культур значительно влияют на цели и содержание обучения иностранному языку. Одним из результатов его изучения должна быть готовность и способность жить и осуществлять общение в поликультурном мире. Социокультурная компетенция является важной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции, т. к. для полноценного общения с носителями языка требуются знания социокультурного фона, в контексте которого функционирует изучаемый иностранный язык. Использование в процессе обучения художественных текстов зарубежных писателей дает возможность проследить основные черты менталитета представителей англоязычных стран. В этой связи с целью формирования социокультурной компетенции у студентов филологического

факультета представляется приоритетным изучение аутентичных художественных произведений. На 3 курсе филологического факультета Смоленского государственного университета изучается роман современного английского писателя Н. Хорнби «Всё о мальчике» (1998). В нем затрагивается тема современной популярной культуры Великобритании, отражаются проблемы взаимоотношения людей разного возраста.

Во время работы с произведением внимание студентов акцентируется на коммуникативном поведении героев, на особенностях их вербального и невербального общения. Предлагается ведение социокультурного дневника, в котором отмечаются повседневные действия героев, особенности их национальной культуры. Полученная информация сравнивается с ранее известной, проводятся параллели с родной культурой, американской культурой, а также культурой страны второго изучаемого языка. Во время выполнения данной работы и в процессе последующего обсуждения опровергаются или подтверждаются стереотипы, сложившиеся у студентов по отношению к английской культуре. На занятиях внимание уделяется пополнению словарного запаса студентов. Лексические единицы анализируются с позиции того, что лексический фон романа отражает английскую национальную культуру реалии. Каждый раздел заканчивается рубрикой «Cultural Note», содержащей дополнительные вопросы об английских реалиях и культурных особенностях, встречающихся на страницах романа. Таким образом, в процессе работы с художественным произведением овладение фоновыми знаниями и наблюдение за вербальным и невербальным поведением героев произведения будет способствовать формированию социокультурной компетенции.

Меркулова Эдита Николаевна,
к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал в Нижнем Новгороде)

Какой учебник для обучения академическому письму на английском языке нам нужен?

В настоящее время вопросы преподавания академического письма (Academic Writing) на иностранном языке являются одной из наиболее часто обсуждаемых тем в отечественной вузовской лингводидактике.

Актуальность этой темы обусловлена как ее новизной (предмет «академическое письмо» активно внедряется в учебные планы университетов на протяжении последнего десятилетия), так и количественным разнообразием и многоплановостью проблем, возникающих в процессе преподавания этого нового предмета. В докладе обобщаются сложности, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе обучения студентов академическому письму на английском языке, а также проблемы, на которые указывают сами студенты при прохождении курса. В сообщение по теме также включен критический анализ собственного учебно-методического пособия для обучения студентов-экономистов написанию проекта дипломной работы (Project Proposal) на английском языке.

Мясников Алексей Анатольевич,
к. п. н., доцент, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург)

Методика формирования грамматических навыков у учащихся средней общеобразовательной школы

Основная цель обучения грамматике в средней общеобразовательной школе заключается в формировании грамматических навыков.

Любой формат оценки уровня иноязычной коммуникативной компетенции предусматривает обязательную проверку степени сформированности грамматических навыков, которая определяется на основании результатов выполненных заданий. Например, при выполнении заданий в говорении необходимо заполнить пропуски в тексте подходящими словами и принять участие в ролевой игре; в аудировании — дать ответы на вопросы на основе сделанных записей; в чтении — осуществить поиск информации и ответить на предложенные вопросы; в письме — написать письмо и эссе.

Двумя структурно-операционными составляющими грамматического навыка являются: 1) выбор грамматической структуры, адекватной речевому замыслу говорящего в определенной ситуации и 2) речевое оформление выбранной грамматической структуры посредством выбора лексико-грамматических средств.

Грамматический навык — действие говорящего, направленное на мгновенный выбор адекватной речевой задаче грамматической модели и ее оформление в соответствии с нормами и правилами данного языка.

В составе грамматических навыков выделяют морфологические и синтаксические навыки. Морфологические навыки — действия, направленные на выбор и правильное употребление словоформ. Синтаксические навыки — действия, направленные на правильное употребление синтаксических моделей предложений.

Выделяют следующие этапы формирования грамматического навыка:

1. Ознакомление: демонстрация и объяснение грамматической модели; выполнение учащимися заданий на нахождение модели по аналогии (например: Найдите в тексте..., Выпишите предложения с ...); ее механическую подстановку и имитацию (например: Закончите предложения по образцу, Вставьте пропущенные слова).
2. Тренировка: выполнение языковых заданий на трансформацию модели (например: Составьте предложения из слов, данных вразбивку, Замените выделенные слова, Выберите необходимую форму глагола) и условно-речевых заданий на репродукцию и комбинирование модели (например: Закончите предложения, выбрав необходимые грамматические конструкции, Поставьте вопросы к тексту, Прослушайте текст и перескажите его, выбрав необходимые грамматические конструкции).
3. Речевая практика: выполнение речевых упражнений, направленных на реализацию грамматической модели в подготовленной и неподготовленной речи (например: Придумайте завершение истории..., Возьмите интервью..., Проведите экскурсию..., Дайте рекомендацию...).

На начальном этапе учащиеся концентрируют внимание на форме грамматической модели. На продвинутом этапе учащиеся распределяют внимание между формой и содержанием. Учебной работе на этом этапе придается особо важное значение.

Нейман Юлия Евгеньевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме использования слайд-фильмов в процессе преподавания английского языка будущим менеджерам

В настоящее время нет сомнений в том, что обучение иностранному языку должно рассматриваться с позиций компетентностного подхода и протекать в условиях, обеспечивающих эффективность реализации целей профессионально-ориентированного обучения в рамках информационно-обучающей среды. Создание этих условий подразумевает тщательный отбор содержания обучения с целью формирования профессионально-значимых компетенций и задействование в преподавании форм обучения, сочетающих в себе принципы визуализации и интерактивности.

Среди прочих к таковым формам относятся слайд-фильмы. Под термином «слайд-фильмы» подразумевается демонстрация на проекционном экране или электронном мониторе серии неподвижных изображений, заранее подобранных на определенную тему. В основном стремление использовать слайды в процессе обучения, в т. ч. в лингводидактике, связано с их применением в качестве сопроводительных материалов, направленных на структурирование и более тщательное запоминание большого объема информации. Но эффективность слайд-фильмов как методического средства не ограничивается набором демонстрационных характеристик; слайд-фильмы создают эффективную образовательную среду, насыщенную разнообразными приемами и методами работы.

Такие характеристики слайд-фильмов, как лаконичность (сжатый характер подачи информации) и тезисность (передача содержания высказывания ключевыми словами и выражениями) подходят для тренировки как продуктивных, так и рецептивных умений иноязычной речи. Их наглядный демонстрационный характер позволяет использовать слайд-фильмы в качестве одного из средств креативного оформления своих мыслей на иностранном языке.

К наиболее распространенным приемам работы со слайд-фильмами на уроках иностранного языка можно отнести следующие: 1) академическую презентацию, в рамках которой тренируется и проверяется сформированность умений использования английского языка в академической среде, что является критерием успешности обучения за границей (например, прохождения стажировок); 2) бизнес-презентацию, предусматривающую тренировку профессиональных умений, необходимых для взаимодействия в деловой сфере. В данном случае учитывается и многофакторность восприятия слайд-фильмов: от стилистической направленности и выразительно-

сти речи выступающего до выбора цвета и организации текста на слайде, что может быть использовано как выразительный прием.

Слайд-фильмы являются новейшим маркетинговым инструментом в работе менеджера, они используются тогда, когда нужна яркая, четкая подача материала. Информация, поданная в виде бизнес-презентации, легко усваивается ее получателями. Поэтому способность эффективно использовать слайд-фильмы в профессиональных целях нуждается в компетентностном выражении и формировании на занятиях по иностранному языку.

Никонова Нина Кирилловна,
к. п. н., доцент, Псковский государственный университет

Мотивационное обеспечение занятий по «Школьному практикуму к курсу „Методика обучения и воспитания“» (иностранные языки, бакалавриат)

1. Одной из форм организации обучения, дополняющей практическое занятие, является практикум. Практикумы представляют собой лабораторные занятия, в ходе которых выполняется определенная работа в соответствии с программой.
2. В основу построения лабораторных работ положены принципы: направленности лабораторных работ на формирование познавательной самостоятельности; взаимодействия и взаимодополнения лекционного курса, практических занятий и самостоятельной работы студентов по теории и методике обучения и воспитания; направленности лабораторных работ на формирование будущей профессиональной деятельности студента-бакалавра.
3. Обучение студентов-бакалавров методике обучения иностранному языку предполагает обязательное наличие у них мотивации смешанного типа, внутренней и внешней.
4. Роль преподавателя заключается в том, чтобы возбуждать и укреплять студенческие мотивы, т. к. среди факторов, влияющих на формирование мотивации, способы организации учебной деятельности, по мнению Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, играют наибольшую роль.

Пивоварова Марина Олеговна,
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Способы повышения эффективности обучения английскому произношению студентов из КНР

Процесс усвоения иностранного языка сопровождается постоянной концентрацией внимания, психологическими и умственными нагрузками. В случае работы с определенным национальным контингентом (в нашем случае это студенты из КНР) этот процесс осложняется особенностями проявления национальной психики студентов. Студенты из КНР относятся к некоммуникативному психологическому типу овладения иностранным языком. Для них характерны замкнутость и сдержанность в проявлении

чувств, трудность в преодолении психологического барьера при общении и медленный темп формирования речевых навыков, тщательное осмысление особенностей языкового материала, низкий уровень адаптивности в незнакомых ситуациях [Шевелева, 2010: 116]. Поэтому перед преподавателями, работающими с такими студентами, стоит важная задача создания благоприятного психологического климата на занятии, предупреждения преждевременного наступления утомления, повышения умственной работоспособности и устойчивости внимания учащихся. Одним из способов повысить потенциальные возможности самореализации студентов, оптимизировать деятельность головного мозга, получить доступ к скрытым ресурсам развития студентов и усилить их мотивацию к осмысленному, творческому изучению иностранного языка в целом и произношению в частности является использование приемов образовательной кинезиологии, или гимнастики мозга. Гимнастика мозга представляет собой комплекс упражнений, увеличивающих тонус коры головного мозга (дыхательные упражнения, массаж биологически активных точек), улучшающих возможности приема и переработки информации (движения конечностями перекрестно-латерального характера), развивающих межполушарные связи и снимающие эмоциональный стресс (упражнения на координацию пальцев, движения и позы перекрестного характера) [Гимнастика мозга].

Национально-культурная специфика вербального поведения студентов из КНР в совокупности со специфичностью фонетической системы китайского языка по отношению к английскому языку, безусловно, приводит к большому количеству нарушений фонетического оформления английской речи китайцев, что заставляет преподавателя искать новые источники для совершенствования методики работы над слухопроизносительными навыками, например, такие как использование логопедических методов коррекции наиболее трудных для артикуляции звуков английского языка, а также методов преподавания дикции и постановки дыхания и голоса, применяемые преподавателями сценической речи.

Литература:

1. Гимнастика мозга [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://kinesiologia.ru/articles/14-gimnastika-mozga.html — Загл. с экрана.
2. *Шевелёва С. И.* Учет национальных особенностей студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона при обучении русскому языку как иностранному / Вестник ТГПУ, 2010. Вып. 12 (102). С. 115–118.

Ребиков Валерий Борисович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Администратор и пользователь электронного учебного комплекса на базе Moodle

В последнее время получили широкое распространение в обучении компьютерные технологии и Интернет. Во многих вузах созданы электронные учебные комплексы на базе различных систем дистанционно-

го обучения (СДО). К самым популярным относятся Moodle и Blackboard. Электронная библиотека (e-library.ru) выдает почти по 21 млн публикаций на каждую из этих систем. Первая из них относится к числу бесплатных, а вторая — к коммерческим. Подобные курсы создаются не только на профильных или технических кафедрах, но и на других. В последнее время появилось довольно много подобных курсов по иностранным языкам. Это могут быть курсы кафедр иностранных языков со всеми преподаваемыми на кафедре языками, а могут быть и курсы по отдельным иностранным языкам. Сказать точнее затруднительно, т. к. нам не встретилось ни одного подобного курса, куда бы допускался незарегистрированный пользователь. Регистрироваться же на каждом подобном курсе просто не представляется возможным.

Во всех вузах имеется подразделение, занимающееся информационными технологиями, которые и осуществляют поддержку всей «компьютерной» инфраструктуры вуза — «железа», программного обеспечения, техническую поддержку и обслуживание всего парка компьютеров и т. п. Эти же структуры осуществляют и управление электронными учебными платформами.

Сами пользователи, в нашем случае преподаватели, создающие электронные курсы, могут управлять только своими курсами. В Moodle существует целая разветвленная иерархия ролей в пределах курса: Администратор — Создатель курса — Преподаватель — Ассистент (без права редактирования) — Студент — Гость. Гость может только смотреть, наименьшие права имеет Студент. Самыми большими правами обладает Администратор.

Так получилось, что управление электронным учебным комплексом кафедры немецкой филологии осуществляется на самой кафедре.

Данный доклад посвящен тому, что недоступно для пользователей курса, находящихся ниже Администратора.

Скребнева Тамара Григорьевна,
к. ф. н., доцент, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева

PowerPoint в преподавании иностранного языка: расширение диапазона возможностей

В преподавании иностранного языка компьютерное приложение в виде слайд-шоу всего лишь сопровождает обучение на практических занятиях, лекциях и семинарах, поэтому оно несколько ограничено в выборе инструментов визуализации мыслей, излагаемых аудитории. Определился некий традиционный набор форм и средств, обслуживающий эту сферу. При этом текст как основной источник языковой информации допускается на слайд преимущественно в виде заголовков, подписей и bullet points, отражающих ключевые идеи.

Представляется, что в преподавании языка текстовая форма в PowerPoint незаслуженно держится в узких рамках, поскольку она обладает большим пояснительным потенциалом. В учебных целях иногда важно более нагляд-

но продемонстрировать организацию языковой структуры *с выделением ее компонента*, будь то лексическая, грамматическая или синтаксическая единица, например, появление суффикса «-s» в третьем лице единственного числа глаголов настоящего времени в английском языке. Электронное предъявление текста в традиционной статичной форме мало чем отличается от демонстрации того же явления в бумажном варианте. Однако слайд-шоу позволяет использовать анимационные эффекты при работе с текстовым материалом на компонентном уровне, создавая, таким образом, мини-видео, обладающее бóльшей наглядностью, чем статичный объект.

Преподаватель иностранного языка, как и любой другой компьютерный пользователь, постигает компьютер в определенной последовательности, начиная обычно с текстового редактора. Таким образом, складывается некий стереотип работы с текстом. Операции с текстом в приложении Word позволяют вводить, перемещать и удалять компонент текста, включая отдельный печатный знак. В PowerPoint также заложена опция текстового редактирования, однако операции, которые осуществимы в Word, не всегда возможны в программе для подготовки презентаций. Так, в PowerPoint невозможно выделить букву в составе слова и наделить ее анимационным эффектом.

Следует также отметить, что сами макеты слайдов располагают своими собственными средствами оперирования текстом. Если, скажем, в формате «Заголовок и подзаголовок» слайда, где в наличии два поля действия, верхняя область дает возможность выводить на слайд текст как целое, не допуская, например, последовательного выведения отдельных его строк, то нижняя допускает такие операции. «Оживление» отдельных фрагментов текста в PowerPoint невозможно в пределах текстового редактора только данного приложения; чтобы добиться этого, необходимо привлечение других программ, что вполне возможно в рамках стандартного набора Microsoft Office.

Стрижак Ульяна Петровна,
к. п. н., доцент, Московский городской педагогический университет

Когнитивный подход к иноязычному обучению в современной лингводидактике: из опыта сопоставления русской и японской лингвокультур

В современной науке наблюдается рост исследовательского интереса к проблеме познания: непрерывно получаемые и накапливаемые представления о мире, имеющееся знание, механизмы его интерпретации — все эти когнитивные образования стали предметом многих исследований, в т. ч. междисциплинарных. Такой когнитивный поворот в гуманитарных науках обусловил интерес и к форме представления знания в языковом сознании человека. Особенно актуальна такая постановка проблемы для процесса изучения иностранных языков и культур — здесь мы сталкиваемся с иной структурой когнитивных представлений о мире и, следовательно, с отличающимися от привычных нам механизмами их репрезентации в языке.

В современной науке в рамках лингводидактики мы имеем возможность реализовать культурологический потенциал языка в сопоставительном изучении особенностей мировосприятия представителей различных (в нашем случае — русской и японской) лингвокультур. Реализуя когнитивный подход к обучению иностранным языкам, под которым мы понимаем изучение языковых явлений как средств материализации языкового сознания с точки зрения репрезентации ими особенностей национального мировосприятия, мы используем языковые единицы как инструмент анализа мировидения в рамках соответствующей лингвокультуры, проводя вектор исследования от языковых структур к особенностям менталитета и характера. Накопленный нами значительный языковой материал, а также наблюдения за поведением языковых единиц в разных культурообусловленных контекстах позволили выявить возможную связь между языковыми структурами и особенностями мировидения носителей данной лингвокультуры, в т. ч. обнаружить некоторую статистическую закономерность. В нашем исследовании мы рассматриваем языковые модели на материале разносистемных языков — русского, японского и английского. В качестве материала исследования используются художественные тексты разных эпох — от IX в. до современности; как поэтические (японские переводы произведений И. Бродского, В. Маяковского и др., а также японские малые поэтические формы — *хайку*, *танка* — в переводе на русский язык), так и прозаические, начиная от коротких рассказов (М. Зощенко, Х. Синъити) до больших повествовательных форм (М. Булгаков, А. Чехов, Х. Мураками и др.). В результате такого сопоставительного анализа можно сделать вывод, что понимание и изучение когнитивных структур иноязычного высказывания формирует умение анализировать передаваемые языком ценности, нормы, знания, образцы — вычленять их из текстового потока, интерпретировать и адекватно применять в коммуникации, повышая тем самым эффективность иноязычного образования и качество межчеловеческого общения.

Тимофеева Алена Борисовна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

«Академическое письмо на английском языке»: между спросом и предложением

Устойчивый навык письма является одним из самых важных для успешного обучения на английском языке студентов, участников программ обмена, и для тех, кто собирается продолжить свое образование на магистерских программах в университетах Европы и США.

В настоящем докладе предлагается сравнение требований к формированию навыков письма в процессе обучения студентов в вузах-партнерах СПбГУ и критериев оценивания письменных работ различных жанров, сформулированных в программах «Академическое письмо на английском языке» на неязыковых факультетах российских вузов. Обобщение результатов анкетирования студентов Факультета свободных искусств и наук, участвовавших в обменных программах, и отзывов коллег, проводивших

занятия с нашими студентами в вузах-партнерах, с одной стороны, а также сравнительный анализ требований и критериев, которые предъявляются для оценки письменных работ в различных университетах Европы и Северной Америки, с другой, позволяют сделать вывод о несоответствии навыков, необходимых нашим студентам для успешного обучения на английском языке, и навыков, которыми наши студенты владеют в действительности.

Для решения этой проблемы необходимо вносить серьезные содержательные и методические изменения в программы соответствующих курсов СПбГУ.

Тырхеева Надежда Сергеевна,
к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Лингводидактический потенциал классического детектива на занятиях по домашнему чтению

Анализ последних работ, посвященных методическим вопросам обучения иностранному языку на занятиях по домашнему чтению, позволил сделать следующие выводы: 1) практика преподавания основывается на использовании чтения как средства обучения в процессе формирования и развития лексико-грамматических навыков при отсутствии целевого ориентира на развитие умений чтения; 2) отмечаются тенденции к снижению доли крупноформатных художественных текстов; 3) методика работы с текстами отводит ученику пассивную роль. Таким образом, повышение эффективности работы с текстами требует пересмотра всего процесса построения курса «домашнее чтение»: от отбора материалов до разработки системы упражнений.

Выбор жанра классический детектив не случаен, по мнению автора, он отвечает основным дидактическим принципам отбора материала и имеет богатый лингводидактический потенциал, который получает свою реализацию в следующих методических категориях:

1) создание интереса, мотивации к чтению.

Студенты вуза — это взрослые, которые по своим социально-психологическим особенностям отличаются наличием индивидуального жизненного опыта (читательского в т. ч.), критическим и самостоятельным взглядом на явления, факты, обсуждаемые проблемы; есть основания полагать, что мотивация к прочтению детектива на иностранном языке будет подкрепляться наличием у студентов положительного опыта прочтения детективов на родном языке и их желанием разгадать загадку преступления;

2) формирование умений понимания текста.

Согласно теории Л. С. Выготского, умение понимания текста заключается в том, чтобы «ориентироваться в сложном внутреннем пространстве, которое можно было бы назвать системой отношений. В этом устанавливании отношений, выделении важного, в сведении и переходе заключается процесс, называемый обычно пониманием» [Выготский, 1996: 170]. Прочтение цельного детектива обеспечивает: 1) сохранение цельности текста, что очень важно для эффективного восприятия текста; 2) классический набор

персонажей и схема развития сюжета детектива, включающая две линии (расследования и преступления) выступают сигналами, позволяющими реципиенту, не дожидаясь полного восприятия текста, прогнозировать развитие событий, строить свои гипотезы и, в конечном итоге, использовать все эти данные для облегчения адекватного восприятия; 3) согласно психолингвистическим исследованиям, переход от одной последовательной ступени компрессии текста к другой, более глубокой, имеет результатом набор ключевых слов как опоры для его восстановления, например, линия расследования: *Les actions: enquête indices- soupçons — suspects — interrogat oires*.

Таким образом, можно заключить, что своеобразие композиционного построения классического детектива дает возможность оптимизации работы с текстом в рамках аспекта «домашнее чтение».

Литература:

Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры: избранные психологические труды. М.; Воронеж: Институт практической психологии НПО «МОДЭК», 1996. 510 с.

Успенская Анна Александровна,
к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Обучение нормам лексической сочетаемости на продвинутом этапе овладения английским языком

По мере приближения к продвинутому уровню владения иностранным языком у изучающих возникают новые задачи в области развития лексической компетенции. В связи с обогащением вокабуляра, растущими возможностями самовыражения на иностранном языке и готовностью затрагивать в устной и письменной коммуникации все более сложные темы, усложняется и работа с лексикой: появляется необходимость выбирать нужное слово из широкого синонимического ряда в соответствии с контекстом, спонтанно строить наиболее точные и выразительные сочетания слов, соблюдать языковую норму, узус и грамматические особенности словоупотребления. Овладению соответствующими умениями и навыками препятствует интерференция родного языка, которая остается достаточно сильной даже на продвинутом уровне и особенно часто проявляется в попытках компенсировать недостаток знаний о сочетаемости слов иностранного языка дословным переводом с родного. Соответственно, изучающий иностранный язык в удалении от языковой среды сталкивается с необходимостью постоянного пополнения знаний, развития умений и навыков в области лексической сочетаемости, а также стратегий самостоятельного овладения такими ЗУН. Необходимо определить, какие именно знания о слове лягут в основу умений и навыков работы с ним. На наш взгляд, это знание полного спектра значений слова, коннотаций, стилевой принадлежности, сходств и различий с синонимами, устойчивых сочетаний со словом, особенностей употребления с предлогами. Навыки, обеспечивающие

правильное употребление слова в сочетании с другими словами, включают навык припоминания разных единиц лексико-семантического поля и выбор единицы, наиболее адекватной контексту, навык правильного произнесения/написания, навык выбора необходимого предлога. Среди лексических умений, необходимых для правильной лексической сочетаемости, отметим умение использовать слово во всей полноте его значений и функций, спонтанно строить соответствующие языковой норме и внутреннему намерению говорящего сочетания, выбирать лексику в соответствии со стилем речи и узусом употребления. Стратегии овладения ЗУН лексической сочетаемости подразумевают, что учащийся может самостоятельно пополнять свой словарный запас новыми сочетаниями, встреченными в устных и письменных текстах, запоминать и использовать данные сочетания, достигать правильного словоупотребления в устной и письменной речи с помощью словарей, аутентичных текстов, поисковых систем. Обучение нормам лексической сочетаемости нацелено на формирование указанных выше ЗУН независимо от того, является ли курс английского языка общеразговорным или профессионально-ориентированным. Тем не менее методическая реализация обучения в рамках данных курсов будет иметь свою специфику.

Филиппова Ирина Олеговна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Ротационная модель как наиболее эффективная форма очно-дистанционного обучения говорению и общению на иностранном языке

С развитием информационно коммуникационных технологий (ИКТ) в методике преподавания иностранных языков стали говорить о различных моделях смешанной формы обучения (СФО).

Так, например, американские исследователи рассматривают следующие модели: 1) Face-to-Face Driver, 2) Rotation, 3) Flex, 4) Online Lab, 5) Self-Blend, 6) Online Driver, 7) Enriched-Virtual model.

Британские специалисты по смешанному обучению предлагают свои модели, основные из которых: 1) «Supplementary model»; 2) «Rotational model»; 3) «Flexible model»; 4) «Computer lab model»; 5) «Face to face tests model»; 6) «3D model» и т. д.

Отечественные исследователи рассматривают «смешанное обучение», в основном, в рамках трех комбинаций: 1) встраивание элементов очного активного обучения в дистанционный учебный курс; 2) встраивание элементов дистанционного обучения в очный курс; 3) комбинация равноценного и взаимодополняющего сочетания двух равноправных и независимых друг от друга форм обучения (очного и дистанционного). Причем процентное соотношение использования в смешанной модели очной и дистанционной компонент может быть различным и варьироваться в диапазоне от 30 до 70 %. По мнению специалистов, соотношение использования традиционной очной формы обучения и дистанционного обучения зависит от: а) предметной области, по которой планируется проведение обучения;

б) предполагаемого возраста слушателей; в) уровня подготовки слушателей; г) инфраструктуры, которая может быть использована для проведения обучения (в т. ч. техническая инфраструктура) и т. п. По нашему мнению, для обучения говорению и общению в устной форме на иностранном языке студентов вуза самой эффективной моделью является ротационная модель — модель, при которой равноценные по значимости занятия «в аудитории» и «дистанционно» чередуются последовательно. Главная особенность данной модели заключается в чередовании аудиторных и дистанционных занятий в рамках их определенного последовательно-временного соотношения. Каждое следующее аудиторное занятие строится на материале, освоенном дистанционно, и наоборот. Дистанционная компонента обучения может быть синхронной или асинхронной.

Халитова Лилия Камилевна,
к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Шарифуллина Айсылу Фаритовна,
магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Мобильные технологии в обучении английскому языку: на материале мобильного приложения Instagram

В последние годы, когда жизнь современного человека становится практически немыслимой без достижений науки в области мобильных технологий, в результате чего появились различные мобильные устройства: телефоны, смартфоны, коммуникаторы, планшетные компьютеры и др., — как никогда актуальной становится проблема использования мобильных программ и приложений в образовательных целях.

На сегодняшний день ни для кого не секрет, что приложения на мобильных устройствах используются в основном для развлечения: с их помощью молодые люди играют в игры, рассказывают о себе, делятся информацией, находят знакомых по интересам и общаются со своими друзьями, несмотря на то, что разработаны различные образовательные мобильные приложения, в т. ч. ориентированные на изучение английского языка, в частности, такие как LinguaLeo, Easy ten, Busuu, Duolingo и др. Однако использование образовательных мобильных приложений не столь популярно.

Данная работа посвящена проблеме использования мобильного приложения Instagram при обучении молодых людей (18–25 лет) английскому языку. Instagram — это бесплатное приложение для обмена сообщениями, фотографиями и короткими видеозаписями.

Данное приложение ежедневно посещают более 150 млн человек (для сравнения, российскую социальную сеть «Вконтакте», по словам ее создателя Павла Дурова, посещают 50 млн человек). Таким образом, Instagram был выбран не случайно: именно популярность этого приложения среди молодежи, по нашему мнению, может способствовать привлекательности и эффективности обучения. Нами были разработаны лексико-грамматические упражнения, которые размещались в Instagram.

Для мониторинга качества и степени заинтересованности процессом обучения проводился ежедневный опрос респондентов.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы: во-первых, интерес молодых людей к использованию Instagram повышает интерес к изучению английского языка, и, во-вторых, эффективность овладения иностранным языком непосредственно зависит от того, насколько комфортна образовательная среда. Респонденты отметили, что изучение языка «комфортнее и интереснее», т. к. его изучение проходит в привычной для них среде.

Цай Линьянь,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема путаницы понятий «этния», «этническая идентичность» с понятиями «нация», «национальная идентичность» и ее влияние на обучение иностранным языкам китайских студентов. Поиски причины возникновения и решения проблемы

Идентичность (*лат*. identicus — тождественный, одинаковый) — осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго-состояний. Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности, она устанавливается для большинства членов группы с рождения и основана на предположении о разделяемом ими социокультурном опыте. Национальная идентичность — это особая форма групповой идентичности, по ней объединяют множество традиций, историческая память о прошлом, которое постоянно переживается в настоящем как гордость успехами и достижениями нации или наоборот — как стыд за поражения, неудачи. Путаница вышесказанных понятий в Китае заключается в том, что совершенно разные понятия «этния» и «нация» были переведены на китайский язык одним словом и введены в употребление после образования Китайской народной республики, а также понятие «этническая идентичность» вместе с понятием «национальная идентичность». В современном китайском языке, хотя у понятий «этнос (этния)» и «нация» есть отдельные способы выражения (т. е. разными словами), все-таки принято выражать эти разные понятия одним словом, обозначающим «нацию». С точки зрения автора, это является непосредственной причиной путаницы. Вплоть до начала XX в. у китайцев (слово «китаец» в данной работе употребляется именно в значении «гражданин Китая», а не в смысле члена этнической общности) с древних времен различаются понятия «этнос» и «народ» (политическая нация), но они не были четко определены. Так что у населения низкого сословия не было представления о государстве и нации. Только на волне обращений к отраслям науки европейской (западной) школы в Китае в начале XX в. понятие «нация» было широко распространено и стало массово употребляться в Ки-

тае. На наш взгляд, правильное различение понятий «этния», «этническая идентичность» от понятий «нация», «национальная идентичность» приведет к положительным результатам. Во-первых, это понятия абстрактные, и в правильном их различении проявляется высокий уровень мышления, развивается интеллект учащихся. Во-вторых, основные понятия формируются на родном языке, и если у учащихся неправильно сформированы понятия, то у них и появляются соответственные трудности в дальнейшем изучении иностранных языков, снижается успешность освоения средств выражений соответственных и связанных понятий на изучаемом языке. В-третьих, правильное различение данных понятий формирует у учащихся правильное отношение к своей стране и культурным традициям.

Чаленко Елена Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Воронежский государственный университет

К вопросу о цели изучения иностранного языка

В безграничных возможностях, открывшихся за последнее время перед изучающими иностранные языки людьми, на второй план отошло понятие цели такого обучения и, как следствие, возникла проблема мотивации. Тот факт, что у современного человека, подверженного гигантскому влиянию средств массовой коммуникации, не возникает сомнений в необходимости знания одного или даже двух иностранных языков для его профессиональной деятельности и частной жизни, прочным мотивом, на наш взгляд, назвать нельзя. Изучают иностранный язык в той или иной степени все, но используют активно профессионально или в быту немногие, а остальные после длительного периода осваивания непривычных правил чтения и чужеродной грамматики, кажется, почти все забывают. Так что же дает иностранный язык для *всех*? На начальном этапе то, для чего любой язык и служит, а именно — общение. Живое общение с преподавателем и с сокурсниками. То, чего молодым людям всегда остро не хватает. Далее вместе с процессом развития личности происходит смена целей. Содержание базового раздела рабочих программ по иностранному языку для вузов включает в себя обсуждение важных сфер человеческой деятельности и предполагает развитие общекультурных компетенций, которые необходимы любому образованному человеку и в любой профессии.

Иностранный язык, на наш взгляд, занимает особое место среди прочих дисциплин, т. к. в форсированном виде повторяет процесс познания и освоения родного языка, а следовательно, и развитие самого человека. Кроме того, язык располагается в фокусе духовной культуры народа, а это большой информационный пласт. По словам гуманиста Гёте, сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Если понимать *образование* как постижение учащимися *образа* мира, то иностранный язык вносит в этот процесс уникальный вклад, значительно расширяя зону нашего восприятия окружающего мира.

Иностранный язык в вузе мы рассматриваем не как самоцель, а как дополнительный совершенный инструмент получения знаний по специаль-

ности и приобретения профессиональных компетенций, что вполне соответствует содержанию университетского образования. При подобном подходе ценность каждого из иностранных языков становится равнозначной, хотя в коммуникативном отношении выбор может принадлежать наиболее популярному языку (английскому, например).

Сознательно отказываясь от иллюзорно-конъюнктурной мотивации (возможность работы или учебы за границей, получение т. н. «двойного диплома» и подобного), мы предлагаем учащимся сосредоточиться на содержательной стороне и войти в очередной реальный этап развития личности, на котором изучение иностранного языка является логичным и необходимым для современного общества.

Чернова Любовь Георгиевна,
старший преподаватель,
Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского (Владивосток)

Проектный метод как современный метод обучения иностранному языку

Традиционный подход к обучению иностранного языка не в полной мере отвечает современным требованиям, поэтому существует необходимость применять новые методы обучения. Применение проектной методики в учебной деятельности повышает интерес учащихся к изучению иностранного языка посредством развития внутренней мотивации. А позитивная мотивация — это ключ к успешному изучению иностранных языков. В наши дни преподавательское искусство четко диктует необходимость новых подходов к обучению иностранному языку. Старые методики уходят в прошлое, а их место занимают инновационные методы и приемы преподавания. Традиционный подход к обучению иностранному языку не в полной мере отвечает современным требованиям, поэтому существует необходимость применять новые методы обучения, что позволит формировать у обучающихся способность самостоятельно получать знания и решать коммуникативные задачи. Суть метода проекта — стимулировать интерес обучающихся к определенным проблемам. Следовательно, проектная работа направлена на решение конкретной проблемы, на достижение наилучшим способом заранее запланированного результата. **Проект с точки зрения обучающегося** — это возможность делать что-то интересное самостоятельно, в группе или самому, максимально используя свои возможности. **Проект с точки зрения преподавателя** — это дидактическое средство, позволяющее обучать проектированию, т. е. целенаправленной деятельности по нахождению способа решения проблемы путем решения задач, вытекающих из этой проблемы при рассмотрении ее в определенной ситуации. Выделяют разнообразные классификации проектов на базе шести основных характеристик: 1) по виду деятельности (исследовательские, ролево-игровые, информационные, и т. д.); 2) по предмету и содержанию (монопроекты, межпредметные проекты); 3) по характеру координации проекта (проекты с открытой, явной координацией и проекты со скрытой координацией);

4) по характеру контактов (внутренние, региональные, международные); 5) по количеству участников проекта (личностные, парные, групповые); 6) по продолжительности проекта (краткосрочные, средней продолжительности и долгосрочные). Методика работы над проектом предусматривает четыре этапа: 1) этап планирования; 2) подготовка и исполнение проекта (carrying out the project); 3) презентация (presentation) проекта; 4) обсуждение и оценка проекта (reviewing).

В ходе работы над проектами у обучающихся вырабатываются разнообразные умения и навыки, в т. ч. умение извлекать информацию из большого числа альтернативных источников; навык самостоятельного поиска и обработки информации и т. д.

Метод проектов является одной из технологий, обеспечивающих личностно-ориентированное воспитание и обучение. Метод проектов также практически вбирает в себя и другие современные технологии, такие как обучение в сотрудничестве.

Шаврова Анна Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативные стратегии англоязычного политического дискурса (лингводидактический аспект проблемы)

1. Известно, что речь является мощнейшим средством воздействия на сознание, эмоции и волю как отдельной личности, так и целой аудитории. Это ее свойство ярко выражено и в политическом дискурсе. Политик благодаря своей речи способен оказать глубокое воздействие на общественное мнение, убедить своих слушателей в правильности своей точки зрения.
2. Речевое воздействие осуществляется посредством использования политиками определенных коммуникативных стратегий, под которыми понимается совокупность способов реализации коммуникативных интенций адресанта с целью вызвать определенную реакцию у адресата. Коммуникативные стратегии политического дискурса, в свою очередь, реализуются за счет набора определенных приемов речевого воздействия, коммуникативных тактик, среди которых наиболее часто используются тактика обвинения, тактика оскорбления, тактика критики, тактика обоснованных оценок, тактика контрастивного анализа, тактика указания на перспективу, тактика обещания, тактика призыва. Минимальной единицей коммуникативной стратегии выступает речевой акт, представляющий собой целенаправленное речевое действие, которое совершается в конкретной ситуации в соответствии с правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе и представленными на фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. В англоязычном политическом дискурсе активно используются разнообразные типы речевых актов, среди них доминирующими выступают речевые акты обещания, требования, призыва, возмущения, оскорбления, угрозы.

3. Изучение коммуникативных стратегий англоязычного политического дискурса играет важную роль в методике преподавания английского языка бакалаврам-политологам. Будущие специалисты в сфере политики должны уметь корректно составлять свою речь на данном языке для выступления на различных мероприятиях, связанных с вопросами их будущей профессиональной деятельности (дискуссии, международные конференции и форумы, презентации и т. д.). На наш взгляд, изучение данной проблемы имеет большое значение, в частности, для отбора учебно-речевого материала. Речевой акт, будучи единицей коммуникативной стратегии, может выступать и единицей отбора учебно-речевого материала. Соответственно, при обучении студентов-политологов политическому дискурсу в качестве единицы отбора лингвистического материала должны выступать речевые акты, реализующие коммуникативные стратегии англоязычного политического дискурса. Таким образом, одним из важнейших критериев отбора лингвистического материала при обучении бакалавров-политологов англоязычному политическому дискурсу должен стать критерий ориентации на коммуникативные стратегии, доминирующие в англоязычном политическом дискурсе.

Швец Татьяна Петровна,
к. иск., доцент, Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург)

Использование мультимедийного учебного пособия по иностранному языку для интенсификации обучения военно-техническому переводу

Активное развитие информационных технологий и образовательных ресурсов влияет на принципы содержания образовательного процесса и создает необходимость адаптации учебного процесса к новой образовательной ситуации с учетом новых информационных ресурсов. В условиях подготовки военных специалистов технического профиля интенсификация внедрения информационных технологий позволяет использовать самые современные данные в процессе обучения иностранному языку, своевременно обновлять информацию учебных пособий с целью поддержания их актуальности в свете быстрого развития технологий и образцов вооружения.

Специфика обучения в военном вузе состоит в том, что нередко доступ ко всемирной сети Интернет весьма ограничен, в связи с чем представляется актуальной разработка мультимедийного пособия на платформе, которая позволяет работать с ним как при наличии Интернета, так и в локальном режиме. Учебное пособие содержит разделы, посвященные основным видам вооружения: тактическим и баллистическим ракетам, военным кораблям, различным видам самолетов и вертолетов, бронетанковым и беспилотным системам, подводным лодкам. Каждый раздел содержит аутентичный видеофайл на английском языке, инфографику с основными тактико-техническими характеристиками, текстовый раздел по данной тематике и систему проверочных упражнений.

Несомненным плюсом данного вида пособия является возможность самостоятельной работы обучающихся. Каждый из разделов содержит ссылку на систему тестов по рассматриваемой теме, а также индивидуальные задания и другие учебные элементы с возможностью выбора наиболее подходящей формы усвоения лексики: задания на подбор эквивалентов, лексические «карточки» с возможностью аудиального воспроизведения английских терминов, задания на проверку правописания новых лексических единиц.

Данное учебное пособие можно отнести к учебникам «открытого» типа, что позволяет корректировать и обновлять его содержание, это дает преподавателю возможность работать с «обновленной» версией, актуальной для обучающихся в плане содержания.

В настоящий момент рассматриваемое мультимедийное учебное пособие находится в стадии апробации в группе обучающихся, проходящих подготовку к Международной олимпиаде по иностранному языку среди вузов системы МО РФ. Опыт показывает, что использование подобных современных мультимедийных образовательных компонентов в процессе обучения обеспечивает более эффективное формирование языковых и военно-профессиональных компетенций обучающихся и повышает мотивацию к изучению разделов и самостоятельной подготовке.

Шрамко Людмила Игоревна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности применения методов коучинга при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в магистратуре

Владение иностранным языком в степени, достаточной и необходимой для ведения научно-познавательной деятельности в профессиональной сфере, является одной из важнейших компетенций, которой должен обладать выпускник магистратуры. Вследствие этого одним из ключевых элементов организации обучения в магистратуре в современном ВУЗе является организация обучения иностранному языку. В рамках ограниченного количества аудиторных часов, отводимых на программу по иностранному языку в магистратуре, на первый план выходит задача интенсификации процесса обучения и максимально эффективной организации самостоятельной работы магистрантов.

Коучинг-технологии (методы GROW и SMART, формула мотивации Аткинсона и др.) способны интенсифицировать процесс обучения, позволяя эффективно решать поставленные задачи в рамках ограниченной временным лимитом образовательной программы, способствуют повышению мотивации обучающихся и их максимальной включенности в образовательный процесс.

Применение формулы мотивации Д. Аткинсона: М (мотивация) = В (вероятность успеха) × З (заинтересованность) позволяет преподавателю создать такую ситуацию обучения, в которой обучающийся может само-

стоятельно осознать свою потребность к овладению предметом, а также увидит возможность успешного овладения языком, что ведет к активизации учебной деятельности (как аудиторной, так и самостоятельной работы) магистранта по развитию и формированию языковых знаний и умений.

Методы GROW и SMART могут использоваться преподавателем при составлении программы курса по иностранному языку. Они же могут применяться в совместной работе преподавателя с магистрантом или группой магистрантов для постановки персональных образовательных целей и создания индивидуальной программы их реализации. Данные методы позволяют мотивировать магистранта соотносить цели и задачи обучения языку с собственным ви́дением тех навыков и умений, которые наиболее актуальны для реализации профессиональной и научной деятельности по своей специальности, а также вести активную деятельность по реализации собственной стратегии обучения иностранному языку.

ТЕСТОЛОГИЯ

Батиг Вера Алексеевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Тестирование как вид контроля навыков перевода

В докладе рассматриваются навыки перевода с одного языка на другой и анализируются методы их тестирования.

Одна из самых важных проблем теории перевода — проблема эквивалентности или адекватности. А. О. Иванов считает, что целесообразней употреблять термин А. В. Федорова «адекватность». Перевод текста или высказывания должен быть осуществлен с наименьшими потерями содержания.

Речевая деятельность обязательно включает в себя автоматизированные компоненты, т. е. навыки. Тестирование считается одним из наиболее эффективных средств контроля полученных навыков. В качестве объекта контроля при тестировании навыков перевода выделяют максимально полную и точную передачу смысла исходного текста, нахождение межъязыковых эквивалентов и устойчивых переводческих соответствий, успешное применение переводческих трансформаций, правильное оформление речи на языке перевода (орфография, грамматика, синтаксис, стиль). Следовательно, при составлении тестов, целью которых является проверить переводческие навыки, необходимо учитывать грамматические аспекты перевода (строй языка, безэквивалентные конструкции, актуальное членение предложения и т. д.) и лексические (перевод многозначных слов и терминов, лакун, реалий).

Еще одной целью таких тестов является выявление основных ошибок, которые может совершить переводчик, например таких, как нарушения семантической нормы в переводе.

Беликова Любовь Григорьевна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ерофеева Инна Николаевна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Уровнеобразующие характеристики коммуникативной компетенции

Вертикаль восхождения учащегося к совершенному владению русским языком должна быть системной. В качестве системных **уровнеобразующих характеристик** коммуникативной компетенции мы выбрали:

1. **Тематическое содержание.**
   Уровнь 1 (B1): Человек и его «близкий» мир. Большинство тем могут иметь в своём названии местоимение «мой»: Моя семья, Мои друзья и т. п.
   Уровень 2 (B2): Человек и окружающий мир. Большинство теммогут начинаться со слова «проблема»: Проблемы семьи, Проблемы молодежи и т. п.
   Уровень 3 (C1): Человек и его отношения с окружающим миром. Большинство тем могут начинаться словами «конфликт, его оценка и пути его решения»: Межличностные конфликты, Служебные конфликты и т. п.
   Уровень 4 (C2): Человек и его профессиональная деятельность на русском языке, рефлексия этой деятельности.
2. **Сферы общения. Ситуации общения.**
   Уровень 1 (B1): Преимущественно бытовая и учебная сферы общения. Круг ситуаций составляют ситуации повседневной жизни.
   Уровень 2 (B2): В социально-бытовой сфере человек может адекватно участвовать практически во всех ситуациях.
   Уровень 3 (C1): Участие во всех сферах общения, включая официально-деловую.
   Уровень 4 (C2): Адекватное общение во всех сферах. Уровнеобразующими являются профессиональная и научные сферы.
3. **Интенционал.** Интенционал как совокупность намерений, которые может осуществить говорящий, может расширяться от намерения сообщить нечто или совершить иное речевое действие до намерения выразить сложнейший комплекс эмоций.
4. **Стратегии и тактики речевого поведения.** Они развиваются по траектории увеличения разнообразия, усложнения тактик и средств их реализации: от умения инициировать и поддержать диалог (B1) до тактики руководящего работника, организатора учебной и трудовой деятельности коллектива (C2).
5. **Текстовые характеристики.** Основное внимание уделено функционально-смысловым типам текстов, характеристикам тестов с точки зрения цельности, связности текста: от описания конкретных объектов, повествования о событиях повседневной жизни, элементов рассуждения (B1) до научного выступления, лекции, рецензии (C2).

6. **Культурологическая составляющая** — умение использовать знания культурологического характера в речи при реализации определенного коммуникативного намерения: от знаний основных фактов истории и прецедентных имен, названий до знаний на уровне носителя языка.
7. **Этикетные нормы** — умение пользоваться правилами этикета в соответствии с особенностями ситуации общения: от учета личности собеседника и других параметров ситуации до правил этикета, характерных для научного сообщества.

Васильева Анна Сергеевна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Международные экзамены по итальянскому языку CELI и PLIDA: какому сертификату отдать предпочтение?

Для поступления в итальянские вузы или для работы в итальянских компаниях кандидатам нередко приходится принимать решение, к какому тесту по итальянскому языку готовиться. Сертификационные экзамены на знание итальянского языка вызывают многочисленные дискуссии. Какой экзамен легче? Какой сертификат популярнее? Объективно ответить на эти вопросы не могут ни кандидаты, сдающие тот или иной экзамен, ни работники самих сертификационных центров, поскольку и те и другие являются экспертами только в одном виде экзамена.

Среди трех существующих итальянских систем тестирования сертификат CILS является наиболее признанным и востребованным. Причина тому — психологические факторы: он создан в стенах одного из старейших университетов Италии — Universita' di Siena, а также имеет большое количество премий и более 600 филиалов в Италии и во всем мире.

При этом экзамены CELI (разработан Универсиететом для иностранцев г. Перуджа) и PLIDA (создан Ассоциацией «Данте Алигьери) не уступают CILS по степени разработанности заданий, однако по своей популярности незаслуженно стоят на втором месте. В этой связи в докладе предпринимается попытка проанализировать эти два сертификата не только для выявления плюсов и минусов каждого из них, но и для получения более объективной картины итальянского тестирования.

В структурном отношении экзамен CELI 4 состоит из пяти частей: чтение, письмо, грамматическая часть, аудирование, разговорная часть. PLIDA состоит из четырех частей: аудирование, чтение, письмо и разговорная часть.

Однако внешние факторы не могут служить критерием оценки качества того или иного сертификата. Для выявления характеристик эффективности теста необходимо проанализировать и сопоставить оба сертификата не только по их структуре, но и по содержанию. Для анализа был выбран уровень C1 (CELI 4 и PLIDA C1), поскольку этот уровень необходим для поступления в итальянские университеты, а также дает возможность работать в итальянских фирмах.

В результате проведенной работы можно сделать вывод о том, что между рассмотренными системами тестирования наблюдается высокая степень

соответствия, поскольку они отвечают требованиям единого документа Совета Европы («Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка», 2001). Однако по своему содержанию, длине текстов, скорости речи в субтесте по аудированию, а также логическому построению материала они значительно отличаются друг от друга, что дает основание говорить о степени их сложности для того или иного кандидата.

Литература:

1. *Alessandroni D.* Come prepararsi all'esame del CELI 4. Livello avanzato C1, Guerra Edizioni, Perugia, ottobre 2012.
2. Quaderni del Plida C1. L'italiano scritto, parlato, certificato. Alma Edizioni, Firenze, 2010.

Васильева Надежда Петровна,

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Как быть? Экзамен на B2

В этом году пять лет как студенты всех факультетов университета обучаются английскому языку по новой программе. На выходе студенты должны овладеть английским языком на уровень B2, что позволит им в дальнейшем обучаться и работать за границей. К сожалению, на практике преподаватели столкнулись с рядом проблем, которые я предлагаю обсудить.

Речь пойдет, прежде всего, о естественных факультетах, на которых работают мои коллеги и я. Не буду касаться процедуры входного тестирования и выпускного экзамена. И речь пойдет не о расписании, хотя это немаловажно. Прежде всего, это отмена зачетов. Дело в том, что форма текущего контроля не влияет на результаты сессии и даже на допуск к самому экзамену. Это отражается на успеваемости, отношении к предмету и мотивации. В свою очередь, преподаватель чувствует себя беспомощным, какие бы усилия он ни прилагал, чтобы заинтересовать студентов.

Предметы по специальности на естественных факультетах требуют немало времени для подготовки, плюс регулярные контрольные и коллоквиумы, поэтому иностранный язык, естественно, занимает не первое место по значимости. А программа по языку — насыщенная и тоже требует регулярной работы, но в условиях отсутствия зачета интерес к языку падает, особенно у слабых студентов. Кроме того, для последних время сдачи экзамена по языку отодвигается до середины 4 курса, и они откладывают подготовку, чтобы успешно сдать экзамены по основным предметам. Разумеется, дело не только в этом. Такие моменты, как Интернет, мобильность студентов во время учебы, путешествия по миру еще до вуза тоже играют роль, и влияние этих факторов будет рассмотрено.

Следует подчеркнуть, что это взгляд со стороны преподавателя-практика изнутри. Но будет представлено и мнение студентов. В прошлом году

состоялся первый выпуск студентов, которые прошли обучение по новой программе. Они и дальнейшие выпускники — это наша визитная карточка, имидж университета, пора подумать над тем, что мы учли, и что еще не поздно изменить.

Гребенников Александр Олегович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сеничкина Ольга Авенировна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Сопоставительный анализ методов статистической обработки тестовых данных

На современном этапе обучения иностранным языкам контроль сформированности навыков и умений различных видов речевой деятельности осуществляется посредством лингводидактического тестирования. Необходимо отдельно выделить объективные (чтение, аудирование и использование языкового материала) и субъективные (письмо и говорение) категории теста. В этой связи целесообразно рассматривать и осуществлять выбор из целого ряда методов статистической обработки тестовых данных, таких как классическая теория статистического анализа, метод Ангоффа, метод Эбеля, параметрические модели Раша и Бирнбаума, метод закладок, т. е. таких методов, которые были бы адекватны для определения валидности и надежности теста в целом; параметров отдельных тестовых вопросов и заданий (коэффициента дискриминации, уровня сложности задания и т. п.); порогового значения прохождения теста; уровня подготовленности тестируемого. В докладе рассматриваются преимущества и недостатки рассматриваемых методов для применения в конкретных ситуациях тестирования.

Есина Екатерина Викторовна,
преподаватель, Сообщество франкофонов Санкт-Петербурга

Особенности подготовки к экзамену на знание французского языка TCF

TCF (Test de connaissance du français) — это экзамен, который оценивает уровень владения общим французским языком, предназначен для иностранцев, изучающих французский язык.

Структура экзамена включает в себя 80 вопросов, оценивающих знание языка кандидатов. Экзаменационные задания включают аудирование, устное высказывание, понимание письменного текста.

Экзамен состоит из трех обязательных модулей и двух дополнительных.

Три обязательных модуля — 80 вопросов за 1час 30 минут:

- Аудирование (30 вопросов, 25 минут)
- Структура языка (20 вопросов, 20 минут)
- Понимание письменной речи (30 вопросов, 45 минут)

Два дополнительных модуля — 2 часа:

- Устная речь (15 минут)
- Письменное задание (1 час 45 минут)

Не сдать экзамен невозможно: все кандидаты получают сертификат, выдаваемый правительством Франции (Министерством образования), присваивающий им один из шести уровней знания языка (от A1 до C2 — по международной системе уровней). Экзамен также позволяет узнать свой уровень и получить возможность записаться на экзамены DELF-DALF.

Существует несколько вариантов экзамена: общий TCF, TCF для студентов (нужен для получения образования в вузах Франции), и TCF для тех, кто обращается за видом на жительства в Квебеке (с 2006 г. этот сертификат обязателен для иммигрирующих в Квебек). Результаты экзамена действительны в течение двух лет. В связи с особенностью экзамена подготовка к нему имеет свою специфику. Она основывается на актуальных аутентичных материалах, позволяющих ознакомиться с нюансами экзаменационных процедур, в зависимости от выбранных модулей. Тем, кто предпочел сдавать только обязательную часть, необходимо обратить внимание на понимание устной речи, лексико-грамматический материал, чтение текстов. Тем, кто выбрал дополнительные модули, следует тренировать навыки монологического и диалогического высказывания, а также выполнять письменные задания различного характера.

Зенкевич Светлана Михайловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Разработка фонологических дескрипторов в рамках проекта Совета Европы

Филологические науки, в частности фонетика и фонология, издавна стремились уйти от чисто эмпирических методов исследования звучащей речи и вооружиться точными методами познания. Так, артикуляторная и перцептивная фонетика успешно используют осциллографический и спектральный методы анализа речи.

В процессе оценивания устной речи преподаватели всегда испытывали трудности с обоснованием критериев оценивания. В попытках избавиться от эмпиричности и неоднозначности в оценивании уровня владения языком, Совет Европы ведет работу по разработке и уточнению фонологических дескрипторов, использование которых позволит адекватно и непредвзято оценивать речь говорящего. Руководитель проекта, Брайен Норт, отмечает, что разработка фонологических дескрипторов всегда была слабым звеном, поскольку зачастую нельзя установить однозначное соответствие между уровнем владения языком в целом и качеством произношения.

С 2013 по 2015 г. в СПбГУ проходила международная экспертиза теста второго сертификационного уровня по английскому языку. Анализ результатов экспертизы и качества работы российских экспертов были высоко оценены специалистами, определяющими языковую политику в Совете

Европы. Руководитель Отдела языковой политики Совета Европы, Джоанна Пантиер, предложила специалистам ЦЛТ принять участие в проекте Совета Европы по разработке дескрипторов CEFR.

Цель очередного проекта Совета Европы (2015–2016) — создать три шкалы для оценивания фонологического аспекта: Overall Phonological Control, Sound Articulation, and Prosodic Features.

Вниманию независимых международных экспертов был предложен 41 дескриптор для оценивания фонологической составляющей речи для каждого из уровней владения языком, от A1 до C2, разработанный в проекте Prof. Enrica Piccardo (OISE, Toronto/Grenoble-Alpes) and Mr. Tim Goodier (Eurocentres Foundation).

Предлагаемая шкала критериев оценивания является более обширной, включает в себя разностороннее описание фонетических навыков говорящего.

В ряде дескрипторов, предназначенных для описания невысоких уровней владения языком, говорится о приблизительном использовании говорящим интонации и других просодических характеристик иностранного языка.

В используемых ранее шкалах CEFR для оценивания разговорных навыков, во главе угла всегда стояла смысловая сторона, а не чистота произношения. В наборах дескрипторов, которые проходят процесс валидации в настоящий момент, с одной стороны, также подчеркивается важность смысловой составляющей, с другой стороны, в ряде дескрипторов прямо выдвигается требование наличия у говорящего определенных фонетических навыков и умений, причем окончательно сформированных на высоких уровнях владения языком.

Лобанова Эмма Николаевна,
преподаватель, лицей 64 Приморского района Санкт-Петербурга

Типовые экзаменационные варианты ЕГЭ по английскому языку: частотность предъявления составляющих раздела 3 «Грамматика и лексика»

Целью пособий, рекомендованных Федеральным институтом педагогических измерений и содержащих типовые экзаменационные варианты подготовки к Единому государственному экзамену по английскому языку, является развитие иноязычной компетенции обучаемых и успешная сдача ими ЕГЭ по английскому языку. Авторы пособий по подготовке к ЕГЭ считают, что раздел «Грамматика и лексика» вызывает наибольшие трудности и дает более низкий средний балл выполнения, чем другие разделы экзамена.

Поскольку материалы пособий по подготовке к ЕГЭ могут быть использованы как на занятиях, так и в процессе самостоятельного повторения пройденного, представляется целесообразным провести анализ составляющих каждого раздела части 3 «Грамматика и лексика» для выработки практических рекомендаций в процессе подготовки к экзамену.

Онушкина Елизавета Викторовна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Мультилингвальное тестирование и аттестация по академическому и профессионально ориентированному иностранному языку

Мультилингвальное тестирование и аттестация по программе повышения квалификации по иностранным языкам рассматриваются поэтапно: предварительное тестирование; промежуточное тестирование; итоговая аттестация.

Предлагаются основные виды тестовых заданий по академическому и профессионально ориентированному иностранному языку (английскому и французскому) и проводятся параллели с экзаменационными требованиями и видами заданий по экзаменам FCE/CAE и DELF/DALF.

В рамках повышения квалификации по профессионально ориентированному иностранному языку предлагается также новый подход в проведении тестирования с использованием современных информационных технологий.

Особое внимание уделяется вопросу языкового тестирования по академическому направлению с учетом специализации слушателей программы повышения квалификации по иностранным языкам и индивидуальному подходу при разработке и реализации тестовых заданий (как устных, так и письменных) на всех этапах тестирования и аттестации.

Павловская Ирина Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

О тестировании интонационной компетенции

Интонация является неотъемлемой частью навыков произношения на супрасегментном уровне (владение мелодикой речи (тонами), ритмом, акцентным выделением ударных и полуударных слогов, паузацией). В то же время она связана с коммуникативной интенцией, синтаксисом высказывания, эмоциональной его окраской. Интонация редко становится предметом тестирования ввиду своей многокомпонентности и многофункциональности. К сожалению, в тестах на владение иностранными языками редко встретишь отдельный раздел на произношение и, тем более, на интонацию, несмотря на то, что интонация выполняет важную сигнификативную функцию и может полностью изменять смысл высказывания. Ритм речи и модели акцентуации слов имеют сильное воздействие на восприятие, что связано с лингвопсихологическими характеристиками. Все эти особенности интонации по-разному ведут себя в разных языках, хотя и имеют общую психофизиологическую базу. Поэтому в тестировании интонации следует опираться как на общие ее свойства и уровень владения ими (общая интонационная компетенция), так и на специфические иноязычные дифференциальные признаки интонем и схожих с ними супрасегментных единиц (тонов) в разных языках. В докладе рассматриваются общие и специфические свойства английской и китайской интонации. Анализируются инструментальные данные (результаты осциллографиче-

ского анализа) в контрасте двух языков. Предлагается поэтапная модель тестирования интонации в полилингвальной среде. Методические разработки по проверке владения интонационной компетенции в нашей стране начались в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и имели форму т. н. «программного обучения» [Павловская, 1989; Златоустова, Егоров и Мисюрев, 1993; Егоров и Кедрова, 1994]. Однако затем это направление учебной деятельности было незаслуженно забыто. Лишь недавно методисты в лице преподавателей русского языка как иностранного обратились к тестированию интонации уже в формате тестов на общее владение языком [Федотова, 2012; Сказочкина, 2008]. В традициях российской фонологической школы всегда был семантико-синтаксический подход к интонации (от смысла к фонетической форме) [Светозарова, 1982], в западной же фонологии главенствовал подход от просодической формы к коммуникативному типу высказывания и оттенкам смысла [O'Connor, Arnold, 1972]. Эти подходы не противоречат друг другу и могут быть успешно совмещены при обучении. Именно в этом ключе предлагается построить систему тестовых заданий для проверки овладения китайскими студентами английской интонацией на фоне русской языковой среды. Предлагаемые тесты являются тестами восприятия, включают материал на трех языках и рассчитаны на уровень владения этими языками от А1 до В2. Подача стимулов тестовых заданий происходит в аудио-визуальном режиме (речь на аудионосителе + интонограмма на экране).

Прохорова Елена Федоровна,
директор, Центр лингводидактического тестирования
Санкт-Петербургского государственного университета

Стандартизация измерительных материалов в контексте общеевропейской языковой политики

В рамках проблемы стандартизации измерительных материалов вопросы содержательной валидности и установления уровня сложности теста являются ключевыми.

С начала 2000-х гг. ведущие экзаменационные системы Европы решают эту проблему через процесс соотнесения измерительных материалов с Общеевропейской шкалой иноязычной коммуникативной компетенции [Council of Europe, 2001].

Объединив усилия ведущих специалистов Общеевропейской ассоциации языкового тестирования, Департамент языковой политики Европы разработал и утвердил процедуру соотнесения языковых тестов/экзаменов с уровнями Общеевропейской шкалы иноязычной коммуникативной компетенции [Council of Europe, 2009].

В российской образовательной системе такую процедуру впервые прошел Тест Санкт-Петербургского государственного университета. В результате независимой международной экспертизы было установлено соответствие Теста второго сертификационного уровня СПбГУ уровню В2 Общеевропейской шкалы.

Валидность и надежность полученного результата была определена в рамках независимой международной экспертизы, в которой участвовали эксперты пяти стран.

Статистические данные, полученные по результатам анализа работы экспертных групп (RAI: 0,75–0,94; Cronbach's Alpha: 0,89–0,99) показали высокую степень согласованности и надежности работы экспертов.

Ключевым этапом установления соответствия любого теста уровню Общеевропейской шкалы является этап установления стандарта проходного балла теста. С целью обеспечения надежности установленного стандарта проходного балла в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности было использовано три подхода:

- две независимые группы экспертов использовали два разных метода;
- две независимых группы экспертов использовали один и тот же метод;
- обе группы независимых экспертов использовали различные версии тестов.

Валидность и надежность установленного стандарта проходного балла во многом определяется возможностью выбранного метода объединять субъективную оценку эксперта с объективными статистическими данными, полученными по результатам экзамена [Livingston & Zieky, 1982; Jaeger, 1991; Linn, 2003 и др.].

Согласно [Zieky, 2011] использование этих двух видов информации при установлении стандарта проходного балла может позволить избежать влияния субъективного фактора. По этой причине в рамках стандартизации Теста второго сертификационного уровня был использован метод Голландской версии закладок (Cito Variation on the Bookmark Method).

Литература:

1. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
2. Council of Europe. Relating Examinations to the Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment (CEFR). A Manual. 2009. [Электроный ресурс]. http://www.coe.int/t/dg4/linguisti.

Репина Татьяна Юрьевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Тесты по английскому языку для оценки готовности к профессиональной деятельности в международной среде

Testing the level of proficiency in the English language to assess specified language skills and the readiness of the specialist to work in an international setting in their professional field using English as a means of business communication is initially focused on the future employer, who actually makes the final decision about his recruitment. Tests of English in the professional field can also be developed to meet the requirements of certain international professional associations, often associated with security, with an ultimate aim to prevent miscommunication caused by the lack of English proficiency. One

of the examples here is a multi-level English for Aviation language testing system, the *CAAi EALTS*, designed in accordance with *ICAO (International Civil Aviation Organization) Language Proficiency Requirements* for license endorsement purposes to assess the language proficiency of air traffic controllers, commercial flight crew and recreational pilots across all levels of the ICAO Language Proficiency Rating Scale 1–6 from Pre-Elementary to Expert level.

While new English for professional purposes tests are being developed, there is an opposite tendency to discontinue language assessment in ESP by established international examiners. For example, CELA announced the last exam sessions of Cambridge English: Financial (ICFE) for accountancy and finance professionals and Legal (ILEC) for law students and practising lawyers to be in December 2016. Afterwards *CAE* or BEC Vantage will be offered as their best alternatives.

The purpose of making a clear and comprehensive description of language competencies in the English language and developing standardized guidelines to language proficiency assessment for the specialists working in an international context is to provide language practitioners with a framework to assist in making appropriate decisions regarding the assessment of specialists in the area of employment, where communication in English is an essential part of their job requirements, especially in such high stake fields as aviation or marine transport. The interaction of employers with linguists and teachers of the ESP in the development of tests based on real needs and professional competencies analysis produces the test tasks more appropriate for real professional situations, provides guidance for proper language training.

More research should be done to study such important issues in ESP as assessment specifications and items, test validity, reviewing and field testing items, tasks, test materials and so on. At the moment research literature is limited and does not yet provide answers to many issues related to the assessment of English for profession.

Тимофеева Елена Константиновна,
к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Тестирование как итоговая форма контроля развития произносительных навыков

В современном мире все большую актуальность продолжает приобретать тема обучения в ситуации кросс-культурной коммуникации. Фонетические навыки для студентов из восточных стран, обучающихся английскому языку в Санкт-Петербургском государственном университете, представляют наибольшую трудность. Это определяет необходимость совершенствования методических разработок с учетом как языковых, так и культурологических проблем обучения в условиях восточно-русско-английского трилингвизма. При проверке эффективности их использования в обучении английскому произношению иностранных студентов используются различные виды и формы контроля. Но одна их них, а именно — тест, является наиболее эффективной, поскольку позволяет осуществить контроль объективно, ком-

пактно и достаточно быстро. В докладе будут рассмотрены актуальные вопросы обучения и тестирования студентов из восточных стран, конкретные примеры заданий для работы над развитием произносительных навыков, а также система оценивания результатов промежуточного и итогового тестирования в контексте современных тенденций в образовании.

Бабушкина Ирина Владимировна,
заведующий отделом образовательных проектов, «Релод», Москва

Удалых Ольга Борисовна,
специалист, «Релод», Санкт-Петербург

Использование многоуровневого независимого онлайн-тестирования издательства «Релод» для подготовки учащихся к сдаче Единого государственного экзамена

Key points about placement testing:

- It allows you to set, monitor and analyse tests whenever and wherever you want.
- It provides clear, accurate and reliable results to help you in the classroom.
- It helps indicate level of ability of each student. It differentiates scores for different skills.

Шевченко Светлана Эдуардовна,
заведующий отделом, Центр лингводидактического тестирования
Санкт-Петербургского государственного университета

Установление стандарта проходного балла: валидность, надежность, практичность

При установлении стандарта проходного балла для рецептивных видов речевой деятельности Теста второго сертификационного уровня были использованы тест-ориентированные методы, представленные Голландской версией метода закладок (Cito Variation on the Bookmark Method) и Модифицированной версией метода Ангоффа.

Ключевым для этих методов является понятие «пороговый тестируемый». В контексте соотнесения Теста второго сертификационного уровня с Общеевропейской шкалой иноязычной коммуникативной компетенции — это студент, который владеет минимально допустимым набором языковых навыков и речевых умений уровня B2 Общеевропейской шкалы иноязычной коммуникативной компетенции.

В параллели с методом Ангоффа, традиционным и достаточно распространенным, использовался более современный метод — Голландская версия метода закладок, в его основе лежит однопараметрическая логистическая модель (OPLM). Эта модель объединяет математические достоинства однопараметрической модели Раша с характеристиками двухпараметри-

ческой логистической модели, которая оценивает не только параметры трудности заданий, но и учитывает коэффициенты дискриминации заданий как заданные константы [Verhelst, Glas & Verstralen, 1995].

Базовым понятием данной модели является понятие способности тестируемого, представленной в виде латентного параметра, который отражает соответствие между эмпирическими данными ответов тестируемых и предполагаемой вероятностью правильного ответа тестируемого.

В отличие от других методов Голландская версия метода закладок использует три уровня вероятности правильного ответа на тестовый вопрос.

Эксперты, работающие с этим методом имели в своем распоряжении графическое изображение, отражающее статистические характеристики каждого тестового вопроса, который они анализировали, основанные на реальных результатах выполнения тестового вопроса тестируемыми. Это помогало принимать правильное решение в проблемных ситуациях оценивания того или иного тестового вопроса.

Таким образом, данный метод позволил объединить оценку эксперта и объективные данные по качественным характеристикам тестовых вопросов, что, свидетельствует о большой валидности, надежности и достоверности стандарта проходного балла.

Еще одно преимущество Голландской версии метода закладок заключается в его практичности. Поскольку он основан на модели, эквивалентной двухпараметрической логистической модели IRT, это позволило не выносить на экспертную оценку тест целиком, а использовать репрезентативную выборку тестовых вопросов в каждом разделе теста, что значительно сократило время работы экспертов.

Важным доказательством практичности Голландской версии метода закладок является возможность переноса стандарта проходного балла, установленного в рамках экспертизы, на иные варианты Теста Второго сертификационного уровня.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОН

Андронова Эверита,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Из опыта работы над историческим словарем латышского языка на основе корпуса старолатышских текстов

Корпус старолатышского языка (запущенный в 2003 г. и постоянно пополняемый) включает тексты XVI–XVIII вв., создаваемый на его основе исторический словарь латышского языка (http://www.tezaurs.lv/lvvv/vardnica/; при поддержке Научного совета Латвии, проект 212/2012) отражает лексику источников XVI и XVII вв. Для работы над словарем используется платформа TLex 2013.

Словарь включает собственные и нарицательные имена (планируемый объем к концу 2016 г. — 1000 словарный статей). Словарная статья содержит следующие части: лемма, грамматическая информация, словоупотребления (со статистикой), отражение лексемы в лексикографических источниках XVII в., толкование значений, первая и последняя фиксация, стабильные словосочетания, этимологическая информация, перекрестные ссылки.

В докладе рассматриваются некоторые проблемы, решаемые при работе над Словарем.

Выбор формы леммы осложняется большим числом вариантов на протяжении двух веков, соответствующих раннему и среднему периоду развития старолатышского языка. Пример записи леммы (‘40’): ***cet(e)r(e/s)desmit(s)*** (9) *ord. num.* cetter de§§mitte (1), czetterde§mette (2), czetterde§mitti (1), czettrede§mette (4), zettrs deßmits (1).

Hapax legomena: ***izpūkāt***, встречающееся только в рукописном словаре К. Фюрекера с немецким переводом ‘außfrenseln, außfesenen trenderen’, в современном языке заменено глаголом *izplucināt* (ср. также развитие значения мотивирующего существительного *pūkas* ‘перья’ → ‘пух’).

Источники латышских переводных текстов позволяют изучать вопросы формального и семантического заимствования (***abapušgriezīgs*** ‘обоюдоострый’ — нем. *zweischneidig*). **Хронология фиксации и развития значений** (в частности в словарях XVII в.): несклоняемое слово ***aba*** (впервые в EvEp1587, а также в словаре Фюрекера) в корпусе обычно в сочетании *aba tētīt* (2) или *aba tēvs* (16) со значением ‘отец’ (< арамейск. *aba* ‘отец’).

Блинова Ольга Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Императив 1Sg и смежные конструкции в русском устном диалоге

Как известно, русские конструкции ‘давай (я) сделаю’, ‘сделаю-ка (я)’ и некоторые другие обладают спорным статусом при принятии решения о включении/невключении их в императивную парадигму. После рассмотрения материала в настоящем докладе предварительно использован следующий подход:

I. Конструкция ‘давай(те)+(Я)+глагол в 1Sg’ считается императивной. Вслед за В. И. Подлесской, Н. Р. Добрушиной — вне зависимости от наличия в составе субъектного местоимения — этой конструкции присваивается значение ‘пропозитива’.

II. Конструкция ‘дай(те)+(Я)+глагол в 1Sg’ считается императивной. Вслед за В. И. Подлесской ей присваивается значение ‘пермиссива’: ‘говорящий просит слушающего или устранить препятствия, или воздержаться от того, что могло бы препятствовать совершению действия’.

III. Конструкция ‘глагол в 1Sg с частицей -ка+(Я)’, выражающая намерение говорящего совершить определенное действие, вслед за В. Ю. Гусевым не рассматривается как императивная.

В докладе на материале корпуса ОРД, рабочего подкорпуса объемом в 239 500 словоупотреблений:

- оценивается употребительность конструкций (I), (II) и (III);
- исследуется состав конструкций и состав реплик, содержащих эти конструкции;
- рассматриваются реплики-реакции.

Некоторые полученные на рабочем подкорпусе данные таковы:

Конструкция (I) типа ‘давай сделаю’ употреблена 41 раз, в 88 % случаев субъектное местоимение не опускается. Несколько чаще других глаголов в её составе употребляется глагол ‘дать’, ср.: ‘давай я тебе дам’, ‘ну-ка давайте вот я вам дам листочки’. Примеров мало, но, согласно первым наблюдениям, без субъектного местоимения чаще употребляется аналитическая форма будущего времени: (1) ну хорошо / Ир / давай сейчас не буду в... время тратить / (э-э) давай (:) (...) это самое / попробуем созвониться’, ‘давай буду делать работу / *п не буду там у тебя сидеть’.

Конструкция (II) употреблена 19 раз, преобладают вхождения с частицей ‘дай’ (их 16), ср.: ‘подожди / дай-ка я Аньке отвечу’, ‘дай я тоже помою руки’. Субъектное местоимение не опускается в 68 % употреблений. В списке глаголов лидирует ‘посмотреть’: 32 %, т. е. треть всех употреблений конструкции, составляют вхождения типа ‘дай я посмотрю’, ‘ну-ка дайте посмотрю’. Употреблений типа ?‘дай я буду делать’ в подкорпусе не встретилось.

Конструкция (III) употреблена единожды, ср.: ‘скачу-ка ... скачу [sic] // *С господи // скачаю-ка я / ... *П кое-что очень хорошее // *П например как / *П не знаю / смогу ли я это вообще прочесть / когда-либо // но скачать я это хочу ...’.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Вересиянова Вера Валерьевна,
научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике

Зоонимика — наука о кличках животных, или зоонимах — одна из самых молодых областей ономастики. Это связано с тем, что зоонимы практически не фиксируются в официальных документах ввиду их недолговечности. Впервые термины «зооним», «зоонимия» и «зоонимика» появились в теоретической ономастике в 1960-е гг. В настоящее время работ по русской зоонимии известно сравнительно немного (труды П. Т. Поротникова, Н. Г. Рядченко, В. Э. Сталтмане, О. И. Фоняковой и др.). Зоонимических словарей на русском материале до сих пор не создано. Основные функции зоонимов — коммуникативная, номинативная и вокативная. Они очень тесно связаны между собой, что не только сохраняет мотивацию, но вместе с тем сближает зоонимы с подзывными словами. Зоонимы в большинстве своем по происхождению, как правило, вторичны: они заимствуются из остальных разделов ономастики, подвержены иноязычному влиянию, а также характеризуются меньшей по сравнению с другими классами имен собственных нормированностью. Кроме того, формирование зоонимической базы в живой речи диалекта постоянно находится под воздействием ситуативных, индивидуальных факторов и языкового вкуса номинатора. Именно в зоонимии можно наблюдать ономастическое творчество человека — хозяина животного. Согласно утверждению О. И. Фоняковой, зоонимия представляет собой открытую и динамичную подсистему ономастической номинации со своим центром и периферией. Ядро зоонимии составляет т. н. «первичная зоонимическая номинация». Сюда входят традиционные клички для определенных видов животных (Буренка, Мурка, Шарик), а также зоонимы, обусловленные различными дифференциальными признаками. Большая часть этих зоонимов образована суффиксальным способом, а также методом сложения слов. Встречаются случаи безаффиксного способа словообразования. На зоонимической периферии находятся производные отапеллятивные и отантропонимические клички, образованные способом семантической деривации. Сюда относятся зоонимы, образованные от личных имён, названий животных, растений, географических объектов, явлений природы, космических тел, отвлечённых понятий и даже научных терминов. Кроме того, на периферию зоонимии следует отнести и нетрадиционные, индивидуально мотивированные клички, непонятные для окружающих. В диалектных словарях зоонимы, как правило, не встречаются. Исключение составляет «Псковский областной словарь с историческими данными» как региональный словарь полного типа. В настоящий момент в рабочей картотеке автора доклада находится около 3000 зоонимов, ко-

торые извлечены из Картотеки ПОС и из опубликованных выпусков ПОС (т. 1–25). Цель настоящего доклада — показать богатство деривационных и мотивационных признаков в зоонимии псковских говоров.

Вилинбахова Елена Леонидовна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Отрицательные тавтологии в русском языке

Доклад посвящен тавтологиям, в которых присутствует отрицание:

(1) *Один ребенок это не ребенок, нужен второй ребенок — это прекрасно.* [НКРЯ]

(2) *Кто-то когда-то решил, что без взаимопонимания любовь не любовь и счастье не счастье.* [НКРЯ]

Такие конструкции рассматривались в английском [Смит, 2003], немецком [Meibauer, 2008] и китайском [Li, 2004] языках и получили название отрицательных тавтологий (англ. *negated / negative tautologies*), далее — ОТ.

В русском языке есть несколько моделей ОТ, производных от тавтологий *X есть X*, *X — это X*, *X значит / означает X*. Положение отрицательной частицы *не* относительно связки оказывается фиксированным только для модели *X — это X*, а для остальных частица может стоять перед связкой или после нее.

ОТ чаще всего передают значение несовпадения конкретного референта высказывания с общепринятыми представлениями о норме для данного класса [Смит, 2003; Meibauer, 2008].

Можно выделить две разновидности ОТ: в первом случае акцент делается именно на несоответствии референта типичному / эталонному представителю своего класса, ‘X1 не такой, какими обычно бывают X-ы’, см. (2), во втором случае внимание привлекается к переходу X-а в другой класс ‘X1 следует отнести не к X-ам, а Y-ам’, причем наименование другого класса может быть выражено эксплицитно, см. (3).

(3) *Обидно, когда понимаешь, что друзья — это не друзья, а просто какие-то люди.*

Кроме того, встретились примеры ОТ со значением перехода в другой класс, когда говорящий призывает не просто исключить из класса конкретного референта, а пересмотреть границы класса в целом, см. (4).

(4) *Дети — это не дети. Это люди.* [Интернет]

Если в исходных тавтологиях без отрицания «участник x — конкретный объект или событие, по поводу которого делается высказывание, остаётся за кадром» [Падучева, 2004: 105], то в ОТ, напротив, участник определяется при помощи указания на его признак(и) в широком смысле, включая положение в пространстве и времени, см. (5).

(5) *Пора смириться, что через пять лет ты будешь не ты. Люди меняются и это нормально.* [Интернет]

В речи ОТ используется, чтобы подчеркнуть характерный признак объекта, см. (6); выразить отношение к референту, сравнивая его с типичным/эталонным представителем класса, см. (1); указать на изменения объекта, см. (5); исправить ошибку в идентификации референта, см. (7).

(6) Я буду не я, *если не посмотрю очередной фильм, в котором мало действия, а много давления на психику.* [Интернет]

(7) *«Мальчик, — сказало лицо. — А почему ты все время говоришь „Настюха“?»? Оказалось, что Настюха — это не Настюха, и до Разгуляевки ее звали Любой.* [НКРЯ]

Предполагается также сопоставить ОТ с конструкцией *праздник не в праздник* [Шеманаева, 2010] и уступительной конструкцией *дружба не дружба, а всё-таки хорошие отношения* [Мельчук, 1974].

Литература:

1. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст». М., 1974. 256 с.
2. *Смит О. В.* Нормативный компонент в структуре лексического значения: дисс. … канд. филол. наук: СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 183 с.
3. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
4. *Шеманаева О. Ю.* Конструкция «ПРАЗДНИК НЕ В ПРАЗДНИК» на фоне других конструкций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9(16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 578–583.
5. *Li X.* A contrastive study of tautology between Chinese and English // Intercultural communication Studies XIII: 2. 2004. Pp. 171–180. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web.uri.edu/iaics/files/13-Xiaoshi-Li.pdf.
6. *Meibauer J.* Tautology as presumptive meaning // Pragmatics and Cognition. 2008. Vol. 16. Pp. 439–470.

Габисова Дзерасса Витальевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Владикавказский институт управления

Причастия будущего времени в современном осетинском языке как средство выражения модальности

Причастие — это специфическая форма глагола, представляющая процесс, но не чистый, а осложненный семантикой адъективности. В современном русском языке причастия характеризуются грамматическими категориями вида, залога и непредикативного времени, а также рода, числа и падежа. Причастия в осетинском языке тоже являются особой формой глагола, вместе с тем они имеют существенные отличия от русских причастий как в наборе грамматических категорий (у них нет адъективных грамматических категорий), так и в особенностях проявления глагольных грамматических категорий. Категории вида и времени в осетинских причастиях более тесно слиты по сравнению с русскими причастиями. Следствием этого является, например, отсутствие в диапазоне частных видовых значений причастий несовершенного вида обобщенно-фактического значения. Сопряженность несовершенного вида с прошедшим временем в осетинских причастиях невозможна из-за более тесной связи категорий вида и времени, между тем обобщенно-фактическое значение несовершенного вида в русском языке, обозначающее сам факт наличия-отсутствия действия, выражено в причастиях именно формами прошедшего

времени. Залоговое значение причастий в осетинском языке определяется не суффиксами, а переходностью/непереходностью глагола. Залог и время в осетинских причастиях не имеют таких четких формальных показателей, какие есть у причастий в русском языке.

К наиболее ярким особенностям, отличающим осетинские причастия от русских, являются следующие:

1) наличие в системе осетинского языка причастий будущего времени;
2) залоговая и временная немаркированность осетинских причастий (в то время как в русском языке залог и время причастий выражаются на уровне словоформы — суффиксами);
3) отсутствие у причастий адъективных грамматических категорий.

Особый интерес представляют причастия будущего времени, предназначенные не столько для обозначения действия в будущем, сколько для выражения модальных значений целесообразности, необходимости, намерения. Эти модальные оттенки можно объединить под общим названием потенциального значения, т. к. семантика целесообразности относится к сфере модальности, однако его следует отличать от потенциального значения совершенного вида (с оттенком возможности/невозможности) и от потенциально-качественного значения несовершенного вида (которое сводится к способности что-то делать как постоянному свойству субъекта) в русском языке [Бондарко, 1971]. Причастия будущего времени могут иметь значение как несовершенного, так и совершенного вида, как действительного, так и страдательного залога (в зависимости от переходности/непереходности глагола). Значение совершенного вида создается посредством присоединения к ним префиксов. Для причастий будущего времени более характерна функция сказуемого, чем атрибутивная функция.

Галиева Альфия Макаримовна,
к. филос. н., ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан

Мультисубъектные глаголы в татарском языке

Лексические и грамматические средства выражения структуры события и предикатной множественности в языках мира представляют собой обширную и сложно организованную сферу значений и их носителей. Глагольная словоформа может выражать идею множественности не только синтаксическим числом, когда показатель числа у глагола-предиката воспроизводит аналогичный показатель грамматического субъекта, но и количественными характеристиками ситуации, обозначенной глаголом. В последнем случае возможны два основных типа: а) выражение множественности участников ситуации (дериватемы мультисубъектности и мультиобъектности); б) множественность, итеративность самой ситуации.

Отражение информации о внутренней организации ситуации в языке может осуществляться разными способами, и ситуативная множественность в татарском языке выражается при помощи богатого набора грамматических и лексических средств. Имеется значительный инвентарь специализированных средств для выражения значений предикатной множественности.

Мультисубъектные глаголы разного типа передают наличие одновременных, параллельных ситуаций. Мультисубъектность выражается грамматически при помощи аффикса взаимно-совместного залога (значения ассоциатива, реципрока и ассистива), при этом степень вовлеченности участников ситуации в осуществление события может быть разной. Кроме этого, существуют глаголы, которые по своей семантике могут описывать только многосубъектные ситуации с большим или неопределенным количеством участников.

В докладе рассматриваются лексические способы выражения структуры события в татарском языке на материале мультисубъектных глаголов. Выделены мультисубъектные глаголы, относящиеся к разным семантическим классам, проанализирована их структура, семантика и синтагматические особенности.

Рассмотренные мультисубъектные глаголы образуют неоднородную в семантическом отношении группировку глаголов с разными лексическими значениями и грамматическими свойствами (переходные и непереходные, производные и непроизводные). Их объединяет то, что они выражают общие особенности протекания действия: одновременное действие многих однородных субъектов (субъект всегда расчленен). Мультисубъектные глаголы могут выражать идею существования или действия в разных аспектах и имеют богатый спектр конкретных значений. Как правило, они не присоединяют суффикс реципрока, так как это приводило бы к семантической избыточности (сема ‘множественность субъекта’ в связанном виде уже представлена в значении глаголов).

Мультисубъектные глаголы позволяют выразить идею пространственной дискретизации события как совокупности отдельных микрособытий, происходящих одновременно.

Работа выполнена на основе данных Татарского национального корпуса «Туган тел» (corpus.antat.ru).

Глущенко Олеся Анатольевна,
д. ф. н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Языковая концептуализация представлений о сорасположении географических объектов (на материале топонимов Камчатки)

В системе гидронимов Камчатки принцип именования водного объекта по пространственной смежности с другим объектом реализуется во всех существующих топосистемах (корякская, ительменская, славянская и эвенская). В соответствии с этим принципом образовано свыше 400 гидронимов от имен собственных (1 подкласс) или от нарицательных существительных (2 подкласс). В первом подклассе порождение топонима осуществляется двумя способами: 1) лексико-семантический перенос имени с одного на другой пространственно смежный объект; 2) через использование словообразовательного форманта (суффикс, корень) или закрепленного порядка компонентов в составном топониме в акте деривации от основы с именем собственным. В качестве мотивирующего топонима выступает в большин-

стве случаев название водного объекта (например, названы по смежным рекам *бухты Калыгирь, Карага*) или орономического объекта (*бухта Командор* на северо-восточном берегу о-ва Беринга названа по мысу Командор; *р. Гокена* в Тигильском районе протекает у подножья г. Гокена). Образующиеся омонимичные пары топонимов сосуществуют длительное время и редко распадаются в результате фонетических изменений. Типичными словообразовательными элементами являются специальные корни *-куюл/кууль* «глубокая речка», *-ваям/ваам/вэем/веем* «река», *-ваямпиль* «речушка». В составных наименованиях мы отмечаем фиксированный порядок компонентов: *реки Ходутка Большая*, *Ходутка Малая, Ходутка Правая* названы по вулкану Ходутка. К корякскому названию реки присоединяется в фиксированной позиции формант с семантикой пространственного ориентира (*гочны* «левый», *мя* «правый») или параметрического определения (*майни* «большой», *хай/кай* «малый»). Во втором подклассе представлены большей частью славянские топонимы, наименование которых связано с сорасположением с безымянным объектом рельефа, как-то: гора, сопка, холм, хребет, скала, вершина, мыс, столб, овраг, пещера, ущелье: *оз. Междусопочное, руч. Холмовой*. В аборигенных топонимах этого подкласса слово-мотиватор содержит образ, описание ситуации, обогащено дополнительными характеристиками, что отражает комплексное и синкретичное восприятие окружающего мира: *р. Ильгыхпавэем* в бассейне р. Пенжина (топоним образован от корякского «белая пересыхающая гора + река»), *р. Егишлваям* в Олюторском районе (образовано от корякского «речка у сопки с вершиной, похожей на растопыренные пальцы»). Дополнительными мотивировочными признаками при деривации становятся физические параметры географического объекта (высота, размер, характер устья и течения, специфика дна, особенности тока воды и др.). Сопоставление лексического массива показывает, что численно преобладают топонимы первого подкласса.

Горбов Андрей Андреевич,
к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (филиал в Санкт-Петербурге)

Новые заимствования в русском языке и некоторые проблемы этимологического описания

Вопросы, касающиеся содержания и объема этимологических сведений, возникают в связи с описанием заимствованных лексических единиц вне зависимости от давности их вхождения в словарный состав русского языка, однако в отношении новых заимствований из европейских языков проблемы становятся особенно очевидными на фоне доступности современных лексикографических описаний языков — вероятных источников заимствования и экстралингвистических сведений об объектах номинации.

Во вступительной статье наиболее авторитетного нормативного словаря иноязычной лексики в качестве примера углубленной этимологической разработки с указанием этимологии слова-прототипа даются следующие све-

дения о происхождении существительного *кларнет*: «[фр. clarinette < ст.-фр. clarine колокольчик]» [Крысин, 2010: 12]. Такая этимология, однако, вызывает обоснованные сомнения, поскольку противоречит данным современной французской лексикографии, так и сведениям по истории соответствующего музыкального инструмента. По-видимому, название *clarinetto* впервые возникло в итальянском языке как диминутивное образование от слова *clarino* — названия употреблявшегося в XVIII в. вида трубы (слово *clarino* имеет в своем составе тот же этимологический корень *-clar-*), а затем было заимствовано другими европейскими языками (фр. *clarinette*, нем. *Klarinette*).

Учет данных современных лексикографических источников, а также времени, условий и обстоятельств вхождения в словарный состав русского языка новых иноязычных лексических единиц позволяет точно установить их происхождение, сняв выдвинутые в некоторых авторитетных изданиях сомнительные гипотезы об их английском происхождении. Это касается, например, существительного *бутик*, нового значения существительного *легионер* «спортсмен, играющий по контракту за иностранную команду» и фразеологической кальки *серый кардинал*.

Проведенный анализ, в частности, показал, что значение «небольшой узкоспециализированный магазин, предлагающий изделия дорогих и престижных торговых марок» появилось у слова *boutique* во французском, а не в английском языке в результате «повышения в ранге» значения «лавка»; что слово *легионер* получило новое значение собственно в русском языке; а также что фразеологизм *серый кардинал* имеет не английское, а французское происхождение.

Таким образом, предположение о том, что «неологизмы последних лет попадают в русский язык почти исключительно <...> из английского языка в его американском варианте, поэтому особых трудностей с этимологизацией неологизмов не возникает» [Крысин, 2010: 160], неверно. Кроме того, при этимологизации заимствованных слов и, в частности, иноязычных неологизмов помимо учета современных лингвистических данных большое значение следует придавать энциклопедическим сведениям о самом объекте номинации и времени появления наименования.

Литература:

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 944 с.

Горбова Елена Викторовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Алломорфия как теоретическое понятие: нужна ли ревизия? (на примере русских семельфактивов)

Целью исследования является обсуждение имеющих отношение к русским семельфактивам положений когнитивной теории видовых кластеров (гнезд), разрабатываемой исследовательским коллективом под руководством Лоры Янды.

Сутью гипотезы о непрототипической алломорфии является рассмотрение в качестве одного из типов перфективов — одноактных перфективов (Single Act Perfective) — как глаголов с показателем *-ну-* (*плеснуть*) и *-ану-* (*плескануть*), так и глаголов с префиксом *с-* (*сбросить*, *сробеть*): и те, и другие анализируются в рамках (непрототипической) алломорфии.

С точки зрения типологии, семельфактив — это одно из аспектуальных значений (и соответствующий глагол), которое входит в зону множественности ситуации. Семантически семельфактив неразрывно связан с мультипликативом (если не производен от него): мультипликатив определяется как «единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся мгновенных квантов (ср. ситуации типа *кашлять*, *мигать*, *стучать*)», в то время как «единичный квант мультипликативной ситуации выражается семельфактивом (ср. *кашлянуть*, *мигнуть*, *стукнуть*)» [Плунгян, 2011: 221] (см. также близкий подход у В. С. Храковского).

Для иллюстрации взглядов русистов приведем мнение М. А. Шелякина. Семантика семельфактивов этим автором определяется как «осуществление действия в один прием, без расчленения на фазы» [Шелякин, 2008: 160], вкупе с требованием «парного» (как и у типологов!) существования одноактного (= семельфактивного) способа действия: он обязан быть «противопоставленным многоактному СД (*стучать — стукнуть*, *толкать — толкнуть*)» [Там же: 161].

В рамках традиционного (выработанного структуралистами) понятия алломорфии обязательными критериями для признания двух морфов алломорфами одной и той же морфемы признаются единство значения двух морфов (с возможностью семантического варьирования, т. е. полисемии) и дополнительная дистрибуция морфов с идентичной семантикой.

Гипотеза алломорфии сталкивается с проблемой несоответствия обоим критериям. Первую проблему видят сами авторы гипотезы, и это — критерий дополнительной дистрибуции. Ее они пытаются решить, представляя тождество морфемы (алломорфию) как явление градуальное, а не как (традиционно) строго определенное, с разведением двух случаев: морфы являются вариантами (алломорфами) одной и той же морфемы (= тождество морфемы) vs. имеются две разные морфемы. Но еще более существенно не сводимое к полисемии отсутствие семантического тождества между суффиксом *-ну-* и префиксом *с-*: первый является показателем семельфактива (соотносимого с мультипликативом), а второй — нет, поскольку достаточно оснований для трактовки обсуждаемого значения префикса *с-* (*скривить*, *сходить*) как результативного (если не локативного) при очевидной несоотносимости этих префиксальных глаголов с мультипликативными.

Литература:

1. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 670 с.
2. *Шелякин М. А.* Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.

Горлова Анастасия Александровна,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Сай С. С., к. ф. н., доцент

Способы оформления стандарта сравнения в русском языке

В русском языке существует два основных способа оформления стандарта сравнения при формах сравнительной степени (*больше*, *красивее*): стандарт сравнения (то, с чем сравнивается выбранный объект сравнения) может оформляться родительным падежом (1) или союзом *чем* (2):

(1) *Петя выше Васи.*

(2) *Петя выше, чем Вася.*

Основная цель настоящего доклада — показать, каким образом стратегии оформления стандарта сравнения зависят от семантической структуры сравнительной конструкции. Будет предложен анализ структуры сравнительных конструкций и пример его применения в исследовании стратегий оформления стандарта сравнения, выполненном на основе данных Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Согласно традиционным представлениям ([Кустова, 2002, Князев, 2007], [Bresnan, 1973, Bacskai-Atkari, 2014]), основными компонентами сравнительной конструкции являются объект сравнения (сравниваемое явление), стандарт сравнения (то, с чем сравнивается выбранное явление) и параметр (выражается формой компаратива; термин Р. Диксона [Dixon, 2008]), который представляет собой количественную или качественную шкалу, по ней происходит сравнение объекта и стандарта. Предлагаемый анализ предполагает, что стандарт и объект сравнения на семантическом уровне являются пропозициями. Пропозиции объекта и стандарта сравнения могут включать любое количество участников. Обязательным участником обеих пропозиций является градуируемый элемент, который позволяет поместить объект и стандарт на одну и ту же шкалу. В примере (3) пропозицией объекта является «*он живет в нашем доме X количество времени*», где «X количество времени» является градуируемым элементом; пропозиция стандарта «*другие живут в нашем доме Y количество времени*» не получает синтаксического выражения. На синтаксическом уровне выражается только участник ситуации (в данном примере агенс), который не совпадает в пропозиции объекта и стандарта.

(3) *Нет, он живет в нашем доме меньше* ***других****, с 1969 года…* [Владимир Войнович (1976)]

Использование стратегии оформления родительным падежом или союзом *чем* в большой степени зависит от того, чем различаются пропозиция объекта и стандарта и чем выражается несовпадающий участник. Союз *чем* возможен при любых несовпадающих участниках, от целиком пропозиции, предиката до отдельных актантных и сирконстантных участников (ср. *Он делает больше, чем я могу сделать / чем может / чем раньше / чем я / чем Петя*). Родительный падеж может оформлять только несовпадающих участников, которые могут выражаться именными группами: в основном, агентивных участников ситуации.

В докладе планируется рассмотреть зависимость выбора той или иной стратегии оформления от семантической структуры сравнительной конструкции, а также обсудить конкуренцию двух стратегий при оформлении именных групп.

Литература:

1. *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
2. *Кустова Г. И.* О семантике русского компаратива (абсолютивное употребление) // Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. М.: ИРЯ РАН. 2002. С. 113–120.
3. *Bacskai-Atkari J.* The Syntax of Comparative Constructions. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2014. P. 305.
4. *Bresnan J.* Syntax of the comparative clause construction in English // Linguistic Inquiry. 35. 1973. Pp. 275–343.
5. *Dixon R. M. W.* Comparative constructions: A cross-linguistic typology. // Studies in Language. 32: 4. 2008. Pp. 787–817.

Григорьян Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Уникальное или универсальное? (Применительно к русским безличным предложениям)

Русские безличные предложения, в особенности конструкции с квазиагентивным творительным падежом, постоянно фигурируют в качестве яркого примера русской этноязыковой специфики. Сам термин «этносинтаксис» появился в работе, посвященной именно таким конструкциям [Wierzbicka, 1979]. В этом же ключе часто рассматриваются дативные и некоторые другие подобные конструкции. Вместе с тем, если не ограничиваться сравнением с английским языком на его современном этапе и обратиться к более широкому кругу языков и данным синтаксической типологии, становится очевидным, что такие конструкции полностью соответствуют общим типологическим закономерностям, основные из которых приводятся ниже.

(1) Сильная корреляция подлежащего с каузальным значением (для одушевленных подлежащих — со значениями агентивности и контроля), в связи с чем незаполненность позиции подлежащего типична для обозначения стихийных и неконтролируемых ситуаций.

(2) Связь прямого дополнения со значением пациентивности — «страдательности» (affectedness). Показательно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев — как в примерах, на которых А. Вежбицкая основывает свою концепцию. Характерные для безличных конструкций т. н. дативные и поссессивные субъекты, в свою очередь, типичны для описания перцептивных и иных аффективных ситуаций; датив — наиболее типичная форма для экспериенцера.

(3) Тенденция к совпадению подлежащего с коммуникативно выделенным элементом и, соответственно, более низкий коммуникативный статус

других актантов, что согласуется с известной иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее* > *прямое дополнение* > *прочие*. Естественно, что при «смещении» подлежащего наиболее значимым элементом становится прямое дополнение; таким образом, отсутствие подлежащего — устранение соответствующего актанта или сдвиг его в более низкую позицию — автоматически повышает коммуникативный ранг прямого дополнения и иных актантов, в т. ч. дативных.

Таким образом, хотя конкретные безличные структуры, в точности совпадающие с русскими (точнее, общевосточнославянскими), возможно, и не встречаются в других языках, русский синтаксис в целом, и в том что касается безличных конструкций, следует определенным универсальным закономерностям, характерным для языков, в которых есть такая категория, как подлежащее, и в которых возможны диатезные преобразования, т. е. варьирование актантных структур.

Литература:

Wierzbicka A. Ethno-syntax and the philosophy of grammar // Studies in language. 1979. Vol. 3. № 3.

Жамалетдинова Эльмира Ханяпиевна,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Горбова Е. В., д. ф. н., профессор

Герундиальные перифрастические конструкции как выразители семантики дуратива в испанском языке

Одним из средств выражения аспектуальности в испанском языке являются глагольные аналитические образования (перифрастические конструкции) [Васильева-Шведе, Степанов, 1990; Yllera, 1999]. Перифрастическая конструкция — это сочетание служебного глагола и вербоида, образующих одну предикацию: *Anda malviviendo* ‘(Он(а)) Едва сводит концы с концами’.

Дуратив трактуется как граммема, входящая в зону имперфективности и маркирующая срединную фазу ситуации одним и тем же способом у глаголов таких акциональных классов, как состояния и процессы [Плунгян, 2011].

Будут рассмотрены герундиальные конструкции, передающие семантику дуратива: *ir, quedar(se), andar, venir, llevar* + *gerundio* ‘идти, оставаться, ходить, приходить, носить + герундий’ и *seguir, continuar* + *gerundio* ‘продолжать/следовать + герундий’.

Материалом исследования послужили данные параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и параллельного корпуса славянских и других языков Бернского университета «ParaSol» (ParaSol).

Основное внимание уделено функционированию наиболее грамматикализованных конструкций *ir* + *gerundio* (градатив) и *seguir, continuar* + *gerundio* (континуатив): проанализированы сочетаемостные возможности с глаголами разных акциональных классов, случаи взаимодействия с видовременными формами испанского глагола. При постановке в контекст

значений перфективной зоны градатив получает лимитативно-градуативную семантику, т. е. в зависимости от контекста всего высказывания реализуется одно из значений, характерных для перфективных граммем, сохраняя семантику градуатива:

(1) *Doña Rosa* ***se fue calmando****, ya no parecía la misma de unos minutos antes.* *Донья Роса* *постепенно* ***успокаивалась****, никто бы не поверил, что это она орала всего несколько минут тому назад* [C.тJ. Cela, La Colmena, НКРЯ].

Конструкция *seguir, continuar* + *gerundio* при взаимодействии с граммемой Аориста согласно нашим данным в 58 % случаев передает ингрессивную семантику (2), в 42 % — континуативную (3):

(2) *Varenuja* **siguió buscando** *a Stiopa por teléfono; buscó por todas partes…* *Варенуха опять по телефону* ***принялся разыскивать*** *Степу где попало…* [М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита. ParaSol].

(3) *Abrió los ojos desmesuradamente y* **siguió murmurando***, mirando a la luna…* *Тут глаза гостя широко открылись, и он* ***продолжал шептать****, глядя на луну…* [М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита. ParaSol].

Литература:

1. *Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1990.
2. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
3. *Yllera A.* Las perífrasis verbales de gerundio y participio / I. Bosque, V. Demonte (eds.) // Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid: Espasa Calpe, 1999. Pp. 3391–3441.

Желонкина Тамара Петровна,

к. ф. н., доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

Неопределенность и лексические средства выражения множественности в современном английском языке

Предметом данного исследования являются существительные совмещающие в себе значения неопределенности и множественного числа. Они обозначают совокупность предметов или явлений как некое единое целое, и у них нет противопоставления единственного и множественного числа. Такую форму множественности лингвисты относят к неопределенному множественному числу [Колесников, 1989: 53–58].

Их употребление в английском языке можно проиллюстрировать существительными ***smithereens, shambles***. Общим для них является то, что они номинируют недискретность как некую массу; их значение весьма расплывчато [Арутюнова, 1980: 287]. *The lion with a mighty roar squashes the little rabbit to* ***smithereens.*** У существительного ***smithereens*** не зафиксирована форма единственного числа, и словарь [Collins English Dictionary, 2003: 1187] при истолковании его значения приводит единственный синоним small pieces**.** Это существительное чаще всего употребляется в сочетании с глаголами со значением «раздробить, превратить в массу мелких кусочков». *Though*

doubtless now our shrewd machines can blow the world to ***smithereens*** *more tidily, let's give our ancestors their due.* Иных словоформ этого существительного в корпусе английского языка [British National Corpus] не зафиксировано.

Не менее интересным являются случаи употребления существительного ***shambles***. Словарь [Collins English Dictionary, 2003: 1124] приводит следующее истолкование этого существительного с пометой *plural* — «a state of total disorder». И второе значение «a butcher's slaughterhouse» с пометой *archaic*.

Интересен тот факт, что при наличии словарной пометы «множественное число» — «plural» данное существительное употребляется с неопределенным артиклем — признаком единственного числа. *I say that having only seen Great Expectations on DVD — which I picked up for cheap in a jumble sale, my reaction after the movie was that the plot was* ***a shambles****.*

Литература:

1. *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. 357 с.
2. *Колесников А. А.* Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных современного русского языка. Автореф. … докт. дис. // Ленинград, 1989. 35 с.
3. *Юзефович Н. Г.* Интерлингвокультурный двуязычный словарь политического лексикона: системный подход // Когнитивные исследования языка. М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 564–575.
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL:http://www.lancs.ac.uk/fss/courses/ling/corpus/Corpus1/1FRA1.HTV.
5. Collins English Dictionary complete and unabridged. Sixth edition. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2003. 1872 p.

Ильченко Ольга Сергеевна,

д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пространственные представления в теории падежа: Dativus

Научный интерес автора, сфокусированный в точке пересечения основных программ когнитивной лингвистики, — это исследование *пространственных отношений* и типов концептуализации *движения* в языке, из чего непосредственно выводится и категория *грамматического падежа*, представленная как результат *межкатегориального взаимодействия* в переходной конструкции. Показательно, что отражение базовых структур сознания в механизмах языковой категоризации соотносится с «принципом Н. И. Лобачевского» — общим принципом порождения геометрических понятий, которые должны быть заимствованы из опыта. В истории языкознания показателен факт постоянного возвращения исследователей к *локалистическим воззрениям* на происхождение падежной системы — от античности (Maximus Planudes) до современных лингвистов (J. M. Anderson, L. Junda и др.). Однако применение пространственной концепции к абстрактным (грамматическим) падежам вызывает наибольшие трудности: их нередко рассматривали вне локалистических представлений. Не все ученые смо-

гли понять, что теория локалистов не подразумевает того, что значение падежей всегда и повсюду относится к конкретной и материальной области, и что «логические» падежи также не могут избежать локалистского толкования. Настаивая на необходимости отдельного рассмотрения локальных и грамматических падежей, автор подчеркивает, что различие между ними заключается лишь в том, что в случае грамматических падежей пространственные отношения проецируются посредством *метафоры* в сферу абстрактной субъектно-предикатно-объектной структуры. Однако основные локальные значения падежей понимаются учеными по-разному (мешают *синкретизм* и несоответствие объемов значения одноименных падежей в разных языках). В докладе автор ограничивается примером датива, поскольку в русском языке именно этот падеж, по Дельбрюку, сохранил «чистое» падежное значение. На примере датива раскрывается взаимосвязь между *смысловой* и *формально-грамматической* структурой предложения. Минимальные различительные признаки эндоцентрических (центральных) падежей русского языка представляют собой метафорически переосмысленные пространственные модели *положения («состояния») объектов относительно процесса,* выраженного в глагольной основе. В пространственном отношении важна также *граница* объекта. «Состояние» (термин А. Н. Колмогорова) любого объекта, обозначенного дативом, — это «положение вне процесса, без контакта». Возможности и разнообразие конкретных реализаций этой абстрактной пространственной модели отношения между действием и объектом зависят от лексического значения компонентов синтагмы, прежде всего ее управляющего члена — глагола.

Конума Юкари,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматикализация двух бытийных глаголов японского языка

Последние несколько десятилетий активно дискутируется гипотеза об однонаправленности процесса грамматикализации. Последняя при этом рассматривается главным образом в противопоставлении лексикализации, и внимание ряда защитников гипотезы сосредоточивается на эмпирическом обосновании однонаправленности грамматикализации как магистральной тенденции. Однако ограничивать изучение процесса грамматикализации ее начальной стадией и статистическим анализом не представляется продуктивным для науки.

Как отмечает Дж. Байби, грамматикализация на различных этапах своего развития оперирует разными механизмами. Один из последних, метафорическое расширение семантики, которое ряд авторов считает главным механизмом грамматикализации, может иметь место лишь на том начальном этапе грамматикализации, когда в грамматическом значении еще прослеживается связь с исходным лексическим значением. После вступления на путь грамматикализации нового показателя в данной семантической зоне, как утверждает Байби, активируется иной механизм семантических изменений конкурирующих единиц. Поскольку новый показатель эволю-

ционирует по магистральному пути процесса грамматикализации, он может заменять старший показатель в некоторых функциях, уже освоенных последним в его собственном процессе грамматикализации, и в результате сужать участок старшего в данной семантической зоне [Bybee et al., 1994: 281–301]. А. Ю. Урманчиева в ходе диахронического анализа употребления суахилийского грамматического показателя *-ka* отмечает, что на некотором этапе его семантической эволюции наблюдается редукция его семантики и сферы употребления, и также рассматривает данное явление как сужение функционально-семантической сферы старшего показателя за счет экспансии младшего. Автор, утверждая, что природа семантической эволюции существенно различна на этапе превращения лексической единицы в грамматическую, с одной стороны, и эволюции грамматического показателя как составляющей грамматической парадигмы, с другой, называет семантическую эволюцию грамматических показателей на последнем этапе грамматическим дрейфом [Урманчиева, 2008].

Процессы семантической эволюции двух японских показателей, конкурирующих в результативной зоне, подтверждают тезисы Дж. Байби и А. Ю. Урманчиевой. Следовательно, гипотеза об однонаправленности грамматикализации нуждается в существенных уточнениях.

Литература:

1. *Урманчиева А. Ю.* Сад расходящихся тропок, или дискурсивные и пропозициональные значения на семантической карте / отв. ред. В. А. Плунгян // Исследования по теории грамматики 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 87–127.
2. *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994.

Сведенцова Елена Анатольевна,
старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Старославянские причастные клаузы: предшествование и сочинительность

Действительные причастия прошедшего времени старославянского языка в достаточной степени регулярно выражают семантику предшествования и контактного предшествования. Доля сочинительных клауз с этими причастиями существенно меньше (приблизительно в пять раз на материале текста Ассеманиева Четвероевангелия (Мф)). Последние обычно относят к отдельным, единичным случаям, в особенности если речь идет о причастиях, выступающих в функции вершины независимого предложения [Večerka, 1959: 38; Růžička, 1963: 227]. Несмотря на сравнительную редкость, нарративные (здесь и далее: = сочинительные) причастные клаузы в старославянских текстах являются ценным свидетельством того, что «относительная самостоятельность и предикативная сила причастий восходит к абсолютной» [Růžička, 1963: 227]. Иначе говоря, причастные конструкции выступали в качестве предложений, аналогичных глагольным, чему спо-

собствовал тот факт, что на более ранней стадии развития (в общеславянском) они являлись предикатами самостоятельных именных предложений. Эта точка зрения активно высказывалась чешскими славистами (Zubatý, Trávníček, Havránek, Večerka). В исследовании акцентируются два момента. Первый — устойчивость в языке конструкций с морфологически выраженным субъектом ситуации в препозиции и постпозиции к причастию — был замечен Р. Ружичкой для старославянского и ранее Е. С. Истриной для древнерусского языка. Оба автора говорят о непосредственной связи причастия и Sbj, об объединении их в одну синтагму. Сама последовательность представлена почти без исключений в греческом оригинале. Но она является независимой от последнего и вполне органична для структуры славянского предложения. Знаменательно следующее утверждение Ружички: «Свидетельство синтагматического членения /Prt–Sbj/ прежде всего важно потому, что это членение позже радикально меняется» [Růžička, 1963: 29]. Второе. В ходе статистической обработки текста Ассеманиева Четвероевангелия (Мф) обнаружилась следующая тенденция. Порядок слов в этих структурах часто тот же, что и в конструкциях, отнесенных к причастным нарративным (= сочинительным) последовательностям. Эти структурные типы причастных клауз, передающих предшествование, являются близкими, промежуточными по отношению к типичным причастным нарративным цепочкам. Лучшим же аргументом в пользу возможности причастного нарратива (как и предложенного Е. С. Истриной и Р. Ружичкой синтагматического членения) в старославянском языке служит, по-видимому, тот факт, что причастия **в тех же формах** могут употребляться и в разносубъектных конструкциях. С нашей точки зрения, вряд ли стоит рассматривать эти конструкции, в традиции называемые именительным самостоятельным [Потебня, 1958: 199], и независимые предложения с причастными вершинами изолированно. То же действительно и для причастий настоящего времени.

Литература:

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. I–II. 536 с.
2. *Večerka R.* Ke genesi slovanský konstrukcí participia praes. act. a praet. act. I // Sborník fil. fak. Brno, 1959. A 7. S. 37–48.
3. *Růžička R.* Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechishen. Berlin: Akademie-Verlag, 1963. 395 S.

Сулица Олег Андреевич,

аспирант, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Научный руководитель: Абакумова О. Б., д. ф. н.

Пословичный концепт «счастье» и его культурные стереотипы в английской и японской культурах

В различных культурах есть как сходные, так и различные представления о счастье, которые репрезентируются в языковой форме и особенно в форме фразеологических и паремиологических единиц. С одной стороны,

развитие восточной и западной культур проходило совершенно по-разному, религия по-разному оказывала влияние на формирование цивилизаций. С другой стороны, понятие «счастье» является одним из центральных в этической картине мира любого народа. Особый интерес представляет собой реализация данного понятия в пословицах на английском и японском языках.

Пословица является самой краткой литературной формой и в то же время — языковым знаком. Пословица имеет тройственную природу, совмещая свойства единицы языка, логики и литературного произведения [Пермяков, 1970: 8].

В связи с тем, что пословица рассматривается как отражение ценностей конкретной культуры, можно говорить о том или ином пословичном концепте-стереотипе. По мнению О. Б. Абакумовой, под концептом-стереотипом понимается совокупность семантических ролей, выполняемых именем в предложениях-высказываниях, представляющих типовые ситуации (фреймы).

Расширенный аппарат референциально-ролевой грамматики путем введения семантического падежа «квалитатив», дающего характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта и/или сирконстанта и использования фреймового анализа, дает возможность описать универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых явлений в двух языковых культурах, см.: [Абакумова, 2008].

Изучив пословицы о счастье в японском и английском языках и применив к ним аппарат семантических падежей, можно выявить онтологические, аксиологические, гносеологические и модальные признаки концепта.

В японском и английском языках встречаются похожие по значению пословицы с разным грамматическим и лексическим наполнением, например, 残り物には福がある (nokorimononiwafukugaaru), буквальное значение: *В остатках есть счастье*. Английские варианты: Good luck lies in odd numbers. Last but not least. Кроме этого, в каждом языке представлены пословицы, уникальные по образной составляющей, например, 禍福は糾える縄の如し (kafukuwaazanaerunawagotoshi), буквальное значение: *Несчастье и счастье как перекрученная веревка*.

Всего было проанализировано более 70 пословиц на японском и английском языках. Анализ японских и английских пословиц, репрезентирующих концепт «счастье» по данным словарей, позволил выделить как минимум 10 квалитативов. Среди них квалитативы *непредсказуемости судьбы; семейного счастья; осторожности, осмотрительности; надежды на лучшее; материального благополучия; мудрости; справедливости* и др.

Литература:

1. *Абакумова О. Б.* Пословичные концепты «правда» и «truth» в паремическом микро-дискурсе // Россия и Запад: диалог культур: Сб. ст. XII международной конференции. Вып. 14. Ч. III. М., 2008. С. 3–11.
2. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 239 с.

Супрунчук Никита Викторович,
к. ф. н., доцент, Беларусский государственный университет

Некоторые проблемы вторичной предикации

Вопросы о сущности понятия «предикативность» и о классификации предикатов возникают в связи с анализом отражения действительности в тексте. В некоторых фразах описывается одна ситуация, один образ. В других с разной степенью ясности и отчетливости проявляется наличие нескольких ситуаций или описывается несколько действий, состояний, которые нельзя представить как единый процесс. Поскольку понятие предикативности предполагает соотнесение описанного образа с действительностью, придание ему онтологического статуса, постольку всегда встает вопрос о том, существование чего описывается (предицируется) в той или иной фразе. В случае монопропозитивности фразы вопросов о количестве и статусе предикатов не возникает. Однако полипропозитивные фразы дают широкий простор для дискуссии о способах их языкового воплощения.

Основным средством соотнесения высказывания и действительности является предикат — сказуемое. Между тем во фразе можно найти такие слова, которые бы не только не подчинялись сказуемому, но и вообще никак бы к нему не относились, не вступали бы с ним ни в какую связь. Речь идёт, прежде всего, о детерминантах. Под детерминантом, детерминирующим членом предложения, принято понимать «распространитель, относящийся ко всему составу предложения и не связанный ни с каким отдельным его членом» (Рус. грам. парагр. 2022). Точнее сказать, он связан с несколькими членами предложения особым видом связи.

Ю. С. Степанов (1981) рассмотрел несколько ценных классификаций предикатов, нам, однако, понадобится еще одна: на первичные и вторичные. Первичными предикатами называют предикаты, выраженные личными формами глагола, вторичными — иные носители предикативности (причастие, деепричастие, герундий, супин, инфинитив, отглагольное существительное и др.). Примеры: *Мальчик отбросил книгу падая / встревоженный / нераскрытой.* The leaves lay sodden in the rain… (E. Hemingway «A Moveable Feast»).

Суть подобных предложений в том, что они совмещают в себе описание нескольких ситуаций. Это аналоги сложных предложений, чаще всего с придаточными определительными или условными, которые трансформируются в одно простое и теряют свою эксплицитную предикативность вследствие утраты предиката, чаще всего связочного глагола, как можно предположить. Отличительная черта вторичных предикатов — их двойная зависимость. В предложении они ориентированы на два управляющих слова, которые оказываются конкурентами за контроль над такими вторичными предикатами: *Держи книгу открытой.* В подобных предложениях наблюдается комбинация связей управления и модификации (согласования).

Отдельную проблему составляет классификация вторичных предикатов (депиктивы, результативы и др.).

Тискин Даниил Борисович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Русские противительные союзы при асимметричной релятивизации

1. В русском языке возможно сочинение придаточных относительных с союзным словом «который», в т. ч. в разных предложно-падежных формах (1). Соединяющий придаточные союз может быть и противительным: «но» (2) и «а» (3). (Мы не рассматриваем употребления «а» в сочетании «не… а».)
   (1) Им предлагалось описать те приметы, которыми они сами пользуются в жизни и которым верят.
   (2) Это слово, которое все так боятся произнести, но / *а которое (всё-таки) висит в воздухе.
   (3) Именно тогда начали происходить вещи, последствия которых не забываются через неделю, а решения которых занимают месяцы.

   Следует заметить, что союз «а» может сочинять такие клаузы не во всех своих значениях. Следуя классификации Г. Е. Крейдлина и Е. В. Падучевой (1974), можно сказать, что в этой функции не может выступать «„а“ несоответствия норме», откуда неприемлемость «а» в (2), для понимания которого существенно, что ситуации ‘все боятся произнести’ и ‘висит в воздухе’ в норме не имеют места одновременно.
2. В то же время названная стратегия релятивизации сочиненных придаточных не является единственной. Ее можно было бы назвать симметричной, противопоставляя ее асимметричной релятивизации. При последней во втором придаточном вместо союзного слова выступает местоимение, которое, будь оба придаточных главными, было бы кореферентно той именной группе в первом из них, которая при релятивизации заменяется союзным словом. Таким образом, оба придаточных релятивизируются одним союзным словом, ср. (4)–(6).
   (4) Современные девочки воспитываются в духе принцесс, которым все можно, и им за это ничего не будет.
   (5) Меня сильно раздражают докладчики, которым нечего сказать, но они упорно записываются на все мероприятия.
   (6) Есть люди, которых ты считаешь поддержкой, а они оказываются подножкой…

   Здесь употребление «„а“ несоответствия норме» приемлемо. В то же время несколько хуже употребление «и», как в (4). Мы полагаем, что само употребление анафорического местоимения вместо союзного слова представляет собою стратегию «исправления» предложения, в котором придаточные сочинены союзом, отличным от «и»; соответственно, при употреблении «и» приемлемость предложения с местоимением снижается.
3. Как объяснить контраст между неприемлемостью «а» в (2) и его приемлемостью в (6)? Заметим, что «а» в обычном случае не соединяет именные группы и группы прилагательного, но способен соединять

их, если они предикативны, и в таких случаях имеет значение «несоответствия норме»:

(7) Такой тупарь, а начальник…

(8) Маленький, а злой. Самостоятельный у паренька характер.

Соответственно, наша гипотеза состоит в том, что «миративная» семантика союза «а» требует, чтобы сочиняемые им элементы были частью основного сообщения, а не фоновой информации (background). Использование анафоры вместо релятивизации в (6) снижает фоновость.

Черноусова Анастасия Степановна,
к. ф. н., доцент, Пермская государственная академия искусства и культуры

О словарном запасе современного студента: экспериментальное исследование

Словарный запас человека — это объективный показатель его образованности, уровня интеллектуального и культурного развития. Чем богаче и выразительнее речь человека, тем более глубокие мысли и тонкие оттенки чувств он способен передать. По разным данным ученых-лингвистов, диапазон «словарного запаса» разных людей очень велик — от 6 тыс. до 25 тыс. слов, что обеспечивает возможность свободно общаться и понимать друг друга.

Постоянные изменения, происходящие в языке, отражаются, прежде всего, на лексическом уровне. Огромное количество заимствований, уход из активного употребления слов, связанных с Советской эпохой, необходимость быстро передавать информацию — все эти процессы связаны с проблемой восприятия и понимания, которые определяются объемом и качеством индивидуального лексикона.

Слова характеризуются определенной спецификой: они отличаются друг от друга по происхождению, степени активности, сфере употребления и по стилистической принадлежности.

Насколько словарный состав современного молодого человека обширен и в какой степени он способен правильно понимать и воспринимать текст поэтического произведения, включающего в себя не только общеупотребительные, но и другие лексические пласты — вопросы, которые подтолкнули к проведению экспериментального исследования. В качестве экспериментального материала были подобраны 20 слов из произведений И. Бродского.

Список слов — следующий: *Гедонист, Гипербореи, Гумно, Диссидент, Жерло, Капище, Мастак, Морось, Нумизматка, Пилигрим, Постскриптум, Ристалище, Свайка, Серафим, Фальцет, Фелюга, Херувим, Хронос, Хунта, Эмпирей.*

В эксперименте приняло участие 30 человек — студентов 1 курса Пермского государственного института культуры, которым в качестве задания было предложено сформулировать значения перечисленных лексических единиц.

В итоге выяснилось, что студенты испытывают трудности при выполнении задания, не знают значений большинства слов списка.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: скудный словарный запас — результат неумения или нежелания систематически самообразовываться, читать классические образцы художественной литературы (а именно она несет в себе развивающий и воспитательный потенциал, являясь одним из важнейших средств всестороннего гармонического развития личности). Для того чтобы почувствовать, узнать и пережить то, что хотел сказать писатель, поэт, понять тончайшие оттенки его переживаний, надо знать и понимать значения лексических единиц, встречающихся в его произведениях.

Поиски методов, позволяющих перемещать слова в ряд семантически освоенных лексических единиц, расширяющих возможности лексического выбора, является важной и актуальной задачей филологического и гуманитарно-педагогического образования.

Чуйкова Оксана Юрьевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Модальные значения форм будущего времени в русском, английском и испанском языках

В лингвистической литературе не раз отмечалась тесная связь между семантическими зонами будущего времени и модальности. Будущие события не принадлежат реальному миру, ненаблюдаемы, не подлежат верификации. В этом отношении высказывания, реферирующие к плану будущего, отличаются от высказываний о настоящем и прошедшем [Dahl, 2000: 309–310; Плунгян, 2011: 360–361]. Связь с модальностью прослеживается и в процессе исторического развития будущего времени: 1) модальные выражения со значением желания, необходимости, способности — важный источник грамматикализации будущего времени; 2) показатели будущего времени при дальнейшем семантическом развитии часто приобретают способность к выражению дополнительных значений эпистемической модальности (вероятности, возможности), императива [Bybee et al., 1991].

Рассматриваются средства референции к будущему времени (критерий — способность к выражению значения предсказания применительно к неволитивному субъекту) в трех языках: в русском — аналитическая (*буду писать*) и синтетическая (*напишу*) формы будущего времени; в английском — будущее время с *will* (*I will do*) и конструкция *be going to* + infinitive (*I am going to do*); в испанском — синтетическая форма будущего (*escribiré*) и аналитическая конструкция *ir a* + infinitivo (*voy a escribir*). Анализу подлежат нефутуральные (модальные) значения перечисленных средств.

Например, в литературе отмечались «эпистемические» прочтения английского *will* и испанского синтетического будущего.

(1) англ. [Someone's knocking on the door.] *That* ***will be*** *the postman* [Binnick, 2012: 1034]. '[Кто-то стучит в дверь.] Вероятно, это почтальон.'

(2) исп. *Serán las ocho* [Nueva Gramática, 2009: 1771]. 'Вероятно, сейчас восемь часов.'

Подобный тип употреблений наблюдается и у русских форм будущего времени:

(3) *При сравнении правда получается, что ипсум понавороченнее будет* [НКРЯ: ruscorpora.ru].

Настоящее исследование предполагает рассмотрение этого и других модальных значений у показателей будущего времени и установление параметров их межъязыкового варьирования.

Литература:

1. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
2. *Binnick R.* The Oxford handbook of tense and aspect. Oxford, 2012.
3. *Bybee J. L., Pagliuca W. P., Perkins R. D.* Back to the future / E. C. Traugott, B. Heine (eds.) // Approaches to grammaticalization. Vol. II. Amsterdam, 1991. Pp. 17–58.
4. *Dahl Ö.* The grammar of future time reference in European languages / Ö. Dahl (ed.) // Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, 2000. Pp. 309–328.
5. Nueva gramática de la lengua española. Volumen I. Madrid, 2009.

Шацков Андрей Владимирович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Полисемия суффикса *-nu-* в хеттском языке

Хеттским глаголам с суффиксом *-nu-* обычно приписывается каузативное значение (см., например, [Hoffner, Melchert, 2008. P. 178]). Данный суффикс мог присоединяться как к глагольным, так и именным основам, ср. *hark-* ‘исчезать’ : *harkanu-* ‘уничтожать’ или *parkui-* ‘чистый’ : *parkunu-* ‘очищать’. Подобное употребление суффикса *-nu-* находит параллели и в других индоевропейских языках, ср. Sihler 1995: 501-2. Этот класс отличался высокой продуктивностью в хеттском языке, в сумме известно более 100 таких глаголов. Большинство из них действительно можно считать каузативами или фактитивами, однако с этим суффиксом засвидетельствованы также несколько непереходных глаголов (например, *huntarnu-* ‘хрюкать’, *nuntarnu-* ‘спешить’), а также ряд глаголов, значение которых кажется идентичным значению исходных глаголов (например, *pahs-* и *pahhsanu-* ‘охранять’, *wastai-* и *wastanu-* ‘грешить’). Очевидно, что в данном случае о каузативных отношениях говорить не приходится. Внимательная проверка контекстов показывает, что разница между *pahs-* и *pahsanu-*, *wastai-* и *wastanu-* все же присутствует. Варианты с суффиксом *-nu-* встречаются в контекстах, где речь идет об однократном или завершенном действии, в то время как у базовых глаголов действие не ограничено во времени. Впрочем, выявленная у суффикса *-nu-* функция обозначения однократного действия не объясняет существование таких глаголов, как *nuntarnu-* ‘спешить’. В данном случае нам приходится предполагать наличие у суффикса *-nu-* еще одной функции, вероятно, итеративной или интенсивной. В целом, подобная ситуация не уникальна для хеттского; полисемия у показателей каузатива встречается и в других языках [Aikhenvald, 2011], в т. ч. и индоевропейских [Kölligan, 2007].

Литература:

1. *Aikhenvald A.* Causatives which do not Cause: Non-Valency-Increasing Effects of a Valency-Increasing Derivation / A. Aikhenvald, R. Dixon (eds.) // Language at Large: Essays on Syntax and Semantics. Brill, Leiden; Boston, 2011. Pp. 86–142.
2. *Hoffner H., Melchert C.* A Grammar of the Hittite Language. Eisenbrauns, Winona Lake, 2008.
3. *Kölligan D.* Iteratives and causatives in Latin: a unified approach. Greek and Latin from an Indo-European perspective / Eds.: C. George et al. Cambridge: Cambridge Philological Society, 2007. Pp. 49–64.
4. *Sihler A.* New Comparative Grammar of Greek and Latin. Oxford University Press, 1995.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Знаешева Ирина Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Термин «наречие» как зеркало теоретических разногласий в лингвогеографии

1. Период с 70-х гг. XIX в. и до 30-х гг. XX в. в истории языкознания характеризуются активным развитием диалектографии, или лингвогеографии, что является одним из проявлений национального романтизма. Один из основателей немецкой школы лингвогеографии Фердинанд Вреде (1863–1934) позже писал: «Мускулы языка и нёбная занавеска передали первенство диалектологическому атласу». В это время создаются диалектологические атласы многих европейских языков, издаются региональные словари. В России о необходимости географических исследований языка пишут И. И. Срезневский (1812–1880), А. И. Соболевский (1856–1929). А. И. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) читал курсы лингвогеографии разных стран в Тартусском университете. Вышел «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, в 1903 г. была создана Московская диалектологическая комиссия, в 1915-м при поддержке Русского географического общества вышел «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова, Д. Н. Ушакова.
2. В центральных работах русских ученых, посвященных проблематике диалектографии в обозначенный период (см., например, «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий» И. И. Срезневского (1857), «О наречиях русского языка» В. И. Даля (1852), «Очерк русской диалектологии» А. И. Соболевского (1892) и др.) не оговаривается четко значение термина «наречие», который, тем не менее, является одним из центральных при описании и членении говоров русского языка. Подобная лакуна, по всей вероятности, свидетельствует не только о сложностях начального этапа становления теории русской диалектологии, но и о некотором общем согласии, общем представлении о сущности явления, именуемого этим термином.

3. Предпринимая попытку восстановить, что же стояло за этим термином, можно придти к выводу, что наречие (диалект) понималось как географически (и/или исторически) замкнутое языковое единство с достаточно четко выраженными границами и возможными зонами переходности. Такой подход вступал в противоречие с распространенным подходом французско-швейцарской школы лингвистической географии Ж. Жильерона (1854–1926).

Иванова Ирина Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Университет Лозанны (Швейцария)

Академик А. А. Шахматов и зарождение социологического подхода к языку

В начале XX в. кризис в лингвистике показал исчерпанность сравнительно-исторического метода и привел языковедов как России, так и Европы к проблеме поиска новых методов анализа языкового материала. В России И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики обращаются к изучению живой речи. В то же время и А. А. Шахматов, посвятивший свои исследования русскому летописанию, начинает заниматься русскими диалектами и тоже все больше обращается к анализу современного состояния языка. В поле его внимания попадает социальный аспект языка. На первый план выходит вопрос о соотношении индивидуального и социального в языке. Хотя Шахматов придерживается в этом вопросе достаточно распространенной в то время точки зрения, стремление к всестороннему охвату анализируемого материла приводит его к выявлению важной роли социального фактора в языке. И здесь позиция Шахматова во многом совпадает со взглядами Антуана Мейе, в то же время в корне отличаясь от понимания социально аспекта у Фердинанда де Соссюра. Поэтому большой интерес представляет развитие научных взглядов Шахматова и его понимание социального, которое оказало влияние на работы русских лингвистов — его современников.

Анализ развития этих взглядов позволяет увидеть специфику становления социологичесокого подхода в России в конце XIX — начале XX в.

Клубкова Татьяна Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Обыкновенный просветитель

Доклад — попытка комментирования адресованной широкому читателю книги Ф. Колоколова «Картина древности, или Историческия любопытныя примечания: Содержащия в себе различныя относящияся до наук и художеств сочинения, объясняющия отдаленную глубокую древность и наипаче историю мира, свойства стран и народов, их языки, их сходства и несходства; их взаимное между собою обращение, их торговлю и промыслы, состояния в хлебе, в вине, в садах, в рыбных ловлях, соленых варницах»,

опубликованной в 1793–1794 гг. в Калуге. Просветительский трактат имеет сходство с сочинениями немецких компиляторов Г. Штолле, Фабрициуса, описывающих всё, от семи свободных искусств до изобретения засолки сельди и портновских выкроек. Читая Феофана, можно выявить комплект знаний, считавшийся общепринятым в конце XVIII в. и не сохранившийся при смене парадигмы. Первый раздел книги посвящен языку: составитель описывает «разнообразность в даре языков и нравов», используя античные и западноевропейские источники, из российских авторов упомянуты только Тредиаковский и Ломоносов. Описание языков сделано по географическому принципу. В описании языков Европы составитель опирается на Скалигера (термин matrix переводится как «корень»). Феофан указывает на особую роль греческого языка, упоминает его родство с камбрийским (ссылаясь на Гиральда Камбрийского), описывает причины распространения греческого, его современного упадка. Скалигер — не единственный источник, при описании славянских языков упоминается Конрад Геснер; характеризуя германские языки, Феофан применяет принцип взаимопонятности («исландцы понимают — норвежский, немцы — голландский»), среди германских языков назван и готский со ссылкой на Бусбека. Отдельные параграфы посвящены восточным языкам, автор придерживается древнееврейской гипотезы, даны описания арабского, турецкого, персидского, малакского и китайского языков, языков Африки и Америки. Процесс изменения языков описан как деградация; язык и нравы народов связаны; два параграфа посвящены истории письма; в рассказе о философском языке упомянуты Веруламий (т. е. Фр. Бэкон), Георгий (т. е. Дж. Дальгарно), Вилкинс; описываются семиология, язык жестов; стенография и тайнопись; иероглифика. Особо рассматриваются средства сохранения информации — перо, трость, пергамент, папирус, бумага, типография. Подобные мысли можно встретить у популярного в то время историка науки Г. Штолле и у Г. В. Лейбница. Трудности возникали при понимании имен собственных (Восий — Фосциус, Бусбекий — Бусбек), названий языков (кавцический, язигический, карибанский). Для идентификации оказались весьма полезными как трактат Г. Штолле, так и статья итальянского неолингвиста Дж. Бонфанте «Заметки о родстве европейских языков».

Кузнецов Сергей Николаевич,
д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Общество «Космоглот» (Петроград): утраченная и вновь обретенная страница из истории отечественного языкознания. К столетнему юбилею общества (1916–2016)

Первая мировая война парадоксальным образом способствовала омоложению рядов российских языковедов и оживлению их теоретической деятельности. Языковеды фортунатовской школы создали Московский лингвистический кружок, которым руководил Р. О. Якобсон (1915–1924). В Петрограде появились Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ,

1916–1925) и одновременно с ним общество «Космоглот», возглавлявшееся инженером В. К. Розенбергером и (в качестве почетного председателя) И. А. Бодуэном де Куртенэ. Историк науки по достоинству оценит тот факт, что почетное председательство было предложено Бодуэну де Куртенэ в наиболее трудный период его жизни, когда он был уволен с должности профессора Петроградского университета и отбыл трехмесячное заключение в петроградской тюрьме «Кресты» за публикацию антиправительственной брошюры по национальному вопросу. Бодуэн выступал в ней против национального угнетения и предлагал меры, которые должны были послужить идее межнационального согласия. Общество «Космоглот» как раз и являло собой пример дружественного взаимодействия ученых разных национальностей, где русские соседствовали с немцами, поляками, латышами, эстонцами... Основной задачей, которую ставили перед собой члены общества, была разработка проблем международного языка, он, по их мнению, мог способствовать преодолению национальной розни. Диапазон исследований, которыми занимались члены общества «Космоглот», постоянно расширялся, охватывая все новые и новые области. От изучения структуры международных языков некоторые члены общества перешли к построению теории, спустя несколько десятилетий названной теорией автоматического (или машинного) перевода — и это при том, что в эпоху «Космоглота» не существовало никаких машин, которые могли бы автоматизировать перевод. Еще больший успех был достигнут на пути создания научной семиотики. Общество «Космоглот» было основано в том самом году, когда в Швейцарии появился посмертным изданием «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Как известно, в «Курсе» было высказано мнение о возможности построения общей теории знаков, которую Ф. де Соссюр называл семиологией. Одного этого оказалось достаточно, чтобы провозгласить Ф. де Соссюра основоположником этой новой науки. Члены «Космоглотта» в этом отношении продвинулись значительно дальше. В 1916 г. Я. Линцбах опубликовал в Петрограде книгу «Принципы философского языка», где эксплицитно развернуты важнейшие принципы семиотики. В современных переизданиях этой книги она с полным правом рекомендуется как один из «основных трудов по общей семиотике». В 1921 г. деятельность общества «Космоглот» была перенесена из Петрограда в Ревель (Таллин), где продолжалась до 1928 г. Однако важнейшие достижения общества остались позади — они принадлежат истории российской и петроградской науки.

Ливанова Александра Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Норвежский диалектолог Халлфрид Кристиансен

Имя Халлфрид Кристиансен (Hallfrid Christiansen, 1886–1964) мало известно лингвистической общественности России, да, впрочем, и других стран (посвященная ей страничка в Википедии существует всего на двух языках, и оба эти языка — норвежские: букмол и нюнорске, или

новонорвежский), в то время как в Норвегии она чтима как один из основателей современной диалектологической науки, да и просто как замечательный германист. В этой связи необходимо особо отметить две вещи. Во-первых, диалектная речь в Норвегии широко распространена и престижна; причины такого положения, как исторические, так и лингвистические, будут перечислены в докладе. Соответственно, диалектология относится к наиболее разработанным лингвистическим дисциплинам, а имена важнейших диалектологов известны любому школьнику. Во-вторых, современная Норвегия известна во всем мире как страна, в которой отстаиваются и претворяются в жизнь принципы демократии и всеобщего равенства, в т. ч. равноправия мужчин и женщин. Многие, в особенности и сами норвежцы, привыкли считать, что это давняя традиция страны. Однако еще совсем недавно (в историческом масштабе) дела в этой сфере обстояли совсем иначе, чему примером может служить научная судьба самой Халлфрид Кристиансен, а не ее трудов (без ссылок на которые по сию пору обходится редкая диалектологическая работа). В качестве основных заслуг Кристиансен обычно указывается, что она предложила положить в основу классификации диалектов не мелкие отличия между ними, а крупные сходства и что она составила подробное научное описание северных диалектов. Однако круг интересов Кристиансен не ограничивался диалектологией. Так, в сотрудничестве с датским языковедом Нильсом Оге Нильсеном ею был составлен норвежско-датский словарь, вышедший в 1955 г. Представляется, что вклад Халлфрид Кристиансен в науку давно пора оценить по достоинству.

Лоза Анжела Валерьевна,
к. ф. н., ассистент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Философия языка в Германии XIX в.: жизнь и творчество К. Германна. Философская грамматика

Конрад Германн (1819–1897) — профессор философии Лейпцигского университета, философ языка, один из первых лингвоисториографов XIX в. На заре становления науки о языке он освещал вопросы, имевшие ключевое значение для признания ее в качестве научного знания и создания ее методологии: разработал систему знания о языке, новую дисциплину, обозначенную им как философская грамматика.

О жизни и творчестве К. Германна известно немногое. Его имя очень редко встречается в работах историографов, философов, лингвистов. В самом начале работы над исследованием было известно лишь его имя, даты жизни и тот факт, что он преподавал в университете Лейпцига. Впоследствии, благодаря работе, которую архив университета Лейпцига проводит по обработке, оцифровке исторических материалов: актов, научной переписки профессоров, матрикулов; составлению каталогов профессоров университета с перечнем прочитанных ими лекций и проведенных семинаров и т. д., стало возможным получить более конкретное представление о на-

учной деятельности К. Германна. Работа в архивах города и университета Лейпцига позволила воссоздать «портрет ученого», образ К. Германна как исследователя и как личности.

К. Германн происходил из благородной семьи. Его дед Я. Геррманн был доктором юридических наук, адвокатом, председателем суда шеффенов в Лейпциге, его отец Г. Германн — известным классическим филологом, профессором Лейпцигского университета, его дядя Х. Швегрихен занимал должность профессора естественной истории в Лейпцигском университете. К. Германн учился в университете Лейпцига, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Преподавая на философском факультете, читая лекции, в т. ч. по языкознанию, он передавал знания своим студентам, среди которых были и будущие младограмматики.

В рамках тем, затрагиваемых К. Германном в его работах, можно выделить следующие вопросы: происхождение и развитие языка, многообразие языков, языковое родство, язык в контексте человеческой истории, взаимоотношения языка и мышления, функции языка в познавательном процессе и др.

В своем труде «Философская грамматика» (Лейпциг, 1858) он определил одну из задач философии, которая заключается в критическом изучении языка. Для выполнения этой задачи К. Германн считал необходимым создание новой дисциплины, которая занималась бы изучением устройства языка и на базе языкового материала исследовала закономерности мышления. Такой наукой стала философская грамматика, она представляла собой комплексное знание о языке, в котором каждый отдельный компонент раскрывает сущность языка со своей стороны, а в совокупности они обеспечивают целостность данного знания. Данными компонентами стали: философия языка, этимология, синтаксис, метрика и герменевтика.

Погосян Тамара Нельсиковна,
аспирант, Ереванский государственный университет (Армения)

Первые книги, напечатанные на новоармянском языке (XVII в.)

Данная научная работа посвящена изучению первых книг, напечатанных на новоармянском языке. В XVII в. впервые были напечатаны книги на раннем новоармянском языке, которые играют очень важную роль в изучении развития армянского языка, языкового состояния раннего новоармянского языка (ранний ашхарабар). «Ремесло сосчитования» (1675), «Пояснение духовного псалмопевца Давида пророку» (1687) «Сокровища меры, веса, чисел и денег всего мира» (1699) представляют большой интерес не только для исследования армянского языка, но и для истории армянского и всемирного книгопечатания, т. к. все они были напечатаны в разных городах мира, где армяне основали типографии.

Марсель, Венеция и Амстердам — одни из красивейших городов мира, которые привлекают людей своей историей, исскуством, достопримеча-

тельностями, именно в этих городах впервые были напечатаны книги на новоармянском языке. Этот факт повышает интерес к изучению книг XVII в.

В истории армяского книгопечатания типография имени Святого Эджмиацина и Святого Саркиса играет важную роль. Эта типография также называется Восканян в честь Воскана Ереванского, который внес большой вклад в разные вопросы деятельности типографии и книгопечатания. Типография действовала в разных городах. Во время ее деятельности в Марселе в 1675 г. была напечатана первая книга на новоармянском языке — «Ремесло сосчитования». В 1687 г. в Венеции в типографии Наапета Агулеци была напечатана вторая книга на новоармянском языке — «Пояснение духовного псалмопевца Давида пророку». В истории армянского книгопечатания большое значение имела типография Ванандских, которая находилась в Амстердаме. В 1699 г. здесь была напечатана книга Гукаса Ванадского — «Сокровища меры, веса, чисел и денег всего мира», она является третьей книгой, напечатанной на новоармянском языке.

Лингвистическое исследование языков вышеупомянутых книг показывает, что в анализируемых нами книгах присутствует большое количество народно-разговорных и диалектных явлений, в них можно увидеть морфологическую основу нового литературного языка. Ранний ашхарабар описывается единым языковым состоянием, и ему характерны языковые особенности, свойственные и восточным, и западным диалектам. А разделение армянского языка на две ветви — восточную и западную — произошло в XVIII в. Также было показано, что XVII в. — важный период не только в развитии армянского языка, но и в истории армянской книги, т. к. в это время в типографиях, действующих в разных городах мира, как уже было указано выше, печатались первые книги на новоармянском языке.

Тримбл Уолкер,
Ph. D., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Спхота, мадхьяма и прагматические теории языкового восприятия

Взаимосвязь языковой формы и ее значения, высказывания и его понимания всегда была в центре внимания лингвистики и философии языка. Ученые разработали философские, практические, экспериментальные, антропологические и психологические подходы к решению этой проблемы. Последние исследования в области науки о мозге, выполненные с помощью новейших технологий, статистического и цифрового моделирования, привели к мощному прорыву в этой сфере, а также в когнитивной науке, что может способствовать открытию механизма, с помощью которого набор словесных сигналов (в любой форме) привязывается к определенному нейронному пути.

Однако этот существенный пробел еще предстоит восполнить более глубоким исследованием. Большинство семантических теорий использует

определенный шаблон, который мы здесь называем **редукционной апорией (reductive aporia)**. Этот метод предполагает, что языковые единицы последовательно редуцируются до того объема, который считается базовой единицей значения и впоследствии трансформируется в процессе обретения точного смысла. Нами рассматриваются несколько примеров применения данного метода. Однако существует так много доказательств против этой позиции, что она подвергалась постоянной критике уже с древних времен. Эта идея не только противоречит наблюдениям и опыту, но и имеет существенный теоретический изъян: нет оснований считать, что более редуцированное означающее ближе к означаемому, чем более распространенное. Это контрастирует с **синтетической прагматикой**, которую мы условно называем набором означающих, которые в совокупности ассоциируются с означаемым. В то же время и такой подход представляется тупиковым из-за невозможности обоснованного различения этого набора элементов.

В нашем докладе мы надеемся показать соотношение четырех примеров **синтетического прагматического подхода**. Мы отмечаем новые работы в области **прагматической философии языка**, показывающие, как теории позднего Л. Витгенштейна и его последователей помогают решить эту проблему. Затем мы обобщаем основные концепции **лингвистической философии Бхартрхари** и рассматриваем, как его механизм языковой обработки (особенно мадхьяма) создает модель понимания прагматического значения. Также мы рассматриваем, какие дополнительные сведения к решению этих вопросов предоставляют новые достижения **в науке о мозге**. Наконец, мы показываем, как конкретные **феноменологические исследования** могут обеспечить контекст, который демонстрирует обоснованность прагматического подхода к семантике.

Мы стремимся показать, что основная идея Бхартрхари о значении языка и восприятия является лучшим решением проблемы знака и смысла. Однако для того чтобы соотнести это понимание с современной наукой, необходимо рассмотреть другие особенности коммуникации, включающие в себя неврологические, прагматические и, как ни удивительно, **этические** компоненты. Для последнего пункта мы используем некоторые идеи сложной философии языка **Э. Левинаса**.

Несмотря на то что все эти теории охватывают континенты и тысячелетия, наше исследование показывает, что они могут быть синтезированы в настоящее время благодаря пересечению науки о мозге и истории философии. Мы надеемся продемонстрировать основные принципы того, как эти теории могут быть подтверждены посредством контролируемого психологического эксперимента.

Литература:

1. *Brandom R.* Between Saying and Doing.
2. *Damasio A.* Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the Feeling Brain.
3. *Levinas E.* Totality and Infinity.
4. *Ramachandran V. S.* The Tell-Tale Brain.
5. The *Vakyapadiya* of Bartrhari (Brahmakanda & Kalasamuddesa) / R. Sharma, ed.

Балчюниене Ингрида,
Ph. D., доцент, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Корнев Александр Николаевич,
д. псих. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Assessing Narrative Language in Preschoolers: From Group Analysis to Individual Profile

Intervention in specifically language-impaired (SLI) children needs efficient and ecologically valid diagnostic tools. Narrative analysis could serve as such a tool for a number of reasons. First, oral narratives represent a good sample for structured communication evaluation [McCabe, Bliss, 2003]; second, narrative skills can be informative predictor for written language acquisition and literacy development [Westerveld et al., 2008]; finally, narrative may also prove to be a good tool for distinguishing language disordered groups [Botting, 2002].

Our aim was to pilot Russian Assessment Instrument for Narratives (RAIN) [Kornev, Balčiūnienė, 2014] developed on the basis of the MAIN [Gagarina et al., 2012] in the SLI Russian-speaking preschoolers. The subjects of the research were 12 clinically-referred monolingual 6-year old SLI children and 12 typically-developing (TD) peers. Each subject performed two tasks, i. e. storytelling and retelling according wordless picture sequences. The order of tasks was counterbalanced with regard to narrative mode (telling vs. retelling) and story complexity (less complex vs. more complex story). All the stories were video-recorded, transcribed, and morphologically coded for automatic linguistic and statistical analysis.

Results of the study evidenced that the RAIN enables a researcher to compare narrative language of Russian-speaking children in balanced telling and retelling conditions controlled for narrative complexity, task order and priming effect. Retelling procedure had the most discrimination ability ($F=6.4$; $P<0.016$). For narrative structure, significant determinant was «Story» ($F=5.3$; $P<0.028$) which interacted with «Group» ($F=10.5$; $P<0.003$). From the perspective narrative language, SLI children were significantly backward in syntactic complexity ($F=10$; $P<0.01$) and lexical diversity ($F=15.6$; $P<0.003$). Moreover, by means of z-scoring analysis, a group profile of narrative language in TD and individual profiles of narrative language in SLI population were constructed. The latter is crucial not only for diagnosing language impairment but also for selecting speech therapy targeting individual linguistic limitations.

Литература:

1. *Botting N.* Narrative as a tool for the assessment of linguistic and pragmatic impairments // Child Language Teaching and Therapy. 18(1). 2002. Pp. 1–21.
2. *Gagarina N. et al.* MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives. Berlin: ZAS, 2012.

3. *Kornev A. N., Balčiūnienė I.* Narrative analysis as the SLI assessment tool // Early Prevention in Children with Verbal Communication Disorders. 2014. Pp. 49–58.
4. *McCabe A., Bliss L.* Patterns of narrative discourse. Boston: Allyn & Bacon, 2003.
5. *Westerveld M. et al.* A longitudinal investigation of oral narrative skills in children with mixed reading disability // International Journal of Speech-Language Pathology. 10(3). 2008. Pp. 132–45.

Белов Вадим Алексеевич,
к. ф. н., доцент, Череповецкий государственный университет

Проблема взаимозаменяемости синонимов

Взаимозаменяемость, или субституция, синонимов как один из критериев синонимии обсуждается в отечественной (Л. А. Булаховский, Б. В. Горгунг, В. А. Звегинцев, В. К. Фаворин, Л. А. Новиков, М. И. Черемисина) и в зарубежной лингвистике (Ш. Балли, Г. Джексон, С. Ульманн). В рамках данного подхода слова рассматриваются как синонимы, если они способны заменять друг друга в любом контексте. Однако одна из причин, по которой взаимозаменяемость нельзя назвать «универсальным» критерием синонимии, — наличие в языке устойчивых сочетаний. В отличие от свободных сочетаний, где слово можно заменить синонимом, они не допускают синонимических замен. Целью работы является исследование взаимозаменяемости синонимов с учетом влияния контекста на это свойство синонимов. В основу работы положен эксперимент, который проводился в два этапа с использованием разного материала. В общей сложности в эксперименте приняло участие 144 испытуемых: в первом этапе — 71 человек, во втором — 73 человека. В обоих случаях испытуемым предлагались по 22 предложения с возможностью выбора из предложенных синонимов того, который кажется испытуемым наиболее удачным в данном контексте. Синонимы были взяты из словарей синонимов, где для их определения применялся традиционный (семантический) критерий. Наличие/отсутствие замен исходного синонима на другой должно было подтвердить или опровергнуть возможность использования субституции синонимов как критерия синонимии. Представленные высказывания были выбраны из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) таким образом, чтобы в эксперименте были представлены разные типы синонимических рядов (в соответствии с выделенной нами типологией). Гипотеза заключалась в том, что взаимозаменяемость зависит от степени асимметричности синонимического ряда, а субституция синонимов носит направленный (асимметричный) характер. Направленность семантических связей проявляется в разграничении доминанты как центра синонимического ряда и периферийных синонимов. Доминанта, как считается в лексикографии и лексикологии, обладает более широкой сочетаемостью [Апресян, 2009: 219] и способна замещать другие синонимы синонимического ряда (обычно с опорой на дополнительные элементы контекста) [Черняк, 2010: 10]. Для определения влияния степени устойчивости словосочетаний на характер выбора синонимов в работе использовался наиболее распространенный показатель

MI (mutual information), который рассчитывается с учетом таких данных, как частота совместной встречаемости, частотность входящих в сочетание единиц и др. Его расчет осуществлялся с помощью данных НКРЯ.

Литература:

1. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянской культуры, 2009. 568 с.
2. *Черняк В. Д.* Синонимия в русском языке. М.: Академия, 2010. 128 с.

Венцов Анатолий Владимирович,
к. б. н., специалист, Санкт-Петербургский государственный университет

Экспериментальная фонетика и проблемы восприятия речи

Изучая звуковую сторону языка, фонетисты-исследователи анализируют речь разных и достаточно ограниченных по числу участников групп носителей языка: носителей литературной нормы (чаще всего — петербуржцев и москвичей), носителей диалектов, представителей различных социальных групп. В качестве речевого материала чаще всего используются записи прочитанных письменных текстов, а в последние годы и спонтанная речь. Результатом исследований являются параметры речи усредненного представителя каждой такой группы, и они-то и принимаются в качестве «нормы» для каждой из этих групп.

В условиях естественного речевого общения слушатель имеет дело с акустическим речевым сигналом конкретного носителя языка, и параметры этого сигнала чаще всего существенно отличаются от усредненных характеристик, полученных в экспериментальных условиях.

Экспериментально-фонетические исследования ведутся методом «сверху вниз» — от значения к форме. Исследователь заранее «знает», где в анализируемом сигнале возникают явления, обеспечивающие адекватное понимание речи (позиции словесного и фразового ударения, положение интонационного центра и синтагматической границы и т. д.), и измеряет физические параметры сигнала, соответствующие этим явлениям.

Восприятие речи происходит «снизу вверх», т. е. информация для принятия лингвистических решений извлекается только из исходного акустического сигнала. Другими словами, позиция словесного и фразового ударения, тональный акцент и положение интонационного центра, наличие или отсутствие пограничных маркеров могут быть установлены только на основании анализа выделенных из речевого сигнала признаков.

Экспериментальная фонетика оперирует данными инструментального анализа речевого сигнала, т. е. набором физических характеристик, точность измерения которых ограничивается только точностью используемых «приборов». Результаты измерений соотносятся с «заранее известными» коммуникативно значимыми событиями в сигнале. Полученные сведения позволяют с успехом решать задачи обучения правильной речи, их использование при создании систем синтеза речи по тексту обеспечивает повышение качества и естественность синтезированной речи.

При восприятии речи когнитивная система человека работает не с самими физическими параметрами сигнала, а с результатами их субъективного преобразования периферическими уровнями слуховой системы, в правилах принятия решений учитываются имеющиеся у слушателя знания о языке. Соответственно, во внимание принимаются только те изменения в исходном сигнале, которые способна обнаружить слуховая система.

В этих условиях невозможно прямое использование фонетических данных для описания процесса восприятия речи.

Гостев Павел Павлович,
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К вопросу о стратегиях описания изображений

Классификация паттернов восприятия визуальной информации и их семантическое отражение при «оязыковлении» изображений — актуальная задача, результаты решения которой могут быть использованы в прикладной и фундаментальной психологии, когнитивной и вычислительной лингвистике, системах автоматического описания изображений.

Традиционно в экспериментах по описанию изображений от испытуемого требуется ответ на вопрос «Что вы видите?». Несмотря на его интуитивную простоту, испытуемые «понимают его по-своему», выбирая различные стратегии описания. Исследования «оязыковление» изображений типа «Картина на стене» [Гостев, Сидорова, 2015] и изображений животных в естественной среде [Сидорова, Гостев, 2016], позволили выделить три таких типовых стратегии: буквальную (нацелена на вербализацию объектного содержания изображения), расширенную (дополнение изображения за счет стереотипического обобщения визуальной информации) и ассоциативную (нацелена на вербализацию не предметного содержания картинки, а реакции респондента). При таком подходе описание изображения через абстрактные лексемы (*тишина, покой, безмятежность*) является реализацией одной из стратегий говорящего (ассоциативной), которую он избирает при получении задания, а не ошибкой описания. Выбор стратегии зависит как от индивидуальных особенностей респондента, так и от свойств изображения, а также прайминг- и контекст-эффекта.

Полученные данные во многом соответствуют дополнительным результатам экспериментов по исследованию цветообозначений [Фрумкина, 2001]. Также они соотносимы с типами описаний изображений, выделенными в [Hodosh et al., 2013]. Результаты можно использовать для корректировки данных ассоциативных словарей, изучения воздействия на человека с помощью изображений, исследования языковых проявлений творческой способности [Kuznetsova et al., 2013].

Литература:

1. *Гостев П. П., Сидорова М. Ю.* Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics, 2015. Т. 2, № 1. С. 94–138.

2. *Сидорова М. Ю., Гостев П. П.* Коммуникативные стратегии описания изображений: от предметности к ассоциативности // Язык, Сознание, Коммуникация, 2016. Т. 53. К 85-летию В. Н. Телия. (В печати).
3. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика: Учебник для студентов высших учебных заведении. М., 2001.
4. *Hodosh M., Young P., Hockenmaier J.* Framing image description as a ranking task: data, models and evaluation metrics // Journal of Artificial Intelligence Research. 2013. Т. 47. Pp. 853–899.
5. *Kuznetsova P., Chen J., Choi Y.* Understanding and Quantifying Creativity in Lexical Composition // EMNLP. 2013. Pp. 1246–1258.

Елисеева Марина Борисовна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Гендерные нормативы коммуникативного и речевого развития детей раннего возраста: мифы и реальность

Общепринятым является мнение, что девочки в развитии речи опережают мальчиков. Однако анализ полученных норм — каждого пункта Мак-Артуровского опросника речевого и коммуникативного развития ребенка по отдельности — показывает, что это зависит от того, какой именно навык имеется в виду, и от того, о каком возрасте ребенка идет речь.

Реакция на имя стопроцентна с 8 мес. у всех детей. В 13–15 мес. показатели девочек ниже, чем у мальчиков, а затем выравниваются. В реакции на слово «нельзя» мальчики опережают девочек (родители мальчиков чаще пользуются запретами), а вопрос «где?» девочки понимают лучше. В понимании первых фраз разницы между мальчиками и девочками нет. Навыки имитации и называния сначала быстрее развиваются у девочек, хотя имитация для детей обоих полов легче, чем умение называть предметы. С 16 мес. мальчики начинают значительно опережать девочек в стремлении называть предметы.

В понимании слов мальчики в возрасте 8–12 мес. опережают девочек, в 13 мес. результаты одинаковы, а с 14 начинают опережать девочки. Продуцирование развивается по-другому. Девочки и мальчики в норме вначале говорят чрезвычайно мало (8, 9, 10 мес. — 1 слово, 11 мес. — 2). С 13 мес. девочки начинают чуть опережать — и в дальнейшем эти различия становятся значимыми. Употребление жестов и действий у девочек развито лучше. Обратим внимание, что и продуцирование у них лучше: развитие жестов способствует развитию активной речи.

Развитие активного словаря девочек после 18 мес. опережает развитие словаря мальчиков — в некоторые месяцы отрыв достигает в норме 80–90 слов. К трем годам лакуна уменьшается, хотя и не исчезает полностью. Время появления двусловных высказываний у мальчиков более раннее: в 18 мес. — у 37,5 % девочек и у 44 % мальчиков. Однако за месяц картина разительно меняется: 77,3 % девочек и только 36,8 % мальчиков. Данные в этом пункте очень неровные, однако до 25 мес. девочки опережают, а в дальнейшем почти все дети соединяют два слова во фразу.

Первые признаки морфологии у девочек отмечены в 18 мес., но процент употребления измененных форм крайне низок. В 19 мес. возникает категория падежа существительных. Категория числа существительных труднее, однако к 23 мес. 56,8% девочек употребляют существительные во множ. числе. Усвоение категории времени глагола сложнее, причем прошедшее и настоящее время возникают одновременно, а будущее позднее.

Общие тенденции развития морфологии у мальчиков те же, но усвоение грамматики происходит позже. Мальчики более «глагольны»: первые морфологические противопоставления отмечены в 18 мес. именно у глаголов (категория времени). Однако даже в 24 мес. мальчики не достигают 50%-ной границы ни по одной из категорий. Только в 28 мес. более 50% мальчиков изменяют существительные по падежам и числам и глаголы в наст. и прош. времени.

Кибрик Андрей Александрович,
д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Федорова Ольга Викторовна,
д. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Психолингвистические традиции «Язык как продукт» vs. «Язык как действие»: еще один возможный компромисс

Психолингвистическая традиция «Язык как действие» берет свое начало с работ философов языка Остина, Грайса и Серля, а традиция «Язык как продукт» восходит к работам Миллера и Хомского. Для первой традиции важно, чтобы методика была связана с диалогом и не сопровождалась отвлекающими заданиями. Вторая должна позволять регистрировать быстрые процессы порождения или понимания речи. Методика «Визуальный мир», развивающаяся с 1994 г., позволила сблизить эти традиции. Другой возможный шанс для сближения — новая методика сбора мультиканального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах», создаваемого по мотивам [Chafe ed., 1980]. В каждой записи принимали участие четыре человека с заранее распределенными ролями. Три коммуниканта — Рассказчик, Комментатор и Пересказчик — участвовали в основной части записи, а четвертый — Слушатель — присоединялся в конце. Сначала Рассказчик и Комментатор смотрели каждый на своем ноутбуке фильм и старались как можно лучше запомнить сюжет и всевозможные детали фильма. Затем Рассказчик рассказывал о содержании фильма Пересказчику, который фильма не видел. На следующем этапе Комментатор дополнял рассказ Рассказчика подробностями, о которых тот не сообщил, при необходимости исправлял его, а Пересказчик уточнял у двух других участников необходимые для последующего пересказа детали — это был этап обсуждения. Наконец, Пересказчик пересказывал содержание фильма Слушателю, который непосредственно перед этим входил в помещение — это был второй пересказ. После этого Слушатель письменно фиксировал на бумаге услышанный пересказ. Таким образом, основная задача каждого участника заключалась в том, чтобы

максимально подробно и понятно донести до других коммуникантов полученную информацию. При записи корпуса использовалось высокоточное оборудование. Речь говорящих записывалась на шестиканальный рекордер ZOOM H6 Handy Recorder (96 kHz/24 bit), были использованы петличные микрофоны SONY ECM-88B, отдельно велась общая стереозапись с микрофона рекордера. Три промышленные видеокамеры JAI GO-5000M-USB (100 к/с, 1392 × 1000) записывали крупным планом каждого говорящего в формате mjpeg, который выгодно отличается от других отсутствием межкадрового сжатия. Видеокамера GoPro Hero 4 Black Edition (50 к/с, 2700 × 1500) записывала общий план. Для регистрации движений глаз были использованы две пары очков-айтрекеров Tobii Glasses II Eye Tracker (50 Hz, 1920 × 1080); один айтрекер был надет на Рассказчика, второй — на Пересказчика. Обладая высокой экологической валидностью, данная методика, тем не менее, дает возможность анализировать взаимодействие собеседников в дискурсе с точностью до сотых долей секунды. В докладе будет представлено несколько конкретных примеров изучения подобного взаимодействия.

Работа выполнена при финасовой поддержке РНФ (проект № 14-18-03819).

Кизлык Марина Николаевна,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Скребцова Татьяна Георгиевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К исследованию лингвистических аспектов аутизма: проблема восприятия связности текста

История изучения аутизма как особого психического заболевания насчитывает менее столетия, причем в России соответствующие исследования стали проводиться лишь недавно. Как правило, они лежат в русле медицинской психологии, психиатрии или коррекционной педагогики — работ, посвященных лингвистическим нарушениям у больных аутизмом, чрезвычайно мало. Настоящее исследование носит экспериментальный характер и осуществляется на базе санкт-петербургского центра творчества, обучения и социальной реабилитации аутистов «Антон тут рядом». В качестве испытуемых выступают взрослые от 20 до 35 лет обоих полов, показавшие наилучшие результаты по тестам Векслера. В некоторых работах зарубежных ученых утверждается, что у больных аутизмом наблюдаются нарушения в способности воспринимать связную последовательность из 2–3 предложений как единое смысловое целое. Мы принимаем этот тезис в качестве исходной гипотезы. Цель работы заключается в том, чтобы разработать различные виды экспериментов, направленных на ее проверку. В экспериментах задействуются различные виды смысловых связей между предложениями (с когезивными маркерами и без них). Основной упор сделан на проблему снятия неоднозначности (референциальной, лексической или синтаксической). Подбираются такие контексты, в которых один вариант снятия неоднозначности дает связную последовательность пред-

ложений, а другой (другие) — нет. Контексты предъявляются испытуемым в письменном виде. Перед испытуемыми ставится задача выбрать из списка интерпретаций какую-то одну. Как правило, используемые в заданиях контексты описывают т. н. сценарии — часто встречающиеся, типичные, а потому прочно закрепленные в сознании носителей языка последовательности действий, состояний, событий в физическом или социальном мире. В отношении аутистов утверждается, что они испытывают сложности с интерпретацией поведения людей в ситуациях социального взаимодействия. В связи с этим мы также стремимся выяснить, существуют ли различия в восприятии контекстов, описывающих сценарии событий в природном мире, с одной стороны, и сценарии социального поведения, с другой.

Коршунов Дмитрий Сергеевич,
к. ф. н., сотрудник, Военная академия Министерства обороны Российской Федерации (филиал в Череповце)

Корпореальная семантика в свете коммуникативной (дискурсивной) парадигмы

А. В. Вдовиченко в своей монографии «Расставание с „языком“: Критическая ретроспектива лингвистического знания» (2009) обосновывает невозможность существования «языка» как теоретической системы, самодостаточно опирающейся на связь «знак — значение». Не знаки (слова), по его мнению, обладают значением и какими-либо свойствами (сочетаемостью и пр.), а человек своей волей, преследуя свои цели, наделяет смыслом звуки (слова), понимаемые как коммуникативные действия. Выполненный автором критический анализ лингвистических учений, от древних до современных, с выводом о невозможности исключения человека как единственного носителя и создателя смысла выглядит вполне убедительно. Не вполне очевидны пока следствия из его теории, фактически требующие скорректировать объект и предмет языкознания — изучать не столько «слово», сколько «человека говорящего». Отсюда наука о языке характеризуется автором как вступающая в новую — коммуникативную (дискурсивную) — парадигму, суть антропоцентрическую.

Параллельно новый импульс получает корпореальная семантика, ищущая (вспоминая И. М. Сеченова) корни «мысленных абстрактов» в «чувственных конкретах», т. е. в сенсорно-моторном опыте человеческого тела. Группа американских психологов и нейробиологов (Л. Фернандиньо, М. Сейденберг и др., 2015), назвав свое направление «embodied semantics» («воплощенная», «телесная» семантика), изучает связь значений воспринимаемых человеком слов с отделами мозга, отвечающими за различные виды чувственного восприятия. Исследователи оценивают, как параметры типа «цвет», «форма», «звук» и т. п. соотносятся со значениями различных слов и как это отражается в активности мозга.

Совмещая подходы коммуникативной (дискурсивной) парадигмы, в частности, тезис о слове как личном действии, с положениями корпореальной (телесной) семантики, находящей основу словесных значений в чув-

ственном опыте человека, мы провели два варианта психолингвистического эксперимента. Испытуемым предлагалось оценить степень релевантности различных слов и определенного набора параметров, отражающих чувственное восприятие и функции основных структур мозга. В первом варианте параметры были представлены в виде характеристик типа «цвет», «форма», «звук» (аналогично эксперименту Фернандиньо и др., но с расширенным набором характеристик). Во втором варианте эксперимента параметры были сформулированы в виде личных действий типа «Я вижу», «Я слышу», «Я чувствую запах» и т. п. В итоге были получены своего рода «корпореальные профили» слов-стимулов, которые показали значимую корреляцию между разными вариантами эксперимента. Такой подход представляется перспективным и соответствующим современным тенденциям развития языкознания, однако он требует достаточно широкого обсуждения с привлечением специалистов из смежных дисциплин.

Краснощекова Софья Викторовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Онтогенез дейктических местоимений: принцип системности

Одним из наиболее значимых принципов освоения языка является принцип системности. Системность детского языка проявляется в сверхгенерализациях, в использовании ребенком единиц и правил, предусмотренных в типологическом репертуаре языков мира, в движении от общих правил к более частным [Касевич, 1998]. Онтогенез языковой системы также рассматривается с позиций универсальной теории развития [Чуприкова, 2009]: одновременно происходят процессы дифференциации (система дробится на все более специализированные по функции элементы) и интеграции (на каждом этапе система представляет собой целостное организованное иерархически образование); некоторые процессы имеют скачкообразный характер (в онтогенезе — лексический и морфологический взрывы) [Цейтлин, 2011].

Формирование местоименного фрагмента системы языка ребенка также носит системный характер и происходит в соответствии с универсальным законом развития. Процессы дифференциации проявляются при освоении специализированных значений местоимений (освоение указательных местоимений *этот* и *тот* начинается с непротивопоставленных по близости/дальности употреблений, локативные значения осваиваются позже; значения местоимений *мы* и *вы* развиваются от общего к частному — от значения лица в целом к обозначению группы участников ситуации разных лиц). Анафорическая функция развивается на базе указательной; указательные местоимения в анафорической функции возникают тогда, когда ребенок начинает привязывать разные местоимения к антецедентам с разной семантикой.

Процессы интеграции проявляются в том, что система местоимений на каждом этапе развития является целостной и способна выполнять все требуемые функции. Так, анафорическая функция возникает только тогда, когда ребенок начинает испытывать необходимость в связывании нарративов.

О скачкообразном характере развития свидетельствует местоименный взрыв — этап, на котором количество словоупотреблений местоимений в речи ребенка резко возрастает.

Связь и взаимозависимость единиц наблюдается в синхронном освоении пар местоимений типа *я* и *мой,* а также местоимений *такой* и *так*; в параллельном характере освоения средств персонального, локативного и темпорального дейксиса; в отработке анафорического механизма на базе местоимения *он* и переносе его затем на другие анафорические местоимения.

Литература:

1. *Касевич В. Б.* Онтолингвистика, типология и языковые правила // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 31–40.
2. *Цейтлин С. Н.* Системность языка в аспекте речевого онтогенеза // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб., 2011. С. 45–50.
3. *Чуприкова Н. И.* Всеобщий универсальный дифференционно-интеграционный закон развития как основа междисциплинарной парадигмальной теории развития // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. М., 2009. С. 7–16.

Лиханов Максим Владимирович,
аспирант, Томский государственный университет

Экспериментальное исследование речевых маркеров жанра экскурсионных меток в речи экскурсовода

Жанр экскурсии описывался в разных аспектах [Бахвалова, 2010, Демидова, 2009, Донец, 2009], однако экспериментального изучения этого жанра еще не проводилось. Описываемое в докладе исследование позволяет выявить прагматическое значение высказывания адресанта, когда он посредством экскурсионной метки управляет визуальным вниманием адресата.

Цель исследования — выявить степень воздействия маркеров в речи экскурсовода на глазодвигательную активность экскурсантов.

Гипотеза: время от завершения фонации маркера до фиксации на объекте-цели изменяется в зависимости от вида использованного экскурсоводом маркера.

Для подтверждения гипотезы мы замерили время реакции глаз на языковой стимул с помощью мобильных очков — айтрекера. В эксперименте приняли участие 20 студентов Томского государственного университета. Экскурсии проводились в Музее редких книг ТГУ, для каждого экскурсанта индивидуально. Средняя продолжительность экскурсии — 9 мин. 28 с. В работе мы представляем данные первых 10 участников пилотного эксперимента.

Мы составили типологию речевых маркеров, разделив их на основании их имплицитной или эксплицитной императивности, на собственно-императивные и косвенно-императивные. К собственно-императивным мы относим дериваты глагола *посмотреть*, содержащие непосредственную просьбу. Косвенно-императивные мы разделили на группы: локусные, визуально-локативные и номинативные. В группу локусных вошли такие

единицы, как *здесь*, *посередине*, *рядом* и т. д. К визуально-локативным относятся стимулы с имплицитной императивностью: *здесь представлен* и другие. В последней группе стимулов нами выделены собственно-номинативные (*книги Сторогова)* и номинативно-указательные (*этот карандаш*). При обработке результатов эксперимента мы выявили самый эффективный маркер посредством измерения времени реакции на каждое первое употребление всех маркеров, встречавшихся в экскурсии. Всего нами было проанализировано время реакции на 35 уникальных маркеров.

Время реакции на маркеры в среднем составило для:

I. собственно-императивных — 1581,5 мс;
II. косвенно-императивных:
   1) локативных — 1102,4 мс;
   2) визуально-локативных — 910,5 мс;
   3) номинативных:
      а) собственно-номинативных — 1426,8 мс;
      б) номинативно-указательных — 1052,3 мс.

Пилотный эксперимент показал, что наиболее эффективными являются визуально-локативные маркеры. Мы считаем, что различия в скорости реакции между визуально-локативными и собственно-императивными маркерами связаны, в первую очередь, с различиями в семантике лексем *посмотрите* (*собственно-императивные*) и *видите* (*визуально-локативные*), а также в наличии во втором случае локативного компонента в маркере. Таким образом, мы подтвердили наличие влияния речевых маркеров на глазодвигательную активность и показали различия в скорости реакции на разные классы маркеров.

Осипова Анастасия Александровна,
аспирант, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Коммуникативная тактика изображения жертвы в речевом поведении дошкольников: субтактика изображения жертвы неправильного воспитания

Особенностью диалога взрослого и ребенка, создающей условия для появления в речи коммуникантов манипулирования как вида речевого воздействия, является асимметрия в партнерско-ролевом отношении между участниками коммуникации. В ситуации невозможности достижения цели прямым способом предпринимаются поиски альтернативного пути решения задач, в т. ч. и с помощью возможностей речевого манипулирования. Речевое манипулятивное воздействие, осуществляемое детьми дошкольного возраста, будучи в целом разновидностью манипулятивного воздействия, реализуется посредством использования доступных на данном временном срезе ресурсов языка с целью условно скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата. Реализация плана достижения цели посредством манипулятивных методов поддерживается коммуникативной стратегий манипулирования (КСМ). Одной из наиболее характерных для речевого поведения дошкольников коммуникативных тактик (КТ),

реализующих КСМ, является **КТ изображения жертвы**, направленная на представление себя как слабого в глазах собеседника. Существует несколько типов изображаемой жертвы в рамках КТ изображения жертвы:

- жертва болезни (боли, утомления, физической неразвитости);
- жертва угрозы жизни и нормальному существованию;
- жертва неправильного воспитания;
- тактика изображения «нежертвы».

В соответствии с разновидностями изображаемой жертвы выделяем четыре одноименные субтактики (субКТ). Остановимся на рассмотрении субКТ изображения жертвы неправильного воспитания: целью ее применения становится попытка повлиять на родителя с помощью указания на несоответствие методов воспитания целесообразным данной ситуации. Данная субКТ реализуется посредством следующих коммуникативных ходов:

- иллюстрация педагогически корректной, по мнению ребенка, ситуации:
  — Папа, когда у меня будут маленькие дети, я буду им говорить «идите отсюда, я сам за вами уберу» (М, 4,3).
- упрек:
  Вике запретили съесть вторую сахарную фигурку девочки с торта для старшей племянницы на 1 сентября:
  — Не умеете вы меня воспитывать! (Ж, 4,6)
- совет:
  — Мама, ну ты можешь мне тихонько шепотом сказать «Сонечка, моя любимая, сейчас я тебя поставлю в угол». Надо потихоньку ругать, ты что, не понимаешь что ли?(Ж, 4,0).
- комментирование ситуации после наказания:
  Когда запрещаем ребенку что-либо, он говорит восьмимесячной сестре:
  — Да! Вот такие нам с тобой родители достались! И как с ними дальше-то быть? (М, 4,0)
- обвинение:
  — Маша, иди купаться! Собери игрушки! Иди спать!
  — Вы ничего не понимаете, вы рушите мою жизнь #с обидой#! (Ж, 3,4).

Итак, субКТ изображения жертвы неправильного воспитания представляет собой одну из разновидностей КТ изображения жертвы, которая, в свою очередь, отражает существование стратегии манипулирования в речи дошкольников.

Пиотровская Лариса Александровна,
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Процесс порождения речи: emocio vs. racio

Положение о взаимосвязи эмоционального и интеллектуального в процессе познания мира человеком является одним из ключевых в психологии, однако исследование их реального взаимодействия при моделировании речевой деятельности только начинается. Важным является не только осознание качественного различия между интеллектуальными

и эмоциональными процессами, но и признание того, что соотношение интеллектуального и эмоционального может быть различным не только на разных этапах процесса порождения речи, но и в разных типах ситуаций. Пусковым механизмом любой человеческой деятельности является мотив, имеющий эмоционально-волевую природу (Л. С. Выготский). Характеризуя процессуальную сторону речевой деятельности, можно предположить, что «поаспектное анализирование» объекта (Е. Ю. Артемьева) осуществляется по-разному. Чем выше эмоциональная значимость соответствующего объекта, тем менее дифференцированным будет его познание на этапе «второвидения». Иными словами, специфика «поаспектного анализирования» объекта, на который направлена познавательная деятельность человека, зависит от соотношения эмоциональной и рациональной оценки. Доминирование эмоциональной оценки ограничивает возможности анализа определенного положения дел. Продуктом речемыслительной деятельности человека на «фоне» доминирования эмоциональной оценки будет высказывание особого коммуникативного типа, названного нами эмотивным, например: *Тоже мне, друг называется!*; *Какой он тебе друг!*; *Подумаешь, друг!*; *Вот тебе и подруга!*; *Что это за погода!*; *Ну и вырядилась!* Этим объясняется тот факт, что одной из отличительных особенностей эмотивных высказываний является, с одной стороны, крайне ограниченное количество номинативных компонентов, с другой — широкое использование различных частиц, являющихся наиболее «субъективным» грамматическим классом слов. На противоположном полюсе находятся эмоционально нейтральные высказывания, в процессе порождения которых, еще на этапе внутреннего программирования, при формировании иерархической смысловой структуры, вершинную позицию занимает рациональная оценка, которая остается доминирующей до конца процесса речепроизводства. «Поглощенная эмоциональная оценка» может быть «извлечена» из содержания эмоционально нейтрального высказывания прежде всего на основе анализа его лексического состава (*Талантливый художник пишет интересную картину*). В случае «конкурирования» эмоциональной и рациональной оценок продуктом речепроизводства является эмоционально окрашенное высказывание, степень эмоциональной окрашенности которого зависит от того, насколько близко к вершине окажется эмотивный компонент на этапе внутреннего программирования. Таким образом, коммуникативный тип высказывания задается на этапе внутреннего программирования, когда создается иерархическая смысловая структура.

Риехакайнен Елена Игоревна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Вероятностное прогнозирование в процессе восприятия русской речи (на материале глаголов движения)

В процессе восприятия речи слушающий или читающий не только соотносит уже воспринятый им фрагмент речевого сигнала или отрезок письменного текста с единицами ментального лексикона, но и выдвигает

гипотезы относительно того, что будет представлено в дальнейшем сообщении. Надежное предсказание конкретной лексической единицы возможно, по-видимому, только в том случае, когда она является элементом устойчивого сочетания. В остальных же случаях механизм вероятностного прогнозирования позволяет слушающему или читающему лишь ограничить число кандидатов на распознавание.

Поскольку традиционно принято считать, что единицы ментального лексикона связаны между собой ассоциативными связями, можно предположить, что результаты массового ассоциативного эксперимента окажутся полезными для описания механизма вероятностного прогнозирования. Вероятностное прогнозирование может осуществляться на различных языковых уровнях. С лексической точки зрения реакции участников ассоциативного эксперимента на один и тот же стимул часто характеризуются большим разнообразием и трудно поддаются формализации. Грамматически же и семантически они, как правило, оказываются более однородными. Таким образом, представляется, что результаты ассоциативного эксперимента могут быть использованы для изучения грамматической и семантической предсказуемости контекста.

В докладе будут описаны и проанализированы синтагматические ассоциации на инфинитивы глаголов движения, представленные в электронной версии «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю. Н. Караулова (http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php). Проведенный анализ позволяет выделить те валентности глаголов, которые, по мнению носителей русского языка, наиболее тесно связаны с глаголами движения в целом (способ действия, направление, место действия и т. д.), а также то, что является специфическим для той или иной группы глаголов движения и/или позволяет отличить одну группу глаголов движения от другой. В частности, особого внимания заслуживает статистически значимое преобладание реакций, реализующих значение направления, у глаголов однонаправленного движения (типа «идти») по сравнению с глаголами неоднонаправленного движения. Сопоставление полученных данных с результатами корпусного исследования, выполненного на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-spoken.html), показало, что не всегда распределение словоформ, характеризующих различные валентности рассмотренных глаголов движения, можно объяснить частотностью употребления тех или иных конструкций. Наиболее последовательно влияние частотности употребления прослеживается для переходных глаголов движения.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №14-04-00586.

Сопина Александра Львовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Роль контекста в смыслообразовании при интерпретации межтекстовых связей

Появляется все больше исследований, предлагающих рассматривать явление интертекстуальности как когнитивный процесс. Для описания смыслообразования межтекстовых связей предлагается использовать тео-

рию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Sweetser, 2006; Heerden, 2008; Cavalcante, 2012 и др.]. Согласно теории, опыт хранится в памяти в виде ментальных пространств — когнитивных структур, которые образуются, модифицируются и взаимодействуют между собой. Основой мыслительной деятельности является их смешение [Turner, Fauconnier, 1998]. Прочитанный текст также закрепляется в памяти в виде ментального пространства — представления о произведении, авторе, сюжете и т. д. Упоминание имени автора или названия произведения, использование характерных сочетаний слов и др. пробуждают в памяти готовые концептуальные структуры. Форма остается связанной со значением, которое она несла в прошлом контексте. При упоминании текста или его части в новом контексте происходит смешение смыслов, в результате которого образуется новое ментальное пространство [Sweetser, 2005]. Декодирование интертекстуальных связей описывается с помощью классической интеграционной модели: два входных (input space 1/2), общее (generic space) и смешанное (blended space) пространства. Не все элементы входных пространств участвуют в создании последнего. Смешение происходит по принципу выборочной проекции (selective projection) [Turner, Fauconnier, 1998]. Анализ 16 цитат из «Университетской трилогии» Д. Лоджа показал, что межтекстовые связи неоднородны в плане смыслообразования и что степень обращения к контексту прототекста определяется глубиной фоновых знаний читателя и контекстом принимающего текста. Например, в романе «Хорошая работа» использование деканом факультета при увольнении преподавателя цитаты из «Антония и Клеопатры» В. Шекспира: «...the nature of bad news infects the teller», вызывает в памяти читателя фоновые знания о трагедии и о том, что в древние времена гонцов, принесших дурные вести, наказывали (входное пространство 1). Информация о романе Д. Лоджа составляет входное пространство 2. В результате концептуальной интеграции образуется смешанное ментальное пространство, в котором декан выступает невинным гонцом, решение об увольнении — дурной вестью, а ожидаемый гнев и обида преподавателя — незаслуженным наказанием. Количество фоновой информации, необходимое для интерпретации, ограничено и определяется узким и широким контекстом романа. Знания об отношениях Антония и Клеопатры, о ходе Парфянской войны и др., принадлежащие входному пространству 1, не сочетаются ни с одним из элементов входного пространства 2 и остаются на втором плане. Таким образом, теория концептуальной интеграции позволяет определить роль контекста в интерпретации межтекстовых связей.

Литература:

1. *Cavalcante S.* A preliminary essay on intertextuality as a socio-cognitive phenomenon. 2012. Pp. 1–25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ssrn.com/abstract=2153937.
2. *Sweetser E.* Whose rhyme is whose reason? Sound and sense in Cyrano de Bergerac // Language and literature 15(1). 2005. Pp. 29–54.
3. *Turner M., Fauconnier G.* Conceptual Integration Networks Text. / M. Turner, G. Fauconnier // Cognitive Science, 1998. 22(2). Pp. 133–187.

4. *Van Heerden C.* Intertextuality Reinterpreted: A Cognitive Linguistics Approach with Specific Reference to Conceptual Blending, Master of Literature and Philosophy Dissertation, University of South Africa, Pretoria. 2008. P. 163.

Цейтлин Стелла Наумовна,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Очитки как объект лингвистического исследования

Очитки*, т. е. ошибки при чтении, представляют большой интерес для лингвиста, потому что исследование самого механизма их появления позволяет отчасти прояснить сложные процессы взаимодействия мозга и сознания, выявить некоторую этапность декодирования высказывания и его реализации в виде фонетического фрагмента текста.

Очитки в речевой деятельности случаются достаточно часто. Они могут заключаться в замене одного слова на другое, находящееся в той же форме и синтаксической позиции, замене формы слова на другую форму того же слова (например, формы ед. ч. на форму мн. ч. или наоборот, падежной формы существительного (что обычно сопровождается изменением синтаксической функции) и т. п.). Кардинальное различие между оговорками и очитками заключаются в том, что в первом случае говорящий сам планирует линейную последовательность словоформ в речевом потоке и реализует ее в соответствии со своим планом, порождая в некоторых случаях лексемы и словоформы, отклоняющиеся от нормы, а во втором перед ним стоит более трудная задача — декодировать чужой текст и обеспечить его звуковую реализацию, также соответствующую языковой норме. Адекватность последнего процесса определяется прежде всего точностью декодирования, совпадением произнесенной словоформы со словоформой, имеющейся в тексте.

Уже давно замечено, что для грамотного человека процесс чтения отнюдь не заключается в поэлементном графемно-фонемном декодировании, последовательном сопоставлении графем с соответствующими им фонемами. В обычном случае в качестве декодируемой единицы выступает целостная словоформа. Не только звуковые, но и графические (точнее — спеллинговые) образы слов и даже словоформ присутствуют в нашем ментальном лексиконе, что существенно облегчает процессы письма и чтения. Для того чтобы декодировать словоформу, достаточно бывает сосредоточить внимание на ее начальном фрагменте и определить ее приблизительную длину. Фактически словоформа скорее угадывается, чем прочитывается поэлементно. Угадывание становится возможным благодаря наличию контекста (в широком смысле слова, т. е. с включением и ситуации). Контекст обеспечивает возможность вероятностного прогнозирования, существенно облегчающего и ускоряющего процесс чтения. Тем не менее прогноз иногда

* Термин «очитки» не является распространенным. Мне случилось видеть его всего один в русском переводе одной из статей З. Фрейда. Он логично вписывается в типологию речевых сбоев — *ослышки*, *описки*, *оговорки*.

оказывается неверным, что и приводит к очиткам, причем отступления от целевой словоформы (назовем так словоформу, имеющуюся в тексте) могут заключаться в выборе как не соответствующей требованиям лексемы, так и не соответствующей требованиям формы (иногда и в том, и в другом одновременно).

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Бобко Татьяна Викторовна,
к. ф. н., докторант, Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

Речевые тактики метаязыковой оценки в русско- и белорусскоязычном интернет-дискурсе Беларуси

Метаязыковая рефлексия пользователей языка, имея функцию постоянного мониторинга речевой деятельности, как правило, принимает эксплицитный характер в ситуациях когнитивно-коммуникативного напряжения, что находит выражение в оценках языковой формы как собственных, так и чужих сообщений. В этих оценках и способах их реализации отражается как восприятие языка наивной лингвистикой, так и отношение к определенным его единицам и подсистемам. В докладе обсуждаются цели, объекты и тактики воплощения метаязыковой оценки русско- и белорусскоязычными белорусами и определяются факторы, влияющие на их метаязыковую деятельность. Материалом исследования послужили нерефлексивные (направленные на чужую речь) метаязыковые высказывания, собранные на популярных русско- и белорусскоязычных интернет-форумах Беларуси. Обращение к интернет-коммуникации позволяет увидеть возникающие в онлайновом режиме спонтанные комментарии пользователей по поводу языка и его единиц, наблюдать актуальную картину восприятия русского и белорусского языков и тем самым оценивать перспективы развития языковой ситуации Беларуси. Специфическим свойством русского и белорусского метаязыкового сознания является ортологическая ориентированность, что обусловлено естественным сходством культурного пространства и книжно-письменных традиций. Однако для русско- и белорусскоязычных интернет-коммуникантов имеет приоритет соблюдение языковых норм разных типов, что связано, во-первых, с разницей в функционировании в Беларуси и, соответственно, восприятии этих языков (белорусский язык, в отличие от русского, имеет не только коммуникативную, но и символическую функцию), а во-вторых — с разным социальным составом русско- и белорусскоязычных интернет-пользователей. Русскоязычные пользователи оценивают соответствие орфографическим и стилистическим нормам; белорусскоязычные обращают внимание на чистоту языка, которая понимается как отсутствие русизмов, и правильность словоупотребления. При этом принципиально различается цель метаязыковой оценки и/или коррекции: если для белорусскоязычных коммуникантов прояснение вопросов, связанных с соблюдением языковых норм, является самоцелью, то

для русскоязычных это, как правило, один из способов поведения в речевом конфликте. Соответственно, различается набор речевых тактик, используемых для метаязыковой коррекции: русскоязычные коммуниканты используют набор разнообразных приемов для дискредитации собеседника или защиты от речевой агрессии, белорусскоязычные прибегают к тактикам, стимулирующим исправление ошибок или смягчающим факт фиксации внимания на отступлении от норм языка.

Борис Людмила Алексеевна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Попытка определения современной языковой ситуации в/на Украине

Языковую ситуацию на территории современной Украины невозможно рассматривать в отрыве от предыдущего исторического развития, в котором выделяются периоды статического и динамического состояния равновесия/дисбаланса украинского и русского языков. В Российской империи верхний уровень — образования, науки, литературы — занимал русский язык, нижний ярус разговорно-бытового общения принадлежал украинскому языку (малороссийскому диалекту). Языки не имели равных прав в социуме, что наглядно иллюстрирует нивелировка особенностей письменности в пользу русского. В Советском Союзе общегосударственным (по умолчанию) был также русский язык, но положение украинского было подкреплено введением в сферу официального деловодства и образовательного процесса. Эта ситуация была не полностью равноправной, но достаточно равновесной. Равновесие нарушалось как сознательно, в период т. н. политики «коренизации» в 1924–1925 гг., так и стихийно — в эпоху социальных катаклизмов. Два революционных периода: 1905–1918 и 90-х гг. XX в. — характеризовались национальным подъемом, всплеском литературного творчества, выработкой языковых норм, т. е. повышением престижности родного языка. В Российской империи престижность русского языка уступала церковнославянскому в религиозной сфере, в Советском Союзе этого противопоставления не было. Попытка поднять престиж украинского языка в 20-е гг. XX в. была искусственной и не увенчалась успехом. Подъем национального самосознания в 1990-е, напротив, привел к смене языковой парадигмы, в которой украинский стал доминирующим (включая и религиозную сферу использования), а русский — официально бесправным, но массово используемым: за многовековую историю развития он не мог исчезнуть из бытового общения, языка деловой документации, общего территориального и межнационального общения. В условиях постоянной двусторонней интерференции близкородственных языков возникла смесь украинского и русского в разных соотношениях, т. н. «суржик». За 25 лет развития страны выросло поколение, которое обучалось исключительно на украинском языке, используя в остальных сферах общения русский или суржик. Сейчас статусность языков имеет признаки, характерные для ситуации не двуязычия, а диглоссии. Острота вопроса уже получила опреде-

ления «языковой болезни». Политические ярлыки — «мовне протистояння», «языковая война» — не показатель реальной ситуации, при которой «колонизаторов» оскорбляют на их же языке, а диалоги ведутся на любом. Украинский все больше уходит на верхний уровень языка науки, документации, официальной риторики, русский опускается до просторечия, средний ярус составляет несбалансированный суржик — типичная диглоссия, которая, как правило, разрешается победой языка нижнего или среднего уровня, какое бы название за ним впоследствии не закрепилось.

Грчкова Катарина,
аспирант, Университет Коменского (Братислава, Словакия)

Научный руководитель: Любор Матейко, доцент

Советские прецедентные имена-мифологемы в современных словацких СМИ

В центре внимания нашего доклада находятся современные словацкие публицистические тексты, содержащие русские прецедентные имена советской эпохи с повышенной степенью коннотативности и сопутствующий анализ, направленный на рассмотрение дискурсивных функций их использования в словацком медиальном пространстве начала третьего тысячелетия. В нашем исследовании мы опираемся на введенное Ю. М. Карауловым понятие прецедентного текста, используя при этом современную классификацию прецедентных феноменов (имя, высказывание, ситуация, текст), рассматривая и конкретные случаи актуализации прецедентной ситуации, высказывания, текста посредством прецедентного имени.

После 1917 г. начались попытки формирования «новой советской культуры», которая отразилась не только в новом языке, но и в мифологии, традициях, символах, новых героях. Миф о «новом советском человеке» привел к неизбежной ликвидации пантеона героев старой России и заполнению возникшего пространства новым содержанием. Пантеон советских героев прошел в течение семидесяти лет путем динамичных изменений, но их имена не исчезли вместе с распадом СССР. С ними мы повседневно сталкиваемся в Центральной Европе и сегодня, особенно в странах бывшего соцлагеря (Чехии, Польше, Словакии, Венгрии), где ими часто пользуются как профессиональные журналисты, так и блогеры.

Чешские ученые Цврчек, Чермак и Шмидтова [Cvrček, Čermak, Schmiedtova, 2010] утверждают, что в современной Центральной Европе советизмы уже непонятны, но наше исследование подтверждает излишнюю категоричность их заключения, что мы и проиллюстрируем в нашем докладе, сосредоточенном на интерпретации (и возможной реинтерпретации и демифологизации) имен советских героев в словацких СМИ с точки зрения их оценочной функции. Для дискурсивного анализа функционирования русских прецедентных имен в словацком медиальном дискурсе мы выбрали: В. И. Ленина и И. В. Сталина как наиболее известных представителей советского политического пантеона, И. П. Мичурина в качестве представителя советской науки, П. Морозова, представляющего детского

героя, З. Космодемьянскую — женщину-героя войны и Ю. Гагарина — героя освоения космоса.

Главным критерием нашего выбора стала известность личности за границами бывшего Советского союза. Основной корпус рассматриваемого материала составляют тексты, опубликованные в словацких периодических изданиях и блогах в течение 2010–2015 гг. Анализ источников дает нам основание констатировать тот факт, что имена советских героев в качестве прецедентных феноменов до сих пор входят в число популярных выражений словацкого медиального дискурса, в котором, однако, в большинстве случаев подвергаются существенным семантическим изменениям в направлении демифологизации.

Данный доклад подготовлен в рамках грантовой схемы KEGA 072UK — 4/2015: Vysokoškolská učebnica Ruské lingvoreálie.

Гулида Виктория Борисовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Соотношение микро- и макросоциальных значений / категорий в контексте языкового изменения

В процессе осуществления языкового изменения в социуме стандартные и нестандартные варианты языковых единиц, задействованных в нем, конкурируют друг с другом за принятие одного из них всем сообществом, включая говорящий на престижном (литературном) языке образованный класс. В случае языкового изменения «снизу», к которому принадлежит смена акцентной парадигмы в именном склонении русского языка, нелитературные варианты языковых единиц, употреблявшиеся в кодах ограниченного типа и обладавших негативными коннотациями, начинают расширяться по ситуациям употребления, охвату лексики и количеству говорящих, становясь приемлемыми там, где они раньше считались неприемлемыми. Это процесс маркируется ослаблением, а затем и полным стиранием их негативной коннотации в пользу нейтральной/престижной. Такие этапы перераспределения вариантности на пути изменения языковой единицы связываются с ее социолингвистическим перераспределением между крупными категориями общества — возрастными, классовыми, гендерными и др. Однако в процессе конкурентной борьбы вариантов в рамках крупного этапа на пути социального «освоения» вариантности возникают и живут (некоторое время) социальные маркеры «местного» значения, локальные, относящиеся к мелким социокатегориям. Их появление обусловлено языковой активностью отдельных членов сообщества/группы, т. е. мотивировано субъективно. Роль субъективного начала в осуществлении языковой эволюции в сопоставлении с известными ранее объективными социальными закономерностями составляет новый поворот и предмет социолингвистических исследований. Данные нашего исследования (смены акцентной парадигмы русского именного склонения, полученные методом ассоциативного эксперимента) содержат материал социально-локального «освоения» эволюционной вариантности.

Денисенко Галина Владимировна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

Культурно-языковой сепаратизм в ареале каталанского языка в Испании

На территории Каталонии, Валенсийской Автономии и Балеарских островов, исконных землях бытования каталанского языка, говорят на различных диалектах каталанского, и серьезная филологическая наука как в Испании, так и за ее пределами никогда не подвергала этот факт сомнению. Тем не менее в этом языковом ареале существует явление культурно-языкового сепаратизма, отвергающего идею единства языка и культурной общности народов, которые его населяют, что объясняется различными причинами исторического, идеологического и политического характера. Спор, таким образом, выходит за рамки сугубо лингвистического и приобретает культурно-идеологический характер, порождает разнообразные политические и социокультурные течения. В период диктатуры на территории Испании было запрещено публичное использование региональных языков, и их бытование было практически ограничено сферой семьи. Лозунг Франко «Одна страна, один язык, одна нация» не находит отклика у народов, обладающих сильным чувством собственной идентичности, и вызывает ответную реакцию «мы не испанцы, наш язык — не испанский». Одновременно на территории Балеарских островов и особенно в Валенсии в ответ на концепцию панкаталанизма, выдвинутую в 1962 г. Жуаном Фусте, получает распространение идея «мы не каталонцы, наш язык — не каталанский». Культурно-языковой сепаратизм в каталанском языке получает особенное развитие после окончания диктатуры в начале демократического периода. Многие исследователи связывают это как с политикой центрального правительства Испании, так и с новыми институционально-правовыми условиями, которые не способствуют установлению культурно-языковой коммуникации между автономиями. Несмотря на то, что регионы получают широкие компетенции в сферах, определяющих национальную идентичность, таких как образование, СМИ, лингвистическая политика, между самими Сообществами ареала каталанского языка возникает множество противоречий в этих вопросах, которые во многом остаются не решенными до настоящего времени. Целью доклада является показать, с какими сложностями сталкиваются региональные правительства территорий исторического бытования каталанского при решении задачи нормализации и кодификации языка.

Иванченко Наталья Яковлевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Языковая ситуация в Шотландии

Языковая ситуация в Шотландии не раз служила темой для дискуссий. «Яблоком раздора» обычно служит языковой статус Scots. Так, А. Д. Швейцер и В. Н. Ярцева считают скотс диалектом английского языка, и в их

интерпретации ситуация в Шотландии представляется как диглоссия без двуязычия. О. И. Бродович и вслед за ней А. Е. Павленко, Е. А. Денисова и Е. А. Тузлаева исключают шотландские диалекты из диалектного ареала английского языка, что позволяет говорить о региональном двуязычии в Шотландии. И в том, и в другом случае за рамками анализа остается гэльский язык. Однако описывать языковую ситуацию в Шотландии, не учитывая гэльский, недопустимо, ибо в этой стране два языка коренного населения: Gaelic и Scots. И в разные периоды истории Шотландии оба они были официальными языками страны и претендуют на тесные связи с национальной идентичностью шотландцев. В конце XX в. мы стали свидетелями всплеска интереса к ним и поддержки со стороны населения.

В 2005 г. гэльский получил статус официального языка Шотландии наравне с шотландским английским языком. Но, несмотря на меры государственной поддержки и усилия активистов, положение гэльского по-прежнему остается критическим [Dunbar, 2005]. Территориально и численно ограниченный Gaelic стремительно устаревает. По мнению У. МакЛауда, количество учащихся, обучающихся в системе среднего образования с преподаванием на гэльском, должно возрасти в 6 раз, чтобы просто поддерживать существующее количество носителей гэльского [McLeod, 2001]. Тем не менее Gaelic имеет преимущество перед Scots, поскольку его легко идентифицировать как автономный язык. Исторически Scots был автономным языком и выполнял функцию государственного языка Шотландии. После Союза Корон, однако, он оказался под давлением со стороны близкородственного английского языка, и в настоящее время скотс бывает трудно лексически дифференцировать от английского языка [McLeod, 1998]. За долгий период постепенного упадка к концу XX в. скотс подвергся диалектизации [Millar, 2006; McClure, 1988, 1995] и был стигматизирован как ненормативный английский малообразованных слоев населения [Niven, 1998]. Законодательные меры по поддержке скотс принимались неохотно. Отношение населения Шотландии к гэльскому и скотс неоднозначно. Несомненно, защита гэльского имеет символическое значение для Шотландии, но возрождение гэльского требует таких затрат, что к этому готовы далеко не все, как в правительстве Шотландии, так и среди населения (McLeod 2001). Что касается отношения шотландцев к скотс, то по данным опроса населения 2010 г., 88 % опрошенных считают Scots ценной частью культуры и самосознания шотландцев. Но как ни парадоксально, он по-прежнему уступает шотландскому английскому в плане престижа.

Литература:

1. *Dunbar R.* The Gaelic Language (Scotland) Act 2005 // *The Edinburgh Law Review*. 9. 2005. Pp. 466–479.
2. *McClure J. D.* Why Scots Matters. Edinburgh: Saltire Society, 1988.
3. *McClure J. D.* Lowland Scots: An Ambivalent National Tongue in *Scots and its Literature*. Amsterdam and Philadelphia: John Adams Publishing Co, 1995.
4. *McLeod W.* Scotland's Languages in Parliament // *Scottish Affairs*. 24. 1998. Pp. 68–82.

5. *McLeod W.* Gaelic in the New Scotland: Politics, Rhetoric and Public Discourse. 2001.
6. *Journal of Ethnopolitics and Minority Issue in Europe*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecmi.de/publications/detail/issue-22001-208/ (дата обращения: 12.01.2016).
7. *Millar R.* McColl. "Burying Alive": Unfocussed Governmental Language Policy and Scots // *Language Policy* 5. 2006. Pp. 63–86.
8. *Niven L.* Scots: An Educational Perspective / L. Niven and R. Jackson (eds.) // *The Scots Language: Its Place in Education*. 1998. Pp. 57–70.

Марусенко Михаил Александрович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Языки науки и образования в эпоху глобализации

Языковая униформизация может иметь катастрофические последствия для мировой науки. Еще со времен В. фон Гумбольдта языковой идентичности народов придается огромное значение. Всякая мысль, выраженная словами, является совместным произведением мышления и языка. Гумбольдт писал, что дифференциация языков позволяет каждому народу иметь свою особую идентичность и свою особую культуру, которые порождают специфические формы мысли и, следовательно, специфические достижения. Рассуждения Гумбольдта, подтвержденные неопровержимыми фактами, смыкаются с выводами биологов, изучающих образование видов. Этим термином обозначается образование нового вида из материнской популяции, когда часть этой популяции оказывается географически изолированной, что приводит к появлению новой ветви на дереве классификации. Такое же явление может наблюдаться и в сфере мышления, когда какой-нибудь народ, по политическим или географическим причинам, живет в относительной изоляции от остального мира. Изоляция позволяет ученому свободно направлять свою мысль к неизвестным берегам, которые можно сравнить с незанятыми экологическими нишами. Чем больше имеется «изолятов» мысли, тем больше шансов найти оригинальные решения проблем, которые не могли бы быть решены без этих «изолятов». Поэтому большинство ученых-первооткрывателей ведут относительно замкнутый образ жизни (яркий пример — Григорий Перельман). В настоящее время интеллектуальное видообразование, основной фактор прогресса человечества, очень сократилось по причине мондиализации мышления, которая препятствует мысли проходить через точки бифуркации к все более сложным способам самоорганизации, преодолевая равновесие окружающей среды.

Доминирование английского языка в сфере науки и научных изданий ведет не только к ограничению свободы мысли, но дает англоязычным (преимущественно американским и британским ученым) преимущества в получении новой информации, которая до публикации ничем не защищена и которой они могут пользоваться по своему усмотрению. Так, Институт Пастера в течение восьми лет судился с американской лабораторией за признание его первенства в открытии ретровируса

СПИД, которое американский рецензент статьи, посланной в научный журнал, опубликовал под своим именем. Все неанглоязычные страны вынуждены инвестировать в изучение английского языка, переводы на английский и с английского, научные публикации на чужом языке. Несправедливые трансферты только государств ЕС составляют ежегодно не менее 25 млрд евро. В странах, перешедших на обучение на английском языке происходит потеря функциональности, в результате чего национальный язык теряет способность обслуживать важнейшие сферы коммуникации.

Матвеева Елена Олеговна,
к. п. н., профессор, Московский государственный университет культуры

Язык современной российской рекламы: социолингвистические характеристики

В начале XXI в. социолингвистика — одна из наиболее динамично развивающихся и перспективных отраслей отечественного языкознания, тесно связанная с комплексом гуманитарных наук: социологией, философией, семиотикой. Социолингвистика предоставляет исследователям бесценный материал для создания языковой картины мира. Сегодня социолингвистика не просто констатирует существенную взаимосвязь между актуальными общественными изменениями и языком, но и успешно прогнозирует влияние социальных процессов на возникновение языков для специальных целей, к которым можно отнести язык рекламной коммуникации. В наши дни пристальное внимание социолингвистов вполне закономерно обращено на язык рекламы, поскольку рекламная коммуникация оказывает существенное влияние на формирование языковой личности и лингвистическую культуру наших соотечественников. Социолингвистический анализ языка российской рекламы актуализирует следующие проблемы: необходимость рассмотрения лексики рекламных текстов (особенно специфики неологизации и окказиональных инноваций в рекламе), обусловленных социокультурными реалиями начала XXI в.; изучение влияния прецедентных текстов, уже существующих в отечественной и мировой культуре, на рекламные послания, развитие моделей рекламных текстов, бытование традиционных и нетрадиционных моделей рекламы в медийном пространстве, а также особенности их восприятия различными группами реципиентов; анализ суггестивного эффекта рекламных текстов, их способности воздействовать на адресата. Особый интерес представляет специфика влияния языка рекламы на формирование языковой личности, поскольку для многих детей освоение родного языка начинается уже не с пестушек, сказок и потешек, а с рекламных окказионализмов и слоганов. Такая ситуация порождает несколько направлений социолингвистических исследований. Во-первых, чрезвычайный интерес представляет интеграция в повседневную речь россиян рекламных окказионализмов и слоганов, которые способны становиться устойчивыми выражениями, крылатыми фразами. Во-вторых, с позиции анализа активных процессов в языке

интересны тенденции развития языка рекламных посланий: активное использование заимствованных слов, необоснованное употребление научной и даже псевдонаучной лексики, некорректное и неуместное цитирование классической и современной литературы, высказываний исторических лиц, политических деятелей. Наконец, осознание специфики формирования языковой личности как социолингвистического процесса требует обращения к ассоциативным связям, возникающим у адресата рекламных посланий и порождающим определенный стиль мышления и языкового самовыражения.

Мощева Светлана Васильевна,
к. ф. н., доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет

Прагматический фокус как мотивация речевого поведения

Проблематика интенциональности речевого поведения в той или иной мере привлекает внимание всех исследователей, изучающих различные аспекты развития и функционирования языка. Под интенциональностью речевого поведения мы понимаем направленность речи от адресанта сообщения к адресату для достижения определенного запланированного эффекта.

Исследование интенциональности речевого поведения в рамках рекламной коммуникации обусловлено тем, что реклама, существуя во всех аспектах жизнедеятельности социума: в экономике, науке, образовании, культуре, спорте, политике и т. д. — перестала быть только экономическим явлением. Развитие общества дает возможность рекламной коммуникации аккумулировать все нормативные и ненормативные языковые и неязыковые явления, показать все нюансы «поведения» языка в различных коммуникативных ситуациях. В свою очередь, неоднородность самого явления рекламного дискурса (коммерческий, некоммерческий: социальный и политический) позволяет выявить особенности интенциональности речевого поведения, проявляющиеся и в выборе речевого акта / набора речевых актов, и средств интенсификации речевого поведения с целью достижения перлокутивного эффекта. Приемы интенсификации определяются фактором адресата и принимают со стороны адресанта характер открытой или косвенной речевой тактики, т. е. эксплицитной и имплицитной форм коммуникации. Исследуемый тип дискурса, который мы относим к остенсивно-инференциальному типу коммуникации, фокусируясь на реализации базовых интенций (коммуникативной, информативной), прибегает к остенсивным стимулам для аттракции внимания потенциального реципиента и акценте на намерениях продуцента высказывания. Выбирая максимально релевантные способы создания позитивного когнитивного эффекта в заданном контексте, адресант адаптирует спектр речевых стратегий, которые характеризуются способностью комбинировать средства различных языковых уровней (лексики, морфологии, синтаксиса, фонетико-орфографического и графического комплексов) для усиления речевого намерения.

Павлова Дарья Сергеевна,
аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Научный руководитель: Ерофеева Е. В., д. ф. н., профессор

Зависимость устного спонтанного текста от гендера говорящего

С середины XX в. начинается активное изучение устной речи, которое продолжается и сегодня. В лингвистике складывается несколько точек зрения на то, что представляет собой устная речь: текст ли это, текстоид и т. д. Мы придерживаемся точки зрения, что устный спонтанный монолог на заданную тему (материал изучения) является текстом. Не углубляясь в рассмотрение различных подходов к тексту, отметим, что мы склоняемся к пониманию текста, сформулированному в рамках Петербургской лингвистической школы, и в качестве рабочего определения текста примем определение, данное Ю. С. Масловым: «В лингвистике термином „текст“ обозначают не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное „речевое произведение“ любой протяженности — от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги» [Маслов, 1998. С. 11].

В докладе представлен анализ расшифровок аудиозаписей 16 спонтанных устных монологов «О себе» из архива лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. Социальные характеристики информантов, которые являются авторами изучаемых текстов, сбалансированы по факторам «гендер» (мужчина, женщина) и «возраст» (25–34 года, 35–44 года). Фактор «образование» в данной выборке нивелировался, т. к. все информанты имеют высшее образование. Акцент сделан на зависимости текстов от фактора «гендер». В большой мере подтвердились результаты пилотного эксперимента, о чем свидетельствуют следующие факты: поле Я встретилось в ядре семантической структуры текста чаще у женщин, что, возможно, связано с потребностью женщин «вписать себя» в окружающую действительность, определиться со своей ролью в жизни. Кроме того, только в текстах мужчин как ядерные реализованы семантические поля ВОЕННАЯ СЛУЖБА, ОЦЕНКА, КАЧЕСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, ВРЕМЯ, СУЩЕСТВОВАНИЕ. С одной стороны, мы наблюдаем в этом отражение опыта социальной группы, с другой — внимание к осмыслению философских основ жизни. Интересно, что деятельность также осмысляется мужчинами и женщинами по-разному: мужчины включили в ядерную зону всякую АКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, в то время как женщины скорее делают акцент на ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и ДОСУГЕ.

Таким образом, результаты пилотного эксперимента, проведенного в 2014 г., подтверждаются продолжающимся исследованием. Планируется расширение материала для поиска более убедительных доказательств, а также для рассмотрения влияния факторов «образование» и «возраст».

Литература:

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.

Руднева Екатерина Алексеевна,
аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Намек как стратегия вежливости в спонтанном взаимодействии

Проблема косвенности заключается в том, каким образом адресат, опираясь на общие знания, языковые и фоновые, извлекает *подразумеваемое значение* [Серль, 1986: 199 и сл.]. Поиск ответа на вопрос, почему существует косвенность, послужил мотивацией для разработки П. Браун и Ст. Левинсоном своей модели лингвистической вежливости как смягчения угрозы *социальным лицам* [Brown, Levinson, 1987: 48]. В ее рамках, косвенные речевые акты, конвенциональные («Можешь передать ложку?») и неконвенциональные (намеки, например: «Ложечки там не видно на ближнем горизонте?»), представляют собой стратегии вежливости.

В докладе рассматриваются некоторые результаты исследования вежливости в русском спонтанном взаимодействии. Методы получения материала — длительное наблюдение (в т. ч. включенное) за тремя коллективами (2 рабочих и 1 семейный), запись на диктофон и интервью с участниками для уточнения их оценки и интерпретации высказываний.

Материал анализируется с точки зрения современных подходов к изучению категории *вежливости* (например, [Kádár, Haugh, 2013]). Речевые акты описываются в терминах модели Браун и Левинсона с максимальным учетом контекста (отношений между участниками и локальных норм взаимодействия, принятых в конкретном коллективе).

В докладе демонстрируется дискурсивный характер косвенности: смысл высказывания конструируется в процессе взаимодействия обоими участниками, часто в ходе нескольких обменов репликами. Исследовательская интерпретация зависит от реакции реципиента и дальнейшего развития взаимодействия. Однако иногда и сам говорящий может сомневаться в том, какой речевой акт он совершает, например:

М.: Как там наша гречка?

К.: Счас схожу посмотрю.

Со слов М., она «просто вспомнила» и, если бы дочь не сходила на кухню, «сама бы пошла и не стала бы просить».

Намеки (неконвенционально косвенные речевые акты или соответствующие цепочки реплик) встречаются на порядок чаще в семейном взаимодействии и в рассматриваемом мужском коллективе, чем в женском. Трактовка высказывания реципиентом и исследователем зависит от локальных норм коллектива, контекстуальных факторов и отношений между собеседниками. Люди, настроенные на кооперативное взаимодействие, готовы распознать намек, чтобы предложить помощь. Сигналом к тому, как интерпретировать высказывание, могут быть такие маркеры контекстуализации [Gumperz, 1982], как интонация и мимика.

Литература:

1. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 195–222.

2. *Gumperz J. J.* Discourse Strategies Part of Studies in Interactional Sociolinguistics 1982.
3. *Kádár D., Haugh M.* Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Фролова Татьяна Вячеславовна,
аспирант, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Стереотипные ситуации сельского общения: особенности структурно-тематической организации

В структуре городской коммуникации особое место занимают стереотипные ситуации, которым соответствует жанр городского стереотипа. Подобные ситуации регулярно возникают в процессе повседневного языкового взаимодействия и характерны, как правило, для общения незнакомых людей. Они возникают ежедневно и многократно повторяются в течение дня, поэтому общение в таких ситуациях является отстраненным, нейтральным, а употребление речевых клише в них — максимально автоматизированным. Стереотипные ситуации общения носят официальный характер, а также обнаруживают влияние фактора неподготовленности и отсутствия субординации. Среди ситуаций-стереотипов выделяются такие, например, как общение в транспорте, в магазине, на улице и т. п. Традиционно данная проблема рассматривается на городском материале, нами же предпринята попытка исследовать ее на материале речи сельских жителей. Мы обратили внимание на то, что реалии сельского уклада жизни формируют особую коммуникативную среду. Все жители одного села обычно в той или иной степени знакомы друг с другом, поэтому сельские стереотипы совмещают признаки общения в стереотипных ситуациях с незнакомыми людьми и признаки общения со знакомыми. Традиционный ряд микродиалогов, составляющих жанрово-тематическое «ядро» ситуации, сохраняется, но при этом на все стереотипные ситуации общения оказывает влияние фактор личного знакомства, часто близкого. В сельской коммуникативной среде даже в ситуациях максимально официальных, клишированных, требующих отчуждения от личной сферы партнеров коммуникации, собеседники сокращают дистанцию общения. Это проявляется в использовании «ты»-обращений и обращений по имени, в тематике разговоров: в круг обсуждаемых часто входят темы, затрагивающие личную сферу жизни селян. Кроме того, расширяется тематический диапазон возможных ситуаций общения в целом.

Хабибуллина Альфия Марселевна,
аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Комментарий в марокканском видеоблоге и языковая ситуация в Марокко

Видеоблог или влог — это блог, в котором основная информация передается автором с помощью снятого им видео. Данная форма блога популярна в Марокко. Языковая ситуация в Марокко непростая. Диалект, на котором

говорят марокканцы, сильно отличается от современного арабского литературного языка. В обществе даже идет дискуссия о школьном преподавании на марокканском диалекте. Сильно влияние языков бывших метрополий Марокко: испанского — в северных провинциях Марокко (Танжер-Тетуан), французского — в южной и западной части страны. Велико количество носителей тамазигхтских языков. Преподавание в вузах ведется на французском или английском языке, редко на литературном арабском. Особенность видеоблога как интернет-жанра в том, что автор обращается к аудитории устно. Марокканские влогеры говорят на своем диалекте, многие из них часто переходят на французский либо английский язык. Речь автора, как и его невербальная коммуникация, отражается на комментариях. Мы рассмотрели более тысячи комментариев к влогу «KoulchiAbdouss», в котором автор высказывает свое мнение по поводу актуальных общественных тем и говорит о своем образе жизни. Его речь насыщенна фразами на английском, т. к. он является студентом англоязычного вуза. В комментариях использовались:

1. марокканский диалект арабского языка, записанный латиницей (МЛ);
2. марокканский диалект, записанный с помощью арабской графики (МА);
3. арабский литературный язык, использующий арабский алфавит (АЛЯ);
4. английский язык (АН);
5. французский язык (ФР).

Активно используется стратегия смешения кодов. Мы выделили следующие типы комментариев с этой стратегией:

1. МЛ+ФР
2. МЛ+АН
3. АЛЯ+МА
4. ФР+МЛ
5. ФР+МЛ+АН

Комментарии можно подразделить на две большие группы: комментирование заявленной автором темы и комментирование самого автора. В первой группе комментарии более монолитны, во второй же, наоборот, в одном комментарии могут использоваться сразу три языка. Оскорбления влогера высказаны исключительно на марокканском диалекте, однако используются и грубые выражения из английского и французского языков. Особое внимание можно обратить на реакцию комментирующих на речь влогера. Несмотря на то, что уже с 90-х гг. XX в. английский язык становится все более популярным, его использование не кажется марокканцам таким же естественным, как использование французского. Есть примеры комментариев, осуждающих использование английского языка, а не родного диалекта, написанные на французском. Кроме того, марокканский диалект имеет региональные особенности, поэтому влогера критикуют и за «неправильное» произношение некоторых слов, также осуждается и его «плохой» английский. Комментарии к марокканскому влогу в целом отражают языковую ситуацию Марокко. Ввиду актуальности проблемы языка в обществе, коментаторы обращают пристальное внимание на речь влогера.

Цингерова Нина,
Ph. D., старший преподаватель, Университет Коменского (Братислава, Словакия)

«Изобретая» Россию. Методологические аспекты анализа мультимодального текста (на примере обложек словацкого еженедельника «.týždeň»)

В современной обществоведческой мысли существует согласие по поводу того, что коммуникация играет активную роль в процессе создания, стабилизации и трансформации социальной реальности. Среди подходов, основывающихся на данном постулате, в настоящее время на практике наиболее широко используется дискурс-анализ, объединяющий «под своей крышей» широкий спектр разнообразных методологических рассуждений и эмпирических исследований, которые находятся на пересечении разных дисциплин. И хотя в вопросе, касающемся того, формирует ли дискурс всю область Социального или же он является лишь одним из аспектов Социального, а именно языковым, мнения теоретиков дискурса расходятся (особенно ярко данные расхождения можно наблюдать между Эссекской школой дискурса и школой Критического дискурс-анализа), в области эмпирических исследований в центре внимания находится прежде всего институционализированная вербальная деятельность, тексты в «классическом» понимании. Однако аналитик в ходе изучения объекта своего исследования все чаще сталкивается с текстами, построенными путем использования разных семиотических ресурсов (модусов), которые используются для производства значений. В теоретической литературе данный тип текстов получил название «мультимодальные тексты». Инструменты, предназначенные для анализа текстов, слова, таким образом, по крайней мере ввиду большого наличия например разных визуальных элементов в масс-медиальной коммуникации, зачастую оказываются недостаточными. Именно методологические аспекты анализа мультимодального текста, в нашем случае — журнальной обложки, и являются темой предлагаемого доклада.

Теоретическую основу наших рассуждений составляют тексты Ролана Барта, Тео ван Леувена, Чарлза Форсевилла, но прежде всего Гюнтера Кресса. Последний из упомянутых в своей социально-семиотической теории мультимодальности делает упор на «производстве» (а не использовании) знаков. С тем связано и акцентирование категории мотивированного знака («расширение» знака подробно разработано в работах Ролана Барта). Согласно Крессу, «производители знаков пытаясь репрезентировать социальный мир постоянно переделывают концепты и «знание» заново придавая форму культурным ресурсам» [Kress, 2010: 62].

Возможности анализа мультимодального текста в докладе представляются на способах моделирования образа России на обложках словацкого консервативного еженедельника «.týždeň». В ходе анализа мы поставили перед собой следующие вопросы: что за значение было «произведено»; как было «произведено» данное значение; в каком контексте оно возникло; какие ресурсы были использованы; какой статус и потенциал

имеются у использованных ресурсов (выделение происходит посредством коммутационного теста); в каком отношении друг к другу находятся ресурсы.

Литература:

Kress G. Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London; New York: Routledge, 2010. 212 с.

Ширяева Оксана Витальевна,
к. ф. н., докторант, Адыгейский государственный университет (Майкоп)

Русское «деловое» дискурсивное сообщество: картина мира и массмедийная репрезентация (на материале деловой прессы 2000–2010 гг.)

Дискурсивные сообщества — группы субъектов, объединенных едиными ценностями, социально-речевой практикой, коммуникативной средой — формируются в языке под влиянием политических, социальных, экономических факторов. В лингвокультурной ситуации России 2000–2010-х гг. складывается «деловое» дискурсивное сообщество, стимулированное бизнес-средой. В докладе оно рассматривается в аспекте массмедийной репрезентации, с опорой на понятие дискурса в теории коммуникаций (Ю. Хабермас, М. Фуко, Н. Луман, Н. Фейрклаф, Г. Г. Почепцов, Л. М. Землянова, А. В. Олянич, О. Г. Ревзина и др.). Субъекты «делового» дискурсивного сообщества связаны общей картиной мира и концептосферы. Изучение категорий «картина мира» и «концептосфера» в когнитивно-дискурсивной и социолингвистической парадигмах — одно из перспективных направлений современной гуманитаристики (Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, А. А. Залевская, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова, В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Дж. Лакофф, Р. Джекендофф, Р. Шенк, А. Вежбицкая).

Языковой материал (концептосфера, лексика, заголовочные комплексы, синтаксическая стилистика) деловой прессы 2000–2010 гг. позволяет сделать выводы о специфике картины мира делового дискурсивного сообщества.

В русском деловом дискурсе 2000–2010-е гг. мы выделяем объектную и субъектную семантику деловой картины мира: объектная описывается референцией, связанной с концептами *дело (бизнес), рынок, капитал, проект, деньги, успех*, *конкуренция*, субъектная — с лингвотипажами (термин В. И. Карасика) *бизнесмен, банкир, олигарх, эксперт, консультант, менеджер, успешный человек, деловой человек, финансист, карьерист, лидер*. Выявляются типологические и дивергентные признаки делового дискурса: профессиональная деловая коммуникация подразумевает специальные знания и отличается высокой частотностью профессионализмов, терминологии (ср.: *волатильность, монопортфель, аффилированные предприятия, монетаризация*); повседневное общение идет по пути экономии языковых средств, депрофессионализации дискурса, жаргонизации, выявления семантических лакун, которые замалчиваются или эвфемизируются в официальном дискурсе. Несмотря на стилистические различия, во всех сегментах деловой

прессы выявлены общие дискурсивные признаки: профессионализация и терминологизация лексики, стереотипизация субъекта речи, высокая частотность иностранных слов из области экономики, концептуализация картины мира как «деловой», усложнение синтаксиса и пр.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

Бабаина Елена Аркадьевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Стереотипные конструкции среднеанглийской аллитерационной поэзии и особенности их функционирования

«Аллитерационное возрождение» — крупное литературное направление, представляющее собой искусственную попытку воспроизведения древнеанглийского аллитерационного стиха в среднеанглийский период. Вследствие произошедших после норманнского завоевания языковых изменений новый поэтический язык должен был представлять собой искусственную среду, способную придать архаичному размеру гибкость, достаточную для выражения широкого спектра тем независимо от жанровой принадлежности и протяженности, а также производить впечатление «высокого штиля», что достигалось с помощью использования традиционных поэтизмов. Ориентация на форму привела к значительной степени ее стереотипизации на всех уровнях, что в принципе характерно для текста, принадлежащего традиции, где авторский вклад занимает подчиненное положение по отношению к коллективному опыту, а в основе лежит набор общих композиционных правил, в значительной степени детерминирующих как его содержание, так и конкретные средства его выражения. В отличие от формул устно-формульной теории Пэрри-Лорда, представлявших собой ритмическое, семантическое и синтаксическое единство, обладавших полезностью для сказителя и напрямую связанных с темой, стереотипные структуры новой аллитерационной поэзии обнаруживают проблему отношений семантики и синтаксиса, поскольку для поэтических текстов поздней литературной традиции в большей степени характерны ритмо-синтаксические схемы, в целом тождественные системам подстановок, а также лексические коллокации, обусловленные темой. Системное описание этих средств построения текста было бы неполным без анализа плана содержания — общего для литературы этого периода (вне зависимости от жанра и размера) набора тем и топосов, а также рассмотрения вышеупомянутых элементов т. н. традиционного стиля, представляющего собой разновидность дискурса, который на протяжении поколений вырабатывал свой собственный способ обозначения объектов и понятий, описания мест и событий, а также построения нарратива в целом, в их функционировании.

Бондарко Николай Александрович,
д. ф. н., старший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Чем меньше — тем больше, и наоборот: об одной текстообразующей модели в средневековой религиозной словесности

Значительная часть средневековых европейских мистико-богословских духовных текстов строится на основе стереотипных языковых схем. Повтор конструкций — близких в структурном и семантическом планах, однако с варьированием отдельных компонентов используется средневековыми авторами в качестве приема, с помощью которого строятся длинные пассажи или даже короткие самостоятельные тексты. В основе одной из самых распространенных текстообразующих моделей, встречающихся в разных жанрах средневековой религиозной словесности лежат слова из Евангелия от Матфея (Мф. 23:11–12): «*Больший из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится*». Ее прототипической логической структурой можно считать пару пропозиций, связанных отношением обратной пропорциональности. На синтаксическом уровне эта структура представлена сложноподчиненным предложением, в котором главное и сравнительное придаточные связаны между собой парными союзами ie… ie… или so… so… («чем… тем…») в сочетании качественными наречиями в сравнительной степени, соотнесенными в семантическом плане между собой.

Среди многочисленных памятников немецкой религиозной литературы текстовые сегменты, основанные на конструкции «ie… ie…», встречается особенно часто в книге «Струящийся свет Божества» (Das fließende Licht der Gottheiteit) Мехтильды Магдебургской (ок. 1208–1282/1297). Например, на базе этой схемы строится гл. 22 первой из семи части этой книги (FL I 22: 39,26–40,19): «Ie si langer tot ist, ie si vroelicher lebt; / ie si vroelicher lebt, ie si mer ervert; / ie si minner wirt, ie ir mer zůflússet… / ie si richer wirt, ie si armer ist; / ie si tieffer wonet, ie si breiter ist…» Антитетический компонент модели в некоторых предложениях у Мехтильды усилен до уровня парадокса (например: «*Чем дольше она мертва, тем радостней она живет*»), а в ряде случае стандартная семантическая схема «чем меньше, тем больше» инвертируется («*Чем богаче она становится, тем беднее она*»). Эти приемы соответствуют стремлению Мехтильды следовать принципу «неподобного подобия». С их помощью подчеркивается непознаваемость Бога, а также неисчерпаемость мистического пути человеческой души. Именно поэтому в «Струящемся свете Божества» часто сополагаются понятия и действия, решительно не совместимые друг с другом в одном синтагматическом ряду. Однако разрушения традиционной образной системы не происходит, поскольку поэтика Мехтильды ориентирована на библейский текст — прежде всего «Песнь Песней». Мехтильда лишь обогащает традицию, но не за счет создания новых моделей, а за счет семантических вариаций внутри моделей традиционных.

Гвоздецкая Наталья Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Древнеанглийские доксологии-парафразы в контексте устной героико-эпической и письменной христианской традиций

Доксология, хвалебная песнь светского или религиозного характера, известна еще с античных времен. В Средние века этот жанр получил широкое распространение благодаря развитию христианской гимнографии среди новокрещеных германских народов.

Древнеанглийские доксологии представляли собой парафразы латинских богослужебных текстов и сочинялись на основе устойчивой (формульной) героико-эпической фразеологии, которая была приспособлена для передачи христианских концептов, что ясно видно на примере парафраз *Краткого славословия* (Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto, etc.), известных как *Gloria I* и *Gloria II*. Оба текста отвечали канону аллитерационного стиха и вместе с тем решали дидактическую задачу.

Подбор имен показывает, что свойства Бога рассматривались нередко сквозь призму героико-эпического идеала. Так, лексема wuldor, эквивалент лат. gloria «слава», дополняется синонимом, который в героическом эпосе обозначал достоинство героя (wurðmynt), и расширяется формульным наименованием дружинного вождя (wereda drihten), подразумевающим в данном контексте власть Бога над силами ангельскими.

Имя Отца (fæder) вступает в ритмико-синтаксическую формулу с наименованием земли folde (ср. flod under foldan, *Beowulf*, 1361a), способным как ассоциироваться с владениями светского правителя, так и намекать на историю Первотворения (ср. firum foldan, *Гимн Кэдмона*, 9a «людям — землю») и т. п.

Существительные дают представление о Едином Боге в терминах родового и военного сообщества, что согласуется с ветхозаветной традицией. Напротив, с помощью прилагательных поэт, по-видимому, стремится дать формулировку свойств Божиих, как они понимались в новозаветную эпоху, в связи с догматическим обоснованием Троичности Бога.

Наиболее прозрачным из них является эпитет «Истинный» (soð). За именованием «Собственного Сына» (sylfan sunu) просматривается концепт «Единородный» (греч. μονογενὴς, лат. unigenitus).

Интересной синтаксической чертой *Gloria II* является то, что все имена в этом тексте «нанизываются» на одну-единственную глагольную форму — конъюнктив пожелания (sy «да будет»); складывается впечатление, что цель пожелания — не просто славословие Бога, но и утверждение самого Его бытия, в чем слышится отзвук древнегерманских языческих заговоров.

Не следует, однако, преувеличивать влияния дохристианских традиций. Как показывает *Gloria I*, анонимный автор стремился точно и полно объяснить смысл христианской веры. Так, начинается этот текст с той же формы конъюнктива, но акцент делается не на самом славословии, а на «явлении», «откровении» миру Божией славы; ядро конструкции составляет целый ряд контекстуальных синонимов wuldor, указывающих на мощь и милосердие Бога, а также на главную христианскую добродетель — любовь.

Клейнер Юрий Александрович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Гром и Громовержец (Þórr — Þrymr) — эддическое калькирование?

На наличие глубинных индоевропейских связей древнегерманского пантеона указывает его структура (триада верховных богов), набор функций, имена и их толкование/этимология.

В первую очередь это относится к двум из трех участников триады — Тюру и Тору. Первый имеет надежные индоевропейские соответствия: д.-исл. *Týr* (мн. *tívar* ‘боги’), др.-англ. *Tīw*, д.-в.-н. *Ziu*, < **dyēu*, др.-инд. dyauḥ ‘небо’, гр. Ζεῦς, Jūppiter (< *Jū-piter*) и т. д. [De Vries, 1961: 603]. Этимология указывает на его функцию «небесного божества», которая уже никак не проявляется в древнегерманской традиции. «Старшая Эдда» не связывает Тюра с творением и «гибелью богов» (*Ragnarök*). В «Младшей Эдде» упоминается один его подвиг (утрата руки при связывании волка Фенрира); там же Тюр связывается с воинским успехом: «Есть еще ас по имени Тюр. Он самый отважный и смелый, и от него зависит победа в бою» (Snorra Edda 29).

В дальнейшем функции и атрибуты утраченные Тюром, частично перешли к Тору. При этом сам Тор скорее бог-воитель, нежели бог войны, ср. отождествление его с Гераклом в «Германии» Тацита. В имени, *Þórr* ~ *Þunarr* (арх.), др.-а. *Þūr* ~ *Þōr* ~ *Þunor,* д.-с. *Thunar*, совр. англ. *thunder* ‘гром’; ср. также название «молота Тора» *Mjöllnir* (= лит. *milna* ‘молот Перкунаса’) рус. *молния* [De Vries, 1961: 619, 390], отразилась функция Громовержца, ср. у Адама Бременского: *“Thor”, inquiunt, “praesidet in aere, qui tonitrus et fulmina, ventos ymbresque, serena et fruges gubernat..* <...> *Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur*” ‘Тор, как говорят, господствует над воздухом, управляет громом и молнией, ветрами и дождям, посылает хорошую погоду и урожай. <...> И Тор с его молотом похож на Юпитера’. Эта функция Тора не фигурирует в других источниках.

Связь Тора с громом — только этимологическая; она не просматривается в самом имени *Þórr*. Одно из слов для обозначения ‘грома’ в исландском языке — *þruma*. В связи с ним заслуживает внимания имя одного из эддических великанов — *Þrymr*, вокализм которого указывает на изначальное /u/ в корне и /j/ в суффиксе. В качестве последнего мог выступать суффикс *-ja-*, ср. готск. *fiskja* ‘рыбак’ (при *fisk* ‘рыба’). Таким образом, *Þrym-r* (<*þrum-j-a*) буквально значит ‘громовержец’ и, таким образом, является калькой имени *Þórr* с изначально тем же значением. Великан по имени *Þrymr* фигурирует в эддической песни о похищении молота Тора. Можно допустить, что она представляет собой развитие мотива (в понимании А. Н. Веселовского) «Громовержец — молот» и контаминации его с мотивом «похищение — похититель», где оба имени выступают в качестве сюжетообразующих элементов.

Литература:

De Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E. J. Brill, 1961. 689 p.

Лалетина Ольга Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме стихового новаторства русских сентименталистов

Значение стихотворного наследия сентиментализма для истории русской литературы традиционно связывается исследователями с открытием и утверждением нового типа героя, преобразованием жанрового репертуара русской поэзии, изменением ее стиля. Проблема стихового новаторства сентименталистов по существу до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Между тем именно сентименталисты сыграли важную роль в развитии русского стиха последней трети XVIII — начала XIX в., подготовили переход от классицистического периода в истории стиха к романтическому. На наш взгляд, крупнейшие поэты-сентименталисты — Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, М. Н. Муравьев — сознательно и планомерно работали над обновлением русского стиха. Изучение стратегии и тактики их «литературной борьбы», без сомнения, требует комплексного подхода, предполагающего исследование как отдельных уровней стиха (метрики, ритмики, строфики, рифмы и т. д.), так и их взаимосвязей. В рамках доклада внимание будет сосредоточено на описании стиховых исканий, связанных с метрикой. Так, результаты описания метрического репертуара Н. М. Карамзина в широком контексте русского стиха XVIII в. позволяют сделать вывод о том, что эксперименты поэта были направлены на преодоление сложившейся литературной традиции и формирование уникальной метрической системы, не находящей аналогов у предшественников и звонко отозвавшейся в творчестве русских романтиков начала XIX в.

Ноговицын Олег Михайлович,
к. филос. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Типы персонажей, сложившихся в русской классической литературе XIX в.

В произведениях Гоголя отчетливо выделяются два типа персонажей: ритуальный и мечтательный. Ритуал задается отношением смысла и внешнего выражения. Смысл ритуала — мысль, чувственно выражается во внешнем поведении, не отличается от своего внешнего выражения, а существует в нем. В ритуальном плаче, например, скорбь не возникает в душе, в сознании, чтобы потом (если не во времени, то по смыслу «потом») выразиться в действии, а существует в этом действии, совпадает с действием, длится столько, сколько длится плач. Неверно поэтому говорить что плач «означает скорбь», плач есть скорбь. Если поведение человека в широком смысле есть текст, то в ритуале текст предшествует смыслу: лишь приобщившись к ритуально сложившемуся поведению, человек приобщается к смыслу; скорбь познается в плаче. Таковы герои малороссийских повестей Гоголя. Для них смыслы — «христианство», «любовь» и пр. — существуют только как способ поведения, или, шире, как образ жизни. Таков и поручик Пирогов из «Невского проспекта», который сознает себя и в собственных глазах суще-

ствует через принадлежность к родовым признакам «поручика». В «Невском проспекте» поручику Пирогову противопоставлен другой персонаж — художник Пискарев, отчетливо выраженный тип мечтателя. Сознание и вместе с тем способ существования мечтателя заключается в подмене реального предмета или лица на воображением рожденный образ, в нашем случае подмена реальной девушки образом «мадонны». Реальностью для мечтателя является именно воображаемый образ. Гоголь ставит рядом и сравнивает ритуального персонажа, действительностью которого (которому, для которого) служит инвариантное рядовое поведение, и мечтательного персонажа, чья реальность состоит в воображении, сне. Наиболее полное, завершенное развитие тема мечтательного сознания находит в повести «Шинель», в образе Акакия Акакиевича, для которого бытием обладают одни только буквы. Творчество раннего Достоевского почти полностью посвящено разработке различных сторон мечтательности («Все мы вышли из гоголевской «Шинели»). У Пушкина и вскоре затем у Лермонтова появляется совершенно новый тип персонажа, которого можно назвать рефлективным. Рефлективный персонаж не тождественен своему бытию (ни ритуалу, ни мечте), но относится к бытию, является субъектом или автором своего бытия. Его жизнь — переживания, страсти, поступки — подчиняются им же сочиненному сценарию. Такой персонаж является одновременно автором и участником своего текста. У рефлективного персонажа нет «свойств», «характера», одно только авторское тщеславие. Таковы Онегин и Печорин. В отношении к рефлективному герою совершенно по-новому встает традиционная проблема автора художественного произведения (Пушкина, Лермонтова) и героя произведения, поскольку герой одновременно является субъектом текста произведения.

Тимралиева Юлия Геннадьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Гипербола как элемент гротескного повествования в лирике немецкого экспрессионизма

Экспрессионизм как направление в литературе и искусстве, пережившее свой расцвет во втором десятилетии XX в., из всех современных ему течений наиболее остро реагирует на социальные потрясения и противоречия своего времени. В экспрессионизме «все слишком», «все чрезмерно», «все на пределе», «все на грани» — так характеризуют это течение большинство исследователей. Не случайно одним из самых популярных художественных приемов становится гипербола. Выступая неотъемлемым атрибутом фантастически-гротескного повествования, она как нельзя лучше соответствуют эстетическим установкам экспрессионистов, делающих ставку на субъективизм и деформацию, максимально искажая, утрируя и отчуждая существующую реальность.

Чаще всего объектами гиперболизации в экспрессионизме становятся:

- объекты неживой природы (машины, механизмы),
- объекты живой природы (море, деревья, животные),

- небесные светила (луна, солнце, звезды),
- явления/события (война, смерть, болезнь),
- пространство (прежде всего пространство мегаполиса),
- время (день, ночь, вечер),
- призраки, демоны, прочие гротескные субъекты.

Поскольку сверхпризнаками, как правило, наделяются объекты, в реальности лишенные субъектного начала, гипербола часто выступает в тесной связке с олицетворением, в результате чего рождается т. н. «демонизирующая метафора» [Schneider, 1961: 184]. Множество подобных метафор встречаем, прежде всего, в творчестве Г. Гейма: *Doch die Dämonen wachsen riesengross*. (Heym G. «Die Dämonen der Städte»).

Что касается человека, то связанное с ним намеренное преувеличение гораздо чаще затрагивает количественные, нежели качественные показатели, распространяясь на группу (толпу), а не отдельно взятого индивида: *Tausend Lippen wurden vom Fluchen blass / Tausend Hände ballten sich wild im Hass*. (Brecht B. «Moderne Legende»). Это вполне укладывается в логику экспрессионизма, пытающегося разрешить посредством художественной формы проблему распада и потери личности в эпоху глобальных изменений, показать омассовление, обезличивание, обездушивание, овеществление людей в условиях технического преобразования мира и построения общества потребления с новыми социальными ролями и отношениями [Тимралиева, 2014: 86].

Ключевыми средствами гиперболизации в экспрессионизме становятся:

- слова с семантикой преувеличения, такие как *riesig, ungeheuer, unzählig, endlos, grenzenlos, ewig* и т. п.,
- степени сравнения прилагательных и наречий,
- местоимения *all (alle), ganz-, jede-,*
- наречия *immer, stets, überall,*
- количественные числительные.

Литература:

1. *Тимралиева Ю. Г.* Лирика немецкого экспрессионизма в контексте европейского модернизма // Известия СПбГУЭФ. 2014. № 4. СПб., 2014. С. 83–89.
2. *Schneider K. L.* Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls und E. Stadlers. Heidelberg, 1961. S. 184.

Усова Нина Васильевна,
к. ф. н., доцент, Донецкий национальный университет (Украина)

Имя в смысловом поле стихотворения (онимы в поэзии О. Э. Мандельштама)

Год 125-летия со дня рождения Осипа Мандельштама является существенным поводом для обращения к наследию поэта, продолжающим вызывать желание читателей и исследователей перечитать и переосмыслить его. Доклад посвящен исследованию собственных имен в связи с проблемой соотношения фонетики и семантики, формы и содержания в поэзии

О. Мандельштама. Анализ стихов с точки зрения ономастики предполагает понимание того, что имя и контекст выступают равноправно, являясь одновременно и «„органом“ и „полем“ смыслотворения» (М. М. Гиршман). Предполагая, что фонетическая структура поэтонима не просто участвует в создании параллелизма, а играет определенную роль в системе смысловых связей, в качестве гипотезы выдвигаем суждение, что ключом к пониманию взаимоотношения звучания и значения в определенных случаях служит поэтоним. Сам поэт испытывал трепетное отношение к слову, рассматривая его в духе акмеизма «как образ, т. е. словесное представление», не разделяя на форму и содержание, на «значимость» и «звучащую природу» (О. Мандельштам: «О природе слова»). Слово, а следовательно, и имя, как образ — это «сложный комплекс явлений, связь, „система“» (О. Мандельштам). Особое внимание автора к имени возводит его на уровень, «где оно выступает как носитель высшего смысла» (В. Н. Топоров). Имена у Мандельштама — точки возникновения культурных реминисценций и коннотаций, общих для поэта и для образованного читателя, которому и адресован поток поэтических смыслов, синхронизированный особенным образом выстроенной органикой мандельштамовских стихов. Однако не все поэтонимы равнозначны, не все из них играют одинаково важную роль в семантике и поэтике. Не всегда имя определяет замысел, тему стихотворения. С этой точки зрения можно разделить поэтонимы на группы: имена поэтов как череда образов, создающих синхроничность мира, в котором живет и творит поэт; «особенные» топопоэтонимы, являющиеся пространственными ориентирами и одновременно средоточием глубинных смыслов; имена, звучание которых имеет отношение к шуму в природе, к подсознательному, инстинктивному вслушиванию; поэтонимы, выполняющие скорее роль обеспечивающих благозвучие и гармонию стиха и т. д. Слово, вызывающее рефлексии Мандельштама на тему имени, часто балансирует на грани оним — апеллятив, постепенно, шаг за шагом, высвечивая разные уровни своего не сразу постижимого смысла.

Хворостьянова Елена Викторовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Становление и развитие рифменного репертуара М. В. Ломоносова (лексика и грамматика)

Отдельные оценочные характеристики рифмы Ломоносова появлялись еще при жизни поэта в критических и пародийных отзывах его современников (В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова); комментарии о рифмах отдельных стихотворных тестов, ставших уже хрестоматийными, неизменно встречаются в учебниках словесности на протяжении всего XIX в. (Д. Самсонова, А. Кубарева, И. Давыдова, И. Пинского, П. Перевлесского, В. Классовского и мн. др.); наконец, ни одно из научных исследований истории русской рифмы, предпринятых в веке XX, не обходилось без обсуждения места поэта в формировании нового силлаботонического стиха и новых принципов рифмовки (например, в работах В. М. Жирмунского, Д. Самойлова,

М. Л. Гаспарова). Едва ли не большее внимание уделялось рифме Ломоносова в лингвистических работах, посвященных истории русской грамматике и орфоэпии (Р. Кошутича, Н. Дурново, В. В. Виноградова, С. П. Обнорского, Г. О. Винокура, Н. А. Мещерского и др.). Между тем логика становления и эволюции рифмы поэта в ее тесной связи с жанровым и метрико-строфическим репертуаром оставалась вне поля зрения исследователей, несмотря на это, ее динамика одинаково активно проявлена как на уровне словаря стихоокончаний, так и на уровнях грамматики и фоники. Так, на каждом из шести основных этапов развития стиха Ломоносова существенные изменения прослеживаются не только в метрическом и строфическом репертуаре, но и в репертуаре типов рифмы и в целом — стихоокончаний как рифмованного, так и нерифмованного стиха. В этой динамике можно выделить две сменяющие друг друга стратегии: I–IV периоды (1732–1757) и V–VI периоды (1758–1764). Данные Словаря рифм Ломоносова (СПб., 2011) позволяют как проследить логику каждой из них, так и сопоставить динамику в лексико-грамматических и — отчасти — фонетических предпочтениях стиха Ломоносова с динамикой нового периода истории русского стиха, выявленной на материале исследования полного корпуса лексических стихоокончаний.

Шевченко Елизавета Александровна,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Шекспировские истоки метафорической игры у Ч. Диккенса

Частое использование в художественной речи метафор — одна из особенностей романной речи Чарльза Диккенса. Между тем традиция изучения метафоры, а также классификация жанров по признаку «метафорические» — «метонимические» (Р. Якобсон, Дж. Лодж) закрепляет этот троп за поэтической речью. Присутствие метафоры в речи Диккенса можно охарактеризовать как поэтическиий импульс в его прозе.

Учитывая слабый интерес Диккенса к современной ему поэзии и поэзии двух предшествующих веков, с одной стороны, и огромное влияние на писателя творчества Шекспира, с другой, можно сделать предположение, что диккенсовское владение метафорой и обыгрывание в языке большого спектра ее вариаций восходит к языку шекспировской драматической поэзии, или поэтической драмы (У. Найт).

Характерным и главным приемом Диккенса становится игра с буквальным и переносным значениями метафоры. Прием нередко рождает комический эффект, однако комизм часто сливается с осуждающей интонацией. Происходит переосмысление на уровне слова, параллельный процесс происходит на уровне смысла — истина разоблачается одновременно в двух плоскостях. К игре на одновременном звучании буквального и метафорического значений тяготеет и Шекспир, при этом у него это тоже средство выразить отношение говорящего к происходящему. Прием дает возможность писателям показать предмет в один момент под разным углом зрения, акцентируя противоречие между буквальным и метафорическим.

Речевой прием, его внутреннее строение словно поддерживает и обостряет смысловой конфликт произведения.

Вариацией игры с буквальным и метафорическим смыслами можно считать переосмысление устойчивых метафорических выражений, также свойственное и тому, и другому автору. В этом случае «перекраивание» привычного смысла делает и «лексический конфликт» в пределах метафорического выражения, и описываемый им конфликт действия предельно заостренным.

Диккенс и Шекспир также тяготеют к обыгрыванию метафорической условности поэтического штампа и метафоры-профессионализма, которые можно считать частными случаями устойчивых выражений. Например, сонетный стиль речи и мышления Ромео и героев пьесы «Бесплодные усилия любви» находит свои аналогии в утрированном, полном романтических штампов языке Микобера.

Переосмысление и метафорическая игра в романах Диккенса, как и в драмах Шекспира, ведутся порой в пределах диалога, что также способствует возможности реализовать противоречие между буквальным и переносным смыслом. А метафорическая перекличка в романе «драматизирует» действие.

Сходство между языковой игрой у Диккенса и Шекспира нередко отмечалось, но в явно недостаточной степени становилось предметом исследования, чтобы придать наблюдению основательность и подтвердить на конкретных примерах сходство речевой работы.

Яценко Мария Вадимовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

«Гимн Кэдмона» в контексте древнеанглийской христианской поэзии

«Гимна Кэдмона» — один из самых популярных у исследователей текстов древнеанглийской поэзии. Сплошная формульность «Гимна», которая традиционно считалась доказательством связи не только самого этого текста, но и всей дошедшей до нас поэзии англосаксов с устной поэтической традицией, была подробно рассмотрена в работе Фр. П. Магуна. В дальнейшем исследования «Гимна» были продолжены в плане установления связи этого текста с устной поэтической традицией хвалебных песен германцев (О. А. Смирницкая), а также выделения структурных составляющих «Гимна» и параллелей с прочими текстами (Д. П. О'Доннелл). Близкая «Гимну» традиция хвалебных песен англосаксов не была зафиксирована на письме, поэтому продуктивным в плане его анализа представляется сравнение с дошедшей до нас традицией христианской поэзии. Наиболее близкими «Гимну» являются приписываемые Кэдмону поэмы из Кодекса Юниуса (Codex Junius IX) — «Бытие», «Исход», «Даниил». Связь «Гимна» с ними прослеживается не только на уровне формульных выражений, но и смысловых параллелей, а также аллюзий на «Гимн». Особое внимание

привлекает первая строка «Гимна», которая не имеет близких совпадений в древнеанглийских поэтических текстах и может быть связана с богослужебными текстами (в частности, с древнеанглийским переводом церковной службы). Смысловые параллели первой строки «Гимна» с зачином поэмы «Бытие» дают основания связывать оба эти текста с началом центральной части литургии — первым возгласом анафоры. Смысловая и лексическая близость этой строки со значимой в богослужебной последовательности Песнью трех отроков подтверждается и параллелями с поэтическим переложением последней в поэме «Даниил». Аллюзии на текст «Гимна» в поэме «Исход» призваны построить рассказ о христианском Боге иносказательно. Проведенный анализ дает основания полагать, что параллели «Гимна Кэдмона» в христианской поэзии англосаксов просматриваются не только на уровне отдельных формульных выражений, но и смысловых аллюзий, а также структуры текста в целом.

ФОНОЛОГИЯ

Андронов Алексей Викторович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Терминологическая система П. Гарда (из опыта составления указателя к книге «Ударение», СПб., 2016)

...дело не в термине, а в понимании, но термин зачастую является хорошим «memento».
Л. В. Щерба, Русские гласные... СПб., 1912. С. 8

Общая теория акцентологии П. Гарда использует как общелингвистические понятия (оппозиция, дифференциальный признак, чередование, морфема, слово, фонема, слог и др.), так и собственно-акцентологические (акцентологическая система, акцентные константы и переменные, акцентное единство и единица, акцентные средства, акцентогенность, клитика, акцентные свойства морфем, мора и др.). В докладе делается попытка представить терминологическую систему П. Гарда в виде иерархической структуры, что позволяет обратить внимание как на некоторые общие вопросы употребления терминов, так и на отдельные частные интерпретации языковых фактов.

Важной чертой концепции П. Гарда является последовательное различение фонологического (функционального) и фонетического (инструментального) анализа, предполагающего употребление соотносительных пар терминов: признак vs. характеристика, супрасегментный vs. просодический, долгота (количество) vs. длительность и т. п.

Настаивая на принципиальной важности различения отношений оппозиции (в парадигматике) и контраста (в синтагматике), П. Гард соответственно различает два типа признаков сегментных фонологических единиц: оппозитивные (традиционно, «дифференциальные») и контрастивные (в частности, акцентные, шире — супрасегментные).

Различия между сегментными фонологическими единицами, обеспечивающие их необходимое количество в языке, могут создаваться отношениями оппозиции или контраста между их элементами. При этом, если минимальные сегментные единицы (фонемы в фонемных языках и слоги в слоговых языках) существуют «сами по себе», определенные собственной минимальностью, то составные единицы (слоги фонемных языков, фонологические слова и т. д.) наличествуют (или отсутствуют) в системе именно благодаря супрасегментым признакам, создающим их типы. С другой стороны, минимальная сегментная единица имеет только оппозитивные признаки (поэтому таких признаков должно быть достаточно много), в то время как составная единица характеризуется и оппозитивными признаками своих элементов, и контрастивными признаками, принадлежащими ей как целостному единству (поэтому необходимое разнообразие контрастивных признаков меньше).

В свете изложенного П. Гард уточняет понятие слова — промежуточной и не универсальной лингвистической единицы, дающей основу для типологической классификации языков в зависимости от отношений включения или тождества с предельными единицами (морфемой и предложением). Формальный признак слову придают супрасегментные явления (ударение, сингармонизм).

Заика Наталья Михайловна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Акцентологическая система старосулетинского диалекта баскского языка

Ударение в современном сулетинском диалекте баскского языка подробно описано в ряде работ [Gaminde, 1995; Hualde, 1999], тогда как старосулетинское ударение исследовалось менее детально, причем иногда данные старосулетинского неправомерно объединялись с данными современного сулетинского [Peillen, 1998]. Данное положение отчасти объясняется ограниченным количеством баскских акцентуированных памятников. Мы рассмотрим один из них — Евангелие от Матфея [Inchauspe, 1856].

В современном сулетинском морфемы делятся на акцентологически сильные и слабые. При отсутствии акцентологически сильной морфемы словесное ударение падает на предпоследний слог словоформы (*mithíl-a* ‘слуга-def.sg’, *mithil-á-en* ‘слуга-def.sg-gen’), при наличии — на первую акцентологически сильную морфему (*mithil-é-z* ‘слуга-def.pl-ins’) [Hualde, 1999: 979].

Идиолект изучаемого памятника отличается рядом особенностей. Так, при наличии в словоформе двух акцентологически сильных морфем, ударение может падать как на первую, так и на вторую из них, таким образом, приводя к вариативности форм (*háurr-en* vs. *haurr-én* ‘ребенок-gen[def.pl]’). Кроме того, ряд морфем ведет себя как экстраметрические: ударение в словоформах, содержащих данные морфемы, падает не на предпоследний, а на третий от конца слог (*baztérr-a-ren* ‘угол-def.sg-gen’).

Одной из особенностей исследуемого диалекта является нарушение принципа Strict Layer Hypothesis [Selkirk, 1984], предполагающего, что про-

содическая иерархия может быть представлена в виде древовидной структуры, в которой единица более низкого уровня является составляющей лишь одной единицы более высокого уровня. Так, близкое по функции к неопределенному артиклю числительное *bat* ‘один’ в старосулетинском является постпозитивной клитикой (ср. *guízoun* ‘человек’ vs. *guizoún bat* ‘один человек’). Однако анализируемое числительное может склоняться и, состоя из акцентологически слабых морфем, получает ударение на предпоследний слог (*bát-en* ‘один-gen’). В косвенных падежах *bat* в составе именных групп входит одновременно в состав двух просодических слов ([*guizoún* [*bát*]-*en*] ‘человек один-gen’), что противоречит рассматриваемому принципу.

Литература:

1. *Gaminde I.* Zubereraren azentuaz // Uztaro 13, 1995. Pp. 107–128.
2. *Hualde J. I.* Basque accentuation // van der Hulst H. (ed.), Word Prosodic Systems in the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 947–993.
3. *Peillen Tx.* Antoine d’Abbadie 1897–1997. Congrès International. (Hendaye, 1997). Donostia: Eusko Ikaskuntza; Bilbao: Euskaltzaindia, 1998. Pp. 453–472.
4. *Selkirk E.* Phonology and Syntax. The Relation between Sound and Structure. Cambridge, Ma.: MIT Press, 1984.

Источники:

Inchauspe E. Jesus-Kristen Ebanjelio Saintia. Zuberouco uscaralat utzuliric, Bayonne: A. Lamaignère, 1856.

Каленчук Мария Леонидовна,

д. ф. н., заместитель директора,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

О новых пограничных сигналах в русском языке

Известно, что под пограничными сигналами понимают способы обозначения границ между значимыми единицами языка с помощью фонетических средств. При этом межморфемный и межсловесный шов могут обозначаться разными способами:

1) особой реализацией фонем на стыках по сравнению с позицией середины морфемы (*горо*[т#н]*овый*, но *пригоро*[дн]*ый*);
2) появлением сочетаний звуков, в принципе невозможных внутри морфемы (*сы*[п’#с’]*юда* при невозможности сочетания [п’с’] внутри морфемы);
3) указанием на «отдельность» той или иной морфемы, что является пограничным сигналом особого рода — о своей грамматической самостоятельности фонетическими средствами сигнализируют составные части единого фонетического слова (первые компоненты сложных и сложносокращенных слов, приставки, клитики разных типов).

Необходимо не только фиксировать любые проявления сандхиальных явлений, но и выявлять их динамику и значимость в звучащей системе русского литературного языка. В середине XX в. М. В. Панов писал: «В нашу эпоху усиливается роль пограничных сигналов» [Панов, 1967]. В 90-е гг. XX в. анализ орфоэпической ситуации показывал уменьшение количества сигналов границ и снижение их функциональной значимости, т. к.

все чаще внутриморфемные и сандхиальные закономерности совпадали, нейтрализовались [Каленчук, 1993]. Сейчас, спустя четверть века, можно утверждать, что развитие звукового строя языка привело к появлению новых делимитативных сигналов всех указанных выше типов: например, на морфемных швах стали возможны сочетания глухого шумного и звонкого шумного согласного при просодической выделенности первого компонента (*ва́*[ш#б]*рат*; *хо́*[сб]*юрократия*), на ощутимых для носителя языка швах произносятся сочетания зубного с передненёбным (*бе*[з#ж]*ировки*, *ра*[сш]*уметься*), произнесение в приставках и первых частях композитов качественно нередуцированных безударных гласных распространяется все шире (*д*[о]*обеденный*, *п*[о]*слезавтра*, *б*[’э]*локаменный* и мн. др.).

Литература:

1. *Каленчук М. Л.* Орфоэпическая система современного русского литературного языка: дисс. … канд. филол. наук. М., 1993.
2. *Панов М. В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.

Клейнер Юрий Александрович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

В оправдание генеративистики: иерархия уровней — иерархия границ

Символ *X* в генеративистской записи обозначает any sequence of zero or more vowels, consonants and/or boundaries, which may not include word boundary unless specifically noted [Halle & Kayser, 1971: 5]. Границы, упоминаемые здесь, находятся, таким образом, в пределах слова; иначе говоря, речь может идти только о слоговых и морфемных границах и — при несовпадении тех и других — о границах между фонемами [Гордина, 1966]. Учет последних необходим, в основном, при описании взаимодействия уровней — фонологического (уровень абстрактных единиц и правил их соединения/сегментации) и фонетического (уровень реализаций) — или, пользуясь генеративистской терминологией, при выведении единицы глубинного уровня на уровень поверхностный (surfacing). Заметим, что в большинстве случаев такие правила задаются изначально самой структурой языка. Так, чередование «глухой => звонкий» перед звонким согласным («озвончение»), например, в /gazbank/ *госбанк*, не нужно специально оговаривать, в отличие от /g**os**bank/, где отсутствует озвончение, а также редукция, что позволяет говорить о наличии здесь «второстепенного ударения» (Касаткина). Последнее оправдано возможностью здесь противопоставления, например, [*не*] *частный* [*банк*] : [*а*] *гос*. [*банк*], т. е. появлением дополнительной границы между *гос* и *банк*. Вопрос о соотношении границы и второстепенного ударения, обычно не решаемый в синхронном фонологическом описании в терминах причины и следствия, может возникнуть при решении проблемы взаимодействия уровней, что при генеративном подходе формулируется как их «иерархия». Это предполагает и вопрос об иерархии «границ», равно как и об их природе, поскольку морфологическая граница присутствует

как в /g**os**bank/, так и в /gazbank/. (В противопоставлении «/gos/: *частный*» речь может идти о словесной границе, хотя — опять же, особого рода.) Более сложная ситуация возникает на границах фонем в формах типа [jazf] *язв*, где сохранение звонкого согласного перед конечным глухим принято объяснять специфическими свойствами последнего. Однако, учитывая возможное «оглушение» в предконечной позиции ([jasf]), звонкий согласный в [jazf] может трактоваться, исходя из специфики позиционных условий: /z/ *не находится в непосредственном контакте с конечным глухим*, что позволяет говорить об особом характере межфонемной границы.

Литература:

1. *Гордина М. В.* О различных функциональных единицах языка // Исследования по фонологии. М., 1966. С. 172–183.
2. *Halle M., Keyser S. J.* English stress, its form, its growth, and its role in verse. New York: Harper & Row Publishers, 1971. 206 p.

Попов Михаил Борисович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Еще раз о критериях синтагматической идентификации фонемы

Критерий, которым ЩФШ руководствуется при определении моно- и бифонемности звуковых сегментов, базируется на строго функциональном основании: если внутри звукового сегмента в данном языке потенциально возможна одна морфемная граница, этот сегмент является реализацией бифонемного сочетания; и наоборот: если прохождение морфемной границы не возможно, мы имеем дело с одной фонемой. Так, русский гласный [ʔɑ] (ср. [ˈʔɑt] *ад*), характерный в начале синтагмы и на стыках слов после гласного внутри синтагмы, представляет собой одну фонему, поскольку внутри [ʔa] (между глоттальной смычкой [ʔ] и [ɑ]), не может проходить морфемный шов. Некоторые фонологи дополнительно опираются и на другую разновидность морфологических фактов — морфологизованные чередования фонем (ср.: «Фонемный статус дифтонгов в английском языке очевиден ввиду наличия многочисленных чередований с простыми гласными: *write* — *wrote* — *written* и т. п.»). Использование чередований фонем для установления моно- и бифонемности не корректно, т. к. в языках широко представлены морфологические чередования, в которых альтернантами являются сочетания фонем, а моно- или бифонемный статус альтернантов на этом этапе исследования собственно и устанавливается. В «Русских гласных...» Щерба высказал важную для его фонологической концепции мысль, что фонемы являются автономными по отношению к морфеме языковыми единицами, и проиллюстрировал ее примерами монофонемных морфем: «...элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений; так *л* в словах *пил*, *бил*, *выл*, *дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; *а* в словах *корова*, *вода* ассоциировано с представлением субъекта; *у* в словах *корову*, *воду* — с представлением объекта и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений получают извест-

ную самостоятельность». Этот знаменитый пассаж послужил источником недоразумения. Некоторые видные представители ЩФШ интерпретировали его как описание критерия сегментации на фонемы: будто бы в [b'iɫ] *бил* конечная [ɫ] вычленяется, потому что она составляет план выражения морфемы *-л-*, [i] — потому что есть союз *и* или флексия *-и*, а [b'], которая сама по себе не может выступать как экспонент морфемы, якобы вычленяется на основании *остаточной выделимости*. Щерба, который дал в своем высказывании лишь иллюстрацию к положению об автономности фонемы, не вкладывал в него подобного смысла. На этапе синтагматической идентификации фонемы мы не можем пользоваться морфемами, экспоненты которых состоят из одной фонемы, т. к. именно их «монофонемность» и требуется установить на данном этапе исследования. Тем самым установление фонемных границ с помощью *остаточной выделимости* лишается содержательной опоры.

Светозарова Наталия Дмитриевна,
д. ф. н., главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Деятельность фонетических институтов Петербурга — Петрограда — Ленинграда в 1900–1930 гг.

Первые десятилетия XX в., серебряный век в русской поэзии и искусстве, с его обостренным вниманием к слову и звуку, с полным правом можно назвать и серебряным, или даже золотым веком фонетики в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Прежде всего это создание в 1899 г., по инициативе И. А. Бодуэна де Куртенэ и С. К. Булича, при Петербургском университете кабинета экспериментальной фонетики, которым с 1909 г. стал руководить Л. В. Щерба (ныне это Лаборатория экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы при кафедре фонетики Санкт-Петербургского университета). Однако, говоря об истории фонетики в нашем городе, необходимо назвать еще целый ряд более или менее известных организаций, роль которых для развития разных аспектов фонетики недостаточно изучена. Это Институт живого слова, Фонетический институт практического изучения языков И. Э. Гиллельсона, Фонетическая школа новых языков при Научно-исследовательском институте сравнительного изучения истории литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском университете, Институт истории искусств, Институт речевой культуры, Отофонетический институт в составе Петроградского Психоневрологического института. В этих институтах, школах, лабораториях, секциях осуществлялось преподавание фонетики, разрабатывалась методика обучения иностранным языкам по фонетическому методу, велась исследовательская работа, издавались сборники (например, «Русская речь») и журналы. Преподавание фонетики велось на Бестужевских курсах, Курсах иностранных языков Бобрищевой-Пушкиной, в Петербургском учительском институте. Здесь трудились (в силу специфики эпохи нередко одновременно в нескольких местах) Л. В. Щерба, С. К. Боянус, С. И. Бернштейн, Л. П. Якубинский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, М. И. Матусевич, О. Н. Никонова и многие другие ученые, заложившие основы современной науки о звуковом строе языка.

РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Безус Светлана Николаевна,
к. п. н., доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет

Синтаксические модели личных активных простых конструкций (на материале староиспанских деловых писем)

Личные активные конструкции традиционно рассматриваются как «исходно-субъектные» или «субъектно-ориентированные» [Бондарко, 2002: 595], при этом глагольное действие обладает центробежной направленностью. В активных конструкциях субъект действия обладает более высоким рангом и полностью совпадает с грамматическим субъектом, т. е. выступает в позиции подлежащего. Объект занимает следующую по степени позицию и играет роль прямого или косвенного дополнения. Грамматический субъект может быть выражен либо дважды, т. е. специфической формой — подлежащим (дискретно) и личным окончанием глагола, в этом случае речь идет о ***бинарном*** или ***дублетном выражении субъекта*** (данный способ представлен в простых предложениях с полной синтаксической рамой, т. е. подлежащно-сказуемостными конструкциями), либо единожды — только личным окончанием глагола (недискретно), в этом случае речь идет об ***унарном выражении субъекта*** или ***моновыраженном субъекте*** (в сказуемостных конструкциях с частичной синтаксической рамой). В моделях с дублетным выражением субъекта различаются структуры с ***конгруэнтным дублетом*** (термин наш — при совпадении лица субъекта и грамматической формы глагола) и ***диссонансным дублетом*** (термин наш — с семантическим несовпадением лица субъекта и грамматической формы глагола). Субъект (S) в личных активных конструкциях эксплицитно (лексически) может конкретизироваться следующими способами:

- местоименной формой — Spr, т. е. личным местоимением — *pronombre* (личные местоимения представляют собой максимально конкретизированные субъекты);
- именной формой — Sn, т. е. именем нарицательным или собственным или именной группой — *nombre*;
- местоименно-именной формой — Spr/n.

Последняя представляет собой подлежащный блок с местоименным ядром и именным расширяющим компонентом. В качестве расширяющего компонента выступают чаще всего *антропонимы* и/или *комплементарные номинативные группы*, указывающие на титул, гендерный признак, должность, профессию, род занятий, родственную связь, место жительства и т. п. Объект (О), если он есть, гипотетически также может быть выражен местоименным, именным или местоименно-именным способом. Так как объект способен выступать в роли прямого либо косвенного дополнения, целесообразно различать соответственно объект первого порядка — **О** и объект второго порядка — **о**. Таким образом, мы получим следующие варианты форм выражения объекта: On, Opr, On/pr, opr, on, opr/n. В случае On/pr речь идет о местоименной репризе *La carta* ***la*** *firmó el escribano público* 'Письмо заверил общественный нотариус' (т. е. дублировании прямого дополнения личным местоимением в винительном падеже в конструкциях с препозицией объекта глаголу — SOV, OSV, OVS), в случае opr/n — о местоименном ядре с именным расширяющим компонентом, указывающим на дополнительные характеристики лица.

Литература:

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

Боднарук Елена Владимировна,
к. ф. н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

О грамматическом статусе форм, образованных по модели *würde* + инфинитив

В немецком языке имеются формы, образованные по той же модели, что и формы футура: *würde* + инфинитив I, *würde* + инфинитив II. К семантическим особенностям данных форм следует отнести полифункциональность, обусловливающую неопределенность их статуса в системе глагольных категорий и, вследствие этого, множественность обозначений. Форма *würde* + инфинитив I используется главным образом для выражения: 1) потенциально-ирреального будущего (реже, настоящего) времени; 2) будущего времени с точки зрения продуцента косвенной речи (КР); 3) будущего времени продуцента претеритальной несобственно-прямой речи (НПР); 4) футуральной перспективы в претеритальной авторской речи; 5) для замены нечетких, неблагозвучных и устаревших форм конъюнктива презенса, футура и претерита в сфере ирреальности и в КР; 6) для подчеркивания вежливости / некатегоричности при выражении волитивного значения в прямой речи (ПР). Форма *würde* + инфинитив II синонимична плюсквамперфекту конъюнктива и может употребляться в значении прошлого в сфере ирреальности, выступая в конъюнктивной функции. Вместе с тем, будучи образованной при помощи причастия II, она также эксплицирует сему *завершенности*. По аналогии с футуром II она содержит и сему *футуральности* и может употребляться в значении предшествования в будущем

или в значении завершенного будущего, преимущественно в претеритальных контекстах НПР или авторской речи, реже в КР. Таким образом, в части употреблений формы с *würde* сближаются с индикативными формами, в другой части употреблений — с конъюнктивными формами. При этом конъюнктивное употребление преобладает, оно имеет место в основных видах речи — прямой и косвенной. НПР, как и авторское «предвосхищение будущего» — довольно специфичные виды речи, ограниченные рамками художественного произведения. В них происходит некоторая нейтрализация конъюнктивных сем. Но о полном их исчезновении говорить не приходится. Поэтому следует включить данные формы во всех их употреблениях в парадигму конъюнктива. В качестве обозначения форм целесообразно использовать названия *футур претеритум I (конъюнктива)* и *футур претеритум II (конъюнктива)*. Объясняется выбор обозначений как семантикой форм, так и их строением. В основе большинства употреблений форм лежит футуральное значение, которое дополняется либо потенциально-ирреальным значением, либо значением косвенности высказывания. В НПР футуральное значение выдвигается на передний план, в то время как значения потенциальности и косвенности в значительной степени нейтрализуются, но не исчезают полностью. Возможность использования форм *футур претеритум I (конъюнктива)* и *футур претеритум II (конъюнктива)* с нефутуральной семантикой имеет место главным образом, когда они выступают в функции замены.

Бронникова Ольга Васильевна,
аспирант, Тюменский государственный университет

Концептуально-таксономический анализ времени в английском языке

Концептуально-таксономический анализ имеет отношение как к процессу категоризации, так и к процессу концептуализации. Концепты являются базой для формирования категорий и классов. *Базовый* (исходный уровень прототипов) обладает рядом характеристик: гештальтность; широкая сочетаемость; морфологическая простота; стилистическая нейтральность; использование данных единиц в словарных единицах слов нижестоящего уровня; языковыми средствами служат: time (лексическое отражение времени), tense (грамматическое отражение времени), period, duration, базовые концепты прошлого, настоящего и будущего, выраженные следующим образом: today, tomorrow, yesterday (как лексические гештальты времени), present, future, past (как грамматические гештальты времени), видо-временные формы глаголов (как грамматические средства, указывающие на отношение момента действия к моменту концептуализации). *Суперординатный* уровень обобщения нескольких категорий концептуальной области time представляет собой обобщенное представление безотносительно какой-либо из характеристик и включает концепт time английского языка. *Субординатный* уровень конкретизации представлен пространственными, метафорическими и метонимическими когнитивными моделями.

Пространственные модели можно классифицировать на собственно *модели пространства*: 1) «вперед — назад», «вверх — вниз»; 2) вместилище; часть — целое; циклическая: круг, спираль; прямая; пунктир; вектор; отрезок; точка; а также *модели движения*: движущееся время, движущееся Эго, модель временной последовательности. Говоря о направлении времени, стоит отметить, что носители английского языка концептуализируют время чаще горизонтально, нежели вертикально: анализ основных предлогов и частиц английского языка, являющихся наиболее частыми элементами пространственных метафор времени, выявил 35 позиций, из них только 7 относятся к моделям типа «вверх — вниз». В моделях движения во времени у носителей английского языка преобладает движущееся Эго. Подтверждением этому является анализ, проведенный Л. Бородицки и В. Лай, и наш собственный: материалом послужил корпус современного английского языка (COCA), всего было отобрано 74 примера. Самыми многочисленными оказались примеры движущегося Эго (57 из 74), затем следовала модель движущегося времени (26 из 74), третий тип представлен 11 примерами из 74. В репрезентации длительности времени используются линейные обозначения (short time, long time): *short time* — 3650 контекстуальных примеров из COCA, *long time* — 28 630. Метафорические и метонимические модели являются вторичными по отношению к пространственным и представлены концептуальными метафорами и метонимиями времени в английском языке. Таким образом, концептуально-таксономический анализ позволяет рассмотреть время с несколько иной позиции и объединяет различные подходы.

Вороновская Инна Алексеевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматические средства реализации коммуникативно-смысловых блоков авторского предисловия

Грамматические средства реализации коммуникативно-смысловых блоков авторского предисловия (на примере немецкоязычных монографий по лингвистике):

- авторское предисловие как пример паратекста;
- коммуникативно-прагматический подход к анализу структуры авторского предисловия;
- коммуникативно-смысловой блок как структурная единица предисловия;
- репертуар коммуникативно-смысловых блоков в различных предисловиях;
- набор грамматических средств реализации коммуникативно-смысловых блоков;
- морфологические особенности;
- синтаксические особенности;
- взаимосвязь набора грамматических средств реализации коммуникативно-смысловых блоков с их коммуникативной задачей.

Григорьева Любовь Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сопоставительный анализ предисловий к немецкоязычным грамматикам XVIII в.

В докладе предпринимается сопоставительный анализ предисловий к написанным в XVIII в. в Германии и России грамматическим трудам, принадлежащим перу как немецких, так и российских авторов. При этом во втором случае рассматриваются грамматики как изначально написанные по-немецки, так и переведенные позже на немецкий (как, например, грамматика М. В. Ломоносова). Немецкие грамматики были хорошо известны в России, и они рекомендовались для использования в процессе обучения. Ввиду того, что немецкий язык получил широкое распространение в России и играл большую роль в образовании и в различных сферах профессиональной деятельности, некоторые из грамматик немецких авторов были переведены на русский язык (как, например, грамматика И. К. Готшеда). Такая обоюдная ориентированность Грамматик была отличительной особенностью того времени. Основные линии исследования заключаются в следующем: анализ типа текста предисловия, особенности метатекстовых элементов в предисловии, характеристика автора текста и его взаимоотношений с читателем. Предисловие представляет собой особый вид текста, претерпевший в ходе своего развития значительные изменения, что особенно отчетливо наблюдается на примере Грамматик рассматриваемого периода. В предисловии могут быть выделены определенные композиционные сегменты, отличающиеся и своей интенциональной направленностью, и семантическим наполнением. Предисловие характеризуется, помимо этого, взаимодействием автора текста с потенциальным читателем, с которым выстраивается активный диалог. При этом между предисловиями немецких и российских Грамматик наблюдаются как черты сходства, так и черты отличий. В качестве материала для исследования послужили труды И. К. Готшеда, И. К. Аделунга, М. В. Ломоносова, В. Е. Адодурова и др.

Дмитриева Мария Николаевна,
к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Аргументативные структуры в переводном тексте Ноткера «Утешение Философией»

Понятие «аргументации» в современной лингвистике, особенности аргументативных структур в текстах «глубокой» диахронии немецкого языка; в частности, в философской прозе Ноткера Немецкого. Среди средств аргументации можно назвать вопросительные предложения, метакоммуникативные структуры и др. В качестве средства аргументации могут выступать глаголы говорения, хотя наиболее характерными контекстами их использования выступают вводящие предложения (см. подробнее [Дмитриева, 2011: 140–145]). В случаях, когда структура аргументации содержит глагол говорения в форме 3-го лица, речь идет об авторитетных (письменных)

источниках, ссылка на которые служит цели усиления аргументации: например: Wízut ir thia rédina / (**thio búah thio sagent thánana**)? (O., II, 18, 9–10: 91) — Знаете вы эту историю (**о которой книги рассказывают там**)? Функцию аргументации, в основном, принимают на себя целостные синтаксические структуры. Вопросительные предложения в начале и конце каждой из пяти глав или «подготавливают» читателя к восприятию событий, или используются для подведения итога. В интенциональном плане это риторические вопросы — негативные по смыслу экспрессивные утверждения о развитии диалога с дополнительными модальными смыслами возможности или необходимости. Итак, к аргументации принадлежат разные по объему синтаксические конструкции: от конструкций, состоящих только из структурного минимума, до развернутых синтаксических построений. Важнейшие лексические средства аргументации — акцентные частицы, модальные слова, глаголы говорения. Количественные и качественные характеристики средств варьируются в пяти главах трактата.

Литература:

Дмитриева М. Н. Немецкие вопросительные предложения в сопоставительно-диахроническом аспекте. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 236 с.

Езан Ирина Евгеньевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Семантико-прагматический аспект перформативных высказываний современных немецких политиков

Проблемой перформативности занимались многие отечественные и зарубежные исследователи, например, Дж. Остин (1962), Дж. Лич (1971), Ю. Хабермас (1971), Э. Бенвенист (1974), Г. Г. Почепцов (1975), Б. Фрейзер (1975), Д. Вундерлих (1976), К. Бах (1982), В. В. Богданов (1983), А. Вежбицкая (1985), Дж. Серль (1986), Ю. Д. Апресян (1986), А. Романов (1988, 2005), А. Г. Поспелова (1992), Е. В. Падучева (1994, 2002), Е. А. Красина (1999), Н. В. Стоцкая (2002), Н. Д. Арутюнова (2004), А. В. Стасюк (2005), И. В. Четыркина (2005), О. А. Россолова (2008) и др.

Впервые понятие перформатива ввел английский лингвист Дж. Остин (1962). Само же явление еще раньше в своих работах описали Э. Кошмидер (Германия) и Э. Бенвенист (Франция). В настоящее время исследователи в содержание понятия «перформатив» вкладывают различное значение.

Материалом для исследования послужили речи немецких политиков Оскара Лафонтена и Гидо Вестервелле, опубликованные в Интернете на официальном сайте Г. Вестервелле и Левой партии, а также самостоятельно запротоколированные речи с использованием видеозаписей выступлений О. Лафонтена, размещенных на видеохостинге YouTube. В основу анализа положены примеры из 60 речей политиков за период с 2003 по 2013 гг. В корпус примеров вошли фрагменты из предвыборных речей политиков, а также речи, затрагивающие вопросы внутренней и внешней политики Германии.

Г. Вестервелле и О. Лафонтен внесли немалый вклад в политику ФРГ последних десятилетий. О. Лафонтен является одним из самых красноречивых политиков Германии и немецкого Бундестага. Многие политики считают, что с ним уходит целая эпоха, и признают его выдающимся полемистом. Бескомпромиссность Лафонтена многие критики считали свойством его стремящейся к власти натуры, по этой причине его иногда называют «Наполеоном из Саара».

Проанализированный нами корпус примеров показал, что среди общего числа перформативных высказываний количественный показатель ассертивов в речах данных политиков примерно одинаков. Речи Г. Вестервелле по сравнению с речами О. Лафонтена обладают большей экспрессивностью, а излюбленными речевыми актами последнего являются директивы. Это подтверждает тезис о том, что данные речевые акты наиболее частотны в политической коммуникации.

Декларативные перформативные высказывания в проанализированных речах не используются политиками, а комиссивные высказывания встречаются в небольшом количестве только у Г. Вестервелле. Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что политики в своих речах для привлечения внимания со стороны адресата чаще используют директивные и экспрессивные перформативные высказывания, что говорит о преобладании в их речах высказываний побудительного, призывного и оценочного характера.

Жулина Екатерина Борисовна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Формы Present Progressive и Present Simple. Два способа описания внутреннего состояния наблюдателя

Холистический подход к изучению языка, или биокогнитивная философия языка, отличается от классического языкознания и когнитивной лингвистики «первого поколения» тем, что, во-первых, источником представленного в языке знания выступает человек как субъект познания, т. е. наблюдатель, а не говорящий. Во-вторых, язык осмысляется как когнитивная деятельность, направленная на максимально эффективную адаптацию к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. Как следствие, контекст ситуации становится определяющим фактором при изучении языка как системы символов. Значимо также, что среда, с которой человек взаимодействует в ходе познания, включает в себя не только его внешнее окружение, но и его сознание. Эффективная адаптация к среде суть адекватное описание человеком того, что происходит внутри и вне его.

В рамках холистического подхода предпочтение формы Present Simple при описании непосредственно воспринимаемой ситуации принято объяснять нехваткой времени для использования формы Present Progressive. При этом не учитывается противоположная мысль о том, что эта форма передает знание говорящего, а не наблюдателя. Знание максимально абстрагированное от первоначального источника, а не непосредственный

чувственный опыт человека. Употребление формы Present Progressive считается приемлемым только при описании непосредственно воспринимаемых действий других людей. Почему именно эти видо-временные формы все-таки используется в описаниях совершаемых самим коммуникантом действий? Иными словами, в ситуациях непосредственного восприятия ситуации, более того, в ситуациях жесточайшей нехватки времени и в совершенно определенном контексте — автокомментарии.

Как показывают наши исследования наблюдатель выбирает форму Present Simple для описания своего непосредственного опыта, поскольку это позволяет ему успеть передать не только внешнюю ситуацию, но и описать свое внутреннее состояние. В высказывании *Now I put the cake mixture into the bowl and add a drop a vanilla essense* — 'Я кладу сухую смесь для теста в миску и добавляю немного ванильной эссенции' наблюдатель видит и одновременно описывает последовательность собственных действий. Поэтому он использует формы put и add. Поскольку прежде чем начать действие, наблюдатель осознает, что он делает, в ситуации коммуникативного цейтнота он может выбрать самую короткую глагольную форму. В примере *I'm covering myself in flour* — 'Я весь вымазался в муке'. Поскольку наблюдатель уверен в своем присутствии в момент речи, он выбирает сокращенную форму глагола be для описания собственных действий. Форма covering передает динамику действия, которую можно только видеть.

Карлова Анна Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема согласования времен в современной итальянской литературе

В итальянской художественной литературе конца XX — начала XXI в. очевидна тенденция к разрушению традиционных правил согласования времен и наклонений, описанных грамматиками XX в. Прежде всего это касается выбора основного времени повествования: здесь мы видим и «творческий поиск», когда в отдельных произведениях используются Passato Prossimo или даже Trapassato Prossimo, и четкую тенденцию к написанию современных романов в Presente dell'Indicativo. Как правило, такой выбор связан с желанием автора сделать рассказ более экспрессивным, образным, придать ему вид непринужденного устного рассказа, приблизить его к читателю во времени или, напротив, отнести его в совершенно другой временной план. При этом даже для исторического романа возможна альтернатива Passato Remoto или Presente, т. е. временной фактор и актуальность действия, на которых основывается традиционная схема, здесь теряют главенствующее значение.

В итоге, вся традиционная схема согласования времен, имеющая точкой отсчета именно главное время повествования или конкретную форму глагола в главном предложении, начинает изменяться, приспосабливаясь к новым реалиям. При использовании Presente в качестве основного времени логично было бы предположить, что согласование времен пойдет по

т. н. схеме «плана настоящего», но на практике это не всегда оказывается возможным. Кроме того, такой путь просто убрал бы из употребления целый ряд видовременных форм (Passato Remoto, Trapassato Prossimo и др.), но, как выясняется, некоторые компоненты их значения невозможно выразить иначе (либо альтернатива оказывается громоздкой, двусмысленной или не совсем очевидной).

На данный момент мы видим гораздо более гибкий подход к выбору видовременной формы. Главный фактор — не жесткие правила, а намерение автора подчеркнуть один из компонентов значения, содержащийся в той или иной форме. Выбор не только может идти вразрез с правилами внутри использования форм одного и того же временного плана (например, в выборе одного из прошедших времен: Passato Prossimo, Passato Remoto, Trapassato Prossimo, Imperfetto), но и выходить за рамки временного плана. В таком случае, например, Imperfetto может использоваться в плане настоящего, а Passato Prossimo — в плане будущего.

В итоге, можно говорить о разрушении старой схемы, расширении рамок использования многих видовременных форм, усилении экспрессивного фактора и роли авторской интенции.

Кондрашова Вера Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сказочные аллюзии как средство речевого воздействия в англоязычной коммуникации

В настоящее время все больший интерес лингвистов вызывают языковые способы оказания непрямого воздействия на адресата. Одним из них является использование аллюзий. Сказки относятся к числу универсально-прецедентных феноменов, поэтому аллюзии на них снижают риск возникновения коммуникативных неудач. Цель исследования состояла в изучении особенностей функционирования сказочных аллюзий в англоязычной коммуникации. Их использование довольно часто придает общению игровую коммуникативную тональность, которая способствует реализации различных интенций. Одним из проявлений игровой коммуникативной тональности можно считать высказывания, произносимые говорящим либо от лица персонажа, либо с обращением к адресату как персонажу сказки. Собеседник может поддержать игру встречной аллюзией в ответе. Сказочные аллюзии могут использоваться для воздействия на эмоции адресата. Желание вызвать положительные эмоции у собеседника реализуется в высказываниях с фатической интенцией, когда говорящий стремится к созданию и поддержанию психологического комфорта. Аллюзии, создающие игровую тональность, используются для снятия напряжения, выражения доброжелательного отношения, произнесения комплимента, реже для размыкания контакта. Такое речевое поведение характерно и для первого знакомства, и для общения хорошо знакомых людей. Говорящий нередко прибегает к сказочным аллюзиям в дружеском общении для смягчения коммуникативного намерения при выражении непрямой и невраждебной вербальной

агрессии. Она чаще всего выражается в упреках и насмешках. Шутливое использование сказочных аллюзий также способствует соблюдению ряда коммуникативных норм, существующих в английской лингвокультуре. Например, в англоязычной коммуникации не принято жаловаться или задавать вопросы личного характера. Аллюзии помогают достичь этих коммуникативных целей в косвенной форме. Коммуниканты могут использовать имплицитные цитатные аллюзии, перифразированные аллюзии, аллюзии к прецедентным ситуациям. Наиболее востребованным оказался сценарный концепт *Cinderella*. Обращение к различным уровнево-сегментным слоям этого концепта способствует порождению новых имплицитных смыслов и выражению различных коммуникативных намерений. К наиболее значимым образам можно отнести следующие: *Fairy Godmother*, *pumpkin*, *rat*, *ball*, *midnight*. Они дают, в частности, говорящему возможность выразить жалобу, косвенно задать вопрос о причине раннего ухода, высказать упрек. Использование аллюзивных имен собственных в зависимости от просодической характеристики высказывания позволяет выразить отношение к адресату. Сказочные аллюзии способствуют поддержанию доброжелательных отношений между коммуникантами. При их использовании проявляется лингвокреативный потенциал языковой личности.

Либерт Екатерина Александровна,
к. ф. н., научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

«Дательный притяжательный» в западногерманских языках

Атрибутивная синтагма, состоящая из существительного и его определения — явление несомненно универсальное. В качестве определения выступают разные части речи, в частности, другое существительное, подчиненное главному. Один из видов подчинительной связи в такой синтагме — т. н. «дательный притяжательный» в германских языках — конструкция, в основе которой лежит сочетание имени с притяжательным местоимением 3-го лица. Такое сочетание может быть расширено за счет подчиненного атрибутивного существительного в дательном падеже по формуле «кому свой?», как в немецком: (*dem Vater, meinem Bruder*) *sein Teller* (*der Mutter, meiner Schwester*) *ihr Teller*. Этот оборот, отмеченный уже в древнейших письменных памятниках, свойственен верхненемецким диалектам и региональным обиходно-разговорным вариантам немецкого языка, сохранившим дательный падеж. Его утрата в большинстве германских языков ведет к тому, что единственным переменным элементом конструкции остается притяжательное местоимение, выбор которого в западногерманских языках зависит от рода и числа подчиненного атрибутивного существительного, в скандинавских — от главного: голл. *m'n broer z'n fiets* «велосипед моего брата» норв. *Steinar sin far* «отец Стейнара». В докладе предполагается также подробнее остановиться на вопросе о функционировании «дательного притяжательного» в германских языковых образованиях, представленных на территории Сибири, — в языке меннонитов плотдич и в верхненемецких диалектах, где рассматриваемая конструкция представлена и обнаруживает свои особенности.

Минченков Алексей Генриевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«Маскирующиеся» иллокутивные частицы в английском языке

В современном английском языке выделяется особый класс лексических единиц, которые по своему написанию и звучанию совпадают со словами, относящимися к различным частям речи, прежде всего с наречиями и местоимениями, а также с сочетаниями из двух слов, но при этом выполняют совершенно иную функцию и могут занимать синтаксическую позицию, несвойственную для тех слов, на которые они похожи. Формальная схожесть указанных лексических единиц с известными и распространенными в языке словами нередко создает проблемы в плане их идентификации и определения их коммуникативного значения, особенно у изучающих английский язык. С точки зрения теории грамматики интерес представляет определение грамматического статуса этих довольно разнородных по своим функциям лексических единиц и разработка категориальных признаков, позволяющих выделять их и отличать от известных частей речи и свободных сочетаний слов. Исследование, проведенное с использованием данных Британского национального корпуса, позволяет отнести данные единицы к классу иллокутивных частиц. Результаты исследования представляются актуальными не только для теоретической грамматики, но и для теории перевода.

Нефёдов Сергей Трофимович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Модальный профиль научного текста

Модальное профилирование высказываний научного текста исходно разворачивается в теоретически сконструированной автором-исследователем реальности. В центре этой реальности оказываются не только и даже не столько научный объект, сколько сами научно-познавательные операции получения и обоснования нового знания об объекте. Концентрация непосредственно на процессе аргументации отражает направленность научного сообщения на убеждение представителей профессионального сообщества как целевых адресатов и потенциальных оппонентов. Ярко выраженный персуазивный характер аргументации как норма ведения современной научной дискуссии, в свою очередь, мотивирует автора-исследователя к постоянному выходу за пределы доминирующей в научном тексте ассертивной коммуникативной модальности в область допущений, планирования, формулирования гипотез, выражения рекомендаций и советов, приглашения адресата к равноправному сотрудничеству и т. д. Модальный план научного текста оказывается организованным мозаично, а его отдельные блоки — прагматически связанными с типом коммуникативно-познавательной операции / коммуникативно-смыслового блока, с его ролью в целом и прагмариторическими стратегиями убеждения. В докладе интерпретируется долевое соотношение модальных блоков в научном тексте и систематизируются их грамматические и лексические маркеры.

Осокина Наталья Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых случаях интенционального семантического сдвига на основе категории переходности (на материале английского языка)

Интенциональный семантический сдвиг (ИСС) у глагольных категорий в английском языке представлен различными видами и имеет различную основу: это и случаи ИСС, возникающие на основе противопоставления предметность — событийность, и ИСС на основе категории градуальности (die a little, I exist more) и т. д. В результате намеренного использования глагольных форм в функции других глагольных форм возникает новый не грамматический смысл, такие сочетания отличаются емкостью, выразительностью, они образны и амбивалентны. В данной работе обратимся к случаям глагольного ИСС на основе категории переходности. Примеры намеренного использования непереходных глаголов как переходных отмечаются А. А. Масленниковой; непереходные глаголы, используемые с дополнениями и предлого-наречиями, получили также название «адвербиальные глаголы» (Т. Левицкая, А. Фитерман).

Проведенный анализ показал, что ИСС на основе категории переходность может приводить к появлению значения каузации и (или) движения:

You think Danny thought those bruises onto his neck? (S. King)

В данном примере значение каузации возникает в результате ИСС умственное действие — физическое состояние, когда глагол to think, не имеющий обычно прямых дополнений, выраженных существительными, используется как переходный глагол с дополнением those bruises. При этом появляется экспрессивность, ироничное звучание.

В следующем примере использование непереходного глагола to flirt как переходного в конструкции V (behaviour) smb out of N (place) приводит не только к появлению значения каузации, но и значения движения и его характеристики:

Guy had essentially flirted Jojo out of jail. (C. Manby)

ИСС физическое действие (поведение) — движение (положение) позволяет емко и ярко описать ситуацию. Используемая в этом примере конструкция является вариантом встречающейся у современных авторов структуры V somebody out of/into/to N (place/state) с глаголами говорения, глаголами, называющими физическое или эмоциональное состояние, поведение, в результате чего они приобретают несвойственное им значение: перемещение из одного места в другое или переход из одного физического состояния в другое:

...hoping he would talk himself to sleep. (M. Stewart)

Характеристика действия может передаваться при использовании непереходных глаголов в структуре V one's way to/into N (place):

But the last thing Sally wanted was to spend another three hours blushing her way back to Bodrum. (C. Manby)

He shivered his way down into the bedding. (M. Stewart)

ИСС физическое состояние — движение не только передает характеристику движения, фокусируя внимание читателя, подчеркивая состояние героя, но и несет оценочность: в обоих примерах героям было нелегко — психологически или физически — добраться до определенного места.

Питталуга Роберта,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Марусенко М. А., д. ф. н., профессор

Формирование фрейма для русского и итальянского глаголов на материале повести А. П. Чехова «Дуэль»

В современной лингвистике фреймовый анализ способствует структурному и содержательному описанию понятийного значения терминов. В наиболее обобщенном виде фреймы понимаются как «когнитивные структуры знания, хранящиеся в нашей памяти, которые в упорядоченном виде содержат основную информацию, ассоциирующуюся с тем или иным понятием или системой понятий» [Иванова, 2008: 72]. Фрейм — блок с иерархической структурой, внутри которой находится совокупность смысловых компонентов, т. е. сеть, сформированная из узлов и соотношений между данными узлами [Минский, 1979: 8].

Благодаря упорядоченности, гибкости и стереотипности, присущих данным структурам, они могут быть эффективно применены для создания специального искусственного языка, который в состоянии формально описать характеристики любого понятия, включая грамматические значения. Именно поэтому, для того чтобы формально сравнить свойства, входящие в значение глагола в русском и итальянском языках, был применен фреймовый анализ.

В результате применения метода сплошного отбора в произведении А. П. Чехова «Дуэль» были выделены все глаголы движения, фигурирующие в повести в спрягаемой форме, исключая, однако, глаголы в инфинитиве, причастной и деепричастной формах. Данный выбор обусловливается тем, что в русском языке инфинитив, причастие и деепричастие являются смешанными категориями (частями речи), грамматический статус которых не всегда можно точно определить. Причастие и деепричастие предстают как атрибутивные формы глагола, а инфинитив — неопределенная, исходная форма глагольной парадигмы. Таким образом, корпус найденных глагольных форм составляет 382 единицы.

После обработки информации, содержащейся в различных энциклопедических словарях и грамматиках русского и итальянского языков, были выявлены элементы (слоты), позволяющие охарактеризовать формально (а не описательно) как значения русского глагола, так и значения итальянского глагола. Слоты таковы: Вид, Залог, Переходность, Возвратность, Наклонение, Время, Форма, Лицо, Число, Род, Словоизменение, Модальность. Таким образом, был создан прототип фрейма как для русского, так и для итальянского глаголов. В графическом виде фрейм имеет форму таблицы.

В настоящем докладе рассматривается методика формирования фрейма и развития вышеуказанных слотов, заполненных своими признаками, количество и разновидности которых иногда могут отличаться в зависимости от языка. Объективное и формализованное заполнение фреймов дает возможность соотнести (наглядно наложить) каждый русский глагол в произведении с соответствующими итальянскими глаголами, существующими в пяти переводах на итальянский, что, в конечном итоге, поможет определить степень эквивалентности между оригиналом и вариантами перевода.

Литература:

1. *Иванова Е. П.* Семантизация имени существительного во французских толковых и энциклопедических словарях XVII–XXI вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008, 250 с.
2. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979. 174 с.

Соколова Наталья Юрьевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Вопрос: великий и ужасный (на материале английского языка)

Общей чертой национальных характеров представителей англоязычного социума является стремление к сохранению приватности. Как англичане, так и американцы склонны оберегать свое личное пространство от нежелательного вторжения. Эта особенность менталитета данной культурно-языковой общности находит отражение в коммуникативном поведении и речевой деятельности ее участников. Ряд отечественных и зарубежных исследователей, включая представителей рассматриваемых наций, разделяет точку зрения о том, что в диалогическом взаимодействии носители английского языка и культуры с осторожностью воспринимают даже самые незначительные вопросы. В некоторых коммуникативных ситуациях неприятие вопроса может выражаться резкой негативной реакцией.

Наивное языковое сознание англичан и американцев склонно наделять вопрос специфическими когнитивными признаками, находящимися во взаимосвязи с поведенческими и речевыми стереотипами. Наивные, мифологические взгляды общества находят отражение в грамматических и лексических структурах языка, и, следовательно, доступ к представлениям участников англоязычного социума на вопрос может быть получен посредством применения метода семантико-синтаксического анализа функционирования метаязыкового имени, номинирующего данное речевое действие.

Анализ функционирования существительного *question* в атрибутивных и субъектно-предикатных сочетаниях свидетельствует о том, что в языковом сознании англичан и американцев вопрос наделяется значительными параметрическими данными, а также способностью к каузации чувства страха. Вопрос репрезентируется как сущность, обладающая внушительными размерами и вселяющая ужас в окружающих. Превалирующее количество рассмотренных фрагментов, содержащих метаязыковое имя *question*, обладает отрицательной коннотацией.

Наивное языковое сознание носителей английского языка содержит мифологические представления о вопросе, формировавшиеся в течение длительного времени. Подтверждением может служить то обстоятельство, что в словаре мифов, находящих отражение в фактах английского языка, номинации вопроса посвящена отдельная статья.

Степанов Евгений Сергеевич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об изучении прецедентных имен в отечественной и европейской лингвистике

1. Разработка теории прецедентности происходит в основном в рамках отечественной лингвистики. Об этом свидетельствуют имена специалистов, изучающих прецедентные феномены: Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Е. А. Нахимова. Фактом, подтверждающим обозначенный тезис, является практическое отсутствие подобной терминологической системы в европейских языках, которая представлена в английском языке переводными кальками с русского: precedent phenomena, precedent situation. В немецком языке понятие прецедентности отсутствует в принципе.
2. Из наблюдений можно было бы сделать вывод: изучение особых функций онимов — прерогатива отечественной лингвистики, что, однако, не соответствует научной практике. Поэтому важными представляются попытки найти истоки и аналоги прецедентных феноменов в европейской лингвистике.
3. Истоки прецедентности кроются в теории интертекстуальности, проявляющейся во включении в текст маркированных или немаркированных цитат, аллюзий, реминисценций. Если применить данное положение к теории прецедентности, то прецедентные имена можно рассматривать как «интертекстемы» — манифестации интертекстуальности в форме онимов. Между прецедентными именами и аллюзией существует определенное сходство, но системным здесь является различие в способе выражения: имплицитная отсылка, создаваемая аллюзией, vs. прямая номинация, маркированная прецедентным именем.
4. Отчетливая связь прослеживается также между прецедентными именами и метафорами. Именам собственным свойственно переносное употребление в рамках традиционной теории метафоры, но здесь подчеркивается лишь определенное качество: Отелло — «ревнивец». В случае же с прецедентными именами в основе лежит нечто большее, чем просто сравнение качеств. Базисом прецедентного имени становится прецедентная ситуация, комплекс дополнительных атрибутов и событий. Ввести ситуацию в анализ словоупотребления позволяет теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, и ее развитие в трудах Ж. Фоконье и М. Тернера, получившей название теории концептуального блендинга: в структуру метафорического употребления помимо источника и цели вводится дополни-

тельно третий член метафоры — родовое ментальное пространство, включающее в себя прецедентную ситуацию.

5. В качестве образца предлагается анализ прецедентного имени в функции концептуальной метафоры на примере: *Farage: Der Euro ist die neue Berliner Mauer*. Входным пространством цели выступает валюта «евро», источником — прецедентное имя «Берлинская стена». Основу образует родовое пространство с прецедентной ситуацией «разделение Европы на два лагеря» с ее атрибутами «разобщенный, разрозненный». Новое выходное смешанное пространство отображает ситуацию, в которой евро выступает триггером нового разобщения Европы.

Супоницкая Наталия Семеновна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Косвенно-эксплицитные формы авторизации в научном тексте

В научном тексте обычно параллельно используются три формы авторизации: прямая, косвенная и имплицитная. Их соотношение в реальных текстах зависит от многих факторов коммуникативно-прагматического характера: функционально-коммуникативного типа текста, вербализуемых коммуникативно-познавательных операций, общепринятых норм общения в научном сообществе, индивидуально-личностных предпочтений исследователя при выражении авторской позиции и оценок и т. д.

В докладе рассматриваются наиболее частотные формы косвенно-эксплицитной авторизации в научном тексте на материале лингвистических статей и монографий. Косвенно-эксплицитными средствами авторизации признаются обозначения автора-исследователя через личное местоимение «мы»/«wir», неопределенно-личное местоимение «man», а также метафорические сдвиги типа *«Эта статья рассматривает проблему...» / «Dieser Beitrag befasst sich mit dem Problem» / «This paper deals with the problem»*.

Косвенными такие номинации являются потому, что обозначение автора-исследователя происходит здесь не прямо, а через дополнительную опосредующую ступень референциальной отнесенности к профессиональному сообществу, языковому коллективу или опосредуется «нарушением семантического согласования» между субъектом и предикатом высказывания.

Каждый из видов косвенно-эксплицитных форм авторизации выбирается автором в ориентации на индивидуальные представления о нормах ведения научной аргументации, а также с учетом текущих коммуникативно-прагматических задач при воплощении полученных научных результатов в текстовой форме.

Их вариативное применение нацелено, в конечном итоге, на обеспечение эффективности и выразительности научной коммуникации, т. к. позволяет автору-исследователю через варьирование своего «образа» удерживать и контролировать внимание адресата и оптимизировать процесс научной дискуссии.

Токарева Ольга Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Петрова Е. С., к. ф. н., доцент

Актуализация категории одушевленности в англоязычном тексте

Лексико-грамматическая категория одушевленности имеет различные средства выражения на нескольких уровнях языка. Сема одушевленности может либо присутствовать в семантической структуре слова, либо интенционально актуализоваться в ней автором речи за счет употребления слова в определенном контексте при осмыслении референта как живого существа или же предмета, имеющего сходство с живым существом. Объектом исследования, которому посвящен данный доклад, послужили случаи контекстуальной актуализации значения одушевленности.

В результате анализа языкового материала единицы контекста, актуализующие значение одушевленности, были разделены на две группы. В одну группу мы включили синкретичные языковые единицы, способные сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными существительными (например, глаголы offer, hold и т. д.). В другую группу были включены единицы, комбинирующиеся только лишь с одушевленными существительными (например, глаголы shiver, scold) и образующие в сочетании с неодушевленными существительными гибридную структуру, которая за счет семантического рассогласования отражает авторское переосмысление сути денотата, обозначаемого существительным. Таким образом, единицы контекста образуют поле, на периферии которого находятся синкретичные единицы, обеспечивающие лишь частичную персонификацию, и ядро которого составляют единицы, обеспечивающие полную персонификацию.

В границах ядра мы выделили подгруппу единиц контекста, вызывающих актуализацию тесно связанной с категорией одушевленности категории гендера (например, личные местоимения he, she и их производные, существительные mister, girl и т. д.). Исключение составляют отдельные случаи узуального употребления личных местоимений применительно к неодушевленным существительным (например, death => he, car => she), которые, по всей видимости, тяготеют к периферии поля. Иными словами, контекстуальная одушевленность впервые подразделяется на гендерно нейтральную и гендерно маркированную.

Анализ языкового материала показал, что применение тех или иных переводческих приемов при переводе на русский язык англоязычных текстов с актуализацией значения одушевленности зависит от того, является ли персонификация частичной, полной, гендерно нейтральной или же гендерно маркированной. В этой связи мы полагаем, что рассмотрение актуализации категории одушевленности с позиций теории поля может быть продуктивным при подготовке будущих специалистов в области перевода.

Усенко Мария Владимировна,
аспирант, Московский городской педагогический университет

Черты научного стиля в философском эссе Ж.-П. Сартра

К характерным чертам французского научного стиля относятся: значительное преобладание повествовательных конструкций, по сравнению с восклицательными, вопросительными и повелительными конструкциями, употребление неопределенного местоимения *on*: «...on déclare volontiers qu'un musicien ou qu'un peintre est existentialiste», «...on ne peut pas supposer un home...», «Lorsqu'on considère...», преимущественное использование местоимений первого лица множественного числа (местоимение *мы* «авторской скромности», указательные *nos*, *notre*), употребление безличных конструкций: «Que faut-il au juste entendre par là?», «Il semble que, faute de doctrine d'avant-garde analogue au surréalisme...», «...il faut tenter d'avoir raison dans nos livres...», «...il convient que nous reprenions...».

Интересен тот факт, что безличное местоимение il всегда стоит в третьем лице единственного числа, так же, как и глагол, который с ним согласуется. Таким образом, в тексте, написанном в научном стиле, нельзя встретить «Ils existent plusieurs differences...», но «Il existe plusieurs differences».

Что касается временного плана, следует отметить, что в научном тексте предпочтение отдается настоящему времени: «La plupart des gens qui utilisent ce mot...». Структура предложения во французском научном тексте чаще всего сложная и содержит несколько придаточных предложений. Средняя длина предложения во французском научном тексте составляет 29 слов (так же как и в английском языке).

В сложном предложении часто употребляется как минимум три глагола, соответственно это значит, что сложное предложение включает в себя по крайней мере два придаточных предложения (придаточное-дополнительное, придаточное-относительное, придаточное-обстоятельственное).

На наш взгляд, одной из важных характеристик научного стиля в эссеистике Ж.-П. Сартра является ее диалогичность. Ж.-П. Сартр в эссе «Бодлер» достаточно часто ссылается и обращается к другим писателям, изучавшим творчество Бодлера. «Crépet cite à ce sujet une note significative de Buisson «Baudelaire était une âme très délicate, très fine, originale et tendre, qui s'était fêlée au premier choc de la vie», «Jean Massin lui-même note „cette tragique ignorance du Sauveur"».

Еще одной из важных характеристик научного стиля является его экспрессия. Прагматический характер экспрессивности научной речи объясняется ее двухсторонним характером, поскольку она связана не только с адресантом речи, но и ее адресатом.

Проанализировав характерные особенности научного стиля в философском эссе Ж.-П. Сартра, можно сделать вывод о том, что познавательная деятельность невозможна только на понятийно-логической и рациональной основе, она должна осуществляется в единстве с эмоционально-волевой активностью, интуицией и образным мышлением читателя.

Филиппов Константин Анатольевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Речевое произведение, фраза, текст: к вопросу о различной интерпретации лингвистических терминов

Прямое подтверждение взаимосвязи понятий «речевое произведение» и «текст» можно найти в соответствующих словарных статьях «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. Ср.: «**ТЕКСТ** *англ*. text, *фр*. texte, *нем*. Text, *исп*. texto **1.** То же, что произведение речи. **2.** Произведение речи, зафиксированное на письме…» [Ахманова, 2016: 470]. Под произведением речи (т. е. речевым произведением — К. Ф.) О. С. Ахманова понимает «реально высказанное (написанное и т. п.) предложение или совокупность предложений (включая отрезок устной или письменной речи любой длины, вплоть до целого литературного произведения, произведения устного творчества и т. п.), могущее, в частности, служить материалом для наблюдения фактов данного языка» [Там же: 365]. Таким образом, в первых двух значениях понятия «текст» заключено широкое и узкое понимание термина, причем второе значение также можно назвать обиходным, потому что именно такая интерпретация подтверждается дефинициями в современных толковых словарях русского языка, где под текстом понимается «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из них)» (см., например, [Ожегов, Шведова, 1999: 791]). Что касается термина «произведение речи», то в словаре О. С. Ахмановой присутствует только одна общая трактовка, согласно которой речевое произведение может быть представлено как в устной, так и письменной форме. При знакомстве с другими понятиями, связанными с природой и устройством речевых произведений, можно натолкнуться на любопытные факты переплетения разных взглядов на трактовку речевых феноменов в словаре О. С. Ахмановой и в концепциях других языковедов. Так, в словаре О. С. Ахмановой понятие «фраза» получает следующее определение (обратим внимание только на первые два значения, имеющие применение в теории текста): «**ФРАЗА** *англ*. phrase. **1.** Наименьшая самостоятельная единица речи, актуализованная единица общения. **2.** (частичная фраза). Интонационное единство, являющееся основной интонационной единицей. Это единство выделяется как отрезок речи между двумя паузами, следующими одна за другой» [Там же: 502]. В этом определении имеются моменты (упоминание «интонационного единства», а также «отрезка речи между двумя паузами, следующими одна за другой»), которые напоминают наблюдения А. М. Пешковского над особенностями русского синтаксиса, а именно его трактовку *сложного целого*, в рамках которого находится место для определения понятий *интонационного единства* и *фразы*. Таким образом, материал словарных статей «Речевое произведение», «Фраза» и «Текст» дает богатую пищу для размышлений о возможности разных интерпретаций известных лингвистических понятий.

Литература:

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2016. 576 с.
2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Хрисонопуло Екатерина Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Вариативность английских бытийных предложений с вводным подлежащим *there* в нарративном дискурсе

Английские бытийные предложения с вводным подлежащим there, трактуемым во многих грамматических описаниях в качестве исключительно структурного (десемантизированного) синтаксического элемента, в нарративном дискурсе нередко употребляются вариативно с предложениями, имеющими смысловое подлежащее, что, в свою очередь, приводит к очевидной корреляции вводного there и референтной единицы в функции подлежащего: (1) There was a picture — I saw a picture; (2) There was a problem — I had a problem; (3) There was a difficulty — I experienced a difficulty. В настоящем исследовании ставится цель выявить факторы вариативного употребления бытийных предложений с вводным there и конструкций со смысловым подлежащим в случаях типа (1)–(3). В связи с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: а) определить функциональную значимость вводного there по сравнению со смысловым подлежащим в составе варьирующих конструкций; б) идентифицировать характер речевой деятельности, предопределяющей выбор одного из двух типов конструкций. В качестве теоретической предпосылки исследования выступает положение Р. Лангакера о наличии семантического содержания у всех языковых единиц независимо от их референтного статуса, а также о наличии в составе языковой семантики как концептуального содержания, так и ментального конструирования, отличающего данную языковую единицу от любой другой, соотносимой с ней. Материалом для исследования послужили примеры, представляющие нарративный дискурс, извлеченные из современной англоязычной художественной литературы. Совокупный объем рассмотренного материала составляет 350 примеров. На первом этапе анализа языкового материала устанавливался трансформационный потенциал исследуемых типов конструкций с привлечением информантов-носителей языка. Это позволило квалифицировать ментальное конструирование, происходящее при дифференцированном употреблении конструкций в дискурсе, как разграничение концептуальных архетипов, называемых Р. Лангакером — на примере другого языкового материала — «партиципантом» и «сеттингом». При этом партиципант, выражаемый смысловым подлежащим, указывает на лицо в формате актуальной реальности, в то время как сеттинг, обозначаемый вводным *there*, имплицирует экспериенциальную сферу лица (в т. ч. перцептивную и/или ментальную) в формате мысленно репрезентированной реальности. Оценка контекстов употребления предложений с подлежащим-сеттингом и подлежащим-партиципантом на втором этапе анализа позволила установить, что выбор предложения с одним из двух типов подлежащих определяется действием дискурсивных факторов, в частности, событийным представлением сущности, помещаемой в экспериенциальную сферу лица, при выборе вводного there по контрасту с наделением интенциональностью самого лица при выборе смыслового подлежащего.

Хуторецкая Ольга Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дистрибутивный анализ двух моделей выражения посессивности в современном французском языке

Во французской грамматической традиции собственно посессивными принято называть языковые единицы, имеющие специализированные морфологические показатели, указывающие на лицо обладателя. Исходя из этого, можно выделить три основных способа передачи посессивных отношений во французском языке:

1) при помощи притяжательного прилагательного — son ami;
2) при помощи притяжательного местоимения — le sien;
3) при помощи ударной формы личного местоимения с предлогом *à* — un / son ami à lui.

Благодаря широкой употребительности притяжательных прилагательных во французском языке, первый способ выражения посессивных отношений получил детальное освещение в научной литературе. Второй и третий способы остаются недостаточно изученными и представляют интересный материал для исследований, особенно в ракурсе их языковой дистрибуции.

Сопоставительный анализ языкового материала, содержащего притяжательные местоимения (модель 1) и конструкции с личным ударным местоимением с предлогом *à* (модель 2), позволил сделать следующие выводы:

1. Между двумя изучаемыми моделями выражения посессивности существует значительное функциональное и содержательное сходство:
   - Обе модели обладают высокой выделительной силой. Выделительная способность модели 2 обусловливается наличием ударной формы личного местоимения, вводящего «обладателя», в конце синтагмы. У притяжательных местоимений эта способность связана со спецификой их двухкомпонентной формы, которая содержит указание на субъект обладания, заключенное в притяжательном элементе, и указание на объект обладания, реализующееся в дейктическом элементе.
   - Обе модели обладают специфической этической окрашенностью, что накладывает определенные ограничения на выбор существительного, входящего в их состав.
   - При использовании конкретно-предметного имени в функции объекта обладания обе модели выражают отношения реального обладания, а в сочетании с абстрактными именами и именами лиц передают более общие отношения принадлежности, такие как отношение признака к его носителю, отношения родства, дружеские отношения. Модель 1 также может передавать оценочные отношения, а модель 2 — отношения иерархической зависимости от высшего к низшему.
2. Между изучаемыми моделями существует принципиальная разница, связанная как с их грамматической семантикой, так и с особенностями их употребления:
   - Модель 1 может быть стилистически нейтральна, при этом она выполняет исключительно текстообразующую функцию. Модель 2 всегда ком-

муникативно маркирована и обладает эмфатической нагрузкой. Притяжательное местоимение может употребляться, только если имеют место два или несколько сходных «объекта обладания», противопоставленные с точки зрения их отнесенности к разным лицам. Модель 2 может использоваться и если противопоставление объектов обладания отсутствует.

Шадрина Надежда Амиршоевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

VIRTUE vs. VICE в концептосфере английского языка

Термин «концептосфера» [Лихачёв, 1999; Аскольдов-Алексеев, 1997] имеет аналогию с терминами «ноосфера» и «биосфера»: концептосфера национального языка представляет собой определенную совокупность, она является многосоставным, определенным образом упорядоченным образованием, основанным на связях составляющих его частных концептосфер, которые состоят из «врожденных» и «культурноспецифических» концептов [Вежбицкая, 2001]. Концепты VIRTUE и VICE могут рассматриваться как самостоятельные концепты или компоненты концептов GOOD и BAD, но в любом случае они относятся к категории «врожденных» концептов. Несомненна их связь с этической оценкой, что, прежде всего, подтверждается анализом семантической структуры лексических единиц, реализующих данные концепты: virtue — «moral goodness of character and behaviour»; vice — «a bad or immoral quality in a person, or bad or immoral behaviour». Таким образом, семантический анализ лексических единиц выявляет антонимичность семантики, основанную на двух оппозициях: «good::bad», «moral::immoral». Следовательно, исследуемые концепты занимают место в оценочной и этической картине мира английского языка. Анализ функционирования лексических единиц, представляющих данные концепты, в рамках сентенций, позволяют сделать более детальные выводы об их взаимоотношении. Например, virtue, как правило, остается в концептосфере GOOD: «Secrecy is the element of all goodness; even virtue, even beauty is mysterious» (Thomas Carlyle); «Beauty is the mark God sets on virtue» (Ralf Waldo Emerson), «Virtue is the only true nobility» (Thomas Fuller). Однако лексическая единица vice не столь однозначно ассоциируется с концептом BAD. Прежде всего необходимо отметить, что антонимичность virtue и vice иногда не соблюдается в контексте сентенций. Например: «Virtue is not the absence of vices or the avoidance of moral dangers; virtue is a vivid and separate thing, like pain or a particular smell» (Gilbert K. Chesterton). Очень часто обе лексические единицы, virtue и vice, употребляются в пределах одной сентенции для того, чтобы подчеркнуть однотипность выражаемых ими понятий, когнитивную связь между ними. Например: «We are spinning our own fates, good or evil, and never to be undone. Every small stroke of virtue or of vice leaves its never-so-little scars» (William James). Более того, в контексте сентенций очень часто подчеркивается неразрывная связь между данными концептами. Например: «It has been my experience that folks who have no vices have very few virtues» (Abraham Lincoln). Таким образом, исследование

концептов VIRTUE и VICE на основе анализа лексических единиц, которые представляют данные концепты, в контексте сентенций выявляет более сложный характер концепта VICE по сравнению с концептом VIRTUE.

ДИСКУРС И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Акопян Лиануш Аракеловна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Образование новых слов в английском языке во второй половине XX в. — начале XXI в.

Доклад посвящен проблеме образования новых слов в английском языке в период второй половины XX — начала XXI в. Проведенный анализ по проблеме образования неологизмов выявил, что направление развития английского языка меняется в сторону создания новых слов за счет внутренних ресурсов, по сравнению с более ранним периодом, когда использовались в основном заимствованные элементы. Именно поэтому в докладе рассматриваются основные типы образования неологизмов, а также источники их появления.

Были сделаны следующие выводы:

1. К основным видам английского словообразования второй половины XX — начала XXI в. относятся аффиксация, конверсия, словосложение и сокращение. Предпочтение отдается формам, которые упрощают процесс образования новых слов. Это связано с ускоренным ритмом жизни, он и приводит к упрощенному и быстрому способу формирования слов.
2. Основным источником неологизмов указанного периода являются Интернет и социальные сети, ведь XX и XXI в. — это век Интернета и технологий. Именно поэтому появляется все большее количество новых слов, связанных с этой отраслью.
3. Наиболее продуктивным способом образования является словосложение. Этот способ словообразования составляет примерно 30 % от анализируемой лексики.
4. Помимо новых слов также образуются и новые неделимые словосочетания, многие из них становятся фразеологизмами. В этом случае компоненты словосочетания ослабляются с точки зрения лексической самостоятельности и образовывается неделимое целостное значение, которое по своему характеру приближается к отдельному слову.

Словообразование является одним из наиболее важных и основных путей пополнения словарного состава английского языка. Постоянные изменения и интенсивное пополнение словарного состава языка являются важными предпосылками для более тщательного лингвистического анализа новой лексики.

Амурская Оксана Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Феномен интертекстуальности в дискурсе пользователей англоязычных фотосайтов (на материале фотосайта Flickr)

Интертекстуальность является одной из ключевых категорий современной лингвистики, определяющей процесс взаимодействия текстов в пространстве культуры. Отмечается широкое разнообразие ее форм: цитат, плагиата, аллюзий, реминисценций, референций, что делает данный феномен интересным для исследования на любом материале. Интертекстуальность подразделяется на эксплицитную (в ряде случаев сопровождается типографическими и семантическими маркерами) (например, цитата, ссылка-референция) и имплицитную (скрытую) (например, плагиат) [Пьеге-Гро, 2008]. Минимальной формой интертекста считается цитата, представляющая собой, согласно Н. Пьеге-Гро, непосредственное включение «одного текста в другой». Авторитетность цитаты и ее орнаментальность выделяются как ее основные функции, длина, выбор цитаты, объем, новый смысл в новом контексте являются ее основными характеристиками (смыслами) [Пьеге-Гро, 2008].

Глобализация Интернета способствовала образованию многочисленных интернет-сообществ, деятельность которых включает в себя обсуждение и комментирование определенных событий, людей, проблем (например, комментирование статей в определенных онлайн-журналах или на сайтах). Фотосайты представляют собой платформу, которая позволяет пользователям загружать фотографии (любительские или профессиональные) и комментировать работы других пользователей. Материал нашего исследования составили комментарии англоязычных пользователей к девяти фотографиям разных жанров (портрет, жанровая фотография и пейзаж), представленным на фотосайте Flickr.

Рассматриваемый фотосайт Flickr (www.flickr.com) является одним из старейших и самых известных в англоязычном интернет-сообществе. Он был создан в 2004 г. компанией Ludicorp и с 2005 г. развивался при поддержке Yahoo. Количество его пользователей растет с каждым годом, в 2011 г. посещаемость сайта составила более 80 млн человек, а количество размещенных на нем фотографий составило более 6 млрд.

Интертекстуальные включения в названиях фотографий превращают пользователей в «читателей-соучастников», предлагающих свои интепретации. Уместно подобранные комментарии-включения позволяют создать или развить комический эффект, в ряде случаев изначально задуманный автором фотографии, а также точнее выразить свои впечатления от снимка. При помощи интертекстуальных включений пользователи также стремятся подчеркнуть свое стремление к оригинальности и неповторимости. За исключением единичных случаев пользователи не поясняют источники интертекстуальности, что позволяет сделать вывод о разносторонности их интересов и общем лингвокультурном коде.

Литература:

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.

Гималетдинова Гульнара Камилевна,
к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Шаехова Лилия Абузаровна,
студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Функционирование квазисуффиксальных дериватов в медийном дискурсе

Лексические бленды на протяжении долгого времени являются источником для новых словообразовательных моделей. Осколочные компоненты слов-стяжений, впоследствии приобретающие статус продуктивной морфемы, в данной работе обозначены термином «квазисуффикс». Дериваты, образованные по таким малым словообразовательным моделям с использованием продуктивных осколочных элементов, имеют относительно целостный характер, ограничиваясь сферой употребления и прагматическим аспектом функционирования.

В качестве материала исследования в данной работе выбрана одна из форм медийного дискурса, а именно, сетевые СМИ на примере онлайн-версии газеты «The Guardian». Данный выбор обусловлен двумя причинами: 1) дериваты, образованные по новым малым словообразовательным моделям, не закрепленные в языке, но получившие развитие в речи, в полной мере отображаются в газетном дискурсе; 2) современный медийный дискурс — это прагматическая среда, влияние которой можно проследить и на морфологическом уровне.

Целью исследования является разграничение понятий «суффикс» и «квазисуффикс», проведение прагматического анализа дериватов, выявленных в контексте «The Guardian». Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения статуса неуникальных осколочных компонентов и выявления принципиальных отличий от суффиксальных морфем, а также исследования функционирования малых словообразовательных моделей (на примере квазисуффиксов) в английском медийном дискурсе.

Квазисуффикс отличается от традиционной суффиксальной морфемы в семантическом и структурном аспектах, при этом данные компоненты функционируют одинаково. С точки зрения семантики, осколочный компонент имеет более узкое значение и ограничивает функционирование деривата разговорным стилем. Квазисуффикс, в отличие от суффикса, может присоединяться к усеченной корневой основе, сохраняя коннотат обоих компонентов.

Присоединение квазисуффикса к корневой морфеме в ряде примеров варьируется. Встречается как дефисное, так и слитное написание. Дефисное присоединение наблюдается, если слово-стяжение: 1) употребляется в единичных случаях, 2) является авторским окказионализмом, 3) намеренно выделяется автором для экспрессивности текста.

В ходе исследования были выявлены функциональные сходства и различия между традиционными суффиксальными морфемами и новыми квазисуффиксами. Суффиксы имеют прагматическую маркированность, что позволяет говорить не только о лексической и грамматической функциях квазисуффикса, но и о его прагматической активности. Около 60% исследованных дериватов развивают ассоциативную связь с исходной лексемой, расширяя импликационал значения. Треть исследованных слов развивают эмоционал значения, при этом квазисуффикс функционирует как оценочная морфема. В 10% исследованных дериватов оба значения развиваются параллельно.

Гусейнова Беневше Руслановна,
преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Эмотивно-оценочный анализ событийной ситуации «Wedding» (на материале англоязычных публицистических текстов)

В докладе осуществляется попытка эмотивно-оценочного анализа событийной ситуации «Wedding», а также структурирования и описания модели эмотивной и оценочной ситуации с целью изучения репрезентирования в ней положительных эмоций. Вслед за Е. Г. Хомяковой под ситуацией мы понимаем не только «отраженный в высказывании отрезок действительности, представляющий собой систему взаимосвязанных компонентов», но и «инструмент анализа, способствующий формированию ментальной модели функционирования языковых реалий, которые репрезентируют в языке номинируемый фрагмент окружающего мира» [Хомякова, 2015]. Событийная ситуация рассматривается как многоуровневое образование, включающее в себя как различные события, так и объединяющие их процессы во всем многообразии их взаимодействий.

Эмотивная ситуация, понимаемая нами вслед за О. Е. Филимоновой как реальная или вымышленная ситуация, в которой субъект испытывает какие-либо эмоции, представлена в новостных текстах экспериенцерами (журналист, главные участники, ближний/дальний круг наблюдателей), испытывающими эмоцию радости, а также каузатором, в качестве которого выступает событийная ситуация «Wedding». Кроме того, важной особенностью публицистического дискурса является оценочность, и поэтому изучаемая нами событийная ситуация «Wedding» рассматривается нами и как ситуация оценочная. Структурирование и описание данных типов ситуаций производится посредством анализа лексических единиц, транслирующих эмоцию радости и выявляемых на основе дефиниций, которые даны в англоязычных толковых словарях.

Материалом для настоящего исследования послужили новостные тексты, посвященные свадьбе принца Уильяма и Кейт Миддлтон. Выбор данного материала продиктован спецификой публицистических текстов, которые нацелены на всестороннее освещение событий и жизни людей, представляющих огромный интерес для широкой аудитории. Эта их особенность

обусловливает высокую степень оценочности и эмоциональности лексики, выражающей эмоции автора текста, участников описываемой ситуации и предполагаемого адресата.

Литература:

Хомякова Е. Г. Практика лингвистического анализа событийной ситуации // Научное мнение. № 9 (Филологические науки, искусствоведение и культурология). 2015.

Дронов Павел Сергеевич,
к. ф. н., доцент, Институт языкознания РАН (Москва)

«Подлинная жизнь Себастьяна Найта» и ее перевод на русский: наблюдения В. В. Набокова за национально-культурной спецификой идиом

Творчество В. В. Набокова, его литературная манера и языковые особенности постоянно привлекают исследователей (см., например, [Березина, 1994; Ляпон, 2011]). Наше внимание привлекло употребление фразеологических единиц в его англоязычных произведениях. Данный доклад посвящен особенностям употребления фразеологических единиц (идиом, пословиц) в англоязычных произведениях В. В. Набокова на примере его романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (The Real Life of Sebastian Knight), а также их отражению в переводе на русский язык.

Анализ употребления фразеологизмов в романе позволяет прийти к следующим выводам:

1. Для фразеологических единиц в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» характерно варьирование формы, представленное, прежде всего, лексико-синтаксическими (ввод адъективных определений и адвербиалов) и лексическими (замена компонента) модификациями, а также метаязыковыми заставками. Пример: *a budding author (as you say — but that is a misapplied term, for your authentic budding author remains budding all his life; others, like me, spring into blossom in one bound)*.
2. В отличие от более поздних произведений, таких как «Пнин» и «Прозрачные вещи», в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» реже встречаются контаминация и буквальный перевод идиомы с одного языка на другой (ср. *as to the title* <…> *no savage steeds will pull it from under me* ‘что до заглавия… его из-под меня не вытянуть и диким скакунам’ < нем. *jmdn. bringen keine zehn Pferde dazu (etw. zu tun)*, *jmdm. den Boden unter den Füßen wegziehen,* рус. *выбить (у кого-л.) почву из-под ног* и англ. *to pull the rug from under sb.* ‘внезапно перестать поддерживать кого-л.’ (букв. «вытянуть коврик из-под ног у кого-л.»).
3. Особенности авторской фразеологии могут получать отражение в переводе. Переводчик С. Б. Ильин стремится сохранить в переводе модификации идиом.

Кроме того, в докладе рассмотрены наблюдения Набокова за национально-культурной спецификой идиом (см. [Телия, 1996]). Судя по ремаркам

автора-рассказчика, позиция Набокова близка к т. н. интроспективному подходу в изучении национально-культурной специфики идиом [Баранов, Добровольский, 2008. С. 275–280].

Литература:

1. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
2. *Березина А. Г.* Роман В. Набокова «Отчаяние», прочитанный германистом (Проблема цитирования) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 1. СПб., 1994.
3. *Ляпон М. В.* Время как предмет рефлексии у В. Набокова // Логический анализ языка. Лингвофутуризм: взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2011.
4. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. *Maddox L.* Nabokov's Novels in English. Athens, GA: University of Georgia Press, 2009.

Иванова Елизавета Васильевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых закономерностях концептуализации мира в английских пословицах

Анализ концептуализации мира в языковых знаках предполагает моделирование процесса выбора и интерпретации знания на основе исследования языковой семантики. Так, в частности, изучение внутренней формы английских пословиц показывает, что в ней отражается в первую очередь базовое, «само собой разумеющееся» знание, например, о том, что дуб вырастает из желудя (*Great oaks from little acorns grow*), а курица питается зерном (*Grain by grain, and the hen fills her belly*). Именно понятность и доступность этого эксплицитно выраженного знания делает возможным закрепление в когнитивной структуре пословичного знака более сложного, носящего интерпретативный характер восприятия мира. При анализе характеристик объектов окружающего мира, находящих отражение в пословицах, обращает на себя внимание частотность признака величины (размера) объекта (*Little fishes slip through nets, but great fishes are taken; A little stone in the way overturns a great wain*). Эта особенность объясняется тем, что конкретный, зрительно воспринимаемый признак большой или малой величины объекта ассоциируется с абстрактным признаком важности объекта, его ролью в жизни человека или общества. Столь же непосредственно воспринимаемый органом зрения признак формы объекта является гораздо менее значимым для пословичной концептуализации (*At a round table, there's no dispute of place; Money is round, and rolls away; Crooked logs make straight fires*). Не обладает большой значимостью и признак цвета. Хотя человек видит мир в цвете, для пословичного фонда визуально воспринимаемый признак цвета оказывается несущественным. При этом наименования ахроматических цветов преобладают над наименованиями

хроматических, а наиболее частотной является лексема *black*. Редкое упоминание цветовой характеристики в пословицах очевидно, связано с тем, что цвет является признаком объекта, а не ситуации в целом. Цветовая характеристика более важна при номинации отдельных денотатов, поэтому лексемы цветов активно участвуют в процессах образовании фразеологических словосочетаний, производных слов или лексико-семантических вариантов слова, При номинации ситуации цветообозначение используется в тех случаях, когда оно является значимым для концептуализации не отдельного объекта, а законченной ситуации. Для интерпретации мира в пословицах характерны образные штампы, повторяющиеся схемы образов, обладающие различной степенью обобщенности (*The raven does not hatch a lark; Eagles don't breed doves*), что свидетельствует о тенденции к упорядочиванию мировосприятия и знания о мире с помощью готовых «трафаретных» моделей. В заключение отметим, что сложные по структуре языковые знаки представляют собой благодатный материал для исследования процессов концептуализации в языке.

Кожевникова Татьяна Андреевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Третьякова Т. П., д. ф. н., профессор

Специфика аргументации в современном американском политическом интервью

Аргументация широко используется в политическом дискурсе в качестве основного средства убеждения и речевого воздействия. Столь значимая роль аргументации в политической коммуникации определяет необходимость ее всестороннего изучения. В рамках политического интервью, находящегося в зоне пересечения политического и медийного дискурсов, аргументация приобретает как структурные, так и коммуникативные особенности.

Цель доклада — описать обусловленную характером жанра специфику аргументации в политическом интервью. На материале предвыборных интервью с участием Хиллари Клинтон в докладе рассматриваются следующие аспекты специфики аргументации в политическом интервью:

1. Специфика схемы аргументации, проявляющаяся в имплицитности начальной и заключительной стадий. Эксплицитна лишь стадия аргументации.
2. Специфика структуры аргументации в политическом интервью: фактор спонтанной речи определяет использование структур сочинительной аргументации, в которых последний довод характеризуется наибольшей убедительностью.
3. Специфика аргументации в политическом интервью: диалогическая форма интервью предполагает, что точка зрения и аргументация интервьюера выражается в вопросе пропозиционально, пресуппозиционально или имплицитно.

4. Коммуникативная специфика аргументации в политическом интервью проявляется в векторности аргументации, а именно в направленности аргументации на третьих лиц (аудиторию). Таким образом, основной целью аргументации в политическом интервью становится не стремление достичь истины в обсуждаемом вопросе, а убеждение в собственной точке зрения.
5. Основная цель аргументации в политическом интервью определяет специфику используемых аргументов: большинство аргументов — это аргументы не к логосу, а к этосу и пафосу. Кроме того, нередко использование тавтологического рассуждения.
6. Специфика природы аргументации в политическом интервью: аргументация направлена на предвосхищение сомнения, а не на его устранение, как в иных случаях использования аргументации.

В результате, заключается, что специфика аргументации в политическом интервью определяется не только жанровыми особенностями интервью, но и спецификой основной функции аргументации: в политическом интервью основная задача не достичь истины в ходе дискуссии, а убедить и оказать воздействие.

Кузнецова Нина Васильевна,
к. ф. н., доцент, Нижегородский институт управления (филиал РАНХиГС)

Лингвистические перспективы новых бренд-наименований (на материале современного английского языка)

Бренд-наименования получили достаточное освещение в русле лингвистической семантики с использованием традиционного мета-аппарата описания и исследования. Этот постоянно пополняющийся пласт лексики (более 3,5 млн брендов, зарегистрированных только в США) предполагается рассматривать с позиций неологии, а точнее, неопрогностики [Кузнецова, 2014], т. е. с точки зрения их лингвистических перспектив. Используются некоторые приемы лингвистического анализа, разработанные А. Меткалфом: лингвистическая перспективность или лингвистическое «забвение» устанавливаются с учетом Fudge-факторов (frequency of use, unobtrusiveness, diversity of users and situations, generations of other forms and meanings, endurance of the concept) [Metcalf, 2002]. Находясь в различных лингвистических статусах (active, pending, inactive), бренд-номинации характеризуются волатильностью (сменой лингвистического статуса) и зависят от выживаемости товара/услуги с торговой маркой (i. e., а) захвата/поглощения, б) слияния, в) ребрендинга). Анализ исследуемого материала демонстрирует абсолютное доминирование новых тенденций в бренд-наименованиях, однако столь же очевидна дань консервативным традициям, связанным с идеалами и ценностями старшего поколения (см., к примеру, «псевдоименные» бренды **Aunt Jemina** и **Uncle Sam**). Несмотря на то, что идеи семейных ценностей остаются жизнеспособными и востребованными, новые тенденции и «языковая мода» в бренд-номинациях не могут не привлечь внимания. Термин «языковая мода» имеет шансы войти в понятийно-категориальный

аппарат неологии и неопрогностики в силу того, что он непосредственно связан с процессами неологизации в частности и словообразованием в целом. В корпусе бренд-наименований выделяем зоны неоаттракции (термин автора), где актуальность, равно как и перспективность, очевидны: 1) реализация под одним брендом товаров различных категорий; 2) актуализация ретро-номинаций; 3) обращение к кратким наименованиям с прозрачной внутренней формой (Anglo-Saxon monosyllables); 4) наличие в номинации поэтического «флера» («poetry-like» in nature); 5) замена слов цифровыми нотациями; 6) «технологичность» наименования (techy-sounding). В силу того, что бренд-наименования являются актом сознательного словотворчества экспертного сообщества (brand-makers), тенденции и «языковая мода», несомненно, представляют определенный интерес для лингвистов и ждут своих исследователей.

Литература:

1. *Кузнецова Н. В.* К вопросу о лингвистическом прогнозировании и лингвистических перспективах новой лексики в современном английском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. Вып. 2(2). С. 378–382.
2. *Metcalf A.* Predicting New Words. The Secrets of Their Success. New York: Houghton Mifflin Company, 2002. 206 p.

Кулешова Елена Сергеевна,
магистр филологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблемы классификации коммуникативных реакций на оскорбления в контексте американского общественно-политического дискурса

1. Данный доклад основывается на исследовании, проведенном в рамках дискурсивного подхода к исследованию вежливости/невежливости, что предполагает анализ не единичных высказываний, а протяженных отрывков, в данном случае американского общественно-политического дискурса, а также фокус не на интенции нападающей стороны, а реакции участника коммуникативной ситуации, позиционирующего себя как жертву. Материалом исследования послужили транскрипты 25 эпизодов американских общественно-политических ток-шоу («Real time with Bill Maher», «Hannity» и т. д.).
2. С лингвокультурологической точки зрения, вежливость/невежливость (или приемлемость/неприемлемость) того или иного типа межличностного взаимодействия культурно-специфична и ситуативно-обусловлена. В связи с этим эффективность оскорбления, приемлемость/неприемлемость реакции на него, развитие коммуникативной ситуации оскорбления напрямую связаны с культурной логикой (североамериканской), типом дискурса (общественно-политическим), а также культурно-специфическими ценностями и идеалами данного сообщества (мультикультурализмом, патриотизмом, демократией, толерантностью, соблюдением требований политической корректности и т. д).

3. Оскорбление может быть как личным или обращенным к группе, к которой причисляет себя оппонент, так и прямым или косвенным.
4. Основными реакциями на оскорбления в контексте американского общественно-политического дискурса являются: реакция смягчения оскорбления, которая нацелена на сглаживание сложной ситуации и избежание конфликта; реакция маркирования или блокировки высказывания как выходящего за рамки допустимого, нацеленная на уважительное сохранение статуса-кво; реакция ответной речевой агрессии, ведущая к эскалации конфликта. Данные реакции реализуются с помощью различных языковых средств на лексическом, грамматическом и композиционном уровнях.
5. Роли нападающей стороны и жертвы не зафиксированы за одними и теми же участниками коммуникативной ситуации оскорбления. Реакция ответной речевой агрессии сама по себе может являться оскорблением. Каждый участник, реагируя на реплику оппонента, влияет на развитие коммуникативной ситуации оскорбления. Как следствие, исследование коммуникативных реакций на оскорбление может быть расширено до исследования межличностного взаимодействия в коммуникативной ситуации оскорбления.
6. Коммуникативные стратегии поляризации мира на «своих-чужих» играют важную роль в развитии коммуникативной ситуации оскорбления, т. к. с их помощью участник коммуникативной ситуации позиционирует себя как «своего», идентифицируя себя и свои интересы с интересами аудитории, а оппонента как «чужого», недостойного доверия публики, тем самым дискредитируя и его самого, и его точку зрения.

Левешко Татьяна Александровна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Гендерная стереотипизация в рекламе косметических средств антивозрастного ухода на примере англоязычных косметических брендов

В представленной статье рассматриваются вопросы гендерной стереотипизации в рекламе, в частности, рекламных кампаниях, посвященных косметике для антивозрастного ухода. Проводится анализ различных лингвистических средств, позволяющих создать гендерно-маркированные модельные образы, которые нацелены как на мужскую, так и на женскую аудиторию. В качестве примера рассматривается реклама известных англоязычных косметических брендов, что позволяет сделать выводы о том, каким образом формируются гендерно-окрашенные стереотипы в британской и американской лингвокультурах.

В современном мире люди намного дольше остаются социально активными и востребованными в профессии, чем даже в недавнем прошлом, кроме того, женщины все чаще демонстрируют активную жизненную позицию в различных сферах, и возраст более не является ограничивающим фактором. Рынок товаров и услуг для возрастной категории потребите-

лей растет и развивается, причем важную нишу занимают косметические средства, направленные на борьбу с признаками старения. Рекламирование подобных товаров с каждым годом становится разнообразнее, таким образом, целесообразно рассмотреть особенности рекламного дискурса в данной сфере. Помимо непосредственно текста необходимо учитывать экстралингвистические факторы, поэтому основной акцент сделан на визуальной рекламе, т. к. она наиболее характерна для продвижения косметических средств на рынке. Данные, полученные в результате анализа лингвистических и экстралингвистических факторов, позволяют сделать выводы о некоторых общих чертах и различиях, характерных для рекламы антивозрастной косметики на британском и американском рынках, в частности, рассматриваются отдельные стилистические приемы, такие как аллюзия, аллитерация, гипербола. Поскольку английская реклама в целом является старше американской, представляется интересным проанализировать возможные заимствования, используемые в рекламе косметики в США на различных уровнях: синтаксическом, стилистическом, лексико-грамматическом.

В качестве примера используются известные косметические бренды, выпускающие продукцию как для женщин, так и для мужчин, что позволяет сделать выводы о гендерной стереотипизации, используемой в рекламе антивозрастной косметики.

Масленникова Анна Александровна,
д. ф. н., профессор, Университет Рочестера (США)

Скрытые смыслы в дискурсе В. В. Набокова

В докладе рассматриваются скрытые смыслы в дискурсе В. В. Набокова.

1. Говоря о своих текстах, В. Набоков пользовался термином ткань (texture) произведения. Этот термин наилучшим способом описывает те смысловые и композиционные сплетения, которые характерны для его дискурса в целом.
2. Авторская интенция В. Набокова направлена на активизацию внимания и знаний читателя и определяется семантическим эффектом, получаемым от наложения друг на друга структур, которые принадлежат различным языковым уровням, будь то фонемы, буквы, слова, целые и цельные композиционные структуры, или даже сюжетные линии (Invitation To a Beheading, The Real Life of Sebastian Knight).
3. В. Набоков использует скрытые смыслы в самых разнообразных функциях: а) как средства выражения авторского отношения к герою или действию; б) как средства продвижения или задержки развития повествования; в) как маркеры интертекстуальных связей; г) как маркеры разрушения референциальных связей между действующими в текстах субъектами, их именами и местоименными заменами; д) как ключи к интерпретации всего романа (The Luzhin Defense, Laughter In the Dark).

Особенно важно, что вариативность интерпретаций не носит взаимоисключающего характера.

Пилатова Валентина Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Разложение смысла как форма языковой деятельности

Человеческому мышлению свойственно критическое преобразование, перетолкование. Здесь вступает в силу право на дополнительность, замещение на основе полураспада смысла. Способность разлагать смысл на составляющие придает ментальной деятельности человека дискурсивный характер, не претендующий на законченные результаты. Способность к деконструкции позволяет привлечь внимание к периферийным вещам и открывает путь к дистинктивности.

Таким образом, деконструирование слов не является обязательно слабым звеном речевой деятельности человека. Конечно, если имеет место распад логической структуры, вероятность точного понимания при общении снижается. Но одновременно возрастает потенциальная многоплановость общения и возможность манипулирования. Оно становится непредсказуемым, переводит отношения между людьми на другой уровень.

Логика и деконструкция представляют собой оппозицию. Обеспечивая равновесность общения, члены этой оппозиции одинаково ценны. Если бы в умах людей действовали только законы логики, личностное развитие пребывало бы в узко заданных рамках и творческий потенциал был бы более бедным.

Общепринятую в мире систему информатики, в основе которой, как известно, лежат законы логики, Ж. Деррида не считает единственно верной. Поскольку процесс разложения смысла принадлежит к тому же абстрактному уровню языка, что и логика мышления, он допускает возможность создания систем хранения информации на основе деконструкции. Это касается и информационных программ технических устройств, и учебно-методической базы, и других возможных способов хранения знаний.

Разложение смысла является естественной формой языковой деятельности человека, в основе которой лежит нарушение логоцентрической структуры высказывания. Данная характеристика сознания не допускает ситуацию постоянного полного взаимопонимания между людьми и обеспечивает творческое развитие личности. (Можно сказать иначе: развитие в условиях полного взаимопонимания невозможно.)

Пузанова Наталья Александровна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Развитие глагольной синонимии (биокогнитивный аспект)

Одной из главных тенденций гуманитарных наук в XXI в., сопровождающей процесс их дифференциации и внутреннего развития, стал поиск точек соприкосновения и междисциплинарный подход для комплексного решения научных задач. В этой связи исследователи все чаще обращаются к выработке синтетического метода к использованию данных смежных наук. В языкознании таким подходом и методом стала когнитивная наука, которая поставила вопрос о связи языка и познания, включив в свою

научно-исследовательскую парадигму данные таких наук, как нейробиология, психология, философия. Целью нашего исследования является рассмотрение механизма становления и развития глаголов синонимического ряда, выражающих положительную эмоциональную оценку в диахронии. Материалом для исследования послужили глаголы, выражающие базовую человеческую эмоцию любви: «to love», «to cherish», «to treasure», «to value», «to appreciate». Данный ракурс исследования позволит по-новому посмотреть на причины становления и изменения семантики лексических единиц с учетом позиции субъекта — наблюдателя.

В последние годы в рамках когнитивной науки появилось множество исследований, посвященных рассмотрению когнитивных и лингвистических аспектов явлений окружающего мира, сущности концептуализации и категоризации, как основных познавательных процессов. Когниция рассматривается учеными как деятельность всего человеческого организма, осуществляемая в ходе взаимодействия со средой с целью адаптации к среде для выживания. Такой поворот начался во второй половине XX в., когда были сформулированы основные принципы и положение биологической теории познания, представленной чилийскими биологами У. Матураной и Ф. Варелой [Матурана, Варела, 2001: 105]. Данный подход делает принципиально невозможным постижение сущности языка в отрыве от творческой интерпретации человеком окружающего мира. Когниция динамична и ситуативно обусловлена. Она сопряжена с коммуникацией и опирается на опытное знание. Познавательная деятельность связана с воспринимаемыми аспектами среды, корреляция с которыми ведет к приобретению опыта. Представляется, что именно коммуникант или наблюдатель играет основную роль в выборе того или иного слова. Таким образом, знания о многозначных словах отливаются в нашем сознании как результат жизненных наблюдений над ними в ходе коммуникации. По мере своего развития как члена языкового сообщества коммуникант постоянно решает, насколько адекватно слово соответствует условиям передачи получаемого и передаваемого смысла, и в чем при этом заключается специфика его значения на фоне имеющихся в наличии синонимических средств. В частности, при сопоставлении «нового», т. е. постоянно поступающих в данной ситуации сигналов из внешней среды, с тем, что уже известно субъекту из прошлого опыта коммуникации.

Литература:

Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс–Традиция, 2001. 223 с.

Репина Татьяна Юрьевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Речевое поведение и тактики в педагогическом дискурсе высшей школы

Речевое поведение преподавателя меняется под воздействием личностно-деятельного подхода, который предполагает изменение основной схемы взаимодействия преподавателя и студентов и использование стратегий, направленных на формирование равно-партнерских, субъектно-субъектных от-

ношений между ними. Речевые тактики и приемы выбираются в соответствии с образовательными, воспитательными и контролирующими целями образования, определяющими три главные стратегии в педагогическом дискурсе.

Обучающая стратегия с целью передачи знаний является основной в педагогическом дискурсе и реализуется в жанре лекции, семинара и практического занятия. Наблюдения за речевой практикой преподавателей показывают, что в ситуациях институционального общения педагоги склонны выбирать авторитарный стиль общения, подчеркивающий статусное и возрастное неравенство коммуникантов. Данный стиль характеризует превалирование монологов, доминирование повелительных конструкций, приказной тон, проявление своего превосходства в знаниях и умениях, частое использование критики и негативной оценки. Если *этос* и *логос* риторики преподавателя не вызывают возражений, то *пафос* как форма речевого выражения, определяемая ситуацией и целью общения и способствующая пониманию и усвоению смысла высказывания, требует модификации.

Методы либерального образования и опыт преподавания иностранных языков могут изменить сложившиеся в педагогическом дискурсе стереотипы. Они также позволяют гармонично сочетать обучающую стратегию речевого общения с воспитательной и контролирующей. В частности, демократический стиль предлагает учитывать интересы и уровень подготовки аудитории, активно вовлекать студентов в процесс учебно-познавательного общения и оценки знаний, сделать их равно ответственными за результаты обучения, а значит повысить мотивацию. Стратегия взаимодействия в обучении отдает предпочтение диалогу, осуществлению обратной связи, добавляет общение в парах и группах, способствует установлению доброжелательных и доверительных отношений. Особое внимание уделяется приемам привлечения и удержания внимания слушателей, развитию инструментов контроля правильности понимания лекций и других учебных текстов. К примерам эффективных речевых тактик можно отнести использование метафор, повторов и перефразирования, запоминающихся опорных фраз, применение пауз/молчания/умолчания, серий вопросов на общее понимание, вопросов, направленных на привлечение фоновых или предметных знаний или выражение собственного мнения, отбор фатических речевых тактик с функцией установления контакта, а также тактик самопрезентации преподавателя. Большую пользу могут принести технологии нейролингвистического программирования (Бендлер, Карнеги).

Развитие профессиональной речевой культуры преподавателя должно стать постоянной практикой.

Рыбачук Ксения Юрьевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Интертекстуальность в политическом дискурсе Демократической партии США в XXI в.

Изучение интертекстуальности в политическом дискурсе одной из ведущих политических партий США позволяет проанализировать данное явление как эффективный риторический прием, проявляющийся в различных

формах в зависимости от коммуникативной ситуации и индивидуального ораторского стиля. Исследованный материал представлен транскриптами речей американских политиков-демократов, произнесенных в начале XXI в. Разнообразие выявленных источников интертекстуальности позволяет сделать выводы о масштабах общего фонда знаний американского народа. Среди наиболее распространенных источников следует отметить политические выступления представителей Демократической и Республиканской партий, исторические документы (Конституция США, Декларация о независимости США), слова общественных деятелей и рядовых граждан (в т. ч. близких родственников политиков), статьи, отчеты, законы, шутки, пословицы и поговорки, Библию, классическую литературу, массовую культуру (фильмы, песни). Широко применяется прием автоцитации. Интертекстуальные включения, как правило, призваны апеллировать к общим ценностям американского народа, убедить аудиторию с помощью отсылки к авторитетному мнению или данным, а также дискредитировать политического соперника. Примеры позволяют не только выявить особенности стиля конкретного оратора, но и наметить общие тенденции в использовании интертекстуальности представителями Демократической партии США.

Садиева Динара Азимовна,
магистр филологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Функционирование устойчивых сравнений в художественном тексте

Устойчивые сравнения представляют широкий и богатый пласт лексики любого языка, в частности английского. Устойчивые сравнения (далее УС) рассматриваются как элементы языковой картины мира, т. к. в их семантике отражаются образы, представления об окружающем мире, заложенные в определенной культуре. В докладе представлен результат исследования функционирования английских УС в контексте произведений англоязычной художественной литературы. Материалом послужили около 100 английских устойчивых сравнений с точки зрения разной прагматической функции в контексте. Наши выводы можно кратко сформулировать следующим образом:

1. Устойчивые сравнения английского языка используются в двух типах текста — диалогах между персонажами и авторском описании характеристики персонажей, при этом использование устойчивых сравнений в диалогах превалирует над использованием компаративных единиц в авторском описании характеристики персонажей.
2. Существует тенденция отнесенности некоторых сравнений к определенному полу. Это касается, в первую очередь, компаративных единиц, имеющих гендерный маркер как в плане выражения, так и в плане содержания (*as good as pie* — хороший, милый; *as fresh as a rose* — свежий как роза; *as happy as a king* — очень счастливый; *(to) live like a lord* — жить в роскоши). Некоторые сравнения, содержащие гендерный маркер, имеют тенденцию отнесенности к другой гендерной группе, что

свидетельствует о переосмыслении значения этих единиц (*(to) be as proud as Punch* — очень довольный). Контекстуальный анализ показал, что некоторые компаративные единицы, не имеющие гендерного маркера, тяготеют к определенному полу. Среди таких единиц были выявлены УС, имеющие тенденцию отнесения как к мужчинам, так и женщинам (*as right as rain* — совершенно здоровый; *as pale as ashes* — бледный как пепел).

3. Устойчивые сравнения английского языка выполняют как прагматическую функцию (описывают состояние, характер, внешность, поведение персонажа, а также отношение к окружающим; вызывают определенный эффект у слушающего, побуждают его к действиям по отношению к субъекту сравнения), так и экспрессивную функцию (УС придают усиление высказыванию).

Воспринимая УС любого языка, можно впитать его культурно-исторический опыт, отражающийся на дальнейшем видении и восприятии мира.

Трощенкова Екатерина Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативная стратегия переноса негативного стереотипа с индивида на группу в американском общественно-политическом дискурсе

На протяжении нескольких лет, когда президентом США был представитель Демократической партии, республиканцы активно использовали возможность перенести критику действий Б. Обамы как главы государства на всю партию своих политических оппонентов. Как показывает анализ недавних дискуссий, связанных с ходом очередных праймериз, хорошая возможность использовать аналогичную коммуникативную стратегию появилась и у сторонников Демократической партии. Они стали эксплуатировать негативные стереотипы в отношении Д. Трампа как потенциального кандидата от Республиканской партии как часть атакующей стратегии в политической борьбе, призванной очернить всех представителей этой партии, а также представить в негативном свете ее электоральную базу. Анализ 2644 комментариев к двум статьям в американских онлайн-изданиях «New York Times» и «Washington Post» конца декабря 2015 — начала января 2016 г. позволяет описать основные механизмы, при помощи которых в разворачивающемся дискурсе происходит иррадиация негативного стереотипа от индивида на всю группу, к которой его причисляют. Любопытно, что в каком-то смысле использование данной стратегии активируется продемократически настроенными СМИ, которые подают ее как стратегию, выбранную Х. Клинтон, и предлагают для нее максимально прозрачную формулировку: «For months, Mrs. Clinton's strategy was to hang Mr. Trump's more outrageous pronouncements around the necks of other Republican contenders, seeking to portray the party's entire field as extreme». Несмотря на то, что внешне это подается как беспристрастный анализ действий одного из кандидатов, фактически про-демократически настроенные читатели

стимулируются к применению и развитию той же стратегии в своих высказываниях, что они и реализуют в различных вариантах. Таким образом, благодаря массовости применения и разнообразию языкового оформления одной и той же идеи достигается эффект большей убедительности и одновременно достигается эффект солидаризации своей группы.

В докладе рассматриваются многочисленные случаи употребления негативно окрашенных ярлыков в отношении Д. Трампа (racist, misogynistic, bigoted, uncivilized, stupid и т. д.) и утверждения о том, что он снижает уровень политической дискуссии до уровня детского сада, которые затем используются для обобщений сначала в отношении других участников праймериз от Республиканской партии, а затем и всех избирателей, готовых за них голосовать. Согласованные действия разных участников дискуссии позволяют представить всех республиканцев как угрозу, а Клинтон как «единственную защиту» от нее, тем самым активизируя демократический электорат.

Урсул Наталья Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

К вопросу о номинации абсурда в лингвистике

Термин «абсурд» получал разное толкование со времен античности в трудах ученых, оставаясь очень противоречивым и неопределенным до настоящего времени. Отсутствие системного подхода к номинации этого явления обусловливает актуальность исследования. В современном языкознании мнения лингвистов о понятии «абсурд» разделились на две группы. Одни исследователи поддерживают традиционную трактовку понятия «абсурд» как бессмысленной субстанции, она закреплена в лексикографических словарях различных стран. Например, А. С. Кравец трактует абсурд как феномен, противоположный смыслу, равнозначный отсутствию смысла. В его понимании абсурд эквивалентен внесению хаоса в выражение. Схожая позиция и у М. С. Гревцева, утверждающего, что абсурд — нечто, лишенное смысла, по причине доведения этого смысла до логической крайности. Напротив, позиция В. И. Карасика не столь категорична в этом вопросе. С одной стороны, В. И. Карасик определяет абсурд как «нечто, противоречащее здравому смыслу, логике, не соответствующее нашим знаниям о мире и поэтому не поддающееся пониманию и объяснению». С другой стороны, автор далее отходит от традиционного понимания абсурда и рассматривает его как «осознание интеллектуального препятствия, которое либо преодолевается, либо не преодолевается». Таким образом, делается допущение, что абсурд не есть простая нелепость, а интеллектуальная «загадка», которая может быть решена реципиентом. Эта точка зрения близка второй группе лингвистов, отошедших от традиционного и устаревшего понимания абсурда. Еще Л. В. Щерба писал, что абсолютного абсурда нет. Приводя в пример словосочетание «*глокая куздра*», он отмечал, что если мы и не знаем значения подобных загадочных образований, то это не может быть свидетельством их бессмысленности. Поворотный момент

в трактовке термина связан с творчеством Э. Лира и Л. Кэрролла. Нельзя не согласиться, что абсурдные элементы в их произведениях не производят ни малейшего впечатления нарушения или отсутствия правил. Э. Сьюэлл выдвинула предположение, что нонсенс — не отсутствие смысла, а «описание тщательно ограниченного мира, контролируемого и управляемого нашим сознанием». Эту идею развил У. Тиггес, который определяет абсурд как «игру с языковыми единицами». Так как любой речевой акт прагматически обусловлен, абсурдным единицам всегда присущ смысл — в широком диапазоне, начиная с замысла автора и далее в спектре сознаний коммуникантов, проявляющих индивидуальную степень заинтересованности. С этих позиций абсурдные единицы представляются как одна из специфических форм речевого поведения языковой личности, способ необычной концептуализации и категоризации явлений действительности и их выражения средствами языка, в чем проявляются личность говорящего, его воображение, языковые предпочтения и привычки.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Отражение эмоциональной картины мира в средневерхненемецком рыцарском романе

Эмоциональная картина мира и вербальные способы ее отражения формируются на протяжении всей истории существования определенной национальной культуры. Для адекватного представления о современном состоянии эмоциональной картины мира носителей определенного языка недостаточно ее изучение в синхронии, необходимо также исследование средств выражения эмоционального состояния и в диахронии. Картина мира включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности. Явления и события действительности вызывают определенные эмоции у представителей той или иной культуры, которые находят отражение в определенных реакциях, в т. ч. на вербальном уровне. Способность переживать те или иные эмоции имеет общечеловеческую природу, однако вербализация эмоций, отражение тех или иных оттенков эмоций может различаться у представителей разных культур. При этом следует различать эмоции биологического происхождения (такие как радость, страх, гнев) и эмоции более высокого, социального уровня (такие как любовь, сострадание, зависть, стыд). Эмоциональная картина мира отражает аксиологические, ценностные приоритеты в национальной картине мира. В средневерхненемецком рыцарском романе находят отражение как эмоции первого, биологического, уровня (Freude, Leid, Zorn, Angst), так и эмоции, являющиеся высшим продуктом эмоциональной деятельности человека

(Minne, Trauer, Mitleid, Scham, Schande). При обращении к литературным памятникам с целью изучения средств выражения и отражения эмоций следует различать три группы вербальных средств:

- лексемы, называющие эмоции (существительные, прилагательные, глаголы: vreude, vrô, vreuen; leide, leit, leiden и т. д.);
- лексемы, выражающие эмоции (например, междометия: ouwê, wâfen);
- лексемы, отражающие внешние признаки проявления эмоций (rot/blaß werden, lachen, weinen и т. д.), образующие периферию средств выражения эмоций.

Анализ вербальных средств отражения эмоций на материале средне-верхненемецкой литературы позволяет рассмотреть, какие ментальные структуры определяли эмотивное поведение героев Средневековья, с тем чтобы в дальнейшем сравнить их с последующими этапами в истории немецкой культуры.

Гринина Елена Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

Представления о правильности языка в средневековых трактатах Прованса и Каталонии

В средневековых грамматических и риторических трактатах Прованса и Каталонии (XIII–XV вв.) основным понятием грамматики является *правильность*. Это означало соответствие тем правилам, которые еще не зафиксированы ни словарем, ни грамматикой, но уже реально существуют в языковой практике и апробированы узусом. Именно правильность является тем критерием, который позволяет средневековым романским авторам, таким как, например, Луис д'Аверсо, выделить три части грамматики: поучительную или предписательную (preceptiva o mandativa), разрешительную или позволительную (permisiva o licenciativa), запретительную или от противоположного (prohibitiva o contrastiva). Иными словами, речь идет о соответствии правилам, о допустимом несоответствии для большей образности и выразительности художественного произведения и недопустимом несоответствии правилам. Цель данного доклада показать, как проходила регламентация языка и можно ли говорить о запуске стихийных нормализационных и кодификационных процессов в этот период.

Епимахова Александра Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Французские неопределенные детерминативы autre и même: диахронический аспект

Детерминативы autre и même имеют ключевое отличие от прочих неопределенных детерминативов, состоящее в том, что они выражают не только референциальную соотнесенность предмета, но и его свойства (идентичность/неидентичность предметов определяется на основании их

качественной специфики). Это сближает autre и même с именем прилагательным более, чем все остальные неопределенные детерминативы. На основании того, что это утверждение верно и для ряда латинских неопределенных местоимений, и для русских местоимений «другой», «иной», «тот же самый», можно сделать вывод, что указанное отличие лежит в семантике форм. Более того, референциальные свойства актуализируемого имени выражаются при помощи предшествующего данным детерминативам артикля, а сама возможность сочетаться с артиклем может являться основанием для исключения единиц из категории неопределенных детерминативов.

В латинском языке значение неопределенного детерминатива autre выражалось при помощи четырех лексем: alius = un autre (другой), alter = l'autre (другой из двух), ceteri = tous les autres (другие, остальные), reliqui = le reste, tous les autres (другие, остальные); значение неопределенного детерминатива même реализовывалось при помощи двух лексем: idem (он же, один и тот же) и ipse (сам, самый), обе в современном французском языке соответствуют детерминативу même. Каждая латинская единица имеет особые референциальные свойства: актуализируемое имя нереферентно (alius), референтно (alter, idem, ipse) или потенциально референтно, если соотносится в контексте с полным множеством (ceteri, reliqui). Перевод латинских форм на современный французский язык позволяет продемонстрировать роль, которую играет артикль в выражении референциальных свойств именной группы, актуализируемой детерминативом autre или même.

О крайне важной роли артикля в семантике детерминатива autre свидетельствует и его более раннее по сравнению с другими детерминативами закрепление как составной части формы. Так, уже в старофранцузских текстах имеют место формы un altre и l'altre. Между тем окончательное закрепление артикля при детерминативах, существующих в новофранцузском языке, произошло лишь в XVII в. При детерминативе même также закрепляется артикль.

Как правило, употребляется определенный артикль, что обусловлено семантикой самого детерминатива, однако существует и форма un même, либо синонимичная первой, либо употребляемая для создания стилистического эффекта.

Таким образом, после утраты ряда латинских форм, позволявших выразить не только отношения тождества и различия, но и референциальные свойства актуализируемого имени во французском языке, быстро сформировался новый механизм отражения референции: употребление неопределенного детерминатива в сочетании с определенным или неопределенным артиклем.

Зеликов Михаил Викторович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Об интерпретации высказываний, содержащих личные местоимения, в психосистематике и индоевропеистике

Рассматривая особенности функционирования отдельных высказываний, которые содержат личные местоимения, последователи Г. Гийома отмечают, что «временной интервал в самосознающем Я — это по сути

анализ в синтезе. В русском выражении „Вот он я“ зеркально отражена схематически изображенная языковая сущность первого лица. В речевой структуре объединяется дейксис с субституцией. Здесь *вот* — представляет собой дейктический интродукторный компонент, служащий для введения перехода от III л. (он) к I л. (я)» [Яковлева, 2013: 490]. В этом случае следует отметить несколько неоправданное сближение двух семиотических сфер категориальных (дейктических) отношений в классе местоимений. Согласно Ф. Бадер, «временной интервал в самосознающем Я» относится к хронотопической сфере, а «переход от III л. к I л.» — к сфере «Я-другой». Кроме того, дейксис в речевой структуре всегда указывает на субституцию (замещение). Это сверхфразовое единство требует дополнительных комментариев. Русск. *вот* помимо интродуктивной функции имеет и другие (усилительную, опорную, выделительную — К. Бюлер и др.). О том, что здесь, в первую очередь, следует говорить об *этимологии*, а не о переходе, свидетельствует само индоевропейское местоимение *e-g'h-om «я», которое интерпретируется как букв. «*вот* — здешность» (В. Н. Топоров). Внутренняя *связь* местоимения первого лица с третьим хорошо исследована на эмпирическом материале индоевропейских и неиндоевропейских языков. Кроме того, основывающийся на анализе бюлеровской теории языка и отмечающий, что «все дейктические слова обладают необычайной емкостью» и «могут охватить любую точку пространства и времени (как, например, вышеприведенное «вот». — *М. З.*), С. Д. Кацнельсон своевременно приводит определение «са́мого общего указательного местоимения *это*, которое задолго до «гийомовского понимания строения местоимения» дает В. И. Ленин: «„Это?“ — самое общее слово. Кто *это*? *Я*. Все люди я» [Кацнельсон, 1986: 10]. Также об использовании местоимения первого лица с глагольной связкой третьего свидетельствует и хорошо известный аграмматический пример Рембо: «Je est un autre», букв. «Я (он) есть другой», свидетельствующий, по мнению Б. А. Успенского, о «тождестве индивидуального и объективного бытия, т. е. тождестве индивидуального объективного начала с началом высшим, объективным, пронизывающим все сущее». Ср. также Iste ego sum в «Метаморфозах» Овидия (III, 446) [Успенский, 2012: 41]. Решающим здесь становится конкретный анализ текста. Так, Ю. Н. Лотман, анализируя функционирование системы местоимений как «универсальной модели человеческих отношений» в лермонтовском стихотворении «Дума», убедительно показывает возможность включения субъекта в объект как в его часть, а также возможность объединения субъекта и объекта («я» и «оно») единым «мы» [Лотман, 1972: 79–85].

Литература:

1. *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 298 с.
2. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 270 с.
3. *Успенский Б. А.* Ego loquens. Язык и коммуникативное пространство. М., 2012.
4. *Яковлева Е. В.* Особенности референции говорящего лица // Древняя и Новая Романия. 2014. Т. 13. № 1. С. 487–497.

Кокошкина Светлана Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Язык и стиль Оды Д. Бертолотти, посвященной Александру I (1814)

Ода русскому царю Александру I в честь победы над Наполеоном писателя и поэта начала XIX в. Давиде Бертолотти (1784–1860), представителя итальянского Романтизма [Alla Maestà di Alessandro I, 1814], практически не знакома современному читателю и до сих пор не становилась предметом специального исследования.

Вместе с тем иногда произведения не самых известных авторов, т. н. писателей второго плана, более непосредственно и правдиво, чем произведения их именитых современников, передают дух времени.

Ода Д. Бертолотти — один из таких примеров литературного творчества, а ее содержание представляет собой важный документ истории взаимоотношений Италии и России и, шире, — России и Европы.

Основное содержание Оды сводится к прославлению деяний монарха России, освободившего страны Европы от Наполеона: «Tutto d'Europa alfin tergesti il pianto» («Всей Европы ты, наконец, прервал плач»).

Автор воспевает великодушие Александра I, победителя, не поддавшегося чувству мести в отношении Франции, но мудро распорядившегося возродить существовавший ранее миропорядок.

Особый интерес представляет собой язык произведения, написанного в соответствии с правилами «высокой» поэзии.

Основные особенности языка Оды проявляются на разных уровнях: лексическом (преобладание архаизмов, чаще латинизмов, архаичные географические наименования); морфологическом (устаревшие формы артиклей, местоимений, глаголов); синтаксическом (постпозиция глагола в предложении, препозиция определений с предлогом, повторы, риторический вопрос, обилие обращений).

Наблюдается также широкое использование образно-поэтических средств: метафор, метонимии, сравнений. Изучение языковых средств, которыми пользуется автор Оды, ставит перед исследователем несколько вопросов, главный из которых: является ли язык Оды Д. Бертолотти искусственной стилизацией или отражает реальные факты языка поэзии начала XIX в.?

Основанием этому служит высказывание известного итальянского лингвиста прошлого века Б. Мильорини о давлении на первых романтиков предшествующей пяти вековой литературной традиции.

Литература:

Alla Maestà di Alessandro I. Imperatore di tutte le Russie. Ode di Davide Bertolotti. S. C. dell'Accademia delle scienze di Torino. Milano, 1814.

(Его Величеству Александру I, Императору Всероссийскому. Ода Давиде Бертолотти, члена-корреспондента Туринской Академии наук. Милан, 1814.)

Милованова Наталья Сергеевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Имя прилагательное в средневерхненемецком языке и проблема перевода средневерхненемецких имен прилагательных на современный немецкий язык (на материале батальных сцен «Песни о нибелунгах»)

1. Особенностью германских языков является существование двух типов склонения прилагательных, сильного и слабого, к которым в немецком прибавляется несклоняемая форма. Развитие этих типов склонения связано с дифференциацией имен прилагательных как особой грамматической категории. Сильное склонение прилагательных также называется местоименным, т. к. в него проникли окончания указательных местоимений. Проникновение местоименных окончаний в сильное склонение связано с дифференциацией грамматической категории прилагательных в атрибутивной функции. В двн. параллелизм именных и местоименных окончаний проходит через И. п. ед. ч всех родов и В. п. ед. ч. среднего рода: рядом с новыми местоименными формами blinter, blintiu, blintaz стоит старая именная blint. Из нее потом разовьется т. н. «несклоняемая форма». В двн. языке несклоняемая форма как старый именительный падеж частично продолжает употребляться и в качестве определения, например, guot man. В свн. это употребление уже подвергается ограничению. Однако встречаются и без артикля, например, guot man; с неопределенным артиклем: ein saelec man. Слабое склонение прилагательных строится по типу существительных на *-n*. Развитие слабого склонения в германских языках связано с субстантивацией прилагательных, т. е. с возможностью их самостоятельного употребления в значении существительных. Рядом с существительным слабая форма прилагательного в древнегерманских языках первоначально употребляется как приложение, т. е. как существительное, определяющее другое существительное (Siegfried der junge). Таким образом, уже в средневековом немецком языке между сильным и слабым склонением прилагательных в атрибутивной связи исчезает какое-либо различие синтаксической функции.
2. В батальных сценах «Песни о нибелунгах» встречаются прилагательные как в атрибутивной, так и в предикативной функции. В атрибутивной функции было обнаружено 181 прилагательное, как в сильном, так и в слабом склонении, 30 прилагательных было употреблено в несклоняемой форме, 37 прилагательных были употреблены в постпозиции по отношению к определяемым существительным. Прилагательные, употребленные в слабом склонении в оригинале, в основном сохранены в данном сконении и в переводах, то же самое можно сказать и про сильное склонение. Прилагательные в несклоняемой форме зачастую сохранены в данной форме только в переводе К. Зимрока.
3. Практически все прилагательные, употребленные в оригинале, сохранились в современном немецком языке (самые частотные: küen, stark,

edel, guot, groz, schoen). Все данные прилагательные зачастую сохранены при переводах, за исключением некоторых особых случаев употребления. Сужение или расширение значения прилагательного также отражается на его переводе. Например, интересно рассмотреть перевод прилагательного «snel».

Москалюк Галина Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Виды терминаторов в немецкоязычных кулинарных рецептах в диахронии

Современный немецкоязычный кулинарный рецепт рассматривается как трехчастная композиционная форма. В его составе выделяют интродуктивный блок, основной блок и заключительный блок. В интродуктивный блок входит заглавие и список ингредиентов с указанием на их количество, основной блок представляет собой рабочие шаги кулинара, а заключительный блок — терминатор — является факультативным элементом, включающим в себя информацию страноведческого, культурологического характера либо дополнительные рекомендации, выражающие индивидуальность автора этого типа текста.

На протяжении истории кулинарного рецепта как типа текста терминатор, несмотря на его факультативный характер, появлялся в виде определенных формул, повторяющихся из рецепта в рецепт, из одного собрания в другое. Его можно встретить уже в первых кулинарных собраниях XIV–XV вв. в виде оценочных высказываний: Daz ist gar guot, vnd versaltz niht. Очень часто в качестве завершающего элемента выступает директивное напоминание о необходимости приправить блюдо специями, сахаром, посолить, изменить его цвет или, например, украсить виноградом или миндалем: wircz vnd salcz ess. Для этих завершающих компонентов рецептов характерными формулировками являются простые повествовательные предложения.

Самым же распространенным терминатором на протяжении всей истории развития типа текста «кулинарный рецепт» является указание подавать блюдо, которое одинаково популярно для рукописных кулинарных собраний XIV–XVI вв., XVIII в. и для современных текстов рецептов в «кулинария»: vnd gebs hin (XIV в.), vnd richcz an (XVI в.), hernach giebs zu dem Hünnel (XVIII в.), Dann in sofort mit dem Baguette servieren (XXI в.). В докладе будут рассмотрены семантические виды и морфосинтаксические формы терминаторов, характерные для кулинарных рецептов в диахроническом аспекте.

Нифонтова Дарья Евгеньевна,
к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Специфика представления авторства в типе текста

«Путевые заметки» — древнейший жанр литературы, представляющий интерес для исследования с позиций различных наук, в т. ч. исторической прагматики. Время фиксации воспоминаний о путешествии, предпринятом

Фридрихом фон Грамом — начало XVIII в., эпоха Просвещения, характерными признаками которой являлись интерес к научным описаниям неизведанного и одновременно выдвижение на первый план авторского «я», личных переживаний и эмоций, полученных во время поездки. Данный факт ярко отражается в текстах «путевых заметок», автор и субъект речи которых совпадают. При этом автор персонифицирован, доминирует в повествовании и преследует цели самовыражения, а также воздействия на читателя. Субъект речи не обозначается текстуально только в статически-дескриптивных отрывках текста — описаниях местности, людей, традиций и т. п., в которых автор отступает на второй план, придавая тексту более объективный, научно-описательный характер. Среди языковых средств, выражающих авторское «я», преобладают личные и притяжательные местоимения и глагольные формы 1 л. ед. ч., обилие лексики, передающей эмоции и переживания, субъективные оценки происходящего и т. п.

Охотников Даниил Игоревич,
старший преподаватель, Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова (Москва)

Языковые особенности итальянских свидетельств о Крыме первой половины XVII в. (по материалам доминиканской миссии)

Монахи-доминиканцы Джованни Джулиани да Лукка и Эмидий Дортелли д'Асколи, принимавшие участие в организованной в 1624–1634 гг. Конгрегацией пропаганды веры миссии в Крым, который находился на тот момент под властью крымско-татарского хана и турецкого султана, составили три известных на сегодняшний день крупных сочинения:

1) G. Giuliani, *Relatione al reverendissimo signore segretario Ingoli per la sacra congregatione de Propaganda Fide delle cose successe alli missionarii alli Tartari et Circassi* (1626);
2) G. Giuliani, *Relatione fatta da me fra Giovanni da Lucca domenicano missionario a' Tartari, Circassi, Abbazza e Mengrilli* (1633);
3) Emidio Dortelli d'Ascoli, *Descrittione del Mar Negro & della Tartaria* (1634?).

Несмотря на общность места действия, цели и времени создания, тексты представляют целую группу различий. В докладе представлен анализ этих различий с позиций:

- графики, что позволяет предположить определенные фонетические различия в речи авторов, отдельного рассмотрения заслуживают различные варианты записи имен собственных, этнографизмов и особенно топонимов;
- лексики в рамках поиска различий, обусловленных различным региональным происхождением и культурным багажом авторов;
- морфологии, где внимания заслуживают безударные местоимения в роли дополнений, а также наблюдается широкая вариативность глагольных форм, нередко в пределах одного текста/автора;

- синтаксиса, прежде всего с точки зрения соотношения паратаксиса и гипотаксиса, частотности использования форм коньюнктива;
- стиля, в плане выбора синонимов «высокого»/«сниженного» регистров, использования латинских цитат, композиционного строения текстов.

Исходя из результатов анализа и одновременно сравнивая эти сочинения с художественно более удачными и популярными текстами рассматриваемого периода, такими как «*Viaggi*...» Пьетро делла Валле, предпринимается попытка объяснения обнаруженных различий с позиций:

- адресата — происхождения и культурного багажа авторов;
- знакомства с прецедентными текстами;
- места написания (сочинение Эмидия Дортелли представляет собой уникальный образец идиолекта, носитель которого практически не имел контактов с итальянской языковой средой в течение 10 лет, в то время как Джулиани, по-видимому, писал свои труды уже в Риме).

Суслова Екатерина Геннадьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Коннотации устной культуры, повтор и градация как техники порождения персонажного дискурса в раннем рыцарском романе (на материале романа о Тристане Э. фон Оберга)

Первый роман о Тристане на немецком языке (самые ранние из сохранившихся фрагментов относятся к концу XII в.), автор которого в одном из вариантов именуется «von hôbergin her eilhart», открывается прологом: рассказчик, обращаясь к собравшимся, просит тишины. Помещение фигуры рассказчика в ситуацию устной публичной коммуникации при непосредственном контакте исполнителя и слушателя позволили говорить о приоритете устной формы в первой письменной версии романа о Тристане. Персонажный дискурс также насыщен коннотациями устной культуры и создан с помощью двух приемов, заимствованных у устной традиции, — повтора и повышения (градации). Видеть и слышать — две основные формы восприятия в устной традиции. Коннотациями устной культуры в письменном тексте традиционно считаются обороты с глаголами говорения, глаголами слушания, глаголами памяти. Так же строится и персонажный дискурс. Речевые ситуации в обоих дискурсах при этом идентичны. Наряду с этим, обращают на себя внимание обороты, многократно повторяющиеся на небольших отрезках текста, как правило, в пределах одного сюжетного эпизода, и затем исчезающие: строка 422 «ich sag úch fúr war» (в речи рассказчика), строка 432 «und hieß im sagen fúr war» (в речи рассказчика), строка 452 «daß sagt im fúr war» (в речи персонажа). Общей чертой речевых сцен в романе о Тристане Э. фон Оберга является их «серийность». Если на событийном уровне нарративность стиля проявляется в том, что сюжетные эпизоды «нанизываются» на нить повествования, то в границах одного сюжетного эпизода речевые сцены следуют одна за другой. Серию речевых сцен в сюжетном эпизоде можно сравнить с изображенной в романе охотничьей процессией, в описании

которой использованы два приема — повторение и повышение (градация). Серию открывает первая речевая сцена, называется тема, она разрабатывается участниками, сцена завершается. Тема, начало, модель разработки темы (набор и последовательность ходов, реакции собеседника), финал, повторяясь, переходят во вторую и т. д. речевые сцены того же эпизода. Состав участников при этом меняется. Повышение (градация) реализуется в подборе и детализации аргументов. Обращает на себя внимание принципиальная аргументированность слов персонажей. Логическая схема аргументации повторяется. Дословный или синонимический повтор в случае средств, отвечающих за передачу пропозиционального/иллокутивного содержания, логичен и ожидаем. Интерес представляют «необоснованный» повтор: например, семикратный повтор в речевых сценах одного сюжетного эпизода глагола helfen. Повтор и градация — основные техники порождения персонажного дискурса в романе о Тристане Эльхарта фон Оберга, реализация этих приемов в каждом конкретном случае ограничивается рамками сюжетного эпизода.

Цвинариа Марина Евгеньевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Контекстная субъектификация значения глагола *may/mighte* в аспекте его грамматикализации как маркера разрешения и утверждения (на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера)

Субъектификация значений языковых единиц в диахронии, в частности семантики модальных глаголов, является одним из главных аспектов, обсуждаемых лингвистами в рамках общей теории грамматикализации. Принятая в научной литературе схема Е. С. Трауготт propositional>textual>expressive, демонстрирующая прагматическую линию развития новых значений единиц языка через их речевое употребление, предполагает и однонаправленное развитие менее субъективных значений в более субъективные, причем в каждом из звеньев приведенной схемы следует выделять менее или более выраженные личные смыслы, показывающие на отношение говорящего к событию или ситуации [Traugott, 1982: 257].

Прохождение субъектификационного процесса имеет три направления:

1) от значений, тесно связанных с внешней ситуацией, к значениям, обоснованным внутренней (оценочной, когнитивной, перцептивной) ситуацией;
2) от значений, связанных с внешней ситуацией, к значениям, основанным на металингвистической ситуации;
3) значения имеют тенденцию все более основываться на субъективном представлении или отношении к ситуации говорящего [Traugott 1990: 499–501].

В отношении модальных значений наименее субъективными и первыми по происхождению являются динамические значения, деонтическая и эпистемическая модальности могут характеризоваться как объективные и субъективные [Lyons, 1982; Warner, 1993] или как «слабо» и «сильно» субъективные [Traugott, 1982].

Субъектификация значений подразумевает также их развитие из более конкретных в более абстрактные, т. е. переход от отражения объективно существующих отношений в окружающем мире к отношениям к миру, возникающим в сознании людей. В связи с осмыслением явлений мира вырабатываются субъективные позиции, которые требуют языкового выражения, как правило, осуществляемого с помощью уже существующего языкового инвентаря. Его контекстная реинтерпретация [Heine, 2002], происходящая в речевом общении, приводит к большей или меньшей степени утраты связи, с исходными значениями, крайней точкой такого отрыва может стать новое конвенциональное значение.

Глагол may/mighte в среднеанглийский период в целом продолжает употребляться в динамическом значении способности или объективной возможности. Вместе с тем контекстно-прагматический анализ примеров его употребления в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера, в частности в «Прологе и рассказе Батской ткачихи», дает основание предположить, что в этот период он мог использоваться как маркер разрешений и пожеланий в деонтической функции и утверждений, предсказаний, уверенных предположений в эпистемической. Внутри этих модально-коммуникативных значений обнаруживается разная степень субъектификации, что обусловлено контекстом высказывания и требует осмысления в плане определения степени их грамматикализации.

Литература:

1. *Heine B.* On the Role of Context in Grammaticalization // Typological Studies in Linguistics. Vol. 49. Amsterdam, 2002. Pp. 83–101.
2. *Lyons J.* Language, Meaning and Contexft. Suffolk, 1982. 256 p.
3. *Traugott E. C.* From Propositional to Textual and Expressive Meanings: Some Semantic-Pragmatic Aspects of Grammaticalization // Amsterdam Studies in the Theory of Linguistic Science IV / Ed. by W. P. Lehmann. Amsterdam; Piladelphia, 1982. Vol. 24. Pp. 245–271.
4. *Traugott E. C.* From Less to More Situated in Language: The Unidirectionality of the Semantic Change // Papers of the 5th International Conference of Historical Linguistics / Ed. by S. Adamson et al. Amsterdam; Philadelphia, 1990. Pp. 497–515.
5. *Warner A. R.* English Auxiliares: Structure and History // Cambridge Studies in Linguistics: 66. Cambridge, 1993. Ch. 7: The Developing modal semantics of Early English ‘modals’. Pp. 156–182.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Арсентьева Мария Валентиновна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О географическом компоненте в названиях французских сыров

В языковой картине мира не последнее место занимает гастрономический аспект. Немаловажную роль в гастрономической картине мира играет географический фактор.

Географические условия во многом определяют гастрономические пристрастия людей. Франция — страна, в которой на огромной территории есть благоприятные условия для молочного производства. Сыр считается национальным достоянием французов. В настоящее время разнообразие сыров представлено более чем тысячей наименований.

В докладе ставится задача определить, как в структуре значения наименования сыра отражается его географическая составляющая. В семантической структуре значения наименования сыра среди других компонентов (вид молока, текстура и др.) можно выделить т. н. географический компонент — «место производства».

Для большинства французских сыров место их производства становится их наименованием. Анализ 1000 наименований французских сыров позволил выделить следующие группы:

1) наименования сыра, образованные от ойконимов, которые не подверглись редукции: pont-l'évêque (chef-lieu de canton du Calvados), livarot (commune du département du Calvados);
2) наименования, образованные от редуцированных топонимов: roquefort от Roquefort-sur-Soulzon, Neufchâtel от Neufchâtel-en-Bray, comté от Franche-Comté;
3) наименования, образованные от деривата топонима: Charolais от Charolle, Maconnais от Macon;
4) составные наименования, присоединяющие топоним к слову,
   а) характеризующему сыр, произведенный из молока определенного животного: chabichou du Poitou, cabécou du Périgord, chevrotin du Vernet, vacherin du Haut-Doubs, brebis du Lochois;
   б) называющему форму сыра, например: crottin de Chavignol, boulette de Cambrai, bûche du Vercors, pavé d'Auge;
   в) называющему определенное качество сыра: bleu d'Auvergne, persillé du Beaujolais;
   г) метафоричному: délice de Bourgogne, arôme de Lyon;
5) наименования, в семантической структуре значений которых географический компонент имплицитен:

- reblochon происходит от диалектизма reblosser (pincer) и указывает на савойский сыр;
- bondon называет сыр Neufchâtel, который имеет форму пробки;
- angelot употребляется для pont-l'évêque и является результатом деформации слова augelot, происходящего от vallée d'Auge;
- fourme обозначает овернские сыры.

Из тысячи сыров 45 имеют подтвержденное название происхождения-АОС. За название идет конкурентная борьба. В результате наблюдается расширение названия. Пять департаментов получили право производить Camembert de Normandie, сыр бри получает уточнение — Brie de Melun, Brie de Meaux. Географический компонент названия сыра является распространенной характеристикой и может быть эксплицитным и имплицитным. В развитии имен наблюдаются два процесса: компрессия и расширение.

Баканова Анна Валентиновна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фразеологические единицы с компонентом «pa» ('хлеб') в каталанском языке

У разных народов хлеб на протяжении веков ценится как один из основных продуктов питания. Особенность каталанской национальной гастрономии заключается в том, что, можно говорить о сохранении древних традиций и уникальной рецептуры и, в то же время, о современной трактовке исконных рецептов, об их жизни и развитии в современной культуре. Ферран Адрия считает язык и кулинарию двумя основными признаками национальной идентичности: «la cuina i la llengua són probablement els dos trets que ajuden a definir, de manera més inequívoca, la identitat d'un país».

Современные жители больших городов постепенно утрачивают первоначальное трепетное отношение к хлебу, забываются и традиции с ним связанные. Тем не менее Каталонию, на наш взгляд, можно причислить к немногим странам, где богатые хлебопекарные традиции сохранились до сих пор, а хлеб возведен в ранг одного из национальных концептов. Речь идет в первую очередь о таком явлении каталанской кухни, как «хлеб с помидором» (*pa amb tomàquet*).

Популярность данного рецепта обусловлена его экономичностью, что в целом является одним из ключевых понятий каталанской культуры, а также простым и быстрым приготовлением, разнообразием вкусов и доступностью, как в меню дорогого ресторана, так и на собственной кухне. Хлеб с помидором, оливковым маслом и различными видами нарезки распространен на всей каталаноговорящей территории, где различия бывают в основном способом подачи.

В старых кулинарных книгах присутствуют специальные разделы под названием «pa i companatge», в котором явно прослеживается игра слов, заключающаяся в использовании двух однокоренных слов. В слове *companatge* уже предполагается наличие хлеба, а в данном случае *pa* употребляется отдельно, чтобы подчеркнуть основу блюда. К тому же интересным кажется наличие особого слова, обозначающего любую пищу, которую едят с хлебом.

Фразеологический фонд каталанского языка чрезвычайно богат единицами, содержащими компонент «хлеб». В основном хлеб ассоциируется, как и во многих языках мира, с понятием чего-то необходимого и обязательного для жизни: *necessitar una cosa com el pa / el pa que es menja; ésser més llarg que un dia sense pa.* Однако в то же время встречается прямо противоположная оценка хлеба как чего-то неважного, неценного: *per un tros de pa (Tant que en demanaven i ara t'ho donarien per un tros de pa*). Кроме того, хлеб может служить положительной характеристикой кого-либо, подчеркивая доброту и отзывчивость человека: *ésser un tros de pa; ésser més bo que el pa / el pa blanc* (ср. в испанском: *ser más bueno que el pan*). И здесь встречаем противоположные ассоциации: *no ésser bo més que per a menjar pa.*

Безус Светлана Николаевна,
к. п. н., доцент, Северо-Кавказский федеральный университет (Пятигорск)

Структурные модели наименований держателей королевской власти (на материале староиспанских деловых писем)

Номинация — это способность слова точно и определенно обозначать или называть лица, предметы, явления (т. е. неязыковые события) и передавать о них информацию при сообщении. Первичная номинация — первоначальное наименование объекта, повторная — когда он ранее уже обозначен. В официально-деловых (королевских) письмах на староиспанском языке первичное употребление имени монарха (в начале письма) дополняется полным официальным титулом царствующей особы, включающим восхваление Господу, слово «король» (латинское *«rex»* или кастильское «*rey*») и список управляемых на данный период земель: ***Ferrandus**, Dei gratia, Rex Castelle et Toleti, Legionis et Gallecie et Cordube. Concilio de Madrid.* (Фернандо III, Толедо, 26 апреля 1238 г.) Первичная номинация могла расширяться за счет употребления с именем гендерного признака *don*: ***Don Alffonsso**, por la gracia de Dios, Rey de Castilla, de Toledo, de Leon, de Gallizia, de Sevilla, de Cordova, de Murcia, de Iahen e del Algarbe.* (Альфонс X, Бургос, 8 февраля 1278 г.) Перед словом *don* употреблялись местоимения 1 л. единственного (*yo*) или множественного (*nos*) числа: ... ***yo don Fernando**, por la gracia de Dios rey de Castilla, de Toledo, ...* (Фернандо III, Севилья, 20 марта 1252 г.) — ... ***nos don Sancho**, por la gracia de Dios, Rey de Castiella, ...* . (Санчо IV, Родриго, 19 сентября 1291 г.) Заметим, что артикль перед словом «король», при полном наименовании королевского титула, опускался. Отдельное употребление слова *Rey* (например, в середине или в конце письма), сопровождалось определенным артиклем *el*. В более поздний период (конец XIV в.) появляются письма, в начале которых первичная номинация королевской особы осуществляется при помощи местоимения *yo* или *nos* без упоминания имени, вторичная — словом *el rey* (без топонимического списка управляемых территорий). Имя короля определяется лишь по дате в конце каждого письма. Таким образом, в староиспанских королевских письмах (XIII–XIV вв.) первоначально король обозначался следующими способами: **антропоним (имя) + Rex + топонимы Don + антропоним (имя) + Rey + топонимы местоимение (yo/nos) + don + антропоним (имя) + Rey + топонимы** Вторичная номинация происходила по сокращенному официальному титулу **el Rey**. Сокращенный титул мог сопровождаться уточняющим определением (*sobredicho*) или эпитетом (*uictoriosissimus rex Fernandus*). Еще один способ вторичной антропологической номинации — это обозначение лица с указанием на родственные связи. Кроме действующего монарха в королевских письмах принято было упоминать его ближайших родственников: отца, деда, прадеда, прапрадеда, жену, детей и т. д. В этих случаях сначала обычно указывался титул и имя (первичная номинация), а затем родственные связи (вторичная номинация).

Богданова Елена Владимировна,
к. ф. н., старший преподаватель,
Московский педагогический государственный университет

Профессиональная охотничья и рыболовная лексика как средство формирования идиостиля М. Делибеса

Профессиональная охотничья и рыболовная лексика, широко представленная в прозе М. Делибеса, формирует уникальный лексический компонент идиостиля кастильского писателя. Активная интеграция профессиональных слов и выражений в текст как художественных (Diario de un cazador, 1955; Diario de un emigrante, 1958; Las ratas, 1962; Los santos inocentes, 1981), так и нехудожественных произведений (El libro de la caza menor, 1966; Con la escopeta al hombro, 1970; Mis amigas las truchas, 1977; Aventuras, venturas y desventuras de un cazador a rabo, 1979) обусловлена автобиографическим фактором и особенностями языковой личности «охотника, который пишет».

В докладе представлены зафиксированные в прозе М. Делибеса профессионализмы, распределенные по четырем тематическим группам:

1. **Виды охотника/рыболова:** alarista — птицелов, использующий силок; reclamista — птицелов, использующий манок; cepero — капканщик, ловушечник; lanchero — браконьер, использующий ловушки для куропаток.
2. **Охотничьи/рыболовные приемы:** en mano — ровняжка (вид гая); a rabo — псовая охота; aguardo — засидка, сидебка; a toro suelto — ружейная охота с хорьком; apostar — засесть, устроить засидку; calicata — охотничий шурф; tirar — бить; ojeo — облавная охота; ganchito — загон; manear — идти самотопом; entrizar — загнать на номера или в силок; cachetazo — подсечка (при поклёвке); mosca seca — ловля нахлыстом; tralla — ловля без поплавка (вид ловли нахлыстом); machucar — сильно влепиться, сильно взять по месту (о собаке).
3. **Охотничий/рыболовный инвентарь:** telendón — маскировочный халат (балахон); séptima — семерка (калибр); araña — раколовка; sacadora — рыболовный сачок.
4. **Дичь/улов:** pelo — зверь; pluma — птица; palomazo — валовый пролет голубей; repullarse — взорваться, взмыть мимо (о птицах); amonarse — сесть; amonado — упалой зверь; gazapear — красться; cuarterona — четвертушка (рыба весом в 115 г).

Бóльшая часть приведенных профессионализмов не зафиксирована в DRAE (reclamista, alarista, cachetazo) или же зафиксирована без указания профессионального значения (apostar, ganchito). Также следует отметить, что в художественных текстах автор намеренно избегает определения или контекстуального синонима. Данный факт соотносится с общим принципом функционирования профессиональной лексики, которая призвана «обеспечить точное и емкое обозначение предметного мира соответствующей профессии» [Карасик, 2002: 66–67] и подчеркнуть принадлежность автора к узкому профессиональному кругу, в случае М. Де-

либеса — к кругу охотников и рыболовов региона Кастилия-и-Леон, благодаря которым, по признанию самого писателя, он научился говорить как кастилец.

Литература:

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

Гостемилова Наталия Александровна,
к. ф. н., доцент, Московский педагогический государственный университет

Междометия речевого этикета мексиканского национального варианта современного испанского языка

Междометия речевого этикета (РЭ), являющиеся в силу своей онтологии стереотипными, принимают активное участие в организации акта коммуникации. Они могут выполнять в диалоге функции введения в речевую коммуникацию, поддержания процесса общения и выхода из него. Иногда одно и то же этикетное междометие может выполнять как функцию вступления в акт речи, так и выхода из процесса коммуникации.

В рамках группы междометий РЭ мексиканского национального варианта современного испанского языка выделяются несколько подгрупп:

а) междометия, служащие для привлечения внимания. К этой разновидности междометий, широко употребляемых в Мексике и являющихся общеиспанскими, относятся: ¡fíjate!, ¡fíjese!, ¡fíjense!, ¡oye/me!, ¡oiga/me!!, ¡venga!, ¡mira/e!, ¡ea!,¡eh! и т. д.;

б) междометия, узуальные в ситуации «Знакомство». Для малокультурной прослойки общества характерно непосредственное знакомство, которое предполагает свое осуществление при помощи междометных выражений: ¡a mucha honra!, ¡su servidor!;

в) междометия служащие для выражения приветствия: ¿qué transa?, ¿qué honda?, ¿qué hubo?, ¡quihubo!, ¡quihúbole!, ¡aló!, ¿entós qué, loco?, ¿qué jais?, ¡jola!, ¡hopa! Вышеуказанные междометия и междометные выражения узуальны в неофициально-непринужденной речи. Они используются независимо от пола. В то же время в условиях ассиметричных отношений между партнерами подобные приветствия недопустимы с точки зрения этикетных норм;

г) междометия, служащие для выражения прощания. В ситуации прощания в Мексике используется довольно большое число реплик, таких как: ¡adios/ito!, ¡adiú!, ¡chao!, ¡ahí/nos vemos!, ¡ahí nos vidrios!, ¡buenas!, ¡bye!;

д) в качестве выражения поздравления или пожелания наиболее употребительным в Мексике является междометие ¡salud! и его графический вариант ¡salú!;

е) для выражения просьбы в мексиканском национальном варианте широко используются диминутивные формы ¡por favorcito!, ¡con permisito! и ¡compermisito!;

ж) модально-логические междометия, узуальные в значении подтверждения, согласия или утверждения. В разговорно-фамильярной речи функционирует следующий ряд стилистически сниженных реплик согласия (в первую очередь, их использование типично для молодежи): ¡abuelita!, ¡clarín!, ¡clarinete!, ¡me canso, ganso!, ¡ya caliche!, ¡cigarros!, ¡a huevo!, ¡eso!, ¡eso es!, ¡fácil!, ¡juega!, ¡la neta!, ¡sábanas!, ¡sastres!;
з) модально-логические междометия, узуальные в значении отказа, отрицания, несогласия. В разговорно-обиходной непринужденной речи функционирует ряд формул категорического отказа, имеющих сниженную стилистическую окраску: ¡cuernos!, ¡ya estuvo!, ¡una leche!, ¡ni madre!, ¡nadaza!, ¡nanay!, ¡naranjas!, ¡percha!, ¡para nada!;
и) из междометий РЭ, характерных для Мексики и употребительных в сфере обслуживания, выделяется междометие ¡mande!.

Гуревич Дмитрий Львович,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Критерии выделения бразилизмов и их типологические особенности

Словарный состав пиренейского и бразильского вариантов португальского языка характеризуется частичным несовпадением лексики, что, в принципе, характерно для любого национального варианта языка. Всю бразильскую лексику можно разделить на группы, объединенные не семантическими признаками, а по характеру проявления национальной специфичности:
1) лексические бразилизмы — слова, заимствованные из субстратных (тупи-гуарани и др.) или адстратных (банту и др.) языков, которые вошли в контакт с португальским языком (например, abacaxi; samba), — в данной группе лексем присутствуют слова «новые» для лексической системы языка, причем осваивается как форма (иноязычное заимствование), так и значение (новая реалия);
2) полные семантические бразилизмы — слова, входящие в общепортугальский фонд, но получившие в португальском языке Бразилии новое значение (например, celular; café-da-manhã), — в данной группе лексем происходит замещение семантики при сохранении формы слова;
3) частичные семантические бразилизмы — слова, входящие в общепортугальский фонд, совмещающие как общие для обоих вариантов значения, так и развившие в бразильском варианте собственные значения (например, engenho; roça; suco), — лексемы данной группы сохраняют общую для пиренейского и бразильского вариантов форму, а их семантика частично видоизменяется за счет приобретения новых значений и/или утраты ранее существовавших и сохранившихся в пиренейском варианте.

Все три перечисленные выше группы описываются лексикографическими средствами, могут быть маркированы как бразилизмы, могут иметь устойчивые лексические соответствия в пиренейском варианте либо могут снабжаться соответствующей словарной дефиницией. В то же время можно выделить четвертую, особую, группу бразилизмов — лексемы общепор-

тугальского фонда, чье словарное значение не маркировано с точки зрения территориального/национального варьирования, но чья лексическая и семантико-прагматическая сочетаемость не совпадает в пиренейском и бразильском вариантах. К таким лексемам относятся, например, глаголы широкой семантики: deixar; poder; ter; haver. В бразильском варианте в силу устойчивой лексической сочетаемости они обнаруживают тенденцию к закреплению определенных лексических и прагматических значений, присущих этим лексемам потенциально, на уровне языковой системы, но не реализуемых регулярным образом в пиренейском варианте.

Ср. например: «Oi, o que **houve**? Está na rua?» (браз. вар-т) ~ «Olá, que **aconteceu**? Estás aí em baixo?» (пирен. вар-т); «**Tenha** um bom almoço» (браз. вар-т) ~ «**Desejo**-lhe um bom almoço» (пирен. вар-т); «Hum, **pode** vir aqui me ajudar?» (браз. вар-т) ~ «**Queres** vir para aqui ajudar-me?» (пирен. вар-т). Такие бразилизмы можно назвать прагматическими, поскольку их специфичность — не словарного уровня.

Жаров Борис Сергеевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фунционирование имен персонажей скандинавской мифологии и героев древнескандинавской литературы в топонимике

Для жителей Скандинавии такие произведения литературы, как «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», исландские саги, поэзия скальдов, — достояние культуры, они живут не только на страницах книг, но и в реальной жизни на улицах и площадях городов, иногда в названиях населенных пунктов. Наибольший интерес к таким названиям испытывают исландцы, назвавшие улицы Рейкьявика именами богов Тора, Одина, Локи и других, а также наиболее ярких персонажей родовых саг, таких как Эгиль, Ньяль, Гунлауг и т. п. В Швеции, Норвегии многие улицы носят такие же названия. Филологический факультет Копенгагенского университета расположен на улице Ньяля. Название Оденсе по происхождению значит «святилище Одина». Главный город Фарерских островов Торсхавн носит название бога Тора.

Жильцова Елена Леонидовна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Формальные и семантические особенности шведских неологизмов

Ежегодно в шведском языке появляются тысячи новых слов. Списки таких слов, зафиксированных в письменных источниках, главным образом, в печатных и электронных СМИ, ежегодно публикуются Шведским языковым советом (Språkrådet).

С формальной точки зрения большинство неологизмов представляют собой сложные слова, поскольку именно основосложение — самый продук-

тивный способ словообразования в шведском языке. Они состоят из двух или более компонентов, причем основы могут быть не только шведскими, но и заимствованными: kärlekslås, fotspårsturism, airbaghjälm. Нередко встречаются сложносокращенные слова, акронимы, представляющие собой начальные буквы шведских или английских словосочетаний: lob (lagen om omhändertagande av berusade personer), yolo (you only live once). Акронимы сами могут входить в состав композитов: ac-snuva.

Среди неологизмов достаточно много аффиксальных образований. Это слова, образованные главным образом от шведских основ с помощью продуктивных аффиксов существительных (-is, -are, -ning, -ism) и глагольного суффикса -a. Имеются лексемы, образованные по моделям широко употребительных слов, которые с исторической точки зрения являются композитами, но в современном шведском языке уже не воспринимаются таковыми: nettokrati (ср. demokrati), knarkometer (ср. termometer).

Неологизмы появляются обычно для обозначения новых явлений в окружающем мире. Это может быть бытовая лексика, названия вновь появляющихся предметов, технических приспособлений: selfiepinne, kapselbryggare. Однако большинство новых слов отражают процессы и изменения, происходящие в общественной, политической и социальной жизни людей. В зависимости от того, к какой сфере относятся неологизмы, их можно разделить на несколько тематических групп.

Большое количество новой лексики принадлежит области компьютерных интернет-технологий, поскольку роль таких технологий в современном шведском обществе постоянно растет: fejsboka, mobilzombie, näthat.

Другая сфера, очень важная для шведов, — экология, борьба за здоровый образ жизни. Поэтому тематическая группа новых слов, относящихся к данной области, весьма многочисленна и разнообразна: plastbanta, morotsaktivism, nerväxt.

Много новых слов относится к области политики, в т. ч. социальной и экономической, и правозащитной деятельности: jobbstopparpolitik, kippavandring, ryggprotest. Особое место среди новой политической лексики занимают слова, связанные с выборами в Швеции: ångerrösta, valpromenera, blåbrun.

Сейчас, естественно, еще сложно определить, какие из слов, появившихся в шведском языке за последние 10 лет, закрепятся и сохранятся в языке, а какие окажутся своеобразными однодневками и быстро исчезнут. Однако, их изучение важно, поскольку позволяет выявить тенденции развития словарного состава современного шведского языка.

Жилюк Сергей Александрович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Гибридное словосложение имен существительных в немецком языке (на материале современных СМИ)

На настоящем этапе развития немецкого языка словосложение является наиболее распространенным способом словообразования, т. к. предполагает соединение двух или более лексем с помощью соединительного элемента или без него и потенциально обладает неограниченной способностью

к комбинации лексем. Это свойство немецкого словосложения позволяет носителю немецкого языка без труда составлять любые новые лексемы путем соединения других лексем, в т. ч. иностранных и заимствованных. Таким образом, иностранные и заимствованные (экзогенные) лексемы проникают в систему словообразования немецкого языка. Лексемы, образованные путем соединения экзогенных и немецких лексем, получили название гибридных (термин предложен В. Фляйшером (W. Fleischer); как отдельный вид словообразования ученый выделяет гибридное словообразование — *hybride Wortbildung*). Гибридные сложные слова не являются приметой только современного немецкого языка: подобные образования немецкие ученые исследуют уже с начала XIX в. Возможности немецкого словосложения позволяют образовывать лексемы, сочетающие в себе элементы не двух, а трех и более языков (*antiroyalistisch*), — С. М. Панкратова в одной из своих работ именует их *Wortungetüme* (слова-страшилища). Вместе с тем данный тип слов представляет собой хоть и обширную, но поддающуюся строгой классификации по типу отношений между частями группу лексем (сочинительные и подчинительные сложные слова). Второй основой классификации является структура гибридной лексемы — используется ли в ней соединительный элемент, из какого количества лексем образовано сложное слово и т. п. По своей этимологии большинство лексем, участвующих в гибридном словообразовании, относятся к т. н. евролатыни — корпусу лексем древнегреческого и латинского происхождения, присутствующих в немецком языке. Таким образом, их участие в словообразовании немецкого языка говорит о глубокой интеграции немецкого языка в процесс интернационализации европейских языков. Наряду с латинскими и греческими элементами в гибридном словообразовании участвуют лексемы, заимствованные из французского и английского языков, что также свидетельствует о значительном влиянии других языков на современный немецкий язык.

Литература:

1. *Розен Е. В.* На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. 192 с.
2. *Donalies E.* Basiswissen Deutsche Wortbildung. Tübingen: Francke, 2007. 155 S.
3. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. Berlin; Boston: de Gruyter, 2012. 484 S.
4. *Wills W.* Wortbildungstendenzen in der deutschen Gegenwartsprache. Tübingen: Narr, 1986. 323 S.

Жолудева Любовь Ивановна,

к. ф. н., старший преподаватель,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Функционирование единиц лексико-семантического поля «nazione» в итальянском языке XVI в.

XVI в. в истории итальянского языка ассоциируется, в первую очередь, с кодификацией нормы (в начале–середине столетия публикуются наиболее авторитетные грамматики, в конце — ведется работа над состав-

лением словаря Академии Круска), однако и во многих других отношениях эта эпоха является важнейшей. Именно в XVI в. — на фоне укрепления новых, национальных европейских государств и борьбы между ними за господство над итальянскими землями — у итальянцев возрастает интерес к понятию национальной идентичности. На языковом уровне это выражается, в частности, в особенностях функционирования лексемы «nazione», а также слов, относящихся к одноименному лексико-семантическому полю (ЛСП).

Значение слова «nazione» в итальянском языке XVI в. отличается особой широтой; оно включает и компонент «этническая принадлежность» (совр. origine), и компонент «подданный определенного государства» (совр. cittadinanza), и указание на культурную принадлежность (совр. di cultura X). Помимо этого, слово «nazione» используется и в связи с региональной идентичностью (romano, fiorentino, milanese, veneto, napoletano, genovese и т. д.), которая и на современном этапе, возможно, не менее важна для итальянца, чем более общая, национальная.

Этнонимы, обозначающие национальную, государственную и региональную принадлежность, не только широко используются в своем прямом значении, но и приобретают устойчивые коннотации, образуют производные слова, фразеологизированные сочетания. Анализ употребления слов ЛСП ‘nazione’ в итальянской литературе XVI в. позволяет проследить, как складываются (и обыгрываются в художественных целях) некоторые национальные стереотипы.

Материалом для исследования послужили комедии А. Пикколомини, Дж. Баргальи, членов сиенской Академии Интронати, Н. Макиавелли, А. Ф. Граццини, автобиография Бенвенуто Челлини, трактаты Дж. Триссино, Б. Кастильоне, К. Толомеи, исторические трактаты и эссе, а также другие произведения итальянских авторов XVI в.

Журавлева Елизавета Вольдемаровна,
к. ф. н., доцент, Московский педагогический государственный университет

Crímenes ejemplares de Max Aub. Diligencias literarias

1. Литературное наследие Макса Ауба. «Идеальные убийства» — образец микрорассказа, обладающий собственными композиционными и дискурсивными особенностями.
2. Лексические особенности микрорассказов Макса Ауба.
3. Национально-культурная специфика в произведении Макса Ауба, лексические и грамматические особенности мексиканского национального варианта испанского языка.
4. Комическое в преступлении. Черный юмор и эффект обманутого ожидания.
5. Стилистические ресурсы, использованные в произведении. Ирония — основной прием, призванный создать определенное настроение.
6. Выводы.

Зверева Екатерина Владиславовна,
к. ф. н., преподаватель, Российский университет дружбы народов (Москва)

Многозначность концепта *fuero* как одна из особенностей испанского юридического текста

Исследование форм взаимодействия языка, права и культуры различных этнокультурных и этнолингвистических общностей приобретает особую значимость в период не только значительной интеграции культурных и национально-правовых систем, но и их колоссальной и ощутимо конфликтной дивергенции. Роль испанского языка как международного в сфере правой коммуникации представляет все больший интерес для анализа.

Перевод юридических документов является важнейшей составной частью преподавания профессионального правового языка, требующего отдельного подхода. Особенно это касается той части юридической лексики, которая имеет неоднозначную или многозначную интерпретацию в других языках.

Концепт фуэро может быть признан термином именно испанской законодательной системы. Большинство изданий рассматривают его как историзм, хотя он активно употребляется в современном испанском языке. В учебных пособиях также нередко встречается перевод fuero «право, закон», что противоречит многообразию значений данного понятия. Студентам, обучающимся профессионально ориентированной правовой лексике, крайне сложно разобраться в особенностях употребления данного термина, а также весьма частотных в юридических документах устойчивых выражений, использующий понятие fuero (фуэро). Сюда также можно отнести образованные от него лексемы foralidad и foralismo, активно употребляющиеся в современной испаноязычной прессе.

Основными значениями фуэро следует признать следующие: 1) льгота, привилегия; особое право; преимущество; прерогатива, исключительное право; 2) юрисдикция; компетенция; 3) суд, судебный орган; 4) судопроизводство; 5) кодекс, свод законов; закон; законодательство; 6) общее право; 7) право. А также возможные устойчивые словосочетания и фразеологизмы: disfrutar de fuero — пользоваться привилегией; magistro de fuero — судья; и целый перечень различных разновидностей и областей права: вспомогательное право, торговое право, общее право, конституционное и т. д., которые не переводятся привычным в общелексических словарях термином derecho: fuero auxiliar — fuero comercial и т. д. Испанский юридический текст характеризуется наличием многочисленных устойчивых выражений и клише, которые в различных языках имеют не совсем одинаковую интерпретацию. Исследуя понятие фуэро, важно обратить внимание на некоторые стандартные обороты речи, такие как варианты сочетания renuncia-al-fuero-propio (renunciando expresamente al fuero propio), часто воспроизводимые в испанских юридических документах. Отсутствие правильного перевода этой распространенной формулы может повлечь за собой серьезные юридические ошибки, поэтому в языковых парах, например, русский — испанский, необходимо вырабатывать унифицированные стандарты.

Иванова Анна Викторовна,
к. ф. н., старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

«Тихая охота» в каталанской языковой картине мира

В Каталонии традиция сбора грибов возведена в национальный культ и, также как и в Стране Басков, уходит корнями в глубокую древность (мегалитические сооружения, фрески, изображающие Древо познания в виде Arbre-fong, букв. «дерево-гриб» и т. д.). Каталонцы, идентифицирующие себя как *un poble micòfil* (букв. «микофильная» нация), противопоставляют себя и в этом вопросе всей остальной «микофобной» Испании. Здесь ежегодно проводятся *Jornades Micológiques* (букв. «грибные фестивали»), на телевидении с успехом идет уже 11-й сезон телешоу *Caçadors de bolets* («Охотники за грибами»*),* активно разрабатываются грибные туристические маршруты как очень популярный рекреационный ресурс.

Фрагменты описания «тихой охоты» нередко встречаются в произведениях каталанских писателей (так, методом сплошной выборки из текстового корпуса каталанского языка (CTILC) в разделе «Художественная литература» было выявлено 142 таких эпизода).

В отличие от универсальной естественно-научной системы латинских номинаций грибных тел, в бытовом разговорном языке и в художественной литературе находит отражение богатая «народная таксономия», основанная на разнообразных мотивационных признаках, которые связаны с множеством факторов (географическими, климатическими, ландшафтными, фактором восприятия цвета, формы, запаха и др). Ср. *rovellons «рыжики красные» ← rovell «ржавчина» + -ó(-ón*), букв. «имеющий ржавчину»; pinetells «рыжики обыкновенные» ← pi «сосна» + -ed(et) + ell «(растущие) в сосняке, букв. ‘соснянки’»; El lleterol (de bedoll) «волнушка» ← лат. lactariolu, dim. de lactariu, букв. ‘из молока’, «млечник» (березовый).

По данным лексикографических источников [DCVB; DECLC; DGLC; DIEC], в современном каталанском языке насчитывается более трех десятков паремиологических единиц, содержащих миконимы (ср. *Gent de poblet, gent de bolet*; *Any de rovellons, neu fins als collons* и др.) В каталанской фразеологии на основе антропоцентрических коннотаций наблюдается явление микоморфии. Под термином«микоморфизм» понимается лексико-семантический вариант миконима, использующийся в качестве метафорической характеристики внешнего вида, качеств характера, поведения человека.

По аксиологическому признаку коннотации миконимов разделяются на три группы: с мелиоративной (*Conservar-se com un rovelló* «хорошо выглядеть» (о пожилом человеке)), пейоративной (*estar tocat del bolet* «быть не в своем уме») и «нейтральной» (ср. *ésser un bolet* «быть маленького роста») оценкой. Кроме того, культурно-этнографические сведения (мифы, легенды, сказки), соотносимые с эмпирическим знанием народа, с его эмоциональным или ценностным отношением к обозначаемому, позволяют рассматривать миконимы в семиотическом ключе как важную составляющую каталанской языковой картины мира.

Какзанова Евгения Михайловна,
д. ф. н., профессор, Российский университет дружбы народов (Москва)

Цветовая символика в немецких и английских фразеологизмах (на примере фразеологизмов с прилагательным blau/blue)

В любое время и в любой культуре цветообозначения играют существенную роль в жизни людей. Как правило, они дают информацию об осмыслении картины мира различными культурами. Цвета — это носители символов, поскольку обозначающее и обозначаемое в них неразрывно слиты, что не противоречит возможности их интерпретации. Цвета имеют предметное содержание, определенное их символической функцией [Яньшин, 2001: 50]. Цвета выражают важные для жизни и деятельности человека понятия и идеи [Яньшин, 2001: 51]. По мнению П. В. Яньшина, цвет как символ не является результатом человеческого творчества; выявление символического содержания цвета — результат сотворчества природы и человека [Яньшин, 2001: 56]. В языке символы находят свое отражение в т. ч. и в устойчивых словосочетаниях [Hofmannová, 2004]. Для настоящей статьи мы выбрали все фразеологизмы с цветообозначением *blau*, представленные в Немецко-русском фразеологическом словаре Л. Э. Биновича и Н. Н. Гришина [Бинович и др., 1975] и сравнили их с английскими фразеологизмами, имеющими аналогичное значение. Цветообозначение *blau* рассматривалось во фразеологизмах как в качестве прилагательного, так и в качестве субстантивированного прилагательного. Общее количество немецких фразеологизмов составило 22 единицы. Аналогичные английские соответствия, в состав которых также входит какое-либо цветообозначение, составили 11 единиц. Таким образом, 11 немецких фразеологизмов с цветообозначением *blau* (50 %) не имеют аналогов в английском языке — *blaue Bohnen* (пули), *j-m blauen Dunst vormachen* (морочить голову, втирать очки), *sein blaues Wunder erleben* (услышать что-либо диковинное), *blau sein wie ein Veilchen* (пьяный в стельку), *j-m wird es blau und grün vor den Augen* (кому-то тошно), *j-n blau und grün ärgern* (довести кого-либо до белого каления), *j-n blau und grün schlagen* (накостылять кому-то), *das Blaue vom Himmel herunter lügen* (наврать с три короба), *das Blaue vom Himmel herunter reden* (болтать без умолку), *das Blaue vom Himmel herunter versprechen* (обещать всё что угодно), *ins Blaue hinein* (наобум, на авось). Как известно, цветообозначение *blau* в немецком и *blue* английском языках выражает понятия «синий» и «голубой». А. П. Василевич объясняет тот факт, что русский язык — практически единственный, где для обозначения синих оттенков цвета существует два термина, тем, что синий цвет традиционно связывался в русском национальном сознании с местом обитания темных сил, враждебных человеку. Отрицательная коннотация слова «синий» не могла не сказаться и на его употребительности: оно было в определенной мере табуировано [Василевич, 2003].

Литература:

1. *Василевич А. П.* Языковая картина мира: Методы исследования и прикладные аспекты: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jazykovaja-kartina-mira-cveta-metody-issledovanija-i-prikladnye-aspekty.html

2. *Яньшин П. В.* Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта // Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2001. 389 с.
3. *Hofmannová J.* Farbbezeichnungen als phraseologische Komponenten im Deutschen und im Tschechischen//Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis. R 9. 2004. S. 163–177.

Ковтунова Елена Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Компоненты в составе немецких деспециализированных фразеологизмов

Под деспециализированными фразеологическими единицами (далее ФЕ) мы понимаем устойчивые сочетания, которые мигрировали в общенациональный язык из специальных сфер (допрофессиональных, традиционно-профессиональных, новых профессиональных, научных и непрофессиональных). В немецком языке такие фразеологизмы занимают значительную нишу как по количеству, так и по значимости для общего фразеологического фонда немецкого языка. Материалом послужили образные деспециализированные ФЕ немецкого языка. Двуплановость семантики таких единиц возникает за счет того, что прямое специальное значение исходного сочетания соотносится с целостным фразеологическим значением, такое взаимодействие и создает образность ФЕ.

Наше исследование посвящено определению роли внутренней формы и отдельных компонентов в формировании нового общеязыкового фразеологического значения на базе специального (терминологического, профессионального). Анализ показал, что большинство немецких деспециализированных ФЕ содержат в качестве вершинных компонентов терминологически или профессионально маркированные лексемы, часто известные не только узким специалистам. Вершинные компоненты ФЕ из рассмотренных специальных областей восходят к т. н. консубстанциональным словам, лексическим единицам, которые одновременно могут считаться и общеупотребительными, и специальными. Будучи принадлежностью и специальной, и повседневной коммуникации, именно семантика этих лексем является одним из условий деспециализации и фразеологизации специальных сверхсловных единиц.

Из области мореплавания в общелитературный немецкий язык были перенесены ФЕ с вершинными субстантивными компонентами *Schiff, Segel, Deck, Flagge, Bord, Ruder*, из сферы охоты — ФЕ с компонентами *Spur, Sprünge, Schliche, Falle, Hasenpanier, Fährte, Schlinge, Leim, Wind*, из технических областей — ФЕ с компонентами *Leitung, Draht, Wellenlänge, Weiche* и т. д. С некоторыми из этих компонентов в общенемецкий фразеологический фонд приходят сразу несколько устойчивых специальных сочетаний из одной или разных профессиональных сфер. Например, вершинный компонент *Leim* с семантикой '*wasserlöslicher, zähflüssiger Klebstoff, besonders zum Verleimen von Holz und Papier*' встречается и в составе ФЕ *aus dem Leim gehen* '[von etwas, was aus zusammengefügten Teilen besteht] entzweigehen, sich in

seine Einzelteile auflösen; [von einer Freundschaft, Bindung] zerbrechen; dick werden' из ремесленной или специальной бытовой сферы, и в составе ФЕ из области охоты *jmdm. auf den Leim gehen/kriechen* 'auf jemanden, jemandes Tricks hereinfallen; sich hereinlegen lassen' и *jmdn. auf den Leim führen/locken, überlisten.* В данном случае *Leim* является усечением от *Leimrute* 'mit Leim bestrichene Rute zum Vogelfang', mhd. *līmruote* (обмазанный клеем прутик, служивший для ловли птиц).

Краснова Елена Всеволодовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности индивидуально-речевого словосложения в датском языке

1. Отмеченное на материале разных языков увеличение продуктивности бинарной номинативной модели N+N и широкое использование в речи неузуальных субстантивных композитов актуализирует проблему механизмов их создания и делает ее чрезвычайно интересной для общетеоретического рассмотрения.
2. Тенденция к развитию индивидуально-речевого сложения лексем в датском языке проявляется, с одной стороны, в увеличении количества встречающихся в устной речи и на страницах газет окказиональных номинативных единиц, с другой стороны, в расширении диапазона возможностей при создании субстантивного композита.
3. Глагольные композиты в скандинавских языках обычно оказывается на периферии исследований. Вместе с тем композиты со вторым глагольным компонентом, хотя и уступают по частотности и продуктивности образованиям модели N+N, не являются «застывшей» группой в современных скандинавских языках и, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения.
4. При создании субстантивных окказиональных композитов говорящий зачастую не столько создает новый композит, сколько обращается к определенной модели. Подобная «аналоговая модель» действует и при образовании глагольных композитов, позволяя создавать целый ряды однотипных образований.
5. В качестве первого компонента в глагольных композитах чаще всего используются существительные или прилагательные. Сложные глаголы с прилагательным в качестве первого компонента оказываются чрезвычайно продуктивными и образуют открытые ряды. Композиты-неологизмы со вторым глагольным компонентом или окказиональные глагольные образования получают распространение в устной речи, а также в газетном языке, поскольку компактные формы привлекают читателей газет своей необычностью.
6. Хотя статус образованных в результате ретроградной деривации сложных глаголов имеет дискуссионный характер, невозможно их игнорировать при изучении особенностей индивидуально-речевого словосложения. Эти композиты образуются по аналогии с существующими

моделями, заполняя лакуны в рядах производящих баз, при этом количество их постоянно растет.

7. Окказиональные композиты, позволяющие говорящему использовать возможности, которые заложены в системе языка, наглядно демонстрируют креативные ресурсы языка и механизмы создания сложного слова.

Кузнецова Ирина Николаевна,
д. ф. н., заведующий отделом,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лексическая интерференция в семасиологическом и функциональном аспектах (на материале французского и русского языков)

Общеизвестно, что изучение интерференции в лингвистической науке стало развиваться со второй половины прошлого века после выхода в свет ставшей классической монографии Уриэля Вайнрайха «Языковые контакты». Вслед за У. Вайнрайхом интерференция стала определяться как наложение одной языковой системы на другую в сознании многоязычного носителя, которое может спровоцировать фонетическую, лексическую и/или грамматическую ошибку в зависимости от того, на каком уровне проявляется действие интерференционного механизма.

По мнению автора данного доклада, лексическая интерференция может быть представлена и изучена и как особое явление лексикологии — явление лексического смешения и его можно определять как двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их фонетическим сходством и проистекающим из него семантическим уподоблением, которое приводит к непроизвольному (ошибочному) или произвольному (стилистическому) отклонению от языковой нормы.

При таком понимании интерференции можно выделить три типа интерференционного лексического взаимодействия: смешение схожих слов внутри одного языка — паронимия; смешение схожих слов при контакте двух языков — диапаронимия, или более распространенный термин «ложные друзья переводчика»; паронимическая аттракция, или парономазия, как особое выразительное средство языка.

Анализ формальных и семантичесих связей паронимов, диапаронимов и паронимических аттрактантов подводит нас к определению места интерференционных единиц в знаковой системе языка, характеризуемой известным положением С. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака.

Совпадение двух знаков в плане выражения приводит, в терминах С. Карцевского, к омофонии, совпадение их в плане содержания — к изосемии. На конкретно лексикологическом уровне этим понятиям соответствуют понятия омонимии и синонимии. Опираясь на указанное положение С. Карцевского по отношению к феномену лексической интерференции,

следует отметить, что разветвление означаемого и означающего может не достигать своих пределов. Сходство формы и содержания приближает два знака друг к другу, но не до полного совпадения. На этом этапе и возникает лексическая интерференция.

Функциональный аспект лексический интерференции представлен пятью компонентами: конденсацией текста или контекста, репродукцией, наличием двойного смысла, нарушением языковой нормы и созданием эффекта неожиданности. Семасиологический и функциональный аспекты лексической интерференции будут раскрыты в докладе на конкретном языковом материале.

Курбанова Камилла Искандеровна,
к. ф. н., преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лексические особенности французского языка в Валь д'Аосте

Валь д'Аоста, один из пяти автономных регионов Италии, граничит с Францией (департамент Савойя) и Швейцарией (кантон Вале) и является ареалом распространения сразу трех романских языков: итальянского, французского и франкопровансальского (носители франкопровансальского зачастую называют свой язык *patois valdôtain* или просто *patois*, т. е. «местное наречие, говор»). Только два из вышеперечисленных языков наделены официальным статусом — итальянский и французский.

Сложившееся многоязычие (билингвизм, в некоторых случаях трилингвизм) не могло не повлиять на лексическое своеобразие вальдостанского варианта французского языка. В первую очередь, это связано с включением в словарь в разной степени ассимилированных заимствований из итальянского и патуа: например, *tabaquerie* от итал. *tabaccheria* «табачная лавка» вместо французского *bureau de tabac* или *rabailleur* от франкопровансальского *rabailleur, rabeilleusa* «целитель, костоправ». К этой группе примыкают разного рода кальки с итальянского и франкопровансальского. В качестве примера фразеологических калек приведем следующие выражения: toucher le ciel du doigt «быть на седьмом небе от счастья» от итал. toccare il cielo col dito с идентичным значением и laver la chemise à quelqu'un «перемывать кому-либо кости/косточки» от франкопрованс. *lavé la tsemise a quatsun.*

Во-вторых, довольно значительный пласт составляют архаизмы: в вальдостанском фрацузском до сих пор употребляются архаичные формы числительных (*septante* «семьдесят», *huitante* «восемьдесят», *nonante* «девяноста»), устаревшие названия приемов пищи (например, в композите *après-dinée* «время после полудня» зафиксирован корень *dinée* «обед», что соответствует французскому *dîner* «ужин», а собственно «обед» во французском языке Франции *déjeuner*.

В-третьих, как и любому региональному варианту, вальдостанскому французскому свойственно создание новых слов по французским словообразовательным моделям (из французских и/или иноязычных формантов), например, *mère-fille* «мать-одиночка» (ср. с франц. *fille-mère* и итал. *ragazza madre*), а также образование собственно вальдостанских устойчивых сочета-

ний: Il est comme une pierre dans un mur — дословно «как камень в стене», т. е. «крепко стоит на ногах».

В рамках нашего исследования в июле 2015 г. было проведено анкетирование франкоязычных вальдостанцев разного возраста и социального положения. В докладе будут представлены основные результаты данного опроса, целью которого было выявить современное состояние лексики французского языка в Валь д'Аосте, провести анализ частотности употребления вальдостанских лексических особенностей в зависимости от той или иной возрастной группы.

Автор выражает благодарность Департаменту образования и культуры автономного региона Валь д'Аоста за помощь в сборе материалов.

Кустова Елена Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет

Эмотивные единицы как средство формирования аргументативного плана речевой интеракции

Доклад подготовлен при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029).

В контексте современных исследований в лингвистической семантике и прагматике как составляющих социолингвистического интеракционизма аргументация рассматривается как особый ценностно-ориентированный макротип коммуникативного акта, имеющий свои особые условия успешности. Иллокутивная цель акта аргументации — повлиять на выбор, производимый адресатом в процессе принятия решения. Аргументативный акт отличается специфической структурой, складывающейся из последовательности тезисов, аргументов и заключения, вывода.

Выделяются несколько компонентов аргументативного диалогического дискурса: пропозициональный компонент, модальный компонент, включающий иллокутивную составляющую, пресуппозициональную составляющую, установочную составляющую (информация об ожиданиях, склонностях, желаниях говорящего, т. е. эпистемические и аксиологические установки, связанные с идеологической и т. д. компетенцией говорящих). Аргументации свойственны такие черты, как персуазивность (указание на достоверность сообщаемого) и авторизация (указание на источник сообщения), а также зависимость от социокультурного контекста. Кроме того, отмечается зависимость, существующая между структурой диалогического дискурса и аргументативной стратегией говорящих.

Функция эмотивных речевых единиц (ЭРЕ) как аргументативных интенсификаторов связана с актуализацией пресуппозиции (указание на фоновые знания, предполагаемые намерения собеседника и т. п.). Употребление ЭРЕ (междометия, частицы, речевые коннекторы) позволяет говорящему подчеркнуть очевидность аргумента/тезиса, что является эффективной аргументативной стратегией. Аргументативный акт состоит из противонаправленных высказываний, аргументов «за» и «против», что свойственно как речевому взаимодействию, так и внутреннему рассуждению, основанному на внутреннем диалоге. Аргументативные коннекторы-ЭРЕ

вносят элемент экспрессивности и маркируют момент принятия решения, нахождения аргумента, деля пропозицию на «пропозицию» и «антипозицию». ЭРЕ совмещают аргументативную и интерперсональную функции, маркируя аргументацию как процесс, тесно связанный с иллокутивным и интерперсональным аспектами речевого взаимодействия, с оппозицией «конфронтация/сотрудничество», с речевыми актами согласия/несогласия, с иллокутивным вынуждением (просьба-согласие/отказ, упрек-оправдание и т. п.).

Таким образом, в аргументативном дискурсе ЭРЕ выполняют функцию маркеров аргументативно значимых высказываний (аргументов, выводов).

Кутькова Анастасия Владимировна,
к. ф. н., старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Quiubo parce. Размышления об образовании и функционировании некоторых речевых формул в колумбийском жаргоне парлаче

Парлаче — относительно новый социолингвистический феномен, до сих пор не получивший широкого освещения в отечественной испанистике. Жаргон парлаче становится заметен в 1980-х гг. и изначально представляет собой «тайный язык» маргинальных социальных слоев Медельина. В сравнительно короткие сроки парлаче превращается в средство эмоциональной экспрессии, игрового словоупотребления и становится неотъемлемой составляющей повседневной коммуникации современного Медельина. Несмотря на относительную изученность данного явления, парлаче до сих пор успешно выполняет свои функции «тайного языка» и вводит в замешательство не только иностранцев, но и выходцев из других районов страны. Интересующие нас жаргонизмы широко используются в средствах массовой информации, без них невозможно представить современные фильмы и тексты художественной литературы о жизни молодежи; парлаче лежит в основе текстов молодежных песен, а также рекламы, объявлений, граффити. Речевые формулы, связанные с вступлением и завершением коммуникации, дают богатый материал для исследования данного социолингвистического феномена, поскольку обнаруживают и позволяют проанализировать не только структурные особенности исследуемого типа жаргонизмов, но и сложности интерпретации, возникающие как в процессе перевода, так и в условиях межличностного взаимодействия. Так, к примеру, на страницах журнала «Эль Эспектадор» колумбийский писатель Э. Абад Фасьолинсе, рассказывая о работе с переводчиком своего романа «Angosta» на китайский язык, среди фраз, приводящих переводчика в исступление, упоминает прощание, понятное только жителю Медельина: «Tolis, gonorsofia, ahí nos pillamos, toobien». Подобных примеров немало. Среди структурных особенностей интересующих нас речевых формул, мы выделяем те, которые связаны, во-первых, со специфической расслабленной артикуляцией и повышенным темпом речи: различного типа усечения (entoes, toobien, pa'qué, parce) или, наоборот, произвольные удлинения основ (queubas). Во-вторых,

поскольку парлаче возник как «тайный язык», с целью сбить с толку непосвященных, то в нем широко используется прием т. н. ресемантизации, заключающейся в том, что существующим и хорошо известным словам присваивается новое значение на основе метафорического или метонимического переноса или простого фонетического и графического сходства (¡Nos pillamos!, ¡Nos vidrios!, ¡Suerte!), а также силлабическая инверсия, пришедшая в парлаче из аргентинского лумфардо (¡Tesuer!), иностранные заимствования, преимущественно из английского языка (¡By!). В случае парлаче следует говорить о лексикализованных, но не абсолютно устойчивых единицах, поскольку, как любой жаргон, он находится в процессе постоянного изменения и активного развития.

Литус Владимир Петрович,
старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Фразеологические единицы с этнонимом *chino* в испаноязычном ареале

Фразеологические единицы (ФЕ) на основе этнонимов в большинстве языков обладают пейоративной коннотацией. Это связано с бытованием такого социокультурного феномена, как противопоставление «свой-чужой» (С-Ч), являющегося одним из проявлений самоидентификации на начальном этапе становления личности и этноса. Проявления противопоставления С-Ч объяснимы с точки зрения поведенческих реакций индивидуума и социума. Обилие или, наоборот, почти полное отсутствие ФЕ с этнонимами характеризует степень зрелости общества, ее морально-нравственные константы. Нормы морали и права в развитом обществе жестко контролируются и самим обществом, и государственными институтами. Законодательные акты в силах регулировать отношения различных социумов и отношения внутри социума, но не способны полностью взять под контроль стихию разговорного языка. И, таким образом, разговорный язык более чутко и динамично реагирует на раздражители внутри общества и изменения внешней ситуации и среды.

Испанский язык не является исключением с точки зрения наличия в нем ФЕ с этнонимами. Появлением в языке данных единиц связана, с одной стороны, с историей собственно Пиренейского полуострова — военные конфликты, завоевательные походы, междоусобицы и вооруженное противостояние внешним врагам, с другой стороны, покорение народов обеих Америк и некоторой части Азии. Все эти факторы отразились в языке, обнаружив немалое количество ФЕ с этнонимами.

Весьма интересными оказываются ФЕ с этнонимом *chino*. Из более чем трех десятков ФЕ с этим элементом, приведенных во фразеологических словарях и имеющих хождение не только в Испании, но и в Латинской Америке, в большинстве случае подобные обороты несут четко выраженную пейоративную коннотацию. Даже употребляемая обособленно, вне функционирования оборота, словарная единица *chino/china* обладает пейо-

ративной окраской. *Chino* в значении *китаец/китайский* оказывается, в лучшем случае, только третьим лексико-семантическим вариантом. И только на Кубе *chino/china* обладает положительной или условно нейтральной коннотацией, поскольку традиции, привнесенные китайской волной эмиграции во второй половине XIX в. оказали глубокое влияние на становление особой кубинской культуры и языковых особенностей жителей острова.

Манерова Кристина Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О метаязыковой концепции немецких фразеологических словарей (на примере словарей Г. Шеманна)

1. Лексикографическая кодификация фразеологизмов и устойчивых словосочетаний в немецком языке начинается в XVI в., ср. словарь Иоганна Фриза Der Große Fries oder Dictionarium Latinogermanicum (1556) или же Die Teütsch spraach Й. Маалера (1561). Идея фиксации фразеологизмов в отдельных разделах словарей или в отдельных специальных словарях (Phrasium, Neben-Dictionaria) принадлежит Готфриду Лейбницу, что позволяет утверждать о появлении метаязыковой концепции фразеологических словарей в конце XVII в. Современные немецкие фразеологические словари выходят с середины XX в. как в восточной, так и в западной Германии.
2. Принцип организации лексики в немецких фразеологических словарях, как правило, подчинен алфавитному принципу, как, например, в словаре Redensarten-Duden. Особый тип фиксации фразеологизмов представлен во фразеологических словарях д-ра Ганса Шеманна. Г. Шеманн, фразеолог, романист по образованию, является автором монографий, а также одноязычных и двуязычных контрастивных фразеологических словарей. Два немецких словаря Г. Шеманна — словарь фразеологических синонимов Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten (1991) и словарь контекстуального употребления идиом Deutsche Idiomatik (2011) — отличает оригинальная, разработанная автором метаязыковая концепция с учетом нескольких подходов к анализу и восприятию фразеологического материала. Словарь фразеологических синонимов разработан по принципу идиографического словаря, учитывающего понятийные поля, и является единственным словарем подобного типа в немецкой фразеографии. Соединение ономасиологического, семасиологического и ассоциативного подходов определили комплексную концепцию словаря согласно тематическому (точнее, контекстуально-ситуативному) принципу организации словника. Отдельный интерес представляет собой выделение архилексем (метазнаков) в подгруппах.
3. Словарь контекстуального упортребления идиом Deutsche Idiomatik (2011) Г. Шеманна представляет собой алфавитно упорядоченный фразеологический словарь-справочник, объемный эмпирический материал которого (33 тыс. идиом) составляют примеры фразеоупотреблений

в разных типах дискурса (например, литературный, медийный). Учтены диастратические, диафазические и диатопические, возрастные, гендерные и др. аспекты употребления, для маркирования названных аспектов разработана развитая система метапомет. Метаязыковая концепция фразеологического словаря-справочника базируется на современном состоянии немецкой идиоматики: в словаре учтена хронологическая соотнесенность фразем. Словнику предшествует обширная вводная часть, в которой автор излагает воззрения на современную фразеографию. Оригинальная метаязыковая концепция представляет собой новое в лексикографической практике.

Мёд Наталия Григорьевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Семантический потенциал этнонимов и макротопонимов во фразеологии и паремиологии романских языков

Языковые способы выражения этничности занимают важное место в межкультурных и межэтнических отношениях. Этнонимы и тесно связанные с ними макротопонимы являются основными маркерами признака этничности, обозначая их реальную соотнесенность с называемым объектом. Однако в языковой картине любого этноса имеется оппозиция «свой — чужой», отражающая стереотипные и, как правило, субъективные представления о себе и о чужих, причем национальному человеку (термин Н. Бердяева) свойственно оценивать чужих с позиции превосходства собственного этноса. И в данной оппозиции этнонимы приобретают различные коннотации, связанные с историческими и культурными ассоциациями и содержащие оценочные суждения о предмете речи. Именно в этнонимах и макротопонимах, как компонентах фразеологизмов и паремий, отражаются особенности национального мировидения в области межэтнических отношений. Этнонимические и макротопонимические коннотации включают оценку поведения, внутренних и физических качеств людей той или иной национальности. Анализ этнонимов и макротопонимов в составе фразеологизмов романских языков (испанского, французского, итальянского и португальского) показал, что каждый язык обладает своим собственным ассоциативным восприятием «чужого», вычленяя в значении этнонима или макротопонима значимые для своей лингвокультуры преимущественно негативные приращения смысла. Например, этическая оценка жадного человека в испанском языковом сознании ассоциируется с образом русского, не тратящего денег на религиозные реалии по причине своих атеистических убеждений: gastar menos que un ruso en catecismos (букв. «тратить меньше, чем русский на молитвы», перен. «быть жадным человеком»), а макротопоним «Россия» в итальянском фразеологизме «far Russia» (букв. «делать Россию», перен. «создавать беспорядок, конфликтную ситуацию») приобретает значение неразберихи, сумятицы, видимо, в силу бытующих за рубежом представлений о России, постоянно продолевающей трудности. Аналогичное значение наблюдается и в бразильском варианте

португальского языка: a coisa está russa (букв. «русская вещь», перен. «серьезная проблема, трудность»). Особый интерес представляют существующие в романских языках этнические стереотипы, сформированные на основе взаимных представлений друг о друге и отражающих различные аспекты многовековых межгосударственных отношений.

Мельгунова Анна Владиславовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Типы синестетических конструкций в романе М. Сутера «Der Teufel von Mailand»

Синестезия как особая форма метафоры играет важную роль в художественной литературе. Под синестезией понимается «сочетание в одном слове или словосочетании обозначений двух различных чувств, из которых одно наименование приобретает абстрактное значение» [Брандес, 2000: 371]. Многие синестетические сочетания вошли в наш повседневный язык, например, kalte, warme, schreiende Farben «холодные, теплые, кричащие цвета». В художественной литературе мы часто имеем дело с окказиональными синестетическими конструкциями, т. к. они используются для описания самых разнообразных субъективных переживаний и ощущений героев произведения. Следует сказать, что данный стилистический прием присутствует не во всех художественных произведениях. А в тех, где он имеется, он может играть особую роль. Например, в романе П. Зюскинда «Парфюмер» первостепенную роль играют обозначения запахов и их сочетания с обозначениями других типов чувственного восприятия. Мы рассмотрим данную тему на примере романа швейцарского писателя Мартина Сутера «Миланский черт». Широкое использование приема синестезии объясняется особенностями главной героини, обладающей синестетическим восприятием окружающего мира, при котором различные типы восприятия совмещаются. В романе присутствует определение синестезии (не как стилистического приема, а как особенности восприятия), которое приводится в диалоге персонажей, обсуждающих ощущения такого рода. При этом используются лексические единицы Synästhetikerin, Synästhesie, synästhetisch. «*Synästhesie* kommt aus dem Griechischen und heißt soviel wie *Mitempfindung. Die Wahrnehmungen verknüpfen sich. Geräusche bekommen Farben oder Formen. Berührungen duften oder schmecken*» [Suter, 2006: 112]. «*Синестезия* в переводе с греческого обозначает *„совместное чувство“. Виды восприятия объединяются. Звуки получают цвета и формы. Прикосновения имеют запах или вкус*». Синестетические конструкции в романе не однотипны — как по структуре (синестезия реализуется в предложении или комплексе предложений, в словосочетании), так и по видам сочетаемых обозначений чувственного восприятия.

Например:

- **Зрение + слух:**
  Für einen kurzen Moment *sah* Sonia ihre *Stimme*. Sie *war* <…> *von einem staubigen Grau*, das sich kaum abhob vom Dunkel des Tunnels [Там же: 35].

«На какое-то мгновение Соня *увидела её голос.* Он *был пыльно-серым* и почти не отличался от темноты тоннеля».

- **Обоняние + зрение + осязание:**
  Die Luft *roch rund* und *weich* [Там же: 254]. «*Запах* воздуха *был круглым и мягким*».

В докладе будут рассмотрены различные типы синестетических конструкций в романе.

Литература:

1. *Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 2000.
2. *Suter M.* Der Teufel von Mailand. Zürich: Diogenes, 2006.

Миретина Мария Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Неологизмы, зафиксированные в словаре французского языка Robert 2014 г., и их встречаемость на интернет-порталах

Изменения во всех сферах человеческой деятельности, научно-техническая революция XX в. и уже XXI в. постоянно вызывают появление новых понятий и явлений, в результате чего мы наблюдаем появление новых слов.

Словарный состав — наиболее изменчивая, проницаемая и подвижная сторона языка, которая «непосредственно реагирует на то, что происходит в мире реалий», в ней непосредственно отражаются наши представления о различных явлениях внеязыковой деятельности». Создавая неологизм, язык демонстрирует свою жизнеспособность и богатство, стремясь к развитию, а не к деградации.

Словари обычно отстают в фиксации неологизмов, но последние тенденции констатируют фиксацию наиболее употребительных и кажущихся приемлемыми слов в одном из самых известных французских словарей Robert 2014 г.

Некоторые слова, предлагаемые словарем Robert издания 2014 г., кажутся не просто странными, а нарочито негодными для предоставления в качестве языковой нормы для широкой публики. Так, например, в 2013 г. в словарь Robert вошли следующие слова: «lol» («laugh out loud» — английское заимствование, французский аналог «rire tout haut», русский аналог — «ржу, не могу») и глагол из арго «comater» (французский синоним «somnoler, sembler être dans le coma», русский аналог — «дрыхнуть, находиться в отключке»).

Итак, в 2014 г. в словарь Robert были включены следующие слова:

I. Бельгицизмы: 1) Un brol (беспорядок, хаос, беспорядочное нагромождение); 2) Agender (записывать событие / дату / встречу в ежедневнике); 3) Une fricadelle (фрикаделька) и т. д.

II. Канадизмы: 1) Un bas-culotte (колготки, французский вариант «un collant»); 2) Bourasser (грубо обращаться, доставлять неприятности, нападать, не давать покоя, ворчать); 3) Un patenteux (Кулибин, изобретатель) и т. д.

Еще не все новые слова, зафиксированные словарем Robert, плотно закрепились в повседневном обиходе людей и встречаются довольно редко, или же вообще пока не вошли в употребление. Однако ежегодно в словарях появляются всё больше и больше новых слов, тем самым обогащая язык и делая его современным и соответствующим новым реалиям и тенденциям.

Москалева Анна Сергеевна,
соискатель, Российская таможенная академия (филиал во Владивостоке)

Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования лексической синонимии в языке международного права

Сегодня расширение международного сотрудничества государств, правительственных и неправительственных организаций, интеграционных процессов мировой экономики все дальше выходит за рамки национальной юрисдикции и значительно опережает процесс выработки институциональных правовых основ межгосударственного регулирования. Разработка и внедрение в практику надлежащего свода норм, стандартов и правил, соглашений и конвенций, регламентирующих международные отношения в различных сферах человеческой деятельности, осуществляются совместными усилиями специалистов в области международного права. Специфика лексико-семантических средств английского языка, функционирующих в текстуальных формах международного права, состоит в том, что, будучи национальной по форме, она призвана быть интернациональной по содержанию в силу интеграционности законов развития науки и техники. В связи с этим встает вопрос о понимании осознанного включения в англоязычные тексты международного права лексических средств — терминов и не терминов, находящихся в отношениях синонимической корреляции. В данном докладе представлен опыт интерпретации лексической синонимии и описание коммуникативно-прагматических аспектов ее функционирования в текстах международного права. Исследование выполнено методом триангуляции — перекрестного анализа, включающего сбор корпусных данных (корпусный анализ), и логико-семантического анализа контекстных ситуаций функционирования лексем. Результаты исследования приводят к следующим заключениям общего характера: в дифференциации лексических синонимов важную роль играет мена таксономической категории как параметра значения у глагольных, субстантивных и адъективных лексем, акцентный статус компонентов значения исследуемых лексем и их коммуникативный ранг, таксономический класс участников ситуаций означивания, маркированность/немаркированность компонента. Следующие прагматические характеристики текстов международного права как статусно-ролевые отношения коммуникантов, их институциональный статус, хронотоп (время и место), цели, ценности и стратегии объясняют мотивированность функционирования синонимичных лексем в текстуальных формах международного права. Основной вывод исследования заключается

в том, что под воздействием различных экстралингвистических факторов в языке международного права формируются собственные синонимические парадигмы лексических средств английского языка, коммуникативно-прагматический аспект функционирования которых следует учитывать при создании адекватного перевода с русского языка на английский.

Найденова Наталья Сергеевна,
д. ф. н., доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Использование этнокультурных стереотипов в современном испанском рекламном тексте: лексико-семиотический аспект

Этнокультурные стереотипы, представляющие собой обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа или его культуры, обретают широкое использование в современном рекламном дискурсе. Необходимость изучения эволюции восприятия этнокультурных стереотипов и их привлечения в качестве основы для создания рекламного сообщения, призванного подчеркнуть самобытность культуры адресата в современных условиях гомогенизации мировых культурных процессов, объясняет актуальность проведенного исследования. Его новизна обусловлена выбором лексических и семиотических средств в качестве предмета исследования, что позволяет выявить совокупность не только экстралингвистических, но и собственно языковых параметров создания этноспецифического рекламного текста. В 2012 г. в Испании была начата государственная программа Marca España, направленная на повышение престижа международного имиджа страны в экономической, социокультурной и научной сферах. Она находит отражение и в коммерческой сфере. Примером может послужить рекламная кампания фирмы «Citroën», построенная на транспозиции стереотипов об Испании в коммуникативные ситуации с участием представителей самых различных лингвокультур (английской, норвежской, немецкой, сингапурской и финской) и достижении за счет этого комического эффекта. Лексическое наполнение и структура рекламного текста свидетельствуют о стремлении его создателей к принципиально новому представлению этнокультурных стереотипов. Так, во всех фразах отмечен повтор лексем *cada* (каждый) и *nuestro* (наш), при этом их использование не сочетается с традиционным в этих случаях принципом синтаксического параллелизма. Задействуется и прием антитезы (*aquí — todo el mundo*), призванный подчеркнуть интеграцию локального в глобальный контекст. Выбор лексико-синтаксических и семиотических средств обеспечивает создание эффективного рекламного текста, не только апеллирующего к потребителю, но и отражающего преобладающие черты национального самосознания. При этом специфика построения рекламного сообщения состоит в использовании контраста как на вербальном уровне (антитеза в названии и слогане рекламной кампании), так и невербальном (инкорпорирование элементов культуры адресата в исходно чуждые для них условия).

Парина Ирина Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Корпусный анализ сочетаемости немецких идиом

Тема исследования связана с выполнением практической задачи — составлением и редактированием статей для немецко-русского корпусного словаря «Современная немецкая фразеология», работа над которым ведется инициативной группой под руководством Д. О. Добровольского (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm). В этом словаре значение и употребление фразеологизмов характеризуется на основе данных, получаемых с помощью анализа контекстов из корпусов — в первую очередь корпуса DeReKo Института немецкого языка в г. Мангейм.

Использование корпусов позволяет составить лексикографическое описание фразеологизмов, во многом более подробное, чем то, которое дано в традиционных одно- и двуязычных словарях. Так, до сих пор мало внимания уделялось внешней сочетаемости адвербиальных фразеологизмов (таких как *wie aus der Pistole geschossen, wie ein geölter Blitz, mit/in einem Affenzahn)*. На основании словарных толкований и примеров употребления в [Duden] и предлагаемых в [БНРС] соответствий можно сделать вывод о том, что эти фразеологизмы указывают на быстроту выполняемого действия, однако не вполне ясно, сочетаются ли они с глаголами только определенных или любых семантических классов.

Автоматический статистический анализ сочетаемости (Kookkurrenzanalyse) и анализ контекстов «вручную» позволяет уточнить данные о сочетаемости фразеологизмов. Так, идиома *wie aus der Pistole geschossen* сочетается преимущественно с глаголами речи — например, *sagen, antworten, erwidern,* на что указывают и иллюстративные примеры в [Duden]. Кроме того, в контекстах спортивной тематики возможно употребление с глаголами, обозначающими начало действия (*beginnen, starten, loslegen*). В [Duden] оно не отражено.

Корпусный анализ также позволяет выявить различия между фразеологизмами, близкими по значению. Так, фразеологизм *wie ein (geölter) Blitz* сочетается преимущественно с глаголами движения, принадлежащими к разговорному стилю и эмоционально-окрашенными: *fegen, sausen, brausen, spurten*. Идиома *mit/in einem Affenzahn* имеет более широкую сочетаемость и может, например, употребляться в контекстах, где речь идет о высоких темпах строительства.

Различия в сочетаемости имеют значение при выборе русскоязычного соответствия для словарной статьи: так, для *wie ein (geölter) Blitz* более адекватным представляется соответствие «молниеносно, пулей», а для *mit/in einem Affenzahn* — «с дикой скоростью».

Литература:

1. БНРС — Большой немецко-русский словарь по общей лексике / Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под общ. рук. О. И. Москальской. М.: Русский Язык-Медиа, 2004.
2. Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim u. a., 2002.

Передерий Елена Борисовна,
к. ф. н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Образ завоевателя в испанском и русском языковом сознании (на примере паремий с «moro» и «татарин»)

Занимая окраинное положение в Европе, Испания и Русь подверглись завоеванию и многовековому господству со стороны представителей иной цивилизации и религии. Социально-экономические и гуманитарные условия и последствия этих завоеваний имеют много как общих черт, так и различий.

Оставляя в стороне сугубо исторический аспект проблемы, рассмотрим, как этот важнейший период истории отложился в языковом сознании народов. Первое, что необходимо отметить, — это наименование завоевателей. Как монголо-татарское, так и арабское нашествия были, по сути дела, своеобразным вариантом великого переселения народов, в которых участвовали самые разные племена в поисках плодородных земель (юг Пиренейского п-ва) или источника дани (русские княжества). Интересно, что завоеватель не ассоциировался с титульным народом государства-завоевателя.

В случае Испании это были арабы и берберы, делившиеся на роды и племена очень разного происхождения. Местное население стало называть их маврами или арабами, однако в языковом сознании закрепился лишь первый этноним (moros).

Что касается монголо-татарского завоевания, в большом войске кочевников под предводительством монгола Чингисхана было племя татар, сыгравшее роль передового отряда. Существует несколько версий происхождения этого этноса, не имеющего прямого отношения к современному татарскому народу. В частности, предполагается, что татары проживали на юго-востоке Монголии, а сам этноним часто применялся на Руси для именования всех кочевых жителей Великой Степи.

Таким образом, и в Испании, и на Руси завоевателей стали называть по имени наиболее многочисленного племени, принимавшего участие в нашествии. Впоследствии этнонимы обросли дополнительными значениями. Так, moro, среди прочих значений, включает три разговорных лексико-семантических варианта, прямо или косвенно основанных на религиозном противопоставлении. Слово «татарин» как самостоятельная единица в русском языке не получило дополнительных оценочных значений, хотя используется для обозначения одной из разновидностей колючего кустарника.

Для рассмотрения того, как завоеванные и униженные народы видели своих завоевателей, нами были отобраны оценочные паремии, включающие слова «татарин» и «moro» и предположительно восходящие ко времени завоевания.

Анализ паремий показал наличие сходств и различий в когнитивных фокусах, однако в обоих языках доминантным оказалось значение противостояния, «инаковости» с отрицательной оценкой.

Петрова Галина Викторовна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

Семантическое поле слова «страх» в русском и португальском языках

Страх — это предикат эмоционального состояния. Он является одноактантным, т. к. эмоция замкнута внутри субъекта А (экспериенсера). Страх — эмоция градуируемая: ср. русск. *опасение — страх — ужас*, порт.: *receio — temor — medo — assombro — susto — pavor — terror* (в порядке нарастания интенсивности). Эмоция страха обычно описывается тремя способами: (1) Субъект А *испытывает страх* (*опасается, боится*); при этом конструкция указывает на определенную активность субъекта. В португальском языке данной ситуации соответствуют нерасчлененные предикаты *temer, recear* и нерасчлененные предикаты*: ter medo*, *estar (ficar) com medo, sentir medo*. Как правило, в структуре (1) указывается их причина (N): почему А испытывает данную эмоцию. Актант, вводимый предлогом «за» (порт. *por*), является не причиной, а свернутой пропозицией: бояться за В — бояться потери В: *temer pela própria segurança*. (2) Эмоция часто описывается, как некая активная, действующая независимо от субъекта сила, которая завладевает А и заставляет его совершать определенные действия*: E apoderou-se de mim o medo do incompreensível*. (3) Субъект и причина (N) меняются синтаксическими ролями, причина ставится в позицию подлежащего, эмоция выражается каузативным глаголом, а субъект эмоции встает в позицию дополнения: N заставляет А испытывать страх. Нерасчлененные каузативные глаголы в португальском языке представляют собой широкий ряд: *assustar, acobardar, amendrontar, apavorar, assombrar, atemorizar, aterrar,* aterrorizar и др. Расчлененные каузативы представлены оборотами: *dar (meter, fazer, incutir, causar, inspirar, impor) medo*. Причина в конструкции (1) может выражаться одушевленным (*Tinha medo de Jorge*), неодушевленным конкретным (*ele temia funerárias*) или абстрактным существительным (*temer a morte*), инфинитивом (*ter medo de entrar em casa*) и пропозицией (*Temo que isto aconteça*). Причина выражается инфинитивной конструкцией в том случае, если субъект глагола «бояться» кореферентен субъекту инфинитива: Eu *tinha um medo de acabar* na rua. Если эти субъекты не совпадают, употребляется придаточное с союзом *que*: *Temia que lhe acontecesse* qualquer coisa. Причина может быть обращена в ретроспекцию, в проспекцию (в большинстве случаев) или указывать на одновременность. Причина, обращенная в будущее и выраженная пропозицией, свидетельствует о семантическом сдвиге: предикаты эмоции превращаются в интенсиональные предикаты и не могут быть перефразированы при помощи слова «страх» (они становятся «бояться 2» по терминологии Анны Зализняк): *Eu temo que se faça um escândalo*. В португальском языке наблюдается расхождение между семантикой и синтаксисом: он маркирует такое придаточное сослагательным наклонением, которое употребляется после глаголов эмоции, при том, что интенсиональные глаголы требуют индикатива.

Романова Галина Семеновна,
к. ф. н., профессор, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

Опыт лексико-стилистического анализа выступлений Э. Перон: секрет успеха

Исторические персонажи, становясь культовыми фигурами массового сознания, обычно значительно отдаляются от своего реального облика, сохраняясь в памяти масс в переосмысленном виде, лишенном многих индивидуальных человеческих черт. При этом они наделяются не только положительными свойствами, но и отрицательными, — теми, которые на данном историческом этапе данной целевой аудиторией считаются сверхценными. Таким образом, такие персонажи могут быть исследуемы как артефакты, трехкомпонентные объекты (автор — объект — оценивающий субъект), где автор и объект его творчества совпадают в одном лице, а оценивающий субъект представлен массовым сознанием. Исторические персонажи, как правило, не пользовались услугами имиджмейкеров, творя культовую фигуру из себя самого, сообразуясь с мнениями, вкусами и потребностями тех масс, которым впоследствии они будут диктовать свои мнения и вкусы. На этом этапе культовая фигура может рассматриваться в качестве фрактала — частицы социума, отражающей наиболее существенные его черты. Фигура массового сознания как артефакт создается из многих компонентов, лингвистических и экстралингвистических, но основными, во многих случаях, являются языковые. Устные и письменные выступления государственных и общественных деятелей — главный компонент их имиджа. Их лексика, стилистика, риторика, интонации, тембр голоса — вот те инструменты, которые помогают войти в резонанс с целевой аудиторией. Опубликованные выступления и письма Эвы Перон, знаменитой Эвиты, позволяют изучить феномен ее огромной популярности и понять, каким образом ей удалось минимальными средствами добиться искренней любви и поклонения широких народных масс, хотя немало ее соотечественников тогда и сейчас имеют обоснованные причины для недоумения и критики.

Садовская Елена Сергеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Персуазивная стратегия оценки в литературно-критическом тексте

Коммуникативная стилистика позволяет рассматривать тексты в деятельностном аспекте, т. е. как «речевые произведения адресанта, направленные адресату» [Клушина, 2008: 33]. Порождение текста напрямую зависит от авторской интенции. В основные задачи создателя публицистического текста входит «целенаправленное оказание идейно-психологического воздействия, а также побуждение реципиента к определенным действиям и мотивам, когда в процессе отбора и интерпретации информации в сообщении выявляется воздействующий характер, направленный на

убеждение читающей аудитории» [Мартемьянова, 2013: 73–74]. Применяя данное определение к литературно-критическому тексту на примере жанра литературно-критической колонки (далее ЛКК), можно сформулировать следующие основные интенции адресанта: информирование адресата (с целью восполнения пробелов в знаниях, а также привлечения внимания к отдельным литературным произведениям или творчеству писателя) и побуждение его к конкретным действиям (прочтения или отказа от прочтения рассматриваемого произведения, изучению творчества литературных деятелей). Прагматическая направленность текстов ЛКК позволяет рассматривать данный жанр в аспекте его персуазивного воздействия. Находя свое выражение в виде стратегии оценки, персуазивность как текстообразующая категория ЛКК подчиняет себе лексико-семантические и стилистические ресурсы выразительности. Как показал анализ практического материала, стратегия оценки в ЛКК реализуется в тактиках прямой и косвенной оценки. В сравнительном отношении тактика прямой оценки преобладает в текстах ЛКК, т. к. отвечает самой прагматической направленности критического жанра. Тактика косвенной оценки служит дополнительным средством осуществления интенциональной задачи автора за счет эмоционально-психологического воздействия на читателя. Оценка в текстах ЛКК, выступая как универсальная стратегия персуазивности, выполняет, таким образом, ориентирующую и стимулирующую функции. Ориентирующая функция заключается в том, что на основании авторитетной оценки объекта, выносимой экспертом в области литературной критики, читатель способен вписывать данный объект в собственную ценностную парадигму или аксиологическую систему. Ввиду своей авторитетности авторская оценка служит для него ориентиром, т. к. он может полагаться на мнение квалифицированного критика. Стимулирующая функция оценки в ЛКК проявляется в ее побуждении к конкретному действию со стороны адресата после прочтения публикации.

Литература:

1. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.
2. *Мартемьянова С. С.* Интерпретация медиатекста как инструмент имплицитного убеждения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 73–77.

Сафонова Наталья Васильевна,
к. ф. н., доцент, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского

Лексико-семантические особенности норвежских скороговорок

Определения скороговорки в разных языках практически идентичны, как в русской, так и в норвежской лингвистике они рассматриваются как один из древнейших фольклорных жанров. Цель работы над скороговорками — это, как правило, тренировка дикции и произношения, однако их лингвистический потенциал значительно шире. Точное время появления скороговорок не установлено, и предметом лингвистического изучения они

тоже не были. Ученые рассматривали их, как правило, вместе с другими малыми фольклорными жанрами, не выделяя их особенностей. Интернет открыл новые возможности создания скороговорок. В настоящее время возрастает интерес к скороговоркам с разных точек зрения. Весьма популярно их рассмотрение с точки зрения лингвокультурологии. Скороговорки, по мнению ряда ученых, могут стать источником ценных сведений для построения универсальной и национально-специфической языковых картин мира как совокупности представлений об окружающей действительности. Мир скороговорок весьма разнообразен. Они могут быть краткими и длинными, рифмованными и нерифмованными, сюжетными и бессюжетными, отсюда и их разнообразное лексическое наполнение. Большой интерес вызывает использование в скороговорках элементов языковой игры, что делает их интересными для лингвистов. Норвежские скороговорки имеют свою специфику. В последнее время весьма популярны всякого рода авторские скороговорки.

Слинина Людмила Ярославна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Функционально-семантические типы словообразовательной контаминации в современном немецком языке

Контаминация — это продуктивный способ словообразования в современном немецком языке. Результаты контаминации можно встретить в средствах массовой информации (*Teuro, Grexit, Kaputtalismus, Geldscheindemokrat*), в рекламе (*KreHaartiv*), в научных текстах (*Rollboter*), в (письменно)разговорной речи комментариев читателей (*Frauenüberförderung*). В традиционном немецком словообразовании контаминации уделялось мало внимания, она считалась скорее периферийным и исключительным явлением, нарушением нормы ради стилистических целей или причислялась к индивидуальным особенностям отдельных авторов. Результаты контаминации являются, как правило, продуктами речевого словообразования и редко попадают в словари. В современной немецкой германистике наблюдается рост интереса к речевым явлениям, поэтому и контаминация попала в центр научного интереса, о чем свидетельствуют современные научные работы (см. P. O. Müller / C. Friedrich, L. Ortner, H. Elsen). Небольшое количество контаминатов по сравнению со словами других словообразовательных типов (деривации, словосложения) и употребление преимущественно в определенных типах текстов объясняется структурными особенностями. Контаминационное словообразование отличается, с одной стороны, большой степенью вариативности, с другой стороны, следованием определенным фонологическим и морфологическим правилам. Эта специфика связана с функционально-семантическими свойствами результатов словообразовательной контаминации. Идея привлечения внимания адресата и языковая игра предполагают индивидуальность и оригинальность, но анализ материала показывает, что возможно выявление определенных функционально-семантических типов. Например, контаминат называет явления, имеющие свойства того, что

обозначается и первой, и второй основой (*Denglisch, Birnane, Demokratur*); первый компонент обозначает характеристику того, что названо вторым компонентом, при этом существует семантическая связь с близким по звучанию композитом или дериватом (*Fluchhafen, Aroganzarena, bahnsinnig*), в результате контаминации создается слово, похожее по звучанию с уже имеющимся и связанное с ним ассоциативно (*Clustrophobie, Besserwessi, härzlich*) и др. Материалом исследования служат тексты интернет-изданий (Spiegel online, Zeit online и др.) и данные портала неологизмов Wortwarte (www.wortwarte.de).

Сухих Дарья Дмитриевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические единицы тематического поля «Растительный мир: овощи» в испанском и итальянском языках

Как известно, в настоящее время в лингвистике наблюдается повышенный интерес к исследованию национальной ментальности в языке, к отдельным фрагментам языковой картины мира, успешное выделение и презентация каковых возможна в первую очередь в рамках межъязыкового сопоставления лексики и фразеологии.

В докладе рассматриваются фразеологические единицы испанского и итальянского языков с компонентами-фитонимами. Мы обращаем особое внимание на фразеологию, поскольку во фразеологическом фонде языка наиболее ярко и очевидно отражается культурная память, дух народа, традиционно именно фразеологические единицы в лингвистике принято рассматривать в культурно-национальном аспекте.

Предварительное знакомство с научной литературой, освещающей особенности фразеологии, отражающей реалии растительного мира, показало, что данная тематика мало разработана на материале романских языков. Кроме того, существует явно недостаточно работ, посвященных фразеологии испанского и итальянского языков в сравнительно-сопоставительном плане.

Как было сказано выше, в докладе проводится анализ фразеологических единиц с компоненами-фитонимами, а именно — овощами. Нами представлены варианты комментариев к подобным фразеологическим единицам, проведена попытка выявления символа, стоящего в основе устойчивого выражения, выявлены универсальные и национально-специфические компоненты: межъязыковые соответствия и идиоэтнические единицы, а также представлена их презентация в аспекте межъязыковой компарации.

Актуальность настоящего исследования заключается в сравнении данных фрагментов испанской и итальянской языковых картин мира, ранее не являвшихся предметом самостоятельного анализа.

Отобранный нами материал показал, что фразеология с элементами растительного мира, в частности, овощами, активно задействована в характеристике человека, его внешних и внутренних качеств.

Особый интерес представляет тот факт, что испанский и итальянский языки являются родственными, таким образом, выявление идиоэтнических

единиц позволяет выявить национально-специфический компонент, присущий именно одной из этих достаточно близких в языковом и духовном плане культур.

Тихонова Оксана Викторовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Словарная и контекстуальная антонимия. Образ шахмат в «Цыганском романсеро» Ф. Г. Лорки

В поэтическом сборнике «Цыганский романсеро» Ф. Г. Лорка активно использует словарные антонимы «blanco» и «negro» (12 и 12 из 69 гиперонимов цвета). Это противопоставление достигает кульминации в третьей части романса «Мученичество Св. Олайи», в котором в отличие от первых двух частей другие цвета не называются. В этой части гипероним белого «blanco» называется трижды, а черного «negro» — только один раз. Контекстуальное значение «blanco», противопоставленное значениям других цветов из первых двух частей романса, — «смерть». Кроме того, в тексте белый выступает как традиционный символ света и святости и в этом значении противопоставляется черному как зловещему символу тьмы, что усиливается противопоставлением синтаксических позиции прилагательных в именных словосочетаниях. Противопоставление черного и белого иллюстрирует одну из центральных антитез «Романсеро»: противостояние гражданской жандармерии, преследующей цыган, и ангелов-покровителей Андалусии, защищающих гонимых. Помимо словарных Лорка использует контекстуальные цветообозначения «nieve» (снег) и «noche» (ночь). С их помощью поэт создает образ шахматной игры, в контексте которой меняется и прочтение всей третьей части. Описанное противостояние ангелов как воинства света и жандармов как воинов тьмы переосмысливается как противостояние белых и черных фигур на шахматной доске, что соответствует традиционной символике шахмат. Гипероним «blanco» помимо контекстуального значения «мертвый» приобретает значение «белая пешка». С помощью противопоставления прилагательного «blanco» и субстантивированного прилагательного «lo blanco» создается образ превращения белой пешки в королеву по достижении последней линии шахматной доски.

Ушакова Татьяна Михайловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Изменения в составе общественно-политической лексики французского языка (на материале корпуса единиц, включенных в «Теорию и практику перевода» В. Г. Гака и Б. Б. Григорьева)

Курс перевода общественно-политических текстов, первое издание которого вышло в свет в 1962 г., был создан В. Г. Гаком в соавторстве с Ю. И. Львин. Он выдержал три издания, а в 1997 г. вышел новый учебник

под названием «Теория и практика перевода. Французский язык», где соавтором В. Г. Гака выступил Б. Б. Григорьев. С тех пор учебник переиздается регулярно и остается основополагающим, т. к. представляет собой системный курс перевода, содержащий ценный материал по переводоведению, который изложен с опорой на конкретные языковые примеры и тексты. За 50 лет его существования язык значительно изменился. Нам показалось интересным проследить, в какой мере это нашло отражение в последних изданиях учебника. В частности, настоящий доклад посвящен анализу корпуса лексических единиц, вошедших в учебник 1997 г. и в последующие стереотипные издания, сопоставительно с первыми выпусками учебника, который показал следующее. Во-первых, основная часть семантических неологизмов возникла вследствие развития значения слова. Это, например, такие слова, как percée (прорыв, успех), carrefour («круглый стол» на конференции, обмен мнениями), paysage (ситуация, картина), dossier (вопрос) и др. Среди новых включений присутствуют и фразеологические единицы. De tous les horizons в атрибутивном употреблении, например, в сочетании с существительным les gens означает «люди различных политических убеждений», где «горизонт» реализует сему «кругозор, взгляд». Во-вторых, политика и международные отношения являются той областью, где, наряду с наукой, наиболее ощутима интернационализация языков, которая в последнее время сводится к доминированию английского над национальными языками. Это находит свое выражение как в прямом заимствовании, так и в калькировании. В рассматриваемом материале англицизмы представлены двояко: как самостоятельные лексемы (media, handicap, challenge, spot, scoop и т. д.) и как новые значения исконно французских слов, возникшие под влиянием английского языка, напрмер, impact приобретает значение «воздействие, влияние», особенно употребительное в контекстах, касающихся СМИ. Анализ новых включений в словарь учебника по переводу подтвердил постоянно обновляющийся характер лексического состава языка, призванного обеспечивать все потребности говорящего на нем социума. Выдвинувшиеся на первый план экологические проблемы, возросшая роль средств массовой информации и развитие информационных технологий вызвали приток неологизмов. Среди источников пополнения лексики два основных: развитие значения слова на основе метафорических и метонимических переносов наименования и заимствование, причем в разных формах.

Чеснокова Ольга Станиславовна,
д. ф. н., профессор, Российский университет дружбы народов (Москва)

Баскская топонимия в диалоге языков и культур

Современная баскская топонимия представляет результат диалога языков и культур в местах исконного проживания басков (*Euskal Herria, Vasconia*), а также наличие разнообразных типов баскских топонимов на других территориях. Изучение топонимии баскского происхождения важно для развития контактной лингвистики, проблематики билингвизма, истори-

ческой лексикологии, романской филологии, иберо-романистики и общей теории языка. Баскский язык до сих пор является одной из лингвистических загадок. Одна из наиболее популярных в настоящее время версий связывает баскский язык с аквитанским языком. Поскольку баскский язык агглютинативный, во многих баскских географических названиях можно четко проследить топоформанты и их границы. Так, топоним *Zumárraga* (провинция Гипускоа) состоит из корня *zumar* «вяз» и суффикса *-aga* «место», «расположение», что дает фитонимическое прочтение топонима как «место, где растут вязы». Многочисленны топонимы с топоформантами *-ola* «хижина», *-oz(os)* «место», корневыми формантами *ibar* «долина», *berri(barri)* «новый», *uri* «поселение», «город». Важной чертой современной баскской топонимии Испании является существование двойных названий, находящихся в процессе нормирования в рамках государственной политики и унификации литературного стандарта баскского языка. Испанское название может отличаться от баскского незначительно, например, ударением: исп. *Ondárroa*, баск. *Ondarroa*, написанием и произношением: исп. *Bilbao*, баск. *Bilbo*; исп. *Guernica*, баск. *Guernika;* исп. *Genes,* баск. *Gueñes;* исп. *Lizarza*, баск. *Lizartza*; может иметь совершенно иной план выражения: исп. *Vitoria*, баск. *Gasteiz*, официальное название *Vitoria-Gasteiz*; исп. *San Sebastián*, баск. *Donostia*, официальное название *Donostia-San Sebastián*, исп. *Pamplona*, коофициальное баскское название — *Iruña* (*Iruñea*). Топонимы баскского происхождения представлены в исторической Васконии и близлежащих с ней территориях, в странах Западной Европы, а также на американском континенте, что позволяет применить к топонимическому корпусу баскского происхождения установление ассоциативных и диалогических связей и параметры семиотики в триединстве семантики, синтактики и прагматики.

Шалудько Инна Александровна,
к. ф. н., доцент, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург)

Св. Тереса Авильская и «женский дискурс»

Выявление отношений между литературным творчеством св. Тересы Авильской и такими феноменами, как «женский дискурс», «женская литература» и «женская мистика», следует начать с определения используемых понятий. Под «женским дискурсом» вслед за исследователями гендерной проблематики будем понимать социально обусловленную коммуникативную практику женщин. Соответственно «женской литературой» будем считать проекцию этой практики на литературное творчество. Несколько сложнее определить понятие «женская мистика», поскольку речь идет об историческом явлении, которое в немецкой духовной литературе известно с XII в. (Начало его системному изучению положено П. Динцельбахером в диссертации 1981 г. «Видение и визионерская литература в средние века».) Как показывают исследования, немецкая женская мистика — это весьма неоднородная по своей сути женская практика жизни во Христе, реализующаяся в различных формах: от духовного преображения до массового психоза, от рафинированной экстатической поэзии (ср. «Струящийся Свет

Божества» Мехтильды Магдебургской, вдохновленный Песнью Песней) до монастырских «хроник» и «откровений», созданных плеядой второстепенных авторов-визионеров (Элсбет фон Ойе, Маргарет Эбнер и др.). Именно последние носили массовый характер и формировали «мифопоэтическую конструкцию» женской мистики, т. е. ее стиль. Идиостиль св. Тересы далек от мифопоэтики визионерской литературы Средневековья, но это не значит, что ее жизнь во Христе оказалась оттесненной какой-либо иной коммуникативной практикой. Напротив, именно свойственные ей социально и культурно обусловленные черты определяют семантику, прагматику и синтаксис текстов автора-женщины. Так, тематической доминантой литературной практики св. Тересы является ее собственный мистический опыт, представленный в трех измерениях: биографическом, дидактическом и доктринальном. Тематика сочинений св. Тересы требовала особых речевых стратегий, которые бы позволили ей избежать суда Инквизиции. И писательница находит такие стратегические и тактические решения. Это статус «скромной монахини» и «писательницы по велению», богодвдохновенное слово, риторика неуверенности, тонкая ирония, обращение к женской аудитории и др. Все эти характеристики могли бы рассматриваться в качестве признаков «женского дискурса», «женской литературы» и «женской мистики» при условии их литературной типизации, т. е. в том случае, если бы существовала традиция испанской женской духовной литературы, или, по меньшей мере, если бы у св. Тересы были литературные предшественники или последователи, воспроизводящие хотя бы отдельные черты ее дискурса (стиля). Их отсутствие не позволяет отнести творчество испанской писательницы к той или иной типизированной коммуникативной практике, заставляя говорить об уникальности ее авторского стиля.

Шашков Юрий Алексеевич,
к. и. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Военно-исторический компонент лексико-семантической структуры испанских фразеологизмов

Язык, «будучи важнейшим средством общения, <…> объединяет людей, <…> обеспечивает накопление и хранение информации, в т. ч. относящейся к истории и историческому опыту народа и личному опыту индивида…» [Арутюнова, 1997: 609]. Эта накопительная функция языка проявляется, прежде всего, на лексическом и фразеологическом уровне. Очевидно, что в богатой истории Испании важное место занимают военные события: войны, сражения, конкретные личности, отдельные эпизоды. Работа со словарными источниками позволила выявить несколько десятков фразеологических единиц (ФЕ), связанных с военно-исторической тематикой. Следует отметить, что данные ФЕ отражают разные исторические эпохи. Так, античный период «дал» испанской фразеологии выражения, связанные как с мифологической Троей, так и с вполне реальными Нумансией и Калагуррисом: ¡arda Troya! — будь, что будет!; была не была!; defensa

numantina — отчаянная оборона; hambre calagurritana — жестокий, свирепый голод.

Естественно, что такая огромная эпоха как Реконкиста оставила свой «фразеологический след» в испанском языке: Ancha es Castilla: не трусь! смелей! не робей! была не была!; «¡Santiago y cierra España!» — вперед! ура! в атаку! бей их!; a más moros, más ganancia — чем больше трудностей, тем больше чести; haber moros y cristianos — тут вражда не на шутку; тут настоящая баталия, форменное побоище.

Среди других фразеологических оборотов эпохи Средневековья достойны внимания такие как: justicia catalana — самочинная расправа, самосуд; ni quito ni pongo rey — решайте сами, я в этом деле не судья; я умываю руки; no hay moros en la costa — все спокойно, нечего опасаться.

Интересны ФЕ периода новой истории: Las cuentas del Gran Capitán — преувеличенные, раздутые, липовые счета; y se armó la de San Quintín — и тут такое началось..., поднялась буча; пыль столбом; дым коромыслом; poner una pica en Flandes — сделать что-л. чрезвычайно трудное, совершить невозможное, сделать чудо; más se perdió en Cuba — бывало и хуже; теряли и больше.

Испанская «военно-историческая» фразеология позволяет не только вспомнить какие-то конкретные исторические события, она также отражает быт воина и солдата, показывает, каким испытаниям и даже наказаниям он подвергался: mandar a la porra — выгнать взашей, послать к черту; apalear sardinas — грести на галерах; tratar a baquetazos — (обращаться с кем-л.) грубо, жестоко.

Изучение данных ФЕ позволяет сделать вывод, что они являются важным фрагментом национальной языковой картины мира и позволяют лучше понять различные явления истории, культуры и языка Испании.

Литература:

Арутюнова Н. Д. Функции языка // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Яковлева Александра Алексеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Соразмерность в нидерландском языке

Восприятие действительности разными культурами рассматривается на материале соразмерности в нидерландском языке. На сегодняшний день этой теме посвящен ряд научных трудов, но тема не изучена ни на нидерландском материале, ни для пары языков нидерландский — русский. Пространство вокруг русского человека кардинально отличается от маленьких, уютных улочек и домов в Нидерландах, да и территории наших стран несоразмерны. Так, жители Нидерландов называют свою страну «лягушачьей страной», что может иметь двоякую трактовку: страна болот и лягушек или маленькая страна. Обе трактовки имеют право на существование, поскольку традиционной реакцией на русские просторы со стороны нидерландцев является фраза: «Да, но мы ведь всего лишь лягушачья страна».

Мера «маленького» и «большого» в Нидерландах также иные. Тем не менее для Нидерландов характерно более детализированное восприятие действительности, что неизбежно находит отражение на лексическом уровне языка. То есть важен не столько размер, сколько качество: цвет, фактура, физиологические свойства. Для рассматриваемого языкового ареала характерно стандартное, которое видится во всех деталях, или, напротив огромное, но оно тоже членится на множество совершенно объективных деталей. Фактор объективности здесь играет ключевую роль, т. к. все должно быть физически постижимо, членимо на составляющие и понятно рациональному человеку, а значит, предельно антропоцентрично. Если сравнивать с русским языком, то в восприятии действительности его носителей больше иррационального, приблизительного, и субъективного. Пара нидерландский — русский в этом смысле представляет собой любопытное сочетание для сравнения: самая большая по территории страна мира, так или иначе замкнутая на себе в восприятии себя самой, и относительно маленькая европейская страна, которая знаменита своим талантом открывать новые земли, приближая к себе самые отдаленные участки моря и суши на всей планете.

Якушкина Ксения Валерьевна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

«Слишком белый» Оскар — это «не очень удобно»: к вопросу о роли кванторных слов при формировании категоричности высказывания (на материале испанского языка)

Под *кванторами* подразумеваются уточняющие слова, содержащие указание на количественную характеристику действительности (размер, длительность, мера, степень, интенсивность, градация, точность/приблизительность, (не)определенность и пр.), таким образом, это слова, способствующие интенсификации или деинтенсификации какого-либо признака. Изучение квантификации объектов и фактов позволяет более полно раскрыть прагматический потенциал элементов языковой системы, интерпретируемый в зависимости от условий их контекстуальной реализации. В связи с этим особый интерес представляет исследование кванторов в составе отрицательных конструкций. Как известно, важную роль при формировании эвфемизмов играет ***литотический прием***, основанный на отрицании противоположного (положительного) признака: *discapacitado* вм. *tullido*; *insania* вм. *enfermedad*; *invidente* вм. *ciego*; *no apto* вм. *suspenso* и т. п. Эффект смягчения достигается за счет сохранения позитивных коннотаций в корне: ср. *невежливый* (исп. *descortés*) и *грубый* (исп. *grosero*). Кроме того, отрицание некоторых элементов содержания не может быть автоматически приравнено к утверждению антонима: *невежливо* не всегда означает *грубо*, эти слова означают разные степени грубости. В свою очередь, усложнение литотической структуры посредством привлечения кванторных единиц приводит к увеличению семантической неопределенности: *не очень интересный — no (es) muy interesante*. По этой причине отрицание, смягченное кванторами, следует рассматривать как ***мейозис*** — прием выразительности, основанный

на намеренном преуменьшении интенсивности свойств, действий и состояний предмета, явления, процесса. Однозначное понимание в таких случаях затруднительно: (1) *интересный, но не очень; малоинтересный* или (2) *вовсе не интересный — nada interesante, слишком скучный — demasiado aburrido*. И то, и другое значение является эвфемистическим, но подразумевает разную степень смягчения. Особую эвфемистическую функцию выполняет квантор ***poco*** (*мало-*), который, во-первых, обладает количественным значением, указывая на некую степень признака, меньшую по сравнению с *un poco* (*немного*), а во-вторых, обладает значением имплицитного отрицания, что позволяет выразить мысль в более вежливой, политкорректной форме: *Este libro es poco interesante* (ср. *no es (nada) interesante*). Ср. *países poco avanzados* (pobres, atrasados), *poco agraciado* (feo), *poco ventajoso*, *poco satisfactorio* etc. Таким образом, использование кванторных слов в определенных контекстах можно рассматривать как один из эвфемистических приемов построения неточной речи, обусловленной стремлением говорящего завуалировать отрицательную оценку, избежать конкретизации и, следовательно, ответственности за неосторожные категорические утверждения (также формулируемые с помощью кванторов в иных контекстах).

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Вяткина Светлана Вадимовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О скрытой грамматике наречия «вечно» (на материале художественной прозы XIX–XXI вв.)

1. Под скрытой грамматикой наречий подразумеваются категориальные признаки, которые выявляются через различные сочетаемостные, конструктивные, позиционные ограничения наречий [Пеньковский, 2004: 286–292].
2. Анализ данных словарей русского языка XVIII–XXI вв. (выделяется от одного значения '*всегда, непрестанно, бесконечно, вовек*' в «Словаре...» 1847 г. до двух в «Словаре русского языка XVIII века», в ТСУ, БАС, МАС, «Толковом словаре служебных частей речи» [Ефремова, 2001]: 'бесконечно во времени, всегда' и 'в любое время // постоянно, неизменно'), использующих для характеристики семантики наречной лексемы синонимический или отсылочный к производящему прилагательному методам толкования, предопределяет поиск критериев дифференциации значений лексемы *вечно*. Словари фиксируют значение, характеризующее длительный процесс, который не имеет фиксированной границы на временной оси, и типичное для разговорной речи значение, синонимичное наречию *постоянно*, которое реализуется в контекстах характеристики постоянных признаков, действий, ситуаций, оцениваемых говорящим субъектом.
3. На основе данных НКРЯ (1628 документов, более 5000 вхождений наречия при снятии омонимии в заданном подкорпусе «Рассказ, повесть, роман 1800–2015 гг.») устанавливается, что первое значение реализуется в 8 % контекстов в сочетании с глаголами *помнить, любить, хранить*, в финитных формулах в письмах *вечно твоя* (в основном в прозе XIX и XX вв.), в сочетании с определениями в случаях характеристики географических объектов (*вечно молодой и прекрасный Таймень, вечно теплая река Нил, вечно живой проспект*).
4. В 92 % примеров введения наречия в текст (встречаются уже в прозе XIX в.: *принимай* ***беспрестанно*** *гостей или езди* ***всякий день*** *сама в гости и* ***вечно*** *принуждай себя — вот жизнь светская!* (Неизвестный. Модест и София), стабильное употребление в XX в., возрастающее количество

в 2008–2012 гг.) актуализируется негативно-оценочный компонент семантики наречия. Наречие маркирует негативно воспринимаемые ситуации, поведение других лиц, их привычки, что усиливает негативную, как правило, оценочность самого предиката: *А ты* ***вечно*** *суёшь свой нос куда не просят*. (Б. Екимов. Фетисыч). Замена наречия *вечно* синонимичными адвербиалами представляется возможной далеко не всегда (*) *Ирина* ***вечно*** (*всегда /*обычно/*обыкновенно/постоянно/*привычно*) *недовольна, ей мало* (В. Токарева. Своя правда).

5. Наречие *вечно* позволяет охарактеризовать отношение говорящего к оцениваемому как неприятие, раздражение, негодование.
6. Сопоставление *вечно* с наречиями «субъективной оценки» *обычно, обыкновенно* и с наречием *всегда*, отсылающим к «незыблемым, или вечным свойствам мира» [Демьянков, 2013: 29], позволяет вскрыть текстовый потенциал наречия, систематизировать контексты его употребления, выявить актуализируемые в контексте кванты его значения.

Литература:

1. *Демьянков В. З.* Интерпретативный подход к логическим противоречиям: обычное всегда в русском и в западноевропейских языках// Когнитивные исследования языка. Тамбов. 2013. № 15. С. 22–32.
2. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи. М.: Русский язык, 2001. 863 с.
3. *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

Галеев Тимур Ильдарович,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Лю Фанфан,
магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Количественная модель унификации глагольной парадигмы в русском литературном языке

В непрестанно меняющемся русском формообразовании на протяжении веков протекает процесс унификации глагольных основ в парадигмах настоящего времени, при котором глаголы непродуктивных классов постепенно вытесняются глаголами продуктивных классов (*мерит* → *меряет*). Однако внутри самой глагольной парадигмы данный процесс протекает неравномерно. Согласно исследованиям в области когнитивных наук [Nesset, Janda, 2010], парадигма русского глагола может иметь радиальную структуру с центром и периферией. Прототипические формы (3Sg и 3Pl наст. вр.) сопротивляются языковым изменениям, в то время как периферийные (прочие финитивные, императив, причастия и деепричастия) подвергаются унификации в первую очередь. **Целью** исследования является выявление закономерностей эволюции вариативных форм центра глагольной парадигмы. Конкретные решаемые **задачи**: выделение случаев смены нормы

за два века; получение численных характеристик изменений наиболее «консервативных» членов парадигмы. На основе данных корпуса Google Books будет осуществлен анализ частотности словоупотребления консервативных форм т. н. «избыточных» глаголов. **В результате** исследования впервые были получены частотные характеристики функционирования существующих в русском языке форм 51 «избыточного» глагола и построено 102 графика изменения частотности употребления форм 3Sg и 3Pl. Параллельно проведена классификация графиков динамики частотности конкурирующих словоформ. В 55 % случаев непродуктивная форма доминирует над продуктивной, смены нормы не предвидится (*колышет/колыхает*). Почти в 12 % случаев была обнаружена только форма с основой непродуктивного типа (*колеблется*). В 10 % случаев непродуктивная форма становится более частотной относительно продуктивной, которая 100 лет назад была более частотной (*двигает → движет*). Около 5 % графиков иллюстрируют спад частотности обеих форм в XX в. при сохранении непродуктивного типа в качестве доминирующего (*алчет/алкает*). В значительно меньшем количестве графиков формы продуктивного типа в XX в. вытесняют формы непродуктивного типа (*каплет → капает*). Часто унификация происходит на фоне спада частотности словоупотребления (*клеплет → клепает*). В остальных графиках (8 %) одинаково частотные конкурирующие формы существуют параллельно (*лазит/лазает*). Безусловно, полученные результаты необходимо дополнить анализом динамики частотности периферийных форм изучаемых глаголов, чтобы ответить на вопрос, на каком этапе смены нормы находится тот или иной глагол. Тем не менее уже сейчас можно утверждать о том, что формы 3Sg и 3Pl подвергнутся унификации в последнюю очередь, либо единственными во всей парадигме останутся неизмененными, подобно аналогичным формам в глаголах-исключениях 2 спряжения.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 16-06-00165 А «Когнитивная модель словоизменительной глагольной парадигмы в русском языке: квантитативный анализ динамики частотности словоформ»).

Литература:

Nesset T., Janda L. A. Paradigm structure: Evidence from Russian suffix shift // Cognitive Linguistics. 21:4. 2010. Pp. 699–725.

Зорина Екатерина Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Фигурные скобки» С. А. Носова: к вопросу о синтаксической структуре художественного повествования

1. Обращение к синтаксической структуре художественного повествования позволяет описать систему «точек зрения» в аспекте авторского замысла произведения.
2. Нарушение правил «традиционного» и «старозаветного» нарратива (по классификации Е. В. Падучевой) приводит к появлению разнообразных

многоплановых, в коммуникативном аспекте, повествовательных форм. Повествующий субъект и его языковое, грамматическое воплощение оказывается в центре внимания исследователей.

3. Различные синтаксические структуры: формы передачи «чужой речи», конструкции экспрессивного синтаксиса, вставные конструкции, особое абзацное членение текста, особое пунктуационное и графическое оформление — оказываются средствами языкового воплощения субъекта повествования.
4. Текст романа Сергея Носова «Фигурные скобки» представляет собой принципиально многоплановое повествование как с композиционной точки зрения, так и с точки зрения субъектной организации повествования. Принципиальная многоплановость повествования оказывается возведенной в концепцию всего произведения в целом. Уже название романа обращает читателя к знаку фигурных скобок, который в математике применяется для обозначения множеств или как знак приоритета для указания на третий уровень вложенности. Изучение грамматической организации такого «текста-матрешки» (термин Сергея Давыдова) представляет особый интерес в русле современных лингвистических концепций.
5. Главный герой романа Евгений Капитонов ведет диалог с героями всех повествовательных планов: в настоящем и прошлом, в реальном и потустороннем мирах; ведет диалог с самим собой, со своей дочерью, с пропавшим знакомым, с его женой. Всю систему речевых структур повествования объединяет позиция автора, для выявления и понимания которой требуется вовлечение читателя в этот тотальный диалог, «включенность» читательского сознания в текст.

Крылов Сергей Александрович,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва)
Фролова Ольга Евгеньевна,
д. ф. н., заведующий отделом,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фразеологизированные предикаты

Идиомы обладают различными синтаксическими возможностями в строительстве предложения. Мы намереваемся рассмотреть фразеологизированные предикаты, конструктивно оформленные как предложения. Анализ «Академического словаря русской фразеологии» под редакцией А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского (М., 2015) позволил выявить около 40 таких конструкций: *без бутылки не разберешься*; *глас вопиющего в пустыне*; *мало не покажется*; *хоть топор вешай*. От интересующих нас конструкций следует отличать фразеологизмы типа *полоскать мозги*, которые также являются предикатными выражениями, но согласуются с субъектом и в предложении принимают финитные формы.

Фразео-предикаты отличаются от фразеосхем, описанных Д. Н. Шмелевым в «Русской грамматике» (т. 2, § 2193–2195), вторые предполагают разнообразие лексического наполнения, а первые его не допускают.

Среди фразео-предикатов выделяются именные и глагольные конструкции, в последних форма глагола выражается императивом, формами 2 л., 3 л. ед. ч., 3 л. мн. ч. Синтаксические ограничения при употреблении фразео-предикатов в речи: они не принимают а) отрицания, б) финитных форм при согласовании с субъектом, в) имеют временные и г) модальные ограничения. Фразео-предикаты имеют фиксированную «встроенную модальность». По признаку модели управления фразео-предикаты распадаются на несколько классов:

1) функционирующие как относительно самостоятельное «синтаксически валентное» предложение, связанное с конситуацией только по смыслу;
2) с субъектной валентностью, оформляемой Им. п.;
3) с объектной валентностью, оформляемой Вин. п.;
4) с генитивно оформляемой валентностью на имя множества или массы вещества, характеризуемой по количеству;
5) с дативно оформляемой валентностью на имя множества или массы вещества, характеризуемой по количеству;
6) с валентностью на «владельца», заполняемой обозначением его личной «сферы», оформляемой предлогом «у»;
7) с валентностью на целую «ситуацию» (оформляемой квази-полноценным предложением, интонируемым как глобальная «тема» без интонационной законченности), характеризуемую по интенсивности с помощью рематического фразео-предиката;
8) с валентностью на «проблему» или «задачу», оформляемой оборотом с предлогом в или эссивным дейктическим наречием;
9) с валентностью на интерпретируемую ситуацию, оформляемой «именительным темы»;
10) с валентностью на интерпретируемую ситуацию, оформляемой простым предложением;
11) с валентностью на интерпретируемую ситуацию, оформляемой условным придаточным; а также некоторые другие типы.

Подобные предикаты наблюдаются в речи в разные периоды функционирования языка и занимают промежуточное положение между финитными фразеологическими предикатами типа *привести к общему знаменателю* и фразеосхемами.

Кудрявцева Татьяна Юрьевна,
ассистент, Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Центр или периферия? (К вопросу о номинативно-коммуникативном статусе деепричастия)

Сохраняющее признаки глагола и выступающее центром «многофигурного образования», несущего дополнительное, полупредикативное сообщение, деепричастие в составе базисной пропозиции репрезентирует второе сказуемое. Оно ориентируется на подлежащее (создавая подобие координативной связи) и образует единый блок с первым сказуемым, всту-

пая с ним в разного рода временные отношения, в большинстве случаев «отягощенные» дополнительной обстоятельственной семантикой. Вместе с тем деепричастие, входящее в номинативную базу предложения, словно берет на себя роль финитного глагола и само формирует пониженную в ранге пропозицию, разрешающую появление периферийных аналогов второго и второстепенного сказуемого различных структурно-семантических типов: предметных, признаковых и процессных, — а также обусловливает употребление придаточной части сложного предложения. В структуре включенного в конкретную ситуацию общения предложения-высказывания деепричастный оборот традиционно, наряду с другими обстоятельственными членами, рассматривался в качестве оформителя особого компонента актуального членения — ситуативной кулисы, характеризующей предмет речи и темпорально или локально ограничивающей ситуацию. Однако (в отличие от обстоятельства) сохраняющее связь и с подлежащим, и со сказуемым деепричастие способно выражать акциональное значение, обогащающее семантику матричного действия. Будучи вторым сказуемым, в высказывании оно занимает как бы промежуточную позицию между блоком темы и ремы и может быть квалифицировано в качестве ремы второй степени. В зависимости от местоположения она реализует различные коммуникативные функции и дополняет ядерные элементы актуального членения. При этом в ряде случаев выраженный деепричастным оборотом компонент высказывания способен репрезентировать «чистую» рему:

1) в семантически недостаточных высказываниях, в которых деепричастный оборот в постпозиции «перетягивает» на себя логическое ударение;
2) в экспрессивных, изолирующих высказываниях, где деепричастие формирует смысловой центр, содержащий новую, наиболее важную с коммуникативной точки зрения информацию и воплощающий авторскую интенцию;
3) во вставных конструкциях, комментирующих основную ситуацию высказывания и играющих метатекстовую роль;
4) в диалоге и в вопросно-ответных структурах монологической речи, выражающих новое, наиболее значимое в содержании мысли.

В состав темы деепричастие способно включаться лишь при инклюзивном подлежащем, но такие примеры немногочисленны и свойственны главным образом литературе конца XVIII–XIX вв.

Лебедев Александр Александрович,
преподаватель, Петрозаводский государственный университет

Структурно-сопоставительный анализ синтаксических конструкций поэтических текстов Г. Р. Державина и П. А. Вяземского (на материале «Синтаксического словаря языка русской поэзии XVIII в. — первой половины XIX в.»)

Проблемы, связанные с типологией и функционированием определенных видов синтаксических конструкций в рамках поэтического синтаксиса в сочетании с проблемой сравнения поэтического творчества разных авто-

ров, принадлежат к области знаний, которая привлекает пристальное внимание лингвистов. Данный доклад представляет собой попытку сравнительного анализа синтаксических конструкций, представленных в поэтических текстах разных авторов, с опорой на статистические данные создаваемого «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII — первой половины XIX в.».

В качестве материала для сопоставления было выбрано поэтическое наследие Г. Р. Державина и П. А. Вяземского. Оба этих автора внесли значительный вклад в становление поэтического искусства России; в определенном смысле Вяземский выступил поэтическим преемником Державина, что нашло отражение как в содержательной составляющей стихотворных текстов, так и в их синтаксической структуре. Материалом исследования выступило 167 стихотворений (2209 предложений) из творчества Г. Р. Державина и 310 стихотворений (3449 предложений) из поэзии П. А. Вяземского.

В рамках доклада предложены замечания, которые связаны с выделением идиостилевых синтаксических характеристик, присущих творчеству обоих авторов, а также определена специфика синтаксического построения текстов и преемственность поэтических поколений, связанная с переходом от XVIII к XIX в.

Результатом проделанной работы могут служить следующие выводы:

1. Значительная часть статистических показателей демонстрирует поразительное синтаксическое сходство между поэтическим творчеством Г. Р. Державина и П. А. Вяземского — зачастую различия крайне незначительны и составляют лишь десятые доли процента.
2. Вместе с тем определенные показатели различаются весьма существенно, что позволяет делать выводы об особенностях поэтического синтаксиса авторов. К числу таких синтаксических конструкций в первую очередь относятся односоставные простые предложения (в частности, определенно-личные предложения, маркирующие творчество Г. Р. Державина, и безличные предложения, представляющие собой один из ключевых компонентов идиостиля П. А. Вяземского), а также полипредикативные конструкции, более частотные в поэзии Г. Р. Державина.
3. На уровне синтаксиса сложного предложения наиболее сильные различия проявляются в рамках сочинительной связи в разделительных отношениях (в творчестве П. А. Вяземского этот тип встречается более чем в шесть раз чаще, чем в поэзии Г. Р. Державина), а в рамках подчинения отмечается разная частотность конструкций с атрибутивными и условными синтаксическими отношениями.

Матханова Ирина Петровна,
д. ф. н., профессор, Новосибирский государственный педагогический университет

Специфика проявления признака статичности в высказываниях с предикатами деятельности, поведения, образа жизни

Признак статичности, играющий важную роль в аспектологии и в семантической классификации предикатов, неодинаково понимается лингвистами разных направлений (см. обзор в [Князев, 2007]), в большинстве случаев он трактуется как отсутствие изменений на протяжении какого-

либо времени. Статичность выделяют не только у предикатов временного состояния, где он определяется как «сохранение одного и того же, равного самому себе состояния в каждый новый момент фиксируемого периода» [Бондарко, 1983: 118, 142], но и у других семантических типов предикатов, в т. ч. у обладающих высоким уровнем абстракции предикатов класса (по О. Н. Селиверстовой), где он характеризует не референтную ситуацию, а интерпретативную, и возможные изменения в первичной ситуации «не приводят к потере целостности в каждый момент времени» [Селиверстова, 1982: 98]. Глаголы, выделяемые в этой группе предикатов (ср. [Апресян, 2006] — поведения (типа *буянить, безумствовать*), деятельности (*воспитывать, руководить*), образа жизни (*благоденствовать, бедствовать*)), обладают «двуслойной» структурой: содержат в своем значении указание на первичную ситуацию, совершаемую одним субъектом, и обобщение, которое осуществляет другой субъект. Обобщение может производиться на основе ситуаций, относящихся как к одному, так и нескольким раундам наблюдения (у глаголов поведения), либо только к нескольким раундам (у глаголов со значением образа жизни); может быть результатом оценочной деятельности в соответствии с нормами, принятыми в обществе (поведение, образ жизни) либо не опираться на оценку (деятельность). Признак статичности, характерный для этих семантических типов, только на поверхностном уровне представлен одинаково, на глубинном имеет некоторые различия. Это обусловлено как свойствами первичной ситуации (действия — у глаголов деятельности и поведения, действия и/или состояния — у глаголов образа жизни), так и особенностями взаимодействия статичности и реальной наблюдаемости (возможной у поведения, невозможной — у образа жизни), кратности (широкий круг показателей кратности у глаголов поведения, ограниченный — у глаголов деятельности, единичные случаи — у глаголов образа жизни), интенсивности (относящийся к разным слоям значения предикатов: к оценке у предикатов поведения и образа жизни, к первичной ситуации — у предикатов деятельности).

Литература:

1. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
2. *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
3. *Селиверстова О. Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Медленова Сильвия,
Ph. D., старший преподаватель, Университет Коменского (Братислава, Словакия)

Именной характер русского официально-делового стиля в сопоставлении со словацким

Многие русские (Кожина, Волкова и др.) и словацкие лингвисты (Мистрик, Финдра и др.) солидарно отмечают ярко выраженный именной характер официально-делового языка. Однако при сопоставлении частеречного

состава русских и словацких текстов бросается в глаза, что количество существительных в русских текстах значительно выше.

По нашим подсчетам, например, в текстах коммерческих договоров, составленных на словацком языке (СЯ), количество существительных составляет 35 %, в то время как в текстах коммерческих договоров на русском языке (РЯ) оно достигает 48 %.

В докладе анализируются некоторые тенденции в административно-коммерческом подстиле обоих языков, способствующие данной диспропорции.

1. Предпочтительное употребление в СЯ согласованного определения.

   В РЯ предпочтение отдается употреблению несогласованного определения, в функции которого выступает чаще всего существительное в родительном падеже, но нередко встречаются и другие конструкции, например, имя в дательном падеже в сочетании с предлогом по (platobné podmienky — условия платежа, kúpna zmluva — договор купли, zmluvné záväzky — обязательства по контракту).

   Весьма примечательно такое широко распространенное в русской деловой речи явление, как выстраивание цепочек родительных падежей (*Срок исполнения обязательств по контракту отодвигается соразмерно времени действия обстоятельств непреодолимой силы*), что способствует экономии языковых средств, компактности речи.

2. Высокая частностность в русском официально-деловом языке употребления вербономинатов, т. е. глагольно-именных сочетаний, состоящих из глагола с ослабленным семантическим значением и существительного.

   В качестве их эквивалентов в СЯ чаще употребляются полнознаменательные глаголы (подвергать анализу — analyzovať, принимать участие — zúčastňovať sa, производить оплату — uhrádzať), хотя случаи «расщепления глаголов» не чужды и словацкому (оказывать содействие — poskytovať súčinnosť, наложить штраф — uložiť pokutu).

3. Тенденция русской деловой речи к компрессии средств выражения информации, проявляющаяся, кроме прочего, в использовании предложно-падежных конструкций с обстоятельственным значением, включающих отыменные предлоги (в случае, в целях, во избежание, в силу, в результате, на основании).

   Предложениям, содержащим такие конструкции, в СЯ в большинстве случаев соответствуют сложноподчиненные предложения с придаточными условия, цели, причины и т. п., причем существительному в русской предложно-падежной конструкции соответствует в СЯ глагол, выступающий в роли сказуемого придаточного предложения (*В случае задержки открытия аккредитива срок поставки товара увеличивается на соответствующее количество дней*. — Ak sa otvorenie akreditívu oneskorí, dodacia lehota sa predĺži o príslušný počet dní).

Данный доклад подготовлен в рамках грантовой схемы KEGA 072UK — 4/2015: Vysokoškolská učebnica Ruské lingvoreálie.

Михеева Светлана Львовна,
к. ф. н., доцент,
Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева (Чебоксары)

Периферия поля обусловленности: признаковые слова при выражении причинных отношений

Семантика обусловленности реализуется в высказывании через систему языковых средств, которые организуются в функционально-семантическое поле.

К числу специализированных средств выражения семантики обусловленности, в частности, семантики причины относятся сложноподчиненные предложения, предложно-падежные формы существительных, а также наречия, имеющие значение причины.

Однако смысловые отношения обусловленности оказываются важным семантическим компонентом высказывания, даже если в их выражении не задействованы специальные формальные средства.

В данном случае рассматривается функционирование препозитивных прилагательных, входящих в состав подлежащего как одного из периферийных средств выражения семантики причинной обусловленности:

1) ***Мнительный*** *Кипренский объяснял это завистью* (К. Паустовский. Орест Кипренский);
2) ***Отчаянный*** *страх парализовал мои члены* (А. Грин. Рассказ Бирка);
3) ***Ровное*** *гудение машины, летящей высоко над землей, убаюкивало Маргариту, а лунный свет ее приятно согревал* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

На основе анализа материала с точки зрения выражения семантики причинной обусловленности выявляются закономерности во взаимосвязи между препозитивным прилагательным-определением и сказуемым (чаще всего глаголом), связанные с рассматриваемым аспектом семантической организации предложения.

Эти закономерности определяются, во-первых, стереотипными представлениями носителей языка о нормативных ситуациях, во-вторых, оценочной «соразмерностью» между признаком и действием как проявлением этого признака по принципу «из положительного вытекает положительное, из отрицательного — отрицательное».

Особо рассматриваются случаи, когда эта соразмерность нарушается.

При выражении названных аспектов семантики прилагательное сопровождается контекстуальной поддержкой: это частицы, наречия со значением качества или образа действия, слова с признаковым значением различной морфологической природы, вводные слова.

Существенную роль играет также порядок слов в предложении и опирающееся на него актуальное членение. Наиболее полную реализацию весь комплекс выражаемых значений получает в тексте.

Оздемир Нургюл,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Вяткина С. В., к. ф. н., доцент

Наречия «всегда», «постоянно» и «вечно» в текстах рассказов А. П. Чехова

1. Значение наречий, представляющих собой «формальную мало содержательную категорию» [Щерба, 1974], дается в словарях отсылкой к синонимам или производящим прилагательным, что не отражает избирательности употребления этих слов.
2. В характеристике итеративных ситуаций [Храковский, 1989] аспектологи значительное внимание уделяют адвербиалам в функции итеративных (итеративность как обозначение повторяющихся действий, проявлений, ситуаций, отвлеченных от непосредственного протекания во времени [Князев, 2007]) обстоятельств, маркеров повторительного значения: цикличности (*каждый день и др.*), интервала (*часто, регулярно*), узитативности (*обычно, обыкновенно*) [Храковский, 2014]. В докладе рассматриваются не нашедшие в приведенном перечислении, но являющиеся, по данным словарей, синонимами наречия: *всегда, постоянно и вечно*.
3. В заданном в НКРЯ подкорпусе «Рассказы А. П. Чехова» в 84 документах зафиксировано 227 употреблений наречия *всегда*, в 26 — 36 употреблений *постоянно*, в 30 — 38 употреблений *вечно*.
4. Анализ материала показывает, что наречие *всегда* функционирует как маркер итеративности, у которого в разных контекстах актуализируются разные кванты значения.
   (1) Когда дьяволу приходит охота учинить какую-нибудь пакость или каверзу, то он **всегда** норовит действовать через женщин (Из зап. книжки Ивана Иваныча). В контексте 3-личного нарратива (повествование) наречие *всегда* реализует значение ‘каждый раз’, т. е. маркирует повторяющееся действие, которое зависит от других повторяющихся ситуаций, на что указывает временное придаточное.
   (2) В примере *...много работаю, но* ***всегда*** (‘постоянно, регулярно’) *без гроша* (О любви) в контексте 1-личного нарратива (повествование) наречие реализует другой квант значения — постоянство одной и той же ситуации.
   (3) В контексте рассуждения в прямой речи персонажа: — *Вы* ***всегда*** (‘в любое время’) *были умницей* (У знакомых) — оценивается постоянное проявление положительного свойства адресата. *Всегда* — наиболее общий характеризатор одновременно повторяемости и постоянства ситуации.
5. Наречие *постоянно* в семантическом плане занимает срединное положение между маркерами *всегда* и *вечно*: *Яков* ***никогда*** *не бывал в хорошем расположении духа, так как ему* ***постоянно*** (‘неизменно, всегда’) *приходилось терпеть* (Скрипка Ротшильда). В главной части предложения 3-личный повествователь подчеркивает постоянно повторяющееся состояние персонажа, а в мотивирующей это состояние маркирует узитативность негативной для персонажа ситуации.

6. *Вечно* маркирует усиленное повторение прогнозируемых ситуаций: ***Вечно*** (‘всегда, постоянно+негативное отношение) ссоримся… (Контрабас и флейта)
7. В отличие от итеративных обстоятельств, рассмотренные синонимы реализуют значение итеративности, которое выводится из сочетаемости с предикатом, но и из предтекстовых знаний читателя.

Литература:

1. Типология итеративных конструкций / под ред. В. С. Храковского. Л., 1989. 311 с.
2. *Храковский В. С.* Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–12.
3. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. 428 с.

Патроева Наталья Викторовна,

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет

К вопросу об осложненном предложении в фольклорном тексте (на материале русских народных песен)

Синтаксическому строю памятников русского фольклора посвящена достаточно обширная литература. Различные виды осложняющих конструкций не раз становились предметом основательных наблюдений на материале различных фольклорных жанров. Однако такие построения до сих пор специально не рассматривались с точки зрения их состава и функционирования в эпических и лирических произведениях устного народного творчества.

Материалом для исследования послужили более 760 конструкций из 1055 народных песен, собранных в разные годы на севере и юге России и объединенных в сборники «Обрядовая поэзия» и «Лирические песни». Результаты сплошной выборки конструкций, осложняющих элементарную модель предложения, представлены в виде таблицы, отражающей частотность разных видов осложняющих конструкций в фольклорно-песенных текстах.

К *факторам, способствовавшим расширению использования обособленных оборотов и иных осложнителей модели в фольклорном песенном тексте*, можно отнести:

1) традиционный для устной поэзии *повтор*;
2) прием *ретардации* (свойственный и былинному жанру);
3) *ритмизацию*, создание мерной, речи, особой мелодики и паузирования;
4) *инверсию*, включенную в процесс ритмизации;
5) *«повышенные» предикативность, модальность, эмоциональность, оценочность* лирики;
6) прием *межстиховой атрибуции*;
7) прием *ступенчатого сужения образов*.

К характеризующим фольклорно-песенный текст *особенностям использования осложняющих конструкций* следует отнести:

1) *более узкий круг осложнителей* предложения, в сравнении с письменной литературной речью;
2) формульную устойчивость состава многих оборотов;

3) *небольшой объем* большинства осложняющих синтагм;
4) *достаточную жесткую закрепленность, устойчивость расположения* отдельных типов осложнителей;
5) *тесную связь с предшествующим контекстом, наличие многочисленных повторов* в составе оборота и окружающих его частей предложения и текста;
6) *сохранение архаических черт* в использовании обособленных синтагм;
7) *активное введение частиц* в состав обособленных оборотов;
8) *семантическую однозначность* большинства обособленных синтагм.

Осложнители скромно представлены в календарной песне как наиболее древнем пласте, отражающем древнерусский грамматический строй; в хороводно-игровой песне расширяется использование именных и деепричастных оборотов в целях ритмизации речи, сопровождающей танец; гораздо более разнообразный состав осложнителей свойственен свадебным и в особенности любовным и семейным лирическим песням, демонстрирующим уже основные закономерности развития синтаксической системы русского языка XVII–XIX вв.

Портнова Вероника Борисовна,
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К вопросу об обособлении препозитивного причастного оборота

Целью данного доклада является анализ обособления препозитивного причастного оборота с точки зрения коммуникативно-функциональной грамматики с выходом за рамки осложненного предложения. Анализ показывает, что на обособление оборота (помимо формально-грамматических факторов) влияют его связь с предшествующим контекстом и выполняемая им функция в обеспечении связности текста. Теоретическую базу исследования составляют интонационный подход к пониманию природы обособления препозитивных причастных оборотов, предложенный А. М. Пешковским; теория актуального членения, введенная в научный обиход В. Матезиусом; теория референции имени, разработанная такими авторами, как Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев; а также идеи авторской стратегии, коммуникативной задачи говорящего, текстоцентризма, разрабатываемые в рамках концепции коммуникативно-функциональной грамматики. Материалом исследования послужил массив примеров (выборка из НКРЯ) одной тематики, схожих по жанру и коммуникативной задаче говорящего. Все контексты содержат одну и ту же синтаксическую конструкцию — препозитивный причастный оборот со страдательным причастием в абсолютном начале предложения. Определяемым словом является имя класса. Тексты, из которых взяты примеры, относятся к первой трети XIX в. Для сравнительного анализа используется также выборка примеров из текстов XXI в. (заголовки газетных статей), схожих по смысловому наполнению и содержащих ту же синтаксическую конструкцию. Подтвердившаяся гипотеза исследования состоит в том, что интонационное оформление высказывания, а следовательно и пунктуаци-

онное оформление предложения, зависит не от формально-грамматических связей внутри предложения, а напрямую связано с реализацией стратегии говорящего в осуществлении им последовательного ввода информации в текст.

Литература:

1. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.
2. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. д. ф. н. Г. А. Золотовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический ф-т, 1998. 544 с.
3. *Ковтунова И. И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
4. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. М.: Ось-89, 1999. 192 с.
5. Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. / сост., ред. Кондрашов Н. А.. М.: Прогресс, 1967. 558 с.

Роговнева Юлия Васильевна,

ассистент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

К вопросу о регистровой принадлежности текстов — описаний объектов «по памяти»

Коммуникативно-функциональный синтаксис, основы которого были разработаны в трудах Г. А. Золотовой, исследует языковые явления в соотношении с типами текстов и коммуникативными ситуациями — с одной стороны, и в триединстве их формы, значения и функции — с другой.

С точки зрения отображаемой действительности выделяются два типа текстов: фикциональные и нефикциональные. На современном этапе развития коммуникативно-функциональной грамматики особое внимание привлекают нефикционльные тексты.

В [Сидорова, 2015] выделены типы коммуникативных ситуаций, в которых функционируют нефикциональные репрдуктивные тексты:

тип 1. Отправитель и получатель текста находятся в одном хронотопе происходящего;

тип 2. Отправитель — в хронотопе происходящего, получатель — не в нем;

тип 3. Отправитель — не в хронотопе происходящего, получатель — в нем;

тип 4. И отправитель, и получатель — не в хронотопе происходящего.

В [Роговнева, 2016] описаны регистровые особенности репродуктивных текстов, обусловленные дополнительными коммуникативными параметрами: знакомство/незнакомство и положение говорящего в одном хронотопе с объектом или описание «по памяти».

Предметом рассмотрения в докладе являются тексты — описания «по памяти». Их коммуникативная специфика состоит в том, что говорящий

описывает знакомый ему объект, однако не находится с ним в одном хронотопе (что является основой информативного регистра, а не репродуктивного). Их языковая специфика состоит в том, что говорящий привлекает в текст большее количество информативных включений. Коммуникативно-функциональный анализ текстов, полученных в результате экспериментов [Роговнева, 2015], показал, что в текстах-описаниях «по памяти» представлен меньший уровень детализации, чем в описаниях — «прямых наблюдениях»; используется большее количество элементов знания.

Можно утверждать, что нефикциональные тексты-описания «по памяти» создаются на основе информативной модели видения действительности, хотя в процессе создания текста говорящий может использовать языковые средства репродуктивного и информативного регистра. Количественное соотношение этих средств определяется коммуникативной ситуацией, в которой находится говорящий.

Литература:

1. *Роговнева Ю. В.* Типовые значения предложений и рематические доминанты в репродуктивных текстах — описаниях места // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». № 3. 2015. С. 162–168.
2. *Роговнева Ю. В.* Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов. АКД. М., 2016.
3. *Сидорова М. Ю.* Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября — 1 октября 2015 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С. 480–484.

Романова Татьяна Владимировна,

д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Парадигматические и синтагматические отношения ключевых предложений текста

1. Ключевые предложения (КП), другими словами — коммуникативно-сильные предложения текста, — это наиболее значимые для его содержания предложения, несущие основной смысл, соотносимый с темой (названием) текста в его развитии.
2. При выделении КП в тексте предлагается учитывать следующие критерии: КП должно заключать в себе основную мысль микротемы; оно распространяется, детализируется соседними предложениями; КП, как правило, занимает позицию первого (реже последнего) предложения абзаца; КП обычно имеет твердое начало, т. е. не начинается с местоимения 3-го лица или союза и т. д.; для КП характерен прямой порядок слов и полнота структуры.
3. Отношения между КП, обеспечивающие глобальную связность текста, назовем парадигматическими отношениями КП. В проанализированных текстах были выявлены следующие типы парадигматических от-

ношений: тематические отношения, отношения подобия, антонимии и синонимии. Среди них наиболее предпочтительными оказались тематические отношения, которые более остальных опираются на содержательную сторону текста. В их число вошли отношения раскрытия понятия, пространственной соотнесенности, описания процесса, отношения между тезисом и аргументами, описания явления и отношения хронологической последовательности.

4. Синтагматические отношения обеспечивают локальную связность текста, т. е. связь КП и контекста на основе их смежности. Среди синтагматических отношений, выявленных в рассмотренных текстах, можно назвать повествовательно- и описательно-распространительные, причинно- и результативно-следственные, пояснительные, уточняющие и сопоставительные. За каждым типом синтагматических отношений стоит определенный набор языковых средств, которые их обеспечивают.
5. В исследовании рассматривалась возможность использования ключевых предложений для автоматического реферирования текста.

Целью проведенного исследования было сравнение результатов работы программ автоматического реферирования текста с результатом ручного извлечения ключевых предложений текста. Материалом послужили рефераты, созданные на основе 20 статей и рецензий, опубликованных общественно-политическим еженедельником «Литературная газета» (Литературная газета. 2007–2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lgz.ru (дата обращения: 22.04.2015)), вручную и с помощью таких программ автоматического реферирования, как TextAnalystv2.01 (demo), VisualWorld (beta) и проект «Автоматическая суммаризация текста» (demo) (Автоматическое реферирование статей на русском языке [Электронный ресурс] // Хабрахабр. 5.05.2011 г. URL: http://habrahabr.ru/post/118609/ (дата обращения: 18.02.2015)).

Сафронова Наталья Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Владимирский государственный университет

О временно́м значении деепричастий совершенного вида

Временное значение деепричастий традиционно определяется как относительное и связывается с категорией вида. Для деепричастий совершенного вида (СВ) основным является значение разновременности деепричастного и глагольного действий. Чаще это значение проявляется как предшествование. Если деепричастие не связано с основным действием отношениями обусловленности, порядок частей обычно соответствует реальной последовательности действий. В конструкциях, где деепричастие и глагол связаны отношениями обусловленности, значение следования не возникает: *Лиля заболела, объевшись малиной*. Деепричастия СВ могут выражать значение одновременности состояния как результата предшествующего действия. Обычной для деепричастия в этом случае будет постпозиция: *Он стоял в углу, скрестив руки*. Одновременность наблюдается и в случаях, когда деепричастие СВ обозначает побочное действие, включенное

в основное как его составная часть или образующее вместе с ним один сложный акт: *Они оцепили все подножие холма, оставив свободным только один подъем*. В постпозиции деепричастия СВ могут возникать недифференцированные временные отношения: — *Прощай! — сказал он, оглянувшись*. Субъективно-модальные значения предположительности, неуверенности, интерпретативно-оценочный характер деепричастия способствуют появлению значения, которое может быть определено как псевдовременность: *Воробей, видимо осмысливши, что зиму он почти одолел, весело подпрыгивал у крылечка; Он раздавил флягу ногою, лишив себя воды*. Деепричастие может обнаруживать в предложении и абсолютное временное значение: *Наше дворянство, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием*. Таким образом, временное соотношение между деепричастиями СВ и глаголом может проявляться как предшествование, следование, одновременность или псевдовременность, могут возникать также временные соотношения недифференцированного типа. Деепричастие способно также проявлять абсолютную временную ориентацию.

Сидорова Марина Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Новые аргументы к дискуссии о двусоставности/односоставности предложения

Дискуссии конца XX — начала XXI в. между формальным и коммуникативно-функциональным синтаксисом по поводу главного предицируемого члена предложения и соответственно двусоставности/односоставности как признака предложения затихли в связи с исчерпанностью аргументов, которые могли быть приведены в пределах дискутирующих концепций. В формальном синтаксисе этот член прототипически представляет подлежащее в Им. п., в результате чего в системе языка выявляется набор односоставных схем предложения, рядоположных в классификации с двусоставными. Функционально-коммуникативный синтаксис описывает модель (структурно-семантический образец предложения) в терминах «субъект — предикат», не налагая на субъектный компонент обязательства стоять в Им. п. Соответственно, выдвигается тезис о принципиальной двусоставности каждого предложения (предназначенного для сообщения «чего-то о чем-то»), а «односоставность» рассматривается как структурно-семантическая модификация или речевая реализация, вызванная системными и/или контекстными факторами. Возможна верификация высказанных теоретических положений на основе: а) теоретических объяснений из области психологии и психолингвистики, которые вытекают из разграничения внутренней, устной диалогической и письменной речи, предложенного Л. С. Выготским; б) языкового материала, который прежде не был объектом синтаксического анализа — полученных экспериментальным путем описаний изображений. Отвечая на вопрос «Что на картинке?» или «Что вы видите?», респонденты выбирают либо стратегию письменной речи, строя предложение с выраженным субъектом и предикатом, т. е. сообщение, глав-

ным актантом которого выступает фигура, изображенная на картинке, и ей приписывается какой-то предикативный признак (*Рыжий телок с тяжелым ошейником смотрит очень печально; Настороженная лань вышла на лесной водопой*); либо стратегии устной речи, непосредственно приписывая имя тому, что изображено на картинке и доступно (как предполагает говорящий) наблюдению адресата (*К чему-то подключенная или привязанная светлая корова и ее недовольный теленок без рогов; Мудрый тюлень*). Интерпретация результатов эксперимента с опорой на теорию Выготского подтверждает сущностную двусоставность предложения и не позволяет рассматривать двусоставные и односоставные конструкции как рядоположные в языковой системе. Односоставность того или иного предложения (либо типа предложений) выступает как проявление общего принципа, сформулированного Выготским: «функциональное изменение речи необходимо приводит и к изменению ее структуры» [Выготский, 1999: 320].

Литература:

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1999.

Чаплыгина Татьяна Евгеньевна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В лад, в ладу, в ладах: к вопросу о частеречной принадлежности

В академических словарях данные единицы либо не маркированы, либо относятся к устойчивым сочетаниям или фразеологизмам. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой только «в лад с кем, чем» маркирован «в знач. предл.». Как показывает анализ, **в лад, в ладу, в ладах** представляют собой мотивированные (отыменные) составные предлоги. Этот вывод сделан на основании следующего:

1. Данные единицы выполняют функцию предлога как части речи: служат средством введения имени актанта ситуации, формируя тем самым синтаксему, в которой от предлога к припредложному имени можно задать падежный вопрос: в лад/в ладу/в ладах с кем, чем?
2. Применение выявленных к настоящему времени операциональных методов категоризации предлогов (см. работы М. В. Всеволодовой) показало высокую степень «опредложенности» данных единиц, о чем говорит: сдвиг в семантике и выпадение из словоизменительной морфологической парадигмы. Ср.: собственно существительное: *лад в семье — без лада в семье — о ладе в семье*, но: *А смуглянка-молдаванка отвечала* ***парню в лад***... — *лад парню, *без лада парню, *о ладе парню; *У тех людей всегда лица хороши, кто* ***в ладах с совестью своей.*** (Солженицын) — *лад/лады с совестью, *без лада/ладов с совестью,* о ладе/ладах с совестью. Предлог **в лад** передает значение: ‘подстраиваясь под что-то/кого-то, согласовывая свои действия с чем/кем-либо; соответствуя ритму, темпу чего-л.’: ...*те Адам и Ева живут* ***в лад природы***... (М. Пришвин); *И, как бы* ***в лад с его настроением****, весь октябрь стояла чудесная погода.* (И. Бунин) Предлоги **в ладу, в ладах** передают значе-

ния: а) ‘быть в согласии, в мире с кем/чем-л.’: *Все мы задумываемся, как жить* ***в ладу с богом и с собой.*** б) ‘разбираться в чем-л., хорошо знать, понимать’; в сочетаниях с частицей «не»: ‘иметь трудности в изучении чего-л., не очень понимать, разбираться’: *Кто* ***в ладах или не в ладах*** *с русским языком сразу видно по тому как излагает мысль и как пишет; Не* ***в ладах с*** *дробями* — метафоризация, т. е. сочетание со словами, которые с другими словоформами собственно существительного не сочетаются: ***Моему настроению в лад,*** *будет плакать за окнами осень*, — *лад настроению. Наличие морфосинтаксической парадигмы, т. е. синонимико-вариативного ряда реализаций: **в лад + чего/чему/к чему/с чем,** (системна для семантической зоны реляционных отношений): *Игнат весело покрикивал на лошадь* ***в лад песни***. (Л. Толстой); *Бесконечно повторялось и повторялось* ***в лад шагам, в лад колеблющимся над головами хоругвям, в лад праздничному шествию*** *примиренных <…> горожан.* (Д. Балашов); *Но еще через полчаса перестал вертеть головой, <…> прилаживаясь* ***в лад к моим шагам*** *и явно пытаясь о чем-то заговорить…; Главное правило китайской чайной церемонии гласит: «Настрой свое серд*це ***в лад с другими сердцами****».*

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

Афанасьева Татьяна Игоревна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Употребление местоимений 3-го лица в русском переводе Евхология Великой церкви

Евхологий Великой церкви — это русский перевод константинопольского патриаршего требника, сделанный книжниками круга митрополита Киприана в конце XIV в. Он сохранился в двух пергаменных рукописях конца XIV — начала XV в., которые очень близки к оригиналу перевода. Техника перевода этого памятника носит заметное влияние переводов Тырновской книжной школы, и прежде всего употребление личных местоимений 3-го лица. Книжники Тырновской книжной школы начинают употреблять местоимение *тъ, та, то* в качестве личного, что отражает живую норму среднеболгарского языка. Это явление характерно для всех болгарских говоров, кроме западноболгарского, начиная с XIII в. Так, новые формы известны в Берлинском сборнике, Врачанском евангелии, Дубровницкой грамоте 1230 г. В памятниках Тырновской книжной школы употребление местоимений *тъ, та, то* уже носит регулярный характер.

Цель доклада — проанализировать употребление местоимений *тъ, та, то* в русском переводе Евхология Великой церкви, показать, в каких падежных формах новая норма проявляется интенсивнее, в каких предпочитаются старые нормы, и тем самым продемонстрировать адаптацию новой литературной нормы в самом большом по объему русском переводе конца

XIV в. Наблюдение над употреблением личных местоимений 3-го лица позволяет нам сделать вывод о том, что введение нового личного местоимения *той, та(я), то*, восходящее к среднеболгарской языковой норме, вводится в язык перевода непоследовательно, в результате чего получается весьма пестрая картина.

Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в творительном падеже замена старой формы новой проходит наиболее последовательно, здесь в единственном числе употребляется только новая норма — *тѣмъ, тою*, во множественном числе есть несколько исключений. Форма *имъ* закрепилась за дательным падежом множественного числа, в творительном падеже она не употребляется. Заметна определенная последовательность в распределении вариантов в родительном падеже мужского и среднего рода: здесь новая норма *того* функционирует в качестве дополнения, тогда как старая форма его употреблена в притяжательном значении. Трудно объяснить, почему это распределение не распространяется на существительные женского рода, здесь мы наблюдаем обратную картину. Отметим также, что в переводе встречаются формы *еѧ* в функции прямого дополнения вместо традиционной формы *ю*. При этом форма *тоѧ* в этой функции ни разу не отмечена, в винительном падеже прямого объекта всегда имеет форму *тую*, не совпадающую со среднеболгарской нормой *тыѫ*. В местном падеже интенсивность употребления новой нормы самая низкая, здесь старая и новая нормы в мужском роде ед. числа распределены поровну, а в женском ед. числа и в мужском мн. числа старая преобладает.

Грищенко Александр Игоревич,
к. ф. н., доцент, Московский педагогический государственный университет

Языковые пласты в славяно-русском Пятикнижии, правленном по Масоретскому тексту

Рукописное славяно-русское Пятикнижие, правленное по Масоретскому тексту и другим семитским источникам (в 19 относительно полных списках кон. XV — нач. XVII в.), представляет собой довольно причудливую языковую амальгаму, до сих пор совершенно не изученную. Прежде всего, в основе данного типа Пятикнижия лежит славянский перевод с греческого Восьмикнижия (вероятно, Симеоновской эпохи, начало X в.), который в первоначальном виде не сохранился: самой близкой к нему, по мнению Т. Л. Вилкул, является Хронографическая редакция в составе Иудейского Хронографа 1262 г., представленного Архивским, Варшавским и Виленским списками, — уже эта редакция была создана на восточно-славянской почве, и в нее неизбежно проникли русизмы.

Следующим этапом бытования четьего текста первых ветхозаветных книг в Восточной Славии считается, вслед за А. А. Пичхадзе, внесение в него правок из Паримейника Поздней редакции не ранее XIV в. (этот текст лег в основу Восьмикнижия Геннадиевской Библии и последующих печатных изданий). Уже в части списков со следами правки по Паримейнику Поздней редакции (РГБ МДА 12, ГИМ Барс.2, БАН 45.13.4) появляются явные

лексические русизмы (например, *лось* — западно- и восточнославянская изоглосса — вместо совершенно ошибочного *рысь* более ранних редакций в перечне чистых животных, Втор 14:5) и тюркизмы предположительно из восточнославянского ареала (*саигакъ* — там же вместо также явной ошибки *вельбоудъ* и производных от него), которые затем переходят в интересующие нас списки Пятикнижия, подвергшиеся существенной правке прежде всего по древнееврейскому тексту, а также по некоторым другим, в основном до сих пор не опознанным, семитским источникам (из которых в славяно-русский текст проникают даже арабизмы типа *Багадатъ* вм. *Вавѵлонъ*, *Мисѵрь* вм. *Егѵпетъ*, *Скандрыя* вм. *Градъ Солнечныи* и т. п.). В этой, самой многочисленной, группе списков наблюдается обилие тюркизмов (как в глоссах, так и в тексте): *кирпичь* vs. *бьрниѥ / калъ*; *саранча* vs. *проузи*; *ошакъ* vs. *оселъ*; *катырь* vs. *мъскъ*; *чалма* vs. *клобоукъ* и др.

Кроме того, здесь встречается ряд форм, которые могут быть квалифицированы только как рутенизмы — заимствования из «простой мовы» (*чи ревшуеши ли ты мене дѣля*, Лев 11:29; *Моисеи* <...> *пыталъ другъ друга здоровіа*, Исх 18:7; *глаголахомъ до тобѣ и до Господа*, Числ 21:7) или даже как богемизмы (*погублу ѿ луди своих*; *в патынадесят мѣсяца седмаго*). Следует заметить, что и слово *саранча* в ряде великорусских азбуковников конца XVI — начала XVII в. квалифицируется как «чешское». Наконец, о локализации данной редакции может свидетельствовать и такой новгородизм (поздний, известный лишь с конца XV в.), как *почька* — мелкая мера веса.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук МК-4528.2015.6.

Двинятин Федор Никитич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексический повтор в структуре текста летописного Сказания о мести Ольги древлянам

Лексический повтор нейтрализует изысканный высокий стиль древнерусской письменности и безыскусную манеру, характерную для поучений к «простой чади» и летописей. Поэтическим и риторическим стратегиям повтора в первом случае соответствуют восходящие к спонтанной речи тенденции подкреплять повтором связность сообщения (кореферентность; анафорическая, или напоминательная, функция). Текст летописного сказания о мести княгини Ольги древлянам (Лаврентьевский и Ипатьевский списки Повести временных лет за 945 год, I Новгородская летопись) содержит как поэтические, так и общеречевые стратегии обращения к лексическому повтору, а также некоторые своеобразные. Одним из них является очень густо представленный в тексте Сказания повтор, возникающий благодаря двойному описанию какого-либо действия: в речевом анонсе и при совершении самого действия. Анонс может носить характер совета или приказа со стороны других лиц (*рекоша дружина Игореви: поиди княже с нами в дань... послуша их Игорь, иде в дерева в дань*) или реплики самого

действующего лица (*рече: а я возвращю ся... возвратися*). Имена в этом случае обычно сохраняют свою форму во втором, «правом», появлении, а глаголы перестраиваются по лицу и наклонению (из будущего или повелительного — в повествовательное прошедшее, из 1-го или 2-го — в 3-е), что создает очень любопытную текстовую игру времен, наклонений и лиц. Лица и времена варьируют и вообще: *придоша — придосте — придохомъ* или реализация всех четырех сочетаний будущего/прошедшего времени и 3/1 лица: *убьютъ — убьемъ — убиша — убихомъ*. Конструкция может быть двууровневой, как в совете Ольги древлянам первого посольства, потом буквально исполняемом ими, в который включен текст требования, обращенный к киевлянам (*понесѣте ны въ лодьи*): оба буквально исполняются, а выражается это цепочкой повторов. Некоторые повторы устанавливают центральные сюжетные, повествовательные скрепы текста, как ключевая формула об Игоре, следующем совету своих дружинников, но не древлян (*и послуша их Игорь — и не послуша их Игорь*). Мотивный повтор нередко основывается на семантическом каламбуре (зовя древлян *на честь велику*, Ольга приказывает выкопать *яму велику*), либо на каламбуре звуковом (*послаша деревляне к Игорю — и не послуша их Игорь*), либо на переходном от одного к другому случае (Игорь *с маломь дружины* — древляне с *князем своим Маломь*). Имена повторяются в основном в предметном значении (чрезвычайно настойчивое упоминание *лодьи* при рассказе о первом посольстве древлян), либо как именования, собственные или нарицательные, основных участников действия. Повторяемые глаголы выстраиваются в более концептуальную картину: доминируют глаголы движения (*поиде*), речи (*рече*), приказания (*повеле*), складываясь в текст о пространственных перемещениях, власти, насилии и речи, равной действию.

Дубовик Валерия Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Тюменский государственный университет

«Беседа трех святителей» в скорописных азбуках-прописях XVII–XVIII вв.

Скорописные азбуки-прописи сложились как единый комплекс в конце XVI — XVII в. Алфавит с примерами начертаний букв, их сочетаний, слов-примеров и связных текстов составлял первую часть азбук, после которой следовал заголовок «Прописи (пописи) учительные», отмечавший начало второй части. В нее входили небольшие тексты; это могли быть отрывки из «Беседы трех святителей» и «Пчелы», а также молитвы, титулы правящих царей, образцы деловых документов и писем. «Беседа трех святителей» — апокрифический памятник, который построен в форме вопросов и ответов, изложенных от лица иерархов православной церкви: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Известно большое количество списков «Беседы», причем под ней зачастую подразумевают даже не один, а три памятника: переводной диалог Григория Богословца и Василия, старейший список которого был помещен в Изборнике 1073 г., переводное «Устроение слов Василия и Григория Феолога, Иоанна», извлеченное из со-

чинения Афанасия Александрийского, и собственно «Беседу», древнейший русский список которой относится к XV в. С XIV в. «Беседа трех святителей» включалась в списки «отреченных» книг в числе «ложных писаний», которые «не достоит держати», что не сказалось на ее популярности и широте распространения в русском государстве. «Беседа» использовалась при составлении учебных пособий, в частности, азбук-прописей.

Вопросы и ответы из «Беседы трех святителей», включавшиеся составителями в азбуки-прописи, можно распределить по следующим группам:

1) загадки, связанные с ветхозаветными текстами (напр., «что есть живъ гробъ хождаше а въ немъ мертвецъ пияше ответ и она во чреве китовъ». РГБ, Ф194, № 53. Л. 15–15об.);
2) загадки, связанные с новозаветными текстами («вопрос что четыре орла едино яицо снесли ответ четыре евангелисты святое евангелие списаша». РГБ, Ф7, № 72. Л. 7);
3) загадки, относящиеся к христианской вере («что есть высота небесная шырота земная глубина морска ответъ отецъ и сынъ и святыи духъ». РГАДА, Ф181, Оп3, № 252 (457). Л. 3);
4) загадки, связанные с явлениями человеческой жизни («что есть человекъ в воде стоит по горло проситъ пити а напитися не можетъ». РГБ, Ф37, картон 427, № 79. Л. 5);
5) загадки о предметах материальной культуры («ни небо ни земъля но видом три созидаютъ а два назирают едины повелеваетъ». РГБ, Ф37, К427, № 79. Л. 5).

Возможно, популярности «Беседы трех святителей» способствовала как вопросно-ответная форма произведения — наиболее подходящая для обучения, так и занимательность, и универсальность самих вопросов. При этом выбор вопросов и ответов из «Беседы», включаемых в скорописные азбуки-прописи, так же как и прочих текстов, не был индивидуален для каждой азбуки — эти тексты составляли достаточно ограниченный, устойчивый и повторяющийся комплекс.

Духанина Александра Владимировна,
к. ф. н., сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

О влиянии текстологии на изучение языка и поэтики Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского

Житие Сергия Радонежского было написано учеником преп. Сергия Епифанием Премудрым через 26 лет после смерти святого, в 1418–1419 гг. На протяжении XV–XVII вв. Житие неоднократно редактировалось.

Сложнейшая текстология этого памятника все еще остается не до конца разработанной, причем одним из самых сложных вопросов является история первой редакции — текста, написанного Епифанием и не сохранившегося как отдельное произведение.

В работах, посвященных текстологии ЖСР, изучение которой началось в XIX в., можно найти разные мнения об атрибуции редакций Жития Епифанию. Однако сегодня можно считать доказанным, что Епифаниевская

редакция ЖСР сохранилась частично в составе Пространной редакции Жития, созданной, по-видимому, в начале XVI в., и представляет собой ее первую часть — до главы «О изведении источника». Учитывая компилятивный характер Пространной редакции (вторая ее часть состоит из глав, взятых без изменений из нескольких редакций Пахомия Серба, который работал над Житием в середине XV в.) и близость ее первой части к другим сочинениям Епифания Премудрого в лингвистическом и стилистическом отношении, можно утверждать, что епифаниевский текст, дошедший до нас в составе Пространной редакции, не подвергался существенной правке. Таким образом, в нашем распоряжении есть только первая часть Епифаниевской редакции ЖСР — какой была ее вторая часть можно только гадать вследствие отсутствия исходного текста.

Этот очевидный вывод, к сожалению, не учитывается в большинстве работ, посвященных изучению языка и поэтики Епифаниевской редакции ЖСР: даже если автор разделяет точку зрения о том, что Епифаниевская редакция известна в составе Пространной (а есть работы, основанные на других теориях об атрибуции редакций ЖСР Епифанию Премудрому), собственно Епифаниевская часть исследуется крайне редко, обычно же текст Пространной редакции берется до главы о преставлении Сергия включительно, т. е. без вычленения части, принадлежащей перу Пахомия Серба, а выводы и наблюдения касаются творчества одного Епифания, что заставляет относиться к ним критически. Данная ситуация, как правило, объясняется игнорированием текстологических проблем и излишним доверием к изданиям, которые в текстологическом отношении фактически остались в XIX в.: наиболее известные из них (в сериях «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси») восходят к изданию архим. Леонида (Кавелина) 1885 г. и содержат текст ЖСР до главы о преставлении Сергия включительно, что связано с определением границ епифаниевского текста В. О. Ключевским.

Изучение Епифаниевской редакции ЖСР не может вестись без учета текстологии. Однако эта аксиома до сих пор не принимается во внимание многими исследователями языка и поэтики сочинений Епифания Премудрого, что не может не отражаться на результатах.

Истратий Виктория Викторовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Семантика слова «обида» в русском языке второй половины XVIII в.

В русском языке XVII — начала XVIII в. еще не существовало общепринятого лексического обозначения понятия ‘преступление’. В этом качестве могли использоваться слова *воровство*, *злодейство*, *преступление*, *лихое дело*, *дурно*, *грех*. В XVIII в. этот ряд пополнился новыми элементами, одним из которых было слово *обида*.

В древнерусских памятниках слово *обида* фиксируется с XI в., где употребляется в т. ч. для обозначения морального и материального ущерба,

причиненного человеку. Это значение, которое слово сохраняло до конца XVIII в., с середины столетия позволило использовать его в качестве русского соответствия иноязычным терминам, обозначающим гражданские правонарушения — англ. *civil injury*, франц. *injure civile*, *injure personnelle*. Примеры такого употребления слова *обида* довольно многочисленны и встречаются как в специальных сочинениях (речах профессоров Московского университета К. Лангера, С. Е. Десницкого, «Наказе Уложенной Комиссии» Екатерины II), так и в художественной литературе (сочинениях Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, переводных произведениях). Поскольку соответствующие иноязычные термины были составными, в переводных текстах и текстах, ориентированных на западноевропейскую терминологию, слово *обида* часто сопровождалось определениями *гражданская*, *личная*, *персональная*. Следствием этого стало то, что сам термин приобрел значение гиперонима и без уточняющих определений мог употребляться в качестве общего наименования всех случаев нарушения закона, в т. ч. и уголовных преступлений. В частности, такие примеры встречаются в трехтомном переводном трактате «Истолкования аглинских законов» (перевел с английского С. Е. Десницкий, 1780–1782 гг.), где слово *обида* может соответствовать терминам *wrong* и *offence* оригинала. Но в целом такие случаи были относительно немногочисленны.

В качестве же наименования гражданского правонарушения слово *обида* использовалось до конца XVIII в. Однако на протяжении всего столетия оно подвергалось постепенной детерминологизации и в первой трети XIX в. оказалось вытеснено из специального языка во всех значениях.

Лехно Екатерина Юрьевна,
сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Бессоюзные сложные предложения в «Путешествии по Сицилии в 1822 году» А. С. Норова

В докладе рассматривается функционирование бессоюзных сложных предложений в «Путешествии по Сицилии в 1822 году» Авраама Сергеевича Норова.

В исследуемом тексте А. С. Норова подавляющее большинство бессоюзных сложных предложений представлено с перечислительными отношениями, что характерно для литературных путешествий конца XVIII — начала XIX в., поскольку связано с интенцией жанра — показать место, событие глазами путешественника. В то же время для А. С. Норова важно выразить и свои чувства, эмоции, поэтому нередко бессоюзные предложения предваряются восклицательными предложениями: «*Как пленила меня первая представившаясь глазам моим картина! Прозирая сквозь яркую зелень миндалевых дерев, полуразвалившийся храм Юноны Люцины венчал живописный холм, покрытый разрушением; ряд Дорических колонн рисовался по лазури простертаго позади моря*» [Норов, 1828: 125].

Восклицание может находиться и внутри бессоюзного сложного предложения: «*Груды камней, разброссыная по вершинам их, остановили наше вни-*

мание: — увы! то были стены могущественных Саракуз!» [Норов, 1828: 22]. В данном бессоюзном сложном предложении с пояснительными отношениями вторая часть вводится междометием «увы!», которое делает его оценочным.

Следует отметить экспрессивные конструкции — бессоюзные сложные предложения с перечислительными отношениями с анафорическими повторами, которые используются для акцентирования внимания читателя на описании места, события: «*Вот уже мы у стен Ортигии; вот и Аретуза, жалобно вырывающаяся из-под стены, и поспешающая в лоно вернаго Алфея»* [Норов, 1828: 76].

Бессоюзные сложные предложения являются самой свободной, гибкой структурой сложного предложения, что позволяет автору экспериментировать, находить новые решения для выражения собственного мнения к происходящему, увиденному. Исследование бессоюзных сложных предложений в текстах начала XIX в. помогает понять не только функционирование отдельных синтаксических единиц, но и всей синтаксической системы русского языка в целом в эпоху становления современного литературного языка.

Таким образом, бессоюзные сложные предложения в «Путешествии по Сицилии в 1822 году». А. С. Норова служат не столько для создания описательных статичных картин природы, городского пейзажа, сколько являются важнейшим инструментом в создании личного отношения автора ко всему происходящему во время путешествия. Литературное путешествие — один из наиболее распространенных жанров в конце XVIII — начале XIX в. Отметим, что путешественники обращаются не к жанру очерка, но к жанру литературного путешествия, который позволяет не только описывать места, события, но и включать в текст собственные размышления.

Литература:

Норов А. С. Путешествие по Сицилии в 1822 году. Ч. 1, 2. СПб., 1828.

Мольков Георгий Анатольевич,
научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Оформление глагольных окончаний 3-го лица в Погодинском евангелии (РНБ, Погод. 11) как источник гиперкоррекции

Погодинское евангелие относится к тем немногочисленным древнерусским рукописям, в которых достаточно часто наблюдается орфограмма *-тъ* в глагольных формах настоящего времени 3-го лица.

Из 133 примеров использования варианта *-тъ* в формах 3-го лица большинство (104 примера) приходится на глаголы атематического спряжения, таким образом, вариант *-стъ* является для основного писца рукописи более приемлемым, чем *-тъ* в глаголах тематических классов.

Активное устранение написания *-тъ* в тематических глаголах являлось непосредственной задачей писца Погодинского евангелия, т. е. его анти-

граф характеризовался преимущественным использованием этого южнославянизма; об этом говорит большое количество гиперкорректных форм, возникших на почве устранения написания *-тъ*: писец ошибочно устранял конечное *-тъ* не только в глагольных формах (аористе с «наращением» в 3-м лице, супине), но даже в именных формах (ср. имен. падеж существительных *животъ, пилатъ* и др.).

С учетом ранней хронологии устранения орфограммы *-тъ* в древнерусской письменности (по В. М. Живову, она является наименее устойчивой южнославянской орфограммой) можно рассматривать отражение ее активного устранения в рукописи как датирующий признак: в Погодинском евангелии можно видеть раннюю стадию устранения этой орфограммы (с разницей по глагольным классам), в то время как уже в рукописях XI в. наблюдается полное ее устранение; это при наличии в Погодинском евангелии целого ряда других архаичных языковых особенностей позволяет с уверенностью отнести время создания рукописи к XI в.

Попов Михаил Борисович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Об относительной хронологии падения редуцированных, появления нового ятя (/ê/) и /ô/-закрытого в древнерусском языке

Добрилово евангелие 1164 г., последовательно отражающее новый ѣ и изменение редуцированных в слабой и сильной позициях, обычно рассматривается как памятник, материал которого согласуется с гипотезой о заместительном продлении гласного в новых закрытых слогах, выдвинутой еще Ф. Миклошичем в середине XIX в. и принятой другими учеными, в частности А. И. Соболевским, который обнаружил новый ѣ в галицко-волынских рукописях XII–XIV вв. Согласно этой точке зрения, до сих пор преобладающей в палеорусистике, после утраты слабых еров в новых закрытых слогах происходило не только заместительное удлинение гласных /е/ и /о/, рефлексы которых значительно позднее давали в украинском /і/, но и прояснение сильных еров в /е/ и /о/. Альтернативный подход (Ю. В. Шевелев и др.) исходит из того, что /е/ и /ê/ различались по признаку подъема, соответственно, /е/ переходил в /ê/ вследствие повышения подъема под влиянием слабого /ь/, который как и /ê/ был гласным более высокого подъема, чем /е/. Какой бы признак ни вызвал изменение /е/ > /ê/, новый /ê/ должен был фонологизоваться до исчезновения слабого /ь/, т. к. после утраты слабого /ь/ перестали бы существовать и условия, вызывавшие удлинение и/или сужение /е/, превращающее его в /ê/. Если альтернативная гипотеза верна, можно ожидать существование таких памятников, в которых отражается новый ѣ, но при этом отсутствует отражение утраты по крайней мере неконечных слабых редуцированных. В настоящее имеется по крайней мере один такой памятник — Суздальский змеевик (СЗ). Если верна наиболее ранняя датировка СЗ (1-я пол. XII в.), то это самый древний памятник с новым ѣ. Как показало исследование

А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка, в СЗ /ê/ обозначается буквой ѣ, а все как слабые, так и сильные еры сохраняются, причем буквами ь и ъ обозначаются не только /ь/ и /ъ/, но также /е/ и /о/. Наряду с новым /ê/ в СЗ отражен и новый /ô/ галицко-волынского типа. Такая графическая система могла сформироваться после возникновения новых /ê/ и /ô/, но до утраты слабых редуцированных следующего слога и прояснения сильных в /е/ и /о/. Из двух альтернативных решений — обозначать на письме различие между /е/, /о/ и /ê/, /ô/, пожертвовав различением /е/, /о/ и /ь/, /ъ/ или наоборот — сохранить различение /е/, /о/ и /ь/, /ъ/, игнорируя новое противопоставление, — в условиях начавшегося падения редуцированных было выбрано первое. Таким образом, СЗ отражает такое состояние звуковой системы галицко-волынского говора, когда фонологическое изменение — появление новых /ê/ и /ô/ — уже осуществилось (т. к. на письме отражаются только фонологические различия), а условие, вызвавшее его, — наличие слабого редуцированного в следующем слоге — еще сохранялось.

Рождественская Татьяна Всеволодовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Новонайденная древнерусская кириллическая надпись XII в. из Франции

В последнее десятилетие в Софии Константинопольской, в Вифлееме, в Провансе (Франция) обнаружены многочисленные древнерусские паломнические надписи-граффити XII–XIII вв., свидетельствующие о путях русских пилигримов не только в Святую землю, в Иерусалим, но и в другие «святые» места далеко за пределами Руси [Артамонов, Гиппиус, Зайцев, 2012]. Одним из таких свидетельств является и новонайденная надпись на портале церкви Сен-Вивьен в г. Понс (провинция Сентонж, юго-западная Франция). Надпись сделана на каменном блоке крупными буквами, рядом с искусным изображением процветшего креста. Это изображение является столь же ярким этнокультурным знаком, что и кириллические буквы текста. В надписи сообщается о том, что некто *Иван Завидович* писал, «идя к святому Иакову». Палеографическая и лингвистическая датировка надписи — конец XII в. Целый ряд письменных и археологических свидетельств позволяют связать автора надписи с Новгородом. Надпись документирует связь древнерусских паломников с Сантьяго-де-Компостела и вкупе с другими древнерусскими граффити из Константинополя, Вифлеема, Прованса демонстрирует активность грамотных пилигримов из Руси, идущих «к святым местам».

Литература:

1. *Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В.* Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии. Предварительные итоги исследования. // 1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященного Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 282–292.

2. *Артамонов Ю. А. Гиппиус А. А.* Древнерусские надписи Софии Константинопольской // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 41–52.
3. *Гиппиус А. А., Артамонов Ю. А., Зайцев И. В.* «И с отцем и с материю и со всею братьею»: Два древнерусских граффито из базилики Рождества в Вифлееме // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 86–91.
4. *Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S. M.* Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France // Slověne. Vol. 3. № 2. 2014. Pp. 110–129.

Соколов Евгений Геннадьевич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Греческие отзвуки в русском переводе с латыни XVI в.: синтаксические казусы русской версии письма Трансильвана о Молуккских островах

Перевод письма Максимилиана Трансильвана о Молуккских островах известен по одному списку XVI в. (РНБ Q.IV.412) и традиционно (по историко-культурным соображениям) приписывался Дм. Герасимову [Казакова, 1980: 145; Цыпкин, 1990: 380]. Существуют работы, оспаривающие эту атрибуцию [Wimmer, 1990: 52–53; Wimmer, 2005: 72; Соколов, 2014: 67–68]. В частности, Э. Виммер отмечает нетипичную для Герасимова манеру перевода и наличие грецизмов в тексте. Еще до знакомства с работами Виммер мы также заметили [Соколов, 2014: 63–67] присутствие в переводе греческих элементов. Виммер, однако, интересовали риторический и лексический аспект перевода, а в нашей статье [Соколов, 2014: 63–67] грамматические грецизмы были даны без подробного анализа.

Наш доклад посвящен славянским синтаксическим оборотам греческого происхождения в переводе письма Трансильвана, а именно — конструкциям с *иже*, *еже*, *яже*, восходящим исторически к калькам оборотов с артиклем, наподобие [PP по еже отлучитися имъ] = [CP postquam…discesserant], [NP еже къ испании възвращение] = [NP regressum in Hispaniam]. Они не базируются на латинском тексте и заменяют различные латинские обороты. Следовательно,

1) переводчик пользуется более сложной техникой перевода, чем пословная или грамматическая;
2) употребление конструкций с *иже*, *еже*, *яже* достигает в языке переводчика автоматизма, позволяющего адекватно вводить их в ткань текста при ином строении оригинала;
3) это говорит о закреплении таких оборотов в книжном языке начала XVI в. и о необходимости описания их дистрибуции.

Для сравнения привлекаются оригинальные тексты XV–XVI вв., а также переводы круга митрополита Киприана, положившие начало широкому использованию грецизованных конструкций с *иже*, *еже*, *яже* в русской письменности времен второго южнославянского влияния.

Проверяется утверждение Э. Виммер о схожести перевода Трансильвана с переведенным Максимом Греком сочинением Энеа Сильвио Пикколомини De captione urbis Constantinopolitanae.

Литература:

1. *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России / под ред. Д. С. Лихачёва. Л.: Наука, 1980. 280 с.
2. *Соколов Е. Г.* «De Moluccis insulis» Максимилиана Трансильвана в русском переводе XVI в.: задачи и перспективы лингвистического исследования // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып. 3. Сентябрь 2014. СПб., 2014. С. 60–70.
3. *Цыпкин Д. О.* Сказание «О Молукитцкых островех» и Повесть о Лоретской Богоматери // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 378–386.
4. *Wimmer E.* Die russisch-kirchenslavische Version von Maximilian Transylvans : De Molvccis insulis … epistola und ihr Autor. // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1990. Band L, Heft 1. S. 51–66.
5. *Wimmer E.* Novgorod ein Tor zum Westen? Die Übersetzunstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischof Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500). Hamburg, 2005.

Щекин Алексей Сергеевич,

к. ф. н., старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Обозначение западноевропейских титулов и должностей в статейных списках русских посольств в Европу XVI–XVII вв.

Важным источником по истории русско-западноевропейских языковых контактов в XVI–XVII вв. являются статейные списки (отчеты) русских посольств, посещавших страны Западной Европы. Среди таких дипломатических миссий можно назвать посольства И. М. Воронцова (1567–1569 гг.) в Швецию, Ф. А. Писемского (1582–1583 гг.) и Г. И. Микулина (1600–1601 гг.) в Англию, И. Г. Кондырева (1615–1616 гг.) в Голландию и Францию, П. И. Потемкина (1667–1668 гг.) в Испанию и Францию и др.

Чаще всего при для обозначении титулов и должностей, существующих в странах Западной Европы, русские дипломаты стараются использовать соответствия, принятые в русской общественно-политической терминологии того времени. Например, должностное лицо, управляющее тем или иным городом или областью, обозначается словом *воевода* (Ст. сп. Кондырева) или *державец* (Ст. сп. Потемкина). По отношению к министрам и советникам европейских монархов употребляются термины *боярин* или *большой боярин* (Ст. сп. Воронцова, Ст. сп. Микулина), *ближний человек* (Ст. сп. Кондырева), *думный дьяк* (Ст. сп. Писемского), представители феодальной аристократии повсеместно именуются *удельными князьями*.

С другой стороны, в статейных списках остается непереведенным целый ряд терминов, не имевших прямых соответствий в русском языке той эпохи: *алдраман* (англ. aldermen) ‘олдермен (член городского совета в Англии)’, *викунт* (англ. viscount) ‘виконт’, *гертох* (нем. Herzog) ‘герцог’, *грав* (нем. Graf) ‘граф’, *дюк* (фр. duc) ‘герцог’, *ерль* (англ. earl) ‘граф’, *конатабль* (фр. connétable) ‘коннетабль (главнокомандующий вооруженными силами во Франции)’, *конт* (фр. comte) ‘граф’ и др. В ряде случаев в текстах статейных списков непереведенными остаются целые терминологические

сочетания: *лорд кипер* (англ. lord keeper [of the great seal]) ‘лорд хранитель большой государственной печати’, *лорд чиф джестес* (англ. lord chief justice) ‘главный судья’, *премир маршал ду Франц* (фр. premier maréchal de France) ‘первый маршал Франции’.

В различных текстах для обозначения одной и той же должности могут использоваться как собственно русские слова или описательные обороты, так и заимствования. Так, для обозначения командующего флотом Швеции в статейном списке посольства И. М. Воронцова используется описательный оборот *воевода большой над суды*. В статейных списках посольств Г. И. Микулина и И. Г. Кондырева лица, занимающие соответствующие должности в Англии и Франции, обозначаются заимствованным словом *адмирал* (*амарал*) (англ. admiral, фр. amiral).

Таким образом, лексические материалы статейных списков русских посольств в Западную Европу позволяют проследить влияние западноевропейской общественно-политической терминологии на соответствующую лексику русского языка в условиях расширяющихся контактов Московского государства с зарубежными странами.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Алексеев Александр Валерьевич,
к. ф. н., доцент, Московский городской педагогический университет

Символические значения в истории слов «тьрпѣти» и «тьрпѣние»

Семантическое развитие производящего глагола *тьрпѣти* и производного существительного *тьрпѣние* необходимо рассматривать параллельно, поскольку при употреблении глагола определялись понятийные и символические признаки, закрепляемые впоследствии в лексических значениях производного существительного. Для понимания предпосылок семантической филиации необходимо привлекать этимологический материал: внутренняя форма глагола *тьрпѣти* отражает праславянскую картину мира, в которой физическое состояние человека становилось проекцией по отношению к духовно-нравственным феноменам. При анализе употребления слов в переводных памятниках письменности необходимо учитывать семантику греческих слов-источников, прежде всего ὑπομονή и μακροθυμία. Сопоставление лексического употребления в переводных и оригинальных текстах позволяет установить пути формирования собственно древнерусского концепта *тьрпѣние*, который включал различные содержательные формы (образ, понятие, символ) и выражался лексемами *тьрпѣние* (основная лексическая форма), *прѣтьрпѣние*, *дълготьрпѣние* (вариантные формы). В семантической структуре лексемы *тьрпѣние* необходимо разграничивать минимум четыре значения:

1) ‘стойкое переживание тягот, физического страдания, напастей’;
2) ‘милостивое отношение Бога к грешникам’;

3) ‘духовно-нравственное качество человека: безропотное переживание физических и социальных тягот, неудобств, уподобляющее человека Господу и необходимое для спасения души’;
4) ‘стойкость в какой-либо деятельности’.

Первые два значения, соотносимые с греческими существительными ὑπομονή и μακροθυμία, отражали понятийную составляющую концепта. Четвертое значение, в минимальной степени определенное, отражало способность слова к широкому образному употреблению. Второе значение представляло собой символическую структуру, именно оно определяло культурную значимость слова *тьрпѣние* в древнерусский период, символическую связь: ‘безропотное страдание из-за неудобств и грехов’ => ‘спасение души’.

Гаврилов Сергей Николаевич,
доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга

Концептосфера русской правовой ментальности: к постановке проблемы

1. Доминирующее в юридической науке стремление оперировать понятиями традиционно. Однако исследование права и закона, особенно в их историческом измерении, не должно ограничиваться лишь рациональным уровнем.
2. По причине отсутствия в юридической науке надлежащей методологической основы для исследования правовой ментальности, в работах правоведов часто осуществляются лишь интуитивные попытки описать правоментальную картину. В результате проявляется «сбой, возникающий между объектом исследования и методом, с помощью которого объект изучается», что, в свою очередь, «искажает реальные признаки и принципы русской ментальности» (В. В. Колесов), в т. ч. и правовой.
3. Именно концепт, являющийся не только продуктом рационального мышления, но и хранящий на себе печать эмоций, чувств, интуиции и иных результатов когнитивной (духовной) деятельности, должен рассматриваться в качестве основной единицы русской правовой ментальности. Основой концептуальной базы (КБ) является обычное русское право как материальное, живое воплощение русской правовой ментальности (ее «слепок»), представляющее собой некий «незасоренный» воздействием позитивного права (закона) ментальный фон. Вместе с тем значительную часть КБ составляют именно закон и «законоприменительная» практика, дающие материал для анализа состояния ментальных установок, которые базируются на обычноправовой традиции (ее формирующих), но подвержены позитивистско-правовому воздействию.
4. Ситуация правового дуализма, сложившаяся в России начиная с XVIII в. и развивавшаяся в последующие исторические периоды, предоставляет уникальную возможность для исследования русской правовой ментальности. В частности, это возможность анализа процесса и последствий

правовой интервенции западного правоподхода (вестернизации закона), а также выявления степени устойчивости правовых ментальных установок и степени возникшей (проявившейся) эрозии правовой ментальности.

5. Реконструкцию концептов русской правовой ментальности целесообразно осуществлять:
   - в контексте вопроса правопонимания, а также культурно-правовой парадигмы «премодерн — модерн — постмодерн»;
   - применительно к отдельным историческим периодам, с учетом фактора динамики изменения (устойчивости) ментальных установок;
   - как единиц (ре)продуцированных разными группами правовых субъектов (в т. ч. законодателем, правоприменителем, субъектами права).
6. Результатом исследовательской работы может стать реконструированная концептосфера русского права и правовой ментальности как части «концептуального поля русского сознания» (В. В. Колесов), в виде сети образов, понятий, символов, концептумов, маркирующих собой правовые феномены (явления) в их развитии, с картиной динамики изменения правовых ментальных установок.

Гаврилова Марина Владимировна,
д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

(Пере)осмысляя слово «культура»: концептуальные разночтения в русском институциональном дискурсе

Тема культуры является частью семантической структуры русского институционального дискурса новейшего времени. В политическом дискурсе с 1991 г. понимание культуры изменяется в зависимости от целей развития страны, общественных интересов и политического курса российских президентов. Во время президентства Б. Н. Ельцина культура трактовалась как условие мирного перехода к демократии и упоминалась в выступлениях о политических и экономических реформах. Для Д. А. Медведева культура — это источник модернизации общества, понятие включено в тематические блоки «Креативность», «Экономика», «Инновации», «Талантливые дети и молодежь», «Туризм» и др. В. В. Путин осмысляет культуру, говоря о рынке, единстве страны, национальном самосознании, истории, суверенитете и др. Парламентские партии трактуют культуру как ‘высокие достижения общества в промышленной, социальной и духовной жизни’ и используют слово для формирования семантической оппозиции «мы» и «они», противопоставляя «нашу/настоящую/русскую/высокую культуру» и «их/западную/капиталистическую/низкую культуру/псевдокультуру». Интересно, что анализ сочетаний «глагол + культура» показал, что по сравнению с советским периодом актуализируются различные действия по отношению к культуре. В новейшем политическом дискурсе частотны выражения *защитить*, *сохранить*, *использовать*, *продвигать*

и развивать культуру. Преобладание смыслового значения ‘сохранить, чтобы не потерять’ можно объяснить тем, что политические партии (за исключением «Единой России») характеризуют текущее состояние культуры как катастрофическое. Под влиянием английского языка изменяется предметное значение и лексическая сочетаемость слова в рекламном и медийном дискурсе, где культура понимается как ‘образ жизни’, ‘способ социальной организации общества’, ‘общепринятые модели поведения и взаимодействия людей’. Внедряются в общественное сознание словосочетания *культура насилия*, *культура шопинга*, *культура потребления* и др. Анализ креолизованных рекламных текстов свидетельствует об изменении коннотативного значения слова. При помощи дискурсивной стратегии реконтекстуализации текст помещается в нейтральный и/или отрицательный контекст, снижая положительную оценку слова. В юридическом дискурсе («Основы государственной культурной политики», 2015) мы наблюдаем расширение значения слова: от узкого определения (часть социального блока, работа учреждений культуры, услуги, досуг) до широкого толкования культуры как общественного блага и исторического наследия, системы ценностей и нравственных идеалов. Таким образом, в институциональном дискурсе новейшего времени наблюдается концептуальная разноголосица в (пере)осмыслении культуры, что свидетельствует об изменении характера отображения действительности и идеологического ракурса ее рассмотрения.

Донина Людмила Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Объяснительная сила концептологии (на примере проблематики функциональной стилистики)

1. Достижения когнитивной лингвистики (в частности, в трудах петербургской школы В. В. Колесова) могут и должны быть использованы в тех областях языкознания, которые изучают язык не только как структуру, но как единство структуры, системы и функции. В докладе рассматриваются некоторые положения когнитивистики в применении к функциональной стилистике, которая «раньше других разделов языкознания <…> обратилась к исследованию динамического состояния языковой системы» (В. Н. Телия).
2. Функциональная стилистика исследует, «какие экстралингвистические факторы и каким образом детерминируют когнитивно-речевую деятельность социума в различных сферах коммуникации» и находит множество «этих факторов (поскольку они бесконечны)» (М. Н. Кожина). С точки зрения петербургской когнитивистики определены важнейшие из них, логически выявлены их внутренние связи. Коммуникативно-информационная функции (язык как средство общения) не может быть оторвана от речемыслительной (когнитивной); в речевой деятельности можно выделить три аспекта, соотносимые с сознанием, знанием и познанием. Они связаны с типами языка, их социологически три:

профанный, профессиональный (терминологический), сакральный. Лингвистически это один язык с разными функциями, которые в общенациональном языке представлены его функциональными стилями, коррелирующими с тремя формами мысли: риторической, поэтической и логической (В. В. Колесов. Философия русского слова и др.). Такой комплекс взаимосвязанных факторов дает надежную базу для определения функциональных стилей.

3. С точки зрения когнитивной лингвистики может быть по-новому решен важнейший вопрос о функционально-стилевой закрепленности единиц и нейтральных единицах. Понимание цельности слова открывается через учение о концептуме (Колесов В. В. «Язык и ментальность» и др.). Определенный концептум может выявляться только в форме образа (тогда ему припишут принадлежность к разговорному или публицистическому стилю) или только в форме понятия: например, заимствованный гипероним будет закреплен за деловым, научным стилями. Если реализацией концептума является только символ, окраску слова легко признать церковно-религиозной. Выбор говорящим формы проявления концептума происходит интуитивно «в условиях конкретной обстановки данного момента» (Л. В. Щерба), слушающий определяет стиль, не нуждаясь в контексте. Концепт может реализоваться во всех трех формах, тогда в стилистике и говорят о нейтральных словах, возможных в текстах любой функциональной отнесенности; стиль определяется по кратчайшему контексту: *бег по кругу* и *бег за уходящим автобусом*, *бег (отрыв конечностей от поверхности) как причина дисквалификации в спортивной ходьбе*; *опоздать в школу*, *народная школа*, *школа жизни*.

Колесов Владимир Викторович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивная лингвистика на фоне лингвистики формальной

1. В докладе описывается развитие языкознания (основание — *что*?) в двух традиционных видах — формальная и когнитивная (условие — *как*?) в процессе познания (причина — *почему*?) ради получения достоверного знания (цель — *зачем*?). Совокупный ответ на все четыре вопроса аристотелевых причин, описанный в терминах семантической константы, намечает приемлемые пути в развитии современного языкознания.
2. Изложение ведется в рамках *концептологии* — универсальной сферы когнитивной лингвистики интегрального характера, в разных формах широко представленной в отечественных университетах с позиции философского *реализма*.
3. В конечном счете, показана логическая последовательность в смене лингвистических форм как приближение к пониманию *сущности* живого языка в его антропоцентрическом измерении. «Три волны» формальной лингвистики в своем *аналитическом* дуализме сменились

«тремя волнами» когнитивной лингвистики в *синтетическом* единстве смыслов. Произошло замещение позиции изучения: от пассивного «языка» слушающего к активному «языку» *говорящего*.

Пименова Марина Васильевна,
д. ф. н., профессор, Владимирский государственный университет

Концептуальные формы русской ментальности и выражение оценки

В докладе на материале лексических единиц, выражающих **оценку**, рассматривается историческая последовательность смены концептуальных форм русской ментальности (*ментализации, идеации, идентификации* — В. В. Колесов).

Оценочные формулы-синтагмы включают в свой состав словоформы с синкретсемичными корневыми элементами (*крас-, добр-, благ-, зъл-, худ-, черн-, страш-* и др.), их устойчивость предопределена общностью **вида** (структурно-семантических моделей, по которым они образованы).

Наш материал показывает, что ядерными являются формулы-синтагмы, содержащие особый **показатель оценочности — творительный падеж ограничения/отношения**, который указывает на основание оценки) при синкретсемичном имени прилагательном, обозначающем общее (мелиоративное/пейоративное) качество объекта оценки (*красна лицем, взором красенъ, красна, добра образомъ, худи образом, образомъ черни, зълъ лицемъ* и др.).

В отдельных контекстах в творительном падеже отношения могут стоять синкретсемичные имена существительные (*красота, доброта, величество* и др.) при действительных причастиях с корневыми элементами *сиј-, блист-*, указывающими на «внешнее» («воспринимаемое зрением») основание оценки (*красотою сияюща, блистающася добротою, величьствомъ сияющь*), а также при образованных от глаголов речи причастий страдательного залога, эксплицирующих мелиоративную эстетическую оценку через отрицание возможности объективной оценки (**«утверждение через отрицание»** — *неизреченны добротою, несказанна красотою*).

К ядерным средствам выражения оценки относятся также согласованные в падеже атрибутивные сочетания **«качественное имя прилагательное + имя существительное»**, в которых на знак оценки указывает именное/местоименное прилагательное, а на объект оценки (одушевленный/неодушевленный) — имя существительное, причем если данные формулы-синтагмы восходят к фольклорному источнику (*красна девица, добрый молодец, белые руки, лицо белое, ясные очи, раздолие высокое, черный ворон*), они традиционно рассматриваются как сочетания с «постоянным эпитетом» (А. Н. Веселовский, А. П. Евгеньева, В. М. Жирмунский, П. Д. Первов, А. А. Потебня, В. Я. Пропп), а если они имеют книжное происхождение (*отрокы красныя, град чюден, златыя/худыя ризы, нарядное платье*) — как «устойчивый книжный атрибут» (Н. Г. Михайловская).

Полковский Николай Константинович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Колесов В. В., д. ф. н., профессор

Исследование категории вида в контенсивной грамматике

Контенсивная грамматика (*лат.* contens — контекст) исследует материал в зависимости от контекста. С. Д. Кацнельсон выделял «скрытую» грамматику, т. е. грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов. Многие грамматические категории оказываются «запрятанными» в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении. Именно грамматические, или, точнее, категориальные, признаки в содержании слова образуют инструментарий скрытой грамматики.

Современная концепция вида как внутреннего времени снята с древней категории времени со сложной системой форм. Вид отражает реальную длительность времени, воспринимаемую говорящим как содержание (признак) действия.

В лингвистике существует два понятия: «вид» и «аспектуальность». А. А. Бондарко утверждает, что аспектуальность — это то, что охватывает различные средства выражения в характере протекания действия. В качестве морфологического ядра данной категории выступает глагольный вид. Он рассматривается как морфологическая категория, которая находит выражение в системе противопоставленных друг другу форм совершенного и несовершенного видов или в противопоставлении разных глаголов, как объединенных в видовые пары, так и непарных.

Понятие «аспектуальности» шире понятия «вид». Аспектуальность охватывает не только вид, но и способы действия, т. е. семантические разряды глаголов, которые определяются по признаку сходства в типах протекания глагольного действия. Неглагольные лексические показатели наподобие наречий тоже имплицитно содержат в себе указание на характер протекания действия.

Исследование совершенного и несовершенного видов возможно только в контексте, потому что они выполняют функции, предопределенные смыслом высказывания, его лексическим наполнением. Категория вида является родовой по отношению к пространству и времени.

В отличие от А. В. Бондарко, С. Д. Кацнельсон писал, что русский совершенный вид вовсе не всегда выражает достигнутый предел. Достижение предела — лишь одно из значений русского вида, лишь одна из разновидностей его значения. В целом же совершенный вид имеет значение точечное, «пунктуальное», моментное (не обязательно моментальное, мгновенное). Достижение предела в совершенном виде выражают только глаголы предельные, да и то не все.

Контенсивная грамматика исследует категории сознания, данные в познании языка, тогда как когнитивная интересуется не сознанием, а готовым знанием. Концептология также изучает категории, но не синтагматически,

т. е. в тексте, а парадигматически — в системе. Для нее дуализм сущности и явления лежит в другой плоскости, не как «вид — аспектуальность», а как вид в отношении к другим категориям языка.

Романова Татьяна Владимировна,
д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Толерантность с точки зрения национальной ментальности

1. Доклад посвящен оценочной интерпретации понятия толерантность через призму свое/чужое в русском национальном сознании. Проблема рассматривается в лингвистическом аспекте: лексико-семантическом, лингвокультурологическом (коммуникативном), когнитивном — с точки зрения синхронии и диахронии.
2. Развитием и освещением идеи толерантности в русской философской картине мира мы обязаны Н. А. Бердяеву, Н. Я. Данилевскому, И. А. Ильину, А. С. Хомякову и другим философам. Распространено мнение, что русскими философами толерантность не признавалась как специфическая черта национального самосознания, а идея толерантности не пользовалась в России популярностью, хотя и отождествлялась с такими христианскими заповедями, как «Возлюби ближнего твоего» (Евангелие от Марка 12:31) [Новый завет и псалтырь, 1992: 54], «Не противься злому» (Евангелие от Матфея 5:39) [Там же: 5]. Для ранних русских религиозных философов, т. н. славянофилов (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин), толерантность не была, конечно, привычной категорией. Однако ими были затронуты некоторые вопросы, так или иначе связанные с проблемой толерантности. Особо значимыми в концепции толерантности являются труды В. С. Соловьева. Так, В. С. Соловьев в пятой главе («О добродетелях») своего знаменитого труда «Оправдание добра» пишет о *терпеливости* и *терпимости*. Терпимое, доброжелательное отношение к ближнему, даже если он является носителем других взглядов и/или доставляет нам те или иные неудобства, является одним из главных требований христианского вероучения.
3. Вопрос о соотношении понятий толерантность — терпимость — терпение является дискуссионным и для современных гуманитарных наук.
4. Для характеристики ментального восприятия чрезвычайно важным является оценочный аспект толерантности. Для констатации современного состояния проблемы нами был собран специальный мини-корпус текстов о толерантности. В него вошли тексты на русском языке, опубликованные в сети Интернет и затрагивающие проблему толерантности. Анализ контекстов и частотных сочетаний показал:
   1) аспекты восприятия толерантности участниками интернет-коммуникации;
   2) средства выражения оценочного отношения к толерантности;
   3) концептуальные признаки толерантности, «подверженные» оценочной интерпретации.

5. Толерантность как социальный регулятив оценивается неоднозначно не только российским обществом. В современной мировой философии также допускается критика толерантности.

Шейко Елена Владимировна,
к. ф. н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Эмоциональные концепты как отражение духовной жизни людей в древнерусской языковой картине мира

Эмоции человека и механизмы их лингвистического обеспечения всегда были предметом научных изысканий. Несомненно, что эмоции — это переживания, которые связаны с самосознанием человека. Сами эмоции тесно связаны друг с другом, и проблема их упорядочения и описания остается по-прежнему актуальной. В нашем исследовании мы придерживаемся широкого понимания и включаем в группу эмоций *радость, горе, грусть, печаль, тоску, тревогу, любовь* и т. д., т. е. понятия, выражающие как сами чувства, так и их проявления, внутренние и внешние, в виде различных эмоций и реакций на них. Эмоции могут также рассматриваться как явления, обладающие концептуальным содержанием и структурой. Под структурой эмоционального концепта понимается его понятийная, образная, культурная и оценочная составляющие. Эмоциональные концепты могут возникать и зарождаться в конкретной социально-исторической ситуации, в определенном социуме, на определенном этапе его развития. В связи с этим определенный интерес представляет общественно-исторический опыт человека, истоки зарождения и проявления тех или иных концептов. Условия жизни людей, их материальный и духовный мир определяют сознание и поведение, что находит отражение в языке, иными словами, в языковой картине мира. Нас же интересует реконструкция эмоциональных концептов в том виде, в каком они зафиксированы в древнерусских памятниках письменности. Базовыми составляющими эмоциональных концептов в древнерусском языке являются ***страх*** и ***боязнь***. Это отрицательные эмоции, которые проявляются при получении информации о возможной угрозе жизненному благополучию человека, о реальной или воображаемой опасности. Страх древние славяне испытывали преимущественно перед Богом, боясь его гнева, немилости. Но не встречаются в текстах примеры, описывающие страх перед врагом. Народ мужественно противостоял вражескому натиску, хотя государство часто подвергалось нападениям. ***Гнев, обида, злоба*** — чувства, которые направлены на других людей и которые вызваны какими-либо стрессовыми ситуациями, нередко возникающими между людьми. В памятниках письменности они представлены большим количеством примеров. ***Веселие, радость*** — концепты, которые редко встречаются в текстах, что объясняется культурными и поведенческими стереотипами. Анализ древнерусских памятников письменности показал, что в них преобладают эмоциональные концепты, выражающие ***горе*** и ***печаль***. Это объясняется тем, что в летописях повествуется о грозных и страшных событиях, обрушившихся на людей: о непогоде, неурожае, голоде, болезнях,

набегах кочевников, внутренних распрях, от которых терпел муки народ. Кроме того, воспитание человека осуществлялось на примере чужих страданий. Можно предположить, что в Древнерусском государстве нравственное воспитание осуществлялось через страдание и сострадание.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Батищева Екатерина Сергеевна,
старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Авторская позиция в изображении литературной жизни в России в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

1. Работа над «Идеологическим словарем повести М. Горького „Жизнь Клима Самгина“» ставит вопрос о способах выделения авторской позиции по отношению к отдельным идеологически значимым единицам.
2. Установка М. Горького на приглушение своего личностного начала в тексте повести [Сухих, 1992: 122], организация текста вокруг работы сознания главного героя, нелинейность повествования делают трудным выделение авторской речи и авторской точки зрения.
3. Согласно принципам словаря, анализ единиц проводится уровнево. В первую очередь рассматривается функционирование единицы в рамках текста повести, затем привлекаются материалы из других текстов М. Горького и текстов современников.

4.1. На первом уровне анализа особую значимость приобретают вертикальные связи. На основании рассмотрения всех употреблений единицы выявляется ее связь со сквозными мотивами повести, включенность в другие идеологически значимые поля или связь с ними (*литератор, писатель — интеллигенция и народ; Леонид Андреев — «пессимизм», народ и вождь, революция, предательство; Федор Сологуб — «пессимизм», эгоцентризм*).

4.2. Важнейшую роль играет исследование композиционных особенностей. Употребление единицы в речи одного из действующих лиц романа рассматривается в контексте системы персонажей в целом. При употреблении единицы в реплике из полилога, когда точная личность говорящего неизвестна, определяется характер ситуации общения и социальная и/или политическая принадлежность говорящего.

4.3. В ходе работы над материалом выделен ряд значимых особенностей, характерных для языка романа в целом: формирование рядов имен, объединенных или противопоставленных по какому-либо признаку (например, *«властители умов — Достоевский, Андреев, Конан-Дойль»*), авторские особенности употребления ряда лексем (например, различие оценки при употреблении лексем *литератор* и *писатель*).

5. Привлечение материалов комментария позволяет расширить объем контекстов, связанных с рядом единиц (например, с именем конкретного персонажа или исторического лица), выявить скрытые цитаты и отсылки.
6. Для текста повести характерно обилие интертекстуальных связей. Привлечение других текстов Горького и текстов современников позволяет выявить обширные фрагменты, являющиеся цитатами или созданные с опорой на другие тексты, раскрыть часть подтекста повести. В отдельных случаях восприятие, представленное в повести Горького, может отличаться от культурного фона эпохи.

Литература:

Сухих С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992.

Козловская Наталия Витальевна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Сергеева Елена Владимировна,
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Значение философского термина «византизм» в трудах К. Н. Леонтьева и В. С. Соловьева

С лингвистической точки зрения *византизм* является авторским философским термином, поскольку ассоциируется у носителей языка с именами и текстами произведений К. Н. Леонтьева и В. С. Соловьева. К. Н. Леонтьев в произведениях «Византизм и славянство», «Письма о восточных делах» и передовых статьях «Варшавского дневника» (1880) использует два значения слова *византизм*. Первое — «старый византизм», т. е. «кесаризм византийский», имеет значение «совокупность особенностей в церковно-государственной жизни Византии», «тип государственного устройства»; это культурологический и исторический термин. «Старый византизм» — это государство «диктаториального происхождения», имеющий «муниципальный избирательный характер» и опирающийся на две силы: «новую религию» и «древнее государственное право». Второе значение — главное для этого мыслителя — «совокупность охранительных идей, реализуемых в государстве, в религии, в нравственном мире». В. С. Соловьев в работах «Византизм и Россия», «Памяти К. Н. Леонтьева» и «Великий спор и христианская политика» определяет *византизм* несколько иначе. Происходит перегруппировка семного состава ядра, содержательные компоненты значения частично сохраняются, прагматическая коннотация меняется. Если у Леонтьева *византизм* — *«общая идея»* и *«средство охранения»*, то у Вл. Соловьева — *«идеал сложной принудительной организации общества»*. Сохраняется одно из главных леонтьевских противопоставлений, однако с иной аксиологической оценкой. К. Н. Леонтьев положительно оценивает

византизм, не включающий свободу, в то время как В. С. Соловьев воспринимает его отрицательно, и в его интерпретации термина присутствует семантический компонент *насилие*. В. С. Соловьев дает определения церковного, нравственного и государственного византизма и характеризует его:

- как церковно-государственный строй, для которого характерно императорское управление церковью;
- как искажение и омертвление христианства, связанное с абсолютизацией прошлого, и выдвижением незначимых элементов религиозного учения как важных;
- как феномен, вызвавший обособление церквей и русский раскол;
- как причину уничтожения независимости церкви и сращения ее с государственным аппаратом;
- как отклонение от истинного христианства.

Крылова Ирина Алексеевна,
к. ф. н., научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет
Тулякова Наталья Александровна,
к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Слово в речевом обиходе и в словарном отражении: заимствование, функционирование, идеология (на примере лексемы «легенда»)

В докладе представлены результаты диахронического анализа лексемы «легенда» на материале толковых словарей и данных Национального корпуса русского языка. Слово «легенда» в русском языке появилось достаточно недавно по сравнению с другими индоевропейским языками. Словари фиксируют его начиная с середины XIX в. В русский язык слово входит, имея два основных значения: «священное предание, поверье о священном событии, относящемся к Церкви» и «предание о чудесном событии» (словарь Даля), при этом во втором значении употребляется активнее. К началу XX в. в слове выделяется уже несколько значений, как общеупотребительных («вымысел, выдумка»), так и терминологических («музыкальное произведение», «надпись на медали»). Толковые словари XX в., начиная со словаря Ушакова, демонстрируют структурную перестройку толкования лексемы, связанную с изменением иерархии значений. Связь слова с религиозными текстами окончательно порывается, на первом месте утверждается терминологическое значение «опоэтизированное сказание».

Во второй половине XX в. слово обогащается новыми значениями: «вымышленная биография разведчика» и «стереотипное представление о ком-, чем-л.», а также активно развивает уже имеющиеся («известный человек»). В начале XXI в. слово начинает употребляться в областях, максимально далеких от изначальной сферы бытования, например, в маркетинге и рекламе (в терминологическом значении «эффект восприятия, основанный на сопоставлении аудиторией миссии, целей и реальной работы личности или организации», приводимом в «Словаре рекламных терминов»).

Анализ материала демонстрирует расхождение лексикографического описания лексемы и ее реального словоупотребления (Корпуса). Например, словари не фиксируют некоторые употребительные значения, а также по-разному выстраивают иерархию толкований. Кроме того, очевидно значительное влияние идеологии на словарные толкования. Это заложено в семантике слова, позволяющей акцентировать либо достоверность (словарь Ожегова), либо недостоверность информации (Словарь Ушакова).

Данные Корпуса свидетельствуют о том, что частотность словоупотреблений во многом зависит от экстралингвистических факторов. Например, доля употребления слова в значении «известный человек» с 1950-х до 2000-х гг. выросла в 6 раз, что связано с популяризаторской деятельностью СМИ. В то же время активность употребления значения «устный фольклорный рассказ» значительно снижается.

Проведенный анализ показал на примере слова «легенда», как экстралингвистические и собственно лингвистические факторы влияют на вхождение слова в язык, развитие и исчезновение его значений и отражение этих процессов в словарных толкованиях.

Малышев Александр Александрович,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Глоссирование vs. внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII в.

При рассмотрении вопроса о внутритекстовых толкованиях лексики в текстах XVIII в. мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью терминологического обозначения этого явления. Обратившись к отечественной традиции описания подобных случаев, мы можем обнаружить, что некоторая произвольность их номинации в действительности является кажущейся. Внимательное изучение вопроса о способах обозначения внутритекстовых толкований лексики позволяет выявить два направления, которые отличаются друг от друга употреблением или неупотреблением при описании интересующих нас случаев пояснения лексики термина «глосса».

Традиция понимания глоссы как способа пояснения слова сугубо в рукописных текстах опирается на восходящее к античности определение глоссы. Как пишет И. М. Тронский, в античном обществе глоссами назывались «чуждые разговорной речи слова письменного языка, заимствованные извне или принадлежащие старинному фонду родного диалекта», т. е. выделялись два типа слов, требующих пояснения: заимствования и устаревшая лексика. Глоссирование как прием пояснения «трудных» для читателя слов становится неотъемлемым элементом рукописной традиции, а сами глоссы рукописных памятников становятся важным источником исторического изучения языка (Н. Б. Мечковская, В. М. Истрин, Л. С. Ковтун, А. И. Журавский, В. В. Нимчук, Н. Ж. Шаймерденова и др.). Глоссирование в древнерусских текстах традиционно возводится к перенятой древнерусскими книжниками гуманистической

заботе византийских авторов об удобстве понимания и восприятия текста читателем. В этом случае проблема глоссирования рассматривается исключительно на материале рукописных текстов.

Другие исследователи понимают глоссу более широко, подводя под это понятие толкования непонятных или малоупотребительных слов и выражений, сделанные не только от руки на полях или между строк рукописи, но и типографским способом в тексте печатной книги, относя такие пояснения к наиболее распространенному типу пояснений лексики в текстах более позднего времени, в т. ч. и в текстах XVIII в. (Ф. П. Филин, Л. Л. Кутина, И. А. Василевская, М. М. Чумандрина, А. А. Алексеев, Т. А. Лисицына и др.). Принципиальным здесь оказывается допущение считать глоссой любое внесенное в текст пояснение вне зависимости от того, рукописный он или печатный (номинально речь может идти о глоссах в текстах даже XXI в.). Поэтому в случае внесения в текст пояснений к «трудным» для понимания словам мы можем говорить о наличии в тексте если не глосс (поскольку читатель все же имел дело с печатным текстом), то глоссирования как приема в целом.

Насколько мы можем судить, открытой научной дискуссии по этому вопросу не ведется, т. е. выбор термина в каждом случае становится личным решением исследователя, что и предполагается обсудить в рамках доклада.

Милославский Игорь Григорьевич,
д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Необходимая и достаточная информация для обеспечения рецептивной и продуктивной речевой деятельности на русском языке

Толковый словарь, по определению, ориентирован на обеспечение рецептивной речевой деятельности, однако по традиции составитель стремился внести в правую часть словаря максимум сведений, в т. ч. и таких, которые не требуются именно для рецептивной деятельности.

Можно предполагать, что для обеспечения продуктивной речевой деятельности целесообразно выделить три этапа: 1) сознательный выбор одного из многих средств номинации; 2) уяснение ограничений, которые влечет за собой этот выбор для дальнейшего развертывания речи; 3) корректировка полученного результата в соответствии с нормами русского языка.

Важнейшим источником для выбора номинации является словарь синонимов. В таком словаре основной единицей должно выступать не слово, но синонимический ряд, в состав которого непременно включены фразеологические единицы и антонимы с отрицанием. Другое важнейшее отличие словаря синонимического, как принципиально направленного на продукцию, от словаря толкового состоит в том, что первый дает не толкование каждой единицы ряда, но определяет лишь те различия любого типа, которые существуют между членами ряда.

Патроева Наталья Викторовна,
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет

Проект синтаксического словаря русской поэзии XVIII в. — первой половины XIX в.: первые итоги

Создание словарей языка русских поэтов (индивидуальных или связанных с каким-либо периодом в развитии литературы) — активно и плодотворно развивающееся в современной лингвистике и стилистике направление. Однако существующие словари и конкордансы не позволяют эффективно использовать их данные для регистрации и многостороннего описания материалов поэтических текстов на синтаксическом уровне.

Накопленные на сегодняшний день в отечественной филологии словарные материалы, корпусы текстов, конкордансы отдельных писателей и литературных эпох не позволяют пока в полной мере выявить особенности идиостиля автора на синтаксическом уровне. В результате область поэтического синтаксиса остается лишенной столь перспективного и удобного для применения в исследовательской практике средства инвентаризации грамматического материала — конкорданса, который представлял бы в полном объеме синтаксический репертуар поэзии того или иного автора либо литературного направления, метода, школы, периода в развитии русской поэзии.

Синтаксический словарь русской поэзии должен стать словарем-конкордансом и одновременно частотным словарем, демонстрирующим общие и частные тенденции в творческой эволюции отдельных поэтических идиостилей, в развитии русской поэтической речи, а также русского литературного языка в целом на грамматическом уровне.

Важнейшими результатами научного проекта «Синтаксический словарь языка русской поэзии XVIII — первой половины XIX века» должны стать:

1) создание конкорданса используемых в русской поэзии XVIII — первой половины XIX в. синтаксических конструкций в их соответствии с семантикой, строением, длиной предложения, коммуникативной целеустановкой высказывания, интонацией фразы, композицией (строфическим либо астрофическим построением) и ритмо-метрической схемой стихотворного текста;
2) создание научных трудов по проблемам истории и типологии русского поэтического синтаксиса, содержащих анализ отдельных авторских идиостилей на грамматическом уровне;
3) внедрение полученных сведений и лексикографических разработок в учебный (образовательный) процесс;
4) разработка новейших методик и программ синтаксической разметки, лемматизации и анализа поэтического текста на синтаксическом уровне.

Опыт создания синтаксического словаря русской классической поэзии позволит в дальнейшем распространить и использовать полученные результаты, программы и методики в современной исследовательской работе, лексикографической практике и образовательном процессе.

Семенова Софья Юльевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Слово «мировоззрение» как представитель подкласса параметрических имен с валентностью на содержание

Разнообразная информация о действительности в существенной мере может быть формально представлена как совокупность значений параметров (признаков), характеризующих конкретные объекты. Параметрическая модель текстовой информации ставит перед лексической семантикой и лексикологией задачу изучения лексических единиц, обозначающих параметры или признаки. Семантический класс русских параметрических существительных делится на подкласс имен величин (*глубина*, *стоимость*) и подкласс имен неколичественных параметров (*цвет*, *должность*, *причина*). Критерием принадлежности имени к классу параметров мы считаем возможность употребления в позиции синтаксического объекта при ряде глаголов получения/передачи информации (*вычислить глубину*, *указать должность*, *определить причину* и др.). При наличии «хрестоматийных» имен величин и признаков, класс параметров отличается размытостью границ; особенно это касается второго подкласса; его состав до сих пор четко не очерчен. Интересными представляются лексические единицы, относящиеся к периферии второго подкласса. Такое положение занимает, в частности, ряд единиц идеологической сферы, имеющих валентность на содержание: *мировоззрение*, *взгляды*, *убеждения* и др. Рассматривается слово *мировоззрение.* Для него можно предложить толкование, несколько отличающееся (по гипероним у) от зафиксированных в словарях: «система образов, утверждений, оценок и установок, определяющих отношение к действительности». Имя *мировоззрение* может быть отнесено к параметрам, поскольку удовлетворяет приведенному критерию: «*Гораздо проще определить мировоззрение человека, изучая то, что он говорит и пишет...*» [НКРЯ]. При этом имя относится лишь к периферии класса: оно не является устоявшимся «анкетным» названием; диагностический контекст *определить* чувствителен к лицу носителя параметра (более естественно ставить вопрос о мировоззрении собеседника или третьего лица, чем об определении своего мировоззрения); ограничен круг диагностических глаголов (так, мировоззрение нельзя *указать*); содержание мировоззрения (т. е. значение параметра), как правило, не раскрывается, а лишь классифицируется: *религиозное/коллективистское мировоззрение*. Результаты классифицирования кодируются, в основном, прилагательными (см. выше); одушевленными интеллектуальными классификаторами («*Мы... государственники. Таково наше мировоззрение*» [НКРЯ]); наименованиями учений («*социализм/синергетика как мировоззрение*»). Встречается и расшифровка содержания. Для параметрической модели важен статус контекста параметрического имени: к чему относится контекст — к названию параметра, его локусам или к его значению. С этой точки зрения обсуждаются некоторые адъективные контексты.

Щеглова Екатерина Александровна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Морская лексика в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»

О том какую роль в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» играет лексика, связанная с разными аспектами морской жизни, можно судить из названия произведения. Морская лексика призвана создать необходимый колорит морского путешествия, познакомить читателя с малоизвестными аспектами морской жизни. При этом используется как морская терминология, так и слова морского профессионального языка, которые автор слышал от членов команды фрегата. Под морской лексикой в рамках данного доклада понимается достаточно широкий круг лексики, включающий в себя разнообразные единицы морского профессионального языка. Морская лексика связана в очерках И. А. Гончарова с двумя темами: флота и моря. В лексике, связанной с темой флота, можно выделить следующие группы:

1) наименования судов;
2) наименования снастей;
3) наименования частей судна и его помещений;
4) наименования людей по должности и роду занятий;
5) лексика, связанная с управлением судна.

Следует отметить, что вместе с точным описанием морской стихии, чему и служит лексика и фразеология «морского» языка, в очерках присутствуют немногочисленные, но чрезвычайно яркие поэтические описания морской стихии, которые в некоторой степени являются стилистическим контрастом лексико-фразеологическим средствам, описанным выше. Наличие двух контрастных лексических пластов делает уникальным то описание морской стихии, которое создает в своем произведении И. А. Гончаров. Это описание нельзя приравнять к результату художественного восприятия морского путешествия. Количество морской лексики является избыточным при единственной цели создания колорита морской жизни. Описание морской стихии, создаваемое автором очерков на страницах произведения, посвященных повествованию о морских переходах, отличается удивительной достоверностью, сочетая в себе черты поэтизации и достоверности. Следует отметить, что в употреблении морской терминологии автор «Фрегата» проявляет лингвистический и лексикографический интерес. Часть представленных в произведении наименований поясняется автором с разной степенью подробности. При этом цель И. А. Гончарова — не просто внести достаточное количество морской лексики для достоверного переживания морского путешествия, но передать свой интерес к этой новой для него лексико-фразеологической системе читателю, дать ему представление о языке моряков. Именно поэтому так аккуратно и последовательно, руководствуясь, прежде всего, принципом необходимости, вводит Гончаров пояснения этих лексико-фразеологических единиц для читателя. Наличие этих пояснений делает лексико-фразеологический материал данной группы особенно ценным для изучения.

Яо Сюе,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Пушкарева Н. В., д. ф. н., доцент

Глаголы интеллектуальной деятельности студентов (на материале романа Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты»)

Студенты — это социальная группа, основной задачей которой является приобретение профессиональных знаний, поэтому интеллектуальная деятельность для этой группы очень важна. Состав и численность студенчества в российском обществе менялись на протяжении эпох. В частности, в России в 1863–1864 гг. были проведены реформы в области народного образования, вследствие чего просвещение стало более доступным для представителей различных сословий. На таком историческом фоне поступили в университет герои произведения Н. Г. Гарина-Михайловского, интеллектуальная деятельность которых представляет особую исследовательскую ценность.

Глаголы интеллектуальной деятельности прежде всего описывают процессы того, как человек воспринимает, понимает и интерпретирует информацию. Данные глаголы в романе могут быть классифицированы на две группы: глаголы учебной и неучебной интеллектуальной деятельности. В соответствии с положениями работы Р. Н. Гуднова «Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект)» лексика разделяется на 10 подгрупп, выявляемых в структуре семантического поля, в ядро поля входят глаголы мышления, понимания, познания; периферия включает глаголы сравнения и сопоставления, выбора, решения, воображения и предположения, определения, восприятия, проверки.

Анализируя синонимические ряды глаголов в контексте, можно определить социальную среду, к которой принадлежат употребляющие их персонажи, особенности учебной и неучебной интеллектуальной деятельности героев, более того, составить представления об общих характеристиках интеллектуальной жизни студентов в конце XIX в. и в дальнейших исследованиях сопоставить эту информацию с данными о нынешней социальной группе студентов.

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Башмакова Анна Павловна,
научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Сращение глагола-связки «быть» с местоименными словами как способ образования безлично-предикативных слов в псковских говорах

Внутри семантической группы безлично-предикативных слов с модальным значением в псковских говорах выделяются две противопоставленные подгруппы, включающие слова, которые образованы путем сращения гла-

гола-связки «быть» в форме 3-го лица ед. числа с местоименными словами. Одна из этих подгрупп — слова со значением объективной нереальной модальности — отмечается и в русском литературном языке. М. И. Откупщикова выделяет внутри этой семантической группы у слов, модифицированных частицей *не* (типа *недосуг, некуда* и др.), оттенок значения объективной нереальной модальности (*некуда спешить*, *незачем стараться*) [Откупщикова, 1995: 140–144]. Вместе с тем в псковских говорах также представлена группа слов с противоположным значением, не свойственная литературному языку. Это слова, образованные от тех же местоименных наречий (*куда, где, коли* и т. п.), но без частицы *не/ни*, а только с помощью формы 3-го лица ед. числа глагола «быть» — *е*: *егде, екогда, еколи, екому, екуда, еначто, ечего* (см. [Псковский областной словарь с историческими данными, 1994]). В случае употребления таких слов только в настоящем времени можно было бы говорить о наличии словосочетаний: *е(сть) где, е(сть) когда, е(сть) коли, е(сть) куда*, которые собственно и лежат в основе их образования. Наличие глагола *е(сть)* в настоящем времени при противопоставлении *нет (не было) — есть* естественно и для литературного языка, и для псковских говоров. Однако возможность употребления рассматриваемых слов в прошедшем и будущем времени с использованием глагола-связки говорит о произошедшем в диалекте сращении: Екому *Указывает на наличие кого-, чего-н.* Не гара́ст е́къму бы́лъ рабо́тать. *Печ.;* Екогда *О наличии времени для чего-н.* Тябе́ ве́чиръм е́къгда бу́дит [сходить]? *Пыт.* Об этом же свидетельствует использование полузнаменательного глагола для обозначения наступления нового состояния — появления возможности: Егде *Есть место для какого-н. действия.* Не́ было садо́ф, агры́ске ра́ды бы́ли, тепе́рь ста́ла е́где взять. *Палк.* Всё это дает право рассматривать подобные образования как самостоятельные слова, а также — говорить о существовании в псковских говорах семантической подгруппы безлично-предикативных слов, не свойственной литературному языку. Противопоставленность этой подгруппы в целом подгруппе слов со значением объективной нереальной модальности, на наш взгляд, подтверждает лексико-грамматический статус обеих групп слов.

Литература:

1. *Откупщикова М. И.* Безлично-предикативные слова (категория состояния) в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии: сб. ИЛИ РАН. СПб., 1995. С. 140–144.
2. Псковский областной словарь с историческими данными: вып. 10. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994.

Большакова Наталья Валентиновна,

к. ф. н., доцент, Псковский государственный университет

Псковско-белорусский идиом в лексикографическом освещении

Историко-культурный и языковой ландшафт псковско-белорусского пограничья представляет собой уникальное явление как в языковом, так и в этнокультурном отношении.

Имея общие корни и пережив сходные исторические процессы, современные северо-восточные говоры Белоруссии и южнопсковские говоры в известное время оказались разделенными административной границей, а сейчас занимают территорию, расположенную по обе стороны государственной границы.

Вместе с тем исследователи современных говоров рассматриваемой пограничной зоны подтверждают отмечавшееся ранее единство псковско-белорусского лингвистического пространства и отсутствие резких внутренних границ.

Наши наблюдения над диалектными особенностями хранящихся в псковском диалектном и фольклорно-этнографическом архиве текстов, записанных в южных районах современной Псковской области, также обнаруживают многочисленные белорусизмы на всех уровнях — от фонетики до грамматики.

Настоящая работа ставит своей целью выявление схождений лексико-семантического характера в говорах пограничья. В типологии говоров для наименования приграничного языкового единства конкурируют два основных термина — переходные говоры и смешанные говоры, каждый из которых имеет в диалектологии свою историю развития и употребления.

Поскольку дифференциальные признаки типа говоров приграничья продолжают оставаться предметом научной дискуссии, то применительно к рассматриваемому псковско-белорусскому диалектному пространству будет уместным использование термина «идиом», называющего языковое образование в функциональном аспекте.

В своей работе по изучению псковско-белорусского идиома мы привлекаем данные «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки с учетом территории распространения лексем, а также региональные словари белорусского языка, фиксирующие лексику районов, пограничных с Псковщиной.

Проводимый сравнительный анализ лексикографических источников дает возможность более точно определить само понятие белорусизма для лексики говоров южной Псковщины: стоит ли за тем или иным словом общебелорусское языковое явление, или оно имеет локальный, диалектный, характер.

Существенным представляется выявление тематических зон лексико-семантических схождений. Наличие в псковском архиве большого количества разножанровых текстов, в т. ч. и аудиоматериалов, позволяет провести масштабное изучение лексических схождений псковско-белорусского идиома путем лексикографической разработки лексики такого характера.

Основу структуры словарной статьи составляют данные архива, сопровождающиеся ссылками на материалы диалектных словарей. Таким образом, словарь пограничья позволит связать лексико-семантические системы, имеющие историческую общность, но функционирующие длительное время самостоятельно.

Васильева Ольга Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Некоторые наблюдения над семантикой лексем с приставкой «пере-» в псковских говорах

Псковский областной словарь с историческими данными, воплощающий в жизнь идею Б. А. Ларина о диалектном словаре полного типа, представляет собой уникальное как по замыслу, так и по его реализации отражение территориальной лексической системы. Выход в свет каждого выпуска Словаря обогащает научное представление о взаимодействии в говорах общерусского и диалектного лексического материала, о системных связях лексики, о способах номинации в тех или иных тематических группах, способы диалектного словообразования и т. д. В последних опубликованных 25-м и 26-м выпусках Словаря содержится около трех с половиной тысяч лексем с приставкой *пере-*, причем только около четверти слов здесь являются общерусскими (*перебегать, перебежать, перебивать* и др.).

При этом необходимо помнить, что в составе многозначных лексем, которые здесь также представлены, далеко не все значения являются общерусскими. Так, у глагола *переваливаться* в ПОС зафиксированы как общерусское разговорное значение ‘переворачиваться с одной стороны на другую’: *Лижыбока лижыт, с бока на бок пириваливаица*, так и диалектные ‘перетекать, переливаться через что-н.’: *На мелицы-та, где в забор-та забрана, вада так и пирявалиивацца белым валам* и ‘медленно переходить с места на место’: *Ягатку брала, пириваливалась с сопки на сопку, фся чёрна, зялянья вофси нет;* из 16 значений глагола *перевернуть* только 4 являются общерусскими и т. д.

Особый интерес представляют собственно диалектные лексемы, такие как *переарка, перебабить, перебарки, перебатька, перебачить, перебеечка, переболчить, перевазголиться, перевалкий, перевалыш, перевара, перевед, перевезье, переверзать, перевёрки, перевёсло, перегилиться, перегырнуть, передумок, переевы, пережабить, пережива, перекалёпаться, переканабить, перекулить, перекучка, перелякнуться, перемизина, перепечайка, перепок, перепынок, перестрюк, перетарить, перешпенькивать, переярить* и мн. др.

Подобные лексемы для носителя литературного языка представляют собой номинации с затемненной внутренней формой, поскольку содержат собственно диалектные корни. Однако, зная семантику коренных морфем или семантику таких диалектизмов, целесообразно все же, анализируя префиксацию, не разделять общерусские и диалектные слова, поскольку приставка вносит одни и те же смысловые элементы в значение как общеизвестных, так и местных слов. В новом Большом академическом словаре русского языка (т. 15, М.-СПб, 2011. С. 583–584) перечисляются 16 значений, которые вносит приставка *пере-* в семантику глаголов, с ее помощью образованных, и производных от этих глаголов слов, а также два значения, которые данная приставка вносит при образовании имен существительных. Предполагается сопоставить данные Псковского областного словаря с данными словаря литературного языка.

Ганцовская Нина Семёновна,
д. ф. н., профессор, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
Дмитрук Людмила Александровна,
к. ф. н., доцент, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

Лексико-географические маркеры говоров Костромского акающего острова (на материале Трудов общества любителей российской словесности)

Статус и происхождение Костромского акающего острова (КАО), протяженного островного образования среди «моря» окружающих его окающих говоров, долгое время представлял собой загадку. Впервые территория КАО была специально выделена на карте Московской диалектологической комиссии (юбилей которой отмечался в прошлом году) в 1915 г. и помечена цифрой 3, как и подмосковные говоры. Однако изучение говоров КАО на протяжении XIX–XX вв. (Н. Нерехотский, Ф. И. Покровский, Н. Н. Соколов, Н. Н. Виноградов, Г. В. Шайтанова, Л. П. Грехова, Г. З. Шкляр, Л. Л. Касаткин, Г. Г. Мельниченко, Н. С. Ганцовская и др.) показало, что его статус во многом отличен от типологически сходных с ним среднерусских подмосковных говоров. И это касается прежде всего его лексического состава. Как оказалось, лексика КАО, занимающего полностью территорию Чухломского и почти полностью Солигаличского районов, части Парфеньевского, Буйского, Галичского, Кологривского районов Костромской области, по составу и своим ареальным связям почти не отличается от лексики окружающих их окающих говоров междуречья Костромы и Унжи, что дает основание для атрибуции КАО как хронотопа относительно позднего образования и позволяет достаточно четко определить его место в диалектном членении русского языка. Это среднерусские говоры смешанного типа с севернорусской основой (грамматика, лексика) и южнорусским наслоением (в области безударного вокализма). Историю возникновения КАО, бесспорно, следует связывать с концом Смутного времени и воцарением Михаила Романова, который пожаловал земли черносошных крестьян в междуречье Костромы и Унжи подмосковным дворянам. Они и занесли аканье в костромские просторы. Но другие южнорусские черты, в частности, в области лексики, почти не сохранились в современных говорах и скудно представлены в исторических источниках. О последнем свидетельствует очерк «Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда, собранные учителем гимназии Николаем Нерехотским» в составе Трудов общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, вышедших в свет в 1820 г., где впервые дается достаточно четкое представление о специфике словарного состава говоров КАО. Часть лексики, описываемой Н. Нерехотским, обозначает реалии, связанные с жизнью населения вблизи Чухломского озера, другая по составу и семантике во многом схожа с лексикой других уездов Костромской губернии, помещенной в Трудах. Однако во всех случаях это слова, типичные для севернорусских говоров: *голчить*, *лонись*, *маланья*, *моль*, *зимусь*, *людно* и др., даже и тогда,

когда они подаются в акающей транскрипции. Например, слово *маланья* (молния) представляет в подобной огласовке результат явления второго полногласия, возможного только в севернорусских говорах.

Карпун Мария Александровна,
преподаватель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Диалектные фитонимические наименования в донских говорах: мотивационный аспект номинации

В диалектной лексике мотивированность играет важную роль в функционировании слова, большую, чем в литературном языке. Система мотивировочных признаков (далее МП) в основном является универсальной для различных языков и диалектов. Донские говоры не являются исключением, однако выявляются и региональные особенности. Исследованные диалектные материалы (полевые, лексикографические) свидетельствуют, что чаще всего в языке донских жителей основой номинации растений служат МП, составляющие следующие группы и подгруппы:

1) параметрические данные растения:
   а) особенности внешнего вида растения (*коврик* ‘портулак крупноцветный’);
   б) морфологические особенности строения растения (*семиколенник* ‘хвощ полевой’);
   в) форма соцветий (*кашка* ‘таволга зверобоелистая’), листьев (*белокопытник* ‘мать-и-мачеха’), семян (*коготки* ‘календула’);
   г) цвет листьев (*белолистка* ‘тополь’), цветков (*желтоголовник* ‘золототысячник обыкновенный’);
   д) вкус (*горчук* ‘жерушник короткоплодный’);
   е) запах (*душица* ‘мята’, *ладанка* ‘герань’);
2) локативно-темпоративная:
   а) природное место произрастания растения (*болотяник* ‘козляк’);
   б) географический локатив (*ажиновский арбуз*);
   в) время цветения: календарное (*сентябрь* ‘астра альпийская’); суточное (*полуденник* ‘лапчатка прямая’);
3) прагматическая сфера применения растения:
   а) в быту (*веник* ‘чилига степная’);
   б) в хозяйстве (*собачье мыло* ‘мыльнянка’);
   в) медицине (*золотуха жёлтая* ‘череда’);
   г) употребление в пищу (*борщ* ‘щавель’),
   д) использование в обрядах и ритуалах (*троицкая травка* ‘тимьян’) и др.

Мотивационные модели, актуализируемые в донском диалекте, находятся в рамках системы русского литературного языка, других славянских языков. Специфику составляют частные реализации этих моделей и их лексическое наполнение, а также выбор основы мотивации, опирающийся не на реальные свойства обозначаемой реалии, а на представления о ней номинатора. Такими являются собственно донские ДДФ, в т. ч. и мотивированные местом произрастания, в качестве обозначения которого

используются местные географические названия, хотя эти растения не всегда являются эндемиками донского региона (*донской цветок* ‘пион узколистный’, *азовский цветок* ‘сирень’, *донская гвоздика* ‘календула’ и др. Так, в диалектном наименовании *троицкая травка* ‘тимьян’ отразилась наиболее важная для традиционной культуры донского казачества функция этого растения — служить украшением дворов, домов, церквей в период празднования Троицы, а не объективные свойства, также известные жителям Дона, но не считающиеся релевантными для выбора наименования этого растения.

Коган Екатерина Сергеевна,
соискатель, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

О мотивационной классификации диалектных фразеологизмов, обладающих предикативностью

1. Предлагается рассмотреть вариант классификации фразеологизмов с точки зрения соответствия между планом выражения и планом содержания. Материалом послужили диалектные фразеологизмы, обладающие эксплицитной или имплицитной предикативностью, т. е. соотнесенные с ситуацией. Такого рода ФЕ обладают «двоичностью» ситуации: одна представляет собой план содержания, ситуацию, которая номинируется; другая же заложена в основу образности, являя план выражения.
2. Как ситуации плана выражения, так и ситуации плана содержания представляется возможным разделить на четыре сферы: время, пространство, логика и этика (к сфере «этика» относятся ситуации, касающиеся социального взаимодействия людей, поведенческой нормы; сфера «логика» вбирает ситуации логических связей — причинно-следственных и пр.). При этом одной сфере плана содержания могут соответствовать четыре сферы плана выражения. Например, план содержания сферы «логика» может быть представлен планом выражения сферы «время» (костр. *прошлый год копейку потеряла — нынче ищет* ‘о неразговорчивом человеке’), «пространство» (перм. *на сухом берегу* ‘ни с чем’), «логика» (перм. *уши видеть* ‘радоваться’), «этика» (перм. *Ванька Ёлкин посватался* ‘кто-л. умер’).
3. При этом как ситуации плана выражения, так и ситуации плана содержания могут быть разделены на реальные и ирреальные. К реальным относятся те, которые действительно имели место либо могли возникнуть (печор. *веревку извить* ‘запутанно сказать, схитрить, обмануть’). Группу ирреальных ситуаций составляют те, которые по тем или иным причинам не могут осуществиться (псков. *звонить в лапоть* ‘болтать, пустословить’). При этом ирреальность плана содержания задается идеограммой «то, чего не может быть», в случае ирреальности, относящейся к плану выражения, имеются свои механизмы для каждой тематической сферы.

4. Рассматривая связь между планом выражения и планом содержания ФЕ, можно заметить ряд закономерностей:
   - наиболее активно фразеологической номинации подвергаются сферы «логика» и «этика»;
   - план выражения ФЕ интенсивнее задействует сферы «логика» и «пространство», сферы же «время» и «этика» задействованы минимально;
   - план содержания сферы «время» чаще проявляется при помощи образов, обозначающих бытовые ситуации, которые дают представление о темпоральных характеристиках (например, перм. *как вор на ярмарку* ‘медленно’);
   - образы сферы «этика» часто задействуются для обозначения физического состояния человека (сфера «логика») (*Ванька Ёлкин посватался*);
   - ФЕ, план содержания которых относится к сфере «время», обладают в большинстве случаев и планом выражения, также относящемся к сфере «время» (костр. *жить осталось два понедельника* ‘о близкой смерти’);
   - план выражения сферы «пространство» максимально коррелирует с планом содержания сфер «пространство» и «логика».

Королькова Мария Денисовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Мызников С. А., д. ф. н.

Некоторые особенности ремесленной лексики говоров Присурского Поволжья

Главная цель нашего исследования — описать ремесленную лексику в говорах Присурского Поволжья, показать ее место в лексической системе в целом и отразить ее особенности в словаре ремесленной лексики.

Территория Присурского Поволжья выбрана в качестве территории исследования в связи с исторически сложившимся здесь богатством кустарного производства и, следовательно, сохранностью специальной лексики. Выбранная территория ограничивается правым берегом Волги по реке Суре, охватывает часть Пензенской и Ульяновской областей и ограничена пространством между городами Пенза, Сызрань, Ульяновск и территорией Мордовской республики.

Для успешного проведения экспедиционного исследования автором были составлены программы собирания сведений для словаря ремесленной лексики, содержащие дефиниции по тематическим группам и лексико-семантическим подгруппам лексики. В исследовании задействованы три программы — по лексике валяльного дела, плотницкого и столярного и ткацкого и прядильного дел, представляющей из себя наиболее сохранившиеся группы лексики.

Экспедиционное исследование было проведено летом 2015 г. на территории Присурского Поволжья с целью фиксации ремесленной лексики согласно программам собирания сведений. В процессе исследования автором было записано 23,5 часа аудиозаписи в 30 населенных пунктах от 45 информантов. Часть материала, собранного в экспедиции, расшифрована в виде

текстов-интервью с информантами и составлен глоссарий ремесленной лексики. Общее количество слов в глоссарии на данный момент — 1517 лексических единиц (слова и словосочетания), из которых 695 слов и словосочетаний относятся к лексике валяльного дела, 569 — к лексике плотницкого и столярного, 253 — к лексике ткацкого и прядильного дела.

Среди наиболее ярких особенностей исследуемой лексики на данном этапе исследования отмечены развитая синонимия в пределах отдельных дефиниций, например, наименования в разных населенных пунктах инструмента для валяния нижней части валенка, используемого перед колодкой — *като'к* (Поим), *ю'лка* (Чемодановка), *чу'шка* (Махалино), *вью'шка* (Сюзюм). Кроме того, необходимо подчеркнуть яркость географического распределения некоторых лексических единиц, например, обозначение инструмента для валяния, использующегося для придания формы валенку: в селах Поим, Чемодановка, Кижеватово Пензенской области — *рубе'ль*, в селе Махалино, находящемся ближе других к границе с Ульяновской областью, присутствуют два наименования этого же инструмента — *рубе'ль* и *валёк*, а в селах Ульяновской области — Сюзюм, Канадей, Ульяновка, Ясашная Ташла, Арское — наименование этого инструмента только *валёк*.

Костючук Лариса Яковлевна,
д. ф. н., профессор, Псковский государственный университет

К истории нового источника для «Псковского областного словаря» (записи опочецких говоров 20–30-х гг. XX в.)

С начала работы над уникальным в мировой лексикографии областным словарем полного типа и с местными словами из памятников псковской письменности (идея Б. А. Ларина 1950-х гг.) постоянно пополняются источники. Разработка семантических систем слов, словообразовательных гнезд при фиксации частных явлений вскрывает общее направление синхронных и диахронных тенденций в этих системах, обнаруживает важные фонетические, структурные особенности, что приводит к серьезным научным выводам и открытиям. Например: ***на городе*** в контекстах прошлого проявило местное значение 'Детинец как укрепление'; слова ***кеп, кевка, кедить*** (вместо ***цеп, цевка, цедить***) с отсутствием общеславянского изменения ****k > *c'*** помогли обоснованию теории древнего псковско-новгородского диалекта. Полнота, богатство картотеки для словарных статей при научном осмыслении каждого необычного факта — важное условие в работе лексикографов.

В современной части словаря значимо указание года, района, даже деревни при иллюстрации как подтверждение судьбы говоров во временном и пространственном аспектах, которая во многом зависит от «внешней лингвистики»: экономических, политических, культурных условий, взаимодействия с литературным языком.

Лексикографы ценят обнаружение и введение в научный оборот записей из новых диалектных источников, особенно далеких десятилетий первой половины XX в., когда информанты были носителями говоров еще XIX в. Одним из таких источников во второй половине 1970-х гг. оказа-

лась тетрадь с записями диалектной лексики, сделанными в начале XX в. в г. Опочке и в Опочецком уезде А. И. Белинским. Анонимный почитатель «Псковского областного словаря» сделал подарок его составителям. Ничего не было известно об авторе записей. Было только видно, что сделаны они человеком, знающим и понимающим опочецкие говоры. И вот года полтора назад ко мне, как занимающейся словарем, обратился краевед-сотрудник Опочецкого музея с просьбой разобраться в текстах, содержащих опочецкие слова.

Это оказалось сенсацией: папки с художественными произведениями (воспоминания, рассказы), прекрасно написанными, с опочецкими текстами в устах героев; научные статьи о быте, религиозных обычаях, народных верованиях, традициях, сельскохозяйственном труде, фольклоре, родном языке опочан (например, «Характерные особенности говора крестьян Опочецкого уезда Опочецкой губернии, 1920–1930 гг.»)... И это рука Александра Ивановича Белинского. Удалось многое узнать о нелегкой жизни этого талантливого человека.

Самое главное, после расписывания и пополнения картотеки в распоряжении лексикографов будет достоверный новый материал, который дополняет иллюстрации, уточняет значения ряда слов, показывает активное бытование тех псковских диалектных черт, которые в настоящее время в речи диалектоносителей стали архаичными.

Кучко Валерия Станиславовна,
аспирант, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
Научный руководитель: Березович Е. Л., д. ф. н., профессор

Русская диалектная лексика со значением обмана, мотивированная этнонимами и топонимами

В докладе рассматриваются русские диалектные лексемы и фразеологизмы, называющие обманщиков и процесс обмана, внутренняя форма которых отражает представления об этнической принадлежности и месте жительства типичного обманщика. Предпринимается попытка дать изучаемым единицам мотивационную интерпретацию. Ниже представлен беглый обзор некоторых отэтнонимических и оттопонимических дериватов с семантикой обмана.

Мотивирующими для «обманного» поля становятся этнонимы *цыган*, *татарин* и *жид*, языковые портреты которых наиболее разработаны в русском языке, ср., например, диал. шир. распр. *цыган* ‘обманщик’, *обцыганивать* ‘обманывать’, арх. *татарские очи* ‘отъявленный негодяй, плут’, арх. *татарин* ‘криводушный, хитрец, лукавый’, без указ. места *жидовать* ‘вымогать деньги, обманывать’ и др. Кроме этнических стереотипов, номинации содержат представления о чужом этносе как не владеющем понятной речью, следовательно, способном к речевому обману, ср., например, карел. *корелять* (< *карелы*) ‘говорить неразборчиво; говорить лишнее, привирать’. Недоверчивое отношение к «чужим» отражается, вероятно, и в арх. *облаты́нить* ‘обмануть’ (ср. печор. *облаты́нить* ‘окатоличить’).

В ряду топонимов, снабжающих «обманное» поле своими производными, находятся: *Москва* (ср. забайк. *москва* ‘о разговорчивом, ловком обманщике’), *Мазурия* — историческая область в Польше (ср., к примеру, новг. *мазура* ‘обманщик, плут’, ленингр., пск., смол. *обмазурить* ‘обмануть, перехитрить’, а также, учитывая возможность чередования губных *б/м*, пск. *базу́рить* ‘жить обманом, плутовать’, пск., твер. *базу́рничать* ‘то же’), *Америка* (ср., например, арх. *америку построить* ‘наврать’), *Рязань* (ср. влг. *обряза́нить* ‘обмануть, надуть’). Каждое из этих имен обладает определенным коннотативным фоном, допускающим появление у их дериватов семантики обмана.

Связь с именем места, вероятно, прослеживается и в ряз. *макар* ‘лицемер, плут’, *смотреть макаром* ‘лицемерить, притворяться’, ряз. *макарку подпустить* ‘обманывать, лицемерить, лгать’. Семантические дериваты имени *Макар* обозначают людей таких занятий, которые могут быть потенциально опасными с точки зрения обмана, ср. *макар* моск., нижегор. ‘товарищ по откупу’, ряз. ‘тот, кто занимается отхожим промыслом’, моск., нижегор., ряз. ‘целовальник, кабатчик, торговец в питейном заведении’. Можно предположить, что эти значения «наведены» звуковой ассоциацией имени с названием Макарьевской ярмарки (важно, что они фиксируются в говорах тех территорий, которые поставляли на ярмарку самых активных и многочисленных продавцов). Любопытно, что Макарьевская ярмарка могла именоваться *Макарием*, ср. костр. «У Макарья жить долго не стану» и др.

В докладе предполагается подробнее остановиться на стимулах, мотивирующих появление «обманных» смыслов у данных и некоторых других лексем.

Мартынова Надежда Алексеевна,
младший научный сотрудник, Псковский государственный университет

Смысловой дуализм понятия быстроты (на материале семантики диалектного слова)

Оппозиция *быстрый — медленный*, лежащая в основе понятия быстроты, является одним из универсальных противопоставлений в реальной и духовной жизни человека. Изучение регионального лексического материала позволяет сделать вывод о том, что понятие быстроты не только выполняет самостоятельную функцию, но и взаимодействует с более общими понятийными категориями. В такой иерархии очевидно проявление смыслового дуализма понятия быстроты. Так, в описании предметного мира, человека, животных, явлений природы понятие быстроты не перестает оставаться признаковой категорией. Прилагательное *быстрый* (и оппозитивное ему прилагательное *медленный*) и члены дополняющего его адъективного ряда дают характеристику объектов окружающего мира в зависимости от совершения ими действий или различных видов работ быстро или медленно: *Гаря́чяя ло́шать — е́та бы́страя, а што е́ле идёт — то ляна́я*. Оп. (прилагательное *горячий* в значении ‘полный энергии, резвый (о лошади)’) [ПОС, вып. 7, 1986: 144]. В то же время понятие быстроты неотделимо от базовой

в языковой картине мира категории движения. Неслучайно в традиционном миропонимании признак *быстрый* трактуется как признак движения и жизненных сил [Толстая, 2002: 16]. В этнолингвистике движение понимается как «пространственно ориентированное действие, как перемещение в пространстве, смена локуса субъекта или объекта» [Толстая, 1996: 96]. Этнолингвистическое понимание движения коррелирует с пониманием категории движения в общефилософском смысле: движение — термин, объединяющий характеристики перемещений, которые совершают объекты, взаимодействий между ними, изменений, с ними происходящих. В обычном опыте человека движение противопоставляется покою [Кемеров, 1998: 226–227]. Действительно, человек, перемещаясь в пространстве, использует для этого различные способы и средства передвижения (ходьба, бег, езда): *Ба́пка кру́тинькая, бе́гаит, как самалётик лята́я.* Остр. (прилагательное *кру́тенький* в значении ‘быстрый в передвижении, ходьбе’) [ПОС, вып. 16, 2004: 243]. Таким образом, понятие быстроты проявляет смысловой дуализм, обозначая признак предмета и характеризуя движение как действие. Такая биполярность является существенным аспектом в исследовании структурной организации понятия быстроты и позволяет расширять систему его лексических репрезентантов.

Литература:

1. *Кемеров В. Е.* Движение // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: Панпринт, 1998. С. 226–228.
2. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2015.
3. *Толстая С. М.* Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 89–103.

Мызникова Янина Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Многократные глаголы в ульяновских говорах

Одной из грамматических диалектных особенностей ульяновских говоров является более последовательное, чем в литературном языке, образование многократных глаголов с суффиксами имперфективации *-ыва-(-ива-)*, сопровождающееся меной корневого гласного: *Оне* [кукушки] *потсавваают яйца*. Формы многократных глаголов, в т. ч. с меной гласного в корне слова, весьма частотны в диалектных ульяновских текстах, т. к. передают характерные для диалектного дискурса повторяющиеся действия и события: *И вот ёво на рубели* ***отхаживаш*** *// на рубели* ***отхаживаш*** *фсё эта /* ***наколачиваш***. В глагольных парах *отходить / отхаживать*, *наколотить / наколачивать*, *выкосить / выкашивать*, *выдолбить / выдалбливать* наблюдается закономерная с точки зрения литературного языка мена безударного корневого *о* в глаголе сов. в. на ударный *а* в многократном глаголе несов. в. Однако безударный характер корня в сов. в. не всегда провоцирует мену звуков в имперфективе. Мена звуков отсутствует в таких глаголах, как

ковать, *совать*, *основать* и префиксальных образованиях от них (*подковывать, засовывать, обосновывать*). Действительно, в БАСе отсутствуют такие глаголы, как *заса́вывать, подса́вывать, расса́вывать, проса́вывать, прика́вывать, подка́вывать, выка́вывать, ока́вывать, ска́вывать*. В ульяновских говорах свободно используются формы таких глаголов: *Решётка сюда* ***прикаввалась***. Также свободно в ульяновских говорах образуются многократные префиксальные глаголы с корнем *воз(ить)*: *приваживать, подваживать, сваживать, развживать, отваживать, наваживать, заваживать. Грибоф сколь* ***наваживали****, поедем на лошади-ти, оттуда везём целый вос пошти шта.* Красная Река. В БАСе из подобных префиксальных образований от глагола *воз(ить)* обнаруживается только глагол *развживать*, *отваживать* приводится лишь в значении ‘отучать’. Особенно интересны такие имперфективные образования с чередованием корневого гласного, как *затя́сывать* и *росча́сывать*: *Вопшем берёца еловый прут, в середине вот так* ***затясываеца***; *Гребешками деревянными* ***рошшасывалис***. В этих словах мы наблюдаем чередование безударного этимологического *е* (*затесать, расчесать*) не с ожидаемым ударным *о*, а с ударным *а*. Подобные случаи, видимо, отражают живой характер такой мены безударного гласного на *а* ударный, как способа выражения грамматического значения. Закономерность подобных имперфективных образований в ульяновских говорах подтверждают данные С. А. Мызникова по говорам Поволжья. Так, в его монографии «Русские говоры Среднего Поволжья» находим такие глаголы, как *вытя́сывать*, *вва́ртывать*.

Неганова Галина Дмитриевна,
к. культ., Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

Народные географические термины в парадигме культурного ландшафта

В соответствии с концепцией, основы которой заложены в ходе научной дискуссии лингвиста А. С. Герда и географа Г. А. Исаченко (2002), народные географические термины рассматриваются как отражающие лексику говора местных жителей, природно-географические особенности местности и особенности местной культурной традиции. Объект исследования — географическая лексика говоров северо-восточных районов Костромской области на двух хронологических срезах: рубежа XIX–XX вв. и последней трети XX — начала XXI в. Основные источники исследования — картотека Костромского областного словаря, материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева, Труды Костромского научного общества по изучению местного края.

1. Рассматриваются народные географические термины и природные реалии, с которыми они соотносятся, в пространстве конкретных культурных ландшафтов. Так, например, в семантике термина *ельняг* ‘ельник’ выявляется дополнительное лексическое значение ‘лес, в котором не растут грибы и ягоды’; в семантике термина *дерб* ‘выгоревшее место в лесу, заросшее деревьями’ — значение ‘обильное грибами’.

2. В процессе освоения природного ландшафта и включения его элементов в хозяйственную деятельность наблюдаются изменения в лексическом значении местных географических терминов, например: *булды́рь* ‘неровности на поле, *мешающие пахать*’, *верете́я* ‘часть луга, *где растёт непригодная для корма трава*’, *пле́со* ‘*луг* на возвышенности’, *кули́га* ‘участок пахотной земли, *расположенный на возвышенности*’, *доли́на* ‘*поле*’ и др.
3. Расширение номенклатуры местных географических терминов связано с хозяйственным использованием территории, например: *ве́шница* ‘поле, вспаханное весной’, *запа́шка* ‘распаханная часть луга при малоземелье’, *зя́блина* ‘поле, вспаханное осенью под яровые’, *пасва* и *поскотина* ‘пастбище’. Обращается внимание на термины подсечно-огневого земледелия: *гарьба́* ‘выжженное под пашню место в лесу’, *новина́* ‘вырубленное и выжженное место в лесу под пашню’, *ра́менье* ‘расчищенное под пашню место в лесу’, *чи́стка* ‘очищенная от леса поляна под сенокос’ и др.
4. Расширение лексического значения народного географического термина связывается с сакральным освоением территории, например: *прилука* ‘глубокий омут, населенный водяными, наядами и русалками’, *росстань* ‘перекресток двух дорог, на который ходят гадать под Новый год’, *чертов палец* ‘превратившийся в камень палец дьявола, оторванный молнией — огненной стрелой, брошенной Богом’ и др.

Наблюдения показывают, что рассмотренные в аспекте культурного ландшафта северо-восточной костромской деревни народные географические термины отражают:

а) лексику говора жителей конкретной местности;
б) природно-географические характеристики ландшафта;
в) хозяйственное использование территории;
г) сакральное освоение местности.

Ясинская Мария Владимировна,
научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Слепота в русской диалектной лексике и фразеологии

Диалектная лексика и фразеология являются важнейшим источником для исследования традиционных представлений о зрении. Анализ лексики, называющей слепоту, глазные болезни, человека, потерявшего или теряющего зрение, а также само состояние ‘терять зрение’ дает возможность понять, каким образом устроен данный фрагмент языковой картины мира. В диалектной лексике «слепота» часто описывается через «темноту» (ср. *темный* ‘слепой’, *отемнеть* ‘ослепнуть’), потерю света (*свет из глаз выкатился*, *свет теряется*), т. е. позиции субъекта (*слепой*) и объекта (*невидимый*) смешиваются. Зрение тесно связано со светом, согласно некоторым представлениям, оно осуществляется за счет внутреннего света, локализованного в глазах, а слепота является результатом потери этого света. Слепота может представляться в виде жидкости, разливающейся в глазах

(*темная вода* ‘катаракта’, *в глазах темная вода разлилась* ‘о слепоте’), сами глаза в традиционных верованиях часто выступают как жидкая субстанция, они могут вытечь (*глаза вытекли* ‘о слепоте’), их «высасывают» змеи, птицы и пр. Слепота может выступать как механическая помеха в глазу, заслоняющая зрение (это значение подтверждается первичной семантикой слав. **slěp-*), неисправность, неполнота, бедность (*обнищать глазами*) и др. Данные языковые факты находят подтверждение в традиционных обрядах и верованиях, в т. ч. в области народной медицины (лечение глаз с помощью прозрачной воды, использование мотива света в заговорах от глазных болезней). Диалектные фразеологизмы, означающие потерю зрения, часто параллельно выступают в значении ‘умирать’ (*глаза закрылись*, *Бог глаза вынул*, *глаза на леву сторону / на изнанку выворачивать*, *зажмуриться*), во фразеологизмах часто встречаются аллюзии на похоронный обряд (засыпание глаз землей, песком и пр.). Это обусловлено тесной связью семантических оппозиций «свет — тьма» и «жизнь — смерть», а также тем, что умирание часто выражается через потерю зрения — важнейшего чувства, выступающего в качестве приметы жизни и этого света (ср. представления о том, что душа в момент смерти покидает тело через глаза).

СТИЛИСТИКА

Бабенко Наталия Григорьевна,
д. ф. н., профессор,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

Пушкин и пушкинское в современной поэзии (лингвопоэтический аспект)

Аллюзивный принцип языковой игры, широко применяемый в творчестве современных русских поэтов, реализуется преимущественно посредством обращения к *прецедентным антропонимам* и *прецедентным высказываниям*, что обусловлено высокой способностью этих прецедентных феноменов аккумулировать концептуальную, эмотивную, аксиологическую информацию. Предметом рассмотрения в настоящем докладе являются национально-прецедентный антропоним *Пушкин* и пушкинские прецедентные высказывания, неоинтерпретация которых в современной русской поэзии обеспечивается:

- травестийной трансформацией пушкинских высказываний (в поэтических текстах Тимура Кибирова, Веры Пановой);
- стилистически контрастным сопряжением лексики литературного и сетевого дискурсов (в стихотворении Александра Кабакова);
- созданием эффекта временного блендинга (в стихотворении Александра Кушнера);
- девиантным выбором точки зрения на изображаемое (в стихотворениях Григория Кружкова, Натальи Горбаневской).

Гассельблат Ольга Александровна,
аспирант, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Особенности функционирования религиозной лексики в поэзии И. А. Бродского

При исследовании воплощения текстового ассоциативно-семантического поля (ТАСП) «Религия» в поэзии И. Бродского интересно было наблюдение за количественными и качественными характеристиками религиозной лексики в текстах этого поэта.

ТАСП «Религия» в лирике И. Бродского включает в себя 17 микрополей: «*Бог, Господь*», «*Библейские персонажи*», «*Библейские цитаты*», «*Рождество*», «*Христова Пасха*», «*Крест*», «*Ад, демонические силы*», «*Ангельские силы*», «*Рай*», «*Душа*», «*Молитва*», «*Вера*», «*Церковные сооружения*».

Особенностью воплощения ТАСП «Религия» в лирике И. Бродского является наличие большого количества трансформированных библейских цитат.

Можно выделить несколько специфических черт преобразования ТАСП «Религия» в индивидуально-авторской картине мира:

1. Самой яркой особенностью семантической трансформации описываемого нами поля «Религия» является совмещение в микроконтексте лексем противоположной или контрастной семантики и, как результат, **стилистическое снижение** религиозной лексики в результате совмещения ее с лексикой разговорной, просторечной, жаргонной и даже инвективной.
2. Частой особенностью преобразования поля «Религия» является **сочетание религиозной лексики с военной**.
3. Важное значение в творчестве И. Бродского имеют фрагменты с **«переворачиванием ситуации»**. Чаще всего такому «переворачиванию» подвергается ситуация Рождества, в которой поэт удаляет главных персонажей, заменяет сакральное низменным.
4. Для текстов поэта свойственна **повторяемость многих мотивов** (мотив Рождества, образ архангела Гавриила с трубой).
5. В произведениях И. Бродского **образы насекомых** (муха, жук-плавунец) как символ ничтожности и сиюминутности, сополагаются с религиозными образами.
6. Характерно для И. Бродского **употребление религиозной лексики в бытовом контексте**.
7. Эстетическую значимость имеют несколько примеров использования религиозной лексики в **технических метафорах**: с лексемами *аэроплан, самолет, ПВО*.
8. Еще одной особенностью можно назвать постоянное **обращение к Богу** немеждометного характера.

Отмечены следующие способы контекстуальной импликации, влекущие преобразование традиционного воплощения ТАСП «Религия»:

1) употребление «отрицательной» метафоры;
2) создание парадоксального ряда однородных членов;
3) индивидуально-авторские сочетания;

4) языковой эклектизм;
5) эпатажная парономазийная рифма;
6) новые коннотативные компоненты и сочетаемостные возможности, вносимые в микрополе «Бог, Господь, Творец».

Контекстуальные фрагменты с религиозной лексикой были рассмотрены также в текстах М. Цветаевой, О. Мандельштама и других поэтов. Трансформация ТАСП «Религия» свойственна и для текстов поэтов Серебряного века и, вероятно, подобные преобразования характерны для поэзии в целом.

Душечкина Елена Владимировна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

История и значение слова «лупоглазый» в литературе и речевом обиходе

В докладе рассматривается история и значение слова «лупоглазый» в литературе и речевом обиходе. Вплоть до середины XIX в. слово было малоупотребительным. Его нет как в словарях древнерусской письменности и XVIII в., так и в словарях русского языка вплоть до середины XIX в. Впервые оно появляется в «Опыте областного великорусского словаря», выпущенном Академией наук в 1852 г., а затем уже у Даля, где указано на два главные его значения: *лупоглазый* — тот, кто *лупит, таращит глаза*, и тот, у кого *глаза навыкате*. Даль приводит и дополнительные, диалектные, значения этого слова: *любопытный*, *бесстыжий*. В словарях XX в. слово *лупоглазый* в основном трактуется с пометой *просторечное*, *диалектное*. В XIX в. это слово хотя и использовалось, но было малоупотребительным, очень редким и простонародным. С середины XIX в. слово «лупоглазый» начинает использоваться шире, вызывая, как правило, негативные ассоциации. В докладе показывается, как постепенно расширяется диапазон значений этого слова, как оно, наряду с негативными, приобретает новые, положительные, коннотации.

Зверева Марианна Ивановна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Эвфемизм как средство выражения оценки

Использование эвфемизмов в тексте зачастую прагматически обусловлено.

Эвфемизм является еще и средством выражения определенной оценки автора того, о чем он пишет. Оценку может выдавать в т. ч. высокая концентрация эвфемизмов или их отсутствие в тексте. Это весьма наглядно при сравнении идейно разных текстов, но посвященных одному событию. Например:

Новая газета, 2014.05.03. Одесса встречала утро на Куликовом поле:
*«За ночь в Доме профсоюзов **погибло**, по последним данным, 40 человек. <…> В сгоревшем здании спасатели позже нашли 36 тел — люди задохнулись от дыма. Еще несколько человек разбились, выбросившись из окон горевшего Дома профсоюзов».*

Завтра. 2014.05.02. В Одессе заживо сожжено более полусотни человек: *«В ходе столкновений в Одессе приезжими боевиками-унитаристами заживо сожжено и убито более 50 человек».*

В первом фрагменте эвфемизм «погибло» не выдает отчетливо негативной оценки, показывает сдержанность эмоций автора и вместе с последующим (и предшествующим) контекстом продвигает идею ненасильственной смерти людей. Во втором фрагменте эвфемизмы отсутствуют, автор прямо говорит о насильственной смерти, эмоциональный заряд резко отрицательный.

Любое слово и словосочетание может быть и нейтральным, и эвфемистичным: всё зависит от его функций в конкретном речеупотреблении и от контекста. Иллюстрацией к этому утверждению станут примеры со словом «скончавшийся»: в первом текстовом фрагменте данное слово эвфемистично, т. к. нацелено смягчить трагический негатив темы смерти, во втором случае оно нейтрально, выступает в качестве равнозначного синонима слова «умерший» и служит лишь для избежания тавтологии в тексте.

Известия, 2013.07.08. В больницах создадут базу данных вещей пациентов:

«*К нам обращались родственники пациентов, вещи которых пропали, — рассказал Саверский. — К сожалению, речь шла о людях,* ***скончавшихся*** *в больницах, и, разумеется, сначала близкие о вещах не думали вообще».*

Metro С.-Петербург, 2016.02.03. От осложнений гриппа умерли 36 человек:

«Среди ***скончавшихся*** *не было детей и привитых граждан. Все умершие имели тяжелые сопутствующие заболевания».*

Диалогизм публицистики призывает в текст эвфемизмы. Поскольку эвфемизм представляет собой не «некую точку» (устойчивый смысл), а «пересечение смыслов», своеобразный диалог — автора, адресата, нынешнего или предшествующего информационного, культурного контекстов. И если проанализировать приведенные выше примеры под этим углом, то такие «диалоги» обнаружатся. Автор, говоря об определенном событии в определенных условиях с учетом последствий, использует конкретный эвфемизм, рассчитывая на то, что адресат декодирует этот эвфемизм, поймет суть случившегося (как в третьем примере), или же, наоборот, автор надеется на то, что адресат не разглядит за эвфемизмом всю остроту ситуации (см. пример 1).

Зубова Людмила Владимировна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Поэтическая грамматика Е. В. Клюева

Евгений Клюев — современный поэт, прозаик, переводчик, филолог, автор работ по риторике и литературе абсурда. Все виды этой деятельности воплощены в его стихах, сочетающих традиционность с экспериментальностью.

В докладе на материале больших поэтических сборников Клюева «Зеленая земля» (2008) и «Музыка на Титанике» (2014) рассматривается языковая рефлексия, относящаяся к грамматике, грамматическая образность и семантика неузуальной грамматики, авторская эстетика и семантика грамматических явлений, связанных с языковой динамикой: языковая рефлексия (*Обращаюсь ко второму лицу / через церемонное третье — / экий польский, экий птичий язык*), стилистическая маркированность и стилистический контраст (*расшибаясь, погибаючи / и — не будучи уже*), семантизация вариантов (*вжик — небеса вдруг ускользнули в небеси*), образование неузуальных форм в неполных парадигмах (*Этому фанту — кружиться на цыпочках <...> цыпочек — очень желательно — не выпачкав*), контекстуальная грамматическая полисемия (*мгла и темна вода*), аномалии глагольного управления (*я умру ему: как фокусник прикажет; что-то такое звеня на лету*), грамматические ряды (*где шепталось слово «позже», / перед тем как расставалось... / где ходилось, где бывалось, / где всё сразу удавалось*), грамматикализация (*Но, если ты забудешь знать, / о чём танцуешь петь*), неология (*куда же ещё никогдее; здесь — не здешнее, чем тамошнее там*), эксперимент с доведением до абсурда тенденции русского языка к аналитизму (стихотворение «На языке пираха» с частичным отказом от изменяемости форм). Особое внимание уделяется стилистическим функциям грамматических архаизмов и псевдоархаизмов (*У нея голубые глаза; Ничего мне не надобно, рыбче; и зелены заветные лузи*).

Авторские грамматические формы нередко указывают на противоречия между системой и нормой в русском языке, между синтагматикой и парадигматикой.

Общий вывод: поэтические вольности Е. Клюева являются своеобразным продолжением его филологических исследований.

Зубова Людмила Владимировна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Мельничук Виктория Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексико-грамматический аспект аксиологической динамики на примере слова «чреватый»

В истории слова *чреватый* первичным было безоценочное значение (это прилагательное было книжным синонимом «народных слов простого стиля» *брюхатый, пузатый*). В XIX в. появилось переносное значение ‘способный вызвать, породить что-либо’. Оно потребовало подчиненного компонента в творительном падеже и стало фразеологически связанным. Сначала при переносном употреблении между производящим и производным значениями существовала живая образная связь. Определяемое существительное обозначало вместилище, подобное большому животу: *чреватые водою тучи*. На этом этапе семантического преобразования значение слова еще не стало оценочным. Затем, когда стал доминировать признак

не внешнего подобия, а будущего плода, стало возможным абстрактное определяемое существительное и появилась аксиологическая двойственность этого слова. Им могли обозначаться как благоприятные, так и неблагоприятные последствия. Закрепление отрицательной оценки за словом *чреватый* на новом витке развития приводит к ослаблению и разрушению фразеологической связанности: теперь это слово в форме предикативного краткого прилагательного может употребляться и без дополнения: *это чревато*. Современные художественные тексты, особенно поэтические, нередко воспроизводят разные этапы семантического развития слова: *чреватость чрева* (В. Соснора), *дородный, чреватый брюнет* (В. Строчков), *Тысяченожками народ / Ползет за тучею чреватой* (Е. Шварц), *Чердак не прост и волшебством чреват* (Б. Ахмадулина), *подобный спор всегда чреват бедой* (Л. Каганов), *среди кругов, овалами чреватых* (И. Бродский), *На самом деле простота чревата* (Т. Кибиров). Предикативное употребление прилагательного приводит к следующему грамматическому сдвигу — появлению сравнительной формы: *Подмечаю — жизнь чревата, и чреватей, что ни квартал* (В. Вишневский). Этап аксиологической двойственности слова отражен текстами, в которых обозначена опасность положительных явлений: *Повороты пространства / надеждою новой чреваты* (М. Крепс); [ресницы] *чреваты исполнением желаний* (В. Павлова). Таким образом, семантическая динамика слова, основанная на изменчивом доминировании дифференциальных признаков, приводит к изменению его сочетаемости, порождает грамматические преобразования и обнаруживает энантиосемические потенции.

Левина Ирина Николаевна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Чужая речь в нетрадиционном нарративе: типы диалогем

1. «Чужая речь» как специфическое феномен, в письменной форме представляемый различными способами, с середины XX в., особенно благодаря работам М. М. Бахтина, оказалась в зоне пристального внимания лингвистов.
2. Попытки структурировать явления, наблюдающиеся в художественном прозаическом тексте, в этом отношении привели к выделению *диалогемы* — «моно-диалогической структуры, презентирующей диалог персонажей и его авторское окружение» (С. Г. Ильенко, 1997). Частным, но весьма важным наблюдением явилась констатация того, что у сложных диалогем монологическое окружение диалога может включать прямую и косвенную речь (С. Г. Ильенко, Е. Н. Грудева и др.).
3. Наиболее разнообразно и сложно «чужая речь» представлена не в классическом, а в нетрадиционном нарративе (свободном косвенном дискурсе), активно использующем несобственно-прямую речь.

4. Предлагаемая *типология диалогем* строится с учетом грамматического (формы презентации чужой речи), текстового (субъектная структура текста, предусматривающая разграничения персонажей и нарратора — рассказчика (повествование от 1-го лица) или повествователя (повествование от 3-го лица)) и прагматического (особенности референции) критериев. Символическое обозначение компонентов и их признаков позволило представить нарративные блоки в виде текстовых структурных схем — моделей.
5. Диалогемы разграничиваются по степени структурной сложности, на базе основных (типа **(S1→S2)+S3л.нарр.,** включающей диалог и «окружение» — нарратив 3-го лица) выделены минимально осложненные и комбинированные, включающие дополнительные компоненты, которые связаны с презентацией чужой речи в нарративе.
6. Структура комбинированной модели формируется за счет разнообразных форм чужой речи, а также нестандартных соотношений по линии «нарратор — персонаж»; например, структура, состоящая из диалога и партии нарратора, которая включает две формы чужой речи: а) косвенную и б) несобственно-прямую речь.
7. Представляется, что модель диалогемы предопределяет ее функциональный потенциал.

Луговая Ника Вячеславовна,
аспирант, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Языковые традиции стиля плетения словес в орнаментальной прозе (на примере романа Б. Ю. Поплавского «Домой с небес»)

Б. Поплавский создал два романа — «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес», последний из которых является ярким примером орнаментальной прозы. Однако в этом произведении прослеживается также и другая русская языковая традиция — это стиль плетения словес. Б. Поплавский перенял у древнерусских писателей разнообразные синтаксические и ритмические приемы: аллитерацию, ассонанс, сочетания однокоренных слов, бесконечные повторы, длинные ряды перечислений, синонимические и тавтологические сочетания, сравнения и т. п. Они в своей совокупности создают неповторимый орнаментальный рисунок, в основе которого заложена не столько эстетическая функция, сколько смысловая, поскольку именно в ней зашифрована философская мысль автора. Проанализировав основные выразительные средства романа, можно получить следующую классификацию.

1. Повтор:
- фонетический (аллитерация, ассонанс);
- морфемный (гомеология);
- морфологический (парегменон);
- лексический (эпизевкис, тмезис, просаподосис, анафора, звуковая анафора, анадиплосис, эпифора, эпаналепсис, полиптот);
- синтаксический (синтаксический параллелизм, полиграмматизм).

2. Сравнительный оборот:
   - распространенный (синтаксически неразрывный и прерываемый);
   - нераспространенный.
3. Ряды однородных членов.

Различные виды повтора, как правило, перемежаются в одном СФЕ, являясь таким образом базовыми элементами орнамента. Кроме того, эти детали формируют особую ритмическую структуру, реализуя авторские задачи, например, усиление заданного темпа обычно показывает читателю эмоциональный накал, бушующий в душе героев, а его ослабление может говорить о внешней или внутренней статике и спокойствии. Вдобавок «динамический смысл, раскрывающийся посредством звукописи и лексических повторов, имеет эзотерическую, тайнозрительную природу» [Лавров, 1995], которая сразу отсылает читателя к медитативным практикам и постижению Абсолюта. Конечно, в каждом отдельном случае писатель преследует какие-то определенные цели, поэтому давать точную характеристику ритму необходимо только при анализе конкретного эпизода. Просаподосис (А…А) «**Врет, все врет…** и крал и носил его дьявол на крышу храма, дьявол носил Бога, как брюки со складкой… **Врет, все врет**». Включение в орнамент рядов однородных членов способствует нарастанию темпа, который, в свою очередь, образует экспрессию. Кроме того, синонимия, неоднократно встречающаяся в подобных рядах, расширяет созданную реальность, соединяя несколько пространственных пластов в едином временном отрезке, а также детализирует действия персонажей и привносит в их портретное описание неповторимые черты. «Круги под глазами, черная фуфайка без рубашки, отчаянный и смущенный вид, и как это я нравлюсь женщинам, истинный **шахтер, сутенер, матрос…**»

Литература:

Лавров А. В. А. Белый. Ритм и смысл // Новое литературное обозрение. М., 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litmir.net/br/?b=180239&p=2 (дата обращения: 15.01.2016).

Лукьянова Людмила Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия

Книга М. М. Зощенко и Н. Э. Радлова «Веселые проекты»: организация художественного единства

Книга М. Зощенко и Н. Радлова «Веселые проекты», опубликованная в 1928 г., до настоящего времени является малоизученным художественным произведением. Составленная и объединенная самими авторами группа креолизованных текстов представляет собой художественное целое, в котором отражены как злободневность и актуальность «искусства дня», так и специфическое мировидение его создателей.

Обращение к анализу «Веселых проектов» продиктовано стремлением выявить заложенные в цикле авторские смыслы с опорой на выборочный, особенно показательный материал, связанный прежде всего с вербальной стороной художественного текста.

В русле данной логики и рассматриваются универсальные и индивидуально-авторские актуализаторы смыслов: заголовочный комплекс, предисловие, начальные и финальные компоненты, композиция, окказионализмы, прецедентные имена и т. д.

В установлении координации смыслов ведущая роль отводится комическому, субъективно-оценочной модальности, проявляющейся в конфликтной (контрастной) форме.

Реализация авторских эмоций и их воздействие на адресата (читателя) достигается как системными свойствами языковых средств (коннотативами, экспрессивами), так и их организацией в процессе производства текста, т. е. речевыми механизмами (языковой игрой).

Созданная в «Веселых проектах» гротескная картина мира предстает в некой амбивалентной сущности: дискретные, подчеркнуто дистанцированные элементы в то же время вовлечены в единое художественное пространство цикла. Художественная циклизация своим главным смыслом являет особое, архаическое ощущение времени как круга, жизненного цикла («Карнизомобиль» — «Походный крематорий»); вместе с тем «открытая множественность» (отсутствие оглавления, сквозного списка «проектов») позволяет прогнозировать появление нового элемента, нового качества.

Митрофанова Арина Анатольевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Функции высокого стиля в идиостиле В. Г. Распутина

В работах, посвященных изучению идиостиля В. Г. Распутина, внимание фокусируется на таких стилистически маркированных единицах словаря писателя-традиционалиста, как диалектная и народно-поэтическая лексика; в работах по поэтике прозы писателя утверждается бесспорная изобразительная сила его таланта, подразумевающая тщательный отбор и богатство предметной лексики в его словаре. Между тем в повествовательном стиле В. Г. Распутина наблюдается следующая закономерность: диалогическая речь героев, описательные фрагменты, маркированные словами бытового ряда, диалектными, просторечными формами, чередуются с фрагментами, отмеченными высоким стилем литературного языка. В таких фрагментах голос героя, как правило, сближается в авторским или накладывается на него. Герой погружается в созерцание окружающего природного мира, постепенно отрешается от повседневности, переживает состояние духовного подъема. Исследователи относят Распутина к мистическим писателям в православном религиозном смысле, имея в виду, что его проза дает «не описание мира, но отражает процесс его постижения» (Е. Галимова): в подобные минуты герою открывается сверхчувственная реальность. Задача передать в словесном произведении глубоко интимный опыт встречи с реальностью высшего порядка требует иных, нежели в бытовых эпизодах, законов словосложения. В таких фрагментах сама форма словесного выражения тщательной отделанностью, подчернутой выстроенностью, семантической сложностью подготавливает читателя для приобщения к серьезным,

нерядовым смыслам. Такие отрезки текста ритмически организуются, насыщаются предпочитаемыми писателем фигурами речи, из которых важны периоды, позволяющие разворачивать большие синтаксические структуры. Читатель подпадает под воздействие задаваемого синтаксисом ритма, одновременно улавливает, как предметная семантика постепенно заменяется книжной лексикой с отвлеченной семантикой, как контекст насыщается церковнославянизмами (необъятность милости, неземные врата, сияющее величие). Настроенный таким образом читатель может приблизиться к состоянию, близкому переживаемому героем. При этом предшествующее повествование не подготавливает читателя к этому кульминационному фрагменту: на уровне композиции эпизоды могут следовать за бытовыми, намеренно не примечательными разговорами. Более того, для идиостиля писателя характерно гармоничное чередование отрезков текста, моделируемых стилями современной разговорной речи провинциального сибирского города, деревенской, окрашенных иронической, комической экспрессией, и отрезков книжного высокого стиля. Выверенная соразмерность в идиостиле В. Г. Распутина разговорных стилей и высокого стиля является принципом создания образного мира, который по-земному конкретен, чувственно осязаем — и одновременно одухотворен и непостижим.

Огнерубова Ирина Александровна,
аспирант, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Лингвистические особенности образа музы в лирике Ильязда (И. М. Зданевича)

Написанные Ильей Зданевичем в 1940-х гг. поэма «Письмо» и венок сонетов «Приговор безмолвный» являют собой результат беседы, которую автор ведет со своей музой. Ильязд наделяет ее всеми антропоморфными чертами, разграничивающимися на физические и ментальные. Первые вербализируются в языке посредством употребления слов лексико-семантической группы *тело*, а также приписывания музе как субъекту глаголов различного семантического содержания (движения, нахождения, чувств и эмоций). Вторые реализуются благодаря категоризации понятий, которые указывают на характер музы. Она рассеянна, забывчива, легкомысленна и наделена достаточным количеством пороков, вследствие чего автор прибегает к использованию пренебрежительной разговорной лексики. Муза иррациональна и соотносится с дионисийским началом, приходя к поэту *в праздник винограда* и неся с собой хаос и беспорядок. Лирический герой противопоставляет *прекрасную, чуждую боязни* музу самому себе, описывая себя антонимичными эпитетами *уродливый*, *малодушный* и т. д. Он начинает сомневаться в своем даре, который актуализируется метафорой лаврового венка, являющегося символом аполлонического начала. Сомнения героя приводят к его двойственности: с одной стороны, он хочет приобщиться к музе как божественному началу, с другой — не может вынести ее порицания, что проявляется в языке наличием контекстуальных антонимических рядов. Несоответствие между лирическим героем и музой создает между

ними непреодолимую дистанцию, представляющую из себя вертикаль, где она оказывается вверху, а он — внизу. Автор ассоциирует ее с небесными телами, реализовывая двойную метафору: вдохновение представляется женщиной, а женщина метафоризируется словами лексико-семантической группы *небесные тела*. Лирический герой опускает себя ниже уровня земли, а земля становится местом, где он встречается с музой. Так организовывается трехуровневое поэтическое пространство, что отсылает к христианской космогонии, поэтому нахождение музы на небесах связывает ее с загробным миром. Смерть музы носит мистический характер: она способна спускаться с небес на землю, ее состояние изменяется в зависимости от пространства. Ее мертвое тело остается в материальном мире, и лирический герой стремится к нему. Говоря о смерти музы в мире материи, автором используется метафора заточения, что подчеркивает трудность создания стихов — он не может просто встретиться с музой, ему нужно вызволять ее из плена и воскрешать, и чтобы сделать это, он пишет стихи. Так образ музы достигает наивысшей степени персонификации, что влечет за собой потерю ее основной функции — вдохновлять поэта на творчество. Она становится конкретной женщиной-возлюбленной, **для которой** лирический герой пишет стихи, но уже **не под воздействием которой**.

Панченко Наталья Владимировна,
к. ф. н., заведующий отделом,
Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования

«Филологизм текстов» современной эссеистики (на материале эссе Т. Н. Толстой)

Доминирование филологического дискурса в современных речепорождающих практиках находит свое воплощение не только в текстах современной художественной литературы, но и в медийном и бытовом дискурсах, принимая в последних чаще всего людическую форму.

Жанр эссе, стремительно набирающий популярность в современных речевых практиках (как считает Л. Г. Кайда, «вирус эссе витает во всем медиапространстве» [Кайда, 2008: 6]), представляет целый спектр вариантов репрезентации филологического способа говорения (если понимать под дискурсом способы и правила речекоммуникативной практики в рамках определенной области и/или темы). Эссе, будучи свободным от канона жанром, ориентировано на репрезентацию авторского «Я». Именно «Я» автора, его текстовая личность является текстообразующим началом, автор же волен избирать доминирующий дискурс репрезентации своей личности.

Материалом для демонстрации «филологизма текстов» эссе послужила книга Т. Толстой «Легкие миры». Актуализация филологического дискурса в текстах эссе Т. Толстой происходит прежде всего за счет избранного способа текстообразования с ориентацией:

- на этимологизацию феномена (часто ложную и/или субъективную): «Каго», «Pakastin», «Тэнгэр хуйсрах», «Студень»;

- на развертывание речевого и/или поведенческого стереотипа: «Обедом навеяно», «О трехчастной структуре выкрикивания», «Кремлевские сценарии»;
- на создание и объяснение окказионализма: «Хряпа тоталитарная»;
- на прецедентную стилизацию (объявленную или необъявленную): «Сумочка», «Издали похожие на мух»;
- на лексикографическую практику (составление словаря общих понятий): «Без разницы»;
- на критику речепорождающих практик: «Фу», «Му-Му и Фру-Фру: исчезновение Больших Смыслов», «О том», «Яичечко», «Гной, «Синестезия», «Глупости всякие», «Двухтыщи», «Шуба», «Может быть, свет»;
- на смыслопорождающий потенциал грамматики: «Другие миры»;
- на конкуренцию интерпретаций: «Синестезия», «Советское ухо».

Общей особенностью дискурсивной филологической практики в текстах эссе Т. Толстой является, во-первых, концептуализация заявленного (часто нового) понятия. Этому способствует этимологическая и/или этнокультурная направленность текста. Еще одна общая особенность текстопорождения — смешение филологического с другими видами дискурса, не последнее место среди которых занимает дискурс гастрономический («Студень», «Pakastin», «Хряпа тоталитарная», «Обедом навеяно», «Желтые цветы», «Синестезия» и др.).

Литература:

Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М., 2008.

Рябушкина Светлана Васильевна,
к. ф. н., доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова

Русские собирательные числительные и «иерархия одушевленности»

Категория одушевленности/неодушевленности (активности/инактивности предмета) относится к языковым универсалиям. Она отражает базовые, актуальные для человеческого общества различия именуемых объектов и контролирует различные участки грамматической системы, проявляясь, в частности, в особенностях функционирования субстантивной категории числа (влияет на состав числовой парадигмы, на выбор средств и способов маркирования количественных смыслов), в оформлении предиката (в первую очередь показателями мн. ч.) и проч. Обычно выстраивают такую иерархическую шкалу одушевленности: *говорящий (speaker) > адресат (addressee) > родственники (kin) > человек (human) > другие живые существа (animate) > неодушевленные предметы (inanimate)*. Грамматическая регулярность количественных характеристик убывает слева направо по мере понижения статуса предмета. Эта шкала соответствует этапам грамматического становления одушевленности в древнерусском языке (маркирование Вин. п.): от социально значимых лично-мужских имен к обозначениям лиц

женского пола и далее к названиям животных. Собирательные числительные (СЧ), будучи номинативно ориентированными, тяготеют к коммуникативно выделенной позиции грамматического субъекта. Степень одушевленности предмета проявляется в синтагматике СЧ: личные местоимения используются исключительно с СЧ (*нас двое*, *их пятеро*), сочетания личномужских имен с СЧ (*трое друзей*, *пятеро боевиков*) вполне нормативны, а распространенные в узусе употребления СЧ с названиями лиц женского пола, особенно частотные при обозначении родственных отношений (*Близнецы взяли в жены* ***двоих близняшек***. — Радио России. 15.11.15; *А остальные* ***пятеро дочерей*** *стали живописцами.* — Т/к «Россия-К». 20.05.15; ***Троих девочек*** *доставили в больницу.* — Пятый т/к. 06.10.15; ***Четверо россиянок*** *могут ставить перед собой задачу выиграть Кубок Кремля*. — Радио России. 12.10.14; ***Пятеро школьниц*** *пришли в школу в хиджабах.* — РенТВ. 21.03.13), свидетельствуют о том, что дискриминационное грамматическое правило, разделяющее людей по гендерному принципу, постепенно теряет категоричность. Возможны также стилистически оправданные сочетания СЧ с названиями высших животных – особей самостоятельных и своевольных (*...чем там лакомятся* ***трое отважных иерусалимских кошек****...* — Д. Рубина. Синдикат; *...собачья перевозка предназначена* ***для шестерых собак.*** — Т/к «Россия-1». 21.09.13; *...ему удалось оседлать* ***троих львов*** *и прокатиться на них по арене*. — Т/к «Россия-К». 01.04.13; *В зоопарке Копенгагена убили* ***четверых львов***. — Т/к «Россия-24». 26.03.14; *Туристы-экстремалы устроили настоящее авторалли у границы заповедника «Столбы». Рев мощных машин разбудил* ***троих медведей. Двое*** *ушли в тайгу.* — Первый т/к. 25.10.12; *... спасатели вывезли* ***пятерых медведей****: двух на лодках, остальных в автомобиле.* — Т/к «Россия-24».

Шаповал Светлана Анатольевна,
преподаватель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Стиль «Сочинения Наденьки N» в восприятии современных старшеклассников

Рассказ А. П. Чехова «Каникулярные работы институтки Наденьки N», включающий «Сочинение», опубликован в 1880 г. в журнале «Стрекоза» и является пародией на жанр гимназических работ вообще и «сочинений» в частности. Старшеклассникам ряда московских лицеев был предложен чеховский текст без какой-либо атрибуции, требовалось прочитать «сочинение» и оценить его язык и стиль в привычном для учащихся формате, подобно тому как это делают их преподаватели. Результаты восприятия неизвестного ученикам текста, понимания его жанровой и языковой специфики и оценивания с точки зрения соответствия некоторой норме могут рассматриваться в аспекте когнитивном и стилистическом (насколько развито представление о норме, адекватны претензии к стилю, уместны предлагаемые исправления и т. п.). Точками привлечения внимания учащихся являются следующие фрагменты: «выдержала экзамены» (массово

предлагается заменить на «сдала»), «с мамой, мебелью и братом» (почти все справедливо видят здесь логическую ошибку), «съехались» (лучше заменить на «приехали»), «много подруг <…> со мной гуляли» (недопустимый повтор) «мы, девицы» (заменить на «девушки», «девочки», вычеркнуть все предложение), «прочла много книг и между прочим» (вместо «между прочим» следует писать «среди них были произведения»), «Дюму» («Дюма»), «мой папа все лето был озабочен» (исправить на «занят») и мн. др. Почти весь текст «Сочинения» ощущается как стилистически чуждый и подвергается правке, которая нацелена на достижение нейтральности («с мамой и папой», с точки зрения учеников, следует заменить на «с родителями»). Особенностью чеховской пародии является то, что в ней использована незакавыченная цитата из гл. IV «Затишья» И. С. Тургенева. Однако вопиющая чужеродность разных фрагментов текста замечается далеко не всеми учащимися: многие продолжают править как ни в чем не бывало: «природа была в великолепии» (исправляют на «великолепна»), «не густая, но почти сплошная тень» (видят здесь некорректное противопоставление), «испещренную» (надо: «покрытую») и т. д. По условиям задания, вставной фрагмент необходимо рассматривать как плагиат, но это происходит лишь в редких случаях; иногда ученики диагностируют «уход от микротемы». Результаты можно обсуждать в аспекте не только стилистическом, но и психологическом: присутствующие в материалах либо нейтральные и даже деликатные подчеркивания или знаки вопроса на полях, либо насмешки, язвительность, воспитательные ремарки, нравоучительные замечания и т. п. позволяют хорошо различать разные когнитивные стили при оценивании школьных сочинений. Строгость, придирки и стремление к тотальной нейтральности сами ученики объясняют тем, что они ориентируются на формат ЕГЭ.

Шерстнева Екатерина Сергеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Нам с тобой не нужно счастья никогда!..»: как московский рок-поэт Б. Усов перепутал два русских авангарда

Сегодня утвердилось представление о том, что корни рок-искусства 1990-х гг. следует искать в искусстве русского авангарда (А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун, Е. Е. Машнина, Е. Р. Авилова, В. А. Михайлова и др.). В то же время в академической среде широкое признание получила детерминистская концепция истории русского авангарда, обоснованная Д. Сарабьяновым в статье «К своеобразию живописи русского авангарда начала XX в. Тезисы» (1989) и разделяющая ранний (1910-х гг., далее — А-I) и поздний (1920-х гг., далее — А-II) авангарды как две самостоятельные художественные парадигмы. Так, Н. Гурьянова в статье «Авангард и идеология» (2009) показывает, что в каждой из этих парадигм задействована особая коммуникативная модель: А-I рассчитывает на активную и непредсказуемую реакцию аудитории и использует приемы затруднения коммуникации, тогда как А-II идет по пути максимального упрощения языка, тяготеет к лозунговой простоте и действенности, видя в воспринимающем «ма-

териал» искусства. Поэт Б. Усов — центральная фигура т. н. «московского формейшена» (иначе — «московского экзистенциального андеграунда»), объединения поэтов и музыкантов, вдохновленных опытом сибирского экзистенциального панка и решивших создать в 1990-е гг. в Москве сходное художественное сообщество. На наш взгляд, отказ Б. Усова и поэтов его круга от установок А-I спровоцирован их желанием уйти от влияния старших предшественников. Этот отказ проявляется в смене модели коммуникации и ее адресата (уход от элитарности, «мы играем для простых людей, рабочих и заключенных», а не «мы играем для себя»); изменении самого лирического субъекта (лирическое «мы» вместо лирического «я»); отказе от авторефлексивного письма, эстетических экспериментов, стихов с прихотливой ритмикой, приоритета звучания над смыслом, зауми (Б. Усов сознательно идет по пути приближения поэтического языка к бытовому); использовании поэтики лозунга и прямого призыва; обилии лексики («пролетариат», «буржуазия», «мещанство», «революционные декреты», «классовая борьба» и пр.) и образов (город-организм, скованный цепями мир, механистическое будущее), прямо отсылающих к художественной практике А-II. В то же время, вопреки осознанной установке, художественное высказывание Б. Усова в итоге функционируют по модели А-I. По нашей гипотезе, это вызвано тем, что усовский кружок перенимает бытовые и сценические модели поведения представителей тюменской рок-сцены (замкнутость, особая внутрикружковая мифология и язык), и поэтические тексты часто оказываются переполнены «темными» местами, воспринимаемыми внешним слушателем как заумь, но в то же время для членов формейшена не являющиеся таковой; сибирский панк все же остается для многих членов формейшена эстетическим ориентиром, сходство с которым является зароком высокого качества текста.

СЛАВИСТИКА

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

Гусева Ольга Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Бидермейер в польской детской литературе XIX в.

В период между двумя национально-освободительными восстаниями (1830–1863) в польскую литературу проникли веяния бидермейера. Этот стиль литературы, изобразительного и декоративно-прикладного искусства пришел в Польшу из Германии и Австрии, где бидермейер получил распространение в 1815–1848 гг. Как художественный стиль бидермейер впитал элементы позднего романтизма, но без романтического бунта. В мировоззрении бидермейера на первый план выходили нравственно-бытовой традиционализм, религиозность, идеалы бюргерской жизни. В литературе бидермейера бытовая и нравственная проблематика преобладают над социальной, которую заменяет критика моральных недостатков и пороков: жадности, лицемерия, эгоизма отдельных героев — без обобщений. Для бидермейера характерно внимание к деталям в изображении интерьера, природы и быта. В живописи бидермейера широкое распространение получила семейная сцена в интерьере, где дети изображены играющими у ног родителей, в центре композиции — отец и мать, часто здесь присутствуют бабушки и дедушки, об их ноги трется кошка. Эти особенности бидермейера, поэтизировавшего уютный домашний мирок и призывавшего довольствоваться своим местом в жизни, независимо от социального положения, во многом соответствовали задачам польской детской литературы XIX в. Бидермейеровские мотивы проявились в творчестве П. Кракововой, М. Поплавской, З. Счисловской, Т. Новосельского и целого ряда других авторов, писавших для детей. Действие бытовых рассказов и повестей для детей развивается в узком домашнем кругу, в гостиной, детской, в парке шляхетской усадьбы. Герой-ребенок появляется в привычной для него обстановке, в кругу семьи и ближайших родственников. Вместе с детьми всегда находятся мать, бонна или гувернантка. Строгий, но справедливый

отец «занят делами». Он редко появляется в этом мире, тем не менее он внимательно следит за успехами и поведением детей. День ребенка строго регламентирован — он замкнут в границах утренней и вечерней молитвы. Ребенок всегда должен быть занят «делом», содержание которого зависит от общественного положения семьи: либо учеба, либо физический труд. Для девочек работа — это всегда рукоделье. Заслуженной наградой за усердие и примерное поведение становятся игра, прогулка или занимательная история, рассказанная вечером у камина. Интерес бидермейера к респектабельному быту, к дому и семье, к нравственным проблемам, ко всему малому и слабому как нельзя лучше отвечал задачам детской литературы. Тем не менее нельзя утверждать, что польская детская литература XIX в. была выдержана в стиле бидермейер. Идиллические жанровые сцены были все же нехарактерны для детских произведений — они служили лишь фоном, не имеющим значительной смысловой нагрузки. Основное внимание авторов сосредоточено на морали.

Дробышева Марина Николаевна,
к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Идеи Н. Макиавелли в трактовке М. Држича

В Дубровницкой Республике Никколо Макиавелли был хорошо известен. К итальянскому политическому мыслителю, писателю, автору трактатов и комедий Дубровницкий сенат неоднократно обращался с приглашением занять место государственного секретаря. Сочинение Никколо Макиавелли «Государь» (Il Principe, 1532) пользовалось особым вниманием как у правящих кругов, так и у гуманистов Далмации и Дубровника. Политический проект, изложенный в трактате, привлек Марина Држича своими светскими позициями подхода к проблеме государства. Особенно важно для драматурга было то, что Макиавелли пытался раскрыть не только законы общественного развития, основанные на данных истории, но и на понимании психики человека. М. Држич воспринимал трактат Макиавелли в свете назревших государственных проблем Дубровника и способов их решения. На протяжении всей своей жизни дубровницкий драматург стремился воплотить идеи макиавеллизма на практике, свой замысел политического переворота он изложил в письмах, обращенных к Козимо I Медичи. Его драмы свидетельствуют о том, что эти письма — плод многолетних раздумий автора, и их содержание позволяет увидеть многое, зашифрованное в пьесах М. Држича, таких как «Дундо Марое», «Скупой», «Трипче де Утольче» и др. Идеи Макиавелли стали одним из средств характеристики персонажей в комедиях Марина Држича. Макиавелли полагал, что следует приспосабливаться к времени и обладать доблестью. М. Држич идеи о счастье, судьбе и доблести перенес в другую систему ценностей. Эти идеи уходят в быт, становятся ориентиром жизненной практики простого человека. Поэтому не случайно выразителем идей Макиавелли становится обыкновенный слуга Помет, а не властители, над которыми он смеется в пьесе и которые, по его мнению, должны знать

много больше, чем он, а они не обладают этим знанием. Помет — герой комедии «Дундо Марое» — своеобразный демиург дубровницкого общества, представитель истинных людей, как их называет М. Држич, «назбиль». Помет — не вымышленный персонаж, а образ реального дубровчанина, выразителя идей Макиавелли в их повседневном понимании. Лирический аспект творчества М. Држича предстает в этой комедии достаточно ясно, у нас есть все основания думать, что эпизод из биографии драматурга, в бытность, когда он был его слугой у немецкого аристократа, может быть рассмотрен как один из важных моментов его жизненного пути, имевших немалое значение для формирования его мировоззрения. В пьесе Кристофера Марло «Мальтийский еврей», в хрониках Шекспира «Ричард III» и «Генрих IV» идеи Макиавелли трактуются так, что власть можно удержать любыми средствами: беспринципностью, «политикой яда и кинжала». В то время как М. Држич не столько рассматривает проблему власти, сколько акцентирует внимание на типе человека, который обладает силой воли, доблестью.

Егорова Ксения Борисовна,
к. ф. н., научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Польские источники литературных подражаний О. М. Сомова

В 1821 г. на страницах журнала «Благонамеренный» появилась «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Сомова. Перед публикацией Сомов представил это произведение на собрании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» 26 мая 1821 г. В протоколе общества, хранящемся в библиотеке Санкт-Петербургского университета, отмечено, что выступление Сомова слушало девять литераторов, среди которых были издатель «Благонамеренного» Александр Ефимович Измайлов и Петр Андреевич Вяземский. И во время устного выступления перед членами «Общества», и в печати Сомов подчеркивал, что его «Песнь о Богдане Хмельницком...» не есть оригинальное произведение, но является подражанием польской поэзии (на страницах «Благонамеренного» стихотворение имело соответствующий подзаголовок). Сомов не скрывал также и имя польского поэта, которому он подражал, создавая свою «Песнь о Богдане Хмельницком» — это Леон Рогальский, печатавшийся на страницах «Тыгодника Виленского» в 1820-е гг. К моменту публикации Сомовым русской редакции «Песни о Богдане Хмельницком» (1821) Леону Рогальскому, на которого ссылается русский автор, было 15 лет. В 1820 г. в «Тыгоднике Виленском», действительно, появилось несколько произведений этого юного дарования (серия переводов народных песен): «Песня украинская о Богдане Хмельницком» (Piosenka ukraińska o Bohdanie Chmielnickim), от которой отталкивался Орест Сомов, «Свадебная песня литовского народа» (Piosenka weselna ludu litewskiego) и «Городская (мещанская) песня эстонского народа» (Piosenka pospólstwa ludu estońskiego).

В докладе будет представлена история создания Сомовым литературного подражания «Песне украинской о Богдане Хмельницком», а также проанализировано влияние этого русского текста на формирование жанра думы в русской литературной традиции.

Зеновская Полина Евгеньевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Образ города Сараево в сербской литературе XX в.

В течение XX в. Сараево неоднократно становился сценой, на которой разыгрывались события мирового значения. Писатели, чей жизненный и творческий путь связан с этим городом, в своих произведениях предпринимали попытки художественного осмысления трагической судьбы Сараево.

Представления о Сараево как о мультикультурной столице, существующей на границе православного, мусульманского и католического миров, вобравшей в себя и западные, и восточные традиции, широко представлено в сербской литературе XX в.

Так, например, Момо Капор сравнивает Сараево с боснийской солянкой — национальным балканским блюдом, представляющим собой смесь множества самых различных ингредиентов, которые томятся на медленном огне в закрытой посуде.

Иво Андрич, повествуя об этом городе, использует темпоральный образ: часы на башнях католического собора, православной церкви и мечети бьют в разное время, подчеркивая, что люди разных вероисповеданий живут в параллельных временных системах. Подобные сравнения указывают на осознание писателями опасности, таящейся в сосуществовании непохожих групп людей на единой территории.

При этом оба автора указывают, что сосуществование это возможно лишь благодаря хрупкому равновесию, малейшее отклонение от которого приводит к катастрофе. Начало трагедии обоими авторами также осмысливается одинаково: это сумасшествие, причину которого они видят во взаимной долго сдерживаемой ненависти жителей. Описание его решается в произведениях через изображение обезумевшей от ненависти толпы, подобно единому существу захлестывающей город. Мотив безумия, прорывающегося наружу, может быть поддержан отдельными деталями описания толпы или выражен в развернутом аллегорическом сравнении.

В своих идейных исканиях писатели приходят к единой модели осмысления сущности города: его персонификации в облике мифологического чудовища. Иво Андрич называет его «бесом ненависти», а Момо Капор — «кровавым зверем», однако сущность этого персонажа представляется схожей. Это некий дремлющий до поры монстр, периодически пробуждающийся и несущий разрушения. В подобном представлении Сараево через образ кровожадного гения места проявляется тяготение писателей к мифологическому осмыслению судьбы города.

В повторяемости трагических последствий пробуждения духа города, на которую обращают внимание авторы, прослеживается идея цикличности

истории, присущая мифологическому сознанию. Сараево предстает перед читателем как квинтэссенция боснийской, или — шире — балканской модели мира, которая может быть экстраполирована на мир в целом.

Калиганов Игорь Иванович,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Представления русских о болгарах и Болгарии накануне ее освобождения от турок (по данным отечественных и переводных зарубежных очерков того времени)

Оживление интереса в России к Болгарии и болгарам накануне освобождения ее в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было закономерным. Оно вызывалось политическими, военно-практическими и нравственными соображениями. Это хорошо прослеживается на материалах тогдашних изданий — книг и статей российских и зарубежных писателей и ученых, которые публиковались тогда в русской научной и общественной периодике. В особенности это касается исторических очерков и описаний таких авторов, как Е. Водовозова, А. Гильфердинг, В. Макушев, Н. Мосолов, Г. Макензи, А. Ирби и др.

Приводившиеся в них сведения имели самый разнообразный характер, но в целом они могут быть условно распределены по четырем основным разделам. Важнейшим из них был раздел ***исторический***. Он касался главным образом древнего и средневекового периодов болгарской истории. Вторым по значимости был раздел ***географический***. В нем читатель получал представление о ландшафте, климате и городах Болгарии, численности их населения, инфраструктуре, состоянии дорог и расстоянии между отдельными населенными пунктами страны. В преддверии боевых действий русских войск на Балканах подобные сведения были крайне полезны для нашего командования — ведь не все можно было узнать из военных топографических карт. Третий раздел касался ***этнографии*** — религиозных верований и обычаев болгар, черт их национального характера, особенностей болгарских жилищ, наиболее распространенных ремесел и форм занятости местного самодеятельного населения, народных праздников и увеселений в свободное время. Четвертый раздел затрагивал ***нравственные аспекты***, которые в той или иной степени присутствовали в уже названных нами разделах. Ведь говоря о древней истории болгар, например, авторы книг и статей довольно подробно останавливались на их национальной трагедии — двойном иге над ними вначале византийцев, а затем и турок, чье рабство тяготело над болгарами и в то время.

Благодаря увеличению числа подобных публикаций в российской научной и общественной периодике 60–70-х гг. XIX в. русские люди стали приобретать все более ясное представление о том, что есть Болгария, и проникаться все большим сочувствием к бедственному положению болгар, которые на протяжении несколько веков продолжали томиться в турецкой неволе.

Опачич Зорана Звонимир (Opačić Zorana Zvonimir),
д. ф. н., доцент, Университет Белграда (Сербия)

«There are no innocents»: Intertextual relations between Vladimir Kecmanović's novel «Osama» and Ivo Andric's novel «The Damned Yard»

In this paper we analyse two novels in contemporary Serbian literature, which are based on the Andric's metaphor of *the damned* yard, which symbolizes not only the cursed fate of the inhabitants of the Balkans, but also the tragic position of an individual in the modern world.

We deal with a metatextual novel *Osama* (2015) by Serbian writer Vladimir Kecmanović (1972) that in its symbolism, structure, narrative strategies, thematic similarity established an intertextual dialogue with the 20th century cult novel of Serbian literature, *The Damned Yard* by Ivo Andric (1954).

When a member of the new Serbian prose (which sees the role of literature in a critical reflection of reality in the neo-imperial world) bases his novel on the classic literary work, he does it not only to show the universality and actuality of Andric's work, but also to show the fate of the Bosnian space and misconceptions by people of similar mentality.

Therefore, the paper indicates intertextual links between novels, conscious similarity in the narrative strategy, types of heroes and narrator, motives, etc.

Kecmanović uses different types of metatextual procedures, so Andric's novel exists within *Osama* as a book in which the heroes find clear analogy with their own lives (Karađoz / Munir; Fr. Peter / narrator, a young man by the window / Writer; investigators / agents CIA, etc).

Kecmanović narrative is set in a nameless small town of the late 20th century and discusses the decline and disintegration of Yugoslavia — the socialist era, the surge of nationalism, wars in the 90s and the postwar period.

Author ironically testifies about the criminogenic reality, war profiteers, the role of foreign intelligence services, the jihadists as transition new idols.

Novels are based Both on the technique of skaz and narrator's confession, so polyphonically multiplying the other heroes' confessions.

Being in America, outside of space and time his narration relates to, the narrator feels the inner need to confess the compatriot belonging to a different religion the events he witnessed and participated in, so continuing the story about the individual and collective tragedy.

In the centre of both novels there is an obsessed man of mixed blood, caught between two cultures, who delusively identifies himself with the historical figure.

However, what Jam Sultan, the sultan's younger brother, is to Andric's Camil, that is the international terrorist Osama bin Laden to the young Kecmanovic's hero Bayazid after his father's death, evidencing not only the parodic persiflage, but also the tragic disorientation of a young man in the period of transition, whose disillusion leads him to frustration, madness and death.

Савчиц Ольга Ивановна,
аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Репрезентативный потенциал перечней как элементов художественного нарратива (на материале романа В. Андоновского «Пуп земли»)

1. В докладе рассматривается вопрос о когнитивно-семиотическом потенциале перечней как отличительной черты нарративов В. Андоновского. Новизна подхода связана с интерпретацией перечней как относительно автономных текстов-в-тексте, репрезентирующих (структурирующих) фрагменты как романной, так и внетекстовой действительности по индексально-символическому типу.
2. Анализируется роман македонского писателя и филолога Венко Андоновского «Пуп земли» (2009). По замыслу автора, это посмертная публикация «случайно найденных» рукописей: беллетризованного исторического сочинения и исповедального дневника молодого человека. Изданные под одной обложкой, они и составляют две части книги «Пуп земли». В первой, написанной от лица византийского монаха Иллариона Сказителя, речь идет о расшифровке древней надписи, тайном знании и магической силе Слова. Вторая — рассказ нашего современника, страстно и безответно влюбленного в девушку. Эти сюжетные линии, разделенные дистанцией в тысячу лет, сплетаются, в т. ч., посредством перечней, в единую нарративную структуру романа. При этом сама система перечней есть третий, неактуализированный нарратив.
3. С функциональной точки зрения, списки как перечисления предметов, атрибутов, явлений, используются для упорядочивания описываемых фрагментов действительности. В рамках когнитивно-семиотического подхода перечни могут рассматриваться как текстовые знаки, используемые для сжатия и хранения информации. В романах Андоновского перечни (на первый взгляд, достаточно автономные конструкции) являются значимым инструментом художественного повествования. С одной стороны, они могут интерпретироваться как «текст», обладающий «сюжетом», «персонажами», «хронотопом», а с другой — перечни как составляющая романной структуры выполняют иные нарративные функции: используются для характеристики персонажей, их речевого портрета. Посредством перечней роман вписывается в пространственно-временной континуум культуры: репрезентируется южнославянская история, мифология, интеллектуальная история Европы.
4. Отдельно рассматривается проблема границ интерпретации перечней в романе. Система перечней функционирует как неактуализированный нарратив, который читатель выстраивает самостоятельно. Для интерпретации перечней должен быть использован двойной (индексально-символический) семиотический код. Список интерпретируется как последовательность знаков, *индексирующих* конкретных лиц, реалии, исторические события. Но одновременно в семантическое простран-

ство знаков включается *символическая* составляющая. Границы интерпретации перечней в структуре романного нарратива определяются пространством памяти читателя.

5. Включение перечней в роман — это инструмент создания романа «с двойным дном», что позволяет говорить о том, о чем не сказано в актуализированной форме.

Смирнова Ирина Николаевна,
аспирант, Институт славяноведения РАН (Москва)

Женские образы в современной болгарской поэзии

Женская поэзия в Болгарии продолжает развиваться и поныне, впитав и переработав наследие классиков. Она обладает своими собственными отличительными чертами. Женский образ в ней не так жёстко ограничен формулами «возлюбленная», «мать», «жена». Напротив, на первый план выходит обобщающее «Я», причем все направление приобретает большую автобиографичность, сиюминутные впечатления становятся главенствующими. Женское видение себя восходит к архетипу плодоносящей матери-земли, исполненной колдовской силы. Женщина не хочет чувствовать себя приложением к мужчине, она находит свою точку зрения, приходя к гармонии между двумя началами. В Болгарии появляется женщина-профессиональный писатель. Утверждение в качестве модерниста поэтессы Э. Багряны открыло дорогу и другим поэтессам. Они используют утвердившиеся в болгарской поэзии темы, но с другим, женским знаком. Женщина из объекта интереса превращается в субъект. Тенденция, начавшаяся в XX в., продолжается и по сей день, претерпев несколько последовательных качественных изменений, как, например, главенство соцреализма начиная с середины 1940-х гг. Многие болгарские поэтессы внесли значительный вклад в развитие родной литературы. Болгарская женская литература не погибла, а продолжает свое существование, по большей части в рамках субъективного отображения действительности.

Тоичкина Александра Витальевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Темы и сюжеты Ф. М. Достоевского в творчестве И. Я. Франко

1. И. Франко неоднозначно оценивал личность и творчество Ф. М. Достоевского, но постоянно возвращался к его произведениям и, судя по высказываниям, многому у него учился. В докладе анализируются основные отзывы И. Я. Франко на произведения Ф. М. Достоевского. Особенно ценил Франко «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Дневник писателя».
2. Значимой для поэтики И. Франко стала художественная разработка Достоевским темы двойничества (особенно для его романа «Лель и Полель»).

3. «Сюжет прозрения» (определение Арпада Ковача), как и тема двойничества, разрабатывался Достоевским на протяжении всего творческого пути. И. Франко воплотил этот важный для него сюжет в повести «Boa Constrictor» (первая редакция).
4. Особое место в творчестве обоих писателей занимает исследование психологических глубин человека. В докладе предполагается рассмотреть значение открытий в этой области Достоевского для произведений Франко.

Хамович Валентина Веселин (Hamović Valentina Veselin),
д. ф. н., доцент, Университет Белграда (Сербия)

The poetics of infantilism in the context of modern serbian literature development

The aim of this paper is to shed light on one of the most important literary-historical processes in Serbian literature, conceived at the time of the avant-garde, and resulting from a widespread need for the «rebirth of and searching for the primal simplicity , the primal truth, and the primal innocence that culture and poetic codes destroyed» (Adrian Marino, *The Poetics of* Avant-garde). Among other aspects of the return to *the innocent* and *the* naive, this historical process was reflected in the establishment of the very specific *poetics of* infantilism, recognized in most of our poets of avant-garde literature, such as Rastko Petrović, Milan Dedinac and Stanislav Vinaver, and restored after the Second World War by poets Vasko Popa, Dušan Radović and many others. The above-mentioned poets strived systematically towards activating poetic procedures starting from the infantile consciousness (language simplification, children's vocabulary, naive expression), aiming to get closer to some sort of *primal form, the germ, or a specific children's substance* in poetry, thus itself incorporating in the mainstream of European 20th century literature. Special attention in the paper is paid to the connections between Serbian and Russian avant-garde, bearing in mind that some of the main impulses for illuminating the poetics of infantilism in the Serbian literature were found in the essay «Where are the poems» by Russian linguist LP Iakubinski.

Ячимович Сладжена Влада (Jaćimović Sladjana Vlada),
д. ф. н., доцент, Университет Белграда (Сербия)

From unskilled beginnings to zenith in avant-garde — historical development of travelogue genre in Serbian literature

Unskilled beginnings to From zenith in avant-garde — historical development of travelogue genre in Serbian literature Travelogue is a genre which has a long tradition in Serbian literature. The first appearances of the travelogue prose is dated in the 15th century in so called «Hozdenijima», notes guide for pilgrims in their trips to the Holly Land (Nikon Jerusalimac, Gavrilo Sarajlija Tadic, Jovan Damjanovic Budimac). The same travelogue writing trend was also followed in

the 18th century by Jerotej Racanin and Jovan Rajic. However, the true travelogue values were more visible in the second part of «Zivot i prikljucenija» (1783) by Dositej Obradovic, where he, his literary described biography of his life in foreign countries, put into a function of enlightenment tendencies. A milestone in travelogue form and in classical travelogue genre in Serbian literature was made in the middle of the 19th century — in the period of romantic, in travelogues written by Ljubomir Nenadovic («Letters from Switzerland», «Letters from Italy»). By using epistolary form, common for travelogues, Nenadovic respected all traditional characteristics of the genre, making a balance among description of the seen and essayistic thinking through, current and historical, fascination by foreign culture and loyalty to national values which were becoming stronger outside the motherland boarders. In the work, development and complexities of the travelogue genre will be also pointed out, from the unskilled beginnings to works which respect traditional characteristics of the travelogue form, over aesthetic travelogue form in symbolism (the main representatives of that kind of writing are Jovan Ducic and Isidora Sekulic). Travelogues written by Jovan Ducic («Towns and Chimeras») and Isidora Sekulic («Letters from Norway») brought sophisticated travelogue expression, heedful composition form in which, the emphasized sensory sensitivity is connected to developed reflection on everything that had been met during travelling. In the epoch of avant-garde, precisely in the period between two wars, Serbian travelogues reached its peak, and from the margins, travers to the very center of the literature interest in the 20s and 30s of the last century. Almost all the most eminent writers (Milos Crnjanski, Rastko Petrovic, Stanislav Vinaver, Stanislav Krakov, Dragisa Vasic) wrote travelogues, and some of them are the best works of the Serbian avant-garde prose (Milos Crnjanski «Letters from Paris», «Love in Toscana», «The Book about Germany», Rastko Petrovic «Africa», «People Speak»). In the work, the connection between travelogue model and spirit of the epoch is also interpreted, as well as the avant-garde writers need for diverse experiments.

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Аникин Михаил Александрович,
к. иск., старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж

Онтологические особенности живописи Болгарии XIX–XX вв.

Живопись Болгарии в XIX–XX вв. претерпела значительные изменения по сравнению с предшествующим периодом развития. Кажется, что она изменилась до неузнаваемости, переменилась настолько, что можно говорить об утрате корневых, главных признаков. Однако есть ряд онтологических особенностей, которые всегда позволят выделить то, что наделяет произведение искусства тем местным колоритом, который и позволяет

причислять его к указанной национальной школе. Так, например, творчество Владимира Димитрова Майстора испытало влияние как русской иконы и русской живописи, так и европейского ренессанса. Однако художник до такой степени был связан с родной землей, с Болгарией, что любой искушенный взгляд сразу определит его живопись как произведение болгарского мастера. То же можно сказать и о многих других значимых именах искусства Болгарии. В этой связи важной представляется проблема определения наиболее характерных, онтологических особенностей болгарской живописи. В связи с тем, что памятников болгарской живописи существует много, мы остановимся только на некоторых характерных примерах изобразительного искусства Болгарии XIX–XX вв.

Главными особенностями нам видятся такие как: 1) сакральная, по сути иконная составляющая, 2) влияние натуры и, наконец, 3) повышенный интерес к насыщенной декоративности.

На конкретных примерах болгарской живописи XIX–XX вв. автор утверждает основные положения своего доклада.

Вълчева-Тихова Кремена Георгиева,
д. ф. н., доцент, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария)

Свети Климент Охридски — основател на Охридската книжовна школа

На 27.07.1916 г. Александър Теодоров — Балан изнася паметна Академична реч. Това се случва на Тържествено събрание на БАН. Академик Балан е първият ректор на Софийския университет, достоен българин — тачен като свята личност във филологията, в образованието и в науката на България. Тържественото събрание е посветено на 1000 годишнината от кончината на Свети Климент Охридски. В празничната си реч Балан отбелязва: «Славянската наука откри на родния нам и на чуждия свят Климент Словенски тепърва в 1843 г., а животът на българите в югозападна Македония нарочито в Охридско, бе прекарал вече девет цели века в благочестиво общуване, дори в дружба с тоя светец, и още следваше да му се моли во всяка неволя и да му се нада за всяка благодат». Така, по думите на А. Теодоров-Балан, върви споменът за Климента и вярата на людете в неговата мощ и покровителство.

Предполагаемата година на раждане на Свети Климент Охридски е 840-та г., т. е. той е роден през втората половина на 30-те години на IX век. Според хипотезата на Дворник относно мястото на раждане: 15 или 20 годишният Климент се присъединява към Методий през първата половина на IX век, когато по-големият брат от първоучителите славянски е архонт на област. Това е Стримонската архонтия, област на север от Солун, която е била населена предимно със славяни. Годините между 858 и 868 г. са знаменателни за България, защото тогава на българската земя се приема християнството и се ражда славянската писменост.

Така в 887–888 гг. Климент Охридски е изпратен да започне учителската си мисия в югозападните предели на България. На Климент, Наум

и Константин се пада отговорното и не леко дело да възстановят по памет Кирило-Методиевите преводи, да ги допълнят като изготвят пълен комплект от книги и химнографски сборници за служби в столицата Плиска и извън нея. Княз Борис решава да изпрати в областта Кутмичевица най-добрия и най-опитния ученик на Кирил и Методий — Климент. Изпраща го с ранг на учител, което значи с ранг на мисионер-наставник. Център на тази област е град Охрид. В средните векове Охрид е вратата на Балканите към Западния свят.

В Кутмичевица учителят Климент идва при неграмотни славяни, които даже не знаят как да подострят перото за писане и как да разбъркат чернило. Само за няколко години Свети Климент Охридски, когото всички тук наричат Учителя, успява да положи основите на първата българска славянска школа и да издигне преподаванията си до най-високи нива.

Гусева Ольга Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Польские лекторы и их роль в учебном процессе на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Полонистика в Санкт-Петербургском государственном университете имеет богатую историю и является активно работающим научным и преподавательским центром. Представленный в учебных планах набор дисциплин и аспектов изучения польского языка невозможно представить без активного участия лектора, носителя языка, подготовленного лингвиста. На долю польского лектора, как правило, приходится значительная часть часов, отведенных для изучения разговорных аспектов польского языка; лектор ведет занятия со студентами бакалавриата и магистратуры, как с полонистами, так и с теми студентами, которые изучают польский как второй славянский язык.

Традиция приглашать лектора из Польши насчитывает более 40 лет. Всего за эти годы на кафедре работало 14 польских лекторов, среди которых были кандидаты филологических наук, специалисты, имеющие многолетний опыт работы лектором польского языка, а также вчерашние студенты, выпускники польских университетов по специальности «польский язык как иностранный» или «русский язык». Были среди них те, кто, приезжая в Петербург, не владел русским языком, а также были специалисты, знающие русский язык и имеющие многолетний опыт работы преподавателем русского языка как иностранного. Кто-то приезжал на год-два, кто-то задерживался на долгие годы и защищал диссертации. Нынешний профессор Вроцлавского университета Кшиштоф Кусаль защитил в СПбГУ сначала кандидатскую диссертацию (1986), а затем и докторскую (2006).

Лекторы польского языка ведут активную научную работу, выступают с докладами на конференциях, принимают участие в рецензировании выпускных квалификационных работ студентов кафедры славянской филологии, помогают организовать поездки студентов кафедры на летние школы

польского языка в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Люблине. Они оказывают помощь или выступают соавторами и авторами в подготовке пособий по польскому языку. Также они активно участвуют в популяризации достижений студентов кафедры славянской филологии — в 2012–2015 гг. были изданы два сборника переводов польской поэзии, выполненных студентами-полонистами кафедры славянской филологии.

На лекторов ложится основная нагрузка при подготовке польских мероприятий и концертов, которые проходят на кафедре славянской филологии.

Вместе со студентами лекторы сотрудничают с журналом «Gazeta Petersburska» — единственным периодическим изданием на польском языке, издающимся в Петербурге.

Лекторы обеспечивают постоянный контакт между кафедрой славянской филологии и Генеральным консульством Республики Польша в Санкт-Петербурге, Польским институтом в Санкт-Петербурге, а также Польским домом.

Таким образом, институт лекторства на кафедре славянской филологии за годы своего существования зарекомендовал себя с наилучшей стороны.

Желев Даниел Георгиев,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Иванова Е. Ю., д. ф. н., профессор

Апеллятивы от имен родства в болгарском языке и их перевод на русский язык

В докладе представлены результаты исследования апеллятивов от имен родства в болгарском языке на фоне русского. Цель работы — охарактеризовать способы образования болгарских апеллятивов от имен родства, сопоставить особенности их функционирования в обоих языках; определить набор наиболее адекватных способов перевода обращений, специфических для болгарского языка (на фоне русского); сопоставить их прагмасемантические особенности в дискурсе носителей болгарского и русского языков. Материалом исследования являются прежде всего художественные произведения и анекдотические тексты, а также небольшое количество рекламных текстов.

Исследованный корпус примеров позволил сделать следующие наблюдения.

1. Материал болгарского языка демонстрирует более широкие грамматические возможности при образовании апеллятивов от некоторых имен родства (*мама, баба*) в следующих формах и словообразовательных вариантах: *мами, мамо, маме, маминце, мамче, маминото; бабо, баби, бабче, бабинце.*
2. Сопоставление употребления общих и звательных форм от имен родства показало, что выбор формы зависит от близости собеседников, их гендерно-возрастных признаков, от типа речевого акта и др. Это, как и выбор слов из синонимического ряда обращений (см. п. 1), а также ряд других факторов, отражает национально-культурные особенности

обращения в болгарском языке, в частности отличия в системе форм речевого этикета.

3. Исследованный материал выявил более широкий круг имен родства, использующихся в качестве апеллятивов, что обусловлено в целом большим количеством болгарских лексем, входящих в данную лексико-семантическую группу. Так, например, при обращении к брату отца и брату матери употребляются различные лексемы, в отличие от русского языка.
4. Выявлен также круг единиц, для которых вокативность является тривиальной прагматической функцией. Сюда входят те болгарские лексемы, которые утратили общую форму и могут употребляться только в звательной форме (*братко, синко*).
5. Специфическими в болгарском языке являются некоторые образования, выступающие в качестве обращений к детям и лицам молодого возраста с указанием родственного статуса говорящего. Они могут быть образованы от:
   - притяжательных прилагательных: *Ела, бабиното, ето ти една шепа лешници, че баба няма зъби да ги яде...*;
   - старых дательных падежных форм: *У, ти да не останеш там, лели. Забравих да ти кажа. Утре рано да си дойдеш*;
   - предложных сочетаний с притяжательным значением: — *От Тофифи, баба, от Тофифи*.
6. В болгарском языке, как и в русском, наблюдается употребление апеллятивов от имен родства для указания на близкие отношения адресата и адресанта, не имеющих родственных связей между собой.

В докладе будут также продемонстрированы основные способы перевода на русский язык специфических для болгарского языка обращений.

Желязкова Димитрия,
аспирант, Пловдивский университет «Паисий Хилендарски» (Болгария)

О «колеблющемся ударении» и «дублетном ударении» в современном болгарском литературном языке

Ударение имеет объединяющую и организующую роль в звуковом составе языка. Оно выделяет слово как самостоятельную единицу. Под *словесным ударением* понимается выделение одного слога слова разными фонетическими средствами: большей силой выдыхания воздуха, изменением высоты и продолжительности выговаривания, а также тембром голоса и др. (по В. Станков (см.: Мурдаров Вл.; Костадинова П. 101 въпроса на ударението в българския език. С., 1988)). Колебания в отношении литературной нормы в «Официальном орфографическом словаре болгарского языка» можно разделить на две группы:

1. Колебания, которые недопустимы (результат влияния диалектов и иностранных языков): *взе́ми* вм. *земи́*, *па́лто* вм. *палто́*, *а́лбум* вм. *албу́м* и др.;
2. Колебания, которые по причине отсутствия единых норм в литературном языке приняты и допустимы без различительной функции. Это

т. н. нормативные акцентные дублеты, требующие демократизации норм. В одних случаях вмешиваются исторические факторы, являющиеся причиной двоякого выговаривания слов, как: *ви́но* и *вино́*, *зъ́рно* и *зърно́*, *се́ло* и *село́* и др. В других случаях учитывается влияние факторов современного состояния языка и стремления к выравниванию вариативности. Аналогичное приспособление ударения во многих иностранных словах к болгарским словам соответствующего вида отражает это стремление. Аналогия особенно сильна при мнимой одинаковости словообразовательных суффиксов.

Произношение заимствованных из русского языка или через его посредство слов в некоторых случаях считается ненормативным (канавка́ вм. рус. *кана́вка*, у́каз вм. рус. *ука́з*, и́зточник вм. рус. *исто́чник* и др.), а в других — например, в «Официальном орфографическом словаре болгарского языка» (2012) — вводится дублетная форма (*ве́домство* и *ведо́мство, антибио́тик и антибиоти́к* и др.). Прилагательные на *-лив*, как *талантли́в* и *вежли́в*, под русским влиянием, произносятся *тала́нтлив* и *ве́жлив*.

Акцентные дублеты в литературном болгарском языке допускаются как при формообразовании, так и при словообразовании. При формообразовании более высокая фреквентность устанавливается в формах множественного числа, как и при употреблении определенных форм имен мужского рода: *до́мове* и *домове́, дро́бове* и *дробове́, ко́лове* и *коло́ве, къ́нки* и *кънки́, зъ́би* и *зъби́, пле́щи* и *плещи́*, *остри́ла* и *острила́*, *то́пове* и *топо́ве; чу́кът* и *чукъ́т* и др. Наблюдается и стремление сохранить ударение основного слова в его производных единицах: например, *за́харница* вм. *захарни́ца* (от за́хар), *стъ́кленица* вм. *стъклени́ца* (от стъ́клен), *пе́пелник* вм. *пепелни́к* (от пе́пел) и др. Свободная конкуренция между допущенными акцентными дублетами дает возможность утверждения одного из вариантов.

Иванова Елена Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Петрова Галина Михайлова,
к. ф. н., доцент, Университет им. проф. Асена Златарова (Бургас, Болгария)

Модальность и хабитуальность рефлексивных форм в болгарском языке

В докладе рассматриваются болгарские пассивные и имперсональные конструкции с формообразующей частицей *се*, являющиеся результатом залоговых трансформаций или актантных преобразований. Наибольшее внимание уделяется семантическому толкованию конструкций с точки зрения выражения ими модального и хабитуального значений. В этом плане существенный потенциал демонстрируют безагенсный пассив и субъектный имперсонал — именно эти трансформации регулярно используются с модальной и хабитуальной семантикой. Модальное значение пассивных конструкций связано с рядом семантических вариантов внешней и внутренней необходимости и возможности. Подобные же значения способен

выразить и болгарский субъектный имперсонал, см. пример (1) со значением внешней необходимости, пример (2) — внешней возможности:

(1) *В планината се ходи само с добра екипировка*;

(2) *До манастира се стига само пеша.*

Значение внутренней возможности (присущности; пассивно-качественного значения), однако, субъектному имперсоналу не свойственно, в отличие от пассива, ср. (3):

(3) *Създаден е концептуален лаптоп, който се разглобява без никакви инструменти.*

В докладе показаны также условия для реализации хабитуального прочтения пассивных и имперсональных конструкций, ср. субъектный имперсонал в хабитуальном (пример 4) и актуальном (5) значениях:

(4) *В неделя не се работи*;

(5) *По телевизията се говори за атентата в Париж.*

Во всех рассматриваемых трансформациях у элемента *се* наблюдаются одинаковые линейно-синтагматические свойства и способность к кластеризации в цепочке клитик. Это повышает возможность возникновения неоднозначных предложений (с модальным и немодальным значением), напр. *Тук не се пуши* ‘Здесь нельзя курить’ и ‘Здесь никто не курит’. Условия снятия неоднозначности также обсуждаются в данном докладе.

Калашникова Наталья Моисеевна,
д. культ., ведущий научный сотрудник,
Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

О сохранении памятников традиционной культуры бессарабских болгар в сельских музеях Молдовы

Вопросы истории переселения, экономического статуса колонистов России неоднократно освещались в монографиях и многочисленных публикациях, однако изучению этнической культуры болгар-переселенцев пока еще не уделялось достаточного внимания. Отчасти это происходило потому, что крайне мало были исследованы музейные коллекции, публикация которых позволит ввести в научный оборот неизвестный ранее круг памятников, характеризующих материальную и духовную культуру болгар-переселенцев XIX–XX вв. Учитывая, что традиционные формы этнической культуры бессарабских болгар, во многом являвшиеся продолжением былых балканских традиций, к началу XXI в. сохранились в очень незначительном количестве и в сильно измененном виде, становится очевидна роль артефактов, имеющихся в сельских музеях Молдовы, изучению которых и была посвящена экспедиция Российского этнографического музея (в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-01-00376/15 «Болгары Молдовы, Украины и России. Опыт жизни в диаспоре»). Для анализа этих коллекций была разработана анкета, содержащая вопросы общего характера о структуре музея, организации научно-фондовой работы, системе учета экспонатов, формах работы с посетителями, а также специальные вопросы, дающие возможность выявить долю экспонатов по культуре болгар в общем музейном собрании,

определить степень их изученности и участия на временных выставках и постоянных экспозициях.

В результате обследования пяти сельских музеев Тараклийского района Республики Молдова следует отметить, что все они занимают приспособленные под музейные нужды пространства, размещенные, в основном, в старых строениях (в лучшем случае — старой школе), где нет специального выставочного оборудования и манекенов. Однако при экспонировании авторы старались выдержать общепринятый тематический принцип показа, с применением ансамблевого метода (сценки: «женщина, работающая за ткацким станком», «внутреннее убранство жилища»). Особенно подробно стараются раскрыть тему одежды — яркого маркера этноса, поэтому представлены полные комплексы мужской и женской одежды, отдельные элементы костюмов, а также кожаная и войлочная обувь, женские украшения. Темы скотоводства, земледелия и обработки шерсти раскрыты в основном за счет экспонирования орудий труда (посоха пастуха, ножниц для стрижки овец, лопат, вил, частей плуга, прялок, кудели, мотовил и др.). Экстерьер жилища выполнен в черно-белых фотографиях, интерьер показан в сценках: стилизованный очаг с подлинным предметным наполнением, низкий стол со скамейками, полки с керамической и деревянной посудой, длинная деревянная лавка, сундук, кровать, подушки, ковровые дорожки и др. В некоторых случаях на экспозиции демонстрируются музыкальные инструменты и православные иконы.

Мосинец Анастасия Геннадьевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Болгарские соответствия русского союза «а то»

В болгарском языке отсутствует прямой эквивалент русского подчинительного союза *а то*. Тонким оттенкам этого многозначного союза в русской лингвистике уделяется особое внимание. Основным его значением является причинно-мотивирующее, например: *Пейте кофе,* ***а то*** *остынет*; *Отдай машинку,* ***а то*** *маме пожалуюсь,* однако сложные семантические наслоения в рамках этого значения побуждают относить такие предложения не только к причинным, но и к предложениям следствия со значением угрозы (В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис) или, как в ([Кустова, 2013: 278–279], включать в разделительные союзы со значением альтернативной мотивации (предостерегающего или ультимативного условия, ср. соответственно примеры выше). Особое внимание современная лингвистика уделяет иллокутивной и прагматически обусловленной специфике данного союза (см., например, последние работы Е. В. Урысон и И. Б. Левонтиной).

В докладе на материале параллельных русско-болгарского и болгарско-русского корпусов будут рассмотрены переводческие соответствия русскому союзу *а то* с учетом различной семантики и функций данного союза.

Наш материал показал, что в болгарском языке основными соответствиями для союза *а то* выступают союз со значением причины *че*, наречие

в союзной функции *инак/иначе*, реже — болгарский союз причины *защото*, целевые союзы *за да*, *за да не би да*, *та да* и временной союз *докато*.

Установлено, что наиболее близким эквивалентом союза *а то* во всех его значениях служит болгарский союз *че* в его «мотивирующем» значении. Он не только способен передать каждую из функционально-семантических разновидностей русского союза, но и соответствует ему по своей стилистической окрашенности как разговорный, ср: *Пийте кафето си,* ***че*** *ще изстине* (Б. Райнов). — *Пейте кофе,* ***а то*** *остынет* (пер. А. Собковича); *Слезай,* ***а то*** *милицию позову!* (М. Булгаков). — *Слизай,* ***че*** *ще викна милиция!* (пер. Л. Минковой).

В докладе анализируются причины того, почему, несмотря на близкую семантику *че* и *а то*, эта пара эквивалентов не всегда используется в переводах. Будут описаны условия, при которых переводческими соответствиями *а то* могут выступать иные средства.

Литература:

1. *Апресян В. Ю., Пекелис О. Е.* Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram. ru). На правах рукописи. М., 2012.
2. *Кустова Г. И.* Синтаксис современного русского языка. Курс лекций. М., 2013.
3. *Левонтина И. Б.* О причинном значении союза а то // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12(19): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2013.

Сивенкова Наталья Владимировна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Стилистические особенности лексики, входящей в ядро семантического поля «время», в поэзии Н. Вапцарова

В докладе представлен анализ лексических единиц, входящих в семантическое поле «время» и относящихся к ядру данного поля (*време, ден, нощ, пролет, бъдеще, минало, днес* и т. п.) в поэзии Н. Вапцарова. Значительная часть этих лексем уже была исследована болгаристами кафедры славянской филологии СПбГУ в процессе работы над составлением «Словаря поэзии Н. Вапцарова». Так, например, у слова *време* выявлено три основных значения, при этом к значению «исторический период в жизни государства, общества» в словаре дважды дается помета |*олицетв*., обозначающая использование данного слова в олицетворении (*«време ... крета като бездомно старо псе»*). Слово *ден* является компонентом устойчивых выражений (*новия ден, от дълги дни* и др.), используется с олицетворением, а в некоторых случаях становится опорным словом в ярких образных сопоставлениях и сложных метафорах (*«дните — ръждясали гайки», «на дните водите ще стегнем в бетонен ръкав»* и др.).

Одним из наиболее сложных (как в плане «многогранности» построения образа, так и в плане его интерпретации, раскрытия смыслов) является

вапцаровское представление о весне как о времени перемен. «*Бяла пролет* <...> *още неживяна, непразнувана... с дъжд и урагани* <...> *огненометежна*» уже становилась предметом исследования литературоведов и языковедов, ряд интересных наблюдений уже опубликован болгарскими исследователями. В докладе понятию «весна» в поэзии Вапцарова отводится ключевая роль. В «Словаре поэзии Н. Вапцарова» интерпретация данного слова, по-видимому, будет сопровождаться пометой «косой крест», означающей неповторимые, уникальные, «вапцаровские» метафоры, обладающие особой сложностью и многоплановостью. Не будет излишним и тезис о том, что если о П. К. Яворове ряд исследователей говорит как о «поэте ночи», то Николу Вапцарова по праву можно именовать «поэтом весны».

Работа над рядом словарных статей, имеющих отношение к заявленной теме, еще ведется (*пролет, сутрин, утрешния* и др.), но для попытки обобщения «временнóй» составляющей хронотопа поэзии Н. Вапцарова накоплен уже достаточный материал, в т. ч. сведения статистического характера (например, частотность словоупотреблений). Применение метода полной выборки и анализ всех словоупотреблений, позволяющий объективно фиксировать индивидуально-авторский стиль, является отличительной особенностью лексикографической школы Б. А. Ларина, научная ценность которой неоспорима и подтверждена временем.

Стоянова Радостина Стоянова,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Зооморфный код культуры в семантике болгарских и русских образных сравнений

Образные сравнения представляют особый пласт лексики, в котором проявляется ассоциативное воображение данного народа, особенности его национальной самобытности. Использование зооморфного кода, т. е. ассоциаций животных с признаками человека, является отражением ценностной картины мира как части языковой картины мира. В результате наблюдений людей над поведением и внешним видом животных появляются стереотипные представления о животных как об определенных типажах, которые переносятся на качества и действия человека в виде анималистических компаративов.

В болгарской и русской картинах мира образы домашних и диких животных весьма часто лежат в основе ассоциаций с качествами человека и чертами его характера (ср.: болг. *здрав като бик* — рус. *здоровый как бык;* болг. *хитър като лисица* — рус. *хитрый как лиса;* болг. *тих като мишка* — рус. *тихий как мышка;* болг. *работлив като мравка* — рус. *трудолюбивый как муравей;* болг. *работлив като пчела / пчеличка* — рус. *трудолюбивый как пчелка*). Это можно объяснить тем, что животные, в особенности домашние, всегда являлись спутниками человека в его повседневной жизни

И в болгарском, и в русском языках лексемы, называющие домашних животных, чаще других входят в состав образных сравнений. Такие сравнения в обоих языках имеют схожую семантику. Часто компаративная

схема имеет следующий вид: «характеристика человека — сравнительный союз — эталон (существительное)». Ср.: болг. *пиян като свиня* — рус. *пьяный как свинья*. Образность сравнений создается по-разному, при участии разных языковых средств. В болгарском и русском языках встречаются и весьма яркие, экспрессивные, алогические образные сравнения. Ср.: болг. *умен като куц кон* (‘вовсе не умный’, ‘с ограниченными умственными способностями’, ‘глупый’) — ср.: рус. *глупый как сивый мерин;* болг. *разбирам колкото свиня от гръцки* (‘совершенно не разбирается в чем-либо’) — ср.: рус. *разбирается/смыслит в чем-либо как свинья в апельсинах* (‘совершенно не разбирается в чем-либо’)*;* болг. *прилича ми колкото (като) на свиня седл/ботуши/обица/звънец; прилича ми колкото (като) на бивол камбана; прилича ми колкото (като) на магаре седло* (‘совершенно не идет’) — ср.: рус. *как корове седло* (‘совершенно не идет’). Алогические (иронические) сравнения нередко являются окказиональными, т. е. не являются устойчивыми сравнениями.

В содержании образных сравнений болгарского и русского языков находят отражение как универсальные представления человека об определенных животных (ср.: болг. *живее като волна птичка* — рус. *вольный/свободный как птица;* болг. *живеят като куче и котка* — рус. *жить как кошка с собакой;* болг. *пие като кон* — рус. *пить как лошадь*), так и те их свойства и качества, ассоциации с которыми характерны только для определенной этноязыковой картины мира.

Терехова Валентина Ивановна,
к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Святой Иоанн Рыльский — духовный покровитель Болгарии

В исторической летописи болгарского народа есть множество страниц, отражающих подвиги героев, погибших на полях сражений за свободу Болгарии. Что же касается духовных покровителей болгар, то о них сказано значительно меньше. Автор доклада счел необходимым обратиться к образу Иоанна Рыльского, монаха-подвижника Рыльской пустыни. Известно, что он много лет жил в горной пещере, затем в дупле дерева. Позже, избегая известности, поселился на труднодоступной скале под открытым небом. Святой обладал даром чудотворения. Родился и жил Иоанн Рыльский в период Первого Болгарского царства. В известном многотомном труде «История Болгарии» академика Н. С. Державина Иоанн Рыльский значится как «...национальный болгарский святой и патрон болгарского народа». Иоанн Рыльский оставил в наследие «Завет к ученикам» — одно из лучших произведений староболгарской письменности. Его имя было хорошо известно и на Руси. Существует предположение, что его правая десница была перенесена на Русь, в город Рыльск, в котором была построена церковь во имя преподобного.

В честь преподобного был назван святой праведный Иоанн Кронштадтский, который родился в день памяти болгарского святого. В российских источниках сохранилась дата кончины болгарского подвижника.

Иоанн Рыльский является основателем Рыльского монастыря. Именно в стенах этого монастыря на протяжении многих столетий сохранялась вера, народность, национальная самобытность и культура. Монастырь оказал особое влияние на историю болгарского народа. Св. Иоанн Рыльский в завете к своим ученикам писал: «Прежде всего завещаю вам хранить святую веру непорочной и без примесей всякого злославия». Монахи Рыльского монастыря оставались верными исполнителями завета своего духовного учителя и не только в стенах монастыря, но и за его пределами вели важную просветительско-религиозную деятельность, созидали скиты и при них школы, в которых обучали детей грамоте, оказывали огромное влияние на культурное и религиозное просвещение болгарского народа.

Святой Иоанн Рыльский является общепризнанным духовным покровителем болгарского народа и занимает особое место в ряду чтимых духовных просветителей Болгарии, таких, как Паисий Хилендарский и Климент Охридский. Ежегодно первого ноября, в день памяти святого, тысячи паломников приходят к его мощам в Рыльский монастырь и, преклонив колени, благодарят и просят его заступничества.

Литература:

1. Светильник веры и благочестия. Житие и новые чудеса святого праведного Иоанна Кронштадтского. СПб., 2014. 63 с.
2. *Dechkov Hristov Hristo.* The Rila Monastery: history, architecture, frescoes, wood carvings. Sofia, 1959.

Шанова Зоя Кузьминична,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лекторы из славянских стран и их роль в учебном процессе на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Кафедра славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, отметившая в 2015 г. свое 180-летие, — один из ведущих центров отечественного славяноведения. В послевоенные годы, когда окрепли связи со славянскими государствами и возрос спрос на специалистов, владеющих славянскими языками, на кафедре было введено преподавание в группах болгарского, польского, сербохорватского и чешского языков. Остро встал вопрос о преподавателях современных славянских языков. В славянские страны направлялись на стажировку и в аспирантуру выпускники кафедры, которые по возвращении преподавали славянские языки и литературы (Г. А. Лилич, И. М. Порочкина, В. Д. Андреев, Г. В. Крылова). В 1960-е гг. появилась возможность участия студентов-славистов в летних школах в славянских странах. И все-таки с трудом решалась задача обучения студентов свободному владению славянскими языками без участия в образовательном процессе носителей этих языков. П. А. Дмитриеву, заведовавшему кафедрой в 1964–1998 гг., удалось через взаимодействие

с Министерством образования добиться приглашения преподавателей-филологов из славянских стран для преподавания на кафедре славянской филологии. С начала 1970-х гг. на кафедре работает, можно сказать, институт лекторов: преподаватели из славянских университетов активно участвуют в преподавании на кафедре славянской филологии славянских языков, литератур, культуры, организуют внеучебные мероприятия.

Преподаватели кафедры славянской филологии О. В. Гусева, Н. К. Жакова, П. Е. Зеновская, З. К. Шанова подготовили в читальном зале Славянского фонда БАН книжную выставку, где представлены научные труды работавших у нас лекторами филологов из славянских университетов, многие из которых стали в дальнейшем известными учеными.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Аникина Татьяна Евгеньевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Женская литература Чехии эпохи бидермейера и ее европейские контексты

В XIX в. Чехия, как известно, была частью Австрийской империи. Чешская литература развивалась в непосредственной близости с литературой австрийской, а также немецкой. К чешским писательницам бидермейера принято относить Божену Немцову и Каролину Светлую. Их творчество сближает с творчеством немецкой писательницы Аннете Дросте-Хюльсхофф ряд общих черт. Это выбор в качестве персонажей обычных людей с их простыми мыслями и поступками, уважение к патриархальной семье, увлечение фольклором, лирическое описание родной природы, автобиографичность произведений.

Бершадская Марианна Леонидовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Луч микрокосма» П. Негоша и «Потерянный рай» Д. Мильтона

Поэма великого черногорского поэта Петра Негоша «Луч микрокосма» (1845) с момента своего появления вызывала неоднозначные оценки литературоведов и критиков. Довольно долго ее считали подражанием «Потерянному раю» Джона Мильтона и чисто религиозным произведением, сводящимся к описанию библейской легенды о борьбе Бога с восставшим против него Сатаной. Подобной точки зрения придерживался и крупнейший сербский критик конца XIX — начала XX в. Йован Скерлич, считавший это произведение «наименее оригинальным творением поэта» и вместе с тем «высоким образцом религиозной поэмы». Скерлич и многие его последователи не видели глубокой связи «Луча микрокосма» с центральным произведением Негоша, его исторической поэмой «Горный венец» (1847).

В 50–70-х гг. XX в. неоднократно предпринимались попытки обесценить значение «Луча микрокосма» за счет его сравнения с «Горным венцом». В настоящее время мы сталкиваемся с принижением роли «Горного венца» за счет возвеличивания «Луча микрокосма». В этом свете сравнение Мильтона и Негоша может способствовать более глубокому и всестороннему пониманию Негоша, обнаружению в его поэме нового, доступного современному пониманию смысла. В «Потерянном рае» Мильтона, по словам Белинского, «апофеоз восстания против авторитета», возвеличивание образа Сатаны находятся в противоречии с религиозной темой поэмы. Негош был главой черногорской православной церкви. Вероятно, поэтому в центре его поэмы размышления о природе человека, его отношениях с Богом и космосом, частичкой которого, его «лучом», «искрой», «мыслящим атомом» он является, о том, что высший долг человека — в преодолении вечной дисгармонии бытия. Более полное и последовательное сравнение идейного содержания и сюжетно-композиционных особенностей поэм Мильтона и Негоша позволяет говорить о том, что поэт создал необычайно глубокую и самобытную философско-космогоническую поэму, рожденную черногорской действительностью и представляющую основу его исторических взглядов.

Бодрова Анна Геннадьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Граница и ее рецепция: транснациональное творчество А. М. Карлин

В своих произведениях Альма Карлин (1889–1950), родившаяся в Австро-Венгрии в семье со словенско-немецкими корнями и ставшая впоследствии гражданкой Королевства сербов, хорватов и словенцев, а затем Югославии, нередко обращается к теме границ (в первую очередь, между государствами, нациями и цивилизациями). Данный факт обусловлен биографическим опытом Карлин, связанным с ее личным выбором, — она отправилась в кругосветное путешествие, что отразилось на ее творчестве, в нем важное место занимают травелоги и художественные произведения, в которых действие разворачивается в экзотических странах. Исторические изменения также заставили писательницу задуматься о проблемах нации и ее границах. В текстах Карлин часто возникает тема национальной и расовой идентичности. Писательница и сама задается вопросом о своей национальной принадлежности, пишет, что у нее нет родины.

О подвижности границ можно говорить на уровне рецепции сочинений Карлин. К какой национальной литературе относится творчество Карлин? Почти все ее произведения написаны по-немецки. Позволяет ли этот факт считать ее немецкой писательницей? Может ли язык быть определяющим фактором для национальной литературы?

В наши дни немецкоязычные литературоведы (Г. Хабингер и др.) рассматривают произведения Карлин в ряду текстов австрийских писательниц-путешественниц. Однако бóльшее число работ о Карлин выходит на

словенском языке. В Словении ей посвящают монографии, статьи, театральные постановки, фильмы, выставки, лекции и даже комиксы, в г. Целье поставили ей памятник. Без участия словенских ученых и переводчиков многие ее рукописи затерялись бы в Национальной библиотеке Любляны. Так, с немецкого на словенский были переведены и опубликованы ее автобиография и воспоминания о Второй мировой войне, найденные словенскими исследователями в архивах.

Творчество Карлин носит транснациональный характер, позволяет проблематизировать понятие национальной литературы и ее границ. Немецкий ученый О. Этте, исследуя литературу мигрантов, пишет о литературе с размытыми границами, «без определенного места жительства» [Ette, 2001: 10], что, бесспорно, можно сказать и о случае Альмы Карлин.

Литература:

Ette O. Literatur in Bewegung. Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika. Göttingen, 2001.

Бразговская Елена Евгеньевна,
д. ф. н., профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

«Is Vision the Twin of Speech?»: Ч. Милош, Р. Хасс и Р. Пински о дополнительности вербального и визуального кодов культуры

Концептуальные векторы доклада — дополнительность разносемиотических языков в процессах репрезентации мира, обязательность вербальной медиации для постижения визуальных образов. Проблемы общей (теоретической) семиотики представлены в философско-художественных интерпретациях Чеслава Милоша, Роберта Хасса и Роберта Пински. Трех поэтов объединяет работа над переводами текстов Ч. Милоша на английский язык. Конгениальность автора и его переводчиков (включая самого Милоша) объясняется во многом их интеллектуальной близостью, поскольку «для успеха перевода совпадение внутреннего мира переводчика и автора важнее чем знание языка» (В. Бибихин). В частности, это интерес к вопросу о визуализации как «переводу» отсутствующего (значения) в присутствующий образ. В корпусах текстов указанных поэтов выделяются аспекты этого процесса:

- окуляцентризм вербального текста. Визуализация умопостигаемых абстракций-идей, существующих «до слов, между слов, поверх слов» (Р. Пински). Эпифания абстракций (Ч. Милош). «Глаз» как концептуальная тема поэзии (Р. Хасс, Ч. Милош);
- семиотическое обоснование причин, побуждающих поэта создавать визуальные образы. Слово, направленное на вещь, не отражает ее, индексируя исключительно понятие как представление о классе. «A word emphasizes our separation from the particulars», «there is in this world no one thing to which the bramble of blackberry corresponds, a word is elegy to what it signifies» (R. Hass. Meditation at Lagunitas);

- панорамное зрение поэта: репрезентация мира в форме перечней-списков вещей, атрибутов и событий (R. Pinsky. The Art of Noticing; Cz. Miłosz. Abecadło);
- визуализация смыслов в мелодике речи. Голос как инструмент актуализации значений. Стихотворение «присваивается» в акте чтения, воспроизводя «живое дыхание тела», становясь естественной средой говорящего (Р. Пински). Проект «The Sounds Poems Make» с участием всех трех поэтов;
- опыты художественной вербализации визуального текста (экфрасис);
- сближение различных дискурсивных практик: поэзии, философии, живописи, музыки. В частности, рассматриваются аналогии, которые Р. Пински, как бывший саксофонист, устанавливает между джазовой музыкой и поэзией (Music and poetry are sister arts): «физическая непосредственность импровизации» в джазе и живое становление формы стиха (forma pojemna у Ч. Милоша, prose poems у Р. Хасса).

Заключительная часть обращена к вопросу о механизмах восприятия окуляцентричных текстов, основанных на эффекте синестезии как семиотической дополнительности языков культуры.

Князькова Виктория Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Поиск идентичности в творчестве словацкого писателя П. Виликовского (на материале рассказа «Всё, что я знаю о центральноевропеизме» и его англоязычного перевода)

Павел Виликовский (род. 1941), самый яркий представитель литературы постмодернизма в Словакии, в своих произведениях поднимает вопросы идентичности, рациональности и абсурдности, аутентичности, чувственности. Рассказ «Všetko, čo viem o stredoeurópanstve» («Всё, что я знаю о центральноевропеизме») представляет собой квинтэссенцию основных идей творчества писателя, отражающих историческое, географическое, национальное своеобразие словацкой культуры. Его перевод «Everything I Know about Central Europeanism» транспонирует эти идеи на англоязычную почву.

Кондратенко Михаил Михайлович,
к. ф. н., доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

О проекте идеографического сопоставительного словаря русского и немецкого диалектов

Анализ семантической сферы диалектов позволяет сравнивать данные даже генетически удаленных идиомов. В первую очередь это относится к таким особенностям выбранных для исследования говоров, как специфические и универсальные черты в сегментации определенного фрагмен-

та внеязыковой действительности, принципы семантической мотивации наименований, круг реалий, используемых для скрытого сравнения при метафорическом переносе. Для лексико-семантического уровня немецких и славянских диалектов выявлено уже немало общего. Однако обычный переводной словарь с одного диалекта на другой (помимо ограниченной сферы применения) не дает должной картины этих сходств, затрагивающих систему образов народных говоров. Для поставленной цели исследования более подходящим является словарь, построенный по идеографическому принципу. Подобная модель позволит выявить особенности диалектной номинации в сопоставительном аспекте. Для решения поставленных задач был отобран лексический материал южнонемецких и севернорусских говоров, представляющий народную хрононимию и связанные с ней представления о календарных мифологических персонажах. Лексемы, обозначающие периоды и интервалы времени, разделены на два множества: 1) наименования отрезков циклического, повторяющегося времени и 2) отрезков времени, удаленных в прошлое, будущее от момента речи или совпадающего с ним. В каждой семантической сфере определен набор элементарных значений (семантических множителей), из которых складываются более сложные семемы. Именно эти семантические множители используются для системы поиска соответствий в другом (а в перспективе — других) диалекте. В первой группе наименований примерами таких множителей являются следующие семы, представленные, в частности, в обозначениях времени по производственной деятельности: 1) по времени работы: часть рабочего времени до определенного временного пункта (‘до полудня’ — *средний уповод* ‘время работы до полудня’), после определенного временного пункта (‘после возвращения скота с пастбища’ — *после скотины*); по функциональной нагрузке: (‘дойка коров’ — *полднище* ‘время дневной дойки коров’ в яросл.; ‘кормление скота’ — *Fütterzeit* ‘время кормления скота’ в ю-нем.; 2) по времени отдыха: *Lusam* ‘свободное от работы время’ (bayr.); *позалога* ‘отдых между периодами работы’ (яросл.). Во второй группе наименований периодов времени (по отношению к моменту речи) среди общих семантических элементов можно выделить такие как ‘раньше’, ‘синхронно’, ‘позже’ с дополнительным уточнением ‘в рамках суток’, ‘в рамках недели’, ‘в рамках года’. Такое сопоставление позволяет обнаружить конвергентные и дивергентные черты, репрезентирующие особенности номинации в генетически удаленных диалектов.

Котова Марина Юрьевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

О типологии транснационального романа славянских авторов

Транснациональная проза в этом докладе понимается как проза, написанная автором с гибридной идентичностью. Авторы рассматриваемых в докладе транснациональных художественных произведений разными путями пришли в литературу, например, в результате: 1) вынужденной эмиграции (Д. Конрад, Ч. Милош, Й. Шкворецкий, Л. Мнячко, Й. Груша,

М. Кундера), 2) добровольной экономической эмиграции (В. Каминер, К. Петровская), 3) как дети эмигрантов, не знавшие исторической родины (М. Левицкая, С. Левичаров). В докладе использованы текстовые примеры из нескольких романов перечисленных авторов. Трудно разгадать тайну выбора языка произведений писателем-эмигрантом. Кто-то одинаково свободно писал и на родном языке, и на приобретенном (поляк Ч. Милош (1911–2004)), кто-то намеренно овладел иностранным языком, чтобы звучать синхронно с окружением (поляк Д. Конрад (1857–1924), русский еврей В. Каминер, украинская русскоязычная еврейка К. Петровская (1970)), кто-то писал на родном и на иностранном, но приоритетным оставался родной (чех Й. Шкворецкий, «чехословак» Л. Мнячко (1919–1994)), кто-то писал только на родном (словенец И. Цанкар (1876–1918)), для кого-то язык эмиграции стал первым и единственным языком их произведений, а язык родителей — вторым, как немецкий для этнической словенки Альмы Карлин (1889–1950) и этнической болгарки С. Левичаров (род. 1954), английский — для этнической украинки М. Левицкой. В докладе затронуты и смежные темы: идентичность, идентификация, самоидентификация, стереотипы, ценности, разрабатываемые активно в филологических и в междисциплинарных исследованиях, а также типологические черты транснационального романа.

1. Тема: мигранты и эмигранты.
2. Автор — обладатель гибридной идентичности (самодентификация — отнесение себя к исторической родине: И. Цанкар, Й. Шкворецкий, Л. Мнячко; принадлежность к приобретенной в эмиграции родине — С. Левичаров, Д. Конрад; «человек мира» — Ч. Милош, М. Левицкая).
3. Языковые: вкрапления, ошибки в речи персонажей, интерференция и интертекстуальность (Й. Шкворецкий, М. Левицкая) / рафинированный литературный язык нарратива (Д. Конрад, В. Каминер, К. Петровская), интерференция и интертекстуальность.
4. Литературно-философские: интертекстуальность, культурная память (места культурной памяти, трансформация культурной памяти, автобиографизм произведений, культурные стереотипы, самооценка, этническое самосознание, самоидентификация, идентичность).
5. Неоднозначная рецепция на исторической родине — сдержанная или откровенно негативная (Конрад, Милош, Мнячко, Левицкая, Каминер, Левичаров).

Михлова Марие,
аспирант, Карлов университет (Прага, Чехия)

В. Скотт и его влияние на русскую материальную культуру

- Воздействие Вальтера Скотта на литературу и культуру в Великобритании.
- Распространение культурного воздействия творчества В. Скотта в Европе.
- Творчество и личность Скотта в контексте русской культуры.

- Восприятие Скотта в России на примере отдельных личностей.
- Влияние творчества и личности Скотта на русскую литературу, живопись и театр.
- Влияние Скотта и английской культуры на русскую архитектуру (неоготика).
- Влияние творчества Скотта и его русских отголосков в обратном отражении английской культурой.

Повторуха Наталья Васильевна,
старший преподаватель, Донецкий национальный университет (Украина)

Вариантность паремий с метрологическим компонентом в сопоставительном аспекте (на материале немецкого и украинского языков)

1. В современной лингвистике все чаще появляются исследования, посвященные проблемам меры и веса, для решения которых привлекаются данные метрологии. Объектом данной работы являются паремии с метрологическим компонентом в немецком и украинском языках. Цель заключается в проведении сравнительного анализа паремиологических единиц с метрологическим компонентом (далее — ПЕМК) в немецком и украинском языках. Материалом послужила 301 единица (из них 139 — в немецком языке и 162 — в украинском), полученная в результате сплошной выборки из паремиологических словарей сравниваемых языков. Отсутствие исследований ПЕМК, выполненных в сопоставительном аспекте на материале немецкого и украинского языков, обусловило актуальность данной работы.
2. Вопросами паремиологии занимались А. А. Потебня, В. П. Жуков, М. Ю. Котова, А. Крикман, В. Мидер, В. М. Мокиенко, Г. Л. Пермяков, О. С. Сергиенко, Е. И. Селиверстова, В. Фляйшер и др. Под вариантностью паремий понимают такие единицы, которые отличаются между собой синонимическими компонентами и, допуская видоизменение их порядкового расположения и грамматических форм, сохраняют единство общего значения.
   2.1. Лексические варианты паремиологических единиц появляются в результате синонимических изменений компонентов. Этот вид вариантности ПЕМК является наиболее продуктивным в исследуемых языках, напр.: укр. *за сім миль (верст) киселю їсти*, нем. *von Recht zu Unrecht ist nur ein Schritt (eine Spanne)* ‘от правды до лжи лишь один шаг (одна пядь)’.
   2.2. Грамматические варианты включают префиксальные и суффиксальные образования, а также имена существительные в форме единственного или множественного числа, иногда со значением собирательности, например: укр. *на годину спізнився (спізнишся) — за рік не доженеш*, нем. *mit Sackvoll (Säcke voll) soll man einnehmen und mit Handvoll (Hände voll) ausgeben* ‘нужно принимать мешком (мешками) и отдавать жменей (жменями)’.

2.3. Синтаксические варианты обусловлены заменой союзов или их потерей. В немецком языке они представлены наименьшим количеством единиц, в отличие от украинского, например: укр. *що міра. то й віра (міра — віра)*, нем. *(er ist so lang), man könnte ihn nach der Elle verkaufen* ‘он такой длинный, что его можно продавать локтем’.

2.4. Эллиптические варианты предполагают удаление одного или нескольких компонентов паремиологической единицы, в результате чего она становится компактнее и лаконичнее. В украинском языке они являются самыми малочисленными, например: укр. *(то) баба сім миль з-за пекла*, нем. *(die) Hoffart misst sich nach der langen Elle* ‘высокомерие измеряется длинным локтем’.

3. Выводы. Среди видов вариантности ПЕМК в исследуемых языках преобладает лексическая. Наименьшим количеством единиц в украинском языке представлена эллиптическая вариантность, а в немецком — синтаксическая.

Раина Ольга Викторовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Поляки и немцы глазами друг друга

В каждом языке существует стереотипное изображение представителей соседних народов и оценка целых этнических групп. Эти эмоционально окрашенные изображения и оценки возникли в результате взаимоотношений соседних стран и отразились в пословицах, поговорках и афоризмах, которые стали элементами культурного и языкового сознания целых народов. В сборниках пословиц отражены стереотипизированные мнения о себе и «других», которые являются постоянным элементом в языке и культуре каждого народа. Источниками этих стереотипов являются наблюдение, знания и опыт, иногда предрассудки, страхи, фобии. И потому эти клише носят как положительный, так и отрицательный характер. Некоторые из этих стереотипных оценок функционируют без каких-либо серьезных изменений в национальной культуре в течение нескольких веков, другие подверглись значительным изменениям. Большая часть стереотипов возникла в XVII в., поэтому в польских пословицах поляк — благородный рыцарь, а немец — агрессор. В польских сборниках пословиц представлено 132 пословицы с компонентом «поляк»: *Co Polak — to szlachcic. Co Polak — to rycerz. Jak ryba bez wody, tak Polak bez urzędu żyć nie może. Gdzie dwóch Polaków, tam trzy zdania. U Polaka co w sercu, to i na języku. Mądry Polak po szkodzie. Polak jak małpa, co ujrzy, to chce mieć. Polskie ceremonie: brną po wodzie, a kładka pośrodku.* Вот некоторые примеры пословиц с компонентом «немец»: *Jak świat światem, nie będzie Niemiec Polakowi bratem. Przy Polaku i Niemiec się pożywi, przy Niemcu ani pies. Anglik (Francuz, Włoch) wymyśli, Niemiec zrobi, Żyd sprzeda, Polak głupi wszystko kupi. Co Włoch to doktor, co Niemiec to kupiec, co Francuz to dworak, co Polak to hetman (rycerz).* Пословицы демонстрируют, что в его собственных глазах поляк — храбрый, гостеприимный, восхищается достижениями соседей и подвержен их влиянию; в то же время не лишен

некоторой самокритики. Немцы говорят о себе, что они боятся только Бога, и им нравится подчиняться, когда ими хорошо управляют. Немецкая фраза «польская экономика» используется для описания беспорядка. В соответствии с немецкими пословицами хороший немец не любит французов, но любит вино. Во всех языках пословицы имеют соответствующее сравнение собственного народа и соседей. Эти стереотипные пословицы наиболее лаконично определили национальные особенности.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Абакумова Ольга Борисовна,
д. ф. н., профессор, Орловский государственный университет

Пословица в медийном дискурсе

В данном докладе мы рассмотрим пословицу в газетном тексте, который представляет собой результат и дальнейший стимул обсуждения какой-либо темы в сфере массовой коммуникации с применением традиционно принятых или официально разрешенных дискурсивных практик и связанных с ними языковых средств. Традиционное для теории журналистики понятие «текст» ассоциируется в коммуникативной лингвистике с теперь уже основополагающим термином «коммуникативный акт». Выдающийся философ современности, занимающийся вопросами коммуникации, Ю. Хабермас предлагает дифференцировать собственно коммуникативный акт, целью которого является взаимопонимание, и стратегическое действие, ориентированное на успех, когда слушающего используют без учета его интересов. Стратегическое действие может быть как открытым, так и завуалированным, оно предполагает манипуляцию субъектами и продуцирование искаженного дискурса. Внутри стратегического действия выделяются асоциальный инструментальный акт и социально стратегический акт, каждый из которых ориентирован на успех. В. В. Хорольский и И. В. Смотрова полагают, что медийный дискурс служит для связи других дискурсов, и в этом его специфика. На современном этапе развития масс-медиа главенствующими системообразующими признаками вербализованного публицистического текста В. В. Хорольский считает:

а) осознанную и часто явно выраженную авторскую цель;
б) информационно-ориентирующий и убеждающий (агитирующий) пафос высказывания;
в) внутреннюю диалогичность и полемичность публицистического текста, нацеленного на установление «обратной связи»;
г) повышенную пафосность, непосредственно наблюдаемую бесспорную эмоционально-экспрессивную «планку» высказывания.

Автор доклада предлагает когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе для описания семантики и прагматики пословиц в разных типах дискурса (Абакумова, 2012). В докладе речь идет об использовании пословицы в дискурсе СМИ. Анализ употреблений пословиц в разных видах медийного дискурса с применением модели КДМ показал, что они являются средством реализации коммуникативных стратегий разного типа. Пословицы в медийном дискурсе используются преимущественно для достижения социально-стратегических целей, т. е. привлечения внимания читателя к своей продукции, к изданию, в котором журналист аккредитован, через проблемы, затронутые в статье, которые, по мнению журналиста, должны привлечь внимание читающей публики, при этом журналист может быть честным человеком и искренне добиваться социальной справедливости. Социальный аспект является ведущим в данном стратегическом действии, когда журналист проявляет свои профессиональные способности и навыки.

Аймагамабетова Малика Муратовна,
докторант, Казахский национальный педагогический университет им. Абая
(Алматы, Казахстан)

Источники газетных заголовков (на материале казахстанской прессы)

Заголовок газетной статьи — это важный сигнальный элемент, который заставляет нас обратить внимание на ту или иную статью. Исследования психологов показали, что около 80 % читателей уделяют внимание только заголовкам. Поэтому журналисту так важно выбрать подходящий заголовок для своей публикации. Заголовок — «лицо» всей газеты, он влияет на ее популярность и конкурентоспособность издания.

В научных работах по языкознанию можно встретить использование терминов «заглавие», «заголовок», «название». В общеязыковых словарях эти термины представлены как синонимичные.

В заглавие могут использоваться все известные лексические и синтаксические средства выразительности. Могут возникать экспрессивные заглавия, созданные на основе переносного значения слов, окрашенной лексики, синонимов и антонимов. Также могут использоваться пословицы, поговорки, фразеологизмы, названия известных песен, кинофильмов, пьес, прецедентные тексты из этих произведений, разговорные элементы, фонетические и морфологические средства выразительности.

Материалом для написания статьи послужили более двух тысяч газетных заголовков казахстанских газет: «Казахстанская правда», «Вечерняя Алматы», «Время», «Экспресс К», «Литер», «Мегаполис», «Деловая неделя», «Курсивъ» и др.

Оказалось, что основными источниками заголовков являются пословицы и поговорки, фразеологизмы и произведения художественной литературы. Более 30 % заголовков составляют преобразования пословиц и поговорок, 20 % составляют фразеологизмы, около 17 % — это цитаты из

художественных произведений, 15 % заглавий — это трансформированные цитаты из кинофильмов и песен. В основном изменениям подвергаются фразы, устойчивые выражения, фрагменты диалогов из кинофильмов и песен советского периода.

Заголовок дает первоначальную информацию о тексте, он может обозначить тему. Но главная функция заголовка в современной прессе — это привлечение внимания читателя. Для этого журналисты используют все возможные средства: многозначность слова, фразеологизмы, метафоричность и мн. др. Таким образом, проведенный анализ газетных заголовков казахстанских газет доказывает, что выбор читателем того или иного газетного материала во многом определяется яркостью и метафоричностью заголовков.

Балакова Дана,
к. б. н., профессор, Ружомберкский католический университет (Словакия)

Фразеология библейского происхождения в современных СМИ

Frazeologie jako součást kolektivní paměti — akumulační, kultury a komunikace — je stále odráží změnu socio-politichskie, který je dobře podporován studiem frazeologické zásoby přirozeného jazyka. Proto analýzu dynamiky na ose «centra — periferie» (v kontextu internacionalizace a globalizace) nebo monitorování real life (metody pro použití) těchto jednotek ve sdělení odkazuje na produktivní způsob, jak záznam dynamických trendů v příslušném jazyce / jazycích v širší perspektivě. — v porovnání mezinárodně Ve zprávě, obracíme se k předmětu našeho vědeckého zájmu — moudrost a zkušenosti lidstva nahromaděných předchozími generacemi, na frazemam biblickou původ: představuje analýzu specifik fungování frazeologizmů (FE) a přísloví. v jazyce moderních médií Starý a nový je revitalizovat malování čas kontinuum, je poměr mezi *včera* a, dnes Toho je dosaženo dokumentaci současného života k výrazu biblické původu v moderní publicistické texty (Slovensko), ztělesněním moudrosti Bible znovu a znovu.

Беневоленская Нонна Петровна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологизм в креолизованном медиа-тексте

Медиа-текст, или текст в сфере массовой коммуникации, выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов. В основе процесса его креолизации лежит комбинирование средств разных семиотических систем в рамках единого текстового комплекса.

Фразеологизм *брать от жизни всё* было принято считать декларацией потребительства и до появления известного рекламного ролика. Хотя в креолизованном тексте рекламы фразеологизм и получает буквенное выражение, авторы создают атрибутивный по отношению к вербальности визуально-интонационный комплекс, в результате чего трансформируется грамматико-семантическая прямолинейность побуждения (императива),

что пересоздает и трансформирует пресуппозицию текста, имеющего подобную структуру, в парапрецедентную, т. е. обладающую собственной семиотической перспективой.

Однако при воспроизводстве передается не визуально-звуковой, но вербальный, подвергнутый процедуре креолизации образ, который формирует лингвокогнитивный механизм необычных, острых переживаний, где закрепляется эмоциональный флэш-образ. Ролики под названием «*Бери от жизни всё!*» на *YouTube* и других порталах передают не вкус напитков или идеологию потребительства, но представляют сюжеты об одержанных победах. Большая их часть, кроме, разумеется, пародийных, посвящена презентациям: новым, экстремальным видам спорта, номерам непрофессиональных актеров, инвалидов и т. д., мастер-классам, тренингам, случаям счастливого спасения, везения и удачи. Вербальный сигникатор воспроизводит креолизованный, синтетический по своей природе образ в той его референтности, которая делает его способным к воспроизводству.

В итоге мы наблюдаем семантический сдвиг: словарное значение фразеологизма «*брать от жизни всё*», его дорекламная негативная речевая оценочность и рекламные ролики известной фирмы не обладают тем разнообразием смыслов и масштабов, которые приобретает семантика флэш-образа, который можно считать новым видом креолизованного фразеологизма, возникшего в рамках медиа-текста.

Бирих Александр,
д. ф. н., профессор, Трирский университет (Германия)

Русская субстандартная фразеология в современных СМИ

Особенностью языка современных СМИ является частое употребление субстандартной лексики и фразеологии. Под субстандартом в настоящем докладе понимаются все разновидности языка, которые не кодифицированы (т. е. не обладают закрепленной в грамматиках и словарях нормой) и не являются вариантами литературного языка (как, например, русская разговорная речь). Диалекты, как более древняя форма существования языка и часто лежащая в основе его литературной разновидности, в понятие «субстандарт» нами не включаются. Таким образом, в русском языке к субстандарту относятся просторечие, жаргоны и арго, которые чрезвычайно богаты фразеологией. Выбранный из различных СМИ материал был рассмотрен в следующих аспектах: а) источники субстандартной фразеологии (профессиональные жаргоны, молодежный жаргон, уголовное арго, арго наркоманов и т. п.); б) идеографическая характеристика субстандартной фразеологии; в) функции субстандартной фразеологии в языке СМИ и др. Так, анализ источников субстандартной фразеологии позволил выявить преобладание фразеологизмов из криминального арго: *качать права, мочить в сортире, включить счетчик* и т. п. В докладе подробно рассматриваются основные семантические блоки субстандартной фразеологии в СМИ и описываются функции её употребления.

Брунс Томас,
д. ф. н., профессор, Трирский университет (Германия)

Сколько властей существует в государстве? О развитии одного фразеологизма в русском и немецком языках

Предлагаемая работа ставит себе целью обсуждение языкового оформления принципа разделения властей в современном обществе. Представление о трех властях в государстве восходит к идеям английского философа и просветителя Джона Локка (1632–1704), связанным с учением о разделении властей (имеется в виду разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти). В центре внимания работы стоит не сам принцип разделения властей в государстве, а его языковая «упаковка». Несмотря на то, что этот принцип существует в европейском контексте уже со времен Просвещения и что он называет именно те три фундаментальные власти, которые определяют конституционалистический, демократический строй государства и общества, он в течение прошлого века и особенно ярко в течение последних десятилетий эволюционировал и порождал все новые актанты. Эти последние называют новые влияющие на общественную жизнь факторы из разных областей внеязыковой реальности — из СМИ, мира финансов, окружающей среды и т. п. При изучении языковых единиц особенно интересны следующие вопросы: каким способом пополняется фразеологическая микросистема единиц, обозначающих власти в государстве? Что, по сути дела, считается такой властью? Какие факторы в обществе достаточно влиятельны для того, чтобы они нашли языковое отражение в этой микросистеме? Особое внимание уделяется при этом вопросу о том, какие факторы, специфические для культуры данного общества, оказывают влияние на развитие фразеологической системы. Особый интерес представляет сопоставительный русско-немецкий взгляд на лингвистическое явление, начало которого в обеих странах, очевидно, было одинаковым, но дальнейшее развитие которого показывает многообразные различия и изломы. Выясняется, что, несмотря на все подобные и даже одинаковые, явления, русский и немецкий языки показывают ряд различий, которые обосновываются не только различиями в государственно-общественном строе этих двух стран, но, очевидно, и разными представлениями о том, что в жизни имеет особую ценность и важность.

Вальтер Харри,
Ph. D., профессор, Университет Грайфсвальда (Германия)

Новая политическая жизнь древнейшей идиоматики в современной Германии

1. Существует предположение, что лозунги ведут свою историю еще со времен Древнего Египта. Расшифрованные заклинания в гробницах и на саркофагах египетских фараонов не что иное, как лаконичное предупреждение для тех, кто осмелится осквернить усыпальницу сына

Бога. Далекий родственник европейских лозунгов-девизов — древнекитайские девизы правления.

2. Примерно с 180 г. до н. э. император Поднебесной, вступая на престол, выбирал девиз своего правления (скажем, «счастье и процветание»), и подданные вплоть до падения империи в 1911 г. отсчитывали «первый год счастья и процветания», «второй год счастья и процветания» и т. д. На ход истории китайцы пытались повлиять, меняя лозунги правления и объясняя неудачи неправильным выбором девиза-лозунга.
3. Историки находят первые примеры политических девизов в эпоху Древних Афин. Вероятно, наиболее известным лозунгом эпохи античности может считаться фраза сенатора Катона-старшего «Carthagodelendaest» («Карфаген должен быть разрушен!»), которую Катон использовал при любой возможности. Как известно, после появления этого слогана Рим вступил в очередную войну с Карфагеном и уничтожил это государство. Лозунг «*Sivispacem, parabellum*» (Хочешь мира — готовься к войне) приписывается римскому историку Корнелию Непоту (94–24 гг. до н. э.). По другим данным, фраза принадлежит римскому писателю Вегетию.
4. И самый известный лозунг античности — «Brot und Spiele» — «Хлеба и зрелищ» (лат. «Pane e circenses») — крылатые слова римского сатирика Ювенала (I–II вв.), выразившие суть политики римских государственных деятелей, стремившихся путем подкупа денежными, продуктовыми раздачами и даровыми представлениями удержать в повиновении деклассированный столичный плебс.
5. В напряженной политической ситуации в сегодняшней Европе нередко употребляется пословица **Ein schlechter Friede ist besser als ein gerechter Krieg** (букв. ‘Плохой мир лучше справедливой войны’), которая является советом разрешать конфликты мирным путем, идя на компромисс. Она актуальна сегодня как никакая другая формула, особенно во время военных действий в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, Афганистане, Сирии и других горячих точках мира. Не удивительно, что эта пословица-лозунг активизировалась не только в немецком общественном дискурсе, но и во многих других европейских языках.

Вильк Габриела,
к. ф. н., ассистент, Силезский университет (Польша)

Русские и польские антипословицы о труде в языке современных масс-медиа

Паремиологический фонд русского и польского языков, подобно фразеологическому, находится в непрерывном движении. В последнее время в средствах массовой информации можно отметить активное использование антипословиц, представляющих собой краткие изречения, сужения, которые созданы на базе традиционных паремиологических единиц.

Трансформированные паремии, или, по-другому, паремии-трансформы, используются в языке как «протест против банального здравого смысла и назидательного тона традиционной „народной мудрости“, но и как ве-

селая языковая игра, очищающий катарсис, карнавальная речевая маска уставшего от „серьезностей“ и трагедий повседневной жизни Человека» [Вальтер, Мокиенко, 2008: 7].

Объектом анализа являются русские и польские антипословицы о труде — одной из основных общечеловеческих ценностей, появившиеся в языке современных масс-медиа. Материалом в основном послужили публицистические тексты, написанные в течение последних лет и помещенные в интернет-изданиях разного вида русско- и польскоязычных газет и журналов.

В докладе описываются типы пословичных трансформов и механизмы их функционирования. Антипословицы, как правило, применяются для осуществления конкретной коммуникативной цели (ср. заголовок статьи *Kto nie pracuje ten jest zdrowy*, целью которой является показать, что труд негативно сказывается на здоровье человека). Как замечает Е. К. Николаева, трансформированные паремии могут утрачивать свой образно-обобщенный смысл, начиная «работать» лишь на материал той или иной статьи [Николаева, 2008: 431].

Собранный языковой материал был подразделен на две группы. Одну из них образуют окказиональные индивидуально-авторские преобразования (заголовок статьи: *Кто не работает — тот в базе*). В состав второй входят более или менее устоявшиеся антипословицы, которые уже функционируют в русском и польском языках в качестве мини-анекдотов (например, *Кто не работает, тот зарабатывает*).

Литература:

1. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
2. *Николаева Е. К.* Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры. W: Komparacja współczesnych języków słowiańskich.
3. Frazeologia. Red. W. Mokijenko, H. Walter. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2008. С. 431–436.

Вознесенская Мария Марковна,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

О дискурсивной помете «журнализм» в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики»

Известно, что для публицистического функционального стиля характерно широкое использование фразеологизмов. Некоторые из них употребляются преимущественно или только в публицистическом дискурсе (если же эти выражения встречаются в текстах художественной литературы или разговорной речи, то ощущаются как «чужое слово», часто такое использование сопровождается языковой игрой и приобретает ироническую окраску). Именно такие фразеологизмы имеют помету *журн.* («журнализм») в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» (под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского). Благодаря тому, что фразеологический ма-

териал распределен в «Словаре-тезаурусе» по идеографическому принципу, оказывается возможным определить, какие семантические области больше нагружены «публицистическими» идиомами. Это таксоны «Хорошо-плохо» (*со знаком «плюс»; по гамбургскому счёту; со знаком «минус»; ниже всякой критики; оставлять желать [много] лучшего; раковая опухоль; родимые пятна; махровым/пышным цветом [цвести...]*); «Важность, значимость» (*тяжёлая артиллерия; гвоздь программы; на злобу дня; три кита; священная корова; проходить красной нитью (через что-л./в чем-л.); становой хребет*); «Начало-конец» (*боевое крещение; первая ласточка; проба пера; путёвка в жизнь; вступить в строй, выйти на финишную прямую*); «Новое, современное» (*ветер перемен; смена караула; свежая кровь; по последнему слову техники; передний край; на переднем крае; передовые позиции*); «Власть, государство, общество, политика, экономика» (*старший брат; на самом верху; смена караула; политика/метод кнута и пряника; находиться... у кормила [власти]; заказывать музыку; командовать парадом; слуги народа; холодная война; встреча в верхах; встреча... без галстуков; железный занавес; охота на ведьм; парад суверенитетов; большая восьмёрка; политический труп; шоковая терапия*); «Война», «Конфликт» (*методы/тактика/политика выжженной земли; пушечные короли; горячая точка; перетягивать канат; выйти из окопов; показать... мускулы; крестовый поход; руки прочь (от кого-л./чего-л.); кровавая баня*); «Города, регионы, страны, континенты» (*город на Неве; город на семи холмах; империя зла; черный континент; остров свободы*); «Конкретно-референтные номинации», «Профессиональные, специальные номинации» (*железная леди; папа Зю; чёрные полковники; старик Батурин; ночные бабочки; голубые береты; инженеры человеческих душ; люди в белых халатах; отцы города; вторая древнейшая профессия; сталинские соколы*). Таким образом, видно, что семантика идиом-журнализмов отражает основные особенности публицистического дискурса, а именно: его тематику (политика, экономика), выделенные аспекты при описании событий (начало, конец, конфликт), их оценку (хорошо-плохо, важность, актуальность), а также стремление языка СМИ к перифрастическим номинациям.

Высочански Влодзимеж,
д. ф. н., профессор, Вроцлавский университет (Польша)

Фразеология в газетной интерпретации действительности

Целью анализа является представление восприятия действительности в современной прессе через призму фразеологии. На основе выбранных еженедельников религиозного характера будут показаны специфика использования фразеологических единиц, а в особенности контексты их выражения. На конкретных примерах будет также проиллюстрировано контекстное размещение фразеологии в свете некоторых видов модифицирующих инноваций. Учтение свойств собранного запаса фразеологических единиц вместе с примененными трансформационными процедурами в публицистическом дискурсе позволяет выделить, с одной стороны, основные проблемные круги, сферы и понятийные домены, с другой же стороны

точно определенное выпрофилирование видения действительности. Все это составляет существенную часть как общей языковой картины в анализированных журналах, так и газетной картины мира вообще.

Гомонова Инна Геннадьевна,
к. ф. н., доцент, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь)

Пока гром не грянет... (из наблюдений над функционированием паремии в Газетном корпусе НКРЯ)

Использование (в большинстве случаев творческое) паремиологических единиц выступает в качестве стилеобразующего фактора публицистического стиля. В то же время востребованными в публицистических произведениях (входящими в ядерную зону корпуса «газетных» паремий) являются такие паремиологические единицы, которые отражают наиболее типичные для публицистики (социально значимые) ситуации и при этом характеризуются узнаваемостью у потенциальных адресатов, входят в их активный паремиологический запас. Выявлению подобных паремий способствует использование корпусных методов, позволяющих в короткий срок получить информацию об активности той или иной единицы в текстах разных стилей, жанров, тематики, времени создания и т. д.

Запросы, направленные на выявление всех (или большинства) случаев употребления паремии *<Пока> гром не грянет, мужик не перекрестится* в Газетном корпусе НКРЯ, позволили получить более 130 контекстов, включающих данную паремиологическую единицу в исходных и трансформированных вариантах. Значительное количество вхождений паремии в тексты Газетного корпуса (в т. ч. в качестве заголовка), а также большое число трансформов уже свидетельствуют о ее отнесенности к ядру паремиологических единиц, характерных для публицистических произведений.

Кроме того, к «публицистической активности» выражения *<Пока> гром не грянет...* приводит его функционально-семантическая природа, использование с целью «подчеркнуть беспечность, несобранность, непредусмотрительность кого-л.». Данные качества в большом количестве газетных текстов посредством анализируемой паремии характеризуются как черты русского (российского) менталитета, о чем свидетельствуют в т. ч. и соответствующие авторские комментарии типа *известная особенность россиян*; *всё происходит так, как обычно бывает в нашей стране* и т. п. Иное употребление паремии представлено единичными случаями, в которых ее актуализации служат именно авторские комментарии со встроенными в них метаоператорами, свидетельствующие об отнесенности содержания анализируемого выражения не к российской (или не только к российской) действительности: *Выходит, и для американцев актуальна пословица: пока гром не грянет...* и т. п. Значение рассматриваемой паремии позволяет использовать ее для выражения эмоциональной реакции автора газетного текста на самые разные негативно оцениваемые явления жизни социума: от национальной безопасности, экологических проблем, техногенных катастроф, стихийных бедствий и т. п. до вреда от ношения высоких каблуков. Многочисленные

трансформы паремии актуализируют ее «социальную и национальную маркированность». В частности, наиболее типичными для данной паремиологической единицы являются трансформации, связанные с меной компонента *мужик*: *мы*, *наш народ*, *наши люди*, *чиновник*, *депутат* и др.

Дракулич-Прийма Драгана,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Крылатые выражения П. П. Негоша в заголовках сербских публицистических текстов

В заголовке газетного текста наряду с определенной информацией о содержании статьи содержится важный эмоциональный заряд, привлекающий внимание читателей и возбуждающий их интерес. Известно, что от удачного заголовка во многом зависит успех самой статьи.

На материале, отобранном из известных сербских публицистических изданий («Политика», «Вечерње новости», «Печат», «Двери Српске» и др.), проанализированы заголовки, в которых содержатся крылатые выражения из произведений известного сербского писателя Петра Петровича Негоша.

В актуализации таких единиц в современном журналистском дискурсе важную роль играют их структурно-семантические трансформации. Среди наиболее частотных трансформаций, зафиксированных нами, можно выделить следующие: лексическую субституцию, добавление контекстуальных прилагательных или существительных, эллипсис, уточнение или наращивание значения с помощью добавления попутного замечания и др. Подобная актуализация известных выражений П. П. Негоша, таких как *тврд је орах воћка чудновата, не сломих га а зубе поломих; једна сламка међу вихорове; чашу меда још нико не попи, да је чашом жучи не загрчи, чаша жучи иште чашу меда, а смијашане најслађе се пију; а ја што ћу али са киме ћу* и др. способствует «модернизации» их внутренней формы, усилению иронического эффекта и эмоциональной оценки.

Отдельно рассмотрены наиболее интересные примеры переводов таких единиц на русский язык, отмечены случаи их ошибочной (семантической и стилистической) передачи.

Дронов Павел Сергеевич,
к. ф. н., доцент, Институт языкознания РАН (Москва)

Варьирование формы и значения идиом с компонентом «глаз/глаза»: модификации, словоизменение, фразеологическая паронимия

Доклад посвящен варьированию формы и изменению значения идиом с компонентом *глаз/глаз* (*наметанным глазом*, *мозолить глаза кому-л.*, *открыть/раскрыть кому-л. глаза на что-л.*, *разуй глаза!* и пр.). Идиомы с компонентами-соматизмами и кинетические идиомы рассматриваются в целом ряде работ, см. [Čermák, 1998; Moon, 1998; Диброва, 2008; Козеренко, Крейдлин, 2011; Крейдлин, 2001, 2002; Телия, 1996]. Очевидно, что

идиомы с компонентами, обозначающими части тела и жесты, составляют значительную часть фразеологии: многие соматические реакции универсальны, характерны для всех людей. На материале Национального корпуса русского языка рассматриваются модификации формы, изменение значения и стилистической принадлежности идиом, а также регулярность их употребления. Поднимается вопрос о том, в каких случаях изменение формы идиомы можно отнести к морфологическим модификациям (по Д. О. Добровольскому), а в каких — к словоизменительной парадигме (по Е. И. Дибровой). С этой проблемой напрямую связано уточнение фиксированности/нефиксированности порядка слов идиом и, в частности, влияние перемещения (по Н. Хомскому) на актуальное членение — топикализации и эмфазы при изменении порядка слов (*он мне глаза открыл*, *поднять глаза* vs. *глаза поднять*). Помимо этого, в докладе предложено выделить среди контаминаций идиом паронимические контаминации — ошибочное соединение двух идиом вследствие паронимии (например, *??он разул мне глаза на это*). Наконец, в докладе рассматривается количественное соотношение фразеологизмов с омонимичными свободными словосочетаниями. Предположительно, чем очевиднее связь кинетической идиомы с жестом, тем больше вероятность фиксированной формы (в частности, порядка слов) и тем чаще употребляется свободное словосочетание.

Литература:

1. *Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке // Диброва Е. И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избранные работы. М.: ТВТ Дивизион, 2008.
2. *Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е.* Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. № 6. 2011. С. 54–66.
3. *Крейдлин Г. Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001. 256 с.
4. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002. 581 с.
5. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
6. *Čermák F.* Somatic idioms revisited // EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15).
7. *Moon R.* Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998.

Еськова Анна Дмитриевна,

к. ф. н., сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Публицистические фразеологизмы в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина» («маленький человек» и «униженные и оскорбленные»)

Выражения *маленький человек (человечек)* и *униженные и оскорбленные* встретились в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина» неоднократно (17 и 5 раз соответственно), что свидетельствует об их значимости.

Эти обороты используются для создания образов персонажей повести (Клим Самгин, Марина Зотова и др.), а также для изображения общественно-политической обстановки начала XX столетия. Семантика этих единиц многопланова, в них сочетаются прямое и переносное значения. В докладе предлагается толкование этих выражений и обосновывается необходимость их включения в создаваемый ныне идеологический словарь повести.

Зверева Юлия Сергеевна,
преподаватель, Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова (Беларусь)

Английские и американские фразеологизмы с национально-культурной семантикой в современной русскоязычной публицистике

Рассматриваются состав и стилистические особенности употребления английских и американских фразеологических единиц с национально-культурной семантикой в современной русскоязычной публицистике (на материале интернет-версий российских и белорусских газет на русском языке).

Зиновьева Елена Иннокентьевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Русские устойчивые сравнения в публицистическом дискурсе спортивной тематики

Устойчивые сравнения (УС) — это один из объемных и постоянно пополняемых, находящихся в развитии пластов русской фразеологии, чутко реагирующий на изменения в экстралингвистической действительности. В публицистическом дискурсе сравнения, как и фразеологизмы в целом, претерпевают изменения по сравнению с их составом, семантикой, формой и сочетаемостью в языке в целом.

Материалом для исследования послужили данные словарей устойчивых сравнений русского языка и материалы газетного подкорпуса «Национального корпуса русского языка». Рассмотрим некоторые особенности употребления сравнений в публицистическом дискурсе спортивной тематики.

1. Как и в целом в публицистическом дискурсе, входят в употребление и становятся устойчивыми новые сравнения, например, *бросаться/броситься (прыгать/прыгнуть) как пантера*.
2. Устойчивые сравнения, зафиксированные в словарях, расширяют свою сочетаемость, что способствует формированию нового значения. Так, например, УС *делать что-л. как орехи* (*орешки*) *щелкать* в последние годы начинает активно употребляться в СМИ в политическом и спор-

тивном контекстах, расширяя сочетаемость. *Щелкать как орешки кого* является базой для формирования нового значения данного УС — ‘легко побеждать’.

3. Негативно коннотированные УС (например, обозначающие поведение человека, см. УС *приставать, липнуть, привязываться; цепляться* (прост.) *к кому-либо как репей [репейник];впиваться/впиться (цепляться/вцепиться) в кого, во что как клещ*) в рассматриваемом типе дискурса изменяют свою коннотацию на нейтральную или положительную.
4. Самыми частотными основаниями сравнений являются *сражаться* и *биться*, что объясняется «военизированностью» дискурса, перенесением военной терминологии и военных метафор в сферу спорта, особенно это касается игровых видов спорта. При этом эталонами сравнений являются зоонимы — наименования диких опасных животных: гипероним *зверь*, а также *лев, тигр, волк*. Частотно также сравнение с эталоном-мифологемой *черти*.
5. Агрессивностью анализируемого типа дискурса объясняется наличие сравнений с основаниями *вцепляться* и *вгрызаться*. Эталонами являются наименования собак. Это, прежде всего, *бульдог* как эталон устойчивого сравнения, отмеченного в словарях, а также *терьер*.

В результате проведенного анализа можно отметить, что в текстах СМИ, посвященных спорту, появляются новые сравнения, приобретающие статус устойчивых. Традиционные русские устойчивые сравнения расширяют свою сочетаемость, за счет чего формируются новые значения. С проникновением военной метафоры в спортивную сферу и агрессивностью дискурса в целом связана частотность сравнений с основаниями *биться* и *сражаться*, *вцепляться* и *вгрызаться*. Эталонами подобных сравнений выступают зоонимы — хищные животные.

Зыкова Елена Игоревна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Русские устойчивые сравнения в современном медиа-тексте (на материале языка СМИ и Интернета)

1. Фразеология и публицистический текст. Фразеология как средство реализации одной из основных функций СМИ — воздействующей.
2. Специфика устойчивых сравнений во фразеологическом корпусе русского языка. Использование УС в медиа-тексте не только в качестве номинативных, но и эмоционально-экспрессивых единиц.
3. УС в речи российских политиков — важное средство эмоционального воздействия на аудиторию. Характеристики медиа-контекстов с включением устойчивого сравнения.
4. Функции УС в современном политическом дискурсе. Особая роль сравнений в функции заголовка.

Иванов Евгений Евгеньевич,
к. ф. н., доцент, заведующий отделом,
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова (Беларусь)

Афористические единицы в публицистическом и информационном стилях литературного языка

Рассматриваются состав, функции, семантика, структура, трансформации и инновации афористических единиц языка/речи в публицистическом и информационном стилях литературного языка (на материале современных русского, белорусского и польского языков).

Коваль Владимир Иванович,
д. ф. н., профессор, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь)

Фразеологизмы «красный угол» и «красный уголок» в публицистическом корпусе текстов

В докладе рассматриваются возникновение и функционирование устойчивых словосочетаний ***красный угол*** и ***красный уголок***, отражающих различные пласты русской культуры: традиционную духовную культуру русского народа и советскую идеологию. Обращается внимание на семантические особенности адъективного компонента в каждом из анализируемых фразеологизмов. Выявляются особенности употребления устойчивых словосочетаний ***красный угол*** и ***красный уголок*** в газетно-публицистическом стиле. Исследование проводится с привлечением ресурсов Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Ковшова Мария Львовна,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

Загадки в публицистическом дискурсе

Исследование загадок и идиом, осуществляемое в предыдущих работах и — как продолжение — в данном докладе, указывает на семиотическое родство этих образных знаков языка, компоненты которых утратили свое лексическое значение и, будучи раздельно оформленными, приобрели семантическую слитность.

В докладе освещается сходство и различие в метафорическом «устройстве» загадки и идиомы; рассматриваются случаи семантической деформации, превращающие и загадку, и идиому в шутку. Особое внимание уделяется трансформации загадки в идиому. В российских СМИ бытует ограниченное количество загадок, наиболее известных носителям языка. На материале Национального корпуса русского языка и личной картотеки докладчика утверждается, что загадка в СМИ утрачивает свою функцию интеллектуальной задачи: метафорический «сюрприз», представляющий основную ценность в загадке, в тексте СМИ полностью снимается. При этом загадка, наподобие идиомы, обеспечивает экспрессивность и выразительность публицистического текста и «работает», в основном, на культурных

коннотациях, тем самым актуализируя в своей семантике социально значимые темы, обсуждаемые в СМИ. Восприятие загадки-идиомы подрабатывается знанием отгадки или прямым указанием отгадки в тексте, но прежде всего у такого знака работают культурные смысловые «добавки», ассоциации, стереотипы. Ср., например: *Помните, когда морозы ударяли внезапно и заставали нас врасплох, самые хитрые одевались по принципу капусты: «сто одёжек и все друг на друге» и оставались довольны жизнью* [Термобелье мое // Комсомольская правда, 04.12.2006]. Можно говорить о том, что на основе образа и смысла популярной загадки создается новый знак, более подвижный по форме, с оценочной, как у идиом, семантикой, так востребованной СМИ. Выявляется тот факт, что загадка-идиома подвергается модификациям, которые являются регулярными в публицистическом дискурсе у идиом. Так, см. пример контаминации части загадки о репчатом луке («Сидит дед в шубу одет, кто его раздевает, тот слезы проливает») и идиомы *проливать слезы*: *О нефтяном концерне очень скоро заговорили загадками, например, «кто его раздевает, тот слезы проливает»* [Иван Голиков. Старость и мудрость (2003) // «Вслух о...», 30.04.2003].

В докладе систематизируются различные способы модификации загадок-идиом в современных российских СМИ.

Кузнецова Ирина Владимировна,
к. ф. н., доцент, Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева (Чебоксары)

Функционирование устойчивых сравнений с библейскими персонажами в текстах

В докладе анализируются устойчивые сравнения с персонажами Библии. К ним относятся сам Творец: *veriť ako Bohu*, служащие и противостоящие ему сверхъестественные существа: *Letel ako anjel, [a] spadol ako čert*, представители фауны: *žiť ako vtáctvo nebeské* и люди. Ввиду обширности материала описываются компаративных фразеологизмов с безымянными и наделенными именами героями. Рассматривается материал извлеченный из словарей (*cítiť sa ako Daniel v jame levovej*) и не получивший пока свою словарную «прописку», но вычленяемый из текстов, зафиксированных Словацким национальным корпусом [SNK], а также из форумов и т. п. сети Интернет: *cítiť sa akolazár* ‘очень плохо себя чувствовать’ [Lászlová, 2004], *tváriť sa ako lazar* ‘притворяться’ [Lászlová, 1997]. В отдельных случаях автор дает толкование используемого сравнения: Krepuch *začínal ako Adam v raji*. Takmer *od nuly* ‘начинать с самого начала, с нуля’ [A. Brázda. Nedokončené pokolenie. 1999]. Если сравнение не зависит от детального ознакомления с текстом Библии, оно может употребляться в эллиптированном виде: Scéna bola síce pripravená veľmi citlivo, aby pred divákmi *nepobehoval* úplne *ako Adam vraji*, no z kontroverznej inscenácie Tvár v ohni odchádzali niektorí diváci spohoršením [Báječná žena, 2010: 08]. Показана перекличка не зафиксированных словарями компаративизмов с инославянскими: — Íha, to ste teda boháč ! — prerušila som ho. — Ako Midas, ale *nešťastnejší ako*

Jób, — povedal dvojzmyselne a vystrúhal takú grimasu , akoby si bol ústa o jedlo popálil [Lászlová, 2000] — Он, *несчастный, как Иов*, заснул с улыбкой на губах, вера замерла в его потухающих глазах, закрытых таким же фанатиком, как он, — Маццини (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия. 1864); *chcú sa s Bohom súdiť ako Jób*, *zápasia s ním ako Jakob*, *kričia knemu ako David*, no nikdy od nego celkom neodchádzaj [SNK] — *бороться* [*с кем*] *как Иаков* [*с Богом* (устар. *Иеговой*)] (НКРЯ). В отдельных случаях дается комментарий. *Sedeť v strede ako Kristus (Ježiš)* [SNK]: в произведениях изобразительного искусства — например, на центральном панно алтаря работы Д. Баутса в церкви св. Петра в Лёвене «Тайная вечеря» (слвц. *Posledná večera*) — Иисус сидит в центре в кругу двенадцати апостолов при тайном обряде ставшего последним пасхального ужина, во время которого предсказывает, что один из учеников предаст его.

Литература:

1. Báječná žena. Bratislava: Spoločnosť7 plus, 2010, č. 08.
2. *Brázda A.* Nedokončené pokolenie. Prešov: Vydavateľstvo Michala Vaška, 1999. 382 s.
3. *Lászlová K.* Príbeh jedného manželstva. Bratislava: «Motýľ», 2000. 147 s.
4. *Lászlová K.* Stopami vašich zážitkov. Ružomberok: «Epos», 2004. 142 s.
5. *Lászlová K.* Vyzliekanie z kože. Bratislava: PTK Echo Slovakia, 1997. 119 s.
6. SNK = Slovenský národný korpus. http://korpus.sk.

Лисицына Галина Александровна,
аспирант, Белгородский государственный университет

Стереотипные репрезентации «Патриотизма» как ценности лингвокультуры в условиях современного публицистического дискурса

Публицистический дискурс находится в фокусе современных когнитивно-прагматических исследований языкового этносознания как речепорождающая среда, максимально широко выражающая мировоззренческие установки текущего момента времени. Активизация исследований публицистического дискурса связана с выделением в лингвокультурологических исследованиях проблемы ментальной нормативности, т. е. ориентации в ценностях, убеждениях, волеизъявлениях на некое каноничное представление о правильном или верном для социума, при котором необходимо подчеркнуть значимость ценностной стороны данных публикаций. В процессе социализации личности формируются установки, оценки, императивы, запреты, которые закрепляются в общественном сознании в форме нормативных представлений и выступают ориентирами деятельности человека. Отличительная сторона публицистической картины мира заключается в ее тяготении к выражению социокультурных, а не индивидуально-культурных концептов. Публицистический дискурс в условиях доминирования аксиологической системы координат становится специфическим инструментом моделирования нормативного, идеологически центрированного ментального мира совокупной языковой личности социума. Фактор влияния публи-

цистического дискурса на мировоззренческую позицию личности в наши дни обеспечивается за счет ряда условий его функционирования, в числе которых — выраженная эмотивная составляющая репрезентаторов. Эмотивный фон публицистического дискурса чрезвычайно высок — в кризисные периоды разного рода проявления патриотической позиции в публицистике нередко осмысливается иронически. Опорные сигналы патриотических высказываний — лексические репрезентанты концепта «Патриотизм», непосредственно или опосредованно связанные с понятийным содержанием концепта, обретают в подобных условиях дополнительную эмотивную (нередко негативно-оценочную) сему (*патриот, патриотический, русский, россиянин, соотечественник, Россия, отчизна, родина, страна, флаг, гимн, российский, мы, нам, нас, наш, советский* и др.), в то время как фразеорепрезентации показывают пример многополярного в трактовке оценочного содержания смыслоприращения. В ходе анализа фразеорепрезентаций концепта «Патриотизм» раскрывается механизм формирования надындивидуальной, совокупной публицистической картины мира.

Матиевская Дарья Юрьевна,
преподаватель, Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова (Беларусь)

Метафора в фразеологизированных заголовках газетных статей (на материале русского и английского языков)

Рассматриваются репертуар, разновидности и способы образования метафор в фразеологизированных заголовках газетных статей российских и британских СМИ (на материале интернет-версий газет на русском и английском языках).

Михин Артём Николаевич,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Лозунги и девизы российских военных: история и современность

Для российского армейского дискурса в течение длительного периода его существования важнейшими составляющими были ценности, которые сложились в условиях многонационального и многоконфессионального государства, не знавшего рабства.

Из глубины веков дошли до нас слова князя Святослава (970): *Да не посрамим земли Русской, но ляжем тут костьми. Мертвые срама не имут.* Помнят на Руси и обращение князя Игоря (1185): *Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену бытии.* Петру I, который сам редактировал «Устав воинский 1716 года», принадлежат афоризмы *Грудь солдата — защита Отечества*; *Бояться пульки — не идти в солдаты.* Неизгладимый след в воинской афористике оставил А. В. Суворов, который завещал: *Мы Русские!*

С нами Бог!; *Мы Русские — враг пред нами дрожит!*; *Надо бить уменьем, а не числом*; *Быстрота и натиск — душа настоящей войны* и др. Особое место занимает М. И. Драгомиров, российский генерал, написавший две замечательные книжки — «Офицерскую памятку» и «Солдатскую памятку». Он считал, что «задача воспитанія и образованія солдата заключается въ рhшеніи вопроса: „какъ рекрута (новобранца) обратить въ солдата, то есть спеціализировать его, не ломая въ немъ человhка“».

Революционная эпоха начала XX в. породила новые армейские лозунги, в которых воинская служба тесно переплелась с идеологическими установками сражающихся по разные стороны баррикад соотечественников.

В 1942 г. в журнале «Смена» была опубликована статья, посвященная наследию М. И. Драгомирова. Драгомировские формулировки давали лаконичные советы каждому фронтовику: как вести себя в походе, как сберечь силы и здоровье, как держаться в наступлении, в атаке, как действовать в бою, как относиться к товарищам, как оценивать противника.

Анализ современного воинского агитационного материала свидетельствует о том, что в Российской Армии чтут традиции, заложенные выдающимися полководцами и теоретиками военного искусства XVIII–XX вв. Самые яркие лозунги и призывы наших дней рождены в ВДВ. Их ведущие темы: патриотизм (*Честь и Родина — превыше всего!*); храбрость, отвага (*Мужество, отвага, честь!*); тактика ведения боевых действий (*С любых высот — в любое пекло!*); коллективизм, дружба (*Своих не бросаем!*).

Лозунговый арсенал Российской Армии — подвижный, многослойный пласт русского национального языка. Он позволяет культивировать в военнослужащих «черты истинного героя», перечисленные А. В. Суворовым: «Смел без запальчивости, скор без опрометчивости, деятелен без легкомыслия, подчинен без униженности, начальник без самонадеянности, победитель без тщеславия, честолюбив без кичливости, благороден без гордости, непринужден без притворства, тверд без упрямства <...> враг зависти, ненависти и мщения, он низлагает своих противников снисхождением и первенствует над друзьями верностью...».

Мокиенко Валерий Михайлович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеология в современных средствах массовой информации

В докладе предлагается анализ специфики функционирования фразеологии и паремиологии в языке современных (особенно русских) масс-медиа. Фразеологические единицы (ФЕ) и пословицы в силу специфики их семантических характеристик, обладают особой экспрессивностью, которая делает их прагматическим средством воздействия на читателя, зрителя и слушателя СМИ.

Функции этих единиц близки к функциям экспрессивно окрашенной лексики, однако их раздельнооформленность и превалирующая образность создает специализированные регистры оценочности, которые необходимы в публицистическом дискурсе. Отсюда их тематическая избирательность

в текстах, проявляющаяся как в антропоморфности семантики, т. е. преимущественной оценке поведения человека, его свойств и деятельности, так и негативной окрашенности объектов этой оценки.

Эти свойства накладывают отпечаток на стилистическую градацию ФЕ и паремий в публицистическом тексте и объясняют активное употребление в их составе разговорных, просторечных, вульгарно-просторечных и жаргонных языковых единиц. Злободневность материала, отражаемого современными СМИ, вызывает и потребность широкого использования неологической фразеологии в разных их видах. В то же время именно масс-медиа становятся «кузницей» фразеологических и паремиологических неологизмов, каналами их широкого распространения. Выявленные свойства ФЕ и паремий в публицистическом дискурсе создают трудности в их переводе на другие языки и поэтому требуют последовательного сопоставительного анализа и лексикографического описания.

Невзорова Елена,
к. ф. н., старший преподаватель, Лодзинский университет (Польша)

Фразелогические неологизмы в современной польской прессе

1. Польская пресса 2008–2015 гг. (на примере избранных изданий).
2. Неологизм и его типы.
3. Фразеологические неологизмы 2009–2010 гг. в 2015 г.
4. Неологизмы 2015 г.
5. Польская неография сегодня.
6. Выводы.

Никитина Татьяна Геннадьевна,
д. ф. н., профессор, Псковский государственный университет

Фразеология в СМИ и СМИ во фразеологии

Наименования сферы массовой коммуникации (*газета, радио, телевизор, интернет* и др.) как социокультурно маркированные лексические единицы реализуют свой фраземообразовательный и паремиообразовательный потенциал в десятках пословиц, поговорок и образных неидиоматических сочетаний, фиксируемых словарями XIX–XXI вв.: от записанного В. И. Далем фразеологизма *живая газета* (о человеке, распространяющем слухи) до составного ономастического наименования *Живой Журнал* (популярный интернет-сервис онлайн-дневников). Фразеологизмы с обозначенными выше образными стержнями функционируют в общенародной разговорной речи (*сарафанное радио; ходячая газета*; *врать как газета*; *врать как американское радио*), народных говорах (*как по газете читать*), воровском арго (*телевизор* — ‘камера в СИЗО’; ‘шкаф в камере или бараке ИТУ’), молодежном сленге (*школьная газета* — ‘парта’; *почитать газету* — ‘выпить спиртного’; *убавить радио* — ‘говорить тише’; *китайский телевизор* — ‘досмотр на таможне вручную’). Первые впечатления о новых видах СМИ

и динамику их эмотивной оценки отражают паремии (пословицы, загадки): *Покушал — что радио послушал; Не ест, не пьет, а говорит и поёт (Радио); С пьяным говорить, что с радио спорить; Какая разница между телевизором и ночным горшком? — Разницы никакой, везде одно и то же, но в горшке лучше видно.* С другой стороны, анализ особенностей функционирования в текстах СМИ, рассмотренных выше, и фразеологизмов и пословиц позволяет сделать выводы о динамике их содержательной структуры и формальных трансформациях. Так, фразеологизм *сарафанное радио*, традиционно употребляемый в значении 'слухи, сплетни (как правило, распространяемые женщинами)' или 'источник дезинформации', стал термином маркетинга, обозначающим вид распространяемой в устной форме бесплатной рекламы, когда удовлетворенный пользователь товара рассказывает о нем родным и друзьям, те, в свою очередь, передают информацию своему окружению, и число адресатов рекламы увеличивается в геометрической прогрессии. На бизнес-тренингах и интернет-сайтах активно обсуждаются вопросы организации сарафанного радио: *«Как добиться эффекта сарафанного радио», «Как запустить сарафанное радио», «Как настроить сарафанное радио», «Сарафанное радио: как поймать волну», «Как организовать сарафанный маркетинг».* Заголовки постов свидетельствуют о появлении на базе фразеологизма нового бизнес-термина *сарафанный маркетинг* и нового фразеологизма *запустить сарафанное радио.* Зафиксировано использование термина *сарафанное радио* и в ономастической функции — как наименования рекламных агентств, сайтов объявлений и т. п. Подобные трансформы и новые фразеологизмы должны стать объектом лингвокультурологического анализа и лексикографического описания.

Ничипорчик Елена Владимировна,
к. ф. н., доцент, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь)

Выражения «Бог дал», «Бог даст», «не дай Бог» в публицистическом дискурсе (социолингвистический аспект)

1. Активное изучение функционирования устойчивых выражений в речи отмечается на протяжении нескольких десятилетий. Нужно отметить существенные научные достижения по всем наметившимся исследовательским направлениям в этой области: структурно-семантическом, функционально-прагматическом и социолингвистическом.
2. Богатый материал для исследования устойчивых выражений в социолингвистическом аспекте представляет публицистика. Анализ употребления устойчивых выражений, содержащих компонент «Бог» в сочетании с глаголов «дать», позволяет определить не только специфику функционирования этих выражений в публицистических дискурсах, но и выяснить, какие ценности осмысляются человеком при упоминании имени Бога, что, по мнению современного человека, ему дается от Бога (*Бог дал*), какие позитивные ожидания связываются с Божьей благодатью (*Бог даст*), что представляют сферу негативных ожиданий (*не дай Бог*).

3. Ценности, которые выступают предметом речи в современном публицистическом дискурсе и выявляются в связи с упоминанием имени Бога, детерминированы не только собственно ценностными ориентациями представителей социокультурного сообщества и не только речемыслительными стереотипами, вызывающими «дублирование» синтагматических связей анализируемых устойчивых выражений, но и темами, которые определяются публицистом как злободневные.
4. В центре внимания публициста, осмысляющего современность, вступающего в диалог с людьми, оказывается:
   1) деятельность человека (творчество, спорт, бизнес и т. п.) — упоминая имя Бога в связи с профессиональной деятельностью, человек радеет о том, чтобы ему были даны силы, здоровье, жизнь, шансы реализовать задуманное; в дискурсах о спорте человек, ссылаясь на дарованные ему Богом физические данные, мотивирует свои амбиции, выражает притязания на удачу; в дискурсах о творчестве имя Бога употребляются в связи с осмыслением выбранной стези, дарованным свыше талантом, надеждами на реализацию творческих планов и т. п.;
   2) личная жизнь человека — наиболее коммуницируемой в связи с упоминанием имени Бога является проблема наличия/отсутствия детей, устойчивый комплекс *Бог дал (не дал) детей* нередко «открывает» дискурс о резонансном в обществе событии, об имеющихся ныне проблемах семьи и др.;
   3) межличностные отношения — человек благодарит Бога за дарованную способность быть милосердным, за стечение обстоятельств, которое стало причиной положительных изменений в жизни, и др.;
   4) сфера материальных интересов — диапазон выражаемых смыслов зависит от «масштаба» интересов.

Орлова Галина Викторовна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

К вопросу о трансформации фразеологических единиц в заголовках современных СМИ

1. Заголовок как сильная позиция текста, как особый текстовый маркер представляет собой его авангардную смысловую доминанту, участвующую в привлечении читательского интереса и выполняющую, таким образом, контактоустанавливающую и воздействующую функции.
2. В последние годы наблюдается разнообразие заголовков: именные (*Недодума, Нерабочий класс, Косвенноязычие и др.*), глагольные (*Возжелай своего, Выбрали не ту, Книги не пахнут, Рубль не плавает, а тонет и др.*).
3. Наиболее актуальным и эффективным способом создания смыслоемкого заголовка является привлечение прецедентных феноменов и фразеологических единиц с дальнейшей их трансформацией: *Кнут без пряника,*

У Роснефти все течет и ничего не меняется, Легенда без номера, В чем сила, брак? Деньги играют футболом и др.

4. Фразеологические единицы связаны с когнитивной базой языка, отражают национальный менталитет, это позволяет читателям адекватно интерпретировать авторский замысел. Трансформация фразеологизмов представляет собой языковую игру, направленную на создание комического эффекта и, тем самым, на интенсификацию восприятия текста читателем: *Плюшевые мишки в ежовых рукавицах, Язык до Токио доведет, Один в поле волен, Блин не комом, Пролезть через окно в Европу* и др.
5. Новое осмысление фразеологических единиц в синхронном взаимодействии современного языка и культуры способствует обновлению и расширению фоновых знаний студентов в аспекте изучения РКИ.

Осипова Александра Анатольевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Публицистический арсенал коммунистической партии Российской Федерации: классика и современность

В современной России сложилась многопартийная система, при которой реальной властью обладает, тем не менее, только одна — доминирующая — партия «Единая Россия». В РФ зарегистрировано около 80 политических партий, часть которых практически неизвестна широкой общественности. Одной из самых авторитетных является официально зарегистрированная левая политическая партия — КПРФ. Это одна из трех партий, участвовавших во всех выборах депутатов Государственной думы ФС РФ. Позиционирует себя как прямого наследника КПСС.

Как известно, одним из мощных оперативных средств идеологической борьбы, способным одновременно влиять на большие массы людей, всегда были различные агитационные тексты — лозунги, призывы, девизы. Это один из актуальных жанров политической речи.

Продолжая традиции Компартии СССР, КПРФ переняла и использует весь ее лозунговый арсенал, что, в отличие от других партий, значительно облегчило ей выбор публицистических средств. В своих идеологических памфлетах КПРФ активно развивает идеи Ленина-Сталина: *Его* [Ленина] *гениальность как агитатора и пропагандиста заключается в том, что он предложил всего пять лозунгов:* ***«Мир — народам!», «Хлеб — голодным!», «Земля — крестьянам!», «Заводы — рабочим!», «Власть — Советам!»****. И страна, обезумевшая от войны, услышала его*; ***Учиться у Сталина!*** (название статьи); *В. И. Ленин писал:* ***«Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем… Мы всегда будем партией молодежи передового класса!»****.*

Сами коммунисты постоянно говорят о том, что в политической борьбе нужны действенные лозунги. Тем не менее зачастую за основу представи-

тели партии берут исходный советский лозунг и немного корректируют его под современную действительность, ср.: *Продолжить дело Ленина, Сталина и Зюганова!*; *Мы партия трудового народа, партия рабочего класса и партия сознательного молодежного авангарда!* Лозунги и призывы, рожденные непосредственно КПРФ, выглядят следующим образом: *Программу КПРФ — в жизнь!*; *Даешь Правительство Народного Доверия!*; *Даёшь честные выборы!*; *Нет росту цен и тарифов!*; *Здоровье нации за деньги не купишь!*; *ВТО — удавка для народа!*; *Человеку труда — достойную жизнь!*; *Богатства олигархов — на службу народу!*; *Даешь национализацию стратегических отраслей экономики!*; *Тарифы на «коммуналку» — под жесткий контроль народа!*; *Пенсионерам — уважение и достойную старость!* Уготована ли подобным единицам долгая жизнь в языке — покажет время.

Павлова Людмила Панасовна,
к. филос. н., преподаватель, курсы иностранных языков «Мегаполис» (Москва)

Функционирование нидерландских фразеологических единиц в современном публицистическом дискурсе

Использование нидерландских фразеологических единиц в современном публицистическом дискурсе зависит от жанра публикации. Большое количество идиом зафиксировано в статьях аналитического характера, в комментариях, при фактически полном их отсутствии в информационных текстах. Часто можно наблюдать использование примерно одних и тех же ФЕ разными авторами. Хотя эти единицы зафиксированы во фразеологическом словаре, они уже не несут большой эмоциональной нагрузки и могут рассматриваться как нейтральные. По количеству фразеологических единиц особо следует выделить спортивные репортажи (например, о состоявшемся футбольном матче) и политические комментарии о событиях в мире. Первую группу названных текстов отличает большое разнообразие использованных идиом. Они могут иметь и положительное, и отрицательное значение. В статьях о России использованы идиомы, имеющие негативное значение. Фразеологические единицы в заголовках газетных и журнальных статей выполняют двоякую функцию. Они использованы не только для привлечения внимания читателей, также они помогают сразу определить отношение автора к описываемым событиям. Именно идиомы в заголовках чаще всего подвергаются трансформации в своем лексическом составе. Подобное использование придает им новый смысл. Появляются фразеологические неологизмы. Использование фразеологизмов в телевизионных репортажах имеет те же самые тенденции, которые уже отмечены для печатных изданий. В них идиомы усиливают смысл высказывания, и поэтому эмоциональное влияние на слушателей возрастает. Выбор «эмоционально сильных» идиом в нидерландских масс-медиа также зависит от индивидуальных предпочтений автора и задач, которые он перед собою ставит. Например, выступления по определенной проблематике могут носить нейтральный характер, при этом идиомы в них будут отсутствовать, или эмоционально-окрашенный. В последнем случае количество употребляемых идиом может быть очень значительным.

Петрушевская Юлия Анатольевна,
старший преподаватель, Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова (Беларусь)

Запазычаныя і ўласна беларускія парэміялагічныя адзінкі ў публіцыстычных тэкстах

Нацыянальныя (уласна беларускія) і ўніверсальныя (запазычаныя з іншых моў) парэміялагічныя адзінкі ў тэкстах беларускамоўных СМІ маюць істотна адрозную ўдзельную вагу.

У тэкстах інфармацыйнага зместу пераважае ўніверсальны кампанент, на долю якога прыходзіцца больш за 75% парэміялагічных адзінак. Нацыянальны кампанент складаецца ў асноўным з нацыянальна-культурна маркіраваных варыянтаў універсальных парэмій.

У тэкстах публіцыстычнага зместу нацыянальныя (уласна беларускія) і ўніверсальныя (запазычаныя з іншых моў) парэміялагічныя адзінкі адрозніваюцца значна менш істотна, чым у тэкстах інфармацыйнага зместу. Пераважае таксама ўніверсальны кампанент, удзельная вага якога складае каля 55% парэміялагічных адзінак. Нацыянальны кампанент складаецца амаль пароўну з нацыянальна-культурна дэтэрмінаваных прыказкавых адзінак і з нацыянальна-культурна маркіраваных варыянтаў універсальных парэміялагічных адзінак.

У тэкстах СМІ ўласна ўніверсальны кампанент беларускай парэміялогіі меншы за ўласна нацыянальны кампанент (прыкладна ў 2 разы), за кошт вялікай прадуктыўнасці ў парэміялагічнай сістэме сучаснай беларускай мовы нацыянальна-культурна маркіраваных варыянтаў і нацыянальна-культурна дэтэрмінаваных структурных і семантычных разнавіднасцей, уласцівасцей і элементаў універсальных парэмій, што сведчыць аб вельмі высокай ступені нацыянальна-культурнай абумоўленасці парэміялагічнага фонду беларускай мовы.

Позднякова Наталья Викторовна,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Роль советских плакатов в современной коммуникации

Визуальные средства занимают видное место в различных сферах современной коммуникации. Наибольшей суггестивной силой среди них обладает плакат, который признается учеными как самостоятельный тип текста, представляющий собой единство вербальной и иконической составляющих и функционирующий в рамках массовой коммуникации.

Главная функция плаката — его воздействие на широкие массы: он может обращаться ко всем сразу или к каждому в отдельности, но отдельный плакат ориентирован на конкретную общественную группу и предполагает определенную реакцию у всех ее членов.

Требования к средствам наглядной пропаганды — убедительность, доступность, мобилизационный заряд — коснулись и плакатного слова,

которое является ключом для интерпретации плаката. Текст политического плаката является коммуникативно направленной структурой, организованной по законам политической коммуникации и направленной на эффектное идеологическое воздействие, поэтому его язык должен быть известен и понятен каждому. Однако успешность плаката напрямую зависит от языкового таланта автора, который способен через тропы, остроумные сравнения, яркие метафоры выразить тривиальные посылы.

Советские агитационные плакаты нередко используются в современной коммуникации, в т. ч. политической, главным образом для усиления эмоционального воздействия, которое обусловлено в первую очередь узнаваемостью визуального образа и его счастливо сложившейся судьбой. Как показывает проведенная нами выборка плакатов, активно используемых в интернет-пространстве, самыми популярными, часто подвергающимися трансформации, являются плакаты «Ты записался добровольцем?», «Родина-мать зовет!», «Не болтай!». Дело в том, что воздействующая функция данных плакатов достигается непосредственным обращением к адресату обобщенного образа, «архетипа», а использованный прием метонимии позволяет абстрагироваться от индивидуальных черт персонажа. Сферы использования плакатов очень различны: в коммерческой, в социальной рекламе, в религиозной и политической сферах, отражающих перерастание национальных конфликтов в международные военные столкновения. Содержание плакатов подвергается разнообразным изменениям: трансформируется или сам центральный образ, или надпись на плакате, или же в изображение привносится дополнительная атрибутика (в т. ч. за счет цвета), отражающая ту или иную сферу употребления визуального средства. Однако трансформированные варианты не достигают той суггестивной силы, на которую рассчитывают их «авторы», потому что не соблюдается главный принцип эффективности — синхронный эстетический код, позволяющий правильно декодировать содержание сообщения.

Рязановский Лев Михайлович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о роли фразеологических единиц в отражении актуальных проблем в российской и немецкой прессе

- Применение ФЕ в периодической печати имеет конкретную специфику, которая заключается в наличии разнообразных функций, выполняемых устойчивыми словосочетаниями. Для них, в первую очередь, свойственна эмоционально-экспрессивная оценочность, которая и используется в современных газетных текстах.
- Имеется большое разнообразие приемов и способов введения ФЕ в контекст и форм их взаимодействия. Наш материал показал два основных типа: а) лексико-семантический (без трансформации структуры): при помощи вводных слов, в функции смыслового стержня, позиционное включение (в начале или в конце контекста); б) структурно-семанти-

ческий (со структурными изменениями). Считается, что 70 % ФЕ употребляются в трансформированном виде.

- Трансформация ФЕ является способом реализации газетной экспрессии, где используется конфликт между привычной и трансформированной формой. Трансформация ФЕ — это также воплощение сочетания экспрессии и стандарта (В. Г. Костомаров). Выделяется структурная и семантическая трансформация. Среди способов первой мы видим различные типы приема замены компонентов, а также распространение и усечение компонентного состава.
- Основным семантическим приемом, широко используемым в газетных текстах, является двойная актуализация, при которой фразеологическое значение и значение переменного сочетания проявляются одновременно, вступают в противоречие, и чем сильнее будет напряжение между этими значениями, тем сильнее экспрессия.
- В макротексте ФЕ могут служить стержнем для создания развернутого газетного микрообраза.
- В заголовке, который является типичной позицией для ФЕ, она часто выступает как композиционно-стилистическое средство. Как правило, сам заголовочный фразеологизм или его расшифровка встречаются в том же тексте.
- Поскольку ФЕ часто является не только экспрессивным, но и смысловым стержнем текста, то только по фразеологизмам, например, авторской политической статьи иногда можно проследить все главные события. Так, в немецком комментарии по поводу миграционной политики канцлера преобладает «военная фразеология», русские же ФЕ говорят о пассивности немецких властей. Оценочность русских и немецких ФЕ при освещении одних и тех же событий часто бывает прямо противоположной.
- В русских текстах, в отличие от немецких, часто употребляются крылатые цитаты из фильмов, песен и литературных произведений.

Савенкова Людмила Борисовна,
д. ф. н., профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Экспрессивно-стилистическая организация пословицы как способ акцентуации ее смысла

Поскольку пословиц и поговорки заключают в себе дидактический потенциал, особую значимость приобретает исследование тех из них, которые активно используются в современной русской речи. В качестве источника материала следует предпочесть словарь, который создавался в последней трети XX в. и отразил не все богатство русских паремий, а лишь наиболее употребительную их часть (единицы, зафиксированные в художественной литературе и публицистике XX–XXI вв.). Таким словарем может считаться «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова. Русские пословицы — единицы, всегда создаваемые с использованием разнообразных стилистических фигур. Поскольку они стремятся к наглядности, а достичь ее можно путем проведения аналогии или выявления связей между реали-

ями, наиболее активными структурообразующими стилистическими механизмами порождения пословичных смыслов оказываются метафоризация (в материале — свыше 47 %) и метонимизация (свыше 25 % единиц). Значительно уступают им количественно паремии, основанные на сравнении (около 10 %), антитезе (приблизительно 6 %). Есть и примеры обращения к олицетворению, гиперболе. Своеобразным маркером востребованности паремий может служить Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Особый интерес представляет Корпус современных СМИ. Не менее десятой части паремий из словаря В. П. Жукова вообще не фиксируется в НКРЯ. Лишь около половины исследованных единиц встречается в Газетном корпусе НКРЯ. При этом наиболее активны метонимические (более 50 %) и метафорические (45 %) структуры. На снижение активности паремии влияет не только степень осознания или отрицания ценности, значимости той или иной реалии или актуальности того или иного явления (неактуально: *Будет твоя душа в раю, помяни и мою*; актуально: *Рад бы в рай, да грехи не пускают*), но и характер образа, ложащегося в ее основу (и соответственно — степень известности слов, входящих в состав изречения, иногда — их семантическая трансформация, ср.: *Вощина* — не соты, *голдовня*/болтовня не толк; Бог *труды* любит; в случаях приближения облика пословицы к собственно фразеологическому затемненность внутренней формы может игнорироваться, ср. *Дешево и сердито*). На сохранение активности в газетно-публицистических текстах влияют грамматические способы реализации смысла, степень компактности самих изречений (ср.: *До свадьбы заживет*), даже если это снижет степень прозрачности переосмысления (используется: *Знай наших*, *Всё едино*; не используется *Знай наших, поминай своих*; *Все едино, что хлеб, что мякина*). Стремление к лаконичности вкупе с изменением системы ценностей может приводить к изменению структурообразующей стилистической фигуры (ср.: *Вольному воля, спасенному рай* (сопоставление, синтаксический параллелизм; морфемный повтор) → *Вольному воля* (морфемный повтор)).

Савченко Александр Викторович,
к. ф. н., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Тайваньская жизненная философия в «кулинарно-фразеологическом» зеркале (со славянскими параллелями)

Фразеология отражает не только языковые, но и культурные, исторические, философские особенности нации. Метафорической основой фразеологизмов, как правило, являются привычные окружающие нас предметы и явления. Одними из продуктивных фразеологических метафор являются метафоры, имеющие «кулинарную» основу, т. е. связанные с образами кулинарных блюд, продуктами питания, а также овощи, фрукты, прочие съедобные «ингредиенты». Метафоры, идиомы, связанные с едой, в силу своей значимости в развитии и жизнедеятельности человека, являются одним из базовых кодов культуры. В докладе рассматриваются наиболее

распространенные и актуальные для языка средств массовой информации и повседневного общения китайские идиомы (в т. ч. специфические тайваньские) на фоне идиоматических параллелей в славянских языках.

Семененко Наталия Николаевна,
д. ф. н., профессор, Белгородский государственный университет

Дискурсивная интенция как фактор паремического смыслообразования в современном публицистическом дискурсе

Публицистический дискурс является чрезвычайно продуктивной областью для выявления актуальных в современном русском языке механизмов смыслообразования. Использование в публицистических текстах знаков косвенно-производной номинации является стабильной стилистической характеристикой, выраженной независимо от нюансов авторского идиостиля и конкретных реализуемых в тексте прагматических задач, поскольку вторичное знакообразование изначально характеризуется определенной «открытостью семантического контура» единицы, вследствие чего окончательное выражение прагматической рекомендации возможно лишь в условиях воздействия определенной дискурсивной интенции. Под дискурсивной интенцией понимается определенная когнитивно-дискурсивная ситуация (фрейм), в условиях которой и реализуется исходная когнитивная модель фразеологизма или паремии в соответствие с прагматически установленным сценарием, базовые событийные ориентиры которого и определяют векторы смыслообразования и основные конфигурации когнитивной интеграции исходного фразеологического/афористического значения единицы и ведущих топиков дискурса. Описание дискурсивного фактора смыслообразования при рассмотрении авторских текстов публицистического дискурса информационно-аналитического проекта «Однако» учитывает жанровые и идиостилистические нюансы конструирования текста с использованием фразео- и паремических аллюзий различного рода. При этом выделяются основные модели реализации прецедентного семантического основания фразеологизмов и паремий в условиях дискурсивной интенции текстов — представителей основного жанрового спектра выбранного интернет-портала. Например, в статье Дмитрия Лекуха «Принуждение к турко-замещению» несколько раз используется неофразема «невидимая рука рынка», восходящая к авторской метафоре известного экономиста Адама Смита. В контексте общественно-политического и общественно-экономического дискурса последних лет данное выражение обретает идиоматическое значение «что-то негативно воздействующее на благосостояние человека и его жизнь в целом в силу никому не понятных, но многозначительно выдаваемых за объективно-рыночные причин». При этом использование данного выражения встречается со смысловыми модуляциям в условиях конкретных текстов от «губительный экономический кризис», до «происки спецслужб». В рассматриваемой статье исходная когнитивная модель фразеологизма, основанная на фрейме «Объективные рыночные условия»

с доминирующим концептом «Саморегуляция», вступает в интегративное взаимодействие с фреймом дискурсивной интенции «Чужие/иностранные интересы» при доминировании концепта «Упущенная выгода», в результате чего рождается смысл «происки иностранных конкурентов», являющийся центральным в рассматриваемой публикации.

У Шу-Хуа,
к. ф. н., профессор, Университет Кун Шан (Тайвань)

Слова «яйцо» и «яичница» в китайской культуре и во фразеологизмах

Язык является ярким отражением характера, мировоззрения и культуры народа. Поэтому иностранец, изучающий иностранные языки, должен иметь знания также и в разных областях культуры. Общаясь в процессе трудовой деятельности и в быту, люди через речь выражают свое отношение к происходящему и к собеседнику. Таким образом, язык и речь взаимосвязаны с культурой народа. Язык, будучи основой и продуктом культуры, отражает ментальность этноса, национальную картину мира и национально-культурные стереотипы и фразеологизмы. В данном докладе будет рассмотрена семантика фразеологизмов со словами «яйцо» и «яичница» в китайском языке. Фразеологизмы, как и отдельные слова, обладают единым, целостным значением. Некоторые ученые называют его «лексическим», подчеркивая сходство фразеологизма и отдельного слова А. И. Молотков предлагает употреблять термин «фразеологическое значение», т. к., по его мнению, значение фразеологизма имеет несколько иную природу, чем значение отдельного слова. Анализируя семантику фразеологизмов, мы будем опираться на точку зрения академика В. В. Виноградова, который считал, что лексические значения слов, из которых состоит фразеологизм, в той или иной степени проявляются в его семантике. Национально-культурное содержание лексики и фразеологизмы играют важную роль в прикладном языкознании, особенно в практике преподавания иностранных языков. Изучение фоновых знаний и значений ФЕ, объективных способов выделения культурного компонента значения является важной задачей и преподавателей, и учащихся.

Литература:

1. Большой практический фразеологический словарь китайского языка Юен-Лё. Тайбэй, 2004.
2. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977.
3. Китайский толковый словарь Юен-Тон, Чжан Бэй-Хай. Тайбэй, 1999.
4. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
5. Ма Гоу-Фан Чэнъюй. Монголия, 1998.
6. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1987.
7. *Семенас А. Л.* Лексикология современного китайского языка. М., 1992.

Федорова Людмила Львовна,
к. ф. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

«Три источника и три составные части» фразеологического арсенала современных масс-медиа

Язык современных масс-медиа подпитывается фразеологией по крайней мере из трех основных источников: это классика (крылатые фразы, цитаты классической литературы), штампы советского времени, современный сленг. Каждая из этих составных частей, в свою очередь не однородна и опирается на свои источники. Один из примеров использования классических крылатых выражений — «*унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла*». Эта цитата используется как в виде готовой формулы, так и в отсылке к ее персонажу, с которым в определенной ситуации сравнивается герой текста (*я не унтер-офицерская вдова и покупать сам себе розги не обязан*). Основной тон использования — иронически сниженный, способ обыгрывания может сам представлять собой фразеологический ход («*беспомощность нашего чемпиона в Лиссабоне, инициированная составителями календаря* (*еще один привет от унтер-офицерской вдовы!*») То же относится и к другим примерам, в которых прозрачны аллюзии (*Навальный, который под богом ходит…*). Как правило, они отталкиваются от готовой формулы (*Все под богом ходим*) и преобразуют ее, сохраняя импликатуры. Штампы и цитаты советского времени также обыгрываются иронически (*Джинсы, кроссовки, дубленка — вот они, три источника и три составные части счастья советского человека*). Примеры современного сленга показывают обыгрывание различных ситуаций на базе исходного идиоматического образа (*кусок пирога: получить, откусить, урвать, отрезать, борьба за, право на*, и т. д.), складывание новых формул (*замутить тему, скандал, драку, кашу, автопробег, акцию, провокацию* и т. д.), а также использование готовых формул (с «одесским акцентом»: «*Вы будете смеяться, но…*»). Хотя фразеология СМИ использует и профессиональную лексику, и английские заимствования, и литературные цитаты, общий стилистический тон, как правило, разговорно-сниженный. В докладе предполагается также исследовать разные языковые формы стереотипных суждений, по Е. Барминьскому, — топики, формулы, идиомы, — на которые опирается фразеология современных СМИ. Анализ производится на основе текстов Юлии Латыниной («Код доступа») и газетного подкорпуса НКРЯ.

Финк Арсовски Желька,
д. ф. н., профессор, Загребский университет (Хорватия)

О фразеосхемах в заглавиях хорватского публицистического дискурса

В течение последних десятилетий заглавие привлекает серьезное внимание исследователей, как лингвистов, так и теоретиков художественной литературы. Все подчеркивают уникальное положение заглавия в тексте, причем именно из него исходит многообразие его функций. Большинство исследователей выделяет пять основных функций заглавия: номинативную,

информативную и коммуникативную, разделительную, экспрессивно-апеллятивную и рекламную.

Надо напомнить, что рекламная функция заглавия, особенно когда речь идет о периодической прессе, является весьма важной. Заглавие должно быть составлено таким образом, что оно могло бы, во-первых, привлечь внимание читателя, а во-вторых, информировать его об основной мысли, изложенной в статье. Или, по словам хорватского лингвиста Йосипа Силича, заглавие, между прочим, и есть элемент, отличающий публицистический стиль от остальных функциональных стилей; от заглавий во многом зависит, будут ли вообще покупать газеты и журналы. Поэтому они составляются таким образом, чтобы привлечь внимание потенциального покупателя прессы. Когда Марина Катнич-Бакаршич пишет о сильной позиции текста, она на первом месте упоминает именно заглавие.

В данной работе анализируются заглавия в хорватской периодической прессе, в которых употребляются разные типы устойчивых выражений, причем, как известно, в части заглавий они остаются в своем оригинальном виде, в то время как в части до определенной степени меняется форма и лексический состав.

В работе особое внимание уделяется двум известнейшим крылатым выражениям, иногда встречающимся в заглавиях хорватского публицистического дискурса: *Mislim dakle jesam (postojim)* (*Cogito ergo sum*; *Я мыслю — следовательно, существую*) и *Dođoh, vidjeh, pobijedih* (*Veni, vidi, vici*; *Пришел, увидел, победил*). Гораздо чаще они появляются в трансформированном виде, причем иногда меняется только часть глаголов, а оставшиеся глаголы ясно связывают трансформированное выражение с оригиналом. Особенно интересным является случай, когда в заглавии не остается ни одного глагола из оригинального выражения, и тогда крылатое выражение узнается только из самой структуры и из глагольной формы.

На основе таких измененных форм крылатых выражений можно говорить об уже сформированных фразеосхемах, которые в зависимости от содержания текста пополняются разными глаголами в определенной форме. В работе будут представлены разные фразеосхемы, которые реализуются в заглавиях. Помимо этого, рассматривается и связь такого заглавия с содержанием текста, следующего за ним, т. е. соответствует ли такая форма заглавия содержанию текста или трансформация была осуществлена только из-за того, чтобы заглавие было эффектным и привлекало внимание читателя.

Хруненкова Анна Валентиновна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности функционирования русских трансформированных паремий с компонентом «дружба» в современном публицистическом тексте

Современная публицистическая речь, отражающая различные сферы жизни общества, характеризуется наличием большого количества прецедентных текстов, служащих, с одной стороны, для привлечения внимания читателя к материалу, а с другой — для выражения авторской позиции

журналиста, влияющей на формирование у адресата определенного настроя в ходе чтения текста. Язык СМИ — это живая и постоянно развивающаяся система, требующая от журналиста речетворчества, к которому относится, например, языковая игра, часто используемая в публицистическом тексте. Одним из наиболее распространенных способов языковой игры в СМИ является трансформация паремий с целью переосмысления ситуации, представленной в исходном тексте пословицы или поговорки. На наш взгляд, паремии являются своеобразным регулятором поведения человека, его мировосприятия и миропонимания. Известно, что паремии не создаются в каждый конкретный момент речи, а воспроизводятся в готовом виде. Адресат знает набор лексических единиц, входящих в состав паремии, и их последовательность. Таким образом, устойчивое расположение компонентов усиливает ожидание появления компонентов в определенном порядке, т. е. наличие одной лексической единицы предсказывает появление другого компонента. Нарушение ассоциативного прогноза, при котором происходит трансформация устойчивого выражения, проявляющаяся в усечении, добавлении или замене компонента или нескольких компонентов, способствует рождению новых смыслов. Трансформированные паремии отражают ценности и реалии сегодняшнего дня, дают возможность увидеть, что значимо в данный период для представителей русской лингвокультуры. Отметим, что появление большого количества трансформаций приходится на период экономической и политической нестабильности в стране, спортивных достижений или неудач, событий в области культуры, что находит свое отражение в использовании паремиологических единиц, подвергшихся переосмыслению и трансформации с целью привлечения внимания читателя. В данной статье речь идет о лексических и синтаксических способах индивидуально-авторской интерпретации исходной паремии. Материалом для анализа послужили 57 пословиц и их варианты с компонентом *дружба*, отобранные из Большого словаря русских пословиц В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и Е. К. Николаевой (М.: ОлмаМедиа Групп, 2010). По материалам Национального корпуса русского языка (Газетный корпус) пословицы *дружба дружбой, а служба службой; дружба дружбой, а табачок — врозь* способствовали появлению трансформов. Анализ современных трансформов в публицистическом тексте позволяет получить представление об актуальности различных процессов в обществе в области спорта, политики, экономики, городских мероприятий.

Шестернёва Анастасия Николаевна,
преподаватель, Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова (Беларусь)

Семантические типы фразеологизмов в российских, британских и французских СМИ (сравнительный анализ)

Рассматриваются в сравнительно-типологическом плане семантические типы фразеологических единиц в российских, английских, британских и французских СМИ (на материале интернет-версий газет на русском, английском и французском языках).

Шинделаржова Яромира,
Ph. D., профессор,
Университет Яна Эвангелиста Пуркине (Усти-над-Лабем, Чехия)

Фразеология библейского происхождения в современных средствах массовой информации в чешской среде

Очевидно, что значимые процессы глобализации и интернационализации, происходящие в Европе, отражаются и на динамике фразем библейского происхождения в языке современных чешских масс-медиа. Именно они и определяют специфику национальной адаптации библеизмов и их фразеологизацию и паремиологизацию в чешской языковой системе и чешской среде. На конкретных примерах покажем, как чешский язык по-своему адаптировал и даже «национализировал» некоторые библейские слова и выражения, что сделало их в немалой степени и собственным языковым достоянием в языке современных чешских масс-медиа. Попытаемся выявить расхождения, обусловленные различными конфессиональными интерпретациями Священного Писания, спецификой переводческой традиции в чешской среде и особенностями образного и языкового восприятия библеизмов. Проблема функционирования и реального употребления библеизмов в современном речевом узусе и СМИ в чешской среде решается разными средствами. Точная паспортизация конкретного библейского источника, попытка стилистической квалификации материала, развернутая дефиниция и, наконец, контекстная иллюстрация к языковой единице дает не только синтетическую характеристику библеизмов, но позволяет имплицитно охарактеризовать общие и национально специфические их особенности. Во многом эти особенности определяют и типологию чисто лингвистических особенностей некоторых библеизмов в языке современных чешских масс-медиа. Количественное и качественное соотношение этих типов различно и зависит от языковых и экстралингвистических факторов. К основным типам библеизмов по их отношению к тексту источника в чешском языке современных масс-медиа принадлежат:

1) слово и выражение употребляется в Библии в прямом значении, а в публицистических текстах — в переносном;
2) слово и выражение в Библии употребляется в прямом и в переносном значениях;
3) в Библии слова и выражения не представлены как устойчивые языковые единицы, они приобретают статус библеизмов лишь в позднейшем публицистическом употреблении;
4) слова и выражения представлены как устойчивые языковые единицы как в Библии, так и в публицистическом употреблении.

Демонстрируя мощный общечеловеческий и собственно национальный культурологический и языковой потенциал, жизнь библеизмов в чешском языке и в языке современных чешских масс-медиа убедительно свидетельствует о нетленности духа и буквы Книги книг, о ее непреходящем влиянии на процесс объединения различных культур и языков.

Шулежкова Светлана Григорьевна,
д. ф. н., профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Лозунги как публицистическое средство современных российских СМИ. Их тематика и истоки

Российская публицистика, наиболее активно проявляющаяся в средствах массовой коммуникации, несмотря на кардинальные изменения, происшедшие в политической, экономической и социальной жизни страны, складывалась под непосредственным влиянием публицистики советской эпохи. Это влияние могло выражаться и как полное неприятие прежних идеологических установок через ёрническое обыгрывание лозунгов и девизов социалистического содержания, и как приспособление советских публицистических средств или их моделей к новым реалиям России.

Лозунговый корпус СССР, в условиях господства коммунистической идеологии обеспечивавшийся однопартийной системой и жесткой государственной цензурой, отразил накал классовых столкновений первых десятилетий XX в., трагические события периода Гражданской войны, трудовой энтузиазм пятилеток, героизм Красной Армии и всего советского народа в годы Великой Отечественной войны, самоотверженный труд граждан страны Советов, поднимавших из руин разрушенные фашистами города и села.

Современные политологи и лингвисты нередко называют язык советской эпохи, и прежде всего публицистику сталинского времени, тоталитарным. Характерными чертами тоталитарного дискурса принято считать «централизацию пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизацию всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям <…> ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогическими формами коммуникации, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем» [Чудинов, 2012: 12–13]. Эти свойства, несомненно, принадлежали и языку советской публицистики. Однако было бы ошибочным ставить знак равенства между ним и тоталитарным языком публицистики фашистской Германии, как это пытаются делать некоторые исследователи. Несмотря на сходство применявшихся технологий, публицистика даже сталинской эпохи резко отличалась от публицистики геббельсовского типа, которая процветала во времена Гитлера. И главное отличие советской публицистики от публицистики фашистской кроется в их кардинально противоположном содержании: человеконенавистнической идеологии нацистов в СССР была противопоставлена коммунистическая идеология, поддержанная подавляющей частью населения.

Современные лозунги, прославляющие равенство, братство народов, коллективизм, стремление к миру, самоотверженный труд, любовь к Отчизне, жертвенность, унаследованы современной публицистикой из советского прошлого.

Литература:

1. *Воротников Ю. Л.* Русская литература и русский язык на рубеже веков // Вестник РАН. Т. 72. 2002. С. 771–778.
2. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 256 с.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гаш Агнешка,
к. ф. н., ассистент, Силезский университет (Катовице, Польша)

Экспрессивные номинации в семантическом поле глаголов еды (на материале русского и польского языков)

До настоящего времени глаголам физиологического действия, обозначающим акт приема пищи, лингвисты уделяли относительно мало внимания. Глаголы еды образуют обширный и разнообразный класс (семантическое поле), в рамках которого можно выделить как нейтральные, так и экспрессивные единицы. Ядро поля (центр) составляют элементы, в силу своей нейтральности, однозначности и большой частотности концентрирующие в себе максимальный набор полеобразующих признаков. К периферии поля относятся, в свою очередь, языковые единицы с неполным набором этих признаков. Периферийная лексика обладает нечетко выраженными признаками поля из-за того, что она менее однозначна и более индивидуальна. Как правило, периферийные единицы являются экспрессивными (стилистически маркированными) образованиями. Поэтому они труднее поддаются выделению и систематизации. Настоящий доклад представляет собой попытку охарактеризовать экспрессивную лексику в семантическом поле глаголов еды в русском и польском языках. Материал для анализа был почерпнут методом сплошной выборки из русских и польских словарей синонимов, а также из словарей разговорной и ненормативной лексики. Отбору подвергались русские и польские глаголы, содержащие в своем значении общий семантический компонент ‘есть’ // ‘jeść’.

Сопоставительный анализ собранного русского и польского языкового материала позволил обнаружить некоторые закономерности в отношении способов образования и путей пополнения поля глаголов еды экспрессивной лексикой. Первую группу экспрессивных глаголов составляют синонимы центральных единиц поля (околоядерная зона), ср., к примеру: *есть — жрать*, *поедать — пожирать*, *наедаться — нажираться*, *объедаться — обжираться*, *объедать — обжирать // jeść — żreć*, *objadać1 — obżerać1*, *podjadać — podżerać*, *objadać się — obżerać się*, *przejadać się — przeżerać się*, *objadać2 — obżerać2*. Вторую группу образуют метафорические номинации (дальняя периферия), ср. например: *есть — лупить*, *молотить*, *наворачивать*, *рубать*, *трескать*, *убирать*, *уминать*, *уничтожать*, *уплетать… // jeść — ładować*, *młócić*, *sprzątać*, *śrutować*, *wciągać*, *wcinać*, *wdupiać*, *wpieprzać*, *wsuwać*, *wtranżalać…*

В ходе анализа описываются важнейшие семантические и стилистические особенности русских и польских экспрессивных глаголов еды с учетом наиболее существенных межъязыковых сходств и различий.

Захаров Виктор Павлович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Леонтий Васильевич Копецкий: жизнь в науке

Л. В. Копецкий окончил Харьковскую семинарию, учился в Санкт-Петербургском и Харьковском университетах, но закончить учебу не успел. В 1919 г. он уже служит в Белой армии в знаменитом Корниловском полку вместе с братом Платоном, с которым они вместе впоследствии окажутся в Чехословакии, где он завершит свое образование в Карловом университете. Прага 1920-х гг. была центром евразийства. Л. Копецкий тоже отдал ему дань и даже написал в 1925 г. работу, посвященную философии К. Леонтьева. В это же время он сблизился с Пражским лингвистическим кружком. Будет показана его переписка с деятелями чехословацкой русской эмиграции, фотографии тех лет. Но главное дело его жизни — лексикография. Начав работу преподавателем, он говорил, что для чехов нужны специализированные учебники русского языка, которые бы использовали близкородственные отношения между двумя языками. Его первые лексикографические работы относятся ко второй половине 1930-х гг. Вершиной деятельности Копецкого можно считать редактирование и издание «Большого русско-чешского словаря» в шести томах (1952–1964). Положительные отзывы о словаре как о значительном явлении двуязычной лексикографии появляются уже после выхода первых его томов. Чешский лингвист Паролек пишет: *«Словарь имеет хороший теоретический и практический уровень. Разработка словарных статей предоставляет материал для понимания тесных связей между лексикой, морфологией и синтаксисом. Также подробно здесь рассматривается русская фразеология и стилистика. Таким образом здесь подготовлена почва для появления словаря нового типа, словаря, в котором каждая словарная статья являлась бы маленькой монографией о слове».* К достижениям Копецкого следует отнести двухтомные чешско-русский и русско-чешский словари (1970-е гг.). Главные особенности словарей — богатейшая синтагматика и исчерпывающая грамматика. Понимание сочетаемости, представленной после «прямоугольника» и «ромба» (фразеология, устойчивые сочетания, пословицы, поговорки, сложные термины), имеет перекличку с современными воззрениями на нее. Для перевода устойчивых сочетаний типа поговорок обычно подбирается соответствующее выражение или поговорка из другого языка. Иногда они похожи: *Делать из мухи слона* — dělat z komára velblouda. Иногда совпадают: *Нашла коса на камень* — přišla kosa na kámen. Но часто без словаря не обойтись, например: *Дуракам закон не писан* — hloupa kůže všechno může; *Быть не удел* — nebýt u vesla; *Мое дело сторона* — já nic, já muzikant; *На безрыбье и рак рыба* — z nouze Franta dobrý. Грамматические таблицы в конце словарей можно назвать формальной моделью русской и чешской морфологии. Укажем только число табличных

парадигм в словарях Копецкого: 262 для существительных и 197 для глаголов! Можно уверенно сказать, что вклад Л. В. Копецкого в лексикографию еще не оценен в полной мере.

Иванова Светлана Сергеевна,
к. ф. н., ассистент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Стратегии интерпретации референциально непрозрачных терминов в польскоязычном философском тексте

Референция — это механизм, позволяющий связывать языковые выражения с экстралингвистическими предметами, событиями, фактами (Е. В. Падучева). В том случае, когда референт эмпирически непознаваем, создается ситуация референциальной неопределенности («непрозрачности») языкового знака. У таких знаков границы семантического пространства незамкнуты; их значения неопределенны, неверифицируемы.

К числу референциально неопределенных относятся термины философского дискурса, которые именуют сущностные основания мира, например, *Абсолют*, *Ничто*, *Бог*, *вечность, добро* и др.

Предметом нашего внимания являются стратегии интерпретации референциально непрозрачных терминов в философских текстах. Материалом исследования нам послужат польскоязычные философские тексты «Horror metaphysicus» Лешека Колаковского и «Kwintet metafizyczny» Барбары Скарги.

Определить рамки семантического пространства философского термина позволяет метафора. Она «визуализирует» абстрактное понятие. Например: «*…zło nie posiada stopniowalności, żadnej hierarchii, żadnych nasileń mocy, pozostaje zawsze sobą samym, jedno i to samo, lecz jednocześnie potrafi rozprysnąć się jak granat na raniące odłamki nędzy, bólu, rozpaczy, utraty złudzień i nadziei, wreszcie śmierci*». Метафора отчасти преодолевает референциальную неопределенность термина.

Поскольку в философском тексте всегда представлена *система* терминов, то семантика любого из них описывается в связи с другими элементами системы. Например, в тексте Колаковского *Единое* интерпретируется посредством терминов *любовь*, *добро:* «*Jednia jest dobrocią samą, miłością, a także miejscem, do którego pragniemy powrócić…* При этом в ряде случаев возникает логический круг в определении: *czas to jest czas…*».

В текстах Колаковского и Скарги философский термин может интерпретироваться с помощью интертекстуальных отсылок: «*Tak prorocze, jak i dydaktyczne księgi Starego Testamentu raz za razem utożsamiają mądrość z pobożnością, prawością, posłuszeństwem i pokorą*».

Интерпретация философских терминов в указанных текстах так или иначе носит вероятностный характер. Можно говорить о том, что язык философии принадлежит к числу «мягких» (В. Налимов), семантически неопределенных языков культуры.

Игнатьева Наталья Дмитриевна,
аспирант, Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург)

Русско-чешская интерференция на материале учебного корпуса чешского языка

Доклад посвящен истории и становлению чешского учебного корпуса. Сравнивается картотека с ошибками студентов-русистов, которую собрали на философском факультете Карлова университета при кафедре русского и украинского языков под руководством доц. М. Затовканюка в 1960-е гг. (было собрано 30 000 карточек), и электронный учебный корпус 2010–2014 гг. (компьютеризированная база данных, представленная текстами изучающих иностранный язык студентов), который содержит материал речи людей, не являющихся носителями чешского языка (*Žákovský korpus / akviziční korpus L2 / learner Corpus*). Данный корпус чешского языка (*Žákovský korpus)* содержит как письменную, так и устную речь на всех уровнях знаний чешского в объеме примерно 2 млн слов. Обновленная версия в 2014 г. (*CzeSL-SGT*) включила в себя больше сведений о респондентах и стала, несомненно, бесценным источником материала для исследования русско-чешской интерференции. Использование материала корпуса дало возможность с большой точностью проводить анализ реализации и функционирования языковых единиц, выявлять общие языковые закономерности, находить различные виды интерферем в области грамматики, лексики, синтаксиса. Благодаря таким критериям отбора материала, как первый язык респондента, продолжительность изучения неродного (чешского) языка, корпус позволил также выявить особенности интерференции на начальном и продвинутом этапах изучения чешского языка именно у носителей русского языка. При введении, например, слова *česky* появятся записи вроде *Díky *jedn**omu** *dobrému klukovi, který mi* **tlumočil česky na rusky**, jsem se zaregistrovala.* В одном предложении мы находим примеры морфологической (*jedn**omu** —* вместо *jednemu*), лексической (***dobrému** klukovi* — вместо *hodnému*), синтаксической интерференций (***tlumočil česky na rusky —*** вместо *tlumočil z češtiny do ruštiny*). Учебный корпус помогает раскрыть все многообразие явления русско-чешской интерференции, ее различные проявления. С другой стороны, наряду с исследованиями по усвоению второго языка, учебные корпуса часто применяются непосредственно в учебном процессе: сопоставление языка учащегося с языком носителя и анализ ошибок в языке учащегося помогает студентам уменьшить разрыв между их интерязыком и изучаемым языком. В докладе мы попытались представить чешский учебный корпус как один из современных и эффективных способов в изучении чешского языка и преодоления интерференции.

Литература:

1. *Šebesta K.* Korpusy češtiny a osvojování jazyka. Studie z aplikované lingvistiky / Studies in Applied Linguistics. roč. 1, č. 2, 11–34, 2010.
2. *Štindlová B.* Žákovský korpus. Budoucnost pro poznávání akvizice cizího jazyka / Minulost, přítomnost a budoucnost v jazyce a v literatuře. Ústí nad Labem 1.–3. 9. 2010.

Капела Эва,
к. ф. н., научный сотрудник, Силезский университет (Катовице, Польша)

Реализация стратегии самопрезентации в высказываниях польских политиков

В эпоху массовой коммуникации демократия представляет собой систему, в которой одной из важнейших составляющих политического капитала является собственный имидж. В связи с этим политический дискурс насыщен высказываниями, цель которых заключается в том, чтобы создать соответствующее реноме говорящего и нередко одновременно подорвать репутацию противника.

Исследователи политического дискурса среди прочих его черт называют театральность (Е. И. Шейгал). Политики — актеры политической сцены, которые, не забывая о «зрительской аудитории», намеренно или непроизвольно стараются произвести впечатление на публику.

Одним из периферийных жанров политического дискурса, представляющим собой своего рода спектакль (разговор для публики), является интервью (и его разновидность — пресс-конференция). Среди глобальных намерений этого жанра следует назвать именно создание имиджа, его модификацию или же его закрепление.

Реализации стратегии самопрезентации (О. С. Иссерс), построению своего «лица» (И. Гоффман), служат различные речевые тактики, осуществляемые специально отобранными языковыми средствами.

В докладе анализируется вербальное поведение важнейших польских политиков, реализующее речевые тактики (по [Иссерс, 2008]), используемые говорящим с целью управления впечатлением о себе:

1) речевое моделирование личности говорящего (например, я — патриот: *Odsunięcie obecnej władzy jest dla mnie patriotycznym obowiązkiem numer jeden. Wszystkie inne sprawy, w takich okolicznościach, stają się wówczas bez znaczenia.* Я. Качиньски);
2) самопрезентация с использованием дихотомии «свои — чужие» (например, *Nasi oponenci polityczni nie potrafią pogodzić się z sukcesem wyborczym mojego ugrupowania. <…> W ostatnich wyborach Polacy postawili na obóz Zjednoczonej Prawicy. A my tworzymy zgraną drużynę. Jesteśmy rządem Prawa i Sprawiedliwości.* Б. Шидло);
3) создание ассоциации имени политика с определенными событиями и процессами (например, *Prawie dokładnie trzydzieści lat minęło od czasu, kiedy współpracowałem z Lechem Wałęsą jeszcze wówczas w podziemnej Solidarności <…> i rozmawialiśmy o tym, że Polska musi wrócić do wspólnoty <…> do tej jasnej strony świata <…> Wiadomo było, że dotyczy to nie tylko interesów, ale także wartości: poszanowania człowieka, instytucji…* Д. Туск).

Макроинтенцией интервьюируемого или выступающего на пресс-конференции политика очень часто является соответствующее позиционирование самого себя (нередко на фоне других). Стоит обратить внимание на то, что стратегия самопрезентации реализуется в рамках более сложных

ситуаций и обусловливается многими факторами (например, характером взаимоотношений участников беседы), среди которых следует отметить оптимизацию воздействия на аудиторию.

Литература:

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Колосова Валерия Борисовна,
к. ф. н., научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Ромашка в славянских диалектах, фольклоре и народной медицине

Ромашка — многолетнее цветковое растение семейства астровых, или сложноцветных (Asteraceae). Она не относится к наиболее мифологизированным растениям славянской традиционной культуры, тем не менее количество диалектных названий этого растения весьма значительно. Они могут быть подразделены на группы в зависимости от мотивации.

Большое число диалектных названий ромашки отражает белый цвет ее лепестков: *белоголов(н)ик*, *белоцвет(ка)*, *белый цветок*, *бельник*, *белюшки*, болг. *бяла рада* и под. Сравнение серединных цветков с головным убором священника или с тонзурой, а его лепестков — с длинными волосами отражено в фитонимах *поп*, *попик*, *попы*, *попки*, *поповка*, *поповник*, болг. *върти-поп*. Обитающие на цветке маленькие жучки — *поповы собаки* — обусловили фитонимы *собачки*; *поп-поп*, *выгони собачку*; *поп-поп, выведи собачку*; *бабушка, выпусти собачек* и соответствующие детские игровые практики с ритмизованными приговорами.

Помимо фитонимов, возникших непосредственно на славянской почве, характерны также заимствования из латыни. Появление слова *ромашка* связано с проникновением на Русь многочисленной средневековой медицинской литературы в виде травников и лечебников. В средневековой латыни соответствующие растения именовались *anthemis romana*, *chamaemelum romanum*. Быстрое усвоение термина было обеспечено популярностью ромашки как медицинского средства. В народной медицине ромашка употребляется для купания детей, от грыжи, против глистов, от простуды, кашля, геморроя, сыпи и многих других болезней.

В разных славяноязычных ареалах семиотизируются различные характерные особенности растения, что позволяет сделать некоторые наблюдения лингвогеографического характера. Так, в белорусских и украинских диалектах подавляющее большинство фитонимов являются производными от латинского термина, с небольшим числом названий, указывающих на медицинское применение. В русских говорах велика доля производных от корней *бел-* и *поп-*. Болгарские названия указывают на произрастание цветка вдоль дорог, а также на использование отвара растения. В сербских встречаются указания на горький вкус растения. В западнославянских язы-

ках частотны фитонимы типа чеш. *heřmánek*, н.-луж. *hermank*, восходящие к немецким фитонимам, которые, в свою очередь, являются искажениями лат. *chamaemela*.

Литература:

1. *Đokić M. R.* Iz srpsko-hrvatske fitonimije (1): *rmanj* // Studia Etymologica Brunensia. 3. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2006. S. 73–85.
2. *Коломієць в. П., Шамота А. М.* Семантична мотивація українських назв рослин // Мовознавство. 1979. № 4. С. 20–25.
3. *Мазуркевіч Л. М.* Назвы рамонку ў беларускіх гаворках // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы. Мінск: Права і эканоміка, 2008. С. 158–160.
4. *Фещенко Н. М.* Я — ромашка, я — простая ромашка... // Рідне слово. Вып. 7. Київ, 1973. С. 36–40.

Кулешова Мария Львовна,

к. ф. н., преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Глаголы *vedeti*, *znati* и *poznati* в современном словенском языке (лексико-типологический аспект)

Так называемые глаголы знания в славянских языках уже становились предметом лингвистических исследований: в частности, материал словенского языка в диахроническом аспекте рассматривался в ряде статей ([Orzhechowska, 1974; Grošelj, 2012] и др.). Новизна настоящей работы заключается в попытке описания функционирования глаголов *vedeti*, *znati*, *poznati* на синхронном уровне путем анализа корпусных данных (*Gigafida*, *Gos*), подробной семантической дифференциации лексем (*знать язык*, *знать наизусть*, *знать дорогу*) и специфики их сочетаемости.

Словенский язык в области глаголов знания оказывается ближе к западнославянским, нежели к южнославянским языкам.

Проведенное исследование показало отсутствие в рассматриваемой лексико-семантической группе доминантного глагола, способного к замещению остальных во всех возможных фреймах. На эту роль претендует *vedeti*, за которым закреплен фрейм ‘знать, владеть информацией’. Данный глагол может употребляться в значении ‘быть способным’ (сфера *znati*), например: «*Vem povedati*», — но не ‘обладать навыками’ (также *znati*) и ‘быть знакомым с кем-либо’ (*poznati*). В корпусе *vedeti* используется в составе несвойственной ему конструкции с аккузативом (*vedeti številko*), однако, как правило, в сочетании с неодушевленными существительными.

Глагол *poznati* ‘быть знакомым с кем-либо’ также обнаруживает расширение области сочетаемости, пересекающейся с *vedeti* ‘знать, владеть информацией’ (*poznati podatke*) и *znati* ‘владеть языком’ (*poznati jezik*).

В свою очередь, *znati* из трех глаголов в наибольшей степени развивает модальные свойства: «*To se zna zgoditi*» (‘Это может произойти’).

Литература:

1. *Grošelj R.* Vezljivost glagolov vedenja v zgodovini slovenskega knjižnega jezika // Slavia centralis. 1/2012. C. 57–75.
2. *Orzhechowska H.* Vezava glagolov *věděti, *znati, *uměti v Dalmatinovi bibliji in današnji slovenščini// Slavistična revija 22/2. 1974. C. 129–149.

Ушинскиене Виктория Игоревна,
к. ф. н., доцент, Вильнюсский университет (Литва)

К вопросу о хронологии формирования польских диалектов в Литве

Несмотря на достаточно активные исследования периферийных польских говоров во второй половине XX — начале XXI в., некоторые важные моменты их истории до сих пор не получили в литературе однозначной интерпретации, в частности, это касается проблемы определения языкового субстрата, а также хронологии формирования польских говоров на территории Великого княжества Литовского (далее ВКЛ).

Возникновение и развитие польского языка на территории ВКЛ было обусловлено двумя историческими факторами:

1) усилившейся в результате подписания уний иммиграцией населения из Королевства Польского;
2) процессом полонизации автохтонного населения.

Однако по силе своего воздействия данные процессы не были равнозначны: главенствующую роль сыграла именно полонизация, постепенно охватившая различные социальные слои ВКЛ. Это обусловило особый характер взаимоотношений между т. н. культурным диалектом и местными польскими говорами. Если в условиях автохтонного развития этнического языка его официально-деловая подсистема складывается на основе народных диалектов, то в ВКЛ этот процесс имел обратную направленность: народные польские говоры сформировались здесь под влиянием языка образованной части польского населения. Иначе говоря, польский культурный диалект образовался на территории Литвы значительно раньше, нежели сельские польскоязычные ареалы.

Определенные предпосылки для формирования в ВКЛ польского культурного диалекта возникли в ВКЛ уже на рубеже XIII–XIV вв., однако решающие условия для его развития сложились позже — в XVI в., благодаря массовым контактам польской и литовско-(бело)русской шляхты после подписания Люблинской унии. Почти до конца XVII в. польский культурный диалект формировался в ВКЛ в условиях тесного взаимодействия с местным вариантом старобелорусского (западнорусского) языка — как разговорного, так и письменного (делового). Взаимная языковая интерференция способствовала образованию специфических черт, отличающих региональный вариант польского языка как от других периферийных говоров, так и от общепольской нормы. К концу XVIII в. процесс полонизации охватил бóльшую часть шляхты и городского населения Литвы.

Сплошные ареалы польских народных (сельских) говоров образовались в ВКЛ довольно поздно — около второй половины XIX в. — в результате постепенной полонизации деревни (как литовской, так и белорусской). Попытки некоторых ученых сдвинуть время их образования на более ранний период — на XVI–XVIII в. — представляются недостаточно убедительными.

В XX в. судьба основных польскоязычных ареалов на территории Литвы была обусловлена воздействием различных экстралингвистических факторов: в вильнюсском районе до сих пор сохраняются компактные ареалы проживания поляков, составляющих более 50 % населения; каунасский ареал, напротив, подвергся почти полной дезинтеграции.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Альбукова Ольга Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Категория оценочности в английских газетных статьях в условиях перевода

Данная статья посвящена категории оценочности в текстах английских газетных статей, а также проблеме передачи оценочного компонента значения при переводе. В работе произведен анализ текстов статей на материале британских и американских газетных изданий. В результате анализа были выявлены виды оценки, произведен анализ лексики с оценочным компонентом значения, употребляемой в газетных статьях. Определена адресная направленность газетного текста с учетом использования оценочной лексики. Произведен анализ переводов газетных статей и выявлены особенности способов передачи различных видов оценки и оценочной лексики с английского языка на русский.

Анфиногенова Анна Ивановна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Английские соответствия русских эмотивных лексем, репрезентирующих концепт «страдание» (на материале переводов пьес А. П. Чехова)

В докладе рассматривается вариативность английских переводческих соответствий (ПС) русских конструкций, актуализирующих концепт СТРАДАНИЕ. Вариативность лексических единиц является одной из важнейших характеристик речи. Анализ вариантов переводческих соответствий в художественном тексте представляется особенно актуальным для современной лингвистической науки в целом и переводоведения в частности. Материалы английских переводов пьес А. П. Чехова представляют собой идеальный объект исследования в этом направлении. Анализ осуществлен на основе нескольких английских переводов пьес А. П. Чехова, которые выполнены в разное время как известными, так и анонимными переводчиками. В группу рассматриваемых русских эмотивных лексем (ЭЛ) этого типа входят лек-

семы различной частеречной принадлежности *страдание, страдальческий, страдать, отчаяние, невыносимо, мучить, умоляюще, несчастлив* и некоторые обороты (*томится душа*, *не в духе*, *тяжело на сердце*), зафиксированные в произведениях А. П. Чехова и нескольких английских переводах его пьес. Однокоренным русским ЭЛ группы СТРАДАНИЕ (страдание, страдать, страдальческий) соответствуют 26 ПС в переводных текстах, большая часть (18 ПС) представляет устойчивые обороты — be unhappy (4), be miserable (3), be upset (2), be wretched (1), make sb. miserable (1), have agonies (1), cause pain and anxiety (1), make sb. worry (1), be in a terrible way (1), например: [Полина Андреевна (Дорну) ...но вам хочется, чтобы я **страдала** (Чайка, с. 433)]. Вторую группу составляют английские ПС других ЭЛ и оборотов, актуализующих концепт СТРАДАНИЕ (мучение, невыносимо, несчастная, умоляюще, тяжело и др.). В данной группе количество ПС с сохранённым частеречным статусом и ПС с измененным частеречным статусом одинаково, меньшее количество ПС (20) представлено устойчивыми оборотами и высказываниями. В третью группу русских ЭЛ вошли фразеологические обороты, включающие ключевые слова русской культуры, — *душа/дух* (*пасть духом*, *не в духе*, *тяжело на душе*, *томится душа*, *болит совесть*). Наибольшую группу английских ПС представляют свободные и устойчивые обороты (32), ПС be in a bad mood (8 случаев употребления), ПС be out of sorts (3), be not in a (very) good mood (3), ПС be out of humour (2), be out of temper (1), feel out of sorts (1), in a bad temper (1), be in a bad humor (1), feel upset (1), feel out of humour (1), be low-spirited (1), be downhearted (1), например: [(Сорин Треплеву) Отчего сестра **не в духе**? (Чайка, с. 429)]. Наименьшую группу составляют ПС с сохраненным синтаксическим статусом. Многочисленность переводческих вариантов русских ЭЛ, репрезентирующих концепт СТРАДАНИЕ, свидетельствует об определенной сложности, с которой сталкиваются переводчики.

Литература:

Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963. Т. 9. (Пьесы). 711 с.

Батиг Вера Алексеевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Терминологические сокращения в сфере киноиндустрии в английском и русском языках

В докладе рассматривается прием сокращения слов как один из наиболее продуктивных способов терминообразования, а также особенности перевода заимствованных сокращенных форм на русский язык. Если анализировать состояние современной терминологии в целом, то, с одной стороны, она характеризуется увеличивающимся количеством многословных терминов, а с другой, наоборот, наблюдается тенденция к экономии языковых усилий, следовательно, имеют место сокращенные или усеченные формы терминов. Более того, вторая тенденция начинает занимать доминирующее

положение. Несмотря на тот факт, что раньше некоторые исследователи считали, что эллиптические конструкции неприемлемы в языке науки (Митрофанова, 1973), в настоящее время распространено мнение, что научный язык должен стремиться к краткости. Этой точки зрения придерживается ряд исследователей, таких как А. В. Суперанская, К. Я. Авербух, В. М. Лейчик. Последний считает, что положительными качествами сокращенных терминов является произносимость и запоминаемость. Распространено мнение, что при произношении аббревиатура по времени звучания примерно в пять раз короче соответствующего ей понятия, а при написании экономия еще более впечатляюща — Whodunit (Who has done it — разновидность детектива, когда зрители на протяжении всей сюжетной линии пытаются выяснить, кто убийца). Терминология киноиндустрии лишний раз доказывает актуальность современной тенденции к краткости и сжатости в области использования терминологии. В каждой семантической группе терминов этой сферы присутствует большое количество примеров, демонстрирующих те или иные структурные типы сокращений (B-movie, docu, actioner, MCU, PG, SAG, U-5 и др.). Еще более интересным представляется тот факт, что в русском языке встречается достаточное количество заимствованной кинолексики, которая представлена в сокращенной форме — космоопера, байопик, ситком, худанит, постап. Изучение материала дает основания полагать, что некоторые из наименований уже пришли в сокращенном варианте, а некоторые сокращались потом. Анализ исследуемого материала показал, что аббревиация как способ образования терминологии киноиндустрии достаточно распространен, т. к. словосочетания занимают большую часть теминосистемы киноиндустрии. Среди них встречаются акронимы, инициальные аббревиатуры, полусокращения, графические аббревиатуры и т. д. Если говорить о способах перевода сокращенных вариантов кинолексики, то наряду с описательным переводом также встречаются сокращения словоформ и словосочетаний при переводе на русский язык.

Водяницкая Альбина Александровна,
к. ф. н., старший преподаватель, Московский городской педагогический университет

Оценочные стратегии в академическом дискурсе и особенности их перевода

Академический дискурс, в силу своей многогранности, открывает перед исследователями перевода широкие возможности. Речь здесь может идти как о жанрах (рецензия, научная статья, монография, диссертация), так и о способах представления текстов, принадлежащих к данному типу дискурса (научный доклад — написанный и произнесенный, отзыв о научной работе, научная полемика/дискуссия (в журнальной статье или во время научного мероприятия) и т. д.). Оценочные средства пронизывают научный текст и позволяют автору проявить свою творческую индивидуальность, с одной стороны, и выразить свое отношение к описываемому процессу или излагаемым результатам научного исследования, с другой. Автор позиционирует свое исследование тем или иным образом не только

в зависимости от сложившихся институциональных традиций (большая свобода выражения оценочного отношения к своему исследованию в английских научных текстах по сравнению с русскими), но и в зависимости от своих личных предпочтений, сложившихся в процессе занятий научной деятельностью. Оценочные стратегии в научных текстах различной жанровой принадлежности варьируются как в классификационном отношении, так и в функциональном, что, несомненно, отражается на способах их перевода. Так, к примеру, для текстов диссертаций и монографий наиболее характерны телеологические и рациональные оценки (по классификации Н. Д. Арутюновой), в то время как в рецензиях и полемических дискуссиях могут встречаться эстетические, этические и другие группы оценочных средств. Анализ русских, английских и немецких текстов академического дискурса позволил выявить характерные для них оценочные стратегии и обозначить способы перевода данных стратегий.

Вьюнова Екатерина Кирилловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Петрова Елена Серафимовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Передача комических вкраплений в ситуации устного перевода

Политический перевод за последние десятилетия занял отдельную нишу в сфере устного перевода. Политический дискурс представляет собой одну из самых проблематичных сфер перевода. Особенно ярко и отчетливо это проявляется в современном мире, где переводчик выступает посредником между двумя сторонами. Переводчик несет ответственность за правильное восприятие передаваемой информации реципиенту, и любая ошибка может привести к самым различным последствиям: от неловкой ситуации перед небольшой аудиторией до международного конфликта. Поэтому устный перевод комических ситуаций, шуток и соответствующих реалий в рамках политического дискурса представляет собой особо сложный процесс, требующий от переводчика, с одной стороны, знания многих реалий и ситуаций, а с другой — принятия определенных переводческих решений.

Сами по себе политические реалии представляют собой объект, подверженный влиянию времени. Каждый год в мире появляются новые реалии, старые при этом могут как исчезать, так и оставаться в употреблении, со временем принимая статус классических. Актуальные сегодня шутки в политическом дискурсе уходят в тень после того как с политической арены исчезает тот или иной деятель, а та или иная политическая организация или партия становится управленческой. Таким образом, переводчик, как связующее звено между двумя культурами, должен уметь правильно оперировать фоновой информацией.

Объектом данного доклада является ряд параллельных переводов устных политических выступлений и заявлений. Специфика устного перевода комических фрагментов в такого рода дискурсах сводится не столько к тому, чтобы передать шутку как таковую (в данном виде перевода это

сверхзадача), сколько к тому, чтобы обозначить для реципиента, так сказать, локус шутки, показать ее наличие в речи оратора, дать объяснение того, почему шутка будет считаться смешной.

Гамзатов Магомед Гаджиевич,
юрист организации «ООО „Строительное управление“»

Переводчик в процессуальных нормах как носитель специальных знаний

Институт переводчика в процессуальных нормах является едва ли не самым слабым звеном не только в правоохранительной системе, но и во всей правовой системе Российской Федерации, поскольку речь идет не только о защите и обеспечении прав и законных интересов человека, гражданина правосудием, но и о соблюдении принципов международного и национального права, т. е. основополагающих устоях, на которых покоятся эти правовые системы.

Слабость и уязвимость дефиниций этого института в процессуальных нормах заключается в том, что представители законодательных органов не всегда представляют себе его специфику. Практика показывает, что в процессуальных нормах, а также в юридическом переводе переводчик является не простым носителем специальных знаний, имеющих междисциплинарный характер и базирующихся на таких дисциплинах как ***лингвистика***, ***юриспруденция*** и ***переводоведение***. В некоторых комментариях, когда речь идет о толковании института переводчика в арбитражном процессуальном кодексе, либо отсутствуют комментарии, либо эти комментарии меньше, чем даже объем комментируемой статьи. Несмотря на авторитетные авторские коллективы, подобный подход к данному вопросу говорит об упрощенном представлении юристов об институте переводчика с учетом его лингвокультурологической специфики. В общем, это и понятно: они не являются специалистами в сфере лингвистики и переводоведения, т. е., как говорят в таких случаях, в «технических» дисциплинах. В подобных случаях общепринятой практикой в процессуальных нормах является приглашение специалистов из тех сфер, в которых сотрудники правоохранительных органов не являются компетентными, для получения квалифицированной консультации. Надо предполагать, что в случае принятия какого-либо решения представителями правоохранительных органов без четкого представления об этом, существует большая вероятность, что ими будут нарушены не только процессуальные нормы, но и сами принципы международного и национального права, а это, в свою очередь, может привести к отмене принятого решения.

Все определения института переводчика, встречающиеся в юридической литературе, в некоторой части повторяют и дополняют друг друга. Но законодатели упустили из виду, что помимо юридической составляющей понятие «переводчик» имеет лингвокультурологическую составляющую, т. е. речь идет о таких явлениях, как иноязычная личность переводчика, экстралингвистический фактор, реалии и безэквивалентная лексика, ко-

торые являются элементами специальных знаний, и без них невозможно говорить о полноценном переводе. Существенным недостатком этих дефиниций является отсутствие такого требования как ***образовательный ценз***.

Григорьева Любовь Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности перевода средств выражения отрицания (на примере немецкого префикса *un*-)

В докладе рассматриваются особенности перевода немецких лексем, содержащих негативный префикс *un*-, на русский язык. Данный конкретный случай связан с более общей проблемой перевода средств выражения отрицания. Специфика способов перевода связана с целым комплексом причин, в частности, с разным характером негации в сопоставляемых языках, с неоднозначностью значения анализируемого префикса, а также с возможностью вариативных способов передачи соответствующих лексем на русский язык. Для такой пары языков, как немецкий и русский, сложность заключается в том, что немецкий язык в отличие от русского, которому свойственна полинегативность, характеризуется мононегативностью, что уже накладывает отпечаток на переводческий процесс. Анализируемый в докладе префикс является достаточно продуктивным и характеризуется именной валентностью. Даже словарные данные позволяют продемонстрировать интересные лексические преобразования, которые происходят, например, с существительными при присоединении данного префикса: Ding — вещь, обстоятельство / Unding — бессмыслица, вздор; Mensch — человек / Unmensch — изверг. При анализе используемых трансформаций удалось выяснить, что наиболее характерными переводческими приемами для передачи отрицания, эксплицированного посредством префикса *un*-, в художественных текстах являются поиск соответствий, антонимический перевод и целостное преобразование. В нехудожественных текстах поиск соответствий (в т. ч. терминологических) явно доминирует над любыми другими преобразованиями; за ним следует перевод с помощью замен (лексических и синтаксических), а также антонимический перевод. В качестве материала исследования используются данные различных двуязычных и одноязычных словарей, а также аутентичные примеры из текстов разной функциональной принадлежности (в первую очередь тексты СМИ и художественной литературы).

Заика Наталья Михайловна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Стратегии перевода релятивных клауз в старобаскских и современных баскских текстах

В исследовании анализируются способы перевода релятивных клауз в баскском языке в евангелических текстах второй половины XVI–XXI вв., при этом особое внимание уделяется релятивизации именных групп, зани-

мающих наиболее низкое положение на иерархии Кинэна-Комри [Keenan, Comrie, 1977], т. е. именных групп в падежах, отличных от абсолютива, эргатива и датива. У таких составляющих релятивизация стандартным способом (с помощью показателя -n на финитном глаголе) ограничена.

В старобаскских текстах для исследуемых именных групп, наряду со стандартной стратегией релятивизации, которая используется немногим более чем в 20% контекстов, можно выделить основную стратегию релятивизации, к которой прибегают в половине контекстов: речь идет об использовании относительного местоимения zein 'который' или, реже, non 'где'. Данная стратегия с большой вероятностью может объясняться влиянием романских языков, находящихся в контакте с баскским, в которых релятивизация осуществляется с помощью относительного местоимения, ср. [Trask, 1998]. Несмотря на то, что данный способ релятивизации считается более характерным для старобаскских текстов Французской Страны басков, он распространен и в Испанской стране басков. Более маргинальные стратегии включают опущение зависимой клаузы, изменение подчинительной конструкции на сочинительную, выдвижение релятивизируемого актанта в позицию ядерного и т. н. «стратегия сохранения местоимения», ср. [Comrie, Kuteva, 2013].

Несмотря на тот факт, что все способы перевода, характерные для старобаскских евангелических текстов, засвидетельствованы и в современных текстах на литературном баскском языке, стратегии релятивизации неядерных именных групп распределены в последних иным образом. Самый продуктивный для старобаскских текстов способ релятивизации с использованием относительного местоимения крайне редок, вероятно, поскольку с точки зрения современного переводчика он характерен скорее для диалектной речи. Напротив, изменение подчинительной конструкции на сочинительную или монопредикативную становится в высшей степени продуктивным, тогда как в старобаскских текстах такая стратегия перевода является редкой.

Литература:

1. *Comrie B., Kuteva T.* Relativization on Obliques / Dryer M. S. & Haspelmath M. (eds.) // The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: MPI EVA, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wals. info/chapter/123.
2. *Keenan E. L., Comrie B.* Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // Linguistic Inquiry. Winter, 1977. Vol. 8, No. 1. Pp. 63–99.
3. *Trask R. L.* The Typological position of Basque: Then and Now // Language Sciences. 1998. Vol. 20:3. Pp. 313–324.

Иванов Евгений Евгеньевич,
к. ф. н., доцент, заведующий отделом,
Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова (Беларусь)

Принципы передачи личных имен и фамилий в англо-белорусско-русском словаре антропонимов

При подготовке англо-белорусско-русского словаря антропонимов в качестве основного способа передачи английских личных имен и фамилий на белорусский язык была избрана практическая транскрипция с элементами

транслитерации, поскольку орфография современного белорусского литературного языка основана на фонетическом принципе. В целях систематизации правил передачи был разработан алгоритм, в котором учтена вся система английского произношения (для передачи каждого английского звука в составе антропонима определены графические средства белорусского языка), а также особенности белорусской графики и орфографии (определены и регламентированы все случаи транслитерации).

В словарной статье англо-белорусско-русского словаря антропонимов дается написание английского антропонима, транскрипция его произношения (с учетом наиболее типичных национальных или иных вариантов), белорусский аналог английского имени (образованный согласно разработанным правилам передачи при помощи практической транскрипции с элементами транслитерации), традиционная форма англоязычного антропонима на белорусском языке (если таковая имеется), русский аналог английского имени (на основании существующих российских лексикографических источников).

Каразия Анастасия Андреевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о переводческой субъективности в синхронном переводе

Устный, в частности, синхронный перевод играет важную роль в современном мире. С помощью данного вида переводческой деятельности обеспечивается процесс межкультурной коммуникации на большом количестве международных мероприятий различного масштаба и формата. Рассмотрение переводчика как межъязыкового и межкультурного посредника приводит к постановке вопроса о степени его возможной субъективности, которая может проявляться посредством использования (как намеренного, так и машинального) различных языковых средств в переводе. Доклад посвящен рассмотрению переводческих трансформаций интенционально-семантического характера, приводящих к изменению коммуникативного фокуса высказывания в переводном языке с выраженной долей переводческой субъективности и анализу функциональной семантики подобных преобразований.

Козел Наталья Петровна,
старший преподаватель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

О некоторых особенностях работы медицинского переводчика

Как и любой другой профессионально-ориентированный перевод, медицинский перевод может быть письменным и устным, включая синхронный, последовательный и шушутаж. Так как в этой сфере деятельности речь идет о жизни и здоровье людей, очевидна необходимость ранней специализации. К примеру, работа устного медицинского переводчика под силу не всем.

Одни не выносят вида крови; другие не станут утруждаться произнесением одних и тех же слов несколько раз подряд, не подозревая, что это влияет на точность постановки диагноза (например, при шизофрении); есть те, кого смущают пациенты с особенностями развития и др. Здесь особенно важны максимальная точность, полнота перевода, стилистическая выдержанность, психическое и физическое здоровье, стрессоустойчивость, умение сосредоточиться, готовность провести много часов на ногах в любое время суток, а также конфиденциальность, беспристрастность, понимание межкультурных различий и др. И самое важное — отличное знание предмета, постоянное совершенствование квалификации. Работу устного переводчика в медицине регулирует профессиональный этический кодекс, впервые разработанный Международной ассоциацией устных медицинских переводчиков в 1987 г. Характеризуя особенности работы письменного переводчика, очертим примерные границы сферы деятельности: собственно медицинская документация (экспертизы, медицинские карты пациентов, выписки, истории болезни и др.; фармацевтическая документация: досье лекарственных препаратов, листки-вкладыши, информация для врачей и пациентов, документация по контролю качества, инструкции по медицинскому применению препаратов и др.) В отдельную группу выделяют перевод текстов, расположенных на стыке медицины и техники (медицинское оборудование), медицины и права (судебная медицина), медицины и спорта (спортивная диетология). Лексические проблемы перевода текстов по указанным тематикам связаны, в первую очередь, с обилием терминов и постоянным пополнением терминосистемы. Основу этой терминосистемы составляют латинские (in vivo — эксперимент на живом организме; in vitro — опыты проводятся вне живого организма) и греческие элементы (aorte — аорта; larynx — гортань), тем не менее в условиях постоянно развивающейся медицинской науки появляются новые предметы и явления, новые названия понятий и характеристик. Глобализация во многом обеспечила англоязычной терминосфере роль терминологической матрицы науки XXI в., поэтому рассмотрение особенностей русской и испанской терминологии невозможно без сопоставления с английской. К другим лексическим особенностям перевода относятся эпонимы, аббревиатуры и сокращения, иногда многовариантные, слова-реалии, ложные друзья переводчика, полисемантическая лексика и др. Грамматические и синтаксические особенности также не должны быть обойдены вниманием.

Макарьева Анна Петровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Проявления межъязыковой асимметрии в дискурсивном пространстве тенниса (французский, английский, русский языки)

Понятие межъязыковой асимметрии неоднозначно трактуется языковедами. Так, Н. К. Гарбовский выделяет «асимметричные диалексемы, подобие внешней формы которых сочетается с самыми различными типами

несоответствий плана содержания». Данный доклад посвящен несоответствиям плана выражения при описании средствами французского, английского и русского языков определенных ситуаций, связанных с теннисом. Объявления и возгласы судьи в ходе матча — это высказывания, отличающиеся краткостью формы и заданностью содержания. В ситуации состязаний они имеют только одно возможное толкование. На международных турнирах судья на вышке должен делать объявления не только на языке принимающей стороны, но и по-английски. Такое положение дел нельзя охарактеризовать как перевод в чистом виде, это скорее параллельное функционирование двух систем судейского кода. В каждом из рассматриваемых языков совокупность слов и словосочетаний, отражающих понятия, связанные с теннисом, образует терминосистему. Русская терминосистема тенниса является англоориентированной, однако сам теннис, как известно, представляет собой модификацию французской игры в мяч (jeu de paume), принцип и многие правила которой были заимствованы англичанином Уолтером Уингфильдом. Именно он считается родоначальником современного тенниса. Выделяются единицы, которые совпадают во французском, русском и английском языках, т. к. они являются во французском и русском прямыми заимствованиями из английского (smash, смэш, smash). Английским и русским терминам, заимствованным из английского, во французском языке могут соответствовать исходно французские термины, использовавшиеся в игре в мяч (game, гейм, jeu). Наблюдаются и отличия в отражении ситуации между английским и французским языками, с одной стороны, и русским — с другой. Так, в русском языке доминирующая позиция подающего находит свое отражение в использовании лексем *больше* и *меньше* («больше у подающего» или «меньше у подающего») на решающем этапе розыгрыша гейма. Во французском и английском языках в этой позиции фигурируют лексемы соответственно *avantage, adventage*, за которыми следует фамилия теннисиста; в центре внимания оказывается игрок, опережающий соперника. Рассматриваются соответствия и несоответствия при отражении неравного и равного счета на первом этапе игры, отмечается своеобразие английского языка при обозначении нулевого результата. Затрагивается также вопрос о частеречевой принадлежности слов, использующихся во французском, английском и русском языках в сходной ситуации. Отмечается тенденция расширения сферы функционирования англицизмов в сфере тенниса как в русском языке, так и во французском.

Недялков Игорь Владимирович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Английские конструкции с лабильными глаголами в переводческом аспекте

В докладе рассматриваются основные типы переводческих соответствий английских конструкций с лабильными глаголами. Последние определяются как глаголы, способные в одной и той же форме выступать и как переходные, и как непереходные. Выделяется три типа английских ла-

бильных глаголов: 1) с исходным переходным употреблением, например: sell и wash, 2) с исходным непереходным употреблением, например: boil и burn, 3) с одновременным переходным и непереходным употреблением (по данным фиксации первого употребления, приведенным в Оксфордских словарях английского языка), например: break, open. В английском языке чрезвычайно много лабильных глаголов, например: begin, boil, break, burn, change, close, connect, develop, dissolve, dry, fill, finish, freeze, gather, improve, melt, open, rock, roll, sink, split, spread, stop, turn, waken, wake up. Основное внимание в докладе уделено рассмотрению конструкций с актантной деривацией (термин В. А. Плунгяна) в английском языке в переводческом аспекте. В сферу актантной деривации (т. е. либо изменения количества актантов, либо их семантических ролей) входят каузативация, пассивизация, декаузативация, интранзитивация. Основными русскими соответствиями английских конструкций с ЛГ являются конструкции, включающие глаголы с постфиксом *-ся* (wash — ‘мыть(ся)’), супплетивные пары глаголов (wake up — ‘проснуться //разбудить’, а также конструкции с более сложными синтаксическими преобразованиями структур (They bribed bureaucrats ‘Они дали взятку бюрократам’ — Bureaucrats bribe easily ‘Бюрократы легко берут взятки’).

Некрасова Тамара Петровна,
к. ф. н., юридическая фирма «Goltsblat BLP»

Тайное и явное в юридическом английском. Имплицитность англоязычных правовых терминов как проблема юридического перевода

Требование точности передачи смысла в переводе vs. Неявное выражение смысла в оригинале, смысловая зашифрованность при отсутствии универсального ключа к юридическому «шифру».

Имплицитный английский и эксплицитный русский. Соотношение выраженного и подразумеваемого смысла в юридических текстах и терминологических конструкциях, используемых в разных правовых пространствах (российском и англосаксонском). Грамматический «экстрим» как одно из проявлений имплицитности в юридическом английском (парадокс номинативных цепочек, «миграция» частей речи, синтаксический «обрыв», беспредложные имплицитные словосочетания). Преимущества и недостатки имплицитности как свойства английского языка. Основные риски и сложности в переводе: установление грамматических и логических связей в смысловой структуре эллиптических терминов и словосочетаний; невозможность моделирования переводческого решения по аналогии; имплицитное отрицание; трудность «атрибуции атрибутива»; имплицитность, осложненная полисемией. Градация имплицитности в юридическом английском. Авторская классификация видов имплицитных конструкций, построенная на правовых аналогиях. «В поисках утраченного» — как одна из стратегий перевода терминов с имплицитным элементом.

Ремхе Ирина Николаевна,
к. ф. н., доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Проблема поиска новых оснований моделирования перевода. Когнитивно-синергетический подход

На протяжении нескольких десятилетий переводоведение сталкивается с проблемой выработки определенных подходов к описанию переводческого процесса и переводческой деятельности. Смена парадигм происходит адекватно развитию общенаучных тенденций, стремлению к междисциплинарности, что заставляет пересмотреть традиционные позиции моделирования перевода и выявить новые возможности представления переводческого процесса. Коммуникативно-функциональный подход, определяющий функциональную доминанту качества перевода и воспроизведение коммуникативного эффекта, отражает прагматическое направление. Кроме того, лингвистическое переводоведение отводит главенствующую роль лингвистическим аспектам и критериям в переводе. При ближайшем рассмотрении классических подходов в исследовании перевода наблюдается опора на функционально-деятельностную парадигму научного мышления, при которой рассматриваются внешние факторы, активизирующиеся на функционально-деятельностной основе. С развитием когнитивного-синергетического подхода в переводоведении учитывается открытость и динамичность систем жизнедеятельности и познавательных пространств, что требует признания человека точкой отсчета в управлении познавательными процессами и при анализе явлений действительности. Происходит концептуальный переход от внешней причинности поведения и человеческой деятельности к внутренней причинности. Интерес к процессам мышления и накопления знаний приводит к исследованиям организации мыслительного пространства. В переводческих исследованиях появляются новые экспериментальные методы, направленные на изучение закономерностей работы мозга переводчика с целью повышения эффективности переводческого процесса. Синергетический подход открывает новые возможности для выработки понимания переводческого процесса в рамках иного образования, отличающегося от представленных ранее моделей. Сейчас стоит новая задача — показать внутренний потенциал переводчика как активного, мыслящего индивида, способного к самоорганизации знаний и развитию собственной компетенции. С усилением междисциплинарных связей становится возможным многоаспектный анализ переводческого процесса, а значит и поиск новых составляющих переводческой модели с учетом когнитивного уровня рассмотрения перевода и специфике формирования сети взаимосвязей и взаимозависимостей. Наступило новое время концептуального переосмысления схематизации переводческого процесса. В данном исследовании предлагается когнитивно-матричная модель переводческого процесса, созданная на основе новых моделирующих характеристик: динамичность, сетевая взаимозависимость, откры-

тость, самоорганизация, нелинеарность, управляемость. Интеграционный характер представленных оснований позволяет расширить возможности для дальнейшего развития переводоведения.

Силинская Наталия Павловна,
к. ф. н., старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет

Краудсорсинг в переводе

Краудсорсинг (crowdsourcing) представляет собой бизнес-модель, которая основана на привлечении волонтеров к созданию и популяризации товаров и услуг зачастую посредством информационных технологий. Чаще всего эти волонтеры одновременно также являются и потребителями товаров и услуг. Они не получают материального поощрения за свою работу.

В настоящее время краудсорсинг в переводе и локализации становится все более популярным. Для наименования данного метода перевода появились такие термины, как «crowd translation», «краудсорсинг-перевод», «коллективный перевод». Среди его преимуществ сервисы коллективного перевода называют скорость, качество и, в первую очередь, низкую стоимость перевода. Краудсорсинг-перевод с успехом использовали такие компании, как Mozilla, Adobe, LinkedIn, Facebook, Twitter. Появление и быстрое развитие данного метода перевода произошло благодаря применению в процессе перевода облачных технологий. Чаще всего он используется для перевода и локализации сайтов, приложений, компьютерных игр, книг и статей, фильмов, сериалов, видео, интерфейса и контента социальных сетей, свободного программного обеспечения и некоммерческих проектов.

Что представляет собой краудсорсинг в переводе? Имеется текст, как правило, разбитый на фрагменты, перевод которого осуществляется волонтерами на специальной технологической платформе в режиме онлайн. Подобная платформа должна должна быть в достаточной мере эффективной, т. е. обеспечивать оптимальные условия для организации работы и взаимодействия переводчиков, а также высокую скорость и качество перевода. При этом также следует учитывать, что уровень владения языками и переводческие навыки участников могут быть любыми, т. к. волонтером может стать любой человек, которому интересен данный продукт и который владеет исходным языком и языком перевода. Варианты перевода фрагментов оцениваются самим сообществом переводчиков, и вариант, получивший наибольшее число голосов, утверждается как окончательный. Иногда привлекаются эксперты, призванные оценить окончательный вариант перевода.

Интересно проследить, какие факторы определяют успех или неудачу проектов краудсорсинг-перевода, какие особенности привносит привлечение непрофессиональных переводчиков в управление проектом, а также что определяет заинтересованность переводчиков в подобного рода проектах.

Третьякова Татьяна Петровна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Прагматические аспекты перевода: концепция переводческого маневрирования

Оригинальный и переводной тексты существуют во взаимодействии с такими параметрами, как действительность, социум определенной эпохи, специфика авторской фразеологии, умение переводчика передать культурные нюансы, т. е. факторам прагматического контекста. К настоящему времени контекстная прагматика позволяет определить дискурсивные характеристики текста в рамках его конвенциональных функций, интерактивные модели восприятия текста и риторический эффект воздействия текстов. Цель настоящего доклада — рассмотреть аспекты контекстной прагматики, релевантные для представления концепции переводческого маневрирования. Концепция переводческого маневрирования возникла из того факта, что в разнообразных видах переводов в XXI в. проблематика культурной идентичности сталкивается с гетерогенностью мира и существованием мультимедиального информационного пространства. Медиальное пространство театра и кинематографа неоднократно открывали возможности интерпретации многих классических произведений. В качестве примеров можно привести такие классические английские произведения, как переводы английского эпоса «Беовульф» или переводы «Гамлета» У. Шекспира. Предлагаемая концепция переводческого маневрирования связана с определением таких компонентов сравнения оригинального и переводного текстов, как тематический потенциал, требования аудитории и способы презентации. *Тематический потенциал* позволяет учитывать референциальную соотнесенность текста в рамках разных видов перевода. В этом случае учитывается интерпретация контента текстов с позиции их цельности и связности. В ряде случаев можно наблюдать нарушение тематического потенциала, например, при адаптированном переводе или кинопереводе. В частности, при создании киноверсии «Беовульфа» режиссером Р. Земекисом (2007) почти полностью искажается фабула фильма. *Требования аудитории* позволяют учитывать социум определенной эпохи, особую авторскую позицию в отношении интерпретации психологических и морально-этических норм, представленных в тексте. Контекстная прагматика в этом случае проявляется как способ моделирования интерактивных характеристик текста в процессе восприятия в отношении достижения смыслового эффекта. Б. Л. Пастернак писал текст перевода «Гамлета» современным ему языком со всеми лексическими, синтаксическими и стилистическими особенностями. Этот факт привел к появлению иной тональности текста по сравнению с оригиналом. *Способы презентации* определяются современным полифункциональным и поликодовым характером существования текстов/высказываний. Поиск представления устойчивых форм презентации этикетных ситуаций или сравнение воздействующей силы директивных высказываний при разных видах перевода и мультимедиальности позволяет уточнить роль этого фактора.

Чекалина Елена Михайловна,
д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Выражение неопределенности агенса в шведском и русском языках — перевод и сопоставительный анализ

В сопоставительных исследованиях важно выявление не только системных различий, но и контекстуальных реализаций, отражающих линии схождений и расхождений между языками [Гак, 1979; Швейцер, 1973]. Значительный интерес для сопоставительного анализа шведского и русского языков представляют особенности выражения неопределенно- и/или обобщенно-личного агенса в текстах оригинала и перевода. В шведском языке, не допускающем бессубъектной структуры предложения, частотна конструкция с неопределенно-личным местоимением *man*, которая встречается в различных вербальных и прагматических контекстах. Русскому языку, напротив, свойственно многообразие средств выражения неопределенно- и/или обобщенно-личности [Булыгина, Шмелев, 1991; Зеленецкий, 2004; Плунгян, 2011].

При переводе шведских предложений с *man* на русский язык возможны контекстуальные эквиваленты с различными лексическими средствами и синтаксическими типами предложений:

- с грамматическим субъектом *человек/люди* и *мы* при обобщенной референции с указанием на неопределенное множество лиц, представленное как открытый класс;
- с «обезличенным» неопределенно-личным агенсом при модальных предикатах *хотеться* и *можно*, а также с устраненным субъектом при формах 2-го л. ед. числа настоящего времени с обобщенно-личной семантикой, не исключающей отнесенности субъекта речи к потенциальным участникам ситуации.

Ни в одном из употреблений шведской конструкции с *man* также не содержится указания на исключение субъекта речи из неопределенного множества субъектов ситуации. Этим объясняется, что в исследованном материале среди переводных эквивалентов не встретилось бессубъектных неопределенно-личных высказываний с предикатом в 3-м л. мн. ч., выражающих отчуждение субъекта речи от субъекта ситуации. Напротив, они часто выступают эквивалентами шведских предложений с пассивным залогом на *-s* или аналитической конструкцией с глаголом становления *bli* и причастием 2. Необходимым условием использования форм 3-го л. мн. ч. в русском переводе является акциональное лексическое значение глагола, предполагающее контролируемое целенаправленное действие неопределенно-личного агенса.

Литература:

1. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 41–71.

2. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
3. *Зеленецкий А. Л.* Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004. 252 с.
4. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. 377 с.
5. *Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973. 280 с.

Черникова Александра Сергеевна,
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Репрезентация реалий советской эпохи 1920–1930-х гг. в инокультурном контексте на примере перевода названий государственных и частных учреждений СССР на финский язык

При переводе текста на иностранный язык необходимо не только передать его национальную специфику, но и правильно интерпретировать прагматику интертекстуальности, в связи с чем особые трудности возникают при переводе национальных реалий.

В произведениях русской литературы 1920–1930-х гг. (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита», И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок», «Двенадцать стульев») значимую роль в воссоздании национального колорита изображаемой эпохи играют реалии государственно-административного устройства и общественной жизни — в частности, названия реальных и вымышленных государственных и частных учреждений СССР. Мы рассмотрим репрезентацию данных реалий в инокультурном контексте на примере перевода указанных произведений на финский язык.

При передаче советских реалий финские переводчики используют следующие приемы:

- Транскрипция: недостаток данного приема заключается в том, что внутреннее содержание лексической единицы оригинала не раскрывается, что вызывает трудности у иностранного читателя, однако несомненным преимуществом является однозначность и предельная краткость создаваемой лексической единицы.
- Калькирование: основным недостатком данного приема можно назвать потерю лаконичности и емкости оригинала, но преимущество калькирования заключается в том, что иностранному читателю становится понятна внутренняя форма и, следовательно, значение лексической единицы языка оригинала.
- Перифрастический перевод: его использование помогает раскрыть смысл аббревиатуры, непонятной иностранному читателю. Перифрастический перевод может быть совмещен с транскрипцией и транслитерацией, что кажется наиболее оптимальным для перевода национальных реалий.
- Перевод при помощи функционального аналога: данный прием, хотя и является самым частотным, не всегда удачен, т. к. регулярно приводит к потере национального колорита передаваемой реалии.

При использовании транскрипции/транслитерации переводчики обычно подчиняют получившийся неологизм законам финского языка (т. е. склоняют слово так, как если бы оно было финским); в некоторых случаях переводчики снабжают затранскрибированную или транслитерированную реалию гиперонимом-пояснением; при этом большая часть смысловых и стилистических потерь допускается переводчиками при передаче аббревиатур. Во избежание этого переводчики часто калькируют исходное словосочетание, из которого образована аббревиатура, что сближает этот прием с перифрастическим переводом.

Чистов Владимир Алексеевич,
к. ф. н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

Категория репрезентации в переводоведческом аспекте

В докладе рассматриваются способы перевода русских конструкций романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на английский язык с точки зрения категории репрезентации, предложенной А. И. Смирницким в 1959 г. в книге «Морфология английского языка». Как известно, А. И. Смирницкий предложил следующий список форм категории репрезентации для английского языка: личные формы, инфинитив, герундий и причастие. Для русского языка необходимо также говорить о деепричастии как адвербиально-глагольной форме. Основное внимание в докладе уделено случаям несоответствия граммем репрезентации, выступающих в конструкциях оригинала и переводов.

Анализируются случаи переводческих замен русских синтаксических структур по типам:

1) адъективная (причастия) à предикативная (личные формы) репрезентация, например: ...*сказал он явившемуся Матвею* — ...he said to Matvei when he came in; *сказал он видимо приготовленную фразу* — ...said he, evidently repeating a sentence he had prepared;
2) субстантивная (отглагольное имя или инфинитив) — предикативная репрезентация, например: ...*думал он с значительным видом склонив голову при слушании доклада* — ...he thought, bending his head with a significant air as he listened to the report; и впервые выделяемый тип несоответствия граммем репрезентации;
3) адвербиальная (деепричастия) — предикативная репрезентация, например: *Разорвав телеграмму, он прочел ее* — He tore open the telegram and read it.

Деепричастные конструкции высказываний русского оригинала особенно часто заменяются в английских переводах финитными оборотами, например: *Услыхав шаги мужа, она остановилась, глядя на дверь и тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выражение* (АК-11/12) — When she heard Oblonsky's steps she stopped, looking at the door and making a futile attempt to put on an expression of stern disdain.

Случаи обратного несоответствия граммем репрезентации (например, предикативная репрезентация в русской конструкции — адъективная репрезентация (причастные формы) в английской конструкции) встречаются крайне редко.

Шадрин Виктор Иванович,
д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

Теоретические проблемы оценки качества перевода

В современном глобализованном мире все большее количество жителей планеты пользуются результатами переводческой деятельности лингвистов, а перевод как особый вид гуманитарной деятельности языковедов и литераторов превратился на наших глазах в эффективный, бурно развивающийся и процветающий сектор мировой экономики. Это обстоятельство с неизбежностью привлекает внимание бизнеса и общественности к проблемам оценки качества переведенных текстов. Многочисленные попытки исследователей определить критерии оценки качества перевода осуществляются как с практических, так и с теоретических позиций, однако в процессе реализации данных подходов порой отсутствует убедительное описание механизмов взаимодействия построенных теоретических моделей и практики их применения в переводческой деятельности.

С практической точки зрения исследования имеют своей целью выработку критериев для определения понятия «хороший» перевод. Как правило, определение критериев сводится к созданию списка корректных языковых форм с точки зрения системы переводного языка. Полученный список критериев используется в качестве инструмента для определения прескриптивных оценок применительно к конкретным переводам, в результате переводной текст квалифицируется как «хороший» или «плохой». С профессиональной точки зрения очевидно, что сам по себе список критериев не является достаточным основанием для определения качества перевода. Действительно, если мы определяем «хороший» перевод как обеспечение «правильного» перевода в нужное время, в нужном месте и по достойной цене (как это принято в среде профессионалов), то обеспечение его качества с необходимостью зависит от гораздо большего количества разнообразных факторов по сравнению с параметрами, представленными списком «корректных» языковых форм

Теоретический подход к определению качества перевода в западном переводоведении был впервые обоснован в работах Дж. Холмса в 1980-х гг. (в российской теории перевода данной проблеме уделял пристальное внимание А. В. Федоров еще в 1953 г.). Заслуга Дж. Холмса состоит в том, что он локализовал исследования по определению качества перевода в общей системе дисциплин современного переводоведения. Существуют два основных подхода к построению теоретических моделей оценки качества перевода: эквивалентностный и функциональный. С позиций теории эквивалентности перевод является качественным, если в нем присутствует оптимальная

эквивалентность. Для определения степени эквивалентности исследователь подвергает оба текста сравнительному анализу с использованием ряда особых категорий, таких как: тип текста; семантические, грамматические и стилистические особенности; экстралингвистические определители (например, фонд общих знаний читателей обоих текстов) и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Абрамова Юлия Сергеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Казакова Т. А., д. ф. н., профессор

Особенности отражения образов индийского Востока в британском колониальном романе как проблема перевода (на материале Р. Д. Киплинга и Э. М. Форстера)

Проблема передачи специфических единиц культуронимического ряда всегда была одной из самых сложных и важных для переводчика художественных текстов. Чем больше в оригинальном тексте единиц со специфическим культурным содержанием, тем сложнее становится создание адекватного перевода. Для решения данной задачи и создания перевода представителю «третьей» культуры, в нашем случае русской по отношению к индийским и британской, необходимо учитывать множество факторов: фоновые знания аудитории, авторскую идеологию и стилистику, страноведческий аспект и т. д.

Однако, наблюдая за моделируемыми в романах Р. Д. Киплинга и Э. М. Форстера взаимоотношениями между представителями британской и индийской культур, русскоязычный переводчик также должен осознавать, что его собственное восприятие мироустройства находится под влиянием системы оценок, которая ранее сложилась в его собственной культурной среде и испытывала давление как со стороны британского, так и индийского мировоззрений.

Языковые образы индийского Востока в колониальных романах Форстера и Киплинга в данном исследовании будут рассматриваться через единицы культуронимического ряда, которые несут в себе культурную информацию, позволяющую сделать вывод о принадлежности этих единиц к индийской или же английской культуре.

Целью работы является определение общего и особенного в способах передачи на русский язык сложной структуры англо-индийских отношений, созданной британскими колониальными писателями в рамках культурологической оппозиции «свой — чужой».

Материалом для исследования является перевод на русский язык романа Э. М. Форстера «Поездка в Индию», выполненный В. Исаковой в 1937 г., а также переводы романа Д. Р. Киплинга «Ким», выполненные А. Репиной (1916), М. Клягиной-Кондратьевой (1936) и А. Колотовым (1991). Анализ

и сопоставление данных переводов позволили нам проследить эволюцию переводческих стратегий и разные подходы к переводу единиц культуронимического ряда в отечественной переводческой традиции.

Алташина Вероника Дмитриевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Перевод как интерстекст: сказки Ш. Перро в переводе Ек. Урсынович (1897)

1. После того как в 1768 г. появляется первый перевод сказок Ш. Перро на русский язык, интерес к этому творению не угасает. Особенно продуктивным становится XIX в., когда даже после публикации в 1867 г. перевода, освященного именем И. С. Тургенева, новые переводчики не раз предлагают свои варианты.
2. Перевод Ек. Урсынович (1867–1935) оказывается одним из наиболее востребованных: появившись в 1897 г., он был переиздан четыре раза (1898, 1902, 1905, 1915).
   В отличие от других переводчиков, стремящихся более или менее точно и удачно передать французский текст на русском языке, Урсынович выбирает творческий подход, реализуя идеи, высказанные А. В. Федоровым, Ю. Н. Тыняновым и В. Беньямином. Она подходит к тексту Перро как к «заданию», пытаясь пробудить «эхо оригинала», придав национальные черты.
3. Национальные черты проявляются как в стилизации под русские народные сказки, так и в опоре на литературную традицию, представленную Ершовым, Жуковским, Ушинским, Пушкиным, Надсоном и др.
4. Данный подход переводчицы представляется вполне оправданным: Перро, создавая свои сказки, опирался на предшествующие фольклорные и литературные источники, знакомые читателю и легко узнаваемые.
5. Литературный трансфер, осуществленный Ек. Урсынович, приводит к укоренению перевода в новые родовые отношения, являясь редким опытом удачной русификации текста.

Бабанов Андрей Владимирович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Взгляд на польские тексты, посвященные русской литературе, как на объект переводоведения (из опыта работы над переводом книги литературоведческих очерков Т. Климовича «Пожар сердца» («Pożar serca») — в русском издании «Тайны великих»)

Основную часть книги Т. Климовича составляют биографические очерки, посвященные 16 русским писателям XIX–XX вв. — от А. С. Пушкина до В. В. Ерофеева. В книге используется большое количество цитат из писем и дневников как заглавных героев очерков, так и их родственников, друзей

и знакомых, а также из воспоминаний и суждений современников, последователей или исследователей, в т. ч. коллег по перу.

Книга ориентирована на массового польского читателя, поэтому цитаты, насколько это возможно, даются со ссылкой на польскоязычные издания, уже функционирующие в польском читательском обороте. Это обстоятельство существенно меняет характер работы переводчика, взявшегося за создание русскоязычной версии данного труда, и в то же время дает возможность оценить объем и качество изданий, формирующих представление польского читателя о русской литературе. Количественно изданные на польском языке тексты, позволяющие углублять знакомство с русской литературой, выглядят весьма впечатляюще. Так, со ссылками на польскоязычные публикации в очерках Т. Климовича приводятся цитаты из писем А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, М. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака, В. В. Ерофеева; из дневников А. Г. Достоевской, Л. Н. Толстого, С. А. Толстой, А. А. Блока, А. С. Суворина; из воспоминаний А. Г. Достоевской, А. Я. Панаевой, И. И. Панаева, Т. А. Кузминской, И. Л. Толстого, Т. Л. Сухотиной-Толстой, А. Б. Гольденвейзера, И. Г. Эренбурга, Н. Н. Берберовой, Л. К. Чуковской, Н. Я. Мандельштам, З. Н. Пастернак. На польском языке опубликованы литературоведческие работы Б. И. Бурсова (о Ф. М. Достоевском), М. И. Белкиной (о М. И. Цветаевой), «Булгаковская энциклопедия» Б. В. Соколова, очерки о русской поэзии В. Н. Орлова, очерки В. А. Шенталинского, посвященные взаимоотношениям писателей и советских спецслужб в 1920–1930-е гг., беседы С. М. Волкова с И. А. Бродском, В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным, труды по истории русской культуры Ю. М. Лотмана. Имеются переводы трудов по русской литературе, написанных западноевропейскими авторами, а также некоторых важных источников, опубликованных на французском, немецком или английском языке.

Качество этих переводов в большинстве случаев вполне удовлетворительно, случаи, когда их нельзя принять безоговорочно (а тем более такие, где требуется обязательная корректировка) сравнительно редки, но именно поэтому их нельзя обойти вниманием. Имеются случаи утраты стилистической выразительности оригинала и даже неверного понимания фактов, сохранения в читательском обороте текстов, полностью утративших актуальность. В одном случае встретилось «досочинение» переведенного текста. С другой стороны, есть пример публикации в переводе на польский язык фрагмента из текста, на языке оригинала на сегодня еще не опубликованного.

Близнюк-Бискуп Екатерина Вячеславовна,
аспирант, Варшавский университет (Польша)

Актуальное членение предложения и адекватность перевода художественного текста

Полноценный перевод художественного текста не представляется возможным без учета коммуникативной установки автора, которая, кроме лексических и грамматических средств смыслообразования, проявляется на уровне актуального членения предложения и в прагматических презум-

пциях (т. е. того, что не утверждается в высказывании, а предполагается уже известным адресату). В работе на примере «Петербургских повестей» Н. Гоголя и их польских переводов проследим, сохраняются или изменяются в процессе перевода такие компоненты информационной структуры, организующей текстовую семантику оригинала, как позиция темы и ремы, инверсия, дискурсивные слова, союзы, коннекторы и др. Покажем, насколько изменения влияют на передачу авторского замысла и к каким переводческим модификациям приводят.

Камовникова Наталья Евгеньевна,
к. ф. н., доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

В тени «старшего брата»: болгарская поэзия в советских переводах

Болгарская национальная литература, испытавшая невероятный подъем в период Болгарского Возрождения и расцвет после освобождения от Оттоманского владычества в 1878 г., продолжила свое активное развитие и в XX в. Литературное разнообразие литературных направлений Болгарии, однако, крайне слабо представлено в русских переводах: имеющийся на настоящий момент арсенал художественных переводов, выполненных с болгарского языка, серьезно умаляет достижения болгарских поэтов и писателей. Регулярная практика перевода болгарской поэзии с подстрочника отражала отчасти скрываемое пренебрежительное отношение к ближайшему соседу СССР и его художественным достижениям. Под влиянием литературного государственного заказа искажалось и представление о стилях и сюжетах болгарской поэзии: крен в сторону пролетарских поэтов и тематик подчас оставлял за пределами внимания важнейшие события литературной жизни болгарской литературы, подобные болгарскому литературному символизму XX в., представленному на русском языке в весьма ограниченном объеме. С другой стороны, болгарскую поэзию в Советском Союзе ждала необычайная судьба: ее переводчиками регулярно выступали нуждающиеся в литературных заказах ведущие поэты страны — А. Ахматова, М. Цветаева, М. Зенкевич. В докладе будут проанализированы основные подходы к выбору художественных источников болгарской литературы и применяемые к ним в Советском Союзе переводческие практики, рассмотрены основные издания болгарской поэзии в СССР, а также приведены некоторые примеры переводов болгарской поэзии на русский язык.

Кутьева Марина Викторовна,
к. ф. н., доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Об одной элегии Р. дэль Валье-Инклана и трех ее переводах на русский язык

В стихотворении «Rosa de mi Abril», переведенном тремя поэтами-переводчиками, лирический герой-путешественник попадает в море — в синее царство сирен с призывными голосами. Все образы оказываются поющими и благоуханными, источающими определенные звуки и ароматы. Сирены

и химеры (возможно, дань моде) задают этой элегии мистический тон. В центральном двустишии героиня предлагает влюбленному в нее юноше яблоко, держа его в руке, как звезду. Марк Самаев заменяет яблоко на апельсин (символ любви в испанской языковой картине мира) и дает такой перевод: «И апельсин мне предлагала, как будто маленькое солнце». Современная переводчица Полина Осипова, сохраняя авторское яблоко, подвергает значительному искажению эмоциональное звучание и коннотативную семантику фрагмента. Ее вариант таков: «...Сладкой девочки, что, как звезды, людям яблоки предлагала». Анатолий Яни, осмыслив оба перевода, приходит к усредненному варианту: «И яблоки мне предлагала, как сорванные с неба звёзды».

Мы настаиваем на принципиальности того факта, что девушка дарила *одно яблоко* и лишь *одному* избраннику, как это делала счастливая Ева в безмятежном райском саду, а не людям вообще — незнакомым прохожим. Если учитывать эзотерическую и оккультистскую направленность мистификаций Валье-Инклана, то, возможно, яблоко виделось поэтом как символ боли и горя, а звезда — как символ жизненного предназначения, как указатель пути, по которому можно было бы следовать, но от которого лирический герой в результате отказался.

Конфликт модернистской раздвоенности между эфемерным (сиюминутным и изменчивым) и вечным решается поэтом Рамоном дэль Валье-Инкланом в пользу надвременной неизменности, которую воплощает часовенка-воспоминание в последней строфе элегии. Марк Самаев счел возможным обратить эту часовенку в келью, что вызывает некоторые возражения, т. к., видимо, авторской интенцией было возвести этой влюбленности нерушимый храм, который пребудет вне губительного воздействия времени в ностальгирующей памяти. Сравним последнюю строфу в трех переводах. Марк Самаев: «У розы той поры туманной / Все лепестки пооблетели, / Но в памяти благоуханна / Дней юных золотая келья». Полина Осипова: «Утро нежности просветленной! / Лепестки твоей розы чистой / В круге памяти утомленной / Спят часовенкой золотистой!» Анатолий Яни: «Где роза? Аромата сада / Не стало. Все ушло с мечтою, / Но в памяти моей пора та / Блестит часовенкой златою». Лишь в первом переводе осталась испанская синестезия нежного аромата и золотистой ауры святилища юных чувств.

Оригинал стихотворения берет на себя функцию вопроса, задаваемого переводчикам, о принципиальной транспонируемости аллегорического знака с сопровождающими его ассоциациями и ощущениями в чуждую ему среду. При этом несколько ответов, а не один, могут быть правильными.

Лекомцева Ирина Алексеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

История литературного перевода в Англии в Средние века

В докладе анализируются проблемы истории литературного перевода в Англии в Средние века. Освещены как общекультурные понятия, например, культурно-исторические условия переводческой деятельности и языковая ситуация в этот период истории Англии, так и — в большей степе-

ни — собственно переводческие аспекты: особенности трактовки понятия «перевод», в частности «литературный перевод», в этот период.

В центре внимания оказываются личности переводчиков этого периода: Альфред Великий, Дж. Чосер, Р. Гроссетест, У. Ленгленд, У. Кекстон. Характеризуются их взгляды на литературный перевод, принципы, которыми они руководствовались при переводе тех или иных произведений.

Представлен обзор работ, переведенных на английский язык в это время, дается характеристика конкретным переведенным литературным текстам с точки зрения их жанровой принадлежности (церковные книги, светские книги, произведения античных авторов, хроники и исторические труды, романы).

Приводятся некоторые обобщения и выводы: как обогатилась/изменилась английская средневековая литературная традиция в результате переводческой деятельности.

Михайлова Ирина Михайловна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Еще раз об относительности норм перевода (на примере переводов фламандской литературы в XIX в.)

Выполненные в XIX в. русские переводы фламандской литературы впервые становятся предметом исследования и потому должны быть рассмотрены не только на микро-, но и на макроуровне.

При рассмотрении на макроуровне выясняется, что за целый век из фламандцев было переведено лишь несколько стихотворений, вошедших в «Опыт нидерландской антологии» П. А. Корсакова (1844), и пять романов необычайно популярного во всей Европе прозаика Хендрика Консьянса (1812–1883). Севернонидерландских авторов переводилось существенно больше, что связано с политической конъюнктурой — династическим сближением домов Оранских и Романовых после Венского конгресса 1815 г.

При анализе переводов прозы на микроуровне бросаются в глаза следующие особенности переводов XIX в., отличающиеся от норм, которые приняты в наше время:

- безальтернативное к одомашниванию фламандских реалий, появление в переводе реалий, свойственных Российской империи, но не Бельгийскому королевству: «степь», «мазанка», «мыза»;
- перевод (а не переводческая транскрипция) большинства имен персонажей: одну из героинь зовут Катерина (в оригинале Trien), одного из героев — Павлушка (в оригинале Pauwtje);
- соединение коротких предложение, разделение длинных на два и более;
- опущение как частей предложений, так и целых фрагментов текста. Опущенные в переводе пассажи чаще всего связаны с религией; вероятно, переводчики считали возможным не слишком пространно описывать католическую набожность в тексте, адресованном православным читателям.

Выполненные современниками писателей переводы в целом сохраняют стилистику и тональность оригинала.

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,
к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

К вопросу о переводной множественности лирики (на материале переводов стихотворений А. С. Пушкина на татарский язык)

Выявление причин множественности на разных этапах межлитературного взаимодействия позволяет говорить о том, какой вид отношений доминировал в определенный период — диалог или коммуникация. Изучение множественности переводов позволяет исследовать диалогические отношения, существующие между национальными литературами, в частности между русской и татарской. Так, в восприятии татарскими поэтами начала XX в. творчества А. С. Пушкина доминировал диалогический подход. Г. Тукай, С. Рамиев и др., воспринимая текст русского классика, стремились адаптировать его под «своего» читателя и традиции национальной литературы, господствующие в этот период. С начала 1930-х гг. отношение к переводу меняется. В это время переводы часто становились результатом социального заказа, выбор произведения для перевода был обусловлен не только предпочтениями переводчика, но в большей степени идеологическими установками.

Заметной особенностью татарских переводов начала XX в. является увеличение объема переводимых произведений за счет привнесения в них дополнительной сюжетности. Татарская лирика этого периода по сравнению с русской более сюжетна, в ней сильны элементы повествовательности. Татарские переводчики, являющиеся профессиональными поэтами, нередко стремились «завершить» переводимое произведение, довести развитие сюжета до финала. Эта особенность проявляется на уровне формы стиха. Так, Г. Тукай переводит стихотворение бейтами (двустишиями), одной из распространенных в восточной поэзии стихотворных форм, количество стихов в переводе Тукая оказывается больше, чем в стихотворении А. Пушкина. В большинстве случаев одной оригинальной пушкинской строке соответствует бейт.

Переводчики 1930-х гг. сохраняют в переводах форму стиха, стремятся (в разной степени) использовать семантически эквивалентные лексические единицы. В это время на смену диалогическому подходу начала века приходит практика коммуникативных отношений. Коммуникативный подход формирует стратегию точного перевода, когда переводчики стремятся максимально близко передать форму и содержание переводимых произведений.

Таким образом, множественность перевода является важной составляющей практики перевода, т. к. позволяет определять динамику развития переводческой школы и подчеркнуть доминирующие черты в восприятии чужого текста в определенный временной промежуток. Как показывает анализ переводов стихотворения А. С. Пушкина, причины множественности кроются в изменении отношения к переводимому материалу в разные периоды, а также в экстралингвистическом факторе (идеологическая установка).

Овчарова Екатерина Эдуардовна,
к. э. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
Соколова Татьяна Викторовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме перевода аллюзий в литературном тексте

В тексте небольшой статьи Бодлера «Petrus Borel», которая была впервые опубликована в «Ревю фантазист» («Revue fantasiste») 15 июля 1861 г., можно отметить сразу несколько аллюзий, заслуживающих при переводе особого внимания. Так, говоря о продажности современных ему писателей, Бодлер употребляет выражение «le champ du potier» (фр. «земля горшечника»), восходящее к Евангелию от Матфея: «И они взяли тридцать сребреников, цену, которой оценили сыны Израиля оцененного, и отдали их за землю горшечника, как и сказал мне Господь» (Мф. 27:9–10). Одна из трактовок этого эпизода состоит в том, что первосвященники не могли взять обратно деньги Иуды, и они на эти деньги купили землю под кладбище для странников, «поле горшечника» (в традиции русского канонического перевода — «земля горшечника»). Речь идет о продаже таланта за деньги, что Бодлер рассматривает как высшее предательство, подобное предательству Иуды. Замена в переводе «земли горшечника» на всем известные «тридцать сребреников» в данном случае вряд ли может быть правомерна, и комментарий переводчика здесь совершенно необходим. Нуждается в существенных пояснениях и упомянутый в конце статьи Tabarin. Табарен (Tabarin) — псевдоним известного парижского комического актера XVII в., выступавшего в уличном театре. Он был также и комедиографом, предшественником Мольера. Бодлер говорит об этом персонаже в связи со своей уверенностью в предполагавшемся и анонсированном автором последнем романе Бореля «Табарен». Тем не менее, следы существования этого романа обнаружить непросто. Известно достоверно только то, что по крайней мере в XIX в. это издание никогда не выходило в виде отдельной книги, заявленного двухтомника, хотя его название вместе с выходным данными публиковалось на последних страницах некоторых изданий книг Бореля. Об этом см., например: [Le édition originales de Romantiques, 1968: 127] (переиздание книги XIX в.). Заслуживают также отдельного комментария и употребляемые Бодлером словечки Bousingots или Bousingo из лексикона «малых романтиков». Эти названия вошли в лексикон «малых романтиков» из английского морского жаргона (bousin — «трактир самого дурного пошиба», «шум», а также «матросский картуз»), и были частью рефрена популярной в их среде серенады; в 1830-х гг. они служили как наименованием тех, кто входил в круг «малых романтиков», так и обозначением для человека демократических взглядов. Когда Бодлер говорит о затейливой орфографии Бореля, в тексте статьи возникают вдруг некие мифические кухарки Вольтера. Представляется, что здесь идет отсылка к историческому анекдоту, описанному в [Mazure, 1821: 255].

Литература:

1. Le édition originales de Romantiques, I–II. Géneve: Slatkine reprints, 1968.
2. *Mazure F.-A.-J.* Vie de Voltaire. Paris: Alexis Eymery, 1821.

Разумовская Вероника Адольфовна,
к. ф. н., профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Переводимость и переведенность текстов Ф. М. Достоевского

Вся многовековая история художественного перевода тесно связана с непрекращающейся дискуссией о природе переводимости текстов литературы. Данный вид перевода предполагает языковые и культурные преобразования текста художественного оригинала, основной функцией которого является эстетическое воздействие на читателя.

Неоднозначность и неопределенность эстетической информации, а также особенности ее формального воплощения в литературном тексте определяют актуальность вопросов переводимости (ее принципиальной возможности и степени), к которым регулярно обращались переводоведы (Ж. дю Белле, П. Ньюмарк, А. Лефевр, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Якобсон) а также сами мастера художественного слова (И. Бродский, М. Кундера, В. Набоков, Р. Фрост).

Данная проблема не осталась без внимания Ф. М. Достоевского, интересовавшего вопросами переводимости русской литературы. В «Дневнике писателя» русский классик убедительно отстаивал идею переводимости текстов западной литературы на русский язык и непереводимости русской литературы на западноевропейские языки.

Тексты из творческого наследия Ф. М. Достоевского традиционно определяются как «сильные» тексты русской культуры, выступающие регулярными объектами художественного перевода. Романы русского классика формируют центры переводческой аттракции, в которые входят полнотекстовые, сокращенные и фрагментарные переводы оригиналов на языки мира, а в более широком смысле — переводы текстов Ф. М. Достоевского средствами других семиотических систем.

Естественная и, вследствие этого, неизбежная языковая и культурная асимметрия художественного оригинала и перевода имеет своим результатом объективную непереводимость определенной части информации, заключенной в оригинале. Рассмотрение текстов Ф. М. Достоевского в переводческом аспекте предполагает анализ выделения единиц перевода, выяснение причин культурной и языковой непереводимости, степень переводимости и стратегии перевода названий романов, а также определение пространства переведенности текстов писателя.

Предметом настоящего исследования стал роман Ф. М. Достоевского «Бесы» и ряд его переводных вариантов. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: название художественного произведения является регулярной единицей перевода, относительно которой принимается решение на перевод; стратегии перевода названия выбираются с учетом языковых и культурных различий текстов, вовлеченных в процесс перевода; определенную роль в выборе названия текста перевода играет переводческая традиция, сложившаяся в языке и культуре перевода; трудности перевода названия художественного текста отражают смысловую сложность и эстетическую ценность названия.

Старикова Надежда Николаевна,
д. ф. н., заведующий отделом, Институт славяноведения РАН (Москва)

Русская поэзия в зеркале словенского художественного сознания (антология «Песнь Орфея»)

В 1998 г. в Словении под редакцией поэта Н. Графенауэра вышла книга «Песнь Орфея. Антология мировой поэзии в подборке словенских поэтов», инициатором создания которой выступил литературный журнал «Нова ревия», учрежденный благодаря усилиям демократически настроенных деятелей науки и культуры в 1982 г., на заре зарождающихся в Социалистической федеративной республике Югославия перемен.

В число составителей вошли 32 на тот момент действующих поэта, представляющие весь почти полувековой «срез» современной словенской поэзии: от участника Второй мировой войны Ивана Минатти (1924–2012) до представителя пост-постмодернистской генерации Алеша Штегера (род. 1973). Перед ними была поставлена задача из всей глыбы мировой лирической поэзии отобрать десять «своих» стихотворений и в кратком эссе аргументировать принятое решение. При этом участники проекта имели право работать и с оригиналами, и со словенскими переводами и не были обязаны выступать переводчиками выбранных ими текстов. В итоге в книгу объемом свыше 700 страниц вошло 289 стихотворений 137 авторов (в т. ч. и неизвестных), более половины книги составили стихотворения поэтов XX в. Русская поэзия, в количественном отношении занимающая третье место после французских (18) и английских (14) имен, представлена произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Хлебникова, С. Есенина, В. Маяковского, Б. Пастернака, И. Бродского, она безоговорочно лидирует с точки зрения частоты обращения. Более половины составителей включили стихотворения русских поэтов в свою «десятку». Самым привлекательным оказался Мандельштам — его выбрали 10 участников, Пушкин только второй — семь, но при этом три из них в качестве лирического эталона мировой поэзии представили стихотворение «Я вас любил...», причем в двух вариантах перевода. Это единственный подобный пример в антологии. Стихи Ахматовой привлекли пятерых составителей, Пастернака — трех, Блока и Есенина — двух, Кольцов, Лермонтов, Цветаева, Маяковский, Хлебников, Бродский представлены одним произведением. При этом лермонтовский «Парус» и пастернаковский «Гамлет» выбраны дважды.

В целом русский «сегмент» производит двоякое впечатление. С одной стороны, литературная эрудиция и высокий художественный вкус составителей очевидны, отобранные авторы и произведения заслуживают своего места в издании подобного рода. С другой — налицо явные пробелы. Словенской литературной элите конца XX в. ничего не говорят такие великие русские поэтические имена XIX в., как Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. Н. Некрасов, они не знают творчества Д. Самойлова, А. Вознесенского, Б. Ахмадуллиной, А. Кушнера.

Тик Наталья Александровна,
аспирант, Томский государственный университет

Э. Ло Гатто — итальянский переводчик «Евгения Онегина»

Особое место в итальянской рецептивной истории «Евгения Онегина» занимают два перевода одного автора — итальянского слависта Этторе Ло Гатто. Будучи абсолютно убежденным в невозможности стихотворного перевода «Евгения Онегина» (опираясь на опыт предшественников), Ло Гатто в 1922 г. переводит роман прозой, но спустя 15 лет, в 1937 г. предлагает итальянскому читателю новую, на этот раз поэтическую версию пушкинского шедевра (выполненную традиционным итальянским размером — одиннадцатисложником). В работе исследуется ряд мотивов, побудивших Э. Ло Гатто вторично обратиться к тексту романа, выбор автором образно-лексических эквивалентов и специфика его перевода безэквивалентной лексики, а также проблема выбора поэтической формы для перевода «романа в стихах» в контексте воздействия на переводчика двух противоположных тенденций: традиции национального стихосложения и силы воздействия подлинника. Предметом специального изучения выступают литературно-критические работы Э. Ло Гатто, в которых он освещает ряд вопросов, связанных с его собственным восприятием и интерпретацией пушкинского романа, и переводческими принципами работы над ним. Так, особого внимания заслуживает статья Ло Гатто «Принципы стихотворного перевода романа „Евгений Онегин“» (Criteri di traduzione in versi dell’Evgenij Onegin, 1979) — творческая рефлексия автора спустя более 40 лет после публикации поэтического варианта перевода, а также его исследование «Пушкин: история поэта и его героя» (Puskin: Storia di un poeta e del suo eroe, 1960), в котором Ло Гатто рассматривает роман «Евгений Онегин» как лирический дневник Пушкина, вписывая его в общую концепцию своего понимания творчества поэта. Итогом исследования становится определение особой роли переводов «Евгения Онегина» Этторе Ло Гатто в процессе «вхождения» пушкинского текста в итальянский историко-литературный контекст, а также их влияния на дальнейшую рецептивную историю романа в Италии.

Хасен Шахразед,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ перевода речи персонажей в моменты эмоционального напряжения в романе Стендаля «Красное и черное» на русский и арабский языки

Сравнение разных переводов одного текста рассматривается как один из способов совершенствования перевода. При этом обычно сравнению подвергаются разные переводы на один язык. В докладе представлена попытка сравнительного анализа переводов одного произведения на разные языки. Для анализа выбран роман Стендаля «Красное и черное», где значительную часть занимает диалог. При переводе диалога в художественном тексте переводчик решает как задачу адекватной передачи индивидуаль-

ного авторского стиля писателя, так и задачу передачи средствами другого разговорного языка, с использованием иной эмоционально-экспрессивной лексики, содержательного и эмоционального наполнения оригинального диалога с учетом коммуникативной ситуации, в которой находятся собеседники. В докладе рассматриваются реплики, в которых находят выражение следующие эмоциональные состояния героев: гнев и желание оскорбить собеседника; выражение разнообразных чувств и эмоций (чувства вины, любви и т. п.); ирония по отношению к предмету обсуждения.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

Ачкасов Андрей Валентинович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Параметры Г. Хофстеде в курсе «Локализация вебсайтов»

Понятие локализации вебсайтов в переводоведческих исследованиях тесно связано с понятием культурной адаптации. Нередко процесс и результат локализации вебсайтов определяется как простое сочетание перевода и культурной адаптации, предполагающее модификацию текстового контента вебсайта, его графических компонентов, дизайна в целом и частично кода. Доминирование такого упрощенного понимания локализации вебсайтов обусловлено тем, что оно легко встраивается в лингвистическую парадигму межкультурной коммуникации и широко транслируется индустрией перевода в маркетинговых целях. Технологические аспекты локализации вебсайтов и их поисковая оптимизация, определяющие общую стратегию и глубину локализации, влияющие как на процесс перевода, так и на постпереводческую модификацию контента, остаются за рамками переводоведческих исследований. Использование методики Г. Хофстеде в курсе «Локализация сайтов» позволяет структурировать кросс-культурный анализ вебсайтов на уровнях лингвистического контета, дизайна и поисковой оптимизации.

Васильева Ирина Игоревна,
к. и. н., докторант, Российский университет дружбы народов (Москва)

Интернет-лингводидактика в преподавании перевода: опыт практического применения в вузе

Тема доклада — дидактика, дизайн и реализация курса обучения письменному и устному переводу с использованием смешанных (Blended) интернет-технологий. Рассматривается проектный курс (американский английский язык для профессиональных целей), проведенный в течение двух месяцев с 30 студентами 4-го года очного обучения (бакалавриат) по специальности лингвист-переводчик в 2013–2014 гг. в МЭСИ. В докладе

обозначены цели, задачи и некоторые предварительные результаты педагогического эксперимента по групповому, коллаборативному и автономному обучению лингвистов-переводчиков с помощью новых и доступных интернет-технологий (wiki, Prezi). Использовались реальные аутентичные источники. В проекте сочеталась практика письменного и устного перевода на сайте и очная конференц-презентация групповых проектов с переводом. В докладе обсуждаются сильные и слабые стороны данной модели для обучения профессиональных лингвистов-переводчиков в вузе.

Вишаренко Светлана Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Гордеева Ирина Александровна,
к. б. н., доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Тестирование студентов, обучающихся по специальности «переводчик», лингвистическими и психофизиологическими методами

Общеизвестно, что профессия переводчика не только предъявляет повышенные требования к переводчику в плане лингвистических компетенций, но и требует определенных психологических и психофизиологических качеств, различающихся в зависимости от вида перевода, который выполняет переводчик (А. В. Федоров, И. А. Алексеева, Т. А. Казакова, В. И. Шадрин, А. В. Ачкасов и др.). В качестве установочного авторами был проведен тест КоС (на выявление коммуникативных и организаторских склонностей с участием пяти переводчиков в возрасте от 19 до 40 лет, а также тот же тест с аналогичной группой медиков и работников технических специальностей. Результаты предварительного тестирования показывают, что у 4 из 5 переводчиков доминируют коммуникативные способности, у медиков — организаторские, у студентов технических специальностей низкий показатель по обеим шкалам. Вполне понятно, что для работы переводчиком требуется достаточный уровень лингвистической компетенции, однако известно, что не все люди, хорошо владеющие двумя и более языками, способны выполнять перевод достаточного качества. Оставляя за рамками лингвистические компетенции (лексический запас, достаточную способность трансформировать грамматические конструкции и пр.), обратимся к аспектам, которые могут потребовать дополнительного тестирования. Как известно, все виды устного перевода требуют хорошего восприятия речевой информации на слух, за частую при наличии внешних помех. В связи с этим предложена модифицированная методика речевой аудиометрии [Нейман Л. В. et al., 2001]. При выполнении последовательного перевода переводчику помимо обширного лексического запаса, владения грамматикой ИЯ и ПЯ, знания фоновой информации, требуется большой объем произвольной оперативной памяти, в связи с чем могут быть предложены тесты на ее объем. Небезынтересным может оказаться тест на разнополушарное восприятие.

Для синхронистов может быть предложен тест на быстроту мышления и подвижность нервных процессов и пр., на способность к произвольной концентрации внимания. Авторы стремились отразить различные аспекты, связанные с деятельностью переводчика-практика, и осветить их как с позиций лингвистики, так и с позиций психофизиологии.

Литература:

Нейман Л. В., Богомильский Л. В. Анатомия, физиология и патология органов слуха и речи. М.: Владос, 2001. 224 с.

Войку Ольга Константиновна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

де Конинг Елена,
сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Подготовка социальных переводчиков в Испании и Нидерландах: дидактический аспект

Впервые особое внимание на социальный перевод в Европе было обращено в середине XX в., когда многие европейцы вынуждены были покинуть свои страны в период Второй мировой войны. Однако не следует забывать тот факт, что социальный перевод был одним из первых видов перевода в мире и является той необходимой формой коммуникации в любом культурном обществе, в котором говорящие на одном языке должны взаимодействовать с теми, кто говорит на других языках. На наш взгляд, неопределенность, существовавшая до недавнего времени в самом определении термина «коммунальный» или «социальный» перевод в России, в Испании — перевод «en los servicios públicos», в Нидерландах до настоящего времени нет специального термина для данного вида перевода — все это подтверждает сложность и многоаспектность задач, которые призван решить социальный перевод. На наш взгляд, это наиболее верное и точное название данного вида перевода. Для многих стран современного западного мира, в т. ч. Испании и Нидерландов, ситуация с населением постепенно меняется. В последнее время значительно увеличился поток беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, а вместе с этим расширился и круг проблем, которые надо срочно решать. Иммигранты, беженцы и нелегалы не только привносят в европейские страны свою культуру и/или различные языки, что ограничивает их возможности межкультурной коммуникации, но являются чуждыми европейцам. Часто единственным багажом этих людей являются их собственный язык, культура, традиции и обычаи. Приезжая в европейские страны, иммигранты практически не знают языка и культуры своей будущей страны проживания. Это создает определенные трудности их ассимиляции, усложняет их общение в различных социальных сферах (при поступлении на работу, в учебных заведениях, больницах и прочих государственных учреждениях). Как справедливо считают исследователи социального перевода, правительства европейских стран должны не только оказывать всевозможную поддержку новоприбывшим, но и обеспечить

достойное существование, интеграцию в общество. Об этом, например, говорится в испанском Законе 14/1968 25, в котором оговаривается право пациента на получение медицинской информации в доступной и понятной форме. Наличие профессиональных переводчиков в Министерстве внутренних дел, судах и пр. способно отчасти решить эту проблему, однако не всегда их оказывается достаточно и/или они не владеют всеми языками и диалектами иммигрантов. Западные страны сталкиваются с проблемами, которые связаны с профессиональной подготовкой переводчиков, в первую очередь это недостаточное образование, а также недостаточное знание и уважение профессиональной переводческой этики.

Кавеноки Роза,
профессор, Институт международных исследований при Миддлбери-колледж (США)

Новые направления в обучении переводчиков как ответ на требования рынка

Сегодняшнее состояние рынка перевода. Доля локализационных проектов, заполнение данной ниши 10 лет назад и сегодня. Повышение востребованности магистерской степени по локализации и письменному переводу, причины явления. Специфика организаций, проявляющих интерес к управлению локализационных проектов. Силиконовая долина в Калифорнии как доля рынка. Как Высшая школа перевода в Монтерее заняла ведущее место в подготовке специалистов по локализации и управлению проектами — непростые решения и работа над ошибками. Контингент студентов и изменения в нем за последние несколько лет. Общие и частные тенденции, характерные для взаимодействия рынка и «поставщика продукта».

Лапшина Марина Николаевна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Роль параллельных текстов в формировании переводческой компетенции

1. Так как перевод является когнитивно-коммуникативной деятельностью, понятие эквивалентности в переводе видится как условное приравнивание единицы исходного языка к единице языка перевода. Помимо формально-лингвистической эквивалентности существует эквивалентность концептуальная и социокультурная.
2. Лексические единицы английского и русского языка, принадлежащие к терминологическим системам, являются стилистическими эквивалентами только в рамках научно-технического стиля. В других типах дискурса (массово-информационном, рекламном, обиходно-разговорном) русскому техническому термину соответствует английский стилистически немаркированный аналог, относящийся к нейтральному слою лексики и имеющий ясную внутреннюю форму.

3. Выявить особенности стилистической синонимии в различных стилях речи возможно при помощи параллельные текстов, т. е. текстов одного типа или жанра, описывающих одну и ту же социально-коммуникативную ситуацию и имеющих одинаковую прагматическую задачу.
4. Параллельные тексты являются важной смысловой составляющей дискурса и позволяют выявить традиционные компоненты и прототипические характеристики последнего. Существует связь между дискурсом и общественным контекстом, диктующая переводчику необходимость прибегать к стратегии «перевыражения»: вместо однозначного эквивалента использовать аналог (вариантное) соответствие.
5. Параллельные тексты должны изучаться в рамках контрастивной стилистики, целью которой является выявление создающих определенную стилистическую тональность интегральных и дифференциальных признаков текстов одного и того же жанра в различных языках.

Осипова Екатерина Сергеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Отбор лингвистического материала с целью формирования идиоматической компетенции будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации на основе сетевых ИКТ

Идиоматическая компетенция понимается как совокупность знаний, умений, навыков, составляющих способность будущих переводчиков распознавать идиоматические речевые единицы в устной и письменной речи, интерпретировать их значение и транслировать средствами языка перевода смыслы, заложенные в них. Важное значение для формирования идиоматической компетенции имеет отбор лингвистического материала. Эффективному решению данной задачи будет способствовать методически обоснованное использование сетевых ИКТ, которые могут использоваться для создания лингводидактического корпуса, нацеленного на формирование идиоматической компетенции будущих переводчиков. В качестве базы отбора лингвистического материала в данном исследовании были приняты следующие источники: (а) Британский национальный корпус английского языка; (б) параллельный подкорпус национального корпуса русского языка; (в) сайты российских и зарубежных компаний; (г) ресурсы параллельных текстов; (д) сайты британских и американских СМИ. Привлечение ресурсов сетевых ИКТ с целью отбора лингвистического материала помогают выявить наиболее употребимые, аутентичные и репрезентативные ИРЕ в различных видах институционального дискурса, а также современный текстовой материал. Британский национальный корпус позволяет произвести отбор с учетом просодических особенностей ИРЕ, т. е. дает возможность проанализировать тяготение изучаемых выражений к определенному окружению, тенденцию появляться в определенных контекстах. Использование параллельного подкорпуса НКРЯ дает возможность посмотреть перевод или варианты переводов ИРЕ в различных контекстах. Сайты российских и зарубежных компаний — незаменимый ресурс для отбора

аутентичных и актуальных текстов, содержащих ИРЕ в различных видах институционального дискурса: медицинского — портал «Мед-Инфо» (med-info.ru), Health News (www. healthnews.org.uk), экологического — «Гринпис» (www. greenpeace. org), исторического (исторический-сайт.рф), экономического — сайт Петербургского международного экономического форума (www. forumspb.com/en/2015), научно-технического — «Новости технологий» (techvesti.ru). Сайты британских и американских СМИ представляют «живые» употребления ИРЕ, помогают избежать ряда распространенных ошибок при отборе лексического материала: интерферирующего влияния родного языка, закрепившейся неправильной сочетаемости, фоссилизации ошибки, неправильного употребления идиоматичного выражения с точки зрения узуса. Разработанный нами лингводидактический корпус состоит из следующих подкорпусов: (а) списка идиоматических речевых единиц (ИРЕ), организованных по видам институционального дискурса; (б) корпуса предложений с ИРЕ; (в) корпуса одноязычных текстов, (г) параллельного текстового корпуса.

Юзефович Наталья Григорьевна,
д. ф. н., профессор,
Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

Преподавание перевода как профессиональной деятельности: достижения и поражения (из опыта работы)

Популярность профессии «переводчик» обусловлена открытием отделений по обучению переводу во многих государственных и коммерческих вузах, при этом преподавание перевода осуществляется нередко преподавателями-лингвистами, обладающими навыками преподавания языка, но при этом имеющими весьма поверхностное представление о профессиональной деятельности переводчика.

Используемые ими пособия и учебники зачастую направлены исключительно на обучение переводческим трансформациям; студенты заучивают наизусть терминологические списки, что дает им ложное представление о готовности к переводческой деятельности в данной сфере (из ответа анкеты: «Мы выучили много медицинских терминов, и теперь мы может переводить медицинские тексты»).

Преподаватель-лингвист не может обеспечить коммуникативный подход, т. е. создать модель ситуации реальной деятельности, преподаватель-переводчик, к сожалению далеко не всегда обладает достаточными знаниями методики преподавания. В идеале преподаватель перевода должен иметь опыт в двух сферах деятельности, что вполне реально: например, переводческие бюро ТПП привлекают для внештатной работы преподавателей вуза; профессиональная переводческая деятельность возможна и в туристических компаниях, специализирующихся на въездном туризме.

Мой личный опыт работы в компании «Интурист», еще со студенческих лет, позволяет мне увидеть профессию переводчика изнутри, смо-

делировать ситуации профессионального перевода; при этом я опираюсь и на опыт известных профессионалов (В. М. Суходрева, П. Р. Палажченко, Д. И. Еромловича, И. В. Зубановой и др.). Следует признать, что, к сожалению, даже доступная онлайн информация, сайты профессионалов мои коллеги нередко игнорируют, создается ситуация: «Учим тому, что сами никогда не делали».

Чтобы в некоторой степени облагородить учебный процесс, мною было разработано учебно-методическое пособие, апробированное в ряде вузов моего региона; модель данного пособия предлагается в докладе для обсуждения. Возможно, среди участников конференции есть единомышленники, готовые к сотрудничеству, пособие требует переработки (с учетом опыта его использования), необходимо обновить ряд упражнений.

ДРУГИЕ СЕКЦИИ

БАЛКАНИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА И ВИЗАНТИНИСТИКА

Афанасьева Татьяна Игоревна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Феодор Мелитениот в русских источниках XV–XVII вв.

Феодор Мелитениот — один из крупнейших сановников Палеологовского времени. Он родился в начале XIV в., умер в 1393 г. С середины XIV в. он возглавлял патриаршую школу, и многие его произведения, видимо, предназначались для преподавания. Между 1352 и 1368 гг. он написал большую астрономическую компиляцию, состоящую из произведений Евклида, Птолемея и Феона, а также из персидских астрономических произведений в греческих переводах. Также до 1368 г. он составил «Священное трикнижие», состоящее из тройных толкований на Евангелие, в девяти томах. В ноябре 1360 г. он упоминается как великий сакелларий, а также учитель учителей (διδάσκαλος τῶν διδασκάλων) и дьякон. В 1368 г. он подписал обвинение против Прохора Кидониса — противника Григория Паламы, из чего следует, что Мелитениот был сторонником паламизма: Ὁ μέγας σακελλάριος τῆς ἁγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας διδάσκαλος τῶν διδασκάλων καὶ αρχιδιάκονος τοῦ εὐαγοῦς βασιλικοῦ κλήρου Θεοδώρητος Μελιτηνιώτης.

В русском каноннике ГИМ, Син. 468 1457 года на л. 46 у одного канона читаем такой заголовок: *Канон к господу нашему Иисусу Христу ходатая имѣяи всесвятую Богородицу и честнаго Предтечу и славныа апостолы таже и святыя всѧ . с Богородицею, списан же от великаго сакелїа оучителѧ оучителем святыа великиа Божіа матере . благочестиваго царскаго клироса ѳеѡдора мелетиѡта . прошенїемь благовѣрнаго священноинока господина їѡана архимадрита . приведенъ же на руское . священномнихом ларионом.* Несомненно, что перед нами упоминание о том самом Феодоре Мелитениоте, учителе патриаршей школы и великом сакелларии.

Рукопись Син. 468 содержит много произведений, выполненных книжниками митрополита Киприана и самим митрополитом. Так, здесь встречаются два канона Иоанна Мавропода в переводе ростовского книжника Феодора Симоновского, а также несколько канонов, переведенных Киприаном. Киприан, как известно, был вхож в константинопольскую церковную

элиту, он был синкеллом патриарха Филофея и через него знал, вероятно, его сторонников.

В период вдовства митрополичьей кафедры на Руси после смерти митрополита Алексия (1378–1389) русские посольства годами жили в Константинополе, дожидаясь судов и разбирательства по поводу рукоположения митрополитов. У книжников круга Киприана была возможность бывать в патриаршей библиотеке, в библиотеках константинопольских монастырей. Нам представляется, что знакомство с рукописями Мелитениота и перевод канона всем святым мог быть выполнен именно в это время. Иеромонах Иларион — несомненно, один из книжников киприановского круга. Возможно, это игумен Новгородского Лисицкого монастыря, который в 1396 г. станет архимандритом Симонова монастыря, и которого Киприан назначит коломенским епископом.

Бечина Анна Александровна,
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Позиция автора в повествуемой ситуации коренного переворота в сборнике рассказов «Το τέλος της μικρής μας πόλης» Д. Хадзиса

В центре внимания в нашем докладе находятся принципы организации сюжетной канвы в рассказах сборника «Το τέλος της μικρής μας πόλης» Д. Хадзиса. В докладе проводится обзор рассказов сборника с позиции особенностей сюжетосложения, в ходе которого выявляется импульс для развития сюжета в каждом случае. В большинстве из них таким импульсом является некая сила, имеющая неантропоморфную сущность (например, война или технический прогресс), что позволяет автору подвергнуть осмыслению действительность, которая находится в процессе глубокой трансформации.

В творчестве Д. Хадзиса неизменно находят преломление исторические события, происходившие в Греции в 40-е гг. XX в., а также их предпосылки и последствия. Вторая мировая война, безусловно, пошатнула основы миропорядка во множестве стран, и Греция не исключение. Освещая в своих произведениях столь масштабные события, Д. Хадзис проводит через испытания не только персонажей, затронутых этими событиями, но и весь повествуемый мир в целом.

Новогреческая литература и на предыдущих стадиях развития нередко изображала человека, находящегося в обстоятельствах, заставляющих испытывать лишения, страдать, подстраиваться. Однако именно совокупность факта участия Греции в мировой войне и распространения нового политического самосознания, на наш взгляд, дает толчок радикальным изменениям мировоззрения носителя новогреческой культуры. Подобный перелом на греческой почве обладает особой спецификой: в крупнейших произведениях на более ранних этапах развития новогреческой литературы индивид противопоставлен обществу, частью которого является, изображены особенности функционирования данного общества, постулируется его традиционный характер. Даже самые отъявленные бунтари своим суще-

ствованием подкрепляют установившиеся формы организации общества. В то время как в литературе военного и послевоенного времени и индивид, и то общество, к которому он принадлежит, вовлечены в циркуляцию более мощных сил, намного превосходящих по своим масштабам и общество, и его представителя. Сборник «Το τέλος της μικρής μας πόλης», который уже в своем названии содержит идею трансформации основ миропорядка, не просто возвещает наступление новых времен, но и детально разрабатывает процессы, предшествовавшие коренным изменениям и сопровождающие их, а также модели поведения индивидов, оказавшихся вовлеченными в эти процессы. Основные структурные элементы рассказов, входящих в сборник организованы по принципу параллелизма. Вероятно, можно даже говорить о многократном повторении одного и того же сюжетного хода, а именно ситуации разрушения установившегося миропорядка, в освещении которого всякий раз делаются различные акценты.

Литература:

Χατζής Δ. Το τέλος της μικρής μας πόλης. Αθήνα, 2009.

Вернер Инна Вениаминовна,
к. ф. н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Греческий язык в «Московской Академии» Максима Грека

Основы изучения греческого языка в Московской Руси были заложены в деятельности геннадиевского кружка новгородских книжников и связаны с фигурой доминиканца Вениамина, ученик которого Тимофей на элементарном уровне знал не только латинский, но и греческий языки и в конце XV в. переписал греческую часть рукописи РНБ, Кир.-Бел. 36/41.

С приездом в Москву Максима Грека число русских книжников, в большей или меньшей степени знакомых с греческим, возросло: троицкий монах Селиван в сотрудничестве с Максимом в 1523–1524 гг. перевел с греческого «Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея» и «Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна», в период тверской ссылки в процессе переписывания греческой Псалтыри (РНБ, Соф. 78) Максим обучал греческому Вениамина, ризничего тверского епископа Акакия, с конца 40-х гг. XV в. в Троице-Сергиевом монастыре учеником Максима и инициатором перевода Псалтыри 1552 г. стал Нил Курлятев.

Совокупность дидактических материалов, дошедших до нас в составе различных переводных текстов Максима Грека, позволяет говорить о системном характере обучения греческому языку в процессе перевода. Маргинальные греческие учебные глоссы и комментарии включают в себя фонетику (список омофонов на л. 1 об. Соф. 78 и примеры подобных форм в «Слове отвещательном о книжном исправлении»), грамматику (склонение артикля ὁ, ἡ, τό и местоимения ὅς, ἥ, ὅ, спряжение глагола εἶναι на лл. 2, 108 об. Соф. 78, порядковые числительные ср. рода на л. 13об. сборника сочинений Максима Грека РГБ, ф. 304, № 200) и лексику (греческие синонимы со славянским переводом на л. 159 Соф. 78 и в интерлинеарных списках Псалтыри 1552 г.).

Интерлинеарный текст Псалтыри 1552 г. (РГБ, ф. 173.I № 8 и 9) значительно расширяет наши знания о бытовании греческого языка в окружении М. Грека. Помимо большого количества лексических и грамматических глосс (часть из которых снабжена греческими соответствиями), особую ценность представляет запись греческого подстрочного текста, выполненная «модифицированным» славяно-греческим полууставом. Эта запись отражает живое греческое произношение с помощью многочисленных орфоэпических помет, сделанных киноварью над греческим текстом: над ϑ часто стоит славянская буква «твердо», над конечной ς — «земля», отмечающая озвончение [s] перед следующим словом на губной звук, такое же озвончение звуков [p], [t] и [k] передают «буки», «добро» и «глагол», написанные над греческими π, τ, κ, стоящими после сонорного [n], υ в составе дифтонгов произносится как согласный [v или f] и над ипсилоном в этих случаях стоит «фита».

Запись греческих глосс на полях часто использует курсивные написания букв и является орфоэпической — т. е. отражает итацизм, стяжение дифтонгов, чтение «ипсилон» как [и], «теты» как [т] и другие особенности греческого произношения XVI в.

Ганенкова Татьяна Сергеевна,
к. ф. н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Согласование по числу в современном литературном македонском языке

В настоящем докладе исследуется согласование по категории числа в современном македонском литературном языке. Исследуются случаи эллипсиса, когда повторяющееся существительное опускается, а второе остается в форме единственного числа (*македонскиот и рускиот јазик*, букв. *македонский и русский язык*), при этом, если указанное словосочетание находится в позиции прямого дополнения, то маркирование определенного прямого объекта происходит при помощи показателя в форме множественного числа (*ги споредувам македонскиот и рускиот јазик,* букв. **их сравниваю македонский и русский язык*). Если данное словосочетание является подлежащим, сказуемое стоит в форме множественного числа независимо от порядка слов (*во школото се учат македонскиот и рускиот јазик,* букв. *в этой школе изучаются македонский и русский язык*). Отдельно рассматривается случай, когда имеется ряд существительных, каждое из которых стоит в форме единственного числа. Если они находятся в позиции прямого дополнения, то маркирование определенного прямого объекта происходит при помощи показателя в форме множественного числа (*ги покани Иван и Петар,* букв. **их пригласил Ивана и Петра*). Если существительные находятся в позиции подлежащего, сказуемое стоит во множественном числе (*Иван и Петар беа добри другари* ‘Иван и Петр были хорошими друзьями’). Исследуется вопрос, возможно ли согласование по единственному числу при обратном порядке слов (*?Тука се наоѓа театарот на Вахтангов, спомен-куќата на Пушкин и многубројните кафулиња* ‘Здесь находится театр

Вахтангова, дом-музей Пушкина и многочисленные кафе’). Кроме того, рассматривается вопрос, может ли одно определение согласовываться с рядом существительных во множественном числе (по предварительным данным, такой вариант является неграмматичным, **Исечи ги излупените јаболко и круша!* ‘Порежь очищенные яблоко и грушу!’). Отдельно анализируются случаи согласования по числу сказуемого с подлежащим при противоречии семантического и грамматического числа у существительного или местоимения в позиции подлежащего (*Вие сте заинтересиран* и *Вие сте заинтересирани* букв. *Вы заинтересован* и *Вы заинтересованы* при обращении к одному лицу, а также примеры типа *Група студенти го блокира влезот во Ректоратот* и *Група студенти го блокираат влезот во Ректоратот*, букв. **Группа студентов его блокирует этот вход в ректорат* и **Группа студентов его блокируют этот вход в ректорат*).

Голант Наталия Геннадьевна,
к. и. н., научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Элементы политической сатиры в сценариях весеннего карнавала (фашанка) в румынском Банате

Обычай проведения весеннего карнавала в Румынии ограничивается территорией Баната. Он был заимствован православным румынским населением у соседей-католиков, в первую очередь у немцев. «Католическая колонизация» Баната пришлась на первые десятилетия его пребывания в составе империи Габсбургов — между заключением Пожаревацкого мира в 1718 г. и смертью Иосифа II в 1790 г.

Термином *фашанк* (рум. *faşanc*) у румын Баната обозначаются практики, имеющие место преимущественно в понедельник и вторник первой недели Великого поста. Традиционным для банатского *фашанка* является наличие таких сценариев, как свадьба (сценарии «свадьба кизила» в с. Рудэрия, «беременная невеста» в с. Лэпушнику-Маре) и похороны («похороны фашанка» в с. Гырлиште, «покойник фашанка» в с. Кэрбунарь и др.), а также таких персонажей, как «поп», «доктор», «сборщик налогов», «жандармы» и др.

Более поздней тенденцией является вывод на сцену событий, имевших место в течение года в не только в самой общине, но также в стране или в мире. Это могут быть местные скандалы, сюжеты популярных телесериалов, политические события (массовые забастовки, организованная преступность, коррупционные скандалы, памятные военные действия). Так, *фашанк* в шахтерском городке Молдова-Ноуэ в округе Караш-Северин идет в ногу с реальностью, и в большей степени отражает события общерумынской политической и культурной жизни, нежели события местного значения. В конце 1990-х гг. в Молдова-Ноуэ имели место карнавалы, организованные как суд над контрабандистами, перевозившими товары в соседнюю Сербию (в период действия международных санкций против Югославии) и как инсценировка марша шахтеров на Бухарест. Эти события отражены в фильме «Mascaţii» («Ряженые»), созданном в 2001 г. на Тимишоарской

студии Румынского телевидения, научным консультантом которого была румынский этнолог Отилия Хедешан.

В последние годы события общерумынской общественно-политической жизни выходят на передний план и в карнавалах, имевших место в коммуне Вэлюг (округ Караш-Северин). Так, сюжеты здешних карнавалов 2013 и 2014 гг. были связаны с коррупционными скандалами, в которых были задействованы такие известные в стране персоны, как Елена Удря и Джиджи Бекали. Эти особенности карнавалов в Молдова-Ноуэ и Вэлюге стали причиной их выбора для рассмотрения в докладе.

Литература:

1. *Хедешан О., Голант Н.* Карнавал в румынском Банате: полевые исследования в Молдова-Ноуэ // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 301–311.
2. *Hedeşan O.* Lecţii despre calendar. Timişoara, 2005.
3. *Hedeşan O.* Feţele unei identităţi reinventate. Obiceiuri tradiţionale în Banat // «Lumina». An. LVIII. Pančevo, 2005. Nr. 4–5–6. Pp. 65–72.
4. *Marian S.* Fl. Sărbătorile la români. Vol. II. Bucureşti, 1889. Pp. 14–15.
5. *Papahagi T.* Din folclorul romanic şi cel latin. Bucureşti, 1923.

Гончарко Оксана Юрьевна,

к. филос. н., магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Стилистические и жанровые характеристики диалога «Ксенедем, или Гласы» Феодора Продрома

Диалог «Ксенедем, или Гласы» [Anecdota Graeca, 1836] написан в платоновской традиции. Параллели с диалогами Платона — в первую очередь, с «Теэтетом» и «Федром» — многочисленны и очевидны. У Платона заимствуются сюжетные ходы, мотивы, пословицы, выражения и отдельные слова. Есть целый ряд критериев, позволяющих отнести «Ксенедема» к жанру «платоновского диалога». Так, в нем отчетливо проявляются все стилистические характеристики этого жанра, выделенные А. Ф. Лосевым:

1) вопрос-ответная структура;
2) отдельные риторически оформленные законченные речи (небольшие монологи собеседников);
3) бытовая драматическая сцена;
4) отвлеченно-философские рассуждения, пронизанные и страстью к вопрошанию, и «драматизмом мысли», и «афористическими формулами», «возвышенным трагизмом» и веселым комизмом, глубоким юмором и восхвалениями, вплоть до «убийственной иронии», «уничтожающей пародии», «злой сатиры» и сарказма [Лосев].

Перечисленные у Ф. Х. Кессиди логические характеристики платоновского жанра также присутствуют в диалоге «Ксенедем»:

1) майевтика как «метод наводящих вопросов»: диалог между Теоклом и Ксенедемом построен таким образом, что основные радикальные суждения Теокла относительно определений Порфирия сформулированы как вопросы, и к затруднению относительно них приходит именно Ксенедем;

2) диалектика как «метод исследования понятий»: вопросы Теокла приводят Ксенедема к выводу о противоречивом характере основных определений Порфирия;
3) индукция как «разбор сходных случаев»: Теоклом представлены разные возможности определить понятия «род», «вид», разные возможности разделить понятие признака собственного и пр.;
4) гипотезы как «разбор предварительных определений»;
5) ирония и как «способ ведения диалога», и как «отличительная черта диалектического метода Сократа»: отдельные реплики Теокла по поводу Гермагора, а также способности Ксенедема давать «хорошие» определения и пр.;
6) скептицизм: общее настроение Теокла и метод поиска определений, а также сюжетный итог диалога «Ксенедем» [Кессиди, 1988].

Исследование осуществляется при содействии РГНФ, проект № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

Литература:

1. *Кессиди Ф. Х.* Сократ. М.: Мысль, 1988.
2. *Лосев А. Ф.* Комментарии к диалогам Платона // Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1990–1994.
3. Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium / Ed. J. A. Cramer. Vol. 3. Oxonii, 1836. Pp. 204–215.

Дугушина Александра Сергеевна,
аспирант, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Морозова Мария Сергеевна,
к. ф. н., научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Мрковичи и их соседи: о чем может рассказать брачная география?

Вплоть до первой половины XX века в Черногории и Северной Албании сохранялась племенная организация общинной жизни, возродившаяся в этой части Балкан в период после османского завоевания. Единство родоплеменной группы, *племени* (срб.-хрв. *pleme*) и *фиса* (алб. *fis*), занимавшей отдельную территорию, изначально основывалось на представлении об общем происхождении. Однако в результате миграций население черногорских (и в меньшей степени северноалбанских) племенных областей становилось неоднородным: новоприбывшие сливались в единое — с точки зрения территории — племя с потомками старожилов [Ровинский, 1897: 135].

Сведения об истории формирования черногорских племен (см. труды В. Богишича, А. Йовичевича, Й. Эрделяновича, П. А. Ровинского и др.), извлекаемые из устных преданий и документов, проливают свет на миграционные процессы и этноязыковую ситуацию в регионе в прошлом.

Дополнительным источником оказываются данные о брачных связях современных семейств, сохраняющих свою «племенную» идентичность.

В докладе речь пойдет о сербохорватскоязычном племени мрковичи, проживающем в Черногорском Приморье. Большинство причисляющих себя к мрковичам — мусульмане. Основываясь на данных источников [Јовићевић, 1965/2012; Вујовић, 1922] и нарративах, собранных нами в экспедициях 2012–2015 гг., мы констатируем, что племя гетерогенно по своему составу, причем старое и пришлое население имеется во всех селах племенной области.

В системе брачных отношений реализуются две основные тенденции: типичные для черногорских племен внутриплеменные браки и специфические брачные связи с албанским и славянским мусульманским населением соседних краин. Сегодня межэтнические браки характерны для равнинных сел области, благодаря чему они двуязычны в отличие от высокогорных поселений, население которых полностью монолингвально. Анализ брачной географии с привлечением языковых данных (албанские заимствования и кальки в «старой» терминологии родства: *nanabába* ‘бабка по отцу’, *babovéjli* ‘дед по отцу’; патронимические образования) позволяет предположить, что в этих селах ранее мог присутствовать албанский или как минимум славянский билингвальный элемент.

Особое внимание уделено ситуации в билингвальном селе Веля-Горана. Сделана попытка реконструировать сценарий установления брачных связей пришлых жителей Веля-Гораны с другими мрковичами и их соседями.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Литература:

1. *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1, ч. 2. СПб.: Типогр. импер. Акад. Наук, 1897.
2. *Вујовић Л.* Мрковићки дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре). Подгорица: Савјет Муслимана Црне Горе, 1965/2012.
3. *Јовићевић А.* Црногорско Приморје и Крајина // Српски етнографски зборник 23. Београд, 1922.

Ермолин Денис Сергеевич,
к. и. н., младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Открытки с видами Приштины (Косово): тексты и контексты

Целью доклада является анализ способов репрезентации городского пространства Приштины (Косово) посредством открыток как особого рода полиграфической продукции в разные исторические периоды в различных политических образованиях. Кроме того, в рамках исследования был проведен текстологический анализ надписей, представленных на открытках? — как сопроводительных помет издателя, так и сообщений адресанта. Одним из ключевых параметров, на которые обращал внимание автор, является выбор языка и алфавита.

Актуальность работы заключается в том, что оно предлагает новые подходы в рамках изучения полиграфической продукции (карт, путеводителей, почтовых марок и др.) в качестве проводников определенных политических установок (см. работы Д. Вуда, Дж. Крэмптона, П. Раенто и С. Брунна и др.). Данная проблематика и задает теоретическую рамку исследования — за основу берется критический анализ визуальной и текстовой информации с учетом исторических, политических и социокультурных контекстов.

К настоящему моменту было проанализировано 109 открыток, причем в выборку попали лишь те, которые однозначно отсылают к репрезентации Приштины (а не, скажем, Косово или Югославии в целом). Это достигается посредством надписей «Приштина», «Привет из Приштины» и пр. на лицевой или оборотной стороне открытки.

Проанализированные источники хранятся в Национальной Библиотеке Сербии, а также в Архиве Косово, личных архивах информантов; 8 современных открыток было приобретено во время полевой работы в Косово (2013–2015 гг.). Хронологические рамки источниковой базы охватывают весь XX и начало XXI в.

Для настоящего исследования важным также является определение государственной «принадлежности» источников, поскольку это поможет вскрыть механизмы и принципы репрезентации городского пространства в различные исторические периоды. Данную информацию удалось получить в результате анализа:

- прямых указаний на год выпуска открытки,
- указания даты человеком, отправившим открытку,
- почтовых марок,
- прочих косвенных фактов из истории города (например, исходя из знания года постройки некоторых знаковых зданий, времени функционирования типографий и пр.).

Первичный анализ визуального и текстового контента полиграфической сувенирной продукции (на примере почтовых открыток) позволяет сделать следующие предварительные выводы:

- выбор объектов и видов для публичного тиражирования, а также способ подачи этой информации далеко не случаен — за этим, как правило, прочитывается ясный идеологический месседж, целью которого является формирование совершенно определенного официального лица города;
- в процессе репрезентации на почтовых открытках одни и те же объекты культурного ландшафта меняют свои функции и коннотации в зависимости от исторического периода и политической ситуации.

Каминская Лариса Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Значения и функции юссива в албанском языке: к постановке проблемы

Объектом исследования являются глагольные конструкции, несущие общее значение побуждения к совершению действия (Le të shkojnë ata! ‘Пусть они пойдут!’). Эти конструкции в албанском языке образуются ана-

литически при помощи частицы *le*, этимологически восходящей к императиву второго лица единственного числа глагола *lë* ‘позволять, допускать, разрешать’, и конъюнктива смыслового глагола. Тот факт, что маркер ‘le’ не принадлежит к парадигме смыслового глагола, по мнению В. Фидлера, свидетельствует в пользу морфологизации рассматриваемых нами конструкций. В албанской грамматике такие конструкции не выделяются в качестве самостоятельной категории и традиционно рассматриваются в составе конъюнктива для выражения коммуникативных намерений говорящего: императива, оптатива, пермиссива, нонкуратива (безразличия). Ряд исследователей (В. Фидлер, В. Брой) рассматривают конструкции типа ‘le të shkojmë’ в качестве самостоятельного наклонения, юссива. в. Фидлер определяет как основное — значение безразличия (нонкуративное): говорящий пытается самим фактом своего высказывания допустить существование ситуации и выражает свое отношение к ней, как бы снимая с себя ответственность за действие, о котором сообщает [Fiedler, 1987: 148]. Fjongola ra në vatër... Le të digjet. ‘Бант упал в огонь... Ну и пусть сгорит’. В. Брой, вслед за Фидлером, указывает в качестве основной функции юссива — выражение безразличия, отстранения говорящего от высказываемого [Breu, 2013: 15]. Më atë le të shkojnë kush të doje. ‘С ним пусть идут все. кто хочет’. Анализируя спектр значений юссива, В. Брой высказывает предположение, что возможности замещения юссивом других наклонений являются результатом размытости его основного значения, а не полисемией как граммемы. Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы на основании выборки из Албанского национального корпуса (Albanian National Corpus / Korpusi nacional i gjuhës shqipe) рассмотреть все возможные случаи использования юссива (распределение по временам, лицам и числам, семантическим группам предикатов, функциональным стилям), проанализировать значения, выявить основное и решить вопрос о его статусе в качестве самостоятельного наклонения.

Литература:

1. Gramatika e gjuhës shqipe. V. 1: Morfologjia. Tiranë: Akademia e Shkencave, 2002. 253 f. 320–323.
2. *Buchholz O, Fiedler W*. Albanische Grammatik. Leipzig: Verlag Enzyklopadie, 1987. 580 S.
3. *Breu W.* The Category of Mood in Albanien and its Varieties // Hylli i Dritës, 2013. 102. 15–50.

Капетанович Амир,

Sc. D., профессор, Институт хорватского языка и лингвистики (Загреб, Хорватия)

Aorist used to express the future in old Croatian language sources

The aorist in the Croatian language is used mainly to express actions, states, or events in the past, and so aorist is mainly formed from perfective verbs. In the past, croatian aorist could be formed from both perfective and imperfective verbs. When it was formed from imperfective verbs, it had the semantic dimension of «determined imperfectiveness», since it was used to indicate an action of limited length [Hercigonja, 1983]. Aorist has disappeared

from many modern Croatian dialects, and its usage in the modern Croatian standard language is limited and often stylistic, although it has been noted that it has returned to use in some communicational situations (text messaging). Modern Croatian grammars register its relative usage (e. g. [Katičić, 1991; Barić et al., 1995; Raguž, 1997, Silić, Pranjković, 2005]), and explain how aorist is also used for «recent actions and for imminent and planned future actions», or «in recent past and immediate future contexts» [Stanojević-Geld, 2011]. In Croatian language in the past, aorist was also used to express future action, e. g. «Ako se ***izbavih*** ja muk ovih, tu ću t' želju ja odneti» [Hektorović, 1568]. The usage of aorist in conditional sentences is especially apparent, and has been noted by some researchers to date [Zima, 1887; Malić, 1992–1993]. Some research points to this type of usage in some Štokavian dialects [Pavlović, 2006], however examples from old Croatian texts confirm that this usage also existed in Čakavian sources.

The goal of this paper is to analyse the usage and meaning of the aorist future forms in Croatian language in the past, especially the structural characteristics (often in conditional sentences) and communicational situations in which the aorist was used in this manner and the meaning of such aorist forms, which could also prove useful to future Slavic and Balkan morphosyntactic research.

Литература:

1. *Barić* at al. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1995.
2. *Hercigonja E.* Nad iskonom hrvatske knjige. Zagreb, 1983.
3. *Katičić R.* Sintaksa hrvatskoga književnoga jezika. Zagreb,1991.
4. *Malić D.* Izricanje budućnosti u Žićima svetih otaca // Filologija. 1992–1993. 20–21, 283–292.
5. *Raguž D.* Praktična hrvatska gramatika. Zagreb, 1997.
6. *Silić J., Pranjković I.* Gramatika hrvatskog jezika za gimnazije i visoka učilišta. Zagreb, 2005.
7. *Stanojević M.-M., Geld R.* New current relevance in Croatian: epistemic immediacy and the aorist // Patard A., Brisard F. (eds.) Cognitive Approaches to Tense, Aspect, and Epistemic Modality. Amsterdam; Philadelphia, 2011. Pp. 159–180.
8. *Павловић С.* Кондиционална клауза у старосрпској пословноправној писмености, Јужнословенски филолог. LXII. 2006. 113–138.
9. *Zima L.* Njekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine, Djela JAZU, 7. Zagreb, 1887.

Кисилиер Максим Львович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О глоссировании новогреческих диалектных текстов

Идея поморфемного глоссирования текста, т. е. создания подстрочного морфологического комментария, возникла более трех десятилетий назад. В первую очередь глоссы обязаны своим появлением Кристиану Леманну [Lehmann, 1983], а их дальнейшее развитие связано с именами Бернарда Комри, Мартина Хаспельмата и Бальтазара Бикеля, сформулировавших

т. н. «Лейпцигские правила глоссирования». На эти десять правил ориентируется подавляющее большинство современных лингвистов при оформлении своих примеров (последняя версия правил доступна в Интернете: http://www. eva. mpg. de/lingua/resources/glossing-rules. php).

Довольно быстро глоссирование стало неотъемлемым атрибутом публикаций лингвистических работ, однако неоэллинисты еще только начинают им пользоваться, и, к сожалению, в большинстве исследований по вопросам грамматики, истории и диалектологии греческого языка примеры не снабжены глоссами (ср.: [Horrocks, 1997; Кисилиер, 2009; 2011]). В тех редких работах, где глоссирование используется (например: [Karatsareas, 2011; Markopoulos, 2009]), оно лишь частичное и является исключительно инструментом оформления, а не исследования.

В докладе будут рассмотрены некоторые проблемы, с которыми исследователь неизбежно сталкивается при глоссировании греческих диалектных текстов, а также будет продемонстрировано, что эти проблемы выходят за рамки собственно грамотного оформления научного текста, и представляют собой целый комплекс научных вопросов, решение которых связано с исследованием морфонологии и морфосинтаксиса новогреческого языка и его диалектов.

Использован языковой материал из цаконского, понтийского, критского, каппадокийского, кипрского и северногреческих диалектов, румейского языка, грико и греческого диалекта Дропула.

Литература:

1. *Кисилиер М. Л.* Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха. СПб.: Нестор-История, 2011.
2. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 г. / ред. М. Л. Кисилиер. СПб.: Алетейя, 2009.
3. *Horrocks G. C.* Greek. A history of the language and its speakers. London; New York: Longman Publishing group, 1997.
4. *Karatsareas P.* A study of Cappadocian Greek nominal morphology from a diachronic and dialectological perspective. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Cambridge: University of Cambridge, 2011.
5. *Lehmann C.* Directions for interlinear morphemic translations // Folia Linguistica, 16. 1983. 193–224.
6. *Markopoulos T.* The future in Greek: from Ancient to Medieval. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.

Климова Ксения Анатольевна,

к. ф. н., старший преподаватель,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Особенности народной мифологии села Эммануил Папас (по полевым материалам 2015 г.)

В докладе представлены особенности современных народных мифологических воззрений жителей греческого села Эммануил Папас (ном Серрес), до 1927 г. известного как Довишта (Δοβίστα).

Работа основана на полевых материалах, собранных в сентябре–октябре 2015 г. в результате экспедиции группы студентов и преподавателей МГУ.

Выбор пункта для обследования был обусловлен многими причинами: интересной местной историко-культурной ситуацией, яркими особенностями местного говора и фольклорных традиций, а также готовностью местных органов оказать организационную и финансовую поддержку.

Согласно историческим сведениям, село впервые упоминается в 1454 г. в налоговых документах, где указано, что там в то время проживало 27 греческих семей.

Впоследствии село в разных источниках упоминается и как чисто греческое, и как смешанное, с греческим и славянским населением. Довишта входила в состав Дарнакохорья, деревень с преимущественно греческим населением, расположенных в регионе, богато заселенном другими этническими группами (болгары, влахи).

Сейчас в селе проживает 1121 человек, подавляющее большинство — греки.

В ходе экспедиции был собран материал по этнолингвистической программе МДАБЯ, составленной А. А. Плотниковой, в т. ч. мифологическая лексика и многочисленные тексты несказочной прозы.

На лексическом уровне особо стоит выделить лексемы *Καλότκες* (Sg. *Καλότκα* < *Καλότυχες*) в значении ‘нереиды’ (*Νεράιδες*) и *νήσκωμα* (Pl. *νησκώματα* < *ήσκιος*) в значении ‘персонаж с неясным обликом, живущий в пустынных местах, появляющийся преимущественно ночью и пугающий людей’ (ср. общегреч. *στοιχειό*).

Наряду с указанными лексемами используются и общегреческие варианты *Νεράιδα, στοιχειό*.

Большой интерес представляет также лексема *τσαλαπατημένο (παιδί)* ‘больной ребенок, которому навредили нереиды’.

Наряду с греческим мифологическим именем *μόρα* бытует вариант *μορεάβα* ‘персонифицированный ночной кошмар’, восходящий, очевидно, к соседней болгарской традиции (< *морава*).

Были зафиксированы представления о воздушном демоне-персонификации грозовой тучи *Λάμια, Ζουλάπ’*, а также а также дополнительное значение лексемы *Λάμια* — ‘прожорливый человек’.

Балканизм *στρίγλα* (< лат. *strigula*) используется только в значении ‘злая, сварливая женщина’.

Примечательно, что некоторые ключевые элементы новогреческой народной мифологической системы практически полностью отсутствуют в местной традиции, например, поверья о Мойрах (единичные случаи фиксации, вероятно, обусловлены влиянием книжной традиции).

Представления о домашнем демоне-хранителе в виде змеи, *σπιτικό σπίτι (λαφιάτης)*, также практически не встречаются.

Для выводов о месте культурного идиолекта села среди греческих и славянских сел греческой Центральной Македонии потребуется дальнейшая исследовательская работа.

Козак Вячеслав Викторович,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Чакавские и церковнославянские элементы в языке буллы Григория XI ордену паулинов

Актуальными задачами изучения симбиотических сообществ славян и романцев Истрии и Далмации являются: 1) установление инвентаря используемых ими литературных языков [Mihaljević, 2011], 2) соответствующая классификация памятников письменности [Kapetanović, 2015] и 3) последующее изучение взаимодействия и дистрибуции этих языков на фоне этнического симбиоза.

В существующей научной традиции язык славянского перевода буллы 1371 г. папы Григория XI ордену паулинов, как и других памятников права Истрии и Далмации XIV–XV вв., характеризуется как чакавский [Milčetić, 1916: 427; ср. Kuzmić, 2009: 451] в противоположность церковнославянскому языку или их промежуточному варианту. Это подтверждается целым рядом морфологических особенностей: окончания -ga в M/N. GEN. SG (v(a)šega), -e в F. GEN. SG, F. NOM. PL, M/F. ACC. PL (regule F. GEN. SG, kloštre M. ACC. PL, desetine F. NOM. PL), -ovъ (-evъ), -ь и -i в M. GEN. PL (b(i)sk(u)povъ, b(i)sk(u)pi, b(i)sk(u)pь; kralevъ, krali), -u в F. INS. SG (ap(usto)lsku, šegavu, silu), -mo в PRS.1PL (dopuĉamo), -ø в PRS.3SG/PL (imaû, pristoe, prebivaû), диалектные формы глагола biti (e, smo, esu, su).

В то же время число параллельных церковнославянских форм в памятнике также достаточно велико и в некоторых случаях не уступает числу диалектных форм: окончания -go в M/N. GEN. SG (v(a)šego, sego), -tь в PRS.3SG/PL (primutь, pristoit, prebudutь). В значительно меньшем объеме присутствуют и формы с окончаниями -i в F. GEN. SG, F. NOM. PL, M/F. ACC. PL (zamêri F. GEN. SG, v(ê)ki M. ACC. PL) и -mь в PRS.1PL (pristaemь). Данные наблюдения позволяют отнести буллу папы Григория XI к памятникам гибридного «чакавско-церковнославянского» языка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект «Средневековый славянский перевод буллы Папы Григория XI Ордену паулинов», № 15-34-01252 (а)).

Литература:

1. *Kapetanović A.* Reflections of Church Slavonic — Croatian diglossia on the Baška tablet: a new cotribution concerning its language and linguistic layers // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 60. No. 3. Potsdam, 2015. S. 335–365.
2. *Kuzmić B.* Jezik hrvatskih srednjovjekovnih pravnih spomenika / Bičanić A. (ur.) // Povijest hrvatskoga jezika. 1. knjiga: srednji vijek. Zagreb, 2009. Str. 405–455.
3. *Mihaljević M.* Položaj crkvenoslavenskoga jezika u hrvatskoj srednjovjekovnoj kulturi / Велев И., Гиревски А., Макаријоска Л., Пиперкоски И., Мокрова К. (ред.) // Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Свети Наум Охридски и словенската духовна, културна и писмена традиција» (организиран по повод на 1100-годишнината от смртта на св. Наум Охридски). Скопје, 2011. С. 229–238.
4. *Milčetić I.* Hrvatski prijevod bule pape Grgura XI. pavlinima: regule svetoga Augustina na «Ugrih» i po drugim stranama // Starine JAZU. Knj. XXXV. Zagreb, 1916. Str. 426–431.

Конёр Дарья Владимировна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
Макарова Анастасия Леонидовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Феномен села Ябалча в регионе Карашево, Румыния

Одним из самых интересных с точки зрения контактологии, но при этом не описанных лингвистами славяноязычных сел румынского Баната является село Ябалча. Вместе с шестью другими населенными пунктами, самый крупный из которых — с. Карашево, Ябалча образует место компактного проживания карашевцев — славянского микронарода католического вероисповедания, говорящего на архаичном южнославянском диалекте (видимо, восходящем к косовско-ресавской или призренско-тимокской диалектной группе) [Radan, 2000].

Село Ябалча в языковом плане представляет собой исключительную для данной области ситуацию, т. к., не переставая относить себя к карашевцам, в повседневной коммуникации его жители используют один из вариантов румынского языка с не установленной ранее диалектной аттрибуцией. При анализе его основных особенностей (прежде всего лексического и фонетического плана) на примере лексики, собранной во время экспедиций в область Карашево в 2013–2015 гг., авторы доклада устанавливают его прямую связь с банатским (суб)диалектом дакорумынского языка (*dialectul bănăţean*). Так, в области фонетики отмечаются типичные для банатского (суб)диалекта переход дентальных *t*, *d* в палатальные аффрикаты (*fraće, cârnać*); смягчение *l*, *n*, *r* перед *e*, *i* (*bi**ń**e, vi**ń**e*); появление закрытого *i* на месте е (*brăşiril**i**, ciucuril**i***). Присутствуют в ябалчанском румынском и многочисленные банатские регионализмы: *śutura, chimeşă, śińste, broancă* и др. С другой стороны, значительное количество прямых заимствований из карашевского славянского, особенно заметных в традиционной и обрядовой лексике (*ogrleac, strani, đever*) позволяют говорить о ябалчанском румынском как об особенной форме банатского диалекта, сформировавшейся в результате длительного симбиоза романского и славянского населения.

В докладе также уделяется внимание дискуссионному вопросу о том, перешли ли ябалчане на румынский язык или, напротив, мы имеем дело с сохранением языка, всегда присутствовавшего в области Карашево благодаря румынскому компоненту в этногенезе самих карашевцев [Simu, 1939], а также вследствие контактов с банатскими румынами.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Литература:

1. *Вахтин Н. Б.* Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Филол. н. № 1. СПб., 2001.
2. *Соболев А. Н.* О неким јужнословенским говорним оазама у источној Србији, западној Бугарској и Румунији (Вратарница, Ново село, Свиница) //Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XXXVIII/2. Нови Сад, 1995.

3. *Caragiu-Marioţeanu M.* Dialectologie română. Bucureşti, 1977.
4. *Radan M.* Graiurile caraşovene azi. Fonetica şi fonologia. Timişoara, 2000.
5. *Simu T.* Originea craşovenilor. Studiu istoric şi etnografic. Lugoj: Tipografia Corvin, 1939. 140 c.

Макарова Анастасия Леонидовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Система прошедших времен в диалектах региона Преспа

В докладе представлен результат исследования системы прошедших времен в диалектах трех балканских этнических групп, проживающих в регионе Преспа (Македония), — македонцев, албанцев и арумын. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Сбор языкового материала проходил в 2014–2015 гг. на базе составленной автором грамматической анкеты, основанной на противопоставлении лексических и грамматических языковых значений с опорой на фундаментальную классификацию предикатов Ю. Д. Апресяна [Апресян, 2003]. Диагностические контексты, представленные в анкете, распределены по семантическим классам, выделяемым в соответствии с классификацией; каждому стимулу присваивается то или иное контекстуальное грамматическое значение (представлен весь набор грамматических значений, которые может принимать балканский глагол в претерите).

Примеры собранных посредством анкеты материалов:

1. Семантический класс: прототипическое действие; грамматическое значение: результативный перфект: мак. сите овие книги ги имам прочитано; алб. gjita këto libra i kam lexuar; арум. tute aiste kărc lem g'uvusită.
2. Семантический класс: занятие; грамматическое значение: давнопрошедшее: мак. јас порано читав многу книги, порано; алб. unë më rërpara kurdoer lexonja libra plot; арум. io kama ninte g'uvusem multe kărc.
3. Семантический класс: прототипическое действие; грамматическое значение: адмиратив: мак. толку многу никогаш не сум продала! алб. aq shumë asnjëherë nuk kam shitur! арум. ahăt multu pute nom vindută!

Делаются выводы о том, что в претеритальной системе глагола всех обследованных преспанских диалектных идиомов существует один и тот же набор грамматических значений. В ряде случаев эти значения реализуются изоморфно, т. е. посредством одинакового набора глагольных форм, см. примеры (1), (2).

В ряде иных случаев, в особенности в контекстах, где глагол-стимул реализует то или иное модальное значение (адмиратив, эвиденциал), глагольные системы не всегда демонстрируют изоморфизм, однако формы, используемые каждым языком, будут регулярно изофункциональны формам, используемым другими языками. Так, в примере (3) македонская л-форма закономерно соответствует посессивному перфекту в албанском и арумынском при выражении адмиративного значения.

Можно полагать, что обнаруженные в ходе исследования частично изоморфные изофункциональные претеритальные системы сложилась, в результате би- и мультилингвизма (в прошлом и настоящем) жителей региона.

Литература:

Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. СПб., 2003. С. 7–21.

Новик Александр Александрович,
к. и. н., доцент, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Экспедиционные исследования в селе Маргаритово (Приазовье): в поисках исчезнувших арнаутов

В июле 2015 г. состоялась экспедиционная поездка в Ростовскую область России. Основная часть исследований проводилась в с. Маргаритово Азовского района, а также в г. Азов. Задачи экспедиции включали вопросы изучения этнокультурной ситуации в регионе Приазовья, в российско-украинском пограничье. Интерес к данному ареалу определен научными целями — необходимостью исследования мест бывших поселений выходцев из Юго-Восточной Европы — потомков т. н. арнаутов. Анализ полученного экспедиционного материала свидетельствует о чрезвычайно разных подходах в самоидентификации и определении маркеров самосознания среди жителей Азовского района Ростовской области. В с. Маргаритово практически все опрошенные (их было более 100 человек) показали высокую осведомленность в вопросах этнической истории своего региона и родного села. Зафиксированные нарративы позволяют сделать вывод, что значительная часть (около 30% информантов) склонны считать себя прямыми потомками переселившихся в Российскую империю в последние десятилетия XVIII в. арнаутов — греков и албанцев. Тесным образом с темой самоидентификации связаны вопросы родного языка. В наши дни основной язык общения — русский. Одной из возможных причин утраты греческого и албанского языков в данном регионе, наряду с ассимиляционными процессами, стало высокое экономическое развитие территории, позволившее части местных жителей получать самим и давать своим детям хорошее образование в крупных городах юга России, что повышало престиж русского языка и приводило — гипотетически — к вытеснению местных идиомов. Значительные материалы были собраны по народной медицине и знахарству, мифологии и верованиям, традиционной одежде и архитектуре, календарной и семейной обрядности. Так, до настоящего времени в с. Маргаритово и округе живут ***знающие***, практикующие лечение различных заболеваний. Народная медицина (непосредственно практики, инструментарий знахарей, демонстративная «связь» с христианством и пр.) обнаруживает множество параллелей с лечебными практиками албанцев

и греков, живущих в ближайшем украинском Приазовье — в Донецкой и Запорожской областях, а также на Балканах. В плане семейной и календарной обрядности особого внимания заслуживает анализ материалов по свадьбе. Так, местные жители, описывая особенности свадебных обрядов, которые распространены только в их местности, нередко подчеркивают их «исконную, греческую» природу — например, катание родителей невесты на тачке, их ритуальное вываливание в грязи и пр. В действительности подобные обряды не фиксируются в соседних селах с русским и украинским населением. Анализ собранных материалов позволяет сделать выводы о том, что в традиционной культуре сумело сохранить балканские корни, а что носит сугубо декларативный характер в рассказах наших информантов.

Рогощ Агата,
к. ф. н., докторант, Университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Iconographical deconstruction of the urban space in Albania

In this paper I will discuss the issue of the processes of transformation of the Albanian national discourse on the example of the iconographic change in the urban area of Tirana since 17th to 20th century. Albanian national discourse will be shown on the basis of the structure of cultural features: mythologizing and demythologizing, with architectural and philosophical cathegories of construction and deconstruction. I will discuss this issue from the perspective of models, processes, and practices, taking into account the cultural politics of architecture, urban planning and identity in post-socialist cities, which has to do with historical layers. According to the methodological model of cultural urban space [McDonough, 1993: 150] and to the theoretical concept of anthropology of a lost place, the area of diverse ideological constructs will appear as a symbol of past and future transformations of the urban centre as a marker of power structure. In order to justify historical city layers I will take into consideration changing symbol systems and spacial scape in the following typology: ottoman town, urban reconstruction by the Italian government, socialist and post-socialist city. Field of the study is structured in the analysis of the discourse of power and political transformation in terms of the category of “change”, which appears in the public space of Tirana, as a model of cultural and ideological archeology [Foucault, 1982; Groys, 2008] in function of the following narrative paradigms and their mechanisms. I will develop the thesis that architecture never creates neutral and harmless structure, but is an integral element of political symbols that were used as mechanisms of de-ottomanization [Todorova, 1995] of urban space. These issues relate to the process of state-building and its symbolic space. Aesthetic transformations under the pressure of political and ideological changes constitute the markers of identity features in the context of national ideology. In this paper I will try to prove that symbolic acts of space transformation of Tirana are connected with the construction of national self-definition through the process of symbolic denial of the first — oriental tradition, which was replaced with nationalist and internationalist iconography.

Литература:
1. *Foucault M.* Archeology of Knowledge New York, 1982.
2. *Groys B.* Art Power. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2008.
3. *Lefebvre H.* The Production of Space. Cambridge, 1991.
4. *Low M. S.* The Anthropology of Cities: Imagining and Theorizing the City // Annu. Rev. Anthropol. 1996. 25. Pp. 383–409.
5. *McDonough G. W.* Discourses of the city: urban problems and urban planning. City Soc. 1991. 5. Pp. 40–63.
6. *Todorova M.* The Ottoman Legacy in the Balkans // Balkans. A Mirror of the New International Order. Istanbul, 1995. Pp. 55–74.

Русаков Александр Юрьевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Албанские диалекты: попытка контактной типологизации

Наряду с различительными признаками, получаемыми путем применения сравнительно-исторического метода, для классификации диалектов важны противопоставления, выработанные на базе иных подходов, зачастую существенных именно для данного ареала.

Так, для южнославянского диалектного континуума релевантным является наряду с «генетическим» противопоставлением его *западной* (словено-сербско-хорватско-боснийско-черногорской) и *восточной* (болгаро-македонской) частей противоположение *балканизированного* (болгаро-македонский и призренско-тимокские говоры) и *небалканизированного* (все остальное) ареалов (см. [Соболев, 2003]). Второе противопоставление реализуется на лингвистическом уровне признаками, нерелевантными для сравнительно-исторического языкознания, но чрезвычайно важными для языкознания типологического, — разнообразными фонологическими и структурными грамматическими явлениями, традиционно называемыми балканизмами. Для балканославянских языков в целом чрезвычайно существенным является и выделение *переселенческих* говоров, покрывающих большую часть южнославянского ареала. Действительно, переселения в значительной степени влияли на иррадиацию диалектных явлений и определили во многом современную картину диалектного ландшафта. Подобный подход можно перенести, как представляется, и на другие балканские языки.

Доклад посвящен проблеме выделения в рамках албанского ареала разных типов субареалов и разных типов диалектов, рассматриваемых sub specie языковых контактов. Так, общим местом для балканистики является противопоставление *более балканизированного* юга (*тоскского* ареала) *менее балканизированному* северу (*гегскому* ареалу). Не менее важным, однако, представляется выделение инновативного ареала, примыкающего к зоне Охрида-Преспы (и характеризующегося в прошлом, возможно, массовым переходом славянского населения на албанский), симбиотических албано-славянских зон в Черногории, зон албанской колонизации в Черногории и Косово, островных говоров и многих других.

В докладе показано, как различные языковые явления (балканизмы; европеизмы; явления, обязанные своим возникновением контактам с от-

дельными балканскими языками; явления, присущие только албанскому) реализуются в ареалах и диалектах разных типов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Литература:

Соболев А. Н. Южнославянские языки в балканском ареале. Доклад к XIII Международному съезду славистов (Любляна, август 2003). Marburg Institut für Slawische Philologie, 2003.

Соболев Андрей Николаевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

О возможных причинах эволюции способов маркирования актантов в истории балканославянских языков

Основные способы кодирования грамматической информации: лексическое значение полнозначных слов, порядок составляющих, интонационные контуры, морфонологические чередования, флексия, префиксация и суффиксация, а также синсемантические служебные слова — в различной степени используются балканскими языками для маркирования актантов (см. [МДАБЯ, 2005]). В истории балканославянских языков хорошо засвидетельствована и детально описана эволюция способов маркирования «от синтетических к аналитическим», что заставляет ставить вопросы об относительной устойчивости различных морфосинтаксических признаков и типов морфологического маркирования, о стабильности целых систем и их сегментов, о взаимообусловленности между изменениями на синтаксическом и на морфологическом уровнях языка и о причинах «утраты склонения» [Wahlström, 2015]. Особого внимания заслуживают гипотезы о внутренней или о контактной обусловленности данной эволюции и в первую очередь — способы их доказательства.

В докладе (грант РНФ № 14-18-01405), опирающемся на материал языка памятников письменности и современных диалектов, отстаивается тезис о возрастании изограмматичности между языками в течение их истории как свидетельстве контактной обусловленности их развития. Особое внимание уделено *на*-конструкциям в балканославянских диалектах, имеющим косвеннообъектную и прямообъектную функции, ср. арум. *a-lei neveasti* // *a nevaesti-lei* ‘невест(к)е’ и болг. диал. *na čoveku*(-*tomu*) ‘человеку’; арум. *u m’esku pri nve’astā* ‘угощают невесту’ и мак. диал. *go zakole na kalugjer-a* ‘зарубил монаха’. Систематизируются сведения о прямообъектной *на*-конструкции, известной лишь ряду македонских говоров. В отличие от мнения о внутреннем развитии как причине появления у *на*-конструкции прямообъектной функции, предлагается рассматривать ее как кальку с арумынского, возникшую при реализации «балканской» грамматической стратегии комбинировать синсемантические лексические единицы и флексию. Эта стратегия формируется вследствие интенсивного межъязыкового

контакта со слушающими, обладающими малой компетентностью, путем суммирования механизмов маркирования, дополнения «чужих» механизмов к «своим», а не только замещения их «своими». Данное явление можно считать не следствием ныне наблюдаемого прямого арумынско-македонского языкового контакта, но одним из свидетельств вероятно имевшего место в прошлом перехода части арумынского населения на македонский язык.

Литература:

1. *МДАБЯ 2005* — Малый диалектологический атлас балканских языков. Т. I. Категории имени существительного. München: Biblion Verlag, 2005.
2. *Asenova P., Aleksova V.* L'aspect balkanique de la nota accusativi personalis // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. 44 (1). 2008. Pp. 1–22.
3. *Wahlström M.* The loss of case inflection in Bulgarian and Macedonian. Helsinki, 2015.

Федченко Валентина Владимировна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Гущян Лусинэ Стефановна,
старший научный сотрудник, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Феномен паломничества в христианской (армянской и греческой) и иудейской (еврейской) культуре

Феномен паломничества как явление, связывающее людей, которые живут на огромном расстоянии друг от друга, представляет собой один из интереснейших факторов культуры. Локации паломничества как узлов, соединяющих прибывших из различных мест паломников, имеют особое значение для диаспоральных народов. Греки, армяне и евреи в течение своей истории формировали как общеэтнические пространства паломничества, так и узколокальные. Посещение этих мест было оформлено во времени, с одной стороны, в виде религиозных праздников и памятных дат (соответственно, обладало цикличностью), а с другой стороны — в границах жизни человека (обязательное венчание в особо почитаемых местах паломничества или одинарное посещение). Между тем следует отметить, что как в христианской, так и иудейской традиции в Священном Писании и преданиях отсутствует предписание посетить какой-либо город в течение жизни. Совершение паломничества могло быть как связанным с годовым циклом, так и окказиональным. Основными причинами, по которым актуализировался второй тип паломничества, являлись обеты, их давали из-за болезней или других опасностей, нивелировавшихся за счет этой религиозной практики. Процесс паломничества включал определенные действия, соответствующие тексты, а также необходимые и определенные пищевой и предметный ряды и связанную с ними терминологию. У греков оказывается особенно развитой традиция обетов (τάζω «обещать», τάξιμο «обет», τάμα «обещанный дар» (наряду с более древним термином ανάθημα), ταγμένος «обещанный (о человеке)» или τασιμάρικο «обещанный (о ребенке)»), что соответствует в армянской традиции использованию термина, обозначающего паломничество, — ուխտ «неизменное слово, данное обещание»,

хотя в последней мог обозначать и собственно место паломничества — монастырь и даже в монастырскую конгрегацию. Сам феномен паломничества в современном греческом языке называется словом древнегреческого происхождения προσκύνημα. В то время как термин «хадж», которым в современном как греческом, так и армянском языках описывается только паломничество мусульман в Мекку, сохраняется в некоторых фамилиях (например, Χατζηγιάννης, Խոջոյան, Խաջոյն) и в имени собственном Χατζής.

Состав участников паломничества зависел от его типа: это могли быть члены одной фамилии, односельчане или не связанные никакими узами друг с другом группы, объединившиеся с единственной целью совершения паломничества. Последний вид группы паломников в наибольшей степени актуализировался в настоящее время в виде религиозного туризма. Несмотря на то, что актуальный религиозный туризм (поездки в такие центры паломничества, как церковь Богородицы на острове Тинос, Афон, Константинополь, Эчмиадзин и, конечно, Иерусалим) структурно отличается от классического паломничества, он имеет в себе явные черты последнего.

Харламова Анастасия Вадимовна,
студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Соболев А. Н., д. ф. н., профессор

Аффрикаты в арумынской спонтанной речи

В докладе исследуются аффрикаты в спонтанной речи арумын села Турья (Греция) и города Ресен (Македония). На основе инструментального фонетического анализа устанавливаются инвентари аффрикат в двух арумынских говорах и различия между ними, делаются обобщения о закономерностях исторического развития аффрикат в арумынском языке на общетипологическом фоне.

Доклад основан на материале арумынских устных текстов и лексических данных, записанных в 2002 г. в с. Турья в ходе экспедиции в рамках проекта МДАБЯ [Bara et al., 2005] и в 2015 г. в ходе экспедиции автора в г. Ресен. Для работы с информантами в Ресене была составлена специальная фонетическая анкета, опирающаяся на материал словаря арумынского языка [Papahagi, 1974] и монографии по говору Турьи.

Аффрикаты в восточнороманских языках произошли из смычных, находившихся в позиции перед *e* и *i* [Meyer-Lübke 1890: 318–342]. Кроме того, в арумынском языке аффрикаты есть в заимствованиях из греческого, турецкого, албанского и славянских языков и диалектов.

В результате анализа собранного материала при помощи компьютерных программ SoundForge и SpeechAnalyzer было установлено, что в настоящее время аффрикаты в арумынской речи присутствуют ([t͡s], [d͡z], [t͡ʃ], [d͡ʒ], [t͡ɕ] и [d͡ʑ]), но, возможно, находятся в процессе перехода в щелевые. Например, лексема ‘сегодня’, записанная в [Papahagi 1974] как *aḑ* [ad͡ʑ]), информанткой из Ресена была произнесена как [azə], и записана македонской кирилицей как *аз*. Наличие /d͡z/ и /d͡ʒ/ является одним из основных отличий на фонологическом уровне арумынского от близкородственного румынского, где

эти аффрикаты перешли в /z/ и /ʒ/ [Meyer-Lübke, 1890: 342]. В ряде других случаев, как правило, фиксировался и вариант с щелевым вместо аффрикаты, и вариант с аффрикатой. Например, форма мн. ч. *munți* 'горы' была в нарративе произнесена как [muns], в то время как при старательном произношении при ответе на вопрос из анкеты в слове звучала аффриката — [munt͡s].

Вывод о возможно наблюдаемом в арумынских говорах процессе перехода аффрикат в щелевые согласуется с неоднократно высказанным в ходе исследования многих других языков предположением, что данное явление представляет собой закономерный этап эволюции в любом языке.

Литература:

1. *Bara M., Kahl T., Sobolev A. N.* Die südaromunische Mundart von Turia (Pindos). München: Biblion Verlag, 2005.
2. *Capidan Th.* Aromânii. Dialectul aromân. Studiu lingvistic. București: Imprimeria națională, 1932.
3. *Meyer-Lübke W.* Grammatik der Romanischen Sprachen. Bd. 1: Lautlehre. Leipzig: Fues's Verlag, 1890.
4. *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București: EARSR, 1974.

Черноглазов Дмитрий Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Письмовник Псевдо-Либания и его роль в развитии греческой и западноевропейской эпистолярной теории

Предмет доклада — позднеантичный теоретический трактат «Стили писем», в разных версиях приписываемый Либанию или Проклу. Трактат, написанный, скорее всего, в IV–VI вв., включает теоретическое введение (в нем приводится определение письма и даются общие рекомендации), перечень видов писем с определениями (письма классифицируются исходя из их цели и содержания — например, похвальное, благодарственное, утешительное, бранное и т. д. — всего таких видов насчитывается 41) и по одному примеру на каждый вид (примеры кратки и представляют собой не целые письма, а зачины). Трактат, широко известный в Византии (и за ее пределами) и многократно упоминавшийся в обобщающих работах о позднеантичной эпистолографии и византийской литературе, так и не удостоился специального научного исследования. В настоящем докладе демонстрируется, что письмовник Псевдо-Либания оставался «каноническим» текстом на протяжении всей византийской эпохи — его читали, переписывали, исправляли, дополняли и комментировали; что он оказал заметное влияние на новогреческую эпистолярную теорию (в частности, на известный трактат «Изложение эпистолярных стилей» Феофила Коридалевса, XVII в.); что трактат, неоднократно переводившийся на латынь, повлиял и на западноевропейскую ars dictaminis. В докладе рассматривается обширная рукописная традиция памятника, наибольшая часть списков которого относится к периоду с XIV по XVI вв. Особое внимание уделяется

версиям трактата, содержащим комментарии, исправления и интерполяции, за счет которых текст порой увеличивается вдвое. Делается попытка интерпретировать эти изменения — в некоторых случаях, например, правка обусловлена стремлением хотя бы отчасти приспособить древний трактат к современным реалиям — и предложить их примерную датировку. Интерполяции анализируются с точки зрения их языка, стиля и специфики этикетных норм. Дается предварительная характеристика латинских переводов трактата.

Шатько Евгения Викторовна,
младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Византия на страницах романа М. Павича «Хазарский словарь»

В романе Милорада Павича «Хазарский словарь» ключевым эпизодом можно считать описание полемики, в ходе которой хазарский каган должен выбрать одну из мировых религий. В данной сцене, поданной в трех разных вариантах (по данным христианских, иудейских и мусульманских источников), в полной мере раскрывается авторское видение «византийского мира».

Наш анализ в первую очередь основывается на сопоставлении трех версий хазарской полемики, каждая из которых имеет не только иной финал, но и иную структуру, что позволяет увидеть представителей Византии, Кирилла и Мефодия, как в позиции победителя, склонившего хазарского кагана на свою сторону, так и в позиции проигравшего.

Милорад Павич, не нарушая исторической достоверности, использует исторические события как основу для построения сюжета своего произведения. На уровне текста автор стремится передать мировоззрение героев, используя определенную лексику, особенности византийской риторики и приводя цитаты из философских трактатов и религиозных текстов.

Византия представлена на страницах романа, с одной стороны, как государство, стремящееся усилить свое влияние в регионе, и как совокупность религиозных и философских взглядов, с другой. Автор использует определение «византийский» преимущественно для обозначения принадлежности того или иного героя или упоминаемой исторической личности к государству Византия, тогда как определение «греческий» встречается в романе как обозначение языка или — шире — как отсылка к идеям византинизма.

Исследования творчества Павича преимущественно посвящены чертам литературы эпохи постмодернизма: игре с читателем, смерти автора, новаторства на уровне формальной организации текста и т. д. Цель нашего исследования — проанализировать образ Византии не только на формальном уровне, но и на уровне содержания, и — уже — на лексическом уровне.

Литература:

1. *Каждан А. П.* Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 2006.
2. *Слащева М. А.* Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе М. Павича // Вестник Московского университета. 1997. № 3. С. 42–52.
3. *Šomlo A.* Hazari ili obnova vizantijskog romana: Razgovori sa Miloradom Pavićem. Beograd, 1991.

Шувалов Пётр Валерьевич,
к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Семья Германа и судьба кодекса Псевдо-Маврикия

Цель доклада — осветить историю традиции позднеантичного военного трактата Псевдо-Маврикия на последнем этапе становления его текста: как, в какой форме и через какие руки текст трактата был передан от редактора Hyper (середина VI в.) к редакторам Strateg, Abar и Pin (конец VI — первая половина VII в.?).

1. Схема маневра особого конного отряда гиперкерастов в Стратегиконе (несмотря на: Mazzucchi, C. M. Le katagrafai // Aevum, 55,1. 1981. Pp. 111–138) поддерживается текстом Прокопия (описание битв при Даре и Скалэ Ветерес) и, соответсвенно, является не кабинетной фикцией, а приемом, применявшимся в реальности. Весьма вероятно, что его изобретателем был Герман, кузен Юстиниана.
2. Весьма вероятно, что пассажи Стратегикона, в которых описываются гиперкерасты, были написаны одним редактором (условно: Hyper).
3. Книга II Стартегикона была суммирована в пассаже VII B 16–17. Во время этой работы некоторые листы форматом около 400 букв (примерно 20 × 20) были вырваны и переложены на новые места, возможно, автором глав 16–17. Он начинает главу 16 эпитомой текста II 3, который является частью интерполяции Hyper. Мы можем предположить, что автор VII B 16–17 был редактором Hyper.
4. После смерти Германа / Hyper э тот кодекс с выпадающими листами и с не доведенной до конца редакторской правкой Hyper хранился до следующего редактирования, скорее всего, у ближайших к Герману военных. Следующее редактирование относится к деятельности Филиппика и/или Ираклия.

БИБЛИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Алексеев Анатолий Алексеевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Мидраш в Новом Завете

Мидраш представляет собой комментарий к священному тексту, его общая задача — дать новое, актуальное чтение традиционного текста. Сам принцип цитирования авторитетных источников в качестве опоры для какого-то положения, что в новозаветных текстах встречается постоянно, можно рассматривать как мидраш.

В докладе, однако, обращено внимание на вводные разделы трех Евангелий — Матфея, Луки и Иоанна, которые целиком представляют собою большие толковые труды. Авторы первых двух стремятся связать жизнь и деятельность Иисуса с наличной священной традицией, тогда как Иоанн в прологе дает мидраш (толкование) на следующий далее текст.

В связи с жанром такого рода трудов, неправомерно приписывать им значение исторического источника.

Битнер Кирилл Андреевич,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Кумранская версия третьей «Песни Раба Господня» (1QIsaa): варианты текста

Кумранская версия третьей «Песни Раба Господня» (фрагмент книги пророка Исайи) содержит целый ряд чтений, которые не встречаются в тексте масоретской Библии и других свидетельствах библейского текста.

В Ис 50:5 кумранский вариант *ʾdwny ʾlwhym* («Господь Бог») отражает устную традицию произношения имен Бога, которая позднее была зафиксирована масоретами. Его появление явилось следствием ошибки внутреннего диктанта. Альтернативное объяснение, согласно которому кумранский писец переписывал текст под диктовку (ошибка слышания), представляется менее убедительным. Данный вариант представляет собой тот же тип ошибки, что и в рукописях масоретской традиции (из собрания Кенникотта). Поскольку нет никаких свидетельств того, что в Средние века масореты практиковали переписывание библейских текстов под диктовку, нет необходимости предполагать, что разночтения того же типа появились в результате диктовки в кумранскую эпоху.

Большинство вариантов текста третьей «Песни Раба Господня», представленных в 1QIsaa, возникли, тем не менее, по причине редакторской деятельности кумранского писца. Книжник стремился заменить малоупотребительные и устаревшие слова синонимами, которые использовались в еврейском языке конца I тыс. до н. э. Так, например, в Ис 50:6 вместо слова *mrṭym* «вырывающие волосы» (МТ) книжник использовал слово *mṭlym*, которое, вероятно, является его синонимом, взятым из разговорного языка («вырывающие волосы» или же «вырывание волос»). В Ис 50:8 в 1QIsaa вместо наречия *yḥd* («вместе») использован его синоним *yḥdyw*, который встречается в книге Исайи и других книгах Библии чаще, чем *yḥd*. Замена *hn* частицей *hnh* («вот») в Ис 50:9 (два раза) была обусловлена, в частности, редкостью использования частицы *hn* «вот» в древнееврейском языке конца эпохи Второго храма.

В некоторых случаях редактура проводилась с целью прояснения и уточнения смысла текста. Так, например, заменяя *pny lʾ hstrty* («Лица своего не прятал я») на *pny lwʾ hsyrwty* («Лица своего не отвращал я») в Ис 50:6, книжник стремился показать читателям, что в этом тексте не используется фразеологическое сочетание *hstyr pnym*, обладающее семантикой «игнорировать, не обращать внимания». Глагол *hsyrwty* был выбран в качестве замены, т. к. он является паронимом *hstrty*. В Ис 50:8 в тексте свитка 1QIsaa наречие *yḥdyw* («вместе») использовано вместо *yḥd*, в частности, по той причине, что слово *yḥd* в еврейском языке конца I тыс. до н. э. стало употребляться не только как наречие, но и как существительное. Появление варианта *hnh* в Ис 50:9 (2 раза), помимо прочего, было обусловлено стремлением избежать смешения с арамейской частицей *hn* («если»).

Джункова Катарина,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Алексеев А. А., д. ф. н., профессор

Влияние чешского перевода Библии на другие славянские, а также венгерские библейские переводы

На чешский язык вся Библия была полностью переведена уже к концу XIV в. Этот перевод стал руководством для ранних польских переводов XV в. — Флорианской и Пулавской Псалтирей, а также для Библии королевы Софии 1455 г.

Польские переводчики широко пользовались чешскими Виттенбергской и Клементинской Псалтирями и Босковицкой Библией. В текстах имеются многочисленные орфографические, фонетические и морфологические чехизмы. Некоторые книги Библии королевы Софии представляют из себя кальку с чешского перевода.

Латинско-польский библейский словарь (т. н. мамотрект) также появился на основе старшего латинско-чешского мамотректа.

С началом книгопечатания чешские переводы достигли наивысшей популярности, оказав влияние на первую польскую печатную «Библию Леополита», изданную в Кракове в 1561 г.

Экземпляр чешской печатной Библии Яна Гада 1545 г. послужил образцом для первого рукописного перевода Нового Завета 1548 г. на нижнелужицкий язык Миклавша Якубица. В некоторых частях вместо нижнелужицкого там просто неизмененный чешский текст.

Чешская печатная Библия 1506 г., изданная в Венеции, оказала влияние на Франциска Скорину, который в 1517–1519 гг. опубликовал в Праге некоторые книги Библии на белорусском изводе церковнославянского языка. Скорина и его сотрудники пользовались не только чешским переводом Библии, но и художественно-типографскими чешскими образцами.

Чешские библейские тексты использовались как пособие также при обработке русских библейских чтений XVI–XVII вв., а именно Пересопницкого Евангелия (1556–1561 гг.), Послания апостола Павла к Лаодикийцам в галицко-русской рукописи (XVI в.), «Песни песней» в украинском переводе XV в.

Чешская Библия использовалась при составлении полного свода славянской Библии новгородским архиепископом Геннадием в 1499 г.

Чешская Библия св. Венцеслава 1690 г. повлияла на первый словацкий перевод Библии — Камальдульскую Библию (XVIII в.).

Чешские переводы Библии оказали влияние не только на славянские тексты. Чехизмы встречаются и в первом венгерском переводе Библии, т. н. «Huszita biblia», который осуществили в первой половине XV в. венгерские ученые из Карлова университета в Праге.

Чешскому влиянию приписывается и появление в XV в. первых переводов Священного Писания на румынский язык.

Дружинина Екатерина Андреевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о древнейших переводах Писания на греческий язык (Ep. Arist. 30)

«Письмо Аристея», в котором содержится легенда об предыстории перевода Пятикнижия на греческий язык, является одним из ранних источников по истории древних переводов Библии. Несмотря на то что этот текст неоднократно привлекал внимание исследователей, некоторые пассажи до сих пор вызывают вопросы. К таким неясным и требующим дополнительного комментария пассажам относятся, в частности, слова Деметрия Фалерского, характеризующие состояние книг иудейского закона в Александрийской библиотеке (Ep. Arist. 30: ἀμελέστερον δέ καὶ οὐχ ὡς ὑπάρχει σεσήμανται).

В 1947 г. П. Кале выдвинул гипотезу, что эти слова указывают на древнейшие, не очень качественные переводы Писания на греческий язык, которыми на тот момент уже обладала Александрийская библиотека [Kahle, 1947: 132]. Г. Цунтц подверг тезис Кале суровой критике, утверждая, что глагол σημάινω не может подразумевать перевод [Zuntz, 1972: 133–135]. По его мнению, Деметрий имел в виду лишь плохое качество рукописей Писания на древнееврейском языке. В последние годы полемика вокруг этого спорного места возобновилась. Совсем недавно интерпретация Кале была поддержана Ван дер Коем (2012) [Cook, 2012], который, в частности, сопоставил этот отрывок (Ep. Arist. 30) с текстом из заключительной части Письма, где упоминаются более древние версии греческого перевода Писания (Ep. Arist. 314) и Е. Д. Матусовой (2015) [Matusova, 2015: 44–53], которая проводит интересные текстуальные параллели между Письмом Аристея и трактатом Аристотеля Περὶ ἑρμηνείας.

Тем не менее, гипотеза, предполагающая, что автор Письма указывает здесь на существование каких-то ранних некачественных переводов Писания, представляется нам спорной и необоснованной. Анализ словоупотребления σημαίνω в греческом языке в целом и, в частности, в иудео-эллинистической литературе показывает, что едва ли этот глагол мог подразумевать перевод с одного языка на другой. Но даже если предположить, что в этом месте автор мог употребить этот глагол в не совсем обычном значении, трудно представить, что в сочинении, посвященном истории перевода Писания на греческий язык, в сочинении, изобилующим разного рода подробностями, самые первые переводы даже не упоминаются. Если бы, по мнению автора, в Александрийской библиотеке таковые существовали, он, вероятно, остановился бы на них подробнее.

Литература:

1. *Cook J.* Van der Kooij, A. Law, Prophets and Wisdom. On the Provenance of Translators and their Books in the Septuagint Version. Leuven et al., 2012.
2. *Kahle P.* The Cairo Genizah. London, 1947.
3. *Matusova E.* The Meaning of the Letter of Aristeas. In the light of biblical interpretation and grammatical tradition, and with reference to its biblical context. Göttingen, 2015. Pp. 44–53.
4. *Zuntz G.* Opuscula Selecta: Classica, Hellenistica, Christiana. Manchester, 1972.

Казимова Галина Александровна,
старший преподаватель, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Толкования Максима Грека на Псалтырь

Преподобный Максим Грек, являясь монахом и ученым-филологом, внес огромный вклад в духовное просвещение Руси. По преимуществу его деятельность во время пребывания в России была связана с переводом толкований на книги Священного Писания.

Толковая Псалтырь была среди его первых переводов, выполненных по приезде в Москву. Многие более поздние сочинения Максима Грека, созданные в России, представляют собой более или менее развернутые толкования на отдельные строки Псалтыри.

Максим Грек использует в этих толкованиях известные ему сочинения, в частности, отцов церкви, передавая их в собственной редакции, так что его тексты часто представляют собой одновременно и переводы, и авторские толкования. В качестве примера такого текста можно привести «Сказание о птице неясыти». Основанное на дополнительной статье о пеликане (неясыти), содержащейся в некоторых кодексах Александрийской редакции, связанной с именем Максима Исповедника. «Сказание о птице неясыти» может считаться не только переводным, но и оригинальным сочинением Максима Грека, т. к. содержит авторскую интерпретацию в виде включенной в текст цитаты из пророка Исайи 53:5.

В конце XVI — начале XVII в. сочинения Максима Грека истолковательного характера оказываются включенными в свод толкований на Псалтырь, созданный в Юго-Западной Руси, позже получивший широкое распространение в церковнославянской письменности.

Литература:

1. *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л.: Наука, 1984.
2. *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Ч. 1. Новосибирск, 2008; Ч. 2: Сочинения. Новосибирск, 2011.
3. *Синицына Н. В.* Творчество преподобного Максима Грека 30–50-х гг. XVI в. и собрание избранных сочинений из 47 глав // Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014.

Мещерская Елена Никитична,
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сирийский апокриф «Исход Марии»и «Успение» псевдо-Иоанна

«Исход Марии» — сирийский апокрифический текст, который сложился в кругу сторонников патриарха Нестория. Он был написан с апологетической целью и объяснял отношение несториан к Богоматери и ее культу. Мы датируем его возникновение первой половиной V в. При его создании автором было использовано большое количество уже существующих в хри-

стианской литературе апокрифических текстов, излагающих историю жизни и смерти Девы Марии, а также сочинений, богословски трактующих весь комплекс идей, которые связаны с почитанием Богородицы.

В докладе будет рассмотрен один из предполагаемых источников «Исхода Марии» — «Успение» псевдо-Иоанна. «Успение» — одно из самых известных произведений раннехристианской литературы, в котором описывается кончина Богоматери и сопровождающие этот акт события. Текст «Успения» сохранился в нескольких версиях и известен на многих языках христианского Востока. Однако время и обстоятельства его создания пока не установлены.

В докладе будет проанализирован отрывок «Исхода Марии», который, по нашему предположению, связан с «Успением» псевдо-Иоанна. Он будет сопоставлен с имеющимися версиями «Успения». Текстологическое сравнение даст возможность установить использованный автором «Исхода Марии» вариант текста «Успения», позволит установить внесенные им изменения и дополнения в существовавшие версии «Успения». Это решение проблемы взаимоотношения этих двух источников поможет определить круг идей, которыми руководствовался автор «Исхода Марии», явно сознательно включивший в свою компиляцию ряд связанных с именем апостола Иоанна сочинений.

Немировская Адель Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ханаанский консонантизм в свете происхождения западносемитского алфавита

Семитологи неоднократно отмечали, что некоторые графемы ханаанского консонантного алфавита (для широкой публики — финикийского), очевидно, имели двойную, а порой и тройную функцию. Речь идет о буквах, с помощью которых записывались гуттуральные, сибилянты и интердентальные [Weninger, 2011: 92, 115; 482–483; 566].

Чужеродное происхождение консонантного алфавита может объяснить его специфику, заключающуюся в *изначальной неадекватности* передачи звукового строя семитских языков, которые он был призван обслуживать: будь то ханаанские языки (финикийский, древнееврейский, моавитский), или арамейский, а в дальнейшем — арабский. Об этом как раз и свидетельствует консонантный характер этого письма.

Характерную особенность грамматического строя семитских языков составляют морфемы, имеющие прерывистую структуру (трансфиксы). Трансфиксы, как правило, включают не только согласный, но и гласный компонент, т. е. гласные играют в семитской морфологии (и в словоизменении, и в словообразовании) существенную роль. Консонантный же алфавит с самого начала начисто игнорировал вокализм, что может объясняться лишь его чужеродным, причем именно египетским происхождением в силу как исторических причин, так и особенностей самóго египетского языка, в морфологии которого гласные несли лишь факультативную нагрузку.

В нашем распоряжении имеется ценный источник, синхронный времени зарождения ханаанского консонантного алфавита. Это египетские транскрипции ханаанских слов, встречающиеся в египетских текстах II тыс. до н. э. [Albright, 1934; Hoch, 1994]. Судя по передаче семитских гуттуральных, сибилянтов и интердентальных:

а) один и тот же семитский согласный мог быть передан разными египетскими консонантами;
б) египетские писцы могли передавать *разные* семитские согласные *одним и тем же* консонантом.

Ни то, ни другое не удивительно, т. к. любая иноязычная передача не может (и не стремится) точно передать чуждую фонетику, тем более на письме. Никаких орфографических норм, обязательных для всех египетских писцов, очевидно, тоже не было.

По всей видимости, ханаанское консонантное письмо сформировалось в результате адаптации египетской квазисиллабической писцовой практики второй половины II тыс. до н. э., использовавшейся для передачи иноязычной лексики, прежде всего, семитского, а у́же — ханаанского происхождения. Соответственно, графемы ханаанского алфавита с самого начала его появления в силу своего «иноземного» происхождения не предназначались для точного отражения реального консонантного состава ханаанских слов (не говоря уже о вокализме) и были обусловлены египетской передачей семитских слов.

Литература:

1. *Albright W. F.* The vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography. New Haven, CT: American Oriental Society, 1934.
2. *Hoch J.* Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period. Princeton, 1994.
3. The Semitic languages: an international handbook / Ed. S. Weninger. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2011.

Пентковская Татьяна Викторовна,
д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Дополнительные тексты в составе церковнославянского перевода книги Иова и их источники

Книга Иова известна в славянской традиции в нескольких версиях, восходящих к греческому тексту [Христова-Шомова, 2007]. В 1671 г. иеродиакон Чудова монастыря Моисей выполнил новый перевод книги Иова с польского языка. Этот перевод, сохранившийся в рукописи из архива СПбИИ РАН (ф. 238, оп. 1, № 384), был введен в научный оборот Т. А. Исаченко, которая рассматривала его как подготовительный этап библейской справы, санкционированной постановлением Архиерейского Собора 1673 г. [Исаченко, 2002; 2009]. Обращение к польскому языку диктовалось несколькими соображениями, ключевым из них была понятность переведенного текста. Кроме того, польские издания Библии, которые использовались в переводе, содержали разработанный научно-критический аппарат, включавший в себя

систему маргиналий и дополнительных текстов (комментариев к главам и аргументов к ним). Но он, видимо, в силу своей инновационности в условиях Московской Руси, был перенесен в перевод лишь частично. Полностью были переведены аргументы к главам (краткое содержание), «Аргумент Вуйковъ» в конце текста (л. 120 об.), но комментарии после глав подведены лишь к первым трем из них. Источником комментариев и заключительного аргумента является Библия Якоба Вуйка 1599 г. (указание на нее содержится в самом переводе), а аргументы перед главами были переведены с Брестской Библии 1563 г., т. к. Библия Вуйка в издании 1599 г. не содержала аргументов. Таким образом, книга Иова принадлежит к числу переводов, выполненных с нескольких источников, польских и церковнославянских. Наличие дополнительных текстов, переведенных с польского, в частности, аргументов, объединяет перевод книги Иова с переводом Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого (НЗЕ) и позволяет сопоставить эти тексты, принадлежащие к одной книжной среде. Между этими переводами существует прямая связь: Моисей Чудовский упоминается в числе книжников, принимавших участие в этом проекте [Исаченко, 2002: 68]. В докладе будут рассмотрены языковые особенности перевода аргументов и комментариев к главам в сопоставлении с материалом дополнительных текстов НЗЕ. Определение параметров церковнославянского языка этих текстов, переведенных не с традиционного (классического) языка, а с литературного языка нового типа, значимо для характеристики культурно-лингвистической ситуации второй половины XVII в. в целом.

Литература:

1. *Исаченко Т. А.* Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературных контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 67–75.
2. *Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность XV–XVII вв. М., 2009.
3. *Христова-Шомова И.* Книга Йов с тълкувания в славянски превод. София, 2007.

Петров Александр Михайлович,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Средства гиперболизации эпических образов в русских духовных стихах

Гиперболизация — одно из типичнейших свойств фольклорной поэтики. Не чужда она и духовным стихам, хотя назвать стилеобразующим данный поэтический троп, пожалуй, все-таки нельзя. С помощью гиперболы получают воплощение антонимические нравственные категории: добро и зло. В гиперболическом виде, посредством введения в поэтику жанра категории *чудесного*, описываются сакральные силы. Гипербола же помогает создать весьма живую фантасмагорическую картину могущественных сил зла. Через гиперболизацию находят выражение чувства человека, эксплицируется его оценка окружающего мира.

Гипербола создается разными средствами. Естественным способом указания на большие размеры является использование соответствующих числительных. Например, насыщен гиперболическими нумеративными описаниями стих о Голубиной книге. Здесь гиперболизации подвергаются сакральные объекты, имеющие большую культурную, эстетическую, философскую ценность. Эпические размеры имеет сама Голубиная книга: «Ино эта книга не малая: / Высока книга *сороку сажень*, / Ширины книга *двадцати сажень*, / На руках держать — не сдержать будет». В создании гиперболических образов принимают участие и глаголы, и предложно-падежные формы существительных и местоимений с соответствующей семантикой. Например, гиперболическое обозначение получают пределы пространства, а также человеческие чувства, эмоции: «Бысть тьма *по всей земли* / Шестого часу до девятого»; «Старейшая большая братья / Свирепо оны на Вельямина взирали, / *Все оны зубами скрежетали*». Чувство раскаяния, вины и горя, которое испытывают родители, потерявшие сына, получает воплощение в гиперболической формуле в стихе «Алексей, человек Божий»: «Прочитала его матушка родимая, / *С буйной головы волосы рвала*: / „Уж ты гой еси, чадо милое, / Кого же ты, чадо, убоялося, / Пошто же ты не сказалося?“».

В духовных стихах образы книжной традиции перерабатываются в соответствии с нормами фольклорной эстетики и поэтики. Одним из способов и средств адаптации христианской культуры к особенностям фольклорного сознания является, помимо прочего, и гипербола. Христианские святые предстают в виде богатырей, которые бьются с языческой силой *три дня и три ночи*. Символом зла может быть лютый *девятиглавый*, *семиглавый* или *трехглавый* змей, образ которого имеет чисто фольклорную природу. Образ противника осмысляется в фольклорных количественных категориях: «Победил он *три тьмы* / И *три тысячи* неведомой силы, / Да и *смету нет*. / Отогнал он неверного царя Мамая / Во его страну в порубежную».

Регулярные сдвиги в структуре и семантике книжных образов и мотивов представляют собой закономерный результат освоения христианской культуры народным сознанием.

Петровская Мария Сергеевна,
аспирант, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

«С Божьей помощью»: Божественная помощь, Божий промысел и иные типы божественного вмешательства в русском летописании

Настоящий доклад посвящен исследованию особенностей существования идеи божественного вмешательства в русском летописании (его типов и обслуживающей его топики). В целом следуя библейской традиции и ориентируясь на Священное Писание как на абсолютный образец, русские летописцы, тем не менее, приспосабливали ее к историко-культурным реалиям Древней Руси и использовали ее для оценки событий национальной истории.

Анализ материала показывает, что, как правило, божественное вмешательство маркирует фрагменты летописного повествования, символически связанные с одной из ключевых тем: демонстрация могущества Бога, чудесное спасение перед лицом опасности, Божий суд как средство мгновенной восстановления нравственной гармонии в истории. Чаще всего Бог являет свою силу в рассказах, повествующих о военных конфликтах, что объясняется библейской традицией и важностью этой сферы для средневекового сознания, в иерархии которого ратное дело занимало привилегированные положение. Внедрение в текст мотива божественной помощи позволяло объяснить причину победы одной из сторон, а также сделать ее легитимной. Поражение трактовалось как наказание за нарушение божественных заповедей (под которыми, как следует из контекста, понималось, прежде всего, нарушение феодальных норм — вассальных клятв, крестного целования, и пр), или же как возмездие за вызов могуществу самого Бога. В последнем случае использовалась повествовательная модель «Господь гордым противится, а смиренным благодать дает». Наоборот, высшим проявлением божественной помощи и поддержки в битве выступало участие в ней архангела Михаила или ангельского воинства, становившимися проводниками божественной военной мощи. Не менее часто волю Бога в русском летописании символизировало указание на явление Божьего промысла. Берущий свое начало в неоплатонической традиции раннего христианства, он отождествлялся русскими летописцами с Богом, эти два понятия использовались русскими летописцами в одинаковом контексте.

Однако помимо непосредственного вмешательства в исторические события, Бог русской летописи может влиять на ход истории опосредованно, через человека, обычно князя, «вкладывая» в его сердце то или иное решение. Метафора сердца как вместилище интелектуальных и психологических функций восходит к Ветхому Завету (например, 3 Цар. 11:3–4). На обыденном уровне христианской антропологии Средневековья этот орган человеческого тела воспринимается как обиталище Святого Духа.

Таким образом, становясь смысловым ядром различных повествовательных моделей, в русском летописании Бог выступает подлинным «двигателем истории» (в терминологии Я. Н. Любарского), ее нравственным началом, универсальной причиной любых исторических событий.

Редькова Ирина Сергеевна,
к. и. н., заведующий отделом, Московский технологический университет

Старолатинские переводы Библии в западноевропейской экзегетике XII в.: казус Гуго Фольетского

Трактат Гуго Фольетского «О затворе души» (De claustro animae) был достаточно популярен в средневековой монашеской среде, о чем свидетельствует более 200 сохранившихся рукописей как целого трактата, так и отдельных его частей.

В своем тексте Гуго Фольетский достаточно часто прибегает к использованию старолатинских переводов Библии, которые позволяют ему строить

смелые экзегетические модели, например, сравнивать Вавилон с кухней, а его жрецов — с начальниками над поварами (princeps coquinorum, по Иерониму — princeps militiae).

Широкое использование цитат Ветхого Завета, независимых от перевода Иеронима, поднимает вопрос об их происхождении: анализируются возможные пути их «проникновения» в текст, возникший на севере Франции в первой половине XII в., рассматривается круг чтения автора, его знакомство с наследием отцов церкви.

При работе с рукописями данного трактата (в отсутствии критического издания) была обнаружена V, не вошедшая в корпус Patrologia Latina аббата Миня, неизвестная книга «De claustro».

В докладе я планирую показать, каким образом анализ и применение экзегетических моделей (в частности, сопоставление IV Reg. 25:15 и Phil. 3:19), построенных на старолатинских переводах, и собственно особенности употребления цитат из корпуса Vetus Latina помогают решить вопрос об авторстве этой книги.

Литература:

1. *Редькова И. С.* Пространство города в экзегетическом трактате Гуго Фольетского «De claustro animae» // Вестник Московского Государственного Университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 3–14.
2. *Редькова И. С.* Образ города в западноевропейской экзегетике XII в. Дисс. … канд. ист. наук / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2015.

Сергеева Елена Владимировна,
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Особенности употребления библеизмов в поэзии М. А. Кузмина

Для лингвистики начала XXI в. актуальна проблема функционирования библеизмов в русском литературном языке и художественной речи. Поэтический библеизм (ПБ) — лексема, сверхсловная номинация, предложение или микоротект, являющиеся цитатой из Библии или восходящие к ней и используемые в поэтическом тексте для идейно-тематического соотнесения с Писанием. ПБ употребляется прежде всего с целью эмоционального и/или эстетического воздействия на читателя. ПБ был значимым художественным средством в литературе XIX–XX вв., поскольку ассоциации с библейским сюжетом указывают как на значимость темы и составляющих лирического сюжета, так и на включенность поэтического текста в определенный культурный контекст. Это средство употреблялось в качестве прямой, «сюжетообразующей», номинации, идеологемы, культуремы и специфического элемента тропа.

Рассмотрение библеизмов в лирике XX в. привело автора к выводу, что значительное их количество, а также их высокая содержательная и эстетическая значимость позволяют утверждать следующее: независимо от мировоззрения поэта для его творчества всегда будут актуальны культурные

лингвофеномены, ставшие неотъемлемой частью языковой картины мира нации. Данное положение справедливо и по отношению к поэтическим текстам М. Кузмина, которые послужили материалом нашего исследования. Поэт-акмеист не относился к авторам, для которых религиозная проблематика была важной, однако в его стихах библеизмы употребляются, выполняя несколько функций:

- жанрообразующую («Духовные стихи»);
- создания «мистического» эффекта («София»);
- ассоциативно-символическую («Пещной отрок»);
- бытоописательную («Пасха»).

Сизиков Александр Владимирович,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Послание Петра Антиохийского об опресноках и его славянские переводы

Петр III, патриарх Антиохийский (весна 1052 — август 1056) не очень известен, тем не менее его послания довольно долго находились во всех антикатолических полемических сборниках. Известно два его послания: Доминику, архиепископу Градо, и Михаилу Кируларию, патриарху Константинополя. Оба послания посвящены полемике, связанной с разделением церквей.

Послание Доминику, или послание об опресноках, является ответом на послание Доминика, Венитийского патриарха, и состоит из двух частей. Одна посвящена проблеме патриаршества самого Доминика, а вторая — рассуждению об опресноках.

Использование опресноков Петр считает неверным, упрекая Римскую церковь в том, что члены ее причащаются мертвому телу Христа, поскольку опреснок не имеет жизни (дрожжей). Таким образом латиняне впадают в аполлинариеву ересь. Также аргументация выстраивается на основании различной датировки Пасхи в синоптических евангелиях и у Иоанна. Отчасти Петр повторяет аргументы известного полемиста Никиты Стифата (Пектората).

На Руси послание было известно в нескольких редакциях: краткой, сокращенной и полной. Краткая редакция входила в состав кормчих книг. Возможно, что это не редакция самого послания Петра Антиохийского, а Послание Иоанна митрополита русского [Щапов, 1978: 226]. Сокращенная редакция содержит только вторую половину послания, посвященную непосредственно полемике об опресноках, а часть о законности патриаршего титула епископа Градо отсутствует. Текст опубликован по одному из списков А. Поповым [Попов, 1875: 165–173]. Перевод выполнен на Руси в домонгольский период [Соболевский, 1910: 173; Пичхадзе, 2011: 42–43; Сизиков, 2000: 107–113]. Полностью перевод письма архиепископа Градо и ответ Петра Антиохийского появляется только в полемических сборниках XIV–XV вв. Перевод полной редакции вместе с посланием Доминика издан М. Чельцовым [Чельцов, 1879: 325–336].

Литература:

1. *Пичхадзе А. А.*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011.
2. *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875.
3. *Сизиков А. В.* Послание Петра Антиохийского в древнерусской письменности // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 3. № 18. 2000. С. 107–113.
4. *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Т. 88. Филологический вестник. СПб., 1910.
5. *Чельцов М. П.* Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI–XII веках. СПб., 1879.
6. *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.

Фионин Максим Владимирович,
старший лаборант,
Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Семитолог К. Б. Старкова как переводчик Библии

Перевод начальных глав книги Бытия, в т. ч. повествования о творении мира и грехопадении первых людей, был выполнен отечественным семитологом и кумрановедом Клавдией Борисовной Старковой (1915–2000).

По свидетельству Н. В. Кашовской, Клавдия Борисовна закончила переводить библейские книги в 1988 г. Как сообщает Е. Н. Мещерская, Клавдия Борисовна часто обращалась к библейскому материалу в своих выступлениях, лекциях и занятиях семитскими языками с учениками, поэтому перевод складывался постепенно, можно сказать, что некоторое количество текстов было переведено еще в конце 1970-х, тогда как в 1980-е она систематизировала работу и даже собиралась опубликовать перевод. Однако у нас нет достоверных данных о том, что переведенные тексты были изданы в виде монографии или статьи. Возможно, что Клавдия Борисовна отказалась от публикации, поскольку параллельно над переводом Пятикнижия работал И. Ш. Шифман, труд которого вышел в 1993 г. уже после смерти автора [Учение, 1993].

В своем переводе Клавдия Борисовна старалась быть близкой к древнееврейскому тексту. Автор сознательно отходит от высокого стиля единственного доступного в те годы Синодального перевода. В её переводческой интерпретации первые главы Бытия представлены как мифологический нарратив.

Несомненно, Клавдия Борисовна старалась сделать архаический текст понятным читателю XX в., поэтому она старалась не перегружать перевод устаревшими словами и оборотами речи.

Перевод К. Б. Старковой мог быть выполнен либо по научному изданию масоретского текста Библии: Biblia Hebraica (Ed. Rudolf Kittel). Textum masoreticum curavit P. Kahle. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1962, либо по более раннему: Священные книги Ветхого Завета, переве-

денные с еврейского текста для употребления евреям (в 2-х т.) מיאיבנ הרות מיבותכו, Вена, 1888. Оба издания находились в фондах ЛО ИВАН в 1970–1980-е гг.

Литература:

Учение. От Бытия до Откровения. Пятикнижие Моисеево / пер., введ. и коммент. И. Ш. Шифмана. М., 1993.

Яценко Мария Вадимовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

Символ веры в древнеанглийском поэтическом переложении

Из всех известных по латинским рукописям древнеанглийского периода вариантов Символа веры (Никео-Цареградского, Апостольского и Афанасьевского) только Апостольский Символ веры дошел до нас в форме древнеанглийской парафразы. Он является составной частью перевода последовательности церковной службы по уставу св. Бенедикта и издавался как в составе этого памятника [The Benedictine Office, 1957], так и отдельно [The Creed, 1942]. Большая часть латинского текста, который использовался в богослужении, переведена на древнеанглийский язык как прозой, так и стихами. Переложение Символа веры в контексте перевода последовательности церковной службы выделяется как текст наиболее унифицированный с точки зрения метрики и организации текста, что дает основания для его рассмотрения как отдельного памятника. Значительно отличает древнеанглийский Символ веры от всех латинских вариантов рассказ о Боге не только в третьем лице, но и обращение на «Ты», что уподобляет данный текст молитве и выглядит естественно в контексте церковной службы. Тем не менее вполне оправдано и издание этого текста как крестильного Символа веры [The Baptismal Creed, 2010]. Сравнение данной парафразы с прозаическими древнеанглийскими переводами-разъяснениями Символа веры (фрагментами из проповедей Эльфрика и Вульфстана), позволяет говорить о единстве богословской традиции этих текстов. Также рассматриваемый текст не входит в противоречие с Никео-Цареградским Символом веры, который Эльфрик называет Maesse Creda в связи с его использованием во время литургии. Латинский текст Символа веры воспроизводится в древнеанглийской парафразе не полностью. Однако латинские вставки в древнеанглийском тексте выглядят весьма последовательно. Каждый из первых пяти латинских фрагментов-предложений, посвященных Троице, переведен на древнеанглийский строфами по восемь строк. Последние пять латинских фрагментов, описывающих церковь как собрание верующих, переводятся более кратко — 1–3 строками. В тексте использованы традиционные для древнеанглийской поэзии принципы построения текста: аллитерация и формульность, а также синтаксический параллелизм, мало характерный для данной поэтической традиции. Древнеанглийский перевод оказывается в большей степени повествовательным, чем оригинал,

т. к. содержит рассказ о таких эпизодах Священной истории, как Сотворение мира, Боговоплощение, Сошествие во ад и Воскресение Спасителя. Также парафраза содержит и истолкование догмата о Пресвятой Троице.

Литература:

1. The Benedictine Office: An Old English Text / Ed. by J. M. Ure. Edinburgh, 1957. Pp. 87–89.
2. The Creed // Anglo-Saxon Poetic Records. A Collective Edition VI. The Anglo-Saxon Minor Poems / Ed. by E. van K. Dobbie. N. Y., 1942. Pp. 78–80.
3. The Baptismal Creed // Old English Liturgical Verse: A Student Edition / Ed. by S. L. Keefer. N. Y., 2010. Pp. 83–96.

КИНО|ТЕКСТ: ПРОСТРАНСТВО ФИЛЬМА

Апостолов Андрей Игоревич,
аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Производство «избранного» пространства. Донбасс в кинематографе сталинской эпохи

Исходный тезис или первичная интуиция моего сообщения — выявление «особости» («выделенности») регионального пространства Донбасса на воображаемой кинокарте Советского Союза сталинской эпохи.

Модель топографической иерархии отражения страны в кино в это время можно очень грубо свести к классической оппозиции двух макроединиц пространства. Первое — «Москва», т. е. сакральный центр, пуп земли, «heartland» и т. д. имперского космоса. Второе, менее очевидное и более растяжимое во всех смыслах пространство, мы назовем по примеру популярнейшего в послевоенное время романа В. Ажаева и его одноименной экранизации А. Столпера «Далеко от Москвы». Отношения этой пространственной пары укладываются в логику имперской традиции взаимодействия Центра и Периферии. Важнейшая характеристика периферийного ландшафта — ослабленная внутренняя дифференцированность, т. е. обобщенной формулой идентичности здесь может служить негативное определение «не-Москва». В каком-то смысле эта неразличимость периферии наследует традиции дореволюционной литературы с ее вездесущим Городом N. Да, конечно, свое особое место в кинематографе 1930-х гг. получает Ленинград, но его место в новой пространственной мифологии связано исключительно с прошлым, со статусом «колыбели революции». Если кино-хронотоп Ленинграда соотнесен с прошлым и событием революции (а «бывшего» центра Санкт-Петербурга — с дореволюционной историей (ср. «Конец Санкт-Петербурга»)), то Москва, даже в ее новом статусе образцового коммунистического города (ср. «Новая Москва» Медведкина и Пименова), апеллировала к вечности, как то и подобает центру империи. В этой ситуации на условную воображаемую кинокарту СССР должно было быть нанесено специфически советское пространство,

наиболее репрезентативное для конструирования новой исторической идентичности. Я утверждаю, что таким «особым» пространством, т. е. советским par excellence, был избран район Донбасса. Таким образом, благодаря наиболее интенсивному резонансу с современностью Донбасс был выделен из размытого безымянного фона «не-Москвы» и наделен собственной особой мифологией.

В своем докладе на примере конкретных фильмов я попытаюсь проследить общие механизмы производства особой региональной мифологии Донбасса в сталинском кино, а также кратко коснусь отдельных аспектов процесса ее эрозии в фильмах о Донбассе позднесоветского и постсоветского периодов. Отдельно в докладе будут рассмотрены ключевые антропологические характеристики Донбасса как особого пространства: «монофункциональность» («всесоюзная кочегарка») и хтонизм (в понимании немецкого антрополога Л. Фробениуса).

Фильмография:

Симфония Донбасса. Шахтеры. Ночь в сентябре. Я люблю. Большая жизнь 1, 2. Это было в Донбассе. Донецкие шахтеры. Цветок на камне. Счастье Никифора Бубнова. Смерть рабочего и т. д.

Арсеньев Павел Арсеньевич,
аспирант, Университет Лозанны (Швейцария)

Путешествие на край социального воображаемого

На примере двух фильмов — советской черно-белой ленты 1967 г. «Таинственная стена» и голливудского римейка 1973 г. «Потерянный горизонт» — мы попробуем продемонстрировать, как функционирует метафора «иного пространства» в голливудском и советском кинематографе эпохи разрядки. Если в первом это метафора утраченного золотого века, пасторальность которого непременно мечтательно противопоставляется скорости современной жизни и одновременно требует ее вытеснения, то второй — это метафора становящегося более и более смутным, но все еще потенциально обретаемого будущего расширяющейся космической ойкумены. Также будут проанализированы направление и характер выпадение из исторической повседневности, частота сообщения между ними, бытовые отличия «иного» пространства, его технологическое и колониальное бессознательное, и наконец сам референциальный статус «иного мира» для советской и голливудской моделей.

Бугаева Любовь Дмитриевна,
д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Полилокальность и гетеротопия в кинематографе

Кинематограф — это одновременно пространство репрезентаций, репрезентация пространства и пространственная практика — освоение пространства субъектом. Кинематографическое пространство гетерогенно и включает пространства как абстрактные, так и исторически конкрет-

ные, как обжитые, так и в делёзовском смысле пустые и т. д. К кинематографическим пространствам приложимы понятия полилокальности и гетеротопии. Так, Эндрю Дадли (2006) стремится, с одной стороны, учитывать географическое пространство, показанное на экране, а с другой — прочитывать фильм как карту. Йиджин Чжан предлагает для такого подхода термин «полилокальность» (2010). По мнению Чжан, национальная парадигма в кинематографе уступает место транснациональному кино, а полилокальность — это разнообразные географические локусы фильма, актеры из разных стран и интернациональная съемочная группа. Думается, однако, что полилокальность — это также слияние двух или более пространств, в результате которого образуется среда, семантически нагруженная чертами и характеристиками взаимодействующих пространств. Так, подобное слияние пространств имеет место в фильме Аки Каурисмяки «Преступление и наказание» (1983). Концепция гетеротопии Мишеля Фуко предполагает пространство одновременно реальное и воображаемое, включающее в т. ч. пересекающиеся пространства национального и глобального. Гетеротопия, по Фуко, — это пространство, в котором возможно соединение нескольких мест, нескольких локусов, в противном случае несовместимых. Воплощением гетеротопии на экране часто становится утопическое или дистопическое пространства, но они далеко не единственные варианты кинематографической гетеротопии. В докладе исследуется полилокальность и гетеротопия как формы образования и преобразования кинопространства.

Виталь Феофания Юрьевна,
преподаватель, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва)

Эмоциональное воздействие на зрителя в американском кинематографе на примере жанра кинодрамы

Цель настоящего исследования — анализ и краткая классификация некоторых основных приемов, использующихся в современном американском кинематографе для эмоционального воздействия на зрителя.

В ходе исследования автор делает следующие научные выводы.

- Катарсис в драме создается путем образования связи между идейно-проблемной сферой фильма и его сюжетной линией. Чем детальнее проработан сюжет, чем он креативнее, тем, соответственно, очевиднее его взаимосвязь с тематикой, идеей и основной проблемой драмы. При помощи ряда художественных приемов и особенностей построения фильма можно дополнительно воздействовать на эмоциональный фон зрителя, способствуя возникновению катарсиса и большей его глубине.
- Окончательное ощущение катарсиса у зрителя может возникнуть на пике событий драмы, когда все сюжетные линии соединяются, в несколько секунд сюжетного времени раскрывается главная интрига, и тем самым создается ощущение либо ликования, либо крайней степени сочувствия главному герою. И те, и другие эмоции могут обусловить

мгновенный приход к катарсису — как доказательство абсолютного проникновения в ткань фильма, временного, но полного единения зрителя с судьбой главных героев.

Основные приемы контроля над эмоциональным состоянием зрителя в современном американском драматическом кинематографе следующие:

1. Литературные сюжеты и сказочные архетипы, их узнаваемость.
2. Перенос действия на местную почву, актуализация фильма деталями окружения, времени и обстановки.
3. Музыка и спецэффекты в существенно большей, нежели фоновая, роли.
4. Недосказанность, предоставление зрителю возможности осмыслить события фильма самому, вне зависимости от того, совпадут ли его выводы с авторским замыслом.
5. Катексичное развитие сюжета и саспенс. Катексис может являться достаточной, но вовсе не необходимой составной частью катарсиса в фильме.
6. Катарсис, способный проявиться как в финале, так и в ключевых моментах фильма.
7. В таком формате, как сериал, катарсис может присутствовать в каждой серии (вертикальный сериал) или в финале киноленты (горизонтальный сериал).

Волошин Пётр Александрович,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Нью-йоркский текст современного англоязычного кино

Анализируя нью-йоркский текст кино, мы в первую очередь опираемся на богатый и продуктивный опыт филологического исследования подобных феноменов. Кино, музыка, литература действуют вместе, создавая картину города в культуре. В качестве предмета исследования в работе выбраны кинофильмы нового века. Современное кино испытывает влияние классики, Нью-Йорка Скорсезе или Чаплина, но Нью-Йорк меняется быстро, как и многое в его описании в культуре. Любой локативный текстовый комплекс мифологичен, часто это отражается в тяготении к бинарным оппозициям. Оппозиции «свое — чужое» «прошлое — настоящее» часто взаимосвязаны с терактом 11 сентября. Во многих локативных текстовых комплексах существуют катастрофы, которые категорически изменяют их структуру, как, скажем, в петербургском тексте — события блокады. Исчезновение башен как важного элемента нью-йоркского ландшафта коррелирует с тяжелой утратой для героев кино, потерявших в катастрофе близких («Жутко близко и запредельно громко», «Опустевший город»). Пространство города, ранее знакомое и родное, теряет такой статус. Так рождаются два города. Один — город прошлого, ностальгический «Нью-Йорк, Нью-Йорк» из легендарной песни. Второй — город современности, тяжелый и опасный, в котором человеческое найти трудно. Город становится предметом открытой ностальгии (ярчайший пример — «Прогулка» Земекиса). Важную роль имеет горизонтальная (районы города) и вертикальная (небоскребы — подземка) организация пространства. Пять основных районов горо-

да, по сути, — пять субтекстов. Горизонтальное перемешение между ними в пространстве становится метафорой вертикального подъема-спуска в социальной лестнице. Мотив переезда, скажем, из Бруклина на Манхэттен как показатель социального успеха свойственен многим жанрам, от лирических комедий до криминальных триллеров. Интересно, что кардинальное изменение социального статуса не требует выхода за рамки города. Как и многие другие крупные города, Нью-Йорк — город-метонимия мира в целом. Не зря действие многих фильмов катастроф («Кинг-Конг», «Послезавтра» и др.) происходит как раз в Нью-Йорке. Картина апокалипсиса в рамках одного локуса наиболее правдоподобна в том локусе, в котором семантика «всемирности» (впрочем, как и апокалиптичности) заложена изначально. Таким образом, в двух планах, пространственном и временном, Нью-Йорк разложен на бинарные оппозиции. Нью-Йорк — неоднозначный город с резкими переходами противоположностей друг в друга. Важнейшую роль в данном случае играет позиция воспринимающего субъекта. Именно тот, чьими глазами мы смотрим на город, и становится первой нормативно-нравственной инстанцией.

Вьюгин Валерий Юрьевич,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Топосы и локусы (К риторике постсоветских ремейков)

С конца 1990-х гг. российский кинематограф переживает уникальный для его истории бум производства ремейков. Благодаря своей многочисленности и концентрированности на советском, постсоветские ремейки вольно или невольно отсылают не только каждый к конкретному фильму-предшественнику, но и все вместе к массиву фильмов-источников в целом. Собственно эти две совокупности кинонарративов, два обобществленных кинотекста или, в другой терминологии, два дискурса — завершенный в прошлом и реанимирующий прошлое — в их сопоставлении друг с другом и окажутся в центре моего внимания. Чтобы определить подход, предложенный в докладе, удобно, вслед за Томасом Личем, воспользоваться выражением «риторика ремейка» [Leitch, 1990], которое подразумевает исследование таких аспектов, как «риторика изображения», «интертекстуальность», etc. Вместе с тем я позволю себе доосмыслить предложенное Личем понятие «риторика ремейка» с учетом социальной прагматики кинематографа, определив его как совокупность приемов визуальной легитимации новой социальной реальности, основанных на попытке возобновить уже завершенный кинодискурс. Я сосредоточусь на метаморфозах, которые претерпевают вещи, люди и, главное, пространства, когда современные фильммейкеры эксплуатируют топосы советского кинематографа.

Литература:

Leitch T. M. Twice-Told Tales: The Rhetoric of the Remake // Literature/Film Quarterly. 18/3. 1990.

Григорьева Надежда Яковлевна,
д. филос. н., преподаватель, Университет Тюбингена (Германия)

Мир, из которого нельзя убежать: пространственная авторефлексия в советских фильмах 1920–1930-х гг.

Кинопространство нередко выстраивается вокруг погони, которая отвечает самой сути киномедиума, оперирующего движущимися картинками. Не случайно, начиная с 1904 г., форма погони становится одним из основных элементов кинематографа (см. об этом, например: [Gunning 1994: 67]). Однако для русского кино погоня нехарактерна: русские немые киноленты были ощутимо замедлены, а в советских фильмах 1920–1930-х гг. погоня если и присутствовала, то в редуцированной, и, как правило, пародийной форме. Мой тезис состоит в том, что советское кино 1920–1930-х гг. моделирует мир, из которого нельзя убежать. Подобный киномир авторефлексивен, ведь передвижение персонажей в фильме, так или иначе, ограничено рамками медиума. Неслучайно бег по кругу с самого начала становится разновидностью фильмов-погонь (например, 9-минутная комедия Гриффита «Отказавшийся у алтаря» (Balked At The Altar, 1908) состоит из погони за сбежавшим женихом, которого все же удается привести к алтарю). В докладе планируется показать, что в советских фильмах 1920–1930-х гг. место погони (по кругу) заступает идея вечного возвращения, связанная с тотальностью империи, которую нельзя покинуть. Разные воплощения этой идеи возвращения можно найти в фильмах «В город входить нельзя» (1928) Юрия Желябужского, «Обломок империи» (1929) Фридриха Эрмлера, «Искатели счастья» (1936) Владимира Корша-Саблина и др. Особую роль в разработке антиэскапистской авторефлексии играют советские кинокомедии, подчеркивающие абсурдность и/или невозможность бегства. В этой части доклада основное внимание будет сосредоточено на фильме Александра Медведкина «Новая Москва» (1938), где изображается уютная империя, соединяющая столицу и отдаленную периферию в одно целое. Элементы погони, присутствующие в таком кинонарративе, вводятся не ради сюжета, но замысловатым образом иллюстрируют господствующую идеологию: возникает ситуация, когда «трюк может становиться знаком», как писал Сергей Эйзенштейн о комедии Медведкина «Стяжатели» («Счастье»).

Доманский Юрий Викторович,
д. ф. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Пространство кино за пределами экрана: «Брат 2. 15 лет — Живой SOUNDTRACK»

В пространстве за пределами экрана довольно много того, что можно назвать метакинотекстами: афиши, книги, игрушки, сувениры, саундтреки… Фильмы Алексея Балабанова «Брат» (1997) и «Брат 2» (2000) за пределами экрана прославились прежде всего как раз специально изданными саундтреками; причем к «Брату 2» вслед за официальным саундтреком вышел

саундтрек «Брат 2. За кадром», куда вошли песни из фильма, не попавшие в официальный саундтрек, и песни, которые так или иначе соотносятся с фильмом, но в фильме не прозвучали. И большинство песен, озвучивших балабановскую дилогию, относятся к русской рок-культуре. Балабанов выработал особую концепцию саундтрека, который зачастую не просто соотносится с содержанием фильма, а выступает в функции полноценной и фактически равной фильму системы, приему своего рода. Так, и в «Брате», и в «Брате 2» песни оказываются семантически связаны с эпизодами, которые они сопровождают, с теми или иными персонажами, то дополняя кинoряд важными смыслами, а то вступая в диалог (преимущественно полемического характера) с кинорядом. Следует признать, что во многом благодаря песням и их исполнителям фильмы «Брат» и в особенности «Брат 2» стали, что называется, культовыми. А культовые фильмы выходят за пределы экранного пространства разнообразными метатекстами. Об одном таком метатексте, случившемся через 15 лет после премьеры второго «Брата», и пойдет речь. 17 октября 2015 г. в Санкт-Петербургском Ледовом Дворце состоялся большой концерт под названием «Брат 2. 15 лет — Живой SOUNDTRACK». В докладе анализируется структура концерта, подбор исполнителей («Смысловые галлюцинации», Настя Полева, Вадим Самойлов, Глеб Самойлов, «Би 2», Вячеслав Бутусов) и песен, организация сценического пространства и прочие элементы «живого саундтрека». Все это интерпретируется как метатекстуальная относительно фильма Балабанова система, способная актуализировать те или иные смыслы исходного кинотекста и даже породить смыслы новые. Кроме того, анализируется официальная афиша концерта и система киноцитат, включенных в «живой саундтрек». Все это в совокупности представляет, на наш взгляд, особый сверхсинтетический тип пространства кино, открывающий перед искусством новые возможности.

Донскова Юлия Викторовна,
к. ф. н., старший преподаватель,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Махно Ольга Андреевна,
аспирант, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Впечатление как смысловая доминанта в мультфильме А. Петрова «Моя любовь» (по роману И. С. Шмелева «История любовная»)

Анимационный фильм А. Петрова «Моя любовь» (2006) по роману И. Шмелева «История любовная» (1926–1927), хотя и был удостоен звания «Лучший христианский фильм» (2007), тем не менее далеко выходит за рамки произведения, отражающего исключительно пространство русской патриархальной культуры. Важным компонентом в организации пространства анимационного фильма является смена заглавия. Она задает стратегию восприятия: вместо обобщенного «История любовная» предлагается

личностно ориентированное «Моя любовь». В результате все повествование в мультфильме превращается в монолог Тоника, главного героя, его воспоминания и впечатления прошлого. «Впечатление» является одним из ключевых элементов в построении данного анимационного текста. Использованная А. Петровым импрессионистская манера живописи в формировании визуального ряда подчеркивает ретроспективный характер повествования, данного от лица главного героя. Бытовая сфера мультфильма также связана с процессом впечатления. При демонстрации бытовой сферы А. Петров не стремится воссоздать ее в той полноте, в которой она представлена у Шмелева. Режиссер подходит к бытописанию Шмелева иначе — он воссоздает эмоциональную атмосферу эпохи. Источником для визуализации образов романа режиссеру служат фрески интерьеров церквей Ярославля, в частности, церкви Ильи Пророка, Николы Мокрого. Такая визуальная конструкция в сочетании с внутренним монологом героя, дословно воспроизведенным из текста романа, приводит к удвоению смыслов. Интертекстуальный пласт анимационного фильма активно участвует в формировании зрительского впечатления. Так, при визуализации романа Шмелева режиссер прибегает к русской живописи XIX в. (Брюллов, Репин, Левитан, Айвазовский) и XX в. (Кустодиев), европейской живописи (Микеланджело, Караваджо, Моне). Режиссер использует вполне «нормативный, универсальный, легко узнаваемый визуальный код», который превращает в анимационном фильме сюжет романа Шмелева в архетипическую историю.

Жукова Мария Владимировна,
к. ф. н., научный сотрудник, Констанцский университет (Баден-Вюртемберг, Германия)

О поэзии в ранней отечественной кинематографии (по материалам Российского государственного архива кинофотодокументов)

1. Осмысление киноязыка через словесные категории предпринимается уже в 1920–1930-е гг. Я. Мукаржовский, например, уподобляет кинопространство предложению, выступающему в языке как семантическое единство («К вопросу об эстетике кино», 1933). В. Шкловский в статье «Поэзия и проза в кинематографе» (1927) рассуждает о двух видах кино — прозаическом, который основывается на фабульности повествования, и поэтическом, в котором превалирует формальная составляющая и «целый ряд случайных смысловых разрешений заменен чисто формальным геометрическим разрешением». В свою очередь Ю. Тынянов ассоциирует смену кинокадров со сменой строк в стихотворении («Об основах кино», 1927). Однако изучению поэзии и поэта как темы киноискусства в науке уделялось значительно меньше внимания.
2. Всплеск интереса к поэтическому слову и образу поэта в отечественном кино связан с эпохой оттепели, когда лирика становится публичным достоянием: поэты читают свои стихи у памятника Маяковского, на сцене Политехнического музея, после выступления в Лужниках появляется понятие «стадионной поэзии». Вероятно, поэт в кино не является

исключительно приметой времени, отмеченного небывалым поэтическим бумом, но приобретает более важную функцию, связанную с противопоставлением живого поэтического слова «вторичной оральности» (В. Онг) радио и, прежде всего, телевидения, массовое распространение которого в Советском Союзе приходится также на 1960-е гг.

3. В связи с этим особый интерес приобретают наиболее ранние контакты кино и поэзии, запечатленные в художественных фильмах, но, прежде всего, в дореволюционных кинохрониках и советских киножурналах. Как позиционируется образ поэта, о каких поэтах рассказывается, какую роль играет поэт в наиболее ранних кинодокументах?

Калинин Илья Александрович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет,
шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре»

Шестая часть мира между эпосом и очерком

Доклад посвящен описанию кинематографических практик освоения пространства СССР, в процессе которого происходило не только символическое картографирование новой реальности, но и рождался новый субъект. Материалом такого описания станут прежде всего два кинематографических опыта, во многом задавшие крайние точки такого картографирования — фильм «Шестая часть мира» Дзиги Вертова (1926) и сценарий Виктора Шкловского «Турксиб» (1929). Сам Шкловский довольно критично оценивал данный опыт Вертова, считая его неудачным примером создания советского эпоса. Предлагаемый им самим вариант идеологического освоения пространства опирался на лефовско-конструктивистскую практику «литературы факта», документального очерка, не только описывающего, но и прагматически пересоздающего описываемое. Однако вертовская попытка создать эпическое полотно — несмотря на критику Шкловского — также была примером реализации конструктивистской программы. Выявлению этих жанрово-идеологических различий внутри кинематографической практики, опирающейся на поэтику конструктивизма, и будет посвящен доклад.

Капрелова Маргарита Борисовна,
к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

«Крошка Доррит» Ч. Диккенса: нарратив экранных версий

Разница в подходах и трактовках терминов «adaptation» и «screen version». Адаптация может иметь самое поверхностное родство с книгой или вовсе быть провокационной по отношению к первоисточнику. «Screen version» предполагает более бережное отношение к литературному материалу. Нарратив двухсерийного фильма 1988 г. К концу первой серии почти все события романа исчерпаны. События второй части показаны «глазами Крошки Доррит», некоторые сцены, реплики повторяются. Подобная верификация создает эмоциональное усиление события (событие маркируется,

подчеркивается его значимость); с другой стороны, у зрителя создается ощущение отсутствия действия. По мнению исследователя (Джон Уэйн), сюжет романа строится на «двух метафорах — тюрьма и семья», и сам роман представляет собой «запутанный лабиринт». Отсюда зеркальность персонажей и ситуаций; у большинства персонажей есть свой психологический двойник; метаморфозы, перетекание из трагического в комическое, сочетание гротеска и абсурда. Анализ главных героев и отношений «отец — дочь», «мать — сын» с выраженной родительской доминантой позволяет сделать вывод о негативном архетипе Матери и инфантильном отце. Расширенная по сравнению с фильмом 1988 г. телеверсия ориентирована на современное зрительское восприятие и эффектность подачи материала. Репрезентация образов в фильмах (среда, персонажи и исполнители).

Четырнадцатисерийный фильм телеканала BBC представляет собой расширенную версию по сравнению с фильмом 1988 г. Эффектность подачи материала, ориентация на современное зрительское восприятие (модные актеры, краткость диалогов и непродолжительность эпизодов, яркие декорации, костюмы, живописность натуры) вкупе с принципами толерантности позволяет говорить о тенденциях в современных экранизациях классики. Мотив тайны — тайна происхождения героя и переплетение судеб семейств Доррит и Кленнэм — связан с детективной интригой. Репрезентация образов в телесериале. Выводы.

Кащенко Елена Сергеевна,
к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема национальной идентичности в фильмах «Мельница и крест» Л. Маевски и «Ида» П. Павликовского

«Драма поляка», как это явление называл Б. Михалек, нашла отражение в эпоху расцвета польского кино (1950–1960-е гг.) Анджей Вайда и его современники в своих фильмах уделили достаточно внимания проблеме национального самосознания. По-прежнему ли волнует данный вопрос современных польских режиссеров? Каким образом они представляют эту тему в кино, какие новые ракурсы находят для ее воплощения?

Л. Маевски в 2011 г. выбрал в качестве сюжета своей новой картины фрагмент биографии знаменитого художника Питера Брейгеля-старшего. «Мельница и крест» — история создания полотна «Несение креста». Однако Маевски показал зрителям на просто мастера в процессе работы. Насколько велика ответственность творческой личности перед современниками и потомками? Может ли художник оставаться только созерцателем, философом, фиксирующим ужасы войны, но не пытающимся ее остановить?.. Возможно, в этом его главная миссия — оставить запечатленные кошмары в назидание будущим поколениям?

В центре фильма П. Павликовского «Ида» (2013) — история молодой девушки-сироты, готовящейся принять монашеский постриг. Неожиданно ее ближайшие планы меняются под влиянием встречи с единственной родственницей. Павликовский снял черно-белую картину, выразительную

в своей лаконичности. Две абсолютно разные героини ведут напряженный диалог. Режиссеру и ранее была свойственна аллегоричность, в «Иде» он остался верен себе. Обе женщины представляют разные сферы бытия, разные формы существования в рамках одной страны. Какой путь выберут они? Какой будет судьба этой страны?

Оба режиссера широко известны международному киносообществу, их фильмы удостоены ряда высоких профессиональных наград. Можно сказать, что это поколение абсолютно интернационально в своей манере творческого самовыражения. Тем интереснее взглянуть на проблему национального самосознания с помощью именно их работ.

Кибальник Сергей Акимович,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Метатексты и гипертексты «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского в литературе и кино

Роман Достоевского «Преступление и наказание» породил огромное количество самых разносторонних «отражений» в западной и русской литературе последней трети XIX — XXI вв. Вначале это были, естественно, метатексты: переводы, театральные инсценировки и т. п. Однако очень скоро, в 1880-е гг., во всех крупнейших литературах Европы: французской, немецкой, английской и итальянской — появились и гипертексты — оригинальные романы о «преступлении и наказании», варьирующие сюжетно-образную канву романа Достоевского. В 1890-е гг. подобные произведения начали создаваться и в России. Со временем они уступили место гипертекстам более сложной природы — ориентированным, как правило, уже на несколько романов русского писателя одновременно. Что касается общего направления в трансформации темы «преступления и наказания», то оно шло по линии: «преступление без раскаяния» — «преступление без наказания» — «наказание без преступления» и т. п.; при этом полемика с Достоевским, как правило, ведется в сфере не столько автора, сколько героя.

По мотивам романа неоднократно снимались художественные и мультипликационные фильмы. В современных адаптациях романа: «Нина» (Nina, 2004); «Match Point» (2005, США, Великобритания, реж. Вуди Аллен); «Избранник» (Россия, реж. Дмитрий Мамулия, 2012); «Студент» (2012, Казахстан, реж. Дарежан Омирбаев) — сюжет романа Достоевского значительно изменен. В 2007 г. на телеэкраны России вышел восьмисерийный телевизионный фильм «Преступление и наказание» в постановке режиссера Дм. Светозарова. Классической в России остается киноэкранизация «Преступления и наказания» Льва Кулиджанова (1969) с участием Г. Тараторкина и И. Смоктуновского.

В докладе будут рассмотрены вопросы о сходстве и различиях в истории литературных и кинематографических интерпретаций «Преступления и наказания» и об их обусловленности теми или иными факторами специфики обоих искусства и личности их создателей.

Козлова Светлана Сергеевна,
аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Статичные модели пространства как необходимое условие динамики телесности

Современный кинематограф часто обращается к теме хрупкости, уязвимости человека цивилизованного и пытается разрушить иллюзию защищенности его телесной природы в технологичном мире. Разрушение иллюзии происходит за счет переноса места действия в закрытое локализованное пространство, лишенное географических и временных систем координат, в котором человек теряет социальные, профессиональные, ключевые цивилизационные приметы и «маски», в результате чего телесность становится наиболее выпуклой — открытой и уязвимой, «пригодной» для драматических испытаний. В докладе рассматривается использование узнаваемых типологизированых пространственных концептов «Лес» и «Земля-Огонь-Вода» в положении максимальной статики, когда лес либо погружен в естественное состояние сезонного сна, либо, сверх того, находится на границе яви и сна героя, что позволяет допустить любые метаморфозы, происходящие с человеческой телесностью: «Антихрист» Л. Фон Триера, сериал «Ганнибал». Кроме того, статичные «спящие» модели пространства «Лес» и «Земля-Огонь-Вода» подчеркиваются «локализацией» цветового решения: «Фауст» А. Сокурова. Отдельное внимание уделяется и постпостмодернисткой авторской иронии, когда человеческая телесность превращается в объект буквальной деконструкции — расчленению, рассмотрению под «микроскопом» или превращению в гумус в условиях все тех же пространственных моделей, но с привлечением новых деталей — «мертвая» законсервированная обсерватория в лесу: сериал «Ганнибал».

Коршунов Всеволод Вячеславович,
преподаватель, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Периодическое время в кино

Периодическая концепция времени пришла из Древнего Египта эпохи фараонов: с началом царствования очередного правителя летоисчисление обнулялось. Кинематографисты, экспериментируя с нелинейными формами композиции и различными способами организации фильмического времени, освоили эту конструкцию не сразу. Революционной в этом отношении стала картина Акиры Куросавы «Расемон» (1950), где одно и то же событие воспроизводилось четырежды: каждый раз время обнулялось, сбрасывалось, и словно начинало течь заново. Спустя несколько десятилетий эту конструкцию освоило и жанровое кино — выходит картина «День сурка» (1993, Х. Рэмис), построенная на сбросе временного цикла. Современное кино особенно активно использует эту композиционную форму: как в авторских проектах, например, «Луна 2112» (2009, реж. Д. Джонс) и «Шапито-шоу»

(2011, реж. С. Лобан), так и в высокобюджетном голливудском кино, в частности, в фильмах «Исходный код» (2011, реж. Д. Джонс) и «Грань будущего» (2014, реж. Д. Лайман). Можно предположить, что это связано, во-первых, с общими процессами фрагментации восприятия, во-вторых, с попытками соединить язык кинематографа и язык компьютерных игр, где время может обнуляться столько раз, сколько этого пожелает пользователь.

Левченко Ян Сергеевич,
Ph. D., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Конструирование ландшафта в среднеазиатском истерне

1. Пространство географическое, топографическое и символическое. Сходства и различия понятий границы и фронтира на американском и советском материале. Пространство как культурный продукт.
2. Производство кинематографического пространства на материале окраин: в чем отличие от метрополий (городов)?
3. Среднеазиатский истерн в контексте приключенческого жанра. Визуализация Другого как индикатор отличия истерна от классического вестерна с его «невидимым местным населением» (invisible natives, по Армандо Хосе Пратсу).
4. Город и кишлак в истерне. Пространства сюжетного развертывания: застава, граница, дистанции погони.
5. Примеры: «Всадники революции», «В черных песках», «Седьмая пуля», «За рекой граница», «Встреча у старой мечети».
6. Ревизионистское пространство: «Белое солнце пустыни» как авторский проект.

Маковеева Ирина,
Ph. D., директор, Совет по международному образовательному обмену (Портланд, США)

Dream Space: вне времени и пространства

Благодаря новым техническим возможностям в кино XXI в. пространства, конструируемые на экране, принципиально отличаются от плосткостных изображений XX в. Тщательно разработанные мизансцены (например, Евгения Бауэра) и неожиданные ракурсы кинокамеры (например, Сергея Урусевского), предназначенные для преодоления пространственной двухмерности, остались хоть и в непреходящем, но прошлом. Сегодня компьютеризация сьемочного и монтажного процесса позволяет выстраивать трехмерные пространства с эффектом включения зрителя в происходящее на экране и предлагает ему «нереальные» в повседневной жизни точки обзора. Кино становится стереоскопичным и интерактивным.

Рубежным фильмом в этом характерном для нового времени процессе стал фильм Джеймса Кэмерона «Avatar» (2009). Способность персонажей, а вслед за ними и зрителей, с легкостью и часто на впечатляющей скорости передвигаться в пространстве приводит к разрушению его физических

границ (например, «Twilight Saga»). Оно становится бесконечным и проницаемым. Исчезновение пространственных рамок приводит не только к взаимопроницаемости пространств, закрепленных за тем или иным жанром («Cowboys and Aliens»), но и к возможности сосуществования пространств, принадлежащих различным временным пластам, в едином пространстве того или иного фильма («Sherlock: The Abominable Bride»).

Малаева Влада Владимировна,
аспирант, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

«Эмоциональная география» документального фильма как контекст его создания и восприятия

Сконструированность образа в документальном кино

Будучи сконструированным, изображение содержит и документальную, и символическую информацию. В т. ч. в документальном кино — здесь также есть место коннотации и денотации, значение которых для документальной фотографии в свое время подробно осветил Ролан Барт.

Два уровня «географического контекста» в документальном кино

Эмоциональную географию применительно к кино можно трактовать двояко — и как перцепцию, и как внутреннюю механику фильма. Она выступает *одновременно в роли контекста создания и контекста восприятия фильма*. Вне фильма она определяет зрительскую реакцию на фильм, ассоциируемый с географической локацией, через которую его идентифицируют (например, фильм М. Мустафиной «Милана»). Во внутрифильмовом пространстве эмоциональная география связана, скорее, с риторическими стратегиями, заложенными режиссером в документальный «текст» и транслирующими некий смысловой посыл.

Контекст восприятия: от четырех причин сущего, по Аристотелю, к риторическим стратегиям фильма

Аристотель говорил о четырех причинах сущего, представляющих собой ни что иное, как составляющие контекста:

1) автор (действующая причина);
2) источники и тематика (материальная причина);
3) приемы и способы изложения (формальная причина);
4) задача.

Деконструируем два современных документальных фильма, вызвавших масштабный общественный резонанс: «Дети 404» А. Курова и П. Лопарева и «Девственность» В. Манского. Используя метод риторической деконструкции Китсьюза и Ибарры, мы выделили риторические стратегии, используемые в фильме «Девственность». Во-первых, это *риторика депривации ЛГБТ-сообщества*. Лейтмотивами (или ключевым «словами» кино как текста) в данном случае будут «депривация», «маргинальность», «урод/больной», «извращение», «социальная замкнутость», «противоестественность» и прочие. Во-вторых, это *риторика психологической и материальной уязвимости*. Примерами

лейтмотивов этой риторики могут быть «самоубийство», «уход в себя», «ссора», «семейный конфликт», «необходимость врать». Стиль выдвижения утверждений-требований можно охарактеризовать как *сочувствующий*.

Формулировка ключевой риторической идиомы, использованной в «Девственности», может звучать как *«обесценивание человека»*. Лейтмотивами будут выступать смыслообразующие идиому маркеры: *«проституция», «симулякр», «отчуждение», «потеря себя», «ловушка», «плыть по течению»*.

Контекст создания: географическая локация как приглашение к съемкам фильма

Порой именно география съемок предопределяет рождение фильма — а впоследствии и характер зрительских эмоций. В качестве иллюстрации рассмотрен фильм «Милана», в котором географическое пространство героини — маленькой девочки, живущей с родителями в кустах, — способствовало возникновению социальной реакции с целью изменить ситуацию.

Мариевская Наталья Евгеньевна,
д. иск., доцент, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва)

Художественное пространство фильма в динамике сюжета

Наиболее плодотворным подходом к анализу художественного пространства фильма следует считать динамический подход. Пространство фильма конструируется в глубокой взаимосвязи с конфликтом, переживаемым героем. При всем многообразии динамик, воплощенных в конкретных произведениях кинематографа, существуют устойчивые динамики: пересечение границы двух миров (ситуация двоемирия, движение в лабиринте, связанное с поиском выхода из экзистенциального тупика). Динамика художественного пространства связана с «ценностями истории», с аксиологией фильма. Отдельные кинематографические жанры при создании модели реальности используют устойчивые пространственные формы. В этом отношении показателен жанр хоррора. Пространство страха является своего рода сумеречное зоной, где соприкасаются тьма и свет, что порождает устойчивое решение пространственной среды: нечеткость, размытость изображение, скользящие тени, отражения в зеркалах и пр. Пространство может являться вывернутым наизнанку внутренним миром героя.

Муравьева Лариса Евгеньевна,
аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Интертекстуальные редупликации в киноязыке («Часы» С. Долдри)

Способность повествовать *между* вымыслом и реальностью всегда оставалась неослабевающим источником творческого напряжения, но в ряде постмодернистских произведений это колебание становится центральным

фокусом художественной рефлексии. Среди нарративных фигур, обеспечивающих этот эффект в литературе и кино, особым статусом обладает *редупликация*, известная во французской и англоязычной теории как *mise en abyme*. Редупликация — это, в первую очередь, особая семиотическая ситуация, устанавливающая (авто)референцию к элементам собственной структуры. В нарративно организованных дискурсах редупликация расщепляет повествование на несколько тождественных формообразований, затрагивая при этом как элементы самой истории («Жить своей жизнью» Ж.-Л. Годар), так и процесс порождения или восприятия произведения («8½» Ф. Феллини). Наделяя пространство многомерностью и создавая семантические итерации, редупликация прочерчивает дополнительные сюжетные линии поверх основного сюжетного пространства. Расщепляя нарратив на вторичные миры историй («storyworlds»), редупликация одновременно накладывает особые законы на интерпретацию. Так создается дополнительная смысловая игра, моделирующая читательские ожидания относительно первичности/вторичности, достоверности/вымышленности микронарративов. Но если редупликация — это дублирование в пространстве текста какого-либо его фрагмента, то как классифицировать случаи, когда в роли этого фрагмента выступает чужой текст? Несмотря на то, что явлению *mise en abyme* посвящены серьезные исследования на материале литературных (L. Dällenbach, M. Bal, B. McHale и др.) и кинематографических источников (S. Fevry, J.-M. Limoges), *интертекстуальная редупликация* никогда не становилась непосредственным объектом изучения. Этот случай наиболее очевидно воплощен в фильме «Часы» С. Долдри (2002), где в качестве редупликации выступает другой, опосредованный культурой текст («Миссис Дэллоуэй» В. Вулф). Выходя за рамки экранизации одноименного романа постмодернистского писателя М. Каннингема (1999), фильм С. Долдри выстраивает непосредственный диалог с прецедентным текстом В. Вулф. Редупликация приближается к пересмотру границ нарративной логики в киноязыке: она затрагивает не только внешний план произведения (транспонируя «моменты бытия» из текста Вулф на нарративный уровень «Часов»), но и внутренний, интроспективный план (преображая внутренние монологи и мельчайшую «эпизодизацию» в чередующиеся образы-движения (Ж. Делёз), составляющие основную материю фильма). В конечном итоге редупликация размывает границы между «вымышленным» и «реальным», подчеркивая трансформирующую роль «чужого слова» в киноязыке.

Пинежанинова Наталья Павловна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Актуализация пространства как форма интерпретации в поэтическом видеоклипе К. Серебренникова «Конец прекрасной эпохи»

Поэтический видеоклип репрезентирует поэтический текст в аудиовизуальной форме, при этом медийная репрезентация поэтического текста имеет собственный эстетический потенциал в интерпретации поэти-

ческого высказывания. Видеокадры, сопровождающие стихи, могут быть документальными, игровыми, анимационными или дигитальными. Использование приемов документального кино в поэтическом видеоклипе создает представление о биографическом или хроникальном модусе. В соположении с поэтическим текстом документальный видеоряд может стать как иллюстративным фоном, так и одним из концептуальных способов представления поэтических смыслов, усиливающих экспрессивность восприятия.

Визуализация пространства в поэтическом видеоклипе К. Серебренникова «Конец прекрасной эпохи» становится синкретическим аналогом риторически организованного текста. Оппозиция «метафорическое / непосредственное» нейтрализуется за счет проекции поэтического текста на фрагменты документального видеоряда, при этом происходит деметафоризация или рефигурация поэтической метафоры, актуализирующая ее метонимические компоненты. Документальные съемки вписывают поэзию в рутинный быт, в результате чего создается ироническая полифония. Однако снятая в документальном жанре обыденность, благодаря поэтическому тексту и монтажу кадров, по-новому семиотизируется, представляя собственные визуальные метафоры тупика, несвободы, механистичности жизни, цены и обесцененности вещей, при этом документальный видеоряд обращен в большей степени к бытовому сознанию зрителя и бытовой конкретности, в отличие от поэтического текста, насыщенного метафорами обобщенно-метафизического плана.

Полищук Вера Борисовна,
к. ф. н.

Эмоциональное пространство ребенка в мире взрослых: книга и фильм

1. Образ ребенка, детское восприятие окружающего мира неоднократно попадали в фокус внимания кинематографа. Достаточно вспомнить такие разные фильмы, как «Сережа» Георгия Данелии и Игоря Таланкина по одноименной повести Веры Пановой (1960) или «Фанни и Александр» Ингмара Бергмана (1982).
2. Большой интерес для исследователя представляет то, какими способами язык кинематографа передает особенности детского восприятия мира по сравнению со взрослым взглядом. В докладе прослеживается построение «пространства детства» внутри мира взрослых средствами кино, передача детских впечатлений и воспоминаний.
3. На материале фильма «Коля» Я. Сверака (1982) отчетливо видно, как совокупность визуальных акцентов, крупных планов и операторских ракурсов передает точку зрения любопытного и уязвимого маленького ребенка в большом мире взрослых, властных над его судьбой. Эти приемы позволяют выделить основные темы фильма: противопоставление жизни и смерти глазами ребенка; болезнь и выздоровление; постижение тайн взрослого мира и незнакомого

города; языковой барьер и его преодоление. Расстановка визуальных акцентов подчеркивает и трагикомическую составляющую фильма (расхождения в восприятии ребенка и взрослого).

4. В фильме «Остров сокровищ» Вл. Воробьева (1982) повествование идет от лица ребенка, но смещение смысловых акцентов за счет операторских и сценарных ходов отчасти меняет жанр и сюжет фильма. Вводятся сентиментальные диккенсовские мотивы (акцентируется тема «сирота в поисках достойной замены отцу»); стихийное, хаотическое, природное начало (заманчивый, но пугающий «мир пиратов») противопоставляется упорядоченному, цивилизованному и устойчивому миропорядку («мир положительных героев»). Кроме того, подбор визуальных образов создает устойчивый лейтмотив «сна-мечты», пригрезившейся рассказчику и со временем превратившейся в воспоминание. Привнесенный по воле режиссера комический элемент также создает иллюзию «игры в пиратов и приключения» и не вполне настоящей смерти, что дополняет лейтмотив сна.

Поселягин Николай Владимирович,
к. ф. н., заведующий отделом, журнал «Новое литературное обозрение» (Москва)

От «Матрицы» к онтологической «матрешке»: зачем голливудскому кино бесконечное количество пространств?

В докладе будет рассмотрена одна тенденция в голливудском кино конца 1990–2000-х гг., когда единообразное, на первый взгляд, пространство фильма проблематизировалось, подвергалось тотальному сомнению, его структура начинала представлять собой «матрешку», где одни уровни пространства оказывались как бы «вложенными» в другие. В более простом варианте структуры («Шоу Трумана», 1998, «Темный город», 1998, трилогия «Матрица», 1999–2003, «Ванильное небо», 2001 и др.) уровней всего два: истинный и неистинный, но навязанный главному герою/героям извне. Эта разновидность лишь слабо выделяется на фоне других фантастических фильмов или психологических триллеров, где объективный мир до поры до времени скрыт за тотальным изображением субъективной (и искаженной) точки зрения персонажа. В иных, более радикальных случаях («Тринадцатый этаж», 1999, «Экзистенция», 1999, отчасти «Малхолланд драйв», 2001 и т. д.) об истинности/неистинности пространства говорить невозможно: любой уровень диегесиса, который в данный момент демонстрируется зрителю, в следующем кадре может быть дискредитирован, а взаимопересекающихся пространств в перспективе может оказаться бесконечное множество. Здесь сомнению подвергается уже истинность самой реальности, и голливудский фильм с таким сюжетом фактически превращается в видеотрактат об онтологическом релятивизме. В конце 1990-х гг. это многоуровневое пространство объективировано — несмотря ни на что, у зрителя нет сомнений, что пространственная «матрешка» существует независимо от воли персонажей. В 2000-е оно интериоризируется и субъективируется — оказывается замкнуто внутри сознания главного героя,

и именно это сознание, а не внешний мир (про который даже нельзя с уверенностью сказать, что он существует), представляет собой многоуровневую конструкцию пространств и порожденных реальностей. Достаточно близко приближается к этому «Малхолланд драйв», а одними из наиболее ярких примеров интериоризации выступают «Пробуждение жизни» (2001), «Господин Никто» (2009) и «Начало» (2010). В докладе будет сделано предположение, зачем Голливуду, чутко реагирующему на изменение массовых зрительских идеологий, в эти годы потребовался подобный уход в онтологический релятивизм и солипсизм.

Пронин Александр Алексеевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пространство как документ: к вопросу об убедительности биографического нарратива

Документальный биографический фильм неизбежно апеллирует к «пространству жизни» героя: географическому, социально-бытовому, личному. Пейзажи и интерьеры, связанные с биографическими событиями, повседневным укладом жизни героя, характеризующие соответствующую его время обстановку — все это маркеры реальности, необходимые для идентификации презентуемой личности.

В диегезисе фильма «документальное пространство» конструируется разными способами и используется автором для разных уровней восприятия: в качестве композиционного элемента содержания кадра, динамического элемента сюжетосложения, а также — как особый знак достоверности нарратива.

На примере фильма Е. Якович и А. Шишова «Василий Гроссман. Я понял, что я умер» можно увидеть, как способы презентации «пространства события» в документальном биографическом фильме наиболее убедительны. Картина ключевого события истории — ареста рукописи романа «Жизнь и судьба» — воссоздается в пространстве кабинета писателя на Беговой улице в Москве. Рассказ о нем ведут только те, кто был в этом пространстве в тот день — невеста и внучка. Это пример прямого «предъявления» пространства как визуального документа в биографическом нарративе.

Другие способы требуют от автора иных приемов и средств убедительности, в т. ч. и чисто виртуальных — иллюзорных, по сути, но эффективных для зрительского восприятия.

Рейфман Борис Викторович,
к. филос. н., доцент,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Эстетический факт в пространстве фильма

В статьях «Театр и кино», «Живопись и кино» и, прежде всего, «„Дневник сельского священника“ и стилистика Робера Брессона» А. Базен вводит понятие «необработанный эстетический факт», которое подразумевает

«реальность второго порядка», представляющую собой реконструированные на экране или «как таковые» художественные артефакты. В частности, отмечая взаимную отчужденность закадрового голоса, читающего текст литературного первоисточника, и одновременно присутствующего на экране изображения в фильме «Дневник сельского священника», Базен говорит о двух типах «реальности, взятой в чистом виде. С одной стороны, это... лицо исполнителя, очищенное от всякой выразительной символики... с другой — то, что следовало бы назвать „реальностью написанного“». В докладе на примерах визуальных «необработанных эстетических фактов» в фильмах «Солярис» и «Зеркало» А. Тарковского, «И корабль плывет» Ф. Феллини, «Великий Медичи, рыцарь войны» Э. Ольми, «Натюрморты» Х. Фароки и «Без солнца» К. Маркера в духе иконологии Э. Панофского исследуется связь смысловой эволюции использования этого художественного приема с философско-культурными, коммуникативными и медийно-теоретическими концепциями второй половины XX в. Устанавливается изменение авторской семантики «необработанного эстетического факта» в фильме от выражения экзистенциальной «полноты» автора, его бытийного «присутствия», до выражения культурной, а конкретнее медийной детерминированности любых способов выражения смысла. При этом в качестве единственной возможности авторской свободы те кинорежиссеры, которые родом из французской «новой волны» и группы «Левый берег», прежде всего, Крис Маркер, утверждают исходящее из «отсутствия», из «телесной» довербальной авторской «пустоты» созидание, по выражению Р. Барта, «открытого смысла... означающего без означаемого».

Розина Ирина Валерьевна,
к. ф. н., заведующий отделом,
Всероссийский музей А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Фабула о благородном разбойнике: литературная классика и новые киногерои

Истоки популярности фабулы о благородном разбойнике обнаруживаются в мифах и народных сказках. Из фольклора образ перешел в драматическую литературу, достигнув наивысшего развития в героико-приключенческом и романтическом жанре. Фабула о благородном разбойнике включает комплекс мотивов: утрата дома и социального статуса, оппозиция законной власти, испытание лидерством, измена соратника, искушение сотрудничеством с врагом, преследование, одиночество, смерть (метафорическая или реальная). Выделим еще один важный принцип: благородный разбойник живет и действует на своей родной территории, в определенном топографическом пространстве. При этом герой выступает хозяином, «владетелем» здешних мест, он безоговорочно властвует в лесу, степи, районе, городке. В благородного разбойника, следуя устоявшейся романтической модели и оставаясь верным принципам дворянской чести и морали, превращается главный герой незавершенного произведения А. С. Пушкина, офицер Владимир Дубровский. Незавершенный роман А. С. Пушкина нашел

свое воплощение в отечественном кинематографе. В центре кинопостановки 1935–1936 гг. (реж. А. Ивановский) стихийный протест крестьян показан как революционное народное движение. Очередная попытка экранизации была предпринята в картине 1988 г. «Благородный разбойник Владимир Дубровский» (реж. В. Никифоров). Телевизионный фильм снят в лучших традициях жанра киноповести: неспешные крупные планы, соотнесенность с авторским текстом и т. д. Весной 2014 г. в кинопрокат вышла отечественная картина «Дубровский» (реж. А. Вартанов, К. Михановский). В XXI в. на авансцене новые герои своего времени. Сюжет разворачивается, и зрители погружаются в современные реалии российской глубинки, в которой, как оказывается, со времен крестьянских бунтов мало что изменилось. Фабульная традиция «благородного разбойничества» актуализируется в непростые времена социального слома, в эпоху кризисов и противоречий. В эпоху крушения надежд целого поколения молодых людей, не нашедших себе места в новых экономических реалиях России, криминальная романтика расцвела на подготовленной почве. Явление Саши Белого, героя кинематографической саги «Бригада» (реж. А. Сидоров), как знакового персонажа, представляется вполне закономерным. Создатели криминальной драмы использовали богатейшую кладовую национальной культурной памяти (как образы многочисленных лихих удальцов и атаманов, так и модусы литературных героев), обрисовав этапы сложного пути сильной личности: от праведности до беззакония, от эпизодов жизни простого парня до эпопеи криминального босса. Гангстерская сага остается в пределах отечественного дискурса. Фабула о благородном разбойнике предельно редуцирована современными массмедиа: «славный парень» превращается в героя «бандитских» сериалов.

Семенова Наталья Валерьевна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

«Несуществующее» пространство как историческое свидетельство

1. В кинематографе время от времени возникает повышенный интерес к картинам, в которых запечатлены знаковые исторические события и лица. Пространство в таких фильмах наделяется дополнительными функциями. По нему зритель идентифицирует эпоху, конкретный исторический момент или персонажа. Следовательно, целью инсценировки во многом оказывается верификация происходящего. Локус стимулирует наше воображение, населяет его устойчивыми образами и в конечном итоге влияет на производство смысла.
2. Пространство исторического фильма требует иллюзии фактографичности. Однако иногда возникают сбои, например, когда подлинное пространство верифицирует сомнительный факт. С другой стороны, ложное («несуществующее») пространство в свою очередь может быть верифицировано за счет подлинности события в нем происходящего. Примером первой ситуации служит фильм С. Эйзенштейна «Октябрь»

(1927). Кадры штурма Зимнего дворца и отдельные эпизоды, представляющие режиссерское видение переворота, постепенно стали восприниматься как документальные и заменили собой архивные свидетельства. Иллюстрацией ко второму случаю служит лента А. Народицкого «Юность поэта» (1937). В ней показан Лицей, где учился Александр Пушкин. В 1930-е гг. здание еще не обрело функции музейного комплекса (открытие последнего состоялось только в 1949 г.). На месте локуса зияла пустота, которую создателям фильма необходимо было заполнить образами. В результате представление о лицейском мире и его персонажах сформировалось у зрителя под воздействием «несуществующего» пространства (комната-келья Пушкина, экзаменационный зал, крепостной театр и т. д.).

Славина Ольга Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Гамбургский университет (Германия)

Анфилада «двойного театра» Н. Евреинова

К сновидениям Евреинов обращался постоянно в текстах его основных работ о театральности: «Введение в монодраму» (1909), «Театр для себя» (1912) и «Театр как таковой» (1915–1917). В них же разработана его теория «двойного театра». Пространства «двойного театра» — примыкающие друг к другу пространства сна и театра — архитектонически являются конструкцией анфилады, которая наиболее точно описывает модель кинематографа. Евреинов использовал дискурс *рамки*, образующей *вид*. *Рамка* определяла для Евреинова ракурс поисков, обеспечивала сквозную перспективу и выполняла функцию анфиладного проема.

Творческий акт связывался не с процессом конструирования, а с поисками за некоторой границей, т. е. с переходом через нее. Поэтому основополагающее для Евреинова — им введенное понятие *пере-ступления*. *Пере-ступление* обеспечивало перемещение по анфиладе, являясь и его условием.

Евреинов написал более 40 пьес и для своего «двойного театра» разработал сценографию. Понятие «двойного театра» получает пространственное оформление на сцене, тщательно выписываемое в тексте ремарок, и определяет траектории действий и состояний персонажей. Его сценическое пространство всегда имеет удвоение или, скорее, умножение.

Так, например, развивается пространство в «Корабле праведных» (1924–1927). Пьеса начинается ремаркой к первому акту: бытовая курортная комната, в которой *«огромное „венецианское“ окно (посредине) раскрыто настежь, открывая вид на море, где, совсем недалеко от берега, стоит на рейде большой корабль»*. На этом корабле впоследствии у персонажей начнется новая жизненная пьеса, по мотивам *Ноева ковчега*. Тогда корабль начинает существовать по принципу двойного театра, в какой-то момент на нем возникает сцена: *«Когда нарочито-театральным, розоватым светом вспыхивает рампа, — зритель как бы переносится в другой театр и перед ним возникает неглубокая, занимающая лишь просцениум и „первый план“ сцена...»*.

«Двойной театр» Евреинова — это не театр двух пространств, а театр, в котором каждое пространство имеет свое продолжение. Граница между ними может быть маркирована дверью, зеркалом, ширмой с театром теней, опиумным забвением, гинотическим сном или сновидением. Евреинов вводит зрителя в свою анфиладу и проводит через нее режиссерским взглядом. И *пере-ступление* зрителя превращается в кинопросмотр.

Смирнов Игорь Павлович,
д. ф. н., профессор, Констанцский университет (Баден-Вюртемберг, Германия)

Пространство молчания: апофазис и эволюция киноискусства

Рождение кино раздвоило искусство сценической игры так же, как прения между Григорием Паламой и Валаамом раскололи позднесредневековое богословие. По мнению Валаама, Бог познается через сущее, когда мы изучаем явления, данные в чувственном опыте. По возражению Паламы, творения отличаются от Творца, не позволяют судить о Нем. Основатель исихазма считал, что Бог непостижим в качестве субстанции, но доступен партиципированию в виде источника энергии. На заре XX в. кино заняло сторону паламитов в своем противостоянии театру — варлаамитскому по художественной природе. Фильм делит реальность на две области — потустороннюю и посюстороннюю. Кинозрители видят изображение, поставляемое им проекционным аппаратом. Отгороженные от социофизических референтов, они приобщаются таковым энергетическим путем — благодаря электрическому свету.

Соответствие кинематографа исихастской доктрине было тем более разительным, что ранний фильм отвечал ей и в своей немоте. Еще один пункт соприкосновения начального киноискусства с апофатикой Паламы — то первостепенное значение, какое отводилось в обоих случаях свету. В жанровом аспекте немой кинематограф отвечал боровшемуся с аффектацией исихазму, отдавая предпочтение морализаторской мелодраме, изображавшей пагубу страстей.

Апофатика нашла себе в русском кино внимательнейшего восприемника не в последнюю очередь по той причине, что она составляла — благодаря влиятельности Паламы и усилиям его последователей — одно из важнейших слагаемых православного самосознания. Но, говоря об искусстве фильма и апофазисе, нельзя сводить речь только к национальным кинематографиям. Киномедиальное возобновление апофазиса — событие антропологического масштаба, состоявшееся также в Западной Европе и Северной Америке.

Торжество звукового фильма, казалось бы, должно было означать расставание кино с его апофатическим прошлым. Но это не так. Захватывая и визуальное, и слуховое восприятие, кино разительно усилило «реалистичность» в передаче действительности. Чтобы сберечь художественную целостность вопреки скачкообразной натурализации, оно то и дело регрессировало к истокам, обновлялось, удерживая вместе с тем память о происхождении.

Уже один из самых первых экспериментов в области тонального кино, «Певец джаза» (1927) Алена Кроссленда, разлагает звук так, что тот не только репрезентирует земное, но и указывает путь к иудаистскому невидимому Богу: герой фильма жертвует эстрадной карьерой ради участия в синагогальном пении. В иных случаях моментами наивысшего сюжетного напряжения оказывались в кинорассказе немые сцены или же апофазис проникал в фильмы таким образом, что делал их парадоксальным изображением неизобразимого, занимавшего место несказуемой трансцендентности (как, например, в «Потерянном патруле» (1934) Джона Форда).

Соломонова Алина Алексеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Степанов А. Д., д. ф. н., профессор

Пространство кошмарной многозначности и многозначности кошмара («The Wall» А. Паркера)

Анимационные вставки Джеральда Скарфа в кинонарративе музыкального фильма «The Wall» любопытны для исследования не только как примеры нетривиальных монтажных «склеек», игры с хронологией и точками зрения, но и как прием интенсивного «наращения», усложнения смысла. В докладе предлагается следующая классификация нарративно-смысловых и формальных (монтажных) функций мультипликационных элементов фильма:

1. Простая функция. Анимационная вставка представляет собой по смыслу продолжение киноэпизода, однако является или событием, происходящим в сознании героя (например, галлюцинации персонажа), или карикатурно-гротескным описанием ситуации с ярко выраженным отношением протагониста к событию (например, повествование о школьных годах Пинка), или эмоционально окрашенной наррацией имплицитного повествователя о событиях, могущей вступать в диссонанс с отношением персонажа к событию (например, анимационная вставка о последствиях войны, о скинхедах и фашизме). Простая функция анимационной вставки в большинстве случаев предполагает последовательный монтаж.
2. Функция наращения смысла. Образ, появляющийся в тексте песни или в визуальном киноряде, обретает анимационное воплощение и может вступать во взаимодействие с другими образами, но одновременно именно благодаря анимации сохраняет абстрактность и многозначность (мать, кирпичи, черви, молотки, стена). Такие анимационные вставки зачастую вводятся при помощи интеллектуального монтажа.
3. Функция построения «третьего измерения». Анимационный видеоряд может отрываться от сюжетно-событийного и логико-смыслового уровней, переключая повествование на бессобытийное символически-эмоциональное переживание (What we will do now?) или перенося

повествование из мира эмпирического в особый мир, мир кошмара, не поддающийся управлению (the trial). Такие анимационные вставки вводятся в киноповестовование благодаря ассоциативному и психологическому монтажу.

Безусловно, анимация в фильме «Стена» соединяет разножанровые музыкально-текстовую и визуальную составляющие, но она также позволяет добиться многомерности каждого из образов-символов (стена, мать и др.), дает возможность быстро переключать нарратив между разными хронологическими пластами и различными модусами (трагическим, комическим), превращает событийный поток в поток сознания протагониста, меняя нарративную точку зрения с внешней на внутреннюю.

Торелло Хосеп,
Ph. D., постдок, Университет Барселоны (Испания)

Avant-guarde and political in the narrative of Pere Portabella's films (1967–1976)

Pere Portabella is a Catalan film director and politician who was born in Figueres in 1927, the same Catalan town, near the border with France, where Salvador Dalí was born. His conception of film has an important relationship with time and space, with his country, with one generation who grows up after the Spanish Civil War. His films are expression of a very clear political significance in a period 1967–1976 that are important years for the further development of the country. The author developed his adolescence and early youth in post Civil War. Before that war Barcelona had been an important hub of European art; we have to remember Antonio Gaudí, the same Salvador Dalí, Pablo Picasso, etc. But in that period Barcelona was a *grey* city. Portabella had studied in Madrid and was proven to dedicate his life to the film's production — he produced *Viridiana* in 1961, a Luís Buñuel's film that won La Palme d'Or in Cannes — before dedicating themselves to the realization of avant-garde films. But it was in Barcelona in his youth years when he set some of the ties, often in the form of deep friendship, with artists that would mark his career, especially in aesthetic matters. These artist influenced him into political thinking and in the way to join aesthetics and political stance. *Nulla aesthetica sine ethica* Mr. Portabella told me one day when I interviewed him for the development of my Ph. D. Portabella had a great friendships with names like the painter Joan Miró, the painter Antoni Tàpies, the poet Joan Brossa, etc. All this artist lives in the same district of the city of Barcelona, and their work made that the city began to relive a little avant-garde artistic panorama as it was in prewar climate. The greatest artists such as Miró or Brossa, behave as a bridge for the new generation, with that rich artistic tradition lost after the Civil War. Portabella had an important role in the Spanish Transcition, he belonged in the PSUC party (the communist Catalan party). Portabella was elected senator for the Spanish Senate and was part of the committee that worked on the development of the Spanish Constitution. Among the merits of himself and his team, is to achieve total withdrawal of the death penalty in the constitutional text. We intend to analyze the Pere Portabell's

work in the period 1967–1976, and try to focus in two specific aspects: how his cinematic language can not be discerned of his political political commitment; and how this overlapping policy of his art is imperatively linked to a territory, the city of Barcelona.

Тульчинский Григорий Львович,
д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Кинонарративы и герменевтика пространства

От единства времени, места и действия, свойственного первоначальной стадии мусического искусства, кинематограф, с расширением средств киноязыка (прежде всего — монтажа, работы с камерой) открывал все новые и новые возможности осмысления пространства, игры с ним.

В первом приближении можно выделить несколько таких форм, приемов: от простой видовой съемки до сохранения пространства при наполнении его развитием действия во времени («Зеркало для героя», «Мы из будущего» и т. п.) и сохранения пространства-времени с изменением действия («Беги, Лола, беги!», «День сурка»). Возможно и изменение пространства: во времени (типа путешествий «медленного норвежского телевидения»), комбинаций реального пространства и сказочного («Хроники Нарнии»), виртуального, исторического.

Однако такая типология оставляет в рамках чисто формального понимания пространства, без учета его деятельностно-эмоционального наполнения и осмысления. В этом плане плодотворной представляется предложенная ранее модель «глубокой семиотики», восходящая к немецкой филологии В. Гумбольдта, В. Вундта, А. Фосслера, А. Марти и получившая наиболее яркое (хотя и прерванное) представление в работах Г. Г. Шпета, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина. В отличие от традиции семиотики, восходящей к американскому прагматизму и алгебре отношений Ч. С. Пирса, а также семиологии, восходящей к Ф. де Соссюру и традиции французского структурализма, она вводит в теорию знаков дополнительное — персонологическое — измерение, позволяя учитывать роль личности как источника, средства и результата осмысления и смыслообразования. Согласно этой модели, помимо различения означающего и означаемого, в последнем вычленяются социальное значение и личностный смысл. В социальном значении вычленяются предметное значение и функциональное социальное значение. В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий. Эту систематизацию можно представить в виде структуры, прохождение которой от материальной формы к переживанию демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет надындивидуальный социально-культурный опыт. Именно культура выступает

механизмом порождения, сохранения и трансляции социального опыта. В полной мере сказанное относится и к пространству (месту), всегда раскрываемому в кинонарративах (даже документально-видовых) в контексте конкретного социального опыта и ценностного его содержания.

В докладе на материале кинофильма «Кин-дза-дза!» показываются аналитические возможности такой герменевтики пространства.

Урупин Иннокентий Яковлевич,
к. ф. н., научный сотрудник, Университет Штутгарта (Германия)

Похороны «человека в футляре»: А. П. Чехов в экранизации А. Разумного

1. На материале фильмов «Шинель» и «Лишние люди», а также статей Ю. Тынянова («Об основах кино», 1927, и др.) выявляются три подхода к работе на границе кино и слова: а) пространственно-визуальная реализация вербальных тропов; б) требование ухода от слова и построения иконической синтагматики (киномизансцена как эквивалент стихотворной строки); в) слово как сценарный набросок.
2. Анализируется ряд аспектов соотношения слова и изображения в фильме Разумного (роль чеховских сюжетов; специфика названия фильма; слово в фильме: интертитры, вывески, письма). Как представляется, связь рассказывания и показывания имеет здесь преимущественно служебную функцию; превращения слова нигде не становятся объектом рефлексии.
3. В фильме Разумного прослеживается функционирование предметов, которые могут быть расценены как индексы литературного текста (например, футляр от контрабаса, гроб). Особое внимание уделяется пространственным особенностям этих предметов — в приведенных случаях это, в частности, закрытость и соразмерность человеческому телу. Исходя из таких характеристик, предпринимается попытка выявить пространственные эффекты, ведущие к семантическому резонансу между фильмом и литературным текстом, вопреки их значительным фабульным расхождениям.

Фомина Виктория Андреевна,
к. иск., доцент, Московский городской психолого-педагогический университет

Четырехмерное пространство фильма и драматургическая модель Ю. М. Лотмана

«Мог ли Гагарин в космосе видеть Господа Бога?» — на этот вопрос конструктор первых космических запусков академик Б. В. Раушенбах отвечал: «В небе, где летают спутники и ракеты, Бога быть не может. С точки зрения математики Он находится в четвертом измерении».

Четырехмерность исследовалась в древнерусской иконописи, а также в теории относительности, где при скоростях, близких скорости света, масса превращается в энергию, а время — в четвертое измерение. Благодаря популярности теории А. Эйнштейна термин вышел далеко за пределы физики.

В XX в. о хронотопе говорят Ухтомский, Бахтин, Эпштейн, Делез... Но как представить четвертое измерение?

В модели четырехмерного пространства Раушенбаха независимо друг от друга в одной точке сосуществуют представители различных миров наподобие букашек, ползающих по разным сторонам бесконечно тонкого листа бумаги. На двух сторонах листа могут происходить разные события, которые не будут мешать друг другу, поскольку разделены, но не пространственно, а в неком непостижимом для букашек направлении, перпендикулярно поверхности листа. «Это позволяет по аналогии представить себе одновременное существование в некотором месте, хотя бы в комнате, обычного и мистического пространства... В первом живут и действуют люди, а во втором, например, ангелы».

Данная модель имеет экранную аналогию — эта двойная экспозиция, встречающаяся буквально в каждом видеомонтаже. В одной точке экрана «сталкиваются» персонажи, находящиеся на разных слоях изображения — в разных мирах. В фильме «Танго» З. Рыбчинского несколько десятков независимых друг от друга мизансцен предстают в виде циклического перемещения множества персонажей по одной комнате.

Особый интерес вызывает ситуация пересечения границы, выпадение в инобытие «по другую сторону листа». Ю. Лотман мыслит сюжет как пересечение границы между мирами (физическим и мистическим пространством), а киногероя — как медиатора, единственного существа, способного пересекать границу. Исследование драматургических свойств кинопространства происходит в контексте семиотики. Более того, сочетание анимационных техник дает возможность изобразить не только физическое пространство, но и мистическое — четвертое измерение. С анимационным синтезом Лотман и Ю. Цивьян связывали развитие анимации и кино: «Дальнейший путь лежит не в стирании особенностей языка, а в осознании и развитии их. Одним из таких путей... может быть в одном художественном целом разных типов художественного языка и разной меры условности».

Интерес представляет осмысление пространств, сопоставленных в хронотопе сюжета: реальность и сон, настоящее и прошлое, мир на сцене и за кулисами, сказочные дом и лес. «Ангелы находятся от нас значительно ближе расстояния вытянутой руки» — писал Раушенбах.

Шарапова Марина Александровна,
к. иск., старший преподаватель,
Российский государственный гуманитарный университет,
Академия кинематографического и театрального искусства Н. С. Михалкова (Москва)

Ирреальное путешествие героя в полилокальном пространстве фильма

В названиях картин В. Хотиненко и Ю. Мамина «зеркало» и «окно» оказываются указателями иного пространства, в которое попадают герои кинокартин.

Стилистически и драматургически авторы фильмов разрабатывают сюжетную коллизию, опираясь на традиции романтизма и неоромантизма.

Это подчеркивается использованием музыки из произведений композиторов-романтиков Ж. Бизе, Р. Вагнера, С. Рахманинова, Ф. Шопена, К. Дебюсси. Оба фильма используют фантастический фабульный ход.

В картине «Окно в Париж» первое открытие «окна» связано с дурманящими после обильных алкогольных возлияний видениями героев.

Момент перехода из привычного мира в иные пространства в фильме «Зеркало для героя» маркируется отсылкой развития действия к миру кино — искусства, появившегося в эпоху модерна.

Внутренний конфликт героя: долг или чувства, общественное или частное — по-разному трансформируется в драматургии картин, возвращающихся к финалу в пространство постмодернистского отечественного настоящего.

Путешествие в 1949 г. помогает Сергею из «Зеркала для героя» примириться с отцом, почувствовать, почему родители были *другими*, как атмосфера сталинизма, наряду с героическими усилиями народа по восстановлению страны, определяла поступки каждого человека.

Однако узнавание прошлого не добавляет цельности миропониманию героя.

В экзистенциальных исканиях Сергей противоречит сам себе, и понимая, и осуждая поколение отцов за их поступки.

Становится очевидным, что отцу и сыну трудно понять друг друга, поскольку они люди разных эпох: времени советского романтизма с четкой системой этических координат и эпохи хаотического постмодерна, ставящего во главу угла героя-индивидуалиста, критикующего прошлое, ироничного к настоящему и едва ли не безразличного к будущему.

Столица Франции как пространство иной желаемой зарубежной жизни манит отечественных персонажей начала 1990-х гг. из фильма «Окно в Париж» потребительским комфортом и частным благополучием. Однако аттракцион парижских приключений героя картины Чижова оканчивается ничем, поскольку позволяет распознать в мечте о загранице симулякр, ибо, несмотря на материальную успешность парижан, культуре здесь остается не так много места.

Внутренний конфликт героя между долгом и чувством решается в пользу долга. Чижов возвращается в Петербург, мир которого впервые в завершающих кадрах картины выглядит солнечным и зеленым. Однако финал картины не дает надежды на то, что душевное стремление героя к идеальному постсоветскому миру будет реализовано.

Новые усердные попытки «прорубить» фантастическое «окно в Париж» свидетельствуют, что внутренней опоры героя на нравственные ценности оказывается недостаточно, чтобы принять свою судьбу не как участь, а как достоинство и тем самым стать способным романтически изменять окружающий мир.

Шевцов Василий Анатольевич,
аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Советское счастье: создание финальной пары в кинематографе сталинской эпохи

1. Представление о хеппи-энде как о клишированной фигуре кинотекста отходит в прошлое. На первый план выдвигаются исследования его гетерогенности, гибкости, границ его семантического потенциала. Изучение своеобразия хеппи-эндов в советском кино второй половины 1930-х — начала 1950-х гг., их сравнение с голливудскими хеппи-эндами позволят расширить наше понимание структуры и функционирования этой кинематографической конвенции. Мы сосредоточимся на одном типе «счастливого финала» — создании финальной пары.
2. В советском кино указанного периода свадьба обычно не является центральным событием, венчающим соединение влюбленных; в отличие от голливудского кино, «свадебные» коннотации могут напрочь отсутствовать. Во многом это вызвано особенностями советского семейного законодательства, согласно которому вплоть до 1944 г. официальная регистрация брака была не обязательной. Важнее, однако, идеологическая импликация, подразумевающая, что единение мужчины и женщины — в большей степени событие общественного значения, чем факт их частной жизни. В тех случаях, когда фильм заканчивается свадьбой («Трактористы», «Донецкие шахтеры»), финальная сцена не центрируется вокруг героев, вступающих в брак, а манифестируется в образах коллективного пира во славу родины.
3. В соответствии с вышесказанным, в сталинском кинематографе ценность романтической любви как фундамента отношений мужчины и женщины ослаблена, что наглядно демонстрируют финалы таких фильмов, как «Семеро смелых» и «Поезд идет на восток».
4. Место романтической любви занимает представление о семье как ячейке общества, создание которой служит укреплению государственной мощи. Отсюда — два мотива: а) ударного труда как средства соблазнения; в частности, трудового соревнования влюбленных («Богатая невеста», «Светлый путь», «Свадьба с приданым»), б) создания трудового/творческого союза и взаимного обогащения влюбленных знаниями и навыками («Девушка с характером», «Антон Иванович сердится», «Весна», «Обыкновенный человек»). Соответственно, типовым визуальным выражением единения финальной пары является не поцелуй или объятия, а триумфальный взгляд в камеру, свидетельствующий о становлении героев на новую стадию самосознания.
5. Отдельного рассмотрения заслуживает трансформация любовного архисюжета в военных условиях. «Мобилизационный» потенциал советского хеппи-энда, соотношение и противоборство мотивов любви и дружбы анализируются на примерах фильмов «Машенька», «Два бойца», «В шесть часов вечера после войны».

6. Деэротизация и деприватизация любовных отношений достигают апогея в позднем сталинском кино. В монументальных хеппи-эндах фильмов «Возвращение Василия Бортникова» и «Кавалер Золотой звезды» сюжет и личности героев полностью растворяются в идеологическом метатексте.

Щербенок Андрей Валерьевич,
Ph. D., профессор, Московская школа управления «Сколково»

Эволюция организации пространства в советском кино и ее идеологические импликации

В докладе будут прослежена эволюция пространственной организации советского кино — от подчеркнуто сконструированного пространства авангарда через парадоксы квазиреалистического пространства сталинского кино — и пространственные эксперименты кинематографа оттепели к пространству кинематографа застоя с его предельной реалистичностью и неотделенностью от «реального», некинематографического мира. Во всех случаях речь пойдет о доминирующем типе пространственной организации, которая, естественно, не распространяется на все фильмы того или иного периода, но задает его натурализованную норму. История советских кинопространств в докладе будет связана с эволюцией советского идеологического проекта.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Алмазова Нина Александровна,
к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пифийский авлет и Немейские игры

Пассаж Hygin. Fab. 273, 7, очевидно, является интерполяцией в каталоге игр, однако нет оснований сомневаться, что вставка изначально касалась Немейских игр. Слова [*qui Pythia cantaverunt*] должны быть удалены как глосса: их невозможно сохранить в тексте, т. к. n. pl. *Pythia* означает только «Пифийские игры». Историю о пифавле, который однажды изобрел игру в сопровождении хора, нельзя принимать всерьез: искусство хоравлов имеет долгую историю и восходит не к сольной авлетике, а к дифирамбу. Однако не исключено, что термины «пифавл» и «хоравл» впервые возникли именно на Немейских играх.

Бударагина Ольга Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Цыпленок à la Фронтон

Несмотря на гастрономическое название доклада, относящееся к рецепту тушения курицы в трактате Апиция (VI, 8, 12), рассматриваются не особенности приготовления блюда, а возможные варианты его атрибуции, вызывающие ряд трудностей.

Во-первых, Frontonianus связано с cognomen Fronto (ср. ‘Лобанов’), которое в римской традиции засвидетельствовано во многих родах и не может относиться к одному nomen gentilicum (ср. ‘бефстроганов’, рецепт которого принадлежит конкретной семье).

Вторая трудность, не позволяющая сузить круг Фронтонов, — неопределенность времени жизни самого Апиция (от ранней датировки эпохой Тиберия (Sen. Ad Helv. 10, 8–9; Mart. III, 22; Plin. NH X, 68) до правления Траяна (Ath. I, 7)). Взвешивается возможность, что в последнем случае речь идет о нарицательном употреблении имени знаменитого гурмана.

Однако даже в случае привязки Апиция к I в. время написания сборника, получившего известность под его именем, приходится признать весьма растяжимым, поскольку в языке выделяются как более ранние, так и поздние слои (вплоть до IV в.), а потому очевидно, что корпус составлялся не одномоментно. Отсюда следует, что Фронтон, давший название блюду, мог жить между I и IV вв.

Попытки отождествления получали в научной традиции разные ответы — от признания их невозможности до указания вероятных кандидатов (в их числе назывались (не менее) гадательные адресаты эпиграммы Марциала (I, 55, 2) консул 80 г. К. Пактумей Фронтон и Т. Катий Касий Фронтон, консул-суффект 96 г. Также предлагалась фигура К. Гаргилия Фронтона, автора «Геопоники», жившего при Септимии Севере. Последнее предположение оспаривается, т. к. познания в сельском хозяйстве не предполагают априори, что человек является гастрономом).

Наиболее пристально разбирается версия отождествления с М. Корнелием Фронтоном, знаменитым оратором II в. и воспитателем М. Аврелия.

Для этого рассматриваются (немногие) названия блюд у Апиция, имеющие отношение к конкретным людям: все идентифицируемые личности относятся к высокому рангу (императоры или люди их круга). Это могло бы быть аргументом в пользу Корнелия Фронтона, консула, сенатора и человека, близкого к императорской семье. Вторым доводом был бы достаток Фронтона и устраиваемые им приемы (Gell. NA II, 26 etc.). В то же время личная переписка с М. Аврелием говорит о гурманстве интеллектуального свойства (единственная похвала изысканным блюдам у Фронтона носит иронический характер в духе риторического наставления).

Таким образом, у нас нет неопровержимых доводов в пользу того, что блюдо Апиция названо в честь самого знаменитого из Фронтонов, и, исходя из внутренней логики переписки, он может быть не более чем одним из вероятных эпонимов.

Гаврилов Александр Константинович,
д. и. н., главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Почему Влахерны?

1. О происхождении константинопольского топонима *Влахерны* (Blachernai) высказывались, сколько нам известно, малоубедительные догадки (Оберхуммер в PWRE, III, 1, 1897, Sp. 554–556).

2. Названия священных построек могут опираться на местную топонимику, а могут, наоборот, идти от храмовых святынь и преданий, давая повод к названию соответствующей местности или округи.
3. Одной из святынь Влахернского богородичного храма, построенного в V в. н. э. сестрой Феодосия II Пульхерией, была привезенная из Палестины в 473 г. Риза Богородицы (откуда праздник Ризоположения).
4. В эпоху диглоссии эту ризу в столице Восточного Рима называли латинизмом *лакерна* ‘накидка’, а храм с Ризой Богородицы — «храмом Лакерны», т. е. Ризы, или Покрова, как пишет Феофилакт Симокатта в VII в. По-гречески ту же храмовую святыню называли *мафорием* (из греч. *омофорий*, ‘носимое на плече’).
5. С этого же приблизительно времени *Влахерны* входит в употребление в качестве топонима применительно к той же самой церкви на северо-западе столицы и к ее округе. Созвучие между *лакерной* и *Влахернами* не только тайно интригует слух, но и подтверждается по смыслу благодаря связи и того, и другого все с тою же богородичной Ризой.
6. В IX–X вв. святыня храма Влахернской богородицы производила новые чудеса: обнос мафория вокруг стен города и/или погружение его в воды Золотого Рога спасал от нашествия неприятеля, откуда широко распространившийся в православном мире праздник Покрова Богородицы.
7. Если Феофилакт еще помнил, как развивалась история храма и его имени с опорой на имперское название хранимой в нем святыни, то латинизм *lacerna*, вытесненный местным *мафорием*, становился непонятен большинству грекоязычных. Топоним *Влахерны* решительно терял мотивационную связь с храмом и его атрибутами.
8. Непрозрачное образование легче подвергается переосмыслению своей внутренней формы и звукового облика. Влияние какой-нибудь употребительной синтагмы (например, с предлогом) на появление паразитического согласного с последующим появлением начального согласного в топониме, кажется, не выстраивается.
9. Неопределенный в духе народной речи этноним Βλάχοι, обозначавший различные племена к западу от Проливов — влахов или волохов (ср. Валахия, нем. welsch и т. д.), мог бы повлиять на оформление Βλαχέρναι, объясняя как добавившийся начальный согласный в разбираемом имени собственном, так и (колеблющуюся — см. И. И. Толстой-ст.) аспирацию в заднеязычном согласном.
10. В этом объяснении озадачивает, однако, то обстоятельство, что письменные источники называют некоторых западных соседей Византии *влахами* не до появления топонима, а вслед за ним, именно с X–XI вв. Поэтому, считая несомненным наличие связи между греч. Βλαχέρναι и лат. lacerna, наши соображения о том, как византийский топоним получил свой окончательный вид, признаем гадательными.

Егорова Софья Кондратьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Горит восток зарею новой...» (Hor. Epod. 9, 17)

В докладе рассматривается текстологическая трудность в 9-м эподе Горация, посвященном битве при Акции. В 17–18-м стихах в рукописях читаем: adhuc/ad hunc frementes verterunt bis mille equos / Galli canentes Caesarem. В изданиях в текст обычно принимается позднее средневековое чтение at huc или же издатели решаются на различные исправления. Однако существующие хорошо засвидетельствованные чтения также заслуживают объяснения. Обычно (начиная со времен Поздней Античности) предлог ad поясняют как contra, а под местоимением hunc понимают Марка Антония (упомянутого в стт. 11–13), хотя предшествующий стих также содержит сущ. м. р. — **sol** aspicit conopium, солнце узрело москитную сетку (возмутительную среди военных знамен). На мой взгляд, автор чтения ad hunc понимал его как ad solem (orientem) — галаты повернули коней *на восток*: представляется, что выражение sol aspicit conopium указывает именно на восход солнца — время, когда в древности производился осмотр диспозиций врага (см., например, Caes. BG I, 22, 1–2; Liv. 22, 28 и 42). Глагол aspicere используется в сходном контексте у Горация (Epist. 1, 16, 6; Carm. 2, 17, 17) и Овидия (Fast. 2, 268).

Хотя это соображение может и не приблизить нас к авторскому тексту, отметим, тем не менее, что оно соответствует реконструкции хода сражения: источники упоминают не участие галатов в битве, что подразумевают остальные чтения и толкования разбираемого места, а именно их уход из расположения Марка Антония на западной оконечности Балканского полуострова, что, на мой взгляд, можно передать словами «галаты, воспевая Цезаря, повернули две тысячи фыркающих коней на восток».

Желтова Елена Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о порядке слов в латинских аналитических глагольно-именных конструкциях

В латинском языке, как и во многих других, имеются аналитические конструкции, состоящие из глаголов с «ослабленной» семантикой (*делать*, *давать*, *принимать*, *вести*, в англоязычной литературе они называются support verbs, light verbs) и существительных, несущих основную лексическую нагрузку. Как правило, они являются аналитическими коррелятами к простым однокоренным глаголам со сходной семантикой: gratias agree — gratulari, insidias facere — insidiari, spem capere — sperare. Несмотря на то, что подобные конструкции достаточно хорошо изучены, до сих пор остаются вопросы, составляющие предмет дискуссии специалистов по латинской лингвистике: в числе этих вопросов степень идиоматичности / грамматикализации, число валентностей и порядок слов внутри данных конструкций.

По мнению Х. Розен [Rosén, 1981: 144], центром валентности в аналитических глагольных конструкциях может быть имя, глагол либо вся глагольно-именная конструкция. Последнюю точку зрения разделяют О. Спевак [Spevak, 2010: 125 ff] и Р. Хофманн [Hoffmann, 2015: 368], считающие имя и глагол прагматическим единством, в котором оба компонента находятся в тесной связи друг с другом.

В зависимости от позиции по этому вопросу исследователи по-разному исчисляют количество валентностей глаголов «поддержки». Так, в конструкции insidias facere *строить козни (кому-либо)* глагол *facere*, буквальное значение которого «делать», предполагает наличие трех актантов: агенса, пациенса (темы) и реципиента (экспериенцера). Однако, по сути, третий актант входит в структуру не глагола, а имени либо всей конструкции как единого целого, что редуцирует число его валентностей. В этой связи представляется целесообразным говорить о позиции конституентов таких аналитических конструкций в синтаксических, а не семантических терминах (прямое и косвенное дополнения, а не пациенс и реципиент).

Анализ порядка дополнений в конструкциях gratias agere, insidias facere, iniuriam facere, dolorem afferre и др. у прозаиков классической эпохи привел нас к следующим выводам:

1) степень грамматикализации этих конструкций неодинакова,
2) позиция прямого и косвенного дополнений является результатом взаимодействия различных языковых факторов, находящихся в конкурентных отношениях друг с другом: синтаксических, дейктико-денотативных, прагматических.

Литература:

1. *Hoffmann R.* On Sentential Complements of Latin Function Verb Constructions // Latin Linguistics in the Early 21st Century. Acts of the 16th International Colloquium on Latin Linguistics, Uppsala, June 6th–11th, 2011. Uppsala, 2015.
2. *Rosén H.* Studies in the Syntax of the Verbal Noun in Early Latin. Munich: Fink, 1981.
3. *Spevak O.* Constituent Order in Classical Latin Prose. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2010.

Исаенко Роман Андреевич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Позднев М. М., д. ф. н., профессор

Aen. 2, 351–352: evocatio под Троей?

Предметом доклада является следующее двустишие Вергилия, которое произносит Эней, наблюдающий падение Трои:

excessere omnes adytis arisque relictis
di, quibus imperium hoc steterat...

Макробий в «Сатурналиях» (Sat. 3.9) и Сервий в своем комментарии к «Энеиде» видят в этих строках указание на то, что перед началом штурма ахейцы совершили обряд эвокации, римский ритуал, заключавшийся

в обращении полководца к божеству-покровителю осаждаемого города с просьбой перейти на сторону нападавших в обмен на возведение храмов и установление праздников.

Доклад ставит своей задачей рассмотрение правомерности этой интерпретации, а также возможности включения в список литературных свидетельств о ритуале эвокации второй книги «Энеиды», потенциально являющейся древнейшим из свидетельств этого рода.

Для выполнения постановленной задачи прежде всего анализируется контекст, в котором находится изучаемое двустишие, т. е. вторая книга в целом, образы ахейцев и троянцев, которые Вергилий стремится создать в этой книге, и те идеологические задачи, которые он ставит перед собой. Также рассматривается ряд существующих в античной литературе параллельных мест: реплика Посейдона, сообщающего в «Троянках» Еврипида (Troad. 25) о своем намерении покинуть завоеванную и опустевшую Трою; свидетельство схолиаста к Эсхилу (Schol. Aesch. Septem 291) о том, что утраченная пьеса Софокла включала в себя сцену, в которой боги уходили из Трои, самостоятельно унося собственные культовые изображения; присутствующий в «Истории» Тацита (Hist. 5.13) и в «Иудейской войне» Иосифа Флавия (Bell. Jud. 6.5.3) рассказ о таинственном голосе, раздавшемся из храма во время осады Иерусалима римлянами и изъявившем желание оставить обреченный город.

На основании изученных материалов в исходе богов из Трои, о котором говорит Эней, предлагается видеть не результат исполнения обряда эвокации, а последствие ранее описанных Синоном (Aen. 2.162–170) действий Одиссея и Диомеда, осквернивших храм Минервы и похитивших палладий. Возникновение интерпретации, предложенной Макробием и Сервием, может быть объяснено их желанием объяснить происхождение самого ритуала, а также представления о существовании тайного имени божества-покровителя Рима, запрещенного к разглашению для предотвращения оказания магического воздействия на город врагами.

Казанская Мария Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об отсылках к греческой литературе в комментарии Сервия

Сервий, автор комментариев к поэмам Вергилия, среди своих современников имел репутацию выдающегося знатока греческого языка (Macr. *Sat*. 1, 24, 8); того же мнения придерживаются в большинстве своем и современные его издатели. Однако в последние годы возросший интерес к личности грамматика, его кругу чтения, равно как и методам работы, заставил некоторых исследователей усомниться в том, насколько независимым было его использование греческого материала от предшествующей филологической традиции. В частности, в своих недавних работах А. Камерон и Ф. Расин высказывают мнение, что Сервий почти не обращался к греческим оригиналам, и что греческие цитаты, которыми пестрит его комментарий, взяты

из вторых рук (особенно выделяется роль утерянного комментария Элия Доната). Учитывая, что наши знания о жизни Сервия весьма неполны, что предшествующие комментарии к Вергилию дошли лишь в виде фрагментов, и наконец, что Сервий, как и другие античные филологи, редко ссылался на свои источники, опровергнуть, равно как и доказать, данное утверждение сложно. Однако представляется, что внимательный анализ того, как греческий материал используется в схолиях различного характера (а именно, в наблюдениях над языком Вергилия, над художественными аспектами его поэм, во вступлениях к его поэмам или их частям), позволяет занять взвешенную позицию и восстановить более объективную картину того, как грамматик работал со своими греческими источниками. Так, значительная часть наблюдений языкового характера (особенно отмечающих близость латинских и греческих синтаксических конструкций или предлагающих греческую этимологию латинских слов) действительно с большой степенью вероятности была перенята Сервием у предшествующих филологов — причем как римских, так и греческих. Вызвавшее особые нарекания со стороны Камерона (С. 533) и Расина (С. 55) отождествление четвертой песни Энеиды с третьей песней Аргонавтики Аполлония Родосского (inde totus hic liber translatus est — Serv. ad Aen. 4, 1) и седьмой эклоги с идиллиями Феокрита (ecloga haec paene tota Theocriti est — Serv. ad Buc. 7, 1), вероятно, представляет собой обобщение, объясняющееся педагогическими задачами Сервия. Наконец, ряд схолиев, отмечающих греческие параллели и литературные аллюзии в тексте Вергилия, очевидно учитывает широкий контекст цитируемого отрывка, что предполагает самостоятельное обращение к греческим литературным текстам.

Литература:

1. *Cameron A.* The Last Pagans of Rome. Oxford, 2011.
2. *Racine F.* Servius' Greek Lessons / Eds. E. Archibald, W. Brockliss, J. Gnoza // Learning Latin and Greek from Antiquity to the Present. Cambridge, 2015 (Yale Classical Studies, 37). Pp. 52–64.
3. *Timpanaro S.* Virgilianisti antichi e tradizione indiretta. Firenze, 2001.

Позднев Михаил Михайлович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«Хронологическая несовместимость» Ф. Ф. Зелинского — Колумбово открытие

В новейшее время расцвета нарративистики «закон хронологической несовместимости» Ф. Ф. Зелинского стал предметом оживленной дискуссии. Изыскиваются изящные, хотя едва ли достаточно ёмкие формулировки, например, «interlacing technology» (термин И. де Йонг), призванный заменить «analysierend-desultorische Methode» Зелинского. Ограничивается поле приложения закона: Й. Латач отметил, что сцены единоборств как «точечные» эпизоды не отвечают критериям «Inkompatibilitätsgesetz». Указывается на «невозможность единого подхода» (Р. Скоделл). Ведется спор о том, насколь-

ко естественно мотивирована изображенная последовательность действия. По мнению сторонников «несовместимости», предполагаемое «реальное действие» отличается от представленного. Других литературоведов (в их числе г. Патцер) мотивировки Гомера удовлетворяют. Прийти к согласию невозможно, поскольку оппоненты исходят из субъективного восприятия изображаемого.

Этот упрек можно, конечно, предъявить и самому Зелинскому. Статьи архагета дискуссии (почти не цитируемые ее участниками, что и понятно: первая написана по-русски, вторая — на изысканном немецком) вдохновляет пафос первооткрывателя. Отсюда категоричность стержневого тезиса: действие у Гомера никогда (!) не возвращается к исходной точке.

Отказавшись от оценки мотивировок, рассмотрим «хронологическую пондерацию» каждого из совмещений. Закон Зелинского немедленно покачнется: развернутые параллельные действия и в реальном изображении зачастую параллельны. Пробуждение Одиссея, его разговор с Афиной, сокрытие феакийских даров одновременны с превращением корабля феакийцев в камень; пребывание Одиссея у Эвмея совпадает с путешествием Телемаха назад на Итаку; Гектор оттесняет врагов к кораблям, в то же самое время другая часть ахейцев, ободряемая Посейдоном, одерживает победу. Примеры нетрудно умножить.

Неужели открытие Зелинского сводится к регистрации отложенных без самоочевидной причины действий? Почему он настаивал на революционности своей находки? Думаем, его впечатлило оформление переходов: в абсолютном большинстве случаев Гомер ограничивается противительной частицей (иногда переход совершается посреди стиха: *Od.* 13, 187) и действительно нигде и никогда не оговаривает параллельности. Слушатель и читатель должны догадываться об этом самостоятельно, без помощи автора. Дело, вероятно, в нежелании нарушить иллюзию.

Зелинский в самом деле открыл замечательную особенность гомеровского эпоса, только не ту, которую полагал открытой. Параллельные действия имеются. Но отсутствует даже намек на того, кто должен их воспринимать. Тот, для кого творит автор, слушатель или читатель, столь ощутимо присутствующий у Гесиода, в гомеровских поэмах как бы (в том и хитрость) забыт, а о себе автор вспоминает лишь в связи с темой божественного вдохновения.

Рабинович Елена Георгиевна,
д. и. н., научный сотрудник,
Русский Фонд содействия образованию и науке (Москва)

Сосчитать Филостратов?

В лексиконе Суды три Филострата, и о третьем (который третьим не назван) сказано, что он «сын Нервиана, племянника Филострата второго (Νερβιανοῦ, ἀδελφόπαιδος Φιλοστράτου τοῦ δευτέρου), лемносец и сам софист; учивший в Афинах, почивший и погребенный на Лемносе, слушатель и зять второго Филострата. Написал Картины, Панафинейское, Троянское, Пе-

реложение Гомерова Щита...» (Ф 423). В «Жизнях софистов» этот Филострат — всегда Филострат Лемносский, и о родстве его с Флавием Филостратом не сообщается. Он родился между 187 и 191 гг. (VS II.27.617; 30.622), т. е. моложе Филострата II лет на двадцать, и умер после 238 г., т. к. в «Жизнях» жив; вероятно, после смерти Гелиогабала (222 г.) пытался отнять римскую кафедру риторики у Аспасия (VS II.33.627–628); чуть раньше, в Афинах, интриговал вместе с Апсином против Фронтона (Sud. Ф 735) и, возможно, Кассиана (VS II.33.627). Правда, в Ф 735 он «Филострат первый», и это несомненная ошибка, но вероятно τῷ πρώτῳ здесь не вместо τῷ δευτέρῳ, как иногда считается, а вместо τῷ τρίτῳ (при зримом сходстве ΤΡΙΤΩΙ и ΠΡΩΤΩΙ). Сложнее обстоит дело с родством двух Филостратов, о котором Суда говорит мало, а Филострат II ничего. Что они родственники, сомнений нет; также нет оснований не верить, что Филострат Лемносский — сын Нервиана и зять Флавия Филострата, но в каком родстве зять и тесть? Если (как у Суды) Нервиан — племянник Филострата II, тот доводился Филострату III дедом, хотя разница лет не так велика, отсюда нередкое желание исправить ἀδελφόπαιδος в ἀδελφόπαις: «сын Нервиана, племянник Филострата второго». Такое чтение уже в 1616 г. предложил Иоганн Меурсий, его поддержал Олеарий, а позднее — маститые Бергк (1883) и Шмид (1896). Однако, как верно заметил Фертиг (1894), если Нервиан был сыном старшей сестры Флавия Филострата, исправление не нужно: брат юной матроны мог быть одних лет с племянником — с этим согласны Мюншер (1907) и Зольмзен (1941). Казалось бы, так ли важно, племянником или внучатым племянником доводился Филострату II Филострат III? В данном случае важно — от этого зависит самое число Филостратов, которых у Суды трое, а на деле, возможно, четверо. Корень проблемы во вторых «Картинах», автор которых называет себя Филостратом Младшим, внуком и тезкой автора первых «Картин», — но с кем из известных нам Филостратов можно идентифицировать Филострата-деда?

Далее рассматривается вопрос о плодотворности построения какой бы то ни было генеалогии на основании свидетельств Суды (Ф 421–423).

Тахтаджян Сурен Арменович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Безымянный софист в «Киропедии» Ксенофонта

В «Киропедии» наставником армянского царевича Тиграна, вызывавшим восхищение своего ученика, является «некий софист» (3, 1, 14 и 38–40). Софист был достойным человеком, однако царь обвинил его в пагубном влиянии на сына и казнил. В действительности причиной несправедливого приговора была ревность: царевич почитал своего наставника больше, чем собственного отца.

Перед казнью наставник попросил Тиграна не гневаться на своего отца. Царь, по словам «софиста», действует не по злому умыслу, а по неведению. А все те проступки, которые люди совершают по неведению, являются невольными (3, 1, 38). Софист не стал отвечать злом на зло.

Удивительное сходство судьбы наставника царевича и Сократа было давно отмечено. Ряд ученых (Р. Гирцель, Э. Шварц, Г. Брайтенбах) ставил знак равенства между безымянным софистом и Сократом. Однако это утверждение попыталась оспорить Дебора Гера: взгляды наставника Тиграна отличаются или даже противоречат учению Сократа в других произведениях Ксенофонта [Gera, 1993: 94].

В докладе делается попытка выяснить соотношение между образами софиста и Сократа у Ксенофонта. Решению вопроса помогают соображения Г. Властоса [Vlastos, 1991: 299–300]. Он убедительно показывает, что взгляды безымянного софиста «Киропедии» (принцип *nemo sua sponte peccat* и отказ отвечать злом на зло), чуждые Сократу Ксенофонта, характерны для Сократа Платона. Можно думать, что это были взгляды исторического Сократа.

Таким образом, софист «Киропедии» действительно оказывается Сократом. Однако его взгляды в «Киропедии» Ксенофонт представил иначе, чем в специально посвященных Сократу сочинениях. Очевидно, под конец жизни Ксенофонт посчитал необходимым внести поправки в собственный портрет Сократа. Вполне возможно, что эти изменения он внес под влиянием Платона. Это было удобнее сделать, не называя Сократа по имени.

Литература:

1. *Gera D. L.* Xenophon's *Cyropaedia*: Style, Genre, and Literary Tehcnique. Oxford, 1993.
2. *Vlastos G.* Socrates: Ironist and Moral Philosopher. Cambridge, 1991.

ПОЛЕВАЯ ЛИНГВИСТИКА

Блинова Ольга Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы»

По данным рабочего подкорпуса ОРД объемом в 239 500 словоупотреблений, пять наиболее частотных глаголов в императиве (в формах 2Sg и 2Pl) это: слушать (ipm 1048,20), смотреть (ipm 651,47), подождать (ipm 488,60), сказать (ipm 363,32), извинить (ipm 267,27).

Таким образом, в устном диалоге употребляются чаще всего императивы, регулирующие взаимодействие между участниками коммуникации:

- императивы установления контакта и привлечения внимания слушающего, т. н. «attention getting devices» ‘слушай(те)’, ‘смотри(те)’,
- императив ‘подожди(те)’, который употребляется преимущественно в значениях ‘не начинай говорить’ и ‘прекрати говорить на время’,
- императивы от глаголов речи, прежде всего, ‘скажи(те)’.

В русле конверсационного анализа «разговор» рассматривается как речевое взаимодействие, в основе которого — механизм передачи очередности (очереди) говорения от одного говорящего другому, или чередование

говорящих (turn-taking). Реплики типа ‘слушай, Марин’ — базовый инструмент из набора средств управления очередностью. Ср. ниже фрагмент разговора, в котором нарушен принцип ‘no-gaps-no-overlaps’ (нет пауз, нет наложений речи), но ‘слушай’ употребляется информантом (И6), пытающимся наладить коммуникацию, вполне характерных образом:

И6 слушай / так холодно / ну вообще //
Ж1 холодно //
*П (3,1 сек.)
Ж1 я даже () ночью / *Н сегодня *Н
*П (2,2 сек.)
И6 слушай / теперь уже выключать-то обогреватель по-моему и не надо //
*П (1,46 сек.)
И6 [холод та...] Ж1 [у вас ложка] своя есть ?
(.)
И6 есть-есть своя //
*П (7,91 сек.)

Таким образом, для описания функционирования частотных императивов в роли «коммуникативных девайсов» существенной является их позиция внутри реплики и внутри «очереди» (turn) — комплекса реплик одного говорящего. Так, для форм привлечения внимания характерна позиция в абсолютном начале «очереди». В аналогичной позиции для говорящих с большей социальной дистанцией характерно использование ‘извини(те)’, ср.: ‘извините / а вот у меня мама расписалась и(:) я в понедельник сам могу(:) получить ? бе... без мамы ?’. В начальной же позиции находится обычно ‘подожди’ в значении ‘прекрати говорить на время’, используемый для захвата очередности говорения.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Не уверен — не обгоняй: о нарушении в спонтанной речи одного из ментальных стереотипов

Исследование устной спонтанной речи, особенно организованной в корпус, что позволяет анализировать большие массивы звучащего материала, дает возможность многое понять в нашей речи, увидеть особенности ее порождения, а также осознать, как много еще «открытий чудных» готовит этот уникальный пласт нашего языка. Анализ материала устных корпусов, в первую очередь Звукового корпуса русского языка, показывает, в частности, что всем известное жизненное правило *не уверен — не обгоняй* в спонтанной речи работает очень плохо. Из материала повседневной (наиболее естественной) речи следует, во-первых, что *не уверены* мы при порождении такой речи существенно в большей степени, чем это можно было бы предположить просто на основе фактора ее неподготовленности

(думаем и говорим одновременно). А во-вторых, будучи сплошь и рядом *не уверены*, мы все же двигаем свою речь дальше, лишь уснащая ее разнообразными маркерами такой неуверенности и неопределенности (т. е. все-таки *обгоняем*). С течением времени язык развивается, речь меняется, а эта особенность сохраняется: на смену *«поколению* ***как бы****»*, по меткому замечанию одного из лингвистов, пришло *«поколение* ***типа****»*, изменив при этом только главный маркер такой неуверенности, ср.:

- *Дора /* ***типа*** *привет / *П у меня к тебе шкурная тема *П Коля / и какая у тебя шкурная тема ко мне ? *П ну* ***типа*** */ *П причем разговаривает в каком-то таком стиле // *П красавица с накладными мозгами* (ОРД);
- *я понимаю блин / ты (...) вполне так сказать / (...) объективно воспользовался этой ситуацией / (...) но (...)* ***как бы*** *(...) дальше уже бесполезно /* ***как бы*** *(э...э) уже все решено /* ***как бы*** *все суммы оговорены / то есть окончательные / то есть нам () нужно просто освоить / (...) до конца эту тему / и (:) (...)* ***как бы*** *уже всё // считай бабки все у меня блин* (ОРД).

Помимо отмеченных, наша речь изобилует и другими подобными маркерами — от обычных физических пауз хезитации и неречевых звуков, а также других соответствующих вербальных показателей (*вроде того что, значит, в общем, ну вот* и пр.) до целой серии *рефлексивов*, с помощью которых говорящий вербализует состояние неуверенности в том, что он только что произнес или собирается произнести, определенным образом отстраняется от сказанного или оценивает его (*как его, как это, что называется, скажем так* и пр.), переходя в результате на «метадискурсивный» уровень высказывания. В докладе предлагаются результаты анализа подобного материала.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Гунько Юлия Александровна,
к. ф. н., доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Общенациональные и региональные черты в устной речи жителей малых городов Приморского края (на материале полевых исследований)

Осознание того, что в настоящее время территориальное варьирование национального языка носит более сложный характер, чем разграничение литературного языка и диалекта, поставило перед лингвистами задачу создания фондов и изучения живой разговорной речи различных регионов. В ДВФУ ведется работа над составлением электронной базы данных «Живая речь дальневосточников», куда вошли тексты малых письменных жанров и аудиозаписи речи жителей Приморского края с письменным вариантом расшифровки. Анализ устной речи жителей малых городов Приморского края позволил увидеть языковые явления, которые носят общенациональный характер, например, функционирование разговорных и просторечных элементов, а также явления, специфические для региона. Среди явлений,

формирующих региональную специфику, нам встретились, те, которые можно было бы отнести к общерегиональным, т. е. характерным для всего Приморья или большей его части, и к частнорегиональным, т. е. специфичным для данного города. Общерегиональные черты в речи жителей малых городов Приморского края связаны, прежде всего, с историей его заселения (массовые переселения с Украины) и приграничным положением (близость к Китаю).

Частнорегиональные черты определяются историей основания данного города и социально-экономическими условиями развития.

Ермолова Ольга Борисовна,
к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Этикетные формулы прощания в современной разговорной речи (на материале корпуса «Один речевой день»)

Люди ежедневно вступают в контакт с другими людьми. На речевом уровне общение между ними обычно начинается с приветствия и заканчивается прощанием.

Формулы приветствий и прощаний чрезвычайно разнообразны. Звуковой корпус русского языка и особенно его модуль «Один речевой день» (ОРД), содержащий огромное количество звукозаписей реальных эпизодов общения между людьми, предоставляет богатый материал для изучения этикетных формул современной спонтанной речи. Аудиоматериал корпуса ОРД включает в себя звукозаписи как очного общения информантов с собеседниками, так и их многочисленных телефонных разговоров.

В докладе рассматривается лингвистическое оформление ситуации прощания, завершения общения. Исследование материала показывает, что этикетные формулы, используемые при прощании, чрезвычайно разнообразны. Это и нейтральное *«до свидания»*, и широко распространенные в разговорной речи «*пока»; «ну ладно»;* «*всё*» и ситуативно употребляемое «*я потопал»*. В докладе дается обзор состава этикетных формул, встречающихся в записях корпуса. Большое количество эпизодов, включающих прощание, в корпусе ОРД дает возможность представить картину частотного распределения различных вариантов употребляемой лексики.

Наличие в корпусе сведений о гендерных и возрастных характеристиках информантов позволяет сопоставлять употребление определенных этикетных формул с личностью говорящего.

Поскольку в материалах ОРД имеются записи общения одного и того же информанта с людьми, находящимися с ним в разных отношениях (с родственниками, друзьями, сослуживцами и пр.), открывается возможность наблюдать, каково влияние этих отношений на выбор речевых формул.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Ерофеева Елена Валентиновна,
д. ф. н., профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ерофеева Тамара Ивановна,
д. ф. н., профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Лексические пласты русской спонтанной речи коми-пермяков

В докладе рассматриваются лексические составляющие русской спонтанной речи коми-пермяков, проживающих на территории Пермского края. Материалом исследования послужили 47 спонтанных монологических текстов на русском языке, полученных от билингвов-коми-пермяков. Общий объем текстов составляет более 26 тыс. словоупотреблений. Изучались использование лексических единиц разных идиомов и временных пластов, а также распределение единиц разных идиомов по тематическим группам. Анализ русской спонтанной монологической речи коми-пермяков показал, что среди единиц разных идиомов и временных пластов, помимо литературных русских лексических единиц, встречаются 1) коми-пермяцкие слова (обусловленные влиянием билингвальной среды); 2) слова из нелитературных форм существования русского языка (диалектизмы, просторечные слова, разговорная лексика, профессиональная лексика); 3) устаревшие слова; 4) оказиональные употребления. В совокупности объем этих лексических единиц составляет более 560, т. е. более 2% от всех словоупотреблений. Чаще всего в текстах отмечаются разговорные лексические единицы (392), далее следуют диалектные (117), третье место занимают коми-пермяцкие слова и выражения (62), четвертое — просторечные единицы (40). Остальные лексические пласты (устаревшие слова, специальная лексика, окказионализмы) представлены незначительными вкраплениями. Количественный и качественный анализ лексики русских спонтанных текстов коми-пермяков показал, что лексика разных идиомов связана с разными семантическими полями. В большинстве случаев информанты вставляют в русскую речь коми-пермяцкие слова и выражения, описывающие традиции (включая национальные блюда); кроме того, для коми-пермяков достаточно важно обозначить на родном языке места, в которых они мыслят свою жизнь, и природный мир, окружающий их. Семантическое «ядро» русских нелитературных лексических единиц в спонтанной монологической русской речи коми-пермяков формируется разговорной лексикой. Тематически разговорная лексика связана с просторечной, которая употребляется не всеми говорящими и в основном представляет собой грамматические варианты разговорных или литературных единиц. Диалектная русская лексика также крайне важна для семантической структуры текстов: ее объем достаточно велик и она осуществляет семантические связи с коми-пермяцким языковым сознанием. «Тандем» коми-пермяцкой и диалектной лексики важен для самоидентификации коми-пермяков, т. к. описывает фрагменты картины мира, связанные с традиционной культурой и образом жизни.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00381.

Качинская Ирина Борисовна,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Сичинава Дмитрий Владимирович,
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Обработка текстов в «Диалектном подкорпусе» Национального корпуса русского языка

Создание Корпуса диалектных текстов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) началось в 2005 г. Пилотный проект предусматривал введение текстов русских народных говоров из самых разных областей, но еще не учитывал многие особенности предоставляемого материала. С 2009 г. новая команда разработчиков последовательно проводит модернизацию Диалектного подкорпуса, результаты которой мы надеемся увидеть на сайте НКРЯ в самое ближайшее время (http://ruscorpora. ru/search-dialect. html). Для удобства разметки, осуществляемой на принципиально новом уровне, а также для метаразметки была создана среда «Рабочее место диалектолога» (версию «Рабочего Места» см. https://yadi. sk/d/QHXypmpDedUWi). В докладе, сопровождаемом презентацией, будут показаны этапы работы с образцами диалектных текстов, записаных в полевых условиях.

1) Новый стандарт подачи предполагает предоставить Пользователю возможность работать не только с фрагментами текстов (как в большинстве других подкорпусов НКРЯ), но и с цельными текстами.
2) Поданный диалектологами текст сохраняется в первоначальном виде либо в виде, максимально близком к первоначальному (с сохранением ударений и др. диакритик, знаков мягкости и пр.) — ТЕКСТ-1.
3) Наряду с первоначальном текстом подается т. н. ТЕКСТ-2 — текст с унифицированной транскрипцией и сохранением ударений (если они были в первоначальном тексте).
4) Для удобства работы грамматического анализатора на основе ТЕКСТА-2 создается ТЕКСТ-3 — орфографический «подстрочник», по которому осуществляется предварительная автоматическая грамматическая разметка.
5) «Рабочее место диалектолога» предусматривает возможность вводить специальные пометы, указывающие на диалектные грамматические особенности каждого слова.

Диалектные особенности отмечаются у всех изменяемых частей речи на уровне *диалектного окончания*, *диалектного суффикса*, *диалектной основы*, *диалектной формы*, а также специфических особенностей, связанных с частеречной принадлежностью: *диалектный род, число, склонение, одушевленность* для существительных, *диалектный вид, переходность, возвратность, время* для глаголов и пр. Текст-1 и Текст-2 постоянно доступны для Пользователя, даже если они практически совпадают — в случае, если диалектные записи поданы держателями в орфографизированном виде. Текст-3 является «техническим» и не предназначен для Пользователя. Обработка

текстов осуществляется и на уровне метаразметки: есть сведения о месте, времени записи, информантах, собирателях, публикациях, дана фонетическая, жанровая, семантическая метаразметка. Работа по сбору текстов ведется во всех регионах России и русского зарубежья, мы приглашаем всех держателей текстов, авторов хрестоматий к сотрудничеству.

Работа выполняется при поддержке гранта РГНФ № 14-04-12012в «Корпус диалектных текстов Национального корпуса русского языка. Пополнение и разметка».

Коробейникова Татьяна Николаевна,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Условия звуковой вариативности в одном севернорусском говоре

Изучение звуковых изменений на синхронном материале (с помощью анализа речи носителей говора, представляющих разные возрастные группы) позволяет проанализировать условия, способствующие или, наоборот, препятствующие протеканию фонетических процессов. Таким образом был исследован ударный вокализм кайского говора Верхнекамского района Кировской области. Материалом исследования послужила речь 10 информантов из трех возрастных групп: старшая (76–82 года), средняя (41–58 лет) и младшая (13–23 года). Исследование показало, что в данном диалекте наблюдается объединение фонем /е/ и /ѣ/: точнее, завершающая стадия этого процесса, на которой постепенно сокращается вариативность субаллофонов, вызванная тем, что две фонемы перестали различаться и их аллофонические ряды объединились. Проанализированные идиолекты можно разделить на 3 типа в зависимости от того, какую стадию данного процесса они отражают. В речи представителей типа I на месте этимологической фонемы /ѣ/ отмечена вариативность гласных [и], [е], [ɛ], [и͡е], [и͡ɛ], [и͡е], [е͡ɛ]. На месте этимологической фонемы /е/ отмечены те же гласные. В типе II вариативность на месте обеих фонем сокращается, в типе III в большинстве морфем под удареним выступает [ɛ], колебание [е] и [ɛ] отмечено в небольшом количестве морфем. По мере того, как количество примеров с ударными [и], [е], [и͡ɛ], [и͡е], [е͡ɛ] уменьшается, усиливается зависимость этих звуков от условий произношения. Так, примеры с ударным [и] и дифтонгами на месте этимологических /е/ и /ѣ/ отмечаются только в типах I и II в подавляющем большинстве случаев при стечении нескольких благоприятных для их реализации условий: дифтонги чаще всего отмечаются в C’VC, в сильной фразовой позиции, ударный [и] в типе I чаще всего встречается в C’VC’ в спонтанной речи, в типе II — в C’VC’ в спонтанной речи в слабой фразовой позиции. Ударный [е] во всех типах идиолектов чаще отмечается в слабой позиции в C’VC’. Постепенно вариант с ударным [ɛ] вытесняет все другие, кроме [е], который сохраняется лишь в контексте C’VC’ преимущественно в слабой фразовой позиции, т. е. при воздействии условий, благоприятных для сохранения уходящего варианта. Таким обра-

зом, с помощью анализа звуковых изменений на синхронном материале можно проследить, как система ударного вокализма стремится к состоянию, при котором законы дополнительной дистрибуции в наименьшей степени осложнены вариативностью, связанной с условиями речевой деятельности, особенностями коммуникации и социолингвистическими факторами.

Королёв Игорь Русланович,
к. ф. н., докторант,
Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

Национальное кооперативное коммуникативное поведение: эпистемы, метаязык, инструментарий

Представляется возможным определить понятие *национального кооперативного коммуникативного поведения* следующим образом: совокупность норм и традиций кооперативного (неконфликтного) общения определенного этноса; типичное коммуникативное поведение, повторяющееся и характеризующееся использованием как стандартных, так и специфических (не) вербальных средств, в котором коммуниканты имеют одинаковые представления о коммуникативных целях друг друга или о взаимном распределении коммуникативных ролей, и между ними устанавливаются партнерские отношения (В. Кашкин, Н. Пономарев, Ю. Прохоров, А. Романов, И. Стернин, С. Тер-Минасова, М. Томаселло и др.).

Описание национального коммуникативного поведения (кооперативного, промежуточного, конфликтного) является неотъемлемой частью страноведения (регионоведения), поскольку объединяет проявление специфических фактов речевого этикета, национальных традиций общения и т. д. (А. Павловская). Основным обоснованным в комплексной методике анализа национального кооперативного коммуникативного поведения украинцев, русских и литовцев в нашем исследовании является антропометрический метод, предусматривающий получение знаний о языке и речи через обращение с различными вопросами и задачами непосредственно к носителям конкретной коммуникативной культуры.

Можно выделить две базовые разновидности (формы) антропометрического метода: опрос (анкетирование, лингвистическое интервьюирование) и социо-психолингвистический (свободный или направленный) эксперимент. В обоих случаях результаты так или иначе статистически обрабатываются, на основании чего делаются выводы о доминирующих тенденциях, ядерных и периферийных признаках языкового/речевого явления. Рассматриваем антропометрический метод как базовую составляющую комплексной методики анализа национального кооперативного коммуникативного поведения, которая состоит из следующих этапов, общепринятых в лингвокоммуникативистике (Ю. Прохоров, Е. Лазуренко, И. Стернин и др.): предварительного; верификации выявленных коммуникативных признаков; непосредственного описания кооперативного коммуникативного поведения представителя определенной лингвокультуры.

Королькова Мария Денисовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
Научный руководитель: Мызников С. А., д. ф. н.

К вопросу о некоторых лексико-семантических группах в русской разговорной речи (на материале звукового корпуса «Один речевой день»)

Лексика русской разговорной речи неоднородна по своему составу. В зависимости от возраста, образования, уровня речевой компетенции говорящего, а также степени спонтанности коммуникации и коммуникативного сценария человек использует различные языковые средства, в т. ч. и лексические. Например, в зависимости от сферы и места общения используются или не используются термины и профессионализмы или стилистически сниженная лексика.

Предварительно в докладе предлагаются следующие группы лексических помет: хронологические, фразеологические, функциональные и стилистические, семантические и словообразовательные.

Хронологической пометой NEO обозначены новые слова в русской речи, не встречающиеся в словарях русского литературного языка («прокачать», «вордовский», «не ловит»), пометой OLD — вышедшие из употребления слова («радеет»).

Фразеологической пометой IDIOM маркированы фразеологические обороты и устойчивые выражения («ничего, прорвемся», «давайте на честность»).

Функциональные пометы характеризуют лексику с точки зрения сферы ее употребления: например, помета STUD маркирует лексику, употребляемую студентами («вылететь», «универ»), а PROF — лексику определенных профессиональных сфер («рамочная структура», «гемоглобин», «отфотографирует»).

Стилистические пометы определяют стилистические особенности лексики, выделяемые в разговорной речи информантов корпуса: помета BRAN определяет бранную лексику («п*то», «п*ц»,«с*ка»), помета EUPH — эвфемизмы («блин»), а SRV характеризует стилистически сниженную лексику («жесть», «дымовуха», «пешкодралом»).

Среди семантических помет выделяется, например, помета INTENS — интенсификатор («гигантские файлы»).

К словообразовательным пометам относятся: DIM — диминутивы («супчик», «помидорка», «очочки») и AUG — аугментативы («кускище»).

Косарева Екатерина Олеговна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Мартыненко Г. Я., д. ф. н.

К проблеме неоднословных лексических единиц в частотном словаре повседневной речи

Сегодня крайне востребованы различные исследования устной и, в частности, повседневной речи. Развитие технических средств позволяет создавать все более совершенные корпуса и словари, однако некоторые проблемы

остаются по-прежнему актуальными. Одна из них — проблема представления в словаре лексических единиц, состоящих из более чем одного графического слова.

В частотных словарях такие сочетания традиционно представляются в виде нескольких отдельных лексем, выделенных в соответствии с границами графического слова. При этом теряется часть лексических и грамматических значений, важных для представления полной статистической картины языка.

Целью данного исследования стало статистическое описание устойчивых сочетаний, эквивалентных слову, в русской устной спонтанной речи. Рассматриваются сочетания, не являющиеся фразеологическими единицами и выполняющие функцию союзов, предлогов, частиц, вводных слов, а также наречные и предикативные обороты.

В качестве материала выбран звуковой корпус повседневной речи «Один речевой день» (ОРД). Для проведения исследования был составлен частотный список присутствующих в корпусе ОРД неоднословных единиц. В ходе составления списка были учтены данные Корпусного словаря неоднословных лексических единиц (оборотов) (Национальный корпус русского языка), словаря Р. П. Рогожниковой (Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003) и МАС (Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999).

В докладе представлены полученные статистические данные, которые позволяют сделать выводы о месте, занимаемом описанными оборотами в повседневной коммуникации, и необходимости их включения в состав частотных словарей.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Мызникова Янина Валерьевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема жанров в диалектном дискурсе

Диалектная речь имеет преимущественно диалогический характер, поэтому при жанровой классификации диалогических текстов исследователь сталкивается с проблемой, что следует считать единицей анализа — сам диалог или типы отдельных высказываний в диалоге. Исследователи выделяют элементарные речевые жанры, не допускающие дальнейшего членения, и комплексные речевые жанры, состоящие из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершенностью. Жанровые характеристики высказывания зависят также от формы речи. Монологическая речь представлена преимущественно информативными жанрами (например, рассказ-воспоминание), диалогическая речь — императивными, оценочными, этикетными жанрами (например, просьба, приветствие). Исследователи выделяют следующие основные типы диалектных речевых жанров. *Информативные жанры*. Запрос и уточнение информации, предположение представляют собой элементарные жанровые формы. Комплексной фор-

мой в этом типе речевых жанров является бытовой рассказ. *Оценочные жанры*. Среди жанровых форм с семантикой неодобрения исследователи выделяют упрек, обвинение, осуждение, оскорбление, критику. Среди форм с семантикой одобрения — похвала, поощрение и др. *Императивные жанры*. В этом типе жанров могут быть представлены как элементарные формы (приказ, совет), так и комплексные (уговаривание, упрашивание). *Фатические* и *этикетные жанры*. Целью фатических жанров является установление контакта и улучшение (комплимент) или ухудшение (ссора) отношений между говорящими. К фатическим жанрам примыкают *этикетные*: приветствие, прощание, поздравление, пожелание и т. д. Наибольшее внимание исследователей диалектной речи привлекают информативные жанры. Часто описываемый исследователями жанр «рассказа-воспоминания» охватывает большую часть диалектного дискурса. С точки зрения классификации рассказ-воспоминание представляет собой комплексный речевой жанр. В речи он реализуется как монологический текст, соотносимый с отдельным коммуникативным эпизодом. В то же время рассказ-монолог является, как правило, элементом гипержанра — диалога диалектолога с диалектоносителем. В рамках рассказа-воспоминания выделяют бытовой рассказ и автобиографический рассказ. Бытовой рассказ может являться реакцией информанта на вопрос собирателя о том, как раньше что-либо делали, например, косили, ткали, строили дома, воспитывали детей и т. д. Автобиографический рассказ — практически обязательный элемент рассказа-воспоминания, чаще всего провоцируется самим собирателем, поскольку для диалектолога принципиально важной является лингвогеографическая характеристика носителя говора. Жанровые формы автобиографического рассказа, бытового рассказа и жанр рассказа-воспоминания являются ключевыми в типе коммуникации, представляющем собой общение диалектолога с диалектоносителем.

Пальшина Дарья Андреевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Богданова-Бегларян Н. В., д. ф. н., профессор

Влияние гендера и возраста говорящего на появление аллегровых форм в его речи

Редукция — это неотъемлемое свойство устной речи, результат действия принципа экономии, отражающего естественность самого процесса речепроизводства и обеспечивающего, в конечном счете, языковую эволюцию. Аллегровые варианты частотных единиц (*щас*, *тыща*, *пжаст*, *драсть*, *тскать* и др.) порой более узнаваемы и распространенны в речи носителей языка, чем «идеальные», «словарные». На корпусном материале было выявлено около 110 таких единиц, устойчиво подвергающихся редукции в спонтанной речи.

Анализ материала показал, в частности, что появление подобных форм в нашей речи зависит от многих параметров, таких как частотность единицы в языке/речи, ее морфемно-фонетическая структура, фразовая позиция слова в синтагме и темп речи. В настоящем исследовании на материале

Звукового корпуса русского языка «Один речевой день» анализируется влияние гендера и возраста говорящего на появление АФ.

Для проверки гипотезы о влиянии гендера и возраста говорящего на появление АФ был проведен анализ речевых дней 24 информантов: 12 мужчин и 12 женщин, по 8 информантов из трех возрастных групп: 1) до 30; 2) от 30 до 50; 3) старше 50.

Оказалось, например, что наиболее популярная в повседневной речи АФ *щас* употребляется женщинами почти в два раза чаще, чем мужчинами. Настолько же чаще, чем женщины, мужчины употребляют формы *чё*, *буит* и *ничё*. Сравнение речи информантов разных возрастных групп показало, что самое популярное *щас* занимает первую строчку в частотных словниках информантов только среднего и старшего возраста, с существенным преобладанием в речи среднего поколения. В младшей группе наиболее частотной оказалась редуцированная форма *чё*, а *щас* отошло на вторую строчку.

Кроме того, в ходе исследования в речи каждого информанта были выявлены: процентное соотношение полных и аллегровых форм, спектр произносительных вариантов для каждой АФ, а также построены частотные словники отдельно для каждого говорящего.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Раднаева Любовь Дашинимаевна,
д. ф. н., преподаватель, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

Функциональные свойства акцентного выделения в условиях естественной звучащей речи (на материале записей устных научных выступлений)

Анализ свойств языка в условиях естественной звучащей речи расширяет представления о разнообразии функциональных характеристик акцентного выделения, его корреляции с фразовым ударением и интонационным оформлением высказывания в целом.

Наиболее ярко *акцентное выделение* проявляется в условиях научного выступления, когда лектор для достижения поставленной цели прибегает к *особому* лексико-грамматическому, интонационному оформлению устного текста, стремится в своем монологе не только донести некую информацию, но и воздействовать на слушателя, тем самым привлекая его к осмыслению содержания своего высказывания, и, в конечном счете, к размышлению.

Материалом исследования являются готовые записи лекций по лингвистике в исполнении одного лектора. Первичным методом обработки материала является многоуровневая расшифровка и разметка звучащих текстов при помощи программы Elan. На следующем этапе расшифрованный массив звучащего текста членился на отдельные предложения. На третьем этапе исследования предложения были подвергнуты анализу с точки зрения акцентного выделения и фразового ударения. Лекции прочитаны на русском языке. Общий объем звучания составляет 32 часа.

В докладе автор обращает внимание на содержательные расхождения понятий акцентного выделения, фразового и логического ударений в англоязычной и отечественной литературе.

В результате был получен звуковой корпус лекций, на материале которого определены функциональные свойства акцентного выделения в условиях естественной звучащей речи на примере научной лекции.

Франклин Эрин,
аспирант, Университет Чикаго (США)

Научный руководитель: Гренобль Л., профессор

Жест в системе выбора следующего говорящего

Коммуникативный ход находится в центре внимания многих исследований дискурса, начиная с работ Sacks et al. (1974), посвященных способам организации разговора. С тех пор появилось большое количество исследований, которые уделяют внимание языку в интерактивном контексте, анализируя т. н. естественный язык. Мультимодальность в языке совсем недавно начала исследоваться в контексте лингвистической системы. В первых подобных работах жест и другие прагматические признаки упоминаются в контексте организации разговора, но совсем без объяснения. В центре внимания исследователей находится вопрос о роли синтаксиса и просодии в создании коммуникативного хода, TCU (turn construction unit) и TRP (transition relevance place) (Ford and Thompson, 1996; Schegloff, 1996). Немногочисленные исследования, которые сфокусированы на невербальных элементах в организации разговора, анализируют либо один-единственный жест, либо считают все жесты однообразной группой невербальных факторов. Эти факторы полагаются важными для организации разговора, но до сих пор не описаны (Ford and Thompson, 1996). Настоящий доклад соединяет дискурсно-аналитический подход к анализу разговора с исследованиями жестов посредством анализа организации коммуникативного хода и строения TCU и TRP для понимания роли концепции жеста и индивидуальных жестов в их порождении. Материалом для исследования послужили видеозаписи телепрограммы «Поединок». Проведены анализ и отождествление частных невербальных сигналов, которые определяют следующего говорящего. Эти сигналы разделены на две группы: те, которые собеседник использует, чтобы взять слово, и те, которые активный говорящий использует, чтобы передать слово собеседнику. В каждой группе сигналы имеют определенные формы. Например, хотя в обеих группах для выбора говорящего используется поднятая рука, говорящие, которые хотят взять слово, держат руку ладонью вниз. В тот момент, когда говорящий выбирает следующего говорящего, он протягивает к нему руку ладонью вверх. Вторая часть доклада посвящена тому, как эти сигналы взаимодействуют в рамках организации коммуникативного хода (н. TCU и TRP). Вникает интеракция между синтаксисом, просодией и жестом в выборе следующего говорящего в созданных Фордом и Томпсоном рамках, в которых находится TRP и где возможна мена коммуникативных ролей. Когда много сигналов совпадает,

смена ролей становится более вероятной. Делается вывод, что жестовые сигналы часто совпадают с просодическими сигналами и что явление жестовых сигналов увеличивает вероятность смены коммуникативных ролей. Полученные результаты требуют продолжения исследований на тему жеста в разговоре и интеракции.

Чэн Чэнь,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Богданова-Бегларян Н. В., д. ф. н., профессор

Неречевые звуки как способ хезитирования в речи китайцев на родном и неродном языке

Настоящая работа посвящена описанию неречевых звуков в устном тексте как разновидности хезитационных явлений (ХЯ). В последние годы ХЯ активно изучаются российской лингвистикой, но практически все исследования такого рода касаются прежде всего хезитаций в речи на родном языке. Однако интересно посмотреть, как хезитирует человек, строя спонтанный текст на неродном языке, когда к общим проблемам речепорождения добавляются еще и трудности, связанные с межъязыковой интерференцией. Особенно это важно, когда материалом исследования становится русская интерферированная речь китайцев, поскольку затруднения говорящих с этим родным языком очень велики, хотя и достаточно хорошо изучены. В частности, интересно сравнить, как носители китайского языка хезитируют в спонтанной речи на родном (китайском) и неродном (русском) языке.

Материалом для анализа стали спонтанные монологи-рассказы о каникулах, записанные от 10 информантов, мужчин и женщин одного возраста (23–26 лет), носителей китайского языка, достаточно хорошо говорящих по-русски. Всего было проанализировано 20 спонтанных текстов (10 по-русски, 10 по-китайски). В ходе анализа материала в русской и китайской речи информантов были выделены разные типы ХЯ. Среди невербальных, но заполненных пауз хезитации были проанализированы те разновидности, которые можно отнести к нерешенным звукам.

В докладе предлагаются результаты сопоставительного анализа подобных явлений в речи китайцев на двух языках.

Шерстинова Татьяна Юрьевна,
к. ф. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Редуплицированные формы дискурсивных слов в повседневной речевой коммуникации (на материале русского языка)

1. Эмпирические исследования, выполненные на представительном объеме речевого материала, показывают, что значительную долю повседневной речевой коммуникации на русском языке составляют шаблонные формулы речи. Наиболее частотные из них состоят преимущественно из частиц, которые в последнее время все чаще относят к категории

т. н. «дискурсивных» слов или единиц (например, «да», «вот», «не», «ну», «так», «всё», «ладно», «давай» и др.). В повседневной речевой коммуникации эти компактные языковые единицы часто выступают как независимые высказывания, а также объединяются друг с другом для образования частотных речевых штампов («ну да», «ну вот», «вот так», «да нет», «вот так вот», «ну всё», «ну ладно», «да ладно», «ну давай» и т. п.).

2. Другим распространенным явлением повседневной речи является редупликация дискурсивных единиц. Помимо собственно редупликации (удвоения) таких элементов в повседневной русской речи часто используются и их троекратные повторы («да-да-да», «так-так-так» и т. п.). Встречаются четырехкратные и пятикратные повторы, а также более сложные построения, содержащие еще больше (на исследованном нами материале — до семи) повторяющихся единиц. Иногда реальные фразы образуются в результате объединения нескольких сегментов, например, дуплетов и триплетов («Хорошо хорошо / так так так //»).
3. Регулярное использование в речи конструкций, состоящих из неоднократно повторяющихся дискурсивных единиц, может объясняться как намеренным желанием говорящих «усилить» производимый высказыванием прагматический эффект (ср. «да!» и «да да да!»), так и, возможно, неосознанным стремлением говорящих к формированию речи по имплицитно существующим в языке речевым шаблонам — структурным и темпоральным.
4. В докладе приводятся статистические данные о реализации редуплицированных и более сложных повторяющихся форм, полученные на материале корпуса ОРД и его социолингвистического расширения, с учетом коммуникативной ситуации и других условий их реализации.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Азарова Ирина Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Алексеева Елена Леонидовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сипунин Константин Владимирович,
студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Принципы нормализации древнерусских житийных текстов для корпуса СКАТ

На кафедре математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета создан и постоянно пополняется корпус агиографических текстов (СКАТ), в котором представлены тексты древнерусских

житий по рукописям XVI–XVIII вв. В числе наших очередных задач при работе с корпусом стоит проблема лемматизации. Для этого есть очевидный подход: связать древнерусские словоформы с их каноническим представлением в современном русском, однако некоторые древнерусские лексемы не имеют эквивалентов в современном словаре. Для немецкого языка была предложена трехступенчатая схема нормализации:

1) вначале просматривается список соответствий древних и современных лексических эквивалентов и устанавливаются однозначные варианты;
2) для словоформ, не получивших интерпретации на первом этапе, используется «нормализация по правилам»: стандартная замена древних орфограмм на современные;
3) при неоднозначности замен используют взвешенное расстояние Левенштейна, при котором определяется минимальное количество операций редактирования (вставки, удаления и замены символов), необходимых для превращения одной словоформы в другую.

Все этапы нормализации проводились на базе обучающего корпуса размером до 1000 словоупотреблений [Bollmann, Marcel, 2013]. Для обеспечения всех этапов нормализации мы предполагаем использовать в качестве обучающего корпуса фрагмент грамматически размеченных текстов (на данный момент его объем превышает 48 000 словоупотреблений) и общий словник словоуказателя по всем текстам корпуса объемом свыше 132 000 единиц. Были проведены предварительные эксперименты по установлению соответствий и группировке словоформ с неустойчивой орфографией [Уфлянд, Алексеева, 2008].

Литература:

1. *Уфлянд Е. Г., Алексеева Е. Л.* Сокращение вариативности написания словоформ в служебных компонентах агиографического корпуса СКАТ // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008». СПб., 2008. С. 376–378.
2. *Bollmann M.* POS Tagging for Historical Texts with Sparse Training Data. In: Proceedings of the 7th Linguistic Annotation Workshop & Interoperability with Discourse. August 8–9, 2013. Sofia, Bulgaria. Pp. 11–18.

Алексеева Елена Леонидовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о древнерусской счетной тайнописи

М. Н. Сперанский определяет тайнопись как такой вид письма, «который, отклоняясь от общеупотребительного, имеет целью сделать написанное слово или мысль, положенную на письмо, недоступными для обыкновенного грамотного читателя или, по крайней мере, создать затруднение для прочтения или уразумения написанного» [Сперанский, 1929: 2].

Использовалось несколько способов тайнописи: замена кириллических букв буквами других алфавитов, измененное начертание букв, замена одних букв другими по какой-нибудь определенной системе (литорея), изменение порядка букв в слове (анаграмма), акростих, а также счетная

или цифирная тайнопись, использующая тот факт, что почти все буквы обладали также и числовым значением. На последнем виде тайнописи мы и остановимся.

Буквы кириллического алфавита (как и буквы других древних алфавитов) использовались для обозначения чисел, и имели следующие значения: 1–9: а в г д е ѕ з и ѳ; 10, 20 ... 90: і к л м н ѯ о п ч; 100, 200 ... 900: р с т у ф х ѱ ѡ ц. Очевидно, что все эти числа (за исключением 1 = а) могут быть представлены в виде суммы или произведения других чисел или в виде комбинации этих арифметических операций, на чем и основывается счетная тайнопись. Результат переразложения числа может быть записан словами: «десятерица сугубая и пятерица четверицею» [Сперанский, 1929: 117], т. е. 10 · 2 + 5 · 4 = 40 = м, а может быть изображен соответствующими кириллическими буквами, или арабскими цифрами, или особыми значками (точками, кружочками, черточками и т. п.). Например, уже рассмотренная буква «м» имеет числовое значение 40, ее можно записать другими кириллическими буквами несколькими способами: 20 + 20 = кк, 20 + 10 + 10 = кіі, 20 + 10 + 2 + 5 + 3 = ківег и т. д. Очевидно, что буквы, не имеющие числового значения, замене не подвергаются, но иногда автор оставляет в неизменном виде и буквы, которые, в принципе, могут быть разложены.

Рассматриваемая нами рукопись из собрания Амфилохия (Сергиевского), хранящегося в Российской государственной библиотеке (Москва), содержит тайнопись, записанную арабскими цифрами.

Литература:

Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.

Андреев Артем Викторович,
младший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Применение изоморфизма Керри-Ховарда к семантике естественных языков

Не вызывает никаких сомнений, что план выражения естественного языка представляет собой алгебраическую структуру.

Также вполне обоснованным является предположение о том, что план содержания естественного языка может быть сведен к той или иной разновидности логического исчисления. При этом понятие семантики естественного языка оказывается обратным по отношению к семантике логических исчислений: логико-семантический анализ естественного языка предполагает интерпретацию языковых форм логическими конструкциями (т. е. элементов алгебраической структуры через логическое исчисление), а под семантикой исчисления в логике понимается, напротив, интерпретация этого исчисления с помощью той или иной алгебраической структуры. Подобный дуализм хорошо известен в теории машинных языков под названием изоморфизма Керри-Ховарда: «всякая программа есть доказа-

тельство некоторого логического утверждения ~ у всякого (доказуемого) логического утверждения существует доказательство в виде программы». Применение этого принципа к естественному языку сталкивается с двумя фундаментальными трудностями: во-первых, алгебраические структуры, которыми можно интерпретировать исчисления, подходящие для описания естественного языка, хорошо известны и они совершенно не похожи на синтаксические структуры естественных языков. А во-вторых, в отличие от машинного языка, естественному языку свойственна неоднозначность на всех уровнях. Обе эти проблемы можно, как нам представляется, разрешить, если воспользоваться еще одним понятием из информатики, а именно «абстрактной интерпретацией». В этом случае происходит интерпретация только тех или иных существенных аспектов логических формул, без соблюдения требований однозначности и непротиворечивости. Языковая коммуникация в этом случае может быть представлена как своеобразный процесс «доказательства» той информации, которая должна быть передана. В докладе будет предложен вариант логического исчисления (на основе конструктивной логики высшего порядка) для моделирования семантики естественных языков, будут рассмотрены примеры описания временных значений глаголов и падежной структуры.

Богданова Светлана Юрьевна,
д. ф. н., профессор,
Евразийский лингвистический институт МГЛУ (Иркутск)

Применение корпусной методологии в лингвистике и лингводидактике

В настоящее время наметился серьезный прогресс в применении электронных корпусов текстов в лингвистических исследованиях. Однако отечественные лингвисты по-прежнему используют далеко не все возможности, предоставляемые корпусными менеджерами. Целью доклада является привлечение внимания к использованию данных о коллокатах ключевого слова в лингвистике и лингводидактике. Коллокатами называют слова, расположенные в непосредственной близости либо на некотором расстоянии от ключевого слова. Некоторые известные корпусы текстов (COCA, BNC и др.) снабжены программными инструментами поиска коллокатов, позволяющие выявить коллокации двух типов: 1) *примыкающие (adjacent collocations)*, в которых коллокаты встречаются непосредственно справа или слева от ключевого слова, и которые являются более близкими к реальным языковым структурам, и 2) т. н. *«коллокации в окне» (window collocations)*, в которых слова находятся на некотором расстоянии друг от друга, и которые в большей степени относятся к статистическим явлениям. Коллокации обоих типов могут быть полезны лингвистам в их исследовательской и прикладной деятельности. Первый аспект рассматривался на примере исследования функционирования наречия *immediately* в современном английском языке, а второй — на примере отбора необходимого лексического минимума для преподавания дисциплины «Иностранный язык в профессиональной

сфере» для студентов направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Исследование, проведенное с использованием корпусного инструмента для выявления коллокаций, позволило определить характерные для наречия *immediately* грамматические конструкции с коллокатами *obvious* и *followed* и их семантическое содержание. Это расширило существующее представление о функционировании английских темпоральных наречий, и в дальнейшем были сделаны выводы о концептуализации временного промежутка, актуализируемого в современном английском языке как наречием *immediately*, так и другими наречиями со значением мгновенности, образующими синонимический ряд. Введение полученных путем выборки наиболее частотных терминов из специального корпуса текстов об американском искусстве в окно поиска корпуса COCA и выбор инструмента Collocation показали следующее: во-первых, задав «окно» для поиска коллокаций «от –4 до +4» от ключевого слова, можно получить достаточно четкое представление о предметной области, в которой оно наиболее часто употребляется, во-вторых, выбирая только непосредственно примыкающие коллокации, можно найти те слова, с которыми отмечена регулярная совместная встречаемость ключевых слов, относящихся к сфере искусства. Как правило, среди таких слов оказывается много определений, уточняющих искомый термин (например, определение Early к термину Classicism).

Бочаров Виктор Владиславович,
старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет

Использование краудсорсинга для создания лингвистической разметки. Опыт проекта OpenCorpora.org

Открытый корпус (OpenCorpora.org) — это проект по созданию свободно доступного (на условиях лицензии CC-BY-SA) размеченного корпуса современных текстов, написанных на русском языке.

В рамках проекта планируется сделать качественную многоуровневую (морфологическую, синтаксическую и семантическую) разметку, которую можно было бы использовать для оценки точности систем автоматического анализа текста.

В 2012 г. была начата работа по созданию морфологической разметки корпуса в 1,3 млн словоупотреблений силами волонтеров. На настоящий момент в ней приняли участие более 5000 носителей русского языка, большинство из которых не являются специалистами в области лингвистики. Участниками проекта было выполнено более 2 млн заданий, в которых нужно было определить ту или иную грамматическую характеристику слова в контексте предложения.

Кроме морфологии, силами волонтеров создается также разметка именованных сущностей. В докладе будет доложено о полученных на сегодняшний день результатах.

Боярский Кирилл Кириллович,
к. ф.-м. н., доцент,
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики

Кластеризация текстов: IDF — реальность или миф?

При решении задач обработки текстов важное место занимает этап группировки текстовых фрагментов в близкие по смыслу кластеры. Для этого часто используется векторная модель документов. [Большакова, 2011] Документом может быть целый текст, а может и отдельный абзац. В каждом документе выявляются термины — встреченные в тексте слова, за исключением стоп-слов. Определяются веса терминов, в пространстве терминов строится вектор документа, вычисляется мера сходства построенных векторов, и наиболее близкие документы объединяются в кластеры. Для определения весов терминов обычно используют модель «TF-IDF», в которой вес термина определяется как произведение количества вхождений термина в данный документ (TF) на обратную документную частоту (IDF). Параметр IDF имеет низкие значения, если термин встречается во многих документах. Считается, что такие термины снижают различие между документами. Однако и термины с высокой встречаемостью обладают высокой «смысловой» классифицирующей силой.

Рассмотрим пример, приведенный в [Большакова, 2011]. Коллекция содержит шесть документов со следующими терминами:

1) *китайский, Пекин, китайский*;
2) *китайский, китайский, Шанхай*;
3) *китайский, Макао*;
4) *Токио, Япония, китайский*;
5) *китайский, китайский, китайский, Токио, Япония*;
6) *Токио, Пекин*.

Правдоподобной является гипотеза, что документы образуют два кластера: относятся к Китаю — к Китаю и Японии. Термин *китайский* имеет очень низкий коэффициент IDF, поэтому при агломеративной кластеризации по TF-IDF уже на первых шагах помимо очевидного кластера образуется кластер. Кластеризация без учета IDF формирует «правильный» кластер. Предположение о том, что учет IDF не улучшает качества кластеризации, было проверено на текстах разной тематики. Анализ производился парсером SemSin [Боярский, Каневский, 2015].

Поваренная книга Молоховец, раздел «Приготовление напитков». Шесть групп рецептов. Две группы выделены правильно при обоих способах анализа, в трех случаях без IDF точнее.

Статьи общественно-политической направленности. Первая статья содержит 30 абзацев. Без IDF в кластер объединено 29 абзацев плюс 18 абзацев из других статей, с IDF — 22 + 24.

Экономический словарь, 1092 статьи, разбитых на 11 смысловых групп. В четырех случаях лучше соответствие кластеров, полученных без IDF, в одном — с IDF.

Таким образом, можно сделать вывод, что лексический состав текста не тождественен смысловому наполнению, и учет IDF, по меньшей мере, не улучшает качества кластеризации.

Литература:

1. *Большакова Е. И. и др.* Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика. М.: МИЭМ, 2011.
2. *Боярский К. К., Каневский Е. А.* Семантико-синтаксический парсер SemSin // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. № 5 (15). С. 869–876.

Букия Григорий Теймуразович,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Митрофанова Ольга Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Протопопова Екатерина Владимировна,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Оценка тональности отзывов с использованием автоматически составленного словаря

Разработка систем сентиментного анализа — трудоемкий процесс, предполагающий тональную разметку корпусов текстов; составление словаря тональных слов; реализацию алгоритмов машинного обучения для автоматической классификации текстов. Исследования по оценке тональности русскоязычных текстов, в частности, представлены в материалах соревнования SetniRuEval [Loukachevitch et al., 2015]. Опыт показывает, что успешность работы систем сентиментного анализа во многом определяется тем, каким образом составляется тональный словарь. В нашем исследовании предлагается новый подход к решению этой задачи. Для автоматической оценки тональности отзыва традиционно используются тональные словари, содержащие как общие тональные слова («хороший», «удобно», «нравиться»), так и относящиеся к специальной области («мыльный», «нерезко», «мажет»). Каждому слову или словосочетанию приписывается оценка (например, от 0 до 1), характеризующая его положительную или отрицательную окраску. Как правило, такие словари составляются вручную. Авторами предлагается метод извлечения оценочных слов из корпуса отзывов, имеющих жесткую структуру: «достоинства» и «недостатки». Лексемы и конструкции, состоящие из заданных грамматических форм, ранжируются на основании связи с одним из двух полюсов — достоинствами или недостатками. Эта связь оценивается с помощью точного критерия Фишера [Stefanowitsch, Gries, 2003], характеризующего степень зависимости случайных величин, т. е. вероятность того, что отзыв с данным словом относится к достоинствам/недостаткам. Для извлечения конструкций, состоящих из нескольких лексем, используется обобщение меры взаимной информации [Bukia, Protopopova, Mitrofanova, 2015] с помощью которого каждой лексеме ставится в соответ-

ствие «облако» сочетающихся с ней слов. С помощью полученного словаря ранжируется тестовый корпус отзывов на заданную тему (не имеющий жесткой структуры). Затем оценки, полученные автоматически, сравниваются с эталонными оценками, расставленными авторами отзывов. В проведенных экспериментах в качестве «обучающего» корпуса для построения тонального словаря используется корпус отзывов на фотоаппараты с сервиса «Яндекс. Маркет». Было извлечено около 1,5 тыс. оценочных слов и сочетаний, которые затем использовались для оценки отзывов с сайтов различных интернет-магазинов.

Литература:

1. *Bukia G., Protopopova E., Mitrofanova O.* A corpus-driven estimation of association strength in lexical constructions // Proceedings of the AINL-ISMW FRUCT, 2015. Pp. 147–152.
2. *Loukachevitch N. V.* et al. SentiRuEval: Testing Object-Oriented Sentiment Analysis Systems in Russian // Proc. Dialog 2015.
3. *Stefanowitsch A., Gries S. T.* Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions // International journal of corpus linguistics. Vol. 8. № 2. 2003. Pp. 209–243.

Водяницкая Альбина Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель, Московский городской педагогический университет

Прагматические характеристики информационных писем конференций: сравнительно-сопоставительный анализ

В связи с расширением масштабов межкультурной коммуникации, международные конференции играют одну из ведущих ролей в академической среде. Первым шагом к обмену академическим опытом является информационное письмо той или иной конференции.

Являясь частью институциональной культуры, информационные письма призваны привлекать исследователей к участию в научных мероприятиях и могут быть изучены с точки зрения теории речевых актов.

В фокус рассмотрения в рамках данной теории попадает говорящий (или пишущий), слушатель (или читатель), высказывание, контекст и, что является особенно важным, цель и результат акта коммуникации. Оценочные языковые средства, способ подачи информации, структура и другие характеристики информационных писем конференций способствуют привлечению участников и служат достижению главной прагматической цели этих писем.

Сравнительно-сопоставительный анализ корпуса русских, английских и немецких информационных писем-приглашений на лингвистические конференции позволил выявить, что организаторы немецких конференций напрямую обращаются к потенциальным участникам (получателям письма), подчеркивая их профессиональную принадлежность (например, *Liebe Linguistinnen und Linguisten; Sie herzlich einladen*). Обращение к получателю

текста продолжается и опосредованно в письме с помощью оценочных характеристик (*ambitionierte Sprachwissenschaftler*). В этом отношении прагматическая цель русских и английских писем-приглашений заключается именно в донесении информации до адресата (*на базе ... университета проводится Международная конференция*; *the ... conference will be dedicated to pragmatics*).

Другим средством привлечения внимания научного сообщества к конференции является оценочность. Организаторы конференций оценивают как свои мероприятия (*ставшая традиционной конференция...*; *the conference provides the premier interdisciplinary forum for linguists*; *zentrales Thema*), так и потенциальных участников (*доклады ведущих специалистов*; *leading academic scientists*; *honourable authors*). Следует отметить, что модальность требований, предъявляемых к тезисам и аннотациям докладов, жанрово и культурно обусловлена.

Дальнейшее исследование позволит выявить, в какой степени выражены дискурсивные связи русских, английских и немецких информационных писем.

Гребенников Александр Олегович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о мерах лексического сходства частотных словарей

Анализируется использование существующих мер лексического сходства частотных словарей в стилеметрических исследованиях. Профессор А. Я. Шайкевич предлагает использовать в качестве простейшей меры лексического сходства двух частотных словарей следующую формулу: $Cxy = \Sigma\ min\ \{pxi, pyi\}$, где $\Sigma\ pxi$ и $\Sigma\ pyi$ — вероятности, т. е., в нашем случае, относительные частоты единиц словаря; *min* — минимальная из двух частот. Показатель приобретает значение 1 при сравнении частотных словарей одного и того же текста; он близок к 0 при сравнении ЧС, использующих разную графику.

Работоспособность формулы в стилеметрических исследованиях проверяется на материале частотных словарей рассказов выдающихся русских писателей (А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, А. И. Куприна), создаваемых на кафедре математической лингвистики СПбГУ. Данные словарные материалы обеспечивают хорошую базу для сравнения в силу одинакового объема (около 200 000 словоупотреблений), единства жанра текстов, лежащих в их основе, принципов отбора материала и составления.

Полученные значения подтверждают принадлежность исследуемых текстов к одному языку (что само собой разумеется), однако стилеразличительный потенциал формулы если и имеет место, то выражен весьма незначительно. Поскольку весьма вероятно, что наибольший вклад в общую сумму вносят самые частые слова, формула модифицируется следующим образом: $Cxy = \Sigma\ min\ \{pxi, pyi\} / 0{,}5\ (\Sigma\ pxi + \Sigma\ pyi)$, где $\Sigma\ pxi$ и $\Sigma\ pyi$ вычисляются для выбранной зоны рангового частного словаря (первых *i* единиц). Представлены данные для первых 100 и 100 наиболее частых лексем.

Наблюдается некоторая корректировка полученных результатов, обратно пропорциональная количеству охваченных лексем, при этом возможности для стилеразличения по-прежнему минимальны.

Поэтому, для анализа реальных различий в частных словарях предлагается использовать формулу: $S = (x - m - 1) / \sqrt{m}$, где x — частота слова, m — математическое ожидание этой частоты. Будем считать все слова, S которых превысил некоторый порог (например, $S > 3$), лексическими маркерами. Продемонстрированы результаты применения формулы в анализируемых словарях.

Дальнейший содержательный и сопоставительный анализ выделенных единиц представляется перспективным в свете наших недавних исследований.

Добров Алексей Владимирович,
к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Компьютерное представление синтаксических структур и их семантическая интерпретация в системе AIIRE

Система автоматической обработки AIIRE (Artificial Intelligence Information Retrieval Engine) разрабатывается в течение последних лет коллективом разработчиков, одним из которых является автор данного доклада. AIIRE выполняет одновременно морфологический, синтаксический и семантический анализ текста, реализуя при этом метод межуровневого взаимодействия: анализ на различных языковых уровнях производится не последовательно, а параллельно. Это позволяет разрешать неоднозначность на нижестоящих уровнях при помощи информации, полученной в результате анализа на вышестоящих уровнях, непосредственно после возникновения неоднозначности, т. е. до возникновения комбинаторного взрыва. Принципиальную важность при этом приобретает точность той лингвистической модели, которая реализуется на синтаксическом уровне: именно на этом уровне неоднозначность представляет собой наибольшую проблему при анализе текста.

В докладе будет представлена компьютерная грамматика, используемая в системе AIIRE для синтаксического анализа русскоязычных текстов. Данная грамматика представляет собой комбинацию грамматики непосредственных составляющих и зависимостей, допускающую нестрого бинарное ветвление и разрывные составляющие. Грамматика состоит из взаимосвязанных классов непосредственных составляющих, для каждого из которых указаны возможные ядерные составляющие, зависимые составляющие, грамматические требования, способы линеаризации и вычисления семантического графа.

В грамматике отражены как «канонические» синтаксические конструкции, описанные в теоретических работах и свойственные практически любому жанру письменной речи, так и специфические обороты, характерные для публицистического стиля текстов новостных сообщений, представляющих собой основной материал исследования.

В грамматике в равной степени находят отражение как правила согласования, управления и примыкания, так и правила пунктуации и существующие варианты их использования; вариативные конструкции отражены различными классами составляющих, обладающими одинаковыми значениями (правилами вычисления семантического графа).

В докладе будут рассмотрены основные проблемы синтаксического анализа русскоязычных текстов и способы их решения, принятые в грамматике AIIRE. Особое внимание будет уделено проблемам синтаксической неоднозначности и вопросам о трактовке различных конструкций: конструкции с множественным управлением, вопрос о статусе локатива и препозитива в синтаксисе, вопрос о формализации глагольных свойств групп процессуальных имен существительных, способы формализации однородности и отрицания, сложноподчиненных предложений и, в особенности, придаточных предложений со словом «который».

Будут показаны существующие достоинства и недостатки данной грамматики, а также не решенные на сегодняшний день проблемы.

Добров Алексей Владимирович,
к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Филиппов Андрей Константинович,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

К вопросу об электронном представлении комментированного авторского словаря (на материале словаря риторических терминов М. В. Ломоносова)

Разработка электронного представления для словарей различных типов относится к числу актуальных задач прикладной лингвистики. Специфические сложности возникают при создании такого представления для авторских словарей, снабженных обширным научным комментарием. К ресурсам подобного рода относится словарь «Риторика М. В. Ломоносова», создаваемый в ИЛИ РАН как часть полного словаря Ломоносова. Статья риторического словаря включает лексикографическое описание (лемма, статистическая и грамматическая информация, зона аналогов, семантическое описание, иллюстративный материал, реестр употреблений, справочный отдел) и диахронический риторический контекст. Для представления этой структуры в данном исследовании создается электронный формат записи словарных статей. На сегодняшний день наиболее распространенным среди открытых стандартов электронного представления и структурно-семантической разметки словарных данных является формат XDXF. Данный формат используется в большинстве открытых компьютерных программ для работы со словарями, позволяя автоматически интегрировать размеченные статьи во множество различных распространенных словарных платформ и, в частности, в платформу StarDict. Вместе с тем для отражения структу-

ры статьи риторического словаря потребовалась существенная доработка этого формата. В документации XDXF подчеркивается противопоставление визуальной разметки, обеспечивающей только внешнее графическое оформление словарной статьи, и логической разметки, позволяющей отразить ее логическую структуру. По своему функционалу логическая разметка является предпочтительной, поскольку позволяет делать сложные выборки словарных статей или их частей по различным параметрам. Словарь «Риторика Ломоносова», однако, обладает настолько специфической структурой словарной статьи, что даже наиболее подробный вариант логической разметки XDXF оказывается для него во многом лишь визуальным. Адаптация XDXF к структуре риторического словаря потребовала включения в формат существенного количества новых элементов, а также расширения области применения старых. Так, были добавлены элементы и атрибуты для отображения количества словоупотреблений заголовочной единицы, значений грамматических категорий, языков аналогов заголовочного слова, авторов и источников этих аналогов, зачеркнутого текста, номеров страниц в ссылках, групп значений в зоне семантического описания, словоформ, их употреблений в текстах, справочного отдела, источников и годов их издания, цитат из различных сочинений различных эпох и группировок этих цитат по какому-либо признаку. Разрабатываемые средства преобразования адаптированной разметки в визуальный вариант XDXF позволяют представить созданный словарь практически во всех распространенных словарных платформах.

Захаров Виктор Павлович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пивоварова Светлана Сергеевна,
студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Выявление терминов-кандидатов для многоязычного терминологического словаря

Задача — разработать методику автоматизированного выделения терминов-кандидатов для многоязычного терминологического словаря на основе многоязычного корпуса текстов. Для выделения терминов и их переводных эквивалентов используется алгоритм extract-then-align, предложенный в работах по извлечению двуязычной терминологии. Идея: термины выделяются отдельно в текстах языка оригинала и языка перевода, а затем «выравниваются». В задачах извлечения терминологии из текстов используются два основных метода: статистический и лингвистический. Выделение терминов статистическим методом основано на статистических мерах ассоциации и дистрибутивно-статистическом анализе. В основе лингвистических методов лежат определенные терминологические морфосинтаксические шаблоны, характерные для конкретного языка. Предполагается использовать смешанный метод извлечения терминологии, при котором для списка терминов, извлеченных с помощью лингвистического метода,

применяется статистический фильтр (меры ассоциации). Для установления соответствий между переводными эквивалентами используется описанный в ряде работ метод опорного языка (pivot-based approach). В соответствии с ним каждый из языков в многоязычном (в нашем случае, англо-франко-русском) корпусе текстов используется для проверки соответствия между переводными эквивалентами в других языках. Для экспериментальной проверки работы алгоритма предполагается использовать параллельный корпус текстов, выровненный на уровне слов и предложений. Вспомогательным этапом является извлечение англо-франко-русского словаря с помощью статистического модуля Anymalign (anymalign.limsi.fr). На основе разработанных для каждого языка морфосинтаксических шаблонов выделяются термины, затем применяется статистический фильтр и устанавливаются соответствия между переводными эквивалентами на основе описанного выше метода опорных языков. Оценить эффективность данного алгоритма предполагается на основе сравнения полученных результатов (выделенных слов и словосочетаний — кандидатов в термины) с уже зафиксированными терминами в англо-франко-русских словарях и результатами работы других алгоритмов (например, модуля Bilingual terminology extraction в рамках корпусного менеджера SketchEngine).

Каневский Евгений Александрович,
к. т. н., ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН

Существительные или наречия

Вопросам компьютерной морфологии посвящено множество работ, однако эта проблема до сих пор не решена окончательно. При автоматическом разборе предложений прежде всего возникает проблема снятия морфологической неоднозначности. Как показывает наш опыт эксплуатации семантико-синтаксического парсера SemSin [Боярский, Каневский, 2015], в текстах на русском языке часто встречаются особые слова, у которых для снятия омонимии достаточно использовать окружающий контекст. Вслед за Т. Ю. Кобзаревой [Кобзарева, Афанасьев, 2002] для этой цели мы используем предсинтаксический модуль. Однако в ряде случаев это оказывается недостаточно — желательно иметь именные и предложные группы (ИГ и ПГ). Ряд таких слов — сущ. в Род. п. или наречие — была выявлена при попытке подключения неоднозначного родительного падежа (сочетание слов *день дома*). Путем анализа используемого нами словаря и семантического классификатора был определен возможный состав этой группы. Словоформа ***дома*** является одной из наиболее сложных для снятия омонимии. Если слева находится сущ., которое требует Род. п. и относится к классам «Сооружения» (*окно, крыша*), «Действия» (*возведение, отделка*), «Вид» (*вид, облик*), «Сторона» (*бок, перед*), «Глава» (*глава, директор*) или «Личность» (*герольд, хозяин*), то словоформа *дома* является сущ. Если же левое сущ. относится к классам «Родня» (*дед, отец*) или «Время» (год, *день*), то словоформа *дома* является наречием. Словоформа ***зараз*** может иметь 2 значения: прил./прич.

зараз (лемма ЗАРАЗА) и наречие ЗАРАЗ, однако частота встречаемости сущ. не превышает 1% — им можно пренебречь. Словоформа ***инкогнито*** может иметь 2 значения: прил./прич. *инкогнито* или *соблюдать/сохранять/оставаться/открывать инкогнито* (лемма ИНКОГНИТО) и наречие ИНКОГНИТО. Словоформа ***раз*** является одной из наиболее сложных для снятия омонимии. При анализе используется целый набор правил, причем, прежде всего, надо учесть стандартные словосочетания в роли наречий (*всякий раз, в десятки раз* и т. д.). Если после словоформы *раз* находится предлог *в* или *во*, вслед за которым расположено сущ. (центр предложной группы), относящееся к классу «Время» (год, *неделя*), то словоформа *раз* является сущ. (лемма РАЗ). Словоформа ***хором*** может иметь три значения: *из хором* (лемма ХОРОМЫ), *с/между/доволен хором* (лемма ХОР) и наречие ХОРОМ. Предлагаемые способы снятия омонимии обеспечивают точность определения лексемы в среднем до 95%.

Литература:

1. *Боярский К. К. Каневский Е. А.* Семантико-синтаксический парсер SEMSIN // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. № 5 (15). С. 869–876.
2. *Кобзарева Т. Ю., Афанасьев Р. Н.* Универсальный модуль предсинтаксического анализа омонимии частей речи в РЯ на основе словаря диагностических ситуаций // Труды Международной конференции Диалог'2002. Протвино, 2002. Т. 2. С. 258–268.

Мартыненко Григорий Яковлевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Текст и корпус в контексте междисциплинарной теории сообществ (ценозов)

1. Основоположником общей теории сообществ можно считать немецкого ученого Густава Рюмелина (1815–1889), который выдвинул понятие социальной группы (социальной массы). Такие группы рассматривались им как собирательные понятия, т. е. как целостная единичность, элементы которой отличаются друг от друга. Этим они противопоставляются разделительным понятиям, которым соответствуют однородные классы единиц.
2. Несколько позднее (1877) один из родоначальников экологии Карл Август Мёбиус (1825–1908) выдвинул идею биоценоза. Биоценоз по Мёбиусу — это совокупность (сообщество) организмов, совместно населяющих участок суши или водоема.
3. Концепцию Рюмелина разделял выдающийся русский теоретик статистики А. А. Чупров (1876–1926), который построил развернутую логическую теорию статистической совокупности на основе противопоставления разделительных и собирательных понятий в сочетании с идеей локализации совокупности в определенных рамках времени и пространства.

4. Впоследствии теория совокупности объединилась с теорией систем. Здесь пионером следует считать русского стиховеда и писателя, видного представителя русской формальной школы Ю. Н. Тынянова (1894–1943), который ввел понятие литературно-художественной системы.
5. Несколько раньше итальянский инженер Вильфредо Парето, изучая распределение населения Италии по доходам, построил теорию элиты и сконструировал свой знаменитый индекс социального равновесия. Вслед за Парето на авансцену выступили лингвист и психолог Дж. Ципф, биолог Дж. К. Виллис, науковед А. Лотка, библиометр С. Брэдфорд и мн. др.
6. Ближе к концу XX в. в рамках теории систем родилось противопоставление внутренних и внешних систем (Ю. А. Шрейдер), восходящее к оппозиции собирательных и разделительных множеств. Круг замкнулся. Шрейдер вернулся к идеям Рюмелина.
7. В настоящее время сообщества стали предметом тотального интереса: в биологии исследуются сообщества организмов, в документалистике — массивы научных публикаций, в науковедении — научные коллективы, в технетике — ансамбли изделий, машин, механизмов (техноценозы), в экономике — производственные комплексы, в демографии — народонаселение, в политологии — группировки государств, электоральные массы, в литературоведении — «сообщества» авторов, пишущих в конкретную литературную эпоху, в спорте — множества команд, образующих спортивные лиги, и т. п.
8. В лингвистике идея сообщества применяется к тексту и корпусу. Такое понимание свойственно прежде всего квантитативной лингвистике, стилеметрии, статистической лексикографии и другим статистически ориентированным филологическим дисциплинам.

Меньшенина Ирина Александровна,
старший преподаватель,
Витебский государственный медицинский университет (Беларусь)

Лингвостатистический метод оценки лексического наполнения учебных текстов

Текст обладает статистической структурой, в которой отражены языковая система и норма, порождающие этот текст. Благодаря этому, опираясь на статистическую структуру речи, возможно отбирать для усвоения учащимися наиболее употребительные и важные с точки зрения конкретных целей преподавания единицы. Каждый учебник характеризуется целым рядом количественных и качественных показателей, причем последние вполне возможно оценивать и сравнивать [Алексеев, 1969: 23]. В своей работе мы хотим предложить подход к оценке этих параметров и разработанную нами компьютерную программу для оценки лексического наполнения учебных текстов (на примере англоязычных медицинских текстов). Известно, что чем большее количество раз слово встретилось в уроке и во всем учебнике и чем более равномерно это слово распределено по всему учебнику, тем учебник лучше. Раскрывая это условие, нами были использованы конкрет-

ные оценивающие коэффициенты, при помощи которых вычислялась частота каждого слова в определенном уроке, частота слова во всем учебнике, равномерность распределения слова в учебнике, употребительность слова в учебнике, вариации для слова во всем учебнике и т. д. Ряд коэффициентов позволил оценить учебник по степени совпадения его слов со словами заданного лексического минимума. Для вычисления всех этих коэффициентов необходимо иметь частотные словари по каждой теме учебника, которые нами были получены при помощи программы Dict. Описанная выше теория проверялась на конкретных учебниках английского языка для студентов медицинских вузов. В каждом из учебников было выбрано по три темы и также был задан лексический минимум по курсу английского языка для медицинских вузов. Созданная нами программа lang позволяет автоматически вычислить и сравнить все описанные выше коэффициенты и таким образом оценить лексическое наполнение тем сравниваемых учебников, т. е. определить, какое слово и в каком учебнике подано лучше (чаще и более равномерно), какая тема какого учебника лучше соответствует задачам обучения, какой учебник лучше соответствует вероятностно-статистической структуре памяти обучаемого, а также выделить слова, которые могут быть включены в лексический минимум по теме. Программа также включает файл syswords.cfg, который предназначен для исключения всех введенных в него слов из общего алфавитно-частотного словаря. Это было сделано для того, чтобы исключить из рекомендованных в лексический минимум служебные слова, вспомогательные глаголы и другие части речи, которые являются наиболее частотными в любом тексте.

Литература:

Алексеев П. М. Некоторые вопросы теории и практики статистической лексикографии // Статистика текста. Т. I. Минск, 1969.

Миронова Дина Марковна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Сопоставление узлов разночтений в текстах греческого и славянского Нового Завета (на материале 525 списков славянского Евангелия от Матфея XI–XVI вв.)

Наряду с определением текстологической релевантности традиционных типов узлов разночтений, при исследовании славянской новозаветной традиции важно сопоставить выявленные узлы разночтений с разночтениями в греческом тексте. Поскольку при переписывании текстов писцы могли сверяться с греческим оригиналом, разночтения в греческом Новом Завете могут объяснить некоторые разночтения в славянском тексте Нового Завета. При этом одни узлы разночтений в славянском Новом Завете происходят из греческого, другие возникают параллельно, т. е. одно и то же слово или словосочетание в греческом имеет одну вариативность, в славянском — другую. В славянском переводе есть и своя вариативность, не имеющая параллелей в греческом. Также имеют место случаи, когда в гре-

ческом встречается только одно чтение, а в славянском — как буквальный перевод с греческого, так и другой вариант, характерный именно для текста славянского Нового Завета.

В исследуемом отрывке Мф. 14:14–34 в греческом Новом Завете можно выделить 143 узла разночтений (по критическому аппарату изданий [Aland, Aland, 1989; Soden, 1902–1913], и некоторых лекционариев: [Collations..., 1933; The Lectionary Text..., 1959]), среди которых 51 узел — омиссии, 32 — строевые элементы, 27 — грамматические чередования, 20 — перестановки и 13 — лексические чередования. Из 143 узлов греческого Нового Завета в славянском Новом Завете встречаются 85 узлов разночтений, из них перестановок — 14, лексических замен — 7, строевых элементов — 19, омиссий — 29, грамматических замен — 16. Среди разночтений, играющих роль текстологических примет славянского текста, в греческом Новом Завете имеют параллели 5 омиссий, 5 строевых элементов, 3 лексических варианта, 4 грамматических, 7 перестановок.

Пять из шести строевых элементов, все омиссии и семь из десяти примет перестановок в славянском тексте имеют параллели в греческом тексте. В связи с этим, и учитывая также, что при классификации рукописей при помощи кластерного анализа строевые элементы показывают очень низкую степень релевантности, можно считать релевантными только те из них, которые имеют параллели в греческом Новом Завете. То же можно сказать и об омиссиях. Почти все греческие грамматические чередования в Мф. 14:14–34 находят отражение в узлах разночтений славянского Нового Завета, однако в славянском Новом Завете грамматических чередований гораздо больше, и только 4 из 30 грамматических примет связаны с греческим текстом. Лексические замены в основном не имеют связи с греческими чередованиями. Этот класс узлов разночтений в славянском тексте является более многочисленным, чем в греческом.

Литература:

1. *Aland K., Aland B.* Der Text des Neuen Testaments. Stuttgart, 1989.
2. Collations of Four Gospel Lectionary Mss. // Studies in the Lectionary Text of the Greek New Testament. Vol. II / Ed. Colwell E. C., Riddle D. W. Chicago, 1933.
3. *Soden F. von.* Die Schriften des Neuen Testaments, in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte. II Teil. Text mit Apparat, Goettingen, 1913.
4. The Lectionary Text of Family 13 According to Cod Vat Gr 1217 (Gregory 547) / Ed. Geerlings J. Salt Lake City, 1959.

Николаев Илья Сергеевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Нестандартные географические термины в базе данных по топонимии Ингерманландии

Географическая терминология Ленинградской области изучена недостаточно, как и топонимия и микротопонимия в целом. В настоящее время идет работа по составлению топонимического словаря Ингерманландии

по материалам базы данных и картотеки, собранной в ходе ежегодных экспедиций студентов и преподавателей кафедры математической лингвистики СПбГУ в течение последних 35 лет. База данных по топонимии Ингерманландии, созданная коллективом исследователей на кафедре, представляет собой оцифрованный вариант «бумажной» картотеки топонимов. Топонимическая база данных находится под управлением СУБД (системы управления базами данных) и позволяет проводить научные исследования, связанные с изучением историко-культурного ландшафта западной части Ленинградской области. На основе этой базы данных был создан научно-образовательный веб-ресурс, который предназначен для студентов отделения прикладной лингвистики СПбГУ и для широкого круга исследователей и краеведов. В ходе этой работы были проанализированы географические термины, указывающие на тип объектов, поименованных топонимами и микротопонимами. В базе данных содержится 170 географических терминов. При создании словаря топонимов нам встретился ряд нестандартных географических терминов, которые нельзя отнести ни к географической терминологии, ни к местным географическим названиям. В нашем докладе мы обсудим некоторые из этих нестандартных терминов, попытаемся определить их место в системе географической терминологии и выяснить их статус в топонимике.

Хохлова Мария Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Большие корпусы и частотный словарь: результаты сравнения

Задача создания корпусов, содержащих большие данные, ставилась многократно, но только с появлением широких технических возможностей решение данной задачи развилось в отдельное направление.

Целью нашего исследования было сравнение результатов, выдаваемых системой Sketch Engine при работе с тремя корпусами разных объемов, и данных из словаря [Ляшевская, Шаров, 2009]. Нами были рассмотрены частотные характеристики ряда русских существительных. Для экспериментов были отобраны следующие корпусы русского языка: интернет-корпус Russian Web Corpus (147 млн токенов) и гигакорпус ruTenTen (18,28 млн токенов).

В основном тексты, входящие в состав интернет-корпусов русского языка, представляют собой материалы новостных ресурсов, блогов, рекламных сайтов, групп социальных сетей и др. Художественные тексты представлены не так широко, поэтому было решено обратиться к спискам частотной лексики, которые отражают именно данные функциональные стили. Нами были сформированы два списка слов. В первый список попали наиболее частотные существительные по словарю [Там же] для текстов публицистики и другой нехудожественной литературы (эти две группы представлены в словаре отдельно): *год*1,2, *время*1,2, *человек*1,2, *система*, *работа*1,2, *статья*, *дело*1,2, *случай*, *процесс*, *вопрос*1,2, *жизнь*, *день*, *страна* и *слово* (индексами обозначены лексемы, которые приведены в обеих

группах). Второй список состоит из существительных, относящихся к т. н. значимой лексике (т. е. наиболее характерной) [Там же] для нехудожественных текстов (*статья*, *система*, *федерация*, *процесс*, *рисунок*, *вирус*, *исследование*, *использование*, *суд*, *метод*) и публицистики (*президент*, *театр*, *год*, *спектакль*, *правительство*, *компания*, *страна*, *фильм*, *реформа*, *выборы*).

Общий вывод, который можно сделать на основе полученных данных, свидетельствует о том, что тексты больших корпусов отражают язык Сети. Результаты, приведенные в частотном словаре, были основаны на Национальном корпусе русского языка, что объясняет их сбалансированность. Существительные, которые оказались наиболее частотными в корпусе ruTenTen и в его миллионной выборке и не отраженные в списке результатов в частотном словаре (*сайт*, *система*, *компания* и *Россия*), отражают специфику текстов, взятых из Интернета, во-первых, из-за большого количества новостных ресурсов, во-вторых, ввиду направленности на описание содержания веб-страниц. Корпус Russian Web Corpus показывает бóльшую согласованность в данных с частотным словарем, чем корпус ruTenTen.

Литература:

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Андрюхина Светлана Владимировна,
аспирант, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Эстетика М. Унамуно в творчестве А. Переса-Реверте

1. Анализ релевантности идеи Испании Мигеля Унамуно и его влияния на современного автора Артуро Переса-Реверте. Спор о том, что такое Испания и что определяет испанскую идентичность, продолжается в течение всего периода становления демократии. В творчестве Артуро Переса-Реверте прослеживаются отголоски идеологического наследия Унамуно, которое предлагает решение т. н. «вековой проблемы Испании».
2. Артуро Перес-Реверте как яркий выразитель практики продвижения современной литературы в ключе личностной регенерации, которая демонстрирует философские и идеологические взгляды. Творчество Артуро Переса-Реверте представляет собой неосознанное, но доскональное отражение идеологической эстетики Унамуно в реальности нашего времени. В его произведениях прослеживается интертекстуальная связь с интраисторией, которая является более подлинной, чем альтернатива упадка нации, навязываемая политикой в настоящее время.
3. Эстетика Унамуно, его теория интраистории. К концу XIX в. Унамуно представляет свою теорию интраистории, противоречащую модели нации, которую поддерживал политический строй в эпоху Реставрации.

Подлинным смыслом истории выступает у Унамуно трансформация ее в интраисторию, и именно в этом контексте осмысливается у Унамуно предельно значимая для него проблема Испании, являющаяся моделью и одновременно ключом решения проблемы интраистории. Автор (Унамуно) считал, что власть навязывала обществу модель метафизической идеализации и отстаивала ее на основании, которое искажало действительную национальную самобытность. На сегодняшний день работы Артуро Переса-Реверте отражают интраисторию Унамуно, тем самым уничтожая данную идеализацию.

4. Анализ текстов Артуро Переса-Реверте. Изучая произведения и статьи Артуро Переса-Реверте, обнаруживается, что интраисторическая нация, выражаясь терминами Унамуно, является жертвой внедрения метафизического представления в отношении национальной самобытности. В противопоставление оптимизму Унамуно, который он вкладывает в молодое поколение, произведения Переса-Реверте наводят на мысль, что степень манипуляции, применимой по отношению к испанской национальной самобытности, в настоящее время делает невозможным понимание его подлинного интраисторического характера. Вследствие этого содержательная сторона произведений Переса-Реверте заключается не только в защите интраисторического характера нации, но также и в действии, являясь тем самым отражением скрытого смысла, с которым Унамуно сформировал свою концепцию регенерации.

Балаева Светлана Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия

Модернистская природа воспоминаний в «Дневнике размышлений» Д. Леопарди

«Дневник размышлений» (1817–1832) Джакомо Леопарди — это текст, состоящий более чем из четырех тысяч страниц. Он является результатом долгих размышлений о природе вещей, об абстрактных материях и конкретных событиях, о личных переживаниях и опыте всего человечества. С одной стороны, Джакомо Леопарди следует риторическим традициям античности (т. е. приводит конкретные примеры для своих утверждений), а с другой стороны, в «Дневнике размышлений» присутствует экспериментальная установка, давшая начало современной науке. По мысли Леопарди, накопление опыта возможно вследствие наблюдения за собой, за своими впечатлениями, желаниями и размышлениями. На основании своих наблюдений он строит метафизическую систему, уделяя внимание индивидуальным психологическим особенностям и анализируя вопросы нравственности. Леопарди не создает философской системы, а формулирует свои выводы в форме, близкой форме максим, т. е. выводит правила из опыта, не прибегая к абстрактным терминам. «Дневник размышлений» соединяет в себе дневниковую форму и жанр литературного фрагмента. И в данном случае избранная форма помогает раскрывать зависимость мысли от хода времени.

Леопарди почти не отмечает в «Дневнике размышлений» факты и события из своей повседневной жизни. Он полностью концентрируется на сфере ощущений и ментальных состояний. Автор на протяжении долгого времени записывает свои впечатления и размышления. Он отражает внешний мир, но этот мир преломляется через призму его сознания. Обширность «Дневника» позволяет Леопарди следить за изменениями своей личности, за разными состояниями своей души. Постепенно поэт начинает понимать одни и те же события иначе, чем он понимал их раньше, а через некоторое время совсем не узнает прежнего себя. Для Леопарди линейность времени больше не является само собой разумеющейся. Позже подобное ощущение времени найдет свое фундаментальное воплощение в романах Пруста («непроизвольная память»). Леопарди утверждает, что «хорошая память, умение распознавать и внимание» (Дневник размышлений, 1766 фрагмент) требуются, чтобы восстановить разорванные связи человека и мира. Личность не может быть понятна даже для себя самой без сравнения с прежним «Я». Поэтому автор «Дневника» на каждой странице постоянно вступает в диалог с собой прежним, пытаясь соединить «прошлую личность» с «новой». Постепенно Леопарди начинает видеть в «Дневнике» сборник воспоминаний, которые вызывают другие воспоминания. Поэт утверждает, что «воспоминания» позволяют современному человеку вернуться к истокам. Но память не полностью воссоздает вещи или переживания, а «повторяет», «отзывается эхом прошлого». Для Леопарди воспоминание — это каждый раз новое отражение минувшего.

Балакирева Маргарита Евгеньевна,
аспирант, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Словарь как форма мышления в культуре французского авангарда 1920-х гг.

В 1920-е гг. во Франции два автора, представители авангарда, один — член сюрреалистической группы и антрополог, в будущем член экспедиции Дакар-Джибути (1931–1933), другой — секретарь в журнале NRF, историк искусства и друг Жана Полана, обращаются в своем творчестве к форме словаря — явление необ ычное для французской изящной словесности «золотых двадцатых». Речь идет о «Глоссарии» Мишеля Лейриса и сборнике «На стороне вещей» Франсиса Понжа, произведениях столь различных в своей сути, что, на первый взгляд, сравнение может показаться неуместным. Но только на первый взгляд.

И Понж, и Лейрис выбирают для своих произведений форму словаря, не столь популярную в авангардных кругах (и скорее характерную для времени постмодерна, собирающего знания прошедших литературных эпох). Понж обращается к феномену словарного описания объекта и прояснения сущности вещи через язык, а Лейрис играет с процессом словарного означивания, разворачивая в пространстве глоссария сеть фонетических значений слова. Словарь у обоих авторов — не только скрепляющая материал форма, но и способ мышления, отражающий особый

тип восприятия культуры авангарда через призму традиции. Ведь словарь — это не просто хранитель смыслов, но и хранитель нормы, институционализированного знания, с которым и первый, и второй авторы по-своему борются. Понж восстает против нормированного — устоявшегося и «затертого» — знания об объекте и языке, созидает свой «феноменологический словарь» вещи. Лейрис же выступает создателем новых смыслов, спрятанных в звуковых аллюзиях, порождаемых произвольным сочленением слогов во взятом для поэтического анализа слове.

Новые словари позволяют создать и описать иную структуру знаний — и иное восприятие мира. Более того, сам мир создается через форму словаря: словарь не фиксирует устоявшееся, но созидает новое. Потому работы Лейриса и Понжа 1920-х отличаются, скажем, от «Краткого словаря сюрреализма» 1938 г., который стал своего рода компиляцией, итогом, «суммой знаний» (Е. Д. Гальцова). В нашем докладе мы обратимся к жанру словаря во французском авангарде, поговорим о проблеме компиляции и интерпретации в литературе этого периода, а также постараемся ответить на простой и одновременно сложный вопрос: что стоит за особого рода «словарностью» творчества некоторых авторов 1920–1930-х гг.?

Васильев Евгений Михайлович,
к. ф. н., докторант, Житомирский государственный университет
им. Ивана Франко (Украина)

Метаперсонаж в модернистской и постмодернистской драматургии

Проблема метатеатральности, восходящая к работе Л. Абеля «Метатеатр: новый взгляд на драматическую форму» (1963), провоцирует на новые (в т. ч. и терминологические) разыскания и гипотезы. Нам хотелось бы обосновать входящую в метадраматический круг проблему, которую мы предлагаем назвать проблемой метаперсонажа. Драматургический материал XX–XXI вв., ориентированный на метатеатр, знает целый ряд случаев, когда действующие лица пьесы осознают себя не живыми людьми из плоти и крови, а именно *персонажами* разворачивающегося драматического произведения. Аналогично тому, как метатеатром именуют театр, который «знает», что он — театр, и не скрывает этого от зрителя, подобный тип персонажа, который тоже «знает», что он — персонаж, вполне целесообразно называть метаперсонажем. Так, в пьесе «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло, изображающей театральную репетицию, на сцене появляются персонажи во главе с Отцом, который объясняет, что они пришли в театр в поисках автора, и предлагают Директору театра стать его новой пьесой. Метаперсонажность характерна для «Антигоны» Ж. Ануя. Пролог напоминает публике известный из трагедии Софокла миф, сообщает об исходной ситуации, представляет действующих лиц, которые сами рассуждают о «распределении ролей», театральности жизни и даже о драматических жанрах (особенно откровенно это делает Хор). На протяжении действия пьесы Антигона, Креонт и др. напоминают себе и друг

другу, что они — участники некоего действа, исход которого задан наперед, осознавая себя персонажами. Еще более откровенная метаперсонажность присуща пьесе Э. Елинек «Что случилось после того как Нора оставила мужа, или Столпы общества». Ее персонажи в полной мере позиционируют себя в качестве персонажей пьес («Я — Нора из одноименной пьесы Ибсена»), апеллируют к событиям «Кукольного дома», воспринимают себя частью художественной реальности другого текста. Наряду с саморефлексирующим типом, встречающимся у Л. Пиранделло, Ж. Ануя, Э. Елинек, можно наблюдать другие типы метаперсонажа. К «профессиональному» («театральному») принадлежат актеры и другие люди театра (драматурги, режиссеры и т. д.), изображенные в процессе театральной игры, репетиции, спектакля («Зеленый попугай» А. Шницлера, «Смерть доктора Фауста» М. де Гельдерода, «Багровый остров» М. Булгакова, «Коломба» Ж. Ануя, «Развязка» С. Беккета, «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда, «Убийство Гонзаго» Н. Иорданова, «Каролина Нойбер» Н. Ромчевича, «Счастливцев — Несчастливцев» Г. Горина, «Смерть Фирса» В. Леванова и др.), к «ритуальному» — действующие лица, которые, не являясь профессиональными театралами, разыгрывают на сцене разного роду ритуалы и церемониалы («Самурай, или Драма чувств» А. Арто, «Служанки» Ж. Жене, «Кладбище автомобилей» Ф. Аррабаля и др.).

Голубицкая Ника Вениаминовна,
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Мифологема пути в поэме Т. Тцара «Приблизительный человек»

Поэма «Приблизительный человек» (L'homme approximatif, 1931) — центральное произведение в творчестве Тристана Тцара. От «многообразия агонизирующих игр языка», которое в дадаистский период занимало место повествовательного дискурса, Тцара переходит к созданию лиро-эпического произведения, пытаясь ответить на вопрос, поставленный им еще в «Манифесте ДАДА 1918»: «Как можно упорядочить хаос, который составляет эту бесконечную, бесформенную вариацию — человека?». «Приблизительность» — симптоматичная для культуры модернизма и авангарда концепция человека. Переосмысление категории героического в литературе начала XX в. привело к низведению эпического представителя человечества («как я как ты читатель и как другие») до потерявшего свою идентичность, вечно приблизительного «человека немного животного немного цветка немного метала немного человека».

Потеря идентичности, самотождественности обрекает «приблизительного человека» на вечные скитания в поисках самого себя или силы, способной избавить его от «муравейника дорог». Можно говорить о трех траекториях движения героя: вертикали, горизонтали и цикле. Вертикаль — это жажда трансценденции, движение к Абсолюту, которое реализуется сюжетно в поиске героем «пастыря». Циклическое движение можно разделить на центробежное и центростремительное. Первое характеризует мироощущение героя, его «заброшенность»; второе — тоску по потерянному центру

и движение к полноте. Горизонталь описывает линейное движение человека «вперед», к реализации своей судьбы, и его образное развитие — от приблизительного человека в первых главах к «волку» в IX главе и к человеку «скалистому в своих одеждах из известняка» в XIX. Особенностью поэмы является то, что пространство в ней нельзя назвать гомогенным, оно как бы не равно самому себе в отдельных своих частях и постоянно теряет свои координаты. Отмена классических пространственных оппозиций (верх — низ, ближе — дальше), позволяет говорить о том, что пространство не предшествует вещам и телам, а конституируется ими. Пространственная организация определяется траекториями пути приблизительного человека. Такая модель связана и с известной аксиологизацией пространства: все типы движения имеют свое символическое значение (движение к Абсолюту, движение от рождения к смерти, движение к полноте и перерождению). Перечисленные признаки позволяют говорить о мифопоэтическом пространстве (в соответствие с идеями В. Топорова). Каждый тип движения строится вокруг метафор-эмблем: колоколов и небесных тел, реки и поезда, мельничного колеса и всех образов центра (сердца, земной утробы, косточки фрукта). Используя семиологический анализ, можно интерпретировать движение как иллюстрацию языковых возможностей, заложенных в самом механизме сюрреалистической метафоры.

Драчева Юлия Николаевна,
к. ф. н., доцент, Вологодский государственный университет
Ильина Елена Николаевна,
д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет

Идеи постмодернизма в практике создания серийных коллекционных изданий (партворков)

Партворк, или журнал-коллекция, сформировался на рубеже XX и XXI вв. как новый вид периодических изданий и был популяризирован в России в середине 2000-х гг. издательскими домами «Де Агостини», «Ашет», «ДжИ Фаббри Эдишинз» и др. К партворкам обращались некоторые работы по теории и истории журналистики, но в филологическом отношении они практически не изучены. Вместе с тем они представляют интерес как один из видов креолизованных текстов, ярко воплощающих в себе идеологию постмодернизма: отказ от установки на преобразование мира и от стремления к его жесткой систематизации, зыбкость пространственно-временных и причинно-следственных связей, стирание границ между научным и обыденным сознанием, высоким и низким искусством, предпочтение конструирования творчеству, симулирования реальности — ее отображению. Тексты партворка в содержательном, композиционном и художественном планах далеки от «высоких» образцов словесной культуры постмодернизма, но вместе с тем последовательны в реализации его идей. Энциклопедизм и эстетическое чутье классиков постмодернизма заменяются в них добротной компиляцией доступных материалов в процессе создания коммерческого продукта (партворка), изначально предназначенного для научно-популяр-

ного или развлекательного описания какой-либо сферы человеческой жизни, создающего у потребителя иллюзию осведомленности в этой области знаний, а также иллюзию коллекционирования — занятия для избранных, требующего от человека серьезных знаний, значительных материальных вложений и душевных сил. Так, через коллекцию «Куклы в народных костюмах», позиционируемую как популярная этнографическая энциклопедия, читатель воспринимает искусственно созданный образ национальной или региональной культуры, имеющий мало общего с тем, который формируется в процессе научного осмысления материальной и духовной культуры народа. Рождается симулякр — изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует. Коллекционная журнальная серия «Куклы в народных костюмах» обнаруживает свойство фрагментарности на нескольких уровнях текста: сюжетно-композиционная фрагментарность достигается за счет принципа мозаичного описания того или иного региона России; фрагментарность персонажного уровня вытекает из сюжетной неоднородности и стремления составителей издания к энциклопедичности. Переплетение рубрик партворка создает некий коллаж, включающий в себя фрагменты текстов различных эпох, стилей и жанров, индивидуального/коллективного авторства в сочетании с тематически ориентированными на них визуальными компонентами. Прецедентное поле партворка весьма причудливо: специальные рубрики-клейма аккумулируют событийные прецедентные феномены» и ситуации (например, опричнина), прецедентные литературные произведения (В. Гиляровский «Мои скитания») и др.

Евстафьева Екатерина Вячеславовна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Интертекстуальность в контексте читательской и переводческой деятельности П. Целана

П. Целана считают «ученым поэтом». При написании своих текстов он обращался к тематическим словарям и справочникам. Интеллектуальный багаж поэта расширяется благодаря знакомству с отраслевой литературой и вследствие активной переводческой деятельности. Особое место среди его работ занимают переводы О. Э. Мандельштама. В творчестве поэтов можно выделить важные для обоих темы: рождение поэтического слова, место поэта в мире, внимание к звуковой стороне языка и др. Наблюдается целый ряд общих лейтмотивов: камень, вода, ночь, звезда, время, слово и молчание и др. Глубокое влияние на творчество Целана оказали не только поэтические, но и прозаические тексты Мандельштама. Понимание стихотворения как бутылочной почты восходит к эссе Мандельштама «О собеседнике». Целан также считает диалогичность важнейшим свойством поэзии, но он, в отличие от Мандельштама, не надеется, что бутылка будет распечатана, а стихотворение прочитано и понято. В сборнике «Роза-ничья» (Niemandsrose), посвященном русскому поэту, содержится парадокс: субстантивация niemand → Niemand подразумевает переход из отрицательного измерения в положительное. Во французском языке местоимению niemand соответствует местоимение personne (никто), обозначающее также

и одушевленное лицо. Целановская рецепция Мандельштама была избирательной. Он акцентировал внимание на общих для обоих поэтов темах (еврейство, неприятие диктатуры, проблема поэтического слова и т. д.), но в то же время игнорировал и иначе трактовал другие аспекты лирики русского поэта, например музыкальность. Другим было отношение к Европе и античной культуре: Целан разочаровался в европейской цивилизации. Вторым русским поэтом, близким Целану по мироощущению, является С. А. Есенин. По мнению рецензентов, Целан, переводя С. Есенина, развивал свою собственную поэтику. Он избирательно подходил к выбору текстов для перевода. В лирике Есенина его больше всего интересует тема Родины. Второй характерной чертой есенинских текстов, идейно близкой переводчику, оказывается их меланхоличность и элегичность. Для Целана элегия является прощанием с теми, кто ушел, и предвестием собственного ухода. По типу поэтического синтаксиса Целан далек от Есенина. Он усложняет есенинские тексты, вводит синтаксические и ритмические паузы и создает новую поэтическую систему на перекрестке между русскоязычной есенинской и немецкоязычной целановской поэтикой. Для его творчества характерны асимметрия, авторские образы, фрагментарность. Поэзия Есенина с ее мелодичностью, напевностью и народными образами принципиально отличается от его собственной, но, несмотря на это, лирика русского поэта и его образы нашли отражение и в стихах самого Целана.

Котелевская Вера Владимировна,
к. ф. н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

«Зибенкэз» Жан-Поля как эксплицитный и имплицитный интертекст в поэтике Т. Бернхарда

В последнем романе австрийского писателя Томаса Бернхарда (1931–1989) «Изничтожение: Распад» (Auslöschung. Der Zerfall) перечислены пять произведений, которые герой-рассказчик рекомендует своему ученику как важнейшие для постижения немецкоязычной литературы. Первым в этом списке назван «Зибенкэз» Жан-Поля. Помимо «Процесса» Кафки, «Португалки» Музиля, «Эша, или Анархии» Броха в «канон» вошла также ранняя повесть самого Бернхарда «Амрас» (Amras, 1964). Автоинтертекстуальность, свойственная всем произведениям писателя, пожалуй, только в «Изничтожении» проявляется столь явно и указывает на программный характер как самого романа, так и упомянутого списка. Самореференция является одной из форм двойничества, свойственного структуре художественного субъекта в прозе Бернхарда: нарратор (и/или персонаж) одного текста намекает на нарратора (и/или персонажа) другого текста, включаясь в игру нарциссических отражений автора в своих фиктивных масках. Игра масок, амбивалентные отношения между парой персонажей, каждый из которых является гениальным или трагически несостоявшимся художником (интеллектуалом, философом и т. п.), составляют основную стратегию Бернхарда. Подобной стратегии следует и Жан-Поль, создавая фикциональную утопию подмен одного «я» другим и обнажая в такой игре механизм романического

вымысла как такового. Сопоставление целого ряда повестей и романов Бернхарда с романом «Зибенкэз» позволяет установить типологически близкие формы поэтики (образы персонажа-творца, сюжетные ходы, схематизацию пространства и времени), а также общую — модерновую — природу повествования, сосредоточенного на осмыслении законов вымысла, т. е., по сути, метафикционального.

Ласточкина Анна Сергеевна,
к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Метанаррация в трилогии У. Голдинга «На край земли»

Роман «Ритуалы плавания» построен как описание путешествия, создаваемое диегетическим нарратором Тальботом для своего высокопоставленного крестного. В первой главе читатель видит, каким Тальбот стремится сделать свой дневник: глава выдержана в едином стиле, лишена рефлективности, нацелена на адресата, а также аккуратна с формальной точки зрения. Далее романные события вносят коррективы в манеру письма Тальбота и в содержание его записей, что делает Тальбота рефлективным автором. Личный опыт ведения дневника противопоставляется условностям дневника как литературного жанра, подталкивая Тальбота и читателя к пониманию невозможности поставить знак равенства между литературой и реальностью, а также ограниченности возможностей литературы в описании жизни. Метанаррация становится одним из способов реализации центральной философской оппозиции романа — оппозиции абстрактного книжного знания и реальной жизни. Роман «В непосредственной близости» имеет форму дневника, создаваемого Тальботом для самого себя. Тальбот осмысляет опыт своего первого дневника и становится более сознательным автором, предпринимая попытки выстроить свое повествование: так, в начале романа он ищет темы и рассуждает о стиле письма. Случайно став автором сюжетного произведения, т. е. изложенной в первом романе истории пастора Колли, Тальбот размышляет о том, как найти нового главного персонажа и создать сюжетный рассказ. Однако все его попытки оказываются безуспешными. Парадоксальным образом второй роман гораздо меньше организован на событийном уровне, чем первый, но недостаток цельности на событийном уровне компенсируется высокой организованностью на иных уровнях, которые не доступны Тальботу как фиктивному адресанту. Метанаррация становится одним из способов реализации центральной темы романа — внутренней метаморфозы Тальбота. Роман «Огонь внизу» — повествование Тальбота, созданное им по окончании путешествия, поэтому оно является не набором дневниковых записей, а цельным ретроспективным рассказом. Следовательно, можно говорить об относительно больших возможностях нарратора в отборе релевантной информации и композиционном построении рассказа. Значительная временная дистанция разделяет Тальбота-персонажа и Тальбота-нарратора, что почти превращает последнего во всеведущего автора, способного располагать повествовательный фокализатор внутри главного персонажа. Роль метанаррации в романе ослабляется по сравнению с первым и вторым романами трилогии.

Лисовская Полина Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о евангельском контексте в шведской литературе XIX–XXI вв.

В творчестве классиков шведской литературы, начиная с Августа Стриндберга и Сельмы Лагерлёф, позднее Яльмара Седерберга, Яльмара Бергмана, а также Пера Лагерквиста, важное значение имеет христианский фундаментализм и отношение к нему. Христианская этика, с ее поиском ответов на вопросы «Что есть Бог?» и «Что есть грех?» и вытекающим отсюда вопросом «Что такое человек?», составляет основу философской концепции произведений даже тех писателей, которые открыто заявляют о том, что не верят в Бога (как, например, Сельма Лагерлёф и Пер Улов Энквист). В шведском романе часто встречается фигура религиозного проповедника и такие сюжеты, как отъезд иммигрантов в поисках земли обетованной. Кроме того, в художественной литературе этой лютеранской, но в наши дни крайне секуляризированной страны уже на протяжении нескольких столетий появляются закамуфлированные тем или иным образом евангельские сюжеты (Лагерлёф, Энквист), а также апокрифические тексты (Лагерлёф, Лагерквист). Отчасти это может объясняться огромным влиянием, которое оказали на социально-политическое и культурное развитие Швеции различные свободные церкви, в т. ч. пятидесятники (об их становлении написал в своем романе «Путешествие Леви» П. У. Энквист). Несмотря на или же как следствие победившей секуляризации, (христианская) этика остается смысловым ядром в прозе и наших современников — того же П. У. Энквиста, Т. Линдгрена, а также ряда писателей нового поколения. Причем это не значит, что в современном шведском романе отсутствуют эксперименты с формой. Это отнюдь не так: во второй половине прошлого века шведский роман развивает псевдоисторический и псевдодокументальный жанры, а в 1990-е гг. и до наших дней активно эксплуатирует постмодернистские приемы. Однако, как правило, такой текст, неся в себе интертекстуальные, иронические, игровые и пр. признаки по форме, по содержанию не приемлет этического (исторического, социального, экологического и др.) релятивизма, что ставит под вопрос саму возможность полной постмодернистской деконструкции «на шведской почве».

Марданова Залина Акимовна,
к. ф. н., доцент, Северо-Осетинский государственный университет (Владикавказ)

Роман М. Штрерувиц «Без нее. Путевые заметки» как постмодернистский феминистский травелог

Проза современной австрийской писательницы Марлены Штрерувиц (род. 1950) во многом определяется взаимодействием поэтики «феминистского письма» с постмодернистской эстетикой. Привлечение этой двойной концептуальной рамки, в границах которой в докладе исследуется роман Штрерувиц «Без нее. Путевые заметки» (Nachwelt. Ein Reisebericht, 1999),

предполагает рассмотрение как общего вопроса о «(мез)альянсе», проблемном союзе феминизма и постмодернизма (предмета феминистских дискуссий 90-х гг. прошлого века), так и авторской формулы самопозиционирования («я пишу по-феминистски» в ситуации «постмодернистского коллективного сознания»). «Путевые заметки» в названии книги Штрерувиц (как своего рода жанровое предуведомление со стороны автора) вписывают роман в широкую традицию литературного травелога. Специфика жанровой доминанты романа Штрерувиц в докладе также рассматривается в феминистской и постмодернистской перспективе.

Надъярных Мария Фёдоровна,
к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Изобретательная «литературность» испано-американского модернизма (к проблеме метода Р. Дарио)

В 1920-е гг. П. Энрикес Уренья (вошедший в историю латиноамериканского самоосмысления как крупнейший филолог и философ культуры), размышляя об истории и современности латиноамериканской литературы, писал: «Всякое истинно великое произведение искусства создает собственную особенную выразительность, извлекает пользу из выразительных средств предшественников, но переделывает их, являя собой не сумму, но некий синтез, некое изобретение» [Henríquez Ureña, 2004: 415]. В аксиологии Уреньи (во многом восходящей к платонизму) понятие «изобретения» соотносилось с той гармонией художественной онтологии и феноменологии, которую знала Античность («Греки ясно различали *poesis* — эстетическое изобретение и *tekhne* — практическое подчинение правилу. Правило заключает в себе повторение, творчество заключает в себе изобретение» [Henríquez Ureña, 1978: 70]), с теми идеальными воплощениями художественной полноты, которые Уренья находил в Испании Золотого века и в Древней Греции. В исследовании латиноамериканских поисков такой полноты особая роль придавалась поколению, «взбунтовавшему» на рубеже веков латиноамериканскую литературу, «скандализировавшему дилетантов простым именем модернистов» [Henríquez Ureña, 2004: 405]. Действительно, в испаноамериканском модернизме особое место занимает осмысление и открытие «для-себя-латиноамериканца» литературы и искусства как неких идеальных сущностей (того, что Уренья именует «poesis») в их временных и надвременных, универсальных и национальных смыслах. В текстах эпохи это осмысление соотносится с динамикой овладения языком в его поэтической функции; со становлением новой аксиологии литературного иносказания (и со становлением новых форм фантастики, научной фантастики, нового утопического дискурса); с новыми методами построения произведений; с новыми методами (само)именования на осознаваемом в его особости языке поэзии и т. д. Это научение себя литературе сопряжено с приобщением к принципам ars inveniendi (как особой техники искусства, и как особого метода познания), хотя сама проблема художественной изобретательности принадлежит в это время скорее культурному подсознательному, чем куль-

турному сознанию и редко заявляется на открыто-идеологическом уровне. По-своему уникальным здесь оказывается метод Рубена Дарио, которому необходимо, на наш взгляд, уделять особое внимание.

Литература:

1. *Henríquez Ureña P.* Obra completa. T. V: Escritos políticos, filosóficos y sociológicos. Santo Domingo, 2004.
2. *Henríquez Ureña P.* La Utopía deAmérica. Caracas, 1978.

Новикова Светлана Юрьевна,

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Белобратов А. В., к. ф. н., доцент

Автобиографические повести Т. Бернхарда (1975–1982): пространство, время, событие

Точное воспроизведение топографии Зальцбурга на страницах автобиографической пенталогии вносит значительный вклад в создание иллюзии того, что перед читателем — подлинная летопись жизни писателя Т. Бернхарда. Однако по авторскому моделированию пространства и времени в повестях становится отчетливо видно, что повествование в них выстроено по художественным принципам. Очевидная «искусственность» в изображении пространств сближает автобиографические повести с фикциональным творчеством их автора. Определяющим оказывается слияние жизненного пути человека в его основных переломных моментах с реальным пространственным путем-дорогой, которое М. Бахтин считал неотъемлемой чертой романного повествования. Топография вовлекается в описание внутреннего мира персонажа, город предстает состоянием духа. Экзистенциальный поворот, осуществление выбора в сартровском понимании, в повестях изначально осмысляется как движение в пространстве. Описание пространств стилизуется, подчиняется литературным топосам (в частности, топосу locus terribilis — топосу «адского места»), для него оказываются свойственны резкие семантические противопоставления («центр» — «периферия», «верх» — «низ», «рай» — «ад»), присущие «антитетической» (Б. Тайзен) манере письма в романах Бернхарда. Мотив замкнутого пространства определяет изображение мест в автобиографических повестях точно так же, как и в фикциональных произведениях писателя. Работая над образом Зальцбурга, их автор намеренно создает «антитекст» к традиционному изображению города в туристической литературе. Изображаемое в повестях время определяется замкнутым пространством: обнаруживаются многочисленные приемы ретардации повествования. Время повествования, в нехарактерной для автобиографического жанра в целом манере, оказывается замкнуто: конец последней повести отсылает к началу первой, автор «возвращает» юного героя в Зальцбург, «запирает» во времени страданий, подчеркивая безысходность его положения. Замкнутые пространство и время предопределяют структуру конфликта: герой стремится освободиться, выбраться из замкнутого пространства. Движение приобретает значение ценностной категории. Семантический комплекс «бег» — «побег» — «прибежище» становится одним из определяющих для всего повествования.

Порунцов Владимир Александрович,
старший преподаватель, Государственная полярная академия (Санкт-Петербург)

Диссонансы утопии: проблема границы в новелле Ф. Ведекинда «Мине-Гага или о телесном воспитании молодых девушек»

Франк Ведекинд известен прежде всего как ненавистник буржуазной морали в отношении сексуальности. Предпринимая трансгрессивные попытки репрезентировать отличную от общепринятой модель сексуального поведения, писатель упражняется не только в герменевтике эротической сущности человеческого бытия, но и рисует идеал общества, который заведомо неосуществим в культуре fin de siècle. Полемичным является вопрос о том, представляют ли некоторые его тексты утопии в общеупотребительном для XIX–XX вв. смысле слова, т. к. не предлагают продуманной детальной социальной организации, альтернативной настоящему. Тексты-утопии Ведекинда, отличающиеся по своему стилистическому характеру от общепринятых в XIX–XX вв. утопий, являются полемичными визионерскими зарисовками, аутопойетически конструирующими культурную рамку, слабо связанную с общественным пространством.

Новелла Ведекинда «Мине-Гага или о телесном воспитании молодых девушек» (1903) может быть прочитана как утопия, как дистопия и как гротескная сатира. Такая поливалентность прочтения вытекает из самого предмета повествования: телесного существования людей женского пола. В пространстве утопического дискурса обостряется противоречивость тела как автономного субъекта, творящего новую реальность.

Основывая свою утопию на преодолении буржуазных представлений о телесности и связанной с ней сексуальности, утверждая последнюю в качестве единственного полноправного субъект-объекта современности, Ведекинд организует пространство создания новой формы существования таким образом, что, во-первых, на период воспитания возврат в антителесную, асексуальную псевдовитальность запрещен, во-вторых, присутствует иерархия и принцип избранности.

С одной стороны, в культуре модернизма телесность стоит за рамками любой репрессии, т. к. преодолевает простую необходимость, представляет собой царство естественности и свободы.

С другой стороны, это всего лишь интеллектуальная ошибка и на самом деле телесность немыслима без особых законов и правил. Новелла Ведекинда парадоксальным образом показывает и то, и другое — телесность как свобода возможна, но эта утопия осуществится через дистопическое усилие. Иными словами, от репрессии культуры человек спасается репрессией тела, противопоставленного культуре. Однако телесность формирует новую культуру и эволюционирует уже в культуре. Обойти проблему репрессивной и одновременно освобождающей сущности телесности и сексуальности невозможно.

Апория, с которой столкнулся Ведекинд, приводит к парадоксам репрессивности и санкционированности биополитики. Женщина, избавившись от гнета социальной роли, попадает в рабство «подлинной» сексуальной витальности.

Потёмина Марина Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калиниград)

Онтологические метафоры в современной немецкой литературе

Берлин как место действия многих современных романов не раз становился предметом научного интереса: немецкие исследователи Эрк Гримм [Grimm, 2001] и Фил Лангер [Langer, 2002] изучают берлинские романы в ракурсе постмодернистской концепции городского критицизма, большое значение для понимания любого современного произведения о мегаполисе также приобретают теория гетеротопии городского пространства М. Фуко [Foucault, 2005] и триалектика пространства А. Лефевра. В основу большинства (пост)модернистских концепций городского ландшафта в литературе заложена идея «взаимозаменяемости современных метрополий» [Grimm, 2001], их нереальности, моделируемости в контексте глобализации и стремительного развития новых коммуникационных и информационных технологий. Доминирующим в современной литературе о мегаполисах лейтмотивом становится напряженный конфликт между создаваемыми авторами взаимозаменяемыми картинами городов-мегаполисов и стремлением героя произведения придать пространству, с которыми связаны его воспоминания о «повседневных», частных, имеющих для него идейную ценность, событиях, неповторимые индивидуальные черты. Благодаря объединению Германии у большинства восточных и западных немецкоязычных авторов и их протагонистов появляется шанс сформировать новое художественное пространство. Преображенный Берлин становится новым центром общественно-политической и частной жизни, пристанищем для ищущих свою идентичность героев. «Берлин, — по мнению Ф. Лангера, — следует рассматривать как площадку для реализации постмодернистской политической парадигмы, как возможную и необходимую литературную утопию, сконструированную для ставшего атопическим в свете глобализации и плюрализации общества» [Langer, 2002]. Как в теории гетеротопии Фуко «другие места» (кладбища, библиотеки и т. д.) и вытесненные воображаемыми пространствами воспоминания могут стать отправной точкой для критического изучения идеологизированных пространственных концепций, так и во многих произведениях современных немецких писателей отдельные пространства, в которых находится или внезапно обнаруживает себя герой (руины, граница, больница), дают ему ключ к расшифровке города как места историко-политической рефлексии. Эти пространства неразрывно связаны с т. н. «пространством репрезентации» триалектики А. Лефевра, которое включает в себя эмоционально нагруженные образы, символы и мифы.

Литература:

1. *Foucault M.* Die Heteropien. Der utopische Körper. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2005.
2. *Grimm E.* Semiopolis. Prosa der Moderne und Nachmoderne im Zeichen der Stadt. Bielefeld: Aisthesis, 2001.
3. *Langer Ph.* Kein Ort. Überall. Die Einschreibung von «Berlin» in die deutsche Literatur. Berlin: Weidler Buchverlag, 2002.

Пресс Наталия Александровна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Г. Экелеф и шведский модернизм

1. Гуннар Экелеф — один из наиболее известных шведских поэтов, получивших известность за пределами своей родины, крупнейшая фигура скандинавского модернизма. В своем творчестве Экелеф прошел путь от юного поэта, влюбленного во французских сюрреалистов (Sent på jorden, 1932, Dedikation, 1934, Sorgen och stjärnan, 1936, Köp den blindes sång, 1938), через более зрелое, созерцательное видение мира (Färjesång, 1941), через абсурдизм и социальную иронию (Non serviam, 1945) и, наконец, на последнем этапе своего творчества обратился к восточному мистицизму, создав трилогию: «Diwan över fursten av Emghion» (1965), «Sagan om Fatumeh» (1966) и «Vägvisare till underjorden» (1967).
2. Сюрреализм — наиболее точное определение характера раннего творчества Экелефа — в Швеции широкого распространения и признания так и не получил, однако творчество Экелефа с самого начала заинтересовало и критиков, и читателей. Шведский модернизм отставал в развитии от континентально-европейского, в силу чего поэзия Экелефа представляет собой во многом явление уникальное, сочетая в себе как сюрреалистические и визионерские тенденции, так и социальную направленность.
3. Мотив сновидений и путешествий как модернистский прием и автобиографическая черта.
4. Поэтический язык Гуннара Экелефа и проблемы при переводе на русский.

Рыбина Мария Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Башкирский государственный педагогический университет (Уфа)

Инвенция у М. Пруста и французская литературная традиция

В книге «Против Сент-Бёва» М. Пруст неизменно употребляет слово *invention* и его производные *inventer*, *inventeur* там, где речь идет о литературе или литературной критике.

Восходящая к латинскому *inventio,* французская лексема появляется в первой половине XII в. и связана со следующим кругом значений: ‘находка, обнаружение чудесного, необычного’. В XII–XIII вв. во Франции появляются первые трактаты об искусстве слова, в которых нередко поэтика выступает под маской риторики.

В эпоху зрелого и позднего Ренессанса *инвенция* понимается как важная часть поэтического замысла, наряду с воображением, и приобретает значимую для французской эстетической системы характеристику: изысканность, утонченность, элегантность. Классицизм отводит ей важное место, связывая с категорией «вкуса» и подчиняя «благому вымыслу». В XVII в. во

Франции происходит оформление национального поэтического языка при непосредственном участии риторической культуры. Теоретическая мысль отводит *invention* главенствующую роль в построении текста (П. Демье, Н. Буало, Р. Рапен).

В XVIII в. «Энциклопедия» (Вольтер, Л. Де Жокур) намечает отделение риторического термина от «научного изобретения» и «поэтической находки», посвящая ораторской инвенции отдельную словарную статью. А на рубеже XVIII–XIX в. появление закона об авторском праве и понятия «патент» (brevet d'invention, январь 1791 г.) приводит к разграничению, а затем и противопоставлению «технического» и «поэтического» компонентов лексемы. В эпоху главенства риторики, когда искусство слова представляло собой разновидность τεχνη, разграничения между литературно-художественной и научно-технической сферами просто не существовало. Инвенция, пожалуй, единственный компонент риторической системы, который сохраняет положительные коннотации в эстетике романтизма.

Слово *invention* традиционно тяготеет к прозаическому корпусу текстов, причем чаще встречается в литературно-критических статьях, в чем в художественных произведениях. Эта тенденция прослеживается и в XX в. (например, у сюрреалистов).

В книге «Против Сент-Бёва», представляющей собой синтез литературной теории, критики и художественного текста, М. Пруст отталкивается от традиционной *инвенции* с ее претензией на универсальность, будь то «хороший вкус», «здравый смысл» или «романтический гений». Автор демонстрирует уязвимость этой позиции, особенно когда речь идет о литературной критике (Леметр, «изобретающий» Расина, или создатель биографического метода Сент-Бёв). Программным суждениям о литературе противостоит личная, относительная и меняющаяся «точка зрения», субъективное «открытие/изобретение» литературного текста.

Скарлыгина Елена Юрьевна,
к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Эссеистика П. Вайля и А. Гениса: постмодернистский дискурс

Третья волна эмиграции была встречена представителями двух предыдущих волн русской эмиграции весьма настороженно. Она воспринималась как «советская», и с этим определением эмигрантам третьей волны приходилось всерьез бороться. Сами они расценивали собственное мировосприятие как глубоко антисоветское и были убежденными космополитами (фигуру А. Солженицына мы в данном случае оставляем в стороне). Эмигрировав из СССР, они с интересом осваивали новое для себя социокультурное пространство США и Западной Европы. Оксюморон «У себя за границей» (название сборника эссе Зиновия Зиника, живущего в Лондоне) выражает почти универсальную модель восприятия мира младшим поколением третьей волны эмиграции. Это постоянная самоирония, связанная с понятием «русский эмигрант» и прежними «советскими» комплексами, и вместе с тем — напряженная самоидентификация

в новой, непривычной среде, непременно включающая в себя концепт «гражданин мира». В книгах эссеистики П. Вайля и А. Гениса, написанных совместно, а также в «филологическом романе» А. Гениса «Довлатов и окрестности», в очерках из его книги «Частный случай» мы имеем дело с «веселой наукой», которая преодолевает опыт советской литературной критики с помощью раскрепощенного слова и свободной постмодернистской эстетики. Для стиля соавторов-эссеистов характерна лаконичность, точность и яркая образность. Их культурологическая эссеистика тесно связана с постмодернистским дискурсом.

Стулов Юрий Викторович,
к. ф. н., доцент, Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

Пародируя историю и заглядывая в будущее: творчество И. Рида

Известный американский писатель Ишмаэл Рид сочетает в своем творчестве актуальную тематику и яркий эксперимент, переосмысливая перспективы развития современного общества. В своих крупнейших романах, особенно в романе-пародии «Побег в Канаду» и серии романов под названием «The Terribles», он подвергает сомнению традиционный взгляд на американскую историю, сочетая европейский рационализм повествования с традициями африканского устного творчества и вовлекая читателя в увлекательную интеллектуальную игру. Ключевой для него является проблема идентичности, определяемая классовыми, гендерными и социальными характеристиками.

Писатель показывает вопиющее расслоение между различными социальными группами черного населения и его деморализующий эффект на сознание людей. Его герои — бунтари-одиночки. Пытаясь обрести истинную свободу, они принимают на себя непосильный груз ответственности, которая, по мнению Рида, всегда лежит на самом человеке. Общество потребления сформировало особое отношение к жизни; моральные ценности тоже стали товаром. Именно это тревожит писателя, который наблюдает разложение морали, уничтожение связей между людьми. Образ жизни, который распространяет Америка, вызывает у него неприятие и беспокойство за судьбы мира.

Роман «Flight to Canada» представляет основные положения художественной концепции Рида. Это мощная пародия одновременно на исторический роман и рабовладельческое повествование. Писатель произвольно соединяет прошлое и настоящее, обращаясь к взрывным моментам в истории взаимоотношений белых и черных в США. Под его пером карикатурно выглядят даже такие важные фигуры в истории освобождения рабов, как Авраам Линкольн и Г. Бичер-Стоу. Он настаивает на необходимости освободиться от всяческих мифов — белых и черных, самым опасным из которых является миф о желании «невинного», не испорченного цивилизацией черного служить белому человеку. Представление афро-американцев в виде наивных и глуповатых существ, которые не могут осознать степень своего

унижения, бесчеловечно и антиисторично. Роман написан в виде виньеток, провокационных по своей сути, в исследовании проблем расизма, рабства, власти денег, мифов и стереотипов белой и черной Америки, закрепленных в общественном сознании.

Роман вступает в прямую полемику с романом Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Книга Стоу мистифицирует жизнь и взаимоотношения белых и черных; Рид демистифицирует историю, показывая индивидуализм и отчуждение как прямые продукты развития американского общества. «Поиск счастья» (знаменитый pursuit of happiness) остается игрой, в которой нет конца, и превращается в «крысиные бега», которые приносят разочарование и боль.

Хорошевская Юлия Павловна,
соискатель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Мотив жертвоприношения в романе Н. Геймана «Американские боги»

Одним из характерных признаков отражения мифа в фантастической литературе является соотнесение жизненного пути одного, достаточно индивидуализированного, героя с судьбой всего человечества и, шире, одухотворенного мироздания. От нравственного выбора героя, оценки им собственного предназначения зависит гармония одухотворенной вселенной и разрешение вечного конфликта хаоса и порядка. Фантастическая литература переосмысляет значительное количество мифологических мотивов, функции и значение которых во многом определяются архаическими архетипами. В частности, извечный конфликт космоса и хаоса предполагает не только вмешательство героев, чей моральный выбор непосредственно влияет на исход противостояния, но также и фигуру спасителя, который пожертвует собой ради блага всего человечества. Воспроизведение мотива сакрального жертвоприношения в фантастической литературе рассматривалось в ряде фундаментальных работ, например, в диссертации М. Грин «The Sacrifice of Sacrifice: The Motif of Sacrificial Death in Children's and Adolescent Fantasy», трудах В. Индика «Ancient Symbology in Fantasy Literature: A Psychological Study», Д. Л. Миллера «Dreams of the Burning Child: Sacrificial Sons and the Father's Witness», статье В. Лашкевич «Finding God(s) in Fantasylands: Religious Ideas in Fantasy Literature» и др.

В романе Нила Геймана «Американские боги» (American Gods: a novel), впервые опубликованном в 2001 г., мотив жертвоприношения связан с тремя персонажами: Одином, Тенью и Хинцельманном. И, соответственно, представлен в трех различных аспектах: жертвоприношение как предательство ради корыстной цели получения конечного сакрального блага только для одного субъекта (Один); самопожертвование во имя долга и последующая инициация героя как «царя» обновленного времени (Тень); ритуальные жертвоприношения детей божеству-покровителю ради сохранения благостного пространства (Хинцельманн).

Тень фактически является ключевой фигурой во всех практиках жертвоприношений, описанных в романе. Жертвоприношение, задуманное Одином ради собственного будущего перевоплощения, основывается на принесении в жертву сына в качестве кульминационного момента для грядущего апофеоза. Тень, совершив самопожертвование во имя долга, проходит путь умирающих и воскресающих богов, обретя возможность влиять на события как в профанном, так и сакральном пространствах. В результате чего он предотвращает спровоцированную Одином войну богов, останавливает ежегодные жертвы Хинцельманну и освобождает его от заключения в пространстве Лейксайда, равно как и сам город от его «присмотра», поскольку он считал правильным поступить именно так. Более того, он покидает пространство романа, не получив никакой явной награды за то, что считал правильным сделать.

УРАЛИСТИКА

Гайдамашко Роман Валентинович,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Чугаев Николай Валентинович,
соискатель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

К этимологии антропонимов с основами «ямыш-» и «емаш-»

Объектом исследования являются фамилии *Ямышев* и *Емашев*, зафиксированные в русском региональном рукописном памятнике «Столп приходной пыскорской денежной казны 1741 году» (Соликамский уезд Пермской губернии). Проведен сопоставительный, сравнительно-исторический и лингвогеографический анализ: прикамский материал сопоставлен с современной и исторической антропонимией и топонимией с этими и сходными основами (*Емаш-*, *Емиш-*, *Ямаш-*, *Ямуш-*, *Ямыш-* и другими) на русском, финно-угорском и тюркском фоне, что получило частичное отражение на карте; рассмотрены формальные варианты финно-угорских и тюркских антропонимов; приведена краткая сводка этимологических решений для онимов с основами *Емаш-* и *Ямыш-*. Отдельно обсуждены трактовки смешения антропонимов в прикамской рукописи.

Согласно результатам исследования, в финно-угорском языковом континууме рассматриваемая ономастика заимствована из тюркских языков, а первоначальной формой имен, от которых образованы фамилии, можно считать тюркское *Ямаш*. Русские собственные имена, в зависимости от локализации, могут быть как тюркского, так и финно-угорского происхождения (в т. ч. субстратного).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий», проект № 14-34-01279.

Зайцева Нина Григорьевна,
д. ф. н., заведующий отделом,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Карельский след в грамматике вепсского глагола (лингвогеографический аспект)

Грамматика вепсского глагола представляет собой исторически слияние трех факторов:

1) праприбалтийско-финского наследия;
2) инновационного развития вепсского языка;
3) следов различного рода контактов, которое сказывается как на построении форм, так и на их семантике и словоупотреблении.

Южновепсский диалект в этом контексте сохранил наибольшую приверженность к праприбалтийско-финскому языку-основе (наибольший интерес представляет отрицательная форма 3-го лица мн. числа имперфекта, типа eba tulend ‘(они) на пришли’, eba lugend ‘(они) не прочитали’).

Средневепсский диалект обладает инновациями, которые возникли, очевидно, в период позднего развития древневепсского языка и не получили широкого распространения во всем вепсском ареале (прежде всего, формант -koi, -goi, который знаменует отрицательные формы глаголов мн. числа: ei tulnugoi ‘(они) не пришли’, ei lugenugoi ‘(они) не прочитали’).

В северновепсском диалекте чувствуется существенное влияние карельского языка, что связано, прежде всего, с некоторыми фонетическими инновациями (рефлексы чередования ступеней согласных, переход конечных гласных звуков глагольных основ *-е-* в *-о-* (libbub ‘(он) поднимется’; teggob ‘(он) сделает’), которые явно заимствованы из карельского языка и нашли свое отражение и в построении глагольных форм.

Эти явления грамматики вепсского глагола маркируют вепсские диалектные ареалы, что наглядно проявляется на картах «Лингвистического атласа вепсского языка», работа по составлению которого ведется в настоящее время при поддержке РГНФ (проект 15-04-00063). Совокупность всех факторов, которые были избраны для сбора материала и его отражения на картах атласа, позволит в дальнейшем сформулировать выводы относительно истории развития и становления вепсских диалектных ареалов и пролить свет и на некоторые моменты этнической истории вепсского народа.

Ингл Оксана Петровна,
преподаватель, Чарльстонский университет (США)

Конструкция смысла через структуру в эрзяно-мокшанском эпосе А. М. Шаронова «Масторава»

В финно-угорской литературе России конца XX — начала XXI в. наблюдается расцвет книжных форм эпоса. Один за другим появились эрзяно-мокшанская «Масторава» (А. М. Шаронов, 1994), марийская «Югорно»

(А. Я. Спиридонов, 2002), удмуртский «Дорвыжы» (М. Г. Худяков, 2008), вепсский «Вирантаназ» (Н. Г. Зайцева, 2012), ингерманландский «Liekku» — «Колыбель» (М. Кемппинен, 2014). Чем вызвано это явление? Почему оно не наблюдается, например, среди малочисленных народов США? Ответы на эти вопросы попытаемся дать, анализируя «Масторaву» А. М. Шаронова (дополненное издание 2010 г. на русском языке). В своем анализе опираемся на исследования ученика Альберта Б. Лорда — Джона М. Фоли в его работе «Immanent Art: From Structure to Meaning in Traditional Oral Epic» («Имманентное творчество: от структуры к смыслу в традиционной эпической поэзии», 1991) и на статью Флоренс Гойе «Narrative Structure and Political Construction: The Epic at Work» («Структура повествования и политическая конструкция: эпос в работе», 2008), в которой она рассматривает в этом ракурсе «Илиаду» и несколько других классических эпосов.

Колпакова Наталия Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование русскоязычной терминосистемы описания венгерского языка (к 70-летию преподавания венгерского языка в Санкт-Петербургском государственном университете)

Преподавание венгерского языка в качестве специальности началось на кафедре финно-угорской филологии ЛГУ в 1946 г. Геополитические изменения, произошедшие в Европе в результате победы Советского Союза во Второй мировой войне, сделали актуальным преподавание венгерского языка в нашей стране в качестве специальности. Первоочередной задачей стало создание учебно-методических и лексикографических пособий по венгерскому языку. Этот процесс развивался по двум направлениям: создание отечественных пособий и перевод лингвистической литературы с венгерского. Первыми отечественными публикациями в этой области стали двуязычные словари (Венгерско-русский словарь / сост. М. Г. Кахана; под ред В. В. Рудаша. М., 1946; Русско-венгерский словарь / сост. Э. С. Хаас. М., 1947). Научно-контрольный редактор «Венгерско-русского словаря» и составитель грамматических таблиц спряжения неправильных глаголов — к. ф. н. К. Е. Майтинская, для которой венгерский язык был родным. Изначально она не была финно-угроведом и защитила кандидатскую диссертацию по германистике. Ей не удалось написать полноценный грамматический очерк о венгерском языке для словаря, а то немногое, что все же нашло здесь отражение, страдает неудачными формулировками и терминами (например, *субъективное* и *объективное* спряжение, вместо принятых позднее *субъектное/безобъектное* и *объектное* спряжение). Участие в создании «Русско-венгерского словаря» 1947 г. член-корреспондента Д. В. Бубриха отчетливо ощущается. Д. В. Бубрих специально не занимался исследованием венгерского языка, однако хорошо владел им, о чем говорят ссылки в его публикациях и докладах на венгероязычную лингвистическую литературу и ее тщательный анализ. Составленный Д. В. Бубрихом и Э. С. Хаас краткий грамматический справочник венгерского языка и та-

блицы различных грамматических форм, по сути дела, являются первым кратким научным русскоязычным описанием венгерского языка. Тщательно проработан и раздел *О пользовании словарем*, содержащий адекватно зафиксированную информацию об особенностях венгерского языка. В 1951 г. выходит перевод книги Й. Балашша «A magyar nyelv könyve» «Венгерский язык» (редакция, предисловие и примечания К. Е. Майтинской). В тексте этой книги переводчики уверенно применяют используемые Д. В. Бубрихом термины. Безусловно, классическим трудом является трехтомник К. Е. Майтинской «Венгерский язык» (Ч. 1. М., 1955; Ч. 2. М., 1959; Ч. 3. М., 1960). Однако начало формирования отечественной терминологии и системно-категориального описания венгерского языка было положено Д. В. Бубрихом в первых, ставших историей двуязычных словарях.

Костина Галина Владимировна,
к. ф. н., заведующий отделом,
Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал

Саамский фольклор как отражение этно-культурного наследия миноритарного языка в русской культуре

Основным местом жительства саамов в России и Мурманском регионе является Ловозерский район. В районе проживают более половины малочисленных народностей Севера Мурманской области — саамов и коми. Саамский язык принадлежит к тем немногим языкам малочисленных народов Севера РФ, которые не являются титульными, поскольку саамы не имеют автономии в границах Мурманской области. Основными характеристиками ситуации для саамского языка являются малочисленность этноса, отсутствие статуса титульного языка, незначительная или отставшая во времени активность языковой и образовательной политики в отношении этноса. Саамский язык — единственный миноритарный язык в регионе, что накладывает специфический отпечаток на региональную этническую и языковую политику. В начале XIX в. происходит осознание того, что малые народы со всей их самобытностью и непохожестью на русских представляют интерес не только в экономическом, но и в культурном плане. Появляется этнографическая литература о саамах, включающая географические, геологические, исторические, лингвистические сведения об аборигенах. Путешественники, литераторы, натуралисты, которые в силу различных причин оказались на Кольском Севере, попытались дать свое описание культуры саамов. В большинстве случаев сюда можно отнести очерковую, беллетризированную литературу, в которую входят путевые очерки С. В. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, В. А. Елисеева, Д. Н. Бухарова и др. В. И. Немирович-Данченко собрал богатый материал о саамских сказаниях. В сборниках докладов РГО можно найти его статью о фольклоре и этнографии саамов. Он написал много книг и статей на эту тему. Другой публикацией РГО явилась работа А. И. Ященко «Несколько слов о русской Лапландии», в которой представ-

лена информация об образе жизни, средствах существования, верованиях саамов. В России были и другие действующие научные общества, например, общество при факультете Московского университета, названное Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Одним из наиболее значительных достижений этого общества было обобщающее исследование в области изучения русских саамов «Русские лопари», сделанное Н. Н. Харузиным. Таким образом, в русской культуре посредством этнографической литературы, которая выступает в качестве проводника межэтнического взаимодействия, формируется представление о саамском фольклоре.

Лейсиё Лариса Геннадьевна,
д. ф. н., доцент, Университет Тампере (Финляндия)

Русские заимствования в городском сленге Хельсинки

История Финляндии связана с Россией. Исторические и современные связи отражаются и в языке. В 1809 г. Финляндия становится Великим княжеством Финляндским, автономной частью Российской империи. В том же году Александр I издает указ о переносе столицы из Åbo (Турку) в Гельсингфорс. В городе появляется российская армия, маркитанты, торговцы, чиновники. Российские огородники арендуют участки вблизи от города. Российские подрядчики активно принимают участие в застройке города и привозят своих рабочих-строителей. В начале XIX в. в новой столице Финляндского княжества проживало всего 4500 человек, из которых только 5% говорили на финском языке, — родным языком большинства населения был шведский (1820 г.). В течение следующих 60 лет население выросло в 10 раз. Рост населения стремительно увеличивался в процессе индустриализации благодаря переезду в город наемных рабочих из других мест Финляндии. Уже в 1870 г. среди жителей Хельсинки 57% говорили на шведском, 26% на финском, 12% на русском и 2% на немецком. Именно в это время и начал складываться городской сленг, ставшим настоящим социолектом в конце XIX в., когда на нем стали говорить дети мигрантов. Это т. н. *старый* городской сленг, датирующийся как средство общения до 1960-х гг. О нем и пойдет речь в докладе.

Хейкки Паунонен недавно закончил монографию об истории и этимологии русских заимствований в городском сленге Хельсинки (*Paunonen H.* Sloboa Stadissa. Docendo: Jyväskylä (в печати)). Мне посчастливилось редактировать ее с точки зрения русского материала. Редакторская работа послужила основой данного исследования, задающегося следующими вопросами. Какими путями приходит то или иное слово в городской сленг, напрямик из русского или через другие языки или диалекты? Каковы тенденции морфологических и фонетических преобразований слов при заимствовании? Какие социально-исторические факторы определяют появление, употребление и исчезновение заимствования? Как быть с проблемой конкурирующей мотивации, когда источник одного и того же слова можно искать и в шведском, и в русском?

Муковская Лариса Юрьевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет
Муковский Олег Леонидович,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Базовая лексика финно-угорских языков как инструмент лингвокультурологии

При написании учебника или учебного пособия по иностранному языку автор сталкивается с проблемой отбора базовой лексики и порядком введения новых лексических элементов в процессе обучения. Представляется очевидным тот факт, что базовая лексика должна несомненным образом отражать культуру и мировосприятие отдельного народа; однако для каждого конкретного языка это положение оставляет открытыми как конкретный список тематических групп, так и наполнение, состав этих тематических групп. Одной из таких универсальных тематических групп выступают имена собственные, включающие личные имена, имена исторических и культурных деятелей и важнейшие для этих языка и культуры географические названия. В эту группу также входят другие имена собственные, называющие местные учреждения культуры, образования, власти и т. п. Универсальность состоит в наличии такой группы в базовом словаре, но лексическое наполнение группы для каждого языка, естественно, отличается. Следующей бесспорной группой представляются лексемы, характеризующие местные реалии, особенности исторического развития, географического характера, культурной жизни, религии, особенности региональных различий и повседневного быта. Гораздо менее предсказуемыми в разных языках являются тематические группы, необходимые для повседневного общения, и темы, представляющие актуальные события. Частотность этих тем и их лексическое наполнение представляют значительный интерес для лингвокультурологического анализа. Другим фактором отбора лексем для базового словаря является представленность той или иной лексемы в связанных сочетаниях, устойчивых сравнениях или, например, клишированных характеристиках. Для включения лексем в базовый словарь иностранного языка существенным фактором оказывается наличие прямого лексического соответствия в языке обучения. В отдельных случаях при отборе базовой лексики могут оказаться важными и грамматические особенности иностранного языка (словообразовательные и морфологические).

Мызников Сергей Алексеевич,
д. ф. н., заведующий отделом,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

«Диалектологический атлас удмуртского языка» и его значение для этимологии и ареальной лингвистики

Российская лингвогеография имеет значительные достижения в сфере создания разнообразных лингвистических атласов по языкам различных языковых семей. К настоящему времени уже созданы региональные

лексические атласы, материалы которых относятся к Северо-Западу России — зоне интенсивных финно-угорских и севернорусских языковых контактов. С другой стороны, вышел в свет «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» (Atlas Linguarum Fennikarum — Itämerensuomalai nen kielikartasto), 1-й том — в 2004 г. (карты 1–107), 2-й — в 2007 г. (карты 108–207), 3-й — в 2010 г. (карты 208–298). С третьей стороны, имеются уже изданные тома общеязыковых и региональных атласов восточнославянских языков. Имеются также фонетические лексические атласы. Весьма важно, что по некоторым финно-угорским языкам в России планируется или уже начата работа по созданию диалектологических атласов. Однако до недавнего времени на материале пермских языков не существовало ничего подобного. Одним из таких крайне перспективных и очень важных для изучения пермских языков проектов является «Диалектологический атлас удмуртского языка», работа над которым осуществляется под руководством Р. Ш. Насибуллина. Авторы, опираясь на опыт работы по «Лингвистическому атласу Европы», впервые предлагают лингвогеографическое описание удмуртских диалектов. Карта-основа состоит из 175 населенных опорных пунктов, при том, что материалы были получены из более чем 500. При создании вопросника авторы использовали следующие вопросники: «Общеславянского лингвистического атласа», «Общекарпатского диалектологического атласа», «Лингвистического атласа Европы» и др. В целом вопросник содержит 2200 преимущественно ономасиологических вопросов. Обращение к общепризнанному мировому опыту кажется весьма оправданным. Первые 30 пробных карт, составленных им на основе анализа лексических данных, собранных более чем из 400 населенных пунктов, позволили определить наиболее приемлемое количество опорных пунктов в количестве 175 единиц. В комментариях содержатся исторические, этнографические и этимологические наблюдения и выводы, несущие в полной мере и просветительскую функцию. Карты выполнены по электронно-цифровой технологии. Диалектологические карты позволили сделать ряд важных научных открытий, в частности, установить, что линии встреч параллельных русских и тюркских заимствований дают возможность провести относительную хронологизацию русских и тюркских заимствований в удмуртском языке. Таким образом, можно констатировать, что «Диалектологический атлас удмуртского языка» является крайне важной работой для изучения удмуртских диалектов, пермских языков в целом. Этот проект можно охарактеризовать как основательный, новаторский труд, при том, что его теоретическая значимость в будущем будет только возрастать.

Нагурная Светлана Викторовна,
к. ф. н., научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Людиковское наречие карельского языка: проблемы и решения

Людиковское наречие — единственное из трех наречий карельского языка, не задействованное в активном языковом строительстве периода ревитализации. Людиковское наречие не преподается в качестве предмета

в образовательных учреждениях, основные формы его преподавания — языковые кружки и языковой лагерь.

С 2013–2014 учебного года началось преподавание людиковского наречия в форме кружка в школе села Михайловское Олонецкого района. Кружок открыт для школьников 2–4-х классов дважды в неделю. Помимо кружка дети посещают организованные в культурном центре «Людиковский дом» воскресные языковые курсы. На курсах с недавнего времени перешли к новой форме обучения — семейной, с целью воссоздания семейной языковой среды. Примером семейного «возрождения» языка стала семья руководителя этнокультурного центра «Людиковский дом» Р. Е. Копаневой.

С целью подготовки специалистов по людиковскому наречию в 2013 г. при поддержке Людиковского общества (г. Хельсинки, Финляндия) были организованы курсы. Тринадцать человек из семи населенных пунктов Республики Карелия прошли вводный курс по грамматике людиковского наречия карельского языка. Выпускница курсов приступила в 2014 г. к преподаванию людиковского для детей села Кончезеро Кондопожского района. Язык преподается по системе дополнительного образования по 6–8 академических часов в неделю.

В с. Святозеро Пряжинского района в 2014–2015 гг. создан разговорный клуб карелов-людиков. Для организации работы языкового клуба были утверждены специальная программа и тематический план учебных занятий. Наиболее активные и владеющие карельским языком обучающиеся курсов стали участниками обряда старинной карельской свадьбы, который был показан на Международном молодежном форуме финно-угорских народов. В настоящее время при школе и в детском саду с. Святозеро работают языковые кружки. Создан этнический театр «Лемби», участники которого используют родной язык не только во время постановок, но и стараются общаться по-людиковски и на репетициях.

В октябре 2015 г. состоялся научно-практический семинар, посвященный вопросам преподавания людиковского наречия. Итогом семинара стало решение о подготовке русско-людиковского разговорника, а также о поэтапном создании учебных пособий и самоучителя людиковского наречия для начинающих. Несмотря на то, что численность людиковского этноса крайне мала, язык необходимо сохранить. Условиями сохранения языка, как известно, является его функционирование в регулируемой (институциональной) и нерегулируемой сферах общения. К первой относится сфера образования, ко второй — семейная языковая среда. Развитие и поддержание обеих сфер — основные задачи в настоящее время.

Новак Ирина Петровна,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Случаи аффиксального плеоназма в карельском языке

Карельский язык, по своему происхождению и характеру, относится к агглютинативному типу языков. Процесс словоизменения в нем происходит путем механического присоединения однозначных стандартных

аффиксов к неизменяемым основам или корням. В идеале, в одной словоформе возможно наличие лишь одного словоизменительного показателя соответствующей грамматической категории [ISK, 2010: 85]. Анализ процесса образования форм множественного числа имени в тверских диалектах собственно карельского наречия (толмачевский, весьегонский и держанский диалекты) позволил выявить некоторые отступления от этого правила. Речь идет о случаях аффиксального плеоназма, т. е. случаях удвоения аффиксов одного и того же (или близко сходного) грамматического значения в пределах слова [Благова, 1968].

В анализируемых диалектах проявляется тенденция к использованию сразу двух показателей множественного числа. Речь идет об одноосновных и двухосновных именах с гласной основой на *е*, который выпадает перед показателем множественного числа *-i-*, однако за ним довольно часто выступает еще и показатель *-loi-/-löi-*. Особо ярко данная тенденция выражена в держанском диалекте, где она затрагивает также многосложные одноосновные имена на дифтонг. Например, **тлм**.: *täht'ilöillä* (адесс. мн.) от *täht'i* 'звезда' (осн. *täht'e-*), *lumiloida* (парт. мн.) от *lumi* 'снег' (гл. осн. *lume-*), *käz'ilöillä / käz'illä* (адесс. мн.) от *käz'i* 'рука'; **всг**.: *hahniloista* (элат. мн.) от *hahni* 'гусь' (осн. *hahne-*), *huol'iloista* (элат. мн.) от *huol'i* 'забота' (гл. осн. *huol'e-*); **држ**.: *olgloi* (парт. мн.) от *olg* 'солома' (осн. *olge-*), *šuappailoi* (парт. мн.) от *šuapaš* 'сапог' (осн. *šuappua-*), *kiwgailoiss* (инесс. мн.) от *kiwgu* 'печь' (осн. *kiwgua-*). Одновременное использование здесь сразу двух генетически однородных аффиксов можно объяснить аналогией с образованием форм множественного числа от одноосновных имен с основой на гласный *i*. Аналогичные случаи встречаются также и в других карельских диалектах и наречиях (например, в ливвиковском: *argiloih / argih* (илл. мн.) от *argi* 'будний день' (осн. *arge-*), *vezilöis/vezis* (инесс. мн.) от *vezi* 'вода'), что может свидетельствовать о незавершенности становления системы показателей множественности и, как следствие, грамматической избыточности, еще в древнекарельском языке.

В рамках доклада планируется также рассмотреть случаи использования удвоенного аффикса множественного числа *-i-* (*-ii-*).

Литература:

1. *Благова Г. Ф.* Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. Вып. 6. 1968. С. 81–98.
2. ISK — Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2010. C. 85.

Новикова Ярослава Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование реалистической традиции изображения войны в финской прозе XX в.

Известный финский литературовед Юхани Ниеми, обозревая отечественную литературу, выделяет семь традиций изображения войны: мифологическо-лирическая (истории о преследователях); идеалистическо-эпи-

ческая (военный героизм); документальная (личный опыт, дневниковый характер); реалистическая; модернистская (пацифизм, метафоричность); постмодернистская (пародия, критика общественных конвенций, рассеянная структура); неомифологическая («кажущийся реализм», «отсутствие пацифизма»). Реалистическая традиция представляет мейнстрим финской военной литературы: считается, что традиция началась с романа Пентти Хаанпяа (Pentti Haanpää) о Зимней войне 1939–1940 гг. «Лесная война» (Korpisota, 1940). Жанр был канонизирован и стал известен широкой публике благодаря произведению Вяйнё Линна (Väinö Linna) «Неизвестный солдат» (Tuntematon sotilas, 1954). Реалистический финский военный роман с самого начала акцентировал внимание на опыте представителей низших чинов финской армии и индивидуальном героизме.

Роман «Неизвестный солдат» стал поводом для переоценки событий Зимней войны и советско-финской войны-продолжения 1941–1944 гг. в масштабах всей страны. Главным героем романа является коллектив — взвод, представляющий всю Финляндию, ее основные диалектические и культурные зоны. Рядовые и руководство противопоставлены друг другу по принципу политического и социального разделения. Композиция романа характеризуется сюжетностью. Взвод продвигается быстро, останавливается с началом позиционной войны, отступает хаотично. В тексте присутствует приключенческий хронотоп. Что послужило литературным фоном для возникновения феномена Линна? Начало положила программа Йохана Вильгельма Снельмана (J. V. Snellman, 1806–1881), которая преследовала политическую цель и постулировала центральное место литературы в культуре. На фоне национального пробуждения в XIX в. появляются писатели, ставшие классиками национальной литературы. В 40-е гг. XX в. писатели начинают анализировать военные события и вызванный ими социальный слом, происходит крах восторженного изображения действительности, свойственного 20–30-м гг. XX в. Можно выделить следующие коды 40-х гг. XX в.: культ смерти, уход от реальности, отрицание поражения, кризис национальной идентичности. С выходом романа Линна «Неизвестный солдат» словно открылись шлюзы для потока военной литературы. Все изображения войны в финской литературе располагаются теперь на оси до и после «Неизвестного солдата».

Пеллинен Наталия Александровна,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Обращение к ребенку в карельской семье: ареальные различия

Картина мира детства у карелов рассматривается с позиций этнолингвистики, комплексной дисциплины на стыке языкознания, мифологии, фольклористики, этнографии. Для семантической реконструкции и истолкования интересных примеров, характеризующих картину мира детства у карелов, рассмотрены обращения к ребенку из разных диалектов карельского языка.

По материалам словарей, полевым, архивным и опубликованным источникам было выявлено около 50 относящихся к миру детства лексем-обращений к ребенку. В задачи исследования входило систематизировать этот материал по лексико-семантическим полям и лексико-семантическим группам и проанализировать его с позиций московской школы этнолингвистики для выявления лексических доминант картины мира детства у карелов. Была рассмотрена не только семантически нейтральная лексика (термины родства и лексемы, характеризующие ребенка по психо-физиологическому развитию (например, kätytniekka ‘зыбочник’), но также эмоционально окрашенные обращения к ребенку (kullanmuruni ‘золотце’). Часть лексем распространена во всех диалектах карельского языка (например, nännilapši ‘грудничок’), другие зафиксированы лишь в пределах отдельных диалектных групп (например, в тверских говорах: miäššu ‘пупсик’ < *рус.* мя́систый). В докладе внимание уделяется также образу незаконнорожденного ребенка.

Сделаны предположения о причинах и способах заимствования лексем из русского языка и отсутствия некоторых прибалтийско-финских по происхождению обращений к ребенку в отдельных диалектных ареалах. При анализе лексики мира детства привлекаются фразеологические единицы, образцы речи, фольклорные тексты.

Пилипенко Глеб Петрович,
к. ф. н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Функционирование географических названий в речи воеводинских венгров

В докладе анализируется функционирование географических названий в странах бывшей Югославии и в автономном крае Воеводина, встречающихся в речи воеводинских венгров. Материал был собран в ходе экспедиций в Сербию с 2012 по 2015 гг. Мы будем разделять два явления: функционирование географических названий, заимствованных из сербского языка, и употребление падежей, обозначающих движение к месту, движение от места, местонахождение. Исторически сложилось, что многие населенные пункты в Воеводине имеют варианты названий на сербском, венгерском, а также — до окончания Второй мировой войны — на немецком языке. Географические названия могут совпадать в сербском и венгерском языках при минимальных отличиях, свойственных фонетической системе каждого из языков (например долготы в венгерском): серб. *Kula* — венгр. *Kúla*; серб. *Ada* — венгр. *Ada*; серб. *Apatin* — венгр. *Apatin.* Названия часто отличаются составом согласных в исходной основе: серб. *Senta* — венгр. *Zenta*; серб. *Đurđin* — венгр. *Györgyén.* Географические названия могут являться кальками: серб. *Mala Bosna* — венгр. *Kisbosznia.* Существует большое количество географических названий, имеющих разную мотивационную основу номинации в сербском и венгерском языках: серб. *Stara Moravica* — венгр. *Bácskossuthfalva.* В речи воеводинских венгров, как показал анализ нарративов, сербские названия населенных пунктов функционируют параллельно с венгерскими. Подавляющее большинство названий населенных пунктов

используется с падежными окончаниями суперессив (*-n*), сублатив (*-ra/-re*) и делатив (*-ról/-ről*): ***Pancsová-n*** *voltam,* ***Martonos-o-n*** *vannak …* ***Szabadká-n,*** *vagy* ***Palics-o-n***. С сербскими названиями также используются падежные окончания суперессив (*-n*), сублатив (*-ra/-re*) и делатив (*-ról/-ről*): *akkor mind jönnek* ***Debelács-ről,*** *Szekélykevéről,* ***Ivanovó-ról,*** *Muzslyáról.* Однако нами зафиксированы и отступления от этой закономерности, когда с сербскими названиями (иногда и с венгерскими названиями) населенных пунктов употребляются падежи: инессив (*-ban/-ben*) иллатив (*-ba/-be*) и элатив (*-ból/-ből*).

Родионова Александра Павловна,
к. ф. н., научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Kodinno, kodillo(o), kodilluo: о влиянии вепсского компонента на людиковское наречие карельского языка

Послеложными падежами называют падежи позднейшего образования, форманты которых возникли из слияния окончания старой падежной формы (чаще всего формы генитива, партитива, местных падежей) с редуцированным послелогом, данные падежи свойственны, прежде всего, людиковскому и ливвиковскому наречиям карельского языка, и возникли в этих наречиях в результате влияния вепсского языка. О слиянии послелога с формой имени и о превращении его в часть падежного форманта свидетельствуют следующие критерии:

1) фонетические: полная утрата ударения, полная утрата паузы, ассимиляция, гармония гласных, редукция послелога;
2) морфологические: новые падежные окончания входят в парадигматический ряд каждого слова;
3) синтаксические: в отличие от послелога, невозможно употребление нового форманта в функции наречия; возникает также частичное или полное согласование определения с определяемым словом; постоянное употребление нового форманта у однородных членов предложения и т. д.

В качестве примера может выступать падеж аппроксиматив, который восходит к слиянию послелога luo с генитивной формой имени существительного на -n: -n + -luo (-lyö) = -lluo (-llyö), и активно используется в речи информантами-людиками. Следует подчеркнуть, что в разных говорах людиковского наречия этот падеж оформлен по-разному: носителями михайловского говора в качеве падежного окончания аппроксиматива используется *-nno* (kodi*nno* ‘у дома’, ср. вепс. (tuli) minu*nno* ‘(пришли) *ко* мне’, что указывает на влияние вепсского компонента в южных говорах людиковского наречия; жителями святозерского говора *-llo(o)*: kodi*llo(o),* пряжинского и кондопожских говоров *-lluo*: kodi*lluo* (ср. ливв. kodi*lluo*).

«Диалектологический атлас карельского языка» проблему послеложных падежей не отражал. Формы послелога типа luoda ‘от’, luo ‘к’ со следами падежного оформления и без падежного оформления авторами атласа были рассмотрены. Так, в говорах карельского языка послелог luo ‘к’ со следами

падежного оформления выступает в формах: luoksi, luokši, luoh, luoho, luste, без падежного оформления: luo, lüö, loo, luh, no, nu, lo, lu. Послелог luoda также оформлен по-разному: luoda, luota, luolta, luonda, luo, lüö, loo (+päi), nu, no, lu (+päi). В Атласе людиковское наречие представлено 21 населенным пунктом, которые расположены в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах Республики Карелия, и на людиковской территории имеет оформление: -no, -nu, -lo, -lu, -luo, -lüö, -loo, что подтверждает формирование на этой территории падежа аппроксиматива, который по своему оформлению напоминает аппроксиматив 1, свойственный северновепсскому диалекту.

Сувиженко Леонид Иванович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Карамзин продолжает свое путешествие по Европе (к выходу перевода «Писем русского путешественника» в Венгрии)

В 1789–1790 гг. Н. М. Карамзин совершил поездку по ряду стран Европы, в ходе которой не только обозревал достопримечательности, но и общался со многими знаменитыми современниками (в частности, с Кантом, Гердером, Лафатером и др.). Итогом этой поездки стали опубликованные в 1791–1792 гг. его «Письма русского путешественника». Уже в 1800 г. в Лейпциге появился первый перевод; целью нашего исследования является оценка одного из последних, который был сделан в Венгрии Иваном Хорватом. Ему принадлежит заслуга издания в 2011 г. всего творческого наследия А. Фатеева: «От Вилагоша — до Крыма (Из воспоминаний одного гусарского офицера, русского друга венгров)». В 2012 г. он перевел роман А. Аствацатурова «Люди в голом». В последующие годы И. Хорват трудился над переводом «Писем...», которые напечатаны в год празднования 250-летия Н. М. Карамзина. Книгу открывает «Предисловие» Агнеш Дуккон, где представлено творчество русского писателя. Источником перевода являются изданные в 1984 г. в Ленинграде «Письма русского путешественника». В отличие от оригинала перевод открывается эпиграфом, который фигурировал в изданиях 1814 и 1820 гг. и «Предисловием» из издания 1793 г. Редакция также упразднила принятое с 1803 г. деление на 4 части, поясняя это единством повествования, что может вызвать критику специалистов. Некоторые подстрочные примечания автора на иностранных языках включены в текст. С целью стилистически сблизить оригинал и перевод отмечено несколько случаев «мадьяризации» текста: в скобках приводится венгерский вариант словосочетания или выражения. Издание снабжено «Примечаниями», основанными на толкованиях Лотмана из академического издания произведения. Что касается трудностей перевода, то Хорвату, несомненно, было не просто найти соответствия устаревшей лексике, утраченным реалиям или воспроизвести, например, такие фразы: «Потомство справедливо чтит урну с пеплом песнопевца, которого музы себе посвятили...» (письмо № 58); «Ложи, паркет, раёк — все было заполнено людьми» (письмо № 89). Эти и подобные случаи будут проанализированы в докладе, который позволит по достоинству оценить труд переводчика и редакционной коллегии.

Шагал Ксения Андреевна,
докторант, Хельсинкский университет (Финляндия)

Об ориентации причастий в уральских языках

В настоящем докладе рассматриваются различные типы причастной ориентации, представленные в уральской языковой семье, а также возможные механизмы их формирования. Понятие ориентации применительно к причастиям было введено М. Хаспельматом и используется для описания отношений между причастием и модифицируемым им именем как участником ситуации, выраженной в относительном причастном обороте. Так, например, активные причастия ориентированы на субъект ситуации (*девочка, читающая книгу = девочка, которая читает книгу*), в то время как пассивные — на прямое дополнение (*книга, читаемая девочкой = книга, которую девочка читает*). Уральская языковая семья в отношении причастной ориентации представляет собой крайне интересную генеалогическую общность. Западные уральские языки, такие как финский и венгерский, на протяжении многих веков находились в контакте с индоевропейскими языками, прежде всего балтийскими, славянскими и германскими. В результате системы причастий в этих языках соответствуют среднеевропейскому стандарту.

С другой стороны, восточные уральские языки, например луговой марийский и хантыйский, контактировавшие с тюркскими и енисейскими языками, используют причастные формы, которые могут быть ориентированы и на периферийных участников ситуации, что является яркой ареальной чертой сибирских языков, см. [Pakendorf, 2012]. Языковые контакты, однако, не являются единственным фактором, повлиявшим на формирование ориентации причастий в уральских языках. Анализ материала показывает, что имеют значение также темпоральные характеристики причастий, набор функций, в которых то или иное причастие может выступать, а также наличие в языке финитных относительных предложений.

В докладе используются данные девяти уральских языков: тундрового ненецкого, венгерского, хантыйского, лугового марийского, коми-зырянского, удмуртского, эрзянского, финского и северносаамского. Материалом для исследования послужили грамматики отдельных языков, статьи, посвященные уральским причастиям, и данные, полученные от носителей венгерского, финского и эрзянского языков.

Шишкина Татьяна Альбертовна,
старший преподаватель, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

Использование опыта работы переводчика в подготовке юристов-международников

Анализ работы на основании адвокатского запроса представляет профессиональный интерес как для переводчика, так и преподавателя языка и перевода для дальнейшего использования опыта на спецсеминаре «Перевод юридических документов: вызовы и угрозы». Эта работа предполагает проведение изучения представленных документов для разъяснения поставленных адвокатом вопросов.

Перед специалистом были поставлены следующие вопросы:

1) разъяснить, является ли перевод на русский язык с финского языка подписанного сторонами документа «Muistio neuvottelusta», выполненного переводчиком XX, правильным, корректным и полностью идентичным;
2) привести правильный, корректный и полностью идентичный перевод документа «Muistio neuvottelusta»;
3) разъяснить, следует ли из финского текста документа в целом и фразы «Sovittin, että ositus suoritetaan sopimusosituksena ja ettei asiaan tarvita pesänjakajaa» в частности, что для закрепления достигнутых договоренностей Стороны должны заключить иной (основной) договор.

В распоряжение специалиста представлены:

1) копия финского текста документа «Muistio neuvottelusta»;
2) русский перевод документа «Muistio neuvottelusta», исполненный переводчиком XX.

Подоплека этой работы заключалась в том, что некорректный, по мнению адвоката, перевод привел к судебному разбирательству, которого можно было избежать или разрешить спор с помощью медиации.

Документ, перевод которого предстояло оценить, был выполнен финским переводчиком XX и являлся меморандумом переговоров, проведенных в Адвокатском бюро YY в Финляндии.

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

1. Форма представленного для экспертной оценки документа по своему содержанию в наибольшей степени соответствует определению «меморандум». Перевод этого документа как «протокол» можно считать неидентичным.
2. Перевод фразы «Sovittiin, että ositus suoritetaan sopimusosituksena ja ettei asiaan tarvita pesänjakajaa» выполнен формально, что у лиц, не владеющих или недостаточно владеющих финским языком и особенностями юридических понятий и терминов, может вызвать не только амбивалентность в понимании, но и неверное понимание всей фразы, которая является одной из основополагающих в данном документе.
3. Из финского текста документа не следует, что для закрепления достигнутых договоренностей Стороны должны заключить иной (основной) договор.
4. Небрежность при составлении документа осложняет работу переводчика, в частности, при переводе некоторых реалий.

В результате сотрудничества адвокатского бюро и переводчика процесс был выигран.

Якименко Оксана Аркадьевна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Венгерские переводы «Евгения Онегина» и современный венгерский роман в стихах

У современного русского читателя роман в стихах прочно ассоциируется с литературой XIX в., однако этот жанр переживает сегодня неожиданный ренессанс в венгерской литературе. Автор уже нескольких романов в стихах,

в т. ч. и набирающего все большую популярность «Самого малого ледникового периода» писатель Янош Тереи указывает на «Евгения Онегина» как на главный ориентир жанра. Каким образом многочисленные переводы пушкинского романа на венгерский язык повлияли на развитие жанра в Венгрии в начале XXI в.? Какие особенности приобретает роман в стихах сегодня? Какие свойства композиции, хронотопа и системы персонажей его характеризуют? Возможно ли появление нового русского стихотворного романа, или «роману в стихах у нас повезло один-единственный раз» (М. Амелин)? Можно ли предположить, что отсутствие практики перевода подобных текстов на русский язык (при наличии оригинального образца) некоторым образом затормозило развитие жанра в русской литературе? Какие перспективы открываются перед этим жанром в венгерской и других литературах (Сет, Бетчеман, Уолкотт и др.)? На эти и другие вопросы ищет ответы автор доклада.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И АНТРОПОЛОГИИ. ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЕРНШТАМ

Бутовская Станислава Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Семенова Антонина Сергеевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Образы севернорусских песенниц и сказительниц по материалам экспедиций на Мезень XX в.

В академических изданиях фольклорные тексты представлены как «памятники»: они паспортизованы и снабжены подробными комментариями. При этом составители, как правило, ограничиваются указанием имени и возраста исполнителей. В результате мы практически ничего не знаем о конкретных людях, от которых сделаны записи.

Мы полагаем, что фольклорные тексты следует изучать в связи с людьми, их произносящими. В этом мы ориентируемся в частности на Т. А. Бернштам, для которой «проблема человека» была ключевой [Бернштам, 1993].

В докладе речь пойдет об исполнителях песен и былин. В качестве материала были избраны записи, сделанные в ходе экспедиций на Мезень XX в. Поскольку в основном песни и былины записывались на этой территории от женщин, предметом нашего исследования стали женские образы, созданные собирателями в полевых дневниках и публикациях.

Систематически сведения об исполнителях стали фиксировать участники экспедиций на Русский Север, предпринятых Государственным институтом истории искусств в конце 1920-х гг. Они составляли краткие биографические очерки, в которых описывали исполнителей по следующим параметрам: имя, возраст, семейное положение, уровень грамотности,

материальный достаток, внешность, род занятий, репутация, мастерство, жанровая компетенция, личные качества. Обычно таких характеристик удостаивались исполнители с обширным репертуаром и хорошими вокальными данными. Эти сведения за редкими исключениями оставались за рамками публикаций.

Литература:

Бернштам Т. А. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры (теория и практика этнографических исследований). Киев, 1993.

Веселова Инна Сергеевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Игра в прятки: визуальный инструментарий, эмоциональный опыт и этос

Почти 90 лет назад П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон определили фольклор как особую форму творчества. Но фольклор является и формой «общего знания», которое находит выражение не только в вербальных формах, но и в символических действиях и артефактах. Фольклор предоставляет человеку стереотипизированные способы «творить», знать и помнить, но что еще более важно: действовать и чувствовать в мире. В докладе представлены результаты исследования игры в прятки как символического научения режимам «видимости» и «невидимости», а также связанных с визуальным восприятием эмоций. Работа всех органов чувств и само восприятие «реальности» культурно детерминированы. Маршал Маклюэн утверждает, что в зависимости от типа культуры, письменной или устной, люди научаются по-разному распознавать визуальные стимулы, видеть или не видеть определенные объекты. Сам режим «видения» и «не-видения» оказывается культурно задан. Меня интересует, как происходит культурное освоение «элементарных» визуальных навыков, обозначаемых глаголами **«скрыться»**, **«спрятаться»**, **«найти»**, **«обнаружить»**, а также переживаний этих визуальных впечатлений. Имеющиеся в моем распоряжении интервью с более чем двадцатью собеседниками 20–70 лет из разных регионов нашей страны показывают, что освоение пространства игры тренирует работу каналов зрительного восприятия, эмоциональные, когнитивные и этические компетенции. Прежде всего, для успешности в игре, игроку нужно овладеть сложным ***визуальным инструментарием***. Ему нужно учиться устанавливать визуальный контакт, соизмерять и масштабировать пространство (определять объекты по характеристикам «ближе — дальше», «больше — меньше»), сканировать происходящие изменения. Ценными визуальными навыками становятся способности децентрировать свою точку зрения и моделировать точку зрения антагониста, дабы прогнозировать его поведение. Также игроку предоставляется широкое поле для ***эмоционального*** тренинга. Необходимым навыком в игре оказывается преодоление страха неизведанного, которое позволяет получить игровое преимущество. В индивидуальный эмоциональный опыт игры входят страх и бесстрашие, смелость и ощущение безопасности.

Поскольку пространство игры приспосабливается и изучается детьми в «пространстве мира взрослых», то вместе с «картой местности» им достаются и ***этические*** нормы. В пределах заданного диапазона каждый из игроков отмеряет приемлемое для себя соотношение послушания и риска. В зависимости от контекста каждому приходится принимать решение, помогать ли слабому, обманывать или следовать принципам fair play.

Голубева Любовь Викторовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Пологи, занавески, задергашки: к вопросу о границах интимного

Занавеска (или штора) — общее наименование бытовых функционально-декоративных оконных занавесей из тканевых материалов. **Штора** в частном случае — оконная занавесь, раздвигаемая в стороны или поднимаемая вверх. История возникновения штор уходит еще в Древний Египет. Однако в деревенском обиходе такая деталь интерьера, как оконная занавеска (задергашка) представляет собой позднее явление. Так, первые шторки на окнах домов появились только в начале XX в., и только в послевоенное время стали повсеместны. Более известными и старшими по происхождению являются внутренние занавески, т. н. пологи. В словаре Вл. Даля находим: ПОЛОГ, -а,м. Занавеска, закрывающая, загораживающая кровать, колыбель, а также (устар.) вообще занавеска. Оба вида занавесок обладают не только утилитарной, но и рядом символических функций. Внутри деревенского сообщества они создают определенную коммуникацию. Открытые/закрытые шторки — это не просто открытые и закрытые шторки. Эти коммуникативные значения зачастую остаются закрытыми и не очевидными для приезжих из города собирателей. Также занавески отвечают за границы интимности. Ответственным за сохранения интимной сферы в различных контекстах остается не тот, кому есть что скрывать или показать другому, а тот, кто смотрит. Нарушителем всегда окажется увидевший. Материалом для доклада послужили записи фольклорного архива СПбГУ (более 200 контектстов), сделанных на территории Архангельской и Вологодской областей в период с 1980-х по 2015 г.

Добровольская Варвара Евгеньевна,
к. ф. н., ведущий научный сотрудник,
Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва)

Обряды «встречи весны» в Алексеевском районе Волгоградской области

В станицах Алексеевской и Усть-Бузулукской, хуторах Яменский и Стеженский Алексеевского района Волгоградской области на протяжении нескольких недель марта совершались обряды *закликания* или *встречи* весны. Необходимо отметить, что обряды, связанные с *закликанием* весны, совершались не одномоментно, а были растянутыми во времени. Днями,

маркирующими начало весны, в народном календаре данных территорий был дни святой Евдокии, Сорока Севастийских мучеников и Алексея, человека божьего, и Благовещенье. Каждая из четырех рассматриваемых дат в сознании носителей традиции ассоциируется с началом весны, более того, в данном регионе они осознаются как единый период, называемый *вешние праздники*. Считается, что именно эти дни являются началом нового сезона. Они выстраиваются в некий ряд, который характеризует постепенное потепление и то, что местные жители называют *«становление весны»*. В то же время каждый из праздников обеспечен самостоятельным комплексом примет и обрядовых действий, связанных со встречей весны. Кликать весну начинали со дня святой Евдокии, а датой окончания этих обрядовых действий считалось Благовещенье, после которого кликать весну строго запрещалось. Наши исполнители употребляют несколько терминов, связанных с обозначением ритуальных действий этого периода: *«весну кликать»*, *«весну закликать»*, *«весну встречать»*, *«встреча весны»* и производные от них. Надо отметить, что закликание весны на данной территории может представлять собой самостоятельное действие, когда участники обрядового действия исполняют особые песни-заклички. В то же время может происходить соединение собственно закликания с другим обрядом — киданием жаворонков. Надо отметить, что и в том, и в другом случае участниками обрядовых действий были дети. Детские игры с жаворонками привели к сближению обрядовых действий с орнитоморфным печеньем и ритуальных действий, связанных с закликанием весны, которые изначально не были принадлежностью детского репертуара. Весну кликали девушки и женщины, а действия с жаворонками совершали дети. Иногда эти действия были разнесены и во времени. Обрядовые действия в дни святой Евдокии, Сорока Севастийских мучеников и святого Алексея являются важными временными вехами в ритуалах, связанных с встречей и закликанием весны. Они маркировали таянье снегов, прилет птиц, активизацию животных, начало нового цикла сельскохозяйственных работ. В настоящее время большинство исполнителей помнят все эти календарные даты, однако обрядовые действия, связанные с ними, сохранились лишь в памяти наиболее пожилых исполнителей. Большей актуальностью и сохранностью обрядовых элементов отличается день Сорока Севастийских мучеников. Это закономерно, поскольку с ним связано устойчивое ритуальное действие (выпекание обрядового печенья — жаворонков).

Куприянова Софья Олеговна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Практика убаюкивания в современной городской культуре

В докладе рассматривается ситуация убаюкивания на материале интервью, записанных в 2008–2015 гг. в Санкт-Петербурге. Меня интересовало, в чьей компетенции находится уход за ребенком, какие тексты исполняются в качестве колыбельных, также были заданы вопросы относительно саморефлексии информантов над актом убаюкивания.

Колыбельная песня тесно связана с «домашней» деревенской практикой ухода за ребенком. Однако, начиная с конца XIX в., практика подвергается изменениям, связанным с развитием медицины. С приходом советской власти приватная сфера материнства оказывается в компетенции государства, а не семьи. М. Мосс в статье «Техники тела» показал, что мы воспринимаем как естественно существующее то, что на самом деле является культурным стереотипом [Мосс, 1996: 242–263]. Телесные привычки, сформированные в раннем возрасте, оказывают влияние на последующую жизнь [Эриксон, 2000: 127]. Вопрос о том, укачивать или не укачивать ребенка появляется в повседневной практике после советских нововведений. Городская практика убаюкивания и исполнения колыбельной имеет свои корни в деревенской традиции. Несмотря на негласный свод правил о том, как нужно укладывать ребенка спать, тем не менее используются те способы, которые «работают» [Де Серто, 2013]. Так женщина, осознанно старавшаяся не укачивать, все равно прибегает к качанию, чтобы успокоить ребенка.

Исполнение колыбельной — комплексное действие, в котором важным оказываются не только выбор того или иного текста, а также пластическое действие, ритмизованная речь, использование определенных напевов, интонация. Вместе с текстами, которые исполняются в ситуации убаюкивания, воспроизводятся и телесные привычки [Бурдье, 2001].

Комментируя то, как исполнение колыбельной влияет на их состояние, информанты приводят следующие объяснения. Выбор того или иного текста обусловлен необходимостью изменить собственное внутреннее состояние. Только успокоив себя, можно успокоить ребенка. Представляется, что, современная жизнь и активное использование жанра колыбельной связано в т. ч. и с его функцией: работой, посредством определенных стратегий (укачивание, исполнение колыбельной), существующих в культуре, с собственным внутренним состоянием. Подобное определение ситуации убаюкивания позволяет по-иному взглянуть на колыбельную, как особый речевой жанр.

Литература:

1. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001.
2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
3. *Де Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.
4. *Мосс М.* Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социал. антропологии. М., 1996.
5. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 2000.

Лавренчук Светлана Юрьевна,
специалист, Санкт-Петербургский государственный университет

Представления об успешности и идеальном партнере женщин трех поколений

В рамках диссертационного исследования «Межпоколенная трансляция и изменение жизненных моделей у женщин» был проведен опрос с использованием авторского опросника по выявлению представлений об

успешности и идеальном партнере женщин трех поколений, состоящих в прямом родстве. При этом изучение представлений личности происходило одновременно в двух аспектах — как представителя одного из поколений в рамках своей семьи и в то же время представителя одного из поколений более крупной социальной формации, общества в целом. Наиболее значимыми **различиями** характеризуются представления об успешности женщин младшего и старшего поколений, наименьшими — среднего и младшего. Наиболее показательным представляется уменьшение значимости от старшего к младшему поколению таких характеристик успешности (как семейной и профессиональной жизни, так и жизни в целом), как *«окружающие считают ее успешной»*, *«она не хуже, чем у других»*, *«оправдываются ожидания и представления других по отношению к твоей жизни»* и рост значимости таких характеристик, как *«есть чувство, что она успешная»*, *«достигаются собственные цели»*, *«сбываются собственные мечты и ожидания»*, таким образом, происходит сдвиг оценки успешности с «внешних», групповых ориентиров на внутренние, личностные. Для среднего и младшего поколений женщин по сравнению со старшим поколением как характеристики успешной жизни значимо более важны *«согласие с собой»* и *«получение удовольствия»*. В качестве непременного условия успешной жизни от старшего к младшему поколению женщин возрастает актуальность наличия *друзей, любви, карьеры, любимого дела*. Если для младшего поколения одной из главных характеристик ***успешной женщины*** является ее *самодостаточность*, для среднего — *востребованность*, наиболее высокую значимость для старшего поколения имеют характеристики *зрелая, здоровая, замужняя, ведущая хозяйство*, что, на наш взгляд, является не столько отражением возрастных особенностей респонденток, а также роли и положения каждого из поколений в семье и социуме в целом, сколько изменения социокультурной реальности и, вследствие этого, гендерных стереотипов и представлений. Старшее поколение женщин отличается от двух других поколений по выраженности таких характеристик успешной профессиональной жизни, как наличие *хорошего коллектива и начальника, работы по специальности, отсутствия свободного времени, большого стажа работы на одном рабочем месте* (как и *большого стажа жизни в браке*); младшее — наличие *карьерного роста и собственного дела,* что может быть рассмотрено, в первую очередь, как отражение социальных изменений, происходящих в несколько этапов. Наиболее значимыми различиями характеризуются ***представления об идеальном партнере*** младшего и старшего поколений, наименьшем — среднего и младшего.

Мариничева Юлия Юрьевна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Деревенский сенокос: движение и коллективное тело

В философской науке в вопросе о взаимоотношении телесного и ментального можно выделить три основных подхода. Первый заключается в противопоставлении телесного и ментального как двух противоположных

начал. Второй характеризуется тем, что для понимания природы ментального необходимо изучение или хотя бы учет телесного. Оба подхода предполагают обязательное разделение телесного и ментального, причем акцент делается именно на ментальном. Телесное же является вторичным. Наконец, третий подход ознаменовывает собой новый уровень понимания природы ментального. Телесное и есть ментальное, «телесное и ментальное на некоем глубинном уровне — это одно и то же, и то, что нам известно как ум и тело, — просто разные формы манифестации единого общего качества жизненности: свойства быть живым, — только такое понимание подводит нас к осмыслению того, какова же подлинная значимость изучения природы телесного для достижения адекватного понимания и самого человека, и его познавательной способности» [Бескова, Князева, Бескова, 2011: 12–13]. Важным оказывается то, что телесное не просто внешняя оболочка ментального, но форма его воплощения. Тело неотделимо от мысли, оно есть форма мысли. Как отмечает И. Сироткина «кроме понятия мышления существует так же мышление в движениях, «мышечное мышление». Базой его служит тактильно-кинестетическая чувствительность, сопровождающая любую физическую активность человека» [Сироткина, 2014: 11].

Вслед за К. В. Чистовым, я исхожу из того, что фольклорные формы являются особым типом устной коммуникации, в которой задействованы различные каналы ее порождения и восприятия: произнесение фольклорного текста сопровождается пластическими действиями, мимикой и жестами. Как особый тип коммуникации фольклорные формы включают и вербальную, и телесную составляющие. Как ни странно, но в фольклористике эта последняя — телесная — составляющая исследована в меньшей степени. В ежегодных фольклорно-антропологических экспедициях на Русский Север мы наблюдаем и спрашиваем наших собеседников о телесных практиках, которые актуализируются в повседневной жизни современной деревни. Одной из таких практик оказывается деревенский сенокос, предполагающий коллективное движение и коллективную память его участников.

Литература:

1. *Бескова И. А., Князева Е. Н., Бескова Д. А.* Природа и образы телесности. М., 2011.
2. *Сироткина И.* Шестое чувство авангарда. Танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб., 2014.

Михайлова Марина Валентиновна,
д. филос. н., профессор,
Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург)

Чем закусывать святую воду: к феноменологии современного религиозного опыта

Праздник Крещения Господня сегодня собирает в храмы наибольшее число верующих и активно освещается СМИ. По значимости в народном благочестии с ним сравнимы только Вербное воскресенье и освящение пасхальной еды в Великую Субботу. При этом богатство значений, присущих

вспоминаемому евангельскому событию и хранимых церковной традицией, остается вне поля интереса современника, считающего себя христианином. Для него не актуальны богословие просвещения, прозрачности мира для божественного действия, несокрытости Присутствия, равно как и поэтика хвалы, возносимой тварью к Творцу. В центре его внимания — крещенская вода, и важнейшим моментом праздника становится не Литургия, где совершается богообщение, а водосвятный молебен, после которого получают магический продукт. Предел этой тенденции — рекомендации, как освятить воду в домашних условиях. Смысл Богоявления видится в возможности совершать практически-магические действия со святой водой. Крещенская вода при этом утрачивает свое символическое значение материального знака божественного Присутствия и становится магической субстанцией, обладающей силой при правильном использовании. Тексты популярных изданий и Интернета, посвященные крещенской воде, совмещают в себе черты магического и естественнонаучного дискурса. С одной стороны, они информируют о правилах ее использования (извлечения пользы, достижения с ее помощью практических целей), с другой — представляют научные доказательства ее чудесных свойств. Рассмотрение крещенской воды как прагмемы раскрывает некоторые существенные черты антропоса в состоянии «закрытости измерения священного» (М. Хайдеггер). Мы наблюдаем предпочтение нуминозного священному. Священное в христианском его понимании пространства свободы, встречи с Богом, отказа от рабства «вещественным началам мира» (Гал. 4:1) оказывается выбором немногих, тогда как народное благочестие вдохновляется представлением о мощной непостижимой силе, производящей действие «объективно», вне зависимости от воли и желания индивида. Представляется, что и само нуминозное трансформируется: мистериальный момент переживания «совершенно Иного» (Р. Отто) замещается в нем верой в объяснительную способность науки, выступающей как новая магия: что объяснено, то можно использовать. В то же время крещенская вода выступает и как мифологема в ряду образов, форматирующих постмодернити как «Новое Средневековье». Исключенная из целостного смыслового пространства христианского мифа, она становится фрагментом, который можно использовать для конструирования картин мира, бесконечно далеких от исходного нарратива. При этом она сохраняет обаяние традиционности и природности, что повышает ее эффективность для манипулирования массовым сознанием.

Носов Дмитрий Алексеевич,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Общее и особенное в монгольских этиологических рассказах

Среди монгольских народов, проживающих на территории Монголии, России и Китая, широкое распространение получили тексты с жанровым обозначением «легенды-сказки». Под этим названием скрываются этиологические рассказы, популярные во многих странах мира. Они аккуму-

лируют различные представления о возникновении природы и общества. Эти представления могут носить как шуточный, так и серьезный характер.

На основе рассмотрения двух сюжетов, которые фиксировались собирателями во второй половине XIX — первой трети XX в. у всех монгольских народов, мы можем показать, какие представления являются общими для них, а какие возникают под влиянием локального контекста.

Многочисленные истории о том, как прекратился обычай убивать стариков (сюжет ATU981), принимают различные формы в зависимости от этнической и религиозной среды бытования. Но во всех рассмотренных в докладе случаях старики представлены как носители мудрости.

Истории о том, как ласточка обманула насекомое, пытавшееся уничтожить людей, записывали и в Калмыкии, и во Внутренней Монголии (КНР). Иногда в качестве антагониста может выступать шмель, иногда — комар, но представление о том, что ласточка является защитником людей, является общим для всех монгольских народов.

Большинство «легенд-сказок», опубликованных к настоящему времени, носит сатирический характер, хотя архивные материалы и этнографические публикации дают иную картину. Этиологические сюжеты бытовали и как самостоятельные тексты, и как элементы рассказов других жанров. Выявление подобных рассказов в публикациях второй половины XIX в. по этнографии монголов, бурят и калмыков позволяет представить реальную популярность и разнообразие этиологических сюжетов, бытовавших среди этих народов в данный период.

Онипко Кира Андреевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Сообщение о смерти как способ сказать о жизни: образ «идеального человека» в некрологе

Подлинное чувство общности формируется тогда, когда человек ощущает незримо, но стабильно протекающую вокруг него социальную жизнь. Б. Андерсон в своей знаменитой работе «Воображаемые сообщества» писал об идее нации как об идее единого социологического организма, одновременно движущегося по расписанию сквозь гомогенное, пустое время и стабильно выполняющего свои функции, когда у каждого элемента такого организма есть четкая уверенность в стабильной, анонимной и одновременной деятельности остальных его элементов.

Некролог же фиксирует скорее внезапный разрыв этой социальной стабильности, момент остановки одного из ее многочисленных механизмов, по определенным причинам более важного и ценного, чем прочие, чья смерть (а значит, и жизнь) не была достойна упоминания. Но, с одной стороны, оформляя возникшую лакуну в социальном порядке, с другой стороны, некролог лишний раз напоминает читателю о существовании этого порядка, о функционировании единого социального организма и о месте как персонажа траурного высказывания, так и самого адресата в пределах этой организованной общности.

С одной стороны, некролог концентрируется на событиях жизни конкретного лица, презентуя их как нечто особенное, выдающееся, индивидуальное, а значит, требующее отдельного отмечания и проговаривания. Но, с другой стороны, некролог концентрируется на том, что было правильного, с точки зрения социума, в жизни умершего. И в этом смысле в нем предельно стандартно описывается жизнь покойного, фиксируется то закономерное, что должно быть в жизни каждого человека в общем смысле.

В своем докладе мы рассмотрим, какие черты характера, профессиональные и общественные достижения человека отмечаются в некрологе, о каких не говорится вовсе, как контекст, в котором создается некролог, влияет на выбор подобных характеристик и их последующее считывание. Материалом для анализа послужат некрологи, опубликованные в газете «Царскосельская газета» г. Пушкина с 2000 по 2015 г.

Степанов Андрей Викторович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Этнофеноменология. К вопросу о возможностях метода

Говоря о применении феноменологических методик к предметным областям фольклористики и антропологии (чем и обусловлено использование приставки «этно»), мы отмечаем, прежде всего, две взаимосвязанных перспективы поля деятельности. Первую из них мы просматриваем в подходе Т. А. Бернштам, называемым ею имманентным или феноменологическим и состоявшим в стремлении понять народную культуру, исходя из опыта самой этой культуры. Сам по себе этот способ понимания «чужой» культуры изнутри самой культуры (эмический подход) известен со времен Эдуарда Тэйлора. Но здесь ключевой является категория опыта — в ее особом понимании, предлагаемом феноменологией. Хотя к исследованию опыта прибегает не одна только феноменология, но именно она позволяет показать опыт из него самого, а не из внешних, якобы обуславливающих его причин и условий. Она делает это, опираясь на две таких своих базисных категории, как: 1) феномен — это «*то как*» мир явлен нам, т. е. модус в котором мир (как целое и в любом из своих аспектов) доступен нашему опыту; 2) вовлеченность в феноменальный мир (хайдеггеровское Dasein), достигаемая посредством трансцендендирования — ежемоментного выхода за пределы себя в мир, посредством чего со-конституируется и сам мир (как феномен) и экзистенция. Это дает основание, по меньшей мере, для таких выкладок, как: а) любой опыт мира является подлинным и б) ни у одной конструкции мира нет преимуществ перед другой, оснований для подхода к ней с позиции «на самом деле». Горизонты, открываемые указанными положениями для исследования народной культуры, уже в силу самого факта исследования оказывающейся в позиции «другого», довольно заманчивы. Феноменологическая позиция дает возможность для доступа к миру другого, т. е. возможность его слышать и — в перспективе — понимать, а не объяснять: понимать смыслы любой культуры, несомые ею для самой себя посредством ее песен, разговоров, телодвижений, религии, одежды, жилища

и пр. Таким образом, появляется возможность увидеть самореферентные миры, устанавливающие условия собственной возможности: свою природу, свою психологию, свое истинное и ложное. Вторая перспектива, которая здесь открывается, это возможность описания (с феноменологической точки зрения: описать, значит сделать очевидным) дорефлексивных регистров опыта и состояний сознания.

Теряева Наталья Анатольевна,
аспирант, Омский государственный педагогический университет

Обезвреживание опасного с помощью хмельного напитка в русской традиционной культуре и в некоторых современных ритуалах

Издавна существовало представление об особом гостеприимстве русских, отличающемся от европейского. Г. И. Кабакова приводит различные свидетельства иностранцев, в т. ч. Д. Кокрейна, проехавшего всю Россию еще в 1820 г. Последний утверждал, что истинное гостеприимство здесь возрастает по мере движения от центра к периферии. Причем принимающие гостя решительно отказываются брать за приют и угощение деньги, соглашаясь, разве что, на водку или табак. Было ли такое добродушие бескорыстным? Еще А. ван Геннеп, Дж. Фрезер, говорили о защитной функции гостеприимства. Мотив обезвреживания вином достаточно древний, т. к. встречается в самых разных культурах. В. Я. Пропп утверждает: «*Существа, подобные лешему или силену, часто опаиваются вином и берутся в плен…*». Для русской традиционной культуры характерно взаимодействие и взаимное дополнение защитной и объединяющей функций угощения, в частности, пьянящим напитком.

Я хочу остановиться на угощении хмельным, имеющим апотропейный смысл. Такой жанр фольклора, как быличка, содержит множество примеров угощения хмельным колдуна, которое имеет цель защититься от его колдовства (как до, так и после того, как оно уже подействовало) на свадьбе и в других случаях. В качестве колдуна мог выступать и дружка: «*…возьмет 3 стручка по 9 горошин, положит этот горох перед передним конем и скажет: „Тридевять горошин, десятая невеста и конь на месте“. И все кони, свадьба останавливаются. Потом ему подадут* [т. е. дадут выпить]*, он чё-то сделает и свадьба дальше едет*». Любопытный пример того, как угощение и спаивание уберегает от неминуемой смерти — в мифологических рассказах о «чернокрыжиках», записанных в небольшом кусте деревень Вологодской области: чернокрыжик — опасное существо, имеющее все признаки ходячего покойника, обезвреживается солдатом. Здесь важна ритуальная формула, которую солдат произносит: «*Идёт чернокрыжик, то ли людоед, хоть как. Вот идёт он, заходит в комнату и говорит: „Ух, двух!“ Этот, который из армии-то пришёл, <…> тоже, говорит: „хватит одного!“*». Но не менее важно, что солдат кормит и поит людоеда: «*Вот его <чернокрыжика> напоили, накормили, он напився, <…> И вот он рассказал, как это их уничтожить*». Таким образом, человеку остается только выполнить «инструкцию», данную

опьяневшим людоедом. В некоторых похоронных причитаниях также содержался мотив угощения Смерти — высказывается желание напоить Смерть допьяна и накормить досыта, чтобы она не забирала члена семьи. Защитная функция угощения хмельным сохраняется в современной повседневной культуре в самых различных ситуациях, например, в ситуации приезда проверяющего в какое-либо учреждение намерение угостить и напоить его вписано в некую современную традиционную модель, унаследованную от классического фольклора.

Шкураток Юлия Анатольевна,
к. ф. н., старший преподаватель,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Вещица/векшица в мифологических рассказах Верхнего и Среднего Прикамья

В мифологических рассказах, записанных в Верхнем и Среднем Прикамье, сохраняются представления о колдуньях-вещицах, связанные с определенным комплексом сюжетов и мотивов.

С ведьмой *вещицу* роднит способность отбирать молоко у коров, насылать болезни на людей, однако специфической функцией является причинение вреда репродуктивному здоровью человека и животных. Вещица вынимает плод из чрева беременной женщины или самки животного, при этом заменяет его каким-либо бытовым предметом: *веником*, *головешкой*, *мочалом*, *мылом* и пр. Похищенных младенцев и детенышей животных вещица жарит и поедает. Не менее зловредное воздействие она оказывает на репродуктивное здоровье мужчин, отрывая или повреждая им половые органы.

Характерной способностью вещицы является оборотничество. Набор образов оборотничества этого персонажа велик, однако можно говорить о двух доминантных образах: птичьем облике (чаще *сороки*, реже *воробья*, *вороны*, *гуся*), когда вещица отправляется для осуществления вредоносных действий, и облике животного (чаще *свиньи*, реже *барана*, *волка*, *козла*, *кошки*, *лошади*, *поросенка*, *собаки*), которое преследует людей, особенно молодых мужчин, с вредоносной целью (обычно, чтобы повредить половые органы). Отличительной чертой вещицы является ее способность перемещаться по воздуху, при этом она может сохранять человеческий облик. Чаще всего для обретения этой способности вещица использует *лекарство*, *летучую мазь*, *мазево*, *масло*, *мед*, *краску*, *сажу*. Для различных обличий вещицы остается неизменной способность к быстрому перемещению в пространстве: вещица *бежит*, *летит*, *катится*, *стремится*.

Помимо общеслав. *вещица*, используются номинации *векша*, *векошка*, *векшица*, *вещелица*, возникшие в результате затемнения внутренней формы и утраты связи с мотивирующим глаголом *ведать*. Для носителей диалектов лексема *векшица* мотивирована словом *векша*: *Векшицы в трубу на ухвате летают. Векша — эта белка* (Б. Кусты Куед.). Слово *векшица* появилось в результате контаминации *вещица* ‘колдунья, склонная к оборотничест-

ву’ и *векша* ‘белка’ (*векшица* ‘маленькая белка’), которой способствовали развитие множества переносных значений у слова *вещица*, в т. ч. ‘сорока’, ‘лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки’, появление у слова *векша* ‘белка’ значения ‘сорока’, фонетическая близость в пермских говорах слов *вещица* (*вешшица*) и *векшица*.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-34-01279(а2).

ФОНЕТИКА

Агафонова Марина Павловна,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Вольская Нина Борисовна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Качковская Татьяна Васильевна,
младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Скрелин Павел Анатольевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Мелодическое оформление предцентровой части контура в экспрессивной русской речи

Доклад посвящен анализу мелодического оформления предцентровой части интонационного контура (шкалы) в русском языке. Для всех известных типов интонационных конструкций (ИК) в качестве ключевых ДП постулируется различие в направлении основного тона на гласном интонационного центра и соотношение тональных уровней предцентра, центра и постцентра. Само же мелодическое оформление предцентровой части указывается очень схематично как маловажное. Между тем оно определяется не только глобальными уровнем (выше, ниже ИЦ) и направлением движения тона (деклинация, инклинация, ровный тон), но и локальными характеристиками: определенным мелодическим рисунком в акцентных группах, тональным уровнем ударных слогов относительно безударных, характером перехода одних в другие (скачкообразное, плавное).

Ясно, что в нейтральной и экспрессивной речи типы мелодического оформления предцентровой части контура будут различаться. Для описания специфики и различий этих типов важно **формализовать** типы тонального оформления шкал и определить их сочетаемость с типами ИЦ. Данные о наиболее распространенных типах мелодического оформления предцентровой части незавершенных синтагм и фраз получены на материале исследования аннотированных корпусов — корпуса русской спонтанной речи CORUSS и корпуса, предназначенного для синтеза речи, созданных на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ, а также на аудиоматериале сайта deti-online.com/audioskazki.

Для простоты движение тона в акцентных группах проще представить, используя уже определенный набор тонов для участка ИЦ.

По типу ИК2 (в символах тональных акцентов H*L и HL*): внутри акцентной группы реализуется глайд — нисходящее движение тона, либо безударные произносятся на высоком уровне, ударные — на низком, с усилением ударения.

По типу ИК3 (в символах тональных акцентов H*L): высокое положение ударных + низкий тональный уровень безударных слогов. То есть фактически реализуется тот же самый мелодический рисунок, что и при нейтральных реализациях, но интервал изменения тона восходящей и нисходящей ветвей больший и поэтому он слышен, замечается слушающим.

По типу ИК4 (в символах тональных акцентов L*H): ударные на низком тональном уровне, безударные выше (L*H). Более сложные тональные конфигурации (например, L*HL) возможны как на двусложной, так и на многосложной последовательности акцентных групп.

Можно предположить, что комбинаторика разных тональных рисунков предцентровой части контура с определенными типами тонального оформления ИЦ тоже не хаотична, и регулируется определенными правилами. Данные могут использоваться для передачи интонационной специфики различных стилей и жанров, а также для синтеза и распознавания экспрессивной речи.

Васильева Людмила Анатольевна,
сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Тананайко Светлана Олеговна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Возможности применения нейрокомпьютерного интерфейса Emotiv EPOC для лингвистических исследований

Доклад посвящен опыту применения нейрокомпьютерного интерфейса Emotiv EPOC в лингвистических, в частности, фонетических исследованиях. Устройство EPOC позволяет проводить исследования когнитивных процессов в психике испытуемых в различных функциональных состояниях. Так, в ходе исследований изучаются регистрируемые изменения электрической активности головного мозга при предъявлении стимулов, содержащих фоносемантическую информацию, с использованием как стандартизованных стимульных материалов и процедур, так и собственных разработанных приложений. Другим методом исследования речевого поведения людей с помощью Emotiv EPOC стал анализ изменений компонентов вызванных потенциалов при предъявлении быстрых серийных визуальных нейтральных и эмоциогенных стимулов, включая стимулы, относящиеся к разным языковым категориям (например, относящиеся к различным частям речи или к разным семантическим полям). Вызванный потенциал (ВП) — это электрическая реакция мозга на внешний раздражитель. Для получения визуальных стимулов используется программное обеспечение OpenVibe, имеющее встроенную поддержку Emotiv EPOC и предназначенное для проведения экспериментов с вызванными потенциалами P300, которые возникают в модели направленного внимания при выполнении

когнитивной задачи и зависят исключительно от внимания испытуемого. Целью одного из экспериментов было выяснить, каким образом полученные на Emotiv EPOC данные можно использовать для распознавания визуальной фиксации языковых знаков. Перед началом эксперимента была осуществлена настройка нейрокомпьютерного интерфейса Emotiv EPOC для повышения качества детектирования актуальных сигналов головного мозга. После проверки качества связи была проведена тренировка детектора P300 с помощью набора стандартных модулей, включающих символы латиницы; оценка точности работы обученного классификатора составила 70,87 %. На следующем этапе было проведено обучение детектора P300 по аналогичной схеме с использованием символов родного для испытуемого алфавита (кириллицы); в результате была получена более высокая оценка точности работы модифицированного обученного классификатора — 83,46 %. Это показывает, что степень обучения детектора P300 зависит от степени узнаваемости предлагаемого стимула и, следовательно, от его частотности в опыте испытуемого. Полученные результаты показывают, что использование нейрокомпьютерного интерфейса Emotiv EPOC в научных целях является перспективным и может быть востребовано для проведения лингвистических исследований, некритичных к качеству сигнала.

Давыдова Варвара Алексеевна,
соискатель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

О явлении звукоизобразительности на материале вымышленных языков

Явление звукоизобразительности — связи слова со значением — до сих пор ставит перед исследователем больше вопросов, чем ответов. Сложность его изучения обусловлена целым комплексом проблем. Одной из таких проблем является трудность получения материала для исследования. В ходе своей эволюции языковой знак подвергается процессу денатурализации — ослаблению связей между звуковой формой и значением, в результате чего первичная номинация, звукоизобразительность, оказывается стертой и может быть восстановлена лишь путем сложного этимологического анализа. В современных же языках номинативный инвентарь пополняется преимущественно путем вторичной номинации — использования для создания новых обозначений уже существующих единиц. Первичная номинация рассматривается в работах по лингвистике как крайне редкое явление в современных языках, из чего следует, что она почти недоступна наблюдению и изучению.

Между тем существует еще одна область, где активно идет процесс первичной номинации — в искусственных языках. Конструирование языков набирает в культуре все большую популярность. Таким образом, появляется возможность непосредственно наблюдать закономерности первичной номинации и поставить вопрос о возможности рассматривать эти процессы как модель, имитирующую создание первообразных слов в естественных языках. С точки зрения фоносемантического исследования наибольший

интерес представляют те сконструированные языки, где создатели репрезентуют язык не как целостную языковую систему, а как письменную и устную речь героев вымышленного мира. Не предоставляя аудитории готового словаря, авторы рассчитывают на языковую интуицию аудитории, благодаря чему сохраняется принцип семантического означивания языковых единиц.

Исходя из этих рассуждений, для исследования звукоизобразительности и примарной мотивации были выбраны три вымышленных языка, созданных англоязычными авторами: лэпин (Р. Адамс), эльфийский язык (Дж. Р. Толкиен) и на'ви (П. Фроммер).

Выявленные на основе сравнительного анализа данных языков закономерности позволяют положительно ответить на вопрос о возможности использования вымышленных языков в качестве модели примарной номинации. Благодаря новому материалу появляется возможность изучать проявления звукоизобразительности в двух основных подсистемах фоносемантики: в области ономатопеи и звукового символизма, а также проследить проявления звукоизобразительности на различных уровнях языка и сопоставить их с моделями, уже выявленными в исследованиях естественных языков. Выявленное сходство моделей и принципов номинации позволяет сделать вывод об объективности открытых ранее фоносемантических закономерностей.

Евграфова Карина Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Евдокимова Вера Вячеславовна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Скрелин Павел Анатольевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Чукаева Татьяна Валерьевна,
сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование акустико-артикуляторных характеристик певческой речи с использованием метода электромагнитной артикулографии

Различия акустических свойств звуков в обычной речи и пении обусловлены различиями в артикуляции, которая значительно меняется в пении, подчиняясь музыкальным задачам исполнения. Получение объективных данных о кинематике артикуляторных органов в этих видах речи является важной задачей, т. к. позволяет объяснить вопросы, связанные с проблемами восприятия и разборчивости певческой речи [Глотова, Евграфова, Евдокимова, 2012; Evgrafova, Evdokimova, 2012].

Прямое наблюдение за кинематикой артикуляторных органов в речи и пении представляет определенные трудности в силу анатомических причин. Однако метод электромагнитной артикулографии решает эту проблему. Это технология позволяет отслеживать и производить точные измерения мельчайших артикуляторных движений, осуществляемых в быстром темпе.

Были проведены два эксперимента, в ходе которых были записаны образцы одного и того же текста, пропетого и прочитанного испытуемыми (4 профессиональные певицы) в артикулографе AG500 [Evgrafova, Evdokimova, Skrelin, Chukajeva, 2015]. В первом — певицы исполняли русские классические романсы с сенсорами, зафиксированными на основных артикуляторных органах (верхняя и нижняя губа, передняя часть спинки языка, средняя часть спинки языка, задняя часть спинки языка). Во втором — те же самые романсы были прочитаны испытуемыми в тех же самых условиях.

Полученный в ходе экспериментов звуковой материал был отсегментирован и аннотирован. Был произведен анализ артикуляторных данных в пении и чтении, в ходе которого установлены различия в скорости и характере изменения положения артикуляторных органов в плоскости *x* (вперед-назад) и в плоскости *z* (вверх-вниз).

Литература:

1. *Глотова О. Н., Евграфова К. В., Евдокимова В. В.* Восприятие певческих гласных носителями русского языка // Человек говорящий: Исследования XXI века: К 80-летию Лии Васильевны Бондарко. Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2012. С. 59–67.
2. *Evgrafova K., Evdokimova V.* Perception Of Russian Vowels In Singing // Proceedings Of The 5th International Conference Baltic Hlt2012, 2012. Vol. 247. № 42–49.
3. *Evgrafova K., Evdokimova V., Skrelin P., Chukajeva T.* The Study of Acoustic-Articulatory Relations in Producing Singing Vowels with the Use of EMA // Models and Analysis of Vocal Emissions for Biomedical Applications: 9th International Workshop: September 2–4, 2015. Firenze, Italy, 2015. P. 152: 95–98.

Евдокимова Вера Вячеславовна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование работы голосового источника и артикуляторного аппарата для гласных звуков на разных стадиях речепроизводства

Задача получения сигнала голосового источника отдельно от выходного речевого сигнала, а также исследование взаимодействия голосового источника и артикуляторного аппарата остаются актуальными задачами, решение которых может быть полезно для технологий синтеза речи. С помощью риноларингофиброскопа горла и носовых пазух микрофон QueAudio (диаметр 2,3 мм) был размещен в области голосовых связок диктора [Evgrafova et al., 2013; Evdokimova et al., 2015: 20]. Сигнал с него и речевой сигнал с микрофона AKG HSC200 поступали на систему записи звука MOTU Traveler. Была проведена синхронная запись изолированных гласных, соответствующих шести фонемам русского языка /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, /ɨ/ с ровной интонацией на высокой частоте основного тона для диктора, низкой частоте основного тона для данного диктора и нормальной частоте основного тона. Также гласные были произнесены с поднимающейся интонацией и с интонацией падения. Кроме того диктор читал список слов (около 20), содержащих различные гласные и согласные русского языка.

Всего было записано 6 дикторов: 3 мужчин и 3 женщины. Из собранного материала были отсегментированы синхронно снятые участки гласных /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, /ɨ/. Собранный материал был подвергнут слуховому анализу, также был проведен перцептивный эксперимент над звуками, полученными с внутреннего микрофона [Евдокимова и др., 2015]. Был проведен акустический анализ записей, с целью выявления особенностей работы голосового аппарата человека на разных этапах генерации речевого сигнала [Evdokimova et al., 2015]. При помощи синхронной спектральной обработки речевого сигнала были получены передаточные функции артикуляторного аппарата для гласных. Далее проводилась процедура фильтрации входного сигнала с внутреннего микрофона для получения синтезированных гласных. Результаты фильтрации и перцептивного эксперимента представлены в докладе.

Литература:

1. *Евдокимова В. В.* Исследование процесса фильтрации голосового сигнала артикуляторным аппаратом / Евдокимова В. В., Скрелин П. А., Евграфова К. В., Чукаева Т. В., Швалев Н. В. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 3. С. 37–49.
2. *Evdokimova V., Evgrafova K., Skrelin P.* (2015) Investigating Source — Filter Interaction to Specify Classic Speech Production Theory // The Scottish Consortium for ICPhS 2015 (Ed.), Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences. Glasgow, UK: the University of Glasgow. ISBN 978-0-85261-941-4. Paper number 04.621.1–5 retrieved from http://www. icphs2015.info/pdfs/Papers /ICPHS0462.pdf.
3. *Evgrafova K. V., V. V. Evdokimova, P. A. Skrelin, T. V. Chukaeva, N. V. Shvalev*. A New Technique to Record a Voice Source Signal // Models and Analysis of Vocal Emissions for Biomedical Applications: 8th International Workshop : December 16–18, 2013.

Качковская Татьяна Васильевна,

младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотированный корпус спонтанной русской речи CoRuSS

Аннотированный корпус спонтанной речи CoRuSS (Corpus of Russian Spontaneous Speech), созданный на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ в 2014–2015 гг., составляют студийные записи спонтанных диалогов. В качестве дикторов были выбраны носители русского языка, в настоящее время проживающие на территории РФ и владеющие русским языком с рождения, из трех возрастных групп: 16–30, 31–45, 46–77 — по 10 мужчин и 10 женщин в каждой группе. Для записи были использованы индивидуальные микрофонные гарнитуры; в звукозаписывающей студии дикторы располагались лицом к лицу на расстоянии 1–1,5 метра друг от друга, чтобы минимизировать попадание звукового сигнала от одного диктора в микрофонный канал другого. Для одновременной записи речи обоих дикторов дополнительно использовался двунаправленный микрофон.

На всем речевом сигнале выделены фрагменты с техническим браком — участки с перегрузками или, наоборот, слишком низким уровнем

записи. Для каждого диктора специально отобранные 10–15 минут речи содержат:

- орфографическую расшифровку, выполненную вручную, с указанием главного и побочного словесного ударения, хезитаций, затяжек, фальстартов и неречевых явлений (кашель, смех и т. д.) и подробной просодической информации;
- фонетическую транскрипцию, полученную с помощью автоматического транскриптора на основе орфографической расшифровки.

На уровне орфографической расшифровки указана следующая просодическая информация: границы синтагм, место интонационного центра, тип мелодического движения в интонационном центре, дополнительная просодическая выделенность. Тип мелодического движения определялся на основании перцептивной и акустической информации и указывался по системе мелодических типов, предложенной Н. Б. Вольской [Volskaya, Skrelin, 2009]. Данная система является расширением системы интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой и содержит 13 основных мелодических типов, в каждом из которых выделяется до четырех подтипов, что позволяет учитывать междикторскую вариативность.

Отдельный уровень аннотации содержит информацию о расставленных вручную границах пауз хезитации и неречевых явлений.

Дополнительно в корпус были включены студийные записи чтения дикторами фонетически представительного текста (438 слов) и короткие монологи (0,5–3 мин.) с рассказом о себе.

Представленный корпус может использоваться для исследования широкого круга явлений, наблюдаемых в спонтанной речи, и для решения задач, связанных с автоматической обработкой речи. Помимо аннотированного материала, корпус включает полные записи диалогов, которые могут быть использованы при исследовании явлений диалогической речи.

Литература:

Volskaya N. B., Skrelin P. A. «Prosodic model for Russian // Proceedings of Nordic Prosody X. Peter Lager, 2009. Pp. 249–260.

Кочаров Даниил Александрович,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Корпусное исследование редукции гласных в русской речи

Данный доклад представляет исследование количественной и качественной редукции безударных гласных на большом корпусе русской речи. Согласно общепринятой ритмической модели фонетического слова, предложенной А. А. Потебней, гласные в слове редуцируются по формуле «12311», где «3» — это нередуцированный ударный гласный, а «1» — это максимально редуцированный безударный гласный. Формула А. А. Потебни была в дальнейшем подтверждена и уточнена в работах Р. И. Аванесова, Л. В. Златоустовой, М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко. Слабая степень редукции также наблюдается у гласных в абсолютном начале

слова и позиции конечного отрытого слога. В качестве экспериментального материала в данном исследовании использовался корпус CORPRES, содержащий около 30 часов аннотированных записей чтения. Аннотация корпуса включает в себя просодическую и орфографическую транскрипцию, а также два уровня фонетической транскрипции: (1) орфоэпическую, автоматически сгенерированную, и (2) отражающую реальное произношение, сделанную вручную на основе акустического и перцептивного анализа. Для определения количественной редукции была использована длительность гласных, нормализованная при помощи формулы z-score, где нормализация проводилась по каждой гласной фонеме и каждому диктору. Для определения качественной редукции вычислялся процент элизий и замен гласных фонем на основе сравнения двух фонетических транскрипций. Численные параметры вычислялись для каждой позиции гласного в фонетическом слове, которая характеризовалась длиной предударной/заударной части слова и позиции гласного относительно ударного слога. Результаты исследования соответствуют существующей ритмической модели редукции безударных гласных внутри фонетического слова. Безударные гласные четко разбиваются на две группы по степени редукции. Однако количественная и качественная редукции гласных в заударной и предударной частях фонетического слова связанны по-разному. В предударной части прослеживается четкая корреляция между ними, т. е. при увеличении длины гласных их качественная редукция становится меньше. В заударной части увеличение длины гласных не приводит к пропорциональному уменьшению качественной редукции. Это становится особенно заметно, когда фонетическое слово находится в сильной позиции, а именно, когда оно несет на себе логическое ударение или находится в конце синтагмы, где на него влияет процесс предпаузального удлинения. В этих позициях длительность всех гласных в слове увеличивается, но в заударной части это не приводит к уменьшению качественной редукции.

Ливанова Александра Николаевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Наивная ономатопея» Н.-Ф. Нильсена

Норвежский социолог и копирайтер Нильс-Фредрик Нильсен (Nils-Fredrik Nielsen, 1945–2005) прославился в первую очередь десятком остроумных книг, первую из которых он опубликовал в возрасте 39 лет. В одной из них, «Маленькая безумная звериная книга» (Den lille, gale dyreboken. Oslo, 1985), имеется главка «Язык животных — универсальный феномен?». Однако речь в ней идет вовсе не о языке животных в научном понимании. Автор в присущей ему шуточной манере описывает и комментирует различия в отображении звуковых сигналов животных (собака, кошка, курица) в одиннадцати языках, не только европейских и приводит для этих сигналов таблицу соответствий. Указанные в таблице данные придуманы им самим.

Поскольку Нильс-Фредрик Нильсен не был лингвистом, изобретенные им слова отражают восприятие особенностей фонетики (звукового состава,

фонотактики и просодики) соответствующих языков обычным носителем норвежского языка. Придуманные Нильсеном слова оказываются в значительной мере схожими с ономатопами, реально зафиксированными языковедами, что свидетельствует о наблюдательности автора. Расхождения же определяются в значительной мере тем, какие именно особенности фонетики охваченных автором языков оказываются акустически выделенными при восприятии на слух норвежцем.

В этой связи особый интерес представляют придуманные автором звукоизобразительные слова родственных норвежскому германских языков: шведского, датского, немецкого, голландского, исландского и английского в его американском варианте. Кроме того, материал показывает, что, несмотря на значительная путаницу в атрибуции нелингвистами звучащих текстов более экзотических языков, стереотипные представления об их важнейших фонетических особенностях в значительной мере соответствуют действительности (например, сингармонизм в турецком или скопления согласных в русском). Именно узнаваемость характерного для данного языка (с точки зрения среднего норвежца) звучания позволяет автору достичь комического эффекта.

Лыпкань Татьяна Витальевна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности консонантизма устной речи русскоязычных детей-билингвов Германии

Доклад посвящен обобщению предварительных результатов одного из опытов фонетического эксперимента, проведенного в Германии в ноябре 2014 г. в городе Бохуме (земля Северный Рейн-Вестфалия) в Рурском университете, на кафедре славянской лингвистики, в русском детском культурном центре «Исток», а также детского центра «Yahad Haverim Verein». В эксперименте приняли участие 11 детей-билингвов, большинство из которых были рождены на территории Германии, они были школьного возраста, умели читать и писать по-русски. Строили самостоятельно и творчески высказывания, изучали русский язык дома.

Как показали предварительные результаты одного из опытов эксперимента, все полученные нарушения/ошибки можно разделить на несколько групп.

1. Фонологические нарушения русских согласных:
   а) вместо заднеязычного смычного звонкого [g] было фрикативное — южнорусское [y] вместо *Ko[g]da-Ko[y]da*;
   б) увулярный вместо переднеязычного дрожащего [r] (7 случаев): *вече[r]ом, в но[r]е, у де[r]ева, нашел па[r]у, у этой па[r]ы из кото[r]ых, быст[r]о бежать.* Данное нарушение/ошибка связана с влиянием немецкого языка;
   в) звонкость — глухость согласного, вместо глухого — звонкий *ду[b]ло* вместо *дупло*;
   г) твердость — мягкость, долгота, ее отсутствие у шипящего — *на следу[s]ей* день вместо *на следующий день.*

2. Фонетические нарушения, связанные с нарушениями интегральных признаков фонем: вместо русского щелевого бокового переднеязычного твердого веляризованного [l] был аллофон немецкого языка т. н. среднеевропейский [l] (6 раз) (на русских слух он воспринимается как палатализованный) *подари[l], поше[l] (2), наше[l], бра[l], бы[l]а*. Нарушение связано с влиянием немецкого языка. Это было характерно для речи детей. Например, [st]об апикальный согласный вместо какуминального.
3. Плюс-сегментация:
   а) вставка согласного наблюдалась *[ji]х* вместо *их*, *исчезла* вместо *и[s':] езла*. Данные нарушения связаны с диалектным, просторечным влиянием, стремлением к побуквенному произнесению;
   б) нарушения акцентно-ритмической структуры слова и добавлением лишних слогов в слово- *любовали[сʻа]* вместо *любовались* (5 слогов вместо 4), а также *понравили[s'а], нарядили[s'а], спрятала[sʻа]* (4 слога вместо 3), *ихний* вместо *их* (2 слога вместо 1).
4. Минус-сегментация слогов: *[S'odn'а]* вместо *сегодня* (2 слога вместо 3), *шо* вместо *что* (2 раза в речи детей).

В целом в речи детей в большей степени проявилось влияние фонетической и просодической системы немецкого языка, а также диалектная и просторечная устная речь их родителей.

Ненашева Юлия Александровна,
к. ф. н., доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Особенности речи мужских/женских персонажей аудиокниги: акустические параметры звучащей речи vs. ожидания слушателя

Успешность коммуникации в большой степени зависит от сходства установок производства и декодирования речи участниками коммуникации [Cutler, Clifton, 1999]. Реализация интонационных моделей говорящим, их интерпретация слушателем зачастую осуществляется автоматически и имеет предсказуемый характер. В своей интерпретации слушатель может опираться не только на фактически полученную в процессе общения информацию (акустические сигналы) [Speer, Warren, Schafer, 2003], но и на «виртуальную» информацию, содержащуюся в стереотипизированных представлениях о речевых характеристиках участников общения [Hermes, 1998], которые распространяются на вариативность и сочетаемость составляющих интонационных моделей [Holtgraves, 2010], пренебрегая фактическими акустическими сигналами. В ходе исследования акустических характеристик речи мужских/женских персонажей аудиокниги было обнаружено два типа акустических сигналов (маркеров). Маркеры первого типа могут служить значимыми точками интонационной модели, дифференцируя речь персонажей разного пола: максимальный уровень интенсивности, диапазон и критические точки частоты основного тона. Маркеры второго типа (темп речи, диапазон интенсивности, средний уровень частоты основного тона)

не служат дифференциации речи персонажей разного пола. Таким образом, эти акустические сигналы не проявили соответствия ожиданиям слушателей по отношению к речевому поведению персонажей.

Литература:

1. *Cutler A., Clifton Jr. C.* Comprehending spoken language: A blueprint of the listener // The neurocognition of language. Oxford, 1999. Pp. 123–166.
2. *Hermes Dik. J.* Measuring the perceptual similarity of pitch contours // Journal of Speech Language and Hearing Research. 1998. 41(1). Pp. 73–82.
3. *Holtgraves T.* Social Psychology and Language: Words, Utterances, and Conversations // The Handbook of Social Psychology. 2010. Pp. 1386–1422.
4. *Speer S. R., Warren P., Schafer A. J.* Intonation and sentence processing // Proceedings of the Fifteenth International Congress of Phonetic Sciences. 2003. Pp. 95–105.

Нигматулина Юлия Олеговна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Скрелин П. А., д. ф. н., профессор

Модификации фонем на стыке слов в русской речи

В звучащей речи взаимное влияние соседних слов настолько велико, что нередко происходит их наложение друг на друга. Такое взаимодействие часто приводит к стяжению, т. е. ситуации, когда у двух слов появляется общая часть, которую не всегда можно однозначно отнести к одному из них. В результате модификаций фонем на стыке слов изменяется не только облик отдельной словоформы: неочевидным становится определение границы между словами: *привез_с_собой_альбом* [pər’ɪ**θsabo**l’bom], *смотрится_это ужасно* [smotr’ec**etY**žasnɛ]. На материале спонтанной речи рассмотрены случаи стяжения смежных словоформ. Кроме крайних звуков (конечный звук первой словоформы и первый звук второй: *урокам**и_о**ни* [ʊrθkɛm’**æ**n’ɪ]; *лежа**ть_т**ам* [l’ɪžat:am]), стяжение на стыке может затрагивать бóльшую часть слова: например, слоги (*бы**ло_ле**то* [bʊ**l’:e**tə]), или стяжение гласных в результате выпадения интервокального согласного (*на самом д**еле_это** довольно* [na sam d’**ɛd’ɛ** daθl’na]). Оказалось, что стяжения могут возникать как между синтаксически тесно связанными словами, так и на границе клауз: *но такие, ты [знае**шь, ч**то называетс**я, и**нтеллектуальные]* [znaɪ**štə̃**ziɪvɛcɪn’t’ɪl’ktˀuʌl’niɨe]. В докладе будут обсуждаться регулярность появления стяжений разных типов на стыках слов, а также возможные факторы, способствующие их образованию.

Некоторые данные по стяжению гласных. Как стяжение реализовались 59 % всех рассмотренных зияний на стыках (420 из 712; в число входят сочетания с отрицательной частицей «не», которые не учитывались при анализе роли ударения). Частота появления стяжений, однако, зависит от диктора и темпа произнесения: у одного из дикторов процент стяжений гласных из всех встреченных у него зияний достигает 68 % (в 10 минутах звучания из 87 зияний 59 реализовались как стяжение). Стяжение скорее происходит между частотными словами длиннее одного звука. При образовании зияния

на стыке чаще всего появлялись местоимения: 171 раз в позиции первой словоформы (или 24 %); 235 раз в позиции второй словоформы (или 33 %). Самым распространенным частеречным сочетанием оказалась пара союз-местоимение (10 % (71 случай) всех словосочетаний с зиянием). Легче стяжению подвергаются сочетания безударных гласных. Из 272 безударных сочетаний 194 были реализованы как один звук (71 %), в то же время в сочетаниях с двумя ударными, как и в сочетаниях с ударным V1 (последний гласный первого слова) стяжение произошло в 47 % (в 52 случаях из 110 и в 75 случаях из 159 соответственно). В ситуации, когда один из гласных был ударным, стяжение чаще происходило при ударном V2 (в 97 случаях из 165,58 %). Скорее всего, это связано с тем, что безударный конец слова более подвержен редукции и выпадению, чем начало слова.

Степихов Антон Анатольевич,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Шипило Александр Владимирович,
старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Моделирование границ высказываний в спонтанной монологической речи

Спустя более чем полвека изучения русской спонтанной речи проблема ее членения на предложения остается одной из ключевых как для лингвистики, так и для компьютерных наук. Проблема заключается в том, что устная речь в отличие от письменного текста не содержит пунктуационных знаков и поэтому не может быть подвергнута однозначной сегментации. Сложность членения спонтанного текста на фразы связана как с самим характером неподготовленной речи, изобилующей различными сбоями в процессе говорения, так и с языковыми особенностями, например, широким распространением в устной речи бессоюзия.

Тем не менее информация о межфразовых границах важна для анализа текста как лингвистами, так и автоматическими системами. Наличие границ между предложениями оптимизирует работу информационно-поисковых систем, улучшает автоматическую морфологическую и синтаксическую разметку, автоматическое реферирование текста, а также облегчает восприятие человеком автоматически распознанной речи, представленной в виде текста.

Сведения о межфразовых границах получают путем ручной или автоматической сегментации орфографической расшифровки устного текста. Ручная сегментация основывается на экспертной разметке, автоматическая — на компьютерных моделях. Большинство из них стремится воспроизвести ручную разметку, которая считается своего рода золотым стандартом для определения межфразовых границ в спонтанной речи.

Результаты проведенного исследования базируются на корпусе русских спонтанных монологов (160 текстов разных типов, 9 часов звучания), который содержит информацию об экспертном членении текстов на предложе-

ния и грамматическую разметку, полученную с помощью морфоанализатора Sketch Engine. Размеченные и обработанные данные были в дальнейшем подвергнуты статистическому анализу. Целью анализа было выявление степени точности модели автоматического определения межфразовых границ, в основе которой лежит экспертная (ручная) разметка спонтанной речи. В качестве базовой модели была выбрана n-граммная модель, алгоритм которой основывался на грамматических характеристиках словоформ на границах предложений, полученных в результате экспертного членения корпусных данных. Обучающая выборка, на базе которой проходила тренировка статистической модели, составила 80 % корпуса. Работа модели на тестовой выборке показала следующие результаты:

а) модель на базе триграмм: количество правильно распознанных границ предложений — 71 %;
б) модель на базе пентаграмм: количество правильно распознанных границ предложений — 36 %.

В то же время модель на базе пентаграмм, уступая триграммной модели в точности по распознаванию границ, показала лучший результат по распознаванию отсутствия границы (86 % vs. 67 %) и ложному членению (более чем в два раза).

Флаксман Мария Алексеевна,
к. ф. н., старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Омонимия звукоизобразительной лексики

Звукоизобразительная лексика, т. е. лексика с иконической связью между фонетическим обликом и денотатом, составляет значительную часть словарного состава любого языка (см., например, [Hinton, Nichols, Ohala, 1994]). При ее изучении на синхронном срезе обнаруживается ряд случаев полной омонимии. С нашей точки зрения, омонимия звукоизобразительной лексики может быть обусловлена рядом специфических причин. Во-первых, относительно небольшое число фонем в фонемном инвентаре языка в зависимости от дифференциальных признаков имеет множество звукоизобразительных функций [Воронин, 2006]. Во-вторых, этимология звукоизобразительных слов не всегда оказывается установленной на достаточную глубину, что приводит к недостаточно четкому разграничению полисемии и омонимии. Каждая фонема языка имеет ряд дифференциальных признаков, по-разному задействованных в целях имитации. Возьмем два омонима — *bumble 1* «жужжать» и *bumble 2* «мямлить, бормотать». Первое слово пары является звукоподражанием, в котором акустические характеристики, проявляющиеся при произнесении фонем, отражают низкое, невнятное звучание. Второе же слово является звукосимволизмом-интракинесемизмом, где уже артикуляция тех же самых фонем выходит на первый план, т. е. *bumble 2* имитирует не только некий неопределенный невнятный звук, но и передает соответствующую губную артикуляцию посредством цепочки «*лабиальный — лабиализованный — лабиальный — лабиальный*». Таким обра-

зом, омонимия звукоизобразительных слов оказывается обусловленной различным функциональным использованием одних и тех же инвентарных единиц. Другой причиной существования звукоизобразительных омонимов, помимо случайного совпадения, является ошибочное признание омонимами далеко разошедшихся значений одного и того же звукоизобразительного слова. Так, к омонимам можно причислить слова *cob 1* «глыба, ком», *cob 2* «крупный орех» и др., вероятно, происходящие от одной звукоизобразительной основы [Liberman, 2010] со значением «предмет округлой формы». Более подробная разработка этимологии звукоизображений помогла бы решить проблему разграничения омонимии и полисемии звукоизобразительной лексики. Таким образом, омонимия звукоизобразительной лексики оказывается обусловленной не только случайным совпадением звучаний, но и рядом факторов, уникальных для звукоизображений.

Литература:

1. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
2. *Hinton L., Nichols J., Ohala J.* Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
3. *Liberman A.* Iconicity and Etymology // Synergy. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. Pp. 243–258.

Чугаева Татьяна Николаевна,
д. ф. н., Пермский научный центр УрО РАН

Перцептивные особенности «короткого» английского слова (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского и британского английского)

Лингвостатистический анализ фонетических типов английского слова, выявленных на материале Британского национального корпуса (BNC) и Американского национального корпуса (ANC) по перцептивно значимым лингвистическим признакам показал преобладание короткословной лексики в ядре английского языка (Чугаева, 2009; Мякотникова, 2012). По данным BNC в частотной страте 87,8 % слов являются короткими (одно- и двусложными) (Чугаева, 2009). Частотная страта ANC на 98 % состоит из коротких слов (Мякотникова, 2012). Доминирование короткого (одно- и двусложного) слова можно расценивать как строевую характеристику английского языка, а короткое слово — как основной фонетический тип слова. Данные многочисленных экспериментов по восприятию разносложных типов английского слова свидетельствуют о том, что механизм восприятия (в терминах дисперсионного анализа силы влияния) является базовым в перцептивной системе английского языка (Чугаева, 2009; Байбурова, 2008; Мякотникова, 2015). Анализируются экспериментальные данные по восприятию сбалансированных программ одно- и двусложных слов американского варианта английского языка группами американских и британских аудиторов. Целью проведенных экспериментов было моделирование механизмов восприятия короткого слова носителями разных

вариантов английского языка — британцами и американцами — и выявление опоры на существенные лингвистические признаки слова, а также сопоставление этих механизмов. В общей сложности экспериментальный материал составил 768 слов, более 10 000 реакций. Сопоставление механизмов восприятия (в терминах ANOVA) короткого американского слова носителями американского и британского вариантов английского языка, выполненных по одной экспериментальной методике, позволяет найти как специфические, так и общие черты в рассматриваемых механизмах восприятия. Моделирование механизмов восприятия по лингвистическим признакам позволило разработать количественные и качественные критерии для описания сходств и различий перцептивных механизмов британского и американского английского, и таким образом, возможного разграничения вариантов перцептивной базы английского языка. Такими критериями можно считать процент правильного опознания слова (р,%), веса признаков, иерархию рангов в механизмах восприятия. Экспериментальные данные по восприятию короткого английского слова, являющегося строевым и статистически представленным типом слова в британской и американской языковых системах, указывают на явное преобладание сходства перцептивных механизмов британского и американского английского над имеющимися различиями, что свидетельствует в пользу гипотезы о близости, но не идентичности их перцептивных баз, которые можно расценивать лишь как *варианты перцепитивной базы* английского языка.

Шипило Александр Владимирович,
старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Моделирование длительности фонетических слов для синтеза речи

Исследованию временной организации фонетических слов в потоке речи посвящено большое количество исследований на материале разных языков. Настоящая работа работа посвящена анализу изменения длительности слогов, формирующих длительность фонетических слов (ФС). Материал для исследования — корпус CORPRES.

На первом этапе исследования для этого корпуса автоматически был порожден уровень разметки на фонетические слова (на основании информации о степени редукции гласных аллофонов и границ слов). Затем был порожден уровень слогов. Слогоделение осуществлялось строго внутри фонетических слов. В качестве базовой модели слогоделения использовалась модель мускульного напряжения, разработанная Л. В. Щербой. Непосредственные правила для слогоделения были взяты из «Фонетики современного русского языка» М. И. Матусевич.

Изменение абсолютной длительности фонетического слова осуществляется путем изменения длительностей формирующих его слогов. Текущая длительность слога определяется как произведение средней по материалу длительности слога на коэффициент отклонения от средней. Таким же образом рассчитывается длительность звуков внутри слога. Алгоритм расчета коэффициентов длительности звуков в слоге. Пусть необходимо

вычислить коэффициенты длительности звуков для ударного слога [b a]. Определяется средняя длительность [b] в материале, средняя длительность ударной реализации фонемы /а/ в материале. Длительность слога равна сумме длительностей составляющих его звуков. Вклад длительности каждого звука вычисляется в процентах от длительности слога.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ: КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна,
к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

«Дело Виктора Сержа» в письмах М. П. Кудашевой-Роллан (по материалам Архива М. Горького)

Доклад посвящен исследованию неизданных писем М. П. Кудашевой-Роллан советским корреспондентам, хранящихся в Архиве А. М. Горького, в которых она выступает в качестве посредника в «деле Виктора Сержа», неутомимо присылая в качестве приложений к своим письмам статьи о деле Виктора Сержа и политических репрессиях в СССР из французских, бельгийских, швейцарских газет и журналов (в частности, из «Les Humbles»), и их переводы с собственными комментариями. М. П. Кудашева-Роллан состояла в переписке с А. М. Горьким, членами его семьи и его секретарем П. П. Крючковым. Особенно интенсивной эта переписка становится в 1935–1936 гг., когда Ромен Роллан и М. П. Кудашева посетили СССР. В это время «дело Виктора Сержа» приобрело международный резонанс и оказалось в центре внимания не только прессы, но и на Парижском Конгрессе писателей в защиту культуры и в беседе Роллана со Сталиным, которая состоялась в дни работы Парижского конгресса. Однако, несмотря на обещание Сталина, данное Роллану, о высылке Сержа из СССР, его освобождение затянулось еще почти на год. Письма Кудашевой-Роллан свидетельствуют о том, что полной уверенности в том, что Сталин выполнит свое обещание, не было, и, пользуясь возможностью писать А. М. Горькому и его окружению, М. П. Кудашева, отчасти выполняя просьбу Роллана, отчасти по собственной инициативе, в своих письмах находит все новые важные аргументы в защиту В. Сержа, пытаясь добиться разрешения на его отъезд из СССР. Ее письма представляют интерес как одно из важных свидетельств защиты инакомыслящих в СССР, наряду с правозащитной деятельностью Роллана. Несмотря на сложности, возникавшие у «профессионального гуманиста» (Н. Я. Мандельштам) и его жены в попытке повлиять на политику сталинского режима, необходимо признать, что благодаря собственному авторитету и авторитету Горького, неизменно выполнявшего просьбы Роллана, им удалось добиться благополучного разрешения многих ситуаций, связанных со спасением людей по обе стороны железного занавеса. Виктор

Серж был освобожден и выслан из СССР, несмотря на заверения Е. Стасовой о том, что «Серж не выйдет никогда».

Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00557 «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920–1960-х гг. Культура и идеология».

Балабан Алина Ивановна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Взгляд с «Нового корабля» на большевизм и тоталитарную систему в России

«Новый корабль» — эмигрантское издание, на его страницах помимо художественных произведений можно обнаружить тексты, в которых авторы рассуждают о судьбе России, о значении русской культуры в мировом культурном процессе и о проблемах эмигрантского самосознания.

Название журнала было выбрано неслучайно: корабль в этом случае представляет собой символ оторванного от родных берегов сообщества. Во вступительном слове от редакции мы читаем: «...мы поняли, что нельзя достичь родных берегов без ясной воли. А ясность воли родится из ясного отношения к жизни, всестороннего и полного... Выработать это отношение есть первая задача наших дней». Так, Д. С. Мережковский представляет российскую эмиграцию в образе ковчега, только этот ковчег, по мнению автора, способен спасти будущее России. В докладе будут проанализированы статьи Д. С. Мережковского «О свободе и России» (Новый корабль. 1927. № 1), «Рыжая крыса» (Новый корабль. 1927. № 2), В. А. Злобина «Третье искушение» (Новый корабль. 1927. № 2), Л. И. Пущина «Душу потерять» (Новый корабль. 1928. № 3), заметки З. Гиппиус и др. Несмотря на то, что взгляды на большевизм и тоталитарную систему таких известных фигур Русского зарубежья во Франции, как З. Гиппиус, Д. Мережковского и Ю. Терапиано, широко изучены, полемика, касающаяся данного вопроса, развернутая на страницах «Нового корабля», заслуживает более пристального внимания ученых. При сопоставлении мнений авторов журнала можно увидеть, что несмотря на принятый «общий курс», они по-разному видят современную им российскую действительность, и общего мнения по отношению к эмигрантам, сочувствующих большевизму, у них не сложилось.

Доклад подготовлен при поддержке РГНФ. Проект РГНФ а(м) № 15-24-08001.

Гальцова Елена Дмитриевна,
д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Театр Р. Роллана и П. Клоделя в восприятии революционной культуры России конца 1910-х — начала 1920-х гг.: синтез искусств, героика, сакральное

В докладе рассматривается коллизия между стремлением к вагнеровской традиции всеобщего искусства, характерной для русской и европейской культуры рубежа XIX–XX вв., и поисками «революционного» искусства

в Советской России конца 1910-х — начала 1920-х гг. Воплощение этой коллизии мы видим в одновременной рецепции театра Ромена Роллана и Поля Клоделя, Несмотря на полную несовместимость эстетических, мировоззренческих и политических позиций, бывшие однокашники Клодель и Роллан оказываются в это время частью одного рецептивного поля советской культуры. Материалом исследования служат произведения, изданные и/или сыгранные на сцене в означенную эпоху: пьесы «Театра Революции», «Трагедии веры» и «Лилюли» Роллана, «Обмен», «Благовещение», часть Трилогии о Куфонтенах Клоделя, а также переводы и рецепция ролановского «Народного театра». Почему после Октябрьской революции в театре был большой интерес именно к иностранным пьесам, почему большим успехом пользовались пьесы о Французской революции 1789 г., каким образом контрреволюционная трилогия Клоделя могла заинтересовать вдохновителя «театрального Октября» — Вс. Мейерхольда? Как жанр мистерии соотносился с героической трагедией в ранней советской рецепции французского театра? Возможно, ответы на эти вопросы помогут глубже понять «возвращение» дружбы между писателями в 1940-е гг.

Исследование проводится в рамках работы по гранту РГНФ РГНФ № 14-04-00557-а.

Данилова Ольга Сергеевна,
к. и. н., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Образ СССР в славяноведческих периодических изданиях Франции в 1920–1930-х гг.

Французское периодическое издание «Славянский мир» (Le monde slave), просуществовавшее с 1917 по 1938 г. с перерывом на 1918–1924 гг., было первым во Франции, посвященным славянским народам, их культуре, истории, а главное, политическим устремлениям. Вокруг этого института собрались известные ученные, такие как историк Эрнест Дэни, журналист и советник Министерства иностранных дел и пропаганды Робер де Ке, и слависты Луи Леже, Жюль Легра, Луи Эйзенман, задумавшие очень амбициозный проект на ниве панславистских настроений. Цель журнала — знакомить французскую широкую публику со всеми аспектами славянского, преимущественно русского, мира. Журнал «Славянский мир» сыграл важную роль в познании разнообразия славянских народов, их прошлого и настоящего.

В рамках заданной тематики автор проанализирует в своем докладе историю возникновения издания, его редакционную политику и ее эволюцию во времени (после шестилетнего перерыва издание переориентировалось на Россию и русские вопросы), а также принцип подбора авторов (привлечение известных политических эмигрантов к написанию мемуаров) и текстов (тексты, посвященные партийным конгрессам, событийные обзоры или подборки советских документов в стиле газеты «Правда», недоступной на территории Франции). Все эти характеристики показывают, насколько данный журнал отличался от своего «коллеги» — «Журнала славянский

исследований» (La revue des études slaves), хотя и, естественно, дополнял последний. Главное различие — это присутствие политического контента на страницах больше научно-популярного и общественного, нежели научно-исследовательского и академического издания. В докладе будет представлен контент-анализ статей 1920–1930-х гг., посвященных образу СССР, дабы показать, какие представления французской общественности о Советской России тех лет были сформированы этим авторитетным изданием.

Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 15-24-08001ам.

Кёрэ Софи (Coeuré Sophie),
Ph. D., профессор, Университет Париж VII им. Дени Дидро (Франция)

Evgenia Rusakova dans la Russie révolutionnaire: double culture et identité féminine

Evgenia Aleksandrovna Rusakova (1904–1962), née à Rostov, élevée à Marseille où sa famille avait émigré en 1905, est expulsée de France en 1919 avec son père, Aleksandr Rusakov, sympathisant du bolchevisme, et toute sa famille. Cette communication reviendra sur l'itinéraire de cette jeune femme à la double culture (russe, française), voire triple culture (une identité juive largement refoulée). Quel regard porte-t-elle sur la Révolution et la guerre civile dans le témoignage autobiographique rédigé à la demande de son mari, Pierre Pascal, et publié par lui dans le 2e tome de son Journal de Russie (la traduction en russe de ce texte sera jointe à la communication)? Evgenia Russakova vécut à Moscou au coeur d'un réseau franco-russe de militants bolcheviks puis opposants à Staline, formé autour de Pierre Pascal, Victor Serge, Boris Souvarine, Marcel Body. Que nous apprennent ses correspondances mais aussi ses silences publics sur le groupe des « femmes du Komintern » et les relations de genre en communisme? Qu'en fut-il après le retour du couple Pascal à Paris en 1933, lorsqu'E. Rusakova établit de nouvelles sociabilités féminines dans les milieux de l'émigration frnaco-russe?

Легенькова Елизавета Александровна,
к. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

А. Жид в «Записных книжках» В. Сержа: от «бескорыстного действия» к мужественным поступкам

А. Жид и В. Серж познакомились лично в ноябре 1936 г. Летом этого года Серж наконец вернулся на Запад после долгого пребывания в СССР, закончившегося трехлетней оренбургской ссылкой, а А. Жид совершил свое знаменитое путешествие в СССР, и его «Возвращение из СССР» вышло 5 ноября 1936 г. Этому путешествию предшествовала публикация в майском номере «Эспри» открытого письма В. Сержа А. Жиду, которое некоторыми было расценено как ультиматум, с одной стороны, способный спровоцировать отказ А. Жида от путешествия, а с другой — как попытка привлечь французского писателя на сторону антисталинской оппозиции. В «Записных книжках»

В. Сержа, новое и дополненное издание которых вышло в 2012 г. [Serge, 2012], есть три достаточно подробных записи о его встречах с А. Жидом, которые состоялись уже после публикации «Возвращения из СССР»: первая датирована концом ноября 1936 г. и сделана в Париже, вторая — от 11 января 1937 г., сделана в Брюсселе, а третья, сделанная в Париже, датируется 8 и 18 мая 1937 г. Различие в этих записях заключается в том, что в первых двух В. Серж, как всякий мемуарист, в основном фиксирует факты, обстановку, темы бесед, а последняя, видимо, предназначавшаяся для печати, представляет собой глубокий анализ мотивов, побудивших А. Жида совершить акт гражданского мужества, опубликовав свое «Возвращение из СССР».

Доклад подготовлен при поддержке РГНФ: проект № 15-24-08001ам.

Литература:

Serge V. Carnets (1936–1947). Nouvelle édition établie par Claudio Albertani et Claude Rioux. Marseille: Agone, 2012.

Рябов Анатолий Аркадьевич,
к. филос. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Апофеоз беспочвенности, или Русская философия на французской почве: рецепции неогегельянства и экзистенциализма во Франции в 1930-е гг.

В 20–30-х гг. XX в. в интеллектуальной жизни Франции наблюдается небывалый интерес к творчеству отдельных русских мыслителей-эмигрантов, оказавшихся волею судеб в это время в Париже. Речь идет о таких известных русских мыслителях, философах русского зарубежья, как Н. Бердяев, В. Зеньковский, Г. Флоровский, Л. Шестов, Б. Вышеславцев, и менее известных, таких как А. Койре и А. Кожев. Особую роль в развитии этого интереса сыграли деятельность А. Кожева в его знаменитом семинаре по «Феноменологии духа» Гегеля и позднее творчество Л. Шестова, посвященное философии Кьеркегора и Гегеля. При этом следует иметь в виду, что оба этих мыслителя представляли разные поколения русских философов, и речь идет не только о значительной разнице в возрасте, но и, главным образом, о принципиальных расхождениях в понимании мира. Если для А. Кожева философия — это, прежде всего, рациональное мировоззрение, то у Л. Шестова с самого начала его творчества доминировало иррационально-религиозное понимание философии, граничащее с мисологизмом и восходящее к знаменитому тезису К. Тертуллиана: «верую, ибо абсурдно». Семинары А. Кожева оказали серьезное влияние на таких видных французских мыслителей, как Ж. Батай, А. Бретон, Ж. Ипполит, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти и др. Что же касается влияния идей Л. Шестова, то оно прослеживается, прежде всего, в творчестве А. Камю, С. Вейль, С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра и других мыслителей. Парадоксальным образом противоположные философские интенции этих русских мыслителей, в конечном счете, оказали существенное влияние на формирование таких важнейших направлений во французской философии XX в., как феноменология и экзистенциализм.

Рябова Людмила Константиновна,
к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Теория исторического процесса: французская и русская школы в 1920–1930-х гг.

В развитии теории исторического процесса и методологии истории первая треть XX в. стала знаковой в силу того признания и влияния, которое получили идеи основателей французской школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра. Вместе с тем в отечественной методологии истории уже в конце XIX — начале XX в. в работах русских историков и философов были выдвинуты идеи и разработаны концепции, близкие французским. В частности, неокантианская модель теории исторического процесса развивалась в трудах А. С. Лаппо-Данилевского, В. М. Хвостова и других ученых. Несмотря на то, что после революции 1917 г. в Советской России традиция развития теории истории была прервана, и марксистская методология стала господствующей (и единственной), а развитие исторического познания шло в русле эмигрантской историографии, в наследии советских историков 1920–1930-х гг. прослеживается внимание к теориям западных историков, французских в т. ч. и если на страницах советских исторических журналов, таких, например, как «Историк-марксист», были невозможны какие-либо обсуждения в академическом стиле (без «критики буржуазных теорий») взглядов европейских теоретиков, то в работах советских историков, преимущественно неопубликованных в те годы, можно найти свидетельства их знакомства со взглядами французских авторов первой трети XX в. В этом отношении интересно наследие Н. И. Кареева, Р. Ю. Виппера, С. Ф. Платонова (в частности, при его участии в 1920-х гг. издавались исторические журналы «Анналы», «Русский исторический вестник» и ряд других), Н. А. Рожкова, 12-томная работа которого «Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)» не укладывалась в строгие рамки марксистской методологии истории. Работы этих и ряда других историков могут служить примером интеллектуального диалога ученых в традициях развития научных школ стран, разделенных границами идеологии.

Семенова Наталья Валерьевна,
к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Л. Муссинак и ГОСЕТ

10 ноября 1934 г. в Московском государственном еврейском театре (ГОСЕТ) состоялась премьера спектакля «Миллионер, дантист и бедняк» по водевилю Э. Лабиша и Ф. Жиля «30 миллионов гладиатора» (1875). Постановку осуществил приглашенный ГОСЕТом французский режиссер, кинокритик и писатель Л. Муссинак.

Несколькими месяцами ранее Муссинак отправился на гастроли с ГОСЕТом в Тбилиси. Данный опыт лег в основу его литературного дневника — «В турне вместе с советскими актерами» (1935) — популярного

жанра в 1930-е гг. Репетиции водевиля, труппа театра и шире — советская действительность описываются отстраненно, с позиции вовлеченного в процесс дистанцированного наблюдателя.

Особенности восприятия Муссинаком советской театральной творческой среды и история постановки водевиля являются предметом доклада.

Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 15-24-08001 а(м).

Слуцкая Людмила Владимировна,
к. и. н., доцент, Беларусский государственный университет (Минск, Беларусь)

«Темное пятно» на репутации Коминтерна: дело об исчезнувших французских делегатах

Почти 100 лет прошло со времени образования Коминтерна, но до сих пор в его истории скрыто немало тайн. К числу таких тайн относится загадочное исчезновение трех французских делегатов: социалиста Раймона Лефевра и анархистов-синдикалистов Берто Лепти и Марселя Вержа, возвращавшихся после II конгресса из Советской России на родину. В ходе конгресса французские анархо-синдикалисты не поддержали лозунг диктатуры пролетариата и выступили против требуемого большевиками немедленного разрыва с реформизмом и центризмом. Лефевр, Вержа и Лепти были разочарованы положением советских рабочих и не скрывали этого.

Обстоятельства их гибели и точная дата смерти не установлены до сих пор. Согласно официальной версии, они погибли во время бури в Баренцевом море 1 октября 1920 г., возвращаясь во Францию. Советские власти сделали из французских делегатов первых мучеников, отдавших свою жизнь за идеи коммунизма, а в их гибели обвинили агентов Антанты. Анализ архивных документов и воспоминаний участников конгресса, хорошо знавших французских делегатов, позволяет усомниться в истинности официальной версии.

Бесследное исчезновение французских делегатов вызвало большой общественный резонанс не только во Франции и Европе, но и в самом Коминтерне. Буквально сразу после известия о гибели Лефевра, Вержа и Лепти появилась версия их сознательной ликвидации советским руководством, на которой настаивали французские газеты правого толка [Les trois pèlerines assasinés, 1921; Les Soviets on fait assasiner Lepetit, Lefevre et Vergeat, 1921]. Наиболее последовательно и доказательно эта версия нашла свое отражение в воспоминаниях члена французской группы коммунистов в Москве Марселя Боди, а также в книге «Неизвестная революция» российского анархо-коммуниста Всеволода Волина, которые были знакомы с французскими делегатами.

Боди в своих мемуарах прямо связывает гибель троих с деятельностью Чрезвычайной комиссии (ЧК): «...В чем я уверен, так это в том, что нельзя было допустить, чтобы известные люди, сверх того влиятельные и ставшие по собственному опыту решительными противниками системы и методов, которые они могли разоблачить с такой силой и убеждением, вернулись во Францию» [Body, 1981].

Было ли это исчезновение преступлением, намеренным устранением несогласных с политической арены — этот вопрос остается открытым, вещественных доказательств убийства Лефевра, Лепти и Вержа нет. Следствие по этому делу не проводилось. Вполне можно допустить, что они поплатились жизнью за свое несогласие с политикой, проводимой большевиками.

Литература:

1. *Body M.* Un piano en bouleau de Carelie. Mes années de Russie 1917–1927. Paris, 1981.
2. Les Soviets on fait assasiner Lepetit, Lefevre et Vergeat // L'Ouest-Eclair. 21.01.1921.
3. Les trois pèlerines assasinés. Comment Lefebvre, Lepetit et Vergeat furent noyés // Le Figaro. 21.01.1921.

Тайманова Татьяна Соломоновна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ш. Пеги «О Жане Косте»: к вопросу о генезисе антитоталитарной мысли

В дневниках Жана Геенно (французского левого интеллектуала, писателя, литературного критика), хранящихся в архивах Французской национальной библиотеки, находятся несколько отрывочных записей, свидетельствующих о том, что во время своей работы над проектом «Ленин» (проект не был завешен) он неоднократно обращался к текстам Шарля Пеги, в частности, к его эссе «О Жане Косте» (De Jean Coste, 1902). В этом эссе, вышедшем в ответ на критику опубликованного романа Антонена Лаверня «Жан Кост или сельский учитель» (1901), Пеги рассуждает об опасности наступления тоталитаризма в религиозно-философском контексте. Строки, которые отмечает в этом эссе Геенно, касаются, прежде всего, разграничения понятий бедности и нищеты. Эти понятия Пеги соотносит с республиканским лозунгом «Свобода, равенство, братство». Его рассуждения отсылают нас, с одной стороны, к идеям утопического социализма Пьера Леру, а с другой, заставляют задуматься о воплощении данного лозунга в условиях тоталитарных государственных систем XX в.

Тайманова Татьяна Соломоновна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Чепига Валентина Петровна,
к. ф. н., преподаватель, Государственный институт восточных языков и культур (Париж, Франция)

Суваризм. Эволюция vs. революция

На протяжении всей своей карьеры, как политической, так и журналистской, Б. Суварин занимался наблюдениями, анализом и комментированием понятия «сталинизма». Труд Б. Суварина о Сталине привлекал внимание в разные периоды представителей как ультралевых «неленини-

стов», так и некоторых социалистов и синдикалистов. Самого Б. Суварина интересовали, в т. ч., терминологические приемы, связанные с данным историческим явлением. Не являясь лингвистом, Б. Суварин не анализировал эксплицитно те лингвистические приемы, которые сам использовал для создания образа Сталина и других политических деятелей, связанных с ним. В 1927 г. Б. Суварин называет исследуемое им явление, используя выражение «politique stalinienne» (сталинская политика), а в 1935 г. использует уже и термин «сталинизм». Понятием «сталинизм» Б. Суварин занимался всю жизнь, меняя ракурс исследования, занимая крайние точки зрения. Для своих статей Б. Суварин часто выбирает литературные аллюзии, характерные скорее для публицистического стиля, например, разрабатывает образ Калигулы, которого, как писал Светоний, природа *создала словно затем, чтобы показать, на что способны безграничная порочность в сочетании с безграничной властью... Автор также* применяет некоторые приемы журналистики: приводит точные цифры, использует статистику, дает выписки из медицинской энциклопедии. Эти и подобные примеры рассматриваются в выступлении, основанном на анализе труда Б. Суварина «Сталин» и корпуса статей 1920–1977 гг.

Фокин Сергей Леонидович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Л.-Ф. Селин: между немцами и русскими

1. Один из самых устойчивых мифов в восприятии образа Л.-Ф. Селина сводится к распространенному мнению, согласно которому писатель, прошедший через трагический опыт Великой войны (1914–1918), был убежденным анархистом и пацифистом, отказывавшимся принять чью-либо сторону в политических конфликтах 1930-х гг., вылившихся в новую мировую войну.
2. Анализ литературных документов, прежде всего т. н. «Полемических сочинений» (Bagatelles pour un massacre, 1937, L'École des cadavres, 1938, Les Beaux draps, 1941), а также переписки и критический выступлений обнаруживает, тем не менее, определенную динамику роста политического самосознания писателя, живо реагировавшего на противостояние большевистской России и национал-социалистической Германии, которое образовывало главный нерв европейской политической жизни тех лет. В этом плане важным представляется то обстоятельство, что мысль Селина, в отличие, например, от П. Дриё Ла Рошеля, направлена не столько на характеристики отдельных политических режимов или деятелей (большевизм и Сталин, национал-социализм и Гитлер, фашизм и Муссолини), сколько на постижение национальных или даже расовых элементов того или иного народа (русские, немцы, итальянцы), которые обрели соответствующие воплощения в современных государственных институтах.
3. В политических построениях Селина 1930-х гг., которые могут выглядеть довольно анархичными, беспартийными и хаотичными, доми-

нирует т. н. «медицинская точка зрения», определявшая его видение человека в понятиях природы, рода, расы, а также — здоровья и болезни. Для Селина писателя-врача люди суть носители заразы, вот почему политические институты он также характеризует в терминах жизнеспособности или болезнетворности. Не питая иллюзий относительно современной французской республиканской системы, которая представляется ему разложившейся из-за доминирующего влияния «еврейской партии», Селин, тем не менее, тяготеет к некоей коренной, почвеннической «французскости», которую он рассматривает не сквозь призму утонченного «французского духа», а через своего рода «французское тело», «французскую натуру»: отсюда его устойчивое внимание к Рабле, Золя и... Прусту.

4. В русских и немцах он также ищет каких-то устойчивых природных элементов, отсюда его повышенное внимание к тем писателям, которые могут представать как выразители каких-то исконных народных стихий: Достоевский в России, Гёте в Германии; вместе с тем такая установка не исключает внимания к современному искусству этих стран, но главное — повышенного интереса к повседневной жизни больших городов: Ленинграда и Берлина.

Харитонова Наталия Юрьевна,
Ph. D., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

К истории публикации «Возвращения из СССР» А. Жида: взгляд из Кремля

После своего посещения СССР, в 1936 г. Андре Жид пишет свою книгу «Возвращение из СССР». В СССР было хорошо известно, что он работает над травелогом и что представление о Стране Советов, которое рождалось под его пером, было весьма далеко от апологии советского режима. За всей историей тщательно следили в кремлевских кабинетах. И. Эренбург предупреждал в конце сентября 1936 г. о планах Жида и об «антисоветском содержании» книги. При этом Эренбург был не единственным информатором Кремля. Советские представители тщетно пытались убедить Жида не печатать своей книги. Функционерами даже предпринимались попытки смягчить ситуацию и, к примеру, вернуть вещи Э. Дабита его матери, чтобы тем самым «успокоить» критически настроенного писателя. Однако Жид был непреклонен и публикация состоялась.

О том значении, какое имело происходящее для СССР, свидетельствуют документы, лежащие в отечественных архивах. Сталину передается содержание предисловия к книге, опубликованного в «Вандреди», которое служило своеобразным анонсом «Возвращения из СССР». При этом информаторы специально подчеркивали антисталинский характер этого эссе. Тогда же, в конце 1936 г., был специально осуществлен ознакомительный перевод книги на русский язык. Советы интересовала и реакция французской печати на публикацию книги. Дело Жида постоянно обрастало документами и свидетельствами людей, которые были в известном смысле связаны

с организацией поездки французского писателя в Советский Союз и, тем самым, оказывались причастны к истории этого самого громкого случая диссиденства западного «друга СССР» в предвоенный период. Тогда же советские представители пытаются разобраться в произошедшем.

Однако т. к. с самого начала «перехода» Жида в «стан друзей Советского Союза» и внутренние документы, и советская печать значительно искажали информацию, сосредотачиваясь только на выгодных для СССР обстоятельствах дела, партийным идеологам, стремящимся к успеху культурной дипломатии своей страны, пришлось пожинать в 1936 г. плоды своей непроницательности. История появления в печати книги А. Жида и то внимание, которое уделялось в Кремле этому вопросу, дальнейшее развитие событий, связанных с созывом Международного съезда в защиту культуры в 1937 г. в Испании, наглядно демонстрирует, что идея контроля литературного и культурного поля могла успешно реализовываться только в СССР. Но Советам не удалось осуществить свою программу на Западе. В этом смысле в случае с книгой «Возвращение из СССР» Жида следует говорить об очевидном провале установки на контроль над западными интеллектуалами и стратегий советской культурной дипломатии.

Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ 14-04-00557а «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920–1960-х гг. Культура и идеология».

Эльц Елена Эдуардовна,
к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Задачи русского искусства за границами СССР»: культурно-просветительская деятельность Г. К. Лукомского во Франции

Художник, искусствовед, выдающийся общественный деятель Г. К. Лукомский оказался в 1919 г. за пределами России, разделив судьбу с той частью интеллигенции, которая получила название «культурной эмиграции». Уникальность сообщества первой волны русской эмиграции 1920–1930-х гг. состояла в поставленной сверхзадаче сохранять и развивать русскую культуру в традициях Серебряного века в инокультурном, инонациональном окружении. Особую роль в деле сохранения и передачи культурных традиций приобретает публицистическое слово: газеты, книги, журналы. Важнейшим наследием Лукомского стало участие в эмигрантских изданиях «Жар-птица», «Последние новости», а также французской периодике «Beaux-arts», «L'amour de l'art». Он был секретарем парижской группы «Мир искусства», которой отдала свои художественные предпочтения не только эмигрантская, но и французская публика. Известна роль Георгия Крескентьевича в организации художественных выставок в Париже.

Осуществив неоценимый вклад в сохранение наследия в революционные годы, он выступает от имени русской эмиграции и одновременно формирует образ Советской России. Усиленное внимание, уделяемое пропаганде и дипломатии в 1920-е гг., прослеживаются и в двух книгах Луком-

ского «Художник и революция» и «Задачи русского искусства за границами СССР», изданных в Берлине в 1923 и в Париже 1926 г. соответственно. Они являют собой уникальный пример нового понимания роли искусства, активно задействованного в международном культурном обмене. Лукомский ревностно отстаивает необходимость широкой демонстрации в Европе творчества России и СССР. Несмотря на то, что идея организации художественных выставок за границей была не нова, рекомендации Лукомского свидетельствуют именно о новой роли изобразительного искусства. «Миновала эпоха войны <…> Кончаются реформы в области искусства <…> Надо же, наконец, достойно показать и старое творчество России, и новое — СССР во всех его проявлениях и всюду: в музеях, на выставках! Задача эта очередная… задача в плане государственном ответственная и очень важная, важнее, чем это принято считать <…> По искусству иностранцы будут судить о многом ином <…> Ближайшими задачами является <…> участие в международных выставках». Лукомский настаивает на создании за границей русских представительств в области искусства. Мастерские искусств, российский институт наук и искусств должны поднять престиж России. «Пора, — пишет искусствовед, — поддержать и двинуть русскую науку об искусстве. Пора информировать З. Европу о работе наших музеев, Академий и архитекторов». Дары должны способствовать усилению международного культурного обмена. Очевидно, что мысли Лукомского намного опережали политику советского руководства, которое оказалось еще не готово к формулировке таких конкретных и четких задач.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 3

ДИСКУССИОННЫЕ ПЛОЩАДКИ 5

Женщина в западной литературе: автор, героиня, исследователь 5
Основания историзирующего прочтения 46
Проблема национального литературного канона 55

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ 59

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ 59

Литературная культура России XVIII в. 59
Литературный процесс в России первой половины XX в. 69
Русский литературный процесс XIX в. 79

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ 97

Русский язык как иностранный и методика его преподавания 97
Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков 139
Тестология 173

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ 186

Грамматика и лексикон 186
История языкознания. 210
Психолингвистика. 218
Социолингвистика 234
Сравнительная поэтика 249
Фонология 259

РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА 265

Грамматика (Романо-германистика) 265
Дискурс и вариативность английского языка 287

История языка (Романо-германистика) 304
Лексикология и фразеология (Романо-германистика) 314

РУССКИЙ ЯЗЫК 355

Актуальные вопросы изучения грамматики (Русско-славянский цикл) 355
История русского языка и письменности 373
Когнитивная лингвистика 385
Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл) 394
Русская диалектология 402
Стилистика 416

СЛАВИСТИКА 431

Андреевские чтения (Славянские литературы и литературные взаимосвязи) 431
Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики 440
Славяно-германская компаративистика 452
Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс) 460
Славянское языкознание 494

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 502

Актуальные проблемы переводоведения 502
Литературный перевод 520
Проблемы методики преподавания перевода 531

ДРУГИЕ СЕКЦИИ 538

Балканистика, неоэллинистика и византинистика 538
Библия и христианская письменность 562
Кино|текст: пространство фильма 576
Классическая филология 606
Полевая лингвистика 615
Прикладная и математическая лингвистика 629
Проблемы модерна и постмодерна 647
Уралистика 665
Феноменологические подходы в фольклористике и антропологии. Памяти Татьяны Александровны Бернштам 680
Фонетика 692
Французские чтения: кросс-культурная коммуникация между Россией и Францией 707